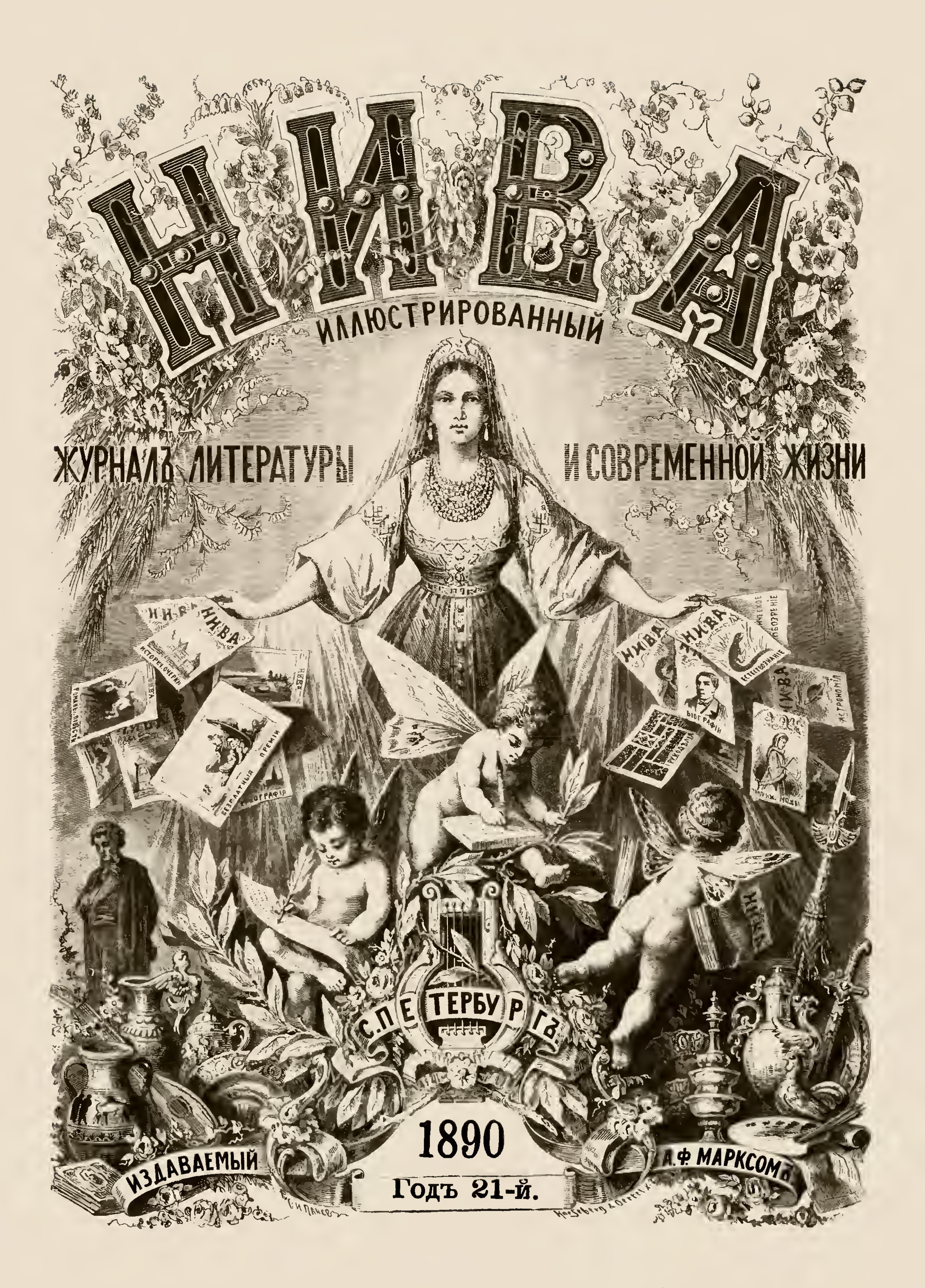

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
1890
ИЗДАВАЕМЫЙ
А.Ф. МАРКСОМЪ
Годъ 21-й.

XXI г. | № 35 — г. XXI | 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 1 сентября 1890 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Камея Флаксмана

Соколъ.

Стихотвореніе **І. І. Ясинскаго.**

Ѣдетъ князь съ своей дружиной,
Ѣдетъ степью половецкой,
Желтой, знойной и пустынной;
Держитъ дротикъ муржамецкій.

А поодаль, приникая
Къ гривѣ быстрой кобылицы,
Мчится, тамъ и здѣсь мелькая,
Ханъ изъ войлочной столицы.

«Какъ-бы сокола уцѣлить
«Золоченою стрѣлою?
«Вишь, кругомъ какая челядь
«Подъ кольчугою стальною!

«Или намъ силокъ разставить?
«Скучно князю ѣхать степью!
«Дѣвой красной позабавить,
«Да потомъ и спутать цѣпью!»

Но ему другой ханъ—съ гнѣвомъ:
«Говоришь ты, ханъ, не гоже!
«Не пускай ты князя къ дѣвамъ
«И держи-ка ихъ построже!

«Коль онѣ ему по нраву—
«Половецкимъ ханамъ горе!
«Кликнетъ рать и здѣсь на славу
«Погуляетъ на просторѣ!

«Онъ добычу всѣмъ добудетъ—
«Много сабель молодецкихъ!
«И ни сокола не будетъ,
«Ни красавицъ половецкихъ!»

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. (Продолженіе).

Домъ „въ полтора кирпича,“ какъ его называла московская печать, былъ уже конченъ, его оставалось только оштукатурить и отдѣлать. Надо отдать справедливость Курцу. Онъ, за послѣднее время, точно желая въ самомъ себѣ убить волною подымавшіяся тяжелыя предчувствія, изводился—и дневалъ и ночевалъ вмѣстѣ съ архитекторомъ на постройкахъ... Теперь больше чѣмъ когда-нибудь рабочіе торопились. Дѣло кипѣло у нихъ подъ руками.

— Скоро и лѣса снимутъ? спросилъ Сластеновъ.

— Еще нѣсколько деньковъ—и шабашъ. Мы удвоимъ количество народа... Боголюбъ Боголюбовичъ требуетъ непремѣнно, чтобы все было къ лѣту готово. Вотъ вамъ и предсказанія... Повѣрить бы этимъ писакамъ—давнобы ему развалиться надо было.

— Ну, слава Богу!.. Я признаться тоже боялся... замѣтилъ Сластеновъ.

— Чего тутъ еще! Не впервой строимъ.

Сластеновъ приказалъ ѣхать въ контору.

Временное помѣщеніе „Каспійско-Черноморскаго общества водяной коммуникаціи“ кишмя-кишѣло сегодня народомъ.

— Боголюбъ Боголюбовичъ здѣсь? спросилъ онъ.

— Съ утра съ самаго.— Въ кипяткѣ кипятъ! отвѣтилъ, улыбаясь, какой-то конторщикъ.

— Можно его видѣть?

— Пожалуйте... Въ кабинетѣ они...

Галопъ дѣйствительно кипѣлъ въ кипяткѣ. Выдался очень ужь хлопотной день.

— Повѣрите, однихъ инженеровъ удовлетворилъ я сегодня сорокъ пять... Всѣмъ дай объясненіе, однихъ провѣрь, другіе требуютъ инструкцій, дополнительныхъ съемокъ, указаній.

— Давно-ли вы инженеромъ стали? улыбнулся Сластеновъ.—Что-то прежде не зналъ я за вами этого.

— Я?.. удивился Боголюбъ Боголюбовичъ.—Да я, если понадобится, завтра стенографомъ буду, а послѣ-завтра, пошлите меня арміей командовать — лицомъ въ грязь не ударю. Развѣ боги горшки обжигаютъ? Потомъ отъ министерства чиновники являлись. Повѣрки тамъ разныя, свѣдѣнія имъ нужны, запросы всякіе. Ну съ этими дѣло проще. Бумагу у меня и служащіе написать съумѣютъ. Луковнинъ, Лоскутниковъ пріѣзжали... Тоже капиталами участвуютъ въ нашемъ дѣлѣ. Съ ними возился. А теперь — вонъ... Несчастіе у насъ маленькое...

— Что еще?

— Да во второмъ участкѣ работъ. Сползла одна профиль...

— Что такое? изумился Сластеновъ.

— Бокъ неудачно подрыли... Песокъ оказался—скалы и твердая горная порода сползли, да семь человѣкъ рабочихъ и придавили...

— До смерти?

— Да... Разумѣется не въ обморокъ упали... Природа-то вѣдь не шутитъ. Хлопотъ не оберешься теперь. Слѣдователь, телеграфируютъ, потребовалъ инженеровъ—изслѣдовать, правильно-ли производились работы.

— И что-же?

На губахъ у Боголюбъ Боголюбовича показалась лукавая улыбка.

— Инженеры вѣдь изъ другой оперы... Съ желѣзной дороги... А все люди... У меня тамъ ловкій человѣкъ сидитъ. Поговорилъ по душѣ съ ними. Слава Богу—изъ молодыхъ тамъ никого. Молодые-то съ фанаберіей. Съ ними не столкуешься. А эти, знаете, старики, народъ основательный, у каждаго семья на шеѣ... Ну понятно—воленъ-зи-хапенъ... Маленькое перемѣщеніе изъ одного кармана въ другой и окажется, что рабочіе и не могли не задохнуться подъ землей. Погибли по всѣмъ правиламъ инженерной науки и по самоновѣйшимъ научнымъ пріемамъ, какъ слѣдуетъ. Слѣдователь—изъ молодыхъ, рьяный. Ну, мы его на чемъ-нибудь самого изловимъ. У меня тамъ Плюсовъ племянникъ есть. Образованный молодой человѣкъ — можетъ кого угодно до бѣлаго каленія однимъ своимъ тономъ довести. Онъ этого слѣдователя на дыбы такъ поставитъ, что тотъ съума спятитъ сразу, да какого-нибудь козла и выкинетъ—а мы сейчасъ же жалобу.

— Ну а рабочіе-то, рабочіе? волновался Сластеновъ.

— Рабочіе что-жь... Рабочіе, я вамъ говорю, умерли по всѣмъ правиламъ современнаго инженернаго искусства. Что-же съ нихъ взять... Положимъ, намъ непріятность, но вѣдь съ мертвыхъ не взыщешь.

— Да я не о томъ, Господи! Нельзя же ихъ такъ оставить.

— Ихъ и не оставили. Вчера землѣ предали...

— Неужели вы меня не понимаете? Вѣдь у нихъ остались семьи — телеграфируйте сейчасъ, чтобы годовой заработокъ выдали имъ и увѣдомьте ихъ, что они будутъ получать какъ...

— Постойте... постойте! прервалъ его Галопъ.—Это разумѣется очень великодушно, но вы прямо такимъ образомъ въ пасть къ слѣдователю влетите.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Значитъ виновны, коли безъ процесса сами согласны впередъ на все.

— Разумѣется виновны.

— Но заслуживаемъ снисхожденія! засмѣялся Курцъ.— Не сами же мы рыли ямы.

— Во всякомъ случаѣ, я на свой счетъ принимаю это... Да мнѣ и дѣла нѣтъ до отвѣтственности. Не я рылъ, а такихъ инженеровъ, которые дѣлали это, если ихъ и приструнятъ,—отлично будетъ. Во всякомъ случаѣ, я требую этого, понимаете! Иначе я выйду изъ компаніи, и дѣлайте вы безъ меня, чортъ возьми, что̀ хотите... А я съ вами душегубствовать не стану.

— Какъ хотите! пожалъ плечами Галопъ, а самъ про себя думалъ: „Откуда у него это? Что-то не похоже на прежняго Сластенова... Неужели растетъ мальчикъ? Бѣда, если опомнится, да вздумаетъ самъ входить во все“.—Еще у насъ есть потеря.

— Какая?

— Плотину, которую мы соорудили по Кубани... снесло разливомъ...

— Я этого не понимаю... Снесло—опять построютъ.

— Поймете, какъ я вамъ цифру скажу... Тысячъ на пятьсотъ насъ наказала эта паскудная рѣченка. Какъ вамъ это нравится—это и по курсу куда болѣе милліона франковъ выходитъ.

— Значитъ скверно строено. Слѣдуетъ выгнать инженеровъ. Вообще, мнѣ кажется, что у насъ выборъ ихъ плохъ.

— Нѣтъ, тамъ Приходзькинъ братъ орудуетъ... А онъ первымъ изъ Инженерной Академіи выпущенъ. Кому же и вѣрить, какъ не ему. Надо теперь третьяго несчастія ждать.

— Почему?

— Такъ, несчастія никогда не приходятъ по одиночкѣ. Всегда три, а потомъ опять удача надолго... Потомъ мы на курьерскихъ впередъ сломя голову! Шире дорогу!

— Всегда, вы говорите, три?.. спросилъ Василій Герасимовичъ.

— Да, ужь это такъ.

„Значитъ у меня одно ужь было. Остается еще два!.. Гдѣ-то она теперь?“ промелькнуло въ его головѣ, и чудное личико Прасковьи Яковлевны, на зло разстоянію, такъ и засіяло ему издалека.

II.

„Несчастіе никогда одно не приходитъ!“ повторялъ Василій Герасимовичъ. „Всегда до трехъ. Что-жь теперь остается послѣ того, какъ она оставила меня одного. Какое же еще можетъ быть хуже этого?..“ И какія-то тяжелыя, смутныя предчувствія незамѣтно проникали въ его сердце, сжимая его безотчетною тоскою. Ему страшно казалось именно сегодня оставаться одному. Куда-нибудь, только не къ себѣ, не въ эти пышныя и пустынныя комнаты, гдѣ послѣ отъѣзда Прасковьи Яковлевны стало мертво и глухо какъ на кладбищѣ. Не будь такъ занятъ Боголюбъ Боголюбовичъ, онъ бы захватилъ его съ собою. Театра Василій Герасимовичъ не любилъ. На его разбитые нервы сцена дѣйствовала слишкомъ раздражительно. Зрѣлище всякихъ страданій съ подмостокъ дѣлалось еще ужаснѣе. Смѣяться онъ не умѣлъ тоже, и поэтому легкій репертуаръ совсѣмъ не привлекалъ его. Да сверхъ того молодой милліонеръ, хотя и сильно измѣнившійся за послѣднее время, все-таки до сихъ поръ оставался застѣнчивъ до смѣшнаго. Ему казались невыносимыми: завистливые и просто любопытные взгляды, толпа окружавшая его повсюду и жадно всматривавшаяся ему въ лицо, точно на немъ была написана разгадка того, какъ досталось это страшное богатство такому безцвѣтному и незамѣтному человѣку, какимъ былъ Сластеновъ. Кромѣ того, онъ зналъ, что въ этой толпѣ найдется нѣсколько безцеремонныхъ людей, которые обмѣняются на его счетъ замѣчаніями вслухъ или прямо обратятся къ нему. Были и такіе, какъ репортеръ Трепетовъ, еще сегодня у самаго полутора-кирпичнаго дома погрозившій ему кулакомъ. Не то, чтобы онъ боялся ихъ— подъ вліяніемъ горя онъ окрѣпъ и осмѣлѣлъ—ему просто не по душѣ было все это. Доѣхавъ до Тверскаго бульвара, Сластеновъ сошелъ съ дрожекъ и сѣлъ на одну изъ скамей. Небо сжалилось надъ нимъ и надъ его одиночествомъ. Не успѣлъ онъ еще всмотрѣться своими подслѣповатыми глазами въ толпу, сновавшую по бульвару, какъ издали двинулся прямо на него, широко раскинувъ свои объятія, умиленный и счастливый „генералъ въ запасѣ“ Водохлѣбовъ. Водохлѣбовъ шелъ съ другимъ, толстымъ и несуразнымъ москвичемъ, и замѣтивъ Сластенова вдали, искренно обрадовался, рѣшая въ головѣ вопросъ: захватилъ-ли Василій Герасимовичъ съ собою книжку чековъ или нѣтъ.

— Ну, слава Богу... слава Богу... почтеннѣйшій, драгоцѣннѣйшій благодѣтель!.. Я ужь думалъ больны вы. Заѣзжалъ—швейцаръ не пустилъ. Говоритъ: важными дѣлами занятъ и не принимаетъ. Чѣмъ это такъ? Должно быть какимъ-либо новенькимъ предпріятіемъ думаете осчастливить отечество?

— Нѣтъ... Такъ, не хорошо себя чувствовалъ.

— Позвольте представить вамъ — умнѣйшая голова! И онъ издали поманилъ толстяка пальцемъ.

— Капитонъ Капитоновичъ Дроновъ... покровитель искусствъ... А Василія Герасимовича я ужь тебѣ не называю, кто его не знаетъ... избранника судьбы... Капитонъ Капитоновичъ, садись, братъ.

Покровитель искусствъ засопѣлъ и сѣлъ рядомъ со Сластеновымъ.

— Съ дядюшкой вашимъ, Арсеніемъ Николаевичемъ, дружили когда-то... хлѣбъ-соль водили. А съ вами еще не имѣлъ чести... Должно-быть уединенную жизнь ведете?

— Созерцательную и философскую!—И Водохлѣбовъ уперъ въ небо указательный перстъ.—Что-жь, я это понимаю. Я самъ за астрономію стою!

— Да, я больше дома сижу, подтвердилъ Василій Герасимовичъ.

— Вамъ поди и лѣтъ-то... еще не перевалило за тридцать?.. А вы бы, какъ и я-же, покровительствомъ искусствъ занялись... а?.. Что-бы вамъ въ самомъ дѣлѣ?.. а?..

— Вы какимъ-же это—живописи?

— Ну, вотъ... Невидаль!.. Скажите пожалуйста... Я—главнѣй всего вокальному и пластическому... То-есть, выражу кратко: обожаю цыганское пѣніе и пляску.

— Ахъ, вотъ какъ! засмѣялся Сластеновъ.

— Судя по вашему смѣху — вы къ цыганамъ относитесь ядовито, а?

— То-есть нѣтъ, не ядовито... Я вамъ правду скажу: я не слыхалъ ихъ еще ни разу.

— Чего-съ? выпучилъ свои бѣльма Дроновъ.

— Говорю... никогда еще не слыхалъ. Не случалось. Чему вы это?

— Въ Москвѣ... при мильонахъ, не случалось! Батюшка, да какъ же вы это живете? Да покойный Арсеній Николаевичъ васъ бы за это какъ прошпынялъ! Чудны дѣла Твои, Господи... Да ему опослѣ того и въ могилѣ покою не будетъ... Ни у Яра, ни въ Мавританіи, ни въ Грузинѣ?..

— Нигдѣ, нигдѣ!

— Да что-жь это за вѣкъ такой! Да вы, государь мой, и географіи-то Москвы толкомъ не знаете? Слышалъ ты это, генералъ?

— Василію Герасимовичу не о томъ думать. Это намъ съ тобою... А онъ высшими государственными соображеніями занятъ. Вонъ онъ какъ. Нечего тебѣ и приставать къ нему съ глупостями.

— Нѣтъ, это зачѣмъ-же-съ! не унимался покровитель искусствъ.—Знаете, Василій Герасимовичъ, вы ужь меня извините, а я васъ сегодня не выпущу... Никакъ не выпущу. Чайку мы у меня напьемся—я здѣсь же, вотъ на Тверскомъ моя хатка,—а отъ меня въ надлежащее время спосылаемъ мы къ Ечкину за тройками и поѣдемъ къ Яру. Тамъ, я скажу вамъ, такія есть...

— Какъ-же, какъ-же! подтвердилъ Водохлѣбовъ.—Цыганская Патти—Матрешка Дуй-Гора! Сколько разъ у меня въ манежѣ въ пользу бѣдныхъ пѣла. Дѣвица обстоятельная. Однихъ брильянтовъ у нея тысячъ на полтораста...

— А цыганскій Мазини? восхищался Дроновъ.

— Ерофей-то?.. Такъ поетъ, такъ поетъ... Ни въ одномъ глазѣ не былъ въ послѣдній разъ—а правду скажу, слезой меня прошибло! Взялъ я его за мордашку, да прямо, пса, въ рожу самую поцѣловалъ. Вотъ онъ какой, Глотовъ-то!

— Глотова бы да Матрешку — если-бы за-границы пустить!

— Съума бы всѣ спятили.

— Потому таланты—настоящіе!..

— Мнѣ не знать! оскорблялся Водохлѣбовъ.—Да я что-что, а талантъ отличу издали. Я самъ за астрономію.

— Нѣтъ, вотъ что, други мои любезные, къ себѣ я васъ не зову.

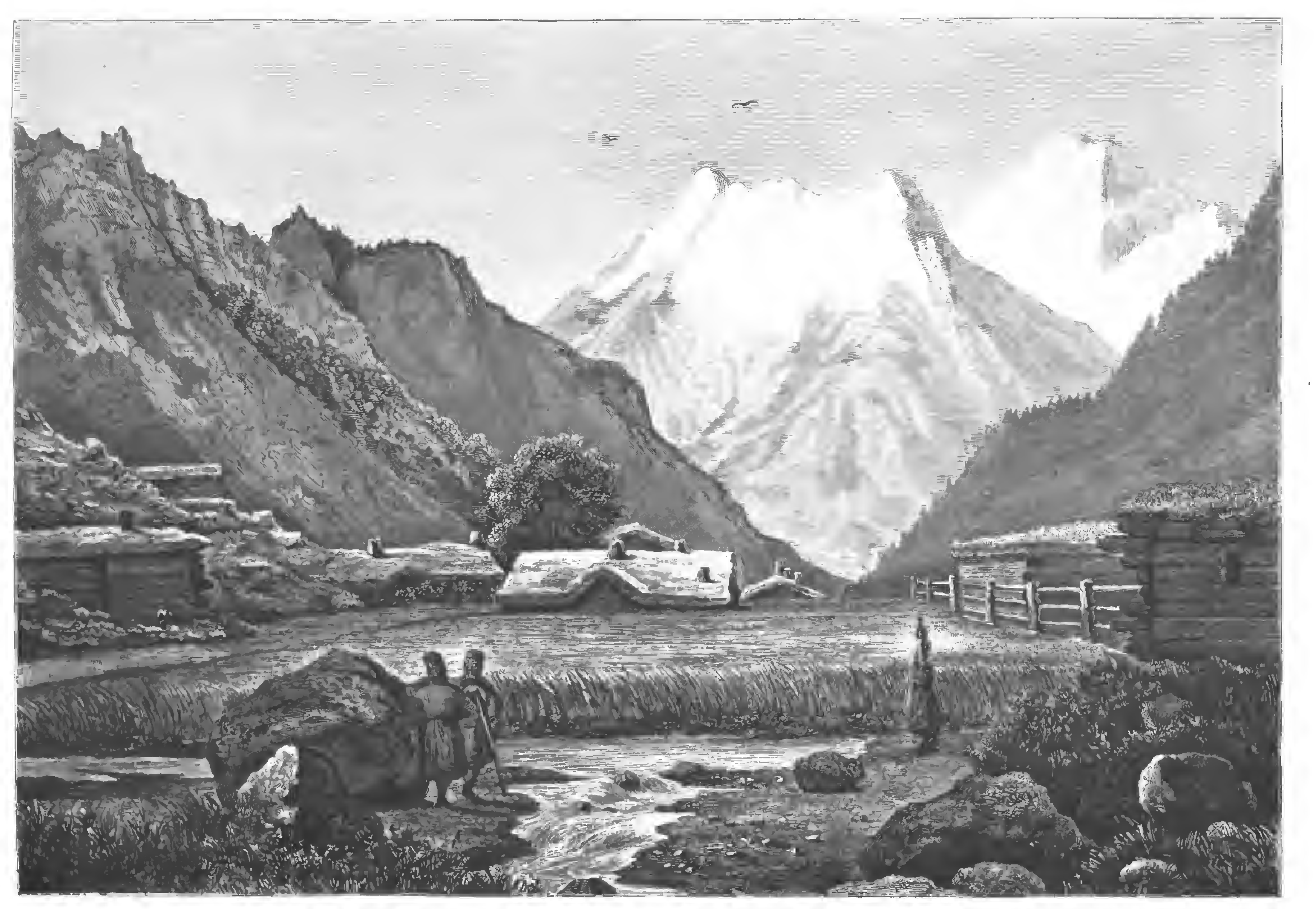
— Почему это? вскипятился Водохлѣбовъ.—То „милости просимъ“, то отбой назадъ!

— Молчи, генералъ... Не твоего ума дѣло. У меня—вѣдь самъ знаешь—жена. Тоже къ цыганамъ горитъ... Увяжется за нами—совсѣмъ не та музыка будетъ. Не развернешься при ней. Она сейчасъ—глаза-то на мокромъ мѣстѣ—какъ они запоютъ, и давай плакать... Въ слезахъ утопитъ!

— Да она у тебя, покачалъ успокоившійся генералъ,—дама сырая.

— Нѣтъ, мы безъ нея лучше. Пойдемъ теперче въ прохладѣ, въ Эрмитажное заведеніе, въ кабинетъ...

Плакучая ива. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") академика **Крыжицкаго**, грав. М. Рашевскій



Видъ на рѣкѣ Кубани, въ Кубанской области. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **В. Червинскаго.** грав. М. Рашевскій.

Сядемъ тамъ пока. Чайку напьемся, а потомъ, какъ смеркнетъ—и двинемся къ фараонову племени...

Василію Герасимовичу вдругъ стало весело и захотѣлось самому попытать неизвѣданныхъ имъ удовольствій.

— Нѣтъ, торопливо заговорилъ онъ,—я ужасно радъ, что встрѣтился съ вами, господа...

— Я зналъ! хлопнулъ его Дроновъ по плечу.—Я зналъ, что мы тебя въ нашу цыганскую вѣру обратимъ. Будь спокоенъ. Все же въ тебѣ наша московская кровь!..

— Только я домой заѣду...

— Зачѣмъ это?

— Денегъ прихвачу.

— А развѣ чековая книжка не съ вами? мягко спросилъ его Водохлѣбовъ.

— Нѣтъ.

Тотъ вздохнулъ и горестно потупился. „Три тысячи-то такъ тогда за вами и пропало!“

— Денегъ... Какихъ денегъ? Ну, ужь это сдѣлайте ваше одолженіе, вскипятился Дроновъ.—Сегодня, для перва-то—мое дѣло... А потомъ ты, Василій Герасимовичъ, въ слѣдующій разъ меня позови съ генераломъ-то. Вотъ мы и будемъ квиты. Только сначала пѣшечкомъ на Тверскую къ Немирову-Колодкову. Потому къ фараонову племени купцу безъ гостинца и носа казать нельзя. Матрешки-то эти—сейчасъ лапы въ карманъ, что́-де у купца для нихъ въ футлярчикахъ припасено. Тебя-то у Немирова знаютъ? Ты тоже выбери... Надо будетъ и тебѣ имъ... Чего дряни-то жалѣть! Слава Богу, дѣло наживное.

— Вамъ, купцамъ, хорошо! вздохнулъ Водохлѣбовъ.

— Да и вамъ, интендантскимъ-то... Бога благодарить надо... за всегдашнее неоставленіе.

— Ну, это какъ... мечтательно проговорилъ тотъ.— А то сядешь на одно жалованье.

— Молчи! Провіантская твоя душа!

На Тверскую къ ювелиру они прошли пѣшкомъ.

— Цыганскаго товару повиднѣе! скомандовалъ Дроновъ. — Вотъ рекомендую, Василій Герасимовичъ Сластеновъ... Знаете чай.

Приказчикъ изогнулся такъ, что чуть носомъ въ стекло ящика на прилавкѣ не ударился.

— Помилуйте... Такихъ да не знать.

— Это ты вѣрно. Кита-рыбу издали видно. Такъ вотъ Сластеновъ-то съ собой денегъ не взялъ.

— И чековую книжку забылъ! вздохнулъ еще разъ Водохлѣбовъ.

— Помилуйте! еще разъ ткнулся носомъ въ стекло приказчикъ. — Прикажите—сейчасъ весь магазинъ вамъ безо всякаго документа.

— Ну что это ты намъ показываешь! Все дорогое. Цыганскаго товару давай. Понимаешь.

Дроновъ запихалъ себѣ футляровъ во всѣ карманы. Сластеновъ тоже наложилъ куда только могъ.

— Позвольте и мнѣ. Я не много! съ мольбою проговорилъ Водохлѣбовъ.

— За свои деньги, смѣялся Дроновъ.

— Ну вотъ... Какія деньги у христолюбиваго воинства? У насъ, самъ знаешь, кромѣ жалованья, да этихъ вотъ бандеролей... ткнулъ онъ себя въ погоны.

— Бери, бери... Только смотри... не много. Ишь у тебя лапа-то! По футляру между пальцами—и то десять захлопаешь сразу. Ну, теперь въ Эрмитажъ!

Въ отдѣльномъ кабинетѣ Эрмитажа — какъ только вошли туда пріятели, половой сейчасъ-же опустилъ занавѣсы.

— Приказать чего изволите?

— Чаю... собери.

— Простаго? лукаво улыбался тотъ.

— Вотъ, Николашка, возьму я тебя за вихоръ да объ это мѣсто! Простаго... сырость-то осенью въ калошу попадетъ—и то скверно, а ты ее намъ въ брюхо желаешь... Первый разъ что-ли!

— Значитъ геройскаго?

— Ну слава Богу. Понялъ дѣло-то настоящее!

— Да смотри съ гарниромъ! развеселился и Водохлѣбовъ.

— Жидкій ты парень, расчувствовался вдругъ Дроновъ,—а душа въ тебѣ есть. Такъ-то, Василій Герасимовичъ. Покажу я тебѣ сегодня дорогу... А ты ужь по ней самъ иди. И дай тебѣ Богъ! Только уговоръ лучше денегъ. Наташа тамъ есть... Голосистая канарейка! Ни-ни—чтобы и въ помышленіи не было.

Половой принесъ два чайника одинъ на другомъ. На блюдцахъ была клубника, ананасы, жареный миндаль съ солью.

— Тебѣ чайку какъ, покрѣпче? спросилъ Дроновъ подмигивая.

— Да... Я крѣпкій пью! Обыкновенно...

Сластеновъ очевидно не понималъ еще въ чемъ дѣло. Дроновъ налилъ стаканъ и подалъ. Василій Герасимовичъ хлебнулъ и ротъ раскрылъ отъ изумленія.

— Это что-же?

„Покровитель искусствъ“ хохоталъ и радовался.

— Молода. Въ Саксоніи не была. Московскій настоящій купецкій чай. Бѣлый генералъ его выдумалъ. Съ тѣхъ поръ и пьемъ. Геройскій чай. Выпьешь два чайничка — такъ хоть сейчасъ-же на пять турецкихъ крѣпостей. Внизу-то, въ большомъ чайникѣ — шампанское... „Креманъ Имперьялъ“ зовется, понялъ? а вверху въ маленькомъ—коньяку мы цѣльнаго заварили—финь-шампань съ пятью звѣздочками. Ты покрѣпче просилъ—ну тебѣ значитъ полстакана финю, а остальное желтой водицей съ игрой... Пей на здоровье. Вмѣсто лимону положи лоскутокъ ананасу...

— Вкусно! засмѣялся Сластеновъ.

— Ужли-жь ты не пилъ? Какой же ты патріотъ-то послѣ того!

Выпилъ Сластеновъ стаканъ, еще попросилъ.

— Изъ парня-то будетъ толкъ. одобрилъ „покровитель искусствъ“.— Что-что, а толкъ будетъ.

Часа черезъ два — Василію Герасимовичу уже было очень весело.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какіе вы прекрасные люди! Вообще всѣ хорошіе люди! изливался онъ. — И Водохлѣбовъ отличный, а я его свиньей считалъ. Вѣдь вотъ какъ ошибаться можно.

— Поцѣлуемся! приставалъ генералъ.— Ты меня на три тысячи тогда надулъ, а я все-таки тебя люблю.

— Надуешь тебя... канюка! смѣялся Дроновъ. — Надули одного такого! Тебѣ бы не Водохлѣбовымъ, а живоглотомъ называться.

Когда они вышли—Ечкинская тройка уже ждала ихъ у подъѣзда.

Кони нетерпѣливо били копытами въ мостовую и фыркали позванивая бубенцами. Кучеръ молодцовато сидѣлъ въ полъ-оборота и, увидѣвъ Дронова, обрадовался.

— Чего ты, горчичное сѣмя? спросилъ его тотъ.

— Какъ-же, Капитонъ Капитоновичъ, не радоваться. Съ вами-то поѣдемъ—все четвертная достанется. Вчера съ чиновниками всю ночь ѣздили. Мостковскаго знаете? Сѣдой такой скваліга—важный, сказываютъ... а всего рубль на чай, жидовская душа его, прожертвовалъ.

III.

Очевидно Капитонъ Капитоновичъ Дроновъ былъ здѣсь какъ дома. Онъ прямо прошелъ въ большой отдѣльный кабинетъ, и не успѣлъ еще опомниться Василій Герасимовичъ, какъ яркое пламя газа вспыхнуло въ хрустальной люстрѣ, отражаясь тысячами радужныхъ лучей въ ея подвѣскахъ, на стеклѣ посуды, на бронзѣ канделябръ, въ зеркалахъ исчерченныхъ бриліантовыми перстнями.

— Свѣчи — тоже! приказалъ Droновъ, и въ комнатѣ стало даже жарко.—А фараоново племя? спросилъ онъ.

Но не успѣлъ еще суетившійся половой отвѣтить, какъ въ комнату, сверкая громадными черными глазами, гладко зачесанная, съ двумя перевитыми алыми лентами косами позади, худенькая и стройная, почти еще несложившаяся — вбѣжала молоденькая цыганка.

— А, Наташа! Здравствуй! обрадовался „покровитель искусствъ“ и, поймавъ ее за уши, притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ.—Рекомендую, обратился онъ къ Сластенову, — изо всего фараонова племени самая скапидарная душа.

Но Наташа забралась къ нему на колѣни, очень удобно умѣстилась на нихъ и, сдвинувъ свои черныя брови, съ дѣловымъ видомъ стала шарить у него въ боковомъ карманѣ. Вытащила футляръ, посмотрѣла, чмокнула его въ губы, спрятала и только что тотъ хотѣлъ ее обнять— вырвалась и съ звонкимъ смѣхомъ бросилась къ двери, гдѣ ее перехватилъ Водохлѣбовъ.

— А меня не надо? Можетъ быть и у меня футлярчикъ?

— Не хочу, не хочу генерала... Иди прочь распостылый! уклонялась она.— И подарковъ твоихъ не желаю. Капитонъ... Капитоша... убери генерала. У него усы колятся!

Но въ это время за дверями послышалось покашливаніе, топотъ нѣсколькихъ ногъ, говоръ и слабый звонъ гитары, ударившейся о стѣну.

— Идутъ, идутъ выжиги! радовался Дроновъ. — Ну, входи что-ли.

Двери отворились, впереди, въ голубомъ бешметѣ, шелъ красивый молодой брюнетъ съ вороватыми глазами и увѣренной усмѣшкой.

— Рекомендую, Василій Герасимовичъ. Цыганскій нашъ Мазини — Ерофей Глотовъ... Шельма-мужчина! Сластенова слухомъ-то знаешь?

— Какъ-же-съ! Милліонщика да не знать. Только они у насъ не бывали никогда... притворился тотъ ничего непонимающимъ.

— Ну, вотъ живьемъ получай и потроши, толкнулъ Василія Герасимовича Дроновъ прямо на входившую въ дверь толстую, багровую цыганку съ такими громадными бровями точно на нихъ пошла пара кошачьихъ хвостовъ. Цыганка была вся въ красномъ, въ какой-то сбруѣ ожерельевъ, монетъ, жемчуговъ.

— Здравствуй, здравствуй, шелопутъ! издали привѣтствовала она Дронова. — Ты что-же, милостивецъ, красавчикъ, супружницу-то — барыню нашу яхонтовую, сердечко рубиновое съ собой не привезъ? Любитъ она насъ, ахъ любитъ, золотая душа!

— Ладно... Сёдни мы на холостую ногу.—И Дроновъ треснулъ ее ладонью по широкой спинѣ.—Наташкина мать, проговорилъ онъ Василію Герасимовичу.

— Сластеновъ... Сластеновъ самъ, шепотомъ передавали одинъ другому цыгане, съ жадностью и любопытствомъ заглядывая на невиднаго богача. — Рогожскій Сластеновъ... Саввы Кузмича племянникъ.

Василія Герасимовича очень удивило что старика дядю знаютъ здѣсь.

— Вы развѣ Савву Кузмича знаете? спросилъ онъ у толстухи.

— Вона, голубокъ ты мой бирюзовый. Какъ-же намъ не знать благодѣтеля нашего — сокола яснаго.

— Развѣ онъ здѣсь бываетъ?

— Онъ-то?.. Стешка, чего-жь ты молчишь? По твоему онъ департаменту!

Красивая высокая цыганка съ нѣсколько дикими глазами и низкимъ лбомъ покраснѣла.

— Ну, васъ! отмахнулась она отъ нихъ.

— Ай-да дядя! усмѣхнулся Василій Герасимовичъ. И ему стало еще веселѣе.

— Ну, фараоново племя... Стройся! командовалъ Дроновъ.—А гдѣ же... Ну да вотъ и она. Я ужь думалъ самой главной крали нѣтъ! Матреша.... Вотъ тебѣ въ руки—Сластеновъ. Посмотри-ка какая у него начинка.

Цыганская Патти исподлобья усмѣхнулась, сжала тонкія губы, обвела горячимъ взглядомъ милліонщика и подойдя къ нему стала передъ нимъ.

— Что же ты? Распинай купца! смѣялся Дроновъ.

— Не могу-съ... Ишь они какіе сурьезные! Я къ нимъ со всѣмъ моимъ сердцемъ, нараспѣвъ тянула Матреша, — а они точно укусить меня хотятъ.

— Не бойся, не укуситъ... Василій Герасимовичъ, эхъ, не знаешь ты устава нашего!.. Возьми ее за руку, вотъ такъ сажай къ себѣ. Ну вотъ... Матреша, у него для тебя цыганскаго гостинцу полные карманы запасено.

— Ой-ли! Сахарный мой Василій Герасимовичъ, запѣла она, роясь у него въ карманахъ, — сердце мое, радость ты моя!—Она живо открывала футляры, какъ ребенокъ радуясь яркому блеску золота, игрѣ недорогихъ камней, между которыми попались два-три небольшихъ бриліанта. —Ужь какъ и не любить-то тебя.

— Что-жь, Капитонъ Капитоновичъ? спрашивалъ цыганскій Мазини. — Неужели насухо пѣть?

— Ну вотъ, съ купцами да насухо... Пей въ мою голову. Чего еще... Только уговоръ — не какъ въ прошлый разъ. Наташку не поить. Рабеночка-то я не дамъ въ обиду.

Какой-то цыганенокъ, смуглый какъ головешка, бросился въ коридоръ и крикнулъ лакея.

— На всю честную братію... Шипучаго... съ ядомъ.

— Слушаюсь! Яда какого прикажете?

— Финя! А дамамъ которыя тащи джинджеру... На голосъ—хорошо это и какао-шува. Есть такой ликеръ который очень хорошо горло смачиваетъ — что деготь въ колеса.

Наташа въ это время все съ тѣмъ-же дѣловымъ видомъ показывала матери футляры. Матреша, присосѣдившаяся къ Сластенову, смотрѣла-смотрѣла на него и вдругъ спросила:

— Вы всегда такіе, господинъ?

— То-есть какъ это?

— Такіе... Точно вы что́ потеряли — и не нашли еще. Либо сердиты на кого... Вы вѣдь тотъ самый Сластеновъ что на Рогожской... Большіе у васъ милліоны. Мнѣ бы хоть походить около однимъ бокомъ — весь бы я бокъ этотъ себѣ позолотила. Нѣтъ, вы должно насъ не любите.

И она ласково улыбалась ему, охватывая его шею красивою, горѣвшею бриліантами рукою.

— Почему ты думаешь? мало-по-малу осмѣливался и Сластеновъ.

— Такъ. Подарки привезли точно... А даже и не поцѣловали меня.

— Можетъ быть я не смѣю.

— Эти которые бѣдные—тѣ точно не смѣютъ, а вы такъ вотъ.—И вдругъ она прижалась къ нему горячей щекой, прямо въ глаза ему взглянула, зажмурилась и впилась ему въ губы своими. — Ну, теперь будетъ!.. А за подарки благодарю!

И низко поклонившись ему, степенно пошла къ хору. Точно все это такъ и слѣдовало.

— Что прикажете, яхонтовый? спросила толстая цыганка у Дронова, который очевидно здѣсь былъ законодателемъ.

— Что?.. Плакать хочется... Что-нибудь такое...—И Дроновъ задумался.—Чтобъ слезами известись всему...

— „Ночку“, значитъ... „Ночку“, Наташа...

Наташа, краснѣя, вышла впередъ и сѣла. Цыгане откашлялись и смолкли. Кто-то тронулъ гитару. Струна вздохнула... Еще разъ... Другая гитара рядомъ застонала, и вдругъ струны заплакали о чемъ-то, что каждому близко и дорого, но чего никто словами выразить

не можетъ. Чу! гдѣ-то далеко-далеко послышался тихій контральто. Чуть-чуть донеслось. Оборвалось, опять вспыхнуло. Сколько страданія въ немъ! На что̀ это оно жалуется, о чемъ мучится?.. Неужели это Наташка? Въ самомъ дѣлѣ. Сластеновъ смотритъ и не узнаетъ ее. Поблѣднѣла. Глаза куда-то внутрь ушли, потухли... Низко опустились длинныя черныя рѣсницы и только вздрагиваютъ, тѣни бѣгутъ по печальному лицу, а голосъ все громче и громче плачется на какое-то горе неисходное, и грозитъ, и клянетъ. Что̀ съ нимъ? Сластеновъ чувствуетъ, что по лицу его пробѣжало что-то горячее,—неужели слеза?.. И звуки, какъ слезы, все падаютъ и падаютъ частымъ дождичкомъ на мать-сыру землю... Осеннимъ туманомъ встаетъ злодѣй-тоска и знобитъ отъ нея ретиво-сердце... Больно. Вѣдь это змѣи сосутъ живую душу—и бьется, и колотится она, и выхода ищетъ, и стонетъ, и зоветъ на помощь... Громче и сильнѣе растетъ Наташкинъ голосъ, широко открыла она глаза, и ясно Сластенову, что никого не видятъ теперь они, хоть прямо на него смотрятъ... Легла передъ ними степь безбрежная, трава бѣжитъ по ней тихими волнами, вѣтеръ пустынный сѣрымъ волкомъ носится по ея простору и низятся-низятся надъ нею тучи грозныя и плачутъ, холодными слезами кропятъ ее... Что̀ это сдѣлалось съ Наташкой?.. Встала... Выросла. Она-ли это?.. Нестерпимымъ блескомъ горитъ ея взглядъ... Раскачивается ея мать, подхватывая напѣвъ и точно внося въ него крики нечеловѣческаго отчаянія, дикой скорби, ноетъ о чемъ-то другая цыганка, и быстро-быстро пробѣгаютъ по струнамъ пальцы цыганъ, точно хотятъ они оборвать ихъ, и струны вопятъ-вопятъ, точно передъ смертью, точно сейчасъ конецъ имъ, чуютъ лютую кручину, и вдругъ...

Сластеновъ даже ахнулъ.

Сильное, рѣзкое сопрано вырвалось... Откуда это радость взвилась, да такъ взвилась, прямо къ небу самому, тучи раздвинула и прочь ихъ вихремъ погнала. Въ лазури жаворонкомъ купается, по поднебесью орлицей носится... Схватываетъ сердце Василія Герасимовича и точно на ладонкѣ къ самому солнцу его подноситъ, согрѣй-де его, взлелѣй, исцѣли, благодатное!.. Тише поютъ гитары... Наташка сидитъ вся блѣдная и никнетъ въ истомѣ,—теперь ужь Матрешка всѣми верховодитъ и уносомъ за собою стремитъ въ какую-то бездну свѣта... По лицу ея льются словно розовыя волны, ярко, счастливо горятъ глаза лукавые, брови черныя такъ и ходятъ, не удержалась на мѣстѣ, подошла къ Василію Герасимовичу, словно вызовъ ему бросила, да такою метелицей подхватила его измученную душу и закружила ее, что на первыхъ порахъ не понялъ онъ даже, гдѣ онъ съ нею: на небѣ-ли, или на землѣ. Что-то подкатилось ему къ самому горлу, горячимъ паромъ голову одурманило, и вдругъ Сластеновъ понялъ только одно, что плачетъ онъ, не стыдясь, передъ всѣми, горько плачетъ и бьется.

— Ухъ! очнулся Дроновъ и подошелъ къ нему.— Ну, Васенька! Изъ тебя толкъ будетъ... У тебя душа настоящая, коли ты такъ чувствовать можешь. Потому я и люблю фараоново племя, что оно съ самаго дна взроетъ у тебя все сердце. Камнемъ будь развѣ—ну, тогда не очухаешься... Спасибо, Матрешка, лови.

И скомкавъ нѣсколько сторублевыхъ, онъ швырнулъ ей; та на лету перехватила ихъ.

— Сколько съ тобой денегъ-то? спросилъ Сластеновъ.

— Тыщей шесть есть.

— Дай три!.. Завтра присылай — отдамъ.

— На што?

— Давай... Чего тутъ!

— Мнѣ не жаль! Возьми вотъ...

— Это отъ меня... И Сластеновъ всю пачку бросилъ Матрешкѣ.—Съ Наташей подѣлись.

— Чего имъ дѣлиться—сестры, все у нихъ общее...

Ополоумѣлъ совсѣмъ Василій Герасимовичъ. Онъ самъ не понималъ, что̀ съ нимъ такое дѣлается. И плакалъ, и смѣялся, съ Дроновымъ обнялся, Ерофея Глотова поцѣловалъ, а потомъ схватилъ Матрешкины руки, припалъ къ нимъ губами и оторваться не можетъ.

— Давай, Капитонъ, выпьемъ! Водохлѣбовъ, генералъ, пей! Вотъ что, Водохлѣбовъ, выпьемъ на ты! А? Хочешь?

— Помилуйте... Для меня — честь-съ... Я всегда къ вамъ всей душой..

„Ахъ, чековая книжка была-бы съ нимъ теперь!“ томилась Водохлѣбовская душа.

— Выпьемъ на ты.. Ты, Водохлѣбовъ, подлецъ, но я и съ подлецомъ выпью! Вѣдь всѣхъ любить надо. Знаешь, Дроновъ,—всѣхъ, и подлецовъ люби! Потому и подлецы люди, и у нихъ душа болитъ! У нихъ-то, можетъ, еще больше. Не то что другіе. Тѣ, знаешь, сейчасъ уйдутъ и бросятъ тебя, гибни ты, пропадай—имъ все равно... А ты люби.. Люби. И подлецы люди! Ему тоже твоя любовь нужна. Водохлѣбовъ, нужна тебѣ моя любовь? а?.. Какъ ты думаешь, стоитъ она чего-нибудь, а?..

Водохлѣбовъ отъ умиленія даже слюну пускалъ на губы, цѣловался, пилъ на ты и почему-то кричалъ вдругъ:

— Я генералъ, а вы — купцы!

И вдругъ принимался плакать и приговаривалъ:

— Насъ, кантонистовъ-то, вотъ какъ драли, розги въ соленой водѣ мочили!.. Надо это понять. Все понять надо... А теперь я генералъ, кто меня драть можетъ?. Правда, я не гордъ, нѣтъ, я не гордъ... Что-же вы, подлецы, вдругъ оралъ онъ на лакеевъ,—видѣли Водохлѣбовъ здѣсь, а семги нѣтъ. Семушки, живо!.. Деньги драть ваше дѣло, а служить по настоящему не умѣете... Ты вотъ меня въ тотъ разъ, Васька, обидѣлъ. Три-то тысячи изъ-подъ носу уволокъ, но я не ропщу, потому роптать грѣхъ

— Другъ! возопіялъ въ свою очередь Василій Герасимовичъ,—душа ты моя генеральская, развѣ я не чувствую? Развѣ я не понималъ тогда, что ты меня на три тысячи надуть хочешь? Все я понималъ... Я какъ и у Баптяи тогда жилъ—все понималъ, а только мнѣ жаль тебя было. Думаю: сколько ты изъ-за этихъ какихъ-то трехъ тысячъ подлости на свою душу принять согласенъ. Все я насквозь видѣлъ, и жадность твою, но мнѣ стыдно.. Понимаешь ты, стыдно мнѣ было. Вотъ какъ стыдно было, что попроси ты у меня не три, а тридцать тысячъ, я-бы ихъ тебѣ далъ.

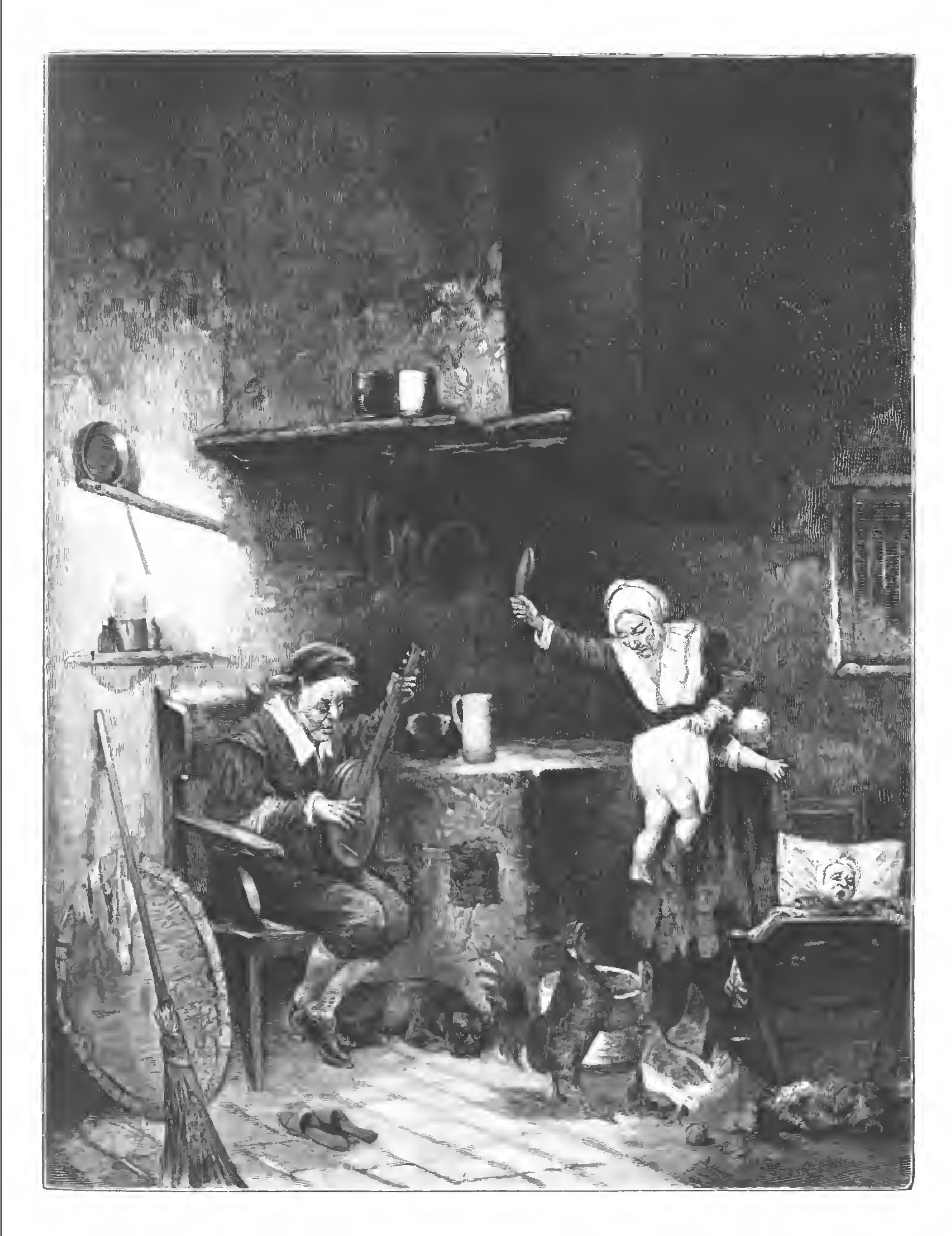
— Какъ тридцать?. Водохлѣбовъ даже захлебнулся и нѣсколько минутъ багровѣя и угрожая лопнуть, капялъ.—Какъ тридцать? Далъ-бы тридцать?..

— Отчего-же не дать?.. Душа дороже!

— Скапидарьте „Ночи осеннія!“ оралъ Дроновъ въ другомъ мѣстѣ.—Скапидарьте, други!.. Я сегодня безъ жены. Развѣ она можетъ понять, что у меня на сердцѣ! У меня тамъ тигры лютые душу-то терзаютъ... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, онъ меня не любитъ! вдругъ запѣвалъ онъ дикимъ голосомъ и, оглядываясь, хваталъ Водохлѣбова за красный воротникъ и кричалъ ему прямо въ лицо: — Генералъ, разведи меня съ женой!.. Слышь! Разведи—озолочу!

Скоро уже никто здѣсь и никого не понималъ.

Водохлѣбовъ оказался сидящимъ между цыганами съ гитарой въ рукахъ. Онъ пѣлъ дикимъ голосомъ „Малютка, шлемъ нося, просилъ“ и безъ толку бренчалъ по струнамъ. Дроновъ стоялъ передъ Наташей на колѣняхъ и увѣрялъ ее: „ты ангелъ, а я свинья, плюнь на меня, душенька!..“ А Василій Герасимовичъ сидѣлъ, обнявшись, съ невѣдомо откуда появившимся, точно съ неба упавшимъ, чиновникомъ въ вицмундирѣ съ Станиславомъ на шеѣ, объяснявшимъ ему: „у насъ нынче



Домашній концертъ. Съ картины академика Урлауба (искл. право воспроизв. принадл. „Нивѣ"), грав. Флюгель.

очень благородно. Взятокъ ни-ни! Только если что и получишь, такъ изъ сверхсмѣтныхъ суммъ!"

— Ты понимаешь, билъ себя въ грудь Василій Герасимовичъ, — я Сластеновъ. Понимаешь... А она меня бросила.

— Подай бумагу! Сейчасъ ее къ тебѣ по этапу!

— Кого? устанавливался на него осоловѣвшими глазами Василій Герасимовичъ.—Кого по этапу?

— Бумагу!.. Напиши мнѣ прошеніе... Я распоряжусь. Сейчасъ позову и распоряжусь. Я вѣдь, ты знаешь, коллежскій секретарь!

— Что?.. Какъ ты сказалъ?

— Коллежскій секретарь!

И чиновникъ, откинувшись назадъ, необыкновенно гордо смотрѣлъ на него.

Василій Герасимовичъ хлопалъ глазами, усиливался что-то понять — и не могъ. Потомъ онъ вдругъ почувствовалъ, что куда-то валится, а надъ нимъ простирается кто-то въ вицмундирѣ, кричитъ ему: „подай прошеніе, я коллежскій секретарь!" и Сластеновъ опять оказывается сидящимъ на стулѣ, а вицмундиръ у него въ объятіяхъ. Потомъ, какъ во снѣ, помнилъ Сластеновъ, что Дроновъ сталъ за что-то этого коллежскаго секретаря бить, а Водохлѣбовъ при этомъ плакалъ и пѣлъ: „подайте мальчику на хлѣбъ, онъ Велизарія питаетъ!" Потомъ вдругъ вицмундиръ оказывался въ объятіяхъ Дронова, и Капитонъ кричалъ Василію Герасимовичу:

— Васька, видишь ты мою добродѣтель, а?.. Живаго чиновника за жабры поймалъ и держу!

Потомъ этого чиновника прямо изъ горлышка бутылки Водохлѣбовъ поливалъ джинджеромъ, а Дроновъ писалъ ему на лбу вторыя брови углемъ. Коллежскій секретарь при этомъ только болталъ ногами и въ антрактахъ оралъ: „подай прошеніе, я распоряжусь"... Послѣ этого Василія Герасимовича окутало всего точно туманомъ, и когда этотъ туманъ разсѣялся, черезъ сколько времени, Сластеновъ не помнилъ—можетъ-быть минута, а можетъ-быть пять лѣтъ — передъ нимъ вдругъ оказался, весь красный, генералъ, съ пальцами за бортомъ сюртука. Онъ наступалъ на Сластенова и кричалъ:

— Милостивый государь, вы меня подлецомъ назвали! Какъ вы смѣли, если я стою за астрономію.

Но тутъ вдругъ надъ нимъ выросъ Дроновъ, размахнулся гитарой—и Водохлѣбовъ полетѣлъ куда-то въ одну сторону, а гитара въ другую, а носъ къ носу съ Сластеновымъ стоялъ уже Дроновъ и спрашивалъ:

— Хорошо?.. Хочешь я еще ихъ кокну?..

И вдругъ, наклонившись, онъ хваталъ кого-то за фалды вицмундира и какъ пѣтуха за хвостъ возносилъ его кверху, а тотъ болталъ обшлагами съ форменными пуговицами и тонкими ногами и даже въ столь неудобномъ положеніи увѣрялъ всѣхъ:

— У насъ нонче очень благородно... Подай прошеніе, я распоряжусь.

Потомъ Василій Герасимовичъ помнитъ какой-то звонъ, свѣжій воздухъ, потемки. Въ потемкахъ выдвигаются и стараются поймать его за волосы какія-то узловатыя вѣтви... Его укачиваетъ... А лошади несутся... Вверху свѣтитъ кроткій мѣсяцъ и Сластеновъ почему-то спрашиваетъ его: „куда ты дѣлъ Водохлѣбова?" А мѣсяцъ ему подмигиваетъ и какъ-то безъ словъ объясняетъ. Потомъ Сластенову кажется, что мѣсяцъ въ вицмундирѣ и звѣзды-то вовсе не звѣзды, а пуговицы этого вицмундира... Потомъ и мѣсяцъ, и небо, и земля проваливаются въ нирвану...

Утромъ Василій Герасимовичъ проснулся поздно, открылъ глаза и снова закрылъ ихъ, потомъ опять открылъ. Нѣтъ, не сонъ. Рядомъ съ нимъ на подушкѣ покоится чья-то усатая голова и неимовѣрно нахальный носъ незнакомца сопитъ и храпитъ прямо въ лицо Сластенову. Сластеновъ отодвинулся, всмотрѣлся еще разъ—совсѣмъ неизвѣстное лицо... никогда въ жизни не видѣлъ... Сластеновъ приподнялся.

Его движеніе разбудило спавшаго. Тотъ поднялся, выпучилъ глаза и устремилъ недоумѣвающій взглядъ на Василія Герасимовича.

— А жена гдѣ? вдругъ вопросилъ его незнакомецъ.

— Какая жена?..

— Моя... Ольга Семеновна... Господи, да гдѣ же это я?

Онъ озирается — смотритъ съ недоумѣніемъ на Сластенова. Сластеновъ на него.

— Позвольте узнать... Я у васъ или вы у меня? спрашиваетъ усачъ, совершенно шалѣя отъ неожиданности.

— Нѣтъ, вы у меня, отвѣчалъ Сластеновъ. — А кто вы такой?

— Помощникъ пристава ** участка ** части!.. А вы?

— Василій Герасимовичъ Сластеновъ.

— Какъ это я къ вамъ попалъ?

— Я только что хотѣлъ васъ спросить объ этомъ. Вы не помните, гдѣ мы съ вами встрѣтились?

— Убей Богъ, не помню!.. Я былъ вчера — у Тѣстова.. Потомъ, мы поѣхали въ Салошку... Потомъ... ей Богу не помню.

— Вы у Яра не были?

— Нѣтъ.

— Такъ гдѣ же мы могли встрѣтиться?..

Наконецъ помощникъ пристава сползаетъ съ кровати. Сластеновъ упорно смотритъ на его толстый затылокъ, смотритъ и думаетъ и не можетъ понять, гдѣ это они встрѣтились, подружились и какъ оказались на одной постели у него. Вдругъ—помощникъ пристава вскрикнулъ съ ужасомъ.

— Что такое?

— Помилуйте, вмѣсто моей формы—полюбуйтесь...

Извозчичья шапка, плюшевое матине съ кружевами, какая-то черная кашемировая юбка и одинъ сапогъ со шпорой!..

— Какъ же я теперь въ участокъ покажусь! съ отчаяніемъ восклицаетъ приставъ. — Неужли-жъ я въ этомъ ѣздилъ по городу!

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повѣсть **Виктора Бибикова.**

(Продолженіе).

VIII.

Они прошли опушку рощи, заросшую кустарникомъ и молодыми березками, вышли на лужайку, гдѣ подъ развѣсистыми липами стоялъ широкій, круглый столъ, окруженный дерновыми скамьями, и углубились по тропинкѣ въ лѣсную глушь. Теперь они не могли идти рядомъ; была сдѣлана попытка, но вѣтви рвали платье и царапали глаза. Вѣра пошла впередъ, Панченко слѣдовалъ за нею. Душистая прохлада, прозрачный сумракъ и тишина царили здѣсь.

Словоохотливость, овладѣвшая въ концѣ обѣда молодымъ человѣкомъ, покинула его какъ только онъ остался вдвоемъ съ Вѣрой, и теперь онъ шелъ за ней, съ восхищеніемъ глядя на ея стройную фигуру, въ бѣломъ платьѣ, отчетливо рисующуюся передъ нимъ на фонѣ лѣсной зелени, съ любовью слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, нетерпѣливо отводя рукой мѣшавшія иногда ему вѣтки. Показалась новая лужайка. Но здѣсь не было скамеекъ. Густая, высокая трава росла здѣсь, не смятая ничьими шагами, пестрѣли цвѣты, и до слуха долетало непрестанное журчаніе близкаго ключа, его мелодическій лепетъ звалъ и манилъ къ себѣ. Вѣра остановилась.

— Здѣсь, сейчасъ за лужайкой, ключъ родниковой воды, но мы потомъ пойдемъ къ нему, а теперь посидимъ здѣсь, если хочешь.

Ѳедоръ Васильевичъ снялъ пальто и бросилъ его на траву, они сѣли рядомъ, и Вѣра сказала:

— Я сюда ухожу послѣ обѣда, когда мнѣ хочется одиночества; здѣсь меня никто не безпокоитъ. Отчего ты не сказалъ ни слова мнѣ о Тарахтинѣ?

— Я забылъ о немъ, когда увидѣлъ тебя, отвѣчалъ Панченко.

Вѣра улыбнулась.

— Онъ хорошій человѣкъ? спросила она.

— О, да, хорошій, очень хорошій, и главное—такой простой! сказалъ Панченко, но равнодушно, безъ увлеченія: наединѣ съ Вѣрой онъ не могъ хвалить адвоката, не могъ разсказывать о парижской красавицѣ, которая вдругъ потеряла въ его глазахъ всякое значеніе, и въ ея присутствіи не было хорошихъ людей или всѣ казались одинаково хорошими.

Какъ очарованный, онъ смотрѣлъ на свою невѣсту, и она, чувствуя на себѣ его влюбленный взглядъ, потупилась, не отъ смущенія, но изъ боязни, что если она попробуетъ взглянуть на него, онъ перестанетъ смотрѣть, и прекратится счастье, которое она ощущала отъ такого взгляда.

— Что я хотѣла тебѣ сказать, начала Вѣра, — вотъ и забыла!—Она приложила руку къ пылающему лбу.—Ты знаешь, я все время, до твоего пріѣзда въ деревню, думала о томъ, о чемъ мнѣ надо переговорить съ тобою. Тамъ, въ городѣ, я никакъ не могла рѣшиться сказать тебѣ всего, мнѣ было досадно, но я утѣшала себя мыслью, что въ деревнѣ, безъ тебя, я какъ слѣдуетъ приготовлюсь къ этому, казавшемуся мнѣ нужнымъ, разговору, потому что писемъ я совсѣмъ не умѣю писать. Но ты пріѣхалъ, и я все забыла, или нѣтъ, не забыла, но я ничего не могу, не умѣю, и все то, что я думала, кажется ненужнымъ и лишнимъ. Ѳедя, ты любишь меня?

— Вѣра!.. только и могъ произнести молодой человѣкъ.

Слезы блеснули въ счастливыхъ глазахъ Вѣры.

— Вотъ видишь, тебѣ даже непріятенъ этотъ вопросъ, и я понимаю: мнѣ также было бы тяжело, если бы ты спросилъ меня объ этомъ. Но бываютъ минуты... Вотъ здѣсь, на этой лужайкѣ... иногда я лежу, слушаю какъ звенитъ ручеекъ, кругомъ тихо, хорошо, я лежу и думаю: нѣтъ никого счастливѣе меня. Какъ вдругъ приходитъ мысль, точно кто-нибудь на ухо шепнетъ: онъ меня не любитъ, и мнѣ такъ больно, такъ тяжело, я сказать не умѣю. И лужайка дѣлается противной, и ручеекъ раздражаетъ, и въ прохладномъ лѣсу становится душно, и кажется мнѣ, что бросили меня здѣсь одну въ рощѣ, никому я не нужна, никто меня не любитъ, я одна на всемъ свѣтѣ! Тебѣ приходятъ въ голову такія мысли?

Молодой человѣкъ ничего не отвѣтилъ Вѣрѣ; онъ наклонился къ ея рукѣ и, не трогая ее, поцѣловалъ. Онъ чувствовалъ, что то, что говорила она ему, Вѣра не сказала бы никому другому, что это были ея завѣтныя думы, и онъ слушалъ ее съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ влюбленный ловитъ признаніе своей подруги во время сна, покой котораго онъ бережетъ.

— Ты знаешь, продолжала Вѣра, — говорятъ, и мнѣ приходилось читать, что любовь дѣлаетъ человѣка гораздо лучше, но вѣроятно я очень скверная; я замѣчаю, что въ послѣднее время я сдѣлалась гораздо хуже, чѣмъ была прежде.

— Это почему? спросилъ Панченко.

— А вотъ я тебѣ сейчасъ скажу. Прежде, ну вотъ хоть годъ тому назадъ, однимъ словомъ, пока я не знала тебя, я была послушною дочерью, любящею сестрой, помогала мамѣ хозяйничать, вообще не была въ семьѣ лишнимъ человѣкомъ, какимъ я теперь себя чувствую. Когда я пріѣхала въ деревню и, по просьбѣ мамы, начала заниматься съ Марусей, я почувствовала, что если эти занятія будутъ продолжаться, я могу разлюбить ни въ чемъ неповинную Марусю. Хорошо что мама замѣтила, — она все видитъ — и, ссылаясь на жару, прекратила эти уроки. Прежде, по вечерамъ послѣ чаю, мы всѣ собирались на террасѣ, и я всегда читала что-нибудь вслухъ—папа любитъ мое чтеніе—въ этотъ пріѣздъ я даже и не пробовала. Просто иногда кажется, что я чужая, спросятъ о чемъ-нибудь—не знаю что̀ отвѣтить, всѣ ихъ разговоры для меня чужды, я только удивляюсь ихъ добротѣ, какъ они до сихъ поръ не дали мнѣ понять, что они видятъ перемѣну. Впрочемъ. нѣтъ, папа далъ понять. Онъ разумѣется мнѣ ни слова не сказалъ, но я вижу, что съ нѣкоторыхъ поръ онъ сторонится отъ меня; говоритъ о чемъ-нибудь, я войду — онъ замолчитъ и, представь, я даже раскаянья до сихъ поръ не чувствовала, вотъ теперь только, какъ я тебѣ разсказала, мнѣ стыдно. Да что̀ папа! Маруся — та просто боится меня.

— Я не замѣтилъ, возразилъ Панченко.

— Это она при тебѣ набралась храбрости, и вообще твой пріѣздъ опять сблизилъ меня съ родными, а то, бывало, увидитъ какъ я иду по аллеѣ, въ сторону сворачиваетъ, чтобы не встрѣтиться, хотя относительно Маруси, мнѣ кажется, это мама ей внушила.

— Ну, а какъ же твоя мама? спросилъ Панченко.

— Вотъ мама, та нисколько не перемѣнилась, какою была — такою и осталась, ровная, ласковая. Нѣтъ, ты еще не знаешь, какой это человѣкъ, моя мама! сказала съ увлеченіемъ Вѣра.

— Ты съ ней говорила обо мнѣ?

— Разумѣется, сейчасъ же какъ пріѣхала.

— Ну, и что̀ же она тебѣ сказала, что̀ ты ей говорила?

— Все сказала.

— Ну, и она?.. нетерпѣливо перебилъ Панченко.

— Что-жь, она сказала, что я совершенно свободна въ своемъ выборѣ, только спросила, хорошо-ли я обдумала тотъ шагъ, который я теперь дѣлаю, и знаю-ли я его значеніе.

— А ты что̀ ей сказала?

Вѣра засмѣялась.

— Ты ей что̀, она тебѣ что̀! передразнила она своего жениха, и продолжала:—Ты мнѣ напоминаешь эту малороссійскую шутку, помнишь: „ты-жъ ему що, а винъ тоби що“, но замѣтивъ нетерпѣніе, съ какимъ слушалъ ее Панченко, прибавила: — ну, а я сказала, что я тебя люблю, что этотъ шагъ дѣлаю вмѣстѣ съ тобой, что вѣрю въ тебя, что ты милый, хорошій, чудный!

— Но все-таки ты мнѣ ничего не сказала, какого мнѣнія твоя мама обо мнѣ, хотя впрочемъ и я странный вопросъ предлагаю: вѣдь вы еще не успѣли послѣ моего пріѣзда говорить обо мнѣ.

— Нѣтъ, успѣли, лукаво улыбаясь, возразила Вѣра.

— Когда?

— А вотъ угадай.

— Ты шутишь, вѣдь когда я пріѣхалъ, меня повели къ тебѣ въ бесѣдку, въ бесѣдкѣ, кажется, мамы не было? въ тонъ Вѣрѣ спросилъ Павченко.

— Кажется.

— Потомъ мы завтракали, ты сидѣла возлѣ меня и ни слова не сказала своей мамѣ, за обѣдомъ тоже.

— Да, за обѣдомъ тоже.

— Такъ, когда-же?

— Эхъ вы, будущій господинъ защитникъ и сердцевѣдецъ, не знаете такой простой вещи! вѣдь мы съ мамой, слава Богу, шестнадцать лѣтъ живемъ: я уже изъ того, какъ она смотритъ на тебя, какъ она слушаетъ тебя, вижу, что ты ей понравился, и говорить съ ней объ этомъ мнѣ нечего.

— Ты думаешь? радостно переспросилъ Панченко.

— Не думаю, а увѣрена, спокойно возразила Вѣра.

Панченко выпустилъ ея руки изъ своихъ и, смотря на ея поясъ, сказалъ тихо и робко:

— Такъ, стало быть, я могу, не откладывая въ долгій ящикъ, сказать твоимъ роднымъ, что мы съ тобой... вообще, сдѣлать имъ предложеніе?

Онъ нетерпѣливо ожидалъ отвѣта.

— Послушай, начала Вѣра,—предложеніе ты можешь сдѣлать хоть сейчасъ, какъ мы возвратимся изъ рощи, и тебѣ не откажутъ; но зачѣмъ торопиться?

— Какъ зачѣмъ? воскликнулъ Панченко.—Мнѣ кажется даже излишнимъ отвѣчать на такіе вопросы.

— Нѣтъ не излишнимъ, сказала Вѣра,—ты не перебивай меня, лучше послушай, что̀ я тебѣ скажу: вѣдь, знаешь, мама совершенно права, спрашивая, обдумала-ли я и сознаю-ли важность того шага, на который я теперь рѣшаюсь...

— Ты не любишь меня, перебилъ Панченко.

— Ахъ, не обо мнѣ рѣчь! Какой ты нетерпѣливый! сказала Вѣра.—Я тебѣ, кажется, говорила, что за себя я отвѣчала мамѣ... Подумалъ-ли *ты* надъ тѣмъ, что ты на всю жизнь связываешь себя съ человѣкомъ, котораго ты почти и не знаешь?

— Какъ не знаю, мы съ тобой, кажется, годъ знакомы.

— Да, ро̀вно годъ, подтвердила Вѣра.—Но провелъ-ли ты за этотъ годъ хоть день со мной такъ, чтобы ты могъ съ утра до вечера видѣть меня одну? И потомъ, Ѳедя, не рано-ли тебѣ жениться? Ты ѣдешь въ Петербургъ, хочешь сдѣлать себѣ имя, устроить свою карьеру,—не свяжетъ-ли тебя женитьба?

Панченко слушалъ съ горечью свою невѣсту, и хотя онъ зналъ, что вотъ сейчасъ, какъ только окончитъ она говорить, онъ, не отвѣчая ни на одинъ изъ ея вопросовъ, обниметъ ее, поцѣлуетъ, и все будетъ забыто, потому что любитъ она его, и онъ не сомнѣвается въ силѣ и крѣпости ея чувства,—но отчего же теперь Вѣра такъ далека отъ него, отчего она, умная, милая Вѣра, не видитъ, не хочетъ видѣть, какъ тяжело слушать такія рѣчи, зачѣмъ говорить противъ себя? И лицо ея измѣнилось: холодное, безучастное, смотритъ куда-то въ сторону. Вотъ она замолчала, поникла головой, она ждетъ отвѣта, и ей тяжело ожиданіе: она сорвала травинку и бьетъ ею по платью. И, какъ на зло, нѣтъ словъ у Панченка, молчитъ и онъ; а Вѣра опять говоритъ все о томъ же, но не съ тѣмъ же спокойствіемъ, и голосъ ея дрожитъ: она обижена страннымъ молчаніемъ своего жениха.

— Ты поживи теперь у насъ, Ѳедя, до отъѣзда въ Петербургъ, присмотрись ко мнѣ, и если за лѣто твоя любовь не уменьшится, уѣзжай, а я буду ожидать тебя, сколько ты назначишь: годъ, два...

Ниже, все ниже наклоняетъ Вѣра голову, вздрагиваютъ ея плечи, Ѳедору Васильевичу кажется, что она плачетъ. Онъ протянулъ къ ней руки, и, какъ только Вѣра почувствовала ихъ осторожное прикосновеніе, она вдругъ рванулась къ нему, и ручьемъ полились долго сдерживаемыя слезы.

— Не вѣрь мнѣ, повторяла она,—не вѣрь, я не знаю, зачѣмъ я говорила тебѣ... Я не вынесу теперь разлуки съ тобой на не-

Лудвигъ Пассини.

дѣлю, на одинъ день! Увози меня сейчасъ, увези куда хочешь, я твоя, забудь...

Она вся дрожала и все крѣпче прижималась къ нему, ея горячее дыханіе обжигало молодаго человѣка.

— Я думала, что ты соглашаешься со мной, что ты хочешь ожидать еще... годъ, сказала она чуть слышно, и въ голосѣ ея опять зазвучали слезы.

Растерянный видъ Вѣры, ея слезы, неувѣренность въ своемъ счастьи ободрили молодаго человѣка: онъ заговорилъ и говорилъ долго и краснорѣчиво, такъ что, подъ конецъ, забылъ о своей слушательницѣ и говорилъ только для себя и о себѣ.

Онъ говорилъ и о своей любви, и объ одиночествѣ, о томъ, какъ онъ ждалъ Вѣру и томился до встрѣчи съ ней, какъ, увидѣвъ ее въ первый разъ, онъ понялъ, что передъ нимъ воплощеніе его идеала, говорилъ о крѣпости своего чувства, о счастьи взаимной любви, о будущей ихъ совмѣстной жизни, о своемъ будущемъ, какъ извѣстнаго адвоката въ Петербургѣ.

Въ лѣсу темнѣло, отъ недалекаго ключа тянуло сыростью, и, попробовавъ рукой траву, Вѣра убѣдилась, что она увлажена вечерней росой.

Она предложила уйти домой, но пошли теперь они другою дорогой: Вѣрѣ хотѣлось показать жениху деревню.

Когда они приближались къ плетню, отдѣлявшему опушку рощи отъ сельской улицы, Вѣра посмотрѣла на пыль, поднимавшуюся невысокими розовыми клубами въ недвижномъ тепломъ воздухѣ, и сказала:

— Опоздали мы съ тобой, теперь гонятъ стадо.

— Такъ мы переждемъ, пока его прогонятъ, возразилъ Панченко, но Вѣра объяснила ему, что ожидать придется долго, а дома, вѣроятно, уже безпокоятся, и навѣрно готовъ вечерній чай.

— Тогда пойдемъ домой, предложилъ Панченко.

— Подожди, я узнаю, хорошая-ли завтра будетъ погода, сказала Вѣра.—Ты вѣришь въ примѣты? спросила она, продѣвая подъ его локоть свою руку.

— Нѣтъ, не вѣрю. Но по какой примѣтѣ ты узнаешь, хороша-ли будетъ погода?

Но Вѣра ничего ему не отвѣтила. Она пристально глядѣла въ приближавшееся облако пыли. Вотъ оно разбилось, и ускореннымъ шагомъ, мотая головой, изъ него выступила бѣлая корова, за ней бѣжалъ теленокъ, спотыкаясь на высокихъ и нетвердыхъ ногахъ, а за ними черныя, рыжія и пестрыя коровы. Прижимаясь къ плетню и хлопая кнутомъ, шелъ въ сторонѣ пастухъ съ порожнимъ мѣшкомъ за спиной.

— Завтра будетъ хорошая погода, потому что впереди стада шла бѣлая корова! торжественно объявила Вѣра.

Панченко покровительственно улыбнулся, а Вѣра звонко разсмѣялась.

Мужская школа въ Римѣ. Карт. Л. Пассини, грав. Брендамуръ.

У колыбели. Карт. Л. Пассини, грав. Брендамуръ.

— Чего ты смѣешься? спросилъ онъ, удивляясь такому быстрому переходу отъ недавнихъ слезъ къ смѣху.

— Твоему легковѣрію, отвѣчала Вѣра,— ты такъ снисходительно улыбнулся, что я не могла удержаться. Нѣтъ, примѣтамъ я не придаю никакого значенія, хотя утромъ, вставая съ постели, по привычкѣ стараюсь опустить на коверъ правую ногу прежде лѣвой и всегда недовольна, если забудусь и стану лѣвой... Но ты не слушаешь меня, ты о чемъ-то задумался.

Вѣра наклонила голову и снизу заглядывала въ лицо молодаго человѣка.

— Объ одномъ и томъ-же думаю я съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ къ вамъ въ деревню, отвѣчалъ онъ.

— О чемъ? нетерпѣливо спросила Вѣра.

— Видишь, Вѣрочка, я ни разу въ жизни не дѣлалъ предложенія, и теперь не знаю, какъ мнѣ его сдѣлать, что говорить твоимъ роднымъ.

Вѣра весело расхохоталась, но на этотъ разъ ея смѣхъ непріятно подѣйствовалъ на молодаго человѣка.

— Я не понимаю, что находишь ты смѣшнымъ въ моихъ словахъ, началъ онъ сухимъ и недовольнымъ тономъ.

Но Вѣра продолжала хохотать, она выдернула свою руку изъ-подъ локтя Панченко, и, закрывъ лицо руками, дала волю

Бесѣда. Карт. Л. Пассини. грав. Брендамуръ

Любопытство. Карт. Л. Пассини, грав. Брендамуръ.

Чтеніе изъ Тассо въ Кіоджѣ. Карт. Л. Пассини, грав. Брендамуръ.

своему смѣху: ея плечи тряслись, она наклонила голову и даже затопала ногами въ припадкѣ неудержимой веселости. Панченко, недоумѣвая, стоялъ, облокотившись о плетень, и ждалъ объясненія.

— Нѣтъ, ты ужасно... смѣшной, еле выговорила Вѣра.—Ни разу въ жизни не дѣлалъ предложенія!.. охъ, не могу!

И она опять засмѣялась.

— Да тебѣ сколько лѣтъ?

— Двадцать одинъ годъ.

— Такъ когда-же ты успѣлъ-бы предложенія дѣлать? Но замѣтивъ, что молодому человѣку не сообщается ея веселое настроеніе, она прибавила:—Прости, милый, я больше не буду смѣяться, это послѣ слезъ всегда со мной. Но, безъ шутокъ, неужели ты сейчасъ хочешь говорить съ мамой?

— Зачѣмъ откладывать? отвѣтилъ вопросомъ Панченко.

— Все-таки еще рано, ты только что пріѣхалъ, мама не успѣла къ тебѣ привыкнуть. Какъ хочешь, но мнѣ кажется, что ты черезчуръ спѣшишь, возразила Вѣра, — и я не вижу причинъ, которыя заставляли-бы тебя такъ торопиться, прибавила она, подумавъ.

— Не видишь причинъ, повторилъ онъ,—неужели ты не хочешь понять, Вѣра, какъ тяжела неизвѣстность.

У молодаго человѣка отъ волненія даже пресѣкся голосъ, и онъ сталъ смотрѣть въ сторону.

Вѣра прижала его руку ближе къ себѣ.

— И вѣрю, и понимаю, но я не говорю о продолжительной отсрочкѣ, ты поживи хоть съ недѣлю у насъ и тогда, если тебѣ не терпится...

Но Панченко перебилъ ее:

— Ты говоришь, переждать недѣлю... отчего не переждать, переждать можно, но какими глазами я буду смотрѣть въ эту недѣлю на твоихъ родныхъ? Пріѣхалъ молодой человѣкъ, живетъ въ деревнѣ, ходитъ гулять съ дѣвушкой, и не объясняется...

Панченко замолчалъ, потому что Вѣра засмѣялась и на этотъ разъ такъ заразительно, что молодой человѣкъ не выдержалъ характера и хохоталъ вмѣстѣ съ нею.

Они вошли въ садъ и, не доходя до террасы, Вѣра остановилась, приблизила лицо къ своему спутнику и спросила, замѣтно-ли по ея глазамъ, что она плакала.

Панченко отвѣчалъ утвердительно. Вѣра хотѣла обойти домъ съ другой стороны и умыться въ своей комнатѣ, но зоркіе глаза Маруси уже успѣли разглядѣть молодыхъ людей, она кричала: „вотъ и Вѣра, мама, Вѣра въ саду!“ и въ нѣсколько прыжковъ очутилась возлѣ молодыхъ людей.

IX.

На балконѣ былъ опять накрытъ столъ, шумѣлъ самоваръ, горѣли свѣчи въ стеклянныхъ колпакахъ. Анна Григорьевна разливала чай. Петръ Гаврилычъ сидѣлъ въ креслахъ и курилъ сигару. Съ плохо сдерживаемымъ любопытствомъ онъ посмотрѣлъ на приближавшагося къ столу молодаго человѣка, но робкій видъ Ѳедора Васильевича и его миловидная внѣшность, по справедливому замѣчанію Тарахтина, располагали къ нему съ перваго взгляда, и Петръ Гаврилычъ усадилъ его рядомъ съ собой и, дружелюбно хлопая его по плечу, спросилъ:

— Не заблудились въ нашемъ лѣсу?

Анна Григорьевна только что хотѣла строго посмотрѣть на своего мужа за этотъ вопросъ, показавшійся ей неумѣстнымъ, но Панченко сказалъ такимъ простодушнымъ тономъ: „нѣтъ, не заблудились“, что его отвѣтъ обезоружилъ ее, и она, вмѣсто суроваго взгляда, размѣнялась съ Петромъ Гаврилычемъ счастливыми улыбками.

Вѣра сидѣла въ неосвѣщенномъ углу террасы, отъ нея не отходила Маруся, и оттуда слышался смѣхъ,—тихій и сдержанный Вѣры, и звонкій, какъ серебряный колокольчикъ, хохотъ Маруси. Анна Григорьевна разлила чай по стаканамъ и чашкамъ и подозвала дочерей къ столу.

Вѣрѣ опять не удалось пройти въ свою комнату чтобы умыться, потому что Маруся не хотѣла ни на минуту разставаться съ сестрой, крѣпко держала ее за руку и почти насильно подвела вмѣстѣ съ собой къ столу.

Петръ Гаврилычъ и Анна Григорьевна въ одно время посмотрѣли на подошедшую дѣвушку, и ея заплаканные глаза поразили ихъ своимъ выраженіемъ. Петръ Гаврилычъ усиленно запыхтѣлъ сигарой, что у него всегда служило признакомъ дурнаго расположенія духа, и Анна Григорьевна, измѣняя на этотъ разъ своему спокойствію, спросила:

— Что съ тобой, Вѣра, ты плакала?

Голосъ ея звучалъ тревогой.

Маруся съ любопытствомъ уставилась на сестру, ожидая отвѣта.

— Да, я плакала, сказала съ улыбкой и спокойно Вѣра, но замѣтивъ пристальные взгляды родныхъ, устремленные на Панченко, который, мѣняясь въ лицѣ, ожидалъ, чѣмъ окончится эта мучительная для него сцена, прибавила:—но Ѳедоръ Васильевичъ нисколько не виноватъ въ моихъ слезахъ.

Анна Григорьевна спохватилась и, желая загладить передъ молодымъ человѣкомъ неловкость своего поведенія, наперерывъ предлагала ему варенье, сливки, лимонъ, а Ѳедоръ Васильевичъ, еще не оправясь отъ смущенья, не зналъ за что взяться, второпяхъ обжегъ ротъ порывистымъ глоткомъ чая, поперхнулся и закашлялся. Хохотъ Маруси, привѣтствующій его кашель, возстановилъ веселое настроеніе семьи.

Пили чай, ѣли ягоды со сливками, и когда Панченко, сопровождаемый Марусей, ушелъ къ своему чемодану за папиросами, Вѣра, пользуясь его отсутствіемъ, наскоро объяснила отцу и матери причину своихъ слезъ, и они всѣ смѣялись, узнавъ, почему молодой человѣкъ спѣшитъ сдѣлать предложеніе.

И когда онъ воротился на террасу съ коробкой папиросъ въ рукахъ, его встрѣтили съ удвоеннымъ радушіемъ: Петръ Гаврилычъ любезно пенялъ его за то, что молодой человѣкъ не взялъ у него сигаръ, Анна Григорьевна спрашивала, что приготовить къ ужину, какое его любимое блюдо.

Панченко, уступая ея настояніямъ, сказалъ, что любитъ вареники со сметаной.

Маруся захлопала ручонками отъ радости и кричала, что и она ужасно любитъ вареники, а на лицахъ остальныхъ членовъ семьи появились довольныя улыбки, точно всѣ они давно хотѣли вареников со сметаной, и Панченко выручилъ ихъ изъ затруднительнаго положенія, назвавъ это блюдо.

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

А. В. Кольцовъ.

Замѣчательною чертою русской литературы является то, что, во всѣ времена ея исторіи, рядомъ съ поэтами изъ образованныхъ классовъ, возникали поэты изъ простонародья, изъ темной и сѣрой массы русскаго населенія. Можно указать даже на любопытное соотвѣтствіе въ этомъ смыслѣ между поэтами образованными и поэтами „народными“ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Во времена процвѣтанія литературы изъ народа выдвигались поэты великой силы, во времена ея упадка, напротивъ, не отличались выдающимися качествами и народные поэты. Такъ, во времена Пушкина, геніальнѣйшаго русскаго поэта, вышелъ изъ воронежскихъ прасоловъ геніальный Кольцовъ, въ смутные дни Некрасовскихъ стиховъ появился не болѣе какъ Никитинъ, а въ наше темное литературное время извѣстны уже совсѣмъ незначительные поэты изъ простонародья. Фактъ знаменательный, показывающій, что жизнь образованныхъ классовъ русскихъ извѣстнымъ образомъ отражалась всегда въ остальномъ народѣ, въ его умственной жизни.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ былъ натурой геніальной. Тѣмъ не менѣе, значеніемъ своей поэзіи онъ обязанъ тому обстоятельству, что онъ жилъ и дѣйствовалъ, т. е. писалъ, подъ вліяніемъ поэзіи Пушкинскаго періода. И какъ главнѣйшимъ и наиболѣе привлекательнымъ свойствомъ поэзіи Пушкина было въ высокой степени правдивое изображеніе человѣческой души и жизни, современной ему, такъ въ Кольцовскихъ стихотвореніяхъ сказалась простая, безъ претензій правда духовной жизни простаго русскаго люда. Въ этомъ смыслѣ онъ заслуживаетъ глубокаго изученія, въ немъ, и только въ немъ, можно найти народную поэзію и народный складъ мыслей и чувствъ во всей ихъ полнотѣ и опредѣленности.

Позже Кольцова, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ обществѣ направленій, создавались представленія о крестьянствѣ, какъ о забитомъ страданіями и непосильною работой, какъ о несущемъ свою суровую судьбу только, такъ сказать, по привычкѣ и животной малосознательности. Такъ, Некрасовскіе мужики „стонутъ по полямъ и дорогамъ“ и повсюду „свѣту Божьяго, солнца не рады“; это—масса „рабовъ“, завидующихъ житью псовъ. Такъ, у Рѣшетникова его герои, Подлиповцы, въ преувеличенной безсознательности влачатъ жалкое существованіе, полное страданій и лишеній; они, взрослые, не способны понять окружающую ихъ жизнь въ большей степени, чѣмъ смышленыя дѣти. Самъ сынъ народа, жившій все свое дѣтство и всю молодость среди природы воронежскихъ степей и простаго русскаго люда, Кольцовъ, именно поэтому способный сказать большую правду о немъ, говоритъ нѣчто иное, исправляетъ эти одностороннія воззрѣнія. Съ этой точки зрѣнія *содержаніе* поэзіи Кольцова получаетъ несравненный интересъ, огромную важность. Кольцовъ, поэтому, въ его историческомъ значеніи, имѣетъ несравненно большую роль, чѣмъ это кажется обыкновенно; онъ — не интересный прасолъ—поэтъ только, не представитель только способности русскаго простонародья постигать тайны поэзіи, какъ ее понимаютъ образованнѣйшіе люди, а и свидѣтель народной душевной жизни, учащій, какъ на нее должно смотрѣть. И свидѣтельство его тѣмъ любопытнѣе и цѣннѣе, что поэзія Кольцова, по своему содержанію и воззрѣніямъ, совершенно сходна съ произведеніями непосредственнаго народнаго творчества, съ былинами, сказками, пѣснями.

Остановимся, напр., на представленіяхъ Кольцова о тяжеломъ народномъ трудѣ и объ условіяхъ его, конечно, тяжелой жизни. Поэтъ образованныхъ, т. е. привилегированныхъ

классовъ. Некрасовъ, а за нимъ Никитинъ, не находятъ ничего кромѣ мрачныхъ красокъ для изображенія тягостей народнаго труда и жизни. Описывая, напр., работу женщины въ страдное время, Некрасовъ восклицаетъ:

„Доля ты! русская долюшка женская!
Врядъ-ли труднѣе сыскать!"

Въ другомъ стихотвореніи на лицѣ крестьянки поэтъ видитъ печать „тупаго терпѣнія и безсмысленнаго, вѣчнаго испуга". Сама природа, кажется, вооружается противъ народа въ его страдѣ:

„Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палитъ...
Бѣдная баба изъ силъ выбивается...
Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую..."

Въ общемъ великая русская страна представляется страной тупаго терпѣнія народнаго, страной,

„Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ..."

Загляните въ стихотворенія Кольцова, и картина народной жизни радикально мѣняетъ свой характеръ. Кольцовъ, конечно, очень хорошо, лучше другихъ русскихъ поэтовъ, зналъ тяжесть народнаго труда. Но описывая самыя тяжелыя работы крестьянскія, онъ не впадаетъ въ уныніе и въ скорбь. „Весело на пашнѣ", „весело я лажу борону и соху", „весело гляжу на гумно и скирды", — вотъ мысли и чувство, которыя онъ находитъ въ народномъ трудѣ. Съ трогательнымъ чувствомъ умиленія говоритъ Кольцовъ объ обстановкѣ труда, о томъ, какъ „выйдетъ въ полѣ травка — выраститъ и колосъ", какъ станетъ колосъ „спѣть, рядиться въ золотыя ткани", какъ „заблеститъ серпъ и зазвенятъ косы". О неизбѣжныхъ страданіяхъ, связанныхъ съ трудомъ, пѣтъ и помина, и только узнаете вы о немъ развѣ изъ словъ, что „сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ". Природа, съ своей стороны, совершенно мѣняетъ свой характеръ, свое отношеніе къ работающимъ. Солнце у Кольцова уже не „нещадно палитъ", а только „глядитъ съ горы небесъ", а когда оно „видитъ — жатва кончена", то „холоднѣй оно пошло къ осени". Тѣ „нивы, покосы да ширь поднебесная", которыя такое печальное впечатлѣніе оставляютъ въ поэтѣ образованныхъ классовъ, у Кольцова являются въ прелести поэзіи. Нива у прасола Кольцова

„Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается..."

Поэзія Кольцова знаетъ народное горе и личное горе. Но съ безграничной энергіей и силой относится поэтъ къ нему. „Горе" его поэзіи не простое горе, а такое, которое „горами качаетъ"; но — говоритъ поэтъ — „родясь терпѣливымъ и на все готовымъ..." Терпѣливость эта и на все готовность, однако, не имѣютъ ничего общаго съ „тупымъ терпѣніемъ и испугомъ"; поэтъ, скорѣе, хочетъ только, чтобы, какъ говорится, человѣкъ не былъ тряпкой передъ горемъ, не „нюнилъ", какъ это случилось именно у позднѣйшихъ поэтовъ. Идеальное отношеніе къ горю, по Кольцову, состоитъ въ томъ, чтобы

„... съ горемъ, въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибель идти —
Пѣсни пѣть соловьемъ..."

Поэтъ — представитель не безсильнаго терпѣнія, а исканія разумныхъ, а иногда необыкновенно смѣлыхъ исканій выхода изъ горя и невзгоды. Онъ готовъ „въ ночь, подъ бурей, безъ дороги въ путь отправиться, горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться..." И онъ увѣренъ, что „безъ пути, безъ свѣта свою долю сыщетъ". Въ немъ живутъ, конечно, и сомнѣнія въ своей силѣ, но онъ глубоко сожалѣетъ, что нѣтъ у него довольно воли,

„Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать..."

И въ трудѣ, и въ жизненной борьбѣ мы находимъ, такимъ образомъ, у Кольцова глубоко сознательное и ясное разумѣніе, энергію и силу чувства и пониманія цѣлей и результатовъ. Естественно ожидать, что и вся народная душевная жизнь въ стихотвореніяхъ Кольцова предстанетъ передъ вами богатою и разнообразною, такою же, какою она является всюду, во всѣхъ классахъ общества. Дѣйствительно, мы и встрѣчаемъ у него пѣсни, рисующія страсти и пороки человѣческіе, радости и горе, сомнѣнія и вѣрованія. Конечно, для Кольцова оставались темными многіе вопросы жизни и мысли, давно разрѣшенные для болѣе его образованныхъ людей, и потому его „Думы" иногда отличаются какой-то особенной трогательной наивностью какъ формы, такъ и содержанія. Но и тутъ ясный и необыкновенно сильный умъ Кольцова поднималъ его далеко выше образованной толпы. Совершенно, конечно, напрасно думали, что для него только, для самого поэта, важны были вопросы, навѣянные на него темнотой могилы: „Что слухъ мой замѣнитъ? Потухшія очи? Глубокое чувство остывшаго сердца? Что будетъ жизнь духа безъ этого сердца?" Очевидно, мысль Кольцова простиралась до тѣхъ предѣловъ, которые только кажутся ясными для образованной толпы. И Кольцовъ былъ безконечно правъ, говоря, что умъ нашъ „наобумъ мѣшаетъ съ былью небылицу". И то, что такъ тревожило Кольцова въ нерѣшенныхъ для него вопросахъ, по существу остается тревожно нерѣшеннымъ и для всѣхъ истинно мыслящихъ людей, мыслящихъ самостоятельно и глубоко. И только форма „думъ" Кольцова часто, дѣйствительно, наивна.

Невольно становится передъ читателемъ вопросъ, не представляетъ-ли это жизнерадостное и поэтическое воззрѣніе на простонародье и его жизнь нѣкоторой опасности, создавая мысль, что народъ счастливъ и не имѣетъ нужды въ улучшеніи своего быта. Одинъ только отвѣтъ возможенъ на это, что „истина важнѣе всего". А что истина на сторонѣ Кольцова — свидѣтельствуетъ уже то, что въ народныхъ былинахъ, самимъ народомъ созданныхъ, мы встрѣчаемъ совершенно то же, что и у Кольцова. Но и съ чисто практической точки зрѣнія воззрѣнія геніальнаго поэта представляютъ несомнѣнное преимущество. Если „горюющее" о народѣ направленіе литературы было въ нѣкоторой степени полезно въ свое время, обращая вниманіе общества на темныя стороны народной трудовой жизни, то вообще оно несостоятельно и вредно. Кто не согласится, что для людей, вѣрящихъ въ будущее нашей родины и нашего народа, утѣшительнѣе воззрѣнія Кольцова; что народъ — не рой подавленныхъ рабовъ, а сознательный, великій народъ, чрезъ вѣка испытаній и борьбы пронесшій идеалы честнаго труда, видящій донынѣ не тяжесть его, а необходимость для жизни, и потому смотрящій на него бодро и съ одушевляющей энергіей. Такимъ образомъ, содержаніе поэзіи Кольцова имѣетъ глубокій и поучительный смыслъ и важность въ исторіи русской поэзіи.

Что касается формы произведеній Кольцова, то и о ней можно сказать то же, что и о содержаніи. Во времена высокой обработки литературнаго языка, геніальный поэтъ, едва грамотнымъ взявшійся за чтеніе и позже только нѣсколько начитанный, написалъ стихотворенія по языку въ высокой степени замѣчательныя. У него есть стихотворенія почти Пушкинской красоты и силы. Въ этомъ, конечно, не могло быть особой заслуги. Но въ стихахъ Кольцова есть двѣ особенности, которыя даютъ и въ отношеніи формы совершенно особое мѣсто геніальному поэту-прасолу. Во-первыхъ, поразительная, оригинальная сила нѣкоторыхъ его стихотвореній, и сила чисто народная. Во-вторыхъ, большинство его замѣчательныхъ стихотвореній отличается сложною формою, соединяющею характеры стиха народнаго и стиха искусственнаго, развитаго литературою. Соблюдены въ нихъ точно всѣ правила стихосложенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ и характеръ народнаго стиха не утраченъ. Это свойство придаетъ стиху Кольцова особенную прелесть и оригинальность.

Арс. Введенскій.

Лудвигъ Пассини и его картины.

(Портр. и рис. на стр. 884 и 885).

Италія, любимица боговъ,
Владычица развѣнчанная міра!
Мей.

Италія — обѣтованная земля художниковъ и музыкантовъ. Къ ней стремится восходящее въ искусствѣ дарованіе, чтобы совершенствоваться; въ ней почерпаетъ свое вдохновеніе созрѣвшій талантъ, въ ней находитъ успокоеніе и оцѣнку заходящее свѣтило. Но не для нихъ только привлекательна Италія. Она служитъ неизсякаемымъ источникомъ впечатлѣній и праздному путешественнику, и любителю прекраснаго, и глубокомысленному ученому. Величественные остатки древней Римской имперіи, богатыя собранія произведеній изъ эпохи Возрожденія, своимъ видомъ краснорѣчиво говорятъ о пережитыхъ вѣкахъ славы и паденія страны, и, наконецъ, совре-

менная Италія со своею величавою, прекрасною природою, своеобразнымъ строемъ жизни и типичными обитателями привлекаетъ къ себѣ и даетъ пищу впечатлѣніямъ, вдохновенію и творчеству. Въ этомъ отношеніи не мало иностранныхъ для Италіи художниковъ изображали современную Италію, со всѣми мелочами ея повседневной жизни. Стоитъ припомнить изъ числа русскихъ живописцевъ Бронникова съ его картинами современнаго Рима или Харламова и его прелестныя головки итальянокъ. Среди другихъ художниковъ выдающееся мѣсто должно быть отведено Евгенію фонъ-Блаасу и Лудвигу Пассини.

Картины перваго изъ нихъ, а также біографія его хорошо извѣстны читателямъ нашего журнала. Въ нынѣшнемъ нумерѣ они найдутъ нѣсколько очень тонкихъ гравюръ Брендамура съ картинъ Лудвига Пассини.

Судя по фамиліи можно предположить, что Пассини итальянецъ, но подобное заключеніе ошибочно. Лудвигъ Пассини — австрійскій нѣмецъ и родился 27 іюня 1832 года въ Вѣнѣ. Его отецъ считался въ этомъ городѣ талантливымъ художникомъ и граверомъ на мѣди. Примѣръ Пассини-отца не остался безъ вліянія на сына, который унаслѣдовалъ влеченіе къ живописи. У Пассини-отца была привычка никогда не выходить изъ дому безъ тетради для набросковъ, и когда случалось подмѣтить кого-нибудь или что-нибудь интересное, онъ тутъ же набрасывалъ въ свою книжку что привлекало его вниманіе. Лудвигъ часто сопровождалъ своего отца въ такихъ экскурсіяхъ и старался во всемъ подражать ему. Таковы были первые уроки живописи будущаго мастера.

Но старикъ Пассини, несмотря на очевидное влеченіе и явное дарованіе своего сына къ живописи, искренно желалъ, чтобы его сынъ избралъ болѣе выгодную дѣятельность, чѣмъ жизнь художника, полная лишеній и всякихъ невзгодъ. Не желая въ то же время заглушить нарождающееся призваніе живописца въ своемъ сынѣ, онъ остановился на карьерѣ архитектора, прошедшаго хорошую школу, и съ этою цѣлью отдалъ молодаго Лудвига въ Политехническое училище, совѣтуя ему прилежно заниматься математикой, механикой и строительнымъ искусствомъ. Но вскорѣ, къ своему разочарованію, онъ долженъ былъ убѣдиться, что заглушить природное влеченіе къ живописи въ сынѣ было бы жестоко, и замѣтивъ во-время свой промахъ, онъ перевелъ своего сына въ Вѣнскую академію живописи, гдѣ молодой Пассини и началъ свое художественное образованіе подъ руководствомъ Іосифа Фюриха.

Событія 1848 года не прошли безслѣдно для Вѣны; упадокъ и застой въ торговлѣ и промышленности — печальныя послѣдствія происшедшихъ событій — отразились и на заработкѣ Пассини-отца. Въ надеждѣ на лучшее, старый Пассини переселился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Тріестъ. Въ Тріестѣ Лудвигъ Пассини принялся уже самостоятельно заниматься живописью. Онъ рисовалъ за недорогую плату портреты, виды и бытовыя картинки. Въ это время близость Венеціи не давала покоя молодому артисту и онъ стремился всѣми силами молодой души побывать и даже переселиться въ этотъ живописный городъ. Наконецъ, противъ воли отца, ему удалось осуществить свои мечты, и онъ переѣхалъ въ Венецію, которая нынѣ стала его второю родиною. Здѣсь, посреди тихихъ, зеленоватыхъ каналовъ, подъ сводами храмовъ или посреди дворовъ дворца дожей, между колоннами Піацетты и Ривы; въ узкихъ и прохладныхъ боковыхъ переулкахъ; на мостахъ съ высокими арками, изъ мрака которыхъ неслышно выбѣгаютъ гондолы; среди старѣющагося великолѣпія зданій и церквей; въ толчеѣ на рынкахъ, между крикливыми продавцами и покупателями, нищими и богачами, при яркомъ южномъ солнцѣ или серебристомъ свѣтѣ луны — здѣсь, въ безсмертномъ городѣ лагунъ — нашелъ Лудвигъ Пассини настоящую почву для своего дарованія. Знакомство съ извѣстнымъ акварелистомъ изъ Лейпцига, Карломъ Вернеромъ, дополнило остальное.

Въ то время среди нѣмецкихъ художниковъ было только четыре выдающихся акварелиста: Эдуардъ Гильдебрандтъ, всесвѣтный живописецъ, который уже съ начала сороковыхъ годовъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими ландшафтами, исполненными водяными красками съ неизвѣстнымъ дотолѣ совершенствомъ и поистинѣ геніальною техникою; Рудольфъ Альтъ изъ Вѣны, замѣчательно тонкій выполнитель зданій и цѣлыхъ улицъ; Адольфъ Менцель, который искусно рисовалъ не только прозрачными водяными красками, но удачно и съ большими эффектами употреблялъ въ этой живописи гуашъ и другія средства, излюбленныя въ настоящее время современными акварелистами, и наконецъ Карлъ Вернеръ. Подобно Эдуарду Гильдебрандту, онъ также не мало путешествовалъ по Востоку и Италіи, откуда вывезъ множество прелестныхъ эскизовъ. Мастерская Вернера была въ Венеціи. Тамъ онъ, окруженный учениками, выполнялъ по наброскамъ тщательно и прилежно свои картины.

Къ нему обратился Пассини и Вернеръ сдѣлался его учителемъ, быстро оцѣнивъ талантъ своего ученика. Прекрасный изобразитель видовъ, Вернеръ давалъ рисовать на своихъ пейзажахъ молодому Пассини фигуры и цѣлыя сцены, которыя молодой художникъ выполнялъ съ такимъ совершенствомъ и притомъ такъ удачно поддѣлываясь подъ манеру и тонъ своего учителя, что въ картинахъ нельзя было узнать работу двухъ лицъ. Работая такимъ образомъ, Пассини сопровождалъ своего учителя въ его путешествіяхъ, что продолжалось до 1855 года. Въ этомъ году онъ покинулъ Венецію и переѣхалъ въ Римъ. Съ этого времени начинается самостоятельное творчество художника.

Въ Вѣчномъ Городѣ молодой художникъ нашелъ неизсякаемую сокровищницу, изъ которой онъ могъ извлекать прелестные сюжеты для своихъ работъ. На улицахъ, посреди развалинъ, въ старинныхъ великолѣпныхъ церквахъ, каждую минуту представлялись они его наблюдательному глазу, который все подмѣчалъ и усвоивалъ. Низшіе классы населенія, красивыя женщины, въ особенности дѣти и духовныя лица различныхъ орденовъ и положеній, занимали болѣе всего Пассини, и цѣлый рядъ картинъ акварелью, полныхъ оригинальности и своеобразной прелести, прекрасныхъ по рисунку и краскамъ, явился результатомъ его наблюдательности и таланта, разнеся по всему образованному міру имя Пассини, какъ даровитаго художника-акварелиста. Къ этому времени относится одна изъ его картинъ, помѣщенныхъ нами, и по ней можно судить о привлекательности дарованія Пассини. Это его „Школа для мальчиковъ въ Римѣ". На ней безхитростно передана незамысловатая сцена перваго посѣщенія школы мальчуганомъ, котораго мать привела на выучку. Съ любопытствомъ посматриваетъ новичекъ на старика-учителя и въ свою очередь является предметомъ наблюденій своихъ будущихъ товарищей. Все просто и жизненно въ этой картинѣ. Видимо Пассини прямо схватилъ ее съ натуры. Тутъ ничего нѣтъ сочиненнаго и дѣланнаго, а потому картина такъ привлекательна. На другой картинкѣ изъ дѣтской жизни онъ представилъ, какъ маленькая итальяночка, съ чулкомъ въ рукахъ, въ своеобразномъ нарядѣ и съ хорошо извѣстнымъ головнымъ уборомъ, чутко слѣдитъ за своимъ просыпающимся братишкой. Здѣсь мы видимъ, что Пассини такъ же искусно передаетъ фигуры дѣвочекъ, какъ и мальчугановъ. Другимъ доказательствомъ этой стороны таланта художника является картинка „Любопытная", составляющая собственность Бреславльскаго музея и бывшая на юбилейной выставкѣ въ Берлинѣ. На ней стройная, босоногая малютка, взобравшись на брошенную кверху дномъ корзину, заглядываетъ черезъ заборъ въ сосѣдній садъ, откуда виднѣются олеандровые и лавровые кусты.

Проживъ въ Римѣ до 1863 г., Пассини, послѣ трехлѣтняго отсутствія, вернулся снова въ этотъ городъ и оставался до 1870 г., когда переселился, на этотъ разъ навсегда, въ Венецію, гдѣ начался расцвѣтъ его таланта. Изъ картинъ, написанныхъ въ Венеціи, заслуживаетъ прежде всего вниманія сцена, которая поразила молодого художника еще во время его странствованій съ Вернеромъ. Въ сосѣднемъ съ Венеціею городкѣ, Кіоджа, населенномъ рыбаками и матросами, Пассини былъ свидѣтелемъ публичнаго чтенія Торквато Тассо. Впечатлѣніе видѣннаго навсегда осталось въ памяти художника. Узнавъ, что подобныя сцены еще повторяются, онъ перебрался въ Кіоджу и, нанявъ комнату въ домѣ портнаго, выходившемъ на рыбный рынокъ, могъ наблюдать, какъ посреди пестрой толпы грамотей читалъ вдохновенныя строфы изъ освобожденнаго Іерусалима.

Эти наблюденія нисколько не смутили рыбаковъ, и они охотно подвергали себя наблюденіямъ и изображеніямъ со стороны signor'a pittore. Результатомъ оказалась прекрасная картина, прямо выхваченная изъ жизни, которую читатели найдутъ въ числѣ прочихъ гравюръ нынѣшняго нумера.

Послѣдняя гравюра представляетъ свиданіе на берегу канала въ Венеціи. На кирпичной стѣнкѣ сидитъ миловидная простолюдинка, закутанная въ темный платокъ, и тутъ-же молодой рыбакъ, красиво облокотившійся о набережную.

Перечислить въ короткой замѣткѣ все написанное мастеромъ нѣтъ возможности; но и тѣхъ картинъ, которыя читатели найдутъ въ сегодняшнемъ нумерѣ, будетъ достаточно, чтобы дать понятіе о тонкой и изящной манерѣ живописи у Лудвига Пассини, всегда безупречной по рисунку и замѣчательной по краскамъ, къ сожалѣнію, не передаваемымъ въ одноцвѣтныхъ гравюрахъ.

Къ рисункамъ

Камея Флаксмана. (Рис. на стр. 873).

Англійскій скульпторъ, Джонъ Флаксманъ, родился 6 іюля (н. с.) 1755 г. въ Іоркѣ, и, посвятивъ себя ваянію, изучалъ его сначала въ Королевской академіи, а потомъ подъ руководствомъ Банкса, Кумберланда, Шарпа, Блека и въ особенности Стотарта. Въ 1782 году онъ женился на Аннѣ Денманъ и вмѣстѣ съ нею въ 1787 году отправился въ Италію, гдѣ про-

жилъ 7 лѣтъ. По возвращеніи въ Англію, онъ былъ избранъ въ 1800 году членомъ, а въ 1810 году профессоромъ Королевской академіи. Умеръ 9 декабря 1826 года.

Флаксманъ былъ однимъ изъ первыхъ художниковъ, которые, соревнуя Винкельману, проникнись истиннымъ духомъ античнаго искусства. Его композиціи нерѣдко поражаютъ своимъ величіемъ, стиль его всегда благороденъ и чистъ. Особенно прославились его эскизные рисунки къ Иліадѣ и Одиссеѣ, выказавшіе неистощимое богатство его фантазіи. Къ тому-же роду воспроизведеній античной жизни относится и прилагаемая Камея, изображающая ребенка-Бахуса, несомаго двумя юными фавнами.

1. Нарва. Ихъ Императорскія Величества выходятъ изъ крѣпостной церкви Ивакгорода въ другую церковь.
Съ фотогр. генерала Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

Плакучая ива. Ориг. рис. Крыжицкаго.

(Рис. на стр. 876).

Прелестный рисунокъ академика Крыжицкаго изображаетъ нашу поэтическую иву-шку, которая въ пѣснѣ, какъ извѣстно, „невесело шумитъ". Этотъ печальныя видъ плакучей ивы бросался въ глаза поэтамъ всѣхъ временъ и народовъ. Шекспиръ обращаетъ къ ней мысли Дездемоны въ последній, предсмертный вечеръ... Нашъ художникъ-пейзажистъ смягчаетъ унылое впечатлѣніе яркимъ солнечнымъ свѣтомъ и всегда дающею оживленіе природѣ водою—рѣчки, протекающей въ окрестныхъ заливныхъ лугахъ. На заднемъ планѣ, рядомъ съ плакучею, видна обыкновенная ива, ветла, также весьма характерно написанная, съ ея дуплистымъ, корявымъ стволомъ.

Видъ на рѣкѣ Кубани.

(Рис. на стр. 877).

Болѣе 600 верстъ тянется по Предкавказью рѣка Кубань, извѣстная еще въ древности Геродоту и Страбону подъ именемъ Гипаниса. Начинаясь съ юго-западной покатости Эльбруса, Кубань вначалѣ течетъ между лѣсистыми и обрывистыми берегами, затѣмъ пробившись сквозь ущелье, выходитъ на равнину, постепенно понижающуюся. Быстрая въ своемъ началѣ, Кубань близъ устья течетъ едва примѣтно, посреди живописной горной мѣстности.

Домашній концертъ.

(Рис. на стр. 881).

2. Ревель. Поднесеніе хлѣба-соли депутатами Выборгскаго полка Германскому императору.
Съ фотогр. генерала Насвѣтевича, грав. Пуцъ.

Въ небольшой комнатѣ, но обстановкѣ и одеждѣ дѣйствующихъ лицъ напоминающей внутренность голландскихъ жилищъ XVII вѣка, изображена сценка, названная художникомъ „Домашній концертъ". Въ этомъ вокально-инструментальномъ квартетѣ принимаетъ участіе вся семья: плачущій ребенокъ; мать, наказывающая его; отецъ, повидимому, не особенный любитель невольныхъ вокализацій плаксы, которыя онъ заглушаетъ нѣжными звуками мандолины, и пѣтухъ. Свою картину г. Урлаубъ

передалъ какъ по манерѣ живописи, такъ и по обстановкѣ очень сходно съ произведеніями старинныхъ голландскихъ мастеровъ, какъ извѣстно, не всегда разборчивыхъ на сюжеты, которые порою бываютъ не особенно привлекательными.

Маневры при Нарвѣ.

(Семь рис. на стр. 889, 892 и 893).

Въ политическомъ обозрѣніи *Нивы* уже упоминалось о прибытіи въ Россію вѣнценоснаго гостя — Германскаго императора Вильгельма II и о присутствіи его на маневрахъ. Здѣсь мы отмѣтимъ наиболѣе интересные моменты изъ времени пребыванія у насъ Августѣйшаго гостя, изображенные на приложенныхъ рисункахъ, заимствуя подробности изъ офиціальныхъ сообщеній и корреспонденцій *Правительственнаго Вѣстника* и *Русскаго Инвалида*. 5 августа, ровно въ 1 ч. 50 мин., послѣ своего прибытія на яхтѣ „Гогенцоллернъ", императоръ Вильгельмъ пересѣлъ на гребную баржу съ Е. И. В. Вел. Кн. Алексѣемъ Александровичемъ, принцами и свитой, и высадился на ревельской пристани, украшенной флагами, гирляндами и цвѣтами, гдѣ ожидалъ его почетный караулъ, впереди котораго находился Августѣйшій главнокомандующій войсками гвардіи и с.-петербургскаго военнаго округа, Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ. Послѣ встрѣчи съ его Высочествомъ, императоръ Германскій принялъ депутацію представителей города (см. рис. 2 на стр. 889), и командиръ Выборгскаго полка, находившійся во главѣ ея, полковникъ Церпицкій поднесъ высокому гостю хлѣбъ-соль на великолѣпномъ, рѣзномъ орѣховомъ блюдѣ, со словами: „Примите, ваше величество, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль на русской землѣ". Императоръ Вильгельмъ по-русски поблагодарилъ полкъ и отбылъ по таможенной желѣзно-дорожной линіи въ Нарву. Здѣсь на вокзалѣ произошло свиданіе двухъ Императоровъ при блестящей обстановкѣ, въ присутствіи почти всей Императорской Фамиліи, многочисленной свиты и массы публики. На слѣдующій день, 6 августа, въ день праздника Преображенія Господня, былъ церковный парадъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и гвардейской артиллеріи, на которомъ присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и императоръ Германскій. Оба Императора, говоритъ *Правительственный Вѣстникъ*, пошли по фронту войскъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Музыка играла гимнъ „Боже Царя храни". Государь Императоръ здоровался съ войсками. Послѣ обхода войскъ началось молебствіе. Послѣ парада Ихъ Величества и Особы Императорской Фамиліи проѣхали къ бивуаку преображенцевъ, гдѣ уже стояли вокругъ столовъ нижніе чины. Государь пилъ здоровье императора Германскаго и затѣмъ за Преображенскій полкъ и артиллерію. Затѣмъ въ саду, въ палаткѣ, состоялся Высочайшій завтракъ, къ которому были приглашены лица Императорской русской и германской свитъ, командиры и офицеры празднующихъ частей и военное начальство. Его Величество Государь Императоръ провозгласилъ по-русски тосты: за здоровье императоровъ Германскаго и Австрійскаго, а императоръ Германскій провозгласилъ отвѣтный тостъ, также по-русски: „здоровье Императора Александра Третьяго". Того-же числа Государь Императоръ и императоръ Германскій, Государыня Императрица съ Великою Княжною Ксеніею Александровною, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, принцъ Генрихъ Прусскій съ наслѣднымъ принцемъ Гессенъ-Дармштадтскимъ, князь Георгій Максиміліановичъ съ принцемъ Саксенъ-Альтенбургскимъ, съ нѣкоторыми лицами свиты отбыли съ дачи, гдѣ временно проживали Ихъ Величества, въ Нарву, и по дорогѣ осматривали построенную въ XV вѣкѣ крѣпость Ивангородъ. Августѣйшія Особы прошли въ церковь Успенія Божіей Матери, при входѣ въ которую были встрѣчены протоіереемъ съ крестомъ. На нашемъ рисункѣ (1 на стр. 889) изображенъ моментъ, когда Высочайшія Особы переходятъ изъ крѣпостной Ивангородской церкви въ другую нижнюю церковь. Священникъ стоитъ у входа, пропустивъ впередъ Государя Императора, за которымъ слѣдуютъ: Государыня Императрица, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Великая Княжна Ксенія Александровна, императоръ Германскій и прочія лица. Выйдя изъ церкви, Особы Императорской Фамиліи и принцы осматривали развалины древней крѣпости. Нашъ другой рисунокъ (3 на стр. 892) представляетъ тотъ моментъ, когда офицеры лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ Ивангородской крѣпости, выстроившись, встрѣчаютъ Августѣйшихъ Особъ, только что вышедшихъ изъ старой крѣпости: Государь Императоръ останавливается передъ однимъ изъ офицеровъ, за Его Величествомъ слѣдуютъ Государыня Императрица и императоръ Вильгельмъ. Изъ Ивангорода Августѣйшія Особы направились въ городскую ратушу, передъ которою, на площади у обелиска Петра Великаго, стояли хоръ Нарвскаго музыкальнаго общества и вольная пожарная команда. Городской голова поднесъ Ихъ Величествамъ и императору Германскому альбомы съ видами Нарвы. Посѣтивъ думскій залъ, магистратъ и дворецъ Петра I, Высочайшія Особы отбыли обратно на дачу. На слѣдующій день, 7 августа, начались маневры, и въ десятомъ часу въ Ямбургъ прибылъ Императорскій поѣздъ. По сообщенію *Русскаго Инвалида*, Государь Императоръ, императоръ Вильгельмъ, Великіе Князья, принцы, герцоги и вся свита, сѣвъ на коней, отправились къ мызѣ Пятницкой. Въ этой величественно-блестящей группѣ слѣдовали: на тройкѣ Государыня Императрица съ Вел. Кн. Ксеніей Александровной и въ двуколкѣ Вел. Княгини Марія Павловна и Елисавета Ѳеодоровна. Прибывъ въ Ново-Пятницкое, Особы Императорской Фамиліи проѣхали мимо мызы и церкви и стали на лѣвой возвышенности, на берегу рѣчки Пороженцы, гдѣ окопался съ двухъ сторонъ Двинскій полкъ. Вскорѣ Государь сошелъ съ коня и вмѣстѣ съ начальникомъ восточнаго отряда наблюдалъ за наступленіемъ западнаго отряда, который далеко растянулъ свою линію. Немного спустя по прибытіи, Германскій императоръ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, съ иностранными принцами, лицами свиты и иностранными военными агентами проѣхалъ верхомъ въ передовой отрядъ западнаго отряда и наблюдалъ за артиллерійскими батареями восточнаго отряда. Западный отрядъ завладѣлъ желѣзною дорогою и войска восточнаго отряда начали отступать черезъ село Ново-Пятницкое къ Ямбургу. Тогда Ихъ Величества, Германскій императоръ и прочія Высочайшія Особы проѣхали изъ этого пункта на лѣвый берегъ рѣки Луги, къ памятнику генерала К. И. Бистрома, осматривали этотъ памятникъ и отсюда, по спеціально выстроенной саперами дорогѣ, спустились къ рѣкѣ, гдѣ сѣли на понтонъ,—какъ видно на нашемъ рисункѣ (7 на стр. 893),—и переправились на правый берегъ, на возвышенности котораго была разбита царская палатка. Тѣмъ временемъ Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ и вся свита переправились на ямбургскій берегъ черезъ перекинутые мосты. Изъ палатки на возвышеніи, Августѣйшія Особы наблюдали за наступленіемъ западнаго отряда, а также за взрывами, произведенными восточнымъ отрядомъ мостовъ и миннаго загражденія фарватера. Моменты взрыва моста на рѣкѣ Лугѣ и минныхъ загражденій, представлявшіе грандіозное зрѣлище, изображены на нашихъ двухъ рисункахъ (5 и 6 на стр. 892). На взрываемый мостъ, для того, чтобы затруднить ходъ приближающагося непріятеля, наложена была масса камней, которые при взрывѣ взлетали вмѣстѣ съ столбами воды въ воздухѣ на далекое пространство. Затѣмъ Августѣйшія Особы смотрѣли какъ черезъ р. Лугу войска западнаго отряда переправлялись вплавь, на лодкахъ и на понтонахъ, а также наблюдали за наводкою черезъ эту рѣку понтоннаго моста, совершенную необыкновенно быстро, причемъ однимъ изъ первыхъ по мосту проѣхалъ командующій западнымъ отрядомъ генералъ Манзей со своимъ штабомъ. Во время наводки моста, въ полѣ былъ сервированъ Высочайшій завтракъ, и въ пятомъ часу Ихъ Величества, Германскій императоръ и прочія Особы Императорской Фамиліи возвратились въ Нарву. Маневры продолжались и на слѣдующій день; Ихъ Величества, императоръ Вильгельмъ и иностранные принцы присутствовали на маневрахъ въ Веймарнѣ, съ которыхъ вернулись въ 4 часа пополудни. На слѣдующій день Августѣйшія Особы осматривали фабрики льнопрядильную и суконную на правой стороны Нарвы; Государыня Императрица посѣтила мужскую и женскую гимназіи, послѣ чего всѣ Высочайшія Особы отбыли изъ Нарвы, а 10 августа прибыли въ Петергофъ. Тамъ въ 7½ часовъ вечера слѣдующаго, 11 числа, происходилъ, въ Большомъ Петергофскомъ Дворцѣ, въ честь императора Вильгельма, парадный обѣдъ, послѣ котораго въ 10 час. 20 мин. вечера, императоръ Германскій, простясь съ Ихъ Величествами и Августѣйшими Особами, отбылъ на Императорской яхтѣ „Александрія" въ Кронштадтъ, гдѣ ожидала его собственная яхта „Гогенцоллернъ".

Главный священникъ гвардіи и гренадеръ, арміи и флотовъ, протопресвитеръ Александръ Алексѣевичъ Желобовскій. (Портр. на стр. 893).

26 марта 1890 года минулъ годъ, какъ протоіерей А. А. Желобовскій назначенъ на высокій и трудный постъ главнаго священника всѣхъ церквей военнаго вѣдомства. Въ это короткое время почтенный о. протоіерей съумѣлъ заслужить самыя искреннія симпатіи въ средѣ подвѣдомаго духовенства.

О. Александръ, уроженецъ Новгородской губ., имѣетъ отъ роду 55 лѣтъ. Высшее богословское образованіе получилъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, гдѣ въ 1859 году окончилъ курсъ со степенью магистра богословія. Въ томъ же году поступилъ на службу полковымъ священникомъ въ Митавскій гусарскій (нынѣ драгунскій) полкъ. Черезъ пять лѣтъ былъ переведенъ на службу въ л.-гв. Кирасирскій Ея Величества полкъ. Митавскіе гусары, въ благодарную память, поднесли своему любимому отцу духовному золотой магистерскій крестъ. Покойный протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, цѣня высокія дарованія и примѣрное усердіе о. Александра, быстро возвышалъ его на лѣстницѣ служебной: въ 1868 г. о. Александръ былъ священникомъ въ л.-гв. Конномъ полку; въ 1869 —въ Кава-

лергардскомъ Ея Величества полку; въ 1880 г. назначенъ благочиннымъ всего гвардейскаго духовенства; въ 1882 г. занялъ мѣсто настоятеля Сергіевскаго всей артиллеріи собора. Очень недолго пробылъ о. Александръ въ Кирасирскомъ и Конногвардейскомъ полкахъ, но сослуживцы помнятъ его досель. Довольно долго (12 лѣтъ) прослужилъ онъ въ Кавалергардскомъ Ея Величества полку и оставилъ по себѣ лучшія воспоминанія. Прощаясь съ нимъ, кавалергарды поднесли ему украшенный драгоцѣнными камнями крестъ и выразили глубокое сожалѣніе о разлукѣ съ о. Александромъ. Чрезъ два года настоятельства въ Сергіевскомъ соборѣ, новая паства чествовала 25-лѣтіе священства о. Александра и собрала болѣе 2000 р. на стипендію его имени въ Бѣлозерскомъ духовномъ училищѣ, въ коемъ онъ получилъ первоначальное образованіе. Въ лицѣ его первый настоятель Сергіевскаго собора удостоился почетной награды для бѣлаго духовенства — митры. Для ознакомленія нижнихъ чиновъ съ основами вѣры и нравственности христіанской, о. Александръ издалъ нѣсколько брошюръ, въ коихъ объяснилъ — Молитву Господню, Символъ Вѣры, десять Заповѣдей, Литургію и семь Таинствъ — всѣ книжки, написанныя просто и назидательно, читаются съ удовольствіемъ и пользою, и не одними нижними чинами. Въ настоящее время о. Александръ путешествуетъ по Россіи съ цѣлію обзора военныхъ церквей.

Политическое обозрѣніе.

Свиданіе двухъ Императоровъ продолжаетъ быть предметомъ обсужденій европейскихъ газетъ. Значеніе всей поѣздки, а также отдѣльныхъ событій во время пребыванія молодаго Германскаго императора въ Россіи, толкуется на всѣ лады. Одни видятъ въ поѣздкѣ императора Вильгельма только выраженіе политической вѣжливости и полагаютъ, что никакихъ послѣдствій нарвское свиданіе имѣть не будетъ. Такъ думаютъ преимущественно въ Австро-Венгріи и Болгаріи. Другіе считаютъ, что политическое положеніе вещей въ Европѣ улучшится; притомъ наиболѣе оптимистическіе изъ корреспондентовъ, въ родѣ сотрудника *Daily News*, увѣряютъ, что въ бытность Германскаго императора въ Россіи рѣшено не мало вопросовъ въ самомъ благопріятномъ смыслѣ, и чуть-ли не выработана цѣлая программа полнаго умиротворенія Европы. Брюссельская газета *Nord*, обсуждая нарвское свиданіе, замѣчаетъ, что исходъ посѣщенія Русскаго Двора императоромъ Вильгельмомъ вполнѣ отвѣчаетъ надеждамъ, возникшимъ въ началѣ свиданія. Встрѣча эта была рѣдкимъ политическимъ событіемъ, и почти вся европейская публика отнеслась къ этому событію съ полнымъ сочувствіемъ. Газеты также отзывались о нарвскомъ свиданіи сочувственно и въ сообщеніяхъ своихъ соблюдали достаточную скромность.

Что касается возвращенія императора Вильгельма въ Берлинъ, вызвавшаго въ свою очередь разные пересуды, то о немъ мы находимъ въ *Journal de St.-Pétersbourg* слѣдующія строки: „Телеграфъ принесъ извѣстіе о пріѣздѣ императора Вильгельма въ Потсдамъ по возвращеніи изъ поѣздки въ Россію и восточныя провинціи Пруссіи. Періодическую печать сочли бы отсталою, еслибъ она не старалась удовлетворять той потребности въ возбужденіи, которую многіе, повидимому, считаютъ вѣрною характеристикою того, что съ поспѣшностью, служащею тоже психологическимъ симптомомъ, принято называть „fin de siècle“. И вотъ почему за отсутствіемъ сенсаціонныхъ извѣстій, которыхъ какъ будто ждали съ береговъ Балтійскаго моря за все пребываніе Германскаго государя на русской землѣ и которыя не были получены, занялись фабрикаціею такихъ извѣстій по случаю его поспѣшнаго возвращенія. Во многихъ западныхъ газетахъ появились статьи или мнимыя телеграммы изъ нашей столицы, описывающія „удивленіе“, которое произвелъ де „поспѣшный отъѣздъ“ Августѣйшаго гостя Государя и Государыни. Между тѣмъ день отъѣзда былъ назначенъ заранѣе и о томъ давно уже было объявлено, а программа путешествія была соблюдена съ большою точностью уже потому, что его величество, въ столь же опредѣленные сроки, имѣлъ другія свиданія — если можно такъ выразиться —требовавшія его присутствія въ его восточныхъ провинціяхъ“.

14 августа исполнилось тридцать лѣтъ со дня восшествія на престолъ князя Черногорскаго Николая. Празднованіе прошло очень скромно, вслѣдствіе продолжающагося еще траура по княгинѣ Зоркѣ Карагеоргіевичъ. Отъ иностранныхъ государей князь получилъ поздравительныя телеграммы, а отъ Россіи, по словамъ иностранныхъ газетъ, весьма цѣнный для Черногоріи подарокъ—большой пароходъ.

Нѣсколько дней спустя была отпразднована въ Турціи годовщина восшествія на престолъ султана. По этому случаю оффиціозная газета *Bulgarie* въ Софіи помѣстила портретъ султана и статью, въ которой, восхваляя мудрую и дальновидную политику султана, заявляетъ, что политика эта поселила въ Болгаріи новыя чувства благодарности къ ея верховному властителю. Стамбуловъ лично явился съ поздравленіемъ къ секретарю турецкаго коммисарства Решидъ-бею. Сообщеніе это особенно интересно въ сопоставленіи съ извѣстіемъ изъ Константинополя въ *Berliner Tagblatt*, что туда прибылъ на дняхъ изъ Софіи пресловутый Вулковичъ съ собственноручнымъ письмомъ принца Фердинанда къ султану. Письмо это находится, будто бы, въ связи съ проектомъ провозглашенія независимости Болгаріи и провозглашенія принца Фердинанда королемъ. Въ константинопольскихъ политическихъ кругахъ говорятъ, будто относительно провозглашенія независимости Болгаріи и признанія этого факта Портою послѣдовало уже соглашеніе между Константинополемъ и Софіей. Какъ ведется дѣло „о независимости“ Болгаріи можно судить по брошюрѣ, появившейся 21 августа въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и озаглавленной: „Находится-ли Болгарія наканунѣ катастрофы?“ Она написана, говорятъ, лицомъ бывшимъ на германской службѣ и долго жившимъ въ Болгаріи. Авторъ хвалитъ нынѣшнее отношеніе германскаго правительства и германской печати къ Болгаріи сравнительно съ отношеніемъ Германіи къ княжеству при князѣ Бисмаркѣ. О правленіи принца Александра Баттенбергскаго авторъ отзывается неблагопріятно, за то воздаетъ должное дѣятельности князя Дондукова-Корсакова. Вообще авторъ стремится расположить Россію въ пользу Болгаріи, но въ то же время онъ сочувственно отзывается о принцѣ Фердинандѣ и объ его дѣятельности и подготовляетъ общественное мнѣніе къ скорому провозглашенію независимости Болгаріи.

Изъ Бѣлграда телеграфируютъ въ *Tagblatt*, что королева Наталія намѣрена обнародовать письма Милана Обреновича за время сербско-болгарской войны, чтобы разоблачить двусмысленный образъ дѣйствій экс-короля. Рѣшеніе это, будто бы, вызвано поведеніемъ бывшаго короля, который при всякомъ удобномъ случаѣ называетъ свою супругу ненавистницею Сербіи, завзятою панславистскою и русскимъ агентомъ. Опубликованіемъ названныхъ писемъ королева намѣрена доказать, что обвиненія эти несправедливы и что, при всей своей любви къ Россіи, она никогда не упускала изъ вида интересовъ Сербіи.

Изъ Нью-Іорка сообщаютъ по телеграфу, что Гватемала и и Санъ-Сальвадоръ заключили мирный договоръ, коимъ обусловливается полная независимость Санъ-Сальвадора, равно какъ очищеніе въ сорока-восьми-часовой срокъ мѣстностей занятыхъ войсками обоихъ государствъ. Миръ возстановленъ теперь на всемъ протяженіи центральной Америки.

Смѣсь.

Наводненіе въ Петербургѣ. Около шести часовъ вечера 16 августа надъ Петербургомъ пронеслась довольно сильная гроза: продолжалась она весьма недолго, и послѣ нея наступилъ прекрасный вечеръ. Небо совершенно очистилось, и лазурь небесная, говоря словами поэта, улыбалась „омытая грозой“. Рабочій день окончился, и ясная погода невольно гнала жителей столицы на воздухъ, подальше отъ пыли и духоты, „in's Grüne“. Загородные сады переполнены были публикой, которая такъ или иначе веселилась, мало обращая вниманія на свѣжій „зюдъ-вестъ“, начавшійся еще съ вечера. Онъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ, и вотъ съ крѣпостной стѣны грянулъ пушечный выстрѣлъ, возвѣщавшій о сильной прибыли воды: выстрѣлы вскорѣ стали раздаваться чаще и чаще, вѣтеръ усиливался, вода поднималась быстро и стремительно — и часамъ къ одиннадцати Петербургъ былъ затопленъ. Вышедшая изъ береговъ Нева, затопивъ Мытнинскую набережную, начала наполнять часть Александровскаго парка, съ быстротою приближалась къ Зоологическому саду, и черезъ какія-нибудь 10—12 минутъ огромные потоки воды хлынули къ ворота сада. Публику предупреждали о наводненіи, но она продолжала оставаться въ саду, пока чуть не половина дорожекъ сада была уже затоплена. Всѣ бросились къ выходу, но здѣсь клокотало уже цѣлое море воды, шумно занимавшей аллею за аллеей въ паркѣ. Произошло страшное смятеніе. Женщины кричали, дѣти плакали. Растерявшіяся дамы, не жалѣя дорогихъ костюмовъ, въ бродъ по колѣно переходили главную аллею парка, перебираясь на панель улицы. А вода дѣлала свое дѣло. Троицкая площадь до самаго Троицкаго собора представляла какъ бы продолженіе Невы: большая часть улицъ Петербургской и Выборгской Сторонъ были затоплены: на Крестовскомъ островѣ, въ Новой-Деревнѣ, на Каменномъ островѣ, на Елагиномъ, Петровскомъ, въ Галерной гавани, на Охтѣ, — всюду бушевала вода, поднявшаяся къ двумъ часамъ ночи до небывалаго уровня — свыше 9 футовъ. Въ Крестовскомъ саду вода поднялась фута на два, начала затоплять полы комнатъ и буфета, такъ что полиція распорядилась пригласить посѣтителей

3. Нарва. Офицеры Л.-Гв. Семеновскаго полка въ крѣпости Ивангородъ ожидаютъ выхода Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ старой крѣпости. Съ фотогр. генерала Пасвѣтевича. грав. Шюблеръ.

4. Близь ст. Чирковицы. Производство юнкеровъ военныхъ училищъ въ офицеры. Съ фотогр. генерала Пасвѣтевича грав. Шюблеръ.

5. Маневры у г. Ямбурга. Взрывъ моста на р. Лугѣ. Съ фот. генерала Пасвѣтевича грав. Рашевскій.

6. Маневры у г. Ямбурга. Видъ съ жел.-дор. моста на р. Лугу и на мѣсто гдѣ происходила переправа и взрывы мостовъ. Взрывъ подводныхъ минъ Съ фот. генерала Пасвѣтевича. грав. Рашевскій.

сада „наверхъ“, откуда лишь въ четвертомъ часу утра застрявшая публика могла выбраться, благодаря маленькимъ пароходикамъ Финляндскаго легкаго пароходства, которые могли проходить подъ мостами. Въ Новой-Деревнѣ первая линія была затоплена по всѣмъ нижнимъ этажамъ дачъ, въ части ея, лежащей близъ Старой-Деревни. Деревянный мостъ, соединяющій обѣ деревни, подняло и сдвинуло въ сторону, сообщеніе въ полночь прекратилось, и много дачниковъ, застигнутыхъ здѣсь врасплохъ, должны были ожидать убыли воды до самаго разсвѣта, находясь на балконахъ чужихъ помѣщеній. Садъ „Аркадія“ весь залило водою; выбѣгавшая изъ сада публика не находила извозчиковъ и просто дралась за мѣста въ дилижансахъ. У Строганова моста собралось множество извозчиковъ съ пассажирами, скоро узнавшими, что Каменноостровскій проспектъ отъ моста вплоть до рѣчки Карповки и далѣе почти сплошь залитъ водою и что конки не ходятъ и путь даже для легкихъ экипажей весьма затруднителенъ.

7. Маневры у г. Ямбурга. Переѣздъ на паромѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ послѣ осмотра позиціи и памятника К. И. Бистрома. Съ фотогр. генерала Паскѣтевича, грав. Шюблеръ.

Всѣ каналы Каменнаго острова еще въ 11 час. ночи вышли изъ береговъ, вода покрыла аллеи парка, затопила нижніе этажи дачъ, окружила дворецъ Вел. Кн. Екатерины Михаиловны со всѣхъ сторонъ. Елагинъ островъ, представляющій собою котловину, обнесенную вокругъ дамбою въ три аршина вышиною, тоже весь очутился въ водѣ, послѣ того, когда вода изъ обѣихъ Невокъ стремительно хлынула черезъ дамбу, прорвавъ ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: дворецъ со всѣми его службами, дача министра Финансовъ, Императорское садоводство, дачи придворнаго духовенства, все было затоплено. Въ Галерной Гавани наводненіе приняло наибольшіе размѣры. Здѣсь вода выступила изъ береговъ Невской губы еще въ предшествовавшую ночь 15 августа, но не коснулась построекъ, а 16 числа, уже въ 10 ч. вечера она залила улицы, дворы, огороды, всю площадь на которой стоитъ Василеостровскій народный театръ, покрывъ ее на аршинъ. Здѣсь было полное смятеніе. По улицамъ плавали кочни капусты, дрова, цѣлые штабели которыхъ разнесло по Гавани. Полы въ нижнихъ этажахъ взломало и загородило выходы. Вой собакъ, ржанье лошадей, хрюканье, визгъ свиней, мычанье коровъ, кудахтанье куръ перемѣшивались съ воплями людей... Какой-то глухой стонъ стоялъ въ воздухѣ. Въ самой столицѣ Нева тоже шутила плохія шутки. Фонтанка, Екатерининскій каналъ вышли изъ береговъ и затопили всѣ прилегающія улицы. Изъ городскихъ трубъ вода била ключемъ и наполняла подвалы и дворы. По всей Адмиралтейской набережной вода шумѣла и клокотала, вырывая торцы мостовой, журчала ручьями по тротуарамъ обѣихъ сторонъ Большой Морской улицы, она залила Фонарный переулокъ, покрыла Торговую улицу вплоть до Большаго театра, а также Никольскую площадь, по которой плавали колбасы, куски говядины, цѣлыя мясныя туши, деревянныя чашки, корзины и прочія вещи Никольскаго и Литовскаго рынковъ, и разнузданная, полная грабительскихъ и воровскихъ инстинктовъ толпа дѣлала здѣсь свое дѣло, устраивая облаву на плывущіе предметы. На Екатерингофскомъ проспектѣ, на Сѣнной, по Обуховскому проспекту, и въ разныхъ мѣстахъ Коломны также журчала вода, доходя на Рижскомъ и Старо-Петергофскомъ проспектѣ до колѣнъ. Однако, только на слѣдующій день можно было получить полное понятіе о томъ, сколько неисчислимыхъ бѣдъ произвело это наводненіе, сколько убытковъ оно надѣлало, затопивъ много дровяныхъ барокъ, строительныхъ матеріаловъ, поломавъ и повредивъ множество купаленъ, пристаней, портомойныхъ плотовъ, живорыбныхъ садковъ, рыболовныхъ тоней, нѣсколько мастерскихъ на Путиловскомъ желѣзо-прокатномъ заводѣ, не пощадивъ даже и жилища мертвыхъ. На Смоленскомъ кладбищѣ вода произвела страшное опустошеніе, размыла до 10 могилъ, разломала заборы, будки, вырвала и повосила кресты, вырыла зіяющія ямы, нанесла цѣлыя груды капусты и массу всякаго мусора: въ заднихъ разрядахъ кладбища почва и до сихъ поръ походитъ на какой-то кисель. На Елагиномъ знаменитая „pointe“, излюбленная „большимъ“ Петербургомъ „стрѣлка“, долго грозила превратиться въ островокъ, отдѣлиться отъ острова по причинѣ страшно попорченной дамбы. На Лахтѣ совсѣмъ испортило мостъ. Въ Зоологи-

Протопресвитеръ Александръ Алексѣевичъ Желобовскій, главный священникъ гвардіи и гренадеръ, арміи и флотовъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

ческомъ саду погибло множество мелкихъ животныхъ и птицъ, одинъ тюлень уплылъ въ Неву: звѣрей спасали, помѣщая ихъ въ самый страшный моментъ напора воды, на открытой сценѣ, въ буфетѣ, на террасѣ; выведенный изъ стойла слонъ грозилъ произвести ощутительныя опустошенія, метался по саду, разыскивая сушу, и его съ трудомъ угомонила цѣлая толпа служителей сада. Одной бѣды не бываетъ, говоритъ пословица: въ эту же ночь, 16 августа, въ теченіе какихъ-нибудь трехъ часовъ времени, произошло шесть пожаровъ,—въ Галерной Гавани отъ загорѣвшейся извести, въ Елагиномъ дворцѣ, на Петербургской сторонѣ, по Подрѣзовой улицѣ, на углу 17 линіи Васильевскаго Острова и т. д. Старожилы давно не запомнятъ такого сильнаго наводненія, подобіе котораго было лишь 11 лѣтъ назадъ. Какъ 16 августа, такъ и тогда, въ половинѣ августа 1879 г., уровень воды не достигалъ только всего на два фута до злополучной черты наводненія 7 ноября 1824 года, и лишь благодаря тому, что послѣ 1824 г. былъ прорытъ Обводный каналъ, который, для спасенія обитателей Петербурга отъ ужасовъ наводненія на будущее время, слѣдовало бы углубить еще болѣе. Сильный подъемъ воды, при рѣзкомъ вѣтрѣ, начинался снова 19 истекшаго августа, но Нева раздумала, не пойдя далѣе злополучной Галерной Гавани. Быть-можетъ и грозныя стихіи придерживаются пословицы, говорящей, что „съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ“. **П. Б.**

Д-ръ Ронге въ Гунгенѣ (Верхній Гессенъ) настоятельно рекомендуетъ употребленіе *арака* въ случаяхъ заболѣванія дифтеритомъ. Онъ утверждаетъ, что средство это уничтожаетъ ядовитое дѣйствіе дифтеритнаго грибка. Смотря по возрасту больнаго ребенка, пріемы арака колеблются между чайной и столовой ложкой. Г. Ронге получилъ прекрасные результаты отъ такого леченія и въ числѣ преимуществъ его указываетъ на то, что средство это принимается охотно какъ дѣтьми, такъ и взрослыми, что оно совершенно безвредно, замѣняетъ собою всѣ другія средства и въ то же время подкрѣпляетъ организмъ и уменьшаетъ лихорадочное состояніе. (с.)

Плодородіе различныхъ породъ рыбъ весьма разнообразно, но въ общемъ невѣроятно велико. Лосось и форель принадлежатъ къ числу тѣхъ породъ, которыя мечутъ наименьшее количество икры, а именно немного болѣе 25,000 яичекъ; но линь, напр., выбрасываетъ 70,000, щука 100,000, окунь 300,000, а сомъ, осетръ и бѣлуга — милліоны. Море не могло бы вмѣстить въ себѣ всей рыбы, еслибъ изъ каждой икринки вышелъ дѣтенышъ и еслибъ каждая молодая рыбка достигла величины своихъ родителей. (с.)

Старикъ Дюма былъ приглашенъ однажды на обѣдъ, вмѣстѣ съ нѣкимъ Валандріэ, надутымъ глупцомъ, съ которымъ писатель находился въ несовсѣмъ дружескихъ отношеніяхъ. Когда Валандріэ узналъ, что въ числѣ гостей будетъ и Дюма, онъ принялъ приглашеніе только подъ условіемъ, чтобы знаменитый своими остротами писатель обязался говорить за столомъ не болѣе одного раза. Хозяинъ дома передалъ это требованіе Дюма, ожидая, что тотъ съ негодованіемъ отвергнетъ его. Каково же было его удивленіе, когда Дюма согласился на предложенное условіе! Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Валандріэ былъ особенно разговорчивъ и высыпалъ весь запасъ своихъ остротъ, между тѣмъ какъ Дюма, ко всеобщему удивленію, сидѣлъ молча и, казалось, занятъ былъ исключительно ѣдой. Въ видѣ дессерта подали паштеты, одно изъ любимыхъ блюдъ Валандріэ. И дѣйствительно, онъ сильно поналегъ на нихъ. Однако, когда блюдо обнесли уже нѣсколько разъ, онъ оказался наконецъ удовлетвореннымъ и проговорилъ, обращаясь къ сидѣвшей рядомъ съ нимъ хозяйкѣ дома, которая предлагала ему взять еще:

— Благодарю васъ, сударыня, но я уничтожилъ уже столько паштетовъ, сколько Самсонъ — филистимлянъ!

— И тѣмъ же самымъ орудіемъ (ослиной челюстью)! холодно добавилъ писатель, согласно своему обязательству не открывавшій до сихъ поръ рта, послѣ чего Валандріэ удалился, при общемъ хохотѣ присутствующихъ. (с.)

Участь Great Eastern'a. Кто бы узналъ теперь, въ жалкихъ остаткахъ корабельнаго остова, находящихся въ Нью-Ферри, на берегу Мёрси, гордый „Great Eastern“, составлявшій въ 1858 году удивленіе всего міра? Столбы и балки, какъ скелетъ, торчатъ изъ воды. Больверки и боковыя стѣнки сняты уже до кильсона. Мачты, трубы и колеса исчезли конечно давно. А между тѣмъ, осматривая съ лодки, на близкомъ разстояніи, развалины огромнаго судна, невольно восхищаешься и теперь этимъ удивительнымъ произведеніемъ корабельнаго искусства. Все сдѣлано прочно, чисто и основательно. Говорятъ, что внутренняя и внѣшняя обшивка до сихъ поръ не уступаетъ новой. Всѣмъ извѣстенъ печальный фактъ, что „Great Eastern“ не оправдалъ великихъ надеждъ, возлагавшихся на него строителями, и въ концѣ концовъ былъ проданъ въ ломъ, какъ никуда не годное старое желѣзо. (с.)

Г. Позднѣевъ, профессоръ восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета, открылъ въ Парижской Національной библіотекѣ манджурскую рукопись, можетъ быть единственную въ свѣтѣ. Она состоитъ изъ 151 листа китайскаго папируса и имѣетъ желтую шелковую обложку. Рукопись эта составлена по порученію перваго императора нынѣшней династіи и носитъ заглавіе: „Сборникъ словъ“. Она заключаетъ въ себѣ множество словъ и цѣлыхъ фразъ. Въ рукописи найдены также неизвѣстныя доселѣ буквы и сочетанія звуковъ, значительно уясняющія произношеніе. Документъ этотъ былъ пріобрѣтенъ въ концѣ прошлаго столѣтія и внесенъ въ каталогъ безъ всякаго указанія на его происхожденіе. (с.)

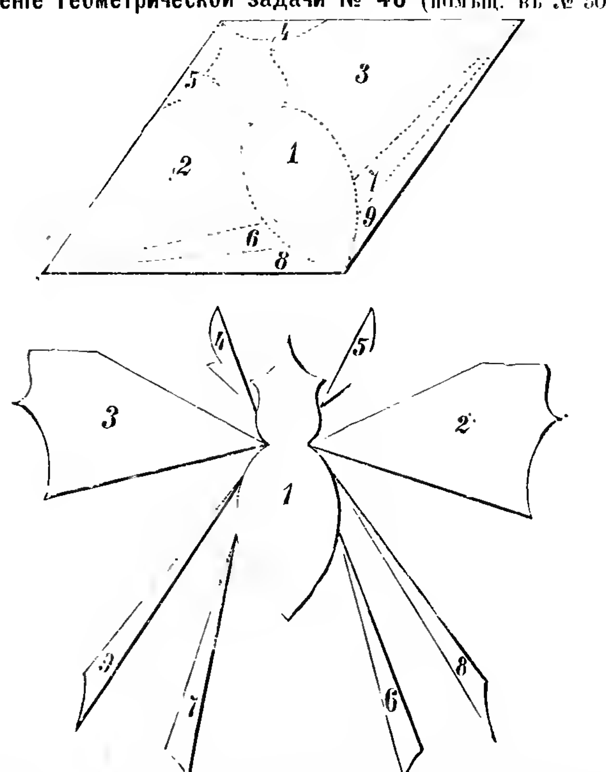
Изъ Парижа сообщаютъ, что академія отказалась отъ предположеннаго ею выпуска новаго изданія словаря. (с.)

Ковентгарденскій театръ въ Лондонѣ предположено продать осенью съ публичнаго торга, вмѣстѣ съ цѣнной библіотекой, гардеробомъ и декораціями, если до тѣхъ поръ не найдется покупателя. Театръ снабженъ всѣми необходимыми реквизитами для постановки пятидесяти слишкомъ оперъ. (с.)

Оригинальное общество возникло въ Нью-Іоркѣ. Оно поставило своей цѣлью устроить проводъ для снабженія молокомъ жителей всѣхъ квартиръ города, на манеръ газопровода и водопровода. (в.)

Быстрота полета голубей была недавно испробована дрессировщиками почтовыхъ голубей въ Перпиньянѣ. Въ 5 часовъ утра было выпущено 2,500 птицъ. Первые два голубя прилетѣли въ Парижъ въ 12 ч. 31 м. дня. Слѣдовательно, они сдѣлали около 500 верстъ въ $7\frac{1}{2}$ часовъ. (в.)

Рѣшеніе геометрической задачи № 46 (помѣщ. въ № 30).



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: **СПб.** — Ю. Детерс, В. Смерчинскаго, П. Л. Епифанова, М. Шкваткова, Б. Кратирова, Е. Бѣлова, К. Носкова, И. Царева, П. Романова, М. И. Кочергина, Ф. А. Боронина, Е. А. Юзепчукъ, Н. К. Н—кина, Н. Пекинѣлова, О. Судальцевой, Л. К. Чернявскаго, А. Г. Гетина, К. Герцель, Ф. Михель; **Москва** — В. Кравкова, Ф. А. Куликова, М. Посохина, А. А. Боголѣпова, Козель; **Бердянскъ** — М. Беньяшъ, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Винница** — С. И. Мильрудъ, **Ветлуга** — Н. Л. Шевякова, **Вильно** — А. П. Узунова, **Владиміръ** — А. Сидорскаго, **Гори** — М. Кришевича, **Екатеринославъ** — Н. Н. Поповненкова, Ф. Илашевича, М. П. Сосновской, А. Авчинникова, **Ефремовъ** — В. Буняковскаго, **Елисаветградъ** — Н. Когонъ, **Емельяновка** — Д. Попова, **Зимарово** — А. П. Аблова, **Износково** — Дмитріевскаго, **Казань** — Н. Любарскаго, **Казатинъ** — Е. Фридвальдъ, **Кунгуръ** — Н. Зырянова, **Кіевъ** — А. Н. Шульженко, Д. А. Лысенко, **Кронштадтъ** — А. Тонъ, Э. Матье, **Ковно** — Л. Аронштамъ, **Ковровъ** — П. Мыгарева, К. Киселева, **Лебедянь** — В. Н. Чурилова, **Могилевъ** — Ф. Филиповича, **Мценскъ** — Б. Г. Максимова, **Новочеркаскъ** — М. Абрамова, **Н. Новгородъ** — М. Н. Познанскаго, **Никольское** — В. С. Зубцова, **Одесса** — А. Н. Брискина, М. Юрьева, Константинидо, М. С. Алексѣева, **Орелъ** — М. Н. Овечкина, Ц. Д. Хоелъ, **Оренбургъ** — С. Н. Потѣхина, **Псковъ** — Н. Невдачина, **Рязань** — Н. Постникова, **Ростовъ** — А. О. Стригалкова, **Сергіевъ посадъ** — С. Н. Заботина, **Симбирскъ** — А. З. Соловьева, **Сокольники** — А. Пригоровскаго, **Тушина** — В. С. Черныкина, **Тифлисъ** — Н. и К. Бернацкихъ, **Уварково** — Г. Бейеръ, **Уфа** — Н. С. Бонье, **Усть-Сысольскъ** — Красильникова, **Херсонъ** — А. Богашева, **Черниговъ** — В. В. Максимовича, **Щучинъ** — Д. Н. Жигмановскаго, **Юхновъ** — К. Н. Олицкаго, **Язвищи** — К. Ильинской, **Ярославль** — Е. Фальковичъ, Д. Н. Богоявленскаго, К. Мосягина.

Рѣшеніе шарады № 45 (помѣщенной въ № 30).

Кол-бас-а.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 28 августа 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. № 36 — г. XXI 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 8 сентября 1890 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Севастополь. Видъ на южную бухту съ историческаго бульвара. Съ фот. Апостоли, грав. Рашевскій.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. (Продолженіе).

IV.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго въ прошлой главѣ—Сластенову доложили, что его желаетъ видѣть Исаакъ Яковлевичъ Плюсъ. Василій Герасимовичъ приказалъ принять его. Плюсъ весь осунулся какъ-то и постарѣлъ за это время.

— Я воспользовался отъѣздомъ Готлиба Готлибовича, чтобы представиться вамъ, покорно началъ онъ.

— Развѣ вы не можете при немъ? удивился Василій Герасимовичъ его смиренію.

— При немъ—нѣтъ. Я не могу скрыть отъ васъ, что вы нѣкоторымъ образомъ находитесь подъ опекой...

— Подъ какой опекой? засмѣялся Сластеновъ.—Полноте, Исаакъ Яковлевичъ. Я уже не тотъ, что прежде...

— Подъ опекой Курца. Онъ съумѣлъ удалить отъ васъ всѣхъ вашихъ друзей: сначала Приходзько, который разумѣется пользовался—даромъ-то вѣдь нынче никто не работаетъ.—а потомъ меня... Я даже прошу васъ сохранить въ величайшей тайнѣ то, что я у васъ былъ сегодня. Тѣмъ болѣе, что я пришелъ предупредить васъ... Васъ надуваютъ.

Сластеновъ поморщился. Къ нему всѣ подходили съ такими же предупрежденіями и всѣхъ ему приходилось спрашивать „сколько?"

— То есть, вы хотите сказать, что и мы васъ надували. Но помилуйте—мы сама добродѣтель въ сравненіи съ господиномъ Курцомъ... Надо признаться, что онъ умнѣе всѣхъ насъ. Это дѣйствительно правда... Я впрочемъ не буду злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ. Не можете-ли вы сказать мнѣ, это все въ вашихъ же интересахъ, сколько вами уже выдано ему на Каспійско-Черноморскій каналъ... Разумѣется, если это не секретъ.

Сластеновъ нажалъ пуговку электрическаго звонка... Въ дверяхъ показался лакей.

— Позовите Корнѣй Корнѣича, если онъ здѣсь. Да пусть счета по каналу возьметъ.

Ечкинъ явился немедля. Онъ воровато посмотрѣлъ на Плюса, и вытянувъ голову впередъ, весь превратился во вниманіе. Даже и задышалъ какъ-то по-собачьи, стараясь по глазамъ хозяина угадать въ чемъ дѣло.

— Корнѣй Корнѣичъ, справьтесь, сколько мы отпустили Готлибу Готлибовичу на работы.

— Я и такъ помню-съ... Помилуйте... Всего по каналу на нашу долю безъ дяденькиныхъ и другихъ пришлось милліонъ восемьсотъ девяносто тысячъ. Да на постройку дома—шестьсотъ семьдесятъ три...

— Тысячи! съ ужасомъ воскликнулъ Плюсъ.—Вѣдь это больше двухъ съ половиной милліоновъ. Берегитесь, Василій Герасимовичъ... берегитесь...

— Дѣло того стоитъ. Дѣло большое... Громадное дѣло.

— Послушайте, Василій Герасимовичъ, я не ангелъ и предупреждаю васъ вовсе не для того, чтобы въ рай попасть. Мнѣ теперь до вашихъ интересовъ нѣтъ никакого дѣла, рѣшительно никакого, и если бы кто другой васъ грабилъ — я бы къ вамъ не пришелъ. Но Готлиба я ненавижу всей душой... Ему я многаго не могу спустить... Обратите на него вниманіе. Онъ продаетъ всѣ дома, которые до сихъ поръ покупалъ одинъ за другимъ. Продаетъ наскоро, почемъ ни попало!.. Третьяго дня спустилъ—на Лубянкѣ—почти за полцѣны. Это плохой знакъ. Въ чемъ дѣло—я не знаю... Но между прочимъ, племянникъ мнѣ пишетъ съ вашихъ работъ—что всѣ онѣ дѣлаются на фу-фу, кое-какъ. Подрядчики только царапаютъ землю для одной видимости... Что-то не ладно... что-то не ладно. Смотрите, не разразилась бы катастрофа. Слѣдите за нимъ.

— Ну, вотъ. Что я за полицейскій! Да потомъ ненависть къ Курцу заставляетъ васъ преувеличивать.

— Вы думаете?.. И отказываетесь... Ну, что дѣлать... Я стану одинъ слѣдить за нимъ. Помните только мои слова, Василій Герасимовичъ. Я первый предсказалъ вамъ катастрофу. Слышите? Вы это вспомните когда-нибудь, но будетъ уже поздно... Слишкомъ поздно...

Исаакъ Яковлевичъ Плюсъ, простившись со Сластеновымъ, поѣхалъ не къ себѣ, а къ нѣкоему Гиршману—извѣстному всей дѣловой Москвѣ. Гиршманъ — это былъ энциклопедическій словарь всѣхъ справокъ. Какимъ путемъ онъ зналъ все — неизвѣстно, но только зналъ. Онъ жилъ на Зарядьѣ въ трущобѣ, въ домѣ переполненномъ мастеровыми, гдѣ съ утра слышался стукъ, трескъ и грохотъ всевозможныхъ инструментовъ. Рядомъ стучалъ мѣдникъ, съ другой стороны грохотали какіе-то верстаки, внизу пѣли сапожники, а вверху даже и не разобрать, что такое было—Вавилонское столпотвореніе!..

„Сластеновъ что! Сластеновъ дуракъ — но очевидно Готлибъ къ чему-то готовится..." соображалъ Плюсъ, подымаясь по лѣстницѣ „и если Василій Герасимовичъ не шевельнетъ пальцемъ, чтобы его накрыть — такъ я его не упущу... Онъ узнаетъ, что значитъ стоять на нашей дорогѣ!.. Онъ узнаетъ это"...

У Гиршмана уже ждалъ Исаака Яковлевича Станиславъ Сигизмундовичъ Приходзько.

— Ну? спросилъ Плюсъ, входя и пожимая руку блѣдному сѣдому, наглухо застегнутому человѣку, у котораго были особенно проницательные глаза и все лицо какъ-то по-лисьи выдавалось впередъ.—Ну, Гиршманъ, что?

— Вчера онъ продалъ послѣдній домъ. За девяносто пять тысячъ...

— А стоилъ ему?

— Сто пять. Потомъ онъ всѣ свободныя суммы велѣлъ держать наготовѣ, не въ банкѣ... Онъ, видите, Коммерческій банкъ признаетъ ненадежнымъ, а сегодня — поссорился съ артельщикомъ и прогналъ его, а деньги заперъ въ несгораемый шкапъ-кассу у себя въ конторѣ—въ своей комнатѣ...

— Сколько тамъ?

— До полутора милліона всего.

— Ловко!—И Плюсъ, не снимая шляпы, заходилъ по комнатѣ.—Я сегодня былъ у Сластенова, предупредилъ его.

— Напрасно, это съ вашей стороны совсѣмъ глупо! вспыхнулъ Приходзько.

— Не вамъ-ли меня уму учить! съ презрѣніемъ проговорилъ Плюсъ.—Василій Герасимовичъ—изъ стыдливости и изъ нежеланія обидѣть Курца—не передастъ ему объ этомъ.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали?

— Разговоръ былъ при Ечкинѣ.

— Ну?

— Очень просто... Ечкинъ навѣрное уже написалъ Саввѣ Кузмичу—а тотъ немедленно выѣдетъ сюда.

— Я все-таки ничего не понимаю!.. пожалъ плечами Приходзько.

— Вамъ и понимать нечѣмъ... Для этого природа вамъ не отпустила инструмента... Если теперь Боголюбка захочетъ еще цапнуть денегъ — напослѣдокъ—ему это не удастся. Понимаете, а это его испугаетъ, а испугавшись онъ слишкомъ поторопится, а начнетъ торопиться—столько глупостей надѣлаетъ, что самъ попадется въ наши руки. И теперь не понимаете?

— Да это совершенно вѣрный расчетъ! усмѣхнулся Гиршманъ.—Вчера онъ съ большимъ шумомъ въ клу-

бѣ у всѣхъ спрашивалъ указанія, гдѣ ему найти хорошаго учителя шведскаго языка.

— Шведскаго?.. засмѣялся Плюсъ.

— Значитъ онъ собирается удрать въ Швецію? глубокомысленно замѣтилъ Приходзько, и самъ удивился своей проницательности.

Но Плюсъ посмотрѣлъ на него съ такимъ презрѣніемъ, что Станиславъ Сигизмундовичъ немедленно осѣкся и спросилъ его: „а что... иначе зачѣмъ же ему...“

— Это доказываетъ, что онъ никогда въ Швецію не поѣдетъ. Значитъ по этому направленію его нечего и искать будетъ. Понимаете, душа моя?.. Я Курца насквозь вижу — и если онъ убѣжитъ, ему не далеко удастся уйти.

И лицо Плюса вдругъ выразило такую злобу, что Гиршманъ невольно замѣтилъ:

— Однако, на его мѣстѣ, я бы теперь не былъ спокоенъ. Вы его очень любите...

— Да, очень... Онъ у меня съ Приходзько...

— По крайней мѣрѣ милліонъ отнялъ, окончилъ за него Гиршманъ.

— Вы почемъ знаете?

— Я все знаю.

— Племянникъ писалъ, что рабочіе близки къ бунту. Имъ давно уже не выдаютъ денегъ. А онѣ лежали между тѣмъ свободными въ банкѣ, а теперь въ кассѣ у него.

— Если еще въ кассѣ! засмѣялся Гиршманъ.

— Вы еще что-нибудь знаете?

— Да. Вчера онъ у Левенгаупта купилъ громадный портфель... Пріѣхалъ съ нимъ въ контору. Портфель былъ пустой, а сегодня уѣхалъ взявъ его съ собою — портфель былъ полонъ... Кучеру своему онъ отказалъ — лошадей поставилъ пока къ Кригу. И экипажъ тамъ. Ѣздитъ на извозчикахъ... Вчера...

Гиршманъ открылъ свою записную книжку, порылся въ ней.

— Вчера, въ 11 часовъ ночи, онъ ни съ того, ни съ сего приказалъ затопить у себя каминъ—а утромъ тамъ оказалась масса сгорѣвшей бумаги и между прочимъ письмо какое-то, уцѣлѣлъ вотъ только этотъ уголокъ. Можете получить его...

Плюсъ взялъ его, внимательно посмотрѣлъ. На немъ было только одно слово—очевидно послѣднее въ строкѣ: „скорѣе...“

— Нужно бы узнать, чей это почеркъ.

— Я знаю, тихо проговорилъ Гиршманъ.

— Вы все знаете! восхитился Приходзько.

— Не вамъ чета, не унимался Плюсъ.

— Вы помните, былъ здѣсь когда-то нотаріусъ Ѳоминъ?.. Потомъ онъ бѣжалъ за-границу... Растратилъ чужихъ пятьдесятъ тысячъ... Вы не забыли его?

— Нѣтъ, какъ-же!..

— Ну, вотъ сравните это „скорѣе“ съ этимъ... Вотъ вамъ письмо Ѳомина старое и въ немъ есть „скорѣе“. Видите какія характерныя „к“ и „ѣ“—такъ рѣдко кто пишетъ.

— Да, пожалуй. А гдѣ онъ теперь?

— Бумага эта—не русская, не англійская и не нѣмецкая. Для французской она слишкомъ жидка. Полоски идутъ не прямо, а волнообразно... Такую бумагу очень любятъ въ Вѣнѣ... Разумѣется, это ничего не доказываетъ. И очень можетъ быть, что я ошибаюсь.

— Не безпокойтесь... До границы онъ не доѣдетъ. Сколько я вамъ долженъ, Гиршманъ?

— Впослѣдствіи... Вы сами понимаете... Сочтемся.

— Да, разумѣется...

Плюсъ уѣхалъ отъ Гиршмана. Онъ направился было къ себѣ, но вдругъ ему пришла въ голову блистательная идея.

— Прежде онъ мнѣ не отказывалъ за хорошіе проценты. Я у него два раза бралъ... Къ Курцу! приказалъ онъ своему кучеру.—На Тверскую... Понимаешь?

Боголюбъ Боголюбовичъ сидѣлъ у себя за столомъ, внимательно разсматривая „Reichs-Curs-Buch“ и отмѣчая что-то на бумагѣ, когда его человѣкъ вошелъ и доложилъ:

— Господинъ Плюсъ васъ спрашиваетъ.

Курцъ выдвинулъ ящикъ и бросилъ было туда „путеводитель“, но это оказалось слишкомъ поздно. Желтую обложку его уже замѣтилъ Плюсъ и занотовалъ въ своей памяти, и не только занотовалъ, но и спросилъ:

— Что это вы — собираетесь путешествовать кажется, а?..

— Нѣтъ, такъ, смѣшался Курцъ.

— А Рейхсъ-Курсъ-Бухъ у васъ зачѣмъ? На воды вѣрно куда-нибудь... Отъ тонкихъ винъ подагра началась, а?.. Ну, я вамъ совѣтую въ Австрію... Въ Австріи есть на этотъ предметъ такіе источники.

— Въ Австрію... зачѣмъ мнѣ въ Австрію?.. раздраженно переспросилъ его Курцъ.

— Ого!.. да у васъ и печень... Ну, разумѣется въ Австрію. Тѣмъ болѣе, что туда теперь разными дорогами можно ѣздить. Даже черезъ Румынію... Яссы-Букурештъ... Я тамъ былъ во время войны. Мы, знаете, съ Горвицемъ и Коганомъ. Рекомендую румынокъ „Штируманешти, пушти русешти?..“

И чѣмъ Курцъ становился растеряннѣе, тѣмъ болѣе радовался и дѣлался остроумнѣе Плюсъ.

— Однако я къ вамъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы рекомендовать ясскихъ „куконицъ“ или домнулъ бухарештскихъ... Вотъ что, Курцъ: вы меня знаете, и мы съ вами въ прошломъ году не одно дѣльце сдѣлали. Ну, такъ предстоитъ одно ужасно выгодное. Можно на сто нажить двѣсти—только у меня своего капиталу не хватаетъ. Надо еще полтораста тысячъ... Вы за нихъ получите двѣсти пятьдесятъ... поняли? Счастливое дѣло...

Но Курцъ, всегда радовавшійся этому, теперь остался спокоенъ.

— Не могу.

— Какъ не можете?

— Такъ, всѣ деньги въ оборотѣ. Всѣ рѣшительно... У меня наберется тысячи двѣ-три.

— А я думалъ... Вы такъ поспѣшно всѣ свои дома продали, что... я полагалъ у васъ лежатъ свободныя.

— Я... я... смѣшался Боголюбъ Боголюбовичъ. — Я тоже для оборота ихъ...

— Для какого оборота?.. Впрочемъ, это вашъ секретъ. Вы нынче вообще—воплощенная тайна, засмѣялся Плюсъ, любуясь блѣдностью Курца. — Воплощенная тайна! Вы дѣйствительно что-то задумали необыкновенное. Должно быть сразу хотите сдѣлаться милліонеромъ, а?.. Сразу, знаете... Цапъ и кончено!

И Плюсъ уже искренно хохоталъ, добродушно похлопывая Курца по ногамъ и по плечу.

— Такъ милліонеромъ, а?.. Ну, давай вамъ Богъ. Что-жь, я радъ, очень радъ, деньги должны быть въ умныхъ рукахъ. Не Сластеновымъ же ими ворочать! Деньги должны знать настоящихъ хозяевъ. А Сластеновы что, такъ—маріонетки, ничего больше... Сластеновы должны.. Да что это съ вами—вы рѣшительно больны!

Курцъ сидѣлъ весь блѣдный.

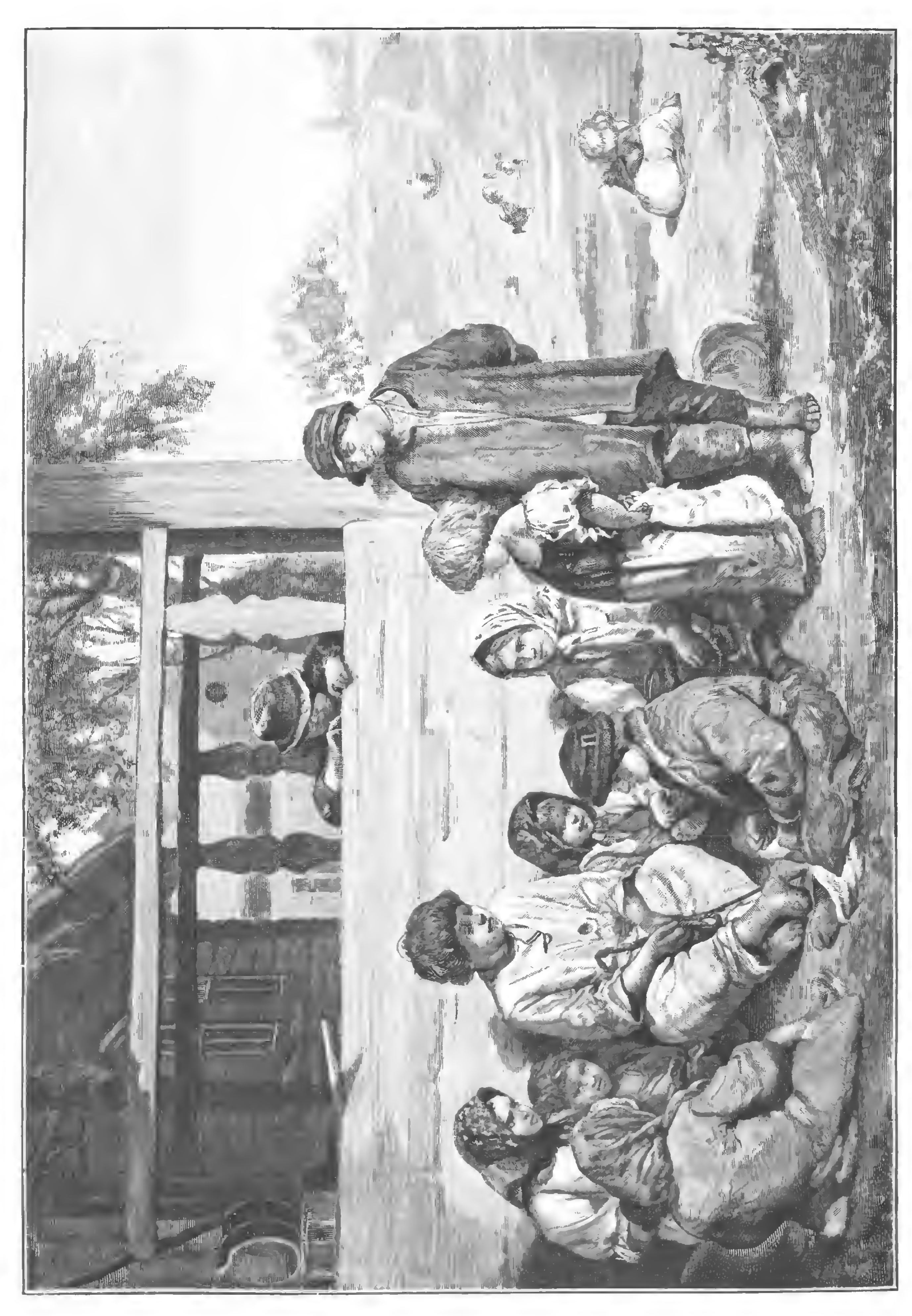
— Да, знаете... Я это время заработался... Не хорошо себя чувствую...

— Вамъ, я говорю, московскій воздухъ нехорошъ. Да вы его, впрочемъ, сами и безъ моихъ совѣтовъ перемѣните. Кстати: какъ же вы говорите денегъ свободныхъ нѣтъ? Дайте изъ компанейскихъ. Мнѣ въ Коммерческомъ банкѣ говорили, что вы ихъ на-дняхъ вынули... Чѣмъ имъ такъ лежать—все сто тысячъ лишнихъ въ карманъ положите.

— Нѣтъ, ихъ надо послать на мѣсто... расходы, платежи тамъ.

Съ послѣдней выставки Императ. Академіи Художествъ. „Въ распутицу“.

Съ карт. проф. **Н. Сверчкова** (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Шюблеръ



Бесѣда. Съ карт. проф. **Н. Кошелева** (исключит. право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „**Нивѣ**“), грав. Ю. Шюблеръ.

— А вы знаете, Боже мой, какъ я это забылъ вамъ передать—вотъ память-то!.. Изъ Петербурга мнѣ писали... Въ министерствѣ рѣшили послать коммисію.

— Куда?

— На ваши работы. Тамъ вышла какая-то сплетня. Какъ будто все дѣлается только для видимости... И въ коммисію назначаютъ даже предсѣдателя отъ министерства юстиціи.

— Что-о? и Курцъ даже привсталъ.

— Какъ-же, какъ-же. Очевидно этому придаютъ большое значеніе... Догадайтесь, кто предсѣдателемъ ѣдетъ... Ну, догадайтесь, душенька... Курчикъ — поломайте голову... А, впрочемъ, Богъ съ вами, я вамъ скажу, не стану томить—самъ слѣдователь изъ слѣдователей.

Курцъ вскочилъ и нетерпѣливо заходилъ по комнатѣ.

„Счастливая идея пришла мнѣ въ голову, наврать ему о коммисіи... Теперь онъ на всѣхъ порахъ станетъ дѣйствовать и навѣрное надѣлаетъ тысячу неосторожностей“. И вдругъ какъ будто невзначай спросилъ:

— Вы не знаете, не въ Вѣнѣ Ѳоминъ?

— Въ Вѣнѣ... то-есть... какой Ѳоминъ?.. Что вы меня путаете!.. Право!.. О какомъ Ѳоминѣ спрашиваете?.. а? Вы кажется думаете, что я со всѣми мошенниками въ мірѣ знакомъ и переписываюсь.

— Да я не о бѣжавшемъ нотаріусѣ! Съ чего вы это взяли?.. Ѳоминъ—фабрикантъ. Недавно поѣхалъ въ Вѣну, покупать машины. Я думалъ, что вы его знаете. Я ему денегъ далъ... Два его векселя у меня...

„Ну, душа моя, теперь ты весь у меня въ рукахъ!“

И Плюсъ, сидя одинъ на дрожкахъ, къ общему удивленію прохожихъ, радостно смѣялся чему-то.

V.

Савва Кузмичъ дѣйствительно, какъ и предвидѣлъ Плюсъ, ни съ того, ни съ сего повидимому, пріѣхалъ, бросивъ дѣла, изъ Петербурга въ Москву. Отъ себя онъ отправился къ племяннику, котораго, благодаря раннему часу, засталъ дома.

— Былъ у тебя Плюсъ, слышалъ я... началъ онъ прямо съ цѣли своего пріѣзда.

— Былъ. А почему это вамъ извѣстно? удивился тотъ, не придавая значенія визиту дисконтера.

— Ужь объ этомъ не печалуйся. Это мое дѣло. Ну, что онъ тебѣ говорилъ?.. Сказывай.

— Такъ. Они всѣ вѣдь другъ друга ненавидятъ. Болталъ что-то на Готлиба Готлибовича. Извѣстное дѣло—вралъ.

— Ну, съ тобой не сговоришь толкомъ! Ты вѣдь у меня постная душа... Тебѣ повѣрь—на каждаго мошенника надо Богу молиться!

И Савва Кузмичъ поѣхалъ къ Исааку Яковлевичу. Благо тотъ еще оставался въ Москвѣ.

— Я такъ и зналъ, что вы пріѣдете!.. торжествовалъ тотъ свою удачу, не зная куда усадить крупнаго капиталиста.

— Ну, крыса, сказывай, что такое ты разнюхалъ про Галопишку этого?

Плюсъ притворился удивленнымъ. Онъ, моргая, смотрѣлъ на Савву Кузмича, точно не могъ понять его вопроса.

— Чего ты?.. Русскимъ языкомъ говорю тебѣ: что ты знаешь про Курца нашего?

— Ахъ, это вы о томъ? я племяннику вашему тогда передавалъ свои предположенія. Все это пустяками оказалось... Сущими! Это меня сбили съ толку. Я, принимая въ соображеніе ваши интересы, напугалъ почтеннѣйшаго Василія Герасимовича. Жалѣю, если онъ придалъ этому какое-нибудь значеніе... Все это клевета одна была. Больше чѣмъ когда-нибудь я теперь удивляюсь Боголюбу Боголюбовичу.

Савва Кузмичъ посмотрѣлъ въ глаза Плюсу и усмѣхнулся.

— Ей Богу, Савва Кузмичъ... Я думалъ, что Галопъ задумалъ что-то недоброе. И даже, признаюсь вамъ, слѣдилъ за нимъ. Очень ужь меня удивило, что онъ изъ банка деньги вынулъ.

— Какъ вынулъ?!.. Безъ моей подписи?

Савву Кузмича даже въ потъ ударило.

— Вашей и не надо было. Довольно было двухъ подписей: Василія Герасимовича и самого Курца. Но теперь я узналъ, что ему надо было отсылать деньги на работы. Слѣдовало удовлетворить подрядчиковъ... Мало расходовъ развѣ?

— Что-же, онъ послалъ ихъ уже?

— Нѣтъ еще должно-быть... Онѣ у него на дому. Только вы, знаете, не торопитесь, Савва Кузмичъ.—И Плюсъ вдругъ заговорилъ тихо.—Вы не торопитесь, Савва Кузмичъ. Торопиться незачѣмъ. Не стоитъ... Поторопитесь — пожалуй чортъ-то рога спрячетъ. А вы такъ только немножко въ кипяточекъ его опустите... Пусть онъ дѣйствуетъ скорѣе.

— Ничего не понимаю! То Галопъ по твоему честный человѣкъ, то...

— Не пойманъ—не воръ, значитъ надо поймать. А вы только мѣшать мнѣ будете.

— Что-жь мнѣ опять ѣхать?

— Нѣтъ... А вы сегодня заѣзжайте въ контору и заявите, что пайщики хотятъ назначить негласную ревизію. Всякое дѣло отчета требуетъ... Безъ участія офиціальныхъ лицъ. Такъ, знаете, полюбовно, по домашнему.

Савва Кузмичъ улыбнулся.

— Это значитъ ты его на наживку ловишь. Ладно... А какъ ты полагаешь—большая наша потеря будетъ?

— А это какъ Богъ... Можетъ и никакой! Только вотъ мой уговоръ: поймаемъ съ поличнымъ Курца—никакой ему пощады. Чтобы прощенія не было. Формально—подъ судъ... А меня на его мѣсто.

Сластеновъ изумился еще больше:

— Да дѣло-то не лопнетъ развѣ послѣ этого?

— Нѣтъ... Видите-ли: Галопъ талантливый мошенникъ, но все-таки мошенникъ. Дѣло въ голову ему влетѣло великолѣпное. Я это изучилъ, да и племянникъ у меня тамъ—великолѣпное именно. И вся будущность за нимъ. Только плуты отличаются тѣмъ, что ждать не хотятъ и работать не умѣютъ. Онъ сообразилъ, что правильнымъ-то путемъ еще лѣтъ десять убьешь на это, да потомъ придется пережить не мало всякихъ передрягъ. А тутъ сразу. Взялъ да и сдѣлалъ... А потомъ и бѣги... куда глаза глядятъ. Притомъ Галопъ человѣкъ самолюбивый, а положеніе его въ Москвѣ скверное. Сами знаете, прежде-то его въ клубахъ били, на шуллерствѣ ловили. Помните, какъ Афоськинъ съ Навозовымъ заставили его стеариновую свѣчу съѣсть. Ну, вѣдь на виду у всѣхъ. А теперь, какъ зацапалъ онъ деньги, ему и захотѣлось почету. А какой же здѣсь почетъ? Въ Америкѣ его никто не знаетъ. Проѣдетъ онъ черезъ Европу съ прохладой, а потомъ черезъ океанъ на новыя мѣста—тамъ пожалуй первымъ человѣкомъ будетъ... Опять же тутъ и секретъ есть...

— Какой?

— Ну, это потомъ когда-нибудь... А только онъ одно дѣло задумалъ. Есть у него... Только у него въ Москвѣ земля подъ ногами горитъ.. И это дѣло поторопитъ его. Потомъ онъ пожалуй такъ все это ловко устроитъ, что его и не получишь. Тоже, сами знаете, парень не глупый.

— Это все вѣрно. Парень, кабы честный былъ, большихъ денегъ бы стоилъ.

— Честный Галопъ—ни копѣйки!.. Потому что честные люди вообще... Впрочемъ... это не идетъ къ дѣлу. Такъ пока молчокъ, Савва Кузмичъ, слышите?

Боголюбъ Боголюбовичъ сидѣлъ въ конторѣ когда къ нему туда пріѣхалъ Савва Кузмичъ.

— Здравствуй, братъ, поздравляю!

— Съ чѣмъ это?

— Питерскіе пайщики-то, самъ знаешь, не нашимъ чета... У нихъ—недовѣрковъ-то сколько угодно.

— Ну?..

И Галопъ загодя уже начиналъ волноваться.

— Да чего ты какъ береста на огнѣ кочевряжишься! Всего только и дѣла, что ревизія у насъ будетъ.

— Какая ревизія?

— Двухъ дошлыхъ пареньковъ они шлютъ къ намъ. Провѣрить все дѣлопроизводство...

— Какъ-же вы это допускаете? вскочилъ Боголюбъ Боголюбовичъ.

Но тотчасъ-же успокоился.

— Что-жь, у насъ все правильно. Пускай пріѣзжаютъ. Я думалъ — что похуже. Говорятъ всѣ: министерство, какъ никакъ, а гостей къ намъ на работы пошлетъ; этого-то я больше боюсь.

Простившись съ Саввой Кузмичемъ, Готлибъ Готлибовичъ отправился къ себѣ. Кажется, какъ разъ во время, соображалъ онъ глядя на часы.

— Еще никого не было? спросилъ онъ у человѣка ждавшаго его снять пальто.

— Нѣтъ, никого.

— Ну, когда явится, скажетъ тебѣ отъ нотаріуса—ты проведи ко мнѣ. Слышишь?..

Онъ отправился въ кабинетъ и задумался.

„Дѣло затѣяно большое... Очень большое. Задѣты такіе интересы... Что-то выйдетъ изо всего этого?.. Надо себя на всякій случай обезпечить, со всѣхъ сторонъ чтобы. Если не удастся—чтобы Сластеновы тронуть не посмѣли. Василій-то Герасимовичъ — на него надежда плоха—ему-же приведется опять въ меблированныя комнаты, на свою проголодь переѣзжать! Кому это пріятно! Никакого удовольствія не доставитъ. А только онъ изъ-за этого ни на какія соглашенія не пойдетъ. А съ Саввой Кузмичемъ дѣло иное. Этотъ изъ жадности и племянника радъ будетъ утопить... Ему-то покажи такую приманку—ото всего самъ откажется...“

Въ дверь постучались.

— Войдите, пожалуйста.

Какой-то небритый и плохо одѣтый господинъ въ громадныхъ очкахъ быстро вошелъ въ комнату.

— Вы никого не встрѣтили? заботливо спросилъ Боголюбъ Боголюбовичъ.

— Никого. Ни одной души... Точно вся Москва перемѣнилась за это время. Ну, да и меня-бы не узнали, я думаю.

— Васъ мудрено узнать, Ѳоминъ... Какъ вамъ удалось границу переѣхать?

— Границу? Чего проще!.. Однако, дайте вздохнуть.

Онъ сѣлъ въ кресло и съ удовольствіемъ расправилъ очевидно ревматическія ноги. Онъ сталъ потирать колѣни ладонями и съ любопытствомъ осматривался.

— Однако... Ты, свинья, недурно устроился.

— Пожалуйста, Ѳоминъ, безъ фамильярности... Наши положенія теперь не одинаковы.

— Дуракъ, братъ, ты... Благодари Бога, что я не обидчивъ. А то встану и уйду. Къ Саввѣ поѣду. Мнѣ вѣдь все равно...

— Савва тебя надуетъ! Я такъ впрочемъ... Отсталъ отъ амикошонства вообще.

— То-то... Вели-ка мадеры подать.

— Незачѣмъ, все здѣсь есть...

Курцъ подошелъ къ шкафу, вдѣланному въ стѣну, отворилъ дверцу и вынулъ бутылку.

— Я твой вкусъ помню... Себѣ вѣренъ остался... Только какъ-же ты измѣнился!

— Измѣнишься—побывай въ моей шкурѣ — не такъ еще... Ну, однако, я разоблачусь.

Ѳоминъ снялъ съ себя парикъ и очки и положилъ около на столъ.

— Вотъ теперь тебя можно узнать. Ну, что, принесъ съ собой? заботливо спросилъ Курцъ.

— А ты приготовилъ все... что условлено?

— Пятнадцать?

И Готлибъ Готлибовичъ полѣзъ было въ столъ.

— Нѣтъ, я тебѣ сказалъ: двадцать пять тысячъ... Ни копѣйки меньше. Что ты со мною шутки шутишь?

— Для тебя и пятнадцать находка! попробовалъ было улыбнуться Курцъ.

— Прощай, Готлибъ. Къ Саввѣ ѣду... Съ тобой видно пива не сваришь.

— Ты хотѣлъ переводомъ на Вѣну?..

— Да, двадцать переводомъ, а пять на руки...

— Нечего дѣлать съ тобой... А *то* гдѣ у тебя?

— Выйдемъ вмѣстѣ. Получишь... Я не одинъ пріѣхалъ. Нѣмка вѣнская со мною. У нея на рукахъ... Она ждетъ внизу у подъѣзда... Ты думалъ, что я такъ и приду съ тѣмъ?.. Шалишь, братъ, не на того напалъ.

— Какъ-же я увижу? колебался Курцъ.

— Никого на улицѣ. Развернешь и увидишь...

— Ну, что дѣлать. Вотъ видишь: я стану считать...

И онъ сосчиталъ пять тысячъ и издали показалъ переводъ на предъявителя въ Вѣну на 20 тысячъ.

— Вѣрно?

— Вѣрно!.. Ну, Готлибъ, по старой дружбѣ, даромъ я тебѣ дѣло-то отдалъ въ руки. Кабы къ Саввѣ!..

— Савва-бы тебя въ полицію отправилъ.

— Положимъ... не отправилъ-бы... А только не хочется мнѣ путаться... Помни только, пріѣдешь въ Вѣну—прямо ко мнѣ. Я тебѣ всѣ выходы покажу. А теперь пойдемъ, моя Анхенъ, я думаю, заждалась...

Они вышли. У подъѣзда на извозчикѣ сидѣла молодая, но уже истощенная женщина, съ какимъ-то накетомъ въ рукахъ. Готлибъ передалъ пачку, бывшую съ нимъ, Ѳомину, а самъ взялъ пакетъ.

— Ну, Ѳоминъ, прощай.

— Ладно!.. Помни-же мой адресъ... Въ Шотенрингѣ, „Отель де-Франсъ“, у стараго еврея Краниха, у гида. Понимаешь?

— Понимаю.

Вбѣжавъ къ себѣ, Боголюбъ Боголюбовичъ живо развернулъ пакетъ, посмотрѣлъ и успокоился. Выпулъ изъ стола купленную имъ замшевую сумочку съ тесемками и, раздѣвшись, положилъ въ нее бывшую въ пакетѣ бумагу. Потомъ онъ завязалъ тесемки у шеи—сумочка оказалась на немъ. Опять одѣвшись, онъ засмѣялся.

— Ну, Савва Кузмичъ, ежели что со мной случится, ты меня выручишь... Куда-бы только спрятать это?.. Кому поручить?.. Ну, да тамъ будетъ видно!

VI.

Боголюбъ Боголюбовичъ за послѣдніе дни принялъ столь беззаботный видъ, что Плюсъ совсѣмъ сбился съ толку, не понимая, что это значитъ. Хоронившійся до тѣхъ поръ ото всѣхъ, словно старавшійся быть незамѣчаемымъ, Курцъ вдругъ опять развернулся, да не только развернулся—но какъ-то пріѣхалъ къ Исааку Яковлевичу и самъ предложилъ ему:

— Вы тогда, дрожайшій, у меня денегъ просили, я вамъ не далъ,—правду сказать, мнѣ самому приходило въ голову одно еще болѣе выгодное предпріятіе. Но такъ какъ оно не устроилось, то на-дняхъ я къ вашимъ услугамъ. Я продажей домовъ и другими операціями ликвидировалъ довольно кругленькую сумму — для этого неудавшагося дѣла — даже на убытки шелъ. Теперь она будетъ у меня свободна. И если вы можете предложить тѣ же условія...

— Къ сожалѣнію, увы! я устроилъ это безъ васъ.— И самъ Плюсъ соображалъ, что бы все это значило и съ чего Курцъ вдругъ разлетѣлся къ нему.—А вы представьте себѣ, мнѣ разсказывали, будто вы за-границу ѣдете.

— Я?—И Боголюбъ Боголюбовичъ искренно расхохотался.—Это вы все воды ваши австрійскія рекомендуете. Благодарю васъ—пейте ихъ сами. Что до меня касается, я кахетинскимъ лечусь. Шереметевское Карданахъ. Отлично отъ сорока болѣзней помогаетъ. Да кстати, вы еще не завтракали?

— Нѣтъ.

— Сегодня—Савва съ Василіемъ Герасимовичемъ въ Эрмитажѣ. Правда, Василій Герасимовичъ измѣнился, а? Отъѣздъ жены — точно помогъ ему. Совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ. Накроемъ ихъ тамъ, а?

Плюсъ оторопѣло собрался и всю дорогу ломалъ себѣ голову, чѣмъ объяснить все это... Вдругъ, ему ни съ того, ни съ сего пришло на мысль, выстрѣлить наудачу—такъ себѣ.

— А вы знаете, что́ говорятъ? И Плюсъ даже засвисталъ что-то, совсѣмъ не относящееся къ дѣлу.

— Что? безпечно спросилъ Боголюбъ Боголюбовичъ.

— Будто бы здѣсь видѣли... нашего стараго знакомаго... Какъ его?.. Да, Ѳомина.

Дѣйствіе этого слова было столь неожиданно, что Курцъ чуть не свалился съ дрожекъ, а Плюсъ струсилъ не на шутку, но тотчасъ же оправился—и пока его товарищъ приходилъ въ себя, Исаакъ Яковлевичъ уже заработалъ всѣми своими мозгами.

— Гдѣ, когда?

— Почему это васъ такъ поразило?

А самъ между тѣмъ обдумывалъ отвѣтъ.

— Гдѣ... гдѣ его видѣли?

— Это васъ кажется ужасно интересуетъ? а?

— Какъ же, какъ же... У насъ съ нимъ были счеты...

— Счеты. Ну мало-ли что было... Быль молодцу не укоръ. Видѣли его... да на вашей улицѣ и около вашего дома. Франтомъ такимъ одѣтъ... Нисколько не измѣнился.

— Франтомъ?, вдругъ успокоился Курцъ.—Не измѣнился? Москва вѣчно вретъ!..

„Значитъ нищимъ и вѣрно постарѣлъ!“ сообразилъ Плюсъ и сталъ необыкновенно ласковъ.

— Я, знаете, удивляюсь на васъ, Боголюбъ Боголюбовичъ, вдругъ замурлыкалъ Плюсъ, какъ котъ, жмурясь и даже въ антрактахъ складывая губы сердечкомъ.—Я удивляюсь на васъ... Ума палаты. Тонкость соображенія—хоть сейчасъ васъ министромъ финансовъ, а у васъ никакого своего дѣла нѣтъ. Все вы на чужихъ хлѣбахъ сидите. Это пустяки, что вы соберете своихъ полтораста-двѣсти тысячъ. Сущіе пустяки. Изъ-за этого такимъ людямъ какъ вы и работать не слѣдуетъ... У васъ по настоящему милліоны должны быть. Будь вы съ вашимъ умомъ въ Америкѣ...

— Я учусь шведскому языку, вдругъ вставилъ Курцъ.

— Это все глупости... Я не знаю, по какимъ вашимъ дѣламъ вамъ понадобилось, чтобы всѣ думали, будто вы намѣрены осчастливить Стокгольмъ своимъ посѣщеніемъ... Но при вашемъ умѣ—что́ я, умѣ—при вашемъ финансовомъ геніи и все время быть на веревочкѣ у Сластеновыхъ, унижаться передъ ними, служить имъ...

— Я? служу имъ? поддался на удочку Курцъ.—Да они оба вотъ гдѣ у меня!—И онъ вытянулъ кулакъ.—Въ кулакѣ зажаты. Особенно Васька. Я захочу, такъ...

И онъ вдругъ осѣкся.

— Что такъ?

— А такъ... Вообще онъ подъ моимъ вліяніемъ и благо ему... Иначе Савва бы его давно къ рукамъ прибралъ...

— Да, но это все вы служите чужимъ, а не себѣ... Пора бы, пора бы вамъ, дражайшій, самому крылья раскинуть... Орломъ знаете—да пошире.

— Россія глупая страна... Въ Россіи ничего не сдѣлаешь...

— А вы поѣзжайте куда-нибудь въ другое мѣсто... Свѣтъ не клиномъ сошелся... Это съ чего-жь Ѳоминъ постарѣлъ такъ?

— Какой Ѳоминъ?.. То-есть какъ постарѣлъ? Съ чего вы взяли?

— Да вы же сказали. Я говорю: разсказываютъ не перемѣнился... А вы кажется отвѣтили — постарѣлъ.

— То-то, что кажется. Вы, Исаакъ Яковлевичъ, что-то про себя думаете, и позвольте вамъ сказать, не обидьтесь, очень глупое. А вы умный человѣкъ. Ужъ если умный человѣкъ начнетъ дѣлать глупости, то у него онѣ выходятъ колоссальными. Можетъ быть мнѣ это тоже *кажется*, тогда прошу извиненія.

— Нѣтъ, видите... Я пожалуй скажу вамъ... Гиршманъ его видѣлъ около вашего дома.

— Гиршманъ, Исаакъ Яковлевичъ, также бываетъ глупъ порой, какъ и другіе умные люди. А еще чаще онъ просто вретъ дуракамъ, которые его слушаютъ... Нѣкоторымъ онъ оракуломъ кажется — а по моему ему самое большое околоточнымъ служить. Полицейскія замашки есть — а таланту нѣтъ.

— О, нѣтъ... Онъ много-много секретовъ знаетъ... А съ Ѳоминымъ послѣ его побѣга онъ даже въ перепискѣ состоялъ. Ѳоминъ ему предлагалъ какіе-то документы купить у него

— Что-жь онъ не купилъ?. Ну вотъ и пріѣхали.

Въ большой залѣ Эрмитажа въ углу на красномъ диванѣ сидѣли ужъ Савва съ Василіемъ Герасимовичемъ. Передъ ними была „Нѣжинская рябина“ вдовы Поповой и на-скоро половой собралъ — свѣжей икры, бѣлорыбицы, семги, рокфору. Савва тыкалъ во все вилкой, запивалъ водкой и бранилъ племянника „кисляемъ“.

— Плюнь-кисляй, вотъ что ты!.. Съ двухъ рюмокъ нѣжинской — и ужь не хочу. Просто ты настоящаго купеческаго воспитанія не получилъ, вотъ и все... Я восьмую пью—и ничего, а послѣ осетрины — ренвейну ухлопаю бутылочку, да опосля филе другую Ларозу — а поверхъ всего, мы запьемъ шипучкой. Про тебя тоже мнѣ Дроновъ сказывалъ—отличился ты у Яра. Вотъ возьму я да напишу Прасковьѣ...

— Очень ей до меня дѣло! усмѣхнулся Василій Герасимовичъ. И такъ спокойно, какъ самъ не ожидалъ этого.

— Погоди... Уходится... Сама прилетитъ.

— Не поздно-ли будетъ. Я вѣдь тоже...

— Ты? изумился Сластеновъ-старикъ.—Ишь, заговорилъ какъ! Ты въ самомъ дѣлѣ — другой теперь... И стыдиться пересталъ. Тебя это Матрешка обучила?

— Ну вотъ!

— Чего ну вотъ, слухомъ земля полнится. Сказывали мнѣ — пріѣзжала съ сестрою она къ тебѣ вчера. Весь вечеръ сидѣла. А потомъ ты ее довезъ къ Яру, а самъ не вошелъ, домой поѣхалъ. Ну, да это твое дѣло. Кто Богу не грѣшенъ. Я старъ-старъ, а.. Батюшки—племя іудейское! Плюсъ съ Курцомъ!. Откуда пожаловали? Чтой-то это дружба между вами завелась.. а?... Не къ добру... Ужь если Плюсъ да Курцъ на короткой ногѣ—кричи караулъ! значитъ быть какому-нибудь бычку на веревочкѣ. Кого оболванивать собрались? Кайся, душа проклятущая! Водки хотите—нѣжинская рябина. Чего ты вилкой икру!.. Бери ложкой. Эко... прости Господи, кажется полгода въ Москвѣ, полгода въ Питерѣ — могъ бы научиться. Плюсъ ты Плюсъ!.. Чего ты брови-то хмуришь!

— Да вотъ новость слышали... Ѳоминъ въ Москвѣ проявился.

— Ну и пущай Тебѣ что за горе. Тебя онъ не надувалъ. Теперь онъ въ несчастномъ положеніи, а допрежь-то какимъ соколомъ верховодилъ. Хочешь бывало его видѣть, ступай въ балетъ за кулисы, онъ ужь тамъ. Господь съ нимъ.

— Вотъ, Курцъ говоритъ что постарѣлъ.

Курцъ взбѣсился.

Въ раздумьи. Съ карт. К. Кизеля, грав. Кнезингъ.

— Плюсъ, вы дуракъ и скотина! Я тысячу разъ вамъ, ослу этакому, объяснялъ, что я Ѳомина не видѣлъ. Чего же вы лѣзете?

— Я пошутилъ!

И Плюсъ подмигнулъ Саввѣ Кузмичу.

— А ты не шути, за такія шутки коли кто къ дѣлу прикосновененъ...

— Батюшка, Савва Кузмичъ! подбѣжалъ половой.

— Чего еще?

— Тутъ сейчасъ господа пришли сѣли. Разсказываютъ, съ вашимъ домомъ на Тверской, что строится...

— Ну? и Савва поблѣднѣлъ весь.—Чего еще? Господи!

— Несчастіе... Не то пожаръ, не то — и они-то не знаютъ, по дорогѣ слышали.

Савва вскочилъ. Всталъ и Галопъ, весь блѣдный, тоже.

— Должно-быть пустяки... утѣшалъ онъ.

— Нѣтъ, сказываютъ народъ туда валомъ валитъ и начальство тамъ тоже.

— Господи спаси! Васенька поѣдемъ.

Василій Герасимовичъ схватился. Предчувствіемъ чего-то ужаснаго—щемило ему сердце... Онъ самъ не помнилъ, какъ надѣлъ пальто, какъ сѣлъ въ свой экипажъ.

— Постойте, постойте, и я съ вами.

И Курцъ вскочилъ, и чуть не упираясь подбородкомъ въ колѣни, умѣстился на маленькой передней скамьѣ.

— Должно съ лѣсами что! Я говорилъ тонкія жердочки-то... Не слушали... Вотъ теперь и достукались. Стѣны-то устоятъ... Стѣны что!..

Поближе къ Тверской—народъ дѣйствительно валилъ толпами.

У Тверскихъ воротъ стоялъ гулъ. Надъ тѣмъ мѣстомъ гдѣ былъ домъ — держалось громадное облако пыли...

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повѣсть **Виктора Бибикова.**

(Продолженіе).

Садъ темнѣлъ. На голубомъ еще небѣ выступали блѣдныя звѣзды, и отъ цвѣтника, разбитаго передъ балкономъ, поднимался и доносился къ сидѣвшимъ за вечернимъ чаемъ томительный и сладкій ароматъ цвѣтовъ.

Вѣра и Панченко переглядывались, имъ обоимъ одинаково хотѣлось идти въ садъ, исчезнуть въ его темныхъ, зовущихъ къ себѣ аллеяхъ, но оба почему-то стѣснялись встать изъ-за стола, и Вѣра по временамъ взглядывала на Анну Григорьевну, какъ будто ожидая позволенія матери, а Панченко съ преувеличеннымъ и добросовѣстнымъ вниманіемъ слушалъ Петра Гаврилыча, который разсказывалъ ему, что у нихъ въ саду, до глубокой осени не перестаетъ цвѣсти резеда—преобладающее благоуханіе этого цвѣтка доносилось къ балкону, и объяснялъ свою систему пересадки и ухаживанія за невзыскательнымъ растеніемъ.

Анна Григорьевна скоро догадалась, что молодому человѣку не особенно весело бесѣдовать съ ея мужемъ, и робкіе взгляды Вѣры были поняты ею; она послала молодыхъ людей въ садъ, увѣряя ихъ, что въ такой вечеръ грѣшно сидѣть на балконѣ, а обращаясь къ Ѳедору Васильевичу прибавила, что, живя въ деревнѣ, надо пользоваться свѣжимъ воздухомъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше.

Маруся пошла съ молодыми людьми, но при первомъ поворотѣ отъ цвѣтника ее испугала темнота аллеи, тянувшейся длиннымъ чернымъ коридоромъ, и она съ громкимъ крикомъ: „здѣсь казаки!“ побѣжала къ балкону.

Впрочемъ, испугъ ея не былъ силенъ и продолжителенъ, потому что скоро молодые люди услышали ея смѣхъ, веселые раскаты котораго разбудили эхо спящаго сада и замерли гдѣто далеко въ концѣ его, должно быть, надъ обрывомъ.

Въ концѣ сада стояла скамейка. Ее окружала живая изгородь кустовъ шиповника, посаженныхъ тѣсно другъ къ другу. Вѣра привела сюда своего жениха. Они сидѣли рядомъ, но имъ не хотѣлось ни говорить, ни думать, ни слушать: чары безотчетнаго счастья заворожили молодыхъ людей, и сладко было ихъ молчаніе.

Луна еще не поднялась, но уже всходила; верхушки тополей были облиты ея сіяніемъ, свѣтлѣло бирюзовое небо, серебряные лучи пронизывали садъ и то здѣсь, то тамъ выходили изъ мрака деревья, чудно преобразовавшіяся въ волшебномъ свѣтѣ. Изъ далекаго цвѣтника раздался рокотъ соловья, громкій, торжествующій, и понесся по саду, пронзая сердца растроганныхъ молодыхъ людей.

Вѣра встрепенулась, подняла голову и, посмотрѣвъ на прояснѣвшее небо, предложила идти къ обрыву.

Соловью цвѣтника откликнулся другой изъ середины сада, волны звуковъ будили сонный воздухъ, молодые люди шли, не чувствуя своихъ шаговъ, и разстояніе, отдѣлявшее скамейку отъ обрыва, показалось имъ незамѣтнымъ.

Они долго просидѣли въ бесѣдкѣ, любуясь величавой картиной, открывавшейся съ обрыва.

Рѣка подъ горой купалась въ серебряномъ свѣтѣ, вода искрилась, горѣла и переливалась подъ фосфорическими лучами луны, медленно поднимавшейся по темноголубому небу изъ-за далекаго лѣса. Легкій вѣтерокъ присылала рѣка; его освѣщающее, нѣжное дыханіе ласково обвѣвало разгорѣвшіяся лица молодыхъ людей, изъ сада доносились безконечныя соловьиныя трели, влюбленнымъ казалось, что такую ночь они видятъ первый разъ въ своей жизни, слышатъ въ первый разъ такихъ соловьевъ, и оба молчали, отдаваясь очаровательнымъ грёзамъ раздѣленной любви.

Они возвратились домой спокойные и счастливые, но ужинать не могли, и Ѳедоръ Васильевичъ, несмотря на свои недавнія увѣренія, что онъ любитъ вареники со сметаной, едва прикоснулся къ приготовленному для него кушанью.

Послѣ ужина Вѣра показала Ѳедору Васильевичу отведенную для него комнату. Эта комната оставалась пустою послѣ отъѣзда послѣдней гувернантки Маруси, и въ одномъ изъ угловъ ея, на черномъ шкапу бѣлѣла еще не убранная коробка отъ шляпы, оставленная француженкой.

За зелеными ширмами, оклеенными картинками, вырѣзанными изъ иллюстрированныхъ журналовъ, стояла кровать. Два окна выходили въ садъ, у одного изъ нихъ стоялъ небольшой письменный столъ, у стѣны темнѣла кушетка, обитая черной клеенкой.

Ѳедоръ Васильевичъ нѣсколько мгновеній постоялъ на порогѣ, прислушиваясь къ замиравшимъ звукамъ шаговъ молодой дѣвушки, потомъ отворилъ чемоданъ, досталъ портретъ Вѣры, долго смотрѣлъ на знакомыя, милыя черты лица своей невѣсты, точно повѣряя сходство фотографическаго изображенія съ оригиналомъ,—какъ всегда ощутилъ чувство недовольства снимкомъ, но старательно протеръ стекло рамки и, поставивъ портретъ на столикъ за ширмами, раздѣлся и легъ въ постель.

Несмотря на усталость съ дороги и отъ волненій пережитого дня, онъ долго не могъ смежить глазъ, сонъ не приходилъ къ нему; ему казалось, будто онъ о чемъ-то очень важномъ не успѣлъ переговорить съ Вѣрой; о чемъ—онъ не могъ вспомнить, но эта мысль не давала ему покоя и бросала его то въ жаръ, то въ холодъ. Малу-по-малу однако увѣренность, что завтра утромъ онъ увидитъ ее, успокоила молодаго человѣка и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Онъ такъ крѣпко спалъ, что на другой день утромъ, Вѣра, стоя въ саду у окна его комнаты, долго не могла дозваться своего жениха. Тогда она наскоро собрала букетъ цвѣтовъ и, переброшенный ея ловкой рукой черезъ ширмы, онъ попалъ въ лицо спящаго Ѳедора Васильевича.

Тотъ проснулся и съ удивленіемъ смотрѣлъ на разсыпавшіеся по бѣлому пикейному одѣялу цвѣты разбитаго при паденіи букета, но звонкій и ясный, какъ это утро, голосъ Вѣры возвратилъ его къ дѣйствительности; онъ торопливо принялся одѣваться и черезъ нѣсколько минутъ, умытый, причесанный, уже сидѣлъ за столомъ на балконѣ.

Вѣра сказала ему, что послѣ чая она съ Марусей поѣдетъ купаться, и когда онѣ воротятся, на тѣхъ же лошадяхъ поѣдутъ мужчины, потому что на рѣкѣ, протекающей въ трехъ верстахъ отъ Ткачей, нѣтъ купальни и надо соблюдать очередь.

Ѳедоръ Васильевичъ выслушалъ ее молчаливо, но когда встали изъ-за стола, и Вѣра съ Марусей уѣхали въ тарантасѣ, онъ, проводивъ сестеръ, почувствовалъ себя одинокимъ. Онъ попробовалъ погулять въ саду, но утренній зной заставилъ его возвратиться въ комнаты, онъ прошелъ въ свою и прилегъ на кушеткѣ у письменнаго стола.

Разсѣянный, отъ нечего дѣлать, онъ осматривалъ свою комнату, и шляпная коробка, стоявшая на шкафу, привлекла его вниманіе.

Онъ вспомнилъ какъ Вѣра говорила ему, что въ этой комнатѣ, гдѣ его поселили, жила прежде гувернантка Маруси, и забытая шляпная коробка вызвала въ грустно настроенномъ воображеніи молодаго человѣка образъ ея владѣлицы.

„Должно быть“, думалъ Ѳедоръ Васильевичъ, „она, какъ и я, всѣмъ чужая въ этомъ домѣ, проводила невеселые часы въ своей комнатѣ“.

Такое предположеніе, хотя и ни на чемъ не основанное, усилило его тоску.

Онъ всталъ съ кушетки и принялся ходить изъ угла въ уголъ крупными шагами, но это занятіе не давало желаннаго спокойствія: въ комнату проникали палящіе лучи солнца, въ ней было жарко и открытыя окна усиливали духоту.

Панченко оправилъ передъ зеркаломъ разстроенную прическу, перевязалъ галстухъ и, застегнувъ свой пиджакъ на всѣ пуговицы, вышелъ изъ тяготившей его комнаты. Онъ прошелъ въ залу, гдѣ вчера съ Вѣрой они пережидали зной. На диванчикѣ сидѣла Анна Григорьевна и разматывала нитки съ рукъ Петра Гаврилыча, помѣщавшагося передъ ней на низкомъ креслѣ.

Добродушное лицо Петра Гаврилыча было устремлено на Анну Григорьевну: онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ ея проворныхъ рукъ и, по мѣрѣ надобности, то опускалъ, то поднималъ разматываемыя нитки.

Отъ этой семейной картины вѣяло миромъ, но она не разсѣяла мрачныхъ мыслей Ѳедора Васильевича, и молодой человѣкъ хотѣлъ незамѣтно пройти въ садъ, но его увидѣлъ и окликнулъ Петръ Гаврилычъ.

Панченко подошелъ къ диванчику и безучастно смотрѣлъ на супруговъ. Петръ Гаврилычъ хотѣлъ предложить ему держать нитки, вполнѣ убѣжденный, что и для Ѳедора Васильевича будетъ пріятно помогать Аннѣ Григорьевнѣ, но посмотрѣлъ на молодаго человѣка и воскликнулъ, обращаясь къ Аннѣ Григорьевнѣ:

— Посмотри, Нюта, что съ нашимъ гостемъ, на немъ лица нѣтъ!

— Что съ вами? спросила она участливо, — вамъ нездоровится или, можетъ быть, вы скучаете у насъ; присядьте.

Ѳедоръ Васильевичъ присѣлъ на край ближайшаго кресла, занятъ все онъ не рѣшился и, старательно избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ Анной Григорьевной, сказалъ глухимъ голосомъ:

— Я совершенно здоровъ и мнѣ не скучно, но, простите меня, я не могу больше ожидать... Онъ замолчалъ, собираясь съ силами, и прибавилъ:—Я прошу руки вашей дочери... я больше...

Онъ не договорилъ, голосъ его пресѣкся, но онъ въ то-же мгновеніе почувствовалъ, какъ съ плечъ его точно гора свалилась, такъ ему сдѣлалось легко. Онъ вздохнулъ свободно, во всю грудь, но, посмотрѣвъ въ первый разъ на Анну Григорьевну, которая, выронивъ изъ рукъ клубокъ съ нитками, вся блѣдная, растерянно смотрѣла на него, ощутилъ такой сильный приливъ страха, что если бы могъ, то убѣжалъ изъ этой залы на край свѣта.

Прошло мгновеніе, Панченко потупилъ глаза, ожидая рѣшенія своей участи, но не его онъ услышалъ, а до слуха его донеслось тихое всхлипыванье Анны Григорьевны, перешедшее въ плачъ, напомнившій ему плачъ Вѣры вчера въ лѣсу.

Когда онъ поднялъ голову, то увидѣлъ, что Петръ Гаврилычъ уже сидѣлъ на диванчикѣ, возлѣ своей жены, цѣловалъ ея руки, гладилъ ея голову, какъ маленькому ребенку, и приговаривалъ слова утѣшенія.

Ѳедоръ Васильевичъ, чувствуя себя виновникомъ происшедшей сцены, бросился въ столовую за водой, дрожащими руками налилъ стаканъ и, расплескивая воду по пути, принесъ его въ залу.

Анна Григорьевна, уже нѣсколько оправившись отъ неожиданности, взяла стаканъ, сдѣлала нѣсколько глотковъ и протянула руку Ѳедору Васильевичу. Онъ покрылъ ее поцѣлуями. Скоро всѣ они цѣловались; разумѣется, молодой человѣкъ получилъ согласіе, и показавшаяся въ дверяхъ Вѣра сразу, по ихъ счастливымъ лицамъ, поняла, что произошло въ ея отсутствіе.

За обѣдомъ пили шампанское. Весь день провели вмѣстѣ, не разлучаясь, и молодые люди не ходили вечеромъ въ садъ: сегодня уединеніе не казалось имъ заманчивымъ. Анна Григорьевна и Петръ Гаврилычъ точно влюбленные смотрѣли другъ на друга, и Маруся, послѣ вечерняго чая, прощаясь передъ сномъ съ домашними, подошла къ Ѳедору Васильевичу и, совершенно неожиданно для всѣхъ, звонко поцѣловала его въ губы.

Долго сидѣли они на террасѣ, строя планы о будущемъ молодыхъ людей, и было рѣшено, съ общаго согласія, надолго не откладывать свадьбу, а вѣнчаться черезъ двѣ недѣли здѣсь, въ деревнѣ, скромно, безъ гостей, въ тѣсномъ кругу своей семьи.

X.

Послѣ свадьбы молодыхъ людей отвезли на хуторъ, расположенный въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ткачей, чтобы ничто не мѣшало ихъ медовому мѣсяцу, но они черезъ недѣлю возвратились назадъ: имъ не хотѣлось прятать своего счастья.

Лѣто пролетѣло какъ счастливый сонъ, и въ первыхъ числахъ сентября, несмотря на упрашиванія родныхъ, молодые люди уѣхали въ Петербургъ.

Оба они, и Вѣра и Ѳедоръ Васильевичъ, испытали чувство разочарованія, когда дребезжащая карета, огромная и неуклюжая, повезла ихъ съ Варшавскаго вокзала по непривѣтливымъ улицамъ Полковъ и унылому Загородному проспекту.

Молодые люди представляли себѣ въ мечтахъ Петербургъ не такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности: они привыкли съ дѣтства встрѣчать въ иллюстрированныхъ журналахъ и книгахъ виды столицы и воображали, что городъ сплошь застроенъ величественными зданіями и дворцами и покрытъ площадями, на которыхъ стоятъ великолѣпные памятники.

Впрочемъ, вечеромъ, выйдя на Невскій проспектъ, залитый голубоватымъ свѣтомъ электрическихъ фонарей, они примирились съ Петербургомъ и возвратились домой, въ гостиницу, къ двѣнадцати часамъ ночи: не смотря на усталость отъ дороги, они гуляли на улицѣ около трехъ часовъ.

На другой же день, съ утра они принялись разыскивать квартиру и проходили вплоть до обѣда безъ всякаго успѣха: все, что они видѣли, казалось имъ неудобнымъ, или черезчуръ дорогимъ. Да и почти всякая квартира, кромѣ очень дорогихъ, однимъ видомъ своихъ пустыхъ комнатъ отталкивала молодыхъ людей; они не могли вообразить себѣ этихъ комнатъ уставленными мебелью.

Два дня продолжались ихъ поиски и, вѣроятно, затянулись бы надолго, если-бы кельнеръ гостиницы не вступилъ въ бесѣду съ Ѳедоромъ Васильевичемъ и не узналъ, въ чемъ горе молодыхъ людей. За скромное вознагражденіе онъ обѣщалъ молодому человѣку найти подходящую квартиру и сдержалъ свое обѣщаніе. На другой день послѣ ихъ разговора, онъ отвезъ молодыхъ людей на Забалканскій проспектъ въ небольшой для Петербурга трехэтажный домъ и показалъ имъ во второмъ этажѣ квартиру, которою они остались вполнѣ довольны, и въ тотъ же день въ ней поселились.

За сто рублей въ мѣсяцъ они наняли четыре комнаты съ полною обстановкой, не выключая посуды.

Правда, обстановка была нѣсколько странная, но ея оригинальность увеличивала въ глазахъ молодыхъ людей цѣнность ихъ новаго помѣщенія.

Эти комнаты передавались не пріѣхавшимъ молдаванскимъ семействомъ, проводившимъ въ прошломъ году зиму въ Петербургѣ, и были убраны въ восточномъ вкусѣ. Стулья были только въ столовой, и одна эта комната имѣла обыкновенный европейскій характеръ, въ остальныхъ же комнатахъ стояли низкія и широкія оттоманки съ валиками и подушками, обитыя темно-малиновой турецкой матеріей. Такого же цвѣта ковры покрывали полы, дорогими персидскими коврами были обтянуты стѣны, съ потолковъ спускались зеленые шелковые фонарики, и когда молодые люди зажгли ихъ въ первый разъ вечеромъ, свѣтъ, отражаясь въ зеркалахъ, придалъ какой-то фантастическій гаремный колоритъ всей квартирѣ.

Панченко порывался на другой же день послѣ переѣзда на новую квартиру отправиться съ визитомъ къ Тарахтину, но Вѣра не пустила его. Она имѣла довольно смутное представленіе объ обязанностяхъ помощника присяжнаго повѣреннаго: ей казалось, что сейчасъ послѣ посѣщенія Тарахтина начнется служба, которая отниметъ у нея Ѳедора Васильевича.

Они побывали въ Эрмитажѣ, и у обоихъ чуть не закружилась голова, когда они обошли его нижній этажъ; поднявшись наверхъ по восхитившей ихъ широкой мраморной лѣстницѣ, ведущей въ галлереи живописи, молодые люди уже не останавливались ни передъ одною картиной: они отдыхали отъ еще не пережитыхъ впечатлѣній, испытывая пріятное волненіе среди невиданной ими роскоши дворца.

Впрочемъ, маленькій проходной залъ съ картинами Рафаэля, благодаря громкому имени, заставилъ ихъ остановиться, но тщетно молодые люди ожидали пробужденія восторга,—его не было, они слишкомъ устали.

Они были на вечерней службѣ въ Казанскомъ соборѣ, осматривали Исаакія, ѣздили въ Александро-Невскую лавру...

Только спустя недѣлю послѣ пріѣзда въ Петербургъ Вѣра рѣшилась отпустить своего мужа къ Тарахтину.

Онъ скоро отыскалъ по записанному еще лѣтомъ адресу квартиру адвоката на Сергіевской улицѣ у Таврическаго сада, и крѣпко билось его сердце, когда онъ стоялъ на мозаичной площадкѣ, передъ дверью, обитой зеленымъ сукномъ, на которой сіяла большая мѣдная доска съ фамиліей его патрона. Но, поборовъ смущеніе, онъ придавилъ фарфоровую пуговку электрическаго звонка и почти развязно сказалъ свою фамилію щеголю лакею, отворявшему дверь. Онъ думалъ, что вотъ сейчасъ, послѣ доклада лакея, покажется знакомая фигура Тарахтина, адвокатъ обрадуется его пріѣзду, обниметъ и поцѣлуетъ его, какъ тогда, въ памятный день ихъ знакомства; онъ съ пріятнымъ волненіемъ ожидалъ въ передней, но его надежда не оправдалась.

Лакей попросилъ подождать и ввелъ молодаго человѣка въ пріемный залъ, который, несмотря на знакомство Ѳедора Васильевича съ Эрмитажемъ, поразилъ его своею роскошью.

Толстый пушистый коверъ покрывалъ полъ, и ноги тонули въ его высокой шерсти. Всѣ стѣны сплошь были увѣшаны картинами въ широкихъ золотыхъ рамахъ. Картины были темныя, очевидно старинныя, напоминавшія Эрмитажъ. На тумбахъ краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями стояли мраморные бюсты. Старинный клавикордъ весь въ инкрустаціи,

Епископъ Ульфила проповѣдуетъ готамъ Св. Евангеліе. Съ карт. Л. Польяги, грав. Кантагалли.

Данія. Замокъ Фреденсборгъ. Фасадъ. Съ фот. грав. Флюгель.

Данія. Видъ замка Фреденсборгъ изъ Мраморнаго сада. Съ фот. грав. Флюгель.

въ серебряныхъ амурахъ, виноградныхъ лозахъ и цвѣтахъ художественной работы занималъ почетное мѣсто. Громадные бронзовые часы, съ фигурой женщины въ греческомъ костюмѣ, подъ стеклянымъ колпакомъ стояли у окна. Съ лѣпнаго потолка спускалась бронзовая люстра, золоченая черезъ огонь, стиля Имперіи. Была этажерка палисандроваго дерева съ колоннами, перевитыми бронзовыми гирляндами, на ея полкахъ виднѣлись всевозможные bibelots, японскіе уродцы, рѣзанные изъ слоновой кости. Когда Θедоръ Васильевичъ подошелъ поближе, чтобы разсмотрѣть эти игрушки, какъ мысленно онъ окрестилъ коллекцію Тарахтина, его поразила тщательная отдѣлка мельчайшихъ подробностей каждой фигуры, и онъ долго не могъ оторвать глазъ отъ группы лягушекъ, собравшихся точно для совѣщанія на виноградномъ листкѣ, удивляясь необычайному терпѣнію и труду, положенному въ такую повидимому незначительную бездѣлушку. Два стола съ досками изъ ляписъ-лазури въ бронзовой оправѣ на массивныхъ золоченыхъ грифахъ и драконахъ усиливали впечатлѣніе, производимое этою пріемною комнатой.

Кромѣ Θедора Васильевича, въ залѣ былъ еще одинъ посѣтитель, высокій купецъ съ сѣдоватой бородкой клиномъ; сидя въ углу на низкомъ атласномъ пуфѣ, онъ придерживалъ рукой полы своего длиннаго чернаго сюртука, чтобы онѣ не расходились, и всѣмъ существомъ своимъ говорилъ, что онъ подавленъ блескомъ квартиры адвоката.

Панченко недолго разсматривалъ японскихъ уродцевъ, какъ запертыя двери въ глубинѣ пріемной комнаты растворились, изъ нихъ скорыми увѣренными шагами вышелъ молодой человѣкъ въ щегольскомъ фракѣ и стоячихъ воротничкахъ; онъ приблизился къ Θедору Васильевичу и, глядя на него въ упоръ сѣрыми немигающими глазами, спросилъ сухимъ, дѣловымъ тономъ:

— Вы Θедоръ Васильевичъ Панченко?

— Я, отвѣтилъ робѣя, какъ на допросѣ, Панченко.

— Прошу садиться, отчеканилъ молодой человѣкъ и указалъ рукой на стоящее вблизи кресло, а самъ сѣлъ напротивъ, въ атласную козетку.

— По какому дѣлу вамъ угодно видѣть Сергѣя Николаича? Прошу изложить его мнѣ для доклада Сергѣю Николаичу—я его помощникъ, пояснилъ онъ, замѣтивъ удивленіе въ глазахъ Θедора Васильевича.

Панченко не безъ любопытства оглядѣлъ съ головы до ногъ этого самоувѣреннаго юношу и объяснилъ ему въ чемъ дѣло. Сѣрые глаза помощника чуть блеснули, онъ улыбнулся, сказалъ: „будущій коллега, познакомимся!“ и назвалъ свою фамилію.

Панченко крѣпко пожалъ его руку.

Новый знакомый отправился въ кабинетъ и тотчасъ же изъ дверей позвалъ туда Θедора Николаевича.

Кабинетъ превосходилъ своими размѣрами пріемную комнату, но здѣсь была другая обстановка—ничего, кромѣ книгъ: онѣ были единственнымъ, но за то обильнымъ украшеніемъ кабинета. Онѣ наполняли высокіе шкапы, темнѣли въ полкахъ надъ шкапами, подъ самымъ потолкомъ, онѣ стояли на полкахъ вертящейся этажерки на громадномъ письменномъ столѣ, онѣ лежали и на самомъ столѣ и даже на табуретахъ, обтянутыхъ коричневымъ сафьяномъ.

Тарахтинъ сидѣлъ въ креслѣ за письменнымъ столомъ, передъ нимъ лежала кипа бумагъ; на оттоманкѣ, въ креслахъ, окружавшихъ столъ, сидѣли, кромѣ знакомаго уже Θедору Васильевичу помощника, еще трое молодыхъ людей, тоже во фракахъ, которые точно по командѣ сразу встали при появленіи своего новаго собрата и, поочередно пожавъ ему руку, опять заняли свои мѣста.

Тарахтинъ не обнялъ и не поцѣловалъ при встрѣчѣ Θедора Васильевича; онъ, правда, привѣтливо улыбнулся, не вставая, пожалъ ему руку и указалъ на свободный отъ книгъ табуретъ, приглашая садиться.

Θедоръ Васильевичъ оробѣлъ и потерялся въ обществѣ незнакомыхъ ему молодыхъ людей; ему казалось, что они станутъ разглядывать его съ любопытствомъ какъ провинціала; но, посмотрѣвъ украдкой на каждаго изъ нихъ, убѣдился, что это чувство должно быть и не знакомо помощникамъ Тарахтина: они смотрѣли на него такъ, какъ будто знали молодаго человѣка давно и были увѣрены, что ничего новаго для нихъ онъ не можетъ ни сказать, ни сдѣлать.

Такое отношеніе къ его особѣ хотя и удивило Θедора Васильевича, но за то и совершенно его успокоило; онъ откашлялся и сказалъ, обращаясь къ Тарахтину, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, счелъ долгомъ явиться къ своему патрону и напомнить о себѣ.

Тарахтинъ выслушалъ до конца краснорѣчивую вступительную фразу молодаго человѣка, коротко спросилъ:

— Вы желаете записаться моимъ помощникомъ?—и, получивъ утвердительный отвѣтъ, предложилъ сѣроглазому молодому человѣку, встрѣтившему Θедора Васильевича въ пріемной, дать необходимыя указанія.

Они отошли къ небольшому столику, помѣщавшемуся среди книжныхъ шкафовъ, и помощникъ продиктовалъ Θедору Васильевичу заявленіе въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, которое сейчасъ же скрѣпилъ своей подписью Тарахтинъ.

Документы Панченко на всякій случай захватилъ съ собой, ихъ подложили къ заявленію, и сѣроглазый помощникъ простеръ свою любезность до того, что взялся отвезти бумаги въ канцелярію Совѣта, куда онъ собирался ѣхать по дѣламъ Тарахтина.

Отъ своихъ новыхъ товарищей Панченко узналъ, что у каждаго помощника есть свой день въ недѣлѣ для дежурства и пріема кліентовъ, а по вторникамъ они должны собираться всѣ въ полномъ составѣ. Онъ посидѣлъ и на табуретѣ, и на оттоманкѣ, походилъ по кабинету, постоялъ передъ шкафами, прочитывая на корешкахъ заглавія книгъ, и такъ какъ Тарахтинъ не заговаривалъ съ нимъ, то онъ простился со своими товарищами и адвокатомъ, и уѣхалъ, спѣша обрадовать Вѣру полученіемъ вожделѣннаго мѣста.

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

Гоголь.

Въ то время, когда Пушкинъ еще былъ въ расцвѣтѣ своего геніальнаго дарованія, на сценѣ русской литературы появился новый геній, именемъ котораго названъ послѣдовавшій за нимъ литературный періодъ. Гоголь былъ явленіемъ необыкновеннымъ и дѣйствительно новымъ, давшимъ русской литературѣ оригинальное и новое содержаніе и направленіе. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ, въ то же время, только дальнѣйшимъ развитіемъ, логическимъ послѣдствіемъ Пушкинской поэзіи.

Бѣлинскій, опредѣляя характеръ и значеніе Гоголя на основаніи первыхъ его произведеній, „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки“ и „Миргорода“, тогда, въ 1835 году, появившихся, говоритъ: „Отличительный характеръ повѣстей г. Гоголя составляютъ—простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія“; и причину всѣхъ этихъ качествъ знаменитый критикъ видѣлъ въ одномъ источникѣ, въ томъ, что „Гоголь—поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной“. Легко видѣть, что простота вымысла, народность, правда жизни и оригинальность, какъ это замѣчаетъ и Бѣлинскій, суть свойства общія всѣмъ геніальнымъ поэтамъ, что они составляютъ „отличительный характеръ“ настолько же и Пушкина и Лермонтова, насколько и Гоголя. Но „комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія“, составляетъ дѣйствительно своеобразную черту произведеній Гоголя, рѣзко отличающую его отъ всѣхъ русскихъ писателей бывшихъ до него и послѣ него. И черта эта, съ необыкновенною ясностью и простотой опредѣленная Бѣлинскимъ, состоитъ въ совершенно особенномъ отношеніи поэта къ жизни, ему одному принадлежащемъ, свидѣтельствующемъ о своеобразномъ складѣ ума и чувствъ Гоголя. Поэтическое изображеніе имъ дѣйствительности всегда возбуждаетъ въ васъ неудержимый смѣхъ, повидимому веселый и беззаботный до конца произведенія; но съ послѣдними строками смѣхъ исчезаетъ, уступая мѣсто настроенію печальному и горькому, вызывая мысли о ничтожности людской, о цѣлой массѣ губительнаго общественнаго зла, существующаго въ порядкахъ и въ жизни нашей родины. И изъ-за внѣшняго смѣха передъ вами выдвигается глубокій внутренній смыслъ произведенія, безпристрастное сужденіе философа и моралиста о жизни.

Послѣднее свойство гоголевской поэзіи, раскрытіе ею общественныхъ золъ, принадлежитъ болѣе его послѣдовавшимъ за „Вечерами“ и „Миргородомъ“ произведеніямъ: „Ревизору“, „Мертвымъ душамъ“ и пр. Но и въ этихъ произведеніяхъ беззаботное „комическое одушевленіе“ развертывается въ полной своей силѣ, увлекая читателя и не давая ему никакого повода заподозрить автора въ цѣляхъ научить его, заставить задуматься надъ жизнью, надъ общественными порядками и отношеніями; но такъ же неизбѣжно въ концѣ-концовъ приходитъ къ читателю грусть и уныніе и тяжелое раздумье. И Бѣлинскій совершенно справедливо защищаетъ Гоголя противъ той мысли, будто поэтъ имѣетъ цѣли обличительныя. Онъ, по мысли знаменитаго критика русскаго, просто поэтъ жизни дѣйствительной, а жизнь говоритъ уже сама за себя, сама себя обличаетъ. Отрицая въ Гоголѣ *цѣли* обличенія, какъ Бѣлинскій, такъ и особенно послѣдующіе, несомнѣнно были подъ вліяніемъ той мысли, что если не Гоголь самъ, то изображенія его обличаютъ жизнь русскую. Этой именно сторонѣ придано было главнѣйшее значеніе, и изъ Гоголя именно, рядомъ съ тѣмъ, что̀ собственно заслуживаетъ наименованія Гоголевской школы, возникла и та обличительная литература, которая получила такую силу въ послѣдующіе годы. Съ этой точки зрѣнія Гоголь представляется творцомъ и источникомъ сознательнаго и критическаго отношенія къ русской дѣйствитель-

ности, такого отношенія, котораго не было до него. Мысль эта сказалась у Бѣлинскаго противопоставленіемъ Гоголя съ Пушкинымъ въ томъ смыслѣ, что Пушкинъ представитель чистой поэзіи, искавшій все поэтическое, гдѣ бы оно ни было, а Гоголь — представитель исканія поэзіи въ прозѣ жизни. Мысль эта такъ владѣла знаменитымъ критикомъ, что онъ смотрѣлъ на Гоголя, какъ на нѣчто неожиданное въ русской литературѣ, имѣющее мало связи съ предшествовавшею русскою литературой; Пушкинъ представлялся Бѣлинскому несравненно больше обязаннымъ своимъ предшественникамъ, чѣмъ Гоголь имъ же и самому Пушкину.

Въ такомъ воззрѣніи на Гоголя есть поразительная односторонность и неполнота. Напрасно было бы смотрѣть на Гоголя, какъ на явленіе независимое въ русской литературѣ; какъ мы выше сказали, онъ только дальнѣйшее развитіе, логическое послѣдствіе литературнаго движенія, созданнаго Пушкинымъ. Задолго до Пушкина уже зародилось въ Россіи литературное отрицательное, обличительное направленіе, проявившееся въ „Недорослѣ“ Фонъ-Визина, въ сатирическихъ опытахъ Крылова и другихъ, получившее уже огромное значеніе въ комедіи Грибоѣдова, не чуждое, наконецъ, самаго Пушкина и Лермонтова, современника Гоголя по началу своей дѣятельности. Такимъ образомъ Гоголю не представлялось необходимымъ создавать то, что уже было создано, и значеніе его въ извѣстномъ смыслѣ обличительныхъ произведеній — иное. Дѣло въ томъ, что до Пушкина въ русской литературѣ разрабатывались элементы поэзіи, чуждые русской жизни, процвѣтали сентиментализмъ и романтизмъ, а то, что касалось собственно русской дѣйствительности, ея обличенія и исправленія, появлялось въ литературѣ безъ истинной поэзіи, т. е. не въ свѣтѣ простаго согласнаго съ истиной изображенія. Произведенія касавшіяся русской жизни имѣли характеръ дидактическій, поучительный, имѣли предвзятыя цѣли: обличить, напримѣръ, невѣжество, какъ „Недоросль“, указать пользы образованія и т. п. Пушкинъ, своимъ необычайнымъ геніемъ сразу отрѣшившій русскую литературу отъ всякой узости, сблизилъ литературу съ дѣйствительностью, съ жизнью, нашелъ поэзію русской жизни въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, сдѣлалъ всякую фальшь въ литературѣ болѣе невозможною, уронивъ все громкое и трескучее, неестественное, и возвысивъ все доброе и простое. Но совершенное имъ дѣло не могло быть во вредъ здоровому и ясному направленію литературы—критически отнестись къ окружающей жизни, тому направленію которое съ такой силой выразилось въ комедіяхъ Фонъ-Визина и въ „Горѣ отъ ума“ Грибоѣдова. И ясно, что послѣ Пушкина это направленіе должно было возникнуть, воскреснуть съ новой силой, съ новымъ значеніемъ. Не менѣе ясно, что теперь это направленіе не могло уже быть дидактическимъ, поучительнымъ, преслѣдующимъ предвзятыя мысли, проводящимъ тенденціи, проповѣдывающимъ пользы образованія, необходимость искорененія зла въ общественныхъ отношеніяхъ и пр. Все это, съ тѣхъ поръ какъ Пушкинъ выяснилъ, въ чемъ состоитъ поэзія, уже не могло быть. Долженъ былъ явиться талантъ способный слить въ себѣ необыкновенную жизненность и правду изображеній дѣйствительности съ тѣми идеями, которыя одушевляли прежнее обличительное направленіе, чтобы получить успѣхъ и значеніе. Такимъ необыкновеннымъ человѣкомъ и былъ Гоголь, развившійся, кстати сказать, подъ вліяніемъ почти только одной русской литературы и своимъ геніальнымъ чувствомъ, очевидно, уловившій внутреннюю нить литературной жизни русскаго общества и и съумѣвшій отвѣтить назрѣвшей общественной потребности. Критическое отношеніе къ дѣйствительности не исключаетъ поэзіи, которая есть правда, по геніальному выраженію нѣмецкаго геніальнаго поэта, и Гоголю досталось на долю показать это. Въ этомъ огромная заслуга передъ литературою, требовавшая громаднаго дарованія. Изъ изложеннаго, конечно, ясно, что собственно „обличительное“ направленіе, преслѣдовавшее, немного спустя послѣ Гоголя, цѣли именно обличенія, было не дальнѣйшимъ развитіемъ той мысли, которая лежала въ произведеніяхъ Гоголя, а отступленіемъ отъ нея, уклоненіемъ, возвратомъ къ тому времени, когда литература была еще недостаточно совершенною, чтобы соединять въ себѣ правду мысли и правду изображенной жизни.

Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что въ произведеніяхъ Гоголя, но свойству его дарованія, сообразному съ общими свойствами несовершенной человѣческой натуры, должна была сказаться извѣстнаго рода, такъ сказать, неполнота. Пушкинъ, по свидѣтельству самого Гоголя, такъ опредѣляетъ дарованіе его: „Еще ни у одного писателя не было дара выставлять такъ ярко пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ“. И Гоголь признаетъ это свойство своимъ *главнымъ свойствомъ*. Но если писатель обладаетъ столь замѣчательнымъ свойствомъ крупно выставлять пошлость пошлаго человѣка, не удѣляя не-пошлости въ своихъ произведеніяхъ большаго мѣста, то на читателя это должно производить особенное впечатлѣніе, давать ему представленія о жизни особыя, печальныя. Громадна заслуга человѣка, выставляющаго на всеобщее зрѣлище, дающаго сознать всѣмъ ту пошлую мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, имѣя, однако, огромное значеніе въ жизни! Велико дѣло писателя, совершающаго такое дѣло самосознанія общественнаго! Но въ то же время, и самъ писатель, одушевляемый этимъ своимъ особеннымъ свойствомъ, невольно изощрять свой взглядъ на явленія именно печальныя, носящія печать пошлости; ей онъ отдаетъ преимущественно свое вниманіе. Тутъ нѣтъ неправды, нѣтъ даже односторонности; не односторонность въ картинѣ, изображающей плачъ и не дающей никакого намека на смѣхъ, возможный для того же лица, которое изображено плачущимъ. Говоря о печальныхъ явленіяхъ жизни, изображая ихъ правильно, истинно, часто было бы неумѣстно оговариваться, что де рядомъ съ печальными существуютъ и радостныя явленія. Невозможно и отъ Гоголя требовать, чтобы пошлость жизни, имъ проведенная въ сознаніе общества, говорила о добродѣтеляхъ и достоинствахъ въ нашемъ обществѣ. Но невозможно забывать этого относительно значенія его произведеній. Заслуга Гоголя сама по себѣ и безъ того огромна. Отъ простаго поэтическаго созерцанія жизни, ея золъ и ея добра, творцомъ котораго былъ Пушкинъ, Гоголь вновь ввелъ въ литературу задачи сознанія жизненныхъ золъ и борьбы съ ними, не нарушая, однако, обязательности для литературы истиннаго изображенія дѣйствительности. Именно въ этомъ смыслѣ онъ вполнѣ поэтъ жизни дѣйствительной.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Видъ на Южную бухту въ Севастополѣ съ Историческаго бульвара.

(Рис. на стр. 897).

Съ рѣшеніемъ устроить торговый портъ въ Ѳеодосіи, Севастополь получилъ значеніе всецѣло военнаго порта на Черномъ морѣ, какимъ онъ былъ избранъ еще въ 1783 г., вскорѣ по присоединеніи Крымскаго ханства къ Россіи. Парижскій миръ, въ 1856 году, послѣ славной Севастопольской войны, лишилъ Севастополь военнаго значенія, такъ какъ укрѣпленія не могли быть возстановлены. Но не прошло 30-ти лѣтъ, и изъ разрушеннаго города, въ которомъ по возвращеніи его русскимъ властямъ осталось только 14 малоповрежденныхъ зданій, возсталъ снова красивый и сильный Севастополь. Съ 1885 года начались постройки укрѣпленій и доковъ, и Севастополь сталъ военною гаванью для Черноморскаго флота.

Превосходный рейдъ, одинъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ, длиною болѣе 6 верстъ и шириною около версты, при глубинѣ отъ 6 до 10 саженъ, раздѣляется на нѣсколько вѣтвей, образуя бухты меньшаго размѣра, подъ названіями Артиллерійской, Южной, Корабельной и Килебалочной. Бухты эти раздѣляютъ городъ на три части — Южную, Корабельную и Сѣверную. Нашъ рисунокъ представляетъ видъ на одну изъ бухтъ, Южную, снятый съ Историческаго бульвара.

Съ послѣдней выставки въ Имп. Ак. Худ. „Въ распутицу“. Карт. проф. Н. Сверчкова.

(Рис. на стр. 900).

Знаменитый профессоръ Сверчковъ, въ своей картинѣ, бывшей на послѣдней Академической выставкѣ и носящей названіе „Въ распутицу“, является не только неподражаемымъ рисовальщикомъ лошадей, что давно и всѣмъ извѣстно, но и тонкимъ наблюдателемъ, изобразителемъ цѣлаго ряда сценъ, подмѣченныхъ имъ на берегу рѣки, въ ненастную осеннюю погоду, при ожиданіи парома. Тутъ и помѣщичья крытая бричка, у которой топчатся нищіе, прося подаянія, и нѣсколько странниковъ, усѣвшихся на бревешкѣ и терпѣливо ожидающихъ, пока едва примѣтный въ туманѣ мужичекъ докличется парома съ другаго берега...

„Бесѣда“. Съ карт. проф. Н. Кошелева.

(Рис. на стр. 901).

Картина „Бесѣда“, съ которой гравюру читатели найдутъ на стр. 901, принадлежитъ кисти талантливаго профессора исторической живописи Николая Андреевича Кошелева, автора извѣстной картины „Погребеніе Христа“. Въ „Бесѣдѣ“ Н. А. Кошелевымъ тонко и живо переданы, со свойственною ему наблюдательностью, нѣсколько типичныхъ фигуръ крестьянскихъ дѣтей, собравшихся на задворкахъ на „бесѣду“ въ подражаніе взрослымъ.

„Въ раздумьи“. Съ карт. К. Кизеля.

(Рис. на стр. 905).

Ты головку опустила,
Отуманивъ блескъ очей,
И лицо твое покрыла
Прядь волнистая кудрей... (Щербина).

Епископъ Ульфила проповѣдуетъ готамъ Св. Евангеліе. Карт. Л. Польяги. (Рис. на стр. 908).

Дошедшіе до нашего времени остатки готской письменности представляютъ чрезвычайно цѣнное сокровище для филологовъ, являясь самымъ древнимъ образцомъ языка древнихъ германцевъ. Первое мѣсто въ ряду произведеній на готскомъ нарѣчіи, безспорно, представляетъ переводъ Библіи, сдѣланный епископомъ Ульфилой или Вульфилой, апостоломъ готовъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ Свв. Кириллъ и Меѳодій называются апостолами Славянъ. По преданію, большой и сильный народъ готовъ выселился съ острова Скандіи (изъ Скандинавіи) на материкъ Европы, гдѣ во времена маркоманскихъ войнъ во II вѣкѣ по Р. Х., разселился по равнинѣ идущей къ сѣверу и югу отъ Карпатовъ. Вскорѣ договорами и силою готы присоединили къ себѣ пограничное населеніе, такъ что обширное царство готовъ въ IV столѣтіи раскинулось отъ Тиссы до Дона, и отъ Чернаго до Балтійскаго моря. Не мало германскихъ племенъ, впослѣдствіи извѣстныхъ подъ собственными именами, напр. герулы, вандалы и др., входили въ составъ государства готовъ, которые, въ свою очередь, распадались на западныхъ и восточныхъ готовъ (Вестготы и Остготы). Среди множества плѣнниковъ, приводимыхъ готами во внутрь своей страны, находилось не мало христіанъ, которымъ удалось забросить сюда первыя сѣмена ученія Христова. Но христіанское ученіе дошло до готовъ въ извращеніи Арія, отрицавшаго единосущность Бога Сына съ Богомъ Отцемъ. Извѣстно, что какъ готы, такъ и вандалы и лонгобарды придерживались этой ереси нѣсколько вѣковъ. Главнымъ насадителемъ среди готовъ вѣры Христовой, какъ уже замѣчено выше, былъ Ульфила. Онъ родился около 311 года въ христіанской семьѣ, уведенной готами въ неволю изъ Каппадокіи. Въ 341 году онъ былъ облеченъ въ санъ епископа Евсевіемъ Никомидійскимъ, и затѣмъ съ 348 года неутомимо проповѣдывалъ среди вестготовъ христіанство. Въ 355 году, вслѣдствіе гоненія на христіанъ, онъ со многими изъ нихъ бѣжалъ въ Константинополь, гдѣ испросилъ у императора Константина позволеніе поселиться у подножія Мизійскихъ горъ. Тамъ имъ сдѣланъ былъ переводъ Библіи, тотъ безцѣнный памятникъ словесности, который сохраняется какъ сокровище подъ названіемъ „серебрянаго кодекса" въ Упсальской библіотекѣ. Наша гравюра на стр. 908 съ рисунка итальянскаго художника Л. Польяги, изображаетъ благочестиваго епископа, среди готскихъ вождей, читающаго имъ свой переводъ Библіи и толкующаго ученіе Христа. Сосредоточенно слушаютъ закаленные въ битвахъ воины живое слово всепрощенія и любви. Умеръ Ульфила въ 381 году въ Константинополѣ, куда его призвалъ императоръ Θеодосій.

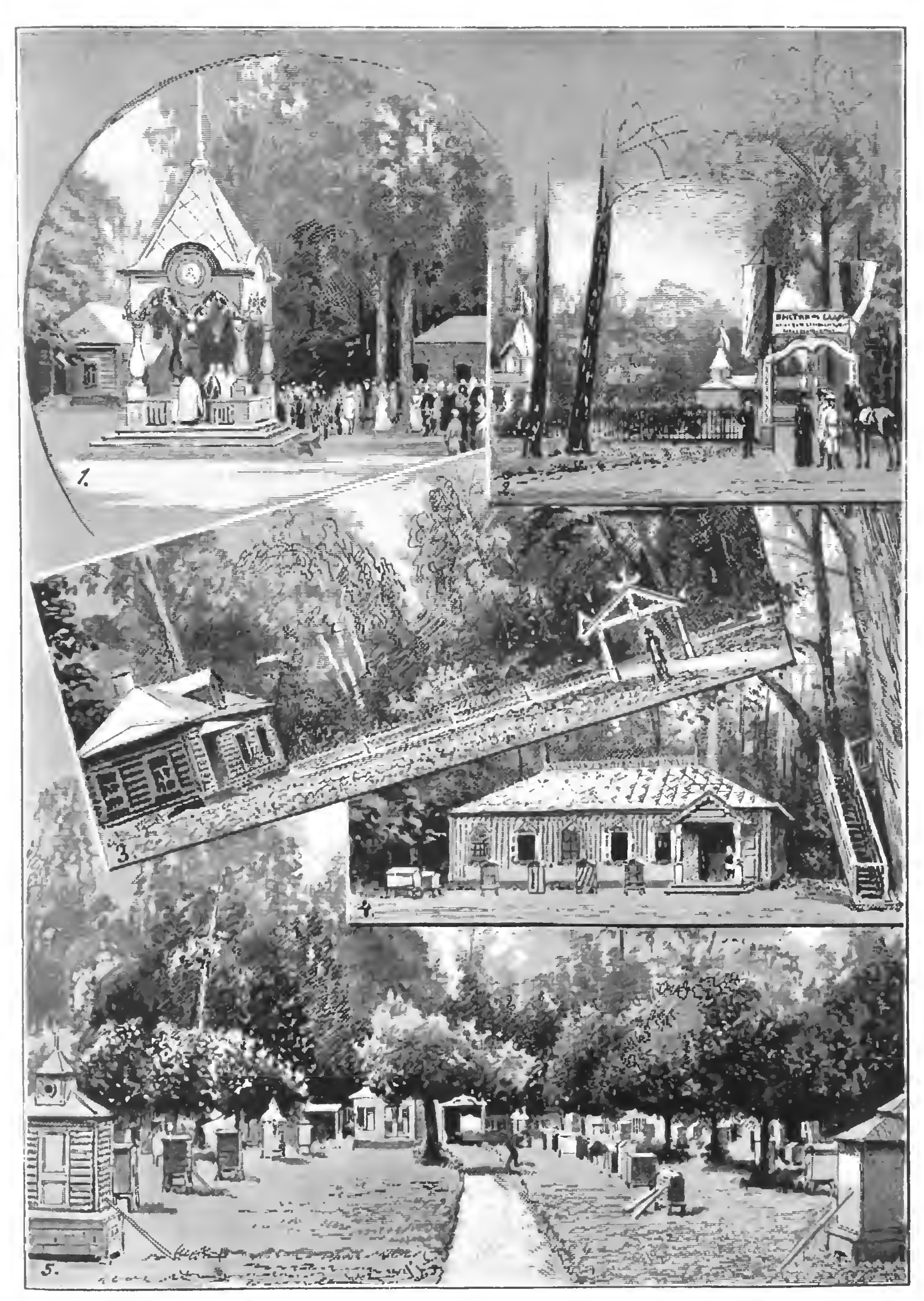
Зàмокъ Фреденсборгъ, въ Даніи.

(Рис. на стр. 909 и 912).

Съ именемъ зàмка Фреденсборгъ не связаны никакія историческія событія. Политика и государственная жизнь далеки отъ него. Тамъ не бываетъ ни конгрессовъ, ни конференцій, ни другихъ съѣздовъ дипломатовъ или засѣданій депутатовъ. Тѣмъ не менѣе не мало воспоминаній, и притомъ самыхъ свѣтлыхъ и пріятныхъ, соединено съ этимъ зàмкомъ.

Зàмокъ Фреденсборгъ лежитъ къ сѣверу отъ Копенгагена на островѣ Зеландіи, вблизи красиваго озера Эромъ, у желѣзно-дорожной линіи, соединяющей столицу Датскаго королевства съ Гельсингеромъ. Онъ составляетъ лѣтнее мѣстопребываніе датской королевской четы, которая удаляется туда отдохнуть среди своей семьи. Тамъ, посреди живописной мѣстности, проводитъ лѣто маститый король Христіанъ IX, Августѣйшій родитель Государыни Императрицы, вдали отъ треволненій государственной жизни, и туда съѣзжаются къ нему многочисленные и славные родичи Датскаго короля. Такъ, Фреденсборгъ нерѣдко былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Государя Императора и Государыни Императрицы съ Августѣйшею Семьею; тамъ живали и принцъ Вельскій, женатый на принцессѣ Александрѣ, старшей дочери Датскаго короля, и второй сынъ его, король Греческій Георгъ I, и принцесса Тира, съ 1878 года герцогиня Кумберландская. Тамъ же гостятъ и наслѣдникъ Датскаго престола принцъ Фридрихъ, женатый на шведской принцессѣ Луизѣ, и третій сынъ короля, принцъ Вольдемаръ и его супруга, принцесса Марія Орлеанская. Высокихъ посѣтителей сопровождаютъ ихъ семьи, и въ это время въ Фреденсборгѣ царитъ большое оживленіе, свидѣтелями котораго могутъ быть всѣ посѣтители чудеснаго и обширнаго зàмковаго парка. Паркъ этотъ, очень красивый, доступенъ всѣмъ, за исключеніемъ небольшой части его, носящей названіе Мраморнаго сада, откуда особенно красивъ видъ на зàмокъ, какъ это видно на нашей гравюрѣ. Въ этомъ паркѣ также находится живописная дача, принадлежащая Государю Императору. Изображеніе ея помѣщено нами на стр. 912.

Данія. Дача Государя Императора въ Фреденсборгѣ. Съ фот. Христенсена, грав. Флюгель.



Выставка пчеловодства въ Москвѣ. Съ фотографіи рис. А. Земцовъ, грав. въ мастерской „Нивы".

1) Торжественное празднованіе 25-лѣтія опытной пасѣки Имп. Русск. Общ. Акклиматизаціи въ Измайловскомъ звѣринцѣ 27 іюня 1890. 2) Видъ выставки съ внѣшней стороны 3) I отдѣлъ: медоносныя растенія. 4) Павильонъ IV-VIII отдѣловъ. 5) III отдѣлъ: опытная пасѣка

Пчеловодная выставка въ Москвѣ.

(Рис. на стр. 913).

3 іюня въ Москвѣ открылась выставка пчеловодства. Устроена она на опытной пасѣкѣ Императорскаго Общества акклиматизаціи растеній и животныхъ въ Измайловскомъ звѣринцѣ, въ ознаменованіе четверть-вѣковаго существованія опытной пасѣки. Пасѣка возникла 25 лѣтъ тому назадъ на средства дарованныя г. Евсѣевымъ, при дѣятельномъ участіи и содѣйствіи г. Александрова, въ завѣдываніи коего пасѣка находилась десять лѣтъ. Подъ пасѣку былъ отведенъ участокъ земли величиною въ 1 десятину тогдашнимъ министромъ Государственныхъ Имуществъ А. А. Зеленымъ на мѣстѣ, гдѣ двѣсти лѣтъ тому назадъ царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ свой „государевъ“ пчельникъ. За четверть вѣка пасѣка принесла не мало пользы, какъ устройствомъ выставокъ, такъ и распространеніемъ свѣдѣній о раціональномъ пчеловодствѣ.

Юбилей пасѣки рѣшено было ознаменовать выставкой пчеловодства подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова. Она прекрасно устроена, главнымъ образомъ, благодаря трудамъ Ѳ. С. Мочалкина, завѣдывающаго пасѣкой съ 1885 года. Въ выставкѣ принимаютъ участіе экспоненты со всѣхъ концовъ Россіи, въ томъ числѣ не мало крестьянъ.

Она была открыта по 15 августа. Съ 3 іюня до закрытія выставку посѣтило свыше 10,000 человѣкъ. Особенно много было посѣтителей по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, когда на выставкѣ происходили бесѣды по пчеловодству, въ которыхъ принимали участіе всѣ желающіе.

Празднованіе юбилея пасѣки состоялось 27 іюля. Въ 4 часа дня на выставку собрались члены Общества акклиматизаціи со своимъ президентомъ, П. П. Цвѣтухинымъ, во главѣ, много экспонентовъ и лицъ сочувствующихъ Обществу и его пасѣкѣ. Торжество началось молебствіемъ въ особой бесѣдкѣ, затѣмъ состоялось въ пчеловодномъ музеѣ торжественное засѣданіе Общества акклиматизаціи, послѣ чего на открытомъ воздухѣ былъ сервированъ обѣдъ. Окончилось торжество въ десятомъ часу вечера фейерверкомъ.

На нашемъ рисункѣ, кромѣ изображенія самаго празднованія юбилея (1), читатели найдутъ нѣсколько видовъ съ выставки пчеловодства, въ томъ числѣ видъ выставки съ внѣшней стороны (2), I отдѣлъ — медоносныя растенія (3), III отдѣлъ — ульи съ живыми пчелами (5) и павильонъ IV—VIII отдѣловъ (4).

Крестный ходъ 1 августа въ Петербургѣ.

(Рис. на стр. 916).

Ежегодно, 1 августа, въ день, посвященный памяти подвижниковъ за вѣру и отечество, мучениковъ Маккавеевъ, православная церковь торжественно празднуетъ крестными ходами „Происхожденіе древъ честнаго и животворящаго Креста Господня“. Во всѣхъ храмахъ Петербурга совершаются въ этотъ день торжественныя богослуженія, послѣ которыхъ бываютъ молебны съ водосвятіемъ. Крестные ходы въ Петербургѣ совершаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ: изъ Троицкаго собора Александро-Невской Лавры; изъ Петропавловскаго собора на Неву, а затѣмъ къ часовнѣ Спасителя; изъ единовѣрческой церкви Захарія и Елисаветы тоже на Неву; съ Аптекарскаго острова изъ Преображенской церкви и съ Каменнаго острова изъ придворной церкви во имя Іоанна Крестителя — на Малую Невку и проч. По особенной торжественностью и великолѣпіемъ отличается крестный ходъ изъ Исаакіевскаго собора на Неву. По окончаніи богослуженія, процессія выходитъ черезъ западныя врата храма на Исаакіевскую площадь и, минуя Александровскій садъ, держитъ путь на набережную Невы къ спуску у Сената. Здѣсь обыкновенно строится наканунѣ іордань громадный помостъ декорированный краснымъ сукномъ. Посрединѣ помоста устроена такъ называемая „сѣнь“, — палатка драпированная бѣлымъ глазетомъ съ золотыми крестами. При пѣніи „Спаси Господи люди Твоя“ Св. Крестъ погружается въ воду и, затѣмъ, по окончаніи водосвятія возвращается въ Исаакіевскій соборъ. По пути крестнаго хода, у „іордани“ и далеко по набережной Невы присутствуютъ цѣлыя массы народа. На нашемъ рисункѣ представлены какъ выходъ крестнаго хода изъ вратъ собора, такъ и самая іордань.

Н. И. Новиковъ. (Портр. на стр. 917).

Русская драматическая сцена понесла новую утрату. 21 августа, въ Москвѣ скончался Никифоръ Ивановичъ Новиковъ, артистъ Императорскихъ театровъ, хорошо знакомый петербургской публикѣ и еще болѣе извѣстный въ провинціи, гдѣ онъ болѣе тридцати пяти лѣтъ подвизался то какъ актеръ, то въ качествѣ антрепренера и всегда имѣлъ артистическій успѣхъ. Это былъ одинъ изъ весьма даровитыхъ артистовъ съ талантомъ разнообразнымъ, что называется „на всѣ руки“: игралъ онъ роли комиковъ, простаковъ, резонеровъ, тирановъ, роли бытовыя, непосредственно комическія и даже водевильныя. Можно сказать, что во всякомъ амплуа онъ былъ недуренъ, не портилъ игры, но болѣе всего былъ на своемъ мѣстѣ въ роляхъ драматическихъ, гдѣ требуется чувство, прекрасно исполнялъ бытовыя роли, а по преимуществу выдвигался въ роляхъ изъ репертуара Островскаго, каковы, напримѣръ, Красновъ („Грѣхъ да бѣда“), Кабановъ („Гроза“), Безсудный („На бойкомъ мѣстѣ“), или Подхалюзинъ („Свои люди — сочтемся“), Русаковъ („Не въ свои сани не садись“), Беневоленскій („Бѣдная невѣста“), Оброшеновъ („Шутники“), Дикой („Гроза“) и друг. Далеко не плохо исполнялъ онъ и роли Расплюева въ „Свадьбѣ Кречинскаго“, Делакторскаго въ „Испорченной жизни“, И. Е. Чернышева, Городничаго въ „Ревизорѣ“, Репетилова въ „Горѣ отъ ума“ и много другихъ. Вообще, репертуаръ его, какъ почти каждаго провинціальнаго премьера, отличался крайнимъ разнообразіемъ, и всѣхъ ролей переигралъ онъ болѣе шестидесяти. У него была превосходная мимика, выразительная, вполнѣ сценическая наружность, но голосъ былъ у него мало обработанный, глухой; изяществомъ манеръ артистъ тоже не отличался, а потому свѣтскихъ людей игралъ онъ безъ блеска, хотя всегда старался провести и эти роли какъ могъ лучше. Въ комическихъ роляхъ ему недоставало настоящей заразительной веселости.

Никифоръ Ивановичъ Новиковъ былъ сынъ театральнаго капельмейстера, женатаго на провинціальной актрисѣ, и родился въ Саратовѣ 9 февраля 1837 года. Родители не пожелали подвергать сына всѣмъ превратностямъ артистической карьеры и помѣстили его, въ 1845 году, во вторую Казанскую гимназію. Учился онъ хорошо, и, однако-жъ, наслѣдственность брала свое. Новиковъ болѣе всего тяготѣлъ къ театру и съ большимъ жаромъ игралъ въ домашнихъ спектакляхъ. Когда отецъ его снялъ театръ въ Астрахани, Новиковъ сдѣлался уже настоящимъ актеромъ, играя простаковъ и водевильныхъ комиковъ на сценѣ этого театра съ 1854 по 1861 годъ; тогда же отецъ заставлялъ молодаго артиста участвовать и въ операхъ, съ тѣмъ, чтобы развить его недурныя голосовыя средства. По смерти отца, Новиковъ женился, служилъ въ Ставрополѣ, Новочеркасскѣ и на Кіевской сценѣ. Затѣмъ онъ сдѣлался антрепренеромъ, перекочевывалъ изъ города въ городъ, наживался, разорялся, снова поправлялъ свои дѣла и вновь разорялся. Въ сезонъ 1871—72 гг., онъ былъ приглашенъ, одинъ, въ Тифлисъ и имѣлъ здѣсь большой успѣхъ, который заставилъ его снова попытать счастья на антрепренерскомъ поприщѣ. Совсѣмъ запутавшись въ этихъ дѣлахъ, онъ въ 1874 году поступилъ на сцену „Общедоступнаго театра“ въ Москвѣ и приводилъ въ восторгъ москвичей особенно въ роляхъ простаковъ и въ пьесахъ Островскаго. Потомъ, послѣ новой неудачной попытки держать собственную труппу, онъ служилъ на Харьковской сценѣ въ сезонъ 1876—77 гг., у извѣстнаго провинціальнаго антрепренера П. Н. Дюкова, снялъ также лѣтній театръ въ „Шато де-Флёръ“ и, разорившись окончательно, пріѣхалъ къ Пасхѣ 1878 года въ Петербургъ искать дебюты на Императорской сценѣ. Дебютъ его состоялся на Святой недѣлѣ, 21 апрѣля, въ бенефисъ Петипа; онъ выступилъ въ лучшей изъ Мартыновскихъ ролей, въ роли Трубина-Разладина, героя пьесы Чернышева „Отецъ семейства“, и успѣхъ имѣлъ необыкновенный. Онъ былъ принятъ въ труппу, занявъ амплуа покойнаго В. И. Виноградова, и сразу вошелъ въ моду. Тогдашняя театральная критика, по свидѣтельству извѣстнаго автора „Хроники петербургскихъ театровъ 1826—1881 года“, раздѣлилась на два лагеря въ отношеніи новаго артиста: одинъ ставилъ Новикова „выше лѣса стоячаго и провозглашалъ чуть не геніемъ“, другой — „топталъ въ грязь, не признавая въ немъ и искры таланта“. Оба лагеря были не правы. Новикову было далеко до Мартынова, Самойлова, Садовскаго, Васильева 2, но все-таки онъ стоялъ головою выше тѣхъ бездарностей, которыя тогда замѣнили у насъ этихъ орловъ. Тѣмъ не менѣе дирекція не съумѣла удержать Новикова въ труппѣ, и для него снова началась скитальческая жизнь, послѣ которой онъ думалъ успокоиться въ Москвѣ, приглашенный на текущій сезонъ въ театръ Корша; 16 августа Новиковъ долженъ былъ дебютировать ролью Русакова въ комедіи „Не въ свои сани не садись“, но за два дня до спектакля слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Скончался онъ отъ болѣзни печени, осложнившейся водянкою, на 53 году жизни, мало ему улыбавшейся.

П. Быковъ.

Политическое обозрѣніе.

Забытый было генералъ Буланже снова сдѣлался во Франціи предметомъ всеобщаго вниманія. Вызвано оно появившимися на страницахъ *Figaro* статьями подъ заглавіемъ „Coulisses du boulangisme“, весьма сенсаціоннаго свойства. Въ нихъ сообщается цѣлый рядъ разоблаченій о буланжистскомъ движеніи, еще недавно бывшемъ злобою дня въ республикѣ. Если вѣрить этимъ тайнамъ, то генералъ Буланже для достиженія своихъ цѣлей вѣдался съ лицами различныхъ пар-

тій. Онъ посѣщалъ и принца Наполеона въ Швейцаріи, былъ въ сношеніяхъ и съ монархистами, и съ роялистами, и съ анархистами. Въ разоблаченіяхъ указываются и источники, откуда почерпались средства для пропаганды. Между прочимъ выясняется, что для веденія своего заговора противъ республики буланжисты получали средства отъ герцогини Узесъ, притомъ по настояніямъ графа Парижскаго. Когда герцогиня передала буланжистамъ до 3½ мил. франковъ — она сообразила, что такія жертвы поколеблютъ слишкомъ сильно ея состояніе. Чтобы успокоить ее, графъ Парижскій выдалъ ей нѣчто въ родѣ векселя, которымъ обязался вернуть ей эти деньги, какъ только на тронъ Франціи возсядетъ принцъ Орлеанскій.

Нескромный авторъ этихъ разоблаченій оставался довольно долго неизвѣстнымъ, пока не выяснилось, что „Закулисныя тайны" являются произведеніемъ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ сенатора Накэ и бывшаго редактора буланжистскаго листка *La Cocarde*, депутата Мермекса. Послѣдствіемъ разоблаченій, какъ можно было ожидать, явилась горячая полемика на страницахъ газетъ и Мермексу приходится драться на дуэли болѣе чѣмъ съ десятью лицами. Также и у Рошфора на голландской территоріи состоялась дуэль съ Тьебо, который раненъ. Она вызвана замѣткой въ *Intransigeant*, гдѣ Рошфоръ намекаетъ, что Тьебо былъ шпіономъ правительства и съ одной стороны подстрекалъ и компрометировалъ Буланже, а съ другой доносилъ о всѣхъ его дѣйствіяхъ министрамъ. Понятно, какое дѣйствіе статьи *Figaro* произвели на буланжистовъ. Самъ генералъ въ телеграммѣ къ Рошфору пишетъ о „Coulisses du boulangisme": „Я ничего не имѣю сказать объ этомъ и отвѣчать на это не желаю, я предоставляю себѣ въ свое время выразить мое мнѣніе объ этой кампаніи и о тѣхъ, кто ее затѣялъ. Что касается самаго разсказа, то это не болѣе какъ политическая грязь". Въ письмѣ къ редактору *La Voix du Peuple* Буланже называетъ редактированныя его бывшими друзьями и сторонниками разоблаченія „дополненіемъ къ обвинительному акту генеральнаго прокурора". Генералъ заявляетъ, что въ „Coulisses du boulangisme" его дѣйствія и поведеніе извращены и подтасованы самымъ коварнымъ образомъ и что авторы „Coulisses" просто измѣнники.

Въ воскресенье, 26 августа, въ Болгаріи состоялись выборы депутатовъ въ народное собраніе. Всѣхъ депутатовъ должно быть выбрано 289, изъ которыхъ 204 приходятся на Болгарію, а 85 на Восточную Румелію. Стамбуловъ „со товарищи" уже давно началъ дѣйствовать, чтобы обезпечить правительству большинство въ будущей палатѣ. Тѣмъ не менѣе *Свобода* и другія газеты правительственнаго лагеря утверждаютъ, что оппозиціи будетъ предоставлена полная свобода дѣйствій, но, несмотря на то, правительству уже теперь обезпечено подавляющее большинство въ новомъ собраніи. О результатахъ выборовъ сообщаютъ телеграммы *Агентствъ Рейтера* и *Гаваса*. Первому изъ нихъ, *Агентству Рейтера*, телеграфируютъ изъ Софіи, что на бывшихъ въ Болгаріи выборахъ правительственные кандидаты почти вездѣ вышли побѣдителями. Даже Плевна и другіе города, которые прежде выбирали оппозиціонныхъ кандидатовъ, теперь голосовали за правительственныхъ. Безпорядковъ во время выборовъ не было. Изъ 295 депутатовъ, образующихъ новое собраніе, 260 — сторонники правительства, оппозиція-же состоитъ нынѣ изъ 35 человѣкъ, тогда какъ въ предшествовавшемъ собраніи членовъ оппозиціи было 90. Ни одинъ изъ вождей оппозиціи не былъ избранъ. Радославовъ былъ побѣжденъ въ Ловчѣ цанковистами. Стамбуловъ избранъ въ Софіи, Тырновѣ, Филиппополѣ, Эскизагрѣ и Виддинѣ; Тончевъ — въ Софіи, Рущукѣ и Карловѣ; Живковъ — въ Софіи, Тырновѣ и Варнѣ. Избраны также бывшіе министры Стоиловъ, Странскій и Салабашевъ, какъ правительственные кандидаты. Говоря о результатахъ выборовъ въ Болгаріи, *Temps* находитъ, что успѣхъ правительственной партіи не представляетъ ничего неожиданнаго, такъ какъ внутреннее положеніе Болгаріи неблагопріятно для свободы избирательныхъ состязаній. „За урною — говоритъ газета — стоитъ, съ палкою въ рукахъ, сторожъ и слѣдитъ за операціей подачи голосовъ. Казнь Паницы заставляетъ жаждущихъ независимости сдерживать себя. Вѣна и Лондонъ, конечно, отнесутся съ привѣтствіями къ этой побѣдѣ террора". Въ заключеніе *Temps* высказываетъ мнѣніе, что Стамбуловъ, чтобы упрочить свое дѣло, можетъ, пожалуй, попытаться достигнуть сближенія съ Россіей.

Сербская печать съ удовольствіемъ констатируетъ, что Австрія, стремясь разорить Сербію, достигаетъ обратныхъ результатовъ. Въ странѣ пробуждается предпріимчивость, австрійскіе фабрикаты постепенно замѣняются своими, болѣе доброкачественными, найдены новые рынки для хлѣба, направляемаго нынѣ исключительно на Солунь. Прекрасный урожай, удвоеніе доходности желѣзной дороги и монополій значительно поправили финансы.

Библіографія. (См. рис. на стр. 917).

Русскій лѣсъ. Составилъ Ѳ. К. Арнольдъ. Томъ I. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1890.

Въ Россіи испоконъ вѣка имѣлось громадное богатство, расточавшееся безъ всякаго толка и нерѣдко въ ужасающихъ размѣрахъ, но тѣмъ не менѣе и нынѣ еще заключающееся въ *двухъ стахъ милліонахъ* десятинъ лѣса; между тѣмъ, до послѣдняго времени весьма немногое дѣлалось для сохраненія этихъ сокровищъ — не было у насъ даже книги, по которой желающіе могли бы вполнѣ ознакомиться съ этимъ источникомъ народнаго благосостоянія и съ тѣми мѣрами, благодаря которымъ онъ можетъ стать неизсякаемымъ. Пополнить этотъ прискорбный пробѣлъ въ нашей популярно-научной литературѣ взялся маститый знатокъ русскаго лѣса, Ѳ. К. Арнольдъ, задавшійся мыслью составить полную и общедоступную энциклопедію лѣсовѣдѣнія, лѣснаго хозяйства у насъ и за-границей, лѣсныхъ законовъ, словомъ, всего относящагося къ лѣсному дѣлу. Ближайшимъ поводомъ къ составленію вышеназванной книги нашему ученому специалисту и практику послужилъ лѣсоохранительный законъ 4 апрѣля 1888 г., застигшій врасплохъ огромное большинство нашихъ лѣсовладѣльцевъ и лѣсопромышленниковъ. Подробному разъясненію этого закона какъ въ его совокупности, такъ и по многоразличнымъ статьямъ его, посвящена значительная часть (124 стран.) вышедшаго нынѣ перваго тома капитальныхъ трудовъ Ѳ. К. Арнольда. Такимъ образомъ, книга эта, уже въ силу одной главы о лѣсоохранительномъ законѣ, становится необходимою русскимъ лѣсовладѣльцамъ, лѣсопромышленникамъ и всѣмъ сколько-нибудь прикосновеннымъ къ лѣсному дѣлу. Но и незаинтересованные въ немъ матеріально — съ живѣйшимъ интересомъ прочтутъ, напр., изложенную блестящимъ литературнымъ языкомъ, III главу: непорядки въ хозяйствѣ русскихъ лѣсовъ; здѣсь, въ безчисленныхъ примѣрахъ изъ живой дѣйствительности, ярко и художественно иллюстрируются профессіональныя черты быта лѣсопромышленниковъ и опровергаются большинство установившихся ходячихъ мнѣній, дающихъ совершенно невѣрную картину этого въ высшей степени характернаго быта. Въ видахъ раціональнаго устраненія этихъ непорядковъ первый томъ начинается разъясненіемъ значенія лѣса вообще и обзоромъ современнаго состоянія русскихъ лѣсовъ, съ полною ихъ статистикой сравнительно съ иностранными лѣсами; къ этой главѣ приложена исполненная въ четырнадцать красокъ громадная карта лѣсовъ Европейской Россіи съ нагляднымъ показаніемъ (густотою тона) лѣсистости каждаго уѣзда, отношеній площади казенныхъ и частныхъ лѣсовъ и границъ распространенія различныхъ породъ лѣса. Не менѣе интересна и меньшая по размѣрамъ карта лѣсистости Европы. Далѣе разсматриваются различные способы продажи лѣса въ Россіи съ разъясненіемъ ихъ выгодъ, невыгодъ и вліяній на дальнѣйшее произрастаніе лѣса. Затѣмъ слѣдуютъ помянутые уже непорядки русскихъ лѣсовъ и лѣсоохранительный законъ.

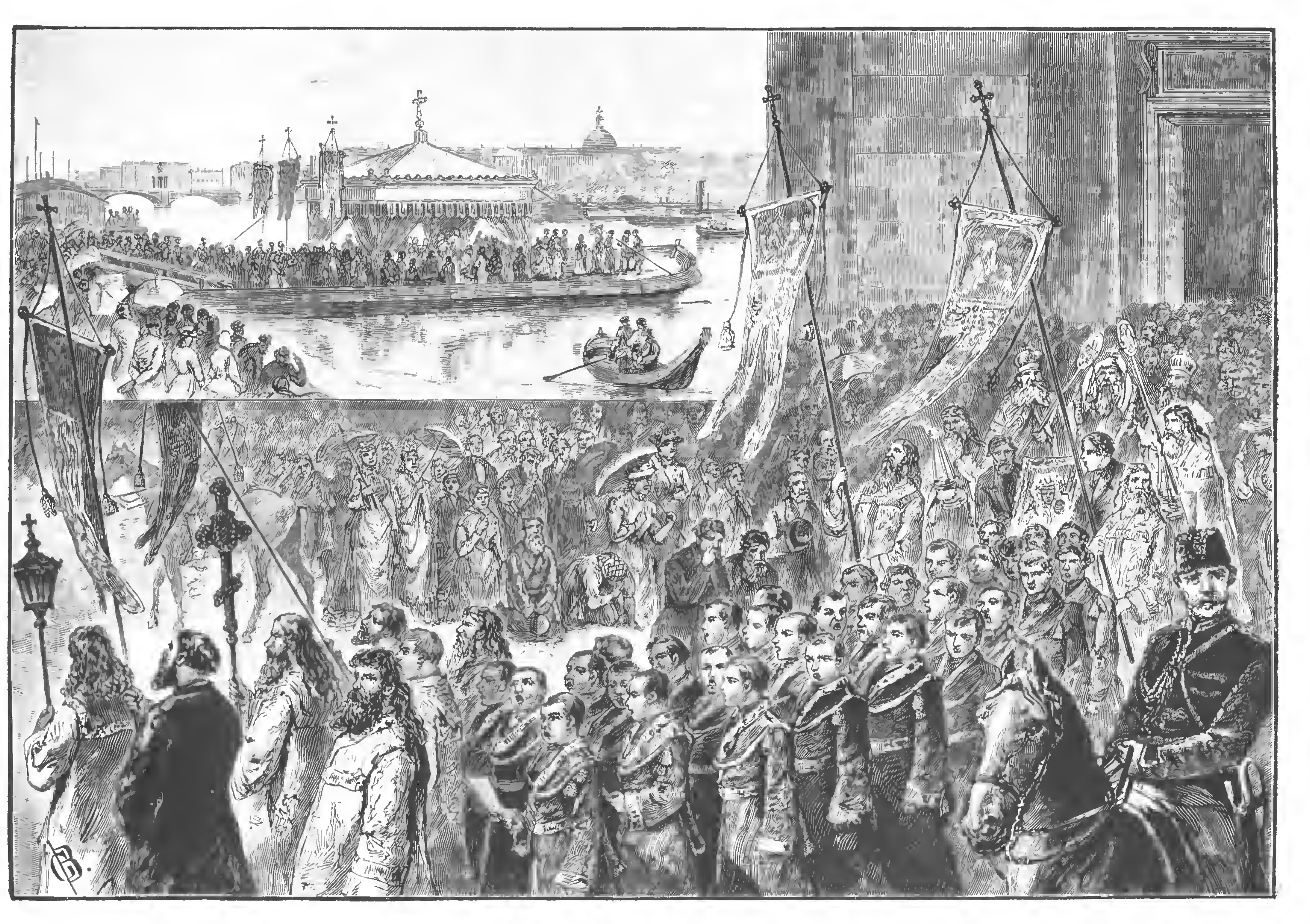
Во второмъ томѣ, имѣющемъ поступить въ продажу въ концѣ 1890 года, будетъ помѣщено подробное описаніе деревьевъ и кустарниковъ, произрастающихъ въ русскихъ лѣсахъ, съ указаніемъ, на что именно годна каждая порода, способовъ возращенія лѣса, орудій употребляемыхъ въ лѣсномъ хозяйствѣ, друзей и враговъ лѣса изъ міра животныхъ, способовъ пріобрѣтенія сѣмянъ и саженцевъ. Второй томъ будетъ украшенъ 17-ю эстампами (на мѣди) съ изображеніями главнѣйшихъ представителей русскаго лѣса, и кромѣ того, болѣе чѣмъ 120 художественно исполненными рисунками, иллюстрирующими текстъ. Третій и послѣдній томъ будетъ заключать въ себѣ организацію лѣснаго хозяйства.

Прилагаемъ интересный рисунокъ изъ перваго тома, наглядно показывающій какъ растутъ саженыя деревья въ нынѣшнихъ казенныхъ лѣсахъ. Здѣсь изображены однолѣтнія, 5-лѣтнія и 9-лѣтнія посадки въ Русской дачѣ (Ставропольской губ.), и для наглядности посреди нихъ изображенъ лѣсной сторожъ, которому однолѣтнія посадки едва доходятъ до колѣнъ, а девятилѣтнія вдвое выше его роста.

Смѣсь.

Курильщики опіума сильно распространены въ Шемахѣ среди татарскаго населенія. Курятъ опіумъ почти всѣ поголовно, отъ мальчиковъ до стариковъ. Многіе уже не способны ни на какую работу. Были случаи смерти. (к.)

Производство пива въ цѣломъ свѣтѣ достигаетъ 236,319,397 гектолитровъ. Изъ нихъ въ 1889 г. подлежали государственному налогу 231,701,652 гектол. Каждый гектолитръ принесъ 1,34 флор. государственныхъ налоговъ въ Австро-Венгріи, Германіи, Великобританіи и Соединенныхъ Штатахъ это производство дало 173,662,717 флориновъ въ томъ-же году. (к.)



Водосвятіе на р. Невѣ, у Сената. 1 августа. Крестный ходъ изъ Исаакіевскаго собора на Неву.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") Г. Бролинга. грав. Рашевскій.

Новое изверженіе Везувія. Со стороны Торре-дель-Греко и Помпеи открылся за послѣднее время новый кратеръ, который непрерывно изливаетъ потоки огненной лавы въ лежащую у подножія его долину. Главное жерло кратера представляетъ отверстіе въ 50 квадр. метровъ и окружено тремя меньшими. Въ Торре-дель-Греко, Санъ-Джузеппе-ди-Оттаяно, въ Соммѣ и Помпейской долинѣ постоянно слышится гулъ отъ страшнаго изверженія, напоминающій собою раскаты грома. Въ Помпейской долинѣ сдѣлано при этомъ любопытное наблюденіе, что вслѣдствіе изверженія всѣ металлы, и въ особенности серебро, окисляются. Подойти къ жерлу кратера нѣтъ возможности, даже въ обыкновенное время, потому что оно окружено огромными, отвѣсными гранитными глыбами. Лица посѣтившія угрожаемую мѣстность, въ видахъ наблюденія изверженія, разсказываютъ, что земля дрожала подъ ихъ ногами. По этому можно судить о страшной взрывной силѣ вулканическихъ массъ. Опасаются, что все это лишь прелюдія дальнѣйшихъ страшныхъ явленій. Между прочимъ предполагаютъ, что не трудно было-бы отвести огненный потокъ отъ Помпейской долины, давъ ему другое направленіе. Достаточно было-бы вырыть узкое ложе, чтобы повернуть теченіе лавы въ обширную долину Терцины и Оттаяно. (с.)

Никифоръ Ивановичъ Новиковъ. † 21 августа 1890 г.
Рисовалъ Ф. Тегацио, грав. Шюблеръ и Пудъ.

Истребленіе тюленей въ датскихъ водахъ производится, какъ пишутъ изъ Копенгагена, весьма дѣятельно, вслѣдствіе назначенной въ прошломъ году, датскимъ обществомъ рыболовства, преміи въ 3 кроны за каждаго убитаго тюленя. Изъ составленной секретаремъ означеннаго общества, д-ромъ Артуромъ Феддерсеномъ, карты, на которой обозначены берега, видно ясно, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рыбная ловля даетъ наиболѣе плачевные результаты, тюлени водятся въ наибольшемъ количествѣ. На Маломъ Бельтѣ, въ области Миддельфортъ, тюлени встрѣчаются весьма рѣдко, потому что сами рыбаки усердно охотятся за ними. Напротивъ того, на небольшомъ островкѣ Гесселö (къ сѣверу отъ Зеландіи) они такъ многочисленны, что однимъ охотникомъ представлено за послѣдніе десять мѣсяцевъ 120 головъ, другимъ—40. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предположено устроить верши для ловли тюленей. Въ

1-лѣтнія посадки. 5-лѣтнія посадки. 9-лѣтнія посадки.
Эти посадки произведены въ Русской дачѣ, Ставропольской губерніи, лѣсничимъ Писчиковымъ.
(Изъ книги „Русскій лѣсъ“: соч. Ѳ. К. Арнольда (см. Библіографію на стр. 915).

теченіе послѣднихъ десяти мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ какъ учреждена премія, убито 810 штукъ тюленей. (с.)

Искусный стрѣлокъ. Въ вѣнскихъ газетахъ пишутъ: До какой степени можетъ быть развито искусство стрѣльбы въ цѣль, показываютъ опыты произведенные недавно зубнымъ врачемъ вѣнскаго двора Э. М. Томасомъ, въ его помѣстьѣ Вайдгофенѣ, на Иббсѣ. Въ сравненіи съ полученными здѣсь результатами всѣ чудеса производимые трупной Буффало-Билль сводятся къ простому ремеслу. Дробь не играетъ никакой роли въ названныхъ опытахъ: г. Томасъ стрѣляетъ исключительно пульками и именно въ бросаемые на воздухъ камни и стеклянные шарики. Ружьемъ Винчестера, дающимъ одинъ за другимъ восемнадцать выстрѣловъ, г. Томасъ раздробляетъ брошенные въ воздухъ камни, величиною въ апельсинъ, не давая почти ни одного промаха во всю серію. Въ стрѣлковыхъ обществахъ съумѣютъ оцѣнить, что это значитъ. Но еще поразительнѣе опытъ съ пятью или шестью быстро брошенными въ воздухъ одинъ за другимъ апельсинами, причемъ Винчестеръ каждый разъ долженъ быть вновь заряженъ стрѣляющимъ. По заявленію свѣдущихъ людей, такое искусство стрѣльбы пулями въ движущіеся предметы не имѣетъ себѣ равнаго. Не менѣе поразительныхъ результатовъ достигаетъ г. Томасъ съ револьверомъ Кольта (калибра 5½ милл.), которое даетъ пятнадцать выстрѣловъ въ минуту равно какъ и съ револьверомъ Смита и Вессона (11 милл.). Этимъ оружіемъ г. Томасъ непогрѣшительно попадаетъ въ каждый брошенный въ воздухъ стеклянный шарикъ, пробиваетъ серебряную монету и, если не каждымъ выстрѣломъ, то во всякомъ случаѣ однимъ изъ трехъ или четырехъ, попадаетъ въ свинцовый шарикъ, величиною въ обыкновенный лѣсной орѣхъ, который вообще можетъ быть видимъ на нѣкоторой высотѣ только очень острымъ глазомъ. (с.)

Индійскіе набобы выказываютъ съ нѣкотораго времени замѣчательный интересъ къ наукѣ. Такъ, напр., одинъ изъ нихъ недавно принялъ на себя расходы по произведенію точныхъ изслѣдованій надъ дѣйствіемъ хлороформа, другой пожелалъ пожертвовать „лакъ рупій" на постройку въ Бомбеѣ больницы для прокаженныхъ. Третій намѣренъ устроить такую же больницу въ провинціи Каттиварѣ. „Лакъ рупій" есть мѣстное названіе для обозначенія суммы въ 100,000 рупій. Одна рупія равняется приблизительно 2 маркамъ. (с.)

Искусственный изумрудъ удалось изготовить Билліамсу, химику лондонскаго газоваго общества. Однако изготовленіе стóитъ столько же, сколько стóятъ и настоящіе изумруды. (в.)

Алгебраическая задача № 53.

Н. В. П.

Найти *восемь* буквъ на томъ условіи, что если ихъ замѣнить числами соотвѣтственно мѣстамъ ихъ въ русскомъ алфавитѣ, то можно замѣтить между такими числами слѣдующую зависимость:

1) Первое число равно удвоенной разности чиселъ втораго и пятаго.

2) Произведеніе чиселъ втораго и седьмаго увеличенное квадратомъ перваго изъ нихъ равно 270, а то-же произведеніе увеличенное квадратомъ другаго равно 54.

3) Разность третьяго и перваго равна корню уравненія

$$\frac{1}{12}\lg^2 x = \frac{1}{3} - \frac{1}{4}\lg x.$$

4) Отношеніе пятаго числа къ шестому равно отношенію седьмаго къ четвертому.

5) Разность чиселъ втораго и шестаго равна суммѣ рѣшеній уравненія $x^2 + x + \frac{1}{x^2} + \frac{1}{x} - 6{,}75 = 0.$

6) Удвоенная сумма чиселъ шестаго, четвертаго и восьмаго, составляющихъ кратную прогрессію, равна двузначному числу: если это двузначное число умножить на обращенное, то получится въ произведеніи 3640; а если обращенное число раздѣлить на искомое, то въ остаткѣ получится однозначное число.

Изъ найденныхъ такимъ образомъ буквъ требуется составить фамилію одного изъ типовъ „Мертвыхъ душъ".

Шашечная задача № 54.

В. И. Шошинъ.

Шахматная задача № 55.

Г. Г.

Шашечная задача № 54: Черныя. — Бѣлыя. Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ.

Шахматная задача № 55: Черные. — Бѣлые. Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

2-й заемъ 1866 года. 49-й тиражъ 1 сентября 1890 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
58	7	500	2046	33	500	4256	22	500	6784	11	1000	9519	14	500	11460	45	500	14523	7	500	17088	40	500
111	44	500	2128	6	500	4407	27	500	6852	2	500	9541	38	500	11537	44	500	14528	28	500	17166	21	500
211	4	500	2178	38	500	4617	13	1000	6914	31	500	9554	36	500	11557	37	500	14690	7	500	17222	20	500
240	45	500	2212	26	500	4622	40	500	6918	49	500	9565	44	500	11605	12	500	14702	9	500	17244	48	500
334	15	500	2287	1	500	4724	11	500	6982	11	500	9602	48	500	11719	15	500	14714	37	500	17302	46	500
414	47	500	2310	42	500	4780	18	500	7058	32	500	9628	35	500	11742	49	500	14950	6	500	17438	50	5000
487	42	500	2407	45	500	4947	35	500	7110	28	500	9644	46	500	11757	20	500	15054	35	500	17479	34	500
523	20	500	2409	34	500	4994	37	500	7141	11	200000	9666	48	500	11811	5	1000	15173	40	500	17504	26	500
533	31	500	2415	50	500	5099	1	500	7157	25	500	9712	12	8000	11817	27	500	15209	33	500	17603	34	500
541	15	500	2420	37	500	5152	16	1000	7237	48	500	9748	26	500	12034	41	500	15316	47	500	17656	46	500
575	25	500	2425	38	500	5213	38	500	7313	2	500	9805	5	500	12329	15	500	15353	45	500	17686	28	1000
635	44	500	2427	4	500	5218	29	500	7335	31	500	9832	42	500	12348	28	500	15486	49	500	17741	35	500
717	39	500	2488	11	500	5314	45	500	7353	39	500	9903	41	500	12400	27	500	15662	38	500	17744	15	500
845	8	500	2527	31	500	5324	37	500	7520	10	500	9920	16	500	12470	45	500	15675	39	8000	18137	6	500
887	3	500	2553	45	500	5394	7	500	7572	44	500	9978	48	500	12649	33	500	15697	2	5000	18186	35	1000
905	15	75000	2618	39	500	5499	10	500	7746	25	500	10004	44	500	12662	14	500	15722	25	500	18502	29	500
936	35	500	2690	40	500	5754	28	1000	7812	9	500	10054	21	500	12946	21	500	15739	11	500	18517	3	25000
950	28	500	2701	21	500	5826	4	500	7945	28	500	10072	37	500	13016	36	500	15778	40	500	18616	33	500
991	21	500	2741	50	500	5841	20	500	8009	39	8000	10160	5	500	13039	12	500	15792	20	500	18726	47	500
1042	7	500	2908	25	500	5844	46	500	8122	40	500	10180	49	500	13080	40	500	15842	3	1000	18734	3	500
1046	11	1000	2940	8	500	5866	40	500	8171	46	500	10393	33	500	13448	45	500	15853	15	500	18783	31	500
1261	17	5000	2942	41	1000	5946	3	500	8281	35	500	10494	37	500	13483	9	500	15929	25	500	18784	44	500
1356	39	500	2977	8	500	5971	17	500	8400	27	500	10514	5	500	13513	15	500	16018	25	500	18831	9	500
1377	29	500	2977	49	8000	5974	1	5000	8434	11	500	10548	13	500	13572	15	500	16048	36	500	18900	40	500
1533	43	500	2997	40	500	5995	39	500	8515	19	500	10567	43	500	13572	24	500	16233	17	1000	18957	7	500
1540	2	500	3951	14	500	6028	31	1000	8525	23	500	10581	36	500	13674	7	5000	16334	11	500	19098	35	500
1549	3	500	3165	1	500	6049	47	500	8584	11	500	10669	37	500	13771	11	500	16379	26	500	19099	50	1000
1572	34	500	3365	38	500	6089	38	500	8679	44	500	10854	17	500	13819	18	500	16545	49	500	19160	2	500
1614	11	500	3477	29	500	6114	17	500	8681	20	1000	10936	26	500	13890	11	1000	16567	41	500	19173	4	500
1616	2	8000	3484	48	500	6125	4	500	8714	47	500	10952	12	40000	13902	8	500	16583	10	5000	19282	9	1000
1653	10	5000	3561	44	500	6246	46	500	8725	47	500	11049	13	500	13936	42	500	16590	33	500	19283	50	10000
1686	49	500	3578	41	500	6385	27	500	8893	4	500	11049	40	500	14224	15	1000	16783	38	500	19295	12	500
1793	40	1000	3633	8	10000	6386	14	500	8972	21	500	11112	13	500	14255	6	500	16823	44	500	19369	7	500
1884	18	500	3675	42	500	6535	41	500	8978	33	500	11115	41	500	14268	20	500	16885	42	500	19708	46	500
1896	43	500	3771	27	500	6540	24	500	9108	50	500	11196	4	500	14281	26	500	16915	49	500	19742	27	500
1957	33	500	3913	6	500	6662	35	500	9193	18	500	11355	27	1000	14424	30	500	16961	42	5000	19778	48	500
1988	9	500	4002	11	10000	6764	6	500	9296	48	500	11451	2	500	14450	31	500	17049	29	500	19785	9	1000
2038	49	500	4002	16	500	6777	19	500	9492	38	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

393, 918, 1143, 1579, 1659, 1680, 1756, 2089, 2122, 2166, 2322, 2422, 2467, 2589, 2629, 2849, 3323, 3400, 4033, 4134, 4499, 4639, 4917, 4993, 5020, 5022, 5089, 5103, 5240, 5579, 6005, 6063, 6273, 6546, 6554, 6698, 6847, 6870, 6884, 6968, 6989, 7522, 7529, 7684, 7759, 7975, 8015, 8339, 8347, 8366, 8781, 9254, 9328, 9400, 9490, 9601, 9658, 9706, 9708, 9958, 10007, 10359, 11063, 11099, 11397, 11430, 11494, 11639, 11838, 12236, 12890, 13208, 13271, 13520, 14728, 15027, 15132, 15233, 15268, 15273, 15277, 15488, 16634, 16810, 17515, 17571, 17736, 18024, 18195, 18491, 19397, 19719.

Рамы для премій „НИВЫ“ 1890 г.,

двухъ большихъ олеографическихъ картинъ, печатанныхъ масляными красками, съ оригиналовъ професс. **И. И. ШИШКИНА:**

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.

(16 вершковъ вышины и 12 вершковъ ширины каждая).

Рамы имѣются **трехъ сортовъ**, а именно:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго багета, съ лѣпными узорчатыми украшеніями (ширина въ діаметрѣ 1³/₈ вершк.) **по 4 рубля за пару**, а съ упаковкою въ ящикъ для **гг. иногородныхъ подписчиковъ по 5 р. 50 к. за пару** (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого же, но болѣе красиваго и широкаго багета (ширина въ діаметрѣ 2 вершк.) **по 5 р. за пару**, а съ упаковкой **для иногородныхъ по 6 р. 50 к.** (безъ пересылки).

№ 3. Изъ богатаго лѣпнаго золоченаго багета (шир. въ діам. 2¹/₂ вершк.) **по 6 руб. за пару**, а съ упаковкою **для иногородныхъ по 7 р. 50 к.** (безъ пересылки).

Рамы выдаются со вставленными въ нихъ картинами, наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ.

Гг. городскіе подписчики, при полученіи премій въ рамахъ, благоволятъ представлять въ контору свои **подписные** билеты на „Ниву“ 1890 года, а **гг. иногородные подписчики** высылаютъ при требованіяхъ **печатные адреса**, подъ которыми получается ими „Нива“.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, **по полученіи слѣдуемыхъ за нихъ денегъ**, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки они будутъ уплачивать на мѣстѣ при полученіи посылки.

Преміи будутъ выдаваться гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“ по обыкновенію въ **октябрѣ мѣсяцѣ**, но для тѣхъ лицъ, кои пожелаютъ имѣть ихъ въ рамахъ,

картины выдаются теперь-же.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить **преміи въ рамахъ также теперь**, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ **Н. Н. Печковской** (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: **№ 1 по 5 р. за пару, № 2—по 6 р. 50 к. за пару и № 3—по 7 р. 50 к. за пару.**

Желающихъ получить преміи въ рамахъ, покорнѣйше просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картинъ чрезъ газетную экспедицію.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій просп., № 6.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива" (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **О. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ".

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ **трехъ большихъ томовъ**, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ **2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди.**

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ **предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками.**

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, пріемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣсного хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплоатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣсного имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи **1-го** тома вносится **4 р.**, до выхода **2-го** тома **8 р.**, а до выхода **3-го** тома **2 р.**, а всего **14 руб.**

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ.

За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ" будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

☞ **По выходѣ всего** сочиненія **цѣна будетъ значительно возвышена.** ☜

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала **„Нива"** (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и пожелающія пріобрѣсти слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 2 р.

Дозвол. цензур., СПБ., 5 сентября 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. № 37 — г. XXI 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 15 сентября 1890 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

А. Ѳ. Бычковъ.

Въ нынѣшнемъ году, а именно 7 октября, исполнится пятидесятилѣтіе служебно-ученой дѣятельности одного изъ талантливѣйшихъ и въ высшей степени полезныхъ тружениковъ науки, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. Ѳ. Бычкова, академика и директора Императорской Публичной Библіотеки, извѣстнаго цѣлымъ рядомъ капитальныхъ трудовъ по русской палеографіи, археологіи, филологіи, древней литературѣ и библіографіи. Эти труды, чрезвычайно серьезные и спеціальные, не составляютъ достоянія большинства, и потому публика, въ смыслѣ массы, мало знаетъ Бычкова и не можетъ достойно оцѣнить его полувѣковой дѣятельности, которой онъ посвятилъ лучшую пору жизни своей и преданъ всецѣло и теперь, на склонѣ лѣтъ своихъ. За то въ ученомъ мірѣ имя нашего почтеннаго, маститаго академика пользуется обширной извѣстностью, а его изслѣдованія, статьи по русской исторіи, по исторіи отечественной словесности, особенно библіографическія работы и изданные имъ акты и документы историческіе, представляющіе важный и богатѣйшій матеріалъ для всѣхъ изучающихъ прошлое и настоящее нашей родины, — имѣютъ огромную цѣну. Во всѣхъ своихъ трудахъ академикъ Бычковъ изумляетъ своею усидчивостью, необыкновенной добросовѣстностью, громадными библіографическими и прочими познаніями, безъ которыхъ немыслимы подобные труды, требующіе и этихъ качествъ и тщательности выполненія, и особеннаго вниманія, не говоря уже о массѣ черной, такъ сказать механической работы. Надо замѣтить, что А. Ѳ. Бычковъ, такъ много написавшій и издавшій на своемъ вѣку, занятъ не одною исключительно ученою дѣятельностью, посвящая ей лишь то время, которое остается у него отъ служебныхъ и иныхъ занятій, сопряженныхъ съ его нелегкими обязанностями, среди которыхъ упра-

Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ, директоръ Имп. Публичной Библіотеки.
Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

вленіе Императорскою Публичною Библіотекою отнимаетъ у него не мало времени и труда. Публичная Библіотека, въ которой А. Ѳ. Бычковъ служитъ болѣе сорока пяти лѣтъ, обязана ему весьма многимъ: и безчисленными сокровищами своими, въ особенности собраніемъ книгъ на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, составляющимъ гордость ея и славу; и составленіемъ каталога русскихъ книгъ, которое произведено почти все имъ собственноручно въ старые годы; и своими образцовыми порядками. Бычковъ, какъ талантливѣйшій и чрезвычайно гуманный администраторъ, умѣлъ привлечь къ знаменитому нашему книгохранилищу лучшія силы, окруживъ себя и способными, и любящими свое дѣло людьми, и вообще поставилъ это учрежденіе такъ высоко, что оно достойно занимать первенствующее мѣсто среди западно-европейскихъ книгохранилищъ. Онъ печется о Библіотекѣ, какъ о любимомъ, дорогомъ дѣтищѣ своемъ, и тѣ улучшенія во всемъ, которыя дѣлаются ежегодно по Библіотекѣ и извѣстны всѣмъ ея постояннымъ посѣтителямъ, слишкомъ краснорѣчиво говорятъ о неусыпныхъ трудахъ Бычкова. Теперь каждый занимающійся, болѣе или менѣе серьезно, въ стѣнахъ этого благодѣтельнаго учрежденія, встрѣчаетъ все, что можетъ облегчить его занятія, полную готовность и самого директора, и его пособниковъ служить ему всѣмъ, что только въ ихъ силахъ.

Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ, изъ дворянъ Ярославской губерніи, родился 15 декабря 1818 года, въ городѣ Фридрихсгамѣ, гдѣ въ то время его отецъ, Ѳедоръ Николаевичъ, служилъ артиллерійскимъ офицеромъ (впослѣдствіи получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и умеръ въ отставкѣ въ 1883 г). Дѣтство свое Бычковъ провелъ въ Финляндіи, и на семнадцатомъ году былъ опредѣленъ въ благородный пансіонъ при Демидовскомъ Высшихъ Наукъ училищѣ, а затѣмъ, переведенъ въ Ярославскую гимназію, къ которой этотъ пансіонъ присоединенъ въ 1834 году. Окончивъ блистательно курсъ въ 1836 году, Бычковъ поступилъ въ Московскій университетъ на 1-е отдѣленіе философскаго факультета и особенно усердно занимался исторіей, которую читали Погодинъ, Грановскій, Крюковъ. Уже на третьемъ курсѣ обнаружилъ онъ и свои недюжинныя способности, и большія научныя познанія въ написанной имъ диссертаціи „О вліяніи внѣшней природы на народъ и государство“, за которую и получилъ серебряную медаль. По выходѣ изъ университета, въ 1840 году, со степенью кандидата, Бычковъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ историкомъ-юристомъ Н. В. Калачевымъ, былъ рекомендованъ Погодинымъ графу С. С. Уварову, который искалъ молодыхъ людей спеціально занимающихся исторіею, для Археографической Коммиссіи. Съ октября 1840 года Бычковъ и понынѣ состоитъ (старѣйшимъ) членомъ этой коммиссіи, редакторомъ *Лѣтописей* которой онъ былъ назначенъ съ 1854 года. Когда Остенекъ-Востоковъ оставилъ свое мѣсто библіотекаря рукописнаго отдѣленія въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ 1844 году Бычковъ замѣнилъ его и съ тѣхъ поръ вся его дѣятельность была главнымъ образомъ посвящена отечественному книгохранилищу, для котораго онъ сдѣлалъ такъ много, и въ качествѣ ближайшаго и усерднѣйшаго сотрудника директоровъ библіотеки: Д. П. Бутурлина, графа М. А. Корфа и графа И. Д. Делянова, и въ качествѣ помощника послѣдняго съ 1868 года, и, наконецъ, въ настоящей должности, которую онъ занялъ послѣ Делянова въ 1882 году. Независимо отъ дѣятельности Бычкова по Публичной Библіотекѣ и въ Археографической Коммиссіи, онъ много трудился еще на педагогическомъ и другихъ поприщахъ: съ 1841 по 1850 г. преподавалъ русскій языкъ и словесность въ Дворянскомъ полку, а будучи причисленъ ко II отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи въ 1850 году, работалъ въ двухъ коммиссіяхъ: для составленія законоположеній, относящихся до преобразованія судебной части, принимая дѣятельное участіе въ ея трудахъ по составленію устава гражданскаго судопроизводства,—и для обработки устава о книгопечатаніи въ Россіи. Съ 1856 года онъ занимался собираніемъ матеріаловъ для біографіи императора Николая I, состоя для этого при статсъ-секретаряхъ графѣ Корфѣ, князѣ Урусовѣ и графѣ Деляновѣ, а съ 1866 года состоитъ предсѣдателемъ коммиссіи по разбору и приведенію въ порядокъ дѣлъ архива Св. Синода. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Бычковъ предсѣдалъ въ коммиссіи по международному обмѣну изданій научныхъ и художественныхъ. въ 1881 году сталъ во главѣ комитета наблюдающаго за изданіемъ правительственной газеты *Сельскій Вѣстникъ* и, наконецъ, съ 1888 года состоитъ членомъ совѣта министра Народнаго Просвѣщенія. Еще въ 1855 году Академія Наукъ обратила вниманіе на ученые труды Бычкова, какъ библіотекаря Публичной Библіотеки, какъ члена Археографической коммиссіи и другихъ учрежденій и избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, а черезъ десять лѣтъ, въ 1866 году, въ академики по отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ послѣднемъ званіи Бычковъ, между прочимъ, редижировалъ „Бѣлорусскій словарь“ Носовича, привелъ въ порядокъ и напечаталъ „Библіологическій словарь“ извѣстнаго археографа Строева и разбиралъ сочиненія, представлявшіяся на соисканіе премій. Трудно перечесть тѣ многочисленные труды, которые написаны, редижированы и изданы Бычковымъ. Онъ началъ свою учено-литературную дѣятельность въ началѣ сороковыхъ годовъ въ *Москвитянинѣ* и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, и изъ библіографическихъ и историческихъ трудовъ его наиболѣе извѣстны: „Первыя русскія вѣдомости 1703 г.“, „Каталогъ изданіямъ, напечатаннымъ гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ Великомъ“, „Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Публ. Библ., и описаніе находящихся въ ней рукописей, относящихся къ его царствованію“, „Письма Екатерины II“, „Въ память графа М. М. Сперанскаго“; имъ же изданы 6 томовъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей, Лаврентьевская и Новгородская лѣтописи, указатель къ полному собранію лѣтописей, походные журналы Петра Великаго, дворцовые разряды XVII вѣка, камеръ-фурьерскіе журналы и проч. А. Ѳ. Бычковъ состоитъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ почти всѣхъ русскихъ историческихъ и археологическихъ обществъ и духовныхъ академій; его неутомимая и ревностная служба достойно оцѣнена: онъ имѣетъ много знаковъ Монаршаго благоволенія и награжденъ брилліантовыми знаками ордена Св. Александра Невскаго. Надо-ли говорить, какимъ громаднымъ уваженіемъ, какою любовью пользуется Бычковъ со стороны всѣхъ, кто сколько-нибудь знаетъ его. Это человѣкъ рѣдчайшей доброты, благороднѣйшаго образа мыслей, вѣрный, доблестный стражъ науки, истинный патріотъ. Нынѣ А. Ѳ. Бычкову семьдесятъ два года, но онъ съ юношескимъ жаромъ и энергіей продолжаетъ трудиться на пользу науки и въ послѣднее время усиленно занимается изданіемъ „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“, которыя собираетъ уже около двадцати лѣтъ, напечатавъ по настоящій годъ два объемистыхъ тома этого монументальнаго историческаго изданія, со своими многочисленными объяснительными примѣчаніями. Имя А. Ѳ. Бычкова займетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи отечественнаго просвѣщенія.

П. Быковъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. (Продолженіе).

VII.

Гулъ толпы становился все громче и громче.

Въ самомъ началѣ Тверской-Ямской пришлось оставить коляску — народъ стоялъ сплошной стѣной.

— Ну, Василій Герасимовичъ, бѣги за мной.

И Савва Кузмичъ, повернувшись бокомъ, вдругъ вдвинулся въ эту стѣну. Онъ расталкивалъ направо и налѣво галдѣвшій людъ — еще самъ не понимая толкомъ, въ чемъ дѣло. Въ тучѣ пыли нельзя было разсмотрѣть ничего: дымъ-ли это — или нѣтъ. Вслѣдъ имъ неслись ругательства: „куда прете, дьяволы!.. Полегче, купецъ, чему обрадовался“. Но Савва Кузмичъ уже ни на что теперь не обращалъ вниманія. Чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ толпа становилась тише и тише. Скоро Савва Кузмичъ наткнулся на длинную цѣпь солдатъ — народъ дальше не пропускали.

— Господи... Кровопивцы-то... Кокіе дома почали строить, слышалось позади.

— Что имъ жаль что-ли народушку... Кольки животовъ передавили!

— Военнымъ судомъ бы за это—къ разстрѣлу, горячился кто-то.

Угрюмо, за стѣной солдатъ, на роковое мѣсто смотрѣли блѣдныя, искаженныя лица. Какой-то лавочникъ, сдвинувъ картузъ на затылокъ, грозилъ кулакомъ невѣдомо кому, около плакала женщина, дальше мужикъ въ полушубкѣ прорывался сквозь цѣпь караульныхъ. Тѣ его къ стѣнѣ отталкивали назадъ, но онъ тотчасъ же безъ словъ, съ неподвижнымъ отъ ужаса взглядомъ, врывался опять на старое мѣсто. Какой-то мальчишка плакалъ и звалъ: „тятька, а тятька!“ и этотъ жалкій больной плачъ такъ и рѣзалъ ухо Василію Герасимовичу. „Сказываютъ всѣхъ побило?“ слышался въ

толпѣ говоръ. „Всѣхъ, всѣхъ—именно всѣхъ", и мальчонко опять начиналъ пищать: „тятенька, а тятенька!" Черезъ толпу невѣдомо какъ продвинулась простоволосая баба, кинулась на солдатъ, тѣ ее въ грудь—прутъ назадъ, она укусила одного за руку, а другаго такъ въ плечо ударила, что онъ полетѣлъ лицомъ въ землю. „Миколай... Миколай!" оретъ она въ облако пыли—но оттуда никто не отзывается ей, рѣшительно никто. Въ облакѣ показываются порой какіе-то сѣрые силуэты и исчезаютъ опять. „Давно это?" спрашиваетъ Савва Кузмичъ у сосѣда, но тотъ окидываетъ его равнодушнымъ взглядомъ. „Давно случилось?" обращается онъ къ другому; этотъ вмѣсто отвѣта шепчетъ: „будь они прокляты, душъ христіанскихъ не жалѣютъ, злодѣи!" Дикій крикъ какой-то доносится изъ самыхъ нѣдръ облака, вслѣдъ за крикомъ—глухой шорохъ, точно масса камней сдвинулась съ мѣста, и еще новые клубы пыли поднялись вверхъ, совершенно все уже застилая отъ глазъ собравшихся. Кто-то въ шляпѣ пробивается къ мѣсту. Кричитъ что-то хрипло. Савва Кузмичъ прислушивается: „Я докторъ, я докторъ! Пропустите!" Солдаты разступаются и докторъ растерянно бѣжитъ и пропадаетъ въ облакѣ. Чу! изъ этого облака послышался какой-то стонъ... Еще и еще. Опять все смолкло. Только въ толпѣ кругомъ растетъ говоръ и шумъ, но говоръ грозный и шумъ зловѣщій—такъ море вспѣнивается передъ бурей. Савва Кузмичъ, прислушиваясь къ нему, снимаетъ шапку и крестится. Василій Герасимовичъ невольно дѣлаетъ то же. Боголюбъ Боголюбовичъ вмѣстѣ съ другими кричитъ: „Это ужасно, ужасно! Богъ знаетъ что̀ у насъ дѣлается такое!" и увидѣвъ вдали знакомаго полицейскаго офицера, разомъ черезъ цѣпь солдатъ прорывается къ нему. Тамъ онъ указываетъ на Сластеновыхъ. Офицеръ что-то говоритъ ему—Курцъ настаиваетъ и, наконецъ, солдатамъ приказано пропустить. Савва съ племянникомъ тихо входятъ въ замкнутый кругъ. Имъ съ каждымъ шагомъ страшнѣе — дымъ и и пыль ѣдятъ глаза, не даютъ вздохнуть. Кашель прохватываетъ горло. Они уже у самаго облака этой пыли, она ложится и на ихъ платье, бороды, лица. Брови у Саввы Кузмича стали сѣрыми совсѣмъ — но никто не замѣчаетъ этого. Какой-то сонъ кругомъ, кошмаръ, который довольно видѣть разъ, чтобы не забывать никогда болѣе. Даже Готлибъ Готлибовичъ какъ-то разомъ присмирѣлъ и не отводя глазъ смотрѣлъ въ эту хаотическую груду кирпича, пыли, балокъ, цемента. Глухіе болѣзненные стоны доносятся изъ-подъ нея. Нельзя понять кто это стонетъ. Точно самый камень жалуется на что-то. На первыхъ порахъ кромѣ камня ничего не видно; только всматриваясь въ него ближе, Василій Герасимовичъ замѣчаетъ что-то, отчего сердце его замираетъ, а глаза округляются и становятся неподвижны. Да, именно, изъ массы кирпича торчитъ чья-то голова... Вся въ ссадинахъ. Громадная рана на лбу—кровь изъ нея залѣпила глаза. Вонъ въ другомъ мѣстѣ высунулась рука... Одна рука—все остальное тѣло подъ камнями; но оно еще живо. оно страдаетъ. именно страдаетъ, оно въ мучительной агоніи. Василій Герасимовичъ понимаетъ это, потому что рука, а главное ея посинѣвшіе пальцы, судорожно сжимаются и разжимаются... Еще и еще... По мѣрѣ того какъ глазъ привыкаетъ — въ грудахъ рухнувшихъ стѣнъ выдѣляются сѣрые силуэты. Они корчатся, стараются высвободиться изъ-подъ этой страшной тяжести придавившей ихъ къ землѣ, сдвигаютъ ее на минуту, но въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе кирпичъ съ глухимъ гуломъ наваливается на нихъ еще плотнѣе и совсѣмъ погребаетъ подъ собою.

— Батюшки!.. Голубчики! вырывается вдругъ у Саввы Кузмича.

— Что̀ съ вами? спрашиваетъ его офицеръ.

— Въ подвалахъ-то, въ подвалахъ... Подвалы всего важнѣе... Тамъ народъ.

— Сколько народу *было* въ подвалахъ? спрашиваетъ у него кто-то въ пыли. кто—не видно.

— Ста два...

— Царствіе небесное!

Всѣ снимаютъ шапки и крестятся.

Подвалы совсѣмъ рухнули—и ихъ задавило всей массой развалившихся стѣнъ пятиэтажнаго дома... Оттуда даже стоновъ не доносится. Тамъ ужь страданія кончились, а если и продолжаются во тьмѣ и молчаніи, то все равно заживо-схороненныхъ никто не услышитъ больше. Василій Герасимовичъ прислушивается и понимаетъ, что всѣ толки идутъ кругомъ о спасеніи вонъ тѣхъ что видны, что вкраплены здѣсь вверху въ отвратительныя руины.

— Какъ это случилось? самъ не зная почему спрашиваетъ онъ у полицейскаго.

Но тотъ мрачно хмурится и отходитъ прочь. За него отвѣчаетъ кто-то другой изъ обывателей.

— Объ этомъ надо васъ спросить... живодеры! Вся печать говорила цѣлый годъ, что такъ строить домовъ нельзя... Грошевики!.. Вы сколько думали сберечь на этой постройкѣ въ полтора кирпича? Эти жизни дешевле вашихъ тысячъ что-ли?

Савва Кузмичъ пугливо косится въ сторону говорящаго.

А стоны кругомъ все глуше и глуше... Все больнѣе отъ нихъ.

— И чего ждутъ, чего ждутъ?.. съ ужасомъ восклицаетъ Василій Герасимовичъ.—Теперь бы вытаскивать надо скорѣе... Надо работать. Еще можно спасти.

— Дотронься, отвѣчаютъ ему,—вонъ стѣна стоитъ и только шевельни эти груды—рухнетъ и еще сотни двѣ-три народу задавитъ...

— Нѣтъ, продолжаетъ въ пыли все тотъ-же раздраженный голосъ.—Надо бы взять архитектора, что строилъ эту отвратительную клѣтку, да Сластеновыхъ, и бросить ихъ народу на самосудъ.

— Разорвать бы ихъ! отвѣчаетъ кто-то рядомъ.

— Въ клочья!.. Это было бы по настоящему...

— Воды!.. воды!.. глухо доносится до Сластенова-младшаго, и онъ видитъ громаднаго мужика, у котораго поперекъ тѣла легло бревно.

Видно огонь палитъ несчастнаго—и это „воды, воды" такъ и проникаетъ въ душу Василію Герасимовичу.

— Вотъ они... Вотъ они! вдругъ вырывается у него.

— Что еще? спрашиваетъ его Савва Кузмичъ.

— Вотъ они... проклятые мильоны! Каждый грошъ въ крови...

— Очухайся, племянникъ... Не скули... Робята! вдругъ обернулся Савва Кузмичъ къ окружающимъ его уцѣлѣвшимъ рабочимъ.—Робята, въ комъ душа есть?..

Онъ снялъ шапку и перекрестился.

— Неча намъ ждать... Давайте помогать. Кто померъ—семья того будетъ обезпечена. Раненыхъ вылѣчимъ, а ежели калѣками останутся—прокормимъ. Нищими не бросимъ. Попущеніе Господне. А стоять такъ-то да галдѣть зря нечего... Ну, благословясь!

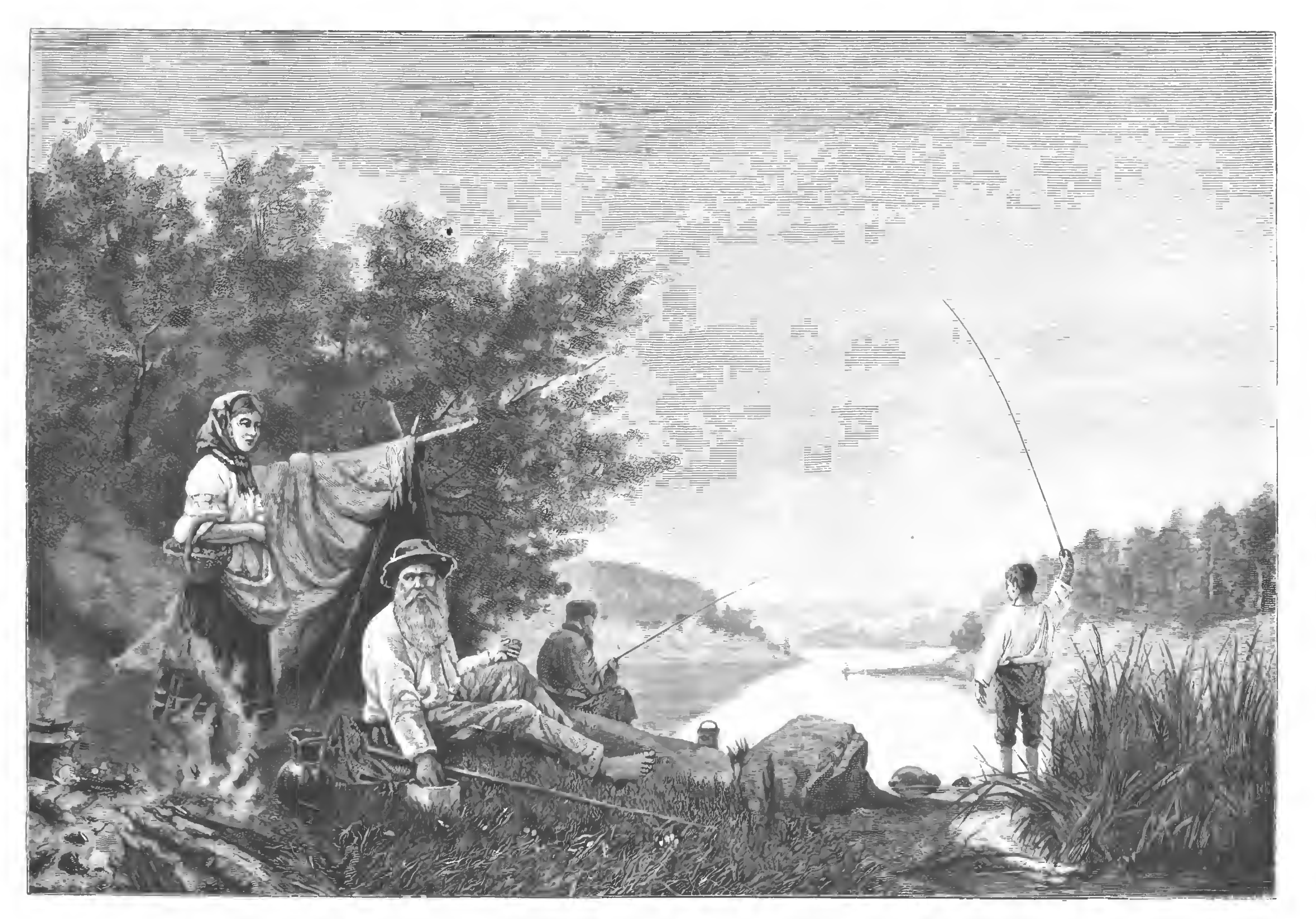
И ужь не обращая вниманія на останавливавшаго его офицера, онъ двинулся къ ближайшимъ грудамъ кирпича и принялся ихъ растаскивать. Точно только этого и ожидавшій народъ, бывшій внутри цѣпи солдатъ, смѣло двинулся за Сластеновымъ.

Василій Герасимовичъ самъ не узналъ себя въ эту минуту.

— Не волнуйтесь! остановилъ его Курцъ.

Сластеновъ посмотрѣлъ на него только съ изумленіемъ. Ему было страшно за этихъ замученныхъ и умирающихъ—но не за себя. Самъ онъ не думалъ о своей безопасности. Ему казалось даже, что смерть легче этого ужаса.

Онъ бросился сначала за дядею въ самыя нѣдра



Рыбаки на рѣкѣ Виліи, близъ города Вильны. Съ карт. Піотровскаго, грав. Ю. Барановскій.

Боярская свадьба. Молодыхъ ведутъ въ опочивальню. Съ карт. **К. В. Лебедева**, грав. Ю. Шюблеръ.

сѣраго, удушливаго облака пыли. Потомъ безсознательно сталъ раскидывать кирпичи и камни. Ему удалось уже освободить изъ-подъ нихъ одного еще дышавшаго рабочаго, какъ вдругъ до его слуха донеслись болѣзненные крики издали. Ихъ было больше чѣмъ здѣсь. Очевидно и помощь тамъ была нужнѣе. Онъ перешелъ туда. Стѣна еще стоймя стояла здѣсь... Она еще не рухнула, но сверху донизу по ней шла зловѣщая трещина. Сюда никто не рѣшался подойти. Замѣтивъ племянника тамъ, Савва Кузмичъ закричалъ ему:

— Василій! уйди прочь!.. Сейчасъ повалится... задавитъ...

Но тотъ только головою покачалъ въ отвѣтъ ему.

Василію Герасимовичу такъ все равно было въ эту минуту, задавитъ его или нѣтъ!

Онъ понималъ только одно—здѣсь были еще живые, которыхъ слѣдовало спасти во что бы то ни стало. Если бы даже онъ погибъ на этомъ, не все-ли равно. Оставаться жить съ сознаніемъ, что онъ могъ помочь и не помогъ, было еще страшнѣе.

Самъ не понимая откуда у него взялась сила, онъ такъ заворочалъ груды камней, что его сейчасъ же окружило облакомъ. Зловѣщій шумъ и трескъ слышался надъ нимъ въ уцѣлѣвшей и расколовшейся только стѣнѣ. Но ни трескъ, ни шорохъ этотъ его не останавливалъ. Онъ, весь въ поту, работалъ—да такъ, что скоро и другимъ стало стыдно. Они подошли и стали высвобождать корчившихся и стонавшихъ людей. Василій Герасимовичъ шелъ на самыя опасныя мѣста. Невольно его вліянію поддались остальные. И ставъ уже спиной къ грозившей рухнуть стѣнѣ, прислонясь къ ней, онъ властно и смѣло распоряжался.

Откуда что̀ бралось.

Даже дядя его диву дался.

— Ай да племянникъ!.. Ай да мы!.. радовался онъ.

Шапка давно слетѣла со старика. Пальто онъ скинулъ, чтобы легче работалось.

Василій Герасимовичъ ужь видѣлъ, какъ изъ-подъ новыхъ грудъ кирпича вытащили нѣсколько рабочихъ. Одни еще дышали, другіе уже навѣки простились съ бѣлымъ свѣтомъ. Ихъ незрячія, широко открытыя очи неподвижно смотрѣли на окружающихъ.

— Ампутацій-то, ампутацій! слышится около Сластенова, и онъ видитъ какого-то доктора.

— Носилокъ!.. кричитъ тотъ.—Носилокъ!.. Боже мой, у этого обѣ ноги надо прочь.... Ну, а съ этимъ нечего... Кончается!..

А изъ-подъ новыхъ грудъ вытаскиваютъ новыя жертвы.

Кровь на камняхъ, кровь на землѣ, кровь просачивающаяся сквозь кирпичи внизъ.

— Проклятые мильоны!.. Проклятые мильоны!.. повторяетъ самъ про себя Сластеновъ.

— Вы господинъ Сластеновъ?.. подходитъ къ нему какой-то генералъ.

Василій Герасимовичъ смотритъ на него и ничего не понимаетъ. Ему странно, о чемъ еще можно разсуждать въ это время.

— Вы господинъ Сластеновъ?

— Что вамъ? появляется откуда-то, весь въ поту, въ крови и пыли, Савва Кузмичъ. — Я Сластеновъ, а это мой племянникъ.

— Кто завѣдывалъ постройкой у васъ?

— Архитекторъ. А отъ нашей компаніи —вотъ господинъ Курцъ.

Курцъ выдвигается впередъ, наклоняетъ голову на бокъ и театрально произноситъ:

— Ваше превосходительство! Богъ далъ, Богъ и взялъ... Да будетъ Его святая воля!

— Разумѣется, разумѣется, господинъ Курцъ. Но такъ какъ Бога судить нельзя, такъ я ужь приму всѣ мѣры, чтобы вы были преданы суду. Я, если бы было возможно, военнымъ судомъ васъ... Жалѣю, что не могу этого сдѣлать. Во всякомъ случаѣ, на-дняхъ же вы будете арестованы... Слышите вы меня, господинъ Курцъ?

Боголюбъ Боголюбовичъ, весь блѣдный, что-то говоритъ и разводитъ руками, но Сластеновъ его уже не слышитъ.

А работа кипитъ кругомъ. Очнувшись, Сластеновъ замѣчаетъ, что приказывать и распоряжаться нечего. Всѣ знаютъ что̀ дѣлать—паника прошла. Около лежатъ ряды какихъ-то тѣлъ. О какъ ихъ много! На постройкѣ были брезенты, уцѣлѣвшіе рабочіе покрыли убитыхъ ими. Но изъ-подъ брезентовъ торчатъ ноги, и эти ноги неподвижны. Страстное любопытство влечетъ Сластенова заглянуть въ ихъ лица. Ему кажется что онъ уловитъ въ нихъ еще хоть искру жизни, что надежда еще не кончилась для этихъ, что сто̀итъ только сдѣлать что-то, что онъ не знаетъ, но именно что-то—и они оживутъ и ихъ можно будетъ спасти. Онъ наклоняется, отворачиваетъ уголъ брезента — чья-то голова со всклоченными волосами. Одинъ глазъ выбитъ, другой пристально смотритъ на Василія Герасимовича. „Не замай! Дай спокой! — они теперь знаешь гдѣ!“ обрываетъ его уцѣлѣвшій рабочій и бережно прикрываетъ опять брезентомъ посинѣвшее лицо. А тамъ дальше къ этому ряду недвижныхъ силуэтовъ несутъ еще и еще. Онъ растетъ, удлиняется, кажется скоро конца ему не будетъ. Сластенову чудится что онъ продолжится въ безконечность.

— Да, это наша вина... наша! повторяетъ онъ про себя, опять уходя въ бѣшеную работу, опять разворачивая груды камней.

— Что? мелькомъ поровнялся съ нимъ дядя.

— Мы это все сдѣлали, дядя! Мы... Проклятые милліоны!..

Но тутъ что-то словно сбило его съ ногъ. Онъ чувствуетъ тупую боль въ головѣ и валится по грудамъ кирпича. Камень сверху упалъ и вскользь контузилъ его въ затылокъ.

Курцъ съ странною поспѣшностью схватываетъ его. До сихъ поръ, послѣ разговора съ генераломъ, онъ былъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи и не двигался, только глазами моргалъ, но теперь онъ беретъ Василій Герасимовича подъ руку, проситъ офицера указать ему дорогу, помочь вывести „больнаго“, и вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ вдали. Только на извозчикѣ Василій Герасимовичъ чувствуетъ что-то теплое на шеѣ. Она у него залита кровью.

По всему пути домой, Василію Герасимовичу казалось, что улицы, дома, церкви, площади, фонарные столбы колеблются, путаются, связываются въ какіе-то узлы, длинныя строчки оконъ мѣшаются, переплетаются и расплетаются. Люди ему чудятся странными, они точно пьяные шатаются на тротуарахъ. Онъ самъ ощущаетъ что-то точно свинецъ сдавливающее ему голову, и на вопросы испуганнаго Курца повторяетъ одно и то же:

— Проклятые мильоны, проклятые мильоны!

Дома, когда его укладываютъ въ постель, ему кажется что его опускаютъ въ бездну. Надъ бездной наклоняется чье-то лицо.

— Я послалъ за докторомъ!

И Курцъ торопливо уѣзжаетъ, оставляя Василія Герасимовича одного.

Но тотъ уже на самомъ днѣ бездны; стѣны и отвѣсы ея смыкаются надъ нимъ. Ему душно-душно, ему кажется что онъ умираетъ, что эти недвижныя тѣла вмѣстѣ съ нимъ здѣсь, что ихъ взгляды устремлены на него съ ужасомъ, тоскою, отчаяніемъ, что ихъ руки, облитыя кровью, раздавленныя, исковерканныя, протягиваются къ нему, указываютъ на него.

— Помогите... Помогите! вырывается у Василія Герасимовича.

Недѣлю онъ оставался въ постели, но рана его оказалась не важною; онъ скоро всталъ, и дѣятельно, самъ себя не узнавая, занялся устройствомъ искалѣченныхъ рабочихъ, розыскомъ семей убитыхъ. Онъ весь ушелъ въ это дѣло, когда разъ утромъ къ нему пріѣхалъ дядя.

— Ну, что? заботливо спросилъ его Савва Кузмичъ.

— Ничего... На половину кончилъ ужь. Ахъ! дядя, какой ужасъ, какой ужасъ!

— Да, прости Господи! А у меня, братъ, еще новость!— И Савва Кузмичъ вдругъ сѣлъ у кровати, задумался.— Еще новость, да... Знаешь, когда вотъ тебя какой-нибудь плутъ надуетъ, это не горько — потому ты на нашемъ дѣлѣ не выросъ. А меня... меня, стараго дурака...

— Что съ вами, дядя? спрашиваетъ Сластеновъ и въ то же время понимаетъ, что ему все равно въ эту минуту. Что̀ бы ни случилось — все равно, оно будетъ блѣдно и ничтожно передъ безконечнымъ ужасомъ этого недавняго зловѣщаго дня.

— Курцъ, Курцъ... и вдругъ Савва Кузмичъ уронилъ голову на руки. — Пойми ты... Курцъ бѣжалъ. Въ кассѣ денегъ ни копѣйки—всѣ съ нимъ. Ни отчетовъ, ни бумагъ,— все уничтожилъ.

— Куда бѣжалъ? приподнялся Сластеновъ.

— Почемъ я знаю... Полиція сегодня къ нему приходила—арестовать его хотѣли, да поздно—его и слѣдъ простылъ. Еще вчера уѣхалъ... Утромъ, говорятъ, вышелъ—и не возвращался болѣе.

— Плюсъ мнѣ говорилъ что-то... смутно вспоминалъ Василій Герасимовичъ.

— Плюса тоже нѣтъ... Сейчасъ къ нему ѣздилъ я— нѣтъ Плюса. Схватился, говорятъ, только-что и уѣхалъ. И Приходзько съ нимъ. Ахъ-ахъ-ахъ! Ну да никто какъ Богъ.

Савва Кузмичъ всталъ и перекрестился глядя на старинные образа, остававшіеся нетронутыми въ кіотѣ еще со временъ Арсенія Николаевича.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Въ Коломнѣ, подойдя къ зеркалу, висѣвшему въ залѣ желѣзнодорожной станціи, Боголюбъ Боголюбовичъ взглянулъ въ него и, увидѣвъ высокаго, начисто выбритаго господина въ громадныхъ круглыхъ очкахъ—не узналъ себя. Онъ улыбнулся, довольный и счастливый, но тотчасъ же опомнился и оглянулся подозрительно. Вмѣстѣ съ нимъ въ залу вошелъ какой-то маленькій юркій брюнетъ, котораго Курцъ замѣчалъ всю дорогу. Тотъ тоже сѣлъ въ Москвѣ и взялъ билетъ на Воронежъ. Курцъ два или три раза заговаривалъ съ нимъ, но тотъ недоумѣло смотрѣлъ на него, отвѣчалъ неохотно „да“ и „нѣтъ“ и отодвигался къ окну, очевидно вовсе не раздѣляя его желанія завести знакомство. Это успокоило Боголюба Боголюбовича. Онъ прекрасно понималъ что слѣди за нимъ попутчикъ, для него былъ бы находкой такой легкій способъ завязать сношенія. Теперь— этотъ стоялъ у буфета, пилъ водку, закусывалъ какимъ-то рыжимъ бутербродомъ съ ветчиной и не обращалъ на Готлиба никакого вниманія. Курцъ, уже совершенно спокойный, подошелъ и, подчиняясь радостному чувству сознанія, что опасность прошла, опять заговорилъ съ нимъ.

— Что̀, кажется, плоха ветчина?

И онъ ласково посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Да...

И тотъ, непріязненно окинувъ Курца удивленнымъ взглядомъ, вынулъ какую-то мелочь и сталъ расплачиваться.

— А водка?.. еще любезнѣе спросилъ Курцъ.

Но этотъ его вопросъ остался безъ всякаго отвѣта, такъ что даже буфетчикъ удивился.

„Экій невѣжа!..“ подумалъ про себя Курцъ и потомъ тотчасъ же, повинуясь какому-то странному инстинкту,— тому же, который заставляетъ человѣка не бѣжать отъ оскорбленія, а опредѣлить, оформить его еще больше, чтобы такъ-сказать уже не было никакихъ сомнѣній,— спросилъ еще разъ:

— Вы изволите ѣхать до Воронежа, кажется?

— Извините меня, я не имѣю привычки разговаривать съ незнакомыми.

И юркій малышъ, уже не оглядываясь на опѣшившаго Курца, пошелъ въ дверь вокзала. И было пора. Дали второй звонокъ. Курцъ едва успѣлъ вскочить въ вагонъ, когда послышался третій, затѣмъ свистокъ оберъ-кондуктора и поѣздъ тронулся. „Вотъ гордецъ-то... или можетъ быть ипохондрикъ!“ думалъ про себя Боголюбъ Боголюбовичъ, глядя порой на спутника. Вагонъ перваго класса былъ только одинъ, и потому имъ поневолѣ приходилось ѣхать вмѣстѣ. „Вотъ гордецъ-то!.. Ну!.. А я еще боялся. Нѣтъ, куда этимъ дуракамъ. Они теперь вѣроятно дали знать или завтра дадутъ знать въ пограничныя таможни. Точно я оселъ, чтобы сейчасъ же ѣхать чортъ знаетъ куда — черезъ самыя опасныя мѣста!..“

Гудѣніе поѣзда, грохотъ его колесъ, вздрагиваніе и равномѣрное подталкиваніе—ужасно раздражаютъ человѣка и всѣмъ его ощущеніямъ сообщаютъ обостренную чуткость и яркость. Такъ и Готлибу Готлибовичу стало въ необыкновенно рѣзкихъ и выпуклыхъ чертахъ и рельефахъ представляться все, что̀ онъ сдѣлалъ. Какимъ-то туманомъ со дна души поднимались сомнѣнія и окутывали его мысли. Онъ вѣдь долго колебался, очень долго. Не рухни этотъ домъ, не готовься его арестъ, о которомъ онъ уже зналъ, онъ пожалуй еще бы нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ оставался въ Москвѣ, а можетъ быть и совсѣмъ бы не уѣхалъ, предпочитая воспользоваться всѣми выгодами своего положенія исподволь. Правильно-ли, умно-ли сдѣлалъ онъ теперь?.. Въ самомъ дѣлѣ, не лучше-ли было бы сосать медленно и вѣрно этого осла, Василія Герасимовича? Да... а коммисія?.. Коммисія, которую изъ Петербурга посылали на работы. Она вѣдь открыла бы, что онѣ были совершаемы всюду только для показа, только для видимаго оправданія ассигновокъ, получаемыхъ имъ отъ компаньоновъ... А ревизія, которую хотѣли назначить эти компаньоны и пайщики? Кого бы еще назначили! Онъ сильно боялся, чтобы въ нее не попали Приходзько съ Плюсомъ. Случись это—двѣ эти шельмы разомъ бы узнали, что всѣ дома были имъ куплены за компанейскій счетъ, что и сверхъ того въ графахъ расхода есть много цифръ, которыхъ никакимъ путемъ ему оправдать не удастся! А арестъ?.. Нѣтъ, именно надо было поступить такъ, и только такъ. Нѣтъ, исхода для него не предстояло. Отъ уголовной отвѣтственности ему бы удалось отдѣлаться. Документы, купленные имъ у Ѳомина, заставили бы Савву Кузмича стать за него горой. Да и сверхъ того, только мелкіе капиталисты охочи до судовъ и до скандаловъ. Крупные, цѣною даже большихъ потерь, избѣгаютъ ихъ, избѣгаютъ необходимости являться въ качествѣ свидѣтелей или потерпѣвшихъ и на вопросы сторонъ разсказывать о своихъ дѣлахъ. Да потомъ и Василій Герасимовичъ никогда бы не пошелъ противу него. Но онъ остался бы почти безъ ничего. Вѣдь жалкія сто-полтораста тысячъ, которыя у него бы оказались — нищета послѣ тѣхъ почти двухъ милліоновъ, которые лежатъ у него въ портфелѣ, вотъ тутъ подъ бокомъ—двухъ милліоновъ! Легко сказать — онъ царь съ ними! Онъ могущество! Онъ—все. Въ новомъ мірѣ, среди незнающихъ его людей — когда онъ переживетъ этотъ періодъ необходимаго скитальчества и прятокъ — онъ явится громадною силой. Вѣдь это боль-

ше пяти милліоновъ франковъ! А съ такимъ рессурсомъ, да съ царемъ въ головѣ, можно сдѣлаться одною изъ крупнѣйшихъ величинъ европейскаго финансоваго міра. И если въ военномъ мірѣ не судятъ побѣдителей, то въ финансовомъ — никто не спрашиваетъ милліонера, откуда ты пришелъ. Отъ милліонеровъ не требуется послужныхъ списковъ. Впослѣдствіи, если бы даже онъ захотѣлъ вернуться въ Россію, кто ему мѣшаетъ вступить въ соглашеніе со Сластеновыми... Изъ пяти милліоновъ франковъ, при его умѣ, онъ живо создастъ двадцать пять—расплатится... И его примутъ съ распростертыми объятіями. Да, впрочемъ, наплевать ему на эту глупую страну!.. Еще бы, что̀ за воспоминанія онъ уноситъ съ собою!

Онъ еще разъ взглянулъ на своего спутника. Все-таки не вполнѣ улеглось чувство опасенія.

Но въ данномъ случаѣ онъ былъ не правъ: брюнетъ, откинувшись въ уголъ вагона, спалъ, пресмѣшно открывъ ротъ... Изрѣдка онъ, точно очнувшись, хватался за свой карманъ, и Готлибъ Готлибовичъ улыбался.

„Должно-быть шельма порядочная. Набилъ зобокъ, да и самъ боится всякихъ встрѣчъ на желѣзной дорогѣ...

Подъ самою Рязанью Боголюбъ Боголюбовичъ выкинулъ въ окно дорожную шапку и надѣлъ военную фуражку съ синимъ околышемъ и кокардою. Въ этомъ видѣ онъ походилъ на отставнаго офицера, чему соотвѣтствовалъ и заблаговременно пріобрѣтенный имъ паспортъ. Онъ успѣлъ въ Москвѣ сбрить свои баки и бороду и оставилъ усы—небольшіе усы, завитые вверхъ. Они своимъ цвѣтомъ могли бы еще выдать его, но передъ отъѣздомъ у него не было времени заняться этимъ. Когда поѣздъ остановился передъ Рязанью, Боголюбъ Боголюбовичъ схватилъ свой громадный портфель и чемоданъ, и быстро вышелъ изъ вагона, радуясь тому, что его спутникъ не проснулся. Брюнетъ спалъ все такъ же открывъ ротъ. Курцъ не замѣтилъ, что передъ окномъ у вагона, суетился какой-то оборванный еврейчикъ. Когда Боголюбъ Боголюбовичъ вышелъ, юркій брюнетъ внезапно проснулся и крикнулъ:

— Катцель!

— Я здѣсь!..

— Видѣлъ этого высокаго господина?—бѣги за нимъ. Узнай гдѣ онъ остановится и сейчасъ сюда.

А самъ лѣниво, что совершенно не соотвѣтствовало всѣмъ его пріемамъ ранѣе, поднялся, еще лѣнивѣе взялъ свой чемоданъ и вошелъ въ залу вокзала. Катцель мигомъ бросился за Курцомъ.

— Ваше высокоблагородіе... ваше высокоблагородіе...

Боголюбъ Боголюбовичъ вздрогнулъ, быстро оправился и съ досадой обернулся къ нему.

— Чего вамъ?

— Позвольте рекомендовать вамъ отель... Отличный отель... перваго класса... Будете довольны. На главной здѣшней улицѣ... Гостиница Ланина...

— Хорошо, хорошо!..

— Я вамъ помогу.

Не ожидая согласія Курца, онъ выхватилъ у него чемоданъ изъ рукъ и пошелъ къ извозчику, усадилъ Курца и приказалъ:

— Въ гостиницу Ланина!

И уложилъ затѣмъ чемоданъ въ ноги къ извозчику.

Курцъ далъ ему двугривенный. Катцель обрадовался и бросился къ нему со своей карточкой.

— Если что̀ понадобится—пошлите за мной...

— Хорошо, торопился тотъ отвязаться отъ него. — Хорошо... хорошо...

Катцель далъ ему отъѣхать, а самъ перебѣжалъ задками черезъ двѣ улицы и сталъ въ воротахъ гостиницы Ланина, такъ что онъ видѣлъ всѣхъ проѣзжавшихъ мимо, а его никто замѣтить не могъ. Готлибъ Готлибовичъ ѣхалъ нѣкоторое время молча, потомъ что-то ему пришло въ голову и онъ спросилъ извозчика:

— Развѣ у васъ только одна и есть гостиница Ланина?

— Нѣтъ, и другихъ много...

— А какая же считается лучшею?

— Штейерта — для господъ будетъ куда обходительнѣй.

— Такъ вези меня къ Штейерту!..

Катцель изъ своей западни видѣлъ, какъ Готлибъ миновалъ Ланина и повернулъ за уголъ. Пройти туда было дѣломъ одной минуты. Онъ замѣтилъ, какъ изъ подъѣзда выскочилъ старикъ-швейцаръ, взялъ вещи пріѣзжаго. Потомъ дождался, когда тотъ же швейцаръ вынесъ деньги извозчику, и Катцель позвалъ его.

— Сейчасъ на станцію, назадъ! Слышишь? — только скорѣе!

Въ залѣ юркій брюнетъ нетерпѣливо ходилъ изъ угла въ уголъ. Увидѣвъ Катцеля, онъ живо пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Ну?.. Что?..

— Въ гостиницѣ Штейерта.

— Отправляйся обратно, узнай подъ какой фамиліей онъ остановился и какой нумеръ занялъ, и пока я не пріѣду, не выпускай его изъ виду. Если рядомъ нумера свободны—займи оба. Слышишь?..

Пока Катцель бросился исполнять приказанія, спутникъ Готлиба Готлибовича прошелъ въ телеграфъ и послалъ въ Москву слѣдующую депешу: „Зарядье—Гиршману. Товаръ доставленъ въ Рязань—накладная у довѣреннаго, остановившагося въ гостиницѣ Штейерта... Жду порученій. Рузановъ“.

Кончивъ съ этимъ, Рузановъ дождался чтобъ стемнѣло, и поѣхалъ въ городъ.

— Здѣсь остановился мой приказчикъ Катцель? спросилъ онъ у швейцара.

— Здѣсь, пожалуйте.

— А для меня, моя фамилія Рузановъ, взятъ нумеръ?

— Какже. Готовъ давно.

— Рядомъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Рядомъ невозможно было. Раньше пріѣхалъ господинъ изъ Москвы и взялъ средній нумеръ между ними.

— Экая досада! Какой господинъ?.. Какъ его фамилія?.. Чортъ знаетъ что, просто... Не уступитъ-ли онъ? Мнѣ бы надо было поближе къ своему служащему.

— Кабы знато было раньше.... разводилъ руками швейцаръ.—А только я думаю, что господинъ этотъ не уступитъ. Изъ важныхъ онъ.... Отставной штабсъ-ротмистръ графъ Гродзинскій. Сказываютъ: пріѣхалъ сюда покупать имѣніе. Спрашивали кто продаетъ.

— Ну, дѣлать нечего! Меня не безпокойте—я спать лягу. Съ однимъ изъ слѣдующихъ поѣздовъ изъ Москвы пріѣдетъ ко мнѣ купецъ, тогда и разбудите.

И Рузановъ ушелъ къ себѣ.

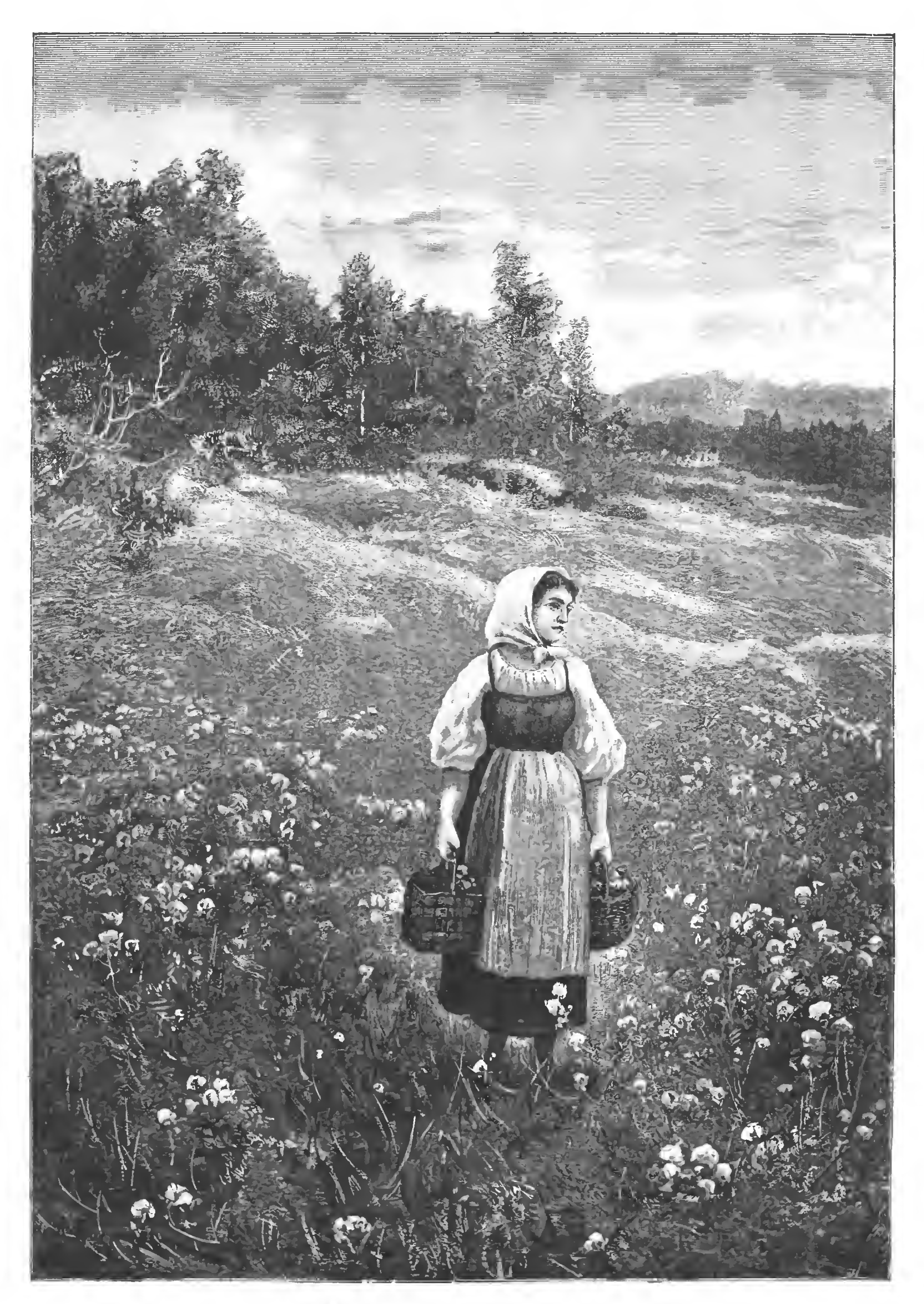
Курцъ тоже сначала прилегъ отдохнуть, потомъ точно его что-то приподняло съ кровати. Его нумеръ состоялъ изъ двухъ комнатъ. Онъ прислушался — въ одной изъ сосѣднихъ слышалось мѣрное храпѣніе.

„Экая свинья какая толстомордая! Храпитъ какъ!“ обругался Боголюбъ Боголюбовичъ. „Должно быть изъ самаго чернозема явился сюда“.

Въ другой комнатѣ была тишина. Курцъ завѣсилъ полотенцами отверстія замковъ въ дверяхъ въ правый и лѣвый нумера, зажегъ свѣчи, вынулъ изъ чемодана коробочку какую-то и усѣлся у туалетнаго столика передъ зеркаломъ.

„Въ сумеркахъ люди и швейцаръ не замѣтили... Самое время теперь!“ усмѣхнулся онъ. „Ну-ка, красивый блондинъ Курцъ, обратись окончательно въ плѣнительнаго брюнета графа Гродзинскаго...“

Онъ вынулъ изъ коробочки краски для волосъ, и черезъ часъ уже, совершенно вымытый, причесаный,



За грибами. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Писемскаго, грав. Шюблеръ.

обратился въ сильнаго брюнета, подвилъ щипчиками усы, лихо на-бокъ надѣлъ фуражку, набросилъ на себя военную шинель и, заперевъ портфель въ комодъ, взялъ съ собою ключъ и вышелъ.

— Рѣшительно природа создала меня гусаромъ!.. засмѣялся онъ.

Ему надо было одуматься, придти въ себя.

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повѣсть **Виктора Бибикова**.

(Продолженіе).

XI.

Когда всѣ помощники разошлись, Тарахтинъ отдалъ приказаніе лакею никого не пускать, прилегъ на оттоманку и разсѣянно перелистывалъ страницы новаго романа, присланнаго ему французскимъ книжнымъ магазиномъ. Но ему не читалось, каждая фраза автора и дѣйствующихъ лицъ его произведенія казалась ему ненужною, фальшивою и скучною; онъ, въ порывѣ досады, отбросилъ томикъ въ противоположный уголъ оттоманки и закрылъ лицо руками.

Давно-ли, какъ ему казалось теперь, онъ летѣлъ на всѣхъ парусахъ, давно-ли крылья несли его и не давали чувствовать тяжести жизни; но стихъ благопріятный вѣтеръ, повисли паруса, опали безсильныя крылья, надвинулся вечеръ, нѣтъ отдыха и грызетъ тоска. Какъ развернутый свитокъ, о которомъ говоритъ поэтъ, какъ длинная пройденная дорога, разстилалась передъ нимъ вся его жизнь и, вглядываясь въ прошедшее, онъ желалъ узнать объясненіе, найти оправданіе своей вины, и не узнавалъ, не находилъ ни того, ни другаго.

Промелькнуло передъ нимъ дѣтство шумливое, задорное, святыя ласки матери, безпричинная радость жизни, торопливая любознательность, первые годы ученія, которые дались ему легко, безъ напряженія, безъ слезъ, почти безъ усилій. И въ гимназіи, и въ университетѣ онъ окруженъ былъ всеобщею любовью, а тотъ, кто не дарилъ его этимъ чувствомъ, все-таки не могъ отказать ему въ извѣстномъ вниманіи; каждый признавалъ его выдающимся юношей, полнымъ блеска и силъ, счастливцемъ, которому достался первый нумеръ. На него возлагали надежды. Онъ оправдалъ всеобщій приговоръ и двадцатисемилѣтнимъ товарищемъ прокурора заставилъ говорить о себѣ. Новые суды и съ открытіемъ ихъ сдѣлавшаяся вдругъ значительною адвокатура соблазнили Тарахтина; онъ, несмотря на блестящее начало своей карьеры, не задумался и бросилъ службу, съ увлеченіемъ отдаваясь избранному поприщу. Два-три громкіе процесса сдѣлали ему имя, газеты раскричали новое свѣтило, о немъ заговорили въ обществѣ.

Со своей стороны, Тарахтинъ дѣлалъ все возможное, чтобы поддержать и укрѣпить за собой это вниманіе: онъ тщательно работалъ надъ каждымъ ввѣряемымъ ему дѣломъ, былъ чистоплотенъ въ ихъ выборѣ, пополнялъ свое образованіе постояннымъ чтеніемъ; его рѣчи на судѣ выгодно отличались простотой и литературной отдѣлкой отъ рѣчей его собратій, надутыхъ, аффектированныхъ словоизверженій,—не говоря уже о прекрасной дикціи и томъ внутреннемъ огнѣ, который согрѣвалъ каждое слово Тарахтина и привлекалъ въ залу суда, какъ въ театръ, зрителей каждый разъ когда разбиралось дѣло съ его участіемъ.

Года три этотъ успѣхъ забавлялъ Тарахтина и пріятно щекоталъ его самолюбіе; нравились ему и рукоплесканія въ залѣ суда и льстивыя газетныя рѣчи; но скоро все это прошло: аплодисменты пріѣлись и раздражали его, а когда онъ сравнилъ похвалы газетныхъ репортеровъ, которыми они осыпали его, съ похвалами, расточаемыми тѣми же репортерами какимъ-нибудь опереточнымъ звѣздамъ, то перевѣсъ оказывался всегда на сторонѣ оперетки: о ней говорили и съ большимъ паѳосомъ и съ большей искренностью.

Но у Тарахтина оставалось еще одно утѣшеніе: онъ вѣрилъ въ свой талантъ и рѣшился испытать его въ давно манившей къ себѣ области искусства, ему хотѣлось отдать свои силы литературѣ.

Онъ былъ знакомъ со многими писателями и съ нѣкоторыми изъ нихъ находился въ тѣсныхъ, дружескихъ отношеніяхъ; они вѣрили его литературному вкусу, читали ему еще въ рукописи свои произведенія и нерѣдко, слѣдуя его замѣчаніямъ, находили ихъ справедливыми и подвергали свои труды значительной переработкѣ. Тѣ же писатели, слушая иногда живой, занимательный разсказъ Тарахтина, наблюдая его умѣнье въ лицахъ изображать героевъ своего устнаго повѣствованія, признавая въ немъ несомнѣнное знаніе жизни и благородную любовь къ литературѣ, неоднократно совѣтовали ему взяться за перо и, вмѣсто салонныхъ импровизацій, написать разсказъ, повѣсть или даже романъ.

Тарахтинъ съ жаромъ принялся за работу, но съ первыхъ же строкъ ослабѣлъ, и дѣло не пошло.

Ему недоставало аудиторіи, слушателей, ихъ поощряющихъ улыбокъ; за его спиной, какъ въ залѣ суда, не стоялъ подсудимый; передъ нимъ не сидѣли присяжные; то воодушевленіе, которое проникало все его существо, когда онъ разсказывалъ какой-нибудь случай изъ жизни, не приходило къ нему за письменнымъ столомъ, на бумагѣ нельзя было замѣнить недостающее слово ловкимъ пояснительнымъ жестомъ, подражательная способность здѣсь также не имѣла мѣста; онъ лишенъ былъ счастья чувствовать какъ зрѣетъ зерно замысла подъ лучами вдохновенія, слушать разговоры, наблюдать развивающіяся страсти самимъ имъ созданныхъ людей, — Тарахтинъ бродилъ ощупью, тайна созданія такъ и осталась для него непроницаемой и ему не удалось поднять завѣсы.

Но онъ, какъ упорный человѣкъ, добился-таки своей цѣли, окончилъ разсказъ, нѣсколько разъ переписалъ его, далъ рукописи вылежаться и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ перечиталъ свою работу. Она не понравилась ему, но вспомнивъ, что каждый писатель испытываетъ недовольство окончивъ работу и не можетъ быть судьей своего дѣла, онъ попросилъ одного изъ знакомыхъ литераторовъ прослушать его разсказъ. О томъ, какъ велико было его смущеніе, какъ краснѣлъ онъ подъ проницательными и любопытными глазами беллетриста, Тарахтинъ и вспомнить не могъ безъ волненія; такого чувства онъ не испытывалъ даже во время экзаменовъ, когда ему случалось взять билетъ, котораго онъ совсѣмъ не зналъ. Самое же чтеніе было настоящею пыткой, и о немъ Тарахтинъ боялся даже вспоминать. Начать съ того, что, читая вслухъ свой разсказъ, онъ съ первыхъ словъ убѣдился въ его полной негодности, и однажды взглянувъ на слушателя, увидѣвъ, что любопытство къ его произведенію уже пропало, онъ хотѣлъ оборвать чтеніе, но беллетристъ почти насильно заставилъ его продолжать и терпѣливо выслушалъ до конца.

Какъ смѣлый больной, сознающій опасность своего недуга, спрашиваетъ врача, выживетъ онъ или нѣтъ, такъ Тарахтинъ потребовалъ отъ беллетриста откровеннаго, хотя бы и самаго жестокаго приговора, и желаніе было исполнено. Беллетристъ началъ свой судъ заявленіемъ, что онъ, какъ и всякій человѣкъ, можетъ ошибаться; но все-таки сказалъ, что, по его мнѣнію, разсказъ очень слабъ и что не того онъ ожидалъ отъ Тарахтина. Правда, въ концѣ концовъ, онъ позолотилъ пилюлю, напомнилъ Гоголя, который, какъ извѣстно, началъ Гансомъ Кюхельгартеномъ, совѣтовалъ работать; но когда Тарахтинъ спросилъ его, видитъ-ли онъ въ прочитанномъ разсказѣ хоть искорку дарованія, тотъ вѣжливо помолчалъ, и только повинуясь настояніямъ адвоката, отвѣчалъ отрицательно.

Это была первая и послѣдняя проба Тарахтина: больше онъ не бралъ въ руки пера для литературныхъ попытокъ; но неудача разсказа сильно подорвала въ немъ вѣру въ свой талантъ.

Репутація его, какъ извѣстнаго адвоката, установилась уже слишкомъ прочно, кліенты со всѣхъ сторонъ Россіи стекались въ его кабинетъ; но ни блестящее положеніе его дѣлъ, ни успѣхъ въ судѣ не давали ему желаннаго удовлетворенія; онъ занимался дѣлами, выходилъ на защиту безъ всякаго увлеченія, и пустота существованія давила его съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Онъ усиленно занялся собраніемъ старинныхъ картинъ, гравюръ, художественной бронзы, ѣздилъ почти каждый день въ Александровскій рынокъ, посѣщалъ распродажи коллекцій, и въ короткое время успѣлъ истратить много денегъ. Ему удалось пріобрѣсти двѣ-три недурныя картины второстепенныхъ голландскихъ мастеровъ, нѣсколько порядочныхъ бюстовъ, которые недолго льстили его самолюбію. Но любительство съ него соскочило еще скорѣе, чѣмъ желаніе быть писателемъ. Надежда отыскать на рынкѣ Рембрандта или Клодіона рубля за три, или, во всякомъ случаѣ, не дороже десяти рублей— надежда, которой обыкновенно тѣшатъ себя петербургскіе любители,—казалась ему черезчуръ ужь смѣшной и наивной; онъ кончилъ, впрочемъ, тѣмъ, что обставилъ свою квартиру старинными вещами и уже не старался привить къ себѣ недающуюся страсть.

Хорошія денежныя средства, увеличивающіяся съ каждымъ годомъ, позволяли вести ему жизнь разсѣянную и роскошную; благодаря этимъ средствамъ и блестящему положенію, онъ, разумѣется, считался выгоднымъ женихомъ, ему раскидывали сѣти.

Но на женитьбу онъ смотрѣлъ нѣсколько иначе, чѣмъ другіе; онъ зналъ, что мужчина можетъ выбрать дѣвушку, но ему всегда казалось страшнымъ это право выбора.

„Могу-ли я предложить себя въ качествѣ мужа?“ спрашивалъ Тарахтинъ, и всегда на этотъ вопросъ давалъ отрицательный отвѣтъ. Ему встрѣчались красивыя и хорошія дѣвушки, пре-

лестныя созданія, съ которыми—Тарахтинъ это чувствовалъ—онъ могъ-бы узнать счастье.

Но являлся вопросъ, долго-ли продолжится это счастье, и чѣмъ заплатитъ онъ за него, когда пройдетъ страсть и явится охлажденіе, чѣмъ наполнитъ онъ жизнь довѣрчиво отдавшагося ему молодаго существа, онъ, незнавшій чѣмъ наполнить свою собственную.

У него были побѣды, имъ увлекались, но карьера Донъ-Жуана никогда не прельщала Тарахтина и, разсуждая въ пріятельскомъ кружкѣ о такихъ связяхъ, онъ, пародируя Чичикова, говорилъ, что онѣ сушатъ сердце, и сильнѣе чѣмъ сушитъ трубка, пугавшая Гоголевскаго героя.

Въ одно изъ ежегодныхъ путешествій за границу, въ Парижѣ, Тарахтинъ встрѣтилъ ту женщину, портретъ которой онъ показывалъ Ѳедору Васильевичу. Красота ея поражала Тарахтина, онъ влюбился въ нее, какъ юноша, или какъ поэтъ, съ перваго взгляда. Его познакомили. Чѣмъ ближе онъ узнавалъ ее, тѣмъ привлекательнѣе казалась ему она.

Его страсть быстро сообщилась и ей, но черезъ два мѣсяца, когда любовь, казалось, достигла своего апогея, красавица потребовала его отъѣзда. Онъ сначала думалъ, что съ нимъ шутятъ, но требованіе было повторено и такъ серьезно, что о шуткѣ не могло быть и рѣчи. Тогда онъ усомнился въ ея чувствѣ, но она такъ смотрѣла на него, съ такимъ непритворнымъ горемъ плакала при его отъѣздѣ, что мысль объ охлажденіи съ ея стороны казалась чудовищною.

Но когда Тарахтинъ не выдержалъ испытанія и черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ въ Парижъ, его не приняли; въ письмѣ его увѣдомили, что непремѣннымъ условіемъ сохраненія ихъ отношеній должно быть его отсутствіе въ теченіе десяти мѣсяцевъ.

Тарахтинъ собиралъ справки, узнавалъ, свободна-ли она; оказалось, что совершенно свободна, и такъ какъ на этотъ разъ ему не удалось добиться свиданья, то онъ повиновался и уѣхалъ. На слѣдующій годъ, весной, онъ пріѣхалъ, его встрѣтили еще на вокзалѣ, онъ былъ любимъ попрежнему, даже больше прежняго: они объѣхали Италію, побывали въ Швейцаріи, и ровно черезъ два мѣсяца красавица опять потребовала его отъѣзда. Напрасно онъ предлагалъ ей женитьбу, напрасно звалъ въ Петербургъ, она стояла на своемъ. Онъ уѣхалъ и, тоскуя по своей возлюбленной, утѣшалъ себя мыслью, что, можетъ быть, эта женщина разгадала его увлекающуюся и непостоянную натуру и, боясь за свое счастіе, боясь его охлажденія, придумала нарочно эту разлуку. И, во всякомъ случаѣ, онъ благословлялъ судьбу за эту встрѣчу: теперь его жизнь была полна, и если тоска попрежнему грызла его, то, по крайней мѣрѣ, у него была причина, исчезла безпредметная, глухая скука.

Прошелъ ещъ годъ, и на четвертый, въ послѣднюю поѣздку въ Парижъ, онъ убѣдился, что онъ уже утратилъ прелесть новизны, что онъ уже скученъ, какъ герой романа, прежде казавшагося интереснымъ, что его не любятъ. Это открытіе было для него неожиданнымъ ударомъ, но когда первая боль прошла, и онъ разобралъ свои отношенія съ покинувшей его женщиной, то убѣдился, что она и никогда его не любила, что вся связь, мучившая и томившая его, какъ юношу, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, была искусною игрой, веденною съ почти холоднымъ разсчетомъ. И такое сознаніе еще болѣе увеличивало его горе. Напрасно онъ силился забыться, то занимаясь дѣлами до усталости, то посѣщая своихъ многочисленныхъ знакомыхъ; онъ не могъ добиться своей цѣли, онъ не узналъ спокойствія ни на одинъ мигъ, тоска разрасталась до пугавшихъ его размѣровъ.

Лакей доложилъ, что кушать подано. Тарахтинъ всталъ съ оттоманки и прошелъ въ столовую, смежную съ кабинетомъ комнату, увѣшанную маіоликовыми блюдами и тарелками. Онъ проглотилъ нѣсколько ложекъ бульону, всполоснулъ ротъ и ушелъ на прежнее мѣсто, въ кабинетъ: самый видъ кушаній былъ ему противенъ.

Появился лакей и обнаружилъ поползновеніе зажечь лампу, Тарахтинъ не позволилъ ему этого сдѣлать, и, лежа въ сумракѣ, наполнявшемъ высокую комнату, думалъ, что въ такіе вечера люди напиваются пьяными или стрѣляются. Но отъ перваго его удерживало чувство брезгливости, а на второмъ онъ боялся останавливать свои мысли и, вскочивъ съ оттоманки, крупными шагами ходилъ по кабинету.

Если-бы Тарахтинъ могъ плакать, съ какимъ отчаяніемъ зарыдалъ-бы онъ теперь, какъ облегчили-бы слезы его тоскующую душу! Если-бы у него былъ другъ, какими признаніями онъ подѣлился-бы теперь съ нимъ! Но онъ не зналъ слезъ и у него не было друга, а тѣ знакомые, которые считались его пріятелями, были-бы несказанно удивлены при первой попыткѣ искать у нихъ утѣшенія или участія: широко раскрытыми глазами посмотрѣли-бы они на адвоката, котораго всѣ привыкли считать счастливымъ человѣкомъ, и одно предположеніе о возможности такой сцены почти разсмѣшило Тарахтина.

Онъ подошелъ къ окну, чтобы опустить штору, и прильнулъ пылающимъ лбомъ къ холодному стеклу: мутное, осеннее небо висѣло надъ высокими домами, моросилъ мелкій, безконечный дождь, на улицѣ не замѣчалось движенія; изрѣдка, неслышно, на резиновыхъ шинахъ, проѣдетъ карета, и въ затворенныя окна доносится глухой топотъ лошадей, да понурые дворники въ овчинныхъ тулупахъ сидятъ у воротъ, усугубляя угрюмую картину.

Тарахтинъ опустилъ штору и вспомнилъ, что сегодня онъ не просматривалъ газетъ. Онъ зажегъ свѣчи, взялъ газету, скользнулъ безучастнымъ взглядомъ по ея первой страницѣ съ телеграммами, передовыми статьями и политическими обозрѣніями и прочелъ нѣсколько первыхъ попавшихся строкъ.

Ему казалось, что и вчера говорили о томъ-же и въ тѣхъ-же выраженіяхъ; остроуміе фельетониста съ заѣзженными но тѣмъ не менѣе безграмотными латинскими цитатами и развязными подмигиваніями читателямъ, заставило его пожалѣть автора, обязаннаго во что-бы то ни стало еженедѣльно развлекать публику. Добравшись наконецъ до рубрики театра и зрѣлищъ, Тарахтинъ обрадовался, узнавъ, что въ оперѣ сегодня даютъ „Фауста“.

Онъ любилъ эту оперу за ея чудесную музыку и за ея сюжетъ, такъ выгодно отличающійся отъ всѣхъ, по большей части, безсмысленныхъ оперныхъ сюжетовъ, и прижавъ пуговку электрическаго звонка, вдѣланную въ письменный столъ, приказалъ лакею приготовить сюртукъ. Онъ быстро сталъ одѣваться, прикосновеніе холоднаго полотна крахмальной рубахи освѣжило его; умывшись, причесавшись и застегнувъ на всѣ пуговицы плотно облегающій сюртукъ, онъ почувствовалъ себя бодрѣе, и когда, черезъ полчаса, при первыхъ звукахъ увертюры, онъ вошелъ въ зрительную залу театра, никто-бы не сказалъ, глядя на самоувѣреннаго и спокойнаго Тарахтина, что этотъ человѣкъ такъ недавно не зналъ куда скрыться отъ безъисходной тоски.

Онъ съ давно неиспытываемымъ наслажденіемъ прослушалъ первое дѣйствіе. Когда занавѣсъ опустился, Тарахтинъ, опершись на барьеръ оркестра, навелъ бинокль на публику. Изъ нѣкоторыхъ ложъ ему были посланы милостивыя улыбки, двѣ-три знакомыя дамы вѣерами звали его къ себѣ, но Тарахтинъ отвѣчалъ на улыбки и на безмолвныя, но выразительныя приглашенія сдержаннымъ поклономъ и не отходилъ отъ барьера. Антрактъ тянулся для него слишкомъ долго, онъ заскучалъ, проходило оживленіе вызванное музыкой, онъ привыкалъ къ толпѣ; нѣсколько знакомыхъ, вездѣ встрѣчающихся физіономій, придали публикѣ общее выраженіе, и Тарахтинъ уже подумывалъ объ отъѣздѣ.

Въ это время къ нему подошелъ фельетонистъ большой газеты, Высоцкій, котораго еще сегодня жалѣлъ Тарахтинъ. Это былъ высокій, худощавый, рыже-волосый человѣкъ неопредѣленнаго возраста, съ pince-nez на широкой шелковой лентѣ. Онъ протянулъ руку Тарахтину и, улыбаясь, обнажилъ скверные зубы.

— Что такъ грустны, отечественный Гамбетта? спросилъ онъ покровительственнымъ тономъ и, не получая отвѣта, прибавилъ:—Ужъ не влюблены ли вы безнадежно?

— Не говорите глупостей, отворачиваясь отъ него, сухо возразилъ Тарахтинъ, но Высоцкій не унимался.

— Ну а если не влюблены, такъ влюбляйтесь, да поскорѣе, безъ лишней траты времени. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на крайнюю ложу бель-этажа съ лѣвой стороны и подѣлитесь со мной вашими впечатлѣніями.

Чтобы отвязаться отъ назойливаго фельетониста, Тарахтинъ посмотрѣлъ въ указанномъ направленіи и долго не опускалъ бинокля.

— Кто она? почти ласково спросилъ онъ Высоцкаго.

— Въ томъ-то и штука, что не знаю и никто не знаетъ, кого ни спрашивалъ. Все время съ ней сидѣлъ какой-то юноша, но также неизвѣстный... да вотъ онъ входитъ, коробку ей подаетъ, за конфектами должно-быть выходилъ.

Тарахтинъ еще разъ посмотрѣлъ на никому неизвѣстныхъ молодыхъ людей и, ни слова не говоря фельетонисту, оставилъ его и быстрыми шагами направился къ выходу.

У отворенной двери ложи бель-этажа уже ожидалъ его Ѳедоръ Васильевичъ, весь сіявшій отъ радостнаго нетерпѣнія.

Онъ съ появленія Тарахтина въ зрительномъ залѣ жадно слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на сцену, все ожидая, когда же посмотритъ на него адвокатъ; въ антрактѣ онъ побоялся пойти въ кресла, помня сегодняшній сухой пріемъ, и теперь онъ протянулъ обѣ руки на встрѣчу своему патрону, съ гордостью представилъ его Вѣрѣ и не зналъ на какое мѣсто посадить дорогаго гостя.

Онъ слѣдилъ, какое впечатлѣніе производитъ Вѣра на Тарахтина, хотѣлъ угадать, одобряетъ-ли Сергѣй Николаичъ его выборъ, и убѣждался по его лицу, съ котораго не сходила добродушная улыбка, что все обстоитъ какъ нельзя лучше.

Тарахтинъ не спускалъ глазъ съ Вѣры, онъ не ожидалъ увидѣть въ женѣ Ѳедора Васильевича такое очаровательное созданіе. Ему нравился ея туалетъ: скромное черное платье съ высокимъ воротничкомъ, обшитымъ бѣлымъ рюшемъ, застегнутымъ небольшой брошью съ одинокой жемчужиной, простая и гладкая прическа съ проборомъ посрединѣ. Его пріятно поразила ея манера держать себя: ни одного разсчитан-

Ледники на Юнгфрау. Карт. О. ф. Камеке, грав. Штадельманъ.

наго движенія въ рѣдкихъ жестахъ, ни одной искусственной, сочиненной ноты въ голосѣ,—все просто, изящно, красиво, и надъ всѣмъ этимъ молодость и та особая прелесть въ обращеніи, которой отличаются люди еще не знавшіе горя и отъ всѣхъ и ото всего ожидающіе одного счастья.

Антрактъ окончился, поднялся занавѣсъ, и началось второе дѣйствіе, а Тарахтинъ и не думалъ уходить изъ ложи. Ему доставляло большое удовольствіе слушать музыку съ молодыми людьми, читать на ихъ лицахъ переживаемыя ощущенія, глядѣть, какъ загораются вниманіемъ глаза Вѣры, какъ румянецъ появляется и сбѣгаетъ неровными пятнами на ея щекахъ; ему нравилось какъ Ѳедоръ Васильевичъ при высокихъ нотахъ тенора или примадонны всѣмъ своимъ напряженнымъ видомъ точно помогалъ пѣвцамъ, и когда они оканчивали трудные пассажи, онъ вздыхалъ полной грудью и съ торжествомъ переглядывался со своими сосѣдями.

Тарахтинъ чувствовалъ, какъ молодые люди заражаютъ его своимъ весельемъ, охотно шелъ навстрѣчу и подчинялся ихъ вліянію.

Онъ въ антрактахъ указалъ имъ нѣсколько столичныхъ знаменитостей, присутствовавшихъ въ театрѣ, съ увлеченіемъ смѣялся болѣе или менѣе неожиданнымъ характеристикамъ, которыя тутъ-же вырывались у Ѳедора Васильевича, знакомилъ съ городской хроникой, разсказывалъ анекдоты, сыпалъ остротами и каламбурами. Давно Тарахтинъ не былъ въ такомъ ударѣ; каждая улыбка Вѣры и смѣхъ Ѳедора Васильевича поощряли его, и время въ театрѣ пролетѣло незамѣтно. Но и послѣ спектакля Тарахтину еще не хотѣлось разставаться съ молодыми людьми; онъ признался имъ, что сегодня не обѣдалъ, жестоко проголодался и съ удовольствіемъ поужиналъ бы въ ихъ обществѣ.

Ѳедоръ Васильевичъ предложилъ ѣхать въ ресторанъ и назвалъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ на Морской, о которомъ онъ зналъ изъ романовъ и гдѣ ему хотѣлось побывать, какъ въ одномъ изъ достопримѣчательныхъ учрежденій столицы, но Тарахтинъ возсталъ противъ этого предложенія. Одна мысль увидѣть Вѣру среди пошлой обстановки ресторана подъ наблюдательными взглядами его лакеевъ и завсегдатаевъ казалась ему оскорбительной, и онъ назвался на квартиру къ молодымъ людямъ, предупреждая, что онъ не взыскателенъ и будетъ благодаренъ за всякое угощеніе.

По дорогѣ супруги заѣхали въ гастрономическую лавку, накупили холодныхъ закусокъ, вина и, пріѣхавъ домой, уже застали Тарахтина въ гостиной. Онъ восхищался ихъ квартирой, увѣрялъ, что не знаетъ въ Петербургѣ помѣщенія оригинальнѣе обставленнаго и продекламировалъ стихотвореніе Бодлэра, въ которомъ поэтъ воспѣваетъ подобное жилище. Тарахтинъ отдалъ должную дань всѣмъ закускамъ и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; они просидѣли за столомъ далеко за полночь, и отпуская своего гостя, молодые люди взяли съ него слово бывать какъ можно чаще.

Совершенно счастливымъ и успокоеннымъ возвращался домой Тарахтинъ, онъ несказанно былъ обрадованъ новымъ знакомствомъ: теперь у него есть убѣжище, куда можно спрятаться отъ тоски, гдѣ не узнаешь грызущаго чувства одиночества, гдѣ ожидаетъ всегда ласковый и дружелюбный пріемъ.

Онъ вспоминалъ Вѣру, каждое ея слово, обращенное къ нему, выраженіе ея лица, и необъяснимый хотя сладостный страхъ незамѣтно овладѣлъ имъ. Онъ пріѣхалъ домой, раздѣлся, легъ въ постель, потушилъ свѣчу, но страхъ не проходилъ, и подъ его вліяніемъ Тарахтину вспомнилось прошлое, давнее прошлое, онъ вспомнилъ свою первую любовь...

Ему тогда было всего восемь лѣтъ. По сосѣдству съ ихъ домомъ праздновалась свадьба. Горѣли огни въ маленькихъ окнахъ небольшаго домика, гремѣла дешевая музыка, у воротъ толпился народъ. Какая-то мѣщанка выдавала замужъ свою дочь за владѣльца мелочной лавки и на радостяхъ задала пиръ. Въ провинціи такія свадьбы празднуются часто при открытыхъ дверяхъ и въ залу входятъ незваные гости.

Они сначала робко жмутся у дверей, но когда балъ мало-по-малу оживляется, разгораются лица кавалеровъ отъ частаго посѣщенія угловой комнаты, гдѣ устроенъ буфетъ, неприглашенные перебѣгаютъ къ противоположной стѣнѣ, пробуютъ танцовать и къ ужину съ ними обращаются какъ съ гостями, они принимаютъ участіе въ общемъ пиршествѣ.

Съ такими смѣльчаками пробрался въ залу и маленькій Тарахтинъ, и такъ какъ у него было бѣлое личико, обрамленное шелковистыми кудрями, и онъ былъ въ бархатной курточкѣ, то скоро обратилъ на себя вниманіе какой-то бойкой дѣвицы въ голубомъ шелковомъ платьѣ. Она объявила его своимъ женихомъ, не отпускала отъ себя, танцовала съ нимъ, въ буфетѣ угостила его стаканомъ меда, отъ котораго у него зашумѣло въ головѣ и за ужиномъ посадила его между собой и невѣстой. Онъ и здѣсь былъ окруженъ всеобщимъ вниманіемъ, его потчивали конфектами и сладкою наливкой, и даже невѣста поцѣловала его, искоса поглядывая впрочемъ лукаво сверкавшими глазами на своего жениха, краснощекаго молодца съ русою бородкой.

Только одна дѣвушка не замѣчала хорошенькаго мальчика, да и врядъ-ли она замѣчала кого-нибудь за этимъ столомъ. Она была высокаго роста, стройная, худощавая, съ черными, какъ смоль, волосами и блѣднымъ лицомъ. Ея большіе темнокаріе глаза съ грустью смотрѣли какъ-то въ себя, и все ея существо было проникнуто грустью. Ея сосѣдъ, пьяный военный писарь, нашептывалъ ей любезности, и должно-быть блисталъ остроуміемъ, такъ какъ то и дѣло покатывался отъ самодовольнаго хохота. Она не знала что отвѣчать ему, и однажды ея выразительные глаза остановились съ нѣмою мольбой на Тарахтинѣ, не отводившемъ отъ нея пристальнаго взгляда. Писаря отозвали играть въ карты, и къ блѣдной дѣвушкѣ возвратилось спокойствіе, на ея лицѣ появилось обычное ему выраженіе сосредоточенной грусти.

Чего бы не далъ тогда Тарахтинъ, чтобы блѣдное лицо грустной дѣвушки оживилось румянцемъ, а въ глазахъ ея сверкнула улыбка; онъ все слѣдилъ за ней, желая встрѣтиться съ ней еще разъ взглядомъ, но напрасны были его старанія: дѣвушка ни разу не посмотрѣла на него.

Онъ не высидѣлъ до конца ужина и отпросился домой. Дома онъ засталъ гостей, мать встрѣтила его упрекомъ, гдѣ онъ такъ долго гулялъ, но онъ позвалъ ее съ собой въ дѣтскую, увѣряя, что ему нужно ей что-то сказать. Едва только они остались вдвоемъ, какъ Тарахтинъ, прижимаясь къ матери и весь дрожа отъ ужаса, вскричалъ:

— Мама, я влюбленъ; что надо дѣлать, когда влюбляются!?

Онъ разсказалъ ей, что былъ на свадьбѣ, увидѣлъ дѣвушку, въ которую влюбился, и, не окончивъ своего разсказа, залился слезами, повторяя:

— Что надо дѣлать, что дѣлать?

Мать утѣшала его какъ умѣла и, возвратившись къ гостямъ, не могла удержаться и выдала тайну своего сына. Всѣ захотѣли видѣть влюбленнаго, и такъ какъ онъ упорно не выходилъ изъ своей комнаты, то пришли къ нему. Дамы цѣловали его, мужчины сдержанно смѣялись, а одинъ изъ нихъ, отставной полковникъ, объявилъ растерявшемуся мальчику, что, во всякомъ случаѣ, не надо плакать.

Все это вспомнилъ онъ теперь и, сравнивъ переживаемое имъ чувство страха съ тѣмъ дѣтскимъ ужасомъ въ далекомъ прошломъ, удивился его сходству.

Но это воспоминаніе вызвало другія; они пестрой толпой, смѣшиваясь и перегоняя одно другое, какъ это всегда бываетъ передъ сномъ, пронеслись въ его воображеніи. Тарахтинъ скоро усталъ слѣдить за ихъ безпорядочнымъ бѣгомъ и заснулъ такъ безмятежно, какъ не засыпалъ уже давно.

XII.

Тарахтинъ счелъ нужнымъ на другой день сдѣлать оффиціальный визитъ молодымъ супругамъ.

Ѳедора Васильевича онъ не засталъ дома, и его принимала Вѣра, которая днемъ, въ скромномъ сѣромъ платьѣ, перехваченномъ лакированнымъ кожанымъ кушакомъ, показалась ему еще прелестнѣе, чѣмъ вчера въ театрѣ.

Онъ просидѣлъ обычныхъ пять минутъ и уѣхалъ домой, но вечеромъ его потянуло на Забалканскій проспектъ, и онъ не могъ устоять противъ желанія немедленно увидѣть своихъ новыхъ знакомыхъ.

Тамъ не удивились его пріѣзду, а скорѣе обрадовались ему, въ особенности Ѳедоръ Васильевичъ, и Вѣра дружески встрѣтила гостя. Молодые люди, казалось, не дѣлали никакихъ усилій, чтобы занимать Тарахтина, а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что ни въ одномъ изъ знакомыхъ домовъ время не проходитъ такъ пріятно.

Вѣра, по просьбѣ своего мужа, спѣла нѣсколько малороссійскихъ романсовъ. Ея голосъ былъ невеликъ, можетъ-быть недостаточно обработанъ, но онъ такъ шелъ къ грустной и наивной мелодіи украинскихъ пѣсенъ, что ее нельзя было слушать безъ удовольствія.

Тарахтинъ осыпалъ пѣвицу горячими похвалами, искренность его тона привела въ совершенный восторгъ Ѳедора Васильевича: молодой человѣкъ гордился своею женой, и любовь его къ ней достигла уже того предѣла, когда любящему человѣку, въ особенности юношѣ, хочется, чтобы всѣ раздѣляли его чувство.

Узнавъ, что Панченко записался въ библіотекѣ, Тарахтинъ предложилъ свои услуги по доставленію книгъ, и его предложеніе было принято съ благодарностью.

Съ этого дня онъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ квартиры на Забалканскомъ проспектѣ; когда почему-либо проходилъ день и онъ не видѣлъ молодыхъ людей, Тарахтину казалось уже, что ему чего-то недостаетъ. Мысленно пробѣгая передъ сномъ все сдѣланное имъ въ теченіе пережитаго дня, онъ находилъ, что не сдѣлалъ самаго главнаго: не былъ у Панченка, не видѣлъ Вѣры...

Онъ старался не отдавать себѣ отчета въ чувствѣ, которое возбуждала въ немъ молодая женщина; гналъ, какъ назойливую муху, роковое слово, невольно приходившее на уста,—но привычка анализировать каждый свой шагъ, эта привычка, выработанная долговременнымъ одиночествомъ, давала себя знать, и тогда Тарахтинъ успокоивалъ себя тою мыслью, что онъ можетъ прямо смотрѣть въ глаза Ѳедору Васильевичу, что совѣсть его чиста и спокойна, а поведеніе безупречно.

Такое сознаніе утѣшало его, въ будущее онъ не заглядывалъ и, прерывая досадныя размышленія, спѣшилъ упиться счастьемъ, которое давало настоящее.

Да, счастье. Тарахтинъ считалъ себя счастливымъ и, оглядываясь на прошлое, убѣждался, что никогда еще онъ не переживалъ такихъ отрадныхъ часовъ, никогда не зналъ такого свѣтлаго и спокойнаго существованія, какъ теперь.

Онъ вставалъ утромъ, не мучась какъ прежде неотвязною заботой, что вотъ насталъ день, который надо наполнить; онъ вставалъ свѣжимъ и бодрымъ, не накидывался, какъ это дѣлалъ онъ еще такъ недавно, на занятія словно пьяница на водку, а работалъ не торопясь и умѣренно, шутилъ съ помощниками, съ веселыми улыбками давалъ имъ совѣты и охотно разрѣшалъ ихъ недоумѣніе въ затруднительныхъ случаяхъ практики, а кліенты выходили изъ кабинета очарованные ласковымъ обращеніемъ Тарахтина.

(Оконч. въ слѣд. №).

О жидкой угольной кислотѣ.

Почти всѣ тѣла, составляющія вселенную, безъ исключенія могутъ принимать извѣстныя три аггрегатныя состоянія, т. е. могутъ встрѣчаться въ твердомъ, капельно-жидкомъ и парообразномъ или, что то же самое, газообразномъ состояніи, смотря по температурѣ и давленію, подъ вліяніемъ которыхъ они находятся. Такъ напримѣръ, вода при возвышенной температурѣ переходитъ въ парообразное аггрегатное состояніе, при пониженіи же температуры ниже нуля застываетъ, превращается въ *ледъ*. Это измѣненное обозначеніе воды другимъ именемъ является единственнымъ исключеніемъ, ибо у всѣхъ другихъ тѣлъ имя съ аггрегатнымъ состояніемъ не мѣняется, что вполнѣ и основательно, такъ какъ по химическому составу тѣло не превратилось въ другое.

Подобно тому, какъ теплотою пользуются для того, чтобы твердыя тѣла превращать въ жидкости, охлажденіе примѣняютъ для перевода газовъ въ жидкое и твердое состояніе. Послѣднее достигается также увеличеніемъ давленія, причемъ чѣмъ ниже температура, т. е. чѣмъ сильнѣе охлажденъ газъ, тѣмъ конечно меньшее давленіе требуется. Но однимъ давленіемъ газъ можно довести до жидкаго состоянія лишь при температурахъ ниже абсолютнаго кипѣнія (критическая точка Андруса—Andrews). Д. И. Менделѣевъ подъ послѣднею собственно подразумѣваетъ ту температуру, при которой жидкость въ замкнутомъ сосудѣ вся—вполнѣ и сразу—переходитъ въ парообразное состояніе, въ газъ, который уже ни подъ какимъ давленіемъ болѣе не сгущается въ жидкость. Для каждой жидкости или газа есть своя такая температура, напр. вода при 600°, а углекислый газъ уже при 39° никакимъ давленіемъ не сгущается. Температура при которой подъ обыкновеннымъ давленіемъ воздуха газъ превращается въ жидкость—для разныхъ газовъ различна. Обозначенія газъ и паръ собственно тождественны; между парами и газами нѣтъ различія, кромѣ температуры сгущенія въ жидкость подъ обыкновеннымъ давленіемъ; у первыхъ лежитъ она выше средней температуры воздуха или есть эта послѣдняя, у вторыхъ — напротивъ, гораздо ниже. Вслѣдствіе пренебреженія температурой абсолютнаго кипѣнія, нѣкоторые газы до 1878 г. не удавалось сгустить въ жидкость ни подъ какимъ давленіемъ. Когда-же въ означенномъ году французы Кайлетэ (Cailletet) и Пиктэ (Pictet) сразу и увеличивали давленіе, и понижали температуру, имъ удалось сгустить въ жидкость всѣ до тѣхъ поръ считавшіеся несгущаемыми (постоянными) газы, каковы: азотъ, водородъ и пр. Пониженіе температуры важно, а подчасъ необходимо уже потому, что при сгущеніи газовъ отдѣляется теплота, которая нагрѣваетъ приборъ, служащій для увеличенія давленія.

Хотя такимъ образомъ и была доказана возможность сгущенія всѣхъ газовъ и упразднено названіе *постоянный* (permanent), которое теперь лишь обозначаетъ извѣстное состояніе любаго газа—его несгущаемость никакимъ давленіемъ, но тѣмъ не менѣе долго еще нельзя было технику воспользоваться сгущенными газами, благодаря мѣшкотности, а также и дороговизнѣ способовъ сгущенія. Только въ самое послѣднее время удалось техникѣ примѣнить нѣкоторые изъ такъ-сказать жидкихъ газовъ; между послѣдними со дня на день пріобрѣтаетъ все большее значеніе жидкая угольная кислота. Угольная кислота въ природѣ весьма распространена въ видѣ газа, состоящаго изъ двухъ частей кислорода (O) и одной углерода (C). Благодаря такому составу, ее называютъ также углекислымъ газомъ, а по составу обозначаютъ формулой CO^2. Образуется она при сгораніи всѣхъ органическихъ веществъ, такъ какъ послѣднія содержатъ углеродъ, который при горѣніи соединяется съ дѣятельною составною частью нашего воздуха — съ кислородомъ; такъ, напр., при куреніи папиросы, тлѣніи спички, свѣченіи лампы и проч. Сходнымъ образомъ выдѣляется она при каждомъ гніеніи органическихъ веществъ, ибо и этотъ процессъ по существу есть окисленіе—соединеніе углерода съ кислородомъ, но лишь медленное, безъ замѣтнаго пламени и нагрѣванія; точно такъ и при всѣхъ другихъ окисленіяхъ и разложеніяхъ органическихъ тѣлъ, напр. при броженіи, дыханіи и вообще всѣхъ обмѣнахъ веществъ преимущественно животнаго царства, частью-же и растительнаго, наконецъ и при многихъ совершающихся внутри земли вулканическихъ процессахъ. Поэтому нерѣдко въ вулканическихъ мѣстностяхъ углекислый газъ прямо выдѣляется изъ трещинъ горъ и въ нѣкоторыхъ пещерахъ (напр. около Неаполя извѣстный „собачій гротъ"); въ лѣсу, окружающемъ Лахерское озеро близъ Рейна, изъ одного углубленія такъ сильно выдѣляется углекислый газъ, что не только прилетающія къ этому мѣсту насѣкомыя, но также и слѣдующія за ними птицы гибнутъ, ибо животныя дышать этимъ газомъ не могутъ.

Въ копяхъ и рудникахъ, погребахъ и колодцахъ также очень часто выдѣляется этотъ газъ; почему нерѣдко, опускаясь въ такія мѣста, люди задыхаются и умираютъ. Углекислый газъ растворяется различными жидкостями, напр. водою, и тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ сильнѣе давленіе. Поэтому, гдѣ онъ внутри земли (слѣдовательно подъ бо̀льшимъ давленіемъ, чѣмъ на поверхности земли) соприкасается съ водою, тамъ послѣдняя, вытекая на дневную поверхность, пѣнится и искрится, какъ шипучее вино, вслѣдствіе выдѣленія части раствореннаго газа. Въ этомъ случаѣ внутри земли совершается тотъ-же процессъ, которымъ пользуются при искусственномъ приготовленіи различныхъ шипучихъ напитковъ, когда воду насыщаютъ этимъ газомъ подъ искусственнымъ высокимъ давленіемъ. Какъ извѣстно, вода, насыщенная углекислотою, напр. сельтерская, представляетъ средство усиливающее пищевареніе и утоляющее жажду. Въ состояніи соединенія съ весьма разнообразными веществами, углекислый газъ едва-ли еще не болѣе распространенъ въ природѣ. Почти неисчерпаемый источникъ этого газа — углекислыя горныя породы, изъ которыхъ многія образуютъ огромныя массы земной коры. Известняки, осадки когда-то бывшихъ на землѣ морей, мергель (смѣсь известняка съ глиною), мраморъ — все углекислыя соли щелочноземельнаго металла кальція (Ca). Нерѣдки и углекислыя соли различныхъ другихъ металловъ или, точнѣе, ихъ основаній (соединеній съ кислородомъ), напр. магнезіи (доломиты), закиси желѣза и проч. Точно такъ-же и въ животномъ царствѣ весьма распространена углекислая известь: раковины слизняковъ и устрицъ, яичная скорлупа, даже такая драгоцѣнность какъ жемчугъ — состоятъ отчасти или вполнѣ изъ углекислой извести.

Добываніе углекислоты изъ ея соединеній весьма просто,— она вытѣсняется почти всѣми извѣстными кислотами изъ соединеній, такъ какъ почти всѣ остальныя болѣе растворимы въ водѣ или-же менѣе летучи. Вдобавокъ это происходитъ обыкновенно уже при комнатной температурѣ; такъ напр. если содовый порошокъ, состоящій изъ кислой угленатровой соли ($HNa\ CO_3$), насыпаютъ въ воду, предварительно подкисленную лимонною или винною кислотою, то происходитъ шипѣніе, зависящее отъ выдѣленія углекислаго газа. Точно также если уксусъ, заключающій уксусную кислоту, налить на известковую плиту, мраморъ, золу и пр., то также выдѣляется съ шипѣніемъ углекислота. Поэтому-то вскипаніе углекислыхъ соединеній вообще при дѣйствіи всѣхъ кислотъ—служитъ признакомъ для открытія углекислоты. Промышленно теперь прямо собираютъ выдѣляющійся изъ трещинъ земли газъ, или же добываютъ его дѣйствіемъ слабой соляной кислоты (растворъ хлористаго водорода въ водѣ) на мраморъ или мѣлъ; но такъ какъ при послѣднемъ способѣ вмѣстѣ съ углекислотой уносится часть летучаго хлористаго водорода черезъ газоотводную трубку, то отъ послѣдняго ее очищаютъ пропусканіемъ черезъ воду. Наконецъ накаливаніемъ многихъ углеизвестковыхъ соединеній, напр. доломита, также можно добывать этотъ газъ. Напомнимъ еще читателю басню приготовленія Клеопатрою извѣстнаго напитка раствореніемъ драгоцѣнной жемчужины въ кубкѣ съ уксусомъ, причемъ царица выпила образовавшійся водный растворъ уксуснокислой извести, изъ которой выдѣлялся углекислый газъ.

Въ двадцатыхъ годахъ Фарадей и Деви впервые сгустили нѣкоторые газы въ жидкость, въ томъ числѣ и углекислоту. Первый запаивалъ въ дугообразно-изогнутую стеклянную трубку смѣсь углекислой соли и сѣрной кислоты; выдѣлявшійся при этомъ углекислый газъ, наполняя пустое пространство трубки, этимъ самымъ давалъ необходимое для сгущенія давленіе. Впослѣдствіи этотъ способъ былъ весьма значительно улучшенъ Тилорье и Наттереромъ: въ массивный сосудъ, сдѣланный въ предотвращеніе разрыва изъ весьма вязкаго и нехрупкаго матеріала, газъ накачиваютъ нагнетательнымъ насосомъ чрезъ клапанъ, препятствующій обратному выходу газа. Сосудъ сверхъ того погружаютъ въ охлаждающую смѣсь (напр. въ смѣсь снѣга съ поваренною солью). Однако лишь доктору Райдту (Raydt) въ Ганноверѣ удалось приготовить сгущенную угольную кислоту въ большихъ массахъ и открыть ей дорогу въ техникѣ. Вмѣстѣ съ докторомъ Кунгеймомъ, владѣльцемъ большой химической фабрики въ Нидершёнвейде около Берлина, образовалъ докторъ Райдтъ цѣлое акціонерное

общество промышленнаго добыванія углекислоты, которое въ предпослѣднемъ году продало не болѣе не менѣе какъ 400,000 килограммовъ (25,000 пуд.) жидкой угольной кислоты въ желѣзныхъ толстостѣнныхъ сосудахъ, выдерживающихъ давленіе до 250 атмосферъ, и около 20 ф. (8 килограммовъ) емкости. Но лишь тогда вполнѣ выясняется значеніе приведеннаго числа, когда сообразимъ, что въ каждомъ литрѣ (0,08 русск. ведра) жидкой углекислоты заключается 500 литровъ газа, и далѣе еще, что это общество не единственное занимающееся приготовленіемъ углекислоты въ жидкомъ видѣ. Для полученія потребнаго количества углекислаго газа около Рейна въ мѣстностяхъ потухшихъ вулкановъ нарочно пробуравливаютъ глубокія скважины, изъ которыхъ выдѣляющійся газъ послѣ просушки (пропусканіемъ чрезъ слои пемзы, смоченные сѣрною кислотою) непосредственно сжимается нагнетательными насосами при охлажденіи обыкновенно до 0°. Послѣдній способъ кромѣ дешевизны представляетъ еще и техническія удобства, заключающіяся въ томъ, что для успѣшнаго сгущенія углекислоты необходимо быстрое приготовленіе большой массы ея.

Что касается свойствъ сгущенной углекислоты, то она представляетъ безцвѣтную жидкость, не смѣшивающуюся съ водою, но легко растворимую въ спиртѣ и эфирѣ. При 0° представляетъ давленіе въ 36 атмосферъ, а при обыкновенной температурѣ приблизительно въ 50. Кипитъ эта жидкость уже при 78° ниже нуля, иначе говоря, при этой температурѣ ея давленіе не превышаетъ атмосферное. Однако и при обыкновенной температурѣ жидкая углекислота при обыкновенномъ давленіи воздуха сохраняется довольно долго вслѣдствіе того, что для своего испаренія требуетъ значительнаго количества тепла. Если же испареніе совершается быстро (особенно когда жидкость льется струею), то образуется такой холодъ, что часть ея превращается въ снѣгообразную твердую массу, въ каковомъ видѣ легко сохраняется въ теченіе долгаго времени на открытомъ воздухѣ вслѣдствіе той же вышеозначенной причины. Несмотря на низкую температуру, эту снѣгообразную массу можно безъ опасенія положить на кожу, къ которой она собственно не прикасается, такъ какъ между ними находится безпрестанно отдѣляющійся газъ,—но если сжать ее между пальцами, то произойдетъ весьма сильное обмораживаніе, сходное съ обжогомъ. Вода, ртуть и многія другія жидкости замерзаютъ отъ прикосновенія уже съ жидкой углекислотой, а при смѣшеніи снѣгообразной ея массы съ эфиромъ (для увеличенія испаренія) сгущаются многія газообразныя вещества, другимъ способомъ не превратимыя въ жидкости, особливо если эту смѣсь заставлять испаряться (вслѣдствіе чего получается, конечно, еще большій холодъ) подъ колоколомъ воздушнаго насоса. Этимъ пріемомъ воспользовался и Пиктэ для сгущенія водорода и другихъ постоянныхъ газовъ.

Изъ многочисленныхъ способовъ употребленія жидкой углекислоты укажемъ лишь на важнѣйшіе. Наибольшее ея количество употребляли пока пивовары. Прежде въ бочки накачивали воздухъ нагнетательнымъ насосомъ, чтобы получить необходимое давленіе для свободнаго вытеканія пива при его розливкѣ изъ бочки, напр. въ кружки. Теперь же, благодаря жидкой углекислотѣ, нагнетательный насосъ и рабочій при немъ дѣлаются излишними, не говоря уже о томъ, что присутствіе воздуха въ бочкѣ съ пивомъ иногда отражалось невыгодно на достоинствѣ послѣдняго. При открываніи крана сосуда съ жидкою углекислотой, слѣдовательно, при прекращеніи давленія въ сосудѣ, она, превращаясь снова въ газъ, образуетъ столь сильное давленіе, что приходится, во избѣжаніе разрыва бочки, вводить образующійся газъ сначала въ пріемникъ, снабженный предохранительными клапанами и манометромъ для уравновѣшиванія давленія, а уже изъ него въ бочку. Передъ воздухомъ углекислота имѣетъ еще то преимущество, что отъ нея пиво не выдыхается, и при томъ охлаждается (при превращеніи жидкости въ газъ расходуется теплота, въ данномъ случаѣ заимствуемая отъ пива). Въ качествѣ охладителя жидкая угольная кислота въ будущемъ пріобрѣтетъ еще большее значеніе. Образующееся при испареніи ея давленіе съ большимъ успѣхомъ примѣнили къ пожарнымъ насосамъ, чтобы вливать сразу большія массы воды въ огонь. Нельзя не указать также на ея значеніе при поднятіи погруженныхъ въ воду судовъ. Для послѣдней цѣли водолазы продѣваютъ подъ корпусъ судна цѣпи, на концахъ которыхъ находятся шары изъ непроницаемой для воздуха матеріи. Въ эти шары затѣмъ впускаютъ испаряющуюся углекислоту, вслѣдствіе чего судно должно подняться на поверхность, такъ какъ заключенный въ шары газъ много легче воды; сила поднятія этихъ шаровъ столь велика, что, напримѣръ, шаръ въ 8 аршинъ въ поперечникѣ подымаетъ 6780 пудовъ. Въ заключеніе опишемъ еще два остроумныя примѣненія, сдѣланныя покойнымъ Фридрихомъ-Альфредомъ Круппомъ въ Эссенѣ.

При отливаніи большихъ металлическихъ слитковъ никогда не удавалось достигнуть одинаковой плотности во всѣхъ частяхъ, а всегда на нѣкоторыхъ металлъ оказывался весьма хрупкимъ. Впусканіемъ жидкой углекислоты въ замкнутую отливную форму во время остыванія слитка (вслѣдствіе чего послѣднее происходило подъ равномѣрнымъ давленіемъ приблизительно въ 75 атмосферъ) Круппу удалось получить громадные куски однородно-плотнаго металла.

Въ возвращаемыхъ ему на заводъ пушкахъ всегда оказывалась попорченною лишь задняя внутренняя поверхность ствола ихъ, „казна“. Чтобы снять надѣтыя на нее кольца, что раньше было совершенно невозможно, Круппъ сильно нагрѣвалъ стволъ пушекъ, а затѣмъ впускалъ въ дуло жидкую углекислоту. При нагрѣваніи казна вмѣстѣ съ находящимися на ней кольцами сильно расширялась, при введеніи же углекислоты охлаждалась сперва лишь одна казна, которая поэтому и сжималась сильнѣе колецъ, а этого только и было нужно, чтобы снять послѣднія.

Къ рисункамъ.

Рыбаки на рѣкѣ Виліи. (Рис. на стр. 924).

Рыболовство на рѣкѣ Виліи, правомъ притокѣ Нѣмана, развито сравнительно слабо. Болѣе другихъ мѣстъ занимаются имъ близь впаденія рѣки въ Нѣманъ, откуда заходятъ въ Вилію лососи и осетры. Кромѣ того устроено два закола въ Виленскомъ уѣздѣ при Нѣменчинѣ и въ Ковенскомъ, при Яновѣ. Въ другихъ мѣстахъ прибрежные жители этой тихой, красивой рѣки занимаются рыбною ловлею обыкновенно для своего обихода, не дѣлая изъ нея промысла.

„Боярская свадьба“. Картина К. В. Лебедева.

(Рис. на стр. 925).

Картина художника К. В. Лебедева, лѣтъ шесть тому назадъ служившая однимъ изъ лучшихъ украшеній „передвижной“ выставки, представляетъ очень небольшой холстъ, удивительно тонко, смѣло и красиво писанный. Какъ въ группировкѣ фигуръ, такъ и въ отдѣлкѣ каждаго отдѣльнаго типа, вложено художникомъ очень много той своеобразной граціи, которая составляетъ отличительную черту всего, что до сихъ поръ въ краскахъ и въ карандашѣ произвелъ этотъ талантливый живописецъ.

Картина изображаетъ послѣдній актъ сложной и затѣйливой русской свадьбы: „князя“ со „княгинею“ (т. е. жениха съ невѣстою) подняли изъ-за свадебнаго стола и ведутъ въ опочивальню. Сваты ведутъ ихъ за руку, свадебные бояре сопровождаютъ ихъ шумною, веселою и разноголосою гурьбой, а въ дверяхъ опочивальни ихъ ужъ ожидаютъ обычныя встрѣчи. Вотъ подходитъ къ „князю новобрачному“ веселая, молодая и говорливая сваха, въ вывороченной на изнанку шубѣ—этой древнѣйшей эмблемѣ богатства—и собирается обсыпать молодыхъ золотомъ изъ мисы, чтобы имъ „богатенько жилось“, да чтобы ихъ любовь „какъ жаръ горѣла, какъ червонно-золото горитъ“. Позади „свашеньки“ выступаетъ дружка, готовясь, въ самыхъ дверяхъ опочивальни, на самомъ порогѣ ея, обсыпать „князя и княгиню“ хмѣлемъ и всякимъ хлѣбнымъ зерномъ—иносказательно, въ цѣломъ рядѣ прибаутокъ и пожеланій намекая на плодородіе, которому хлѣбныя зерна служатъ символомъ. Далѣе, въ глубинѣ опочивальни, виденъ еще одинъ изъ свадебныхъ поѣзжанъ, держащій въ рукахъ икону, приготовленную для благословенія молодыхъ передъ тѣмъ, какъ они „опочивъ держать станутъ“.

Позади невѣсты, изъ толпы выдѣляется одинъ изъ сватовъ, бережно несущій на рукахъ подвѣнечныя свѣчи, которыя онъ долженъ передать изъ рукъ въ руки „сватеньки“, чтобы она поставила ихъ въ кіотъ, къ иконамъ. Выраженіе лица этого свата, глубоко проникнутаго сознаніемъ своей обязанности и въ то же время нѣсколько тронутаго хмѣлемъ, очень забавно и служитъ прекрасною противоположностью лицу стоящей около него женщины, которая суровымъ, недобрымъ взглядомъ смотритъ на все происходящее около нея свадебное веселье. Совсѣмъ иначе смотритъ на эту важную церемонію проводовъ въ опочивальню другой гость, сильно подгулявшій: онъ пробивается впередъ, онъ хочетъ говорить, хочетъ впутаться въ степенное, „истовое“ выполненіе обряда и выкинуть колѣнце повеселѣе и позабавнѣе... Жена и одинъ изъ сватовъ его удерживаютъ и стараются оттереть къ сторонкѣ.

Среди этой пестрой и живой сцены, превосходно написанной, на темномъ фонѣ массивныхъ фигуръ, наряженныхъ въ тяжелыя, дорогія одежды, выдѣляются ярко облитыя свѣтомъ прелестныя по своей наивности фигуры жениха и невѣсты: онъ—мальчикъ лѣтъ шестнадцати; она—еще моложе его. *Онъ* старается выказать себя смѣлымъ и бодрымъ, хотя видимо смущенъ всѣмъ, что около него происходитъ; *она* — потупила взоры и не рѣшается поднять ихъ даже на родныхъ ей людей... Эта прелестная группа такъ ловко поставлена художникомъ въ центрѣ его картины, что сама бросается въ глаза зрителю и ярко выдѣляется—и остается въ памяти каждаго зрителя, несмотря на всю роскошь окружающихъ лицъ, одеждъ, бытовыхъ подробностей и мелочей.

Закладка перваго въ Россіи пироксилиноваго завода (19 іюля 1890 г.).

Съ фотографіи А. Левоина, фотогравюра Демчинскаго.

Каждому посѣщающему въ Москвѣ галлерею Третьякова, совѣтуемъ остановиться передъ произведеніемъ Лебедева и полюбоваться этою правдивою и прекрасною картиною изъ древне-русской жизни.

За грибами. (Рис. на стр. 929).

Молодой художникъ Алексѣй Александровичъ Писемскій хорошо извѣстенъ всѣмъ посѣтителямъ художественныхъ выставокъ, какъ талантливый, наблюдательный пейзажистъ. Его работы масляными красками оцѣнены по достоинству. Картина „Въ паркѣ" нынѣ составляетъ собственность Государыни Императрицы, а два холста „Весна" и „Обрывъ" пріобрѣтены Академіей Художествъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его рисунки, исполняемые перомъ и водяными красками, высоко цѣнятся любителями. Какъ образчикъ изящной и тонкой манеры художника, мы помѣщаемъ гравюру съ его акварели „За грибами", на которой изображена миловидная крестьянка, съ двумя лукошками, полными грибовъ, выходящая изъ лѣсу на полянку, поросшую цвѣтами.

Ледники на Юнгфрау. (Рис. на стр. 932 и 933).

Среди безчисленныхъ красотъ Швейцаріи не послѣднее мѣсто занимаетъ Юнгфрау, пирамидальная вершина среди Бернскихъ альповъ. Окруженная ледниками, съ блестящею бѣлою верхушкою, Юнгфрау круто обрывается къ сѣверу въ узкую долину, къ востоку и юго-востоку гора отлого спускается къ морю льдовъ среди Бернскихъ альповъ, а сѣверо-западная часть подножія покоится въ долинѣ Лаутербруннена. Величественное впечатлѣніе, производимое горою, достигающей почти 4-хъ верстъ надъ уровнемъ моря, увеличивается по сосѣдству лежащими двумя вершинами: Зильбергорнъ и Шнегорнъ. Самый красивый видъ на гору съ сѣвера. Юнгфрау была изслѣдована ранѣе другихъ альпійскихъ вершинъ; уже 22 іюля 1811 г. братья Мейеръ изъ Аарау совершили первое восхожденіе на ея вершину. Нынѣ подъемъ совершается обыкновенно отъ гостинницы „Юнгфрау" у Эггисгорне. Онъ скорѣе утомителенъ, чѣмъ опасенъ: только послѣдняя часть пути очень затруднительна, когда приходится подниматься по гладкимъ ледянымъ откосамъ, подъ уклономъ въ 60—70 градусовъ.

Закладка перваго въ Россіи пироксилиноваго завода. (Рис. на стр. 937).

Охтенскій пороховой заводъ учрежденъ въ царствованіе Петра Великаго (въ 1715 году), при генералѣ-фельдцейхмейстерѣ Яковѣ Вилимовичѣ Брюсѣ. 19 іюля 1890 года, въ день 175-лѣтія завода, состоялась закладка зданій вновь устраиваемыхъ заводовъ: пироксилиноваго и для приготовленія бездымнаго ружейнаго пороха. Постройка этихъ заводовъ производится хозяйственнымъ способомъ особою хозяйственно-строительною коммисіею, въ предсѣдательствѣ начальника завода, генералъ-маіора Студзинскаго; зданія проектированы военнымъ инженеромъ подполковникомъ Вишняковымъ, подъ наблюденіемъ котораго и ведутся самыя работы. Новый пороховой заводъ расположенъ по правую сторону р. Охты въ районѣ нынѣшняго пороховаго городка; пироксилиновый же заводъ — по лѣвую сторону рѣки, напротивъ новаго пороховаго завода.

Въ 11 часовъ утра на мѣстѣ пироксилиноваго завода совершено было молебствіе, причемъ присутствовали: инспекторъ оружейныхъ и патронныхъ заводовъ генералъ-лейтенантъ Бестужевъ-Рюминъ, инспекторъ пороховыхъ заводовъ генералъ-маіоръ Каминскій, всѣ служащіе на заводѣ, а также другія приглашенныя лица и рабочіе, строящіе новые заводы. Первый камень въ основаніе завода былъ положенъ старшимъ изъ присутствующихъ, генералъ-лейтенантомъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Затѣмъ духовная процессія направилась въ пороховой городокъ, гдѣ была произведена въ присутствіи тѣхъ-же лицъ закладка зданій завода для бездымнаго пороха.

По окончаніи закладки рабочимъ было устроено угощеніе на мѣстѣ пироксилиноваго завода, а всѣмъ приглашеннымъ лицамъ былъ предложенъ завтракъ въ военномъ собраніи завода.

Наводненіе въ Прагѣ. (Рис. на стр. 940 и 941).

Вскорѣ за наводненіемъ въ Петербургѣ 17 августа, бѣдствіе это разразилось и въ другихъ мѣстахъ Европы. Вслѣдствіе сильныхъ дождей въ Швейцаріи, 20 августа Боденское озеро отъ Брегенца до Романсгорна вышло изъ береговъ и затопило желѣзныя дороги. Суда причаливали къ берегу не иначе, какъ подвергаясь большимъ опасностямъ. Населеніе Рейнской долины устремилось со скотомъ въ горы.

Въ Саксоніи разливъ рѣки Эльбы не мало причинилъ хлопотъ, въ особенности въ Дрезденѣ, гдѣ уровень рѣки поднялся такъ высоко, что на многихъ улицахъ прекратилось движеніе экипажей и вагоновъ конно-желѣзной дороги. Вода проникла и въ помѣщеніе дворца.

По болѣе всѣхъ помянутыхъ областей пострадала отъ наводненія Чехія. Въ Прагѣ разливъ рѣки Молдавы произвелъ большія опустошенія. Въ затопленныхъ городскихъ частяхъ обыватели искали спасенія на крышахъ и страдали отъ голода, такъ какъ, вслѣдствіе недостатка въ лодкахъ, невозможна была доставка съѣстныхъ припасовъ. 23 августа утромъ вода свалила въ городѣ три столба пятисотлѣтняго моста на Молдавѣ, носящаго названіе Karlsbrücke, причемъ погибло много людей. Въ наиболѣе опасныхъ пунктахъ дѣломъ подаянія помощи заняты были піонеры; одна изъ лодокъ опрокинулась и 20 піонеровъ утонули. Почти всѣ типографіи газетъ были затоплены: набережная у Національнаго театра начала осыпаться, вслѣдствіе чего театру угрожала величайшая опасность. Окрестности Праги большею частью также были покрыты водой. Людей утонуло много, и повсюду населеніе было объято паникой.

Только 25 августа опасность миновала и вода спала; почтовое и желѣзнодорожное сообщенія возстановлены были на другой день.

Во всей Австро-Венгерской имперіи устроенъ сборъ пожертвованій въ пользу потерпѣвшихъ отъ бѣдствія. Прежде всѣхъ императоръ Австрійскій пожертвовалъ для раздачи въ пособіе пострадавшимъ въ Прагѣ 10,000, а въ Будвейсѣ 3,000 гульденовъ.

Политическое обозрѣніе.

Больше мѣсяца прошло со времени нарвскаго свиданія, а газеты до сихъ поръ продолжаютъ толковать объ его значеніи. Интересны въ этомъ отношеніи статьи, появившіяся въ *Preussische Jahrbücher* и въ лондонской *Economist*. Первая изъ этихъ газетъ въ очень рѣзкой формѣ нападаетъ на Россію и считаетъ дерзкими дѣйствія ея правительства, пригласившаго императора Вильгельма на маневры, которые де были не болѣе какъ ничего незначущею военною комедіей, а серьезные маневры производились впослѣдствіи, съ большою таинственностью. Эта бестактная выходка нашла надлежащую и энергичную отповѣдь даже среди многихъ германскихъ газетъ, причемъ оффиціальный органъ германскаго военнаго министерства, *Militär Wochenblatt*, вполнѣ безпристрастно и съ большимъ знаніемъ дѣла, разъясняетъ серьезное значеніе нарвскихъ маневровъ.

Статья лондонской *Economist* интересна въ томъ отношеніи, что въ ней стараются выяснить, почему поѣздка Германскаго императора въ Россію можетъ остаться безъ особыхъ послѣдствій. „Обстоятельства такъ сложились — пишетъ газета — что ключъ къ войнѣ и миру находится въ рукахъ Русскаго Царя. Онъ единственный властелинъ въ Европѣ, который можетъ начать войну: и въ Россіи все, повидимому, почти готово для войны: войска, пододвинутыя къ границамъ, ждутъ лишь сигнала къ оборонѣ или къ наступленію, запасы провіанта и боевыхъ припасовъ тамъ громадны, финансы Россіи поправились, словомъ, положеніе дѣлъ таково, что Россія могла бы вести войну съ увѣренностью въ томъ, что непріятель ее не одолѣетъ. Только одно миролюбіе Русскаго Императора обезпечиваетъ миръ. Было нѣкоторое основаніе надѣяться, что если бы Германскій императоръ съумѣлъ подойти къ нѣкоторымъ вопросамъ надлежащимъ образомъ, то при искренности и глубинѣ этого миролюбія міру могли бы быть явлены нѣкоторыя видимыя доказательства желанія сохранить миръ, можетъ быть даже въ формѣ письменнаго договора на пять лѣтъ. Но заявленія въ этомъ направленіи Германскаго императора, обладающаго въ извѣстной степени смѣлой откровенностью, остались безъ послѣдствій, стяжавъ себѣ одобреніе и участіе лишь въ общихъ фразахъ". Лондонскій журналъ, по словамъ *Новаго Времени*, разбираетъ затѣмъ подробно причины сдержанности Россіи, и вынужденъ согласиться, что Россія иначе и не могла поступить: ей нѣтъ никакого расчета отказываться отъ настоящей выгодной роли рѣшителя судебъ Европы; нѣтъ основаній соглашаться на отводъ войскъ отъ границъ при томъ неравенствѣ въ условіяхъ ихъ передвиженія, какое существуетъ въ Россіи и Германіи; было бы несогласно съ ея достоинствомъ великой державы допускать посредничество въ ея отношеніяхъ къ Австріи, къ Болгаріи, къ Турціи.

По вмѣстѣ съ этимъ *Economist* не видитъ въ этой безрезультатности поѣздки Германскаго императора въ Россію какихъ-либо поводовъ къ тревогѣ. Едва-ли императоръ Вильгельмъ вывезъ запасъ воинственности изъ Нарвы; съ другой стороны, несомнѣнно въ выгодахъ Россіи слѣдовать безъ потрясеній по пути дальнѣйшаго улучшенія ея финансовъ, на который она теперь такъ прочно стала, и довести до конца начатое перевооруженіе арміи малокалиберными ружьями. Несомнѣнно, что опасенія за миръ не устранены, но они и не усилились, и этотъ вооруженный миръ — единственный, котораго можно добиться въ наши дни и которымъ Европа пользовалась въ теченіе четырехъ лѣтъ, истекшихъ съ 1886 г., — можетъ продлиться и сорокъ лѣтъ.

Насколько „вооруженъ миръ" стараются провѣрить маневрами и повсюду въ Европѣ заняты теперь ими. Въ однихъ государствахъ они только что окончились, въ другихъ еще продолжаются. Изъ Англіи, Австро-Венгріи, Франціи и Германіи получаются извѣстія объ успѣшности маневровъ, съ подробностями самаго хода ихъ и указаніями на полезность для войскъ и всѣхъ отраслей военной администраціи такихъ повѣрокъ, подходящихъ, по возможности, къ условіямъ военнаго времени. Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ на маневрахъ въ Западной Европѣ обращаетъ вниманіе выраженіе сочувствія къ Россіи, имѣвшее мѣсто въ Фонзонѣ, во Франціи, на банкетѣ, который давалъ генералъ Ферронъ генералу Галиффе, генераламъ и штабъ-офицерамъ 18-го армейскаго корпуса и иностраннымъ офицерамъ. Здѣсь генералъ Галиффе, отвѣчая на тостъ Феррона, сказалъ, что французскій народъ слишкомъ благоразуменъ для того, чтобы желать войны, и что онъ можетъ смотрѣть на свою будущность съ полнымъ довѣріемъ. Затѣмъ Ферронъ провозгласилъ тостъ въ честь капитана русской службы Кабалова и великую доблестную русскую армію. При этомъ Ферронъ сказалъ: „Нѣкоторыми словами злоупотребляютъ, напримѣръ, словомъ *коалиція*. Русскій народъ можетъ слышать это слово не волнуясь, потому что въ своей неподражаемой арміи онъ обладаетъ средствомъ разстраивать коалиціи, и еслибъ для этого одной кампаніи оказалось недостаточно, онъ не колебался-бы совершить ихъ нѣсколько и вышелъ-бы побѣдоноснымъ изъ борьбы. Подымемъ-же бокалы за здоровье братской арміи — русской арміи". Капитанъ Кабаловъ отвѣчалъ выраженіемъ добрыхъ чувствъ русской арміи къ французской арміи и разбилъ бокалъ.

Въ то время, какъ почти вездѣ въ Европѣ занимались мирно военными дѣйствіями, въ Швейцаріи, „миролюбивой Швейцаріи", какою она представляется, произошли событія вполнѣ воинственнаго свойства. Въ одномъ изъ 22 кантоновъ федеративной республики, именно въ Тессинскомъ, кантональное управленіе находится уже 17 лѣтъ въ рукахъ ультрамонтанской консервативной партіи. Противники мѣстнаго правительства, кстати сказать, управляющаго небезупречно, уже неоднократно открыто возставали противъ него, но каждый разъ были усмиряемы. На-дняхъ телеграфъ снова принесъ извѣстіе, что въ Беллинцонѣ произошло возстаніе либераловъ противъ кантональнаго правительства. Либералы заняли арсеналъ и правительственный дворецъ и арестовали трехъ правительственныхъ совѣтниковъ, причемъ совѣтникъ Росси былъ убитъ во время свалки выстрѣломъ изъ револьвера. Инсургенты учредили временное правительство. Либералы городовъ Тессинскаго кантона присоединились къ движенію.

Но „революція", какъ называетъ движеніе одна изъ депешъ *Агентства Гаваса*, продолжалась не долго. 31 августа, на другой день возстанія, Союзный Совѣтъ всѣхъ кантоновъ предписалъ чрезвычайному коммисару въ Тессинскомъ кантонѣ распустить временное правительство, освободить арестованныхъ кантональныхъ чиновниковъ и возстановить порядокъ. 1 сентября, союзный коммисаръ издалъ прокламацію, послѣ чего призванныя для возстановленія порядка войска были приведены къ присягѣ. Въ тотъ-же день, вечеромъ, временное правительство распалось, и извѣстія изъ Тессинскаго кантона становятся болѣе успокоительными.

Новое изобрѣтеніе.

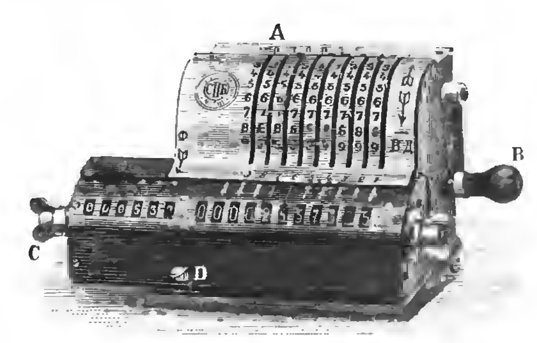
Ариѳмометръ системы В. Т. Однера.

Счетная машинка, такъ называемый ариѳмометръ, системы В. Т. Однера, является самымъ замѣчательнымъ изъ снарядовъ, при помощи которыхъ можно производить и въ то же время контролировать всевозможныя ариѳметическія вычисленія.

По простотѣ и цѣлесообразности устройства, какъ и по дешевизнѣ, приборъ Однера далеко превосходитъ всѣ до сихъ поръ изобрѣтенные и для той же цѣли предназначенные приборы. Благодаря 15-ти-лѣтнему труду, изобрѣтателю удалось такъ усовершенствовать этотъ приборъ, что въ настоящемъ его видѣ онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Помѣщаемый ниже рисунокъ изображаетъ ариѳмометръ въ ½ его натуральной величины. Въ прорѣзахъ на верхнемъ кожухѣ машинки находятся спицы A, посредствомъ передвиженія которыхъ можно установить любое число. Для облегченія постановки чиселъ прорѣзи справа налѣво нумерованы, такъ что первая прорѣзь справа предназначена для единицъ, слѣдующая, вторая, для десятковъ и т. д. Нижній ящикъ содержитъ двѣ системы отверстій: въ большихъ отверстіяхъ появляются, при вращеніи рукоятки B, установленныя спицами на крышкѣ числа или, точнѣе, сумма или разность послѣдняго и до вращенія находившагося числа въ отверстіяхъ. Цифры въ маленькихъ отверстіяхъ показываютъ число поворотовъ рукоятки B въ обоихъ направленіяхъ (стрѣлка + и стрѣлка −). При вертикальномъ положеніи рукоятки, въ которомъ она удерживается пружиною, спицы A, находящіяся въ первоначальномъ положеніи, обозначаютъ нуль. Ящикъ съ отверстіями для чиселъ можно передвигать и слѣдуетъ тогда освободить его, нажимая на кнопку D, служащую защелкою. Степень этого передвиженія обозначается точками, находящимися надъ отверстіями, а именно, если одна изъ точекъ находится подъ стрѣлой съ лѣвой стороны, защелка впадаетъ въ прорѣзи и удерживаетъ ящикъ. Удаленіе чиселъ въ большихъ отверстіяхъ ящика производится посредствомъ вращенія правой и въ маленькихъ лѣвой ласточки C.

Слѣдовательно, манипуляціи съ ариѳмометромъ при вычисленіяхъ сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: установка чиселъ на крышкѣ, вращеніе рукоятки, передвиженіе ящика и вращеніе ласточекъ. Съ помощью этихъ операцій можно рѣшать всевозможныя ариѳметическія задачи.



Производство ариѳмометровъ исключительно у изобрѣтателя В. Т. Однера, въ С.-Петербургѣ, Рижскій проспектъ, № 26, гдѣ находится специальный для этой цѣли заводъ съ новѣйшими и усовершенствованными машинами, и только вслѣдствіе такого специальнаго производства изобрѣтателю удалось назначить столь низкія цѣны, а именно:

для произведеній до 9999999999 и для частныхъ до 999999 } = 75 р.
для произведеній до 999999999999 и для частныхъ до 9999999 } = 100 р.

Изобрѣтатель вполнѣ гарантируетъ долголѣтнее исправное дѣйствіе аппарата.

Брошюры съ объясненіемъ практическаго употребленія машинки высылаются заводомъ по востребованію безплатно.

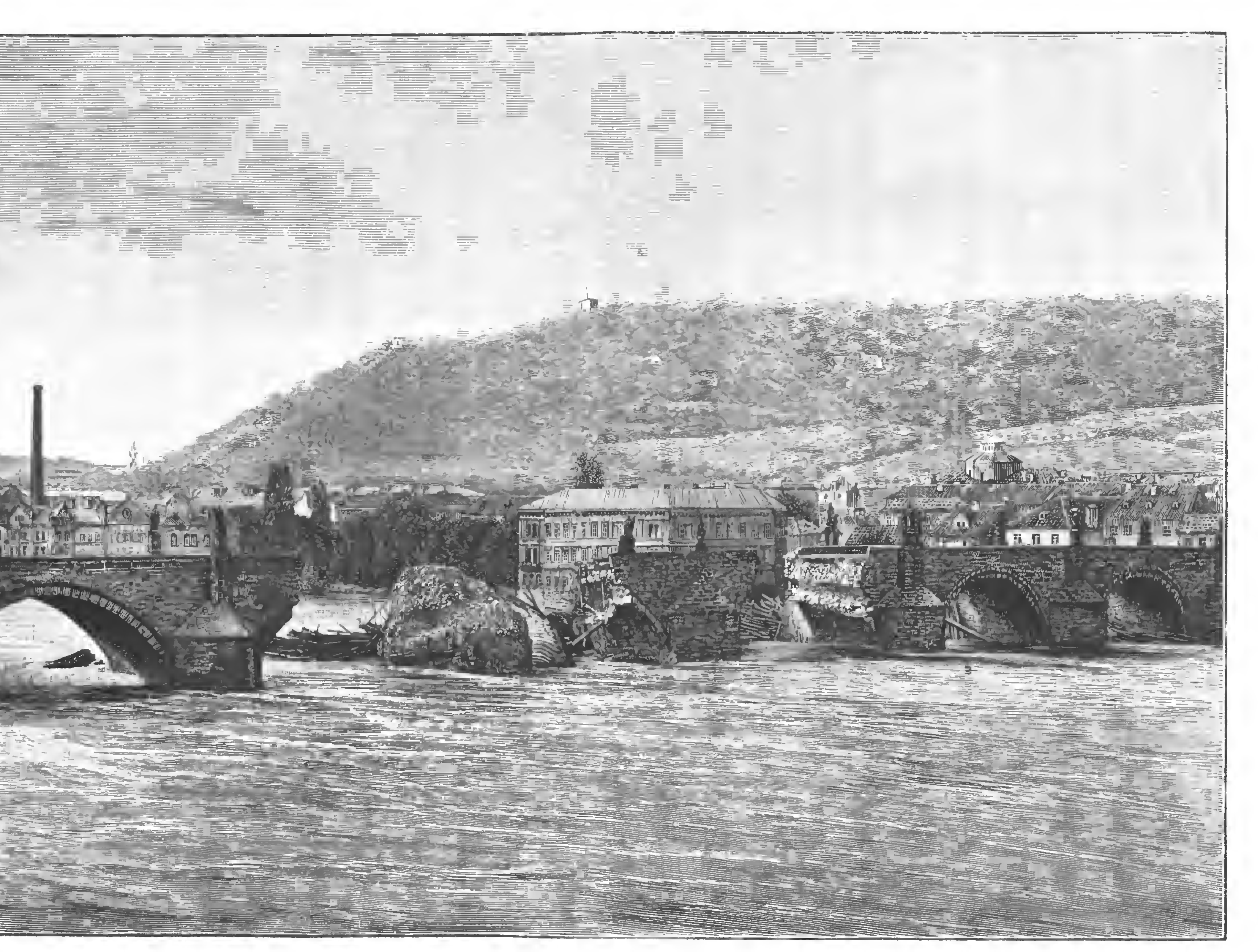
Розничная продажа прибора производится въ С.-Петербургѣ, въ оптическомъ магазинѣ О. Рихтера, Невскій проспектъ, № 1, и у К. Шпица, Фонтанка, № 52, какъ и у самого изобрѣтателя.

Смѣсь.

Причины выпаденія волосъ. Выпаденіе волосъ до послѣдняго времени почти совершенно игнорировалось медициною, что можно оправдать лишь тѣмъ, что у этой науки слишкомъ много важныхъ, насущныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ благосостояніе и жизнь многихъ людей. Но въ виду того, что волосы, какъ и всякая часть нашего тѣла, нуждаются въ раціональномъ уходѣ (это можно узнать лишь тщательно изучивъ условія ихъ произрастанія) и подвержены болѣзнямъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ выпаденіе, — медицина рано или поздно должна была обратить на это вниманіе.

Въ послѣднее время занялись и этимъ вопросомъ, причемъ первый рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ берлинскимъ докторомъ Лассаромъ. Оказалось при этомъ, что чужеядные организмы, какъ и въ огромномъ числѣ другихъ болѣзней, являются также причиною выпаденія волосъ. Впрочемъ уже 60 лѣтъ тому назадъ извѣстный врачъ Шёнлейнъ указалъ, что образованіе на головѣ желтоватой корки, сквозь которую проходитъ отмершій волосъ, зависитъ отъ появленія особаго растительнаго организма, который выполняетъ своими тонкими нитями весь корешокъ волоса, причемъ было установлено, что эта болѣзнь легко можетъ передаваться отъ одного лица другому.

Къ главнѣйшимъ врагамъ волосъ слѣдуетъ отнести перхотный лишай. Исторія открытія этихъ организмовъ слѣдующая. Два молодыхъ человѣка, прекраснаго здоровья, вдругъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ начали терять такую массу волосъ, что являлась непріятная перспектива преждевременнаго облысѣнія. Каждый разъ какъ они чесались, на гребнѣ волосы оставались дюжинами, причемъ сами волосы не имѣли своего обычнаго блеска, были хрупки и покрыты въ большомъ количествѣ чрезвычайно мелкою перхотью, покрывавшею ихъ въ видѣ чешуекъ. Чтобы опредѣлить характеръ болѣзни, докторъ Лассаръ втиралъ собранные въ теченіе недѣли волосы съ смѣсью вазелиновой помады или небольшаго количества



Наводненіе въ Прагѣ. Разрушенный наводненіемъ Карловъ мостъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

масла въ шкурку живыхъ кроликовъ, морскихъ свинокъ и бѣлыхъ мышей. Ради контроля такое же количество этихъ же животныхъ было помазано вазелиновою помадою и масломъ, не содержавшими больныхъ волосъ. Результаты этого крайне простаго опыта получились поразительные. Контрольныя животныя не показывали никакихъ измѣненій, шкурки же остальныхъ оказались покрытыми пятнами лишенной волосъ ихъ кожи. Причемъ вокругъ пораженныхъ мѣстъ появилась весьма рѣзко выраженная перхоть.

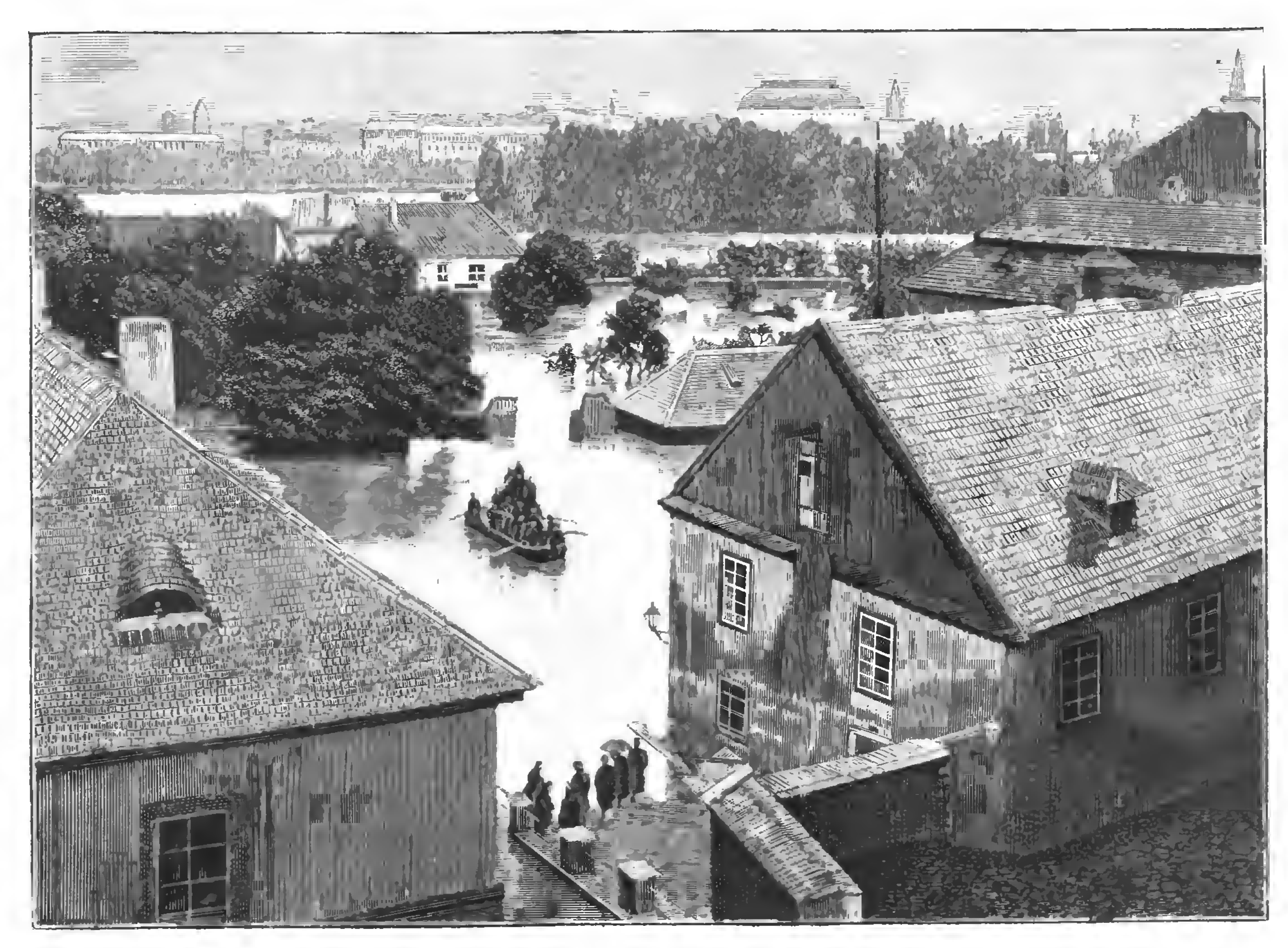
Перенесеніе зараженныхъ волосъ съ этихъ животныхъ на другихъ показало, что дѣйствіе болѣзни при этомъ сильно возрастаетъ.

Послѣ того какъ эти опыты были провѣрены очень многими врачами, было установлено, что причиною выпаденія волосъ нужно несомнѣнно считать появленіе паразита, именно перхотнаго лишая.

Еще врагомъ волосъ является такъ-называемый „стригущій лишай“, слѣды присутствія котораго обнаруживаются въ видѣ округлыхъ все увеличивающихся пятенъ. Этотъ паразитный организмъ проникаетъ къ корню волоса, пускаетъ свои отростки въ луковицу, потомъ и во внутренній каналъ волоса, вслѣдствіе чего послѣдній отмираетъ, теряетъ свою эластичность и ломается при малѣйшемъ прикосновеніи на пораженныхъ мѣстахъ остаются лишь нижнія части волосъ, верхняя часть какъ бы острижена, отчего и произошло названіе паразита.

Разъ сдѣлалась извѣстна причина выпаденія волосъ, уберечься отъ всѣхъ этихъ вредоносныхъ организмовъ становится дѣломъ сравнительно нетруднымъ. Чтобы не заразиться ими, слѣдуетъ только тщательно оберегаться и не допускать до своихъ волосъ ничего прикасавшагося къ чужимъ волосамъ. Главную опасность поэтому представляютъ парикмахеры со своими гребенками и вообще чужія гребенки. Если же зараженіе произошло, и одинъ изъ вышеописанныхъ организмовъ поселился въ волосахъ, то слѣдуетъ не обращаться къ громко рекламируемымъ средствамъ для ращенія и сохраненія волосъ, а попросту втирать въ кожу головы вещества, убивающія паразитные организмы, какъ-то: карболъ, нафтолъ и сублиматъ; подъ конецъ можетъ служить дегтярное мыло, салицилъ и др.

Было бы впрочемъ напраслиною валить всю вину выпаденія нашихъ волосъ на грибковъ. Во многихъ случаяхъ ихъ нѣтъ, а волосы все-таки выпадаютъ. Причина этого сдѣлается ясною, если мы обратимъ вниманіе на то, что волосы для своего роста требуютъ сравнительно много пищи, которая доставляется имъ многочисленными кровеносными сосудами, окружающими луковицу каждаго волоса. Если по какимъ либо причинамъ питаніе временно или на продолжительное время притекаетъ въ недостаточномъ количествѣ, послѣдній голодаетъ или даже умираетъ отъ голодной смерти. Если мы далѣе взвѣсимъ, что главную заботу о своемъ сохраненіи и процвѣтаніи вызываютъ волосы головы, т. е. части тѣла, внутри которой находится такой отзывчивый и впечатлительный ко всѣмъ жизненнымъ явленіямъ органъ, какъ головной мозгъ, также весьма богатый кровеносными сосудами, то легко поймемъ, что всякая причина, заставляющая кровь усиленно притекать къ головному мозгу, влечетъ за собою недостаточный притокъ ея къ наружной кожѣ, питающей волосы. Поэтому уже давно замѣчено, что умственная работа вредно отзывается на волосахъ и зубахъ. Изъ исторіи извѣстно, что Цезарь при появленіи своемъ въ римскій сенатъ вынужденъ былъ прикрывать недостатокъ своихъ волосъ лавровымъ вѣнкомъ. Вообще примѣры этого столь многочисленны, что распространяться объ этомъ нѣтъ надобности. Но конечно по недостатку волосъ еще нельзя судить объ усиленной умственной работѣ, такъ какъ существуетъ еще много причинъ, приводящихъ къ тѣмъ же результатамъ, и главное мѣсто между ними занимаетъ головная боль.



Наводненіе въ Прагѣ. Видъ двора въ „Цейхгаузѣ“ во время наводненія. Съ фотогр. грав. Шюблерь.

Потребовались бы цѣлые томы, чтобы описать всѣ роды головныхъ болей, которыми нынѣшнее человѣчество страдаетъ особенно сильно. Чаще появляется она въ видѣ спутника и предвѣстника какого-нибудь другаго разстройства, такъ напр. бываетъ при воспаленіи мозга, послѣ легкаго гриппа, при разстройствѣ желудка. Вообще она сопровождаетъ чуть-ли не всякую болѣзнь, особенно если послѣдняя лихорадочнаго характера. Особенно страшною и мучительною она бываетъ при разстройствѣ нервовъ, что въ нашъ „нервный вѣкъ“, къ сожалѣнію, не рѣдкость. (ш.)

Мармоны, какъ оказывается, существуютъ и въ Швейцаріи уже около двадцати лѣтъ. Мармонская община въ Бернѣ устроила нѣсколько воскресныхъ школъ и старается совращать въ мармонство дѣтей, отправляемыхъ потомъ въ Утахъ. Община состоитъ изъ шести семисотъ членовъ и имѣетъ своего епископа. (в.)

Чтобы представить на сценѣ хлопьями падающій снѣгъ, вмѣсто бумаги и т. п. въ парижскихъ театрахъ употребляютъ мелконзрѣзанные куски бѣлой козлиной кожи, такъ какъ они падаютъ медленнѣе и при этомъ прицѣпляются къ платью актеровъ, такъ что получается впечатлѣніе настоящаго снѣга. (ш.)

У береговъ Тихаго океана деревья почти совершенно безъ сучьевъ, поэтому самыя лучшія доски получаются изъ Калифорніи, такъ какъ тамъ онѣ достигаютъ наибольшей длины и однородности. Въ этой мѣстности нерѣдко можно найти доски (словыя) въ 80 ф. длиною и 3 ф. шириною, совершенно безъ всякихъ изъяновъ. (ш.)

Самоубійство китаянки. По словамъ китайскихъ газетъ, въ одной деревушкѣ, близъ г. Фучьу, лишила себя недавно жизни молодая женщина. Въ февралѣ нынѣшняго года умеръ отъ проказы ея мужъ и, не имѣя ни дѣтей, ни близкихъ родственниковъ, которые бы могли оказать ей поддержку, 24-хъ-лѣтняя вдова предпочла смерть предстоящей ей жизни. Когда окружающіе узнали объ ея намѣреніи, ей прислали множество приглашеній на обѣды, которыя она и приняла. Отобѣдавъ въ послѣдній разъ у знакомыхъ 3 іюля, она радостно вступила на помостъ, нарочно для этого случая устроенный. Деревенскіе старѣйшины, присутствовавшіе въ полномъ сборѣ, воздавали ей божескія почести, трижды преклоняя колѣна. Наконецъ, раздался, въ видѣ сигнала, ружейный выстрѣлъ, и молодая женщина повѣсилась на глазахъ у всѣхъ... Тѣло ея было положено въ заранѣе приготовленный гробъ. По словамъ газетъ, мѣстный губернаторъ подалъ на имя императора прошеніе о пожалованіи самоубійцѣ почетной плиты. (с.)

Обыкновенно думаютъ, что у крота глазъ нѣтъ, а потому онъ ничего видѣть не можетъ; между тѣмъ читавшимъ естественную исторію этого животнаго извѣстно, что глаза у него есть, но скрыты подъ его густою шерстью и находятся на низкой степени развитія. Послѣднія микроскопическія изслѣдованія глаза крота Карломъ Гессомъ обнаружили, что органъ зрѣнія этого животнаго не только способенъ выполнять свои обязанности, но даже не страдаетъ близорукостью, какъ это думали раньше на основаніи изслѣдованія Кади. Глазъ, несмотря на свои небольшіе размѣры (по оси 1 мм. длины и 0,9 мм. толщины по экватору), обладаетъ всѣми необходимыми составными частями нормальнаго органа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отличается своею свѣтопреломляющею способностью отъ другихъ нормальныхъ глазъ и вообще такъ же хорошо видитъ, какъ всякій любой глазъ. Считали крота близорукимъ потому, что онъ по своему образу жизни вынужденъ былъ видѣть предметы лишь на близкомъ отъ себя разстояніи. Но это едва ли вѣрно, потому что сомнительно, чтобы кротъ могъ пользоваться зрѣніемъ подъ землею за отсутствіемъ тамъ свѣта; глаза же ему нужны, когда онъ выходитъ на поверхность ея, а въ особенности во время плаванія. Тогда волоса, служащіе для предохраненія глазъ отъ засоренія землею, раздвигаются, а глаза выступаютъ впередъ. А въ этомъ случаѣ ему необходимы, какъ и всякому другому млекопитающему, нормально устроенные глаза. (ш.)

Развалины театра временъ императора Тиверія найдены Шлиманомъ во время его обычныхъ раскопокъ. Театръ очевидно вмѣщалъ до 200 зрителей. Въ зрительномъ залѣ оказались двѣ мраморныя статуи, изображающія богинь. (в.)

Ребусъ. Задача № 56.

Рѣшеніе ребуса № 48 (помѣщеннаго въ № 32).

„Распутья бояться—такъ и въ путь не ходить“.

Рѣшеніе ребуса № 44 (помѣщеннаго въ № 30).

„Легко найти счастье. а потерять и того легче“.

Рѣшеніе анаграммы № 47 (помѣщенной въ № 32).

полк—клоп.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

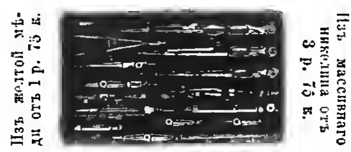
Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ГОТОВАЛЬНИ

и отдѣльн. инструм. для рисованія.

Изъ желтой мѣди отъ 1 р. 75 к.



Изъ массивнаго никелина отъ 3 р. 75 к.

Концы нашихъ циркулей округлены и не портятъ бумагу. Всѣ наши готовальни провѣрены и приготовл. къ немедл. употреблен.

Е. КРАУСЪ и Комп.

Парижъ, Avenue de la Républ., 4.
Складъ для Россіи:
въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 42.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптическ. прибор. высылается безплатно. № 4697 2—1

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.

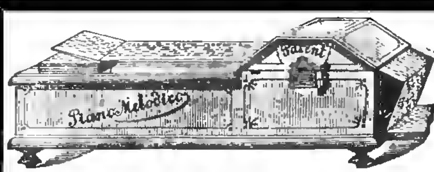
Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣноносилокъ, жнеекъ „Дези" и скоповязалокъ Мак' Кормика** въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли **Тигръ** завода Стодарда, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—8

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ—ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

№ 4642 ( )



ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы.

Цѣна безъ нотъ **80** руб. Ноты по **75** к. за метръ (=1½ арш.).

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. —Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

Поступило въ продажу въ конторѣ журнала **„Нива"** (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **О. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ".

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ **трехъ большихъ томовъ**, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ **2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди.**

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ **предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками**

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ: представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, пріемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства: порядокъ эксплоатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій къ лѣсу; соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи **1-го** тома вносится **4 р.,** до выхода **2-го** тома **8 р.,** а до выхода **3-го** тома **2 р.,** а всего **14 руб.**

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ.

За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ" будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

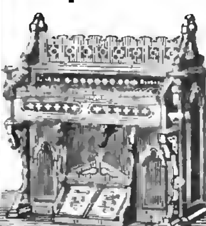
☛ **По выходѣ всего** сочиненія цѣна будетъ **значительно возвышена.** ☚

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала **„Нива"** (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и пожелающія пріобрѣсти слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 2 р.

ЦѢНЫ ФИСГАРМОНІЯМЪ УДЕШЕВЛЕНЫ!



АМЕРИКАНСКІЯ стоятъ теперь: 100, 140, 160, 190, 250, 300, 400, 500, 600, 800 и 1200 р. ФРАНЦУЗСКІЯ 100, 130, 160, 190, 275 и 450 р.

ФИСГАРМОНІЯ

одинъ изъ самыхъ лучшихъ и благодарныхъ инструментовъ, незамѣнимый по своему мягкому и пріятному тону. Выучиться играть на немъ можно очень скоро; кто мало-мальски играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не представляетъ никакой трудности. Фисгармонія также очень практична по своей простой конструкціи и потому, что она не разстраивается, какъ фортепіано. № 4692

Подробн. иллюстрир. прейсъ-курантъ всѣмъ инструмент. высыл. безплатно.
Большой выборъ нотъ для фисгармоній

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина

CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Dépôt général: ETOLL & SCHMIDT, à Saint-Pétersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у **І. Голлендеръ**, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (27) № 4366

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушаки „ГРАЦІЯ" изъ позолоченой проволоки съ масевиц, позолоченымъ замочкомъ, протканные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. **Кушаки прозрачные очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.**

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи

у ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,
СПБ., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

ПІАНИНО

новыя, американской конструкціи, съ сильнымъ, полнымъ тономъ, съ роскошной отдѣлкой и модераторомъ, по 350 р., 375 р., 425 р. и 500 р., подержанныя въ разную цѣну.

РОЯЛИ кабинетные, американской конструкціи, въ 500 р., подержанные по разной цѣнѣ.

ФОРТЕПІАНО заново отдѣланныя, съ металлической доской въ 100 р., 120 и 130 р., продаются въ С.-Петербургѣ: по Кирочной улицѣ, д. № 24, близь Воскресенскаго пр., въ фортепіанной фабрикѣ

В. РЕЙНГАРДЪ.

Принимаются также въ починку и передѣлку рояли и піанино. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. № 4699

ФОТОГРАФІЯ

продается со всѣми принадлежностями, въ центрѣ города. Письменно: Литейный просп. д. 25, кв. 35, А. М. № 4693

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

ЮЛІЯ ФЛОРАНА

основанъ въ 1849 году.
16, Большая Морская, 16,
С.-Петербургъ. Pt. № 4689

Спеціальность мужскаго и дамскаго бѣлья и принадлежностей туалета.

ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ
для невѣстъ и новорожденныхъ.

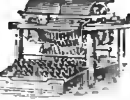
ОТДѢЛЪ ЧУЛОЧНАГО ИЗДѢЛІЯ:

		р.	к.	
Носки бумажные суровые	отъ	2	—	за дюж.
Носки бум. одноцвѣтные	„	5	—	„
Носки бум. сур. и цвѣтн. полосатые	„	6	—	„
Носки фильдекос. суров.	„	7	—	„
Носки фильдекосовые суровые и цвѣтн. полосат.	„	8	—	„
Носки фильдек. одноцв.	„	9	—	„
Носки шелковые одноцвѣтные и фантази.				
Чулки бумажн. суровые	отъ	8	—	за дюж.
Чулки бум. одноцвѣтные	„	—	70	за пару
Чулки бум. суров. и цвѣтные полос.	„	—	75	„
Чулки фильдекос. одноцв.	„	1	10	„
Чулки фильдек. одноцв. extra.	„	1	25	„
Чулки полушелковые	„	2	50	„
Чулки шелковые одноцвѣтные и фантази.	„	4	—	„

Прейсъ-курантъ высылается безплатно.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

Дозвол. цензур., СПБ., 12 сентября 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. | г. XXI

№ 38 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 22 сентября 1890 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Пѣсня голода. Съ картины Юлія Адама, грав. Брендамуръ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. (Продолженіе).

Фонари тускло мигали на пустынныхъ улицахъ. Къ ночи подымался вѣтеръ и гналъ по мостовой клубы пыли и сору. Приходилось невольно жмуриться и плотнѣе кутаться въ шинель. Боголюбъ Боголюбовичъ шелъ впередъ, самъ не зная куда. Ему казалось во всякомъ случаѣ неблагоразумнымъ долѣе оставаться въ Рязани. Онъ пріищетъ продавциковъ имѣній—въ этой губерніи ихъ масса — и мѣсяца два убьетъ переѣзжая изъ одного въ другое и какъ будто выбирая подходящее. Въ города онъ будетъ показываться возможно рѣже, въ уѣздахъ—его никто не зналъ и никогда не видѣлъ, и разумѣется въ преображенномъ графѣ Гродзинскомъ никто не угадаетъ бѣжавшаго изъ Москвы Боголюбъ Боголюбовича. А не сойдется съ продавциками здѣсь, проѣдетъ въ сосѣднюю губернію—и такъ дальше и дальше, пока случайно не приблизится къ границѣ гдѣ ужь его перестанутъ ждать. Онъ зналъ что наши сыщики бдительны на первыхъ порахъ—и ихъ, слишкомъ безпокойныхъ и впечатлительныхъ, надо брать изморомъ. У нихъ, какъ у самого Курца въ Москвѣ, не хватило бы терпѣнія выжидать и выслѣживать. Во всякомъ случаѣ во время этихъ странствованій по Россіи, по возможности внѣ желѣзныхъ дорогъ— онъ будетъ себя чувствовать отлично. На его возмущенную душу и взбудораженную мысль тишина этого города, безлюдье его улицъ, потемки площадей—дѣйствовали прекрасно. Чувство безопасности охватывало его одуряющею нѣгой.

Ему такъ свѣтло и хорошо стало вдругъ, что онъ, не знавшій никогда нравственныхъ мученій, не страдавшій душой отъ неправаго дѣла, захотѣлъ свѣта и жизни. Онъ подошелъ къ будочнику и спросилъ его:

— Послушай, любезный, я пріѣзжій, гдѣ у васъ тутъ клубъ?

— Клубъ—вонъ онъ, только сегодня тамъ никого нѣтъ. По средамъ никогда не бываетъ присутствія!..

— Ну а трактиръ, ресторанъ?

— Трактиры, рестораны? Для купцовъ у насъ есть точно... Грязные. Вашему благородію тамъ не понравится. Вонъ трактиръ...

Готлибъ Готлибовичъ сунулся было, но въ низкихъ комнатахъ стоялъ такой удушливый паръ, такъ скверно пахло и такой смутный гулъ сотни голосовъ, пьяныхъ, крикливыхъ, стоялъ въ этомъ смрадѣ, что его сейчасъ же потянуло вонъ.

„Воображаю, что̀ теперь дѣлается въ Москвѣ!“ думалъ онъ опять шагая по темнымъ улицамъ. „Савва кипитъ и мечется. Вся полиція на ногахъ, квартиру перерыли, запечатали. Лакея, кухарку — вѣрно арестовали, допрашиваютъ. А Плюсъ-то, Плюсъ! — И онъ вдругъ расхохотался.—Точно собаки потерявшія слѣдъ, бѣгаютъ они теперь съ Приходзько. Поздно, господа... поздно. Бѣгаютъ и ссорятся другъ съ другомъ. Да... плохо, плохо вамъ. Воображаю какъ они должны меня ненавидѣть!..“

И онъ вдругъ вздрогнулъ. Ему стало страшно когда онъ вспомнилъ острый взглядъ Исаака Яковлевича, и выраженіе смертельной ненависти, изрѣдка появлявшееся на его лицѣ, несмотря на все его умѣнье притворяться. Именно страшно. Боголюбъ Боголюбовичъ чувствовалъ что единственный человѣкъ который могъ бы его выслѣдить, который видѣлъ и понималъ его насквозь, былъ Плюсъ, именно Плюсъ.

„Ну, да на этотъ разъ Плюсъ—минусомъ оказался“, попробовалъ было пошутить Курцъ; однако, все-таки не могъ побѣдить охватывавшей его дрожи и съ опасеніемъ оглянулся назадъ, откуда слышались шаги. Онъ, подчиняясь инстинкту какого-то звѣринаго чувства паники, пріостановился, пропустилъ прохожаго мимо и повернувшись пошелъ назадъ.

Придя къ себѣ, онъ прислушался. Налѣво у сосѣда не было никого. Направо слышался въ комнатѣ у Рузанова громкій разговоръ. Говорили о пшеницѣ, о заготовкѣ ея въ Ельцѣ, объ элеваторахъ, о коммисіонерахъ.

„Должно быть купцы изъ Ельца!“ успокоился Готлибъ и, не зажигая свѣчи, заперъ двери и легъ въ постель.

Онъ съ наслажденіемъ вытянулся подъ одѣяломъ.

Только подъ вліяніемъ сильнаго, одуряющаго пріема морфія онъ заснулъ тяжелымъ сномъ. Ему порой чудилось что-то — онъ просыпался, приподымался, прислушивался къ окружающей его тишинѣ, прислушивался съ сильно бьющимся сердцемъ, со стучавшими въ вискахъ жилами, и успокаиваясь засыпалъ опять. Разъ ему почудилось что кто-то шевельнулся подъ его кроватью. Волосы Курца поднялись отъ ужаса. Онъ всталъ, нашелъ дрожавшими руками спички, зажегъ свѣчу, убѣдился съ нею, крѣпко-ли заперты замки въ дверяхъ, поднялъ сидѣнье дивана, наклонился подъ столъ, посмотрѣлъ за гардинами оконъ, отворилъ шкапы и снова ихъ заперъ и освѣтилъ все пространство подъ кроватью. Какъ и слѣдовало ожидать, никого и ничего подозрительнаго не было здѣсь. Онъ пощупалъ револьверъ подъ подушкою, заглянулъ въ гнѣздо его— заряженъ-ли, и улегся опять. Заснулъ онъ окончательно подъ утро и болѣе не просыпался.

Уже утромъ, когда солнце свѣтило въ комнату къ Боголюбу Боголюбовичу, онъ разомъ открылъ глаза и поднялся на постели. Что̀ это слышалось ему? Остатокъ-ли сна, или дѣйствительно? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ—стучатъ въ двери къ нему. Осторожно и тихо стучатъ. Что надо?.. Ему вдругъ стало чего-то страшно. Онъ набросилъ на себя халатъ и пошелъ къ дверямъ.

— Кто тамъ?

— Графъ!.. Ваше сіятельство спрашиваютъ. Просятъ разбудить.

— Кто спрашиваетъ?

— Продаютъ имѣніе. Господинъ скоро уѣзжаетъ, не остается въ Рязани—приказали вэбудить.

— Сейчасъ одѣнусь.

Успокоясь, Курцъ вымылся, посмотрѣлъ у окна въ зеркало, тщательно одѣлся, положилъ купленные у Ѳомина документы въ боковой карманъ и отворилъ двери—въ коридорѣ никого не было.

Онъ позвонилъ. Лакей живо показался въ дверяхъ.

— Попроси этого господина... Да дай мнѣ чаю.

— Слушаю-съ.

Черезъ нѣсколько секундъ въ двери опять постучались. Сдѣлавъ возможно болѣе любезное лицо, графъ Гродзинскій принялъ въ креслѣ небрежную позу и крикнулъ:

— Пожалуйте!

Въ отворившихся дверяхъ, веселый, счастливый и сіяющій, показался—Исаакъ Яковлевичъ Плюсъ.

Боголюбъ Боголюбовичъ вскочилъ и зашатался.

Плюсъ остановился, наслаждаясь его ужасомъ и растерянностью.

— Тѣнь Банко является къ Макбету! Вы читали Шекспира?

Затѣмъ Исаакъ Яковлевичъ крикнулъ въ коридоръ:

— Рузановъ съ Катцелемъ, вы поѣзжайте, вы мнѣ не нужны теперь! Прощайте! Только, смотрите, ни гу-гу!

И тщательно заперевъ за собою двери, подошелъ къ Курцу, хлопнулъ его по плечу, для чего Плюсу пришлось потянуться на цыпочкахъ, и засмѣялся опять.

— Однако, Боголюбъ Боголюбовичъ, вы шутникъ. Оставить не прощаясь нѣжно любящаго васъ Плюса. Да что̀ вы, почернѣвъ... онѣмѣли что-ли? А вамъ къ лицу быть брюнетомъ... Право къ лицу... Отличная краска... Не сообщите-ли вы мнѣ секрета?.. а?..

II.

Надо отдать справедливость Боголюбу Боголюбовичу—если онъ терялся, то не надолго. Плюсъ небрежно сѣлъ въ кресло, закинулъ ногу за ногу и нѣсколько минутъ наслаждался столбнякомъ своего врага, растерянно стоявшаго передъ нимъ.

— Очень, очень къ лицу!.. повторилъ опять Исаакъ Яковлевичъ.—Вамъ бы давно слѣдовало сдѣлаться брюнетомъ. Лицо гораздо выразительнѣе...

— Довольно!—И Курцъ, овладѣвъ собою, нахмурился, въ упоръ глядя на неожиданнаго посѣтителя.—Довольно... Ни слова больше!

Въ немъ все точно оборвалось... „Неужели", со страшною быстротою работали его мысли, „неужели—все, все кончено?"

— Во-первыхъ, какъ вы меня нашли? сурово обратился къ Плюсу Боголюбъ Боголюбовичъ.

Но тотъ очевидно не такъ скоро хотѣлъ разстаться съ тономъ милой и дружественной шутки...

— Какъ я его нашелъ... И онъ еще спрашиваетъ... О, неблагодарный Макбетъ!.. Развѣ вы забыли или никогда не учили:

Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ во прахѣ дубъ—перунами разбитый,
И тутъ же нѣжный плющъ, вокругъ него повитый...
О дружба... это—ты!

Помилуйте, Боголюбъ Боголюбовичъ, во всѣхъ хрестоматіяхъ... О дружба—это ты! Дружба заставила меня слѣдить за вами съ ревностью влюбленной женщины; дружба заставила меня предвидѣть все случившееся съ тѣхъ поръ, какъ вы изъ банка вынули полтора милліона и для безопасности перевели ихъ къ себѣ; дружба заставила меня устроить вокругъ васъ маленькую тайную полицію, охранявшую вашу драгоцѣнную особу, какъ зѣницу ока; дружба же заставила меня накрыть здѣсь вашу милость со всѣми онерами...

— Ну-съ! уже вполнѣ овладѣлъ собою Боголюбъ Боголюбовичъ.—Что же вамъ теперь угодно?

— Видите-ли, графъ... Вы кажется произвели себя въ графское достоинство? да?.. Такъ видите-ли, ваше сіятельство, мнѣ угодно теперь пока насладиться вашимъ счастіемъ и благополучіемъ—ничего больше. Я скроменъ. Другой сначала бы полицію послалъ—а самъ явился бы только къ слѣдователю для дачи показаній, ну а Плюсъ, знаете, любитъ самъ быка за рога хватать... Да, г. Курцъ, большую вы тогда сдѣлали ошибку, большую!.. Какъ можно было меня, лучшаго своего друга, и отстранить такъ грубо, рѣзко, рѣшительно отъ Сластеновскихъ милліоновъ. Разумѣется, кто себѣ врагъ! Вы хотѣли, какъ и мы грѣшные, попользоваться ими... Ну, что же... Надо было все это сдѣлать на артельномъ началѣ... А то, нечего сказать — Приходзько посадилъ въ яму за долги, а меня... Такъ вотъ видите-ли, дорогой мой графъ, не всегда кажущіеся самыми безошибочными расчеты осуществляются на дѣлѣ—не всегда-съ.

И по мѣрѣ того какъ Плюсъ все больше входилъ въ свою роль—глаза его разгорались злѣе и злѣе. Онъ теперь пронизывалъ ими потупившагося Готлиба Готлибовича... Казалось, для Исаака Яковлевича каждое движеніе послѣдняго, каждая тѣнь бѣжавшая по его поблѣднѣвшему лицу доставляла какое-то острое, сладострастное наслажденіе.

— Не всегда-съ, не всегда. Разсчитывали вы и разсчитали прекрасно, но имѣли неосторожность не посовѣтоваться со мною и... Кажется у васъ въ портфелѣ должны быть до двухъ милліоновъ въ бумагахъ?.. Гдѣ у васъ этотъ портфель? Курцъ... Подымите голову... Чего вы прячете отъ меня ваши глаза?.. Я хочу, слышите, хочу чтобы вы смотрѣли теперь на меня. Вы вѣдь всегда смѣялись надо мною, третировали меня какъ послѣднюю собаку — теперь моя очередь. Курцъ, слышишь — подыми голову! А то я сейчасъ позвоню... Ну вотъ такъ... Ишь какъ ты меня любишь! Какіе у тебя прекрасные, выразительные, ласковые глаза!.. Я думаю ты хотѣлъ бы прижать меня къ сердцу. Хотѣлъ бы?.. Да говори же, Курцъ... Ну чего же ты молчишь... Вѣдь ты пойми, стоитъ мнѣ только нажать пуговицу электрическаго звонка—вотъ такъ!

И онъ дѣйствительно нажалъ.

Курцъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ.

На звонокъ вошелъ лакей.

— Подайте графу холодной воды со льдомъ! насмѣшливо приказалъ Плюсъ...

— Сейчасъ!

Когда они остались одни, Курцъ вдругъ поднялся.

— Послушай, Плюсъ...

— Какъ ты смѣешь мнѣ говорить *ты*! Я тебѣ—будущему арестанту, будущему лишенному всѣхъ правъ состоянія—говорю *ты*, но ты долженъ мнѣ говорить *вы*... Если еще разъ ты осмѣлишься забыться, я покажу тебѣ на дѣлѣ кто ты, и кто я...

Курцъ, чтобы придти въ себя, до крови прикусилъ себѣ губы и, собравъ все свое спокойствіе, спросилъ Плюса:

— Какія ваши условія?..

— А, ты сдаешься значитъ?..

— Мое положеніе не позволяетъ мнѣ разсуждать. Я готовъ подѣлиться...

— Молчи!.. Я принимаю съ твоей стороны только одно... Ты долженъ сдаться на великодушіе побѣдителя. Никакихъ условій!.. На великодушіе побѣдителя—и баста. Ну?..

— Что же вы меня спрашиваете! покорно соглашался Курцъ.—Мнѣ нѣтъ выхода.

— А какъ ты думаешь, я буду съ тобой великодушенъ или нѣтъ? Подумай? а?.. Ну, положимъ, я у тебя потребую всѣ два милліона?

— Что̀ же у меня останется?..

— Что̀?.. Честное, незапятнанное имя! расхохотался Плюсъ.—Уваженіе современниковъ и удивленіе потомства!

Но въ это время лакей принесъ ледяной воды.

— Выпей, Курцъ... Выпей!.. Графъ, пожалуйста стаканъ воды. Отнынѣ вѣдь тебѣ ничего иного не остается пить. Потому что—я вѣдь тебѣ не оставлю ни копѣйки. Ты слышишь меня?.. ни одной копѣйки. Ты долженъ выйти отсюда въ чемъ есть—и баста!

— Это слишкомъ ужасно!..

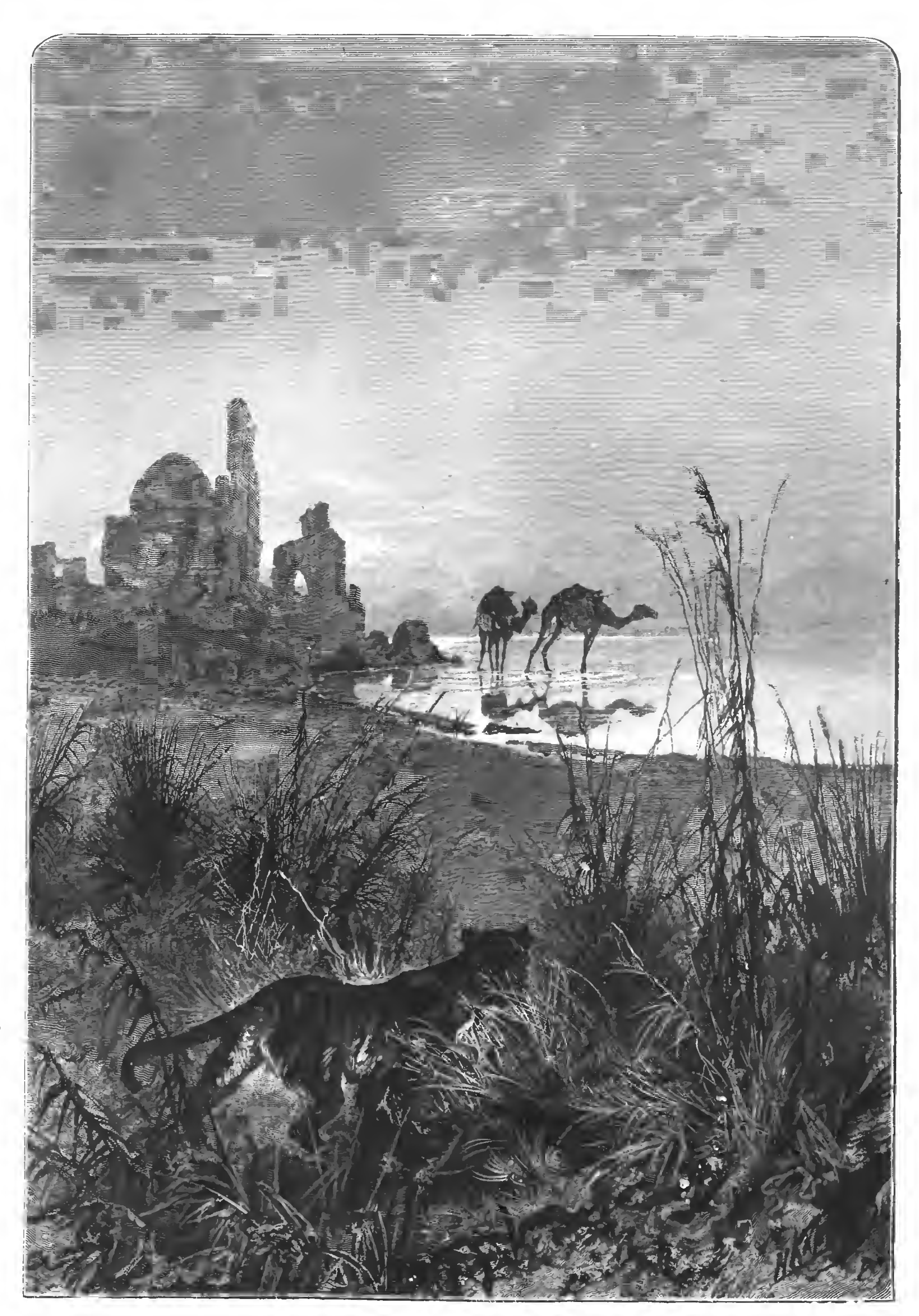
— Ужасно? Нѣтъ, еще не ужасно... Вотъ если бы я позвалъ полицію, ты понимаешь, тебя бы схватили, посадили въ тюрьму, судили—сослали—подумай, въ Восточную Сибирь—семь тысячъ верстъ по этапу, а?.. Въ кандалахъ. Вѣдь ты въ сущности мѣщанинъ—значитъ, непремѣнно въ кандалахъ! а?.. Вотъ это ужасно. Въ твои годы, Курцъ. Ты подумай, старый мошенникъ, вѣдь тебѣ больше сорока пяти. А въ Сибири — напримѣръ въ Якутской области—гдѣ девять мѣсяцевъ зимы, тамъ ты долженъ будешь или идти въ батраки къ дикарю-якуту или издохнуть отъ голода?.. а? Вотъ это ужасно, дѣйствительно ужасно... А то что̀ же ужаснаго въ томъ, что я тебя выпущу?.. а?.. Впрочемъ, ты какъ думаешь: я тебя выпущу, или нѣтъ?

— Я тебѣ отдамъ эти проклятыя деньги.

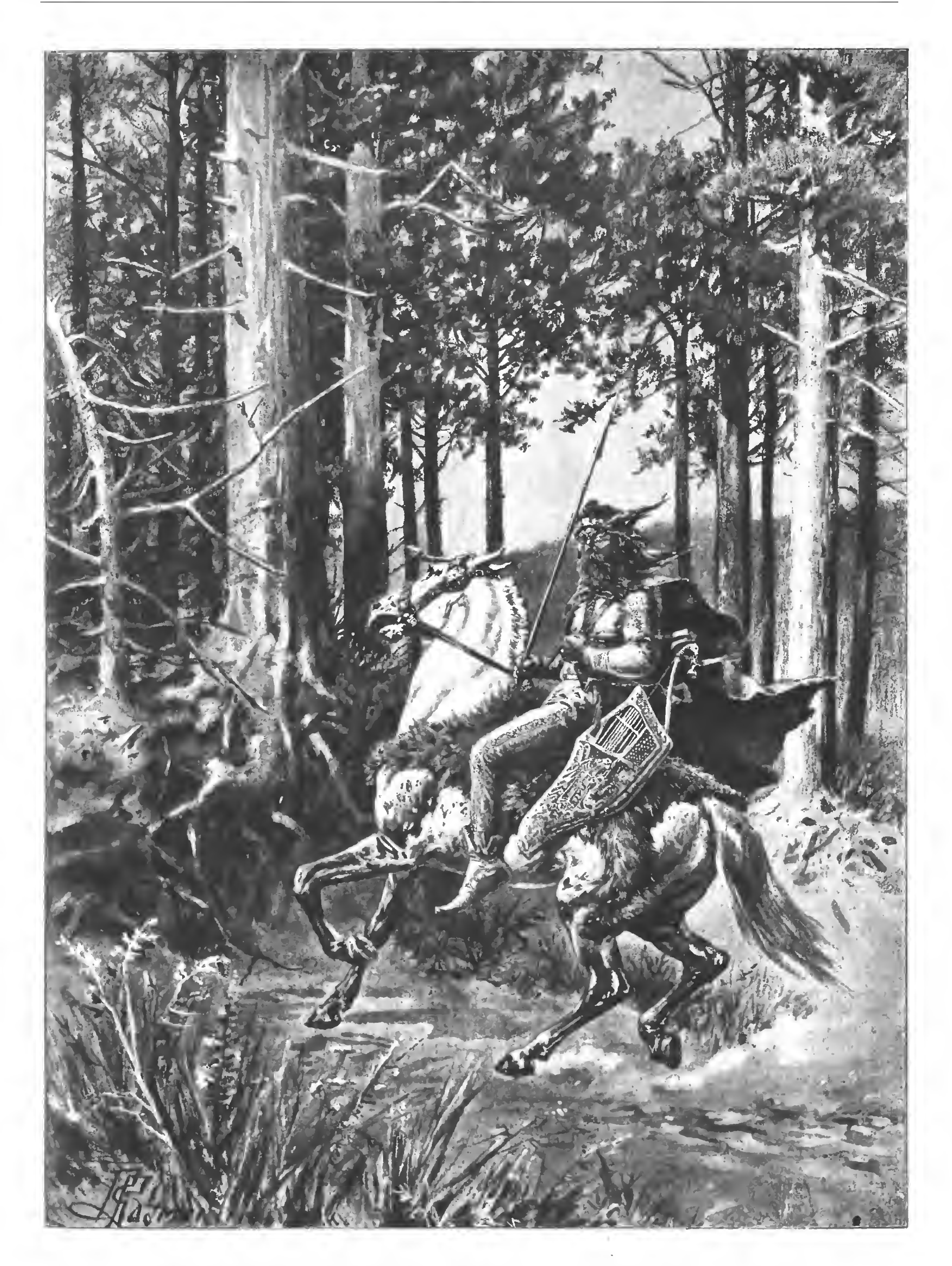
— Ну, разумѣется. Только, знаете, ваше сіятельство, эта комбинація мнѣ не подходитъ.

И Плюсъ, откинувшись въ креслѣ, зажмурился—готовя очевидно послѣдній ударъ.

— Да, да... не подходитъ... Представь себѣ — безъ гроша денегъ, что̀ ты долженъ дѣлать? Ну, обокрасть



Засада. Картина изъ туркестанской жизни. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав. Флюгель.



Царскій скиѳъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго. автотипія мастерской „Нивы“.

кого что-ли? Тебя поймаютъ, узнаютъ что ты Курцъ—препроводятъ въ Москву. Въ Москвѣ допросъ: „Ты укралъ 2.000.000?“ — „Я.“ — „Куда ты ихъ дѣлъ?“ — „Отдалъ Плюсу!..“ Неужели ты думалъ хоть одну минуту, что я такъ глупъ!.. Я — выслѣдившій и накрывшій тебя... Нѣтъ, Курцъ. Ужь лучше ты прогуляйся по этапу—въ кандалахъ, а мнѣ достаточно и того, что я займу въ будущей компаніи черноморско-каспійскаго товарищества твое мѣсто!..

— Что же вы хотите дѣлать?.. Выдать меня?..

Плюсъ притворился размышляющимъ и колеблющимся...

— Видишь-ли, Курцъ... Если я тебѣ не оставлю ничего—ты попадешься, тогда и мнѣ конецъ. Ну, а если я тебѣ оставлю половину? а?.. Милліонъ вѣдь тебѣ довольно. Ты съ этимъ милліономъ удерешь въ Америку что-ли и отлично тамъ устроишься... Подумай—обезпеченная жизнь, спокойствіе, общій почетъ, уваженіе..

— Вы знаете, я на все долженъ согласиться...

— Такъ ужь выпустить тебя что-ли? Летай гдѣ хочешь... Богъ съ тобой, а?

И вдругъ Плюсъ расхохотался такъ, что Курцъ опять похолодѣлъ.

— Нѣтъ, графъ... Ужь этой-то глупости я не сдѣлаю. Милліоны все равно у меня будутъ—будутъ съ тобою же задуманнаго дѣла; потому, надо сказать правду: идея канала геніальна, и даже странно, какъ этотъ *каналъ* пришелъ въ голову такой *канальѣ*. Замѣчаешь каламбуръ?.. Значитъ милліонъ и безъ того у меня въ карманѣ!.. А я долженъ тебѣ сказать правду: я такъ тебя люблю, что готовъ самъ заплатить половину моего состоянія, чтобы видѣть, какъ тебя привезутъ въ Москву съ жандармами и тамъ отправятъ въ зàмокъ—какъ тебя въ арестантскомъ халатѣ, такого изящнаго джентльмена, посадятъ на скамью подсудимыхъ. Подумай, сколько у тебя въ Москвѣ знакомыхъ? Все это соберется въ судъ, все это—будетъ ждать „да, виновенъ“... Нѣтъ, такой радости, такого наслажденія—не купишь. Я плачу за это ровно два милліона, два милліона, которые ты предлагаешь мнѣ за свою свободу...

И Плюсъ разомъ преобразился.

Добродушіе, притворная шутливость сбѣжали съ его лица. Теперь онъ уже не считалъ необходимымъ сдерживаться. Оно все исказилось ненавистью и злобой. Глаза его—маленькіе—еще больше съузились и загорѣлись не добрымъ огонькомъ, щеки поблѣднѣли. Онъ до такой степени не могъ совладать со своимъ волненіемъ, что пересѣлъ на ручку кресла, потомъ пробѣжался по комнатѣ, остановился противу совсѣмъ убитаго Боголюба Боголюбовича, фыркнулъ ему въ лицо, кинулся къ дверямъ и зачѣмъ-то заглянулъ въ коридоръ и самъ наконецъ за Курца выпилъ принесенную ему воду.

— Да, судьба тебя отдаетъ въ мои руки и разумѣется ужь не я тебя выпущу изъ нихъ... Ты мнѣ не доставилъ только одного удовольствія—ты еще не плакалъ передо мною, и напрасно. Можетъ-быть я разжалобился бы, вспомнивъ нашу дружбу.—И Плюсъ непріятно рѣзко захохоталъ.—А я бы очень хотѣлъ посмотрѣть, какъ крокодилы плачутъ. Но помни,—и онъ перешелъ уже рѣшительно въ серьезный тонъ, — но помни, я съ тобою поступлю безъ всякихъ колебаній и сантиментальностей. Сейчасъ будетъ призвана сюда полиція—и ты будешь арестованъ...

— Послушайте... Сдѣлайте для меня одно...

— Что? Что для тебя сдѣлать?

— Поѣдемъ вмѣстѣ въ Москву, позвольте мнѣ наединѣ поговорить съ Саввой Кузмичемъ... И тогда—поступайте какъ онъ скажетъ вамъ.

— Саввой?.. изумился Плюсъ. — Ты что-же, разсчитываешь на то, что Савва будетъ великодушнѣе меня?

— Сдѣлайте такъ... Это вѣдь...

— Постой, постой!.. У тебя значитъ есть какая-нибудь палка на Савву? Значитъ ты имѣешь въ рукахъ нѣчто, чего Саввѣ надо бояться, не такъ-ли?

Но Боголюбъ Боголюбовичъ молчалъ.

Онъ потупился и что-то обдумывалъ. Если-бы теперь Плюсъ увидѣлъ его глаза, ему бы стало страшно и напускная развязность живо бы оставила его. Казалось, Курцъ обдумываетъ что-то рѣшительное.

— Ну что-жь... Будешь ты говорить?

Курцъ схватился руками за голову и нѣсколько минутъ оставался такъ.

— Готлибъ, я тебя вѣдь спрашиваю. Чѣмъ такимъ ты думаешь подѣйствовать на Савву?

Но Курцъ уже рѣшился и всталъ.

— Вы хотите знать? Нечего дѣлать... Я въ вашихъ рукахъ, значитъ долженъ исполнять все что вы прикажете... У меня въ рукахъ завѣщаніе Арсенія Николаевича Сластенова.

— Что?!.

Плюсъ вскочилъ и глаза выпучилъ. Онъ подошелъ къ Готлибу и въ упоръ взглянулъ на него.

— Повторяю еще разъ, Арсеній Николаевичъ, передъ смертью за мѣсяцъ, прислалъ къ нотаріусу Ѳомину духовное завѣщаніе. Свидѣтелями подписались самъ Ѳоминъ и его конторщикъ. Оставалось оформить, но въ это время дѣла Ѳомина пошатнулись и онъ бѣжалъ, оставивъ всѣ свои книги въ надежномъ мѣстѣ, а завѣщаніе вмѣстѣ съ другими документами захватилъ съ собою.

— Такъ значитъ, Василій Герасимовичъ...

— Нищій... У молодаго Сластенова — нѣтъ ничего. О немъ даже не упомянуто ни слова въ завѣщаніи.

— Кому же оставлено все состояніе, всѣ эти Сластеновскіе милліоны?

— Саввѣ Кузмичу.

Плюсъ заложилъ руки въ карманъ, задумался, потомъ вдругъ пристально воззрился на Готлиба.

— Вы врете, Готлибъ.

— Я могу вамъ показать документъ.

— Онъ здѣсь съ вами?.. Да? Такъ покажите мнѣ его, скорѣе.

Готлибъ пошелъ въ комнату, служившую ему спальней. Плюсъ послѣдовалъ за нимъ. Ему казалось невозможнымъ оставить того хоть на одну минуту одного.

— Прежде всего: гдѣ два милліона?..—Плюсъ усѣлся безцеремонно на постель. — Гдѣ деньги... Украденныя тобою деньги?

Курцъ, все съ тѣмъ же вдругъ нашедшимъ на него ледянымъ равнодушіемъ, подалъ ему громадный портфель. Плюсъ взялъ было его въ руки и чуть не уронилъ. Глаза его заблистали еще ярче.

— Жизнь ваша, честь, свобода, счастье—все здѣсь, все здѣсь, и все въ моихъ рукахъ — вмѣстѣ съ этимъ портфелемъ.

И вдругъ онъ положилъ портфель на постель, а самъ сѣлъ на него.

— Ну, а теперь завѣщаніе!

Курцъ разстегнулъ сюртукъ, снялъ съ шеи сумочку. Плюсъ не терялъ ни одного движенія своего побѣжденнаго противника. Въ сумочкѣ оказался большой листъ бумаги.

— Вы помните почеркъ Арсенія Николаевича?

Плюсъ вмѣсто отвѣта мотнулъ головою. Онъ весь теперь перешелъ во вниманіе. Курцъ развернулъ бумагу и показалъ ему. Тотъ пробѣжалъ первыя строки.

— Да, да... это точно... Точно рука Арсенія Николаевича. Дѣйствительно, Савва пойдетъ на все, на все рѣшительно. Но... но... но, Курцъ, васъ и это не спасетъ—пусть будетъ по закону... По закону... Я сейчасъ посылаю за полиціей. Сейчасъ, сію минуту. Довольно играть комедію.

— Послушайте, я вамъ отдаю завѣщаніе и деньги... Оставлю себѣ сто тысячъ только... Слышите?..

— Нѣтъ, нѣтъ... Не проси, Курцъ... Не проси, этого нельзя...

И Плюсъ заболталъ ногами.

— Не проси, слышишь? Ты принадлежишь теперь не мнѣ, не Сластеновымъ, а прокурорскому надзору. Только ему—ему одному.

— Это твое послѣднее слово? спросилъ Курцъ хрипло и глухо, глядя въ уголъ и избѣгая глазъ Плюса.— Это *ваше* послѣднее слово? поправился онъ.

— Да, да, да...

— Подлое животное!.. Гадина злобная!.. крикнулъ Курцъ, и звонкая пощечина свалила Плюса на постель. Тотъ опрокинулся головою въ подушки и не успѣлъ еще подняться, какъ Курцъ придавилъ ладонью его голову, а другой рукою бросилъ на нее подушку. Плюсъ, задыхаясь, забарахтался, но безсильный и маленькій, подъ стальными мускулами Боголюбъ Боголюбовича, онъ не могъ сдѣлать ничего. Курцъ даже забылъ что дверь въ коридоръ не заперта. Руки его все крѣпче и крѣпче прижимали подушку къ лицу Плюса. Весь блѣдный, но спокойный и рѣшительный, онъ слѣдилъ какъ судорожно корчились ноги и руки его жертвы, какъ все ея тѣло извивалось въ агоніи. Изъ-подъ подушки едва доносилось чуть слышное хрипѣніе. Прошло минуты двѣ-три. Курцъ не могъ бы опредѣлить сколько времени еще протянулось, его мускулы напрягались все больше и больше. Онъ тяжело дышалъ, но не отъ усталости, а отъ страшныхъ, переживаемыхъ имъ ощущеній. Вся его сила перешла въ руки, вся жизнь—въ глаза. Онъ, казалось, видѣлъ сквозь подушку лицо задохнувшагося Плюса. Еще разъ вздрогнули ноги у того, еще разъ конвульсивно поднялась грудь—и все смолкло. Кругомъ теперь стояла тишина... Странная тишина. Курцъ не отнималъ рукъ. Ему было страшно отнять ихъ. Ему казалось, что сбрось онъ подушку—и мертвецъ заговоритъ... Заговоритъ. Онъ не могъ бы сказать: полчаса или больше прижималъ онъ ее теперь къ лицу недвижнаго врага. Мускулы какъ-то сами собою разжались и руки ослабѣли. Теперь подушка сама лежала на лицѣ Плюса. Тотъ очевидно ужь не могъ бы сдѣлать никакихъ усилій, чтобы сбросить ее съ себя. Курцъ сѣлъ въ кресло около.

— Самъ виноватъ, глухо проговорилъ онъ. — Самъ виноватъ... Что̀ дѣлать теперь? что̀ дѣлать?..

Мысли быстро-быстро смѣнялись въ его головѣ. Онъ нѣсколько разъ искоса посматривалъ на подушку—она была все на томъ же мѣстѣ.

„Не шевельнется-ли?“ думалъ Курцъ.—„Нѣтъ. Очевидно все, все кончено. Что же дѣлать теперь, что дѣлать, что дѣлать?.. Разумѣется, надо уѣхать... Заявить что Плюсъ остается здѣсь у него въ нумерѣ, что онъ спитъ и заперся, чтобы его не будили, отнюдь не будили, что онъ усталъ, а самому съ портфелемъ на поѣздъ и назадъ въ Москву. На первыхъ порахъ его не узнаютъ. А оттуда въ Петербургъ — и ищи его! Въ Петербургѣ онъ можетъ годъ прожить. Паспортъ у него еще имѣется въ запасѣ. Усы надо сбрить... Да, непремѣнно сбрить усы. И скорѣе-скорѣе. Главное выиграть время... Выиграть время... До вечера Плюса будить не станутъ. Онъ будетъ уже въ Москвѣ, когда здѣсь схватятся. Разумѣется такъ... Неужели спасенъ?.. неужели онъ опять свободенъ? Этотъ жалкій человѣкъ, чуть было не погубившій его—безсиленъ вредить ему, совсѣмъ безсиленъ... Лежи же!.. Лежи здѣсь“.

И какое-то пьяное возбужденіе охватило Курца.

Точно винными парами въ голову ударило. Онъ всталъ, взялъ портфель, опять сложилъ духовное завѣщаніе и спряталъ его къ себѣ, набросилъ на себя шинель, надѣлъ фуражку и пошелъ къ дверямъ.

Но за дверями послышались торопливые шаги.

„Надо переждать, рѣшилъ Курцъ.—Пусть пройдутъ“.

Шаги остановились у его нумера. Кто-то стукнулъ къ нему въ двери и, не ожидая приглашенія, отворилъ ихъ.

Портфель выпалъ изъ рукъ у Курца.

Передъ нимъ стоялъ Приходько, позади за его плечами смотрѣло съ любопытствомъ на Курца лицо Гиршмана, еще дальше стояли вчерашній Катцель и невѣдомый Боголюбу Боголюбовичу—Рузановъ...

III.

Василій Герасимовичъ со времени несчастія случившагося на Тверской съ компанейскимъ домомъ — не узнавалъ себя. Что-то такое новое, неожиданное, росло въ немъ. Переболѣвъ послѣ отъѣзда жены, онъ почувствовалъ себя совершенно обновленнымъ. Въ немъ родилась и жила теперь какая-то сила, которой онъ и самъ еще толкомъ не понималъ. Не было уже прежняго отчаянія, исчезла безнадежность, апатія ко всему. Самъ Савва Кузмичъ поглядывалъ на него одобряя его по своему: „Сластеновская-то порода сказывается. Расправляй крылья, расправляй! Нечего ползать, да къ землѣ слаться... Ай да мы!“ Теперь ужь Савва не спрашивалъ его: „чего ты все стыдишься?“ Сластеновъ разстался со своей робостью и, разсмотрѣвъ окружающихъ людей, понялъ что ему незачѣмъ опускать глазъ передъ ними. Онъ замѣтилъ въ себѣ какую-то энергію, о которой еще недавно не имѣлъ понятія. Онъ теперь не поддавался разнымъ Водохлѣбовымъ и, сохраняя старое презрѣніе къ деньгамъ, соображалъ уже кому и какъ идутъ онѣ. Василій Герасимовичъ въ то же самое время почувствовалъ, что рана, открывшаяся въ его сердцѣ послѣ отъѣзда жены, стала какъ будто заживать. Въ изломѣ еще болѣло, но ужь эта боль не наполняла всего кругомъ, не застила ему свѣта дневнаго. Онъ на одно изъ писемъ жены отвѣтилъ уже весело, и оставивъ два безъ отвѣта, на третье вдругъ неожиданно для самого себя отписалъ ей: „Ты, разумѣется, хорошо сдѣлала что уѣхала отъ такого мозгляка, какимъ я былъ тогда. Я тебя не виню за это—да сверхъ того мнѣ теперь кажется, что мы и не подходимъ одинъ къ другому. Не только я тебѣ, но и ты мнѣ — не пара. Я признаю твою красоту, но воспоминаніе о ней съ каждымъ днемъ волнуетъ меня все менѣе и менѣе. Твой характеръ — я выдерживалъ его прежде; ты тогда могла, по твоему собственному выраженію, „державить“ меня — теперь это повело бы къ недоразумѣніямъ между нами. Я измѣнился сильно, и мнѣ кажется что никакая любовь не заставила бы меня подчиняться тебѣ. Короче — я слишкомъ долго росъ. Теперь кажется уже выросъ и думаю жить своимъ умомъ. И прежде онъ у меня былъ, но не хватало силы заявить его и потребовать къ нему общаго вниманія и уваженія. Свѣтъ не клиномъ сошелся. Въ немъ много дорогъ. Мы можемъ и не встрѣчаться болѣе. Не думаю, чтобы я кого-нибудь полюбилъ, но вѣшаться и топиться не стану. Ты, разумѣется, улыбнешься, читая мое письмо. Вообще, ты не понимала меня никогда. Полагаю, это происходило потому, что я не высказывался. Тебя возмущало то, что я раздаю деньги всѣмъ, кто меня просилъ объ этомъ. Ты объясняла это часто слабостью, недостаткомъ воли — и ошибалась. Я просто чувствую презрѣніе къ этимъ милліонамъ, о которыхъ я никогда и никого не просилъ, которые достались мнѣ фуксомъ, которые вырвали меня изъ среды, гдѣ я жилъ, и бросили въ совершенно не соотвѣтствующую моимъ вкусамъ. Я былъ уродомъ между вами, а вы всѣ въ свою очередь мнѣ казались уродами. Я называлъ и называю эти милліоны „проклятыми“, и думаю, что совершенно правъ. Вслѣдъ за ними идутъ преступленія, несчастія. Отъ нихъ разливается кругомъ цѣлое море бѣдствій. Я чувствую себя теперь настолько сильнымъ, что могъ бы жить и работать, какъ работаетъ весь міръ, быть обязаннымъ

только самому себѣ. а не случайному обстоятельству, какимъ явилась смерть невѣдомаго мнѣ и никогда невидавшаго меня дяди... Счастье не въ милліонахъ“...

Письмо это еще не было дописано, какъ къ Василію Герасимовичу явился Савва Кузмичъ.

— Ну, дѣла! кричалъ онъ ему еще изъ залы.

— Что такое?

— Читай телеграмму... Сейчасъ получилъ ее отъ Приходзько, и знаешь откуда — изъ Рязани... Бѣдный Плюсъ!

— Почему бѣдный?

— Читай, читай... А самъ впопыхахъ не давалъ ему читать, а торопливо объяснялъ: — Галонишку-то вѣдь поймали! Везутъ сюда съ жандарами. И деньги при ёмъ—цѣлостью. Всѣ, всѣ... Сколько цапнулъ, столько и оказалось... Только онъ напослѣдокъ со зла Плюса убилъ.

— Какъ! вскочилъ Сластеновъ.

— Такъ. Придушилъ его подушкой и вся недолга. Думалъ убѣчь, а тутъ Приходзько съ Гиршманомъ нагрянули и руки ему скрутили... Что-то еще Приходзько пишетъ: „открылось де неожиданное обстоятельство, кое васъ удивитъ. Но это до личнаго свиданія“...

— Вотъ, дядя, не прокляты эти милліоны? а? Не моя правда?

— Не милліоны прокляты, а проклятые люди округъ ихъ ходятъ. Это точно... Съ милліонами-то сколько добра сдѣлаешь!.. Умѣй только, а точно что нельзя къ имъ легкаго народу припущать.

И когда старикъ Сластеновъ уѣхалъ, Василій Герасимовичъ опять засѣлъ за письмо и заключилъ его слѣдующими строками:

„Изъ простаго мошенника, какимъ былъ Курцъ, эти деньги сдѣлали злодѣя. Право, кажется, я способенъ, какъ твой батюшка, уйти отъ этого бѣшенства наживы въ какую-нибудь пустыню...“

Отославъ письмо, Василій Герасимовичъ приказалъ заложить лошадей и поѣхалъ кататься въ Петровское-Разумовское. Свѣжесть зелени, тишина окружавшихъ ее полей, покой недвижныхъ водъ, мерцавшихъ подъ солнцемъ—все это охватывало душу неизъяснимою нѣгой. Сластеновъ, оставивъ экипажъ у входа въ академическій садъ, пошелъ по его тѣнистымъ аллеямъ. Золотые блики солнца бѣжали за нимъ по ихъ желтому песку, рѣзкія тѣни деревьевъ ложились ему черезъ дорогу.. Вдали блистало озеро, заросшее на противоположномъ берегу красивою и густою зеленью... Какая-то лодочка качалась на тихихъ водахъ. Въ вершинѣ стараго дуба посвистывала птичка...

— Какъ хорошо, какъ хорошо! повторялъ Сластеновъ. — И чего люди мятутся, бѣсятся, воруютъ, убиваютъ другъ друга! Развѣ много надо, чтобы пользоваться вдоволь и этимъ небомъ, и этимъ солнцемъ, и этимъ чуднымъ воздухомъ! Надумали себѣ искусственныя потребности, ни къ чему не нужныя, и для ихъ удовлетворенія идутъ на злодѣйство... А въ сущности жизнь такъ проста, такъ безъискусственна, такъ дешева. Только пойми ее, какъ слѣдуетъ, и живи, и радуйся.

Вечеромъ Василій Герасимовичъ чувствовалъ себя особенно хорошо. Точно въ немъ все обновилось, какимъ-то праздникомъ казалась ему жизнь, — жизнь, кипѣвшая за толстыми стѣнами его дома. Завтра будетъ опять солнце, вновь голубое небо отразится въ его душѣ и воды заблестятъ ему золотыми рунами, которыя тщетно станетъ отгадывать онъ... Онъ приказалъ зажечь лампы въ кабинетѣ и сѣлъ къ столу. Его никуда не тянуло сегодня. Онъ рѣшилъ просидѣть вечеръ со своими любимыми книгами, но очевидно судьба была противъ него. Не успѣлъ онъ еще уйти въ волшебное царство поэтическихъ образовъ, какъ лакей доложилъ ему:

— Г. Приходзько спрашиваютъ васъ... По самонужнѣйшему дѣлу.

— Проси!—„Вотъ носятъ черти!“ добавилъ онъ про себя.

Станиславъ Сигизмундовичъ вошелъ тихо и печально. Онъ былъ блѣденъ. Очевидно весь вчерашній день оставилъ въ немъ странное впечатлѣніе.

— Вы уже слышали, Василій Герасимовичъ... о судьбѣ, постигшей Плюса?

— Да, да... Какъ жаль, какъ жаль!

— Онъ умеръ, какъ песъ, на стражѣ вашихъ милліоновъ.

— И совершенно напрасно... Всѣ мои милліоны не стоятъ одной человѣческой жизни съ ея радостями и печалями. Но кто могъ ожидать! Курцъ—убійца!.. Какъ это случилось?

— Ничего не знаю. Курцъ на всѣ вопросы упорно молчитъ... Я былъ на дознаніи — у него точно языкъ отнялся.

Обоимъ было тяжело... Наступило молчаніе. Сластеновъ отодвинулся, и свѣтъ падалъ прямо на исхудавшее за одинъ день лицо Станислава Сигизмундовича. Очевидно, онъ боролся теперь съ какою-то мыслью. То онъ подымалъ глаза на Василія Герасимовича, то опять опускалъ ихъ... Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ проговорилъ съ особеннымъ выраженіемъ:

— Я еще не былъ у Саввы Кузмича.

— Все равно, завтра утромъ успѣете.

— Я хотѣлъ сначала повидаться съ вами... Прошу у васъ слова, что вы никому никогда не заикнетесь о томъ, что̀ я вамъ скажу сейчасъ.

И лицо Приходзько разгорѣлось, онъ пристально всматривался въ тѣнь, гдѣ сидѣлъ Сластеновъ, точно желая угадать по его глазамъ, что тотъ думалъ въ эту минуту.

— Охотно, даю слово... Да я вѣдь вообще не болтливъ.

— Нѣтъ, тутъ обстоятельства особыя. Видите ли... У Курца оказались документы... доказывающіе, что ваше состояніе — не ваше.

— Что̀ за чепуха! привсталъ Сластеновъ.

— Да, что ваши милліоны должны принадлежать вашему дядѣ, Саввѣ Кузмичу.

— Ну-съ?..

И Сластеновъ спокойно сѣлъ опять въ кресло.

„Ишь притворяется!“ досадливо подумалъ Приходзько.

— Оказалось завѣщаніе покойнаго Арсенія Николаевича, въ которомъ онъ все отказываетъ Саввѣ Кузмичу...

Василій Герасимовичъ слегка шелохнулся въ потемкахъ... Не то сѣлъ поудобнѣе, не то на спинку откинулся.

— А вы не при чемъ. И ежели теперь это завѣщаніе предъявить — вы нищій.

Сластеновъ молчалъ. Его спокойствіе раздражало Станислава Сигизмундовича.

— Вы меня понимаете, все это: дома, имѣнія, капиталы — все уйдетъ Саввѣ Кузмичу, а вамъ ничего, ничего. Вы даже по закону должны будете всѣ свои траты вернуть настоящему наслѣднику. — Приходзько подождалъ, не скажетъ ли чего-нибудь Сластеновъ, и не дождавшись, началъ опять: — Пугаться вамъ еще нечего. Завѣщаніе это у насъ. Если Курцъ заявитъ о немъ — мы скажемъ, что онъ солгалъ. Арестанту и убійцѣ кто же повѣритъ... Такъ вотъ, видите ли, Василій Герасимовичъ, я человѣкъ бѣдный, я долженъ подумать о своей старости. Тяжело весь вѣкъ быть батракомъ, хочется создать себѣ какое-нибудь обезпеченіе... Войдите со мною и съ Гиршманомъ въ сдѣлку, и завѣщаніе вы получите на руки... Можете его уничтожить... Поняли?

— Понялъ.

— Вашему спокойствію можно позавидовать! рѣзко проговорилъ Приходзько.

— Да мнѣ нечего и безпокоиться, усмѣхнулся Василій Герасимовичъ.

Молодой бояринъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Лоренца, автотипія мастерской „Нивы“.

— Вотъ тебѣ и на! Вы вѣдь не знаете еще, сколько мы съ васъ спросимъ.

— Сколько угодно спрашивайте, еще веселѣе проговорилъ Сластеновъ.

— Мы будемъ умѣренны... Мы не жадны... Намъ будетъ довольно...

И онъ задумался.

— Вотъ что, вдругъ мягко заговорилъ Сластеновъ.— Вотъ что, Станиславъ Сигизмундовичъ... Вы напрасно станете теперь терять время... Я за вашу тайну не заплачу вамъ и гроша ломанаго. Слышите?..

— Но вы значитъ нищій...

— Я къ нуждѣ давно привыкъ. Меня ею не удивишь... А вотъ за что́ я благодаренъ вамъ или Курцу, кто тамъ открылъ это завѣщаніе — такъ за то что онъ съ меня этимъ снялъ тяжесть этихъ проклятыхъ Сластеновскихъ милліоновъ... Мнѣ ужасно легко... Вы не повѣрите, какъ мнѣ легко теперь... Вы думаете я горевать стану—напротивъ, я теперь свѣтъ увидѣлъ!..

И онъ изъ потемокъ подвинулся впередъ. „Съ ума сошелъ!“ подумалъ Приходзько, увидѣвъ его радостное и возбужденное лицо. „Совсѣмъ съ ума спятилъ!..“

Точно въ подтвержденіе его мысли, Сластеновъ вдругъ радостно разсмѣялся:

— Фу, чортъ возьми, какъ теперь хорошо!.. Неужели я свободенъ?.. свободенъ?.. Знаете, за эту вѣсть, Станиславъ Сигизмундовичъ, я васъ расцѣловать готовъ...

— Кажется, вы слишкомъ разсчитываете на великодушіе Саввы Кузмича.

— Нѣтъ, душа моя. Ни на кого, кромѣ себя, я не разсчитываю... Фу, какъ славно!.. Вся эта жадная сволочь оставитъ меня въ покоѣ, и я опять уйду въ міръ простыхъ людей... рабочихъ, тѣхъ кто живетъ изо-дня-въ-день... Фу, какое счастье!..

— Послушайте, да это безуміе!

— Не вашимъ умомъ мнѣ жить!.. Это для васъ имѣютъ значеніе милліоны. Съ меня довольно, слышите: довольно. Безъ куска хлѣба я не останусь, тотъ же дядя мнѣ дастъ занятія, работу.

— И вы въ батраки къ нему пойдете?

— Отчего же!.. Ну, теперь, знаете, Станиславъ Сигизмундовичъ, оставьте-ка меня одного. Мнѣ такъ легко и хорошо, что я не хочу никого, никого видѣть.

Станиславъ Сигизмундовичъ, ничего не понимая, вышелъ.

— Дуракъ, совсѣмъ дуракъ! уже вслухъ проговорилъ онъ, спускаясь по мраморной лѣстницѣ...

А Василій Герасимовичъ, возбужденный и просвѣтленный, заходилъ изъ угла въ уголъ, соображая, что̀ онъ теперь станетъ дѣлать... Чувство невыразимаго покоя и счастія охватывало его.

Станиславъ Сигизмундовичъ сообразилъ было съѣздить сейчасъ къ старику Сластенову и предло́жить ему купить у Гиршмана духовное завѣщаніе, но тотчасъ же оставилъ эту мысль. „Вѣдь Василій Герасимовичъ—совсѣмъ идіотъ... Онъ все равно откажется отъ проклятыхъ по его мнѣнію милліоновъ и уйдетъ... Нѣтъ, съ этими дураками ничего не подѣлаешь. Рѣшительно ничего!.. Надо будетъ представить документъ — и кончено... Завтра же сдѣлаю это. О, оселъ, оселъ!“ И онъ готовъ былъ бы избить Василія Герасимовича въ эту минуту.

А Василій Герасимовичъ въ эту ночь едва-ли не въ первый разъ за все время спалъ здоровымъ и хорошимъ сномъ...

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повѣсть **Виктора Бибикова.**

(Окончаніе).

Въ занятіяхъ проходило время до обѣда, а послѣ обѣда онъ садился въ экипажъ, и кучеръ, не спрашивая барина, отвозилъ его на Забалканскій проспектъ, гдѣ Тарахтинъ оставался до глубокой ночи.

„Развѣ не счастье“, думалъ онъ, „одинокому человѣку узнать радость ежедневныхъ семейныхъ отношеній и привычекъ, жить чистой привязанностью, дружбой въ лучшемъ значеніи этого слова“.

Если бы нѣсколько лѣтъ тому назадъ кто-нибудь сказалъ Тарахтину, что придетъ время когда онъ будетъ дорожить и гордиться дружбой съ молодою и красивою женщиной,—онъ засмѣялся бы въ глаза такому предсказателю, потому что тогда ему казалось оскорбленіемъ для мужчины женская дружба. онъ считалъ ее пригодною для уродовъ да неудачниковъ; а теперь, отправившись однажды съ молодыми людьми на балъ въ Дворянское Собраніе, гдѣ красота Вѣры была замѣчена всѣми, онъ еле удержался отъ взрыва негодованія, когда знакомые, видя Тарахтина возлѣ Вѣры, поздравляли его съ побѣдой и отпускали болѣе или менѣе двусмысленныя шутки на его возраженія.

Правда, по вечерамъ, когда Тарахтинъ поднимался по отлогимъ ступенямъ лѣстницы, покрытой сѣрымъ сукномъ, во второй этажъ дома на Забалканскомъ проспектѣ, сердце его билось ускоренное чувствомъ, можетъ-быть и болѣе горячимъ чѣмъ дружба, но стоило ему только взяться рукой за звонокъ, знакомая дверь отворялась всегда самимъ Ѳедоромъ Васильевичемъ, за его спиной показывалась привѣтливо улыбавшаяся Вѣра, ихъ радушная встрѣча, крѣпкое, довѣрчивое пожатіе маленькой руки молодой женщины, всегда восторженныя объятія Ѳедора Васильевича,—все это сразу настраивало Тарахтина на миръ и кроткую внутреннюю тишину, какія-то ласковыя волны подхватывали его, и онъ, не сопротивляясь, отдавался ихъ чарующей власти.

Зеленые фонарики съ потолка гостиной струили свой загадочный свѣтъ, у піанино съ зажженными свѣчами стояло большое и удобное кресло для Тарахтина, на табуретѣ передъ піанино усаживалась Вѣра, всегда оправляя обѣими руками складки платья, Ѳедоръ Васильевичъ располагался съ ногами на стоявшей вблизи оттоманкѣ, позволяя себѣ эту маленькую вольность при своемъ человѣкѣ, какимъ онъ считалъ Тарахтина.

Подъ ласковыми взглядами молодыхъ людей Тарахтинъ оживлялся: онъ разсказывалъ имъ новости, передавалъ какъ провелъ день; если кліенты давали матеріалъ для бесѣды; онъ дѣлился съ молодыми людьми своими впечатлѣніями; если прожитой день не принесъ ничего выдающагося, кліенты были не интересные—онъ читалъ что-нибудь вслухъ.

Мать Вѣры, прочитавъ случайно одинъ изъ романовъ Зола, взяла съ своей дочери слово, что та не станетъ читать его сочиненій. Вѣра охотно ей повиновалась, и французская литература, въ особенности въ ея современныхъ представителяхъ натурализма, осталась для нея совершенно неизвѣстною.

За то русскихъ великихъ писателей она никогда не уставала читать, и много разъ перечитывая ихъ безсмертныя творенія, всегда открывала для себя новыя мысли, наблюденія, образы и сравненія. Дѣйствующія лица „Обрыва“ или „Войны и Мира“, Тургеневскихъ повѣстей для Вѣры не были созданіями вымысла, она сжилась съ ними, полюбила ихъ какъ милыхъ и близкихъ людей. Принимаясь за тотъ или другой романъ, она не слѣдила за полетомъ фантазіи, а вступала легко и свободно въ завѣтную область, какъ въ гостепріимные дома, откуда долго не хочется уходить.

Тарахтинъ раздѣлялъ и одобрялъ ея вкусы, онъ охотно читалъ вслухъ русскихъ классиковъ, въ его выпукломъ и выразительномъ чтеніи молодые люди узнали многія красоты, до сихъ поръ имъ неизвѣстныя, но онъ былъ также горячимъ поклонникомъ французской литературы и, благодаря его вліянію, молодые люди познакомились съ Флоберомъ, Меримe, Стендалемъ и Бальзакомъ.

Тоскующей душѣ Тарахтина особенно близокъ былъ Флоберъ. Поэтическій, музыкальный стиль этого писателя отвѣчалъ ораторскимъ наклонностямъ адвоката и, читая его романы, Тарахтинъ нерѣдко возвышался до настоящаго вдохновенія: голосъ его дрожалъ, въ глазахъ сверкали слезы, и въ такія минуты Вѣра слушала его затаивъ дыханіе, съ блѣднымъ лицомъ.

Литература служила неисчерпаемымъ источникомъ для ихъ бесѣдъ; прочитанныя или читаемыя книги вызывали безконечные споры, разговоры, постоянное, благородное общеніе мыслей. Тарахтинъ до мельчайшихъ подробностей изучилъ біографическія данныя, касающіяся своихъ любимцевъ; онъ дѣлился ими со своими слушателями, возбуждая въ чуткихъ и отзывчивыхъ сердцахъ молодыхъ людей участіе къ несчастной, по большей части, судьбѣ этихъ писателей, вызывая уваженіе и удивленіе къ ихъ колоссальнымъ трудамъ, увы! оцѣненнымъ, какъ это было съ Флоберомъ и Стендалемъ, только послѣ ихъ смерти.

Они вмѣстѣ посѣтили нѣсколько разъ Эрмитажъ, и Тарахтинъ, во время своего коллекціонерства старательно изучавшій искусство, съумѣлъ какъ слѣдуетъ показать молодымъ людямъ его богатства.

Они не проходили, какъ въ первый день своего посѣщенія, залу за залой, не вынося ничего, кромѣ усталости, головной боли и общаго впечатлѣнія какой-то одуряющей пестроты, а пересмотрѣли поочередно каждую школу живописи, выслушивая объясненія своего спутника, смотря его глазами и, благодаря ему, поняли и оцѣнили прелесть старинныхъ мастеровъ.

Мало-по-малу Тарахтинъ передалъ молодымъ людямъ всѣ знанія, какими прожитая жизнь украсила его; онъ съ радостью слѣдилъ, какъ на его глазахъ расширялся ихъ умственный круговоръ, какъ ихъ пытливая мысль съ каждымъ днемъ предъявляла къ нему новыя требованія, которыя онъ еле успѣвалъ удовлетворять; его утѣшало, что они говорятъ уже однимъ языкомъ, съ полуслова понимаютъ то, на что прежде понадобились бы болѣе или менѣе продолжительныя объясненія.

Съ Ѳедоромъ Васильевичемъ онъ занимался какъ адвокатъ, подготовлялъ его къ будущей дѣятельности, заставлялъ его ходить въ судъ, прислушиваться и вникать въ разборъ дѣлъ, присутствовать при разговорахъ его съ кліентами, училъ его, какъ двумя-тремя вопросами, умѣло поставленными, избѣгать утомительнаго многословія, а однажды поручилъ ему самостоятельное веденіе цѣлаго дѣла.

Начинающій актеръ передъ выходомъ на сцену въ вечеръ своего перваго дебюта не волнуется такъ, какъ волновался Ѳедоръ Васильевичъ, когда онъ занялъ свое мѣсто за каѳедрой защитника и началось судоговореніе.

Правда, все дѣло было заранѣе пройдено съ нимъ Тарахтинымъ, и Ѳедору Васильевичу оставалось только дѣйствовать согласно указаніямъ своего патрона, но все-же каждое обращеніе къ нему предсѣдателя бросало его то въ жаръ, то въ холодъ, а во время защитительной рѣчи, заранѣе приготовленной и читанной по тетрадкѣ, онъ выпилъ чуть-ли не цѣлый графинъ воды и безпрестанно отиралъ платкомъ вспотѣвшій отъ напряженія лобъ.

За-то съ какою радостною гордостью слѣдила за каждымъ движеніемъ своего мужа Вѣра, сидѣвшая въ мѣстахъ для публики рядомъ съ Тарахтинымъ. Съ какимъ волненіемъ ожидала она вердикта присяжныхъ засѣдателей и какимъ торжествомъ сверкали ея глаза, когда она услышала оправдательный приговоръ.

Она первою пожимала руки Ѳедора Васильевича, она расцѣловала бы ихъ, если бы ее не смущало присутствіе Тарахтина, который, впрочемъ, раздѣлялъ ея восторгъ въ равной степени и такъ радовался успѣху своего помощника, какъ не радовался никогда своему собственному. Вечеромъ, за чаемъ, когда Вѣра ни на минуту не отводила глазъ, въ которыхъ свѣтилось обожаніе, отъ своего мужа, у Тарахтина прошелъ этотъ восторгъ: онъ съ горечью слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, съ болью въ сердцѣ убѣждался, какъ крѣпка ея любовь къ Ѳедору Васильевичу; онъ не ревновалъ, но въ его душѣ опять проснулись съ новою силой поздніе сожалѣнія и ему стоило большаго труда сохранить прежнее спокойствіе изъ боязни не испортить счастливаго настроенія молодыхъ людей.

Бѣжали дни. Время шло съ тою поражающею быстротой, съ какой проходитъ оно только въ столицѣ, благодаря лихорадочной смѣнѣ разнообразныхъ событій. Тарахтинъ попрежнему ежедневно посѣщалъ Панченко и съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе въ немъ разгоралась, несмотря на сознаваемую безнадежность, его любовь къ Вѣрѣ.

Какъ часто, сидя противъ молодой женщины и обсуждая съ кажущимся хладнокровіемъ послѣдній разсказ моднаго беллетриста или игру актера, видѣннаго недавно ими вмѣстѣ, Тарахтинъ обрывалъ свою неторопливую рѣчь, не доканчивая фразы, и растерянно оглядывался вокругъ, точно отыскивая защитника, кто бы задержалъ въ немъ безумный порывъ броситься къ ногамъ Вѣры, прильнуть къ краю ея платья, разсказать ей о своихъ мукахъ, открыть передъ ней свою душу.

Въ такія минуты наступало молчаніе, Вѣра перебирала клавиши пьянино и старалась не смотрѣть на своего собесѣдника, и только Ѳедоръ Васильевичъ какимъ-нибудь вопросомъ, обращеннымъ къ Тарахтину, возобновлялъ прерванный разговоръ.

Тарахтинъ не тѣшилъ себя несбыточными надеждами, онъ зналъ, что стоитъ ему только заикнуться, стоитъ только Вѣрѣ однажды услыхать отъ него не только признаніе, а хоть одинъ намекъ на чувство болѣе нѣжное чѣмъ уваженіе или дружба, и навсегда закроется передъ нимъ дверь квартиры на Забалканскомъ проспектѣ, не видать ему никогда Вѣры, не слыхать ея голоса, придется забыть о самомъ ея существованіи.

Одна мысль о возможности такого несчастія приводила его въ ужасъ, онъ съ удвоеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за собой, за каждымъ жестомъ, за каждымъ взглядомъ, боясь выдать тяготившую его тайну.

Но страсть Тарахтина—была-ли она тайной для супруговъ Панченко, да и можетъ-ли статься, чтобы женщина, какъ бы молода и неопытна она ни была, не замѣтила внушенной ею любви? Наконецъ, Ѳедоръ Васильевичъ, неужели онъ не догадывался объ истинной причинѣ столь частыхъ посѣщеній Тарахтина, не видѣлъ въ исключительномъ вниманіи адвоката къ себѣ другаго объясненія, кромѣ обыкновенной дружеской симпатіи?

Молодость—великое дѣло. Только въ эту раннюю пору жизни смотришь на людей такъ, какъ хочешь, и видишь только то, что хочешь видѣть. За привѣтливой улыбкой кроется, конечно, расположеніе, каждая оказанная услуга, каждое доброе слово говорятъ о любви. Нѣтъ желанія доискиваться причинъ, заставляющихъ людей, съ которыми вступаешь въ сношенія, поступать такъ, а не иначе, охотно вѣришь всему хорошему, не предполагаешь дурнаго.

Да развѣ могъ Ѳедоръ Васильевичъ хоть на мгновеніе заподозрить человѣка, который такъ ласково обращался съ нимъ, такъ крѣпко пожималъ его руки, съ такимъ искреннимъ безкорыстіемъ шелъ навстрѣчу каждому его желанію, съ такой неподдѣльною радостью привѣтствовалъ его успѣхи?

Для него Тарахтинъ былъ воплощеннымъ благородствомъ, человѣкомъ съ возвышеннымъ характеромъ, идеаломъ, къ которому онъ стремился; для подозрѣній и ревности не было мѣста въ его душѣ.

Но Вѣра все видѣла, для нея не было тайной увлеченіе Тарахтина: какъ ни старательно слѣдилъ онъ за собой, онъ давно выдалъ свое чувство, и съ той поры, когда молодая женщина впервые ясно сознала, что она значитъ для Тарахтина,—ея внутренній миръ былъ нарушенъ и одна забота наполняла всѣ ея помыслы: чѣмъ предотвратить грозящую опасность.

О помощи мужа она и не думала; она знала, какъ смотритъ онъ на Тарахтина, да и на какую помощь могла она разсчитывать, когда она не могла ни подѣлиться съ Ѳедоромъ Васильевичемъ своей тревогой, ни объяснить ему своихъ опасеній.

Нельзя же сказать мужу: перестань принимать Тарахтина, онъ меня любитъ,—когда она не слыхала и слова признанія отъ Тарахтина, а подозрѣніе Ѳедоръ Васильевичъ постарается разсѣять; да и въ правѣ-ли она сообщать свои подозрѣнія, въ сущности, ни на чемъ не основанныя?

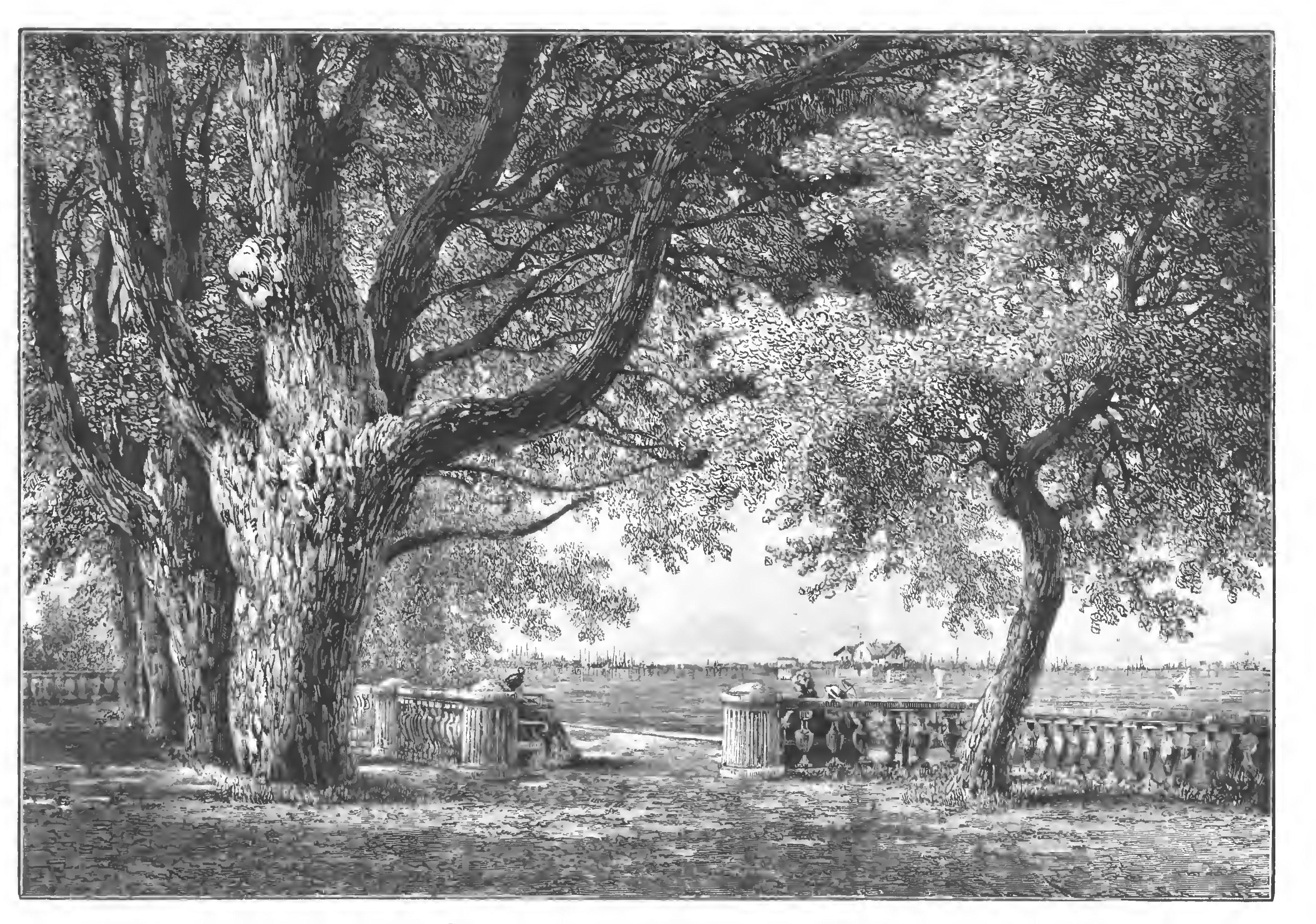
Нельзя же сказать, что о любви своей Тарахтинъ говоритъ и глазами, и во время чтенія, когда голосъ его дрожитъ и онъ весь горитъ. Нельзя сказать, что эта дрожь и этотъ жаръ не искусство опытнаго чтеца, а страсть, которая просится наружу и высказывается чужими словами; нельзя сказать мужу, что она чувствуетъ, какъ иногда Тарахтинъ удерживается отъ желанія упасть къ ея ногамъ, а она догадывается объ этомъ желаніи и не знаетъ, что происходитъ съ ней въ такія мгновенія, какъ замираетъ ея сердце и вся она охвачена безпредѣльнымъ ужасомъ, въ которомъ она не можетъ дать себѣ отчета.

Если-бы здѣсь, въ Петербургѣ, жила Анна Григорьевна, Вѣра прибѣгла бы къ ея защитѣ, она все разсказала бы матери, та поняла бы ее и съумѣла оградить покой своей дочери. Но далекъ этотъ единственный человѣкъ, кому могла бы Вѣра повѣрить свое горе; а что скажешь холоднымъ письмомъ, да и какъ передать на бумагѣ то, на чемъ боишься долго останавливать свои мысли.

Иногда ей приходило желаніе поговорить съ самимъ Тарахтинымъ на чистоту, попросить его прекратить свои посѣщенія, сказать ему, какъ оскорбительна для нея эта страсть, въ какомъ заколдованномъ кругѣ она живетъ, благодаря его поведенію. По временамъ въ душѣ ея загоралась злоба на Тарахтина, она съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидала его прихода и уже совсѣмъ приготовлялась, чтобы высказать ему все свое негодованіе,—но приходилъ Тарахтинъ, ему сейчасъ же становилось понятнымъ настроеніе Вѣры, и онъ съ такимъ пришибленнымъ и униженнымъ видомъ смотрѣлъ на нее, его покорное лицо такъ краснорѣчиво говорило о его готовности вынести всяческія оскорбленія, что гнѣвъ молодой женщины упадалъ, и его смѣняло сожалѣніе.

„Въ самомъ дѣлѣ, разсуждала тогда Вѣра,—чѣмъ виноватъ онъ, если у него не достаетъ силъ бороться съ своей любовью. Если мнѣ тяжело выносить неловкость нашихъ отношеній, то каково ему жить, зная, что на его чувство никогда не можетъ быть отвѣта, не имѣя ни малѣйшей надежды на взаимность любимаго существа“.

Она становилась ласковѣе съ нимъ, играла и пѣла его любимые романсы, вызывала его на разсказы и съ усиленнымъ вниманіемъ ихъ слушала, просила чтенія, и ей доставляло удовольствіе видѣть, какъ подъ ея вліяніемъ оживлялся Тарахтинъ, расцвѣталъ, старался блеснуть и остроуміемъ и краснорѣчіемъ, развертывалъ всѣ свои средства. Но кончался вечеръ, уходилъ Тарахтинъ успокоенный и по своему счастливый, а Вѣра опять мучилась сомнѣніями и, предоставленная самой себѣ, безъ друга, безъ матери, лишенная возможности подѣлиться своими мыслями съ любимымъ мужемъ, теряла голову, не находя желаннаго исхода.



Монплезиръ и видъ на Петергофскую пристань. Факсимиле съ карт. профессора **Волкова**, грав. Флюгель.

Праздникъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **Ижакевича.** грав. Флюгель.

XIII.

За весь этотъ годъ у Тарахтина не было ни одного выдающагося процесса, и потому онъ ощутилъ чувство похожее на радость, когда получилъ письмо изъ дома предварительнаго заключенія отъ содержавшейся тамъ француженки Берто съ просьбой принять на себя защиту въ судѣ ея дѣла.

Четыре мѣсяца тому назадъ эта француженка заставила говорить о себѣ мелкую печать, въ большихъ газетахъ вкратцѣ сообщалось о совершенномъ ею преступленіи, и на нѣсколько дней оно послужило предметомъ разнорѣчивыхъ городскихъ толковъ.

Берто служила гувернанткой въ домѣ доктора Вощинина и отравила его жену, какъ писали въ газетахъ, изъ ревности. На предварительномъ слѣдствіи она созналась, и теперь въ окружномъ судѣ стоялъ на очереди разборъ ея дѣла.

Тарахтинъ въ день полученія письма поѣхалъ къ ней съ тѣмъ, чтобы объявить о своемъ согласіи быть ея защитникомъ и познакомиться съ принимаемымъ дѣломъ. Его непріятно поразила и внѣшность довѣрительницы, высокой, сухопарой и некрасивой женщины уже лѣтъ за тридцать, съ длиннымъ острымъ носомъ и сближенными хитрыми глазами, и какая-то наглая самоувѣренность въ своей правотѣ. Она сознавалась въ преступленіи съ такою гордостью, съ какою не говорятъ о совершенномъ подвигѣ, а на вопросъ Тарахтина, какія причины побудили ее рѣшиться на злодѣяніе, развязно отвѣчала что она любила мужа своей жертвы и не могла выносить соперницы.

Тарахтинъ узналъ также, что она не пользовалась взаимностью мужа покойной, да и, по ея словамъ, тотъ врядъ-ли догадывался о страсти, питаемой къ нему перезрѣлой дѣвой.

Тарахтинъ подумывалъ уже отказаться отъ защиты, но француженка такъ умоляла не лишать ее единственной надежды, что у него не достало духа настоять на своемъ и онъ согласился. Пересмотрѣвъ дѣло въ судѣ, онъ еще разъ пожалѣлъ о поспѣшности своего согласія, но француженка взяла съ него слово и отступать было уже неловко.

Обстоятельства, выяснившіяся при изученіи дѣла, отличались своей несложностью. Супруги Вощинины для своей подрастающей дочери рѣшили взять гувернантку, обратились, какъ водится, въ контору, которая въ тотъ же день исполнила ихъ требованіе и прислала Берто. Она прожила у нихъ около года, добросовѣстно исполняя свои обязанности, ни разу не вызвавъ неодобренія своихъ хозяевъ. Жена доктора захворала, и среди лекарствъ былъ прописанъ для успокоенія опіумъ. Берто все время ухаживала за больной и послѣ ея внезапной смерти, происшедшей отъ пріема опіума въ чрезмѣрной дозѣ, никому не приходило въ голову искать въ этой смерти преступленія, всѣ болѣе склонны были видѣть несчастный случай; но Берто созналась, что она нарочно увеличила пріемъ подносимаго ею лекарства съ цѣлью отравить жену человѣка, котораго она любила.

Принявъ дѣло почти противъ желанія и не симпатизируя своей довѣрительницѣ, Тарахтинъ однако увлекся благодарнымъ матеріаломъ и дѣятельно занялся его разработкой. Когда передъ глазами не было непріятной фигуры Берто, въ его воображеніи развертывалась самая драма, онъ создавалъ обстановку, подходящія положенія, слѣдилъ за развитіемъ страсти главнаго дѣйствующаго лица и мало-по-малу такъ проникся сочувствіемъ къ произведенію своего вымысла и настолько сжился съ нимъ, что передъ нимъ наконецъ возникла стройная картина и захватила его всего. Въ краткомъ конспектѣ онъ намѣтилъ основные тезисы защиты; рѣчей въ уголовныхъ дѣлахъ Тарахтинъ заранѣе никогда не приготовлялъ, зная по опыту, что рѣчь прійдетъ сама въ свое время, подсказанная и допросомъ свидѣтелей, и прокуроромъ, и тѣмъ особеннымъ настроеніемъ, которое сообщалось ему только въ залѣ суда.

Разборъ дѣла былъ назначенъ въ концѣ марта, когда въ Петербургѣ всѣ сезонныя новинки уже истощены, и процессъ Берто, подоспѣвъ какъ разъ во-время, сдѣлался настоящею злобой дня, причемъ интересъ къ нему въ значительной степени подогрѣвался извѣстіемъ объ участіи Тарахтина въ качествѣ защитника. Онъ давно уже не выступалъ въ такомъ громкомъ дѣлѣ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его дебюта. Наконецъ наступилъ и этотъ вожделѣнный день.

Вѣра и Ѳедоръ Васильевичъ были встрѣчены у входа Тарахтинымъ, онъ указалъ имъ мѣста и до начала засѣданія походилъ съ ними въ коридорахъ, наполненныхъ избранной публикой. Хотя Вѣра и Ѳедоръ Васильевичъ знали, что любопытные взгляды проходившихъ относятся не къ нимъ, а къ ихъ спутнику, тѣмъ не менѣе испытывали самолюбивое волненіе передъ всеобщей данью вниманія, часть котораго, какъ казалось, распространялась и на ихъ долю.

Тарахтинъ владѣлъ собой, или дѣйствительно былъ спокоенъ, но онъ ничѣмъ не выдалъ своего возбужденія и только развѣ всегда блѣдное лицо его казалось блѣднѣе обыкновеннаго. Но вотъ началось засѣданіе, всѣ заняли свои мѣста, и стройная, представительная фигура Тарахтина сдѣлалась центромъ, гдѣ сходились всѣ взгляды, куда направлялись бинокли и лорнеты.

Вѣра то и дѣло слышала отъ своихъ сосѣдокъ фразы, произнесенныя шепотомъ; говорили о Тарахтинѣ, утверждали, что онъ измѣнился, но всѣ находили его интереснымъ и красивымъ. Передъ этимъ засѣданіемъ Тарахтинъ два дня не посѣщалъ молодыхъ людей, и теперь, въ залѣ суда, Вѣра можетъ-быть впервые смотрѣла на него чужими глазами, невольно заражаясь всеобщимъ поклоненіемъ.

Началось судоговореніе; допросъ обвиняемой, свидѣтелей и судебное слѣдствіе значительно упростились въ виду полнаго сознанія M-lle Берто. На нѣсколько минутъ публика заинтересовалась появленіемъ въ качествѣ свидѣтеля мужа покойной. На настоящую героиню процесса, M-lle Берто, никто не обращалъ вниманія, всѣ ожидали рѣчи Тарахтина. Послѣ перерыва, во время котораго почти никто не покинулъ залы, начались пренія.

Молодой товарищъ прокурора, чувствуя, что онъ говоритъ въ чужой аудиторіи, торопясь, точно и ему хотѣлось поскорѣе услышать Тарахтина, неувѣреннымъ тономъ произнесъ свою рѣчь, настаивая на обвиненіи; его прослушали холодно и когда предсѣдатель обратился наконецъ къ Тарахтину, давая ему слово, всѣ оживились, и наступила мертвая тишина.

Тарахтинъ всталъ, выпрямился во весь ростъ и тихимъ ровнымъ голосомъ произнесъ вступительную фразу. Въ его манерѣ говорить поражала та особенность, свойственная только очень талантливымъ ораторамъ, что, казалось, будто ему нѣтъ никакого дѣла, слушаютъ его или нѣтъ, какъ будто ему важно объяснить дѣло себѣ, убѣдить себя въ его правотѣ, не заботясь, сообщается или нѣтъ другимъ это убѣжденіе.

Подробно, фактъ за фактомъ, онъ разобралъ жизнь M-lle Берто до совершенія преступленія, и вся зала пережила ея труженическое одинокое существованіе, мыканіе изъ дома въ домъ въ погонѣ за кускомъ насущнаго хлѣба.

— Радость любви ни на одинъ мигъ не озарила ея скромныхъ дней и, вѣроятно, ей уже казалось, говорилъ Тарахтинъ,— что и самое это чувство—праздный вымыселъ мечтательныхъ головъ. Такъ было до поступленія M-lle Берто на послѣднее мѣсто своего служенія. Но здѣсь ее ожидало тяжелое испытаніе: она полюбила. Привлекательно это чувство въ молодомъ существѣ, оно окрыляетъ его, облагораживаетъ и можетъ вдохновить на великія дѣла; но горе тому, кто въ зрѣломъ возрастѣ не съумѣлъ закрыть своего сердца для сладостнаго искушенія...

Тарахтинъ далъ волю своему краснорѣчію, онъ чувствовалъ, что слушатели уже въ его власти, слова послушно приходили къ нему и лились неудержимымъ потокомъ. Собственная страсть къ Вѣрѣ послужила ему темой для блестящей импровизаціи, и ему стоило только на мгновеніе не увидѣть, а скорѣе угадать въ мѣстахъ для публики изящный силуэтъ молодой женщины, какъ новые порывы сообщались ему и голосъ его звенѣлъ отъ страстнаго волненія.

Очертивъ пребываніе M-lle Берто въ теченіе цѣлаго года подъ одной кровлей съ счастливою соперницею, Тарахтинъ такъ объяснялъ душевное настроеніе своей довѣрительницы въ моментъ совершенія преступленія: во время болѣзни покойной нѣжность мужа, разумѣется, усилилась, а вмѣстѣ съ ея усиленіемъ выросла и ревность M-lle Берто. И вотъ вечеромъ, когда нужно было дать больной пріемъ усыпляющаго лекарства, безумная женщина, въ порывѣ отчаянія, теряя вмѣстѣ съ волей, можетъ быть, и сознаніе своихъ дѣйствій, прибавила нѣсколько капель и дѣло было сдѣлано. Вообще, о преступленіи Тарахтинъ старался говорить какъ можно короче, ни на мгновеніе не останавливая на немъ вниманія своихъ слушателей, и такъ закончилъ свою рѣчь:

— О любви, говорилъ онъ,—мы привыкли читать въ романахъ и стихахъ, но встрѣчаясь съ нею въ жизни, мы проходимъ безучастно мимо этой роковой загадки; своихъ страданій мы не цѣнимъ, чужихъ не замѣчаемъ, но кто изъ насъ можетъ поручиться, что онъ съумѣетъ устоять передъ первой грозой, кто скажетъ сердцу: замолчи! и кого оно послушается, кого не увлечетъ первый вихрь и кто можетъ предугадать всѣ послѣдствія? По крайней мѣрѣ я этого не скажу, у меня нѣтъ отрицательнаго отвѣта на такой вопросъ, и я умолкаю, а кто можетъ, пусть первый броситъ камень въ эту женщину!..

Послѣднія слова и въ особенности Евангельское изреченіе Тарахтинъ произнесъ съ такимъ увлеченіемъ, что оно тотчасъ сообщилось присутствующимъ, всѣ забыли о M-lle Берто и возмутительной фальши въ защитѣ и постановкѣ ея дѣла, всѣмъ вдругъ сдѣлался близокъ и дорогъ этотъ недоумѣвающій и страдающій отъ своего недоумѣнія человѣкъ, гулъ рукоплесканій раздался въ залѣ и когда спустя нѣсколько мгновеній напряженнаго безмолвія старшина присяжныхъ смущенно объявилъ: „Нѣтъ, не виновна“, рукоплесканія возобновились и достигли такихъ размѣровъ, что предсѣдатель рѣзкими и частыми звонками еле успокоилъ публику.

Густая толпа знакомыхъ и незнакомыхъ окружила Тарахтина, отовсюду слышались поздравленія, но не этого успѣха добивался онъ: ему хотѣлось видѣть Вѣру, узнать какое впечатлѣніе произвела на нее его заключительная рѣчь, какъ подѣйствовалъ его сегодняшній тріумфъ. Онъ кое-какъ вырвался отъ знакомыхъ и нашелъ молодыхъ людей уже въ швейцарской. Вѣра стояла у окна, ожидая, пока Ѳедоръ Васильевичъ до-

станетъ ихъ верхнія платья, что было нелегко сдѣлать въ виду наплыва выходящихъ посѣтителей.

Она вздрогнула, увидѣвъ Тарахтина, и онъ замѣтилъ, что ея блѣдное лицо хранило слѣды недавнихъ слезъ. Онъ остановился передъ ней, и Вѣра, слабо пожимая его протянутую руку, едва могла выговорить: „сегодня, ради Бога, не пріѣзжайте къ намъ; завтра, утромъ, я вамъ все скажу“. Въ голосѣ ея звучали умоляющія ноты, и Тарахтинъ безмолвно наклонилъ голову въ знакъ согласія.

Въ это время подошелъ Ѳедоръ Васильевичъ. Радость его не имѣла границъ; обнимая, онъ измялъ крахмальную рубаху Тарахтина, но былъ очень огорченъ, когда въ отвѣтъ на приглашеніе ѣхать съ ними, Тарахтинъ, подъ вліяніемъ взгляда Вѣры, отказался, ссылаясь на необходимость присутствовать на товарищескомъ обѣдѣ, устраиваемомъ въ честь его присяжными повѣренными.

XIV.

Томительный вечеръ и тяжелую безсонную ночь провела Вѣра, приготовляясь къ рѣшительному объясненію съ Тарахтинымъ.

Лежа съ открытыми глазами возлѣ безмятежно спавшаго Ѳедора Васильевича, она въ эти нѣсколько часовъ пережила мысленно такую огромную смѣну разнообразныхъ ощущеній, какой ей не доводилось испытывать еще никогда въ своей жизни. Дѣло Берто вдругъ открыло ей глаза, и она въ первый разъ увидѣла Тарахтина безъ дружеской маски, въ настоящемъ свѣтѣ. Она вспоминала каждое его слово на судѣ, и теперь, свободная отъ посторонняго подчиняющаго вліянія, не слыша подкупающаго голоса адвоката, понимала истинное значеніе его рѣчи.

Защищая Берто, онъ защищалъ самого себя; говоря о страсти этой женщины, онъ говорилъ о своей; не даромъ такъ часто, во время рѣчи, онъ искалъ глазами ту, для которой расточалось его краснорѣчіе; не даромъ Вѣра чувствовала, какъ разгорается ея лицо отъ этихъ взглядовъ, оно горитъ и теперь при одномъ воспоминаніи. И она ясно сознавала, что этотъ человѣкъ, защищавшій явную ложь, не задумается ни передъ какими препятствіями для достиженія своей цѣли.

Одного не могла понять Вѣра, какое чувство испытываетъ она къ Тарахтину, отчего нестерпимый стыдъ не даетъ ей покоя, отчего сердце ея бьется, какъ подстрѣленная птица. Откуда этотъ страхъ, точно передъ ней открылась бездна, куда влечетъ ее необъяснимая сила, и почему отъ стараній противиться ей такъ больно и тяжело на душѣ?.. Она съ тоской ожидала разсвѣта, повторяя про себя всѣ молитвы, какія знала, и нашла въ нихъ подкрѣпленіе и защиту.

Утромъ Ѳедоръ Васильевичъ уѣхалъ на дежурство къ Тарахтину и, такимъ образомъ, благодаря этому случайному совпаденію, Вѣра могла съ-глазу-на-глазъ переговорить съ адвокатомъ.

Въ двѣнадцать часовъ послышался звонокъ, пріѣхалъ Тарахтинъ. Онъ также должно-быть плохо спалъ въ эту ночь, и глаза его были окружены синевой, но на его лицѣ отражалась такая увѣренность въ своемъ успѣхѣ, что Вѣру покоробило при первомъ взглядѣ, и она, не подавая руки, пригласила его садиться.

Тарахтинъ занялъ свое кресло. Вѣра помѣстилась противъ него и сказала:

— Вы хорошо помните, Сергѣй Николаичъ, вашу вчерашнюю рѣчь?

Тарахтинъ отвѣчалъ утвердительно, не догадываясь зачѣмъ предложенъ ему этотъ вопросъ. Вѣра продолжала:

— Помните, вы сказали, что у васъ не хватитъ духа бросить камень въ человѣка не имѣющаго силъ устоять при первой грозѣ?

— Да, помню... живо подтвердилъ онъ и хотѣлъ заговорить, но Вѣра его перебила:

— Подождите, я сейчасъ окончу, сказала она и, не глядя на Тарахтина, продолжала тихимъ голосомъ: — А хватитъ-ли у васъ духа поддержать того, кто захочетъ устоять? протянете-ли вы ему руку помощи?

— Вѣра Петровна, я васъ не понимаю...

— Сергѣй Николаичъ, я прошу отвѣта на мой послѣдній вопросъ.

Тарахтинъ замялся.

— Я совсѣмъ не ожидалъ, сказалъ онъ,—что наша бесѣда приметъ такой оборотъ.

— Я жду отвѣта, повторила Вѣра, и такъ какъ Тарахтинъ молчалъ, она продолжала, уже вставъ съ табурета:—Всѣмъ этимъ я хотѣла сказать, что ваши посѣщенія, Сергѣй Николаичъ, наше знакомство — слишкомъ тяжелое испытаніе для меня, и я рѣшила положить ему конецъ. Но мнѣ не хотѣлось бы вмѣшивать сюда моего мужа, и я обращаюсь къ вамъ, какъ къ честному человѣку, надѣясь, что вы исполните мою просьбу.

Тарахтинъ какъ во снѣ слышалъ ея послѣднія слова и только, спустя нѣсколько мгновеній, понялъ, чего требуетъ отъ него Вѣра. Онъ посмотрѣлъ на нее вопросительно, но ничего не могъ прочитать въ ея лицѣ, застывшемъ въ спокойномъ выраженіи. Онъ обвелъ вокругъ себя ищущимъ взглядомъ и едва внятно произнесъ:

— Знаете-ли, что вы дѣлаете со мной?

— А что вы хотѣли сдѣлать со мной? отвѣтила вопросомъ на вопросъ Вѣра.

— Но я васъ...

Вѣра не позволила ему докончить.

— Если-бы имѣете хоть каплю жалости ко мнѣ, вы не будете оскорблять меня своими признаніями, довольно съ меня того, что я вчера слышала на судѣ. Но это уже дѣло прошлое, и мы не будемъ возобновлять непріятнаго для насъ обоихъ разговора.—Она съ такимъ спокойствіемъ сказала послѣднюю фразу, что Тарахтину стало холодно, и онъ вдругъ почувствовалъ, какъ далека отъ него Вѣра; а она продолжала почти дружескимъ тономъ: — Я забыла сказать вамъ самое главное. Вы имѣете большое вліяніе на Ѳедора Васильевича—убѣдите его, что онъ не созданъ для карьеры адвоката: вамъ это будетъ стоить не большихъ усилій, а исполненіемъ моей просьбы вы окажете мнѣ услугу, которую я никогда не забуду.

Вѣра ничего не прибавила въ поясненіе своего желанія, но Тарахтинъ понялъ ее—и ему сдѣлалось жутко отъ сознанія, что даже самая его профессія возбуждаетъ отвращеніе въ молодой женщинѣ.

Онъ поднялся со своего мѣста и смотрѣлъ на Вѣру прощальнымъ взглядомъ. Въ послѣдній разъ онъ видитъ ее передъ собой, чистую, недоступную, въ этомъ дорогомъ для него сѣромъ домашнемъ платьѣ, каждая складка котораго, кажется, знакома ему. Въ послѣдній разъ онъ любуется милымъ ему лицомъ, этимъ высокимъ, точно точенымъ изъ слоновой кости лбомъ, отъ котораго такъ и вѣетъ невозмутимымъ миромъ; въ послѣдній разъ онъ смотритъ въ эти синіе глаза, на эти цѣломудренныя губы, въ послѣдній разъ его окружаетъ обаяніе ея присутствія...

О, еслибъ можно было унести съ собой ея образъ и навсегда сохранить его неприкосновеннымъ въ своемъ памяти! Но пора, ждутъ его ухода! Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней; Вѣра невольно отступила, но тотчасъ-же спохватилась, не желая, чтобы Тарахтинъ истолковалъ въ обидномъ для себя смыслѣ ея движеніе.

Онъ низко поклонился Вѣрѣ, она протянула ему руку, проводила его до дверей и ея самообладанія хватило даже на прощальную дружескую улыбку; но какъ только она осталась одна, силы мгновенно покинули ее, она едва добрела къ первой оттоманкѣ и упала передъ ней на колѣна. Долго сдерживаемыя слезы полились ручьями и глухія рыданія потрясали все ея тѣло. Дорого заплатила она за свое спокойствіе, но какой-бы цѣной оно ни было куплено, Вѣра не измѣнила себѣ, не измѣнила своему долгу, и это сознаніе не давало усилиться ея горю. Къ пріѣзду мужа она уже владѣла собой, и никто, глядя на Вѣру, не угадалъ-бы, что она вынесла въ этотъ день.

У нея хватило силы удивиться, когда Ѳедоръ Васильевичъ сообщилъ ей неожиданную новость объ отъѣздѣ Тарахтина сегодня вечеромъ за границу, и она съ радостью услышала признаніе мужа, что ему надоѣла адвокатура и онъ хочетъ посвятить себя административной карьерѣ, для чего имъ надо возвратиться на родину, гдѣ всѣ его знаютъ и гдѣ легче получить назначеніе.

КОНЕЦЪ.

Солнце и электричество.

Изъ книги **Эмиля Буанъ.**

Значеніе солнца въ нашемъ земномъ мірѣ громадно. Оно не только согрѣваетъ и освѣщаетъ насъ своими благодѣтельными лучами, но, по истинѣ, составляетъ душу нашего міра. Лучи его являются конечнымъ источникомъ почти всѣхъ движеній происходящихъ на землѣ.

Именно солнечный свѣтъ, дѣйствуя непосредственно, производитъ морскія теченія; выпариваетъ воду съ поверхности морей и переноситъ ее на материки, на которые она и падаетъ въ видѣ росы, дождя, града, снѣга. Солнечная теплота производитъ вѣтеръ и тѣ колебанія въ электрическомъ равновѣсіи атмосферы, отъ которыхъ происходятъ грозы и, вѣроятно, земной магнетизмъ и сѣверныя сіянія. Медленное уничтоженіе твердыхъ составныхъ частей поверхности земли объясняется также, частію, воздѣйствіемъ на нихъ вѣтра или дождя и переходами отъ тепла къ холоду, частію же, постоянными дѣйствіемъ морскихъ волнъ, приводимыхъ въ движеніе вѣтромъ. Вліяніе морскихъ приливовъ тутъ сравнительно слабо.

Итакъ, отъ солнца зависятъ не только перемѣны дня, ночи и временъ года, но всѣ земныя движенія, начиная съ бурь и кончая паденіемъ малѣйшей пылинки.

Не меньше его значеніе въ отношеніи растительной и животной жизни.

Угольная кислота, говоритъ Тиндалль, есть вещество, изъ котораго растенія берутъ уголь; вода снабжаетъ ихъ водоро-

домъ. При этомъ, именно солнечный лучъ освобождаетъ кислородъ и позволяетъ углю и водороду соединяться между собою и образовывать древесное волокно. Когда солнечные лучи падаютъ на песокъ — онъ нагрѣвается и начинаетъ испускать столько-же теплоты, сколько воспринялъ; но когда тѣ-же самые лучи падутъ на лѣсъ—количество возвращаемой теплоты оказывается меньше количества полученной, ибо часть ея послужила для образованія деревьевъ. Слѣдовательно, въ отсутствіи солнца не могло бы происходить разложенія воды и углекислоты.

Не было бы солнца—не было бы растительности, не было бы также и животной жизни. Питаніе животныхъ есть не что иное, какъ рядъ горѣній, возстановляющихъ, въ концѣ-концовъ, угольную кислоту и воду, разложенныя растеніями съ помощью солнца. Всѣ животныя питаются—прямо-ли или рядомъ послѣдовательныхъ превращеній—растеніями, которыхъ не было бы, если-бъ не было солнца.

Тепло нашихъ печей, сила нашихъ паровыхъ машинъ — также взяты отъ солнца. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, эти лѣса и въ особенности каменно-угольныя копи - если не запасы прежней солнечной теплоты, преобразованной могучею растительностью и скрытою въ землю рядомъ геологическихъ переворотовъ.

Потухни солнце—и все впадетъ въ неподвижное состояніе. Жизнь исчезнетъ. А потому, мы по истинѣ *дѣти солнца.*

Причиною удивительнаго промышленнаго развитія, характеризующаго нашъ вѣкъ, является научный прогрессъ и употребленіе паровой машины, какъ двигательной силы. Сила же паровыхъ машинъ, дѣйствующихъ во всемъ свѣтѣ, исчислена была въ 1882 году равною 80 милліонамъ лошадиныхъ силъ. Работа, производимая всѣми этими машинами, больше той, которую могъ бы выполнить милліардъ рабочихъ, то-есть, число въ четыре или пять разъ большее числа здоровыхъ мужчинъ въ цѣломъ мірѣ.

Перестанутъ дѣйствовать паровыя машины и вся эта громадная сила сократится. А это угрожаетъ намъ въ не очень отдаленномъ будущемъ. Онѣ поглощаютъ громадное количество каменнаго угля, и настанетъ время, когда въ немъ окажется недостатокъ. Въ 1880 году потребленіе этого драгоцѣннаго топлива во всемъ свѣтѣ достигло 300 милліоновъ тоннъ. А при такой его затратѣ и при постепенно увеличивающемся еще потребленіи—менѣе чѣмъ черезъ пятьсотъ лѣтъ не будетъ каменнаго угля въ Европѣ; а въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ—черезъ тысячу лѣтъ.

Мы располагаемъ въ настоящее время двумя главными видами топлива: лѣсомъ, постоянно, но медленно растущимъ, и каменнымъ углемъ, лѣсомъ ископаемымъ, накопившимся въ нѣдрахъ земли въ теченіе тысячъ лѣтъ. Что будетъ, когда эти запасы истощатся? Не будетъ болѣе двигательной силы, металловъ, свѣта во время ночи, и мы окажемся недалеко отъ дикаго состоянія.

Къ счастію, наука будетъ тутъ, для того чтобы отвратить подобный бичъ. Она указываетъ уже и найдетъ, безъ сомнѣнія, не одно средство прямо пользоваться живыми силами природы.

Силы эти громадны. По опытамъ Пулье, количество теплоты, ежегодно получаемой землею отъ солнца, таково, что, будучи распредѣлено по ней равномѣрно, могло бы расплавить слой льда въ 42 аршина толщиною, — то-есть, оно почти въ шестьсотъ тысячъ разъ больше того количества теплоты, которое образуется отъ сгоранія 300 милліоновъ тоннъ каменнаго угля. Потоки же водъ, падающихъ съ средней высоты въ 500 метровъ и направляющихся въ море, составляютъ приблизительно одинъ милліонъ кубическихъ метровъ въ секунду. А это, въ свою очередь, составляетъ силу въ тридцать тысячъ разъ большую силы всѣхъ нашихъ паровыхъ машинъ.

Мушо придумалъ уже аппаратъ, съ помощію котораго можетъ быть прямо утилизируема солнечная теплота, и его изобрѣтенію предсказываютъ широкую будущность.

Что-же касается другихъ силъ природы, вѣтра, воды, то полное промышленное приложеніе онѣ могутъ получить съ изобрѣтеніемъ надлежащаго способа переносить ихъ на разстояніе,—туда, гдѣ является потребность въ двигателяхъ.

И эту задачу обѣщаетъ разрѣшить намъ электричество.

Оно получается нынѣ въ большихъ количествахъ съ помощью электро-магнитныхъ машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе паровыми двигателями: сила, развиваемая горѣніемъ угля, превращается здѣсь въ электричество. Въ свою очередь, это электричество можетъ быть перенесено по проводникамъ на извѣстное разстояніе, и можетъ тамъ, гдѣ нужно, воспроизвести часть первоначальной двигательной силы. Это и дѣлается нынѣ. То же самое можетъ получиться при приведеніи въ дѣйствіе электро-магнитныхъ машинъ, напримѣръ, съ помощью водяного колеса. И двигательная сила послѣдняго можетъ быть также перенесена на разстояніе.

Въ этомъ заключается, между прочимъ, будущая роль электричества. Создаваемое живыми силами, въ изобиліи производимое вокругъ насъ солнцемъ, оно получитъ широкое примѣненіе, составитъ одновременно и силу, и свѣтъ, и теплоту. Приложеніе его громадно и нынѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Но каждый день наука поражаетъ новыми и новыми неожиданными открытіями въ области электричества.

Ник. Дружининъ.

Къ рисункамъ.

Пѣсня голода. (Рис. на стр. 945).

На страницахъ нашего журнала не разъ появлялись уже гравюры съ прелестныхъ картинъ Юлія Адама, тонкаго наблюдателя и изящнаго рисовальщика кошекъ. Въ № 20 за текущій годъ былъ помѣщенъ его котенокъ съ бабочкой. Нынѣ мы даемъ его картину „Пѣсня голода", гдѣ проголодавшіеся котята жалобно мяучатъ передъ пустою миской. Юлій Адамъ родился 6 мая 1852 года, въ Мюнхенѣ. Его отецъ, Альбрехтъ Адамъ, извѣстенъ въ нѣмецкой живописи какъ даровитый баталистъ. Равнымъ образомъ и три брата—Францъ, Бенно и Евгеній — съ успѣхомъ занимаются живописью. Съ юныхъ лѣтъ онъ работалъ въ мастерской своего отца, который, между прочимъ, въ то время занимался усовершенствованіями въ фотографіи. Усвоивъ себѣ это искусство, онъ воспользовался случаемъ и отправился въ Южную Америку, въ качествѣ фотографа ландшафтовъ. Тамъ онъ пробылъ 6 лѣтъ, не забывая въ это время заниматься рисованіемъ. Увлекаемый призваніемъ къ живописи, онъ возвратился на родину, гдѣ и принялся старательно работать сперва подъ руководствомъ профессора Эхтера, а затѣмъ у извѣстнаго живописца Дица. Къ этому времени относится цѣлый рядъ его картинъ, какъ-то: „Дѣти въ малинѣ", „Сказки", „Идиллія" и другія. Однажды, въ шутку, онъ зарисовалъ пару бывшихъ у него котятъ. Картинка попала въ Америку, откуда посыпался цѣлый рядъ заказовъ на картинки въ томъ же родѣ. Успѣхъ Адама былъ настолько великъ, что одинъ изъ американскихъ торговцевъ картинъ заключилъ съ нимъ многолѣтнее условіе, по которому Адамъ обязался рисовать только этихъ граціозныхъ животныхъ. Такимъ образомъ, Юлій Адамъ сталъ, можно сказать случайно, живописцемъ кошекъ, и въ этомъ родѣ картинъ онъ теперь не знаетъ соперниковъ.

Засада. (Рис. на стр. 948).

Многосторонній талантъ Н. Н. Каразина одинаково увлекательно передаетъ все, что попадаетъ подъ наблюдательный глазъ художника-этнографа, но особенно удаются ему виды и сцены изъ жизни въ Средней Азіи, гдѣ даровитый рисовальщикъ пробылъ цѣлыя 9 лѣтъ, участвуя во всѣхъ дѣлахъ до 1871 года, которыми прославились наши войска въ завоеваніяхъ этого края. Обычными достоинствами отличается также его акварель „Засада" на стр. 948, изображающая, какъ тигръ въ тихую лунную ночь подкрадывается къ двумъ верблюдамъ, собирающимся утолить жажду.

Царскій скиѳъ, во время набѣга. (Рис. на стр. 949).

Всѣ свѣдѣнія, какія сохранились намъ о скиѳахъ, были собраны умнымъ, талантливымъ и добросовѣстнымъ „*отцомъ исторіи*", Геродотомъ. Въ V в. до Р. Х., этотъ правдивѣйшій и проницательнѣйшій изъ греческихъ историковъ посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря, побывалъ въ греческихъ колоніяхъ близь устья Днѣстра и Днѣпра, и занесъ въ свою исторію значительную долю того, что ему тамъ пришлось увидѣть и узнать. Геродотъ говоритъ, что скиѳы обитали во всей странѣ на сѣверъ прибрежья Чернаго моря, вдоль береговъ Днѣпра и Дона, и между этими рѣками. Называя скиѳовъ *однимъ народомъ*, Геродотъ однако же подраздѣляетъ ихъ на нѣсколько племенъ и каждому изъ нихъ даетъ особое названіе. Такъ, напр., ближайшее къ греческой колоніи Ольвіи племя скиѳовъ Геродотъ называетъ *каллипидами*; за каллипидами живутъ, по Геродоту, *алазоны*; еще дальше на сѣверъ—скиѳы-земледѣльцы, а на востокъ—скиѳы-пастыри, исключительно занимающіеся скотоводствомъ. По низовьямъ Дона, до горъ Таврическихъ на югѣ, простирались земли *скиѳовъ-царскихъ*, господствовавшаго скиѳскаго племени, почитавшаго другихъ скиѳовъ своими рабами. Свѣдѣнія, которыя собралъ о скиѳахъ Геродотъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ нашли себѣ подтвержденіе въ тѣхъ обширныхъ ученыхъ раскопкахъ скиѳскихъ могилъ, которыхъ очень много разбросано въ разныхъ мѣстахъ южно-русской степи, но преимущественно въ низовьяхъ Днѣпра и Дона. Драгоцѣнные предметы древности, добытые изъ этихъ могилъ, вошли въ составъ богатѣйшаго музея скиѳскихъ древностей въ нашемъ Эрмитажѣ—единственнаго въ своемъ родѣ среди всѣхъ европейскихъ музеевъ.

Художникъ, создавая свой рисунокъ, въ значительной мѣрѣ воспользовался тѣми подробностями скиѳскаго быта, которыя сохранены намъ на различныхъ вазахъ и предметахъ скиѳскаго музея въ Эрмитажѣ. Оттуда взялъ онъ одежду, обувь и вооруженіе скиѳа, добавивъ отъ себя нѣкоторыми подробностями, о которыхъ умалчиваютъ достовѣрные памят-

Молочная ферма въ императорскомъ звѣринцѣ въ Гатчинѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Птичникъ въ Императорскомъ звѣринцѣ въ Гатчинѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

ники. Воображенію художника принадлежитъ и та породистая, кровная фигура коня, на которомъ ѣдетъ воинственный царскій скиѳъ: какъ степные наѣздники, скиѳы, всю жизнь свою проводившіе на конѣ и въ походахъ, воспитывали только степную породу коней, не красивую на видъ, но не знавшую ўстали. Эту породу, превосходно переданную греками-художниками, мы видимъ на знаменитой Никопольской вазѣ. Талантливый русскій скульпторъ, Л. В. Позенъ, выставившій на передвижной выставкѣ 1889 г. своего „Убѣгающаго скиѳа", (гравюра съ этой группы была своевременно помѣщена въ „Нивѣ") съумѣлъ точно возсоздать эту породу степной лошади, которую скопировалъ съ коней Никопольской вазы.

Молодой бояринъ. (Рис. на стр. 953).

Художникъ Лоренцъ въ своемъ изящномъ рисункѣ очень правдиво передалъ типъ молодаго русскаго окольничаго, въ обычномъ, выходномъ (или какъ тогда говорили: *ходильномъ*) платьѣ. Кафтанъ изъ узорной камки (скроенный распашнымъ покроемъ по польскому образцу, который ввели у насъ въ моду въ концѣ XVII вѣка), опушенный мѣхомъ и украшенный нашивками и кистями, надѣтъ въ рукава поверхъ другаго, короткаго *кафтанца*, также опушеннаго горностаемъ и украшеннаго кистями и нашивками изъ крученаго золота. Изъподъ курчавой, темной бородки виденъ воротъ рубахи, низанный жемчугомъ. Темные, добрые и ласковые глаза смотрятъ просто и прямо изъ-подъ густыхъ, красиво-очерченныхъ бровей, на которыя надвинута богатая соболья шапка.

Монплезиръ въ Петергофѣ. (Рис. на стр. 956).

Одною изъ самыхъ живописныхъ окрестностей Петербурга по всей справедливости считается Петергофъ. Основанный Петромъ Великимъ въ 1711 году, онъ былъ любимою его резиденціей. Забытый по смерти Петра, Петергофъ снова началъ украшаться при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Особенно много было сдѣлано для Петергофа при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I. Нынѣ Петергофскіе сады съ ихъ фонтанами являются единственными въ своемъ родѣ, и пріѣзжающіе въ сѣверную столицу путешественники считаютъ непремѣннымъ долгомъ посмотрѣть на „Самсона", знаменитый фонтанъ въ Нижнемъ саду. Тамъ же находится и бесѣдка Монплезиръ, откуда срисованъ видъ на петергофскую пристань покойнымъ профессоромъ Воробьевымъ, біографія котораго помѣщена въ № 50 *Нивы* за 1888 годъ.

Гулянье на кладбищѣ. (Рис. на стр. 957).

Въ дни поминовенія усопшихъ на кладбищахъ бываетъ всегда громадное стеченіе народа, который тутъ же на могилахъ родственниковъ ѣстъ и пьетъ, не забывая угощать и покойниковъ. Оттого художникъ Ижакевичъ и назвалъ свой рисунокъ „гуляньемъ", изобразивъ на немъ осеннее поминовеніе усопшихъ, которое бываетъ въ Родительскую субботу.

Виды Гатчины. Молочная ферма и птичникъ въ Императорскомъ звѣринцѣ. (Рис. на стр. 961).

Окрестности Петербурга чрезвычайно разнообразны и необыкновенно богаты загородными садами, парками и всякаго рода прогулками. Иностранцы, посѣщающіе нашу сѣверную столицу, поражаются этимъ разнообразіемъ живописныхъ загородныхъ мѣстностей, опоясывающихъ столицу на разстояніи одного часа пути отъ нея по желѣзной дорогѣ: Царское Село, Павловскъ, Стрѣльна, Петергофъ, Ораніенбаумъ представляютъ, дѣйствительно, такое очаровательное ожерелье Петербурга, которое намъ, русскимъ, трудно и оцѣнить по достоинству. Иностранцы, менѣе насъ избалованные просторомъ и обширностью загородныхъ гульбищъ, восхищаются тѣмъ, что въ теченіе какихъ-нибудь полутораста лѣтъ успѣли сдѣлать искусство и трудъ въ окрестностяхъ Петербурга. Дѣйствительно, на мѣстности почти плоской, изобилующей болотами, не отличавшейся разнообразіемъ растительнаго царства, разведены такіе громадные парки, вырыты такія озера, насыпаны такія возвышенности, разсажены такія разнообразныя породы лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ, разбросано такое множество изящнѣйшихъ дворцовъ, павильоновъ, кіосковъ, бесѣдокъ, бельведеровъ, что подробное описаніе всѣхъ окрестностей Петербурга должно было бы занять нѣсколько фоліантовъ.

Но изо всѣхъ окрестностей Петербурга болѣе всего нравится туристамъ Гатчина *), потому что громадный Гатчинскій паркъ менѣе всего напоминаетъ собою о тщательной культурѣ человѣка и носитъ на себѣ характеръ того дикаго, укромнаго уголка природы, которого какъ будто едва коснулась рука человѣка. Всею своею внѣшностью Гатчинскій паркъ съ его глухимъ *пріоратомъ*, съ его непроглядными чащами, съ его звѣринцемъ и Охотничьей слободкой напоминаетъ скорѣе заповѣдную пущу, нежели правильно разбитый паркъ.

Тѣ два вида зданій, построенныхъ въ Императорскомъ Гатчинскомъ звѣринцѣ, которые мы помѣщаемъ въ нынѣшнемъ № *Нивы*, представляютъ два прелестныхъ уголка, какъ бы случайно заброшенные въ Гатчинскую лѣсную глушь. Одинъ изъ нихъ представляетъ обширный и превосходно устроенный *птичникъ*, который изстари особенно славился своими фазанами, привольно живущими и плодящимися подъ тѣнистою сѣнью гатчинской чащи. Птичникъ расположенъ надъ самымъ скатомъ прелестнаго каскада, который даже и въ лѣтній зной освѣжаетъ воздухъ живительною влагою, между тѣмъ какъ тысячи птичьихъ свистовъ и криковъ вторятъ несмолкающему говору и журчанію водныхъ струй, разбивающихся о камни.

Молочная ферма поставлена на болѣе открытомъ мѣстѣ, на просторѣ, окруженномъ также отовсюду тѣнистыми группами сосенъ и елей. Скотъ, воспитываемый на этой образцовой фермѣ, принадлежитъ къ лучшимъ изъ молочныхъ породъ и привольно пасется на тучныхъ и обильныхъ лугахъ, которыми изобилуютъ окрестности гатчинской фермы. Вообще говоря, помѣщеніе птичника и фермы въ Гатчинѣ принадлежитъ къ числу не только пріятныхъ, но и поучительныхъ прогулокъ, и мы совѣтуемъ предпринять ихъ каждому любителю природы и сельскаго хозяйства.

*) Гатчина была уже подробно описана нами во 2 № *Нивы* за 1889 г.

450-ти-лѣтній юбилей книгопечатнаго дѣла. (Портр. на стр. 964).

Съ достовѣрностью неизвѣстны ни день рожденія, ни день смерти Гутенберга. Поэтому типографщики чествовали въ Германіи Гутенберга, въ день его именинъ, 12 іюня. Изобрѣтеніе книгопечатанія, которое въ сущности развилось мало-по-малу, обыкновенно пріурочиваютъ къ 1440 году. Такимъ образомъ въ текущемъ году исполнился 450-ти-лѣтній юбилей открытія искусства печатать книги. Не мало ушло времени, пока удалось устранить много сказаній, легендъ и нарочныхъ извращеній, окружавшихъ изобрѣтеніе книгопечатанія; въ настоящее время почти повсюду Іоганнъ Гутенбергъ признается за изобрѣтателя этого дѣла, а городъ Майнцъ считается колыбелью „чернаго искусства". Не надо забывать, что мы обязаны Гутенбергу открытіемъ не книгопечатанія въ буквальномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ еще до него печатали съ гравированныхъ досокъ и даже употребляли отдѣльныя буквы. Гутенбергъ изобрѣлъ нѣчто новое, а именно, типографію, т. е. отливку однообразныхъ свинцовыхъ буквъ и составленіе ихъ въ одну плоскость; кромѣ того, онъ устроилъ печатный станокъ и составлялъ для той-же цѣли особую краску.

Іоганнъ Генсфлейшъ Гутенбергъ, портретъ котораго помѣщенъ на стр. 964, родился около 1397 года въ Майнцѣ. Онъ былъ сыномъ патриція Фриле Генсфлейша и Эльзы Вейрихинъ. Городскіе непорядки принудили въ 1420 году семейство Генсфлейшъ переселиться изъ Майнца и только 14 лѣтъ спустя мы снова встрѣчаемъ Іоганна въ Страсбургѣ. Здѣсь онъ занимался всевозможными механическими работами: точилъ камни, дѣлалъ зеркала и, кажется, трудился исподволь надъ новымъ дѣломъ.

Во всякомъ случаѣ его изобрѣтеніе было уже совсѣмъ готово къ примѣненію, когда онъ вернулся въ свой родной городъ. Здѣсь онъ заключилъ съ богатымъ горожаниномъ Іоганномъ Фустомъ въ 1440 году условіе, по которому Фустъ давалъ средства для устройства книгопечатни, а Гутенбергъ долженъ былъ посвятить его въ свои открытія. Но какъ только Фустъ со своимъ зятемъ Шефферомъ узнали тайну печатать книги, они тотчасъ-же по суду устранили Гутенберга отъ дѣла и стали единственными собственниками и распорядителями Гутенберговой печатни. Но Гутенбергъ не потерялъ мужества и при поддержкѣ майнцскаго жителя Гумери устроилъ новую типографію, съ которой впослѣдствіи переѣхалъ въ Эльтвиль.

Тамъ курфюрстъ Адольфъ Нассаускій назначилъ Гутенберга въ 1465 году своимъ пожизненнымъ служителемъ и назначилъ ему пенсію. Черезъ три года, въ началѣ 1468 года, Гутенбергъ умеръ и былъ похороненъ въ доминиканскомъ монастырѣ. Могилы изобрѣтателя книгопечатанія не сохранилось. Церковь, гдѣ онъ былъ погребенъ, разрушена при обстрѣливаніи Майнца французами въ 1793 году.

Обераммергау. (Рис. на стр. 964).

Баварская деревня Обераммергау расположена посреди живописной мѣстности у рѣки Аммера. Обитатели ея, числомъ около 1,400 человѣкъ, все ревностные католики, мирно занимаются рѣзьбой изъ дерева въ своихъ красивыхъ домикахъ, окруженныхъ садами и образующихъ въ сущности одну широкую улицу вдоль Аммера. На многихъ изъ жилищъ встрѣчаются нарисованными сцены изъ Священнаго Писанія. Девять лѣтъ подъ-рядъ ничѣмъ не нарушается покой обитателей деревни. Зато каждый десятый годъ, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, она бываетъ переполнена любопытными заѣзжими со всѣхъ концовъ свѣта. Громадные поѣзда желѣзной дороги, идущей отъ Мюнхена въ Партенкирхенъ, подвозятъ ихъ до станціи Оберау, откуда путешественники, по прекрасной, недавно устроенной дорогѣ, мимо Этталя отправляются въ Обераммергау, чтобы полюбоваться интереснымъ представленіемъ на открытой сценѣ, во вкусѣ средневѣковыхъ мистерій, изо-

бражающимъ рядъ сценъ изъ Священнаго Писанія, преимущественно изъ жизни Спасителя. Въ представленіи этомъ участвуетъ, можно сказать, все населеніе деревни, начиная съ бургомистра: одни въ видѣ лицедѣевъ, которыхъ насчитывается въ зрѣлищѣ до 600 человѣкъ, другіе чѣмъ нибудь помогая имъ. Представленія даются въ театрѣ, лежащемъ на лугу у сѣверо-западнаго конца села и нарочно для такихъ мистерій устроенномъ, на нѣсколько тысячъ посѣтителей, по планамъ мюнхенскаго оберъ-механика Лаутеншлегера.

Начало этихъ представленій относятъ къ 1633 году, когда въ странѣ свирѣпствовала чума, одно изъ послѣдствій Тридцатилѣтней войны. Жители, чтобы отъ нея спастись, дали обѣтъ изображать въ лицахъ страданія и смерть Христову каждыя десять лѣтъ. Представленія эти, въ настоящее время въ высшей степени интересныя и представляющія верхъ совершенства театральной постановки, получили правильное устройство благодаря стараніямъ нынѣ уже умершаго, оберъаммергаускаго священника Алоиза Дайзенберга въ половинѣ нынѣшняго вѣка.

Ѳ. Ѳ. Шубертъ. (Портр. на стр. 965).

Въ прошломъ году Императорская Академія Наукъ въ публичномъ торжественномъ засѣданіи чествовала память генерала-отъ-инфантеріи Ѳедора Ѳедоровича Шуберта, бывшаго почетнаго члена своего, начальника Военно-топографическаго депо и нашего извѣстнаго геодезиста, по случаю сотой годовщины дня его рожденія. Въ нынѣшнемъ же году минетъ четверть вѣка со дня его смерти. Преобразователь геодезической части въ Россіи, генералъ Шубертъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ постоянно трудился на поприщѣ науки и дѣятельность его, главнымъ образомъ, заключалась въ примѣненіи необходимыхъ способовъ для геодезическихъ измѣреній и въ облегченіи и ускореніи составленія, гравированія и печатанія картъ. Какъ ученый астрономъ и геодезистъ, онъ пріобрѣлъ всеобщую европейскую извѣстность; его капитальное сочиненіе по топографіи „Exposé des travaux astronomiques et géodesiques, éxecutés en Russie dans un but géographique, jusqu'à l'année 1855“, обратило на себя общее вниманіе и представляетъ въ высшей степени важный матеріалъ для ученыхъ, занимавшихся описаніемъ разныхъ странъ отечества нашего и составленіемъ относящихся къ нимъ картъ.

Генералъ Шубертъ извѣстенъ также своею административною дѣятельностію и заслугами на боевомъ поприщѣ. Онъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ подвигахъ, прославившихъ русское оружіе съ 1806 по 1814 годъ, былъ подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау тяжело раненъ и въ продолженіе всей остальной кампаніи пролежалъ въ госпиталѣ. Въ 1808—9 гг. дрался онъ со шведами, а въ 1810 г. находился на новомъ театрѣ войны при графѣ Каменскомъ и едва не погибъ при ужасномъ штурмѣ Рущука. Вмѣстѣ съ Силезской арміей онъ вступилъ въ Парижъ и не разъ принималъ на себя трудную роль посредника между русскимъ корпуснымъ начальствомъ и весьма недружелюбною къ намъ прусскою главною квартирой. Что касается учено-административной дѣятельности генерала Шуберта, то она была также плодотворна. Будучи директоромъ вновь учрежденнаго въ началѣ двадцатыхъ годовъ Корпуса топографовъ, а ранѣе начальникомъ 3 отдѣленія Военно-топографическаго депо и начальникомъ тригонометрической и топографической съемки С.-Петербургской губерніи, онъ сдѣлалъ много полезныхъ нововведеній и улучшеній. Во время нашей войны съ турками, генералъ Шубертъ изобрѣлъ, въ 1828 году, для производства геодезическихъ работъ, малые планшеты и тележки съ одометрами, легко возимыя двумя солдатами.

Генералъ Шубертъ былъ человѣкъ довольно всесторонне образованный и любитель искусствъ. Досуги свои посвящалъ онъ занятіямъ нумизматикой, музыкой и живописью, которыя съ самаго дѣтства составляли его любимое развлеченіе. Многолѣтними трудами собралъ онъ превосходную коллекцію русскихъ монетъ и медалей, полнѣйшую изъ всѣхъ существующихъ у насъ, и издалъ замѣчательное сочиненіе по нумизматикѣ: „Types des monnaies russes depuis Jean IV jusqu'à l'Empereur Alexandre II“, надъ которымъ онъ проработалъ три года. Въ занятіяхъ музыкой и живописью онъ былъ болѣе нежели диллетантъ, участвуя въ основаніи Общества для поощренія художествъ и учредивъ Общество любителей музыки, подъ названіемъ „Симфоническаго“. По своимъ познаніямъ, разносторонности ума, твердости характера и трудолюбію генералъ Шубертъ имѣлъ большое сходство со своимъ отцомъ, извѣстнымъ астрономомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шубертомъ, переселившимся въ Россію въ 1784 г. и безъ малаго 40 лѣтъ бывшимъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ членовъ нашей Академіи Наукъ. Внукъ Іоганна-Эрнста Шуберта, богослова, пользовавшагося большою извѣстностью, Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ старшимъ изъ дѣтей и единственнымъ сыномъ Ѳ. И. Шуберта и родился въ С.-Петербургѣ 12 февраля 1789 года. До одиннадцати лѣтъ онъ воспитывался дома и съ самаго ранняго возраста долженъ былъ, по желанію отца, серьезно приняться за математику. Кромѣ того, его обучали разнымъ мастерствамъ и вообще старались ему привить всякія практическія познанія. Въ 1800 году его отдали въ Петропавловскую школу, но еще ранѣе окончанія курса въ старшемъ классѣ ея онъ поступилъ, по волѣ отца, колонновожатымъ въ Генеральный Штабъ, называвшійся тогда Свитою Его Величества, по квартирмейстерской части, имѣя отъ роду всего 14 лѣтъ. Онъ исполнялъ разныя астрономическія командировки, за успѣшное исполненіе первой произведенъ въ офицеры и несъ эту службу до войны 1806 года, а съ этого времени принялъ участіе во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ вплоть до возвращенія русскихъ войскъ изъ Франціи. Затѣмъ началась его дѣятельность въ качествѣ главнаго руководителя нашими топографическими работами съ 1819 по 1843 годъ. Съ конца этого года онъ былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта и принималъ въ занятіяхъ его самое живое участіе слишкомъ восемнадцать лѣтъ, а въ 1846 году, состоя уже въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, назначенъ директоромъ Военно-Ученаго Комитета, которымъ завѣдывалъ до упраздненія его въ 1859 году. Уволенный въ продолжительный отпускъ, съ 1861 г., для излеченія болѣзни, генералъ Шубертъ скоропостижно скончался въ Штуттгардтѣ, 3 (15) ноября 1865 года, на 77 году жизни и на 62 году своей дѣятельности на боевомъ и военно-ученомъ поприщѣ. Генералъ Шубертъ былъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ (съ 1827 г.) и членомъ почти всѣхъ русскихъ и весьма многихъ иностранныхъ ученыхъ обществъ.

П. Быковъ.

Политическое обозрѣніе.

Выдающимися событіями послѣдняго времени продолжаютъ быть маневры въ различныхъ государствахъ Европы. Въ Германіи маневры посѣтилъ императоръ Австрійскій, и свиданіе его съ императоромъ Германскимъ въ Роництокѣ газеты сопоставляютъ съ бывшимъ въ началѣ августа свиданіемъ въ Нарвѣ. Въ Германію императоръ Францъ-Іосифъ прибылъ 5 сентября и былъ встрѣченъ въ Одербергѣ назначенными состоять при его особѣ прусскими офицерами. Въ Одербергѣ же присоединился къ императорской свитѣ графъ Кальноки. Въ полдень Августѣйшій гость прибылъ въ Бреславль и былъ встрѣченъ на станціи желѣзной дороги графомъ Мольтке, княземъ-епископомъ Коппомъ и старшими властями. Императоръ посѣтилъ пребывающую здѣсь императрицу Августу-Викторію и послѣ завтрака у ея величества выѣхалъ въ замокъ Роництокъ, куда онъ прибылъ въ $4^1/_2$ часа вечера. На станціи желѣзной дороги Австрійскаго императора ожидалъ императоръ Вильгельмъ. Оба государя неоднократно обнялись; встрѣча графа Кальноки съ генераломъ Каприви тоже имѣла сердечный характеръ. На пути слѣдованія въ замокъ стояли шпалерами военные ферейны и воспитанники училищъ. Немного спустя императоры посѣтили въ замкѣ Бергенъ прибывшаго туда Саксонскаго короля, который тотчасъ отдалъ имъ визитъ. Всѣ три государя обѣдали въ Роництокѣ; послѣ обѣда съ высоты башни замка смотрѣли на грандіозную иллюминацію ближайшихъ горъ и окрестностей. На другой день императоръ Вильгельмъ отправился вмѣстѣ съ императоромъ Австрійскимъ на театръ маневровъ, куда тотчасъ же послѣдовалъ за ними и Саксонскій король. На этихъ маневрахъ, между прочимъ, 7 сентября императоръ Вильгельмъ лично повелъ 6-й армейскій корпусъ въ атаку противъ 5-го армейскаго корпуса и успѣшно отбросилъ послѣдній. По окончаніи маневровъ императоръ Германскій выразилъ надежду, что присутствующіе государи убѣдились въ томъ, что германская армія такъ же хороша теперь, какъ при его дѣдѣ, что̀, конечно, служитъ залогомъ дальнѣйшей прочности братства по оружію. Императоръ Австрійскій сказалъ, что онъ гордится имѣть союзника, располагающаго такими войсками. Вскорѣ затѣмъ императоры разстались. При прощаніи они неоднократно обнялись. Съ канцлеромъ Каприви императоръ Францъ-Іосифъ тоже простился сердечно. Императоръ Вильгельмъ выѣхалъ въ Крейсау, гдѣ посѣтилъ фельдмаршала Мольтке, а императоръ Францъ-Іосифъ отправился въ Вѣну, куда и прибылъ 8 сентября въ часъ утра и тотчасъ выѣхалъ въ Шенбрунъ, гдѣ пробудетъ до будущаго мѣсяца.

Подробностями свиданія въ Роництокѣ переполнены берлинскія, вѣнскія и пештскія газеты, но изъ этихъ описаній трудно вывести какое-либо опредѣленное заключеніе о настоящемъ политическомъ положеніи вещей. Сопоставляя свиданія нарвское и роництокское, *Neue Freie Presse* выводитъ заключеніе, что отъ русской политики князя Бисмарка императоръ Вильгельмъ, признавъ ея безцѣльность, отказался. Роль примирителя между Австріей и Россіей есть прекрасная, но несбыточная мечта. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, по поводу свиданія императоровъ въ Силезіи, указывая на заботливость, съ которою императоръ Вильгельмъ относится ко всѣмъ задачамъ, лежащимъ на обязанности государя, говоритъ: „Горячее участіе ко всему, что̀ касается военнаго дѣла, объясняется въ родѣ Гогенцоллерновъ само собою, но императоръ Вильгельмъ умѣетъ

съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ къ военнымъ дѣламъ сочетать культивированіе международныхъ отношеній. Вернувшись съ военно-политическаго визита на Сѣверѣ, гдѣ его привлекательная личность принесла плоды для блага имперіи и мира Европы, императоръ однимъ пожатіемъ протянутой Австрійскому императору дружеской руки могъ засвидѣтельствовать передъ всѣмъ міромъ, что германская вѣрность стоитъ выше всякихъ нападокъ, порождаемыхъ глупостью или злобою. Рѣчь императора, произнесенная имъ въ Бреславлѣ 2 сентября, относительно блага рабочихъ послужила опроверженіемъ какъ предполагаемыхъ, будто бы, одностороннихъ государственныхъ мѣропріятій, такъ и опасеній, что одному сословію гражданъ станутъ оказывать предпочтеніе передъ всѣми другими. Императоръ обращается къ содѣйствію всего народа.

Во Франціи, по извѣстіямъ изъ Камбрэ, большой смотръ, коимъ закончились тамъ 6 сентября маневры, состоялся въ присутствіи президента Карно и военнаго министра Фрейсине. Церемоніальнымъ маршемъ войска прошли прекрасно и несмѣтная толпа народа привѣтствовала г. Карно восторженными кликами. Послѣ парада г. Карно предсѣдалъ на банкетѣ въ 140 кувертовъ, на которомъ присутствовали генералитетъ, полковники и иностранные офицеры. Президентъ республики, провозгласивъ тостъ въ честь Франціи и арміи, сказалъ, что ему непремѣнно хотѣлось привезти съ собою привѣтъ правительства войску, которое есть сама нація, стоящая на чеку и готовая къ защитѣ чести и безопасности отечества, коему она гарантируетъ блага мира и безопасность труда. Фрейсине благодарилъ г. Карно и сказалъ, что рѣчь президента республики послужитъ поощреніемъ къ дальнѣйшему слѣдованію по пути труда и прогресса. Свою рѣчь военный министръ закончилъ тостомъ въ честь президента Карно. На присутствующихъ военныхъ тосты эти произвели глубокое

Іоганнъ Генсфлейшъ Гутенбергъ. По поводу 450-ти-лѣтняго юбилея книгопечатнаго дѣла.

Деревня Обераммергау въ южной Баваріи.

впечатлѣніе. Наканунѣ, 5 сентября, происходилъ въ Камбрэ военный банкетъ, на которомъ генералъ Бильо провозгласилъ тосты въ честь иностранныхъ государей. Русскій военный агентъ, генералъ-маіоръ Фредериксъ, отвѣчая на этотъ тостъ, провозгласилъ тостъ за президента Карно, причемъ отмѣтилъ благопріятное впечатлѣніе, произведенное маневрами на всѣхъ иностранныхъ офицеровъ. Превосходное состояніе французской арміи не осталось незамѣченнымъ и въ Германіи. Указывая на это обстоятельство, *Hamburger Nachrichten* замѣчаетъ: „Изумительно, чего съумѣла достигнуть Франція по части своей готовности къ бою“.

Въ Парижѣ, 9 сентября, открылся съѣздъ для обсужденія мѣръ къ уничтоженію невольничества. Онъ созванъ по почину кардинала Лавижери, уже много содѣйствовавшаго успѣху борьбы противъ торга невольниками. Съѣздъ этотъ не имѣетъ офиціальнаго характера. На него прибыли делегаты вольныхъ противуневольническихъ обществъ, образовавшихся въ различныхъ государствахъ съ цѣлью содѣйствовать исполненію постановленій Брюссельской конференціи. Начался съѣздъ богослуженіемъ въ церкви Св. Сульпиція, въ присутствіи около двухъ тысячъ лицъ. Кардиналъ Лавижери, упомянувъ, что крестовый походъ противъ невольничества одобряется папою Львомъ XIII, заявилъ, что немедленной отмѣны рабства не требуется, потому что многіе невольники въ такомъ случаѣ умерли бы съ голода, но необходимо немедленно прекратить травлю людей. Затѣмъ на другой день послѣдовало открытіе самаго съѣзда или конгресса. Президентомъ избранъ Келлеръ, секретаремъ — графъ Ренбекъ, вице-президентами — одинъ нѣмецъ, одинъ бельгіецъ, одинъ испанецъ, одинъ англичанинъ и одинъ итальянецъ. По открытіи конгресса Келлеръ привѣтствовалъ иностранныхъ делегатовъ, особенно англійскаго, какъ представителя великаго народа, такъ много содѣйствовавшаго распространенію цивилизаціи. Воздавъ затѣмъ должное кардиналу Лавижери, президентъ констатировалъ, что мусульманская религія не способна цивилизовать Африку и что только христіанскіе миссіонеры въ состояніи призвать чернокожихъ къ новой жизни. При этомъ Келлеръ горячо просилъ членовъ конгресса возбудить во всемъ мірѣ движеніе съ цѣлью окончательнаго уничтоженія рабства. Послѣ двухдневнаго засѣданія, противоневольническій конгрессъ вотировалъ 11 резолюцій, изъ коихъ главныя сводятся къ слѣдующему: противоневольническое дѣло возлагается на національные комитеты съ самостоятельною организаціею; конгрессъ разсчитываетъ прежде всего на мирныя средства, особенно на нравственное воздѣйствіе миссіонеровъ; національные комитеты приложатъ усилія къ возбужденію частныхъ пожертвованій и добровольнаго соучастія въ дѣлѣ на постановленныхъ Брюссельскою конференціею началахъ; конгрессъ выражаетъ надежду, что папа разрѣшитъ производить ежегодно въ церквахъ сборъ пожертвованій въ пользу противоневольническаго дѣла; конгрессъ обра-

Ѳ. Ѳ. Шубертъ. По поводу двадцатипятилѣтія его кончины.
Съ фотографіи грав. Шюблеръ.

щаетъ вниманіе мусульманскихъ державъ на опасность, коею развитіе нѣкоторыхъ мусульманскихъ сектъ грозитъ дѣлу цивилизаціи и свободѣ чернокожихъ; конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы пособія, посылаемыя миссіонерамъ, доставлялись имъ безпошлинно. Кардиналъ Лавижери горячо благодарилъ англійскихъ делегатовъ и англійское правительство, и при продолжительныхъ рукоплесканіяхъ 800 членовъ конгресса, обнялъ секретаря англійскаго противоневольническаго общества Аллена. Затѣмъ послѣдовало закрытіе конгресса.

Берлинскія газеты воспроизводятъ статью *Allgemeine Reichscorrespondenz* о повышеніи курса рубля, въ которой выставляется на видъ трудность регулировать валюту въ столь короткій срокъ времени. Газета указываетъ, какъ важнѣйшую причину повышенія, установившееся убѣжденіе, что долго рублю не придавали его настоящей цѣны, а также значительное повышеніе русскихъ фондовъ, большой спросъ на русскіе бумажные рубли въ Средней Азіи, подъемъ благосостоянія вслѣдствіе трехъ бездефицитныхъ бюджетныхъ годовъ, наконецъ, благоустройство финансоваго управленія и успокоеніе относительно политическаго положенія.

Смѣсь.

Настоящее мертвое море, заслуживающее это названіе болѣе возникшаго на мѣстѣ провалившихся городовъ Содома и Гоморра, и притомъ превосходящее своими размѣрами Палестинское, лежитъ въ Калифорніи. Оно очень похоже на послѣднее и извѣстно подъ именемъ озера Моно, на востокъ отъ Сіерра-Невады. На озерѣ два острова, называющихся Grand Island и Beauty Island. Какъ вообще въ щелочныхъ мѣстностяхъ, точно также и у озера Моно, путешественника часто поражаютъ различныя неожиданности. Такъ, когда изъ Моновилля въ первый разъ видишь воды этого озера, то воображаешь, что черезъ нѣсколько минутъ будешь у его берега, между тѣмъ берегъ все отступаетъ дальше и дальше, словно какой нибудь миражъ. Воды озера видны со всѣхъ сторонъ на разстояніи отъ 7 до 20 миль, причемъ кажется что все озеро занимаетъ поверхность не болѣе двухъ квадратныхъ миль; въ дѣйствительности же его длина простирается до 30 миль, вся же его поверхность равняется 675 квадратнымъ милямъ. Grand Island—большой удлиненный островъ изъ бѣлой лавы, Beauty Island—рѣзко очерченный кратеръ вулкана, возвышающійся надъ уровнемъ озера на 50 футовъ. На берегу летаютъ милліоны крупныхъ насѣкомыхъ, личинки и куколки которыхъ служатъ пищею уткамъ, свиньямъ и индѣйцамъ, впрочемъ даже и европейцы не пренебрегаютъ ими. Рѣшавшіеся испробовать это не аппетитное кушанье находятъ, что по своему вкусу оно напоминаетъ сардинокъ. Вообще же въ водѣ этого озера нѣтъ ни рыбы, ни лягушки, вообще ничего живаго; оно вполнѣ справедливо могло бы носить названіе мертваго. Въ это озеро впадаютъ пять рѣчекъ съ обыкновенною водою и въ устьяхъ ихъ находится масса утокъ, тщательно избѣгающихъ воды озера. Даже лучшія охотничьи собаки, побывавъ разъ въ щелочной водѣ озера, чтобы достать убитую дичь, ни за что не идутъ туда во второй разъ. Судя по берегамъ, вода въ озерѣ рѣдко подымается, что объясняется весьма сильнымъ испареніемъ воды въ этомъ жаркомъ климатѣ. За исключеніемъ трехъ большихъ рѣчекъ, которыя впадаютъ въ озеро Моно съ западной стороны, съ сѣвера вливается рѣка Милликъ, а съ юга многоводная Кусби, обладающая большою системою притоковъ. И все-таки уровень озера остается неизмѣннымъ. Поверхность его воды почти всегда гладкая, только изрѣдка бризъ слегка нарушаетъ это невозмутимое спокойствіе, волны же никогда не бываетъ на мертвомъ озерѣ. Вышеуказанныя насѣкомыя относятся къ классу Neuroptera. Въ видѣ личинокъ и куколокъ онѣ проводятъ въ водѣ отъ двухъ до трехъ лѣтъ, взрослое же насѣкомое вскорѣ умираетъ. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства берега бываютъ иногда до того покрыты ихъ трупами, что можно было-бы съ большою выгодою употреблять ихъ въ качествѣ удобренія земли, тѣмъ болѣе что ихъ здѣсь цѣлые воза. Берега этого озера и жалкая на немъ растительность покрыты снѣжно-бѣлою корою щелочныхъ солей, которыя употребляются американцами при печеніи хлѣба вмѣсто дрожжей. По запаху замѣтно, что вода озера содержитъ много сѣры, но смолы здѣсь нѣтъ. Озеро Моно относится къ системѣ сѣрно-щелочныхъ озеръ, лежащихъ къ востоку отъ Сіерра-Невады. Оно съ большимъ правомъ можетъ носить имя Мертваго моря, потому что не содержитъ ни рыбъ, ни съѣдобныхъ раковинъ, какъ Мертвое море Палестины. Также и по величинѣ своей оно превосходитъ послѣднее, имѣющее поверхность всего въ 500 квадратныхъ миль. Его окрестности отличаются грустнымъ, меланхолическимъ характеромъ, но все-таки имъ нельзя отказать въ нѣкоторой своеобразной прелести. (ш.)

Новая синагога на Большой Мастерской почти окончена постройкой и въ ней уже совершается богослуженіе. Зданіе очень импозантно.

Извѣстный поэтъ А. Н. Плещеевъ, который, какъ извѣстно, жилъ до сихъ поръ въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ, недавно, какъ сообщаютъ одесскія газеты, сталъ очень богатымъ человѣкомъ. Именно, онъ получилъ въ наслѣдство, послѣ умершаго въ Рязани двоюроднаго брата, состояніе, оцѣниваемое болѣе чѣмъ въ 2 милліона рублей.

Новая опера Чайковскаго „Пиковая дама“ дана будетъ, при блестящей обстановкѣ, на сценѣ Маріинскаго театра 6 декабря. Главныя роли будутъ исполняться артистами: Медеей-Фигнеръ, Славиной, Фигнеромъ и Мельниковымъ.

Историческая критика, какъ извѣстно, давно уже отнесла существованіе Вильгельма Телля и Гесслера, равно какъ и клятву въ долинѣ Рютли, въ область преданій. Швейцарцамъ очень тяжело было признать простою басней эту славную страницу своей исторіи; но критика оставалась неумолима и принесла уже свои плоды. По новѣйшимъ извѣстіямъ, правительство кантона Швицъ постановило выбросить изъ учебниковъ исторіи преданіе о Вильгельмѣ Теллѣ. (с.)

Въ кенсингтонскомъ акваріумѣ были недавно произведены слѣдующіе интересные опыты. Въ сухой совершенно ящикъ запаковали на четыре часа двухъ карповъ. Когда одного изъ нихъ вынули оттуда и пустили въ воду, то оказалось, что онъ никакихъ признаковъ жизни не подаетъ. Но лишь только впустили этому карпу въ ротъ нѣсколько капель спирта, онъ тотчасъ пришелъ въ себя и живо началъ плавать по бассейну. По истеченіи еще четырехъ часовъ тотъ же опытъ былъ повторенъ со вторымъ карпомъ, который также ожилъ подъ вліяніемъ спирта. При дальнѣйшихъ опытахъ съ форелями и лососями выяснилось, что первыя относятся къ спирту такъ же, какъ карпы, тогда какъ лососей не удалось вернуть къ жизни при помощи этого средства. Въ виду этихъ опытовъ можно предполагать, что вышеприведенный способъ найдетъ себѣ примѣненіе при пересылкѣ живой рыбы, причемъ, если вложить въ ротъ рыбы губочку или кусочекъ хлѣба, смоченные спиртомъ, то вѣроятно при пересылкѣ рыбы на большія разстоянія будетъ возможно привозить ее живою. (ш.)

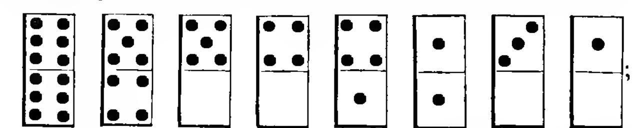
На баркѣ „Ida“ въ Вестъ-Гартепулѣ недавно ушибся до смерти молодой матросъ. Оказалось, что это была женщина. (в.)

Задача игры въ домино № 57.

Н. В. П.

Партія втроемъ безъ прикупа.

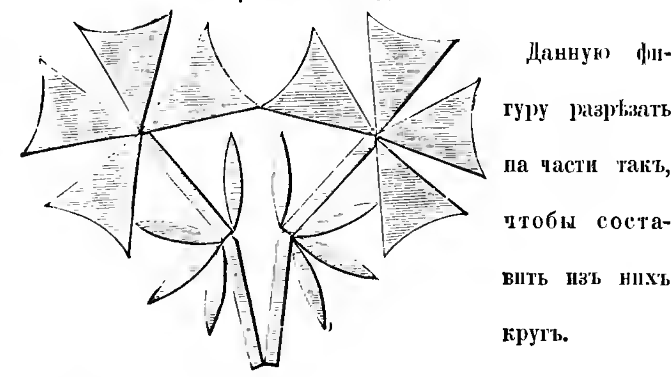
Каждый беретъ по 8 камней; 4 остаются въ талонѣ. До начала игры партнеръ А имѣлъ на 5 очковъ болѣе С; у С были слѣдующіе камни:



А началъ партію и, ни разу не пасуя, окончилъ ее камнемъ [1:2]; другіе два игрока запасовали на седьмомъ ходѣ.

Какъ расположились камни, съ какого камня А началъ, если извѣстно, что С ставилъ свои камни въ томъ порядкѣ, какъ они здѣсь помѣщены, и что у В осталось на рукахъ 8 очками болѣе С?

Геометрическая задача № 58.



Данную фигуру разрѣзать на части такъ, чтобы составить изъ нихъ кругъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Поступило въ продажу въ конторѣ журнала **„Нива"** (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **Ѳ. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ".

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ **трехъ большихъ томовъ,** отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ **2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди.**

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ **предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками.**

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще: помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, пріемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплоатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи 1-го тома вносится **4 р.,** до выхода 2-го тома **8 р.,** а до выхода 3-го тома **2 р.,** а всего **14 руб.**

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ.

За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ" будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

☛ **По выходѣ всего сочиненія цѣна будетъ значительно возвышена.** ☚

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Нива" (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и пожелающія пріобрѣсти слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 2 р.

Дозвол. цензур., СПБ., 19 сентября 1890 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** **Тип. А. Ф. Маркса,** Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | г. XXI

№ 39 | 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 29 сентября 1890 г.

Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Бѣгство и погоня. Съ карт. Леблинга, грав. Ерике.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. (Продолженіе).

IV.

На другой день Савва Кузмичъ пріѣхалъ къ Василію Герасимовичу очень рано. Тотъ только что всталъ съ постели и пилъ чай.

— Слыхали, дядя? весело встрѣтилъ его племянникъ.

Дядя смотрѣлъ на него искоса и вообще чувствовалъ себя неловко. Онъ никакъ не могъ понять, чему это тотъ радуется.

— О чемъ это?.. сумрачно переспросилъ онъ.

— Наслѣдникомъ-то Арсенія Николаевича оказываюсь не я, а вы. Былъ у васъ Приходзько?

— Знаю, знаю все. Вчера отъ тебя онъ ко мнѣ пріѣхалъ. Что̀ онъ предлагалъ тебѣ?

— Ахъ, все та же исторія—вы понимаете: предлагалъ купить у него и уничтожить завѣщаніе.

— А ты отказался?

— Развѣ вы бы не отказались?

Дядя помолчалъ, зорко глядя на племянника.

— Тамъ было бы видно, вдругъ проговорилъ онъ.— Милліоны большое дѣло, отъ милліоновъ люди зря не отказываются. А я вотъ по какому дѣлу къ тебѣ пріѣхалъ. Я смотрѣлъ сегодня это завѣщаніе. Оно можетъ быть оспорено. Составлено по формѣ, но подписи Ѳомина и его управляющаго ничего не значатъ. Ты можешь еще начать процессъ и выиграть его.

— И не подумаю!

— Что? Савва Кузмичъ даже привсталъ.

— И не подумаю, говорю! Ваше—и берите.

— Да ты съ умомъ, что-ли, парень? Вѣдь тебѣ надо будетъ на старое положеніе поворотить. Опять жить-то впроголодь. А послѣ сладкаго куска-то—поди и не ладно будетъ.

— Богъ съ ними, съ этими сладкими кусками, мало счастья они принесли мнѣ. Очень мало. Я еще вчера душевно порадовался извѣстію Станислава Сигизмундовича... Если бы на завѣщаніи и подписей не было—я все равно отдалъ бы вамъ все. Не мое значитъ...

— Ну, прервалъ его старикъ, видимо взволнованный,—всегда я считалъ тебя Божьей душой, а теперь и подавно. Корысти въ тебѣ—вотъ ни на эстолько. По нашимъ временамъ такихъ-то людей и не бываетъ. Пыталъ я тебя теперь, думалъ—авось жадность у тебя разгорится, нѣтъ. Такъ вотъ же тебѣ и мой сказъ: оставайся ты на старомъ положеніи. Живи какъ жилъ. Капиталами—дѣйствительно я управлю, потому ты съ ими не совладаешь пока, а умру—все твое. И твое—твое и мое—твое! Одинъ ты у меня.

— Что будетъ потомъ — это ваше дѣло, засмѣялся племянникъ.—Я можетъ еще раньше умру. Давай Богъ вамъ жить подольше — отъ души этого желаю; ну, а отъ дома этого я попрошу васъ меня освободить.

— Да какъ же ты, чудакъ-человѣкъ, жить станешь?

— Такъ и стану. Вы дадите мнѣ занятіе, назначите жалованье. Буду работать и на заработанное жить. Стыдно вѣдь, что я все на чужое живу.

Савва Кузмичъ наклонилъ голову и подумалъ.

— Не понять мнѣ тебя. Откуда что! Былъ хлипкій да гунявый. А тутъ ты точно другимъ сталъ. Подлинно чудное дѣло. Совсѣмъ ты, братъ, монахомъ родился. Ну, да тамъ какъ хочешь — деньги твои, бери сколько надо. Все едино другихъ наслѣдниковъ у меня, кромѣ тебя, не будетъ. А насчетъ занятіевъ, какое же я тебѣ занятіе дамъ?

— Да вѣдь у васъ — на фабрикахъ школы есть?

— Школы?.. Школъ сколько угодно... И въ Борисоглѣбскомъ, и въ Устьевскомъ, и въ Каменскомъ.

— И больницы. И пріюты. Такъ вотъ передайте все это мнѣ на руки... Я это дѣло знаю, не даромъ учился. Такъ у васъ поставлю его что любоваться будутъ. Во-первыхъ, устроимъ одну техническую школу, чтобы оттуда на ваши заводы настоящіе мастера выходили, а во-вторыхъ—приберемъ составъ учителей.

— Ну, засмѣялся Савва Кузмичъ,—Нешумовыхъ твоихъ да Наплаксиныхъ. Хорошую науку они разведутъ!

— Наплаксиныхъ да Нешумовыхъ я и на порогъ не пущу... Не даромъ я эти годы прожилъ—разсмотрѣлъ людей, и вижу какіе нужны намъ и какіе нѣтъ...

— Богъ съ тобой, дѣлай какъ хочешь. А только я Пашѣ напишу.

— Я уже писать не стану.

— Почему?

— Да что же. теперь мы совсѣмъ разошлись по разнымъ дорогамъ.

— Ну, братъ, я тебѣ скажу, что вы еще никогда такъ близко на одной не стояли. Ну да тамъ видно будетъ.

— Значитъ, дѣло кончено... Такъ вотъ что, дядя. Переѣду я завтра.

— Куда? А здѣсь?

— Ну нѣтъ. Здѣсь мнѣ дѣлать нечего. Я въ меблированныя комнаты... Теперь у меня средства не тѣ. Какое вы мнѣ жалованье положите?

— Ахъ ты, Господи! приходилъ Савва Кузмичъ въ отчаяніе,—да что ты чужой что-ли?.. Былъ точно чужой, а теперь, какъ сердце къ тебѣ приросло—ты его отрывать собираешься. Сказалъ тебѣ: трать сколько хочешь.

— Все это не то. Вы меня не понимаете... Я васъ самъ люблю,—и вдругъ Василій Герасимовичъ покраснѣлъ. Онъ вообще не мастеръ былъ на изліянія.—Я отца плохо помню и рано его потерялъ. И изо всѣхъ кого знаю, любилъ Пашу и люблю васъ... Люблю какъ отца. Ваша помощь меня бы не обидѣла и, ради Христа, не принимайте моего отказа за гордыню. Гордости нѣтъ у меня. А только поймите вы: надо мнѣ въ самомъ себѣ увѣриться, самому на себя разсчитывать, попытать свои силы и знать, что могу устоять на собственныхъ ногахъ... Назначьте мнѣ жалованье такое, какое вы даете другимъ.

— Директоры у меня тысячъ по восьми получаютъ.

— Этого мнѣ много. Мнѣ довольно тысячу двѣсти, да разъѣзды на вашъ счетъ... И пожалуйста не спорьте со мною. Такъ этому и быть, не то поищу у другихъ. Я и безъ того не мало вашихъ—вѣдь онѣ ваши теперь — денегъ-то расшвырялъ на всѣ четыре стороны.

— Ну, это что!..

— И сосчитать сколько не умѣю.

— Не бойся—все учтено. Я, братъ, безъ тебя за дѣлами зорко смотрѣлъ. Чуксинъ да Ечкинъ тебѣ отчетовъ не давали, а ко мнѣ черезъ день за приказомъ бѣгали.

— Ну, такъ вотъ видите, засмѣялся Василій Герасимовичъ,—значитъ ничего и не измѣнится.

— Право, ты бы остался здѣсь?

— Не хочу. На меня тутъ еще ни разу прислуга какъ на хозяина не смотрѣла... Да вообще жутко и холодно было мнѣ здѣсь! Опять же и воспоминанія... Я вѣдь Пашу-то любилъ...

И у Сластенова дрогнулъ голосъ.

— Любилъ... А теперь не любишь?

— Какъ сказать... Не хочу любить... А только вотъ о чемъ я васъ попрошу, дядя. Ея комнаты оставьте какъ онѣ были. Чтобы и спальня ея, и будуаръ, и кабинетъ... Не трогайте ничего тамъ. Пусть если вздумаетъ

пріѣхать—все и найдетъ тутъ какъ было. Чтобы ничего не оказалось тронутымъ. Даша, прислуживавшая ей, знаетъ всѣ ея привычки. Вы ее не отпускайте. Расчету лишній человѣкъ не составитъ. А она комнаты держитъ какъ слѣдуетъ... А теперь желаю вамъ всего лучшаго, и вы мнѣ пожелайте, чтобъ я не осрамился на новомъ-то пути...

Василій Герасимовичъ въ тотъ же вечеръ несказанно удивилъ прислугу.

Онъ собралъ ихъ къ себѣ въ кабинетъ, посреди котораго были уложены имъ самимъ его чемоданы.

— Ну, вотъ что, братцы, прожили мы съ вами нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ, и надо сказать правду, ни вы мнѣ не понравились, ни я вамъ по душѣ не пришелся. Съ завтрашняго дня будетъ у васъ новый хозяинъ здѣсь—Савва Кузмичъ, хозяинъ настоящій. Думаю, что служить ему вы будете лучше, чѣмъ мнѣ; да я въ вашей службѣ и не нуждался. Мнѣ бы и своихъ рукъ за глаза хватило! Вы, Козьма Стефановичъ, приготовьте здѣсь все... Вкусы Саввы Кузмича знаете?.. Комнаты жены остаются какъ онѣ есть. Даша — вы главнымъ образомъ за этимъ смотрите. А теперь прощайте. Не поминайте лихомъ, а добромъ не за что. Я Ечкину сказалъ — вамъ выдадутъ годовое жалованье...

Когда всѣ улеглись, онъ пошелъ въ комнаты жены.

Тамъ было темно.

Онъ засвѣтилъ лампаду передъ образами. Въ тускломъ свѣтѣ ея выступили мягкія кресла, туалетный столъ, весь заставленный яркими и изящными приборами, зеркальные шкапы и бѣлая постель... Василій Герасимовичъ сѣлъ у послѣдней, и въ первый разъ за эти дни ему стало грустно. Онъ никакъ не думалъ, чтобы старая, почти заглохшая любовь опять проступила въ его сердцѣ съ такою силою именно теперь, когда онъ пришелъ сюда проститься даже съ воспоминаніями о ней. Онъ уронилъ голову на руки и долго сидѣлъ такъ, перебирая въ прошломъ и останавливаясь на всѣхъ, немногихъ, впрочемъ, счастливыхъ минутахъ. Въ невѣрномъ, вздрагивавшемъ свѣтѣ лампады ему бросился въ глаза небольшой портретъ его жены, написанный знаменитымъ художникомъ. Она была удивительно похожа на немъ. Ея властныя брови, ея суровые и въ то же время вспыхивавшіе безконечною нѣжностью глаза... Въ сумракѣ фонъ, на которомъ было написано это прекрасное лицо, сливался съ темною рамой, а темная плюшевая рама — съ темными того же цвѣта обоями — и Паша казалась выдѣлившеюся, живою. Еще мгновеніе — и она подойдетъ къ нему... „Ну, этого портрета я не оставлю дядѣ! Да ему онъ и не нуженъ!“ И вставъ съ кресла, Сластеновъ подошелъ попробовать снять его. Портретъ висѣлъ не высоко... Спустя минуту онъ уже держалъ его передъ собою, съ жадностью и печалью вглядываясь въ него. На мигъ ему показалось страшнымъ — унести съ собою это лицо въ тусклыя потемки его завтрашняго будущаго; но онъ понялъ, что безъ этого послѣдняго воспоминанія о ней ему будетъ слишкомъ тяжело и безразсвѣтно...

— Прикажете Ефрему заложить коляску? спрашивалъ на другой день у него лакей, подавая ему чай въ спальню.

— Да, пожалуй... Впрочемъ, нѣтъ.

И вспомнивъ свою жалкую комнату въ домѣ Г*** на Тверской, Василій Герасимовичъ даже засмѣялся. Подъѣхать туда въ собственной коляскѣ на шинахъ казалось ему ни съ чѣмъ не сообразнымъ.

— Нѣтъ. Наймите мнѣ двухъ извозчиковъ... Одинъ подъ чемоданы, а другой для меня. Вотъ и все.

Швейцаръ и вся прислуга вышли проводить Сластенова на улицу. На всѣхъ лицахъ было изумленіе и недоумѣніе. Никто не зналъ толкомъ, что это случилось такое. Чуксинъ съ Ечкинымъ сами еще о завѣщаніи ничего не вѣдали. Думали, что Василій Герасимовичъ продалъ домъ Саввѣ Кузмичу. Но вчера нарочно одинъ изъ лакеевъ съѣздилъ на Тверскую, узналъ, что за комнату нанялъ себѣ баринъ, и вернувшись торжественно объявилъ:

— Господскій песъ—и тотъ въ такой конурѣ жить обидится.

Тутъ прислуга была уже окончательно спутана.

А Василій Герасимовичъ спустя часъ уже распоряжался установкою вещей въ новомъ своемъ помѣщеніи. Изъ темнаго коридора, гдѣ пахло щами и еще какимъ-то собственнымъ запахомъ (московскія заведенія меблированныхъ комнатъ—каждое имѣетъ свой запахъ), дверь вела прямо въ крохотную спальню съ оборванными обоями и безъ окна. У стѣны здѣсь была узенькая желѣзная кровать съ какимъ-то блиномъ вмѣсто тюфяка и слежавшимися, точно мѣщанскій картузъ, подушками. Жидкое фланелевое одѣяло и простыня похожая на плащъ донъ-Сезара-де-Базанъ, покрывали постель. Жалкій умывальникъ стоялъ въ углу, надбитый, при одномъ видѣ котораго можно было заболѣть водобоязнью. Изъ спальни дверь вела въ другую комнату съ окномъ, въ которое видна была труба. Въ комнатѣ стоялъ жесткій диванъ и столъ круглый, покрытый вязаною салфеткой. Нѣсколько колченогихъ стульевъ, начинавшихъ отъ ужаса скрипѣть при одномъ приближеніи къ нимъ желавшаго сѣсть человѣка; столъ, хранившій воспоминанія ото всѣхъ когда-либо выпитыхъ на немъ бутылокъ пива, въ видѣ бѣлыхъ кружковъ отъ ихъ донышекъ; остатки ковра, на которомъ когда-то была изображена одалиска съ невѣроятнымъ бюстомъ. На стѣнѣ клопъ.

— А это у васъ что? указалъ на него Василій Герасимовичъ провожавшему его коридорному.

Коридорный очевидно былъ поклонникомъ, хотя и безсознательнымъ, Шопенгауэра. Онъ на все смотрѣлъ съ пессимизмомъ меблированныхъ комнатъ отъ 20 руб. въ мѣсяцъ и ниже.

— Это-съ? съ меланхолическимъ удивленіемъ поднялъ онъ глаза на безпечнаго странника по оборваннымъ обоямъ.

— Да, это.

— Это... это—здѣшній клопъ-съ!

И немедленно сдѣлавъ изъ него запятую на обояхъ, онъ такъ же безразлично предложилъ:

— Самоваръ прикажете?..

— Нѣтъ, не надо... Оставьте меня.

Василію Герасимовичу показалось страшнымъ повѣсить портретъ своей жены на эту отвратительную стѣну. Ему—было дѣло привычное. Онъ у Бантши еще и не въ такихъ жилъ, но видѣть Прасковью Яковлевну рядомъ съ этими запятыми изъ здѣшнихъ клоповъ было свыше его силъ. Онъ обернулъ портретъ въ бумагу и уложилъ его въ комодъ. Потомъ уставилъ на комодѣ нѣсколько взятыхъ съ собою книгъ, распредѣлилъ по ящикамъ бѣлье, повѣсилъ въ шкафъ, напоминавшій какой-то средневѣковый застѣнокъ, платье и сѣлъ на диванъ, отчего сразу поднялось въ воздухъ цѣлое облако пыли.

— Однако, отсталъ же я за эти годы отъ меблированныхъ комнатъ! поймалъ онъ себя на невольномъ вздохѣ.

— И подумать, что еще третьяго дня генералъ Водохлѣбовъ попросилъ у меня и получилъ пять тысячъ рублей...

Сластеновъ уже весело засмѣялся.

V.

Такая тяжелая гнетущая тишина третью недѣлю стояла вокругъ Курца, такъ тускло, бѣдно и скупо мерещился день въ окно заложенное желѣзными рѣшетками и густо покрытое копотью и пылью, что арестанту казалось, будто цѣлая вѣчность прошла уже съ тѣхъ поръ, какъ онъ сидитъ здѣсь, въ этой одиночной ка-

Осенняя непогода. Карт Пецельбергера. грав Беренсъ.

Литературный альбомъ. „Борисъ Годуновъ“ А. С. Пушкина. Борисъ и Юродивый.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Флюгель.

мерѣ Московскаго тюремнаго замка. Одно, что̀ живо осталось въ его памяти—это ржавый визгъ и болѣзненное скрипѣніе темничныхъ воротъ, въ послѣдній разъ затворившихся за нимъ. Позади осталась жизнь, свобода, все что̀ онъ любилъ, чему въ жертву онъ принесъ свою и чужую жизнь—впереди его ожидали сплошныя потемки съ проголодью и холодомъ ссылки вдали. Онъ въявь видитъ грязную и затхлую тюремную контору, гдѣ его обыскали, нарядили въ эту рвань, снабдили конвойными и откуда увели его сюда—въ келью, гдѣ онъ былъ одинъ, одинъ наединѣ съ памятью прошлаго, наединѣ съ то и дѣло проступавшимъ передъ нимъ изъ сумрака призракомъ задушеннаго имъ человѣка. Изрѣдка въ коридорѣ слышались шаги часовыхъ и сторожей. По вечерамъ открывалось въ его дверяхъ окошечко и дежурный офицеръ спрашивалъ его: „подслѣдственный арестантъ Курцъ?“ Убѣдившись въ его наличности, онъ самъ себѣ отвѣчалъ здѣсь, и захлопывалъ задвижку окна. По утрамъ ему приносили чай. Въ полдень—щи и кашу. Вечеромъ—опять чай. Денегъ у Курца не осталось вовсе—у него отняли все. Сластеновы, жалѣя его, хотѣли было посылать ему пищу со стороны, но слѣдователь запретилъ это пока. Единственнымъ развлеченіемъ для заключеннаго были дни, когда его вызывали въ контору. Слѣдователь иногда одинъ, иногда съ прокуроромъ пріѣзжали туда... Тутъ Курцъ сквозь рѣшетки тюремныхъ оконъ видѣлъ улицу съ маленькими домами напротивъ. Въ домахъ, въ крошечныхъ окошкахъ горшки съ геранью, бѣлыя занавѣски. Изрѣдка—торопившійся куда-нибудь прохожій останавливалъ на себѣ его вниманіе, проѣзжалъ сонный извозчикъ, шла подгородная баба. Боголюбъ Боголюбовичъ завистливо, съ болью въ сердцѣ, съ угаромъ въ головѣ и съ полнымъ сознаніемъ безнадежности смотрѣлъ и на жалкую герань, и на продравшіяся занавѣски, на прохожихъ и проѣзжихъ—и одно только понималъ въ эти минуты: что за этой геранью таится маленькое и тихое счастье, что эти люди свободны и могутъ ходить и ѣздить куда хотятъ, что имъ свѣтитъ солнце и улыбается небо,—солнце, еще ни разу не забросившее своего луча въ страшныя потемки его кельи, небо—лазурь котораго не пропускали закоптѣлыя стекла ея оконъ... Слѣдователь въ такія минуты по нѣскольку разъ повторялъ ему вопросы. Курцъ ихъ не слышалъ, да, впрочемъ, они были такъ однообразны: вы это похитили? вы убили?.. Какъ вы похитили?.. Какъ убили?.. Онъ ужь не зналъ, въ который разъ, потупясь и путаясь, сбиваясь и вновь возвращаясь къ прерванному разсказу, повторялъ всѣ съ такой головокружительностью и такой быстротой совершившіяся событія. Ему нельзя было отрицать — онъ былъ пойманъ съ поличнымъ... Онъ долженъ былъ, съ бѣшенствомъ въ душѣ, только подтверждать все, что̀ съ такой злобой показывали на него Приходько и Гиршманъ. Въ глубинѣ своей совѣсти онъ понималъ, что всѣ эти обличители нисколько не лучше его; онъ даже про Плюса сказалъ разъ слѣдователю: „вы не можете себѣ представить, какая это была гадина!“ Но слѣдователь съ такимъ отвращеніемъ взглянулъ на него, что Курцъ разомъ смолкъ и больше уже не возвращался къ опредѣленію нравственныхъ свойствъ своей жертвы. Раза два ему пришлось встрѣчаться съ Саввой Кузмичемъ—тотъ жалѣлъ Курца, но только и могъ посовѣтовать: „Молись, братъ... Богъ можетъ и простить — Богъ и разбойника на крестѣ простилъ...“ Василій Герасимовичъ отнесся къ нему лучше. Курцъ ожидалъ, что молодой Сластеновъ смутится увидѣвъ его, но очевидно тотъ сильно измѣнился за послѣднее время. Онъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза, тихо проговорилъ: „Мнѣ жаль васъ, Боголюбъ Боголюбовичъ“. Это заставило Курца глубоко взволноваться; онъ даже, отвернувшись къ стѣнѣ, заплакалъ. Онъ зналъ, что ему не будетъ даже и снисхожденія, и въ послѣдніе дни тупо подчинился всему, что̀ его ждало: воровство, присвоеніе, подлогъ, побѣгъ, убійство—все это представляло такую совокупность, передъ которою отступилъ бы самый снисходительный присяжный. Курцъ понималъ также, что эти присяжные его отлично знаютъ, знаютъ по Москвѣ, но ея клубамъ, сплетнямъ, толкамъ. Они и въ прошломъ его не нашли бы ничего, что̀ заставило бы ихъ пожалѣть ренегата и „перекрещенца“, какъ уже теперь называла его мелкая уличная печать. Когда допросы оканчивались, Курца помѣщали между двумя сѣрыми солдатами съ ружьями въ рукахъ. „Ну, маршъ!“ приказывалъ тюремный смотритель, и солдаты шли въ ногу, не обращая никакого вниманія на то, что на лицѣ убійцы, находившагося между ними, отражались въ эти минуты страшная душевная тоска, такая тоска и томленіе, что онъ искренно завидовалъ убитому имъ Плюсу... Они проходили черезъ тюремный дворъ, мимо гулявшихъ арестантовъ — кандальниковъ, простыхъ и мелкихъ воровъ, бродягъ. Они всѣ смотрѣли на него съ острымъ любопытствомъ, и часто Курцъ слышалъ вслѣдъ себѣ: „это тотъ самый баринъ, который закладчика убилъ и два мильона укралъ!...“ А баринъ, потупясь, только и думалъ о томъ, какъ бы скорѣе за нимъ затворилась дверь и щелкнулъ замокъ его одинокой кельи... Попавъ къ себѣ, онъ чутко прислушивался, какъ постепенно въ каменномъ коридорѣ замираютъ шаги конвойныхъ и наконецъ кругомъ наступаетъ страшная тишина. Тишина, судившая его своимъ безмолвіемъ, своей неподвижностью,—тишина, смотрѣвшая прямо въ глубину его души и видѣвшая въ ней всю мерзость и ужасъ,—тишина, которой мало было его страданій—и она вызывала изъ тьмы далекой могилы блѣдный и незрячій призракъ, становившійся гдѣ-нибудь въ углу комнаты, у изголовья кровати, въ дверяхъ, и стоявшій тамъ безъ движенія, безъ звука, спокойно и неотразимо... Курцу становилось страшно. Онъ зналъ, что мертвецы не подымаются изъ своихъ могилъ, но въ то же время чувствовалъ его около. Начиналъ-ли онъ ходить изъ угла въ уголъ — рядомъ съ нимъ двигался призракъ, со вспухшимъ лицомъ, съ широко открытыми и ничего не видящими глазами; останавливался Курцъ — останавливался и тотъ... Ему хотѣлось зажмуриться, Курцъ закрывалъ лицо руками—и все тотъ же неизбѣжный Плюсъ чувствовался рядомъ... Курцъ понималъ, что онъ только не видитъ призрака, но призракъ здѣсь. Справа или слѣва, только на той сторонѣ съ которой онъ—тѣлу холоднѣе, самый воздухъ тамъ наполненъ чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ... Ночью, просыпаясь отъ какого-то нежданнаго толчка, Курцъ подымался, съ недоумѣніемъ всматривался въ темноту и вдругъ въ ней рождалась искорка... голубая... дрожащая... Проступитъ и исчезнетъ... Проступитъ опять — подольше удержится... Опять точно растаетъ во мракѣ. А тамъ вдругъ ярче вспыхнетъ и уже не гаснетъ, а точно вращается сама вокругъ себя, окутываясь какимъ-то клочкомъ пара или тумана, что по ночамъ подымается надъ сырыми болотинами. Окутается... Вся растаетъ въ этомъ клубкѣ мглы и тамъ засвѣтится... Растетъ... Сливается по краямъ съ темнотою... Вдругъ внутри очерчивается что-то... Пристально-пристально вглядывается въ это что-то Курцъ и различаетъ, какъ въ туманѣ и изъ тумана опредѣляется носъ... Приплюснутый носъ съ широкими ноздрями. Плюсовъ носъ... Потомъ безкровныя, блѣдныя губы... Верхняя приподнялась, изъ-подъ нея видны зубы... Потомъ глаза — недвижные, широко раскрытые, устремленные на Курца... Все остальное, контуры головы пропадаютъ въ темнотѣ... сливаются съ нею... И это лицо, сколько бы ни сидѣлъ и ни смотрѣлъ Курцъ, будетъ носиться и плавать во мракѣ его одиночной кельи, не сводя съ убійцы недвижнаго взгляда своихъ недвижныхъ глазъ... Курцъ падалъ въ постель, но

тогда голова подымалась надъ нимъ, опрокидывалась лицомъ внизъ и сверху смотрѣла на него... Курцъ, весь въ холодѣ смертельнаго ужаса, вскакивалъ съ постели, пилъ воду,—голова пропадала, и не то что пропадала, а только теряла свою ясность и опредѣленность; но стоило Курцу лечь, чтобы она опять появилась около, безпощадная и неотразимая...

Курцъ засыпалъ утомленный и обезсиленный только подъ утро... Странное дѣло, онъ никогда не былъ слабонервенъ. Онъ не понималъ откуда это все пришло къ нему. Въ послѣдніе дни ко всѣмъ этимъ ужасамъ присоединился еще новый... Стоило ему лечь въ постель и забыться на одну минуту, чтобы тотчасъ-же почувствовать на своемъ лбу чью-то руку. Неподвижную, костлявую и холодную. И не только холодную, но являвшуюся сверхъ того проводникомъ холода. Черезъ эти пальцы, длинные и цѣпкіе, стужа проникала въ его голову, оттуда проходила въ грудь, и скоро весь онъ дрожалъ, чувствуя невозможность сбросить съ себя эту руку и въ то же время понимая, хорошо понимая, что никакой руки нѣтъ и быть здѣсь не можетъ. Онъ наконецъ вскакивалъ—и ослабѣвшій, дрожащій, утомленный начиналъ бѣгать изъ угла въ уголъ, дожидаясь когда въ черномъ четырехугольникѣ окна засѣрѣетъ тусклый и невеселый день...

Курца теперь трудно было узнать.

Онъ посѣдѣлъ и сгорбился. Лицо у него стало сѣрое. Глубоко прорѣзались на немъ морщины, глаза впали и изъ впадинъ своихъ сверкали часто внутреннимъ сознаніемъ непоправимаго, неизгладимаго ужаса, которому онъ отнынѣ былъ обреченъ... Ноги его ослабѣли: онъ останавливался на ходу и тяжело дышалъ—точно не только самъ шелъ, но и на себѣ несъ громадную тяжесть. Онъ старался заговаривать съ приставниками и сторожами, но тѣ были угрюмы и несообщительны. Очевидно молчаніе одиночнаго коридора и на нихъ дѣйствовало.

— Какая сегодня погода? спрашивалъ онъ у одного изъ такихъ вносившаго къ нему чай.

Тотъ недоумѣло окидывалъ арестанта тусклымъ взглядомъ, ставилъ чай и самъ задумывался.

— Погода? переспрашивалъ онъ и наконецъ на его лицѣ отражалось изумленіе.—А вамъ что?.. Все одно—не гулять вѣдь.

И сторожъ шелъ къ дверямъ.

— Что меня вызовутъ къ слѣдователю?.. съ отчаяніемъ уже останавливалъ его у дверей.

— Какъ вызовутъ—скажутъ...

И дверь запиралась и замокъ рѣзко щелкалъ.

Подъ конецъ Курцъ самъ отвыкалъ говорить... Онъ у слѣдователя съ трудомъ пріискивалъ выраженія... Прислушивался къ своему голосу и задавался вопросомъ: „неужели это я?“ Какъ-то онъ сталъ кашлять.

— Вы не больны? спросилъ его слѣдователь.

— Нѣтъ, такъ... въ груди... Все равно ужь.

Къ нему послали тюремнаго врача. Тотъ какъ вошелъ, такъ и узналъ Курца. Остановился было — хотѣлъ ограничиться сухимъ и оффиціальнымъ опросомъ, да жаль стало...

— Неужели это вы, Готлибъ Готлибовичъ?

Курцъ слабо улыбнулся—и привсталъ. Замѣчая что докторъ не протягиваетъ ему свою руку, и Курцъ тоже удержался... Докторъ пристально всматривался въ него.

— Какъ-же, невольно проговорилъ онъ наконецъ,—я помню, помню васъ, господинъ Курцъ... сколько разъ въ клубѣ играли въ винтъ!.. Вы были большой мастеръ по этой части... Съ вами было хорошо быть партнеромъ... Ну, однако какъ вы перемѣнились. Ужасно.

— Нельзя-ли мнѣ лечь въ больницу? пришло въ голову Курцу. Въ самомъ дѣлѣ! И онъ сообразилъ, что въ больницѣ онъ будетъ не одинъ, а съ другими.

— Нѣтъ... Я буду навѣщать васъ здѣсь. Пока не кончится слѣдствіе — нельзя. Арестанты по особо важнымъ дѣламъ лечатся у себя въ камерахъ.

Докторъ прописалъ ему что-то и ушелъ не подавая руки. Курцъ даже и не замѣтилъ этого.

Онъ былъ-бы радъ разболѣться какъ слѣдуетъ, во всю. Радъ потому, что чувство физической боли — заставило-бы исчезнуть галлюцинаціи. Призракъ уступилъ-бы дѣйствительному страданію свое мѣсто. Курцъ теперь уже безъ страха прислушивался, какъ въ его груди точно скрипятъ ржавыя петли—при кашлѣ или при болѣе глубокомъ вздохѣ, какъ онѣ скрипѣли въ воротахъ его тюрьмы... Его пугала смерть и въ то же время радовала... Конецъ всѣмъ этимъ мукамъ!.. Да, конецъ, и онъ улыбался, думая какъ надуетъ онъ всѣхъ, и Приходзько, и Гиршмана—вмѣсто суда—выѣхавъ изъ тюрьмы въ простомъ сосновомъ гробѣ... Но въ то же время ужасъ прокрадывался къ нему въ душу: а если эти призраки — дѣйствительность, дѣйствительность *того* міра? Если—въ то мгновеніе когда онъ сомкнетъ глаза—они обступятъ его отовсюду—ненавистные, непримиримые?.. И Курцу казалось, что онъ начинаетъ мѣшаться... Впрочемъ, домъ сумасшедшихъ—былъ всетаки лучше каторги...

— Переведите меня въ общую арестантскую, просилъ онъ слѣдователя.

— Не могу-съ...

— Да вѣдь я сознался во всемъ... Слѣдствіе тянется Богъ знаетъ сколько времени... За что̀ жь вы меня мучите?

— И еще дольше протянется. Вы думаете легко разобраться въ книгахъ и отчетностяхъ Каспійско-Черноморской водяной коммуникаціи? Вы уничтожили часть производства...

— Сколько же протянется все это?

— Дай Богъ въ годъ окончить...

Это его ударило точно въ голову... Онъ на первыхъ порахъ, не протестуя, какъ будто осѣлъ и молчалъ. Только выходя изъ камеры, онъ вспомнилъ: „дай Богъ въ годъ окончить!..“ „Годъ... Неужели еще годъ среди этого безмолвія, одиночества, ужаса?.. Годъ здѣсь!..“ переступилъ онъ порогъ своей тюрьмы. „Годъ среди этого мрака... Тутъ часъ, одинъ часъ страшенъ. А сколько такихъ часовъ въ году?..“

И онъ въ безумномъ порывѣ безсильнаго бѣшенства упалъ на постель и зарыдалъ, лицомъ въ свалявшуюся подушку, царапалъ себѣ щеки до крови, задыхаясь и рискуя разрывомъ сердца, кашляя и судорожно колотясь о стѣну кельи и желѣзо кровати...

Весь этотъ день онъ промучился, а когда наступилъ вечеръ—Курцъ почувствовалъ свое положеніе окончательно невыносимымъ. Онъ ходилъ по своей кельѣ—и какъ-то взглянувъ на постель, вздрогнулъ. Ему почудилось, что на ней лежитъ Плюсъ, именно такъ какъ онъ лежалъ тогда — въ той комнатѣ Рязанской гостиницы — съ подушкой на лицѣ, съ согнутыми вверхъ колѣнями... Онъ отошелъ отъ постели протягивая руки впередъ, точно защищая ими себя отъ новаго призрака. Потомъ ему захотѣлось побѣдить свой ужасъ. Онъ пошелъ къ Плюсу, и по мѣрѣ того какъ онъ медленно приближался къ нему—Плюсъ точно таялъ въ воздухѣ и исчезъ—на кровати его не было; но оглянувшись въ уголъ, Курцъ увидѣлъ его тамъ... Не зная самъ, что̀ онъ дѣлаетъ, Боголюбъ Боголюбовичъ бросился въ двери и заколотился... Издали въ концѣ коридора послышались чьи-то тихіе шаги... Они приближались къ нему.

— Чего еще? проговорилъ сторожъ, отодвигая окно.

— Огня, огня!.. почти хрипѣлъ Курцъ.

— Ладно... Въ восемь часовъ подадутъ... Раньше нечего, не велѣно, и безъ огня посидите.

— Не могу... Не могу безъ огня...

— Что-жъ что не можете!.. Отъ начальства приказъ.

Потомъ шаги отдалились, послышался говоръ. Курцъ прислушался.

— Что онъ? спрашивалъ караульный у сторожа.

— Огня!.. Чудится должно... За убивство сидитъ... Убийцамъ всегда чудится... Одинъ такъ голову себѣ о стѣну расколотилъ!.. Тоже и ихъ положеніе!

И слова и шаги замерли вдали.

„Голову себѣ расколотилъ!“ вспомнилъ Курцъ. „Да, въ самомъ дѣлѣ. У того же хватило силы. Вѣдь только и стоитъ, что расколотить себѣ голову. Наклониться, разбѣжаться—и кончено.. Зависитъ отъ рѣшительности и силы, а какъ разбѣжишься... Одинъ ударъ — и этого года не будетъ, и суда не будетъ, и ссылки, ничего, ничего.. Что же смерть?.. Вѣдь всѣмъ умирать надо... Илюсъ умеръ.. Ишь!. Опять лежитъ на постели, и подушка на лицѣ, и колѣни согнулъ...“ Курцъ остановился... Тихо снялъ сапогъ съ ноги, прицѣлился и швырнулъ его въ Илюса... Сапогъ прошелъ между колѣнями Илюса.. Странно Курцъ и Илюса видитъ, и сапогъ тоже.. Онъ подошелъ —Илюсъ исчезъ... Въ углу стоитъ . „Погоди же, я тебя надую... Всѣхъ надую.. И Приходько тоже... Всѣхъ, всѣхъ. Вѣдь ничего, ничего больше не остается. Если бы еще убѣжать можно было.. Убѣжать, да Какъ бѣгаютъ другіе... Убить сторожа, надѣть его платье и выйти. Главное — спокойно.. не теряясь... Лежи-лежи!“ оборачивается онъ къ Илюсу — „Лежи-лежи... Я нисколько-нисколько не боюсь тебя... Лежи... Да... Не теряясь... Какъ убьешь только? Они, сторожа-то, вдвоемъ... Одинъ входитъ въ камеру, другой остается въ коридорѣ... Нѣтъ, тутъ ничего, ничего не сдѣлать... Вѣрно придется такъ, какъ тотъ: разбѣжаться и головой о стѣну...“

Онъ сѣлъ на табуретъ къ столу и задумался...

Вся его жизнь проходила передъ нимъ... Вся, съ ея немногими радостями. Проклятая жизнь. Каждая ея удача была отравлена страхомъ... Все время онъ точно въ прятки игралъ со всѣми. Притворялся, таился. Носилъ маску. Вся, вся, до этого вечера, до этой ночи, когда онъ рѣшился умереть...

Вся его жизнь проходила передъ нимъ

Ради чего онъ боролся, мучился, отчаивался и достигалъ? Терпѣлъ поношенія, обиды, терялъ уваженіе къ себѣ и другимъ?.. Былъ звѣремъ, котораго травили, и самъ другихъ травилъ какъ звѣрей? Ради чего онъ во всѣ эти сорокъ-пять лѣтъ не зналъ ни минуты покоя? Вѣчныя подозрѣнія, подлые расчеты... Опасности кругомъ. Всѣ ему враги и всѣмъ онъ врагъ. Ложь безъ конца... Безъ конца. Неужели же все это только для того, чтобы теперь, сейчасъ вотъ, прежде чѣмъ сторожъ явится съ лампою, разбѣжаться и удариться головой въ стѣну?..

Вся его жизнь проходила передъ нимъ...

Начиная съ молодости, любилъ-ли онъ кого, увлекался-ли чѣмъ?. Нѣтъ . Любви не было. Была распущенность, была страсть, но черезъ нѣсколько часовъ онъ равнодушно отходилъ: ему не было жаль женщину, потому что онъ не видѣлъ ея души, а зналъ только тѣло, одно тѣло... Онъ никому не вѣрилъ, потому что самъ всѣхъ обманывалъ... Ему казалось, что кругомъ только дураки и подлецы. Дураки, которыхъ надо эксплоатировать, чтобы самому жить; подлецы, которыхъ слѣдуетъ бояться... И никого-никого больше.. Его оскорбляли, ловили съ поличнымъ. Ловили на шулерствѣ, на обманѣ.. Его били какъ проворовавшагося раба. Онъ все это терпѣлъ, терпѣлъ... Пришла старость, его потянуло къ покою, къ обезпеченности... Онъ рѣшился разомъ создать себѣ и то, и другое... Но на этомъ его настигла ненависть, и онъ долженъ былъ убить, чтобы спастись... Убилъ—и не спасся... Вотъ онъ лежитъ, этотъ призракъ убитаго имъ... Ну, да еще нѣсколько минутъ... еще нѣсколько минутъ—и онъ самъ будетъ призракомъ. Онъ сдѣлается ему своимъ, а свои своихъ не боятся...

Стоило жить! Стоило!..

— Нѣтъ... Довольно... Довольно!.. вслухъ проговорилъ онъ и выпрямился.

Усталь охватывала его, все въ немъ нѣмѣло, гасло... Сознаніе уходило куда-то... Отчаяніе — и то словно туча сползло прочь, но не небо открылось за нимъ, а какая-то пустота, бездна, безъ образа, безъ края, безъ предѣла, безъ звука и безъ времени. Бездна — то ничто, въ которое онъ вѣрилъ... То страшное ничто, въ виду котораго ему раньше казалось нечего бояться чего или кого бы то ни было. То ничто, передъ которымъ нѣтъ раскаянія, есть только страхъ быть пойманнымъ и наказаннымъ немедленно...

Онъ не зналъ Бога...

Не зналъ и прежде Его и не узналъ теперь. Знай онъ Бога—вмѣсто этого холоднаго и безмолвнаго ужаса онъ упалъ бы передъ Нимъ въ слезахъ, въ покаяніи, упалъ бы на этотъ полъ и молился бы, молился до омертвѣнія, пока хватило бы въ груди силы для вздоха, пока шевелились бы губы, повторяя: „прости, прости“ .

А теперь къ кому онъ обратится?

Кто утѣшитъ его?..

Нѣтъ, и внизу и вверху одна и та же бездна... Смерть кончаетъ все... Смерть есть предѣлъ и стоитъ только рѣшиться... Стоитъ только разбѣжаться...

И Курцъ вдругъ вздрогнулъ.

Ему вспомнилось, что платье у него отняли, а длинный ременный поясъ оставили ему... Въ самомъ дѣлѣ, это гораздо проще... Разбѣжаться — еще ушибешься. Еще физическая боль въ дополненіе ко всему, что испыталъ онъ до сихъ поръ... Какое-нибудь неловкое движеніе — и голова останется цѣла, а тутъ петлю, одинъ прыжокъ и кончено, кончено совсѣмъ, навсегда— и кругомъ будетъ бездна... Будетъ ничто и въ немъ, и внѣ его, одно великое ничто...

Поясъ былъ длинный... Ремень выдержитъ тяжесть его тѣла... И петля будетъ удобна. Онъ посмотрѣлъ на рѣшетку окна... Она была невысока. Подставилъ табуретъ... Одна минута еще—и все кончено... А городъ — пришло ему на мысль — живетъ себѣ своею жизнью. Что ему за дѣло до этого несчастнаго? Такъ же веселятся люди, такъ же шумитъ толпа на улицахъ, въ клубѣ теперь собрались знакомые... Можетъ-быть говорятъ о немъ.. Завтра прочтутъ въ дневникѣ происшествій, отовсюду послышится: „скажите, кто бы этого ожидалъ!.. Галопишко-то въ тюрьмѣ повѣсился. Хватило характера суда не дождаться!“ Кто-нибудь прибавитъ: „отлично сдѣлалъ, ему вѣдь ничего больше не оставалось“ . Отлично сдѣлалъ!.. Грустное чувство нѣсколько отуманило какою-то слабостью, нѣжностью Боголюба Боголюбовича, ему почему-то разомъ стали дороги и милы всѣ эти люди.

Но пора, пора... Время шло... Въ десятомъ часу ему принесутъ лампу и чай.

Осталось немного, очень немного..

Онъ взялъ съ постели простыню, она была слишкомъ ветха, еще разорвалась бы, пожалуй. Онъ вспомнилъ, что ему вмѣстѣ съ поясомъ оставили и шарфъ. Живо онъ связалъ его съ концомъ ремня. Съ силою потянулъ „Прочно, выдержитъ!“ проговорилъ онъ вслухъ и самъ изумился: точно совсѣмъ чужой голосъ. Потомъ онъ привязалъ, ставъ на табуретъ, конецъ шарфа къ рѣшеткамъ, попробовалъ —оказалось надежно... Еще разъ... „Говорятъ, не больно, совсѣмъ не больно... Говорятъ, тѣ, которыхъ снимали изъ петель еще живыми, разсказывали, что они не чувствовали страданій“ . Петля внизу была сдѣлана, онъ надѣлъ ее на шею себѣ... Оставалось только оттолкнуть табуретъ... Одно движеніе ногой... Онъ, стоя уже, посмотрѣлъ на свою постель: ему почудилось, что Илюсъ слегка приподымается съ нея Подушка шевелится...

Послѣ бала. Съ карт. (собств. „Нивы") Ѳ. П. Чумакова, грав. Пааръ.

2

Согнутыя колѣни его расправляются... „Сейчасъ, сейчасъ!“ точно обратился къ нему Боголюбъ Боголюбовичъ,—„сейчасъ... Только минуту, одну минуту... Нѣтъ, мгновеніе“. Сердце его билось съ болью... Тысячи мыслей вихремъ мчались въ его головѣ, захватывая всю его душу въ какую-то бѣшеную мятель... Ну... пора!.. Онъ одною ногой толкнулъ табуретъ. Табуретъ съ шумомъ покатился по комнатѣ... Ремень натянулся... Но въ эту самую минуту щелкнулъ замокъ въ дверяхъ и сторожъ кинулся въ комнату, подхватилъ задыхавшагося Курца и крикнулъ своего товарища... Петлю сняли... Курцъ былъ еще живъ, но мутно смотрѣлъ на окружающихъ. Когда онъ совсѣмъ пришелъ въ себя— а это случилось ужъ къ ночи — онъ понялъ, что на вторую такую попытку ему ужъ не хватитъ ни силы, ни рѣшимости.

Онъ съ ужасомъ сообразилъ, что ему еще долго-долго жить и мучиться...

(Оконч. въ слѣд. №).

Говѣніе.

(Изъ учебныхъ годовъ стараго барчука).

Евгенія Маркова.

I.

Нашъ батюшка.

Законоучитель нашъ, отецъ Антипій, вселялъ въ меня благоговѣйный трепетъ своею всегда сверкавшею, всегда торжественною фигурою. Онъ постоянно носилъ громко шумѣвшую, новую люстриновую рясу, которая ломалась въ изгибахъ и складкахъ, будто жестяная, и отражала отъ себя во всѣ стороны лучи солнца; мнѣ казалось отъ этого, что до батюшки страшно дотронуться. Какъ нарочно, носъ у отца Антипія былъ длинный и острый, слегка загнутый крючкомъ; сжатыя вмѣстѣ губы выдавались впередъ, тоже какъ-то остро и требовательно; черная бородка, собранная въ метелочку, и усы, жесткіе какъ проволока, стояли торчкомъ впередъ, будто заранѣе насторожившись, а на головѣ была воздѣта, сверхъ напомаженныхъ до блеска волосъ, непомѣрно высокая и сильно заостренная скуфейка лиловаго бархата, — такъ что дѣйствительно въ моей дѣтской фантазіи онъ весь словно ощетинивался остріями. Къ этому присоединялась необыкновенная величавость движеній и рѣчи. Батюшка нашъ, можно сказать, и ходилъ, и говорилъ только однимъ „высокимъ слогомъ“.

Мы такъ привыкли видѣть его торжественно совершающимъ одни лишь оффиціальные акты учительства и священства, что даже представить себѣ не могли, чтобы у отца Антипія нашлись въ обиходѣ обыкновенныя житейскія слова для обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ. И онъ, кажется, дѣйствительно вносилъ даже въ домашній бытъ свой ту же величественную чопорность и суровую сдержанность, которыя производили на насъ, его учениковъ, такое глубокое впечатлѣніе.

— Акилина! подай сей плодъ! кратко говорилъ онъ женѣ, указывая костлявымъ пальцемъ на яблоко.

— Жено! насыть младенца! строгимъ голосомъ напоминалъ онъ ей при крикахъ груднаго ребенка.

Батюшка любилъ говорить намъ поученія по всякому случаю, и почти каждый классъ начиналъ притчею по поводу какого-нибудь событія нашей гимназической жизни, такъ что ужъ мы при первомъ словѣ его впивались въ него ушами и глазами, стараясь поскорѣе догадаться, на кого и на что хочетъ намекнуть онъ.

Одинъ изъ богатенькихъ четвертоклассниковъ нашихъ, волонтеръ Казминъ, сынъ откупщика,—бывало постоянно обгонялъ на своихъ рысакахъ скромно шествовавшаго пѣшкомъ отца Антипія, кое-когда даже обдавая его брызгами грязи изъ-подъ копытъ пристяжныхъ. Батюшка никогда не упускалъ публично передъ цѣлымъ классомъ напудрить за это голову Казмину.

Какъ только онъ войдетъ въ классъ съ глазами сверкающими горячѣе обыкновеннаго и со щеками блѣднѣе обыкновеннаго, такъ ужъ мы и знаемъ, что должно-быть начнется сейчасъ головомойка Казмину. Прочтутъ громко и отчетливо молитву передъ ученіемъ. Походитъ, походитъ батюшка по классу, съ безмолвнымъ состраданіемъ покачивая головою, и вдругъ начнетъ словно самъ съ собою:

— Бѣдный христіанинъ, быть-можетъ и несравнимо достойнѣйшій, бредетъ по образцу апостольскому пѣшимъ хожденіемъ черезъ прахъ и грязь, а тщеславные сыны человѣческіе, надѣленные земнымъ богатствомъ своимъ, рыщутъ на колесницахъ по стогнамъ града, и даже не обращаютъ горделиваго лица своего на тѣхъ скромныхъ путниковъ, коихъ они покрываютъ прахомъ колесъ своихъ...

— Казминъ, Казминъ!.. Это онъ о Казминѣ! сейчасъ же пробѣгаетъ по классу оживленный и довольный шепотъ, и Казминъ уже обдергивается и краснѣетъ, чтобы, когда придетъ надлежащая минута, встать и попросить обычнаго извиненія у батюшки.

Особенно славилось въ гимназіи любимое поученье батюшки, которое онъ говорилъ обыкновенно семиклассникамъ, въ одномъ изъ послѣднихъ классовъ передъ выпускомъ. Это былъ практическій совѣтъ юношамъ, покидавшимъ школу и вступавшимъ въ жизнь, какъ нужно переносить невзгоды этой жизни. Я хорошо помню начало этого поученья, которое всѣ знали наизусть, за много лѣтъ до того, какъ приходилось услышать его въ 7-мъ классѣ изъ устъ самого батюшки.

— Когда обуяетъ васъ малодушіе житейское, то вознеситесь мысленно превыше атмосферы земныя, да и воззрите оттуда внизъ. Тогда и планида-то наша вся съ песчинку покажется, а не токмо что!..

Что касается меня, то поученья и проповѣди батюшки потрясали меня до глубины души. Всѣ слова его были такія страшныя, и глаза его были страшные, и колючіе усы его были страшные; стоишь, бывало, передъ нимъ въ церкви, спрятавшись въ рядахъ товарищей, и дрожишь всѣми жилками, впившись глазами въ его грозную фигуру, приставъ ухомъ къ его грозной рѣчи. Даже когда онъ служилъ за престоломъ въ алтарѣ и возсылалъ своимъ протяжнымъ рѣзкимъ басомъ молитвы Кроткому Спасителю міра, то моему ребяческому воображенію, наполненному образами библейскаго міра, онъ казался, въ своей рогатой шапочкѣ, какимъ-то суровымъ первосвященникомъ Израиля, или неумолимымъ библейскимъ пророкомъ, способнымъ безтрепетно заклать передъ алтаремъ Іеговы и 400 жрецовъ Ваала, и 300 жрецовъ дубравныхъ.

Въ классѣ батюшки порядокъ и вниманіе были примѣрные. Никто не смѣлъ не слушать, никто не рѣшался шалить. А чуть что послышится на заднихъ скамьяхъ, пронзительное око отца Антипія сейчасъ же отмѣтитъ виновника, и пронзительный басъ его сейчасъ же воткнется въ него какъ булавка въ пойманнаго жука.

— Оглашенный! изыди...

А изыдешь, разумѣется, прямо въ объятія инспектора.

Знали у батюшки всѣ безъ исключенья и все безъ исключенья. Даже отпѣтые старики „горъ Ливанскихъ“—и тѣ почему-то интересовались Закономъ Божіимъ и, ко всеобщему удивленью, учили уроки изъ него.

— Голубчикъ Шарапчикъ! приставалъ, бывало, ко мнѣ необычно нѣжнымъ голосомъ громадина Толстошеенко, просиживавшій обыкновенно въ началѣ года всѣ свои учебники.—Дай законца позубриться!

И я давалъ, и онъ садился и зубрилъ, и, главное, онъ отвѣчалъ, и весь классъ дивился, а онъ самъ, конечно, больше всѣхъ, такъ что возвращался отъ каѳедры красный и сконфуженный, точно этимъ знаньемъ урока совершилъ передъ товарищами невѣсть какое отступничество отъ своего долга и невѣсть какое противузаконіе.

Никакихъ объясненій урока въ классѣ батюшки не полагалось, ибо это онъ считалъ вреднымъ модничаньемъ и переливаньемъ изъ пустаго въ порожнее, а просто-напросто задавалось нѣсколько страницъ „отъ сихъ до сихъ“ —и дѣло съ концомъ.

Точно такъ же просто было и спрашиванье уроковъ. Возсядетъ, бывало, нашъ отецъ Антипій въ широкихъ воскрыліяхъ своихъ сверкающихъ одеждъ на каѳедру, вызоветъ кого слѣдуетъ и, вонзившись въ него въ упоръ глазами, скажетъ только:

— Ну-съ, начинай!

Отличные ученики должны были отвѣчать изъ Катехизиса, не ожидая вопросовъ; они знали на зубокъ не только отвѣты, но и вопросы.

— Вопросъ: что есть Катехизисъ? Отвѣтъ: Катехизисъ есть слово греческое, оно значитъ оглашеніе, т. е. изустное наставленіе...

И пошелъ, и пошелъ.

Въ рѣдкихъ только случаяхъ батюшка бывалъ вынужденъ напомнить начало, какому-нибудь вѣтрогону.

— Нынѣ что у васъ? громко и важно спроситъ онъ вызваннаго ученика.

— Сегодня у насъ церковная исторія.

— Ну-съ, такъ отвѣчай!

Оторопѣвшій бѣдняга забылъ чѣмъ начинается урокъ и въ смущеньи мнется на мѣстѣ.

Батюшка долго и неподвижно смотритъ на него своими суровыми и неодобрительными очами и наконецъ произноситъ:

— „Послѣ бури гоненій..“

— „...Наступилъ наконецъ миръ для церкви Христіанской, торопливо, какъ на почтовыхъ, подхватываетъ оправившійся ученикъ. — Константинъ, побѣдившій силою Креста, и самъ оною побѣжденный...“ и дальше, и дальше, и ужъ ни разу больше не спотыкнется, пока не долетитъ, запыхавшись, до роковаго „до сихъ“.

А батюшка все время сидитъ, строгій и неподвижный, молча впривъ свои грозныя очи въ глаза отвѣчающаго, и весь мало-по-малу переполняясь внутреннимъ торжествомъ при звукахъ этого журчащаго безостановочно какъ ручей, отраднаго ему отвѣта.

Кажется, не только его глаза, но и усы, и борода, и острая шапочка на головѣ, и самыя складки его широкой рясы,— все теперь ликуетъ и свѣтится въ немъ отъ удовольствія.

— Вамъ п-п-пять, господинъ! коротко и рѣзко отчеканиваетъ онъ, и вызываетъ слѣдующаго ученика.

Въ одномъ только случаѣ библейская величественность нашего отца Антипія исчезала вдругъ куда-то, съ непостижимою для насъ быстротою. Это бывало при посѣщеніи класса начальствомъ, директоромъ или окружнымъ инспекторомъ. Не успѣвала еще отвориться дверь передъ важнымъ посѣтителемъ, какъ уже нашъ батюшка порывисто соскакивалъ съ каѳедры и низко пригнувшись своею острою скуфьею, почтительно ретировался задомъ въ какой нибудь наиболѣе скромный уголъ, смущенно запахивая полы своей рясы.

А ужъ на экзаменахъ съ архіереемъ и говорить нечего! Нашего строгаго отца Антипія мы совсѣмъ тогда не узнавали. Куда что̀ дѣвалось! И поза такая смиренная, и голосъ какой-то тоненькій, ласковый, совсѣмъ не его. Обычнаго величія — слѣда нѣтъ, даже глаза кажутся не черными, а сѣрыми, и борода съ усами будто мягкія стали, не торчатъ больше и не колются, да и люстриновая ряса словно вдругъ потеряла свой блескъ и свою шумливость.

Когда же, по уходѣ архіерея, экспертомъ по Закону Божію оставался архимандритъ или соборный протопопъ,—то отецъ Антипій сейчасъ же перемѣнялъ тонъ и ни за что̀ уже не выпускалъ изъ своихъ рукъ бразды экзамена.

Помню, какъ на первомъ переходномъ экзаменѣ вызвали меня къ зеленому длинному столу, на серединѣ котораго стояли роковыя тарелки съ билетами, и вокругъ котораго важно возсѣдалъ цѣлый синедріонъ камилавокъ. Я было очень обрадовался, что не придется отвѣчать передъ архіереемъ; но архимандритъ, его замѣнившій, оказался еще болѣе неудобнымъ для насъ любомудромъ и огорашивалъ насъ такими вопросами, что даже самъ всезнающій нашъ Алеша долженъ бы былъ спасовать передъ нимъ.

Я былъ уже четвертою по счету жертвою этой совсѣмъ нами не ожиданной богословской пытливости. Самъ отецъ Антипій былъ озадаченъ и взволнованъ поведеньемъ его преподобія. Тремъ его хорошимъ ученикамъ пришлось поставить слабыя отмѣтки, и онъ очевидно рѣшился не давать въ обиду остальныхъ.

Только что я лихо отбарабанилъ батюшкѣ доставшійся мнѣ билетъ и уже ожидалъ съ трепещущимъ отъ счастья сердцемъ, какъ батюшка передъ всѣмъ этимъ сановитымъ собраніемъ богослововъ выпалитъ сейчасъ въ меня свое обычное: „вамъ п-п-ять, господинъ!“ какъ вдругъ я почувствовалъ на себѣ чей-то коварно-ласковый взглядъ, и отецъ-архимандритъ, пріятно улыбаясь и одобрительно помавая головою, обратился ко мнѣ своимъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— А дозвольте, младой юноша, обезпокоить васъ ещё однимъ не весьма великимъ вопросомъ: что, по ученію церкви, должно знаменовать появленіе іерея передъ затворёнными царскими вратами во время всенощнаго бдѣнія?

Я въ искреннемъ испугѣ глядѣлъ на красное лицо архимандрита, вспотѣвшее отъ долгаго сидѣнья въ классѣ, и даже не пытался отвѣчать.

„Ну, теперь пропалъ! ударило меня въ сердце, — сейчасъ единицу вмѣсто пятерки закатятъ!“

Но отецъ Антипій уже былъ на-сторожѣ.

— А вы не стѣсняйтесь, господинъ! поспѣшно вмѣшался онъ.—Отвѣчайте ихъ преподобію что̀ слѣдуетъ: яко, Христосъ, скажите, преданъ былъ распятію и смерти за весь міръ, тако, молъ, и іерей возноситъ молитвы единъ за всѣхъ.

— Положимъ, объясненіе сіё имѣетъ основаніе, возразилъ снисходительно архимандритъ, сильно ударяя на о. — Но не возможно ли отыскать для сегò ещё и иный, такъ сказать, ближайшій ему смыслъ?

Я, въ полной безнадежности и безъ всякой попытки что-нибудь отыскивать, повернулъ свои огорченные глаза въ сторону батюшки.

— А вы и тутъ, господинъ, не теряйтесь... храбро поддержалъ меня батюшка.—Вы и на это отвѣчайте его преподобію: яко, молъ, Адамъ единъ согрѣшилъ передъ Богомъ, грѣхъ же его на всѣхъ людяхъ, такъ, дескать, и іерей единъ предстательствуетъ передъ Престоломъ Всевышняго за грѣхи человѣковъ.

— Согласенъ, вѣжливо склонившись головою и слегка приподнимая свои мягкія длани замѣтилъ отецъ-архимандритъ, очевидно искренно увлекавшійся этою богословскою полемикою,— прообразъ сей также достаточно знаменателенъ, но одначе учительница наша въ истинѣ, святая церковь, примѣняетъ къ сему еще болѣе приличествующее изъясненіе... потщитесь-ка, юный питомецъ науки, изложить намъ...

Но тутъ терпѣніе отца Антипія истощилось окончательно. Онъ чувствовалъ, что и надъ моею головою занесенъ тотъ же зловѣщій мечъ, который сразилъ сейчасъ Ярунова, Бѣлоконытова и Квитницкаго.

Онъ рѣшительно нагнулся къ уху архимандрита и произнесъ конфиденціальнымъ тономъ, настолько однако громко, что это услышали всѣ, сидѣвшіе за столомъ:

— Помѣщика Шаранова сыночекъ... Изволите, конечно, ихъ знать?..

Отецъ-архимандритъ сейчасъ же встрепенулся и сдѣлалъ руками и головой какое-то извинительное движеніе, словно говорилъ этимъ безмолвнымъ жестомъ:

„Такъ бы давно и сказали!“

И сейчасъ же привѣтливымъ кивкомъ отпустилъ меня отъ стола.

Моя пятерка была спасена...

Семиклассники наши давно разсказывали, будто у отца Антипія была хорошенькая жена, будто отецъ Антипій очень ревновалъ ее, запиралъ безъ себя одну въ домѣ и не показывалъ никому. Не знаю, насколько истины было во всемъ этомъ, только легенда о хорошенькой попадьѣ широко распространилась по гимназіи, и наши великовозрастные „волонтеры“ старшихъ классовъ, имѣвшіе передъ нами завидное преимущество свободнаго передвиженья, всячески ухищрялись гдѣ-нибудь подглядѣть или повстрѣчать молоденькую „матушку“. Однако ихъ попытки были мало удачны. Ходили нарочно на домъ къ отцу Антипію заказывать молебны по всякимъ фантастическимъ случаямъ, подкарауливали его по воскресеньямъ на его послѣобѣденной прогулкѣ подъ-руку съ попадьею, но все-таки рѣдко достигали цѣли. Въ домѣ у батюшки даже и дверей почти никогда не отворяли, такая была заведена строгость; сладкорѣчивый нашъ шестиклассникъ Кромалѣй было и проникъ разъ въ предѣлы святилища въ тѣ часы, когда по его расчету батюшки не бывало дома, но его встрѣтилъ вмѣсто красавицы-попадьи въ запертомъ со всѣхъ сторонъ залѣ самъ отецъ Антипій, съ довольно мрачно смотрѣвшими глазами, и спросилъ его не особенно ласково:

— А вы зачѣмъ сюда пожаловали, господинъ?

— Папенька приказалъ узнать у васъ, батюшка... нельзя-ли отслужить на-дняхъ молебенъ... началъ было врать опѣшившій Кромалѣй.

— Напрасно безпокоите себя, господинъ! Служителя бы надлежало прислать... Вотъ и дѣло все! Мое вамъ почтенье!

Такъ и выпровожденъ былъ изъ дому предпріимчивый изслѣдователь, не солоно хлебавши.

А когда въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось-таки гимназистамъ подстеречь батюшку на его семейной прогулкѣ, и, обѣжавъ черезъ переулокъ, пойти будто невзначай ему навстрѣчу, то суровый наставникъ нашъ, при приближеніи некстати любопытныхъ глазъ, снималъ обѣими руками свою высокую мѣховую шапку въ отвѣтъ на предупредительные поклоны своихъ учениковъ, и такъ основательно закрывалъ ею лицо своей миловидной спутницы, что гимназисты успѣвали пройти мимо раньше, чѣмъ онъ воздѣвалъ эту шапку-башню обратно на свою голову.

Отецъ Антипій вообще сурово относился къ женскому полу и, кажется, искренно считалъ женщинъ, подобно древне-русскимъ нравоучителямъ, „порожденіемъ ехидны, утѣхою сатаны, зміиною прелестью, погубленіемъ человѣковъ“.

По крайней мѣрѣ молодыя крутогорскія барыни очень боялись исповѣдываться у него, хотя вообще говѣть въ гимназической церкви было признакомъ высшаго губернскаго тона.

Одна мѣстная львица, богатая и хорошенькая, только что вышедшая замужъ за полковаго адъютанта, даже выбѣжала, не докончивъ исповѣди, обиженная, съ громкимъ плачемъ, изъ церкви, послѣ того какъ нашъ непреклонный Антипій, не вѣдающій никакихъ свѣтскихъ церемоній и никакой сантиментальности, нещадно пробралъ ее по всѣмъ правиламъ Номоканона, напугавъ ее непонятными вопросами: не посѣщаетъ-ли она ристалищъ и лицедѣйствъ, не кушаетъ-ли мертвечины и хищныхъ птицъ и т. п.

Юный мужъ ея, въ качествѣ грознаго воина, пріѣзжалъ объясняться по этому поводу съ черезчуръ не галантнымъ духовникомъ и въ свою очередь не мало напугалъ его.

II.

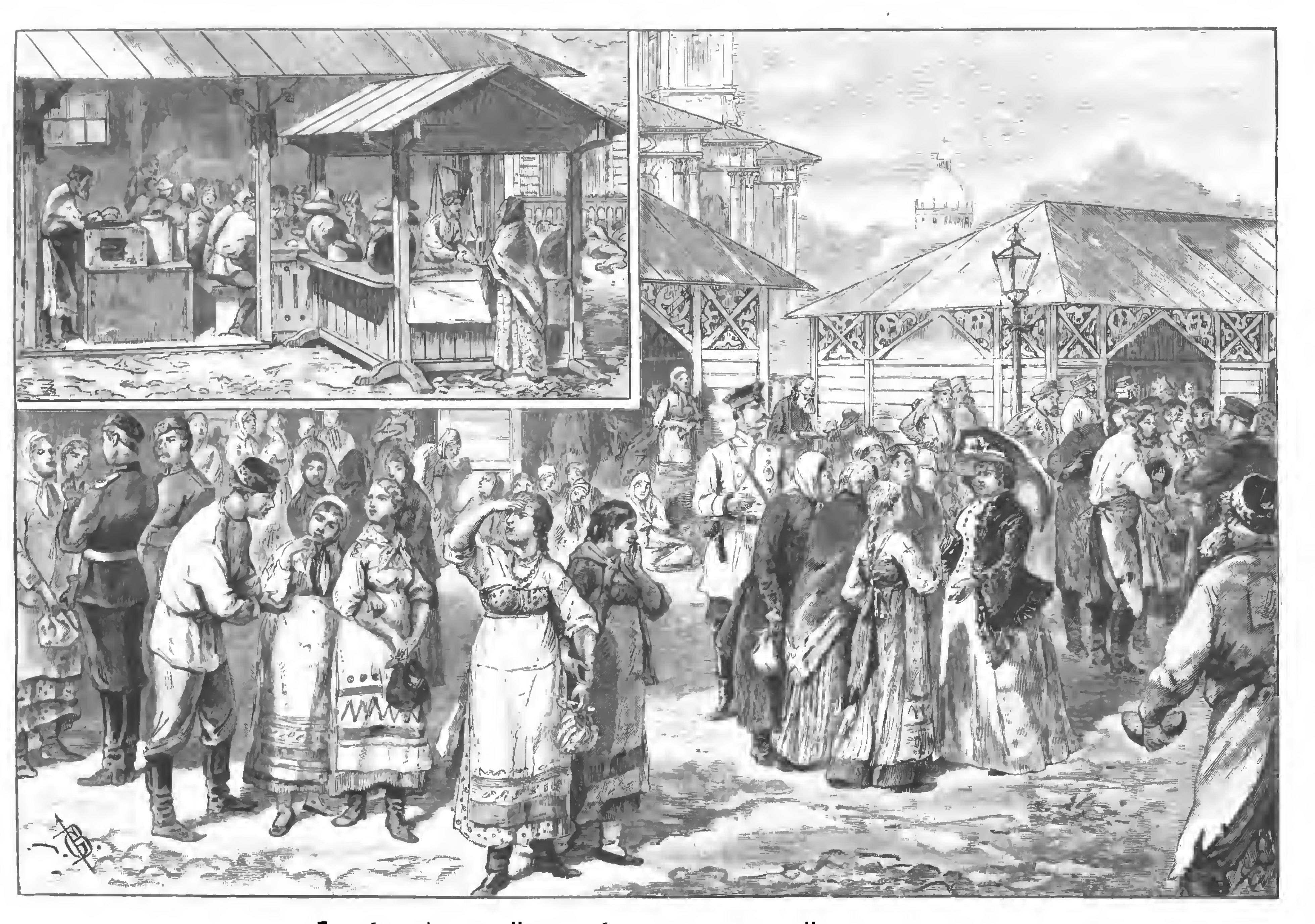
Всенощная въ гимназіи.

Наступилъ Великій постъ, и въ первую недѣлю пансіонеры должны были говѣть и исповѣдываться. Дни потекли печальные и утомительные. Рѣзкій переходъ отъ масляничнаго бездѣлья и веселья къ однообразію вечеренъ, часовъ и всенощныхъ былъ чувствителенъ до огорченья.

Зима, какъ нарочно, стояла еще неподвижно сѣрая, унылая, съ подвываньями метели, безъ солнца по цѣлымъ недѣлямъ,

Шведская могила. Гробница шведскихъ воиновъ, павшихъ въ Полтавскомъ бою, въ 5 верстахъ отъ Полтавы.

Съ фот. генерала Насвѣтевича, грав. Рашевскій.



Петербургскіе типы. Наемъ рабочихъ и прислуги у Никольскаго рынка.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) г. Бролинга, грав. Шюблеръ.

настоящая великопостная погода. И у насъ въ душѣ было такъ же сѣро и уныло и такъ же безразсвѣтно.

Обыкновенныя воскресныя обѣдни всегда казались намъ веселыми. Громкое и хорошее пѣніе, все заранѣе знаешь, что будетъ, и кончается такъ скоро. Даже погода въ эти дни всегда бываетъ свѣтлая, и церковь полна разряженной публикой. Совсѣмъ не то эти безконечные „часы“, гдѣ никто не знаетъ, когда что начинается и кончается, гдѣ священникъ все время прячется въ запертомъ алтарѣ, гдѣ почти не поютъ ничего, а всѣ дремлютъ, стоя, подъ звуки неразборчиваго чтенія какихъ-то большихъ черныхъ книгъ...

— Паміосъ, паміосъ, паміосъ! только и звенитъ въ воздухѣ на всю церковь раздающійся, всѣхъ раздражающій альтъ Саквина.

Но „часы“ — тѣ по крайней мѣрѣ днемъ, все еще какъ-то осиливаешь, сохраняешь хоть какую-нибудь бодрость. А ужъ вечерни—не приведи Богъ! Тускло и сердито горятъ въ длинныхъ коридорахъ рѣдко повѣшенныя масляныя лампы... Тускло и сердито хмурятся въ эти коридоры черныя окна и черныя двери пустыхъ классовъ. Какою-то безотрадною тюрьмою смотрятъ въ этомъ уныломъ полусвѣтѣ высокія казенныя стѣны гимназіи, и воздухъ ея давитъ мое впечатлительное мальчишеское сердце какъ туманъ осенней ночи.

И вдругъ—динь-динь! динь-динь! динь-динь!.. Тоже какъ-то сердито, словно нехотя и вмѣстѣ съ тѣмъ досадно-назойливо, раздается по мрачнымъ угламъ пансіона пронзительный мѣдный лязгъ давно опротивѣвшаго колокольчика.

— Динь-динь! Динь-динь! Динь-динь!

Нехотя и неспѣшно появляются въ полутьмѣ коридоровъ одинокія фигуры, пары и кучки, съ красными воротниками. Все больше и больше подливаетъ ихъ изъ темныхъ дверей, все гуще и длиннѣе растетъ по коридору толпа...

— Стройтесь же, чтобъ васъ чума побрала! становитесь скорѣе въ пары!.. Али не слыхали звонка?.. Чего какъ табунъ ржете?.. злобнымъ голосомъ покрикиваетъ Наржевичъ, завернутый въ свою гороховую шинель даже и въ стѣнахъ плохо протопленнаго пансіона...

— Въ церковь! Карла Карлычъ! вы ихъ, что-ли, ведите, а я сзади пойду... раздается команда Наржевича.

Кое-какъ наконецъ разбираются и устанавливаются въ пары по росту.

Колонна трогается.

(До слѣд. №).

Микроскопическій міръ.

Кому приходилось бывать въ петербургскомъ Эрмитажѣ, тотъ навѣрное замѣтилъ, что въ числѣ различныхъ предметовъ, найденныхъ въ египетскихъ пирамидахъ, какъ набальзамированныя животныя, сухіе фрукты, вещи изъ кожи, бронзы и металла,—встрѣчаются также украшенія изъ стекла, производство которыхъ нельзя отнести позднѣе IV вѣка до Р. Х. Стекло обыкновенно принимается за продуктъ новѣйшаго времени, тогда какъ первое производство стеклянныхъ издѣлій теряется въ сѣдой старинѣ. Кто первый открылъ стекло, произошло-ли это дѣйствительно согласно со словами преданія, увѣряющаго, что финикійскіе купцы случайно натолкнулись на это открытіе,—трудно сказать. Извѣстно только, что стекло сначала было чрезвычайно дорогимъ и рѣдкимъ продуктомъ торговли, несмотря на то, что сравнительно съ нынѣшними стеклянными издѣліями тѣ кажутся намъ крайне грубыми и обыкновенными.

Рука объ руку съ улучшеніемъ производства стекла, шло и паденіе его цѣны: лишь черезъ 800 лѣтъ со времени первыхъ его слѣдовъ, въ V вѣкѣ послѣ Р. Х., видимъ мы первыя оконныя стекла въ храмѣ Св. Софіи въ Константинополѣ; въ общее же употребленіе начинаютъ они входить лишь съ XIV и XV вѣка. Только тогда начинаютъ обращать особенное вниманіе на производство стекла, когда оно становится предметомъ необходимости; высшаго же своего совершенства достигаетъ это производство съ того времени, когда появляются увеличительные снаряды, зрительная труба и микроскопъ, такъ какъ для нихъ требуется особенно чистое и ровное стекло, что и даетъ толчокъ производству въ этомъ направленіи.

Можно себѣ представить то удивленіе, которое пришлось бы испытать древнему египтянину четвертаго вѣка до Р. Х., если бы онъ увидѣлъ наши громадныя зеркала, разноцвѣтныя стекла или заглянулъ бы въ микроскопъ; а если бы ему при этомъ сказать: „вотъ смотри, это все дальнѣйшее развитіе производства стеклянныхъ бездѣлушекъ“,—онъ конечно намъ не повѣрилъ бы. То самое вещество, которое служило египетскимъ фараонамъ въ качествѣ дорогаго украшенія, даетъ возможность созерцать невидимое.

Только для этого необходимо было пройти цѣлому тысячелѣтію, а между тѣмъ свойства стекла, на которыхъ все это основано, были и въ самомъ первомъ его кускѣ. Впрочемъ и нынѣ микроскопическій міръ еще такъ мало извѣстенъ публикѣ, что почти составляетъ тайну для непосвященныхъ; только за послѣднее время читающая публика немного проникла въ эту область. Не излишне слѣдовательно посвятить этому предмету еще нѣсколько строкъ.

До двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія никакъ не могли подыскать вѣрнаго объясненія древнему названію Краснаго (Чермнаго) моря; послѣ долгихъ споровъ, большинство географовъ того времени наконецъ рѣшило, что море названо такъ вслѣдствіе краснаго песчаника его береговъ. Скоро однако пришлось измѣнить это толкованіе. Во время поѣздки къ берегамъ Мертваго моря, въ Палестинѣ, нѣмецкій естествоиспытатель Эренбергъ, однажды, во время отлива, замѣтилъ, что бухта у Тора на берегу этого моря, окрашена полосою краснаго цвѣта шириной въ нѣсколько футовъ. Когда Эренбергъ сталъ разсматривать послѣ отлива оставшуюся воду, то выяснилось, что эта краснота зависѣла отъ безчисленнаго множества яркокрасныхъ хлопьевъ, оказавшихся подъ микроскопомъ ниточками осциллярій—водорослей, получившихъ свое названіе вслѣдствіе маятникообразнаго движенія своихъ жгутиковъ. Многіе путешественники и естествоиспытатели замѣчали окрашиваніе морской воды, въ зависимости отъ присутствія въ ней мелкихъ животныхъ или растеній; таковы: Дарвинъ, Дюпонъ, Стенструпъ, Эрштедтъ и др. Уже Ливій и Плиній указываютъ на различныя озера, быстро мѣняющія цвѣтъ своей воды, и даже Гомеръ повѣствуетъ объ одномъ случаѣ, когда выпалъ дождь смѣшанный съ кровью. Это послѣднее явленіе, какъ прежде, такъ и теперь даетъ поводъ суевѣрному невѣжеству видѣть въ этомъ указаніе на будущія несчастія. Равнымъ образомъ существуетъ много басенъ о пищѣ, которая вдругъ покрывалась кровавыми пятнами.

Въ настоящее время, благодаря услугамъ микроскопа, мы легко можемъ разобраться въ этихъ ужасахъ и до очевидности выяснить себѣ причину ихъ появленія: при нѣкоторомъ увеличеніи ясно можно разсмотрѣть мелкіе организмы, яркая окраска которыхъ, при ихъ безчисленномъ множествѣ, совсѣмъ просто объясняетъ дѣло. Чтобы яснѣе представить, какое отношеніе имѣетъ каждое недѣлимое къ общей окраскѣ, каковы ихъ величина и количество, Эренбергъ указываетъ, что для окраски изображенія одной изъ такихъ осциллярій, увеличеннаго въ 290 разъ, нужно не менѣе 150,000 ихъ.

Не станемъ останавливаться на томъ, какъ эти организмы попадаютъ въ воду. Но ихъ громадное число перестанетъ насъ удивлять, если мы взглянемъ на приложенную фиг. 1, которая изображаетъ каплю воды, взятой изъ раковины улитки на днѣ пруда. Все что мы здѣсь видимъ—частью животныя, частью растенія. Нѣкоторыя изъ нихъ разсмотримъ нѣсколько подробнѣе.

Фиг. 1.

Капля воды.

Въ нижней части лѣвой половины, почти у самаго края и близь горизонтальной черты видимъ мы круглое тѣльце съ длиннымъ придаткомъ и рѣсничками. Это спираль стѣнной руты, которая движется съ такою быстротою въ полѣ зрѣнія, что трудно уловить ея очертанія. Вправо отъ нея въ 4-й четверти, а также совсѣмъ внизу, во 2-й, находятся такъ-называемые солнечники, получившіе свое названіе отъ сходства съ сіяющимъ солнцемъ. Они, подобно большинству другихъ инфузорій,—безъ ротоваго отверстія, но имѣютъ щетинки для того, чтобы производить въ водѣ водоворотъ; благодаря послѣднему, мельчайшіе организмы, населяющіе воду и составляющіе пищу инфузорій, приближаются къ тѣлу животнаго и его рѣсничкамъ, захватываются послѣдними, прижимаются къ поверхности тѣла и такимъ образомъ поѣдаются. Въ этомъ заключается простѣйшій видъ питанія.

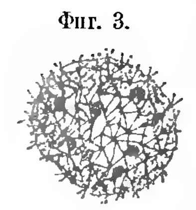
Вправо отъ только что описаннаго нами животнаго, во 2-й четверти, лежитъ масса, похожая на раковину; это Stylonychia mytilus. Далѣе въ первой четверти, у вертикальной черты, мы видимъ на рисункѣ пару такъ-называемыхъ туфелекъ, которыя въ большомъ числѣ всегда встрѣчаются, если настоять воду на сѣнной трухѣ. Большею величиной отличается въ 3-й и 4-й четверти пара прозрачныхъ животныхъ, по своей формѣ напоминающихъ удлиненные колокольчики; они часто попадаются въ раковинахъ моллюсковъ. Въ высшей степени интересны многочисленные въ каплѣ мелкіе организмы, замѣчательные особенно вслѣдствіе довольно быстрой измѣнчивости своей формы. На фиг. 2 показаны эти

Фиг. 2.

Различныя измѣненія формы животнаго организма въ каплѣ воды.

измѣненія одного такого животнаго, которое въ теченіе одной минуты приняло шесть различныхъ формъ. Далѣе въ серединѣ третьей четверти видимъ темное тѣльце, въ дѣйствительности же оно совершенно прозрачно и покрыто зеленоватыми точками, — это наиболѣе интересный представитель простѣйшихъ. Въ большихъ размѣрахъ оно изображено на фиг. 3. Всѣ зеленоватыя особи ихъ соединены при помощи ниточекъ, все-же это облечено въ прозрачную оболочку. Внутри послѣдней легко отличить нѣсколько большіе шарики; это не что иное, какъ зачатки будущихъ такихъ-же колоній, которыя начнутъ свою самостоятельную жизнь, какъ только материнская оболочка разорвется. Цѣлая колонія, состоящая изъ большаго числа такихъ организмовъ, достигаетъ всего величины булавочной головки, что является слишкомъ громаднымъ масштабомъ въ нашемъ мірѣ лиллипутовъ, особенно если обратить вниманіе на малые размѣры существъ, означенныхъ на фиг. 1 точками: въ одной каплѣ воды можетъ ихъ помѣститься до 500 милліоновъ. Размѣры монадъ и нѣкоторыхъ другихъ находятся въ предѣлахъ отъ $^1/_{200}$ до $^1/_{1000}$ миллиметра.

Фиг. 3.



Колонія зеленоватыхъ особей.

Къ этимъ-же наливочнымъ, самымъ малымъ изъ водныхъ обитателей, относится также названная Эренбергомъ *чудесною монадою*; получила она свое названіе отъ того, что ею обусловливается появленіе красныхъ кроваваго цвѣта пятенъ на пищѣ; недавно найдена она и въ молокѣ.

Намъ пришлось-бы долго остановиться на этомъ предметѣ, еслибъ мы захотѣли описать и разсказать исторію каждаго изъ обитателей взятой нами капли воды (фиг. 1). При громадномъ увеличеніи, напр. при помощи солнечнаго микроскопа, всѣ они обнаруживаютъ самыя причудливыя формы, оказываются вооруженными сильными хватательными аппаратами, которыми ловятъ при приближеніи свою меньшую братію, чтобы самимъ въ свою очередь послужить пищею какому нибудь большему животному.

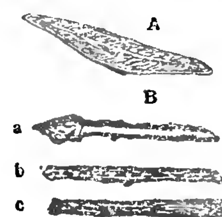
Въ этомъ царствѣ признается только право сильнаго; взаимное уничтоженіе есть жизненная задача этого населенія. При этомъ оказывается, что, чѣмъ болѣе въ данныхъ условіяхъ у какого нибудь организма враговъ, тѣмъ сильнѣе у него развита способность размноженія. Размноженіе въ этомъ мірѣ „пигмеевъ", говоритъ Лейнисъ, можно сказать, почти безгранично: такъ, одна туфелька въ недѣлю даетъ цѣлый милліонъ подобныхъ себѣ организмовъ; галіонелла-же, которую вѣрнѣе причислить къ растеніямъ, въ теченіе двухъ сутокъ порождаетъ населеніе въ 8 милліоновъ, а въ 4 дня — 140 билліоновъ!

Въ нашей каплѣ воды такихъ растительныхъ организмовъ достаточно. Всѣ они принадлежатъ къ классу водорослей, распространенному по всему свѣту, и являются то одноклѣточными не болѣе $^1/_{200}$ миллиметра, покрывая въ видѣ зеленаго пуха сырыя стѣны, стволы деревьевъ и проч., то растутъ въ видѣ колоссальныхъ стволовъ, длиною до нѣсколькихъ сотъ метровъ, и тогда пріобрѣтаютъ важное значеніе въ домашнемъ хозяйствѣ, медицинѣ, а также и въ техникѣ, такъ какъ изъ нихъ добывается іодъ.

Такая одноклѣточная водоросль, относящаяся къ семейству діатомовыхъ, представлена на фиг. 4 *А*. Оболочка ихъ содержитъ такъ много кремнезема, что, залегая въ большомъ числѣ, онѣ образуютъ цѣлую горную породу. Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ этому, сравнимъ эту растительную клѣточку съ животною клѣточкою, изображенною на томъ-же рисункѣ подъ буквою *В*; здѣсь представлены три кусочка одного и того-же человѣческаго волоса, съ луковицей у *a* и верхушкой въ *c*. Оба эти рисунка представляютъ продольный разрѣзъ клѣтки, но животныя, равно какъ и растенія, обыкновенно состоятъ изъ цѣлыхъ группъ клѣтокъ, причемъ самый ихъ ростъ обусловливается размноженіемъ ихъ клѣтокъ. На фиг. 5 — *А* въ продольномъ и *В* въ поперечномъ разрѣзахъ, представлена такая группа клѣтокъ; на послѣднемъ ясно видно, что каждая изъ нихъ состоитъ изъ оболочки, полужидкаго содержимаго—протоплазмы, внутри которой лежитъ клѣточное ядро. Въ мертвой клѣткѣ протоплазма стягивается въ видѣ шарика. Продольный разрѣзъ взятъ изъ древесины ели, отличительною чертой которой, равно какъ и всѣхъ вообще хвойныхъ еще въ ископаемомъ состояніи, является присутствіе „продушинныхъ" клѣтокъ, не найденныхъ еще ни у одного лиственнаго дерева.

Фиг. 4.

Одноклѣточная водоросль.



Человѣческій волосъ.

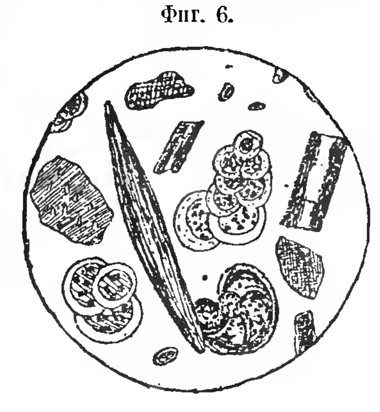
Фиг. 5.

А. В.

Клѣточная ткань древесины (въ продольномъ и поперечномъ разрѣзахъ).

Теперь вернемся къ кремнезему и другимъ соединеніямъ, пропитывающимъ клѣточную оболочку. Разсмотримъ на фиг. 6 кусочекъ нашего обыкновеннаго мѣла. Если потереть его кусочекъ подъ водою щеточкою и полученную пыль промыть нѣсколько разъ въ водѣ, то получимъ изображенное на этомъ рисункѣ. Оказывается, что этотъ остатокъ сплошь составленъ изъ оболочекъ и панцырей вымершихъ организмовъ, что ясно видно каждому внимательному наблюдателю. Пожалуй, можетъ показаться невѣроятнымъ, что большія пространства земли состоятъ изъ остатковъ животныхъ, такъ напр. большая часть Люнебургской степи составлена изъ мощнаго, мѣстами толщиною въ 5 метровъ, слоя инфузорій; далѣе, часть Берлина построена на почвѣ, въ которой много и нынѣ еще живущихъ простѣйшихъ организмовъ; кромѣ того, нѣкоторыя горныя породы сплошь составлены изъ панцырей прежде жившихъ животныхъ; наконецъ, мѣловыя скалы, простирающіяся нѣсколько сотъ миль, въ Новой Калифорніи сплошь состоятъ изъ остатковъ многокамерныхъ корненожекъ; существуетъ почва, которая нѣкоторыми народами (лапландцы, тунгузы), конечно въ голодное время, употребляется даже въ пищу. Чтобы нѣсколько уяснить себѣ указанные примѣры, необходимо принять во вниманіе и выразить численно поразительную способность размноженія этихъ организмовъ: какъ уже было сказано выше, для одного изъ нихъ она можетъ быть выражена 140 билліонами въ 4 дня, т. е. одно недѣлимое образуетъ за это время 2 куб. фута почвы, ибо 41 милліонъ этихъ организмовъ даетъ лишь 1 куб. дюймъ такъ-назыв. полировальнаго сланца. Если мы при этомъ вспомнимъ, какая масса живыхъ существъ находилась во взятой нами каплѣ воды, что стѣнки тѣла почти всѣхъ ихъ способны впитывать минеральныя вещества, далѣе что въ прежнія времена вода кишѣла ими, то окажется, что въ указанномъ явленіи нѣтъ ничего противоестественнаго.

Фиг. 6.



Мѣлъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что микроскопъ является чрезвычайно большимъ подспорьемъ для геолога, указывая ему въ горныхъ породахъ присутствіе остатковъ организмовъ, которые и нынѣ встрѣчаются въ морскомъ илѣ. Равнымъ образомъ и другимъ наукамъ, равно какъ и промышленности, этотъ инструментъ оказываетъ важныя услуги. Напримѣръ, ни одинъ убійца не можетъ безнаказанно утверждать, что пятна крови на его платьѣ произошли отъ того, что онъ закололъ животное; судъ, благодаря микроскопу, можетъ по малѣйшему пятнышку судить, человѣческая ли это кровь или нѣтъ, и тѣмъ уличить преступника. Равнымъ образомъ всѣ примѣси къ пищѣ, особенно въ мелко раздробленномъ видѣ, разоблачаются при помощи микроскопа весьма легко. Даже при помощи простаго увеличительнаго стекла можно отличить чистое полотно отъ содержащаго примѣсь бумаги, равнымъ образомъ чистый шелкъ отъ не чистаго, какъ чистую ангорскую и тибетскую шерсть отъ примѣсей. Относительно многихъ лекарствъ можно только при помощи микроскопа узнать, содержатъ ли они примѣси или нѣтъ, а также степень ихъ свѣжести. Но, конечно, главнѣйшія услуги этотъ инструментъ оказываетъ медицинѣ при опредѣленіи различныхъ болѣзней. Всѣ эти бактеріи, бациллы, микрококи и прочіе мелкіе враги нашего здоровья, а имя имъ легіонъ, обусловливающіе заболѣваніе дифтеритомъ, скарлатиной, оспой, сибирской язвой, холерой, — со всѣми этими врагами борьба стала возможна лишь по усовершенствованіи микроскопа. Единственною мѣрою противъ зараженія трихинозною свининою до сихъ поръ остается изслѣдованіе подъ микроскопомъ свиныхъ тушъ и уничтоженіе зараженныхъ.

Теперь, оставивъ міръ этихъ невидимыхъ невооруженнымъ глазомъ пигмеевъ, займемся двумя созданіями, голіафами сравнительно съ только что разсмотрѣнными, но все-таки небольшими и, несмотря на это, очень непріятными для человѣчества. Одно изъ нихъ называется въ естественной исторіи Pulex irritans и есть всѣмъ извѣстная блоха, насѣкомое темно-коричневаго цвѣта, которое, благодаря силѣ заднихъ конечностей (см. фиг. 7), дѣлаетъ прыжки болѣе чѣмъ во сто разъ превышающіе длину его тѣла. Если представить себѣ, что человѣкъ могъ бы дѣлать соотвѣтственно большіе прыжки, то мы легко могли бы прыгать на разстояніе четверти версты. Главное оружіе блохи заключено (какъ видно на прило-

Фиг. 7.

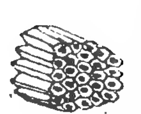
Блоха, увеличенная въ 14 разъ.

женной фиг. 7, гдѣ блоха представлена увеличенною въ 14 разъ) въ чехлѣ, при помощи котораго прокалывается кожа, и представляетъ не длинную трубку, служащую для высасыванія крови изъ человѣка.

Другое насѣкомое уже настолько велико, что его неудобно было бы представить при такомъ же увеличеніи въ 14 разъ, потому что тогда оно заняло бы по длинѣ болѣе строки нашего журнала. Оно извѣстно каждому подъ названіемъ комнатной мухи, надоѣдаетъ лѣтомъ своею нечистоплотностью, а осенью особенною неотвязчивостью. Самое интересное у этого обыкновеннаго спутника человѣческихъ обществъ представляютъ глаза. На нижней части фиг. 8 мы даемъ изображеніе части ихъ, причемъ ясно видно, что они составлены изъ цѣлой массы шестиугольныхъ трубочекъ, на наружномъ концѣ которыхъ находится глазокъ. Каждая трубочка съ глазкомъ на концѣ образуетъ собственно отдѣльный глазъ, который видитъ только предметы, находящіеся прямо передъ нимъ, такъ какъ совершенно неподвиженъ. Общее представленіе о какомъ-нибудь большомъ предметѣ или о совокупности нѣсколькихъ предметовъ получается на общей сѣтчатой оболочкѣ отъ всѣхъ 7,000 отдѣльныхъ глазъ. Верхняя часть фиг. 8 показываетъ въ увеличенномъ видѣ наружный конецъ крыла этого насѣкомаго. Нѣжность и тонкость кровеносныхъ сосудовъ здѣсь поразительна. Черныя пятнышки на рисункѣ обозначаютъ пылинки и соринки, попавшія на это крыло, изъ чего можно видѣть, какъ много грязи заносятъ мухи, а вмѣстѣ съ нею часто и зародыши заразительныхъ болѣзней.

Фиг. 8.

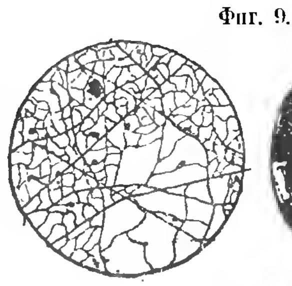
Наружный конецъ крыла мухи.



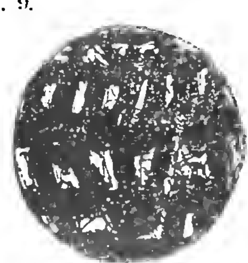
Часть глаза мухи.

Но все-таки по этой увеличенной части крыла мухи еще нельзя опредѣлить, насколько мелки иногда ткани живогныхъ. Это возможно лишь при сравненіи ихъ съ нашею искусственною тканью. Поэтому на фиг. 9 сопоставлены изображенія, при одинаковомъ увеличеніи двухъ тканей: первой — паутины, представленной, впрочемъ, недостаточно нѣжно, потому что истинная толщина паутинной нити находится въ такомъ же отношеніи къ изображенной на рисункѣ, какъ волосъ къ веревкѣ. Теперь сравните эту ткань съ брабантскими кружевами, самою тончайшею тканью, вышедшею изъ рукъ людей, которая представлена рядомъ при томъ же увеличеніи.

Фиг. 9.



Ткань паутины.



Ткань брабантскаго кружева, при томъ же увеличеніи.

Человѣческій глазъ совершенно справедливо вызываетъ наше удивленіе какъ по своей сложности, такъ и по цѣлесообразности своего устройства. Мы такъ привыкли пользоваться его безчисленными услугами, что мало обращаемъ на него вниманія; оцѣнитъ же его вполнѣ можетъ лишь тотъ, кто спадала обладалъ зрѣніемъ, а затѣмъ его утратилъ. Не чудо ли что тотъ же глазъ, который моментально обнимаетъ ландшафтъ, растянутый на большомъ пространствѣ, можетъ концентрировать свою дѣятельность на отдаленной, еле видной свѣтящейся точкѣ и разобрать, что это крестъ далекой церкви: глазъ, свободно читающій шрифтъ журнала, различаетъ очертанія горъ на удаленной отъ насъ на 50,000 миль лунѣ и видитъ лучъ, который можетъ быть нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ испустило воспламенившееся мировое тѣло. Все это для насъ кажется совершенно обыкновеннымъ, для слѣпорожденнаго же чудеснымъ настолько же, насколько мы должны удивляться усиленію способности нашего зрѣнія благодаря изобрѣтенію зрительной трубы и микроскопа.

Къ рисункамъ.

Бѣгство и погоня. (Рис. на стр. 969).

Трусость зайца обратилась въ пословицу. Не большею храбростью отличается и его сородичъ—кроликъ. При малѣйшемъ шумѣ, у него ушки на макушкѣ, поворачиваются во всѣ стороны, и чуть что—онъ задаетъ безъ оглядки тягу. Такъ и на нашемъ рисункѣ: вся семья милыхъ грызуновъ, при видѣ шаловливыхъ щенятъ, бѣжитъ безъ оглядки, а за нею въ погоню будущая гроза на охотѣ—вся свора молодыхъ гончихъ.

Осенняя непогода. (Рис. на стр. 972).

Всю ночь завывалъ вѣтеръ и частый дождикъ стучалъ въ окна. Къ утру непогода поутихла и яркіе косые лучи осенняго солнца, изрѣдка прорывавшіеся сквозь темныя тучки, быстро гонимыя по небу, освѣщали бѣдный садъ въ его разрушеніи, послѣ ночной бури. Черныя деревья мѣрно покачивали своими голыми вѣтвями, какъ бы сожалѣя о спавшемъ съ нихъ уборѣ. Кое-гдѣ оставшіеся на нихъ блекнущіе листочки одиноко трепетали, обвѣваемые вѣтромъ. За то земля была густо покрыта тонкимъ ковромъ опавшихъ желтыхъ листьевъ, изъ-подъ которыхъ мѣстами гордо торчали кровавыя шапки герани и махровыя яркія астры—запоздалыя украшенія умирающаго сада.

Литературный альбомъ. „Борисъ Годуновъ" Пушкина. Борисъ и юродивый. (Рис. на стр. 973).

Рисунокъ А. Земцова иллюстрируетъ одну изъ сценъ безсмертнаго творенія А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ". Въ этой сценѣ юродивый, обвѣшанный веригами и въ желѣзной шапкѣ, отказываетъ Борису Годунову, выходящему изъ собора съ боярами, помолиться за него. „Нѣтъ, нѣтъ!" говорилъ онъ вслѣдъ уходящему убійцѣ царевича Димитрія, — „нельзя молиться за царя-Ирода: Богородица не велитъ".

Послѣ бала. (Рис. на стр. 977).

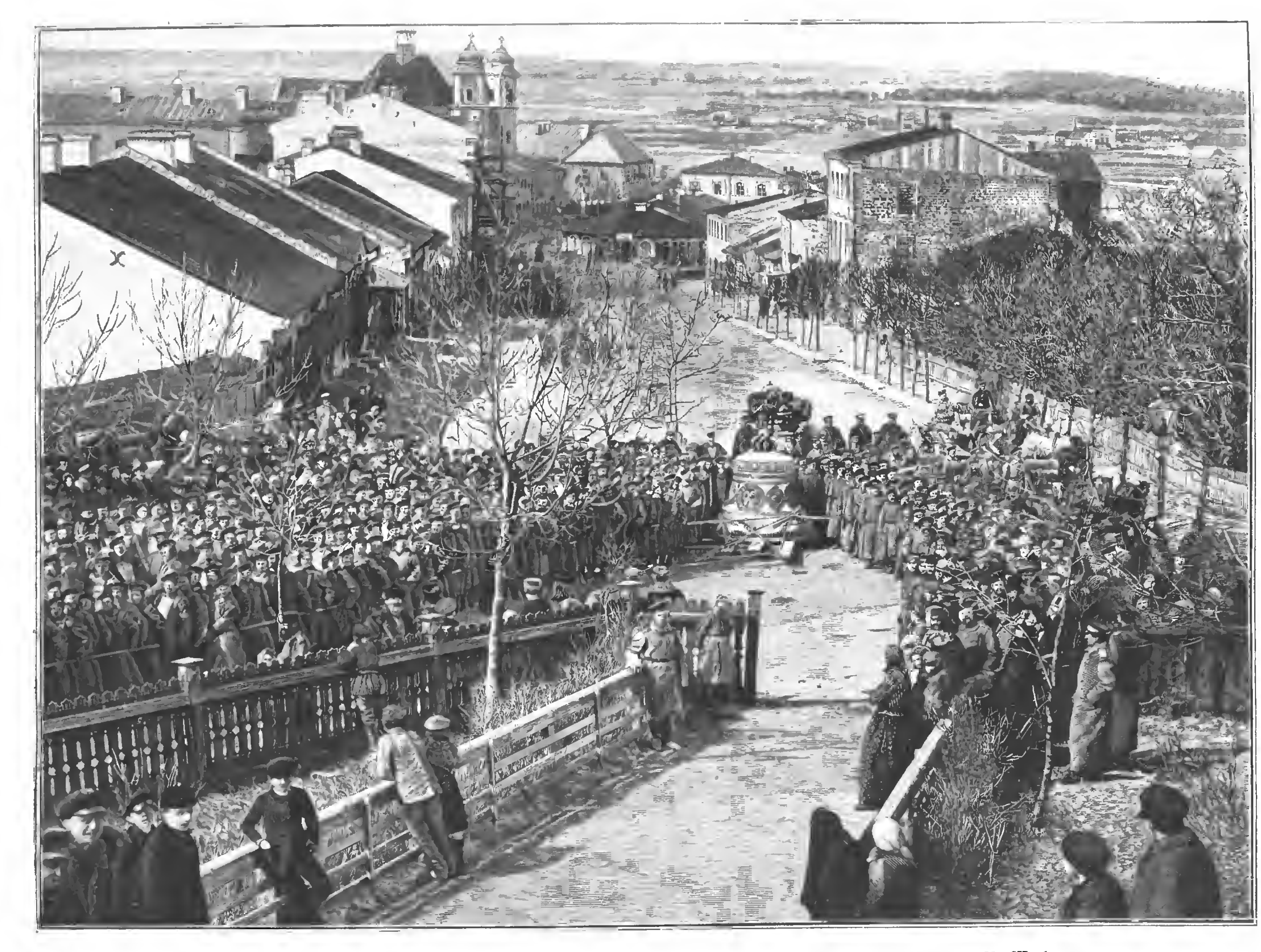
Въ pendant къ помѣщеннымъ уже раньше рисункамъ извѣстнаго художника Ѳ. П. Чумакова, въ нынѣшнемъ нумерѣ читатели найдутъ еще одну картинку безподобнаго рисовальщика женскихъ головокъ — „Послѣ бала", гдѣ изображена красавица, утомленная танцами.

Шведская могила подъ Полтавою. (Рис. на стр. 980).

Городъ Полтава извѣстенъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ съ начала XV вѣка, съ того времени, когда еще весь Полтавскій край находился во владѣніи великихъ князей Литовскихъ. Съ начала XVII вѣка, Полтава была уже *полковымъ* городомъ, т. е. и самый городъ, и смежные съ нимъ уѣзды принадлежали, какъ недвижимая собственность и какъ мѣсто постояннаго жительства, одному изъ малороссійскихъ *реестровыхъ* *) полковъ, состоявшихъ на службѣ у Польскаго короля и подчиненныхъ власти выборнаго гетмана, утверждаемаго королемъ. Но, главнымъ образомъ, извѣстность Полтавы начинается съ того времени, когда Петръ Великій (27 іюня 1709 г.), подъ стѣнами этого города, одержалъ блистательную побѣду надъ Шведскимъ королемъ Карломъ XII и этою побѣдою уничтожилъ преобладающее значеніе Швеціи въ Сѣверной Европѣ. Въ самомъ городѣ Полтавѣ и въ его окрестностяхъ сохранилось нѣсколько памятниковъ, напоминающихъ потомству объ этомъ замѣчательномъ событіи. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ памятниковъ служитъ уцѣлѣвшая отъ Петровскихъ временъ деревянная церковь Спаса Преображенія (сохраненная подъ каменнымъ шатромъ). Это собственно только придѣлъ того храма, который нѣкогда существовалъ въ Полтавѣ; но въ этомъ придѣлѣ Петръ Великій, въѣхавъ въ городъ послѣ побѣды, благодарилъ Бога за дарованную ему великую милость и торжество надъ врагами. Другой памятникъ въ честь Полтавской побѣды, въ видѣ колонны на гранитномъ пьедесталѣ, сооруженъ въ 1809 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, полтавскій комендантъ Косминъ встрѣтилъ Петра, торжественно въѣзжавшаго въ Полтаву. Этотъ памятникъ украшенъ (наверху колонны) бронзовымъ орломъ, держащимъ лавровый вѣнокъ въ клювѣ и перуны въ когтяхъ; кругомъ колонны обведена чугунная узорчатая рѣшетка. Третій памятникъ—прямоугольная призма, съ мечомъ, щитомъ и шлемомъ наверху, сооруженъ въ 1849 г., на томъ мѣстѣ, гдѣ Петръ отдыхалъ послѣ сраженія.

Но самымъ краснорѣчивымъ памятникомъ знаменитой побѣды Петра служитъ тотъ высокій могильный холмъ, который былъ насыпанъ надъ тѣлами шведовъ, павшихъ въ битвѣ. Петръ велѣлъ ихъ похоронить съ воинскими почестями и отнесся съ должнымъ уваженіемъ къ памяти этихъ храбрыхъ воиновъ, погибшихъ жертвою той безсмысленной политики приключеній, въ которую вдался вѣтреный и увлекающійся Карлъ XII. Подъ этимъ холмомъ погребены тѣ 9,234 человѣка убитыхъ шведовъ, которые по окончаніи боя были найдены на полѣ битвы и у редутовъ, о которые сокрушилась во время натиска на наши линіи шведская армія. „Ученики шведовъ

*) *Реестровыми* назывались тѣ казаки, которые были внесены въ списки служилыхъ людей, числились на коронной службѣ и получали отъ короны жалованье.



Прибытіе новаго соборнаго колокола въ Холмъ. Съ фотографіи В. Сероцинской. грав. Ю. Шюблеръ.

въ искусствѣ побѣждать", какъ назвалъ Петръ русскихъ воиновъ,—жестоко отмстили своимъ „учителямъ" въ „Полтавской баталіи..." Высокій холмъ, извѣстный всѣмъ въ Полтавѣ подъ названіемъ „Шведской могилы", представляетъ собою одинъ изъ важныхъ историческихъ памятниковъ нашего прошлаго. Недаромъ Петръ, тотчасъ по одержаніи побѣды, писалъ къ Апраксину: „*Нынѣ уже совершенно камень во основаніе Санктъ-Петербурга положенъ съ помощію Божіею*". Полтавская побѣда, дѣйствительно, обезпечила Петру его завоеванія на Балтійскомъ побережьи и окончательно упрочила положеніе Россіи среди „великихъ" европейскихъ державъ.

Наемъ прислуги и рабочихъ у Никольскаго рынка.

(Рис. на стр. 981).

На ряду съ конторами для найма прислуги, уже много лѣтъ дѣйствующими въ Петербургѣ, въ немъ до сихъ поръ есть мѣсто подъ открытымъ небомъ, гдѣ можно нанять рабочихъ всякаго рода. Это у Никольскаго рынка, по Садовой улицѣ, вблизи церквей Покрова Пресвятыя Богородицы и Св. Николая „Морскаго". Сюда сходятся домашняя прислуга, чернорабочіе и т. п. и цѣлыми днями поджидаютъ нанимателей, тутъ же находя продовольствіе въ особыхъ помѣщеніяхъ. Всю эту пеструю, оживленную толпу живо изобразилъ г. Брюллингъ на своей акварели, гравюра съ которой помѣщена на стр. 981.

По поводу поднятія новыхъ колоколовъ на Холмскій соборъ.

(Рис. на стр. 985).

Край, лежащій за р. Бугомъ и составляющій теперь Люблинскую и отчасти Сѣдлецкую губерніи, извѣстенъ вообще подъ названіемъ Холмщины. Въ историческихъ судьбахъ этого края главная роль принадлежитъ городу Холму, бывшему когда-то стольнымъ городомъ галицко-русскихъ князей. Какъ и вся эта область, городъ Холмъ много перенесъ невзгодъ въ періодъ долговѣчнаго своего существованія; самою тягостною изъ нихъ было, конечно, подчиненіе православнаго здѣшняго населенія Римской церкви, вызванное такъ-называемою уніей. Было время, когда унія, казалось, совершенно порвала связь Холмщины съ православной Русью, и только присоединеніе края къ Россіи вновь оживило и просвѣтило его свѣтомъ православія. Но все-таки оставленные уніей слѣды глубоки еще до сихъ поръ, и надо не мало теплаго участія, чтобъ ихъ загладить.

Не касаясь внутренней религіозной жизни мѣстнаго православнаго населенія, обратимъ вниманіе только на то, что рѣзко бросается въ глаза въ этомъ краѣ свѣжему русскому человѣку. Въ числѣ нанесенныхъ уніей золъ одно изъ самыхъ вопіющихъ—полное обѣдненіе церквей. Вездѣ по селамъ священники жалуются на недостатокъ утвари, облаченій, книгъ и т. п. Съ высотъ сельскихъ колоколенъ здѣсь не слышно того благовѣстнаго звона, который такъ любъ сердцу русскаго, потому что въ ихъ ветхихъ амбразурахъ сиротливо висятъ, по одному или по два, не колокола — а колокольчика, въ большинствѣ чугунные. Даже въ самомъ Холмскомъ каѳедральномъ соборѣ не было до послѣдняго времени православнаго звона. На немъ было только три колокола; самый большой изъ нихъ въ 115 пудовъ, изъ двухъ же остальныхъ одинъ кончилъ службу съ исчезновеніемъ уніи, а другой существуетъ еще, но въ немъ вѣсу не болѣе пуда. На стопятнадцати-пудовомъ колоколѣ, который, кстати сказать, современникамъ его литья казался „преогромнымъ", теперь въ числѣ другихъ надписей можно разобрать: „*этотъ колоколъ на вѣчныя времена долженъ оставаться въ уніи съ Св. Римскою церковью...*"

Всѣ эти три колокола въ прежнее время висѣли не на соборныхъ башняхъ, а внизу, въ такомъ зданіи, откуда звонъ ихъ не проникалъ даже въ городскія улицы. Лишь по возсоединеніи уніатовъ съ православною церковью, на соборной площади построили въ 1877 году высокую колокольню, для которой были отлиты четыре новыхъ колокола отъ 4 до 25 пудовъ. Только съ этого времени зазвучалъ надъ Холмомъ звонъ, похожій на православный. Однако, такіе колокола вовсе не были достаточны для каѳедральнаго собора, подъ сѣнь котораго стекаются иногда тысячи богомольцевъ. Въ довершеніе же всего, въ послѣднее время, два большихъ колокола дали трещины, и соборъ очутился въ печальномъ положеніи. Помощи ни откуда не чуялось. Только въ 1888 году, со времени прибытія въ г. Холмъ 2-й бригады 13-й кавалерійской дивизіи, наконецъ пришла эта помощь. Дѣло сбора пожертвованій на большой соборный колоколъ пошло энергично и успѣшно: въ полтора года было собрано 5,570 руб. единственно только въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. На эту сумму, съ наросшими процентами, въ заводѣ П. Н. Финляндскаго былъ отлитъ колоколъ въ 320 пуд. 13 фун., красивый и внушительный по величинѣ, съ медальонными изображеніями: Холмской Божьей Матери, Св. Благовѣрныхъ Князей Владиміра и Александра Невскаго, Св. Кирилла и Меѳодія и Московскихъ Святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа.

На немъ надписи:

„Даръ Москвы и Нижняго-Новгорода въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора съ Августѣйшимъ Семействомъ 17 октября 1888 года: въ лѣто отъ Р. Х. 1890 при державѣ благочестивѣйшаго Государя Императора и Самодержца Всероссійскаго Александра III Александровича, при архіепископѣ Холмско-Варшавскомъ Леонтіѣ и викаріѣ его епископѣ Люблинскомъ Флавіанѣ, сооруженъ сей колоколъ къ соборному храму Рождества Пресвятыя Богородицы въ городѣ Холмѣ, Люблинской губ. Да созываетъ онъ гласомъ своимъ подъ кровъ православной церкви отторгнутыхъ, расточенныхъ и заблудшихъ чадъ ея".

Благодаря ходатайству оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева и епископа Люблинскаго Флавіана, колоколъ изъ Москвы въ Холмъ перевезенъ былъ безплатно; съ Холмскаго-же вокзала его привезли въ городъ исключительно уроженцы *Московской* и *Нижегородской* губерній. Такое совпаденіе явилось въ силу того, что въ квартирующихъ въ Холмѣ пѣхотныхъ полкахъ — Московскомъ и Бутырскомъ — нашлись солдаты, уроженцы названныхъ губерній; помимо того полки эти еще исторически связаны съ Первопрестольною. Весь городъ высыпалъ на встрѣчу невиданной въ этихъ краяхъ процессіи, и когда послѣдняя прибыла къ подножію горы, на которой расположенъ соборъ, моментально снята была фотографія.

Вмѣстѣ съ большимъ колоколомъ въ видѣ сюрприза привезли для собора еще семь колоколовъ отъ 22 ф. до 12 п. 38 ф., отлитыхъ въ обмѣнъ на старые соборные тоже у г. Финляндскаго и подобранныхъ по камертону. Звонъ ихъ весьма гармониченъ.

Поднятіе колокола было пріурочено ко дню Благовѣщенія, 25 марта. Около 10 часовъ утра этого дня передъ колокольней начали собираться и выстраиваться войска, квартирующія въ Холмѣ. Прибыли люблинскій губернаторъ г. Тхоржевскій, генералы Шелковниковъ и Воцлярлярскій и прочіе начальники. Погода стояла прекрасная. Когда все было готово къ поднятію, изъ собора двинулась духовная процессія съ преосвященнымъ Флавіаномъ во главѣ. Музыка играла „Коль славенъ". Начался чинъ благословенія „кампана". По окропленіи его святою водою, по командѣ, московцы, бутырцы и оренбуржцы натянули канаты и колоколъ началъ величественно и медленно отдѣляться отъ земли. Послѣ этого духовенство снова двинулось въ соборъ, гдѣ началась литургія. Соборъ былъ полонъ молящимися. По окончаніи литургіи послѣдовалъ выходъ на соборную площадь; въ немъ приняло участіе все Холмское духовенство.

В. В—въ.

Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ.

(Портр. на стр. 988).

Есть скромные люди, которые, какъ бы ни была почтенна и плодотворна ихъ дѣятельность, не умѣютъ выставляться и, работая втихомолку, заботятся лишь о томъ, чтобы принести какъ можно больше пользы своей родинѣ, строго исполняютъ свои обязанности, совсѣмъ не помышляя объ извѣстности, о славѣ. Къ такимъ скромнымъ людямъ принадлежитъ и Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, занимающій весьма отвѣтственный постъ — попечителя Харьковскаго учебнаго округа — и въ теченіе всей своей служебной дѣятельности, пятидесятилѣтіе которой исполнилось недавно, снискавшій къ себѣ большое уваженіе. На долю Н. П. Воронцова-Вельяминова выпало дѣйствовать на многихъ поприщахъ, и его разнообразная дѣятельность краснорѣчиво говоритъ о даровитости русскаго человѣка, о его пригодности для всякаго дѣла. Ранѣе занятія настоящей должности попечителя округа, онъ былъ и военнымъ, и педагогомъ, и дѣятелемъ по крестьянской реформѣ, наконецъ, причастенъ и къ литературѣ. Всюду онъ работалъ неутомимо и оставался вѣренъ своимъ строгимъ, честнымъ убѣжденіямъ, дѣйствуя въ интересахъ родины, будучи человѣкомъ русскимъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи его истиннаго патріотизма, конечно, лучшею рекомендаціей для Н. П. Воронцова-Вельяминова служитъ то обстоятельство, что М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ считали его въ числѣ своихъ друзей и до конца дней поддерживали съ нимъ самыя близкія, добрыя отношенія.

Николай Павловичъ Воронцовъ-Вельяминовъ происходитъ изъ старой дворянской фамиліи и родился въ селѣ Головлинѣ, Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда, 17 февраля 1822 года. Его отецъ служилъ въ Глуховскомъ кирасирскомъ полку, участвовалъ въ Отечественной войнѣ и въ кампаніи 1813 и 1814 годовъ, былъ подъ Бородинымъ контуженъ ядромъ въ ногу и, выйдя въ отставку въ чинѣ штабсъ-ротмистра, поселился въ Головлинѣ, родовомъ имѣніи своемъ. Къ Н. П. Воронцову-Вельяминову былъ приставленъ дядька изъ нѣмцевъ, которому онъ и обязанъ знаніемъ нѣмецкаго языка и своимъ первоначальнымъ образованіемъ, въ коемъ участвовали и преподаватели-семинаристы. Въ 1832 году Воронцова-Вельяминова отдали въ тульскій „благородный пансіонъ" Бехагеля фонъ-Адлерскронъ, гдѣ онъ дружилъ со своимъ свойственникомъ и землякомъ П. М. Леонтьевымъ, бывшимъ въ числѣ его пансіонскихъ товарищей, и гдѣ Воронцовъ-Вельяминовъ пробылъ три года. Въ декабрѣ 1835 года онъ поступилъ въ Московскій кадетскій корпусъ, учился тамъ до весны 1840 года, и, едва достигнувъ 18 лѣтъ, былъ предназначенъ къ выпуску артиллерійскимъ прапорщикомъ для поступленія въ офицерскіе

классы Артиллерійскаго училища, позднѣе преобразованные въ Артиллерійскую Академію. По выдержаніи испытанія изъ математическихъ предметовъ, которые не проходились въ кадетскомъ корпусѣ, Воронцовъ-Вельяминовъ былъ произведенъ въ чинъ прапорщика 10 сентября 1840 года. Въ Артиллерійскомъ училищѣ, независимо отъ обязательныхъ предметовъ, читавшихся въ офицерскихъ классахъ, онъ слушалъ въ старшемъ юнкерскомъ классѣ лекціи знаменитаго математика М. В. Остроградскаго, а практически занимался на казенныхъ заводахъ Олонецкихъ и Ижорскомъ въ Колпинѣ. Выпущенный изъ Артиллерійскаго училища въ 1842 году, Воронцовъ-Вельяминовъ служилъ въ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригадѣ, въ первой батарейной батареѣ, подъ начальствомъ полковника Ковалевскаго, брата бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія, и осенью 1843 г. былъ командированъ въ Московскій кадетскій корпусъ въ качествѣ преподавателя механики и артиллеріи. Это совпало съ тѣмъ временемъ, когда возвращались изъ-за границы для занятія каѳедръ въ Московскомъ университетѣ стипендіаты Строгановской эпохи — покойные М. Н. Катковъ, П. М. Леонтьевъ и А. С. Ершовъ, съ которыми Воронцовъ-Вельяминовъ тогда поддерживалъ весьма частыя сношенія и которые не могли не вліять благотворно на него, двадцатилѣтняго юношу. Въ разгаръ Крымской кампаніи, Воронцовъ-Вельяминовъ, по порученію начальства, читалъ, въ 1854—55 годахъ, артиллерію студентамъ физико-математическаго факультета Московскаго университета и, достигнувъ чина полковника, оставался преподавателемъ и затѣмъ наставникомъ-наблюдателемъ въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ до 1 января 1858 года. Переименованный въ коллежскіе совѣтники, Воронцовъ-Вельяминовъ, въ половинѣ января того же года поступилъ на службу подъ начальство М. Н. Муравьева, тогдашняго министра Государственныхъ Имуществъ, директора Департамента Удѣловъ и начальника Межеваго корпуса. На первыхъ порахъ Воронцову-Вельяминову поручена была ревизія государственныхъ имуществъ Екатеринославской губерніи, а по окончаніи этого порученія, исполненнаго имъ блистательно, онъ назначенъ былъ, въ августѣ 1858 года, управляющимъ Тульскою палатою государственныхъ имуществъ, послѣ чего онъ былъ перемѣщенъ на ту-же должность въ Рязань. Въ качествѣ непремѣннаго члена, учрежденныхъ вслѣдъ за обнародованіемъ Положенія 19 февраля, губернскихъ по крестьянскому дѣлу комитетовъ, Воронцовъ-Вельяминовъ принималъ дѣятельное участіе по приведенію въ дѣйствіе этого „Положенія". Года через четыре Воронцовъ-Вельяминовъ снова вернулся къ первоначальной службѣ, перейдя въ 1862 году, въ чинѣ полковника, въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній и занявъ должность инспектора классовъ Александринскаго кадетскаго корпуса въ Москвѣ. Воспользовавшись на слѣдующій годъ каникулярнымъ отпускомъ, онъ, по старымъ отношеніямъ къ Каткову и Леонтьеву, принялъ предложеніе редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*—отправиться вмѣстѣ со своимъ помощникомъ и ученикомъ, артиллеристомъ П. Н. Юшеновымъ (нынѣ умершимъ) въ Вильну и Варшаву, откуда и корреспондировалъ въ органѣ Каткова. Послѣ этого Воронцова-Вельяминова перевели инспекторомъ классовъ перваго кадетскаго корпуса въ С.-Петербургъ. Знакомство и связи Воронцова-Вельяминова въ Тулѣ съ княземъ В. А. Черкасскимъ и его друзьями, вызванными для проведенія реформъ 1864 года въ Царствѣ Польскомъ, побудили его принять предложеніе покойнаго Н. А. Милютина перейти на службу по Учредительному комитету въ Польшѣ. Здѣсь Воронцовъ-Вельяминовъ трудился много, какъ предсѣдатель Плоцкой, Красноставской и, наконецъ, Люблинской коммисій по крестьянскимъ дѣламъ, въ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ, оставившимъ уніатство. За всѣ труды свои по крестьянскимъ учрежденіямъ Воронцовъ-Вельяминовъ получилъ въ 1870 г. орденъ Св. Анны 2 ст. съ короною, за пять лѣтъ передъ этимъ произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники. По упраздненіи Учредительнаго комитета, Воронцовъ-Вельяминовъ занималъ съ 9 мая 1870 г. должность начальника Радомской учебной дирекціи, а въ слѣдующемъ году назначенъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа и занималъ этотъ постъ четырнадцать лѣтъ до перемѣщенія съ 1 января 1885 г. на теперешній его постъ. Труды Воронцова-Вельяминова достойно оцѣнены: онъ имѣетъ много орденовъ, въ томъ числѣ Бѣлаго Орла, и чинъ тайнаго совѣтника. Мало у насъ истинно русскихъ дѣятелей, не зараженныхъ модными теоріями, лжеученіями Запада, скромныхъ, трудолюбивыхъ, такихъ какъ Николай Павловичъ Воронцовъ-Вельяминовъ, а потому тѣмъ болѣе должны мы цѣнить его заслуги, его полувѣковое служеніе отечеству. **П. Быковъ.**

В. Л. Груберъ. (Портр. на стр. 988).

18 сентября, какъ сообщали депеши, скончался въ Вѣнѣ знаменитый анатомъ, бывшій профессоръ Императорской Медико-Хирургической Академіи, Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ. Усопшій родился въ Чехіи, въ 1814 году, въ семьѣ рабочихъ. Первое образованіе онъ получилъ въ школѣ при католическомъ монастырѣ близъ Маріенбада, затѣмъ поступилъ въ Пражскую гимназію и по окончаніи курса въ ней—въ Пражскій университетъ. Блестящія способности и желѣзное прилежаніе Грубера были предметомъ всеобщаго вниманія въ бытность его какъ въ гимназіи, такъ затѣмъ и въ университетѣ. Несмотря на двухлѣтнее пребываніе на первомъ курсѣ, вслѣдствіе болѣзни, онъ все время былъ однимъ изъ лучшихъ учащихся, такъ что славный Гиртль избралъ его своимъ прозекторомъ. Въ 1842 году онъ окончилъ университетскій курсъ и спустя два года получилъ званіе доктора за диссертацію „Anatomische Untersuchung einer Missgeburt mit zwei Leibern". Когда Гиртль переселился изъ Праги въ Вѣну, Груберъ ожидалъ получить мѣсто своего учителя. Но Пражскій университетъ, быть можетъ желая доказать, что никто не бываетъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ, воздержался отъ приглашенія Грубера на мѣсто Гиртля. Послѣдній, чувствуя себя несправедливо обойденнымъ, не безъ удовольствія воспользовался приглашеніемъ изъ Петербурга, куда его звали въ Медико-Хирургическую Академію, по совѣту Пирогова. 4 апрѣля прибылъ Груберъ въ Петербургъ. Но и здѣсь молодаго ученаго на первое время постигло разочарованіе. Н. И. Пироговъ предполагалъ сдѣлать Грубера своимъ помощникомъ, но долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія по проискамъ нѣкоторыхъ своихъ коллегъ, и Груберъ долженъ былъ въ теченіе первыхъ 8 лѣтъ заниматься анатомическими изслѣдованіями, не думая о педагогической дѣятельности, чему отчасти было причиной незнаніе русскаго языка, которымъ, впрочемъ, покойный никогда хорошо не владѣлъ. Только послѣ оставленія Академіи Пироговымъ, Груберъ понемногу начинаетъ занимать достойное его познаній положеніе. Въ 1855 году онъ избирается директоромъ Института практической анатоміи при Академіи, а въ 1858 году становится профессоромъ учрежденной для этой цѣли каѳедры. Цѣлыхъ 25 лѣтъ работалъ затѣмъ Груберъ на этомъ поприщѣ, нерѣдко при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. О громадной дѣятельности усопшаго профессора можно себѣ составить понятіе уже по тому, что ему приходилось заниматься одновременно съ 500 студентовъ II курса, съ 200—250—послѣдняго курса, 50 частными лицами и съ такимъ же числомъ военныхъ хирурговъ практически, и въ то-же время читать лекціи по описательной анатоміи. Случались года, когда только для студентовъ II курса у Грубера бывало до 300 лекцій и демонстративныхъ испытаній. Въ теченіе своей дѣятельности онъ вскрылъ не менѣе 20,000 труповъ. Кромѣ того, онъ продолжалъ самъ заниматься, составлять коллекціи препаратовъ, и проч. Число научныхъ работъ Грубера простирается до 60, напечатанныхъ по-нѣмецки и по-русски. Велики и заслуженны были оваціи В. Л. Груберу со стороны ученаго міра и учащейся молодежи, когда праздновался, 4 апрѣля 1872 года, 25-ти-лѣтній юбилей его профессорской дѣятельности. Онѣ повторились 5 лѣтъ спустя и въ 1882 году. При этомъ юбилеѣ глубоко уважаемый профессоръ получилъ отъ учащейся молодежи серебряный вѣнокъ, а отъ женщинъ-врачей 6,000 рублей для устройства стипендіи имени юбиляра.

Послѣ 40-лѣтняго юбилея, торжественно отпразднованнаго въ 1887 году, Груберъ вскорѣ покинулъ Россію и переѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и умеръ. Онъ былъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ и почетнымъ членомъ многихъ выдающихся медицинскихъ обществъ и институтовъ въ Россіи и заграницей.

Металлическія трубы братьевъ Маннесманъ въ Ремшейдѣ. (Рис. на стр. 989).

Всеобщій интересъ къ изобрѣтенію братьевъ Маннесманъ въ Ремшейдѣ въ дѣлѣ изготовленія металлическихъ трубъ долженъ быть отнесенъ къ числу очень рѣдкихъ и весьма значительныхъ. До сего трубы изготовлялись отливкой изъ плавкаго металла, или скатывались и затѣмъ спаивались, или получались послѣ труднаго и долгаго сверленія, или же изготовлялись дорогимъ гальваническимъ путемъ. Маннесмановскій пріемъ превосходитъ всѣ эти способы и совершается слѣдующимъ простымъ образомъ. Между двухъ наискось поставленныхъ валовъ, которые вращаются въ одномъ и томъ же направленіи, изобрѣтатели вводятъ раскаленный кусокъ металла (массивный стальной стержень), передъ которымъ помѣщено конусообразное тѣло, дѣйствующее какъ тормазъ. Если трущіе валы привести въ движеніе, то раскаленный стержень будетъ подвигаться впередъ, но, такъ какъ сердцевина этого стержня встрѣчаетъ сопротивленіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится тормозящій конусъ, то поверхность металлической глыбы проталкивается скорѣе, чѣмъ ея середина, какъ будто, если можно такъ выразиться, со стержня сдирается кожа черезъ голову, и образуется труба. Эта послѣдняя тоньше и длиннѣе той металлической глыбы, изъ которой она сдѣлана, и внутри покрыта мелкими кристаллами, которые, въ случаѣ надобности, удаляются и труба выглаживается. Переработанный матеріалъ получилъ существенное измѣненіе, положеніе молекулъ стало винтообразнымъ и притомъ такъ, что онѣ во внутреннихъ слояхъ расположены болѣе отлого, чѣмъ во внѣшнихъ. Такимъ образомъ, получается волокнистая ткань со спирально идущими нитями, и матеріалъ этотъ превосходитъ по крѣпости разъ въ 5—6 до сихъ поръ выдѣлывавшіяся трубы. Кромѣ того, онъ безъ труда поддается ковкѣ, вытягиванію, сгибанію и т. п., не давая ни малѣйшихъ трещинъ. На на-

шемъ рисункѣ видны разныя подѣлки Маннесмановскихъ трубъ. Благодаря имъ, должны послѣдовать дальнѣйшія усовершенствованія въ водо- и газопроводномъ, желѣзнодорожномъ, оружейномъ, телеграфномъ и т. п. дѣлахъ и машинномъ производствѣ, благодаря ихъ легкости и крѣпости. Кромѣ фабрики въ Ремшейдѣ, изготовленіемъ Маннесмановскихъ трубъ заняты заводы въ Бу (Bous) у Саарбрюкена, въ Комотау въ Чехіи, и Ландоунѣ въ Валлисѣ. Попытки вальцовать трубы принадлежатъ отцу нынѣшнихъ изобрѣтателей. Рейнгарду Маннесману, который лѣтъ тридцать тому назадъ безплодно пытался изготовлять путемъ вальцованія стволы для ружей, и только послѣ цѣлаго ряда лѣтъ и большихъ трудовъ удалось двумъ сыновьямъ его, Рейнгарду и Максу, осуществить идею, завѣщанную отцомъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ отвѣтъ на посѣщеніе Австрійскимъ императоромъ большихъ маневровъ въ Силезіи, императоръ Вильгельмъ отправился на охоту въ Австрію. Прибытіе Германскаго императора на станцію Сѣверной желѣзной дороги въ Вѣнѣ, состоялось, согласно программѣ, поутру 19 сентября. Высокій гость былъ встрѣченъ императоромъ Францомъ - Іосифомъ и эрцгерцогами Альбрехтомъ, Вильгельмомъ и Райнеромъ. Обмѣнявшись сердечными привѣтствіями, оба императора поѣхали въ коляскѣ четверкою въ Гофбургъ. На роскошно убранной Рингштрассе собралась публика, хотя и многочисленная, но не настолько, какъ можно было ожидать въ виду того, что о пріѣздѣ императора Вильгельма постоянно печатались статьи въ газетахъ, старавшихся придать этому посѣщенію особенное значеніе. Здѣшняя германская колонія и живущіе здѣсь прусскіе резервные офицеры обращались къ послу принцу Рейссу съ вопросомъ, будутъ-ли принимаемы депутаціи; но посолъ отвѣчалъ, что никакихъ пріемовъ не будетъ, такъ какъ императоръ Вильгельмъ желаетъ, чтобы его посѣщенію былъ приданъ частный характеръ простаго прибытія на охоту. Въ 9 часовъ утра прибылъ также въ Вѣну по Сѣверо-Западной дорогѣ король

Николай Павловичъ Воронцовъ-Вельяминовъ. Съ фотогр. Федецкаго, грав. Шюблеръ.

Профессоръ анатоміи В. Л. Груберъ. († въ Вѣнѣ 18 сентября 1890).

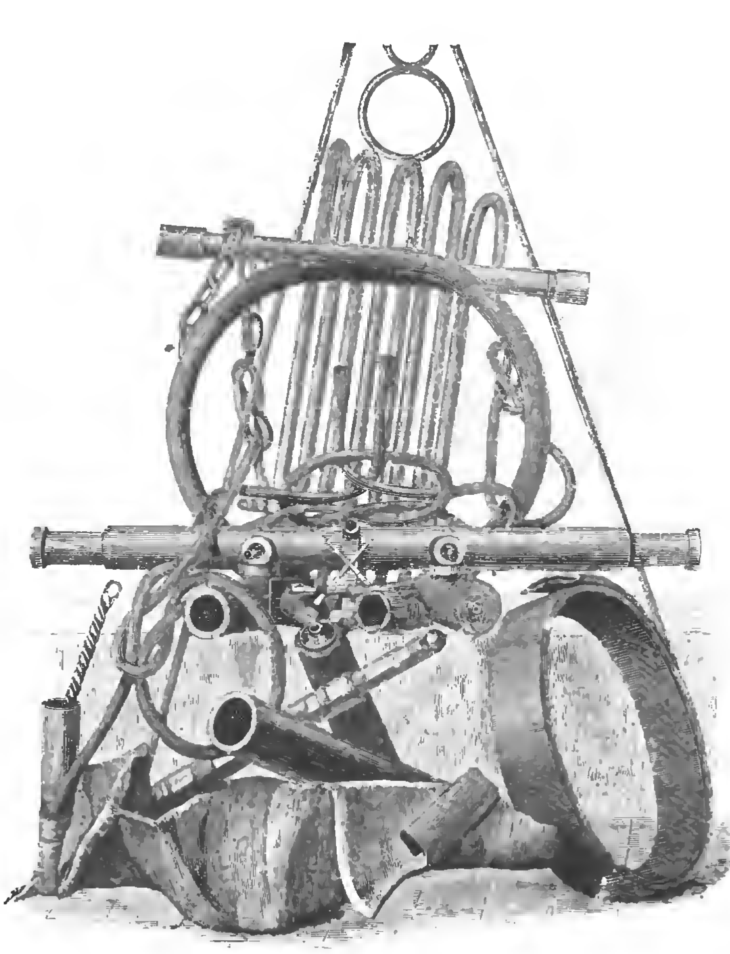
Саксонскій Альбертъ, котораго встрѣтилъ въ вокзалѣ эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ. Прямо со станціи король проѣхалъ въ замокъ Шенбрунъ. Во время своего кратковременнаго пребыванія въ Вѣнѣ, императоръ Вильгельмъ сдѣлалъ визиты эрцгерцогамъ, возложилъ вѣнокъ на гробъ покойнаго послѣдняго принца Рудольфа, посѣтилъ германское посольство, чтобы повидаться со своею теткой, принцессою Рейссъ, а также министерство иностранныхъ дѣлъ и сдѣлалъ визитъ графу Кальноки, у котораго пробылъ десять минутъ. Послѣ полудня всѣ три государя отправились въ Мюрцштегъ, въ Штирію.

Во время пребыванія Германскаго императора въ Австріи, въ Германіи соціалисты отпраздновали, 19 сентября, прекращеніе дѣйствія закона, ограничивавшаго ихъ полноправность. Многіе не безъ волненія ожидали этого дня. Приготовленія къ празднованію со стороны рабочихъ и соціалистовъ, съ одной стороны, а съ другой, принятіе мѣръ къ прекращенію могущихъ быть безпорядковъ, не мало тревожили умы. Но, какъ сообщаютъ депеши, празднества, устроенныя соціалистами по случаю истеченія срока дѣйствія исключительнаго закона, прошли совершенно спокойно.

Также совершенно спокойно совершились выборы въ Сербіи. Выбранными оказались 113 радикаловъ, 17 либераловъ и два напредняка; кромѣ того, предстоятъ двѣ перебаллотировки. Пашичъ, выражая своимъ избирателямъ благодарность за оказанныя ему оваціи, заявилъ, что радикалы особенно дорожатъ довѣріемъ столицы, видя въ этомъ торжественное одобреніе политики правительства. „Единодушіе интеллигенціи и народа—сказалъ Пашичъ—составляетъ залогъ прочности настоящаго строя, обезпеченнаго отъ посягательствъ съ чьей бы то ни было стороны. Правительство, дружно поддержанное населеніемъ, можетъ отнынѣ спокойно посвятить себя заботамъ о благосостояніи страны". Успѣхъ радикаловъ на выборахъ, говорятъ, очень раздражилъ бывшаго короля Милана, и онъ устранилъ Докича, служившаго связью правительственной партіи со дворомъ, отъ обязанностей воспитателя юнаго короля и назначилъ на эту должность полковника Мишковича.

Во Франціи разоблаче-

нія буланжизма Мермексомъ все еще являются предметомъ ожесточенной полемики, вызывая сильное возбужденіе среди приверженцевъ и противниковъ генерала Буланже. Въ „Coulisses du boulangisme“ Мермекса и въ цѣломъ рядѣ другихъ замѣтокъ, вызванныхъ откровенничаньемъ этого журналиста, разсказываются иногда поистинѣ чудовищныя вещи. Благодаря обаянію, которое буланжизмъ имѣлъ во Франціи, да отчасти и по сіе время имѣетъ, цѣлая стая лицъ, окружавшихъ Буланже, во имя національнаго движенія, обирала однихъ, обѣщая имъ всевозможныя блага при торжествѣ *своей* (?) партіи, подкупала другихъ для этого торжества, а болѣе всего не забывала себя, набивая карманы добровольными даяніями, въ изобиліи стекавшимися въ національный комитетъ и къ самому генералу. Особенно непривлекательными представляются поступки псевдо-графа Дильона и газетчика Мейера. Они, ловко лавируя между представителями различныхъ партій, умѣли всѣмъ обѣщать содѣйствіе и расположеніе буланжистовъ, за что и получали мзду не малую. Въ числѣ обманутыхъ оказался, между прочимъ, и графъ Парижскій, который старается нынѣ объяснить свое участіе въ проискахъ буланжистовъ въ письмѣ, присланномъ имъ на имя своего главнаго напереника и друга, г. Боше. Въ немъ графъ пишетъ: „Уѣзжая изъ Европы, я не желаю оставить безъ возраженій заблужденія и клеветы, вызванныя недавнею газетною полемикою. Я думаю, что я понялъ въ трудный моментъ интересы монархическаго принципа. Изгнанный республикою, я воспользовался для борьбы съ нею предоставленнымъ ею же мнѣ оружіемъ и не сожалѣю о томъ, что употребилъ его для возбужденія раздора между республиканцами. Представитель монархіи не долженъ пренебрегать никакимъ случаемъ, чтобы подготовить ея торжество. Я хотѣлъ, чтобы право слова было возвращено странѣ и никакой иной цѣли я не преслѣдовалъ. Ни отъ кого, кромѣ Франціи, я ничего не ждалъ. Теперь я прошу друзей моихъ не терять времени въ сѣтованіяхъ на прошедшее, пусть они громогласно заявятъ о вѣрности своей монархическому принципу и сплотятъ свои силы для дальнѣйшей борьбы. Они заслужатъ довѣріе Франціи лишь въ томъ случаѣ, если будутъ имѣть довѣріе къ самимъ себѣ и къ своему дѣлу и вѣру въ Бога“.



Металлическія трубы братьевъ Маннесманъ въ Ремшейдѣ.

Смѣсь.

Парижская полиція вычислила, что изъ 1½ милліоновъ иностранцевъ, посѣтившихъ Парижскую всемірную выставку, было: 225,400 бельгійцевъ, 380,000 англичанъ, 160,000 нѣмцевъ, 52,000 швейцарцевъ, 56,000 испанцевъ, 38,000 итальянцевъ, 7,000 русскихъ, 2,500 шведовъ и норвежцевъ, 5,000 грековъ, румынъ, турокъ и т. д., 32,000 австрійцевъ, 3,500 португальцевъ, 8,250 азіатцевъ, 12,000 африканцевъ, 90,000 сѣверо-американцевъ, 25,000 южно-американцевъ, 3,000 австралійцевъ и т. д. (с.)

Увеличеніе сбора хлопка въ Индіи по истинѣ баснословно. Между тѣмъ какъ въ 1876—77 году собрано было лишь 8 милліоновъ фунтовъ, количество его за послѣдній годъ достигло 129 милліоновъ. (с.)

нѣйшихъ русскихъ художниковъ. Печатаніе красками этихъ акварелей достигло такого совершенства, что всѣ видѣвшіе эти оттиски принимали ихъ за оригиналы. Чрезъ нѣсколько дней желающіе могутъ убѣдиться въ этомъ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, гдѣ принимается подписка на „Ниву" и гдѣ будетъ выставленъ нашъ альбомъ. Содержаніе картинъ альбома слѣдующее:

1) Профессора **И. К. Айвазовскаго: На Черномъ морѣ.**
2) Академика **С. Ѳ. Александровскаго: Молодая шведка.**
3) Академика **С. И. Васильковскаго: Раннее утро у запорожцевъ.**
4) Академика **Е. Е. Волкова: Пейзажъ.**
5) Придворнаго художника **М. Зичи: Тамара.**
6) Художника **Н. Н. Каразина: Конный бухарскій стрѣлокъ.**
7) Академика **А. Д. Кившенка: Охота на лисицу.**
8) Профессора **Ю. Ю. Клевера: Вечеръ въ деревнѣ.**
9) Профессора **Л. О. Премацци: На дворѣ Толедскаго дома.**
10) Профессора **Н. Е. Сверчкова: На медвѣдя.**

Альбомъ разсылается подписчикамъ въ красивой картонной папкѣ (10 вершковъ длины и 8 вершковъ ширины; той же величины и картины), украшенной **роскошнымъ (отпечатаннымъ въ 14 красокъ) заглавнымъ рисункомъ съ акварели художника А. Земцова**, и такимъ образомъ можетъ быть настольнымъ украшеніемъ любой гостиной. Каждая картина въ альбомѣ печатана **15—20 красками**, на лучшей **бѣлой бристольской бумагѣ**, и представляетъ сама по себѣ отдѣльное художественное произведеніе, такъ что желающій видѣть ту или другую акварель у себя на стѣнѣ въ рамѣ—можетъ для этой цѣли вынуть изъ альбома сколько угодно листовъ.

На особомъ листѣ помѣщенъ объяснительный текстъ къ картинамъ и краткая характеристика ихъ авторовъ.

Относительно запасеннаго нами литературнаго матеріала какъ для „Нивы", такъ и для 12 книгъ „Сборника", можемъ указать на нашу слишкомъ двадцатилѣтнюю дѣятельность, въ теченіе которой читатели „Нивы" могли убѣдиться, что **мы даемъ произведенія лишь извѣстнѣйшихъ и лучшихъ русскихъ писателей.** Въ этомъ объявленіи не достало бы мѣста для перечисленія и десятой доли того, что находится въ портфелѣ редакціи. Поэтому ограничиваемся названіемъ лишь нѣсколькихъ крупныхъ произведеній, какъ-то:

П. Д. Боборыкина—„Ушло", повѣсть.

Кн. М. Н. Волконскаго—„Мальтійская цѣпь", историческій романъ въ трехъ частяхъ.

Н. Д. Маслова—„Изъяны воли", романъ въ трехъ частяхъ.

Вас. И. Немировича-Данченко — „Въ горныхъ буряхъ", романъ въ трехъ частяхъ.

И. Н Потапенко — „Сердце сказало", романъ изъ малороссійской жизни.

П. Н. Полевого—„Корень зла", историч. романъ въ трехъ частяхъ.

Гр. Е. А. Саліаса—„Русская амазонка", историческій романъ XIX вѣка, въ трехъ частяхъ.

И проч., и проч., и проч.

Благодаря **ежемѣсячному** приложенію **„Сборника", „Нива"** въ будущемъ году дастъ своимъ подписчикамъ въ нѣсколько разъ **большее количество** разнообразнаго чтенія, **чѣмъ въ предшедшіе годы.** Эти 12 книгъ будутъ наполнены такимъ обиліемъ матеріала, что **стоимость ихъ въ отдѣльной продажѣ** значительно **превысила бы подписную цѣну за все изданіе „Нивы".**

Ежемѣсячное приложеніе при „Нивѣ" особыми нумерами **„Парижскихъ Модъ",** отличается тѣмъ, что составляемый ими полный модный журналъ помѣщаетъ лишь новѣйшіе парижскіе фасоны дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ, бѣлья и проч., и проч., прежде чѣмъ они появятся въ Россіи. Кромѣ того, при „Парижскихъ Модахъ" ежемѣсячно прилагается большой листъ съ **выкройками въ натуральную величину** самыхъ разнообразныхъ костюмовъ. Число этихъ выкроекъ въ годъ достигаетъ 300. На оборотной сторонѣ этихъ листовъ помѣщается множество рисунковъ: женскихъ **рукодѣльныхъ работъ, заглавныхъ буквъ для мѣтки бѣлья**, а также масса **чертежей для ажурныхъ выпильныхъ работъ.** Далѣе, въ каждомъ модномъ нумерѣ, печатаются **рецепты** для кухни, **полезные совѣты** по домашнему хозяйству, общедоступной техникѣ, цвѣтоводству и проч.

При первомъ нумерѣ „Нивы" будетъ приложенъ изящный, печатанный нѣсколькими красками, **стѣнной календарь на 1891 годъ.**

Такимъ образомъ „Нива" на 1891 годъ дастъ своимъ подписчикамъ

БЕЗЪ ВОЗВЫШЕНІЯ ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ

кромѣ обычныхъ 52 №№ съ **500 художеств. выполненныхъ гравюръ и 2,000 столбцовъ** беллетристики, популярно-научныхъ статей, біографій съ портретами, современныхъ событій съ рисунками и описаніями, еженедѣльнаго политическаго обозрѣнія, смѣси и проч., и проч.,

12 книгъ „Сборника" романовъ, повѣстей и проч. **(въ годъ около 3,000 страницъ).**

12 №№ „Парижскихъ Модъ" съ 300 гравюрами.

12 №№ рукодѣлій и выпильныхъ работъ и около 300 выкроекъ въ натуральную величину.

10 акварелей лучшихъ русскихъ художниковъ.

1 изящную папку для альбома.

1 стѣнной календарь.

Смѣло можемъ сказать, что такого изданія, по **качеству**, обилію и разнообразію литературнаго и художественнаго матеріаловъ и по сравнительной дешевизнѣ, до сихъ поръ не было ни въ Россіи, ни за-границей. Съ преобразованіемъ нашего журнала въ будущемъ году сопряжены крупныя затраты и тяжелый трудъ, но мы отваживаемся на это въ твердой увѣренности, что многочисленные читатели „Нивы" оцѣнятъ наши усилія и заботы о постоянномъ ея совершенствованіи.

Подписная цѣна „Нивы" на 1891 годъ со всѣми приложеніями и преміями и 12 книгами „Сборника": безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5 р.**, безъ доставки въ Москвѣ **6 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **6 р. 50 к.**, съ пересылкою иногороднымъ **7 рублей.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗНИГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.
ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
БРОКАРЪ и Ко.
Ш. № 4715 изобрѣтенный 8—2
Складъ фабрики: Офицерская, 5.

ШОКОЛАДЪ ТОВАРИЩЕСТВА А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЕЙ ВЪ МОСКВѢ.
С. № 4698 8—2
продается во всѣхъ городахъ РОССІИ.

Только подлинно съ этой фабричн. маркой.

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“.
Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)
Л. Г. ПИТШЪ и Ко.
въ Бреславлѣ.

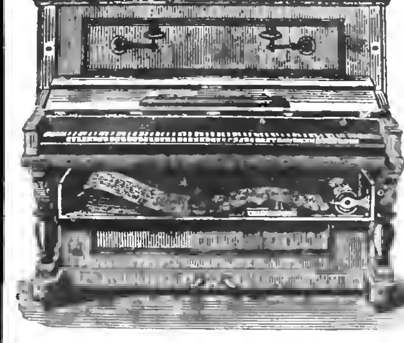
Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у В. Ауриха, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 4719 18—1



НОВОСТЬ!
МЕХАНИЧЕСКОЕ
ПІАНИНО
заграничной работы, новѣйшей конструкціи.
Можно играть не только какъ на обыкновенномъ піанино, но также отлично исполнять всѣ танцы и концертныя пьесы посредствомъ верченія ручки.
Цѣна безъ нотъ **600 руб.** Ноты по 1 руб. 25 коп. за каждый метръ (=1½ аршина).

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

Поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **О. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ **трехъ большихъ томовъ**, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ **2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди.**

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ **предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками.**

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, пріемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплоатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:
При выписываніи **1-го** тома вносится **4 р.**, до выхода **2-го** тома **8 р.**, а до выхода **3-го** тома **2 р.**, а всего **14 руб.**

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ.

За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

☛ **По выходѣ всего** сочиненія цѣна будетъ **значительно возвышена.** ☚

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала **„Нива“** (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и пожелающія пріобрѣсти слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 2 р.

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ
МОЛОЧНАЯ МУКА
для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока
Паров. фабр. **БЛИГКЕНЪ и РОБИНСОНЪ** въ СПБ.
Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ,**
Колокольная, 18 — 19, въ **С.-Петербургѣ.**
Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ: В. Аурихъ
Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.
Продается въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи В. № 4721 17—1

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА“.
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмери., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у **І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1.** Въ С.-Петербургѣ. (28) № 4366

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!
Англійскіе растягивающіеся кушаки „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченымъ замочкомъ, протканные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. **Кушаки прозрачные очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.**
Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи
у ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,
СПБ., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

☛ **ПРАКТИЧНАЯ НОВОСТЬ!** ☚
Предохранитель отъ лопанія ламповыхъ стеколъ!
Надѣвается на всякое ламповое стекло и безусловно предохраняетъ таковое отъ лопанія. За границею въ два мѣсяца продано слишкомъ **10.000.000 штукъ.** Высылается не менѣе 1-й дюжины. М. № 4722
1 дюжина—2 рубля.
Адресъ: **С.-Петербургъ,** Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, **Невскій просп., № 4.** Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 коп. марку.

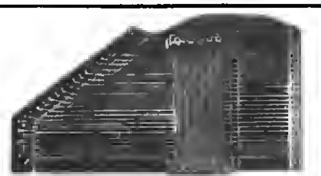
ГОТОВАЛЬНИ
и отдѣльн. инструм. для рисованія.

Изъ желтой мѣди отъ 1 р. 75 к.

Изъ массивнаго никеля отъ 3 р. 75 к.

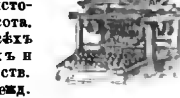
Концы нашихъ циркулей округлены и не портятъ бумагу. Всѣ наши готовальни провѣрены и приготовл. къ немедл. употреблен.

Е. КРАУСЪ и Комп.
Парижъ, Avenue de la Républ., 4.
Складъ для Россіи:
въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 42.
Иллюстр. прейсъ-курантъ оптическ. прибор. высылается безплатно. № 4697 2—2



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
собств. издѣлія продаются по вновь **удешевленнымъ цѣнамъ:**
съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей
Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (37) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.



Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

Дозвол. ценэур., СПБ., 26 сентября 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. — г. XXI
№ 40 — 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 6 октября 1890 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . **5 р.** | Съ доставкою въ Петербургѣ **6 р. 50 к.** | Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія **6 р.** | Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . **7 р.** | За границу . . . . **9 р.**

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1890 г., съ 25 рис. и отдѣльм. листъ съ 29 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 25 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

При слѣдующемъ № 41-мъ будутъ разосланы обѣщанныя гг. годовымъ подписчикамъ „НИВЫ“

ПЕРВЫЯ ДВѢ ГЛАВНЫЯ ПРЕМІИ НА 1890 ГОДЪ:

картины извѣстнаго нашего художника, профессора И. И. ШИШКИНА, печатанныя красками (16 верш. вышины и 12 вершк. ширины каждая)

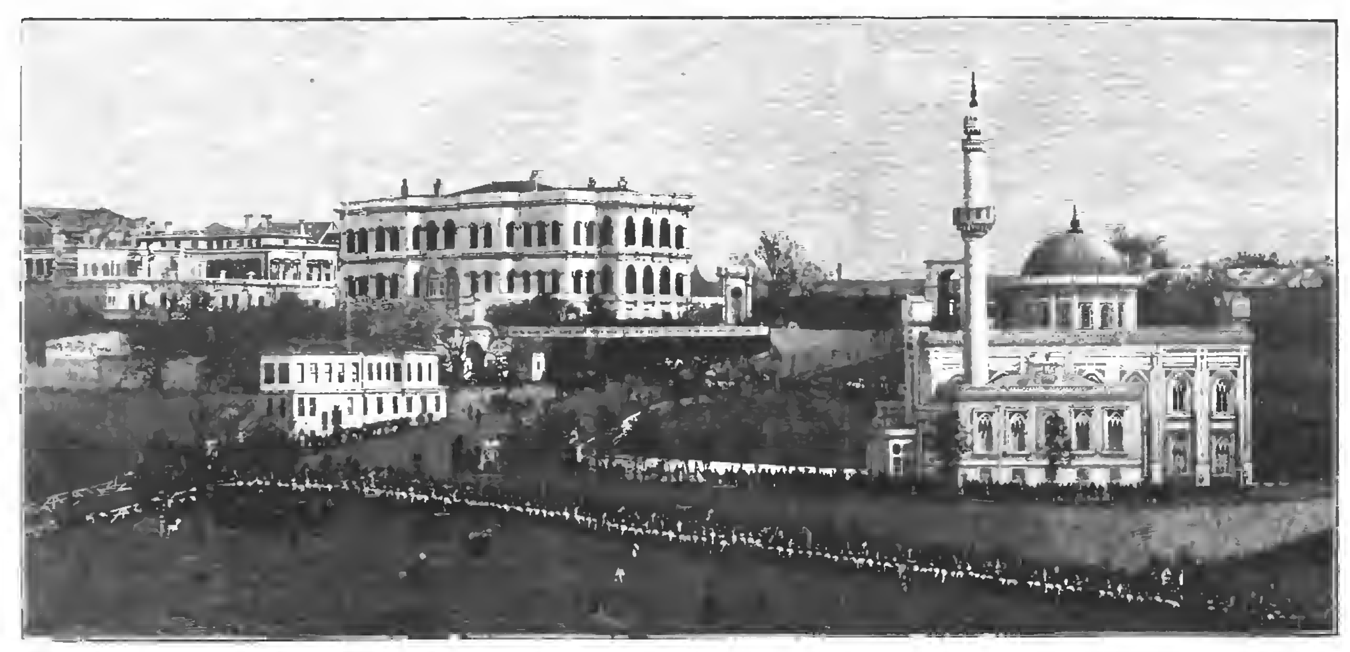
1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.

Въ случаѣ **неполученія** кѣмъ-либо при №. 41 преміи, издатель проситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, не позже какъ съ полученіемъ №. 42.

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ без доставки, въ С.-Петербургѣ или Москвѣ, будетъ выдана эта премія при №. 41 въ той конторѣ или магазинѣ, черезъ которые они получаютъ „Ниву“.

Обращаемъ вниманіе на предупрежденіе (въ 3-мъ листѣ этого №.) относительно осторожности при вскрытіи преміи.

О ТРЕТЬЕЙ ГЛАВНОЙ ПРЕМІИ:
большомъ томѣ романовъ, повѣстей и разсказовъ
содержащемъ въ себѣ болѣе **540** страницъ самаго интереснаго чтенія (произведенія извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей), будетъ объявлено чрезъ нѣсколько нумеровъ.



Ильдизъ-Кіоскъ, резиденція султана въ Константинополѣ, и мечеть Гамидіе во время Селамлика. Грав. Крей.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. (Окончаніе).

VI.

Прошло два года.

Василій Герасимовичъ не узнавалъ себя за послѣднее время, да и другіе тоже дивились на него.

Савва Кузмичъ—тотъ только въ бороду себѣ смѣялся, глядя на Сластенова.

— Ишь, говорилъ онъ, — сказывается наша порода, сказывается. Настоящій Сластеновъ вышелъ изъ племянника. Чего лучше!

И когда молодой человѣкъ, весь въ поту и пыли, возвращался съ заводовъ, въ одно и то же время усталый и возбужденный поэзіею труда, старикъ ласково клалъ ему на плечи руки и замѣчалъ:

— Вотъ кабы Паша тебя такимъ видѣла — другой бы разговоръ промежду васъ былъ.

Василій Герасимовичъ, черезъ полгода послѣ того какъ оставилъ свое рогожское палаццо, уже не удовлетворялся одпѣми школами да больницами. Онъ интересовался всѣмъ, что происходило на заводахъ, часто по недѣлямъ оставался на нихъ, вникая и въ условія рабочаго труда, и въ самое производство, и мало-помалу передъ нимъ яснѣе и яснѣе возникали настоящія представленія о дѣлѣ, котораго прежде онъ не зналъ вовсе и которымъ даже не интересовался. Старикъ Сластеновъ разъ какъ-то сказалъ: „ну, братъ, теперь я вижу, что не пропадетъ наша фирма, когда я помру. Ты съ ней управишься". Въ поту своей каторжной работы Василій Герасимовичъ односложно отвѣчалъ ему: „ну вотъ!" Но ужь это былъ не тотъ мозглякъ, надъ которымъ смѣялся когда-то дядя. Онъ ужь самъ понималъ теперь, что въ его рукахъ лежитъ судьба не одной тысячи людей, пріуроченныхъ къ заводамъ. Въ послѣднее время онъ отпросился у дяди въ поѣздку по всему его промысловому району, и на цѣлый мѣсяцъ пропалъ, да такъ, что внезапно вернувшаяся и остановившаяся у Саввы Кузмича Прасковья Яковлевна и узнать не могла гдѣ онъ находится.

Молодую женщину поразило то, что мужъ перестал вовсе писать ей.

Вотъ уже годъ она отъ него не имѣла никакой вѣсточки, а старикъ, писавшій ей по временамъ о перерожденіи Василія Герасимовича, только пуще еще разжигалъ сначала ея любопытство, потомъ какое-то странное чувство, самой ей непонятное,—не то нѣжности, не то удивленія. „Откуда бы, кажется", думала она,—„откуда бы ему набраться?" Но когда наконецъ, вмѣсто длиннаго посланія, котораго она ожидала, Прасковья Яковлевна получила отъ Василія Герасимовича короткія и сухія три строки: „писать некогда, не могу отрывать времени у дѣла, да и не о чемъ. Работаю. будь здорова, а я здоровъ,"—она вдругъ сначала расплакалась, а потомъ уложилась и нагрянула въ Москву.

Савва Кузмичъ встрѣтилъ ее на вокзалѣ.

— Мужъ здѣсь? оглянулась она.

— Куда! Его, Паша, теперь и за хвостъ не поймаешь.

— Что такое еще?

— За работой. Точно съ голоду помреть, коли не потрудится... Запой какой-то.

— Да гдѣ же онъ теперь?

— А я почемъ знаю... Можетъ на работахъ, а можетъ по школамъ ѣздитъ... Такой у меня левизоръ выискался. Вчера пишутъ мнѣ: прикатилъ онъ дней десять назадъ на Балаковскій заводъ и такъ ихъ тамъ разшерстилъ: агличанина прогналъ — другаго поставилъ, конторщиковъ училъ, кого въ шею, кого оштрафовалъ...

— Это Васенька-то? остановилась Прасковья Яковлевна.

— Да, Васенька!.. Нѣтъ, Паша, Васенька-то давно померъ—Василій Герасимовичъ народился.

У нея сердце защемило.

— Теперь, потупилась она,—онъ пожалуй встрѣтится со мной да прочь пойдетъ.

— А ужь этого не знаю. Я въ ваши дѣла не вхожу. А только онъ точно не тотъ... совсѣмъ не тотъ. Прежде бы онъ... Ну, да Богъ вѣсть...

Паша поняла только одно: старикъ не хочетъ сказать ей правду. Она всю дорогу ѣхала мрачная. Заглянула въ свой старый рогожскій дворецъ по пути.

— Это онъ напослѣдокъ велѣлъ твои комнаты оставить какъ были. И горничную для этого держу здѣсь.

Прасковья Яковлевна почувствовала, какъ теплая волна нѣжности ласково хлынула ей на душу.

— Спасибо! тихо проговорила она. — А тутъ мой портретъ висѣлъ.

— Съ собой взялъ, у него портретъ.

— Значитъ, помнитъ? вырвалось у нея.

— Помнитъ... помнитъ. Только никогда слова о тебѣ не сказалъ. Я бывало ему: „Паша мнѣ писала вчера". А онъ, знаешь, неглижа: „Здорова?" — „Здорова", отвѣчаю. Ну, больше ничего не спроситъ и сейчасъ за дѣло... Хочешь, коли не устала, посмотрѣть, гдѣ живетъ онъ?

Онъ завезъ ее на Тверскую.

— Каждый разъ, какъ пріѣзжаетъ, останавливается здѣсь... У меня не хочетъ. Мнѣ, говоритъ, такъ слободнѣй.

— Батюшки! Да у насъ, на Рогожской-то, люди лучше жили!

Въ самомъ дѣлѣ: убогіе Г***нскіе нумера произвели на нее ужасное впечатлѣніе. Она съ изумленіемъ осматривалась кругомъ—на эти жалкіе колченогіе столы, вытертый диванъ, запыленное окно, ободранныя занавѣски...

— Чего ты? спросилъ Савва, видя что она затуманилась.

— Ничего... Портрета-то моего нѣтъ... Поди швырнулъ куда-нибудь въ ящикъ и забылъ.

Савва только головою помоталъ на это.

Когда она съ дороги отдохнула, Сластеновъ написалъ по заводамъ, спрашивая гдѣ ея мужъ.

Но отвѣты получались неопредѣленные. Сегодня былъ на одномъ, завтра ждали въ другомъ, а онъ невзначай налетѣлъ въ третій, накрылъ неправильную сплавку чугуна, взбудоражилъ всѣхъ, и вмѣсто того, чтобы остаться, выѣхалъ невѣдомо куда...

Недѣли двѣ уже жила такимъ образомъ Паша.

Она ходила молчаливая, мрачная какъ ночь, сдвинувъ свои черныя брови. На вопросы дяди отвѣчала нехотя.

— Да ты что... опять сердцемъ-то къ нему приросла? улыбаясь спросилъ тотъ.

— Дождется! зло отвѣтила она.—Я видѣть-то его распостылаго не хочу... Стану я за нимъ какъ собаченка бѣгать—какже!.. Скажите: прынецъ какой...

Савва расчесывалъ себѣ бороду и молчалъ. Потомъ лукаво взглянулъ на нее и точно вскользь уронилъ:

— Такъ-то пожалуй и лучше будетъ!

— Почему? вспыхнула она, сверкая на него разгорѣвшимися глазами.

— Да какъ же не лучше? Видимое дѣло знать онъ тебя не хочетъ. Ну, что-жь, силой милъ не будешь. Бросила ты его тогда. Ну и въ немъ перебол́ѣло... Теперь

онъ и самъ-то измѣнился къ старому и ворочаться ни ему, ни тебѣ незачѣмъ.

— Незачѣмъ? горячо спросила Паша.

— Да, незачѣмъ.

— А если Богъ соединилъ, такъ вы какъ думаете, люди-то разъединить могутъ?

— Объ этомъ, племянница, надо было тебѣ думать тогда, какъ ты уѣзжала отъ него.

— Да я и не хочу, проговорила она равнодушно.— Не хочу. Ну его... мозгляка!—И ложку такъ швырнула на тарелку, что лакей около вздрогнулъ.—Что мнѣ съ нимъ?.. Ну его?

Такъ-то такъ... Ужь ты его оставь. Малаго только отвлечешь отъ дѣла. А дорогой человѣкъ сталъ! Я бы ему сейчасъ при жизни всѣ дѣла отдалъ. Теперь въ надежѣ — не уронитъ онъ нашу Сластеновскую честь. На славу поведетъ. На всякое дѣло гожъ. Ты какъ думаешь, вчера разсказывалъ мнѣ съ Савватьевскихъ промысловъ пріѣхалъ управляющій. Тамъ домна у нихъ чуть не треснула—такъ Васенька-то твой—чуть не головой въ сплавъ полѣзъ. Кабы не онъ—рухнуло бы все, страшные убытки были бы. Управляющій говоритъ: „мы и близко подступиться боялись... помилуйте, зальетъ всего горячей рудой. Смерть видна. А онъ усмѣхнулся только и пошелъ...“ Сдѣлай солдатъ на войнѣ, ему-бы Егорія за это дали.

— Неужели Васенька все это? вырвалось у Паши.

— Да, да! Вотъ ты и поди. Разсмотри ихъ, нынѣшнихъ-то.

Та качала головой и чувствовала, что ей плакать хочется. Удержалась—вся поблѣднѣла даже отъ усилія. И сердце билось такъ, что она схватывалась за него нѣсколько разъ.

Два дня она ничего не говорила о мужѣ. Савва Кузмичъ тоже молчалъ о немъ. Наконецъ Паша не выдержала.

— Ну, что Васенька... гдѣ-то онъ? Мнѣ все равно— а такъ я...

— Сказывали, промежду дѣломъ изъ Калышскаго завода—лѣса-то тамъ остались еще—на медвѣжью охоту ходилъ съ парнемъ однимъ.

— Василій Герасимовичъ?..

— Да... онъ...

Прасковья Яковлевна порывисто встала, прошлась по комнатѣ.

— Что съ тобой?

— Да жарко мнѣ что-то... Натоплено здѣсь у васъ...

— Какой, матушка, натоплено... Весной да топить!.. А ты бы воды выпила, успокоилась. Медвѣжью шкуру должно-быть въ подарокъ пришлетъ мнѣ.

— Поди тамъ... на мѣстѣ-то...

И она не окончила своей мысли.

— Что на мѣстѣ?

— Говорю, тамъ на мѣстѣ-то... Тоже вѣдь рыцарь... Въ кавалеры записался. На заводахъ-то я слышала... жизнь-то слободная. Что хотятъ, то и дѣлаютъ. Ну и онъ... чай не теряетъ времени. Съ работы и на погулянку.

— Можетъ быть, подтвердилъ Савва Кузмичъ,—можетъ быть. Что-жь съ нимъ дѣлать-то! Молодой—сама знаешь. Какъ его удержишь теперь...

— А вы слыхали что? вся точно дрожа въ лихорадкѣ остановилась передъ нимъ Прасковья Яковлевна.

— Нѣтъ... Слыхать не слыхалъ. Только такъ думаю, что-жь ему хорониться-то... Жены нѣтъ... Человѣкъ онъ одинокій—дѣлай что хочешь.

— Какъ жены нѣтъ?

— Ахъ, это ты про себя... Ну, матушка, что ужь, коли онъ тебя эна сколько не видалъ.

Прасковья Яковлевна ушла къ себѣ, заперлась въ спальнѣ и не выходила цѣлый день.

Къ вечеру ее Савва Кузмичъ встрѣтилъ вскользь. Она уѣзжала куда-то, потомъ черезъ часъ вернулась.

— Ну, куда ѣздила, племянница?

— Такъ!

И она пошла къ себѣ и опять заперлась.

Савва Кузмичъ ухмыляясь самъ сошелъ внизъ. Позвали кучера.

— Куда возилъ Пашу-то?

— Къ Иверской... Помолились онѣ, нищихъ одѣлили.

— Такъ, правильно.

И Сластеновъ еще радостнѣе вернулся наверхъ.

— Ужинать будешь? стукнулъ онъ ей въ двери.

— Нѣтъ! коротко отвѣтила она.

— Что такъ?

— Спать легла.

Опять два дня молчала Паша. Савва Кузмичъ ни слова о мужѣ. Наконецъ она не выдержала.

— Ну что... гдѣ этотъ... шатунъ-отъ нашъ?

— Получилъ я отъ него письмо наконецъ.

— Что пишетъ?

— Раскуси-ка его... „Теперь, говоритъ, вижу я что за заводское дѣло браться надо умѣючи и потому...“ Вѣдь какое дѣло надумалъ!—И Савва покачалъ головою.— Я и не ждалъ отъ него... Какъ бы ты думала: „пошлите, говоритъ, вы меня дяденька года на три въ Америку и въ Англію. Тамъ заводское дѣло идетъ куда лучше. Присмотрюсь и самъ...“

— Какъ на три года! прервала она его.

— Да вотъ видишь... Мысль-то у него хорошая.

— Что-жь вы? Какъ рѣшили?

— А мнѣ что! Мнѣ же лучше. Ему вѣдь всѣ заводы, всѣ земли мои достанутся. Пущай его ѣдетъ и учится. Я одобряю... Мнѣ это по душѣ. Дѣйствительно, мы отъ этого отстали. Да что съ тобой-то, али больна?

Прасковья Яковлевна сидѣла за столомъ какъ скатерть блѣдная.

— Нѣтъ, такъ, голова... голова у меня болитъ. Что-то и сама не понимаю.

— Ничего, племянница... это пройдетъ.

На другой день Паша вышла къ столу серьезная, мрачная, видимо на что-то рѣшившаяся.

— Знаете, дядя, вы все равно что родной... Я давно ужь рѣшила, теперь хочу вамъ сказать...

— О чемъ такомъ это?

— Въ монастырь задумала.

— Чего?

— Въ монастырь хочу.

— Вона... Что-жь такъ?

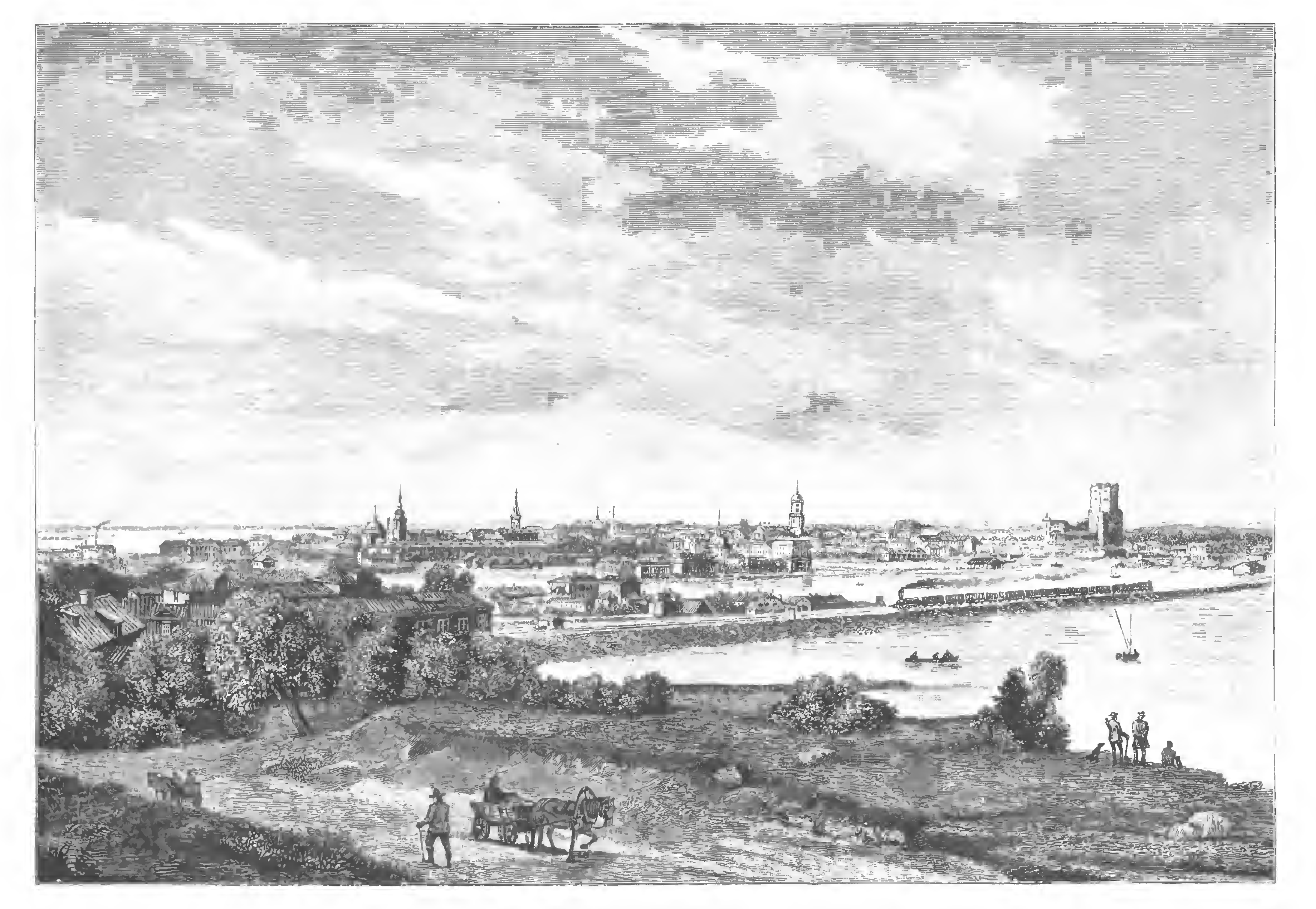
— Въ мірѣ не спасешься. Въ Ельцѣ — Усть-Каменогорская обитель понравилась мнѣ. Была я тамъ съ матушкой — молились мы. Сестры кроткія, житіе тихое. Отлично мнѣ будетъ тамъ. Мужъ не воспрепятствуетъ. Ему что же... Ему еще лучше, горько вырвалось у нея.—Ему разумѣется лучше... Онъ вѣдь вотъ на нѣсколько лѣтъ ѣдетъ въ за-границу, что же ему на меня обращать вниманіе!

И уронивъ голову на руки, Паша зарыдала вдругъ, да такъ, что Савва Кузмичъ всполошился. Онъ привелъ ее въ себя, успокоилъ. Потомъ какая-то мысль пришла ему въ голову, и онъ самъ себѣ улыбнулся.

— Да, разумѣется, что же — монастырь такъ монастырь. Все одно. Не мужняя жена и не дѣвица... Разумѣется положеніе твое тяжкое. А въ обителяхъ, сказываютъ, въ женскихъ, ежели кто съ деньгами—и очень хорошо! Спокойно. Только, видишь-ли, племянница, какъ ни какъ, а надо намъ съ нимъ повидаться. Письмами этого дѣла не рѣшишь. А? какъ ты думаешь?

— Я что же... ничего, потупилась она.

— Потому письмами когда еще да какъ, да по каждому малѣйшему поводу—опять письма. Нѣтъ, такія дѣла такъ не рѣшаются. А намъ надо повидать его. А въ монастырь ты это хорошо надумала. Для души-то отлично. Только вѣдь вотъ что... Онъ къ намъ не поѣдетъ сюда. Коли хочешь —мы къ нему. А?..



Видъ города Выборга. Съ фотографіи грав. М. Рашевскій.

Тушеніе степнаго пожара воловьей шкурой. Рис. А. Рихтеръ, грав. въ мастерской „Нивы“.

— Я готова, дяденька, мнѣ все равно.

— Ну такъ надо списаться... Гдѣ онъ теперь?

Но поймать Василія Герасимовича оказалось не легко. Письма его не настигали. Савва Кузмичъ снесся телеграммами и получилъ въ отвѣтъ:

„Буду ждать на Савватьевскомъ заводѣ. Кстати тамъ новую домну поставили“.

VII.

Василій Герасимовичъ сегодня всталъ рано.

Яркое солнце уже свѣтило въ окно, на улицѣ слышался говоръ и шумъ. Онъ съ постели подошелъ къ окну и посмотрѣлъ—рабочіе шли на заводъ. Въ маленькой комнаткѣ заводской конторы дѣлалось жарко. Сластеновъ постучалъ въ стѣну.

— Дайте мнѣ молока! попросилъ онъ у вошедшей бабы, прислуживавшей въ конторѣ.

— Осипъ Григорьевичъ просили къ нимъ чай пить.

— Скажи, что приду обѣдать съ завода. Не до чаю тутъ... дѣла пропасть.

Василія Герасимовича трудно было узнать теперь, такъ онъ измѣнился. Лицо его загорѣло, самъ онъ какъ-то выровнялся, вошелъ въ силу—плечи раздвинулись, спокойные сѣрые глаза смотрѣли самоувѣренно и серьезно. Самый голосъ его сталъ гуще и громче. Очевидно за это время онъ привыкъ приказывать и во всѣхъ его пріемахъ отразилось что-то властное. Между бровями легла рѣзкая складка — приходилось много и упорно думать...

Наскоро одѣвшись, онъ вышелъ изъ конторы и внизу подозвалъ сторожа.

— Что, руду подвезли ужь?

— Всю ночь свозили, ишь ея сколько! прищурясь, показалъ тотъ на однообразныя, бурыя массы горбившіяся у завода, массы съ рѣдкими желтыми пятнами охры.

Отъ нихъ къ заводу уже двигались по рельсамъ на тормазахъ ящики, гдѣ лежала съ верхомъ все та же руда. Ящики направлялись въ печи близь домны. До плавки въ этихъ печахъ, руду надо было промыть. Тутъ она теряла многія изъ лишнихъ своихъ составныхъ частей, въ печахъ прокаливалась, краснѣла, рыхлилась. Сластеновъ пошелъ прямо туда, гдѣ ее выгребали изъ печей и разбивали въ куски не болѣе грецкаго орѣха каждый.

— Гдѣ Иванъ Артемьичъ? спросилъ Василій Герасимовичъ у заскорузлаго и словно мохомъ поросшаго рабочаго.—Я его что-то не вижу.

— Спитъ еще, недовольно и сумрачно отвѣтилъ тотъ.— Это только ты спозаранку.

Рабочіе Сластенова любили — онъ значительно улучшилъ ихъ положеніе, горой стоялъ за нихъ, „изводился за христіанскія души“, какъ говорилъ народъ.

— Какъ спитъ!.. Сбѣгай-ка за нимъ.

А самъ пошелъ къ вѣсамъ, гдѣ руда разбавлялась древеснымъ углемъ и флюсами, т. е. известковыми камнями, раздробленными предварительно. Вѣсы скрипѣли, рабочіе кругомъ возились въ поту и въ истомѣ, мало обращая вниманія на Василія Герасимовича, котораго они считали своимъ. „Онъ грозенъ только управляющимъ“, говорили они, ласково улыбаясь ему. Иванъ Артемьевичъ, на ходу застегивая сюртукъ, подбѣжалъ къ Сластенову.

— Изволили звать?

— Да... Вы что-жь это?.. Рабочіе на мѣстѣ, новая домна только третій день работаетъ, надобенъ глазъ вездѣ, а вы спите себѣ, да прохлаждаетесь дома.

— Помилуйте... Уставши былъ.

— Я знать этого не хочу... Рабочіе не жалуются на усталость; вонъ бабы послабѣе васъ—и то, видите, ужь съ часъ за дѣломъ, а вы возитесь дома у себя. Я долженъ вамъ вообще сказать, Иванъ Артемьевичъ, я недоволенъ вами... Сразу-то гнать людей я не люблю, а только помните—двухъ предупрежденій я не дѣлаю...

— Виноватъ-съ!..

— Не виноватъ-съ... а такъ и знайте: первый разъ какъ замѣчу васъ на чемъ — такъ вы и вылетите съ завода... Я ужь говорилъ управляющему. Вы это помните.

Домна строится обыкновенно высотой съ хорошій четырехъ-этажный домъ. Пасть у нея наверху. Когда Василій Герасимовичъ подошелъ къ ней, рабочіе, съ составомъ для плавки, были уже тамъ. Пасть пылала жаднымъ огнемъ, освѣщавшимъ темноту сарая, построеннаго надъ нею. Что-то адское было въ этихъ взрывахъ яркаго пламени, въ этомъ клокотѣ руды, въ нѣдрахъ громадной печи, въ этомъ ужасномъ кругломъ зѣвѣ домны, раскрытомъ въ ожиданіи своей обычной добычи. Наверху черныя, окуренныя дымомъ и покрытыя копотью балки кровли, рѣдкіе просвѣты въ ней, сквозь которые день не рѣшался заглядывать въ таинственную глубину, окутанную мракомъ и озарявшуюся только краснымъ пламенемъ домны; почти голые рабочіе, сновавшіе на яркомъ фонѣ этого пламени черными силуэтами и опять исчезавшіе во тьмѣ — все это настраивало особеннымъ образомъ, заставляло забывать, что передъ тобою извѣстное механическое производство. Воскресали преданія о таинствахъ древняго языческаго культа и казалось, что передъ глазами громадный алтарь, на которомъ въ дыму и огнѣ невѣдомое чудовищное божество пожираетъ сотни и тысячи жертвъ ему приносимыхъ. Всклоченные и полунагіе жрецы благоговѣйно служатъ ему и непонятный оглушительный шумъ наполняетъ этотъ первобытный храмъ, въ которомъ совершается дивное таинство претворенія горной породы въ металлъ.

— Жарко! оборачивается одинъ изъ рабочихъ, котораго кажется совсѣмъ поджаривало пламя взрывавшееся вверхъ изъ домны. — Не приведи Господи!

Онъ бросился къ водѣ, стоявшей около, припалъ къ ней и пьетъ, а потъ крупными каплями падаетъ въ тотъ же ковшъ съ почернѣвшаго отъ копоти лба. Всматриваясь въ окружающихъ, Василій Герасимовичъ замѣчаетъ, что всѣ они, какъ и эти балки и стѣны, покрыты сажей. На почернѣлыхъ лицахъ добродушно или озабоченно смотрятъ усталые глаза, вспухшіе и воспаленные. Видимое дѣло, не даромъ достается эта близость огня, этотъ жаръ, пышущій изнутри, изъ самыхъ нѣдръ колоссальной печи.

— Сторонись... Сторонись!

И его затолкали.

На то мѣсто, гдѣ стоялъ Василій Герасимовичъ, стали сносить калоши, т. е. короба съ рудою, и опоражнивали ихъ въ дышащую огнемъ и зноемъ пасть. Цѣлая туча пыли, дыму и искръ поднялась вверхъ къ чернымъ балкамъ. Туча эта на минуту окутала Сластенова, перехватывая дыханіе, слѣпя ему глаза. Чудовище еще громче заклокотало, еще сильнѣе стало взрываться и свистать во всѣ стороны пламя, точно оно и до Сластенова хотѣло дотянуться своими золотыми жалами. Онъ было отступилъ назадъ, но рабочіе тоже отбѣжали отъ огня... „Невозможно“, слышалось между ними.—„Такъ палитъ, дыхать нельзя“... А надо было, чтобы руда по всей домнѣ ложилась ровно, иначе домну можно было испортить. Василій Герасимовичъ сообразилъ это и подошелъ первый къ адскому жерлу... Его чуть не опалило пламенемъ, оно злобно шипѣло на него. Онъ взялъ лопату и сталъ мѣшать руду. Рабочимъ стало совѣстно, они тоже вернулись, приговаривая про себя: „эхъ ты, доля собачья!“

Дѣйствительно, тутъ палило. Домна теперь горѣла уже ровнымъ розовымъ пламенемъ. Внутри въ яркомъ хаосѣ трудно было разобрать что-либо ослѣпленнымъ глазамъ. Чудились только въ однообразномъ золотомъ

фонѣ огня, какія-то бѣлыя, ослѣпительныя змѣи, пробѣгавшія по горѣвшей рудѣ; снопами яркихъ лучей вспыхивали порою флюсы, взбрасывая вверхъ бриллiантовыя звѣзды: раскаленные угли, точно налившіеся кровью глаза баснословныхъ, въ огнѣ живущихъ саламандръ, смотрѣли на Сластенова изъ этой плавучей пузырившейся массы. Порою она точно проваливалась куда-то внутрь, и въ раскрывшихся такимъ образомъ нѣдрахъ огнедышащей горы этой пробѣгали еще болѣе яркія, змѣистыя струи бѣлаго пламени, свѣтились совсѣмъ уже ослѣплявшіе глазъ расплавившіеся флюсы и какое-то бѣлое молоко вскипало между ними,—молоко, одна капля котораго могла бы прожечь насквозь. Это именно показывался ставшій уже жидкимъ чугунъ...

Въ то же время въ углахъ пылали обжигальныя печи.

Василій Герасимовичъ подошелъ туда... Трудно дышалось тутъ рабочимъ. На всѣхъ рубахи были въ поту... Одинъ кашлялъ... „На послѣдяхъ", шепнулъ Василію Герасимовичу клапявшійся ему мужикъ.

— Ты, что же, у доктора былъ?

— Когда его увидишь, доктора-то? Онъ въ городу все.

— Это ужь не первая жалоба. А фельдшеръ?

— А фельдшеръ пьянъ...

— Иванъ Артемьевичъ! Сейчасъ же пошлите телеграмму доктору, что мы ему отказываемъ. А я въ Москву напишу. Пришлютъ новаго. Да чтобы онъ на самомъ заводѣ жилъ. Вѣдь у больницы есть домикъ? Ну, вотъ! А фельдшера прогоните вы. Въ Климовскомъ ихъ двое, и оба трезвые. Я пришлю вамъ одного. А почему же этого рабочаго вы не уволили?.. Вѣдь у насъ для ослабѣвшихъ есть богадѣльня, пріютъ. Онъ имѣетъ право на это.

— Самъ не захотѣлъ!

— Какъ такъ?

— Просто. Гордость у нихъ своя!

По мѣрѣ плавки, руда опускается все ниже и ниже; тогда какъ флюсы остаются вверху, чугунъ внизу уже кипитъ бѣлымъ, ярко-свѣтящимся молокомъ. Когда Василій Герасимовичъ спустился внизъ, къ отверстію печи, стало прохладнѣе; за то здѣсь оглушало его шумомъ изъ фурмъ, сквозь которыя внутрь доменной печи вдувается воздухъ, необходимый для горѣнія. Тутъ уже не слышали другъ друга. Видѣли, какъ шевелятся губы, а словъ разслышать нельзя было. Голову кружило, въ вискахъ стучало, въ глазахъ мелькали огненныя искры.

— Сейчасъ будутъ выпускать руду! крикнулъ на ухо Василію Герасимовичу Иванъ Артемьевичъ.

И замѣтивъ, что тотъ не слышитъ, взялъ его за руку и повелъ внизъ.

— Молочка нашего похлебать? улыбались рабочіе, увидя Сластенова.

— Ну-ка, Степа! приказалъ онъ.

Степанъ осторожно открылъ устье печи. Какая-то темная корка въ немъ вспузырилась и треснула. Въ трещинѣ сверкнула бѣлая расплавленная масса. Вздулась она и заполонила все устье, двинулась подъ давленіемъ всего остальнаго расплавленнаго чугуна и флюсовъ сверху, и длинною, жидкою, слѣпящею глаза змѣей потекла по узкому ходу, устроенному для нея въ мягкой землѣ. Въ темномъ сараѣ стало сразу свѣтло. Цѣлые снопы яркихъ звѣздъ вскидывались и взрывались вверхъ отъ этого чугуннаго молока. Металлическія брызги, какъ снѣжинки, только гораздо крупнѣе ихъ, принимали самыя разнообразныя формы. Одна за одной подымались онѣ къ бревенчатымъ сводамъ, взрывались туда мерцающими кометами и точно таяли тамъ въ тяжелой тьмѣ. Трудно было оторваться отъ этого эффектнаго фейерверка. Наконецъ, руда влилась въ формы и стала остывать. Сначала она побагровѣла, ее подернуло синью, потомъ точно зола сверху отдѣлилась; слышно было легкое шипѣніе подъ этою золою...

Василій Герасимовичъ и тутъ поработалъ.

Потъ лилъ съ него. Волоса всклочились, онъ весь дрожалъ отъ устали...

Усталъ, припалъ самъ къ ковшу съ водою и жадно сталъ пить тепловатую воду...

VIII.

— Ай да племянникъ! послышалось надъ нимъ.

Сластеновъ оглянулся—въ сумракѣ стоялъ его дядя подъ руку съ какою-то женщиной. Здѣсь было такъ темно, что онъ не могъ разобрать ея лица.

— Погодите, Савва Кузмичъ. Давно-ли пожаловали? ужь не глядя на него продолжалъ онъ вытираясь.

— Сейчасъ только.

— И слава Богу. Я здѣсь уже безъ васъ распорядился. Безпорядки такіе! Ну вотъ, теперь и подѣловаться можно... Только ужь извините, я весь въ грязи и въ поту... Съ пяти часовъ утра сегодня.

Онъ подошелъ къ Саввѣ Кузмичу и вдругъ отшатнулся въ сторону.

На него, широко раскрывъ глаза, словно не узнавая его, смотрѣла Прасковья Яковлевна.

— Ты... вы какъ попали сюда? только и могъ проговорить онъ.

— Я съ дядей... дѣло есть... Надо было.

А у самой сердце такъ и колотилось. Ей даже дурно дѣлалось, голову кружило.

Василій Герасимовичъ быстро оправился. Онъ даже засмѣялся глядя на нее.

— Я ужь отвыкъ отъ тебя давно. Ну, да дѣлать нечего. Теперь встрѣтила ты меня совсѣмъ чумазаго, въ грязи. Зналъ бы что пріѣдешь—пріодѣлся! А теперь не взыщи: какой есть. Что-жь мы здѣсь въ темнотѣ... Выйдемъ-ко...

Прасковья Яковлевна, какъ только они выбрались на свѣтъ, пытливо окинула взглядомъ Василія Герасимовича. Какъ онъ былъ непохожъ на ея мужа, на ту „цыплячью смерть", отъ которой она бѣжала далеко-далеко. Ей было ужасно досадно на то, что онъ все время говоритъ съ Саввой Кузмичемъ и на нее не обращаетъ вниманія. Должно быть дѣйствительно время, дѣло и заботы вытѣснили ее изъ его памяти. Что-жь, она сама добивалась этого.

— Ты гдѣ-же помѣстилась здѣсь? наконецъ обернулся онъ къ ней.

— Я въ домѣ управляющаго пока.

— Другаго мѣста здѣсь не найдешь, усмѣхнулся онъ.—А вы, Савва Кузмичъ, со мною?

— Съ тобой, съ тобой.

— И отлично... Дайте только мнѣ вымыться да переодѣться. Ну, до свиданія, Паша!

И онъ ласково кивнулъ ей головою, уходя въ контору.

„И не поцѣловался при встрѣчѣ, и голосъ у него не дрогнулъ, точно я ужь совсѣмъ чужая ему?" пронеслось въ ея головѣ.

— Ну, каковъ? спросилъ ее Сластеновъ-старшій.

— Что-й-то и не похожъ совсѣмъ на моего Васеньку... Я и не ждала, правду сказать.

И ей стало такъ тяжело, что она поскорѣе ушла къ себѣ.

Въ отведенной ей комнатѣ, она сѣла на постель, опустила голову, да такъ до обѣда и просидѣла молча, неподвижно. Голова ея горѣла. Ей такъ жаль стало своего прошлаго счастья, такъ горько и досадно сдѣлалось на самоё-себя, что она бы расплакалась, если бы уже въ Москвѣ не выплакала всѣ свои слезы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ обидно спокоенъ съ нею! какъ просто, безъ малѣйшаго смущенія глядитъ на нее, точно на друга—и только. Какъ перемѣнился онъ—онъ, который съ нею былъ такъ робокъ...

Къ ней въ двери постучались.

— И уйду въ монастырь, злобно ужь проговорила она. — И уйду, а вы здѣсь живите и тѣшьтесь. Уйду, разумѣется — ну васъ и съ счастьемъ-то вашимъ!

Опять кто-то стукнулъ ей въ двери.

А если это Васенька? И у нея сердце захолонуло и все лицо ея залилось румянцемъ.

Она вскользь взглянула въ зеркало и тихо проговорила: „войдите“.

Кто-то повернулъ ручку двери — но Наша сейчасъ только вспомнила, что заперла ихъ. Она быстро, все еще горящая смущеніемъ и предчувствіемъ чего-то, подошла къ дверямъ и отперла ихъ. Увы!.. За ними ждала ее горничная.

— Обѣдать пожалуйте.

— А Василій Герасимовичъ еще не приходилъ?

Разумѣется, думала она. если-бы пришелъ—къ ней-бы заглянулъ тотчасъ-же.

И въ этомъ ей пришлось разочароваться.

— Василій Герасимовичъ давно внизу сидятъ. въ гостиной...

— Что-же онъ не зашелъ? вырвалось у нея.

— Не знаю-съ. Они все съ дяденькой ихнимъ.

— Поди у васъ весело здѣсь живется? остановилась Прасковья Яковлевна посреди комнаты и пытливо взглянула на горничную.

— Ну, какое у насъ веселье, барыня! Пьютъ—точно.

— Я слышала, здѣсь у васъ красавицъ много. Василій-то Герасимовичъ—поди какъ развертывается здѣсь... Да и другіе.

— Василій Герасимовичъ? — И дѣвушка усмѣхнулась. — Нашли тоже. Экова буку поискать. Насупится да и смотритъ... Нѣтъ, онъ сурьезный. Къ нему иной разъ и подойти-то не знаешь какъ. По другимъ заводамъ сказываютъ, что монахъ живетъ.

Радостное чувство охватило Прасковью Яковлевну—но она тотчасъ-же опомнилась.

„Все равно ужь теперь!..“ пронеслось въ ея голосѣ. „Онъ смотритъ на меня какъ на чужую“.

Она сошла внизъ, Василій Герасимовичъ всталъ — подошелъ къ ней, подалъ ей руку.

„Поцѣлуется-ли?“ подумала она. Нѣтъ. Хотѣлъ было притянуть ее къ себѣ за руку, да совладалъ съ собою и, пожавъ руку, опустилъ...

Она всмотрѣлась въ него. Смуглое лицо дышало силой и энергіей. Сѣрые глаза—прежде такіе невыразительные и безцвѣтные—смотрѣли рѣшительно и покойно. Василій Герасимовичъ даже красивъ сталъ...

— Что, узнаешь племянника? спросилъ Сластеновъ-старшій.

— Нѣтъ, потупилась Наша. Странно, она теперь при Василіи Герасимовичѣ робѣла такъ-же, какъ робѣла тамъ. при первомъ знакомствѣ съ нимъ, въ той далекой обители.—Нѣтъ... Какъ-же узнать...

Когда она подняла на него глаза, мужъ смотрѣлъ на нее ласково.

— Нѣтъ... нельзя узнать совсѣмъ. Вася... Василій Герасимовичъ, поправилась она,—перемѣнился совсѣмъ... Я слышала...—Она оборвалась, видимо не рѣшаясь сказать... Наконецъ собралась съ силами:—Я слышала, Василій Герасимовичъ, вы... ты ѣхать хочешь...

— Куда? удивился онъ, любуясь ею.

— Въ Англію что-ли, или въ Америку...

Дядя завозился съ тарелкою и покраснѣлъ.

— Я? въ Англію? удивился Сластеновъ.—Съ чего это тебѣ въ голову пришло?

— Какъ съ чего!—дяденька Савва Кузмичъ мнѣ сказалъ.

Василій Герасимовичъ вопросительно всмотрѣлся въ дядю. Савва Кузмичъ выдержалъ его взглядъ и подтвердилъ:

— Вона, самъ-же ты писалъ мнѣ!

— И не думалъ даже. Что мнѣ въ Америкѣ дѣлать! Вы перемѣшали должно-быть.

Прасковья Яковлевна вспыхнула.

— Я думала, ты ѣдешь. Что-жь, я тутъ не причемъ, горько вырвалось у нея.—Поѣзжай если хочешь.

— Да, разумѣется, если-бы надо было, я бы давно уѣхалъ. Что-жь меня удержать можетъ?

— Я тоже... тихо проговорила она.—Я тоже ухожу.

— Куда? удивился мужъ.

— Вотъ, братъ, экая красавица, весело вступился Савва Кузмичъ, — и что-жь-бы ты думалъ: въ монастырь задумала. Спасаться! Отъ какихъ-такихъ грѣховъ... а?

— Какъ въ монастырь? изумился Василій Герасимовичъ.

— Въ обитель, хочу... тихо, совсѣмъ упавшимъ голосомъ заговорила она. — Въ обителяхъ хорошо: тихо, покойно. Отлично въ обителяхъ-то.

— Да съ чего это тебѣ въ голову пришло?

— Что ужь... Надо... Чего-жь мнѣ жить-то!

Она, къ сожалѣнію, не подымала головы, а то бы замѣтила какая тоска на минуту охватила Василія Герасимовича. Онъ сдѣлалъ страшное усиліе и овладѣлъ собою. Когда она наконецъ рѣшилась взглянуть на него, Василій Герасимовичъ уже сидѣлъ опустя голову и ее не видѣлъ.

— Да, въ монастырь... Что-жь мнѣ дѣлать здѣсь-то... Я ужь рѣшила...

— Мы послѣ поговоримъ объ этомъ! вырвалось у Василія Герасимовича.—Послѣ...

— Что ужь тянуть...

— Послѣ, я тебѣ говорю, рѣзко повторилъ онъ.— Глупости!.. Я не позволю тебѣ дурить...

„Не позволю“, „дурить...“

Если бы онъ ударилъ ее—Прасковья Яковлевна была бы не такъ изумлена, какъ въ эту минуту. Что это сдѣлалось съ Васенькой? Савва Кузмичъ весело смотрѣлъ на всѣхъ, и съ каждою минутою ему дѣлалось еще веселѣе... Когда обѣдъ кончился—онъ живо всталъ и ушелъ.

Василій Герасимовичъ всталъ тоже.

Прасковья Яковлевна замѣтила, что онъ хочетъ къ ней подойти... Въ ней все такъ и всполохнулось внутри. Она даже зажмурилась... Но очевидно онъ раздумалъ. Ей послышались шаги, а когда она открыла глаза—Сластеновъ уже выходилъ въ двери.

— Прощай, вечеромъ увидимся... кинулъ онъ ей.

— Куда же ты?

— Къ себѣ теперь... Надо дѣлами заняться.

„Оглянется?“ думала она слѣдя за нимъ. Нѣтъ, не оглянулся...

Василій Герасимовичъ, не догадываясь, что она смотритъ на него, шелъ опустя голову...

Сластенову было горько въ эти минуты.

Онъ самъ вспоминалъ свое, представлявшееся ему теперь такимъ далекимъ счастье. Ужасно далекимъ. Точно изъ бездны какой-то оно смотрѣло на него!... Ему казалось, что между ними все уже кончено — именно въ то самое время, какъ онъ сталъ на ноги, сдѣлался человѣкомъ. „Что-жь, и это надо перенести“.

И какъ ни прикрывался онъ бронею, какъ ни старался думать о ней спокойно, все прошлое вскипало въ немъ и одурманивающимъ туманомъ охватывало голову... Ему жарко становилось, когда онъ думалъ объ этой пышной красавицѣ, носившей его имя, принадлежавшей ему безраздѣльно когда-то. Душно было, когда онъ вспоминалъ давнія, увы! какія давнія теперь ласки ея... Разумѣется съ этимъ надо помириться; счастье для него невозможно—объ этомъ и говорить нечего... Что-жь, придется убить себя на работѣ. Жить для другихъ, жить для всего этого обездоленнаго міра тусклыхъ тружениковъ. Они-то ужь не измѣнятъ ему. Они его любятъ, они ему вѣрятъ — и не онъ обманетъ ихъ довѣріе..

Съ послѣдней выставки въ Император. Академіи Художествъ. „На склонѣ дней“.
Карт. **А. Муратова** (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ **„Нивѣ“**), грав. Шюблеръ.

А старая боль подпималась въ немъ, сердце ныло. Все что еще вчера ему казалось заснувшимъ въ его сердцѣ—мучило и томило его душу... Онъ быстро прошелъ къ себѣ. Ему надо было одному быть теперь, чтобы никто не подсмотрѣлъ, что въ немъ творится. Надо было набраться силъ къ вечеру, чтобы не выдать своихъ страданій, чтобы съ достоинствомъ вынести эти пытливые взгляды... О, нѣтъ, эта женщина не узнаетъ никогда, что творилось въ его сердцѣ. Онъ не доставитъ ей, холодной и спокойной, этого торжества...

Онъ притворилъ свою дверь и сѣлъ къ столу.

Выдвинулъ ящикъ—вынулъ ея портретъ...

Вотъ она... какъ живая. Художникъ писалъ ее еще тогда, когда они только что вернулись въ Москву изъ-за границы... Чудно прекрасная, свѣтлая... Какъ хороша она!.. Какъ прелестно выраженіе этихъ нѣсколько дикихъ глазъ! У молодыхъ сернъ бываетъ такое. И сколько наивности и чистоты въ улыбкѣ этихъ губъ!.. О, тысячу разъ лучше было-бы — если бы онъ ее не зналъ, никогда не зналъ... Если бы она была совершенно чуждой ему женщиной. Встрѣтились въ толпѣ и разошлись... А теперь онъ чувствовалъ, что всю жизнь свою будетъ мучиться воспоминаніями о любви такъ быстро и безъ слѣда отжившей. Прежде бы онъ плакалъ надъ нею—теперь онъ только ощущалъ въ своей душѣ безконечную тоску. Ему, въ которомъ только въ послѣднее время такими могучими инстинктами заговорила жизнь — вдругъ захотѣлось умереть. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ послѣ нея, послѣ ея любви можетъ порадовать его жизнь?.. Онъ наклонилъ голову къ ея портрету, не слыша, что позади скрипнула дверь. И отъ него, отъ этого писаннаго лица — вѣяло на него теплотою и счастьемъ...

Вдругъ чьи-то руки обвили его шею.

Онъ вскочилъ, роняя портретъ на полъ.

— Васенька!.. Прости, если можешь!..

И рыдая, и вся дрожа отъ волненія, и говоря сама не понимая что, она упала на его грудь и замерла на ней... „Прости, прости!“ только и различалъ онъ...

Въ тотъ же день вечеромъ дядя, притворяясь, что онъ ничего не понимаетъ, трунилъ надъ Прасковьей Яковлевной...

— Ну что-же, красавица, скоро въ монастырь? То-то поди изъ тебя монахиня выйдетъ, лучше не надо!

Счастливая и радостная, она опускала голову и краснѣла.

Онъ впрочемъ не оставлялъ и племянника въ покоѣ.

— А тебя я спосылаю въ Америку. Поѣзжай-ка въ самомъ дѣлѣ, что здѣсь зря болтаться! Бери заграничный паспортъ — и маршъ! А Рогожскій домъ вашъ — я ужь такъ и быть внаймы отдамъ.

— Вовсе не нашъ, останавливалъ его Василій Герасимовичъ.

— Поговори еще у меня! злился ужь въ серьезъ Савва Кузмичъ.—Коли не твой—такъ я его племянницѣ дарю... Возьмешь что-ли, Паша?

— Возьму!..

— Вотъ это такъ... И устраивайте вы тамъ вдвоемъ свою обитель, и дай вамъ Богъ въ ней тихаго и мирнаго житія и во всемъ благаго поспѣшенія...

КОНЕЦЪ.

Говѣніе.

(Изъ учебныхъ годовъ стараго барчука).

Евгенія Маркова.

(Продолженіе).

Маленькій польскій нѣмецъ Троянскій, въ своемъ до невѣроятности изношенномъ синемъ вицъ-мундирѣ, постоянно всхлипывающій громаднымъ носомъ, открываетъ шествіе, ковыляя какъ утка на искривленныхъ тонкихъ ножкахъ; широкоплечій полячище Наржевичъ, мрачно завернувшись въ свою гороховую мантію, сверкая изъ нея злыми глазами и какъ тарелка круглою лысиною, обрамленною будто тыномъ торчащими вверхъ пучками волосъ, замыкаетъ аріергардъ колонны, съ нескрываемою враждебностью оглядывая все это шумное мальчишечье стадо, которое онъ гонитъ сзади какъ сердитый пастухъ овецъ.

Лѣниво подпимается наша пансіонская армія по плохо освѣщеннымъ лѣстницамъ, стуча неуклюжими казенными сапогами и наполняя гуломъ своей болтовни оба этажа гимназіи.

Низенькая и длинная зала церкви тоже потонула въ полумракѣ... Только далеко въ глубинѣ свѣтятся кое-гдѣ передъ иконостасомъ подсвѣчники и лампадки... Какія-то черныя великопостныя фигуры уже торчатъ въ разныхъ углахъ по сю сторону рѣшетки, отдѣляющей насъ, гимназистовъ, отъ публики... Грубый топотъ нашихъ сапогъ какъ-то особенно рѣзко и тяжело раздается теперь въ тишинѣ церкви. Вотъ мы уставились длинною вереницею паръ вдоль лѣвой стѣны: счастливчики попали къ стѣнѣ, на которую можно облокотиться и у которой ничего не видно; несчастливчики попали къ краю, на глаза инспектора и надзирателей... Вдоль правой стѣны, по ту сторону длиннаго половика, уже выровнены говѣющіе съ нами вмѣстѣ „волонтеры“. Но въ залѣ такъ темно, что намъ нельзя ни переглядываться съ ними, ни подавать имъ обычные телеграфическіе знаки. А по срединѣ церкви, впереди, на коверчикѣ, раздѣляющемъ наше пансіонское царство отъ волонтеровъ, какъ нарочно уставился самъ инспекторъ, Карлъ Францовичъ Шлеммъ. Хотя онъ природный колбасникъ, стало быть лютеранинъ, какъ всѣмъ намъ доподлинно было извѣстно, однако долженъ подавать намъ примѣръ православнаго благочестія и поэтому всю недѣлю ходитъ съ нами въ церковь, терпѣливо выстаивая съ начала до конца всѣ вечерни и всенощныя, и даже усердно крестясь для примѣра намъ.

Ему, кажется, ни почемъ это стояніе! Раздвинулъ, колбаса, свои жирныя тумбы и стоитъ себѣ на нихъ, не шевельнется цѣлую службу. Только и развлеченья ему, что то и дѣло вытягиваетъ изъ задняго кармана огромный фуляровый платокъ, распуститъ его торжественно какъ парусъ на обѣихъ рукахъ и ну трубить въ свой богатырскій носъ, навзрѣзъ набитый, какъ добрая табакерка, французскимъ табакомъ.

Главный пунктъ моего наблюденія однако не Шлеммъ, а клиросъ, гдѣ стоятъ пѣвчіе. Меня беретъ зависть, зачѣмъ я не въ пѣвчихъ. Тамъ гораздо веселѣе. И всѣ ихъ видятъ, всѣ слушаютъ. Безъ нихъ и служба не можетъ идти. Какіе они, значитъ, важные! А особенно басы. Это прелесть что такое—быть басомъ. Ужь коли басъ, то, конечно, силачъ. Лазаревъ первый басъ у насъ—и первый силачъ. Карповъ—второй силачъ и басъ второй. Ужь это всегда бываетъ такъ. Они всѣ гордятся что басы. Знаютъ, что всѣ смотрятъ на нихъ и всѣ имъ завидуютъ. А спина-то какая у Карпова! Цѣлая сажень!.. Небось что хочетъ подниметъ. Ишь стоитъ какъ, уперся; пожалуй и рѣшетку проломитъ, даромъ что чугунная. Вотъ имъ позволяется стоять какъ хотятъ, и облокачиваться, и все! А мы какъ солдаты на вытяжку должны. Пѣть—все-таки не такъ скучно. То поютъ, то другъ съ другомъ болтаютъ, кто тамъ разслышитъ. А вотъ у насъ — пальцемъ пошевельнешь, сейчасъ ужь четырехглазый очки свои наводитъ, обрадовался, что нашпіонить можетъ... съ смутнымъ чувствомъ недовольства думалось мнѣ.

Какъ нарочно, въ парѣ со мною не кто-нибудь изъ товарищей четвертоклассниковъ, а второклассникъ Есаульченко, конопатый и какъ огонь рыжій мальчуганъ, отчаянный задира. Онъ постоянно насмѣхается надъ моимъ ростомъ и величаетъ меня въ глаза „малюкомъ“, словно какого-нибудь первоклассника. Разговоровъ между нами, разумѣется, не можетъ быть никакихъ, кромѣ презрительныхъ толчковъ локтемъ или ногою. Пробовалъ я кое-какъ объясняться шепотомъ со стоявшимъ черезъ рядъ отъ меня Яруновымъ, дополняя гримасами и жестами то, чего не было ему слышно, но багровый нѣмецкій носъ Шлемма и его сверкающія зеленыя очки вдругъ такъ выразительно повернулись въ мою сторону, что у меня дыханье разомъ оборвалось и языкъ прильпе къ гортани.

А между тѣмъ стоимъ всего только часъ, а еще сколько стоять впереди! Отставишь сначала одну ногу, потомъ другую, потомъ опять первую, потомъ опять вторую, и мучительно считаешь уныло тянущіяся минуты. Со втораго часа догадливые ощущаютъ особенное религіозное рвеніе и опускаются на колѣни. Все-таки легче и покойнѣе. Рядомъ со мною третьеклассникъ Сомовъ даже прилегъ ничкомъ къ полу, будто въ умильномъ земномъ поклонѣ и, кажется, бестія, порядкомъ вздремнулъ въ этой удобной молитвенной позѣ, недоступной ни нѣмецкому, ни польскому глазу.

Все перепробуешь, обо всемъ передумаешь, только одного не думаешь даже пробовать — молиться.

„А вѣдь вотъ Алеша все время молится!“ внутренно уди-

вляюсь я, и чувствую не то укоръ совѣсти, не то зависть. Онъ стоитъ отъ меня черезъ двѣ пары, съ самаго края, вытянувшись прямо, не отставляя, какъ мы, для отдыха то ту, то другую ногу, и кладетъ частые чинные кресты, кланяясь до пояса, весь приствивъ глазами къ алтарю.

„Какъ это Алеша умѣетъ молиться, а вотъ я никакъ не могу!" досадливо вертится у меня въ умѣ. — „Оттого, должно быть, онъ и учится такъ хорошо и все рѣшительно знаетъ, чего не знаетъ у насъ никто. Еслибъ онъ былъ вправду добрый, онъ бы и меня научилъ какъ молиться, и у меня, пожалуй, были бы такіе же хорошіе баллы какъ у него; а онъ, значитъ, притворщикъ, только для себя, чтобы всѣ его хвалили и любили; боится, чтобы я лучше его не былъ". Но хотя у меня на языкѣ и шевелились эти злыя мысли, однако я самъ чувствовалъ, что напрасно клеплю на Алешу и что скверно завидовать брату...

Я оглянулся на него—и меня поразило какое-то воспламененное выраженіе его глазъ; мнѣ показалось, что это стоитъ не нашъ Алеша, а кто-то чужой, мнѣ незнакомый, и вовсе не мальчикъ, не гимназистъ четвертаго класса, а кто-то совсѣмъ серьезный, совсѣмъ большой... Алеша не замѣтилъ моего взгляда, хотя я оставался прикованнымъ къ нему нѣсколько минутъ. Онъ неподвижно смотрѣлъ на большую, освѣщенную лампадами, икону Божіей Матери, которая была ближе всѣхъ къ намъ, и огоньки ея лампадокъ отражались въ его широко раскрытыхъ влажныхъ глазахъ, молитвенно приподнятыхъ вверхъ... Губы его что-то шептали, умиленное и доброе. Онъ казался мнѣ въ эту минуту воплощеніемъ любви и кротости.

Мнѣ сдѣлалось вдругъ такъ стыдно своихъ гадкихъ мыслей, что я покраснѣлъ, несмотря на полумракъ церкви, и сердце мое наполнилось внезапнымъ стремленіемъ нѣжно обнять и расцѣловать своего милаго Алешу. Только что въ задумчивости я отвернулся отъ него, какъ темная боковая дверочка алтаря неслышно пріотворилась—и изъ нея такъ же неслышно, будто шелъ босикомъ по мягкому ковру, вышелъ, направляясь къ Царскимъ дверямъ, весь въ черномъ, потупивъ глаза въ землю, нашъ батюшка...

— Господи, Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми! произнесъ онъ какимъ-то необычнымъ ему, растроганнымъ голосомъ, опускаясь лицомъ до земли передъ запертыми Царскими вратами.

Вся въ полутьмѣ дремавшая церковь, обѣ колонны пансіонеровъ и волонтеровъ, вмѣстѣ съ поляками Троянскимъ и Паржевичемъ, вмѣстѣ съ нѣмцемъ Шлеммомъ, шумно и дружно вдругъ закрестились и опустились на колѣна.

Три раза опускался, три раза вставалъ батюшка, возносл эту покаянную молитву, которой всѣ мы вторили далеко раздававшимся шепотомъ.

У меня вдругъ словно спала съ глазъ какая-то темная завѣса, что-то новое и радостное прилило мнѣ къ сердцу, и припавъ вмѣстѣ со всѣми лицомъ къ полу, я почувствовалъ, что по щекамъ моимъ капаютъ горячія капли...

„Духъ праздности, унынія и празднословія не даждь ми!" растроганно повторялъ я, не отрывая лица отъ полу, переполненный самаго страстнаго желанія всѣмъ простить, у всѣхъ просить прощенья и стать съ этой минуты ко всѣмъ такимъ добрымъ, какимъ никто еще никогда не былъ.

Съ умиленнымъ чувствомъ вслушивался я въ громко раздававшіяся слова давно знакомой молитвы и не узнавалъ ихъ, какъ будто только нынче услышалъ ихъ въ первый разъ.

„Господи! да это нарочно про меня написано... Это все про меня..." изумленно думалось мнѣ. — „Словно въ душѣ у меня кто-нибудь прочелъ все это... И какъ все вѣрно, какъ поразительно вѣрно!.. И какъ это я не замѣчалъ ничего до сихъ поръ?"

— Ей Господи Царю! даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего! своимъ строгимъ голосомъ закончилъ батюшка, неспѣшно поднимаясь съ колѣнъ.

Но я не поднимался, я все еще лежалъ ничкомъ къ землѣ, въ слезахъ и мучительныхъ думахъ.

„Вотъ именно, именно такъ!.." укорялъ я самъ себя. — „Я только и дѣлаю, что другихъ осуждаю, насмѣхаюсь надъ всѣми... „Не осуждати брата моего", а я какъ нарочно всю всенощную Алешу осуждалъ... А онъ настоящій святой, онъ такъ молится, онъ такой умный, добрый... Въ сто разъ лучше меня... Господи! даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего!" въ новомъ обильномъ приливѣ слезъ закончилъ я.

Эти слезы совсѣмъ облегчили меня, но я долго боялся подняться, чтобы не выдать тайны своего сердца второклассику Есаульченку, который, пожалуй, ужъ и теперь замѣтилъ что-нибудь. Наконецъ я тайкомъ высморкался, не поднимая головы, наскоро отеръ кулаками слезы и всталъ на ноги, старательно отвертываясь отъ своего враждебнаго сосѣда.

И какъ нарочно, несмотря на мою твердую рѣшимость быть добрымъ и всѣмъ прощать и у всѣхъ просить прощенья, я уже внутренно бѣсился на наглаго второклассника, который глядѣлъ своими отвратительными глазами съ нескрываемою насмѣшкою на мои внезапные поклоны и кресты.

Вотъ бы отколотить чертенка этого, когда станемъ сходить съ лѣстницы..." обдумывалъ я. — „На второмъ поворотѣ почти совсѣмъ темно, и стоитъ только мигнуть Ярунову!.."

Но какой-то другой я, тотъ самый что расчувствовался глядя на молящагося Алешу, поймалъ меня, драчуна, на этихъ недостойныхъ замыслахъ и пристыдилъ до того, что я опять сгорѣлъ отъ смущенья, хотя очевидно никто не могъ видѣть ни моего конфуза, ни моихъ грѣшныхъ мыслей.

„Вотъ такъ-то я всегда!" съ досадой думалось мнѣ.—„Хочу такимъ же быть какъ Алеша, и думать какъ онъ начну... А чуть что — все по старому пошло! Въ церкви вотъ, кажется, стою, молюсь, собираюсь не осуждать никого, а самъ о дракѣ думаю..."

Я постарался не думать больше объ Есаульченкѣ и сталъ съ усиліемъ вслушиваться въ то, что читали и пѣли. Но я уже никакъ не могъ напасть на прежнее молитвенное настроеніе, которое такъ неожиданно охватило сладостнымъ огнемъ мою душу.

Всѣ усилія мои молиться и креститься выходили холодными, вымученными, чуть не притворными. Только уже въ концѣ всенощной, когда запѣли „Отъ юности моея мнози борятъ мя страсти", что-то опять сначала будто оборвалось и доской сдавило мнѣ сердце, потомъ вдругъ поднялось съ какою-то радостною силою, словно крылья выросли у меня, и я готовъ былъ смѣло летѣть на нихъ навстрѣчу будущему...

Никакого смиренья и умиленья не чувствовалъ я, а меня наполняла смѣлая вѣра въ то, что я непремѣнно стану съ этихъ поръ добрымъ и благороднымъ, и что Богъ будетъ меня очень любить за это и пошлетъ мнѣ все, чего мнѣ хочется.

Но къ самому концу службы душа моя опять остыла, и я съ полнымъ равнодушіемъ вышелъ изъ церкви, весь занятый разсмотрѣніемъ стоявшихъ позади учителей и надзирателей.

Однако меня тянуло поговорить съ Алёшей, чтобы почерпнуть у него что-нибудь для себя нужное. Его не было ни въ классѣ, ни въ коридорѣ. Между тѣмъ, черезъ полчаса пойдутъ въ спальни—и ужъ намъ съ нимъ, значитъ, не переговорить. Наконецъ, я нашелъ его одиноко бродящимъ въ глухомъ поворотѣ къ буфету, гдѣ было почти темно, и гдѣ мы не любили ходить.

— Тебѣ что? недовольнымъ голосомъ окликнулъ меня Алёша.

Я шелъ съ такими хорошими намѣреніями и съ такими добрыми чувствами къ своему Алешѣ, что его безпричинный досадливый тонъ окатилъ меня какъ ушатъ холодной воды...

— Ничего... такъ себѣ иду... тоже раздраженнымъ голосомъ отвѣтилъ я.—Развѣ коридоръ у тебя на откупу?.. Всякій можетъ ходить гдѣ хочетъ...

— Нигдѣ отъ васъ не спрячешься... Исповѣдаться завтра—такъ и то одного не оставятъ!.. еще болѣе сердито пробурчалъ Алеша и большими шагами повернулъ прочь.

Мнѣ было больно до слезъ, что Алеша такъ грубо отталкивалъ мое нѣжное движенье къ нему, даже и не подозрѣвая, что я искалъ его какъ своего учителя и совѣтника. Но самолюбіе мое уже не позволяло мнѣ объяснить ему, зачѣмъ я здѣсь, и я съ притворнымъ презрѣніемъ тоже проворчалъ сквозь зубы:

— Убирайся самъ отсюда, вотъ и будешь одинъ...

А сердце мое въ то же время надрывалось отъ горькаго чувства обиды и несправедливости.

„Онъ объ себѣ только думаетъ... А это забылъ, что я ему младшій братъ, что онъ долженъ во всемъ помогать мнѣ..." укоризненно думалось мнѣ. — Вотъ онъ всегда такой! Хочешь ему душу свою открыть, а онъ бѣжитъ какъ отъ какого-нибудь первоклассника... воображаетъ, что съ такимъ умникомъ, какъ онъ, ужъ и говорить никто не можетъ..."

Я едва не расплакался громко, но продолжалъ ходить, сердито сверкая налитыми слезой глазенками и инстинктивно сжимая кулаченки.

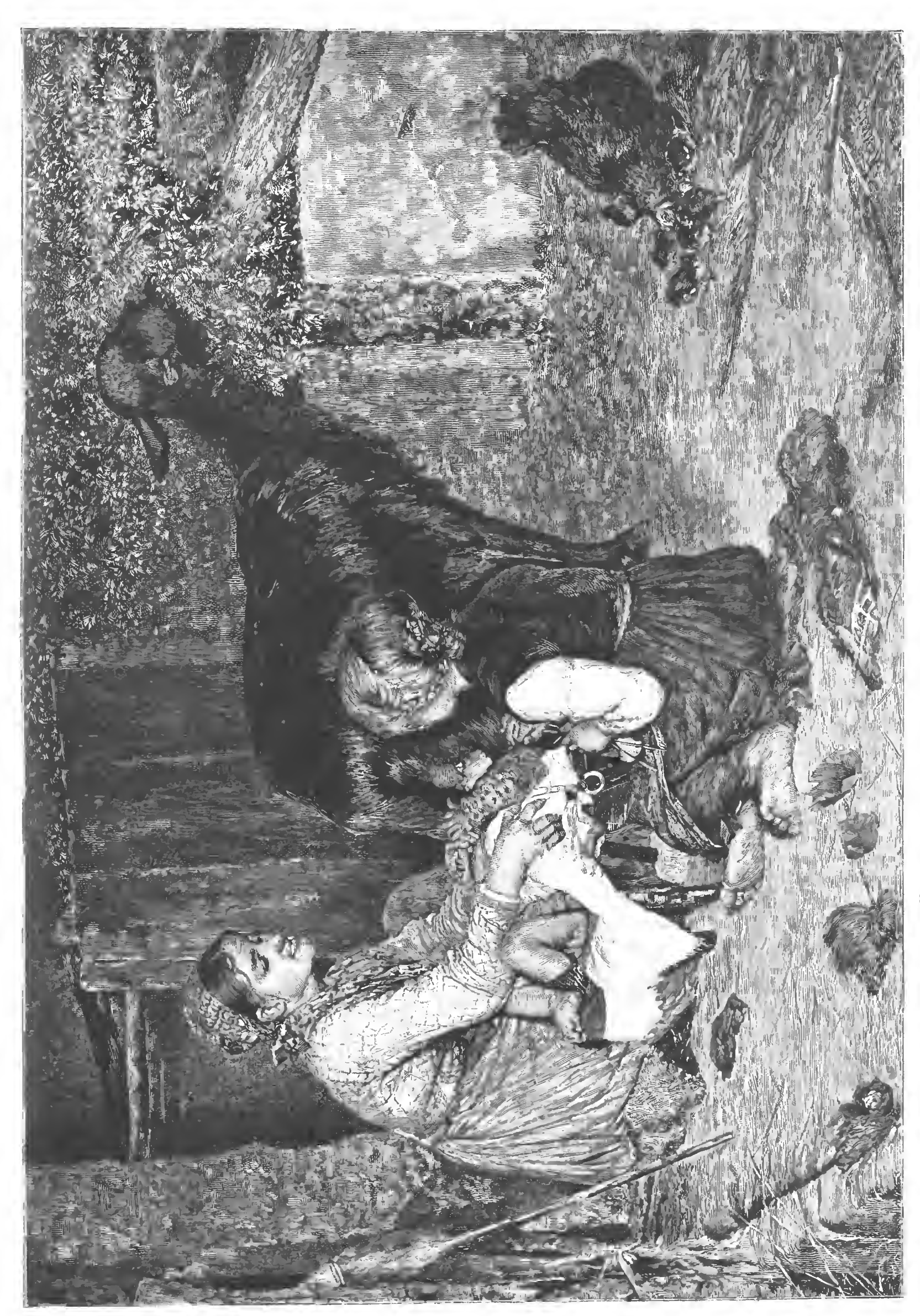
III.

У исповѣди и причастія.

Мнѣ не спалось, когда мы разошлись по спальнямъ; я все не могъ забыть оскорбительной выходки Алеши и всячески осуждалъ его. Вдругъ мнѣ припомнились его слова: „исповѣдаться завтра, такъ и то одного не оставятъ!" „А я вѣдь и забылъ совсѣмъ, что завтра надо исповѣдаться. А когда исповѣдуешься, конечно же, нужно припомнить всѣ свои грѣхи, всю свою жизнь... Невозможно же болтать въ эти минуты... Отъ этого Алеша и ходилъ одинъ... И отлично дѣлалъ, разумѣется. Онъ никогда не дѣлалъ ничего понапрасну. А вотъ я, съ дуру, ничего не понимая, полѣзъ къ нему какъ баранъ, да еще и обижаюсь... вотъ дуракъ-то, по правдѣ сказать!.. Вѣдь онъ же не зналъ, зачѣмъ я иду, думалъ, вздоръ какой-нибудь болтать, какъ всегда. И конечно, онъ долженъ былъ прогнать меня... А я обижаюсь съ дуру!.. Какъ, однако, я глупъ! Я рѣшительно ничего не понимаю. Какое сравненье съ Алешей! Онъ все какъ большой понимаетъ, какъ самый умный большой! И вдругъ я-то хочу такимъ какъ онъ сдѣлаться?.."

Я даже презрительно разсмѣялся надъ собою, лежа подъ рѣдкимъ фланелевымъ одѣяломъ, которое натянулъ на самую голову.

Невиданное явленіе. Ориг. рис. (собств. „Нивы") И. Волкова, автотипія мастерской „Нивы".



Коза-кормилица. Съ карт. П. Каппичи. грав. А. Чентепари.

„Нѣтъ, надо попросить прощенья у него! По христіански! Надо и у Есаульченки попросить прощенья...“ шевелилось у меня въ сердцѣ. „Батюшка правду говорилъ вчера: „„да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ““. А завтра еще исповѣдаться! И за что я на нихъ сердился? Самъ не знаю! Просто дьяволъ сбиваетъ...“ „Не введи насъ во искушеніе и избави насъ отъ лукаваго!“

Алешина кровать была отъ меня коекъ черезъ шесть, въ другомъ ряду.

Я приподнялся на постели и оглядѣлъ спальню. Огромная комната, уставленная однообразными бѣлыми кроватями, на которыхъ виднѣлись теперь то вытянутые какъ мертвецы, то свернутые въ калачикъ, будто узлы бѣлья, спящіе пансіонеры,—была уже погружена въ молчанье; изъ разныхъ угловъ ея, тонувшихъ въ дрожавшемъ полумракѣ отъ скудно горѣвшихъ кое-гдѣ сальныхъ свѣчей въ жестяныхъ шандалахъ, налитыхъ водою,—уже слышались перебивавшія другъ друга на разные тоны и темпы вздыханья и сопѣнья заснувшихъ. Только изъ самаго дальняго, совсѣмъ ушедшаго въ темноту ряда кроватей, гдѣ спали семиклассники, слышался сдержанный басистый шепотъ Карпова, съ кѣмъ-то таинственно бесѣдовавшаго...

„Пойду я къ Алешѣ, теперь никто не видитъ, а онъ еще должно-быть не спитъ... должно-быть все грѣхи свои припоминаетъ... Завтра исповѣдаться, такъ нужно помириться со всѣми...“

Я всталъ босыми ногами на полъ, и еще разъ прислушавшись къ странному хаосу звуковъ, наполнявшихъ спальню, осторожно сталъ пробираться между кроватями, боясь задѣть за чье-нибудь одѣяло и подозрительно всматриваясь въ спящія лица.

Вдругъ какіе-то хохочущіе глаза неожиданно сверкнули на меня изъ-подъ одѣяла, отъ подушки отдѣлилась огненно-рыжая, ежикомъ остриженная головешка, и рогатая рожа Есаульченки ядовито ухмыльнулась мнѣ навстрѣчу:

— Куда это пробираешься, волчушка?.. Стибрить, вѣрно, что-нибудь хочешь?.. насмѣшливымъ шепотомъ спросилъ онъ.

Я пугливо вздрогнулъ, но овладѣлъ собою и отвѣтилъ ему какъ только могъ кротко:

— Простите меня, Есаульченко, если я васъ чѣмъ-нибудь обидѣлъ. Я завтра исповѣдуюсь...

И торопливо, будто бѣжалъ Богъ вѣсть отъ какого стыда, прошмыгнулъ дальше, чтобы не слышать обидныхъ острогъ второклассника.

Къ кровати Алеши я приблизился на цыпочкахъ. Алеша лежалъ неподвижно на лѣвомъ боку, обтянутый какъ мумія въ одѣяло. Когда я пригнулся посмотрѣть ему въ лицо, чтобы узнать, спитъ-ли онъ, меня сейчасъ же встрѣтили его большіе серьезные глаза, глядѣвшіе прямо на меня и словно меня ждавшіе.

— Алеша, ты не спишь?.. неувѣреннымъ, смущеннымъ голосомъ сказалъ я.—Давай помиримся... Завтра исповѣдоваться... Прости меня, если я тебя обидѣлъ...

Слезы навернулись у меня на глазахъ, и я полѣзъ цѣловать Алешу. Мнѣ казалось въ эту минуту, что я необыкновенно нѣжный и добрый братъ, что Алеша сознаетъ это и глубоко раскаивается, и мнѣ ужасно хотѣлось плакать отъ какого-то невыразимо сладкаго чувства.

— Прости и ты меня, Гриша, ласково отвѣтилъ Алеша. — Ты вотъ вспомнилъ... А я забылъ!.. Развѣ ты еще не спишь?

— Я не сплю. Завтра исповѣдаться, и я все думаю...

— Да, да... Это хорошо. Это нужно, Гриша. Ты это хорошо дѣлаешь... Я вотъ тоже все думаю... Вѣдь это очень страшно—исповѣдоваться...

— Отчего же страшно, Алеша? шепотомъ спросилъ я, прижимаясь къ Алешиной подушкѣ и охваченный какимъ-то жуткимъ чувствомъ.

— Да вѣдь передъ Кѣмъ мы будемъ? Мы передъ Самимъ Богомъ будемъ стоять, передъ престоломъ Его... Ему отвѣчать будемъ... Такъ какъ же не страшно!..

— Развѣ мы будемъ видѣть Его? еще тише прошепталъ я, отъ страха пряча лицо въ подушку.

— Хоть и не будемъ видѣть, а все-таки почувствуешь... Священникъ вѣдь Его именемъ спрашиваетъ... И Онъ тутъ... Онъ видитъ и знаетъ все, что у насъ въ душѣ... Страшно это, Гриша... Въ душѣ у насъ столько грѣховъ...

— Что же дѣлать, Алеша? безсильно прильнувъ къ постели и весь дрожа, спрашивалъ я.

— Надо, Гриша, покаяться въ своихъ грѣхахъ... Если мы покаемся искренно, Богъ все проститъ.

— Я не умѣю, Алеша; а ты умѣешь?.. Научи меня... горячо сказалъ я, съ вѣрою вглядываясь въ его задумчивые глаза...

Алеша нѣсколько минутъ молчалъ и неподвижно смотрѣлъ мимо меня куда-то вдаль. Наконецъ онъ сказалъ со вздохомъ:

— Нѣтъ, Гриша, я тоже не умѣю... Откуда мнѣ умѣть! Ты вотъ добрѣе меня, пришелъ ко мнѣ прощенья просить... А я былъ виноватъ... Тебѣ Богъ скорѣе проститъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Алеша! Что ты говоришь!.. Я гораздо хуже тебя! искренно возмущенный перебилъ я его.—Развѣ можно сравнить... Я и не молюсь никогда... всю всенощную такъ прозѣвалъ... А ты все молился. Ты думаешь, я не видѣлъ? А Богъ-то еще лучше видитъ. Оттого ты и знаешь все, и всѣ тебя любятъ... и Богъ тебя всегда будетъ любить больше всѣхъ насъ!

— Дурачекъ, дурачекъ! улыбнулся Алеша. — Полно тебѣ вздоръ молоть!.. Никто не знаетъ, кого Богъ любитъ больше. А ты вотъ помолись лучше Богу хорошенько. Это ничего, что лежа. Закройся одѣяломъ съ головой, чтобъ никто не видалъ, да и молись себѣ... Я всегда такъ дѣлаю. Богу вѣдь все равно, лежишь ты или стоишь, лишь бы было отъ сердца... Иди же себѣ, вѣдь пора!.. Къ исповѣди надо раньше вставать...

Мы еще разъ нѣжно поцѣловались, и я такъ же тихо и осторожно побрелъ босикомъ назадъ, нѣсколько разъ съ любовью оглядываясь на своего милаго Алешу.

Когда я уже былъ за четыре кровати отъ него, онъ вдругъ приподнялся надъ подушкой и прошепталъ ласковымъ шепотомъ:

— Прощай, Гришечка!.. покойной ночи...

И мое восхищенное сердце облилось приливомъ любви и благодарности.

(Оконч. въ слѣд. №).

Законъ наслѣдственности.

Однимъ изъ важнѣйшихъ законовъ природы является законъ наслѣдственности.

Наблюдая природу, каждый ежедневно убѣждается, что все живое, появляющееся на свѣтъ, несетъ въ себѣ извѣстные опредѣленные задатки, которые въ зависимости отъ воспитанія или развиваются дальше, или же уничтожаются, какъ ненужные. Съ другой стороны, каждое поколѣніе передаетъ слѣдующимъ за нимъ какъ свои хорошія качества, такъ и дурныя. Такимъ образомъ, наслѣдственность является исходнымъ пунктомъ улучшенія, прогресса, и вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ ухудшенія, регресса, вообще слѣдовательно средствомъ для полученія новыхъ расъ.

Всеобъемлющій законъ этотъ не имѣетъ исключеній и запечатлѣнъ на каждомъ существѣ вселенной. Къ этому нужно прибавить, что всякая новая особенность, появившаяся въ организмѣ, имѣетъ наклонность въ немъ закрѣпиться при помощи того же закона наслѣдственности. Лишь только какой-нибудь организмъ измѣнился въ ту или другую сторону, его потомство появляется съ тѣми же измѣненіями. Если же измѣненіе постепенно растетъ при переходѣ изъ одного поколѣнія въ другое, то получается организмъ сильно отличающійся отъ своего первоначальнаго предка.

Обратимся, напримѣръ, къ растеніямъ, которыя растутъ въ большихъ садахъ: какое богатство красокъ и формъ цвѣтовъ видимъ мы здѣсь на каждомъ шагу! Тѣмъ не менѣе всѣ эти великолѣпные цвѣты — лишь искусственно выведенныя разновидности, которыя произошли отъ дикихъ, скромно цвѣтущихъ растеній, измѣненныхъ культурою и при помощи искусственнаго оплодотворенія и передавшихъ эти измѣненія своимъ позднѣйшимъ потомкамъ.

Если мы удивляемся этому замѣчательному развитію желаемыхъ намъ особенностей въ нашихъ цвѣточныхъ растеніяхъ, то не менѣе поразителенъ тотъ же законъ наслѣдственности и въ нашихъ овощныхъ растеніяхъ. Стоитъ только вспомнить о всѣмъ извѣстныхъ и столь полезныхъ сортахъ капусты (цвѣтная, фіолетовая, кочанная, савойская и мн. др.), которые можетъ-быть всѣ происходятъ отъ одного дикаго вида капусты, растущаго на югѣ Европы, и мы невольно должны удивляться настойчивости огородниковъ-культиваторовъ, съ которою примѣняли они вышеуказанный законъ къ этимъ растеніямъ, отличающимся столь большою способностью измѣняться.

Обратившись къ нашимъ плодовымъ деревьямъ, мы увидимъ то же самое. Если не всѣмъ, то очень многимъ изъ нашихъ читателей приходилось встрѣчать въ лѣсу дикую яблоню и пробовать плоды съ нея, отличающіеся своимъ кислымъ, вяжущимъ вкусомъ. Между тѣмъ всѣ наши цѣнныя плодовыя деревья, вкусные и сочные плоды которыхъ являются въ видѣ пріятнаго украшенія на столѣ богатаго и бѣднаго, всѣ они не что иное, какъ потомки этихъ дикихъ формъ, облагороженныхъ прививкою хорошихъ сортовъ.

Если всѣ эти примѣры закрѣпленія при помощи наслѣдственности пріобрѣтенныхъ особенностей въ мірѣ растеній представляютъ большой интересъ для всякаго любителя природы, тѣмъ болѣе это относится къ животнымъ, къ которымъ все это примѣнялось въ болѣе широкомъ объемѣ и дало еще болѣе поразительныя явленія. Нельзя не удивляться успѣхамъ скотоводства уже въ довольно раннемъ періодѣ развитія этой отрасли сельскаго хозяйства. Дѣло дошло до того, что разводятъ „рогатый скотъ“ — безрогій, затѣмъ любой части

тѣла могутъ дать по желанію болѣе возможности развиться, другой—менѣе. Пользуясь закономъ наслѣдственности, скотоводы стали утилизировать ту или другую уродливость, аномалію въ организаціи, лишь только находили ее выгодною или оригинальною.

Эта новая наука объ измѣненіи расъ сдѣлала теперь такіе успѣхи, что пріобрѣтаетъ со дня на день все бóльшее значеніе. Внѣ всякаго сомнѣнія, что теперь можно себѣ заказывать скотъ по своему желанію—точно такъ же почти, какъ заказываемъ столяру мебель; мы всегда будемъ удовлетворены, хотя и придется ждать исполненія заказа годами.

Одинъ помѣщикъ былъ очень недоволенъ стадами своихъ овецъ за то, что онѣ перепрыгивали загородки и портили посѣвы. Однажды онъ замѣтилъ среди своихъ стадъ новорожденнаго ягненка съ длинною спиною и короткими кривыми ногами, какъ у таксы. Сообразивъ, что если всѣ его овцы будутъ имѣть это же уродство, онѣ не смогутъ больше портить его полей, перепрыгивая чрезъ заборы, онъ рѣшилъ сдѣлать этого ягненка родоначальникомъ новой расы, названной Анконскою. Еще интереснѣе слѣдующій случай. У другаго помѣщика, изъ приплода мериносовъ одинъ ягненокъ отличался особенно длинною, гладкою и шелковистою шерстью. Отъ него онъ вывелъ новую породу, которая расплодилась до того, что онъ началъ продавать ея представителей. Шерсть, полученная съ этихъ овецъ, заслужила на послѣдней большой Лондонской выставкѣ первую награду; вслѣдствіе своихъ высокихъ качествъ, она цѣнится на 25% выше лучшей мериносовой шерсти. Если бы не былъ въ точности извѣстенъ способъ происхожденія обѣихъ названныхъ породъ овецъ, трудно было бы себѣ представить, что онѣ происходятъ отъ одной и той же породы, до того искусственно выведенныя расы различаются между собою.

Ни одно изъ нашихъ домашнихъ животныхъ не подверглось вліянію наслѣдственности въ большей степени, чѣмъ собака. Выводить-ли ея происхожденіе отъ волка или отъ какого-нибудь неизвѣстнаго намъ вида животныхъ—все равно: у насъ такъ много собачьихъ породъ, что найти, которая изъ нихъ ближе стоитъ къ своему дикому родичу и которая, слѣдовательно, должна считаться родоначальникомъ всѣхъ нашихъ собакъ—дѣло теперь невозможное. Да и кто бы взялся перечислить всѣ породы и разновидности ихъ? Всѣ извѣстныя гончія, бульдоги, пинчеры, сетеры, мопсы, африканскія, шпицы, пуделя, таксы и т. д.,—всѣ различаются величиною, видомъ, умственнымъ развитіемъ, а между тѣмъ всѣ они являются продуктомъ измѣненія одной лишь породы въ теченіе продолжительнаго періода. Это послѣднее предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что изъ всѣхъ животныхъ собака была первымъ, которое приручилъ человѣкъ, и до сихъ поръ, въ продолженіе многихъ тысячелѣтій, остается его вѣрнымъ другомъ. А развѣ лай собаки не благопріобрѣтенное качество? Давно извѣстно, что дикія собаки не лаютъ и что всѣ собаки, внѣ общества людей, только воютъ. Двѣ собаки, привезенныя Макензи въ Англію изъ Западной Америки, продолжали выть и въ своемъ новомъ отечествѣ, тогда какъ ихъ потомство, родившееся въ Европѣ, не имѣло уже этой дикой привычки и выражало свои чувства болѣе благороднымъ образомъ—лаемъ, что передалось и слѣдующимъ поколѣніямъ.

Во многихъ породахъ животныхъ нѣкоторыя ихъ качества, постепенно развивавшіяся отъ поколѣнія къ поколѣнію, пріобрѣли значеніе характерныхъ ихъ отличій, напр., понятливость и рѣзвость многихъ лошадей, тонкость чутья у хорошихъ охотничьихъ собакъ, хитрость лисицы и т. п. Даже уродливости и расположеніе къ различнымъ болѣзнямъ подчинены закону наслѣдственности. Такъ, было замѣчено, что одинъ кроликъ въ числѣ другихъ произвелъ кролика съ однимъ ухомъ—и отъ этого послѣдняго получилась новая раса кроликовъ, постоянно отличавшаяся этимъ уродствомъ. Съ другой стороны, корова, вслѣдствіе болѣзни потерявшая одинъ рогъ, дала потомство, имѣвшее тотъ же недостатокъ.

Чѣмъ выше организмъ стоитъ въ ряду живыхъ существъ, тѣмъ сильнѣе подпадаетъ вліянію закона наслѣдственности. Послѣдній вліяетъ сильнѣе на животныхъ, чѣмъ на растенія, и на человѣка больше, чѣмъ на животное. Человѣкъ не только подверженъ вліянію наслѣдственности съ той стороны, какъ мы это встрѣчаемъ среди растеній и животныхъ, но еще со стороны страданій и господствующихъ нравственныхъ влеченій, которыя незнакомы животнымъ, а также и со стороны временныхъ наклонностей, которымъ онъ подпадаетъ благодаря своей свободѣ.

Всѣ недостатки, равно какъ и хорошія качества физической и нравственной природы человѣка могутъ развиваться на почвѣ наслѣдственности; такъ же какъ красота или отсутствіе ея въ чертахъ лица. „У него лицо такого-то..." услышите иногда, и въ самомъ дѣлѣ встрѣчаются глаза, носъ, ротъ или лобъ, который непремѣнно является у всѣхъ членовъ извѣстной фамиліи, такъ что служитъ ея характернымъ признакомъ. Можно привести много примѣровъ, что дѣти наслѣдуютъ особенности одного изъ своихъ родителей, а что это не случайное совпаденіе—доказывается тѣмъ, что нерѣдко оно повторяется у внуковъ и правнуковъ.

Какъ часто приходилось, я думаю, всякому замѣчать унаслѣдованный дѣтьми отъ родителей характеръ походки, движеній руки и голосъ! точно такъ же каждому извѣстно, что темпераментъ, взаимное соотношеніе или несоотвѣтствіе членовъ тѣла и недостатки всякаго рода подлежатъ закону наслѣдственности.

Общеизвѣстенъ фактъ, что часовщики и рѣзчики по металламъ въ большинствѣ случаевъ страдаютъ близорукостью, тогда какъ моряки и дикари, наоборотъ, очень дальнозорки. И то, и другое передается часто наслѣдственно. Европейцы, напримѣръ, очень сильно уступаютъ дикарямъ въ остротѣ зрѣнія и другихъ чувствъ; уменьшеніе упражненія ихъ, переходя изъ рода въ родъ, вызвало это ослабленіе дѣятельности органовъ чувствъ. Многіе путешественники говорятъ, что европейцы, родившіеся и выросшіе среди индѣйцевъ, далеко уступали послѣднимъ въ остротѣ своихъ чувствъ. Недостатокъ, заключающійся въ томъ, что люди косятъ глазами, равно какъ помутнѣніе хрусталика сплошь и рядомъ встрѣчается у лицъ, родители которыхъ имѣли эти же недостатки. Даже совершенная слѣпота и глухота можетъ наслѣдственно передаваться.

Наслѣдственность часто закрѣпляетъ въ потомствѣ привычки, совершенно невиннаго характера, бывшія у родителей. Такъ, одинъ ученый разсказываетъ, что нѣкто имѣлъ привычку засыпать лежа на спинѣ и перекинувъ правую ногу на-крестъ черезъ лѣвую. Одинъ изъ его сыновей съ самаго почти дня своего рожденія постоянно имѣлъ ту же привычку, несмотря на всѣ попытки отучить его отъ этого. Дарвинъ говоритъ, что въ числѣ его знакомыхъ былъ субъектъ, который, еще въ дѣтствѣ, когда онъ бывалъ особенно доволенъ или радостно возбужденъ, начиналъ быстро двигать пальцами параллельно другъ другу; если же его радость возрастала, то, продолжая то-же движеніе пальцами, онъ нодымалъ обѣ руки къ щекамъ до высоты глазъ. Въ болѣе солидномъ возрастѣ онъ прилагалъ всѣ старанія отучиться отъ своей странной привычки, возбуждавшей въ зрителяхъ смѣхъ. Изъ восьми его дѣтей трое уже въ возрастѣ 4 или 5 лѣтъ продѣлывали точь-въ-точь то же самое, лишь только оставались одни. Одна женщина имѣла привычку играть при помощи своей правой руки прядью своихъ волосъ. Новорожденный сынокъ ея, не видавшій своей матери, такъ какъ она въ родахъ и скончалась, имѣлъ эту же привычку уже съ семи-лѣтняго возраста.

Къ несчастію, для наслѣдственнаго закрѣпленія какой-нибудь особенности оказывается безразличнымъ, полезна-ли эта особенность для организма или приноситъ ему вредъ. Можно привести цѣлый рядъ наслѣдственно передаваемыхъ недостатковъ и наклонностей къ извѣстнымъ болѣзнямъ, которые неуклонно передаются слѣдующимъ поколѣніямъ. Особенно рѣзкіе примѣры представляютъ ревматизмъ, эпилепсія (падучая), астма, чахотка, чрезмѣрное кровоизліяніе при малѣйшихъ пораненіяхъ и т. д.

Мы видѣли до сихъ поръ, что всѣ особенности физической природы родителей передаются преемственно потомкамъ—и только незначительныя привычки и нѣкоторыя болѣзни подлежатъ изъятію изъ этого закона. Переходъ къ дѣтямъ склонностей и симпатій родителей представляетъ также часто замѣчаемое явленіе какъ въ жизни животныхъ, такъ и человѣка. Такъ, передается склонность къ скупости или бережливости, легкомыслію и веселости или угнетенности и меланхоліи, къ состраданію или жестокости, къ картежной игрѣ и пьянству, къ энергіи или слабости характера, къ домовитости, благочестію, или къ сумасшествію и самоубійству. Даже болтливость или молчаливый характеръ передается наслѣдственно.

Конечно, нельзя отрицать, что въ высшей степени развитые родители иногда имѣютъ дѣтей слабоумныхъ; равнымъ образомъ, прекрасные родители иногда огорчены тѣмъ, что ихъ дѣти—негодяи; но вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримо и то, что родители съ разстроенною организаціей никогда не имѣли потомства, превосходящаго ихъ въ этомъ отношеніи.

Мы здѣсь коснемся лишь одного случая, чтобы указать, что дѣти родителей-пьяницъ не только бываютъ подвержены этому пороку, но кромѣ того, часто страдаютъ слабоуміемъ, падучею и другими недугами, которые отравляютъ ихъ жизнь. По Хове, изъ 300 идіотовъ въ штатѣ Масачусетсъ половина слишкомъ происходила отъ родителей-пьяницъ. Какъ извѣстно, алкоголь преимущественно дѣйствуетъ на мозгъ—и лишь только этотъ нѣжный, чрезвычайно богатый кровеносными сосудами органъ потерпѣлъ поврежденіе, наслѣдственность передаетъ его потомству въ видѣ того или другаго недостатка или болѣзни.

Эта истина еще не всѣмъ знакома въ той степени, какъ она того заслуживаетъ по своей важности для человѣчества, не смотря на то, что она вовсе не нова. Уже за 2,000 лѣтъ до нашихъ дней греческіе мудрецы занимались этимъ чрезвычайно важнымъ вопросомъ—и Платонъ весьма рѣшительно высказывался, предупреждая объ этомъ.

Если пьянство отражается такъ скверно, то дурныя страсти должны еще болѣе имѣть вліянія на характеръ потомства, хотя обнаружить это нѣсколько труднѣе. Невозможно, чтобы

низкія удовольствія, глубокая ненависть, закоренѣлая зависть и т. п. оставались безъ послѣдствія для потомства. Поэтому великое счастье для человѣчества заключается въ томъ, что наслѣдственность передаетъ потомству доброе и прекрасное въ большей степени, чѣмъ худое и злое. Если бы это было иначе, человѣчество давно бы погибло, а между тѣмъ, благодаря все тому же закону наслѣдственности, человѣчество какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ далеко ушло отъ своего первобытнаго дикаго состоянія и все еще продолжаетъ развиваться дальше.

Парижскій профессоръ Брока изслѣдовалъ емкость 384 череповъ, собранныхъ со старыхъ парижскихъ кладбищъ, и сравнилъ со среднею емкостью черепа нынѣшнихъ обитателей всемірной столицы. Въ результатѣ его интересныхъ изслѣдованій оказывается, что вмѣстимость черепа за послѣднія семь столѣтій увеличилась у парижанъ не менѣе какъ на 35 кубическихъ сантиметровъ. То же самое получается при сравненіи череповъ дикарей съ черепами народовъ культурныхъ, несомнѣнно доказывающемъ, что размѣры мозга вслѣдствіе культуры увеличились. Поэтому человѣкъ умный, съ мозгомъ большаго объема, склоненъ передавать эту особенность своему потомству, у котораго далѣе она затѣмъ еще возрастаетъ. Само собою разумѣется, что весь этотъ процессъ продолжался въ теченіе многихъ столѣтій или даже тысячелѣтій, чтобы образовалась такая громадная разница.

Едва-ли нужно еще говорить о томъ, что вслѣдствіе наслѣдственной передачи нравственныхъ и умственныхъ способностей, человѣчество имѣетъ возможность къ безпредѣльному умственному развитію, такъ какъ каждое поколѣніе закрѣпляетъ въ своемъ мозгу усвоенный опытъ и умственное развитіе, которое переходитъ всецѣло къ слѣдующему поколѣнію.

„Первобытный человѣкъ“, говоритъ Рибо, „предоставленный безъ знаній и опыта на волю своихъ страстей и наклонностей, лишь очень медленно могъ подняться до своего идеала. Поэзія, знаніе и обычаи, важнѣйшія выраженія человѣческой души, все это является драгоцѣннѣйшимъ и довольно позднимъ плодомъ работы безчисленнаго числа поколѣній. Идеалъ открылся далеко не сразу и не во всей своей полнотѣ, это совершалось лишь съ очень большою постепенностью. Человѣчество неуклонно стремится во время своего побѣдоноснаго шествія откинуть все, что является остаткомъ низшаго его состоянія, всѣ дурныя наклонности, которыя представляются какъ бы обрывками первобытныхъ склонностей, все еще появляющихся, но все слабѣе и слабѣе, чтобы заставить насъ вспоминать объ нашемъ низкомъ состояніи, изъ котораго мы вырвались“.

И такъ, законъ наслѣдственности есть крайне важный рычагъ нашего прогресса и развитія, но также и нашего регресса и паденія; а потому мы сами должны заботиться о томъ, чтобы человѣчество будущаго все ближе подходило къ идеалу истиннаго человѣка и чтобы каждый изъ насъ стремился быть человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Къ рисункамъ.

Ильдизъ-Кіоскъ и мечеть Гамидіе. (Рис. на стр. 993).

Нынѣшній повелитель турокъ, султанъ Абдулъ-Гамидъ II обитаетъ не въ блестящихъ дворцовыхъ строеніяхъ на берегу Босфора, а живетъ уединенно во дворцѣ расположенномъ на возвышенности за Бешиктатомъ и носящемъ названіе Ильдизъ-Кіоска. Посреди зелени парка высятся многочисленныя постройки дворца, который со всѣхъ сторонъ окружаютъ стѣны. За нихъ трудно кому-либо проникнуть, даже если посѣтитель облеченъ высокимъ саномъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ Кіоска сверкаетъ бѣлизною своихъ стѣнъ, на синевѣ южнаго неба, красивая мечеть Гамидіе, построенная въ 1886 году. Въ нее нерѣдко отправляется султанъ по пятницамъ, которыя, какъ извѣстно, чествуются у мусульманъ подобно нашимъ воскресеньямъ. Такая поѣздка, когда султанъ открыто появляется среди своего народа, и происходящій затѣмъ смотръ войска носятъ названіе Селамлика.

Задолго до выѣзда султана изъ дворца, собираются квартирующія въ Константинополѣ войска вдоль улицъ, прилегающихъ къ Кіоску и мечети. Тутъ иностранецъ можетъ встрѣтить не мало типичныхъ лицъ и фигуръ, одѣтыхъ въ форму, весьма похожую по покрою на платье европейскихъ солдатъ. Только головнымъ уборомъ у всѣхъ является феска, начиная отъ простаго солдата до генерала. Передъ воротами дворца толпятся генералы, а въ особомъ, отдѣльномъ павильонѣ присутствуютъ высшіе гражданскіе чины и члены иностранныхъ посольствъ. Не задолго до выѣзда султана изъ дворца выѣзжаютъ къ мечети богато украшенныя, но наглухо закрытыя кареты, въ которыхъ сидятъ придворныя дамы. Нескромный любопытный глазъ видитъ лишь волны тюля, изъ-за котораго только изрѣдка блеснетъ выразительный взглядъ гаремной красавицы. Онѣ окружены евнухами, одѣтыми въ черные сюртуки и бѣлые жилеты. Когда появляется самъ повелитель правовѣрныхъ, раздается сигналъ и войска громко привѣтствуютъ своего государя. Въ открытомъ экипажѣ проѣзжаетъ Абдулъ-Гамидъ среди войскъ, стоящихъ съ опущенными головами и ружьями на-караулъ. Послѣ службы въ мечети, которая продолжается около двадцати минутъ, султанъ пропускаетъ войска передъ собою и, сѣвъ, затѣмъ, въ коляску и правя собственноручно лошадьми, уѣзжаетъ снова на недѣлю въ свой любимый дворецъ.

Видъ города Выборга. (Рис. на стр. 996).

Выборгъ основанъ въ землѣ корел въ 1293 году шведскимъ маршаломъ Торкелемъ Кнутсономъ, чѣмъ и закончилось завоеваніе Финляндіи шведами. Именно въ этомъ году былъ построенъ замокъ, сохранившійся до сихъ поръ посреди города и бывшій исходной точкой христіанства и могущества шведовъ въ Кареліи. Окруженный въ 1477 году стѣною при Эрикѣ Аксельсонѣ Тоттѣ, городъ подвергся трехмѣсячной осадѣ со стороны русскихъ подъ предводительствомъ воеводы Василія Шуйскаго. Петръ Великій обратилъ вниманіе на Выборгъ, какъ на важный стратегическій пунктъ, и послѣ ожесточенной борьбы и долговременной осады Выборгъ сдался русскимъ войскамъ и присоединенъ къ Россіи въ 1710 г. Выборгъ принадлежитъ къ числу старѣйшихъ городовъ Финляндіи, расположенъ весьма живописно у Выборгскаго залива и Сайменскаго канала. Изъ примѣчательностей города обращаютъ на себя вниманіе развалины древней крѣпости съ башней, у Абосскаго моста, гофгерихтъ на соборной площади, ратуша съ превосходнымъ бальнымъ заломъ, финско-лютеранская церковь, нѣкогда францисканскій монастырь, построенный въ 1481 году, и православный соборъ. Жителей около 16,000. Выборгъ, не смотря на близость къ Петербургу, до сихъ поръ остался финскимъ городомъ: русское населеніе весьма не велико и то по преимуществу — торговое. Лѣтомъ Выборгъ наводняется дачниками и туристами. Изъ окрестностей славится своей природой и устройствомъ „Монрепо“, имѣніе барона Николаи, находящееся въ трехъ верстахъ отъ города, по Сайменскому каналу, съ превосходнымъ паркомъ, начало которому было положено генералъ-губернаторомъ Выборга Стуленинымъ въ концѣ прошлаго вѣка.

Тушеніе пожара воловьей шкурой въ Техасѣ.
(Рис. на стр. 997).

На необъятныя глазу пространства тянутся въ бассейнѣ рѣки Миссисипи преріи или луга, покрытые сочною травою и служащіе обширными пастбищами для многочисленныхъ стадъ рогатаго скота. Въ жаркое время, когда трава подсыхаетъ, пожары въ этихъ мѣстахъ являются настоящимъ бѣдствіемъ. Величественное и ужасное зрѣлище представляютъ тогда горящія преріи, и картинныя описанія ихъ многимъ извѣстны изъ романовъ и разсказовъ Купера, Эмара, Майнъ-Рида и другихъ описателей жизни въ Америкѣ. Вообще же появленіе огня въ преріяхъ составляетъ явленіе заурядное, и когда нѣтъ сильнаго вѣтра и засуха не велика—огонь прекращается самъ собою или тушится безъ особаго труда. Интересенъ способъ тушенія такого пожара въ Сѣверномъ Техасѣ, гдѣ пастухи стадъ, такъ называемые Cow-boys, прекращаютъ огонь по своеобразному способу, который они переняли отъ краснокожихъ индѣйцевъ. Какъ только покажется гдѣ-нибудь на полянѣ огонь отъ плохо потушеннаго костра, неосторожно брошенной папиросы или пепла изъ трубки,—пастухи, кочующіе со своими стадами по сосѣдству, не устремляются къ рѣкѣ или колодцу за водой, а мѣткимъ выстрѣломъ убиваютъ одного изъ воловъ своего стада; затѣмъ, не теряя ни минуты, съ полдюжины подоспѣвшихъ пастуховъ сдираютъ, или, правильнѣе сказать, срѣзаютъ шкуру, такъ чтобы на ней оставалось до 2 вершковъ мяса. Прикрѣпивъ послѣ того свои лассо къ двумъ концамъ сырой и тяжелой кожи съ мясомъ, два пастуха на своихъ быстрыхъ лошадкахъ бѣшено несутся по краю пожара. Тяжелая кровавая шкура тушитъ пламя, не подымающееся слишкомъ высоко. Другіе каубои скачутъ слѣдомъ за ними, чтобы окончательно загасить кое-гдѣ оставшіяся мѣста съ горящею травою. Конечно, подобный способъ тушенія доступенъ лишь тамъ, гдѣ пастухи—отчаянные смѣльчаки, а лошади быстры и выносливы. Бѣшеная скачка длится иногда по нѣскольку верстъ среди огня и густаго дыма и ѣздоки мѣняются не разъ, пока опасность не минуетъ.

На склонѣ дней. (Рис. на стр. 1001).

Картина А. Д. Муратова переноситъ зрителя въ укромный уголокъ большаго помѣщичьяго сада, куда престарѣлые владѣтели его, два старичка, въ родѣ старосвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголя, вышли посидѣть въ ясный и тихій осенній день. Высокія деревья и еще недавно густые кусты не шелохнутся въ своемъ пестромъ осеннемъ уборѣ, и въ тѣни ихъ на скамейкѣ, точно подъ обаяніемъ окружающей тишины, молча сидятъ деревенскіе Филемонъ и Бавкида. Степенно и спокойно доживаютъ они свой вѣкъ, ничѣмъ не тревожимые въ своей

Выставка садоводства, плодоводства и огородничества въ Михайловскомъ манежѣ въ СПБ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Блазнова, грав. въ мастерской „Нивы".

жизни, которая, говоря словами безсмертнаго изобразителя „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, была „такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ...“

Невиданное явленіе. (Рис. на стр. 1004).

Появленіе художника „на этюдахъ“, гдѣ-нибудь въ захолустномъ уголкѣ нашей обширной родины, представляетъ необычайное явленіе. Можно себѣ представить, съ какимъ страхомъ и недоумѣніемъ наблюдаютъ деревенскіе ребятишки невиданную работу захожаго незнакомца...

Коза-кормилица. (Рис. на стр. 1005).

Какъ извѣстно, польза приносимая козами, довольно велика. Онѣ даютъ молоко, шерсть, удобреніе, кожу, рога и мясо, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляется въ пищу. При этомъ козы, особливо лѣтомъ, стóятъ весьма недорого. Болѣе всего человѣкъ извлекаетъ пользы изъ молока, котораго у хорошо вскормленной козы, по вычисленію Левца, бываетъ въ годъ до 942 штофовъ. Своеобразнаго запаха и вкуса, очень питательное, молоко козы охотно употребляется человѣкомъ; въ особенности имъ успѣшно вскармливаются дѣти, такъ какъ молоко козы, а также и ослицы, гораздо лучше усваивается ими, чѣмъ коровье. Какъ происходитъ самое вскармливаніе — можно видѣть изъ картины Н. Каниччи, помѣщенной на стр. 1005.

Всероссійская выставка садоводства, плодоводства и огородничества. (Рис. на стр. 1009).

Въ воскресенье, 23 сентября, открылась въ Петербургѣ первая Всероссійская выставка садоводства, плодоводства, огородничества и проч. Почти все устройство выставки принадлежитъ Императорскому Россійскому Обществу Садоводства, которому удалось, при благосклонномъ сочувствіи и поддержкѣ министерствъ Императорскаго Двора и Государственныхъ Имуществъ, а также Департамента Удѣловъ и различныхъ учрежденій этихъ вѣдомствъ, впервые соединить въ одной выставкѣ образцы огородничества, плодоводства и садоводства нашей родины. Выставка живописно устроена въ громадномъ зданіи Михайловскаго манежа, и привлекательность ея значительно увеличилась вслѣдствіе суровой погоды, съ холодомъ и снѣгомъ, которая началась въ Петербургѣ съ самаго дня открытія выставки: посѣтитель, съ грязной улицы, обвѣянный стужей, вступаетъ въ манежъ, и сразу, точно въ сказкѣ, переносится въ какой-то очарованный, роскошный садъ, гдѣ среди зелени и цвѣтовъ разбросаны изящные домики, кіоски, эстрады, каскады и т. п.

Съ площадки, у входа, на которой въ изящной бесѣдкѣ и вокругъ ея размѣщены растенія комнатной культуры, букеты, вѣнки и т. п., передъ зрителемъ открывается прелестный видъ во всю длину манежа, занятаго посрединѣ отдѣлами садоводства. Здѣсь и высокія деревья, и разнолистные кустарники, и пестрыя клумбы самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, начиная съ вѣстниковъ весны — ландышей. Налѣво, по самой срединѣ зданія, у стѣны бьетъ каскадъ въ обширный водоемъ, черезъ который перекинутъ мостикъ. Вдали, у стѣны противоположной входу, помѣщенъ отдѣлъ огородничества, едва-ли не самый интересный на выставкѣ. Въ немъ сгруппированы овощи, какихъ никто не пріемлетъ въ пищу. Многопудовыя тыквы, аршинныя свеклы, моркови, рѣдьки, красиво и внушительно разставленныя, подавляютъ своими размѣрами изумленнаго посѣтителя. Влѣво отъ отдѣловъ садоводства помѣщены плоды и ягоды, въ свѣжемъ видѣ, до каскада, а за нимъ — въ сушеномъ. Тутъ же памятникъ Пржевальскому отдѣляетъ укромный уголокъ, у самаго входа налѣво, гдѣ помѣстились отдѣлы тутоводства, хлопководства, табаководства, хмѣлеводства и сѣмяноводства. На правой сторонѣ помѣщенъ отдѣлъ садовой техники и разбросаны павильоны табачнаго экстракта Богданова, терракоттовыхъ издѣлій Турчаниновой, фарфоровыхъ вазъ Разживина, стеколъ Шмидта и т. п. Внѣ манежа, въ садикѣ устроены питомники, уже пострадавшіе отъ дурной погоды.

Альфонсъ Карръ († 19 сентября 1890).

(Портр. на стр. 1012).

Пользовавшійся въ свое время большою извѣстностью французскій писатель, Альфонсъ Карръ родился въ Парижѣ 24 (12) ноября 1808 года. Онъ былъ внукомъ мюнхенскаго капельмейстера, переселившагося въ Парижъ въ 1787 году, и сыномъ піаниста-композитора, который въ свое время имѣлъ успѣхъ. Молодой Карръ началъ самостоятельную жизнь въ то время, когда на литературномъ поприщѣ выступила блестящая плеяда романтиковъ 1830-хъ годовъ. Онъ былъ въ дружбѣ со всѣми ея представителями, начиная съ самыхъ крупныхъ до скромнѣйшихъ. Преобладавшее среди нихъ сентиментальное настроеніе придало и его первому роману *(Подъ липами)* отпечатокъ той мечтательно-любовной грусти, которая характеризуетъ писателей этой эпохи. За первымъ произведеніемъ послѣдовали романы: *Кратчайшій путь, Что содержится въ чернильномъ пузырькѣ, Часомъ позже*, которые хотя и не имѣли такого-же блестящаго успѣха, но упрочили славу автора.

Признанный романистъ не пренебрегъ однако и журнальнымъ дѣломъ, и пробывъ нѣкоторое время редакторомъ *Figaro*, основалъ двухнедѣльный журналъ *Осы*, въ которомъ лѣтъ десять помѣщалъ сатирическую хронику политики и общественной жизни, бичуя пороки, предразсудки и пошлость во всѣхъ ея видахъ. Затѣмъ послѣдовали *Иллюстрированныя осы*, въ которыхъ разсѣяно множество изреченій и афоризмовъ Альфонса Карра, удержавшихся и цитируемыхъ до сихъ поръ.

Альфонсъ Карръ любилъ загородную жизнь, но дѣятельную и трудолюбивую; онъ первый ввелъ въ моду морскія купанья Этрета, гдѣ онъ проводилъ лѣто, до переселенія въ Ниццу, а потомъ въ Сенъ-Рафаэль. Онъ разводилъ розы, которыми гордился больше чѣмъ своими сочиненіями. Пессимизмъ, которымъ дышатъ нѣкоторыя страницы его произведеній, смягчался этимъ непосредственнымъ общеніемъ съ природой. Карръ пыталъ свои силы и въ драмѣ *(Нормандская Пенелопа)*, и въ такъ-называемыхъ „пословицахъ“ (proverbes), наконецъ и въ нравоописательныхъ очеркахъ *(Женщины)*.

Карръ скончался восьмидесяти двухъ лѣтъ, въ своемъ домикѣ, обнесенномъ живописною оградой (домикъ такъ и назывался Maison-close), въ Сенъ-Рафаэлѣ, отъ воспаленія въ легкихъ, которое схватилъ на прогулкѣ въ лодкѣ. Не смотря на суровую погоду, онъ не хотѣлъ отказаться отъ любимаго удовольствія, и сенъ-рафаэльскіе рыбаки видѣли, какъ престарѣлый писатель по обыкновенію выѣхалъ въ море на лодочкѣ, гдѣ его и захватилъ ураганъ, отозвавшійся на всемъ побережьѣ Средиземнаго моря. Карръ вернулся домой, насквозь промоченный дождемъ, не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности и вскорѣ долженъ былъ слечь въ постель. Заботливый уходъ его дочери и племянницъ не могъ уже предотвратить роковой развязки, которая послѣдовала 19 сентября 1890 г.

К. Я. Звѣревъ. (Портр. на стр. 1012).

Еще недавно, а именно 26 августа текущаго года, чествовалось пятидесятилѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ помощника генералъ-инспектора по инженерной части, генералъ-инженера Константина Яковлевича Звѣрева. Въ этотъ день на квартирѣ его получено было много телеграммъ, которыя не застали юбиляра, такъ какъ онъ, по свойственной ему скромности, уѣхалъ отъ торжества изъ Петербурга, съ цѣлью осмотра нѣсколькихъ крѣпостей. И вотъ, черезъ двѣ съ половиною недѣли, Звѣрева не стало: онъ скончался внезапно, отъ удара, 11 сентября, и погребенъ 15 сентября въ Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Покойный былъ однимъ изъ даровитыхъ спеціалистовъ инженернаго искусства и пользовался большою извѣстностью и популярностью среди военныхъ инженеровъ; а если его мало знали внѣ круга его дѣйствій, если имя его не пользовалось въ публикѣ такою громкою извѣстностью, какъ имя другаго подобнаго спеціалиста, инженера Д. И. Журавскаго, то это потому, что таковъ уже былъ родъ его дѣятельности, которою интересовались едва-ли не одни только спеціалисты. А между тѣмъ эта дѣятельность была весьма почтенна и плодотворна и заключалась въ исполненіи весьма трудныхъ, хотя и невидныхъ работъ и порученій большой важности. Такъ, напримѣръ, К. Я. Звѣревъ много трудился надъ возведеніемъ кронштадтскихъ укрѣпленій, по устройству фортовъ „Константинъ“, „Милютинъ“ и укрѣпленій Сѣвернаго фарватера; былъ дѣятельнымъ участникомъ въ работахъ по устройству обороны нашихъ границъ, какъ по части проектированія крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ, такъ и по выполненію фортификаціонныхъ построекъ и сооруженій, участвовалъ въ работахъ комитета по устройству Морскаго канала, трудился въ нѣсколькихъ коммиссіяхъ, учрежденныхъ при министерствѣ Путей Сообщенія: по освидѣтельствованію сильныхъ поврежденій, произведенныхъ въ каналахъ страшными бурями при чрезвычайно высокомъ поднятіи воды въ Ладожскомъ озерѣ, по составленію проектовъ укрѣпленія дамбъ въ новыхъ каналахъ и разсмотрѣнію проектовъ новыхъ выходовъ Свирскаго канала. Много ума, способностей и энергіи потрачено имъ было на эти работы, составившія ему имя въ техническомъ мірѣ, особенно по постройкѣ крѣпостей, о которыхъ публика вѣроятно и не подозрѣвала. Кромѣ того, К. Я. Звѣревъ выдавался и на поприщѣ административной дѣятельности за все время управленія ввѣренною ему частью, причемъ отношенія его къ подчиненнымъ отличались всегда гуманностью и справедливостью, а также въ качествѣ члена совѣта министерства Путей Сообщенія, гдѣ онъ имѣлъ право голоса при обсужденіи болѣе важныхъ вопросовъ, касающихся военнаго вѣдомства. К. Я. Звѣревъ довольно дѣятельно слѣдилъ за всѣми усовершенствованіями и новыми открытіями въ области инженернаго искусства и съ ученою цѣлью предпринималъ поѣздки за-границу; въ послѣдній разъ онъ ѣздилъ туда въ 1889 году, когда онъ былъ командированъ на Парижскую всемірную выставку осматривать плиты для желѣзныхъ брустверовъ и башенъ, а также для механическихъ приспособленій, необходимыхъ при гидротехническихъ работахъ.

Константинъ Яковлевичъ Звѣревъ, происходившій изъ дво-

ранъ Петербургской губерніи, родился 18 октября 1821 года и специальное образованіе получилъ въ Инженерномъ училищѣ, поступивъ на семнадцатомъ году въ его кондукторскую роту кондукторомъ. Черезъ два года окончилъ курсъ училища и тогда-же, 26 августа 1840 г., былъ произведенъ въ первый чинъ, съ оставленіемъ въ этомъ учебномъ заведеніи для дальнѣйшаго усовершенствованія въ инженерныхъ наукахъ. По выдержаніи установленныхъ экзаменовъ, въ 1841 и 1842 годахъ, онъ получилъ чины подпоручика и поручика, причемъ имя его, какъ одного изъ лучшихъ воспитанниковъ Инженернаго училища, было занесено на мраморную доску. Выйдя изъ училища, К. Я. Звѣревъ былъ отправленъ въ брестъ-литовскую инженерную команду, послѣ чего продолжалъ службу сперва въ штатѣ инженеровъ варшавской команды, а затѣмъ, при управленіи начальника инженеровъ дѣйствующей арміи. Въ 1853 году его назначили командующимъ бобруйской инженерной командой, а въ 1856 году произвели въ чинъ подполковника. Спустя три года онъ вновь получилъ повышеніе по службѣ — чинъ полковника и должность строителя Свеаборгской крѣпости. Его дарованія были замѣчены, и въ слѣдующемъ, 1860 году онъ получилъ новое назначеніе — завѣдывать всею строительною частью по укрѣпленію города Кронштадта, чѣмъ онъ занимался одиннадцать лѣтъ. Съ отличіемъ выполнивъ возложенное на него порученіе, К. Я. Звѣревъ быстро пошелъ по службѣ: въ 1861 году его назначили флигель-адъютантомъ и черезъ два года произвели въ генералъ-майоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Императорскаго Величества. Въ 1872 году ему уже ввѣряется управленіе дѣлами комитета Главнаго инженернаго управленія и, во время отсутствія генералъ-инспектора и его товарища, ему поручается заступать ихъ мѣста, причемъ онъ выказываетъ много умѣнья и распорядительности. Въ 1873 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1882 году назначенъ на высокій постъ товарища Е. И. Высочества генералъ-инспектора по инженерной части. Въ уваженіе заслугъ К. Я. Звѣрева, Николаевская Инженерная Академія избрала его въ число своихъ почетныхъ членовъ. Онъ неоднократно удостоивался Высочайшихъ благодарностей и получалъ за отличія высшіе ордена: Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Св. Владиміра 2 степ., Св. Анны 1 степ. и проч. Чинъ полнаго генерала онъ получилъ въ 1887 г. Для увѣковѣченія пятидесятилѣтней, весьма полезной служебной дѣятельности К. Я. Звѣрева, чины военно-инженернаго вѣдомства испросили разрѣшеніе на учрежденіе стипендіи имени генерала при одномъ изъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній. Въ день своего юбилея онъ былъ удостоенъ Высочайшей грамоты, въ которой были перечислены всѣ его заслуги въ теченіе полувѣковой дѣятельности, и получилъ рѣдкую награду — орденъ Св. Владиміра 1 степени. **П. Б—овъ.**

Колоссальный памятникъ Колумбу.

(Рис. на стр. 1013).

Американскіе граждане намѣрены воздвигнуть памятникъ, который превзойдетъ Эйфелеву башню, какъ высотою сооруженія, такъ и смѣлостью замысла. Эта новая башня будетъ строиться въ Чикаго и должна быть готова въ 1892 году, къ предполагаемой тамъ выставкѣ. Такъ какъ въ 1892 году исполнится четырехсотлѣтіе открытія Америки Христофоромъ Колумбомъ, то монументъ и посвящается ему. Замѣчательно, что проектъ памятника принадлежитъ соотечественнику Колумба, нѣкоему Альберто де-Палласіо, и, какъ видно на нашемъ рисункѣ, представляетъ собою глобусъ, покоющійся на пьедесталѣ. Этотъ послѣдній весьма изященъ въ своихъ пропорціяхъ, но по всей вѣроятности онѣ будутъ нарушены громаднымъ, непригляднымъ глобусомъ, діаметръ котораго равняется высотѣ Эйфелевой башни. Пьедесталъ будетъ въ 300 футовъ высоты, а на вершинѣ глобуса поставятъ корабль со всѣми снастями, величина котораго пока еще не дана. Высота всего памятника будетъ простираться до 1,400 футовъ. По экватору пойдетъ вокругъ всего глобуса галерея, около 2/3 мили въ окружности, а на поверхности шара будутъ нанесены материки и океаны, какъ на обыкновенномъ учебномъ глобусѣ. Отъ экватора къ сѣверному полюсу, извиваясь вокругъ глобуса, какъ видно на рисункѣ, пойдетъ рельсовый путь въ 4 мили длины. Громадная статуя Колумба станетъ въ центрѣ пьедестала подъ глобусомъ: а вокругъ, на возвышеніяхъ, расположатся: Колумбовскій музей, библіотека, посвященная литературѣ открытія Америки, и нѣсколько ресторановъ. На вершинѣ монумента будетъ устроена обсерваторія. Собственно памятникъ обойдется около милліона фунтовъ стерлингъ, да на подъемныя и другія машины потребуется около 160,000 фунтовъ стерлингъ.

Политическое обозрѣніе.

Наши большіе маневры на Волыни, гдѣ было собрано подъ начальствомъ генераловъ Драгомирова и Гурко до 150,000 войскъ, обратили на себя серьезное вниманіе въ Германіи. Въ обсужденіяхъ ихъ значенія, появившихся въ германскихъ газетахъ, нельзя не замѣтить порой чего-то въ родѣ чувства зависти къ небывалому еще событію подобнаго рода. Въ статьѣ, повидимому написанной лицомъ близко стоящимъ къ германскому генеральному штабу, и напечатанной въ *Hamburger Nachrichten*, говорится, что „если судить о русскихъ маневрахъ объективно, то нельзя не сознаться, что въ настоящемъ случаѣ русское военное вѣдомство прибѣгло къ мѣрѣ, которая, правда, и въ другихъ государствахъ давно уже требуется дальновидными военными, но все-таки до сихъ поръ нигдѣ не была примѣняема въ столь обширныхъ размѣрахъ. Устройствомъ маневровъ нынѣшняго года русскій Генеральный Штабъ сдѣлалъ во всякомъ случаѣ знаменательный шагъ, — такой шагъ, который, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ имѣть относительно войскъ прочихъ государствъ значеніе скачка впередъ во всемъ томъ, что касается образованія высшихъ военныхъ начальниковъ и вспомогательныхъ органовъ. Хотя ни одна страна не пожелаетъ сознаться въ томъ, что другая ее опередила въ военномъ отношеніи, но относительно послѣднихъ русскихъ маневровъ все-таки отрицать нельзя, что здѣсь было пущено въ дѣло нѣчто такое, чего ни въ какой другой арміи не было еще испробовано и выполнено“. Подобное сужденіе высказывается въ германской печати въ то время, какъ въ ней появляются статьи, иногда осуждающія послѣдніе маневры въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и въ Силезіи. Такъ, *Schlesische Zeitung* очень недовольна употребленіемъ германской кавалеріи на послѣднихъ маневрахъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, гдѣ ей приходилось заниматься картинными, но не особенно подходившими къ дѣйствительности атаками, сторожевая же и развѣдочная служба была совсѣмъ упущена изъ виду. Послѣ этихъ маневровъ появились было слухи о выходѣ въ отставку военнаго министра Верди-дю-Вернуа и начальника штаба графа Вальдерзе. Такъ какъ подобные слухи появлялись уже неоднократно, то имъ и не придавалось большой вѣры. Но на этотъ разъ они оправдались, правда, отчасти, и 24 сентября въ *Reichsanzeiger* опубликованы императорскіе указы объ увольненіи генерала Верди-дю-Вернуа отъ должности военнаго министра и о назначеніи на его мѣсто генерала Кальтенборнъ-Штахау.

Изъ Вашингтона телеграфируютъ, что президентъ Гаррисонъ подписалъ 19 сентября новый тарифный законъ. По этому биллю, называемому по имени его составителя биллемъ Макъ-Кинлея, значительно возвышается пошлина на всѣ ввозимыя промышленныя издѣлія и на болѣе важные сырые и полуобработанные матеріалы, въ родѣ шелка, шерсти, а также и на нѣкоторые предметы потребленія, какъ напримѣръ вино, сахаръ, окорока, сало и др. Насколько новый законъ измѣняетъ размѣръ пошлинъ, можно судить уже по тому, что въ послѣдній день дѣйствія стараго тарифа, 23 сентября, всѣ таможенныя учрежденія были открыты до полуночи и завалены заявленіями о товарахъ, которые хозяева ихъ спѣшили оплатить пошлиной въ прежнемъ размѣрѣ. Капитану парохода „Этрурія“, который торопился поспѣть съ большимъ грузомъ товаровъ изъ Европы, удалось представить въ таможню документы всего за минуту до полуночи: благодаря этому, товары эти будутъ оплачены по старому тарифу, что доставитъ ихъ хозяевамъ полмилліона долларовъ барыша. Хотя новый законъ и заимствованъ у Европы, но послѣдняя все-таки очень встревожена новымъ таможеннымъ тарифомъ Соединенныхъ Штатовъ, который, конечно, убыточенъ для европейскихъ поставщиковъ товара въ Америку. Газеты Стараго Свѣта высказываютъ мнѣніе о необходимости устройства европейскаго таможеннаго союза направленнаго противъ Соединенныхъ Штатовъ.

Здоровье Голландскаго короля снова начинаетъ вызывать опасенія. По частнымъ свѣдѣніямъ изъ Лоо, болѣзненные припадки по временамъ омрачаютъ его память. Вѣроятно, король не будетъ въ состояніи заниматься государственными дѣлами и на-дняхъ ожидаются мѣры правительства для обезпеченія хода дѣлъ.

Смѣсь.

Тихія колебанія почвы. Съ самаго начала исторіи человѣчества начинается исторія землетрясеній; однако тотъ фактъ, что земная кора, которую мы привыкли считать незыблемою, подвержена тихимъ, какъ бы отъ біенія пульса, колебаніямъ, продолжающимся цѣлыми днями, — это явленіе было подмѣчено лишь въ сравнительно очень недавнее время. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно является отголоскомъ очень отдаленнаго изверженія. Такъ, когда 16 мая 1861 г. сильное землетрясеніе потрясло Малаккскій полуостровъ, водяные вѣсы на Пулковской обсерваторіи пришли въ замѣтное колебаніе; то же самое повторилось 20 сентября 1867 г. при изверженіи въ восточной части Средиземнаго моря.

Исходя изъ того, что тихія колебанія почвы бываютъ гораздо

чаще, тѣмъ это обыкновенно думають, французскій ученый Антуанъ д'Аббади построилъ много лѣтъ тому назадъ снарядъ, дозволявшій наблюдать малѣйшія колебанія почвы: мы его не описываемъ, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко. Производя наблюденія при помощи своего прибора, ученый пришелъ къ выводу, что почва лишь очень рѣдко находится въ покоѣ. Оказалось, напр., что морскія волны даже на разстояніи около $^1/_2$ версты обусловливаютъ замѣтное дрожаніе почвы. И это движеніе происходитъ не только на поверхности, но распространяется далеко вглубь земли, которая почти все время находится въ колебательномъ движеніи.

Съ 1870 г. въ Италіи начали дѣлать опыты, касающіеся послѣдняго вопроса, изъ которыхъ сдѣланъ былъ выводъ, что почва этой страны безпрестанно тихо колеблется. Движеніе это не всегда одинаково, такъ что является возможность отличать подземныя или сейсмическія бури. Въ разныхъ мѣстахъ колебанія въ одно и то же время бываютъ различны, равно какъ и ихъ направленіе, хотя, кажется, каждое мѣсто имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленное направленіе колебаній, зависящее вѣроятно отъ направленія долинъ и горъ въ данной мѣстности и ея окрестностяхъ.

Итальянскій изслѣдователь де-Росси, особенно много занимавшійся этимъ предметомъ, примѣнилъ для своихъ изслѣдованій и микрофонъ. При помощи этого усовершенствованія ему удалось различить подземный шумъ, то одиночный, то суммированный, подобный ружейнымъ залпамъ; временами получались звуки какъ бы металла или колокола, тиканіе, стукъ молота,—однимъ словомъ, точно издали доносились звуки цѣлаго живаго города. Наблюдая при помощи своего снаряда по близости Везувія, Росси слышалъ отдаленный шумъ и какъ бы ружейные залпы. Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ можно было получить искусственно треніемъ проволокъ такимъ образомъ, какъ должны тереться скалы одна объ другую при землетрясеніи, или приставивъ его приборъ къ сосуду съ кипящею водою, или же къ мраморной пластинкѣ, нижнюю поверхность которой царапаютъ чѣмъ нибудь. По мнѣнію лучшихъ ученыхъ, этотъ шумъ и дрожаніе почвы могутъ происходить отъ сгибанія и треска скалъ, которыя растягиваются или сжимаются, или же отъ выдѣленія паровъ изъ глубоко лежащихъ слоевъ расплавленной массы.

До сихъ поръ обнаружено дрожаніе почвы въ Италіи, Франціи, Англіи и Германіи, послѣднія же изслѣдованія въ Японіи показали, что и эта страна подвержена тѣмъ же самымъ колебаніямъ. При помощи особенно построенныхъ инструментовъ, которые сами отмѣчаютъ на бумагѣ малѣйшія колебанія почвы, удалось установить, что въ Японіи они тѣсно связаны съ вѣтромъ: при сильномъ вѣтрѣ всегда порядочное дрожаніе земли; впрочемъ, при отсутствіи послѣдняго также бываютъ колебанія. Далѣе, точныя наблюденія показали, что достаточно сильному вѣтру найти себѣ преграду въ видѣ горы, чтобы въ окрестностяхъ послѣдовало замѣтное колебаніе почвы. Поразительно разстояніе, на которое распространяется это движеніе почвы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ найдено, что это вліяніе горы сказалось на разстояніи 4 миль, а въ нѣкоторыхъ даже на 50 миль.

Такимъ образомъ на основаніи нашихъ настоящихъ знаній оказывается, что это таинственное содроганіе земной коры зависитъ отъ поверхностныхъ явленій: волнъ воды, вѣтра, съ другой же стороны обусловливается причинами лежащими глубоко подъ почвою. Послѣднія конечно имѣютъ перевѣсъ, но все-таки приходится сознаться, что нужно еще много наблюденій, чтобы внести свѣтъ въ эту неизвѣстную намъ область. Ш.

Альфонсъ Карръ († 19 сентября 1890).

Недавно извѣстный профессоръ физіологіи въ Туринѣ Моссо, ученикъ лейпцигскаго профессора Лудвига, произвелъ надъ самимъ собой опыты, доказавшіе, что подъ вліяніемъ усиленной умственной работы происходитъ часто физическая усталость мускуловъ тѣла. Подымая, движеніемъ своихъ пальцевъ опредѣленную тяжесть, онъ отмѣчалъ высоту ея поднятія, причемъ получалась на пишущемъ приборѣ весьма характерная кривая, особенно при сильномъ вліяніи воли. Получивъ эту кривую, профессоръ садился за напряженную умственную работу, которая заключалась въ томъ, что онъ экзаменовалъ нѣсколько часовъ, не вставая съ мѣста; тѣло его при этомъ не совершало никакой работы. По окончаніи экзамена онъ замѣтилъ, что при высшемъ напряженіи воли онъ могъ при помощи пальцевъ поднять прежній грузъ, но на меньшую высоту, причемъ и кривая была ниже и носила другой характеръ. Можно было бы думать, что здѣсь сказалось вліяніе воли экспериментатора; но это возраженіе устраняется тѣмъ, что когда заставляли мускулы работать подъ вліяніемъ не воли, а гальваническаго раздраженія,—кривая умственно утомленнаго человѣка получилась подобная прежней. Профессоръ Моссо объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что при мозговой работѣ образуется нѣкоторое вещество, переходящее въ кровь, и все болѣе и болѣе, по мѣрѣ своего накопленія въ ней, уменьшаетъ возбудимость и силу дѣятельности частей тѣла въ томъ числѣ и мускуловъ. Это объясненіе подходитъ къ теоріи профессора Прейера о причинѣ сна, по которой постепенное накопленіе въ крови молочной кислоты, происходящей при работѣ мускуловъ и мозга и притягивающей къ себѣ весь кислородъ крови, идущей къ мозгу, ведетъ къ потерѣ чувствительности клѣтокъ большаго мозга, т. е. къ тому, что мы называемъ сномъ. (ш.)

Романическая исторія. Въ Венгріи, въ Офенѣ, умерла недавно пожилая дѣвушка, которая тридцать лѣтъ не выходила изъ своей комнаты. Въ юности она была невѣстой молодаго человѣка, который однажды въ припадкѣ своенравія потребовалъ, чтобы она, въ доказательство любви своей къ нему, не выходила изъ дому въ день праздника тѣла Христова. Она обѣщала; но тѣмъ не менѣе, вечеромъ вышла на нѣсколько минутъ на улицу. Взбѣшенный женихъ возвратилъ ей кольцо, такъ какъ не могъ вѣрить въ любовь дѣвушки, которая не хотѣла принести ему такой ничтожной жертвы. Покинутая невѣста, глубоко раскаявшись въ своемъ проступкѣ, принесла въ наказаніе самой себѣ клятву не переступать заживо не только порога дома, но даже своей комнаты. Она сдержала слово: тридцать лѣтъ не выходила она изъ своей комнаты и только смерть вывела ее изъ добровольнаго заключенія, чтобы переселить въ другое, еще болѣе тѣсное помѣщеніе. Не напоминаетъ-ли это рыцаря Тогенбурга? (с.)

Инженеръ-генералъ К. Я. Звѣревъ. † 11 сентября 1890.
Съ фотографіи Левицкаго, грав. Шюблеръ.

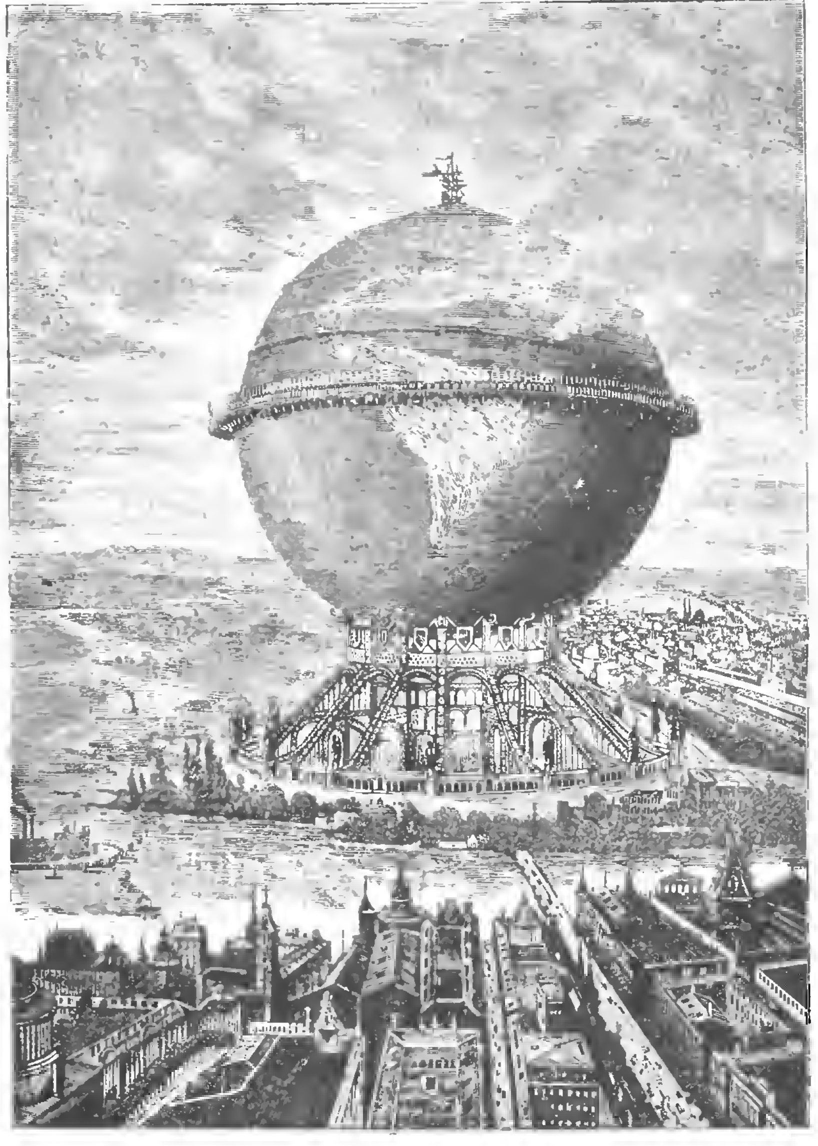
Достойно подражанія. Въ Японіи вовсе нѣтъ старыхъ дѣвъ. Если дѣвушка достигла извѣстнаго возраста и не вышла замужъ, то само правительство берется за дѣло и выбираетъ ей мужа, за котораго она уже обязана выйти. (с.)

Имущество Соединенныхъ Штатовъ простиралось шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ до 4,000 милл. марокъ; въ настоящее время

оно достигнетъ не меньшей мѣрѣ 224.000 милліоновъ марокъ. Въ 1888 году американскія желѣзныя дороги перевезли 128 милліоновъ пассажировъ и 600 милліоновъ тоннъ=12.000 милліоновъ центнеровъ товара. Сѣверо-американскія желѣзныя дороги насчитываютъ до 36,000 локомотивовъ, 120.000 пассажирскихъ вагоновъ, 60,000 багажныхъ, 1 милліона товарныхъ вагоновъ и т. д. (с.)

Король Фридрихъ Вильгельмъ I отличался, какъ извѣстно, большой бережливостью, но не любилъ иногда, чтобы его считали скупымъ. Такъ напр., въ 1717 г., когда Петръ Великій посѣтилъ Берлинъ, на вопросъ генералъ-директоріи какимъ образомъ чествовать царственнаго гостя, Фридрихъ написалъ собственноручно: „Я назначаю 6,000 талеровъ, которыми Финанцъ-директорія должна такъ распорядиться, чтобы ихъ хватило на продовольствіе царя отъ Мемеля до Везеля. Въ Берлинѣ царя будутъ угощать особо. Я не прибавлю больше ни одного пфеннига; но въ свѣтѣ распускайте слухъ, что это стоитъ мнѣ отъ 30 до 40,000 талеровъ“. (с.)

Ласточки—вѣстники побѣды. Нѣсколько времени тому назадъ, въ газетахъ появилось извѣстіе, что французы стали употреблять вмѣсто почтовыхъ голубей—очень часто попадающихъ въ когти хищныхъ птицъ—ласточекъ, которыя летаютъ выше и быстрѣе и потому не такъ легко дѣлаются добычей хищниковъ. Надо замѣтить, что уже римляне пользовались ласточками для возможно скораго извѣщенія о своихъ побѣдахъ въ циркѣ. Въ „Картинахъ древне-римской жизни“ Штолля читаемъ: Своеобразное средство извѣщать отсутствующихъ друзей о своихъ побѣдахъ изобрѣлъ патрицій Цезинуа Волатаранусъ. Уѣзжая изъ своего помѣстья, въ Греціи, въ Римъ на ристалища, въ которыхъ должна была принять участіе его четверка коней, онъ захватилъ изъ дома каждаго изъ своихъ друзей по ласточкѣ. Онъ повязалъ имъ на шейку по голубой ленточкѣ, ибо самъ принадлежалъ къ голубымъ (одна изъ партій въ циркѣ), и когда его возница, послѣ одержанной побѣды, получилъ изъ рукъ судьи золотой вѣнокъ, Цезинуа, къ неописуемому восторгу присутствующихъ, выпустилъ своихъ ласточекъ, которыя полетѣли на родину, какъ вѣстники побѣды. (с.)



Проектъ колоссальнаго памятника Колумбу въ Чикаго.

XXII г. Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г. XXII г.

„Нива“ въ 1891 году будетъ **преобразована какъ по количеству матеріала для чтенія, такъ и по характеру главной художественной преміи.** Программа нашего журнала и еженедѣльные **нумера „Нивы“ останутся въ прежнемъ составѣ,** какъ литературномъ, такъ и художественномъ. **Кромѣ того,** всѣ подписчики „Нивы“ будутъ получать **безплатно:**

ЕЖЕМѢСЯЧНО БОЛЬШОЙ ТОМЪ СБОРНИКА

романовъ, повѣстей, разсказовъ и др. занимательнаго и поучительнаго чтенія.

Каждая книга объемомъ въ 200—250 страницъ въ восьмую долю листа, т. е. **въ годъ 12 книгъ,** содержащихъ около **3,000 страницъ** текста лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, — и между прочимъ,
по истеченіи 50-ти-лѣтняго срока авторской собственности (15 іюля 1891 г.):

Сочиненія ЛЕРМОНТОВА,

изданныя подъ редакціей А. И. Введенскаго, съ гравированнымъ на стали портретомъ М. Ю. Лермонтова, его автографомъ и біографіей поэта, составленною редакторомъ.

Что касается **главной художественной преміи,** мы многолѣтнимъ опытомъ убѣдились, что **олеографическія картины, какъ премія, отжили свое время,** какъ бы ни были громки имена ихъ авторовъ, какъ бы ни были онѣ хорошо исполнены (какъ напримѣръ, двѣ олеографіи —**преміи „Нивы“ на 1890 г. по картинамъ И. И. Шишкина**).

Разъ мы пришли къ такому убѣжденію, надо было найти что либо новое, при томъ удобное, изящное, **нравящееся всѣмъ безъ исключенія,** и мы надѣемся, что успѣшно разрѣшили нашу задачу, предлагая нашимъ подписчикамъ на 1891 годъ роскошное изданіе

ХУДОЖЕСТВ. АЛЬБОМЪ СЪ 10-ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными **fac-simile** по картинамъ **Айвазовскаго, Александровскаго, Васильковскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Ившенка, Клевера, Премаццн и Сверчкова.** Печатаніе красками этихъ акварелей достигло такого совершенства, что всѣ видѣвшіе эти оттиски принимали ихъ за оригиналы. Желающіе могутъ убѣдиться въ этомъ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, гдѣ принимается подписка на „Ниву“ и гдѣ выставленъ нашъ альбомъ.

Альбомъ разошлется подписчикамъ въ красивой картонной папкѣ (10 вершковъ длины и 8 вершковъ ширины; той же величины и картины), украшенной **роскошнымъ (отпечатаннымъ въ 14 красокъ) заглавнымъ рисункомъ съ акварели художника А. Земцова,** и такимъ образомъ можетъ быть настольнымъ украшеніемъ любой гостиной. Каждая картина въ альбомѣ печатана **15—20 красками,** на лучшей **бѣлой бристольской бумагѣ,** и представляетъ сама по себѣ отдѣльное художественное произведеніе.

Относительно запасеннаго нами литературнаго матеріала какъ для „Нивы“, такъ и для 12 книгъ „Сборника“, ограничиваемся названіемъ лишь нѣсколькихъ крупныхъ произведеній, какъ-то:

П. Д. Боборыкина—„Ушло“, повѣсть.

Кн. М. Н. Волконскаго—„Мальтійская цѣпь“, историч. романъ въ трехъ частяхъ.

Н. С. Лѣскова—„Эпизодическіе отрывки изъ литературныхъ воспоминаній“ (за XXX лѣтъ).

Н. Д. Маслова—„Изъяны воли“, романъ въ трехъ частяхъ.

Вас. Ив. Немировича-Данченко—„Въ горныхъ буряхъ“, романъ въ трехъ частяхъ.

И. Н. Потапенко—„Сердце сказало“. Ром. изъ малороссійск. жизни.

П. Н. Полевого—„Корень зла“, историч. романъ въ трехъ част.

Гр. Е. А. Саліаса—„Русская амазонка“, историческій романъ XIX вѣка, въ трехъ частяхъ. И проч., и проч., и проч.

Благодаря **ежемѣсячному** приложенію **„Сборника“, „Нива“** въ будущемъ году дастъ своимъ подписчикамъ въ нѣсколько разъ **большее количество** разнообразнаго чтенія, **чѣмъ въ прошедшіе годы.**

По прежнему къ „НИВѢ“ будутъ прилагаться **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“,** 12 №№ въ годъ, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ, 350 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ, 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину и проч. — словомъ **„полный журналъ модъ и рукодѣлій“.**

При первомъ нумерѣ „Нивы“ будетъ приложенъ изящный, напечатанный нѣсколькими красками, **стѣнной календарь на 1891 годъ.**

Такимъ образомъ „Нива“ на 1891 г. дастъ своимъ подписчикамъ

БЕЗЪ ВОЗВЫШЕНІЯ ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ

кромѣ обычныхъ 52 №№ съ **500 художественно выполненныхъ гравюръ и 2,000 столбцовъ** текста,

12 книгъ „Сборника“ романовъ, повѣстей и проч. **(въ годъ около 3,000 страницъ).**

12 №№ „Парижскихъ Модъ“ съ 300 гравюрами.

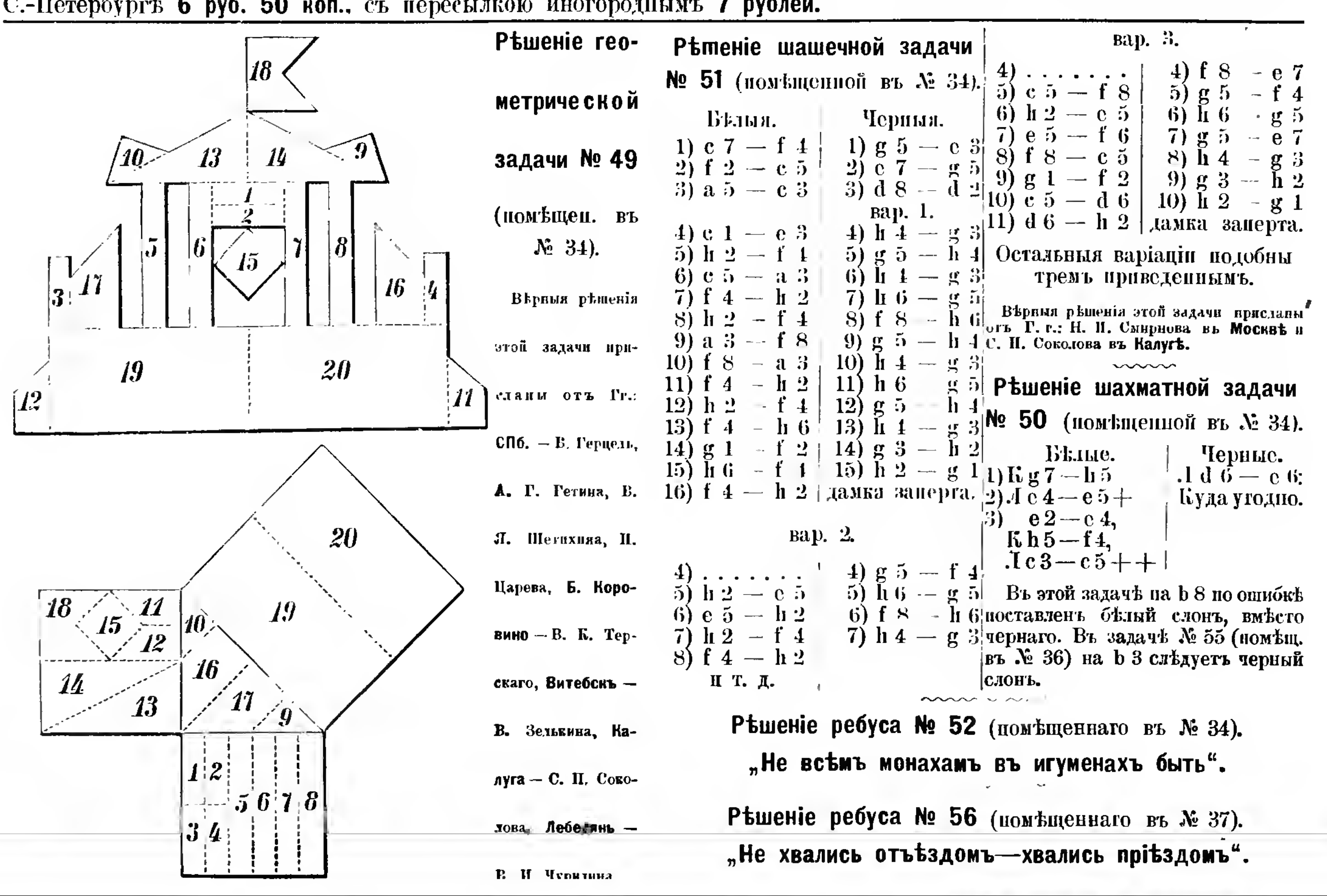
12 №№ рукодѣлій и выпильныхъ работъ и около 300 выкроекъ въ натуральную величину.

10 акварелей лучшихъ русскихъ художниковъ.

1 изящную папку для альбома.

1 стѣнной календарь.

Подписная цѣна „Нивы“ на 1891 годъ со всѣми приложеніями и преміями и 12 книгами „Сборника“: безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5 руб.,** безъ доставки въ Москвѣ, у Н. Н. Печковской **6 руб.,** съ доставкою въ С.-Петербургѣ **6 руб. 50 коп.,** съ пересылкою иногороднымъ **7 рублей.**



Рѣшеніе геометрической задачи № 49 (помѣщен. въ № 34).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: **СПб.** — В. Герцель, **А.** Г. Гетина, В. Я. Шегихина, Н. Царева, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Витебскъ** — **В.** Зелькина, **Калуга** — **С.** П. Соколова, **Лебедянь** — В. И. Чуритина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 51 (помѣщенной въ № 34).

Бѣлыя.	Черныя.
1) c 7 — f 4	1) g 5 — e 3
2) f 2 — c 5	2) c 7 — g 5
3) a 5 — c 3	3) d 8 — d 2

вар. 1.

4) c 1 — e 3	4) h 4 — g 3
5) h 2 — f 4	5) g 5 — h 4
6) c 5 — a 3	6) h 4 — g 3
7) f 4 — h 2	7) h 6 — g 5
8) h 2 — f 4	8) f 8 — h 6
9) a 3 — f 8	9) g 5 — h 4
10) f 8 — a 3	10) h 4 — g 3
11) f 4 — h 2	11) h 6 — g 5
12) h 2 — f 4	12) g 5 — h 4
13) f 4 — h 6	13) h 4 — g 3
14) g 1 — f 2	14) g 3 — h 2
15) h 6 — f 4	15) h 2 — g 1
16) f 4 — h 2	дамка заперта.

вар. 2.

4)	4) g 5 — f 4
5) h 2 — c 5	5) h 6 — g 5
6) e 5 — h 2	6) f 8 — h 6
7) h 2 — f 4	7) h 4 — g 3
8) f 4 — h 2	
и т. д.	

вар. 3.

4)	4) f 8 — e 7
5) c 5 — f 8	5) g 5 — f 4
6) h 2 — c 5	6) h 6 — g 5
7) e 5 — f 6	7) g 5 — e 7
8) f 8 — c 5	8) h 4 — g 3
9) g 1 — f 2	9) g 3 — h 2
10) c 5 — d 6	10) h 2 — g 1
11) d 6 — h 2	дамка заперта.

Остальныя варіаціи подобны тремъ приведеннымъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г. г.: Н. И. Смирнова въ **Москвѣ** и С. П. Соколова въ **Калугѣ.**

Рѣшеніе шахматной задачи № 50 (помѣщенной въ № 34).

Бѣлые.	Черные.
1) Кg7—h5	Лd6—c6:
2) Лc4—e5+	Куда угодно.
3) e2—c4, Кh5—f4, Лc3—c5++	

Въ этой задачѣ на b 8 по ошибкѣ поставленъ бѣлый слонъ, вмѣсто чернаго. Въ задачѣ № 55 (помѣщ. въ № 36) на b 3 слѣдуетъ черный слонъ.

Рѣшеніе ребуса № 52 (помѣщеннаго въ № 34).

„Не всѣмъ монахамъ въ игуменахъ быть“.

Рѣшеніе ребуса № 56 (помѣщеннаго въ № 37).

„Не хвались отъѣздомъ—хвались пріѣздомъ“.

Необходимое предупрежденіе.

При вскрытіи преміи, разсылаемой при № 41 „Нивы“, необходимы слѣдующія предосторожности, дабы не испортить картины.

Здѣсь изображенъ чертежъ средней части запакованной преміи. **Для вскрытія надо только разрѣзать бумагу по линіи, обозначенной на чертежѣ точками**, т. е. выше линіи наклейки **а**; далѣе бумага уже развертывается сама собою.

Чертежъ средней части запакованной преміи въ уменьш. видѣ.

Вынимая изъ обертки картину, скатанную лицевою стороною кнаружи, **не слѣдуетъ ее свертывать въ обратную сторону, какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣлаютъ, ибо лакъ можетъ потрескаться и картина испортиться.** Слѣдуетъ, вынувъ, просто **разложить картину на столѣ**, наложивъ на края какія-нибудь прессъ-папье или какія-либо тяжести, и дать ей вылежаться нѣсколько дней, тогда она распрямится сама собою и можетъ быть вставлена въ раму.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ **адреса** присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы**. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 3 октября 1890 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** **Тип. А. Ф. Маркса,** Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. № 41 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. г. XXI 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 13 октября 1890 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . **5** р. Съ доставкою въ Петербургѣ **6** р. **50** к. Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской. Петровская Торг. линія **6** р. Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . **7** р. За границу . . . . **9** р.

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Подписка на „Ниву“ 1890 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. нумера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

При этомъ № разсылаются гг. годовымъ подписчикамъ обѣщанныя первыя двѣ главныя ПРЕМІИ на 1890 годъ: картины, печатанныя масляными красками — съ оригиналовъ извѣстнаго художника, профессора И. И. ШИШКИНА, исключительно для „Нивы“ исполненныя, подъ названіемъ

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.

По вскрытіи преміи необходимо соблюдать слѣдующую предосторожность: для распрямленія не слѣдуетъ скатывать картину изображеніемъ внутрь, т. е. въ противоположную сторону: картина скатана лицевою стороною кнаружи и поэтому лакъ можетъ потрескаться при обратномъ скатываніи. Надобно разложить картину на столѣ, лицевою стороной кверху, наложивъ на края что-нибудь тяжелое (пресъ-папье)—картина черезъ день распрямится сама собою и можетъ быть вставлена въ раму. (Смот. „**НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ**“ въ прошломъ № 40).

Тихій вечеръ. Съ карт. Блумера, грав. Жонаръ.

Стихотвореніе

А. Фета.

Л. И. О—й. (При посылкѣ портрета).

Гляжу съ обычнымъ умиленьемъ
На ваши кроткія черты,
И сердце свѣтлымъ впечатлѣньемъ
Наполнилъ образъ красоты.

Какой обмѣнъ несправедливый!
Вдругъ получить издалека
Вамъ, юной, свѣжей и красивой,
Печальный образъ старика.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Полякъ предпочитаетъ поступать такъ, какъ говоритъ ему сердце, а не разсудокъ.

I.

Въ праздникъ Св. Троицы щегольски разодѣтый народъ весело сновалъ по людному селенію Сталунени, самому большому во всемъ дистриктѣ Торуня, важнаго торговаго города Польскаго королевства. Яркіе контуши, жупаны и конфедератки всѣхъ цвѣтовъ пестрѣли всюду. Дѣвушки съ вѣнками на головахъ, съ цвѣтами на груди и у пояса, съ букетами въ рукахъ, гуляли, пѣли или шумно забавлялись разными играми. Молодые люди, а равно и пожилые, тоже съ цвѣтками воткнутыми гдѣ попало: у вброта жупана, на шляпѣ, за поясомъ или у шляхтичей на рукояткѣ карабели—кривой сабли, ухаживали и любезничали съ красавицами. Больше всего народъ толпился около костела и дома ксендза.

Духовный пастырь Сталуненей, отецъ Викентій, былъ ксендзъ недавно перешедшій въ католичество изъ уніатовъ и за это достигшій почетнаго званія провинціала или благочиннаго, пользовался большимъ уваженьемъ и любовію однихъ и ненавистью другихъ, такъ какъ за нимъ водились кой-какіе грѣшки, несовмѣстные съ саномъ ксендза.

Молодежь окружила террасу дома, явившись къ пастырю просить, чтобъ онъ отпустилъ съ ними ради праздника его родственницу и въ то же время домоправительницу. Провинціалъ, толстый, плѣшивый человѣкъ, лѣтъ 45-ти, уже два раза выходилъ на террасу объявить собравшимся что его „господыня", или экономка, нездорова и идти гулять не можетъ. Лицо священника было угрюмо, но не печально, а скорѣе озлобленно.

Наконецъ, когда провинціалъ въ третій разъ гнѣвно крикнулъ на толпу молодежи, приказывая уходить, изъ заднихъ рядовъ раздался голосъ:

— Господыня твоя не хвораетъ, а ты, ойче, ее заперъ, несмотря на большой праздникъ.

Ксендзъ нѣсколько смутился и тотчасъ же ушелъ съ террасы.

Молодежь не расходилась. Кто смѣялся и шутилъ насчетъ ксендза-провинціала, а кто сожалѣлъ о бѣдной паннѣ, его господынѣ.

Дѣйствительно, въ домѣ этомъ, въ маленькой горницѣ, полутемной и душной, съ крошечнымъ окномъ выходившимъ на огородъ, которая могла служить кладовой или чуланомъ, сидѣла молоденькая дѣвушка, чрезвычайно красивая.

Это была панна Франциска или, какъ всѣ ее звали, Франуся, господыня провинціала.

Ксендзъ дѣйствительно засадилъ ее въ чуланъ съ утра подъ наказанье, будучи недоволенъ ея поведеніемъ.

Послѣ чьего-то заявленья въ толпѣ, что панна, всеобщая любимица, сидитъ въ заключеніи, молодежь не только не разошлась, а все увеличивалась новыми кучками.

И всѣ, дѣвушки и молодцы, шумно, весело, полушутя, но довольно назойливо и непріязненно, продолжали осаждать домъ ксендза, пѣть и выкрикивать свою просьбу, освободить и отпустить панну Франусю.

Провинціалъ озлобился, но поневолѣ сдался, и чрезъ полчаса молодая дѣвушка, уже празднично одѣтая, явилась и присоединилась къ веселой толпѣ.

Панна Франуся, слывшая за родственницу отца Викентія съ его словъ, очень недавно, лишь съ мѣсяцъ какъ появилась въ Сталуненяхъ, но уже успѣла очаровать всѣхъ и заставила себя обожать и молодыхъ и старыхъ, и мужчинъ и женщинъ. Едва только Франуся вышла, какъ всѣ двинулись съ села къ зàмку, гдѣ въ большомъ пустомъ сараѣ устраивались всегда танцы, конечно съ разрѣшенья, разъ навсегда даннаго, владѣльцемъ или каштеляномъ.

Молодежь зашла по дорогѣ въ корчму и сманила оттуда съ собой двухъ странствующихъ музыкантовъ, молоденькаго арфиста изъ евреевъ и кларнетиста, рослаго и слѣпаго старика съ лохматыми бровями длиннѣе иныхъ усовъ.

Зàмокъ стоялъ на холмѣ въ полуверстѣ отъ селенія. Это былъ большой дворецъ съ двумя выступами по бокамъ, на одномъ концѣ котораго, къ дорогѣ ведущей въ Торунь, высилась круглая башня. Каменная, высокая ограда окружала просторный дворъ, въ который входили чрезъ большіе ворота съ легкой аркой, гдѣ красовался гербъ владѣльца.

Каштелянъ панъ Ксаверій Сандецкій, владѣлецъ Сталуненей, былъ чрезвычайно богатый человѣкъ, и хотя по состоянію магнатъ, но по происхожденію—шляхтичъ не очень древняго рода. Послѣднее онъ тщательно скрывалъ, т. е. отрицалъ недавность своего дворянства. Въ признаніи за нимъ правъ на магнатство никто не отказывалъ, благодаря его громадному состоянію и тому, что онъ водилъ дружбу съ Радзивиллами, Потоцкими и Любомирскими. Къ тому же, панъ Сандецкій принадлежалъ къ старо-польской партіи, былъ противникомъ короля на сеймахъ и всячески враждовалъ съ „фамиліей" короля, какъ называли все семейство Чарторыйскихъ.

Теперь состояніе пана Ксаверія было нѣсколько поразстроено, какъ и у большинства магнатовъ Рѣчи Посполитой. Пиры, картежная игра и содержаніе массы „домовниковъ". т. е. прихлебателей и нахлѣбниковъ. вообще сàмая распущенная жизнь всей аристократіи подтачивала самыя громадныя состоянія.

Впрочемъ, панъ Сандецкій считался наиболѣе благоразумнымъ изо всѣхъ его друзей-магнатовъ. Онъ сорилъ деньгами когда бывалъ въ Варшавѣ, но затѣмъ по цѣлымъ полугодамъ сидѣлъ безвыѣздно въ Сталуненяхъ и жилъ сравнительно тихо и скромно.

Теперь онъ былъ уже мѣсяца два въ столицѣ.

Зàмокъ пана Сандецкаго содержался въ исправно-

сти, имѣлъ видъ резиденціи порядливаго хозяина. Стѣны — темно-коричневыя — красились каждый годъ, вокругъ въ палисадникахъ была масса цвѣтовъ. Паркъ со столѣтними дубами, вязами и тополями, содержался тоже чисто. Маленькая рѣченка Вислейка тоже часто чистилась отъ сорныхъ травъ и камышей и красиво огибала дугой холмъ съ зàмкомъ, отдѣляя его отъ селенія.

Веселая гурьба молодежи, пройдя по мостику чрезъ Вислейку, поднялась къ замку и вошла во дворъ.

Здѣсь пришлось обождать пана Балтазара, стараго шляхтича, который былъ маршаломъ въ зàмкѣ или главноуправляющимъ, и попросить его отперетъ для танцевъ сарай.

Минутъ чрезъ десять на крыльцо зàмка вышелъ молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, статный и красивый, и махнулъ рукой приглашая всю гурьбу.

— Панъ Кàроль! Кàроль! раздались удивленные, но веселые клики.

И вся молодежь стремительно бросилась впередъ.

II.

Панъ Кàроль былъ всеобщимъ любимцемъ въ Сталупеняхъ. Молодой, умный, красивый и крайне сердечный малый былъ въ Сталупеняхъ въ положеніи тоже якобы домовника, перваго любимца у пана Ксаверія Сандецкаго. Но всѣмъ, не только въ Сталупеняхъ, а даже и въ столицѣ, было извѣстно, что красавецъ Кàроль—побочный сынъ сталупеньскаго каштеляна, который его любитъ больше нежели своихъ двухъ законныхъ дочерей.

Ходили даже тайные слухи, что Сандецкій неудачно хлопоталъ объ узаконеніи Кàроля и передачѣ ему всего своего состоянія.

Кàроль перездоровался со всей молодежью и тотчасъ заявилъ:

— Не только можно танцы устроить, но все уже готово... Я зналъ, что вы придете сегодня ради Троицына дня, и пріѣхавъ вчера въ ночь изъ Варшавы—кой-что уже приготовилъ.

Всѣ двинулись въ глубь двора, завернули за уголъ, и сразу восторженные клики огласили весь дворъ. Сарай съ растворенными настежь дверьми, просторный, съ гладкими лоснящимися полами, былъ сплошь убранъ зеленью и цвѣтами.

— Кàроль! Панъ Кàроль! Вѣренъ себѣ! раздались голоса. — Отъ него кромѣ такихъ нечаянностей ничего не жди!

— Это не все... Сейчасъ придутъ музыканты. Пять человѣкъ, отозвался улыбаясь Кàроль.—А васъ не нужно, прибавилъ онъ арфисту и кларнетисту, которыхъ привела съ собой молодежь.

Въ то мгновенье, когда Кàроль махнулъ двумъ странствующимъ виртуозамъ, чтобы они уходили, глаза его вдругъ удивленно блеснули.

Онъ увидѣлъ дѣвушку средняго роста, черноволосую, съ кудрявою головкой и матово-бѣлымъ лицомъ. Этотъ цвѣтъ лица, большіе черные глаза, два ряда жемчужныхъ зубовъ, между розовыхъ насмѣшливыхъ губокъ, поразили его и приковали къ себѣ.

— Кто это панна? спросилъ онъ.—Я ее никогда не видалъ.

— Это Франциска Дзялынская, за-разъ отвѣчали ему десять человѣкъ.—Родственница отца ксендза. Его „господыня“. Она съ мѣсяцъ какъ пріѣхала изъ Вармійскаго епископства.

Кàроль тотчасъ познакомился съ панной и уже не отходилъ отъ нея ни на шагъ.

Франуся, польщенная вниманьемъ красиваго молодца, разумѣется, кокетничала сколько могла.

Часа черезъ два танцы и веселье были въ самомъ разгарѣ.

— Панна Франуся, красота моя! шепталъ Кàроль своей дамѣ, съ которой танцовалъ мазурку.

— Панъ мнѣ тоже нравится, лукаво отзывалась Франуся съ очаровательной улыбкой.

Музыка, мазурка, всякое угощенье въ обиліи и вдобавокъ венгерское изъ погребовъ зàмка, сильно подѣйствовали на всѣхъ танцующихъ, а отчасти и на красивую панну Франциску. Всѣ замѣтили ея особенное оживленіе и понимали причину. Ей вѣдь предстоитъ теперь выборъ между 45-ти-лѣтнимъ провинціаломъ, который злюка, плѣшивъ и брюзга, и 25-ти-лѣтнимъ Кàролемъ, считавшимся однимъ изъ самыхъ красивыхъ молодцовъ въ околоткѣ. Понятно, что не долго будетъ колебаться панна Франуся...

— Могу ли я, панна, видаться съ тобою? страстно говорилъ ей Кàроль.

— Можетъ панъ, если желаетъ, усмѣхалась Франуся.

— А гдѣ я могу видѣть тебя, моя очаровательница? шепталъ Кàроль.

— Всегда всюду въ Сталупеняхъ, когда я выхожу гулять.

— А когда ты выходишь?

— Когда отецъ ксендзъ дозволяетъ.

— А онъ дозволяетъ это часто?

— Почти никогда, лукаво улыбнулась Франуся.

— Не смѣйся надо мной такъ жестоко, а скажи гдѣ я тебя могу видѣть завтра.

— Въ концѣ парка у павильона, быстро произнесла кокетка.

— Въ какое время?

— На закатѣ солнца.

— Не обмани, панна, или я съ ума сойду, вымолвилъ съ жаромъ Кàроль.

— Если бы это случалось со всѣми тѣми, кто мнѣ это говорилъ, то королевство было бы переполнено одними безумными! отозвалась Франуся, смѣясь и показывая свои жемчужные зубы.

Господыня ксендза не осталась до полуночи; какъ ее ни умоляли, она собралась и въ сопровожденіи трехъ дѣвушекъ-пріятельницъ отправилась домой. Трое молодцовъ вызвались ихъ провожать.

— Чую что мнѣ будетъ строжайшій выговоръ отъ моего тирана, сказала она прощаясь.

Ксендзъ-провинціалъ встрѣтилъ свою господыню такъ, какъ Франуся и ожидала.

Онъ былъ уже на дорогѣ недалеко отъ костела, собираясь самъ идти за ней въ зàмокъ.

— Я тебя опять запру на ключъ и буду выпускать лишь по воскресеньямъ и только на село, сказалъ отецъ Викентій глухо, когда они вошли въ домъ.

— Меня не пускали. Я просилась, но всѣ удерживали, робко отозвалась дѣвушка.

— Лжешь, не всѣ тебя удерживали, а тотъ франтъ, который вздумалъ за тобой ухаживать, который отъ тебя не отходилъ все время.

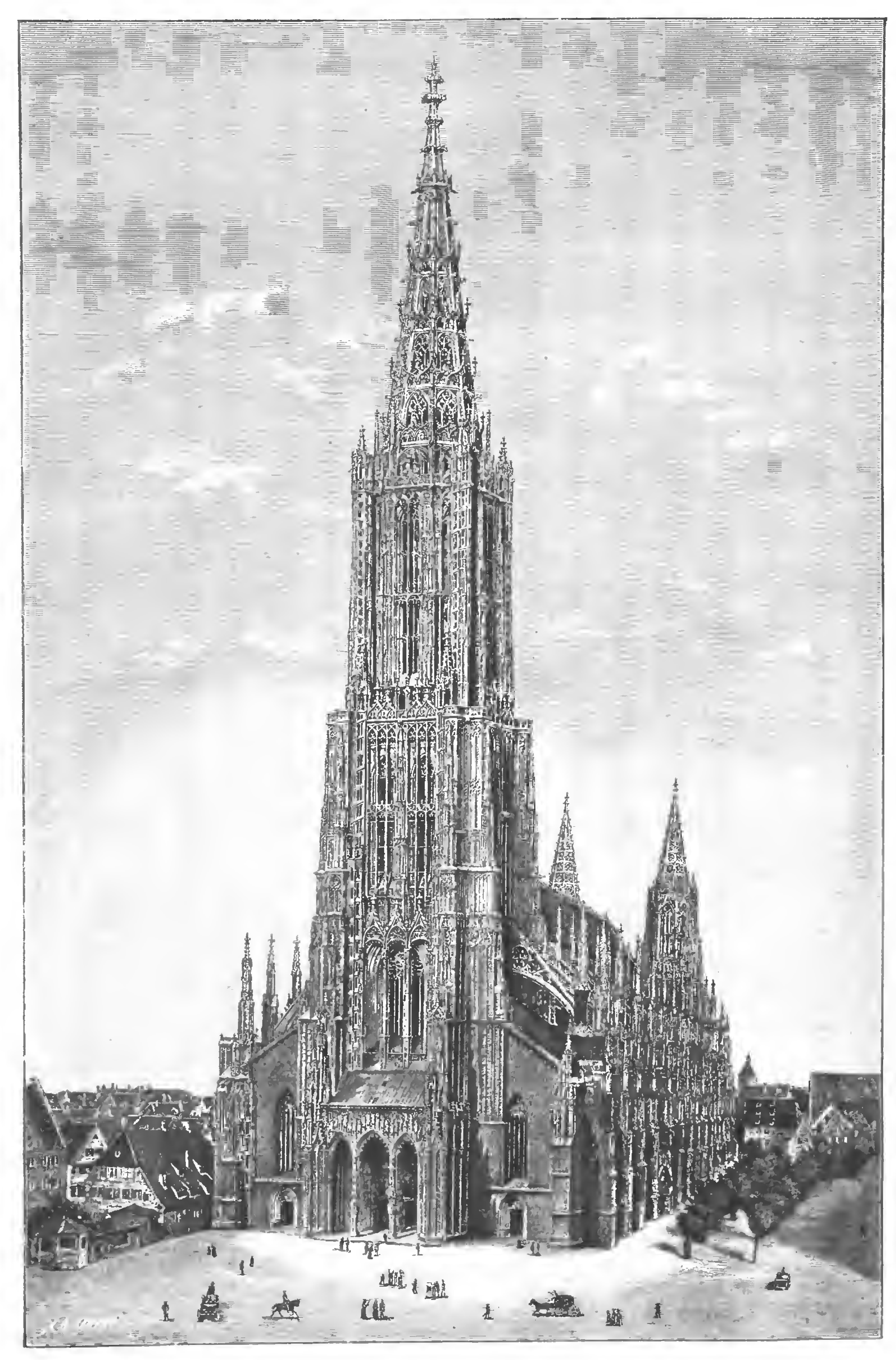
— Я не знаю, что̀ панъ-отецъ хочетъ сказать...

— Пожалуйста не прикидывайся малымъ ребенкомъ... злобно произнесъ ксендзъ.—Ты знаешь про кого я говорю. Я думалъ все-таки, что ты дѣвушка разсудительная, а ты, оказывается, такая-же легкомысленная дѣвчонка, какихъ много на свѣтѣ. Я начинаю думать, что ошибся въ тебѣ...

— Я танцовала какъ и всѣ и ничего себѣ не...

— Замолчи и не раздражай меня! вскрикнулъ отецъ Викентій.—Во всякомъ случаѣ, я требую отъ тебя чтобы ты не позволяла пану Кàролю за собой ухаживать такъ же какъ сегодня. Вѣдь я все знаю. Я знаю даже почти все, что̀ онъ говорилъ тебѣ. Помни и знай, Франуся, что ты должна быть моею. Слышишь-ли? Моей! И никто, никакая сила, хотя-бы самъ сатана, тебя изъ моихъ рукъ не вырветъ. Покуда я жду твоего добро-

Погибъ конь—погибнетъ и всадникъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина. грав. Флюгель.



Ульмскій соборъ. Съ фот. К. Герлингера въ Ульмѣ, грав. Герике.

вольнаго согласія, но чрезъ нѣсколько времени... я перестану любезничать. Съ тобой очевидно лаской ничего не сдѣлаешь. Ты слишкомъ скоро забыла всѣ мои благодѣянія.

— Я благодарна за то, что меня спасли изъ нищеты; но пусть панъ-отецъ вспомнитъ, что я не знала, не предвидѣла его намѣреній. Если бы я знала это, я бы не пріѣхала сюда.

— Я это слышу въ сотый разъ и мнѣ это уже надоѣло, снова вскрикнулъ отецъ Викентій.

— И я еще сто разъ повторю то же, довольно твердо выговорила Франуся.

— А-а!! Вотъ какъ!! грозно наступая на дѣвушку, хрипливо прошипѣлъ ксендзъ. — Такъ знай-же, глупая дѣвчонка, что ты съ завтрашняго утра будешь заперта и не будешь выходить никуда. И не только Кароля не увидишь болѣе, но даже женщинъ видѣть не будешь, пока не покоришься мнѣ вполнѣ и не уступишь.

— Кто любилъ бы меня истинно, заговорила Франуся вдругъ другимъ голосомъ, грустно нѣжнымъ,—тотъ поступилъ-бы со мною совершенно иначе. Тогда-бы онъ въ два-три дня покорилъ меня и заставилъ-бы... да, заставилъ-бы обожать себя...

Фигура и голосъ дѣвушки подѣйствовали на ксендза. Какъ-бы по удару магическаго жезла онъ подошелъ къ ней съ другимъ лицомъ. Онъ взялъ ее за обѣ руки, посадилъ на диванъ, опустился предъ ней на колѣни и началъ цѣловать ея руки.

— Франуся... скажи мнѣ, что̀ дѣлать... Я на все пойду, чтобы заслужить твою любовь. Единственное, что мнѣ невозможно — это бракъ. Но я готовъ даже бѣжать изъ отечества, перейти въ лютеранство, чтобы жениться на тебѣ...

Франуся, сидя, презрительно глядѣла на склоненную предъ ней фигуру и плѣшивую голову ксендза, и едва замѣтная насмѣшливая улыбка скользнула по лицу ея.

— Будутъ ласковы, добры ко мнѣ, дадутъ мнѣ полную свободу—тогда чрезъ какой нибудь мѣсяцъ — я буду совсѣмъ другая! выговорила Франуся.

— Согласенъ! Тысячу разъ согласенъ! воскликнулъ отецъ Викентій.

Между тѣмъ едва только Франуся покинула танцы, какъ все разстроилось. Ка̀роль скрылся, хотя и не пошелъ провожать ее до села. Три дѣвушки, которыхъ она взяла съ собой, и три молодца, которые вызвались провожать ихъ, были главными коноводами всякаго веселья. Съ ихъ отсутствіемъ пропало и одушевленіе.

Всѣ оставшіеся допивали остатки вина и только пересуживали одно и то же... Всѣхъ занималъ одинъ вопросъ: влюбился-ли панъ Ка̀роль въ господыню отца Викентія. И если „да“—то что̀-же изъ этого произойдетъ?

— Землетрясеніе! рѣшилъ кто-то.

Всѣ разсмѣялись и согласились.

Между тѣмъ Ка̀роль бродилъ въ паркѣ, а затѣмъ, вернувшись въ за̀мокъ, задумчивый прошелъ прямо къ себѣ въ горницу.

Музыка еще раза два начиналась въ сараѣ, но не длилась. Танцующихъ было мало. Наконецъ около полуночи музыка совсѣмъ замолкла, и вся гурьба молодежи обоего пола двинулась со двора за̀мка.

Въ воротахъ всѣ остановились, опрашивая привратника о панѣ Ка̀ролѣ, для того, чтобы лично поблагодарить его за танцы и угощеніе; но привратникъ, по данному приказанію, отозвался, что тотъ отлучился и что его въ за̀мкѣ нѣту.

Черезъ полчаса повсюду все стихло. Темная ночь давно окутала все, и за̀мокъ, и паркъ, и селеніе, и все спало сномъ праведныхъ. Казалось, даже столѣтніе дубы дремлютъ. Только одни стройные пирамидальные тополи стояли будто стражами тихой лѣтней ночи.

III.

Ка̀роль не спалъ... Родственница и господыня ксендза произвела на него сильное впечатлѣніе. Ка̀роль, не смотря на то, что былъ красавецъ и молодецъ и уже окончилъ курсъ наукъ у ксендзовъ піаровъ, не предполагалъ сдѣлаться военнымъ, а хотѣлъ поступить въ „Палестру“, т. е. стать юристомъ. Молодой человѣкъ, по характеру тихій и добродушный, не жилъ той жизнью, которой жили всѣ его товарищи — жизнью въ которой главную роль играли вино, карты и красавицы. Ка̀роль былъ человѣкъ крайне сосредоточенный, а съ виду задумчивый и даже часто печальный. Онъ былъ гордъ и самолюбивъ, а поэтому и несчастливъ. Онъ чувствовалъ себя не хуже и даже много лучше многихъ товарищей. Онъ зналъ, что онъ и уменъ, и образованъ, и красивъ, а между тѣмъ была громадная разница — цѣлая пропасть—между ихъ положеніемъ общественнымъ и его собственнымъ.

Панъ Сандецкій любилъ своего сына, хотя и побочнаго, но единственнаго, и не только не скрывалъ, но громко заявлялъ всѣмъ, что Ка̀роль — по фамиліи Побо̀чекъ—его родное дѣтище.

Тѣмъ не менѣе положеніе Ка̀роля было двусмысленное. Товарищи его и пріятели, носившіе громкія фамиліи, любили Ка̀роля; но среди ихъ громкихъ именъ, въ родѣ Потоцкихъ и Четвертинскихъ, имя Побо̀чка— глупое и вульгарное—часто бывало источникомъ обидъ, недоразумѣній.

Такъ, будучи еще очень молодъ, Ка̀роль влюбился въ сестру одного изъ товарищей — княжну Любомирскую. Едва только родные ея и братъ замѣтили, что восемнадцатилѣтній Ка̀роль неравнодушенъ къ дѣдушкѣ и любимъ взаимно, его тотчасъ перестали принимать въ домъ.

Въ другой разъ молодежь варшавская устраивала пиръ — загородную поѣздку съ дамами. Ка̀роль былъ въ числѣ устроителей, которыхъ было не болѣе двѣнадцати изъ самыхъ знатныхъ фамилій королевства. Когда король Станиславъ-Августъ — любитель всякихъ увеселеній и пировъ — приказалъ заявить, что явится тоже частнымъ образомъ на пикникъ, пришлось ради этикета вычеркнуть Побо̀чка изъ числа устроителей.

Подобнаго рода оскорбленія, ничѣмъ незаслуженныя, часто падали на голову Ка̀роля, и молодой человѣкъ мысленно обвинялъ своего отца. Онъ думалъ, что его слѣдовало воспитать совершенно иначе, держать въ за̀мкѣ въ числѣ другихъ нахлѣбниковъ, а не вводить въ то общество, которое было гордо и надменно вообще, но всего болѣе гордо происхожденіемъ.

Всѣ эти магнаты высокомѣрно обращались съ простыми шляхтичами, а Ка̀роль-Побо̀чекъ былъ не только шляхтичъ, но вдобавокъ и незаконнорожденный сынъ, хотя страшно богатаго, но все-таки не древняго рода шляхтича Сандецкаго.

Во время своего послѣдняго пребыванія въ Варшавѣ, откуда Ка̀роль только что вернулся, онъ подвергся новому незаслуженному оскорбленію.

Онъ отправился вмѣстѣ съ Сандецкимъ на вечеръ къ извѣстному богачу Понинскому. Уже за полночь, когда пиръ былъ въ самомъ разгарѣ, гости сильно подкутили. Тамъ и сямъ начались споры, придирки и стычки, что̀ было дѣломъ обыкновеннымъ, и одинъ изъ подгулявшихъ гостей, услыхавъ, что молодой человѣкъ зоветъ пана Ксаверія отцомъ, заявилъ, что онъ понятія не имѣлъ о томъ, что у Сандецкаго есть сынъ.

Ка̀роль объяснилъ, что онъ пріемышъ; но сидѣвшій неподалеку отецъ его, тоже сильно подкутившій, крикнулъ на всю залу, что Ка̀роль вретъ, что онъ его родной сынъ и когда-нибудь будетъ носить и имя Сандецкаго и владѣть Сталуненями.

— Не вѣрь, Ка̀роль! крикнулъ хозяинъ.—Панъ Кса-

верій самъ теперь не знаетъ, что̀ болтаетъ. Когда проснится, то откажется отъ своихъ словъ. Какимъ ты былъ Побочкомъ, такимъ и останешься!

Сандецкій обидѣлся, схватился за саблю. Кàроль счелъ долгомъ сдѣлать то же самое. Нѣсколько человѣкъ повскакали, тоже взявшись за оружіе, но болѣе благоразумные и болѣе трезвые успокоили обиженныхъ, помирили съ обидчиками—и все обошлось миролюбиво.

Тѣмъ не менѣе Кàроль вернулся домой особенно раздраженный и грустный. Этотъ пустой случай былъ какъ-бы каплей переполнившей горькую чашу. Молодой человѣкъ мысленно рѣшилъ всячески удаляться отъ знати, которая постоянно обижала его.

На другой-же день онъ выѣхалъ въ Сталупени, рѣшившись прожить здѣсь насколько возможно долѣе.

И это исключительное положеніе побочнаго сына, если не знаменитаго магната, то все-таки человѣка по своему состоянію извѣстнаго на всю Польшу, наложило особую печать на характеръ молодаго Кàроля, на его обращеніе съ людьми, даже на его лицо.

Онъ былъ всегда тихъ, скроменъ, ласковъ съ людьми ниже его стоявшими, готовъ даже на всякаго рода услуги, иногда на всякаго рода серьезную помощь въ бѣдѣ или несчастіи. Вмѣстѣ съ этимъ его красивое лицо было всегда слегка задумчиво, большіе черные глаза печальны.

Будь онъ сыномъ бѣднаго шляхтича, но не въ этомъ фальшивомъ и двусмысленномъ положеніи, быть-можетъ Кàроль сталъ-бы совершенно инымъ человѣкомъ.

Однако это положеніе и уберегло молодаго человѣка отъ сердечныхъ увлеченій. Были красавицы-варшавянки, которыя очень нравились ему, которыя благосклонно относились къ нему, но онъ удалялся, ожидая нажить новое оскорбленіе, тягчайшее.

Онъ помнилъ хорошо какъ еще недавно одинъ магнатъ въ качествѣ обманутаго мужа не пожелалъ драться на поединкѣ съ возлюбленнымъ жены, а подстерегъ его въ засадѣ со своими лакеями и исколотилъ палками до полусмерти. Причина этого было общественное положеніе соперника. А положеніе это было такое-же, какъ положеніе Кàроля.

Что касается красавицъ, стоявшихъ ниже Кàроля—онѣ не нравились ему, потому что стыдливый и скромный малый цѣнилъ болѣе всего въ женщинѣ свѣтское изящество, свѣтскій лоскъ и блескъ.

Здѣсь въ селѣ, въ Сталупеняхъ, а равно и въ окрестностяхъ были красавицы, нѣжно и вызывающе поглядывавшія иногда на Кàроля, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Онѣ были недостаточно блестящи на его взглядъ.

И вдругъ теперь, въ этотъ вечеръ случилось нѣчто чрезвычайно странное, чего и ожидать было нельзя.

Только что вернувшись изъ Варшавы, онъ вспомнилъ про большой праздникъ и тотчасъ-же рѣшилъ сдѣлать сюрпризъ молодежи села.

Въ одно утро сарай былъ разукрашенъ зеленью и цвѣтами, а изъ сосѣдняго мѣстечка явились музыканты.

Кàроль почти съ дѣтства привыкъ баловать всячески обывателей Сталупеней. За это именно они и обожали его. Но думалъ-ли онъ, что въ этотъ вечеръ въ гурьбѣ дѣвушекъ, пришедшихъ съ села, онъ встрѣтитъ молодую красавицу, которая сразу покоритъ себѣ его сердце?..

Сидя теперь среди ночи у открытаго окна, въ своей горницѣ, Кàроль разсуждалъ и спрашивалъ себя: пустота-ли его жизни и потребность любить заставила его сразу сильно заинтересоваться молодой дѣвушкой, или дѣйствительно въ этой пріѣзжей было что-то особенное.

Простая дѣвушка, очевидно простаго происхожденія и, конечно, не родственница ксендза, а попавшая къ нему совершенно случайно, отличалась однако не только отъ дѣвушекъ Сталупеней, но отъ многихъ дочерей богатыхъ шляхтичей, которыхъ Кàроль видѣлъ въ Варшавѣ.

Въ этой Франусѣ было что-то особенное. Она была умна, бойка, большая кокетка и при этомъ,—что̀ было для Кàроля всегда самымъ привлекательнымъ въ женщинѣ,—чрезвычайно граціозна и изящна, не только въ своихъ движеніяхъ, не только въ манерѣ танцовать, но даже голосокъ ея, громкій, звучный, былъ музыкально-гармониченъ.

— Такъ-ли, сякъ-ли, разсудилъ Кàроль вслухъ,—а я, кажется, въ нее влюбленъ не на шутку. Ну что-жъ! Если я осудилъ себя на добровольное изгнаніе въ Сталупени, то это будетъ какъ разъ случай поменьше скучать здѣсь. Все дѣло въ томъ, захочетъ-ли Франуся бросить ксендза? И тогда, какъ пристроить ее къ зàмку, какъ поладить съ духовнымъ пастыремъ, чтобы онъ не очень обидѣлся? Такой лакомый кусочекъ, какъ она, никто даромъ изъ рукъ не выпуститъ. Увидимъ!

Кàроль легъ спать, проспалъ крѣпко, такъ какъ не успѣлъ отдохнуть еще вполнѣ отъ дороги, и на утро, рано поднявшись, отправился на село. Здѣсь онъ безъ труда разыскалъ старика Казиміра, одного изъ самыхъ богатыхъ сельчанъ.

Онъ хотѣлъ узнать все, что̀ только возможно, о вновь появившейся родственницѣ ксендза; но Казиміръ, на его бѣду, ничего не могъ ему сообщить, кромѣ того, что̀ было ему уже извѣстно.

IV.

Задолго еще до захода солнца, Кàроль былъ уже въ глубинѣ парка на условленномъ мѣстѣ около павильона. Мѣсто это для свиданія, назначенное самой Франусей, было одно изъ самыхъ глухихъ.

Кàроль удивился, что вновь пріѣзжая къ нимъ въ мѣстность дѣвушка знала, гдѣ именно всего безопаснѣе видѣться тайкомъ.

„Когда успѣла она, думалъ онъ,—такъ изучить наши мѣста?“

Кàроль самъ давно не бывалъ въ этомъ уголкѣ парка. Здѣсь, на берегу маленькаго пруда, стоялъ небольшой красивый и изящный домикъ съ башенками и съ балкономъ, выкрашенный розовой краской.

Павильону этому было уже лѣтъ съ полсотни. Онъ былъ выстроенъ еще отцомъ нынѣшняго владѣльца—Яномъ Сандецкимъ. Въ зàмкѣ говорили, что этотъ красивый и одиноко стоящій въ глуши домикъ былъ выстроенъ покойнымъ паномъ для какой-то фаворитки восточнаго происхожденія.

Теперь, изрѣдка, раза два въ году, панъ Ксаверій устраивалъ тутъ ужины, когда къ нему случайно собирались человѣкъ десять ближайшихъ друзей.

И за эти послѣдніе годы въ павильонѣ случилось только одно любопытное приключеніе. Одинъ изъ гостей—шляхтичъ—когда всѣ сѣли въ фараонъ, проигралъ все свое состояніе въ пятьдесятъ тысячъ злотъ и на утро уже оказался нахлѣбникомъ человѣколюбиваго пана-хозяина.

Кàроль сѣлъ на скамейкѣ около павильона и сталъ нетерпѣливо ждать. Ему казалось, что теперь онъ еще болѣе влюбленъ въ панну Франциску, а между тѣмъ не было еще сутокъ, какъ онъ ее встрѣтилъ.

Не прошло получасу, какъ онъ увидѣлъ среди чащи кустовъ небольшую женскую фигурку, всю въ черномъ. Онъ присмотрѣлся, узналъ дѣвушку и почти бѣгомъ бросился къ ней навстрѣчу.

Франуся была нѣсколько смущена, но вскорѣ оправилась и заговорила бойко и самоувѣренно.

— Не подумай дурно обо мнѣ, пане, что я такъ быстро и легко согласилась придти на свиданіе. На это двѣ простыя причины, которыя я объясню пану.

— Мнѣ нечего дурно думать, панни, отвѣтилъ Ка-

роль.—Сутокъ нѣту, что я тебя встрѣтилъ, а уже безумно люблю, готовъ на все... И для меня, конечно, великое счастье, если ты можешь отвѣчать на мое чувство...

Подойдя къ самому павильону, они усѣлись и, разумѣется, Кароль началъ тотчасъ же клясться въ любви. Онъ дѣлалъ это совершенно искренно. Теперь, когда дѣвушка была передъ нимъ, онъ ясно видѣлъ, что нисколько не ошибается. Онъ провѣрялъ свое вчерашнее впечатлѣніе, провѣрялъ свое возникшее вдругъ чувство, и видѣлъ, что дѣйствительно влюбленъ.

Бесѣдуя съ ней, онъ невольно удивлялся умнымъ отвѣтамъ и вообще всѣмъ разсужденіямъ молодой дѣвушки. Онъ вдругъ въ воображеніи своемъ ввелъ ее въ аристократическое общество столицы—и ему показалось, что Франуся будетъ тамъ какъ у себя, не уступитъ ни одной знаменитой красавицѣ, въ родѣ графини Тышкевичъ или Потоцкой.

Кароль сталъ выспрашивать, кто она, откуда родомъ и вообще каково ея прошлое. Дѣвушка искренно и правдиво разсказала про себя все. И *все* это было незамысловато.

Она родилась въ Вармійскомъ епископствѣ, которое было за годъ передъ тѣмъ насильственно отторгнуто отъ Польши Прусскимъ королемъ. Съ того дня, что пруссаки заняли и захватили самовольно польскую землю, житья не стало обитателямъ отъ солдатчины и всякихъ притѣсненій и оскорбленій.

Франуся жила въ большомъ селеніи, гдѣ отецъ ея, шляхтичъ родомъ, былъ однако простымъ фермеромъ. Прежде, когда была жива ея мать и сестра, онѣ жили въ Гданскѣ, но затѣмъ, когда мать умерла, а сестра скрылась изъ дома, бѣжавъ съ какимъ-то нѣмцемъ-гусаромъ, отецъ ея, огорченный и оскорбленный, не захотѣлъ остаться къ Гданскѣ и сталъ искать себѣ мѣста и занятій въ какой-нибудь глуши.

Черезъ своихъ друзей онъ нашелъ мѣсто фермера въ Вармійскомъ епископствѣ. Тогда Франусѣ было только двѣнадцать лѣтъ. Здѣсь прожила она тихо лѣтъ пять, и думала всю жизнь прожить.

Условія, на которыхъ получилъ мѣсто ея отецъ, были крайне выгодны. Онъ надѣялся и часто говорилъ ей, что можетъ составить ей маленькое состояніе въ приданое и выдать отлично замужъ

Но вдругъ явившіеся пруссаки и ихъ владычество все перевернули. Многіе пострадали. Повсюду, во всякомъ дѣлѣ затѣвалась тяжба, и всякая тяжба кончалась въ пользу нѣмцевъ.

Отторгнутое отъ земель Рѣчи Посполитой епископство не по днямъ, а по часамъ онѣмечивалось и наполнялось пруссаками.

Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ появленія Фридриховскихъ солдатъ, какъ отецъ ея уже имѣлъ тяжбу, затѣмъ былъ разоренъ совершенно. Все у него было отобрано и самъ онъ былъ изгнанъ. Онъ не пережилъ этого и лишилъ себя жизни.

Франуся осталась въ семьѣ чужихъ людей, въ качествѣ няньки. Тамъ встрѣтилъ ее случайно пріѣзжавшій въ гости ксендзъ изъ Сталупеней и предложилъ ей послѣдовать за нимъ въ качествѣ экономки. Она согласилась, потому что семья ее пріютившая были люди бѣдные, да къ тому же и злые, дѣваться ей было некуда, развѣ идти нищенствовать по большимъ дорогамъ.

Всю свою исторію Франуся разсказала просто, и только когда дѣло дошло до гибели ея отца, дѣвушка заплакала, голосъ ея измѣнился, но сталъ не мягче, а рѣзче, тверже.

— Стало быть, ты—круглая сирота? сказалъ Кароль

— Да. Есть у меня сестра, но гдѣ она и что она—я не знаю... По всей вѣроятности ее бросилъ этотъ нѣмецъ-гусаръ и она гдѣ-нибудь въ положеніи быть-можетъ худшемъ, чѣмъ мое. А какая она красавица!.. Мнѣ говорятъ, что я красива собой, но что-жь я противъ моей сестры Эльжбеты? Она выше меня ростомъ, у нея чудные глаза...

— И у тебя, пани, чудные глаза, вступился Кароль.

— Нѣтъ, я дурнушка противъ сестры. Я хорошо помню ее. Вѣдь мнѣ было уже двѣнадцать лѣтъ, а ей столько, сколько мнѣ теперь — семнадцать. Теперь ей двадцать два или двадцать три... Воображаю себѣ, какъ красива она, если только горе не сгубило ее!..

— Скажи мнѣ еще одно, самое главное, пани... Не сердись на мой вопросъ... Отецъ ксендзъ—какъ смотритъ на тебя, какъ относится къ тебѣ?

— Онъ относится ко мнѣ такъ, какъ и долженъ относиться человѣкъ въ его положеніи къ нищей дѣвушкѣ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— То, что панъ самъ прекрасно понимаетъ. Зачѣмъ онъ предложилъ мнѣ ѣхать сюда и жить у него? Понятное дѣло, что онъ просто влюбился въ меня и теперь предлагаетъ мнѣ все за мою любовь. А что это „все“? Кароль не понялъ и изумленно поглядѣлъ въ лицо дѣвушкѣ.

— Это „все“—три десятка куръ, двѣ коровы, овцы, бараны... Это—небольшая чистенькая горница, сытный обѣдъ, видъ изъ окошка на Вислейку и на мостикъ, на этотъ замокъ... И затѣмъ жизнь господыни ксендза въ селеніи Сталупени. Не правда-ли, какъ это „все“ лестно и заманчиво для молодой дѣвушки?

— И ты думаешь согласиться на эту жизнь?

Франуся усмѣхнулась и покачала головой.

— Никогда!.. Я буду жить у него, покуда онъ не поставитъ дѣла ребромъ... Тогда пускай онъ выгонитъ меня и я пойду на всѣ четыре стороны. Пойду по большой дорогѣ, куда глаза глядятъ!..

— Нѣтъ, Франуся! воскликнулъ Кароль. — Ты скажешь только одно слово—и не пойдешь по большой дорогѣ. Ты придешь сюда... ко мнѣ въ замокъ и здѣсь найдешь себѣ горницу не хуже той, что у ксендза. Твое положеніе будетъ, конечно, лучше, чѣмъ...

— А какое, пане Кароль?.. Что я буду въ замкѣ?

Кароль помолчалъ мгновеніе и вымолвилъ:

— Я слишкомъ искренній, честный и правдивый человѣкъ, пани, чтобы отвѣчать прямо тотчасъ же. Я еще не рѣшился мысленно и всѣмъ сердцемъ на то, что мнѣ думается и предвидится, но, по всей вѣроятности, скоро я рѣшусь и тогда отвѣчу тебѣ, чѣмъ ты будешь въ замкѣ. Скажи мнѣ, знаешь-ли ты, кто я, какое мое положеніе въ замкѣ?

— Знаю, что любимецъ пана Сандецкаго и знаю больше этого...

— Что я его сынъ?

— Да...

— Это правда. И отецъ любитъ меня больше, нежели своихъ двухъ дочерей.

— И это я знаю, Кароль... Но правда-ли то, что всѣ въ Сталупеняхъ говорятъ? Я отвѣчала пану о себѣ все правдиво, безъ единаго слова лжи и обмана. Пусть и панъ такъ отвѣтитъ мнѣ. Правда-ли, что каштелянъ хочетъ усыновить его, узаконить его положеніе и сдѣлать своимъ единственнымъ наслѣдникомъ, владѣльцемъ Сталупеней и другихъ своихъ имѣній? Такъ всѣ говорятъ... Говорятъ, что онъ даетъ въ приданое своимъ двумъ дочерямъ только состояніе покойной жены... Простой ли это слухъ, простая болтовня, или правда?

— Какъ же могу я это знать, пани? Я могу сказать только, что отецъ говоритъ объ этомъ со мной, и довольно часто. Кромѣ того, не стѣсняясь, онъ говоритъ это всѣмъ. Обѣ панны Сандецкія тоже знаютъ это и поэтому, конечно, относятся ко мнѣ непріязненно. Но все это — очень мудреное дѣло. Когда нашъ теперешній король былъ только что избранъ, я знаю, что отецъ обращался къ нему съ просьбой объ усыновленіи меня, но изъ этого ничего не вышло. Станиславъ-Августъ отвѣчалъ то же, что и прежде слышалъ отецъ—что это незаконно. А теперь мы живемъ въ такое

Героямъ безъ славы. Съ карт. Эрнеста Эбера, грав. Картеръ.

смутное время. Панна знаетъ, какъ и всякій полякъ, всякая полька, что не нынѣ — завтра грозитъ намъ иноплеменное нашествіе, грозитъ многое. Всѣ земли, лежащія на границѣ съ Пруссіей, будутъ такъ же отторгнуты, какъ Вармійское епископство. И всѣ земли, которыя соприкасаются съ Имперіей москалей, тоже будутъ отторгнуты. Что̀ случилось съ епископствомъ — то же будетъ и здѣсь. Будутъ дѣйствовать нѣмецкіе законы. Если это случится, то въ этой общей бѣдѣ я найду мое счастье. Вѣроятно отецъ мой предъ королемъ Фридрихомъ будетъ счастливѣе. Можетъ-быть я буду узаконенъ и все перейдетъ мнѣ. Можетъ-быть, нѣтъ... На это, пани, я ничего сказать не могу. Одно только прибавлю по совѣсти: я не желалъ бы быть узаконеннымъ.

— Какъ?! Почему?! воскликнула Франуся рѣзко и громко.

Она, казалось, крайне поражена этими словами.

— Панъ самъ не захочетъ? спросила она снова.

— Нѣтъ. Это будетъ несправедливо по отношенію къ двумъ паннамъ: Моникѣ и Сусаннѣ. Вѣдь тогда онѣ будутъ лишены наслѣдства послѣ своего законнаго отца. Мнѣ кажется, что если-бы это случилось, мнѣ стыдно бы было смотрѣть честнымъ людямъ въ глаза.

— Какой вздоръ! Какая нелѣпость!.. воскликнула Франуся.

— Повѣрь мнѣ, пани, если-бы я подробно разсказалъ, какъ на это надо смотрѣть, ты бы согласилась со мной.

— Все это пустое!.. Но я хочу знать, если бы панъ Ксаверій выхлопоталъ все это, узаконилъ бы пана королевскимъ декретомъ Станислава-ли, Фридриха-ли... будетъ-ли панъ противодѣйствовать, или будетъ счастливъ сдѣлаться Кàролемъ Сандецкимъ?

— Не знаю, пани Франуся, мнѣ кажется, что я на это не соглашусь никогда.

— А-а!.. странно протянула Франуся, потупилась и задумалась.

— Но не все ли это равно? сказалъ Кàроль.

Дѣвушка не отвѣтила ни слова. Еще раза два повторилъ свой вопросъ молодой человѣкъ, но дѣвушка не отвѣчала: или задумалась глубоко и не слыхала вопроса, или же просто не хотѣла отвѣчать.

Наконецъ она пришла въ себя, оглянулась и, увидя, что полная темнота окутала ихъ, покуда они бесѣдовали, она встревожилась.

— Какъ я легкомысленно поступила! Какъ я поздно засидѣлась здѣсь! Я отпросилась у пана ксендза на одинъ часъ, а просидѣла здѣсь цѣлыхъ три.

Они поднялись и двинулись.

— Панъ Кàроль проводитъ меня до мостика. Авось мы никого не встрѣтимъ около зàмка, а встрѣтимъ — что-жъ дѣлать!

— Когда же мы увидимся, Франуся?

— Здѣсь же у павильона.

— Но когда?

— Не знаю... ничего не знаю... ничего не могу сказать.

— Развѣ нельзя завтра въ ту же пору?

— Нѣтъ, не могу, Кàроль.

— Ну, послѣ-завтра?

— Тоже не могу...

— Тогда выходи гулять на село, я тоже приду... Хотя бы только мнѣ видѣть тебя, если нельзя бесѣдовать! съ чувствомъ произнесъ Кàроль.

— Хорошо... Но я не обѣщаю, что выйду.

И всю дорогу до зàмка и рѣчки, на всѣ пылкія просьбы Кàроля снова придти на свиданіе къ павильону, Франуся отзывалась невозможностью.

Вообще Кàролю показалось, что она стала какъ-то холоднѣе относиться къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ голосъ ея звучалъ легкимъ раздраженіемъ.

На мостикѣ чрезъ Вислейку они разстались.

(Продолженіе будетъ).

Говѣніе.

(Изъ учебныхъ годовъ стараго барчука).

Евгенія Маркова.

(Окончаніе).

Вскочилъ я очень рано, хотя спалъ мало. На душѣ было какъ-то особенно свѣтло, какъ будто со мною случилось или случится сейчасъ что-нибудь очень хорошее. Я не ѣлъ ничего со вчерашняго обѣда и поэтому чувствовалъ себя еще легче и радостнѣе.

„Алеша говорилъ, что будетъ страшно... Отчего жъ мнѣ до сихъ поръ совсѣмъ ничего не страшно?..“ внутренно удивлялся я. —„Должно-быть это послѣ будетъ, когда начнется... А теперь все-таки не надо о другомъ думать.... нужно всѣ грѣхи вспомнить...“ увѣщевалъ я самъ себя, вспоминая наставленье Алеши.

Я видѣлъ, что Алеша ходитъ опять одинъ въ сторонкѣ, задумавшись, и какъ будто шепчетъ что-то самъ про себя.

„Вотъ ужь онъ навѣрное какъ слѣдуетъ кается въ своихъ грѣхахъ, онъ умѣетъ и помнитъ все... А я даже и припомнить не могу...“ Я не рѣшался подойти къ нему, хотя меня ужасно подмывало походить съ нимъ рядомъ и узнать, о чемъ онъ думаетъ теперь и какъ онъ кается въ своихъ грѣхахъ.

— Шараповъ 4-й! что-жъ вы шляетесь тутъ! Вашъ классъ давно исповѣдываться позвали!.. на бѣгу крикнулъ мнѣ, шумно спускаясь съ лѣстницы, шестиклассникъ Кумани.

Я испуганно бросился къ лѣстницѣ, крикнувъ Алешу. Шестой классъ дружною гурьбою съ болтовней и смѣхомъ сбѣгалъ въ это время съ широкихъ лѣстницъ, и мы съ Алешей остановились, ухватившись за перила, чтобы этотъ топочущій табунъ не снесъ насъ внизъ вмѣстѣ съ собою. Шестиклассники только что отъисповѣдались, и теперь въ церкви стоялъ затерянною нестройною кучкою нашъ четвертый классъ. Передъ алтаремъ на солеѣ батюшка стоялъ задомъ къ намъ у аналоя, въ своей высокой бархатной скуфьѣ и черной рясѣ, прикрытой спереди епитрахилью. Онъ казался теперь еще выше, еще худѣе и еще строже, чѣмъ всегда.

Саквинъ стоялъ въ эту минуту передъ нимъ, робко вытянувшись и пригнувшись лбомъ къ самому аналою. Глухой шепотъ батюшкина голоса неясно долеталъ до насъ какъ жужжанье шмеля.

„Что это онъ спрашиваетъ его?“ безпокойно думалось мнѣ. „Вотъ еслибъ знать!.. По крайней мѣрѣ, впередъ бы обдумалъ, какъ отвѣтить. А то спроситъ — а я и не знаю что̀ сказать... Вѣдь вотъ Алеша навѣрное знаетъ, а все скрываетъ... не говоритъ ничего...“

Голова Саквина вдругъ скрылась подъ концомъ золотой епитрахили, острая скуфья батюшки, острая борода батюшки, его острый носъ и торчащіе впередъ усы — все вдругъ зачѣмъ-то низко нагнулось надъ головою Саквина; мнѣ сдѣлалось не на шутку жутко. „Что̀ это онъ станетъ дѣлать надъ нимъ?“ тревожно ожидалъ я. Но Саквинъ сейчасъ же благополучно поднялъ голову, расшаркался передъ батюшкой со свойственною ему отчетливостью и граціей, и отмаршировалъ мирно къ намъ, чему-то смущенно улыбаясь.

— Саквинъ, голубчикъ! Что̀ онъ тебя спрашивалъ? скажи пожалуйста! упрашивалъ я его, остановивъ на дорогѣ.

— Вотъ еще франтъ! развѣ можно разсказывать, что̀ спрашиваютъ на исповѣди? презрительно пожимая плечами, отвѣчалъ Саквинъ.

Еще четыре товарища исповѣдывались раньше меня.

— Шараповъ 4-й! Ты теперь ступай! раздался, наконецъ, надтреснутый голосъ надзирателя Гольца.

Очередь была за мною.

Я нѣсколько разъ запнулся ногами, пока дошелъ до солеи, вошелъ на ея ступеньки и достигъ, наконецъ, аналоя. Мнѣ почему-то сдѣлалось очень страшно. Батюшки я какъ будто не видалъ, хотя все время не выпускалъ его изъ глазъ. Но онъ былъ для меня безразличенъ въ эту минуту. Всего меня поглотилъ теперь алтарь, къ дверямъ котораго я приближался въ одиночку. Никогда еще мнѣ не случалось двигаться такъ по церкви, глазъ-на-глазъ съ алтаремъ. Сквозь золотые просвѣты царскихъ воротъ, за голубою занавѣсью, чудились мнѣ какія-то совершающіяся теперь тамъ неизобразимыя, священныя таинства, чудилось присутствіе на золотомъ престолѣ, въ дыму и солнечныхъ лучахъ, Кого-то могучаго и страшнаго...

Въ какомъ-то головокруженіи остановился я около батюшки,

почти уткнувшись носомъ въ край высокаго аналоя. Какъ во снѣ слушалъ я вопросы батюшки, какъ во снѣ отвѣчалъ ему что-то, самъ не зная что. Этотъ таинственный, запертый кругомъ алтарь, надвинувшійся надо мною такъ близко, совсѣмъ подавлялъ меня и кромѣ него я не видѣлъ и не сознавалъ ничего.

Но вотъ голова моя вдругъ очутилась словно въ потемкахъ: батюшка накрылъ меня епитрахилью... Я вспомнилъ, что это исповѣдь, что надо молиться и каяться въ своихъ грѣхахъ. Да когда ужъ теперь! Батюшка что-то читаетъ надо-мною своимъ густымъ суровымъ басомъ, а я, безъ малѣйшаго умиленья, не чувствуя ни въ чемъ никакого раскаянія, равнодушно разсматриваю залоснившійся передъ его люстриноваго подрясника и серебряныя монеты, набросанныя на тарелочкѣ около Евангелія...

„Сколько Саквинъ положилъ?“ стараюсь я отгадать, перебирая глазами четвертаки и пятиалтынные и осторожно перекладывая изъ одной руки въ другую вспотѣвшій и нагрѣвшійся двугривенный, который я приготовилъ для батюшки.

Густой басъ батюшки произнесъ: „аминь“, голова моя дѣлается свободною...

— Приложитесь ко Кресту и Евангелію!.. тихо говоритъ батюшка.

Я машинально крещусь и машинально протягиваю губы, напряженно косясь глазами на мѣдную тарелочку, въ которую нужно сейчасъ положить свою лепту.

„Саквинъ, навѣрное, четвертакъ положилъ, а вотъ я только 20 копѣекъ!“ со стыдомъ думается мнѣ. „Хоть-бы ужь батюшка не разглядѣлъ!“

Слабо звякнувъ, мой двугривенный какъ нарочно медленно покатился по тарелочкѣ, весь на виду.

Я сгорѣлъ со стыда и потупившись, забывъ отъ смущенья поклониться батюшкѣ, пошелъ, заплетая ногами, къ своему классу, который, какъ я былъ увѣренъ, весь теперь ликуетъ насмѣшками надо мною и моимъ злополучнымъ двугривеннымъ.

„Такъ вотъ это-то исповѣдь! такъ только-то!..“ съ упавшимъ сердцемъ, полный разочарованья, думалъ я. Мнѣ сдѣлалось вдругъ такъ скучно и тяжело, и такъ досадно на себя, на батюшку, на Алешу, на Саквина, рѣшительно на всѣхъ, хотя я совершенно не зналъ, на что я досадую...

До обѣдни оставался еще цѣлый часъ. Я забрался съ горя на заднюю скамью опустѣвшаго класса и улегся на ней, подложивъ подъ голову развернутый по серединѣ толстѣйшій латинскій лексиконъ Кронеберга. Бумага его была мягкая, поэтому въ минуты нужды мы обыкновенно обращали его въ подушку.

Я не замѣтилъ, какъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Меня разбудилъ хорошо знакомый школьному уху шумъ поднимающагося по лѣстницамъ пансіона.

Какъ укушенный, вскочилъ я на ноги и бросился въ цейхгаузъ къ Панфилычу—облекаться въ мундиръ.

„Какъ я теперь пройду одинъ мимо инспектора и директора?“ съ ужасомъ представилъ я себѣ. „Да и пары мнѣ теперь нѣтъ, куда я стану?“

Я одѣвался какъ на почтовыхъ, прибивая торопливо до боли мокрою щеткою свои коротко остриженные волосенки и несказанно мучаясь предвкушеніемъ будущихъ опасностей...

Директора, къ счастью, еще не было въ церкви, а инспекторъ стоялъ впереди, вровень съ первыми парами, и въ ту минуту, какъ я входилъ, былъ занятъ своимъ обычнымъ величественнымъ процессомъ сморканья носа.

Въ трубныхъ звукахъ этого торжественнаго акта своего, онъ уже не могъ разслышать сзади мышинаго шороха моихъ трусливыхъ шаговъ, такъ что только одинъ надзиратель Гольцъ успѣлъ злобно сверкнуть на меня своими четырьмя зелеными стеклами...

Сонъ прогналъ мои тяжелыя мысли, въ окна церкви свѣтилось теперь веселое мартовское утро, капель съ крышъ уже звонко шлепала на желѣзные отливы оконъ, и воробьи въ пустыхъ карнизахъ чирикали такъ бойко и громко, что ихъ было отлично слышно сквозь открытыя форточки двойныхъ оконъ.

Церковь сіяла праздничными нарядами; мы всѣ были въ новыхъ мундирчикахъ, говѣвшія дамы въ бѣлыхъ платьяхъ съ розовыми и голубыми лентами. На душѣ у меня сталъ незамѣтно сіять такой-же солнечный день, такой-же ликующій праздникъ, и тамъ такъ-же точно все вдругъ разодѣлось въ бѣлое, голубое и розовое...

Когда наступило время причащаться, и колонны наши дружно придвинулись къ ступенямъ солеи, я плылъ словно на крыльяхъ по воздуху. Эта минута мнѣ казалась такою торжественною, такою прекрасною. Батюшка въ своей парадной глазетовой ризѣ, разодѣтый какъ на Свѣтлый Праздникъ, благоговѣйно держитъ тяжелый золотой потиръ, къ которому по-очередно притекаемъ всѣ мы...

— Тѣло Христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите! стройно и величественно возглашаетъ черезъ короткіе промежутки хоръ пѣвчихъ.

И я съ самымъ искреннимъ одушевленіемъ и вѣрою вкусилъ Христова Тѣла, и радостно глотнулъ потомъ изъ серебряной чарочки горячею волною пробѣжавшаго по всѣмъ жилкамъ моимъ церковнаго вина, и съ наслажденьемъ, какого никогда не испытывалъ, сталъ уплетать на голодный желудокъ мягкую бѣлую просфору, почтительно поддерживая ее обѣими ладонями, чтобы не сорить на полъ освященнымъ хлѣбомъ.

Мнѣ казалось, что внутри меня, въ моемъ обновленномъ сердцѣ, все вычищено и вымыто, какъ горница на Свѣтлый Праздникъ, всѣ грѣхи изгнаны изъ него навсегда, и навсегда воцарилось въ немъ только одно добро, одна правда и любовь...

„Я никогда, никогда больше не буду ни лгать, ни ругаться, ни драться! Никогда не буду сердиться ни на кого! всѣмъ буду прощать...“ въ приливѣ радостнаго умиленія говорилъ я самъ себѣ.

Алеша подошелъ ко мнѣ, тоже весь сіяющій и умиленный. Мы поцѣловали другъ друга крѣпко и нѣжно.

— Поздравляю тебя, Гриша, съ принятіемъ Святыхъ Тайнъ!.. сказалъ ласково Алеша.—Я вѣдь слѣдомъ за тобой причастился. Ты не видалъ? А вѣдь правда, какъ хорошо, когда причастишься? Какъ будто совсѣмъ новый человѣкъ сдѣлался... Правда вѣдь?

— Конечно, правда! Я, Алеша, никогда больше не буду грѣшить. Вотъ увидишь. Кто захочетъ, тотъ можетъ... Вѣдь такъ гораздо, гораздо лучше!..

Мы не пили утренняго чаю, и теперь насъ ждалъ чай съ двойными порціями булокъ въ неурочное время, стало быть, гораздо вкуснѣе обыкновеннаго.

Проголодавшись со вчерашняго обѣда, всѣ жадно набросились на него. Я никогда не пилъ казеннаго чаю, привыкнувъ дома къ деревенскому молоку, и потому каждый разъ награждалъ кого нибудь изъ пріятелей своимъ стаканомъ, оставляя на свою долю сухую булку.

— Шарановъ четвертый! голубчикъ! мнѣ, мнѣ сегодня! кричали справа и слѣва перебивающіе другъ друга голоса, и обращались въ мою сторону съ умильными гримасами просящія рожи.

— Шарановъ! смотри-же! не сподличай! не смѣй никому давать! ты мнѣ обѣщалъ! требовательнѣе всѣхъ кричалъ Яруновъ, которому я чаще другихъ уступалъ свою порцію.

— Врешь, когда я тебѣ обѣщалъ? Я тебѣ и безъ того всякій разъ даю... обидѣлся я.—Сегодня я Чермаку отдамъ. Онъ давно просилъ...

— Вотъ сволочь! второкласснику даетъ, а товарища надуваетъ! окрысился на меня Яруновъ. — Постой-же, я попомню тебѣ: то защищалъ тебя ото всѣхъ, а теперь ужъ — слуга покорный!

Меня возмутило нахальство Ярунова, которому я дѣйствительно никогда этого не обѣщалъ, и который, пользуясь моею дружбою, всякій разъ почти насильно оттягивалъ у меня стаканъ съ чаемъ.

— Что-жъ ты, запретить мнѣ хочешь отдавать кому я хочу? вспыливъ, крикнулъ я ему. — Вотъ за это-же никогда больше отъ меня не получишь! И просить не смѣй! Я тебѣ не лакей— исполнять твои приказы.

— А! такъ ты вотъ какъ? Погоди-жъ, я тебя по своему вздую... Я тебя заставлю слушаться...

— Что-о? ты меня заставишь? внѣ себя крикнулъ я. — Ахъ ты, морда рябая! хрѣновая терка!.. мало тебя братъ Анатолій колотилъ? еще захотѣлось?.. Стращать еще вздумалъ, дрянь этакая... Бабакъ, свистунъ! Мазепа!

Однако когда кончили чай, и колонны пошли опять въ классы, я сильно смутился духомъ, не зная, хвасталъ-ли только Яруновъ или дѣйствительно задастъ мнѣ сейчасъ взбучку. Онъ былъ одинъ изъ силачей нашего класса, хотя и малъ ростомъ, такъ потягаться съ нимъ мнѣ было совсѣмъ не по плечу.

Я шелъ, растерянный и взволнованный, стараясь ободрить самъ себя, и соображая, кто-бы могъ заступиться за меня.

Пойти-бы можно сейчасъ къ Анатолію въ шестой классъ... Но это, по правдѣ сказать, было-бы подлостью, измѣною передъ своимъ классомъ. Своего-же товарища да вдругъ выдать шестикласснику! Анатолій хоть и братъ, а вѣдь все-таки-жъ шестиклассникъ, стало-быть, все-таки чужой... Нѣтъ, это невозможно... Къ Бѣлобородову развѣ подойти, тотъ друженъ со мною и хоть не такой силачъ какъ Яруновъ, а все-таки не дастъ ему меня бить...

Я сталъ разглядывать позади, не видно-ли Бѣлобородова. Въ это время мы уже прошли дежурную и повернули въ *„свой“* коридоръ, куда выходили двери однихъ старшихъ классовъ.

Вдругъ ударъ въ голову оглушилъ меня. Зеленые и красные круги запрыгали у меня въ глазахъ. Яруновъ съ разбѣга схватилъ меня по виску своимъ тяжелымъ костлявымъ кулакомъ и сейчасъ началъ меня молотить по головѣ, по лицу, по чемъ попало.

Отъ негодованья и боли я позабылъ весь страхъ передъ силой Ярунова, и низко нагнувъ голову, чтобы защитить свое лицо отъ ударовъ, какъ училъ меня всегда Анатолій, тоже бросился на Ярунова и сталъ отчаянно барабанить его по лицу обоими кулаками, справа и слѣва...

Должно быть, Яруновъ совсѣмъ не ожидалъ отъ меня такого стремительнаго натиска, потому что я сейчасъ-же почувство-

Литературный альбомъ. „Золотая рыбка“ Пушкина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревскаго, гр. въ мастерской „Нивы“.

Слуги и друзья. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ѳ. Козачинскаго, грав. Флюгель.

валъ, какъ рѣже стали попадать въ меня его удары, и какъ онъ началъ отступать къ дверямъ класса...

Мы нѣсколько минутъ простояли у этихъ дверей, сдвинувшись чуть не лбомъ ко лбу, оба нагнувъ головы, оба наудачу колотя другъ друга, и всячески изловчаясь попадать какъ можно больнѣе въ лицо...

Я чувствовалъ, что шишки вскакивали у меня подъ глазами, застилая свѣтъ,—какъ гудѣло, словно труба органа, мое лѣвое ухо, въ которое больно треснулъ кулакъ Ярунова,—какъ изъ разбитаго зуба стала сочиться въ ротъ соленая кровь; но я все бился и бился, не переставая и не уставая, махая безъ перерыва кулачонками, отчаянно рѣшившись доказать подлецу Ярунову, что со мной плохи шутки и что я съумѣю постоять за себя...

Я понималъ инстинктомъ, не раскрывая прижмурившихся глазъ, что Ярунову тоже достается отъ меня порядкомъ, что онъ, къ великому торжеству моему, скорѣе теперь защищается, чѣмъ нападаетъ на меня.

Это неожиданное открытіе, что чортъ вовсе не такъ страшенъ какъ его малюютъ, что я самъ вовсе ужь не такой кисьлякъ, а Яруновъ вовсе не такой непобѣдимый силачъ, какимъ онъ выставлялъ себя, — удесятеряло мои силы и мою энергію.

— Сдаешься! кричалъ я храбрымъ голосомъ, учащая удары и напирая еще ближе на Ярунова, и сейчасъ-же получилъ въ отвѣтъ такой ударъ въ верхнюю губу, что она сразу вздулась какъ дождевой грибъ...

— Я тебѣ сдамся, сволочь! Отвѣдалъ теперь моихъ пампушекъ? прохрипѣлъ оскорбленный до глубины души Яруновъ.— Постой! я тебя еще не такъ накормлю... И другу и недругу заречешься драться со мной!..

— Господа! будьте свидѣтели! крикнулъ я по возможности добрымъ и торжествующимъ голосомъ, хотя этому совершенно противилась моя расквашенная губа.—Кто изъ насъ одолѣлъ!.. Видите, я его къ дверямъ прижалъ! Видите, онъ куда отступилъ!..

Товарищи давно уже столпились около насъ и внимательно слѣдили за ходомъ боя. Большинство были довольны, что Яруновъ потерпѣлъ если не пораженіе, то во всякомъ случаѣ полную неудачу. Они видѣли, что я выбился изъ силъ, и что дѣло, пожалуй, приметъ сейчасъ иной оборотъ.

— Довольно, господа! разнимайте ихъ! что они какъ гусаки сцѣпились! раздались голоса Бѣлобородова и Бардина.—Подрались и будетъ. Не до смерти-же драться! А то сейчасъ Гольцъ четырехглазый сюда явится... Ужь вонъ онъ нюхаетъ изъ дежурной, издали чуетъ... какъ коршунъ падаль.

И меня, и Ярунова оттащили въ разныя стороны, но я все еще взмахивалъ своими избитыми въ шишки кулачонками, и рвался къ нему.

— Счастливъ твой Богъ, волчонокъ, что во время тебя выхватили, а то бы тутъ и капутъ твой!.. проговорилъ, запыхавшись, Яруновъ.

— Это ты, рябой, Богу молись, что живъ остался! хвастливо крикнулъ я ему въ отвѣтъ, съ трудомъ удерживая слезы отъ нестерпимой боли въ глазу и губѣ. — Спасли добрые люди, а то бы изъ моихъ лапъ не выскочилъ!..

Взрывъ хохота раздался вокругъ меня.

— Ай да шарапчикъ, ай да волченокъ! со смѣхомъ сказалъ Бардинъ, первый силачъ и великанъ нашего класса. — Кулакомъ не возьметъ, такъ хоть языкомъ.. Не робѣетъ, мальчуганъ.. Однако ты его ловко обработалъ, рябой!.. Фонарей-то, фонарей понаставилъ... Теперь хоть въ темную ночь—и то ему будетъ свѣтло...

— А я-то ему, господа, поглядите: всю морду на-бокъ своротилъ!.. небось, до новыхъ вѣниковъ не забудетъ!.. Другой разъ не сцѣпится!.. поспѣшилъ я прихвастнуть какъ можно болѣе самоувѣреннымъ тономъ, хотя уже мучительно ощущалъ въ это время, что мое лицо горѣло и распухало какъ подушка.

Въ эту минуту по корридору торопливыми шагами подходилъ Алеша. Онъ пошелъ было гулять одинъ на дворѣ, за дровами, чтобъ никто не помѣшалъ ему предаваться благочестивымъ мыслямъ въ этотъ торжественный для него день. Но Сербиновичъ прибѣжалъ къ нему съ тревожною вѣстью, что меня бьютъ, и онъ сейчасъ-же бросился ко мнѣ на помощь.

Увидавъ мое опухшее и исцарапанное лицо, и услыхавъ мою задорную выходку, Алеша въ изумленіи остановился и съ молчаливымъ укоромъ посмотрѣлъ на меня.

— Гриша!.. Что это?.. сейчасъ послѣ причастія?.. А ты же говорилъ сейчасъ...

Я вспомнилъ свои кроткія мысли, свои добродѣтельныя рѣшенія, въ силу которыхъ мнѣ такъ вѣрилось всего только 15 минутъ назадъ, и пристыженно отвернулся отъ Алеши...

— Ну такъ что-жъ?.. развѣ я началъ?.. Когда онъ самъ на меня напалъ!.. не глядя на Алешу, проворчалъ я сердито.

— Да вѣдь ты-жъ говѣлъ, Гриша... Развѣ можно такъ? съ грустью сказалъ Алеша.

— Коли говѣлъ, такъ и разговѣлся теперь! съ хохотомъ перебилъ его Бардинъ, съ грубою ласкою хватая меня за плеча и втаскивая въ классъ. — Видишь, какими пирогами его угостили?.. Ничего, волчокъ, не робѣй! все-таки ты молодцомъ нынче воевалъ... Не поддался рябому бабаку!.. Отдулъ его своими боками хоть куда!

— Да за что это они?.. Господи!.. всю губу ему разнесло! И глазъ совсѣмъ посинѣлъ... какъ разъ инспекторъ увидитъ... страдающимъ голосомъ сказалъ Алеша.

— Ну а ты тутъ еще чего причитаешь? Нюни еще распусти!.. крикнулъ на него презрительно Бардинъ.—Велика важность, что ребята другъ другу морды поковыряли... Не барышни! до свадьбы заживетъ...

Алеша ничего не отвѣчалъ ему и стоялъ молча въ дверяхъ, смотря на меня съ выраженіемъ досады и глубокой жалости, съ задумчивою тоской качая своею, не по лѣтамъ серьезною, лобатою головою...

Роскошь древней Венеціи.

Меланхолическая красота Венеціи придаетъ ей въ настоящее время особый, своеобразный отпечатокъ. На каждомъ шагу встрѣчаются гордые памятники, свидѣтели прежняго величія; но то состояніе упадка, въ которомъ они находятся, напоминаетъ намъ, что величіе это было преходящее и что ему давно уже наступилъ конецъ. Венеція оплакиваетъ измѣнчивость судьбы, которую она испытала на себѣ самой, и только старые дворцы ея говорятъ о томъ, что она когда-то была могущественною царицей Средиземнаго моря, властною и грозною республикой, богатѣйшимъ и прекраснѣйшимъ городомъ въ Европѣ. Утопая въ славѣ и почестяхъ, владѣя обширною областью въ Италіи и далеко распространяя на востокъ свое господство, республика Св. Марка не знала соперницъ, и всѣ смуты и междоусобныя войны, раздиравшія Италію, отдавая ее въ бо̀льшую или меньшую зависимость отъ нѣмецкихъ государей, не касались Венеціи. Счастливое внутреннимъ спокойствіемъ, наилучше управляемое государство въ Европѣ, ведущее обширную, цвѣтущую торговлю, главный центръ утонченной культуры, богатства, роскоши, пировъ и веселія — такова была Венеція конца XV и начала XVI столѣтія.

Венеція насчитывала до 200,000 жителей; она содержала въ морѣ 3,000 купеческихъ кораблей съ 17,000 матросовъ, 300 военныхъ судовъ съ 8,000 человѣкъ команды и 45 галеръ съ 11,000 солдатъ. Стоимость вывозимыхъ ежегодно товаровъ достигала суммы въ 10 милліоновъ дукатовъ. Одной тисненой золотомъ кожи, которая шла на обивку стѣнъ и мебели, Венеція производила ежегодно на 100,000 дукатовъ; не менѣе значительна была торговля бархатными и шелковыми тканями, тончайшими кружевами и великолѣпными хрустальными произведеніями. Венеція представляла сплошной базаръ съ роскошными магазинами, подобныхъ которымъ не было въ Европѣ, и самый городъ, съ его величественными, богато убранными внутри церквами и дворцами, прекрасно содержимыми улицами и площадями, безчисленными мостами, перекинутыми черезъ каналы, усѣянные тысячами гондолъ и барокъ, вызывалъ справедливое удивленіе иностранцевъ. Дворецъ дожей, украшенный мраморомъ и золотомъ, церковь Св. Марка, со сверкающимъ золотомъ куполомъ, площадь Св. Марка, каналъ Гранде и высоко перекинутый черезъ него мостъ Ріальто—все это были сооруженія сказочной красоты, такъ какъ они въ дивной гармоніи соединяли въ себѣ вкусы Востока и Запада.

Дворянство, сначала принимавшее участіе въ торговлѣ, перестало теперь заниматься ею. По мѣрѣ накопленія богатствъ, оно удалялось въ свои дворцы и занималось художественною ихъ отдѣлкою. Молодые дворяне были честолюбивы, и всѣ государственныя должности были открыты передъ ними. Они охотно посвящали себя и адвокатской дѣятельности, потому что она доставляла славу и открывала путь въ Совѣтъ. Они слушали лекціи въ школахъ Венеціи или въ Падуанскомъ университетѣ и затѣмъ охотно предпринимали далекія путешествія. Молодому дворянину подобало умѣть складывать стихи, играть на какомъ-нибудь инструментѣ, пѣть и имѣть портретъ сдѣланный лучшимъ мастеромъ.

Науки и искусства пользовались вообще величайшимъ почетомъ, и въ этомъ городѣ лагунъ процвѣтала знаменитая художественная школа, во главѣ которой стояли Тиціанъ, Тинторетто и Паоло Веронезе. Это были люди любившіе пожить, любимцы народа и общества, которые притомъ съ энтузіазмомъ занимались своимъ искусствомъ.

По мѣрѣ того, какъ торговля и различныя производства переходили въ руки горожанъ, благосостояніе этого сословія постепенно росло. Между горожанами встрѣчались и очень богатые люди, которые, подобно дворянамъ, строили себѣ дворцы, нисколько не уступавшіе въ великолѣпіи дворцамъ патриціевъ. Нѣкоторые, изъ нищихъ, успѣвали сдѣлаться милліонерами, и если имъ удавалось купить себѣ дворянское достоинство и внести свое имя въ Золотую Книгу, то они дости-

гали предѣла своихъ земныхъ желаній. Это стоило очень большихъ денегъ, повторялось не часто, послѣ строжайшихъ разслѣдованій со стороны Совѣта, и то лишь тогда, когда Венеція вступила уже на путь упадка. Джузеппе Персико, который, выйдя изъ низшаго сословія, успѣлъ сдѣлаться богатымъ торговцемъ сукнами, получилъ дворянское достоинство цѣною 100,000 дукатовъ; а нѣкто Бонтомисли, также торговецъ суконами, снабжавшій князей и графовъ деньгами изъ своей казны, тѣмъ не менѣе не былъ внесенъ въ Золотую Книгу, несмотря на то, что построилъ великолѣпный алтарь въ церкви С. Сальватора, на свой счетъ перестроилъ церковь на островѣ Джудекка и пожертвовалъ 30,000 дукатовъ на больницы.

По мѣрѣ развитія роскоши въ венеціанской жизни XV и XVI столѣтія, возрастали и требованія приданаго при совершеніи браковъ у знати. Обычай требовалъ, чтобы невѣста приносила своему жениху капиталъ наличными деньгами и соотвѣтствующее приданое. Расточительность въ этомъ отношеніи достигла, наконецъ, такихъ размѣровъ, что сенатъ, заботясь объ общественномъ благосостояніи и не желая вовлекать молодыхъ людей въ праздную жизнь посредствомъ богатыхъ браковъ, издалъ въ 1505 году декретъ, по которому приданое и капиталъ не должны были превышать 3,000 дукатовъ. Кромѣ того, каждый дворянинъ, за мѣсяцъ до свадьбы, долженъ былъ представить на усмотрѣніе дожа, его совѣтниковъ и государственныхъ цензоровъ, свѣдѣнія о состояніи и происхожденіи своей невѣсты. Если онъ, какъ случалось нерѣдко, женился на рабынѣ, служанкѣ или вообще особѣ низшаго сословія, то какъ самъ онъ, такъ и сыновья его теряли дворянское достоинство и становились простыми гражданами. По законъ этотъ, въ его первой части, такъ трудно было исполнить, что онъ нѣсколько разъ видоизмѣнялся въ теченіе XVI столѣтія и допускалъ то 4,000 дукатовъ, то 6,000, на дѣлѣ же давалось и 40,000 и 60,000.

За два дня до предполагаемой свадьбы, женихъ и невѣста дѣлали визиты, начиная съ родителей и родственниковъ. Они садились въ богато-убранную гондолу, за которой, смотря по общественному положенію брачущихся, слѣдовало большее или меньшее число другихъ гондолъ, съ разодѣтыми по праздничному гондольерами. Изъ оконъ, гдѣ жили родные и знакомые, развѣвались флаги и вывѣшивались ковры; пушечные выстрѣлы и восторженные клики сопровождали жениха и невѣсту на ихъ пути. Затѣмъ сотни двѣ человѣкъ провожали ихъ при звукахъ трубъ и флейтъ въ церковь и, послѣ церемоніи, въ домъ невѣсты, гдѣ ожидалъ гостей роскошно-убранный столъ. На другой день молодой четѣ приносили подарки.

Большою торжественностью сопровождалось также рожденіе и крещеніе ребенка, а въ особенности похороны. Покойника, при торжественной процессіи, переносили въ гробу въ церковь, гдѣ находился фамильный склепъ. Впереди шло съ факелами то братство, къ которому при жизни обязательно долженъ былъ принадлежать умершій; остальные, оплакивающіе покойника, шли съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Затѣмъ слѣдовалъ несомый восемью лицами, покрытый золотымъ покровомъ, гробъ, а за нимъ—духовенство, слуги въ траурныхъ ливреяхъ, толпа монаховъ и призрѣваемыхъ дѣтей и наконецъ—народъ. Особая пышность проявлялась при похоронахъ одного изъ членовъ Совѣта, дожа или догарессы, т. е. супруги дожа. Въ этихъ случаяхъ, въ церкви Св. Марка звонили двойные колокола, духовенство и представители различныхъ учрежденій шли въ сопровожденіи свиты, солдаты и матросы стояли шпалерами, дымъ отъ тысячи факеловъ и свѣтъ безчисленныхъ свѣчей наполняли воздухъ. Тѣла такихъ умершихъ выставлялись предварительно на три дня, въ открытомъ гробу, въ парадной залѣ дворца дожей или сеньоріи.

Великолѣпные пріемы и балы составляли одно изъ главныхъ удовольствій знатныхъ домовъ и служили предлогомъ къ проявленію величайшей пышности. Гости поражали великолѣпіемъ одеждъ изъ бархата и шелка, украшенныхъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями и дорогими страусовыми перьями съ бриліантовыми аграфами. Столъ былъ уставленъ тончайшею утварью изъ майолики и хрусталя, и художественными приборами изъ серебра и слоновой кости. Несчетныя кушанья соединяли въ себѣ дары Запада и Востока, въ удивительнѣйшихъ сочетаніяхъ. Превосходное вино наполняло бокалы; рѣдкіе сорта фруктовъ, изъ Леванта, Кипра и Греціи, въ роскошныхъ золотыхъ вазахъ, радовали взоръ. На столѣ красовались удивительнѣйшія произведенія кондитерскаго искусства, иногда исполинскихъ размѣровъ и поистинѣ художественной формы, а также неисчислимыя лакомства изъ свѣжихъ и засахаренныхъ плодовъ. Послѣ угощенія, продолжавшагося цѣлые часы, гости переходили въ сосѣдніе покои; кавалеры ухаживали за дамами, декламировали стихи, играли на мандолинахъ, пѣли и шутили,—или въ теплые лѣтніе вечера бродили нарядными, веселыми группами, по благоухающимъ дорожкамъ великолѣпныхъ садовъ, среди убранныхъ разноцвѣтными фонариками бесѣдокъ и павильоновъ.

Расточительность и любовь къ роскоши составляли характерную черту венеціанскаго общества того времени. Всѣ указы и ограниченія сената оставались безплодными въ странѣ, гдѣ государственныя и церковныя празднества сопровождались тою же безумною роскошью, такъ какъ сама высшая власть находила, что того требуетъ гордость и слава Венеціи. При посѣщеніяхъ иностранныхъ принцевъ, пріемѣ чужеземныхъ посольствъ, при коронованіи дожа и его супруги и ежегодномъ торжественномъ обрученіи дожа съ моремъ, развертывалась такая пышность, которая не поддается описанію. Головной уборъ дожа, въ формѣ тіары, украшенной драгоцѣнными каменьями, представлялъ собою цѣнность въ 150,000 дукатовъ. На дожѣ были золотыя одежды. Впереди его шелъ хоръ музыкантовъ съ серебряными трубами и отрядъ гвардіи съ восемью шелковыми, богато-вышитыми золотомъ знаменами. За дожемъ шли слуги съ кресломъ, подушками и зонтикомъ. Далѣе слѣдовалъ великій-канцлеръ съ офицерами, канцлеръ съ секретаремъ, Великій Совѣтъ, коллегія судей, сенатъ, Совѣтъ Десяти и, наконецъ, въ роскошныхъ одеждахъ догаресса со своими приближенными дамами и прислужницами.

Вообще же говоря, мѣсто женщины, хотя и составлявшей лучшее украшеніе празднествъ и смотрѣвшей на наряды какъ на предметъ культа,—было у домашняго очага. Старинная республиканская строгость домашняго строя, вмѣстѣ съ государственною полиціей, сдерживали стремленіе къ ослабленію нравовъ и распущенности. Вмѣшательство въ государственныя дѣла не допускалось даже для самыхъ уважаемыхъ женщинъ. Само государство охраняло женскую добродѣтель. Невѣрный супругъ вызывалъ общее презрѣніе, точно также какъ поклонникъ, который по прошествіи шести мѣсяцевъ не просилъ руки дѣвушки, за которой ухаживалъ. Старавшійся повредить репутаціи женщины — подвергался изгнанію; а тотъ, кто открыто оскорблялъ честь женщины, смотря по обстоятельствамъ, приговаривался къ смерти. Молодой Морозини насильно поцѣловалъ женщину и при этомъ снялъ съ нея драгоцѣнный уборъ; тогда родной отецъ потребовалъ, чтобы виновного повѣсили и отрубили ему голову, что и было исполнено. Еще въ 1564 году вся Венеція была возмущена, когда молодая дочь патриція, Біанка Капелло, легкомысленно бѣжала со своимъ возлюбленнымъ, чтобы обвѣнчаться съ нимъ. Отецъ и государство назначили тысячу дукатовъ за поимку бѣглецовъ. Однако впослѣдствіи, когда бѣглянка сдѣлалась великою герцогинею Флоренціи, Венеція, изъ угодливости къ могущественному дому Медичи, провозгласила прекрасную Біанку „дочерью республики“, что составляло высшую честь, которой могла достичь венеціанка. Въ 1522 году, жена одного патриція была присуждена къ десятилѣтнему изгнанію за то, что, изъ мести, вымазала дегтемъ ворота дома, въ которомъ жили двѣ ея знакомыя дамы; а дожъ Венеріо, за подобное же оскорбленіе одной знатной дамы, уморилъ въ темницѣ своего сына. Помимо этого, порочные люди если и не умерщвлялись тайно сбирами Совѣта Десяти, или открыто—рукою палача, то принуждались нерѣдко къ *кебѣ* (cheba). Наказаніе это заключалось въ томъ, что виновнаго сажали въ желѣзную, проволочную клѣтку и вздергивали на площади до половины колокольни, для того, чтобы предать его всенародному осмѣянію.

Между тѣмъ дамы становились все болѣе и болѣе изобрѣтательны въ изысканіи средствъ къ развлеченію. Такъ, напримѣръ, онѣ со страстью предавались игрѣ, и не только требующей умственной работы, какъ, напримѣръ, игра въ шахматы, но и самымъ азартнымъ играмъ. Съ этой цѣлью были изобрѣтены въ Венеціи карты; по крайней мѣрѣ общественная игра въ карты обязана своимъ происхожденіемъ Венеціи конца XV вѣка. Какіе колоссальные размѣры приняла эта страсть, видно уже изъ указа грознаго Совѣта Десяти отъ 1506 года, которымъ воспрещалась безусловно продажа картъ и азартныя игры, и слуги строжайше обязывались доносить на своихъ господъ, если послѣдніе тайно преступали это законоположеніе. Вслѣдствіе этого появилась на сцену общественная игра въ лото, а также болѣе разумное времяпрепровожденіе въ видѣ театральныхъ представленій, такъ называемыхъ момарій.

Момаріи эти обязаны своимъ происхожденіемъ тѣмъ представленіямъ-импровизаціямъ, которыми давно уже развлекалось общество, въ особенности на свадебныхъ празднествахъ, гдѣ были въ обычаѣ шутки и остроты, часто хватавшія черезъ край. Впослѣдствіи принялись и за трагедіи; въ знатныхъ домахъ охотно ставились: „Агамемнонъ“, „Эдипъ“, „Неистовый Геркулесъ“, „Медея“, „Ипполитъ“, „Ифигенія“, „Гекуба“ и т. д. Изъ момарій составились впослѣдствіи съ опредѣленнымъ сценаріемъ фарсы, въ которыхъ главнымъ излюбленнымъ лицемъ былъ и остался въ Венеціи честный, добродушный разносчикъ Панталонъ.

Строгій блюститель нравственности, Совѣтъ возсталъ и противъ этихъ представленій, но не могъ остановить развивавшейся склонности къ театру; вскорѣ появились даже публичныя сцены, для которыхъ самъ Тинторетто писалъ декораціи.

Весьма важную роль въ развитіи общественной жизни того времени играла такъ-называемая „кальца“, т. е. сборище молодыхъ, богатыхъ, любящихъ повеселиться венеціанцевъ, соединявшихся для устройства различныхъ празднествъ и развлеченій. Элегантное братство это возникло по поводу коронованія дожа Микеля Стено, въ XV столѣтіи: оно получило

свое названіе отъ вышитаго разноцвѣтными шелками девиза на правомъ чулкѣ (calza). Къ обществу этому принадлежали мужчины и женщины, дворяне, горожане и даже иностранцы. Кальца вскорѣ раздѣлилась на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ каждая имѣла свое особое названіе, сообразно избранному девизу. Такъ, были „безсмертные", „вѣчные", „счастливые", „блаженные", „учтивые", „цвѣтущіе" и т. д. Каждое товарищество имѣло своего предводителя и носило опредѣленный костюмъ, чрезвычайно богатый, съ чулками собственныхъ цвѣтовъ. Товарищества эти, бывшія душою всѣхъ общественныхъ и частныхъ празднествъ, организовавшія также и театральныя представленія, могли быть по праву названы „золотою молодежью" Венеціи. Денегъ у этихъ людей было достаточно. Во время коронованія дожа Степо на долю каждаго члена „кальцы" пришлось внести до 2,000 дукатовъ.

Въ общемъ достаткѣ, благосостояніи и жизнерадостномъ отношеніи къ жизни, отличавшемъ Венецію XV вѣка, въ полной мѣрѣ принималъ участіе и народъ. Въ городѣ почти не было бѣдныхъ и совсѣмъ не было нищихъ. Еще по переписи 1582 года насчитывалось всего 187 человѣкъ нищихъ. Всякому хватало работы, и каждый трудъ вознаграждался такъ щедро, что никто не могъ терпѣть нужды: поэтому къ нищенству относились съ величайшимъ презрѣніемъ. Къ тому же и благотворительность практиковалась въ Венеціи въ широкихъ размѣрахъ: богатые жертвовали большія суммы на пособія старымъ, больнымъ и сирымъ. Правительство баловало и лелѣяло народъ. Насколько строго оно оберегало порядокъ и право, относясь неумолимо къ проступкамъ дворянъ, настолько снисходительно оно было къ своимъ гражданамъ изъ ремесленнаго сословія и къ пролетаріату. Исключеніе дѣлалось только въ случаѣ тяжкихъ преступленій или преступленій противъ власти и государственнаго порядка. Поэтому народъ былъ очень доволенъ своимъ дворянскимъ управленіемъ и мало интересовался государственными дѣлами, переданными разъ навсегда, обычаемъ и закономъ, въ руки дворянства. Покорно и охотно исполняя законы, народъ гордился величіемъ и пышностью своей республики и принималъ участіе во всѣхъ общественныхъ празднествахъ, карнавалахъ и другихъ увеселеніяхъ, щедро предлагаемыхъ ему господствующимъ классомъ.

Во время всѣхъ общественныхъ праздниковъ, въ шествіяхъ принимали участіе и ремесла, а потому каждый, кто желалъ имѣть опредѣленное положеніе, долженъ былъ принадлежать къ какому-нибудь ремесленному цеху. При коронованіяхъ дожей и догарессъ, цехи развертывали такое богатство и роскошь, которыя ясно доказывали, насколько они дорожили прославленною пышностью своей республики. Цехи шли въ процессіи съ хоромъ трубачей и барабанщиковъ впереди, предшествуемые великолѣпными знаменами; они воздвигали тріумфальныя арки, устраивали гонки и блестящія пиршества въ самомъ дворцѣ дожей, въ честь главы государства. Большую роль при этомъ играли золотыхъ дѣлъ мастера и мясники, но въ особенности рыбаки. Послѣдніе образовали даже въ предмѣстьи Венеціи, Санъ-Никола, особую республику, и ихъ цеховой старшина носилъ титулъ дожа, въ качествѣ главнаго служителя царицы Адріатики. Онъ имѣлъ свой Совѣтъ Двѣнадцати и своего канцлера для веденія рыбачьихъ дѣлъ. Могущественные властители на площади Св. Марка не отнимали этихъ привилегій у маленькой Санъ-Никольской республики. Мало того, при торжествѣ выборовъ рыбачьяго дожа, всегда присутствовалъ герцогскій секретарь и въ торжественномъ шествіи провожалъ избраннаго во дворецъ дожей, гдѣ ему надлежало посѣтить своего великаго собрата, главу государства.

Много способствовало довольству народа патріархальнымъ къ нему отношеніемъ дворянства — ласковое и участливое обращеніе послѣдняго. Пропасть, отдѣлявшая высшую аристократію отъ горожанъ и рабочихъ, уничтожалась личными добрыми отношеніями. Однимъ изъ доказательствъ сказаннаго можетъ служить тотъ фактъ, что патриціи очень часто крестили дѣтей ремесленниковъ или простыхъ рабочихъ, и такое воспріемничество, носившее имя Санъ-Джуана (Св. Іоанна), имѣло настолько серьезное значеніе, что принимало иногда характеръ дѣйствительнаго родства. Крестный сынъ на всю жизнь привязывался къ своему высокому покровителю, въ домѣ котораго былъ принятъ какъ членъ семьи.

Такимъ образомъ, въ цвѣтущій періодъ Венеціанской республики жилось легко и весело; народной массѣ были доступны такія блага жизни, которыя нигдѣ въ такой мѣрѣ не доступны ей. Прекрасное положеніе города на берегу моря, сотни водяныхъ путей, охватывающихъ его со всѣхъ сторонъ, чудный, мягкій климатъ, все это давало возможность пользоваться самыми незатѣйливыми развлеченіями. Венеціанецъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи Лидо, гдѣ, при шумѣ волнъ Адріатическаго моря, могъ проводить съ женой и дѣтьми лѣтніе вечера: гондолы доставляли его туда и обратно, и веселыя пѣсни молодыхъ дѣвушекъ сопровождали поѣздку. Гуляя, онъ слышалъ на вѣчно-прекрасной площади Св. Марка разсказчиковъ сказокъ и импровизаторовъ стиховъ; былъ свидѣтелемъ шумной, оживленной жизни патриціевъ и чужестранцевъ; окрестности города и близлежащіе острова манили къ экскурсіямъ, и самая домашняя жизнь складывалась весело и безпечно, вслѣдствіе отсутствія заботъ и добродушнаго, жизнерадостнаго настроенія людей. Чувство справедливости и честность были выдающимися чертами венеціанскаго народа и сохранились долго послѣ того, какъ высшіе круги уже разъѣдала распущенность нравовъ и они мало-по-малу обнищали вслѣдствіе расточительности и праздности.

Въ настоящее время Венеція представляетъ лишь тѣнь прежняго величія; населеніе обѣднѣло и большею частью живетъ только пріѣзжими иностранцами. Но старые мраморные дворцы до сихъ поръ сохранили на себѣ отпечатокъ былаго величія Венеціи. (с.)

Къ рисункамъ.

Тихій вечеръ. (Рис. на стр. 1017).

Растутъ, растутъ причудливыя тѣни,
Въ одну сливаясь тѣнь...
Чтó звало жить, чтó силы горячило
Далеко за горой.
Какъ призракъ дня, ты, блѣдное свѣтило,
Восходишь надъ землей,
И на тебя, какъ на воспоминанье,
Я обращаю взоръ.
Смолкаетъ лѣсъ, блѣднѣй ручья сіянье,
Потухли выси горъ... **(Фетъ).**

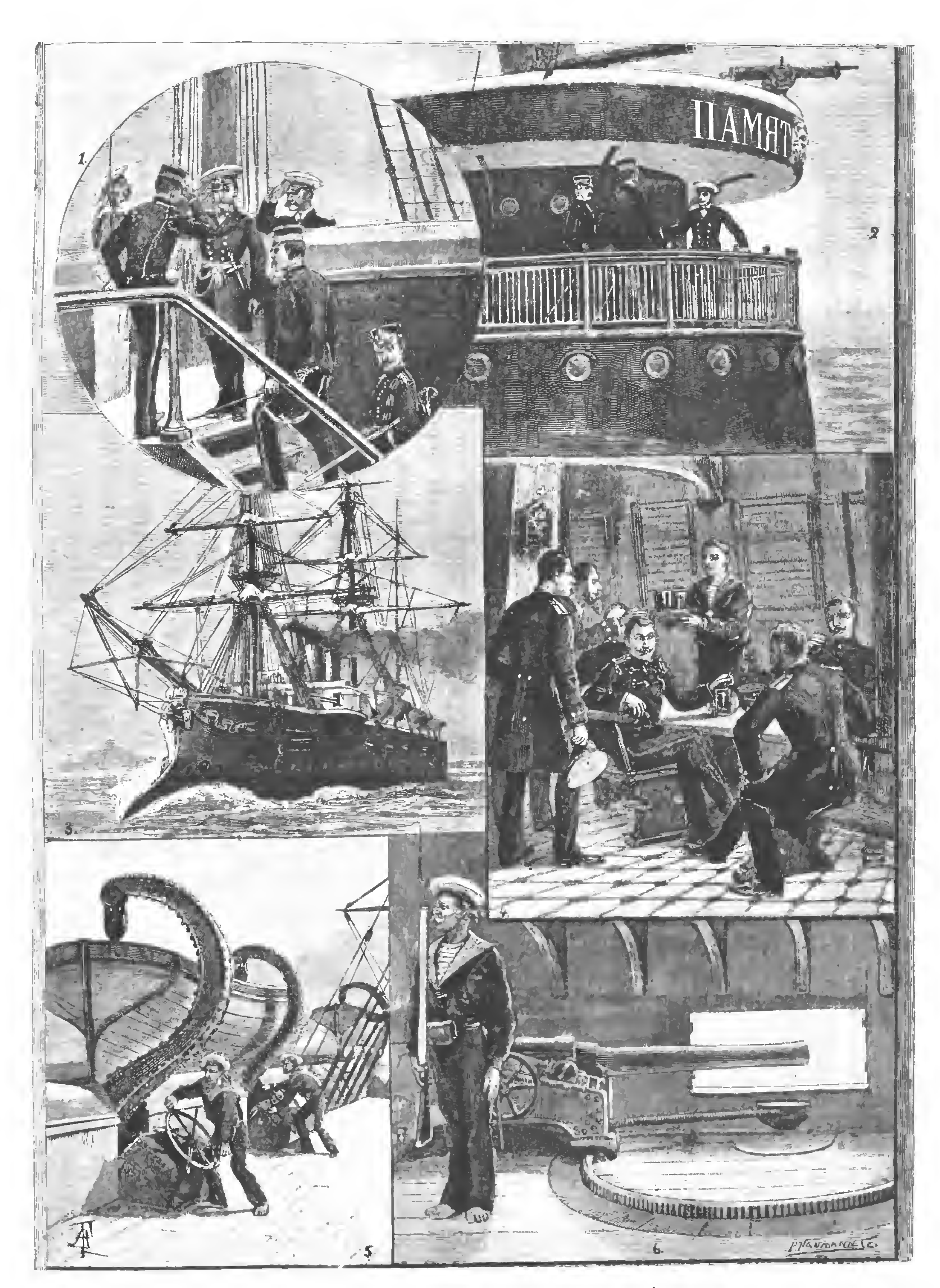
Погибъ конь — погибнетъ и всадникъ.

(Рис. на стр. 1020).

Посреди безводной, песчаной степи, предѣловъ которой даже не видно сквозь раскаленный воздухъ, палъ у туркмена его вѣрный товарищъ—конь. Только на немъ всадникъ могъ перелетать съ одного конца пустыни въ другой, только съ нимъ для него не были страшными хищники этой злополучной мѣстности. Но конь погибъ,—и его хозяинъ, грустно склонившись надъ его трупомъ, думаетъ невеселую думу о своей безысходной и страшной судьбѣ...

Ульмскій соборъ. (Рис. на стр. 1021).

18 іюня 1377 года, въ присутствіи гражданъ города Ульма, торжественно былъ заложенъ первый камень собора бургомистромъ Лудвигомъ Крафтомъ, а 19 мая нынѣшняго года укрѣпленъ послѣдній камень на вышкѣ главной башни этого зданія и тѣмъ закончена постройка. Въ углубленіи, сдѣланномъ въ этомъ камнѣ, помѣщенъ пергаментъ съ надписью: „Въ 1890 году, въ двадцатый годъ новой Германской имперіи и въ 26 годъ благополучнаго царствованія ихъ величествъ короля и королевы Виртембергскихъ, 19 мая, въ 6 часовъ положенъ послѣдній камень этого собора. Спустя 513 лѣтъ послѣ закладки благополучно окончена постройка высочайшей церкви въ нѣмецкой странѣ. Слава въ вышнихъ Богу!" Ульмскій соборъ, окончаніе котораго было достойно ознаменовано съ 16 по 19 іюня настоящаго года цѣлымъ рядомъ празднествъ, въ присутствіи королевской четы и другихъ высокопоставленныхъ гостей, является выдающимся памятникомъ готическаго стиля позднѣйшаго времени и вмѣстѣ съ Кельнскимъ соборомъ (которому онъ уступаетъ въ объемѣ, но зато превосходитъ его по вышинѣ) представляетъ чету величайшихъ храмовъ Германіи. Кельнскій соборъ занимаетъ площадь около 1,400 кв. саженъ, а Ульмскій почти 1.200 кв. саженъ; но за-то главная башня Ульмскаго собора, подымаясь за 75 саженъ, превосходитъ всѣ высочайшія зданія на землѣ, за исключеніемъ Эйфелевой башни. Постройка собора медленно подвигалась до половины XVI столѣтія и затѣмъ остановилась, а именно осталась неоконченною массивная башня на западной сторонѣ, послѣ того, какъ она была доведена, подъ наблюденіемъ архитектора Матвѣя Беблингера, до восьмигранника. Затѣмъ главное вниманіе было обращено на отдѣлку и украшеніе внутренности собора. Такъ продолжалось до 25 марта 1841 г., когда образовалось общество во главѣ съ наслѣдникомъ престола, нынѣшнимъ королемъ Виртембергскимъ Карломъ, для возстановленія собора. 9 августа 1844 г. былъ назначенъ архитекторомъ І. М. фонъ-Маухъ, и возстановленіе началось. При его преемникахъ, Тренѣ, Зебольдѣ и Шеѣ, по мѣрѣ того какъ возобновленіе подвигалось впередъ, было рѣшено, замѣчательный памятникъ средневѣковаго зодчества не только возстановить, но и окончить постройкою, для чего была устроена въ 1867 году лоттерея. 18 іюня 1877 года было торжественно отпраздновано пятисотлѣтіе собора. Послѣ смерти, въ 1880 году, строителя Шея, таковымъ былъ назначенъ профессоръ Августъ Бейеръ, который и завершилъ труды своихъ предшественниковъ, доведя постройку величественнаго Ульмскаго собора до конца.



Броненосецъ „Память Азова" въ Плимутѣ (Англія).

Прибытіе англ. офицеровъ.
Общій видъ броненосца.
Спусканіе шлюпокъ.

Корма броненосца.
Угощеніе англ. офицеровъ чаемъ.
Матросъ на часахъ

Героямъ безъ славы. (Рис. на стр. 1025).

Антуанъ-Огюстъ-Эрнестъ Эберъ, французскій портретистъ и бытовой живописецъ, родился въ Греноблѣ въ 1817 г. Восемнадцати лѣтъ онъ прибылъ въ Парижъ, чтобы посвятить себя юридическимъ наукамъ, но скоро его привлекла живопись, и онъ прилежно сталъ заниматься ею, сперва въ мастерской Давида Анжерскаго, а затѣмъ у Делароша. За картину „Іосифовъ кубокъ въ мѣшкѣ Веніамина" онъ былъ посланъ въ 1839 году въ Римъ, гдѣ пробылъ болѣе 10-ти лѣтъ. Самыми выдающимися картинами, которыя явились отраженіями его пребыванія въ Италіи, были „Malaria" въ 1850 г. и „Женщины изъ Червары" (1859). Обѣ онѣ украшаютъ Луксенбургскій музей. Изъ позднѣйшихъ его работъ, указывающихъ на свѣжесть и силу его таланта, должна быть названа картина „Героямъ безъ славы" (стр. 1025), на которой величавый геній или муза украшаетъ цвѣтами могилу честныхъ и трудолюбивыхъ тружениковъ, совершившихъ свой жизненный путь безъ блеска, славы и шума.

Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. (Рис. на стр. 1028).

Всѣмъ хорошо извѣстна превосходная сказка Пушкина о рыбакѣ и рыбкѣ, и вѣроятно не найдется на Руси человѣка, кто хотя бы въ дѣтствѣ не слыхалъ, какъ „жилъ старикъ со своею старухой, у самаго синяго моря"; какъ „они жили въ ветхой землянкѣ, ровно тридцать лѣтъ и три года"; какъ „старикъ ловилъ неводомъ рыбу, а старуха пряла свою пряжу..."

Слуги — друзья. (Рис. на стр. 1029).

Бойкій карандашъ О. Казачинскаго зарисовалъ сценку, которую рѣдко теперь можно встрѣтить. Гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, въ которомъ патріархальная помѣщичья жизнь еще не успѣла вполнѣ угаснуть, старушка-хозяйка, за чайкомъ, играетъ „въ дурачки" со своими бывшими дворовыми, а теперь вѣрными слугами и быть-можетъ единственными друзьями ея одиночества. Какъ самодовольно и въ то же время добродушно улыбается она, сдѣлавъ удачный ходъ, своему партнеру, надъ затруднительнымъ положеніемъ котораго не безъ лукавства посмѣивается про себя старая прислужница!

Броненосный крейсеръ „Память Азова" въ Плимутѣ. (Рис. на стр. 1033).

Крейсеръ „Память Азова", на которомъ, 23 августа, какъ извѣстно, отправился въ чинѣ мичмана Е. И. В. Вел. Кн. Георгій Александровичъ въ кругосвѣтное плаваніе, имѣетъ скорость 18 узловъ въ часъ, вооруженъ двумя пушками въ $13^1/_2$ тоннъ, казеннозарядными съ Обуховскаго завода, скорострѣльными пушками и минными приспособленіями. Онъ отличается длиннымъ тараномъ, надъ которымъ помѣщается орудіе въ амбразурѣ, и особымъ устройствомъ кормовыхъ амбразуръ. Внутренняя отдѣлка каютъ — верхъ совершенства, особенно каюта командира. На почетномъ мѣстѣ виситъ картина, изображающая корабль „Азовъ" (въ память котораго и названъ крейсеръ) въ жаркомъ бою съ турецкимъ флотомъ подъ Наварипомъ. Здѣсь же находятся портреты Петра I, какъ основателя русскаго флота, и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Прилагаемый рисунокъ сдѣланъ съ наброска англійскихъ офицеровъ, посѣтившихъ „Память Азова" во время пребыванія броненосца въ Плимутѣ. Рис. № 1 изображаетъ посѣтителей вступающихъ на корабль, № 2—кормовую часть и № 3—все судно на ходу, № 4—угощеніе посѣтителей чаемъ. Далѣе, на рис. № 5 показанъ способъ спусканія шлюпокъ на воду; послѣдній рис. изображаетъ матроса на часахъ.

Вѣнценосные спортсмены. (Рис. на стр. 1036).

Императоръ Германскій и король Саксонскій, гостя у императора Австрійскаго въ Мюрцштегѣ, въ Штирійскихъ Альпахъ, посвятили первые дни октября (н. с.) охотѣ на сернъ и горныхъ козловъ. По прибытіи въ Нейбергъ, ближайшую желѣзнодорожную станцію, ихъ величества были встрѣчены собравшимися крестьянами Мюрцской долины. Императоръ Францъ-Іосифъ, чувствующій себя здѣсь какъ дома, былъ одѣтъ въ штирійскій костюмъ, съ темнымъ плащемъ и такъ-называемою тирольскою шляпой. У Германскаго императора шляпа была украшена зеленою лентой и розеткой изъ шерсти впервые убитой имъ серны. Въ замкѣ, придворные служители, въ живописныхъ штирійскихъ нарядахъ, ожидали державныхъ гостей, выстроенные въ рядъ, съ факелами и охотничьими ножами въ рукахъ. Тотчасъ по прибытіи поданъ былъ обѣдъ, и вѣнценосные охотники вскорѣ послѣ стола удалились въ опочивальни, такъ какъ выѣздъ на охоту назначенъ былъ въ три часа утра. Императоръ Францъ-Іосифъ и гости его проѣхали въ Мюрцъ-цу-шлагъ, откуда пѣшкомъ поднялись на Альпы. Утро было великолѣпное, но около полудня, когда началась охота за сернами, разыгралась такая сильная метель, что прицѣлъ сталъ невозможенъ, и охотникамъ грозила опасность быть сброшенными вѣтромъ въ бездну. Даже такой испытанный охотникъ, какъ императоръ Францъ-Іосифъ, не рѣшился дать ни одного выстрѣла, но императоръ Вильгельмъ тѣмъ не менѣе убилъ двухъ сернъ, а король Саксонскій одну серну и трехъ горныхъ козловъ. Скоро туманъ сгустился до такой степени, что въ двухъ шагахъ уже ничего не было видно, и пришлось отказаться отъ дальнѣйшей охоты. Вечеромъ, послѣ обѣда въ замкѣ, императоръ со своими гостями, спустились во дворъ, гдѣ, при свѣтѣ факеловъ, на сосновыхъ вѣтвяхъ была разложена убитая дичь.

Графъ фонъ-Мольтке. (Портр. на стр. 1037).

Въ настоящее время Германія готовится къ небывалому чествованію одного изъ своихъ славныхъ сыновъ. 14 октября исполнится 90 лѣтъ жизни знаменитаго нѣмецкаго стратега, графа фонъ-Мольтке, хорошо извѣстнаго и за предѣлами его родины. Сынъ датскаго генералъ-лейтенанта Виктора фонъ-Мольтке, маститый воинъ родился въ 1800 году въ Мекленбургъ-Шверинскомъ городѣ Пархимѣ. Двѣнадцати лѣтъ онъ отправился въ Копенгагенъ, гдѣ и началъ кадетомъ свое военное поприще. Черезъ десять лѣтъ онъ вступилъ въ прусскую военную службу въ чинѣ поручика инфантеріи, а спустя еще 10 лѣтъ состоялся пріемъ его въ генеральный штабъ, въ которомъ впослѣдствіи онъ былъ начальникомъ и который пріобрѣлъ, благодаря его руководству и личной дѣятельности, заслуженную и почетную извѣстность. Особенно памятными и славными годами въ жизни графа Мольтке являются года войнъ съ Австріей, а затѣмъ съ Франціей, замѣчательные его дѣятельностью въ направленіи побѣдоносныхъ войскъ своей родины. Услуги имъ оказанныя не прошли незамѣченными, и самыя щедрыя награды были должною данью его способностямъ. Украшенный въ 1871 г. большимъ орденомъ Желѣзнаго Креста и награжденный чиномъ генералъ-фельдмаршала, графъ Мольтке былъ избранъ въ почетные граждане многихъ городовъ и еще при жизни удостоился памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь его въ Пархимѣ въ 1876 году и въ Кельнѣ въ 1881 году. Еще бодрый, въ добромъ здоровьѣ, графъ Мольтке и нынѣ является близкимъ совѣтникомъ своего монарха, который глубоко его уважаетъ и нерѣдко свидѣтельствуетъ о своемъ къ нему милостивомъ расположеніи. Такъ, въ *Имперскомъ Указатель* уже объявлено, что императоръ повелѣлъ закрыть всѣ учебныя заведенія въ день празднованія юбилея графа Мольтке.

Оттонъ Егоровичъ Раухъ. (Портр. на стр. 1037).

29 іюля скончался въ Варшавѣ генералъ-лейтенантъ Раухъ, командиръ 15-го армейскаго корпуса. Дворянинъ Эстляндской губерніи, Оттонъ Егоровичъ Раухъ родился 16 января 1831 года. Окончивъ курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище) въ 1851 г., онъ вышелъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, а въ 1855 году окончилъ отлично курсъ Императорской Военной Академіи, съ награжденіемъ чиномъ штабсъ-капитана и причисленіемъ къ гвардейскому Генеральному Штабу.

Исполнительный и дѣятельный, Оттонъ Егоровичъ очень быстро подвигался по службѣ: переведенный въ 1856 году въ гвардейскій Генеральный Штабъ, въ слѣдующемъ году онъ былъ уже дивизіоннымъ квартермистромъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а въ 1862 году, въ чинѣ полковника, состоялъ въ распоряженіи Военнаго Министра и генералъ-квартермистра штаба Его Императорскаго Величества, и затѣмъ перебывалъ начальникомъ многихъ штабовъ. Въ 1867 году произведенъ въ генералъ-маіоры.

Съ мобилизаціей штаба дѣйствующей арміи, въ ноябрѣ 1876 года, Оттонъ Егоровичъ, назначенный для особыхъ порученій при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміей, успѣшно исполнилъ рядъ порученій Его Высочества въ Бессарабіи и Румыніи, а въ іюнѣ 1877 года, приказомъ по дѣйствующей арміи, назначенъ помощникомъ начальника передоваго отряда.

По сформированіи передоваго отряда, въ виду неприбытія еще генералъ-адъютанта Гурко, генералъ Раухъ принялъ временно командованіе передовымъ отрядомъ, и подъ его начальствомъ передовой отрядъ перешелъ Дунай у Зимницы и двинулся къ Тырнову.

Во время дѣйствій передоваго отряда за Балканами генералъ Раухъ былъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ начальника отряда, какъ въ управленіи боевыми дѣйствіями войскъ, такъ и въ исполненіи различныхъ административныхъ и хозяйственныхъ порученій.

Находясь при генералъ-адъютантѣ Гурко на полѣ сраженія подъ Джуранли, генералъ Раухъ въ самый разгаръ боя получилъ приказаніе отправиться въ Эски-Загру и принять тамъ начальство надъ войсками, которыя были поставлены въ безвыходно-тяжелое положеніе, будучи атакованы подавляющими силами арміи Сулеймана. Исполняя приказаніе, генералъ Раухъ долженъ былъ съ большою личною для себя опасностью почти проскакать черезъ ряды отряда Реуфа-паши. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ и быстро сообразивъ обстановку, генералъ Раухъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для удержанія Эски-Загры, а затѣмъ, когда выяснилось значительное превосходство силъ Сулеймана и необходимость отойти отъ Эски-Загры, Раухъ, со свойственною ему энергіей и хладнокровіемъ, руководилъ отступленіемъ и успѣлъ отойти съ отрядомъ къ Казанлыку, а затѣмъ на Шипку.

Золотое оружіе, орденъ *Св. Анны* 1-й степ. съ мечами и нако-

нецъ *Георгія* 4-й степени были наградой храброму и распорядительному генералу за первую половину кампаніи.

Въ первыхъ бояхъ, разыгравшихся на Софійскомъ шоссе, изъ полковъ дивизіи Рауха, лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, введенный въ дѣло лично командующимъ дивизіей и напутствованный имъ энергическими словами, съ блескомъ участвовалъ въ штурмѣ Горнаго-Дубняка, а другой полкъ, лейбъ-гвардіи Егерскій, въ тотъ же самый день велъ молодецкую атаку на Телишъ. Полки 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи сомкнули именно то кольцо подъ Плевной, въ которомъ задохся Османъ-паша со своей арміей.

Когда генералъ-адъютантъ Гурко сдалъ занятыя имъ позиціи гренадерамъ и двинулся къ Балканамъ, то на долю генерала Рауха выпало командованіе колонной, направленной въ обходъ чрезвычайно сильной турецкой позиціи подъ Правцемъ.

Послѣ невѣроятныхъ усилій, когда приходилось нѣсколько разъ то подымать орудія въ заоблачныя выси, то спускать ихъ въ глубокія ущелья р. Искера, когда, напрягая величайшія усилія, люди умирали отъ истощенія, — отрядъ достигъ наконецъ непріятельской позиціи, сбросилъ противника стремительною атакой съ высотъ въ Орханійскую долину—и тогда сразу почти всѣ предгорія Балканъ очутились въ нашихъ рукахъ.

Съ 13 декабря въ переходѣ отряда генералъ-адъютанта Гурко черезъ Великіе Балканы,—переходѣ, обезсмертившемъ русскую молодую армію,—генералъ Раухъ командовалъ авангардомъ главныхъ силъ и, сбивъ непріятеля съ Негашевской позиціи, прервалъ сообщеніе непріятельской арміи съ Софіей.

Въ Ташкисенскомъ бою генералъ Раухъ командовалъ лѣвымъ крыломъ боевого порядка и выбилъ непріятеля изъ 3-хъ занятыхъ имъ редутовъ.

Черезъ день послѣ того, отрядъ его, разбуженный и поднятый ночью, былъ двинутъ къ Софіи, не доходя которой, на берегахъ Искера, разбилъ на голову высланныя противъ него войска изъ Софіи. Противникъ, устрашенный этими смѣлыми дѣйствіями и сосредоточеніемъ русскихъ войскъ, бросилъ софійскій укрѣпленный лагерь и отступилъ въ глубь страны на Самаково.

При послѣдующемъ наступленіи генералъ Раухъ участвовалъ въ 3-хъ-дневномъ Филиппопольскомъ бою и затѣмъ повелъ свою дивизію къ Адріанополю и Константинополю, въ виду котораго она и заняла свои биваки, гдѣ въ скоромъ времени страшный и неумолимый врагъ—тифъ—распространился между ними. А между тѣмъ санитарныхъ войсковыхъ средствъ было недостаточно: довольно упомянуть, что дивизіонный лазаретъ, имѣвшій 80 мѣстъ, долженъ былъ принять 1,000 больныхъ. Добрый и заботливый генералъ Раухъ почти ежедневно посѣщалъ санитарныя учрежденія дивизіи и оказывалъ имъ самую дѣятельную помощь. Эти заботы наполняли собою все время продолжительной стоянки въ С.-Стефано.

Подвиги и труды генерала Рауха за этотъ второй періодъ кампаніи не остались безъ оцѣнки: въ числѣ прочихъ отличій онъ былъ удостоенъ высокой награды — ордена *Св. Георгія* 3-го класса. Въ августѣ того же 1878 г. генералъ Раухъ былъ назначенъ въ свиту Его Величества.

Кончилась кампанія, и заслуженный генералъ, прокомандовавъ до 10 сентября 1878 года 2-й бригадой той-же 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ апрѣлѣ 1879 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ маѣ того-же года назначенъ начальникомъ 22-й пѣхотной дивизіи, которою командовалъ до назначенія командиромъ 15-го армейскаго корпуса,—должность, въ которой и скончался 56 лѣтъ отъ роду.

Библіографія.

„Казаки“. — Донцы, Уральцы. Терцы, Кубанцы. — Соч. К. К. Абаза. СПБ. 1890. Цѣна 1 руб. 25 коп. Складъ у В. А. Березовскаго, СПБ., Колокольная, 14.

Вслѣдъ за „Военно-Исторической Хрестоматіей“, нашедшей большой кругъ читателей во всѣхъ классахъ общества, нашъ талантливый популяризаторъ военно-историческихъ знаній, г. Абаза, издалъ новый трудъ, не только полезный, но и въ высшей степени интересный въ смыслѣ изящнаго чтенія. Новая книжка г. Абазы представляетъ солидную военно-историческую монографію, составленную по тщательно собраннымъ и не для всѣхъ доступнымъ источникамъ. Въ живомъ и общедоступномъ изложеніи авторъ мастерски рисуетъ намъ развитіе нашей казачьей силы, начиная съ ея колыбели и кончая кавказскими войнами. Драматическій элементъ войны, характеры отдѣльныхъ героевъ и вообще военныя сцены читаются съ захватывающимъ интересомъ. Книжку г. Абазы мы смѣло можемъ рекомендовать для чтенія не только въ военномъ кругу, въ смыслѣ пополненія военно-историческихъ знаній, но и вообще какъ поучительное чтеніе, въ которомъ читатели найдутъ истинный, вполнѣ здоровый патріотизмъ, и далеко не односторонніе идеалы въ лицѣ славныхъ защитниковъ нашего отечества.

Ержемскій, А. Самоучитель фотографіи на броможелатинныхъ пластинкахъ и хлоросеребряной бумагѣ. СПБ. 1890. 8⁰. Цѣна 2 руб.

За послѣднее время русская литература по фотографическому дѣлу обогатилась нѣсколькими новыми руководствами. Книга г. Ержемскаго занимаетъ среди нихъ почтенное мѣсто. Это весьма полезное руководство для начинающихъ любителей составлено толково, популярно, украшено рисунками и доступно по цѣнѣ.

Положеніе и правила о земскихъ участковыхъ начальникахъ, городскихъ судьяхъ и волостномъ судѣ. Изд. типографіи Фрейманъ. СПБ. 1890. 8⁰. 3 р.

Это руководство составлено весьма толково и въ него вошли всѣ позднѣйшія узаконенія, до 25 мая 1890 года опубликованныя. Хотя за послѣднее время подобныхъ справочно-юридическихъ книгъ появилось довольно много, но эта книга очевидно составлена лицомъ хорошо знакомымъ съ источниками дѣйствующаго у насъ права.

Политическое обозрѣніе.

Взаимныя посѣщенія императоровъ Германіи и Австріи не могли пройти незамѣченными со стороны ихъ союзника — Италіи, и представитель ея министерства, г. Криспи, счелъ нужнымъ заявить объ извѣстной всѣмъ привязанности своей родины къ лигѣ мира, не безъ ловкости указывая на то, что необходимость этого союза вызвана „ирридентизмомъ“, пустою мечтою нѣсколькихъ юношей, какъ онъ недавно обозвалъ это движеніе корреспонденту *Figaro*,— но мечтою, какъ говорятъ о томъ нѣкоторые факты, не мало смущающею г. Криспи. Въ своей рѣчи, произнесенной имъ во Флоренціи, 26 сентября, называя ирридентизмъ вреднѣйшимъ изъ существующихъ въ Италіи заблужденій, г. Криспи говорилъ, что ирредентизмъ можетъ подвергнуть риску даже дальнѣйшее бытіе націи и возстановить противъ Италіи всѣ правительства. Движеніе это страдаетъ де отсутствіемъ логики, потому что для достиженія цѣли, къ которой оно стремится, должно требовать войны, а не разоруженія Италіи. Непосредственною цѣлью ирридентизма является расторженіе тройственнаго союза и разрывъ съ Ватиканомъ, но если бы все это и случилось, итальянцы де съумѣютъ защитить свое единство и царствующій домъ. Вслѣдъ затѣмъ г. Криспи сталъ доказывать, что послѣ пагубнаго примѣненія принципа изолированности, коимъ тоже дорожатъ ирридентисты, онъ вынужденъ былъ присоединиться къ австро-германскому союзу. Въ заключеніе министръ увѣщевалъ всѣхъ благонамѣренныхъ итальянцевъ оставаться вѣрными свободно избранному ими правительственному режиму и уважать трактаты. Рѣчь свою Криспи окончилъ провозглашеніемъ тоста за Италію и короля. Впечатлѣніе произведенное этою рѣчью, даже на союзниковъ Италіи, не одинаково. Вѣнскія и пештскія газеты въ восторгѣ отъ рѣчи Криспи, которую они называютъ „хвалебною пѣснью“ австрійской дружбѣ. Но въ Германіи не всѣ ею довольны. *Vossische Zeitung* подвергла ее рѣзкой критикѣ. „Криспи —говоритъ газета — не разсѣялъ подозрѣній относительно его готовности заключить союзъ съ Франціею; напротивъ, о Франціи онъ говоритъ скорѣе весьма сочувственно“. Статью свою газета заключаетъ слѣдующими словами: „Хотя въ настоящее время Криспи и держится еще на почвѣ договоровъ, однако, неизвѣстно, какъ онъ поступитъ по истеченіи срока ихъ дѣйствія“. Изъ французскихъ газетъ, *Temps*, сдѣлавъ разборъ рѣчи г. Криспи, говоритъ, что коль скоро итальянскій министръ оправдываетъ тройственный союзъ, указывая, что цѣль и причина существованія союза есть сохраненіе европейскаго равновѣсія, и коль скоро онъ отвергаетъ всякіе агрессивные и революціонные замыслы,—онъ, конечно, будетъ въ высшей степени благодаренъ тѣмъ, кто, вдохновляясь его рѣчью, продолжитъ дѣло тройственнаго союза, упрочитъ залоги порядка и мира Европы и обезпечитъ независимость каждаго и спокойствіе всѣхъ, дополнивъ эту лигу все болѣе и болѣе опредѣленнымъ и сознательнымъ соглашеніемъ между государствами, не участвующими въ этой благодѣтельной комбинаціи.

Повидимому, Италіею не вполнѣ довольна и Англія, если судить по тому, что происходившіе въ Неаполѣ переговоры о раздѣлѣ сферъ вліянія въ Африкѣ между Италіею и Англіею не привели ни къ чему. Делегаты обоихъ государствъ условились было по всѣмъ пунктамъ конвенціи и оставалось только редижировать статью, касающуюся оккупаціи Кассалы, какъ вдругъ Берингъ предъявилъ новыя и чрезмѣрныя притязанія, вслѣдствіе чего итальянское правительство отказалось отъ дальнѣйшихъ переговоровъ и переговоры были прерваны. По словамъ *Times*, англичане якобы уступали Италіи значительную часть восточнаго Судана, и между прочимъ признавали за ними право занять Кассалу и другія мѣста при необходимости военныхъ дѣйствій, но за Египтомъ сохранялось право снова занять эту мѣстность какъ только можно будетъ въ ней упрочить порядокъ. Другими словами, какъ за-

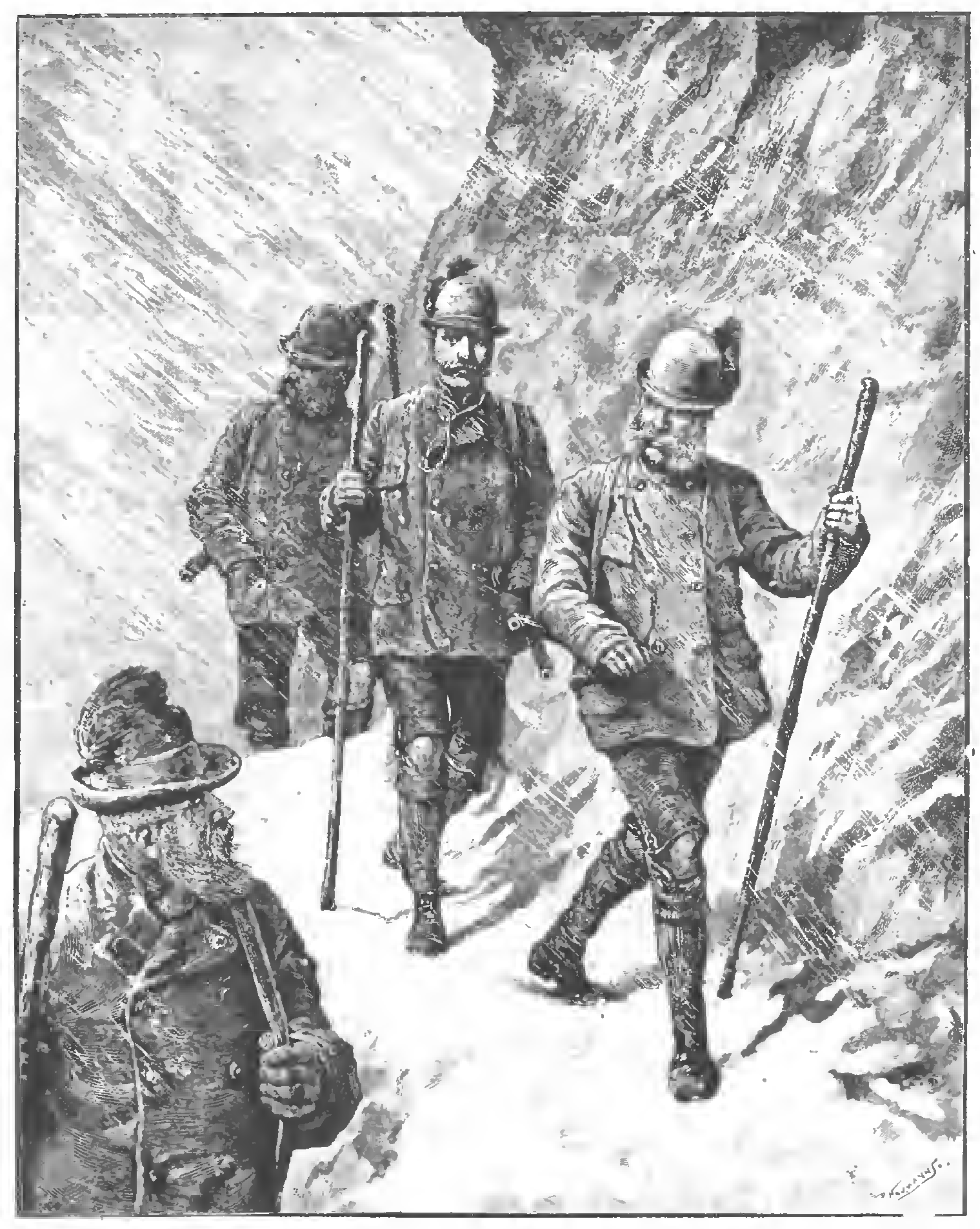
О ПРЕМІЯХЪ „НИВЫ" НА 1890 Г.

При этомъ № „Нивы" гг. подписчики получатъ обѣщанныя нами первыя **двѣ** преміи, картины профессора И. И. Шишкина. Обращаемъ вниманіе на печатавшееся въ предшедшихъ №№ предостереженіе относительно способа вскрывать обложку преміи. Имѣя теперь предъ глазами оба произведенія нашего знаменитаго пейзажиста и несравненнаго воспроизводителя русской лѣсной природы, читатели наши могутъ судить, правы-ли мы были въ прошломъ году (№ 45 „Нивы" 1889 г., стр. 1129), назвавъ эти картины живописною поэмой въ двухъ пѣсняхъ. Роскошь и богатство красокъ того и другаго оригинала переданы въ нашихъ копіяхъ fac-simile, какъ могла убѣдиться публика, посѣщавшая контору редакціи нашего журнала въ минувшемъ году, когда были выставлены въ ней какъ самые оригиналы, такъ и наши копіи, а также оттиски съ нѣсколькихъ десятковъ литографныхъ камней, каждый особою краской, входившею въ числѣ прочихъ въ безконечную хроматическую гамму тоновъ.

Хотя мы ни разу еще не давали подписчикамъ такой богатой и столь тщательно исполненной преміи, тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно уже читателямъ, она будетъ лебединою пѣснью олеографіи въ „Нивѣ". Надѣемся, что она достойно завершаетъ циклъ выданныхъ нами до сихъ поръ.

ключаетъ *Journal de St.-Pétersbourg*, предложенія Англіи сводились собственно къ предоставленію Италіи „права" защищать Кассалу въ пользу... Египта. Право это показалось Италіи нѣсколько фантастичнымъ, и она предпочла отъ него отказаться. „Неудачный для кабинета Криспи исходъ переговоровъ — пишетъ газета — можетъ произвести въ странѣ неблагопріятное впечатлѣніе съ двоякой точки зрѣнія. Сторонниковъ колоніальной политики, обманутыхъ въ ихъ вожделѣніяхъ, постигнетъ разочарованіе, тогда какъ противники этой политики станутъ быть-можетъ обвинять г. Криспи въ томъ, что онъ подвергаетъ опасности дружественныя отношенія между Италіею и Англіею". Впрочемъ, другія газеты говорятъ, что причины несогласія были чисто экономическаго свойства.

Натянутыя отношенія Франціи съ Дагомеею разрѣшились очень благопріятно для первой. Адмиралъ Кювервиль доноситъ по телеграфу морскому министру, что миръ съ Дагомеею заключенъ и блокада снята. Король Дагомеи признаетъ за Франціею право владѣнія Котону и протекторатъ надъ Порто-Нуово; всѣ прежніе договоры остаются въ силѣ. Миромъ Франція обязана неустрашимому миссіонеру, патеру Доржеру, который оказался въ то же время искуснымъ дипломатомъ. Ему удалось уже разъ оказать важную услугу своимъ соотечественникамъ, убѣдивъ повелителя дагомейцевъ отпустить французскихъ плѣнныхъ, которыхъ король держалъ въ Абомеѣ, грозя имъ страшными истязаніями и смертью. Ободренный этимъ успѣхомъ, Доржеръ, котораго чернокожіе считаютъ за святаго человѣка, вторично отправился въ Абомею и съумѣлъ склонить свирѣпаго короля Беханцина къ заключенію мира на выгодныхъ и почетныхъ для Франціи условіяхъ.



Вѣнценосные спортсмены. Король Саксонскій, Имп. Германскій, Имп. Австрійскій, захваченные метелью на охотѣ за сернами въ Штирійскихъ Альпахъ.

Смѣсь.

Hoppel-poppel (гоголь-моголь). Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе производилъ на всѣхъ Наполеонъ I своею рѣчью, и въ особенности на солдатъ. Онъ никогда не говорилъ много, но, въ немногихъ словахъ, умѣлъ сказать все что хотѣлъ. Подаренный отъ природы сильнымъ, звучнымъ органомъ, онъ совершенно не умѣлъ пользоваться имъ, пока наконецъ великій трагикъ Тальма, на вопросъ Наполеона, тогда еще перваго консула: „Ну что, какъ тебѣ понравилась моя вчерашняя рѣчь?" имѣлъ смѣлость возразить: „Я не могу понять, гражданинъ-консулъ, какимъ образомъ, при такомъ органѣ, можно такъ плохо декламировать!"

— Такъ я плохо декламировалъ? переспросилъ Наполеонъ, улыбаясь. — Очень можетъ быть; надо, чтобы ты научилъ меня этому искусству.

Впослѣдствіи, Наполеонъ дѣйствительно не произносилъ ни одной большой рѣчи, не прорепетировавъ ее съ Тальмой. Однажды, не задолго передъ началомъ роковой для императора войны съ Россіей, онъ потребовалъ къ себѣ Тальму для разучиванія рѣчи. Два часа оба бились тщетно.

— Нѣтъ, не идетъ! воскликнулъ наконецъ трагикъ.

— Ты виноватъ: ты сегодня не въ духѣ, отвѣтилъ Наполеонъ.

— Напротивъ, ваше величество сегодня не въ голосѣ. Вы охрипли.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ проклятіе! Я *долженъ* во что бы ни стало говорить завтра!

Тальма пожалъ плечами; Наполеонъ нетерпѣливо позвонилъ; вошелъ камердинеръ.

— Моего лейбъ-медика!

Докторъ явился.

— Я, кажется, охрипъ? А?

— Маленькій катарръ, Sire; это ничего не значитъ: черезъ нѣсколько дней ваше величество будете совершенно здоровы.

— Черезъ нѣсколько дней? Вы должны вылѣчить меня немедленно!

— Невозможно, ваше величество.

— Невозможно? Докторъ вы или нѣтъ?

— Льщу себя надеждою.

— Безъ всякой лести, если вы не можете сію минуту вылѣчить меня, въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ, прощайте, милостивый государь!

Наполеонъ сдѣлалъ энергическій жестъ рукой—знакъ увольненія, не допускавшій никакихъ возраженій. Онъ продолжалъ взволнованно шагать по комнатѣ, наконецъ, близко подойдя къ трагику:

— Не знаешь-ли ты какого-нибудь средства, старый другъ? сказалъ онъ.—Вѣдь и у тебя когда-нибудь бываетъ хрипота, однако она не мѣшаетъ тебѣ играть. Кто тебя лѣчитъ?

— Мосье Голденбогенъ, нашъ театральный куафферъ, простой нѣмецъ, котораго мы вывезли изъ Веймара. Можетъ-быть, ваше величество, помните?

— Нѣтъ, но не въ томъ дѣло. Такъ ты думаешь, что онъ можетъ мнѣ помочь?

— Я ручаюсь, но только средство, которое онъ употребляетъ, очень сильное.

— Все равно, лишь-бы помогло: такъ доставь мнѣ своего куаффера.

Черезъ четверть часа, въ сильномъ смущеніи, вытирая бѣлымъ платкомъ холодный потъ со лба, предсталъ передъ императоромъ мосье Гольденбогенъ.

— Не церемоньтесь, мосье Гольденбогенъ! Тальма рекомендовалъ мнѣ васъ. Вы слышите, какая у меня проклятая хрипота. Мнѣ надо отъ нея избавиться!

— Ваше величество — Sire — всемилостивѣйшій государь...

— Вѣдь вы знаете средство?

— Такъ точно, ваше величество. Гоппель-поппель.

— Оппопи-пель! курьезное названіе! Такъ за дѣло!

Гольденбогенъ попросилъ позволенія пойти на императорскую кухню. Онъ взялъ стаканъ, положилъ туда четыре яичныхъ желтка, два лота мелко-истолченнаго жженаго сахара, взбилъ все это хорошенько и затѣмъ, продолжая взбивать, влилъ полъ-кружки самаго крѣпкаго ямайскаго рома. Попробовавъ питье и оставшись имъ доволенъ, Гольденбогенъ понесъ къ императору и просилъ его выпить лекарство. Наполеонъ бросилъ проницательный взглядъ на нѣмца, который не выражалъ теперь никакого смущенія, сдѣлалъ глотокъ и, быстро оставивъ стаканъ:—„Вѣдь оно жжетъ, какъ огонь!" воскликнулъ онъ.

— Должно жечь, ваше величество; должно жечь, иначе не поможетъ.

— Если не поможетъ, я прикажу васъ повѣсить, воскликнулъ Наполеонъ и залпомъ выпилъ стаканъ. Уже часъ спустя, императоръ почувствовалъ значительное облегченіе и прекрасно проспалъ всю ночь. На слѣдующее утро, хрипота исчезла, и Наполеонъ снова послалъ за Гольденбогеномъ. — Сдѣлайте мнѣ еще стаканъ этого оппель-опп-пеля, или какъ вы тамъ называете свое дьявольское питье, да покрѣпче.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Мольтке (по поводу 90-й годовщины рожденія).
Съ фотографіи грав. Шюблеръ.

Генералъ-лейтенантъ Оттонъ Егоровичъ Раухъ. † 29 іюля 1890 г.
Съ фотографіи грав. Шюблеръ.

Гольденбогенъ съ радостью исполнилъ приказаніе. Наполеонъ выпилъ еще стаканъ и часъ спустя произнесъ на Марсовомъ полѣ рѣчь, которая произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на войско. Мосье Гольденбогенъ былъ въ третій разъ вытребованъ къ императору, который подарилъ ему сто наполеондоровъ.

Когда Тальма увидѣлъ Наполеона, онъ воскликнулъ:

— Государь, вы говорили какъ богъ!

— Я былъ въ нѣсколько возбужденномъ состояніи, возразилъ Наполеонъ;—но во всякомъ случаѣ я не скоро прибѣгну опять къ вашему »понпъ-понпъ-пелю.

Средство это до сихъ поръ часто употребляется во Франціи противъ хрипоты, но такъ какъ французы не могутъ выговорить первоначальнаго, кажущагося имъ нѣсколько варварскимъ, названія, они называютъ его „питьемъ Наполеона“.

Бой между крысами и совами. Въ парижскомъ Jokey-club'ѣ устроенъ былъ лѣтъ сорокъ тому назадъ бой между крысами и совами, ясно свидѣтельствующій, до чего можетъ дойти дурачество богатыхъ, праздныхъ людей. Проживавшій въ Парижѣ, лордъ Гамтонъ имѣлъ двухъ совъ, а нѣкто Викторъ Кутюрье — двѣнадцать крысъ, между которыми, послѣ произведенныхъ испытаній, предполагалось произвести битву. О битвѣ этой давно уже шли толки въ парижскомъ обществѣ жуировъ. Она состоялась 28 октября 1851 года въ залахъ Жокей-клуба. Пари доходили съ обѣихъ сторонъ до 1250 фунтовъ ст. Многіе изъ членовъ клуба пожелали присутствовать на рѣдкомъ зрѣлищѣ. Но такъ какъ во время боя должна была соблюдаться величайшая тишина, то каждому изъ зрителей было указано опредѣленное мѣсто, каждый обязывался хранить, во все время битвы, полное молчаніе, избѣгать всякаго шума и не произносить ни слова.

По водвореніи тишины и порядка, г. Кутюрье внесъ въ залу своихъ двѣнадцать крысъ, въ желѣзной клѣткѣ, и поставилъ ихъ на столъ. Животныхъ, оставленныхъ безъ пищи въ теченіе 24 часовъ, стали кормить на глазахъ у всѣхъ. Требовалось возбудить ихъ боевой пылъ и, съ этою цѣлью, клубнымъ поваромъ былъ изготовленъ „паштетъ изъ трюфелей“, который и былъ въ три минуты уничтоженъ прожорливыми животными.

Тогда лордъ Гамтонъ приказалъ своему сокольничьему внести совъ, каждая изъ которыхъ имѣла свою кличку; одна называлась „Желѣзный клювъ“, другая — „Young“. Совы были родомъ изъ Шотландіи, гдѣ сокольничій досталъ ихъ изъ гнѣзда, на вершинѣ башни, въ одномъ изъ имѣній лорда. Имъ было по два года; онѣ принадлежали къ самой крѣпкой и сильной совиной породѣ и имѣли сильные, острые и гибкіе когти.

Кутюрье открылъ клѣтку, въ которой сидѣли крысы, каждая отдѣльно. Паштетъ изъ трюфелей повидимому сильно разгорячилъ ихъ, ибо, едва онѣ вышли на арену, какъ вознамѣрились уже броситься другъ на друга. Но вотъ и совъ выпустили на поле битвы. Торжественная тишина царствовала въ залѣ; слышалось только шипѣніе крысъ и своеобразное щелканье клювовъ. Голодныя совы вскорѣ перешли въ нападеніе. Каждая изъ нихъ схватила по крысѣ,—именно „Роберта-Мориса“ и „Бухгалтера“—и проглотила ее съ невѣроятной быстротой. Тогда остальныя мужественно перешли въ наступленіе. Три изъ нихъ „Принцъ-шалунъ“, „Бродяга“ и „Костоѣдъ“ бросились на сову „Young“ и вцѣпились ей въ ноги. „Принцъ-шалунъ“ успѣлъ перекусить въ двухъ мѣстахъ голень грозному хищнику, но двѣ другія мгновенно поплатились жизнью за свою отвагу.

Въ то же время и „Желѣзный клювъ“ не оставался въ бездѣйствіи. На него также напали три крысы: „Вольтеръ“, „Ратаполи“ и „Блиноѣдъ“. Эта битва длилась не болѣе первой и окончилась смертью трехъ крысъ, но храбрый „Желѣзный клювъ“ дорого поплатился за свою побѣду: одинъ коготь оказался у него переломленнымъ. На кровавой, покрытой трупами крысъ, аренѣ оставались теперь пять, болѣе или менѣе, пораненыхъ, крысъ и двѣ тяжко-пораненыя совы. Напряженіе зрителей достигло высшей степени. Въ эту минуту крыса „Пуластроль“, называвшаяся также „Парикмахеръ“, до сихъ поръ пугливо жавшаяся въ уголкѣ, какъ бы устыдилась своей трусости и бросилась на сову „Young“. Однимъ прыжкомъ, она опрокинула врага на землю и буквально выѣла ему глаза. Сова испустила страшный крикъ, отъ боли, но не сдалась; ударомъ клюва она распорола „Парикмахеру“ животъ, и обѣ упали мертвыя.

Остался одинъ „Желѣзный клювъ“ противъ крысъ: „Маркизы“, „Тулури“, „Парижанина“ и „Принца-шалуна“. Послѣдній снова перешелъ въ нападеніе и яростно вцѣпился въ здоровую ногу совы, между тѣмъ какъ она, сильными ударами клюва, умертвила трехъ остальныхъ враговъ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ борцовъ остались въ живыхъ только сова „Желѣзный клювъ“ и крыса „Принцъ-шалунъ“. Оба противника были уже неспособны къ бою, но кипѣли яростью и бросали другъ на друга полные огня и ненависти взгляды. Судьи положили конецъ бою и присудили призъ тому изъ противниковъ, борецъ котораго переживетъ другаго.

За потерпѣвшими былъ установленъ самый заботливый уходъ; тѣмъ не менѣе сова издохла уже на другой день, и такимъ образомъ „Принцъ-шалунъ“ былъ окончательно объявленъ побѣдителемъ.

Для страдавшихъ сплиномъ сыновъ старой Англіи бой этотъ представлялъ „интересъ новизны“; предполагалось повторить его снова, но, къ счастью, вмѣшалась полиція и положила конецъ безобразной забавѣ. (с.)

Татуировка отъ любви и голода. Въ 1880 году существовалъ въ Нью-Іоркѣ весьма любопытный музей или кабинетъ рѣдкостей, Джорджа Старра, въ которомъ, между прочимъ, показывали совершенно татуированнаго человѣка. Человѣкъ этотъ побывалъ въ рукахъ дикарей и былъ такимъ образомъ изукрашенъ ими. Однажды къ Старру явилась молодая женщина, назвавшая себя Иреной Вудвордъ, и просила сдѣлать изъ нея какое-нибудь употребленіе для музея. Она объявила, что мужъ ея сломалъ ногу и лежитъ въ больницѣ, а она осталась съ ребенкомъ безъ куска хлѣба и потому убѣдительнѣйше проситъ дать ей какое-нибудь занятіе. Тутъ у Старра внезапно блеснула мысль, что никогда въ музеѣ не видѣли татуированной женщины. Подумать и привести мысль въ исполненіе было для него дѣломъ одной минуты. Онъ предложилъ Иренѣ Вудвордъ дать татуировать себя и затѣмъ показываться въ его музеѣ. Впрочемъ, тутъ-же присовокупилъ, что процессъ татуированія очень долгъ и мучителенъ и что, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ сначала найти кого нибудь кто бы взялся за это дѣло. Послѣ нѣкотораго размышленія Ирена согласилась, и Старръ разыскалъ стараго матроса, по имени Гильдебранда, который жилъ въ Окъ-Стритѣ и снискивалъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что вытравлялъ на рукахъ, груди и плечахъ другихъ матросовъ всевозможные знаки и имена. Мистеръ Джорджъ Старръ заключилъ съ Иреной условіе, по которому, за все время татуировки, обязывался платить ей по 10 долларовъ въ недѣлю, а затѣмъ, по окончаніи процедуры, въ теченіе одного года, по 50 долларовъ въ недѣлю, за право показывать ее въ своемъ музеѣ. Ирена приняла условіе и съ геройской твердостью переносила неописуемыя страданія, причиняемыя татуированіемъ. Въ продолженіе семи мѣсяцевъ старый матросъ ежедневно работалъ надъ ея тѣломъ, пока наконецъ она не представляла изъ себя сплошнаго ходячаго рисунка. Ирена Вудвордъ была первою татуированною женщиной; она доставила своему антрепренеру большіе барыши и до сихъ поръ показывается у Барнума. Сама она успѣла составить себѣ состояніе въ 100,000 долларовъ. (с.)

Понятливость слона. Чтобы испытать умственныя способности слона, извѣстнаго своей понятливостью, одинъ французъ просилъ вожака этого слона произвести надъ нимъ слѣдующій опытъ: Мѣдное корыто, изъ котораго пилъ слонъ, продырявилось и вожакъ хотѣлъ отдать его въ починку; по желанію француза, онъ оставилъ корыто на мѣстѣ и, какъ обыкновенно, налилъ въ него воды. Замѣтивъ быструю убыль воды, слонъ приподнялъ корыто хоботомъ, чтобы показать вожаку, откуда вытекаетъ вода. Вожакъ убралъ корыто, но, по просьбѣ производящаго опытъ, принесъ его черезъ нѣсколько времени обратно непочиненнымъ и поставилъ на мѣсто безъ воды, послѣ чего удалился. Умное животное тотчасъ подняло корыто хоботомъ, отнесло его къ ближайшей водѣ и попробовало наполнить само. Видя, что надъ нимъ посмѣялись, слонъ такъ разсердился на своего вожака, что тотъ едва успѣлъ смягчить его ласковыми словами и порціей арака. Онъ поскорѣе отдалъ починить корыто, но когда наливалъ въ него воду, уже въ присутствіи слона, тотъ всегда приподнималъ корыто, чтобы посмотрѣть не течетъ-ли оно, и только тогда успокоивался.—Однажды, пришедшій въ ярость слонъ-самецъ вырвался изъ своего помѣщенія. Вожакъ, къ которому онъ былъ всегда очень привязанъ, заградилъ ему путь; но слонъ, не помня себя отъ бѣшенства, умертвилъ его и хотѣлъ бѣжать дальше. Услышавъ шумъ и увидѣвъ въ чемъ дѣло, жена вожака бросила къ ногамъ слона своего старшаго мальчика, крича: „Если ты убилъ отца, такъ убей и сына!“ Слонъ остановился, словно опомнившись, осторожно поднялъ мальчика хоботомъ, посадилъ его себѣ на спину и спокойно вернулся въ стойло. Впослѣдствіи, онъ не допускалъ къ себѣ никакого другаго вожака, кромѣ этого мальчика. (с.)

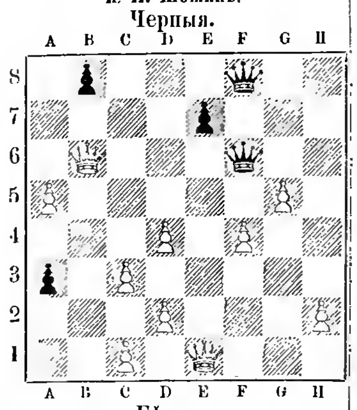
Желѣзныя дороги всего земнаго шара. Общее протяженіе всей существующей желѣзнодорожной сѣти возросло съ 1884 по 1888 годъ на 102,899 километровъ и достигло въ общей сложности 571,771 килом. Протяженіе это болѣе чѣмъ въ четырнадцать разъ превышаетъ длину экватора. Главный приростъ дала Америка, а именно 64,547 кил. Сѣть Европы увеличилась на 24,419, въ томъ числѣ Франція дала 4,048 и Германія 4,047 километровъ. Затѣмъ слѣдуетъ Австрія—3,658 кил. и Россія—3,643 кил. Полный застой въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ представляетъ уже въ продолженіе многихъ лѣтъ Норвегія, гдѣ строеніе земной поверхности представляетъ огромныя трудности развитію желѣзнодорожной сѣти. Въ Азіи мы встрѣчаемъ наибольшій приростъ въ Британской Индіи, а именно 4,809 килом. Далѣе слѣдуетъ Закаспійская желѣзная дорога, съ протяженіемъ въ 1,202 килом.; затѣмъ Японія — 734 кил. Въ Китаѣ постройка желѣзныхъ дорогъ все еще не можетъ побороть старинныхъ предразсудковъ. Въ Африкѣ, только Алжиръ и Тунисъ получили приростъ въ 915 кил. Зато Австралія, давшая 4,656 кил. или 38,4%, представляетъ относительно наибольшее развитіе желѣзнодорожной сѣти.

Относительно протяженія желѣзныхъ путей, первое мѣсто занимаетъ Бельгія, имѣющая 16,2 кил. на 100 квадратныхъ километровъ своей поверхности. Затѣмъ слѣдуетъ королевство Саксонія — 15,7 кил., Англія — 10,4 кил., Эльзасъ-Лотарингія 10 кил. на каждые 100 квадр. кил.—Средняя стоимость сооруженія одного километра желѣзнодорожнаго пути равняется въ Европѣ 296,208 марокъ. Такимъ образомъ общая стоимость всѣхъ открытыхъ къ концу 1888 г. желѣзныхъ дорогъ составляетъ 63,463 милліона марокъ; а весь основной капиталъ, затраченный на сооруженіе желѣзнодорожныхъ путей всего земнаго шара достигаетъ 121,440 милліоновъ марокъ. (с.)

Шашечная задача № 59.

Н. Н. Шошинъ.

Черныя.

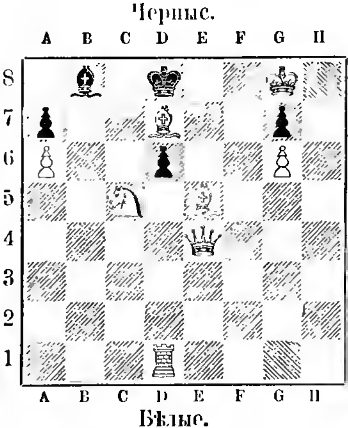


Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ.

Шахматная задача № 60.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Задача буквъ № 61.

(1)
(2) (3)
(4) (5)
(6) (7)
(8) (9)
(10)

Найти 10 словъ:

1) Отрицаніе.
2) Порода собакъ.
3) Атмосфер. явленіе.
4) Пресмыкающееся.
5) Произведеніе Лермонтова.
6) Водное пространство.
7) Нѣмецкій композиторъ.
8) Полоса свѣта.
9) Согласная буква.
10) Восклицаніе.

Буквы найденныхъ словъ соотвѣтственно размѣстить въ каждомъ изъ 10 отдѣленій данной фигуры, но въ такомъ порядкѣ, чтобы можно было прочитать русскую пословицу.

Полугласныя ъ и ь въ концѣ словъ опущены.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

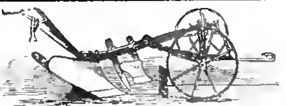
Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн. аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (29) № 4366



ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки.

Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣноносилокъ, жнеекъ „Дези" и сноповязалокъ Мак' Кормика въ Чикаго.**

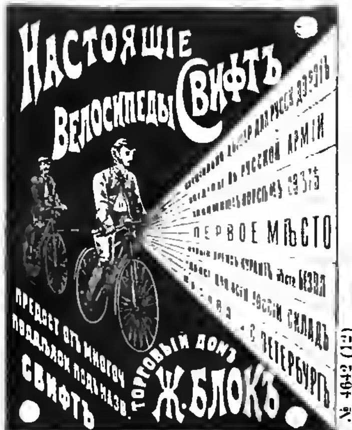
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Гандаля и конныя грабли **Тигръ** завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—10

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ — ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНІЕ!

Все, что нужно знать молод. челов. и барышнѣ, чтобы быть интересн. челов. въ обществѣ. Самое полное и практичное сочин. **„Школа жизни"**, книга (800 стр.), съ прибавленіемъ интересн. письмовника новаго образца и **словаря** (2,000 сл.). Ц. 1 р. съ перес.—Адресъ: Урусово - Рязанск.-Козлов. жел. дор. **И. Полосину.**



По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

СКРИПКИ въ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1½, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУТЛЯРЫ въ 3½, 5, 7, 10, 15, 25 и 40 руб.

СКРИПКИ ¾, ½ и ¼ величины **для дѣтей.**

Школа Баганца въ 1 р., 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к.

АЛЬТЫ и ВІОЛОНЧЕЛИ.

Гитары въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. Отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ. Школа Соколова по 1½ и 2½ р.

Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ.

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ

въ 15, 22, 25, 35, 50, 60, 75, 85, 100 р. и дор. Самоучитель Баганца по 1½ и 2½ р.

Трубы, тромбоны, вальторны, альтгорны, теноргорны, баритоны, басы, гелиноны.

ФЛЕЙТЫ

въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р. Самоучитель Келера по 1½ и 2½ р.

Кларнеты въ 6, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60 и 75 р. Самоучитель Китцера по 2½ и 4 р.

Гобои, Фаготы и пр.

Литавры, Барабаны, Тарелки и пр.

Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрированн. прейсъ-курантъ — **безплатно.**

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ. № 4741

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. —**Москва,** Кузнецкій м., домъ Захарьина.

СВѢЖІЕ ЧАИ

развѣшены подъ правительственною бандеролью и поступили въ продажу

съ 2-го октября

въ собственныхъ магазинахъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„ЦЗИНЬ-ЛУНЪ

СОЕДИНЕННОЕ Т-во КЯХТИНСКИХЪ ЧАЕТОРГОВЦЕВЪ".

Въ С.-Петербургѣ. Невскій. 5 и Б. Садовая, 51.
Варшава, Краковское предмѣстье, д. 67.
Рига, Сарайная, 2. Ml. № 4743 3—1
Москва, Театральная площадь. д Журавлева.

Прейсъ-куранты, по требованію, высылаются безплатно.

Гг. торговцамъ скидка съ прейсъ-курантной цѣны по взаимному соглашенію.

Главная контора въ С.-Петербургѣ, Невскій, 5.

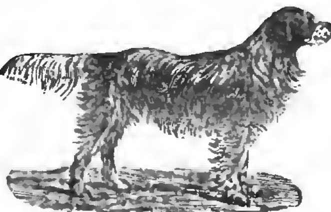
ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ

Б. МОРСКАЯ, № 17, въ бель-этажѣ, СПБ.

Леченіе зубныхъ болей, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя.

INTERNATIONAL EXHIBITION — AWARDED BY UNITED STATES CENTENNIAL COMMISSION — PHILADELPHIA MDCCCLXXVI

Артуръ Зейфартъ, Кёстрицъ (Германія).



Награды, преміи, дипломы, медали съ выставокъ государственныхъ и частныхъ.

Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ

Рѣдчайшихъ современныхъ породъ, комнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта.

Породистыя собаки:

Спеціальности: **Великорослыя горныя собаки, ньюфаундлендскія, мастифы, крупные нѣмецкіе доги, бульдоги, сторожевыя собаки, терьеры, пинчеры, пуделя, мопсы, крысоловки, дамскія собачки, охотничьи собаки, лягавыя, ищейки, таксы и проч.**

Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по кинологіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франкированная **высылка каталога.** — Иллюстрированный альбомъ 50 пфениговъ. К. 4714

50 различныхъ породъ. — **Вывозъ во всѣ части свѣта.** — **50** различныхъ породъ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ. 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (40) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

МИНІАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ ЛИЛИПУТЬ

Безъ фирмы и фабричн. клейма поддѣлка.

со шнурк. въ замшевомъ кошельк. 8 р. 50 к.
съ пересылкою . . 9 „ — „

„Лилипутъ" удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и Ко.

Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ

Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высылается безплатно.

НОВОСТЬ!
НОСКИ ДЖУТОВЫЕ
БЕЗЪ ШВА,

отличающіеся прочностію отъ всѣхъ другихъ сортовъ.

Только въ магаз. **Ю. ГОТЛИБЪ** по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго просп., СПБ.

Гг. иногородные заказчики благоволятъ прислать мѣру подошвы. Цѣна 5 руб., съ перес. 6 р. за дюж. Торговцамъ уступка.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:

съ 3 медалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Иллюстр прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (38) Ц. № 3864

Торговцамъ дѣлается скидка.

Только подлинно съ этой фабричн. маркой.

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ШТИШЪ и Ко.

въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у В. Аурнха въ **С.-Петербургѣ,** Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В № 4719 18—2

Дозвол. цензур., СПБ., 10 октября 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

XXI г. № 42 — г. XXI 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 20 октября 1890 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

А. Н. Ма̀рковичъ.

Помощникъ Главнаго попечителя Имп. Человѣколюбиваго Общества, сенаторъ, Андрей Николаевичъ Ма́рковичъ, родился въ 1830 г. въ селѣ Туровкѣ, Полтавской губ., Прилуцкаго уѣзда (родовое имѣніе его семейства). Отецъ его, необыкновенно умный, образованный, талантливый и всѣми уважаемый человѣкъ, Николай Андреевичъ Ма́рковичъ, былъ извѣстенъ какъ авторъ „Украинскихъ мелодій“, переводчикъ Байрона и Шиллера, сочинитель напечатанной въ 40-хъ годахъ „Исторіи Малороссіи“, авторъ большаго „Историческаго, статистическаго, литературнаго и пр. словаря Россійскаго Государства“. Давъ сыну блестящее домашнее воспитаніе, онъ въ 1844 году послалъ юношу въ Петербургъ и помѣстилъ въ Импер. училище Правовѣдѣнія. По выходѣ оттуда, въ 1851 году, А. Н. Ма́рковичъ посвятилъ себя всецѣло служенію по судебному вѣдомству, съ твердымъ намѣреніемъ никогда не измѣнять этому призванію. Рѣшеніе свое онъ выполнилъ до конца, не взирая на то, что если бы онъ принялъ какое-нибудь изъ предложеній, которыя дѣлали ему въ теченіе его службы, то, можетъ быть, совершилъ бы служебную карьеру скорѣе, чѣмъ теперь. Такъ, напримѣръ, въ 1856 году, когда онъ былъ секретаремъ въ Сенатѣ, Великая Княгиня Елена Павловна приглашала его личнымъ секретаремъ къ себѣ. Около 1861 года, оберъ-полиціймейстеръ П. В. Анненковъ, желая окружить себя честными и достойными довѣрія людьми, просилъ А. Н. Марковича быть управляющимъ его канцеляріею и пригласить на службу по канцеляріи порядочныхъ молодыхъ людей по своему выбору. Марковичъ уклонился отъ этихъ предложеній и предпочелъ остаться въ Сенатѣ, гдѣ въ то время былъ уже оберъ-секретаремъ. Во время службы, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, оберъ-секретаремъ, онъ заслужилъ трогательную любовь и уваженіе сенаторовъ А. О. Веймарна, Б. К. Данзаса и М. М. Карнѣева-Пинскаго. Это уваженіе выразилось весьма существенно въ

Помощникъ главнаго попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, сенаторъ А. Н. Ма̀рковичъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

1863 году, когда А. Ѳ. Веймарнъ и оберъ-прокуроръ М. Е. Ковалевскій (впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта) пріѣхали къ А. Н. Марковичу, тогда еще сравнительно молодому человѣку, и просили разрѣшенія предложить Петербургскому дворянству баллотировать его въ предсѣдатели СПБ. Уголовной Палаты. Онъ былъ избранъ предсѣдателемъ Палаты, и прослужилъ въ этой должности до 1866 года, т. е. до введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ учрежденій. Въ 1866 г. онъ назначенъ былъ въ первый комплектъ новыхъ судей изъ числа „лучшихъ людей“, какъ говорилъ Государю тогдашній министръ Юстиціи Д. Н. Замятнинъ, членомъ СПБ. Судебной Палаты, а за симъ, на 47 году жизни, призванъ былъ къ присутствованію въ Правит. Сенатѣ. Такимъ образомъ, работать Марковичу приходилось очень много, но занятія эти, будучи ему по вкусу и по сердцу, не утомляли его. Къ тому же, онъ имѣлъ возможность отдыхать отъ занятій, посвящая досугъ свой такому искусству, въ которомъ усталый человѣкъ дѣйствительно можетъ находить полное отдохновеніе, отвлеченіе и наслажденіе—это музыка. Отецъ А. Н. Марковича, прекрасный музыкантъ, одинъ изъ любимыхъ учениковъ знаменитаго Фильда, съ самыхъ юныхъ лѣтъ внушилъ сыну любовь къ музыкѣ. Онъ избралъ для сына віолончель, и уже въ училищѣ Правовѣдѣнія А. Н. Марковичъ участвовалъ въ концертахъ какъ училища, такъ и у принца Ольденбургскаго (бывшій основатель и попечитель училища, очень любившій музыку). По выходѣ изъ училища, Марковичъ, по разнымъ обстоятельствамъ и по недостатку времени, почти бросилъ віолончель и только ревностно посѣщалъ концерты. Но въ 1864 году, родственникъ его, графъ А. И. Гудовичъ подарилъ Марковичу свой знаменитый и извѣстный во всемъ музыкальномъ мірѣ—инструментъ *), и Марковичъ снова прилежно занялся игрою на віолончели, подъ руководствомъ К. Ю. Давыдова. Когда образовалось въ С.-Петербургѣ нынѣшнее Имп. Русское Музыкальное Общество, то учредители онаго А. Г. Рубинштейнъ и Д. В. Стасовъ пригласили Марковича къ участію въ Обществѣ. Онъ поступилъ въ дирекцію общества въ 1861 или 1862 г. и съ тѣхъ поръ до мая мѣсяца нынѣшняго года состоялъ дѣятелемъ въ обществѣ, то въ качествѣ члена мѣстной дирекціи, то въ главной дирекціи. Въ 1881 году Августѣйшій предсѣдатель общества Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ избралъ Марковича своимъ помощникомъ. Обстоятельства сложились такъ, что Марковичу пришлось вполнѣ самостоятельно распоряжаться дѣлами Музыкальнаго Общества. Любя музыку, вполнѣ убѣжденный, что развитіе музыкальнаго вкуса и занятіе этимъ искусствомъ имѣетъ огромное воспитательное значеніе для народа и молодежи, Марковичъ употребилъ всѣ силы свои для развитія музыкально-учебныхъ заведеній въ Россіи, улучшенія ихъ положенія и поднятія ихъ значенія—въ предоставленномъ имъ, такъ сказать, правѣ гражданства. Не взирая на большое количество служебныхъ занятій, онъ не щадилъ ни труда, ни времени для достиженія этихъ цѣлей и благодаря положенію своему, а главное, связямъ и давнишнимъ пріязненнымъ отношеніямъ съ покойнымъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ графомъ Д. А. Толстымъ, сочувственно относившимся къ Музыкальному Обществу, труды его не пропали даромъ. Въ продолженіе 9-ти-лѣтняго пребыванія его помощникомъ предсѣдателя, былъ Высочайше утвержденъ уставъ „музыкальныхъ училищъ“ съ правами по воинской повинности и правами государственной службы для лицъ служащихъ въ нихъ; Марковичъ исходатайствовалъ ежегодную отъ казны субсидію Кіевскому, Харьковскому и Тифлисскому училищамъ; въ 1883 г. графъ Толстой сообщилъ ему, что есть лица распускающія неблагопріятные слухи о дѣятельности консерваторій и что эти слухи проникаютъ въ высшія сферы. Марковичъ принялся за составленіе подробнаго отчета о результатахъ дѣятельности консерваторій за 21 годъ ихъ существованія. Исполненіе этого труда потребовало болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, но отчетъ вышелъ крайне интересный, вполнѣ доказывающій какъ блистательные результаты консерваторской дѣятельности, такъ и практическую пользу этихъ учрежденій. Этотъ отчетъ Марковичъ имѣлъ счастье лично представить Государю Императору. Его Величество изволилъ принять его ласково, милостиво выслушалъ его объясненіе и оставилъ отчетъ у Себя. Дня черезъ три-четыре, министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ Марковичу, что по прочтеніи отчета Государь Императоръ собственноручно изволилъ начертать на немъ: „Желаю отъ души еще большаго развитія этому полезному и благородному учрежденію“. Отчетъ былъ затѣмъ напечатанъ въ *Правительств. Вѣстникѣ* въ 1883 г. за № 76, а подлинный съ драгоцѣнною надписью Государя, хранится въ СПБ. консерваторіи. Въ 1886 году возникло разномысліе между министерствомъ Внутр. Дѣлъ и Марковичемъ по вопросу о томъ: къ какому разряду учебныхъ заведеній слѣдуетъ причислить консерваторіи. Министерство считало ихъ второразрядными заведеніями, а Марковичъ признавалъ что ихъ должно считать высшими—перворазрядными заведеніями, какъ напр.—университеты, Академія Художествъ и т. п. Этотъ вопросъ онъ довелъ до разсмотрѣнія Правительств. Сената, который въ указѣ, послѣдовавшемъ въ томъ же году на имя министра Внутр. Дѣлъ, призналъ консерваторіи высшими заведеніями. Путешествуя въ 1887 году по Волгѣ, Марковичъ засталъ въ Саратовѣ отдѣленіе Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества умирающимъ и музыкальные классы, гдѣ было до 100 учениковъ, закрытыми по недостатку средствъ. Не выѣзжая изъ Саратова, Марковичъ испросилъ у Думы ежегодную субсидію для музыкальныхъ классовъ въ 1,000 руб., убѣдилъ супругу бывшаго въ то время губернатора А. А. Зубова принять подъ свое предсѣдательство музыкальное отдѣленіе и, благодаря трудамъ ея и субсидіи, отдѣленіе и классы воскресли. За симъ онъ приступилъ къ разработкѣ вопросовъ: 1) о предоставленіи ученикамъ консерваторій правъ для поступленія на государственную службу по примѣру Академіи Художествъ и 2) объ установленіи правъ на пенсіи лицамъ, служащимъ въ консерваторіяхъ. По оставленіи Марковичемъ въ минувшемъ маѣ должности помощника предсѣдателя, дальнѣйшая судьба этихъ важныхъ вопросовъ предоставляется въ руки его преемника. Употребивъ всѣ силы для пользы учебныхъ заведеній Общества, онъ старался также и о возвышеніи значенія лицъ, правящихъ заведеніями и учащихъ, и для этого сильно раза два въ годъ хлопоталъ о Высочайшихъ наградахъ для этихъ лицъ. Хлопоты его всегда увѣнчивались успѣхомъ.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

V.

Прошло два дня, грустныхъ для Кароля, такъ какъ, несмотря на всѣ свои старанія, онъ не видалъ Франуси.

На третій день утромъ онъ рѣшился на нѣсколько опрометчивый шагъ. Онъ отправился въ гости къ ксендзу, у котораго бывалъ не болѣе раза въ годъ.

Отецъ Викентій конечно догадался что̀ побудило молодаго пана къ этому посѣщенію.

Кароль, сидя въ пріемной, пока хозяинъ отлучился на минуту, услыхалъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ.

Ксендзъ насмѣшливо, даже ядовито, просилъ Франусю выйти побесѣдовать съ гостемъ, но дѣвушка отвѣчала холодно и надменно, что если она будетъ выходить въ гостиную каждый разъ, какъ появится какой-нибудь женскій угодникъ, то ей некогда будетъ заняться хозяйствомъ.

— Этихъ Каролей много на свѣтѣ, сказала она,—и если панъ-отецъ будетъ меня ко всѣмъ имъ ревновать, то зря измучаетъ себя, да и мою жизнь сдѣлаетъ тяжкою.

Ксендзъ вернулся къ гостю очень довольный, но Кароль былъ настолько пораженъ, что едва скрылъ свое нравственное состояніе отъ хозяина. Просидѣвъ немного, онъ ушелъ.

Направляясь изъ села къ за̀мку, Кароль увидѣлъ вдали на большой дорогѣ громадный столбъ пыли. Присмотрѣвшись, онъ разобралъ, что къ за̀мку ѣхало четыре экипажа со свитой всадниковъ.

Это не могли быть проѣзжіе, такъ какъ большая дорога кончалась въ Сталупеняхъ. Проѣзжихъ никогда не бывало. Все что̀ появлялось на горизонтѣ—ѣхало въ за̀мокъ.

*) Віолончель работы Страдиваріуса, сдѣланная имъ въ 1719 году, пріобрѣтена въ началѣ 1720 годовъ, вмѣстѣ съ домомъ и мебелью, въ г. Кремонѣ нѣкіимъ Дельфино. Сынъ Дельфино, или внукъ, былъ выписанъ въ качествѣ віолончелиста въ царствованіе Екатерины II княземъ Потемкинымъ для участія въ его домашней музыкѣ и привезъ этотъ инструментъ съ собою. По смерти князя Потемкина (см. романъ гр. Саліаса „Милліонъ“, 1885 г., стр. 878), графъ Андр. Иван. Гудовичъ, тогда еще молодой человѣкъ, пригласилъ Дельфино къ себѣ и сталъ учиться у него игрѣ на віолончели. За симъ Дельфино, въ началѣ 1800-хъ годовъ, умеръ и оставилъ свой инструментъ графу Гудовичу за 20 т. франковъ, которые графъ, по волѣ Дельфино, послалъ за-границу его дочери. Это было около 1820 года. Съ тѣхъ поръ по 29 декабря 1864 года инструментъ находился у графа Гудовича, который берегъ его, наслаждался имъ и держалъ обыкновенно у себя въ спальнѣ. 29 декабря 1864 года графъ подарилъ инструментъ Марковичу, какъ любимому, по словамъ его, родственнику. Такимъ образомъ, инструментъ, которому минуло 171 годъ, находится болѣе 100 лѣтъ въ Россіи. Въ теченіе 171 года онъ находился во владѣніи только трехъ лицъ, никогда не дѣлалъ большихъ путешествій и поэтому сохранился такъ, какъ ни одинъ изъ его сверстниковъ. Инструментъ этотъ извѣстенъ въ Европѣ и представляетъ одинъ изъ лучшихъ и красивѣйшихъ экземпляровъ работы Страдиваріуса.

Когда экипажи нѣсколько приблизились, Кароль удивился еще болѣе, увидѣвъ, что это самъ панъ Сандецкій. Онъ ожидалъ отца не ранѣе какъ недѣли черезъ двѣ, или три. Нежданное его прибытіе съ дочерьми и людьми, взятыми съ собой въ Варшаву, означало что-либо особенное.

Едва Кароль вошелъ на крыльцо за́мка, какъ запыленные экипажи со взмыленными лошадьми влетѣли во дворъ. Изъ передняго экипажа вышелъ панъ Сандецкій и, встрѣченный сыномъ, расцѣловался съ нимъ. Изъ другаго — вышли двѣ панны, его дочери. Изъ третьяго — ближайшія лица къ нимъ или ихъ свита, „домовники“ и „домовнички“.

Кароль замѣтилъ, что отецъ не въ духѣ, даже угрюмъ и озабоченъ.

— Иди ко мнѣ, Кароль, сказалъ Сандецкій, входя по большой парадной лѣстницѣ.—Дѣло есть... и такое дѣло важное, какого ты никогда не слыхалъ во всю жизнь и никогда больше не услышишь, проживи хоть еще сто лѣтъ. А есть и другое дѣльце, менѣе важное, но тоже хорошенькое, касающееся вотъ этой паненки... показалъ Сандецкій пальцемъ на младшую дочь, Сусанну.

Хорошенькая, бѣлокурая дѣвушка потупилась подъ этимъ отцовскимъ жестомъ, какъ виноватая.

Всѣ поднялись въ за́мокъ. Панны пошли въ свои горницы, а Сандецкій въ сопровожденіи сына направился къ себѣ.

Панъ Сандецкій былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокій, плотный, пожалуй даже толстый, съ мощными плечами. Голова его была подбрита на лбу, по старому польскому обычаю, а длинные густые усы съ сѣдиной были закручены въ кольца, торчали далеко отъ щекъ и придавали всей его фигурѣ энергическій видъ. Онъ всегда носилъ національный костюмъ, — кунтушъ, жупанъ, высокіе сапоги и карабель.

Когда гайдукъ принесъ за каштеляномъ сундучекъ, окованный серебромъ, гдѣ были деньги, и поставилъ его на столъ, панъ велѣлъ ему немедленно выйти вонъ и заперъ за нимъ двери на засовъ.

— Слушай, Кароль... То, что́ ты, будучи въ Варшавѣ, слышалъ какъ басни, стало не басней... Не пройдетъ мѣсяцевъ двухъ, какъ Рѣчь Посполитая будетъ расклевана, словно падаль, во́ронами. Да и есть она падаль! И слѣдъ, чтобы ее рвали всякіе во́роны, и русскіе, и нѣмецкіе!.. Захватъ всѣхъ земель, составляющихъ окраины Польши, рѣшенъ. А это великое событіе касается насъ больше чѣмъ кого-либо. Вѣдь мы на границѣ! Я всячески старался точно узнать въ Варшавѣ, на какихъ основаніяхъ пройдетъ пограничная черта или будущая прусская граница—и ничего не узналъ. Узналъ я только одно, что предполагаемая будущая граница между Пруссіей и Польшей проходитъ какъ разъ черезъ мои помѣстья. Слѣдовательно, все дѣло въ глупомъ пустомъ случаѣ. Будемъ ли мы принадлежать нѣмцамъ, или останемся поляками—совершенно неизвѣстно и не будетъ извѣстно до послѣдней минуты.

— Это ужасно! воскликнулъ Кароль.

— Да, это ужасно. Вотъ до чего мы дожили! Вотъ до чего довела себя Рѣчь! Или, лучше сказать, до чего довелъ отечество наемникъ русскій, Станиславъ. Онъ Іуда предатель своего отечества и своего королевства. Единственно, что́ еще можетъ утѣшить меня въ этомъ грозящемъ несчастіи — это ты, твоя судьба.

— Почему? спросилъ Кароль, догадываясь отлично о чемъ идетъ рѣчь.

— Потому что если я стану прусскимъ подданнымъ, то я тотчасъ же обращусь къ Фридриху съ тою же просьбой, съ которой обращался къ Станиславу. И быть-можетъ, благодаря нѣмецкимъ законамъ или добротѣ новаго короля, дѣло удастся. Польша отъ этого захвата погибнетъ, всѣмъ полякамъ это великое несчастье. Тебѣ одному это будетъ на пользу и на счастье.

— Я бы не желалъ, отецъ, чтобы это такъ было. Я бы не желалъ при всеобщемъ несчастіи найти мое счастье. Если бы я еще согласился быть узаконеннымъ по эдикту польскаго короля, то, право, мало чести получить узаконеніе по милости врага отечества и грабителя родной земли.

— Кто изъ нихъ хуже, Кароль, трудно рѣшить, грустно вымолвилъ Сандецкій.—Фридрихъ нашъ врагъ, правда, а развѣ Станиславъ не врагъ? Худшій врагъ! Предатель! И кто же изъ нихъ болѣе настоящій король, болѣе законный? Фридрихъ — законный наслѣдникъ своего отца и дѣдовъ, а Станиславъ Понятовскій—„доробковичъ“ изъ шляхты *), узурпаторъ, посаженный на престолъ, благодаря русскимъ штыкамъ. Какой онъ король! Онъ дрянь, мотъ, игрокъ и женскій соблазнитель! Но, не объ этомъ рѣчь теперь. Тебѣ надо будетъ ѣхать въ Варшаву, чтобы слѣдить насколько возможно за рѣшеніемъ этого дѣла.

— Мнѣ бы не хотѣлось ѣхать въ Варшаву, отецъ.

— Это пустое! Я знаю что́ ты говорилъ мнѣ тамъ, но пойми, теперь время иное, теперь дни самые важные въ нашей жизни. Ты долженъ ѣхать, чтобы видаться со всѣми людьми, отъ коихъ болѣе или менѣе зависитъ установленіе подробностей этого захвата польскихъ земель. Ты долженъ узнать, на какихъ основаніяхъ будетъ проводиться граница и постоянно присылать мнѣ гонцовъ, чтобы я зналъ, что́ толкуютъ тамъ. Повторяю тебѣ, что предполагаемая граница пройдетъ какъ разъ черезъ Сталупени. Я не могу быть тамъ, потому что, на основаніи того, что́ ты мнѣ будешь оттуда писать, я долженъ буду здѣсь дѣйствовать.

— Но что́ же тутъ-то дѣлать?

— Не знаю еще и самъ... Можно продать часть земель Чарторыйскимъ, за грошъ. Они отстоятъ себя при помощи короля-племянника, а стало-быть и меня... Я подумаю... Увижу что́ дѣлать. Что касается ожидаемаго насильственнаго отторженія нашихъ земель къ Пруссіи, то объ этомъ ты долженъ говорить здѣсь всѣмъ въ извѣстномъ духѣ. Тебя любятъ. Ты долженъ до отъѣзда—взволновать мнѣ всячески всѣхъ моихъ хлоповъ и рабовъ.

Панъ Сандецкій хотѣлъ уже отпустить сына, но вдругъ остановилъ его вновь и выговорилъ:

— А второе совсѣмъ забылъ. Только потому и забылъ, что слишкомъ важно и ужасно первое. Въ другое время это второе озаботило бы меня больше. Знаешь ли ты, что́ оказалось послѣ твоего отъѣзда изъ Варшавы, какой срамъ у насъ въ семьѣ?

— Что такое? удивился Кароль.

— Моя дочь съумѣла влюбиться въ молодаго полковника. Эта интрига раскрылась вдругъ, и мнѣ пришлось быстро увозить ее изъ Варшавы. Да, Сусанна позволила за собой ухаживать и сама влюбилась въ этого полковника. И онъ былъ настолько дерзокъ и нахаленъ, что явился ко мнѣ просить ея руки. Ты не спрашиваешь, кто тотъ полковникъ?

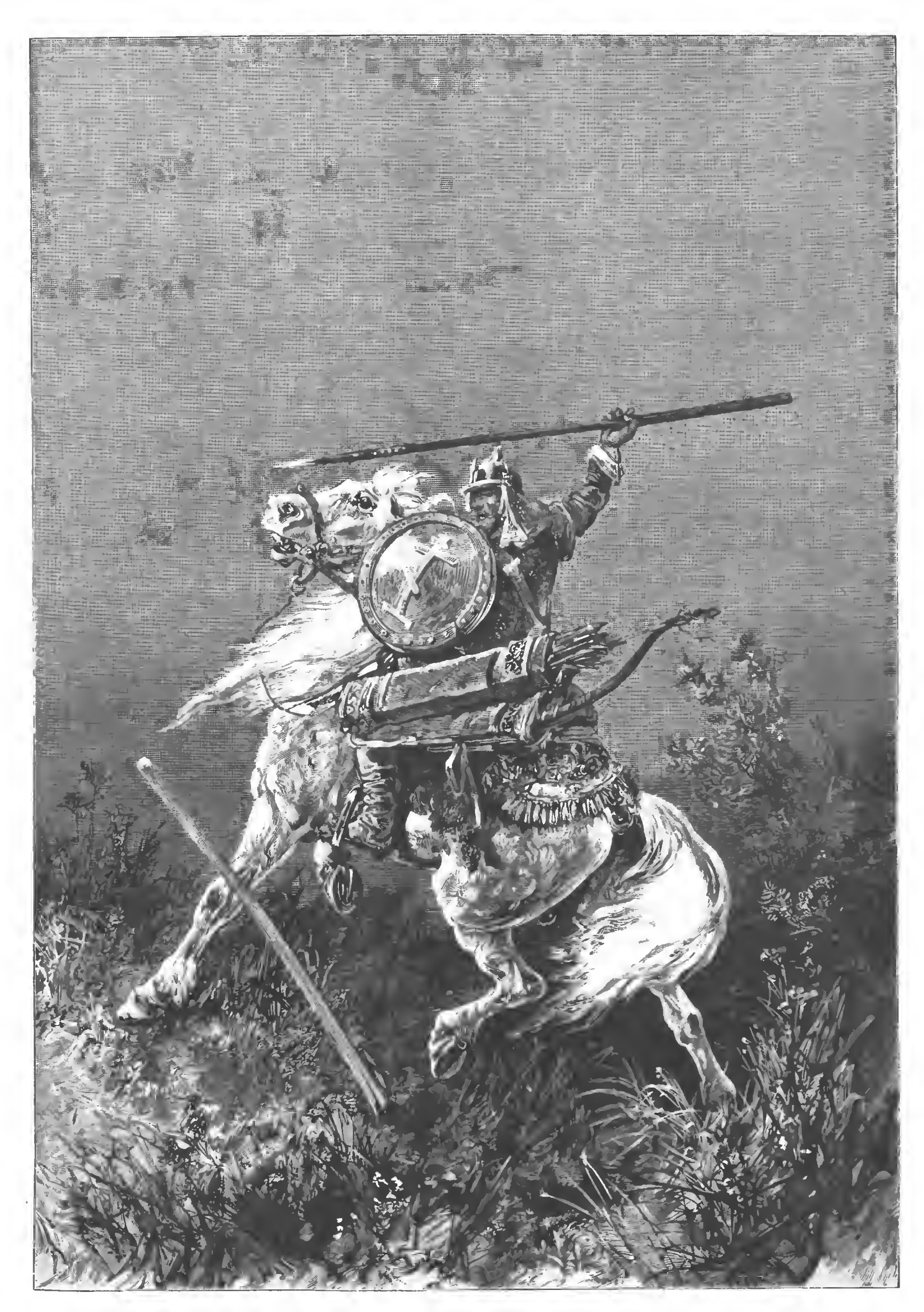
— Вѣроятно онъ изъ пѣхоты и стало-быть наемникъ, чужеземецъ.

— Его имя Мамоновъ.

— Русскій! изумился Кароль.

— Да, офицеръ русской арміи. Сусанна позволила за собой ухаживать москалю и мало этого... сама влюбилась въ него. И этотъ полковникъ Мамоновъ посмѣлъ придти ко мнѣ просить ея руки. Я отвѣтилъ ему, что будь Польша и поляки въ томъ положеніи, въ какомъ были во время моей юности, то я бы въ отвѣтъ, разложивши его у себя въ гостиной, на дорогомъ турецкомъ коврѣ, всыпалъ бы ему сотни двѣ на-

*) Доробковичъ — выскочка.



Отвѣтъ. Боевая сцена XII вѣка. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина. грав. Шюблеръ.

Аббагамба (рогатый воронъ), клюющій хамелеона. Рис. и грав. Шнехтъ.

гаекъ. А теперь, прибавилъ я ему, къ стыду нашему и несчастію, нельзя москаля трогать. Изъ-за послѣдняго русскаго проходимца всякой бѣды наживешь отъ резидентовъ императрицы, распоряжающихся въ Варшавѣ какъ у себя въ Московіи. Тогда, знаешь ли ты, что̀ этотъ проклятый москаль отвѣтилъ мнѣ? Онъ сказалъ, что онъ не тайно, а явно, насильственно увезетъ Сусанну и женится на ней! Что̀ же мнѣ оставалось дѣлать? Ты знаешь каково теперь въ Варшавѣ. Москали не только могутъ увезти дѣвушку-дочь, могутъ Варшаву увезти съ ея мѣста на другое. Мнѣ оставалось только одно: посадить дѣвчонку въ карету и скакать сюда. Здѣсь, разумѣется, москаль не достанетъ ее, а если явится доставать, то здѣсь уже я положительно за себя не отвѣчаю. Здѣсь я приготовлю самый богатый турецкій коверъ среди нашей большой гостиной и прикажу приготовить съ полдюжины хорошихъ нагаекъ. Онъ ихъ и испробуетъ, если явится сюда пробовать дочь увозить. А я думаю, что это такъ и будетъ. И я разсчитываю на тебя. Ты мнѣ поможешь?

— Конечно, отецъ.

— Не пожалѣешь себя?

— Конечно. Но вѣдь мнѣ же надо будетъ ѣхать въ Варшаву?..

— Теперь онъ не явится. Вѣроятно онъ отложитъ на время свою дерзкую затѣю.

— Я полагаю, отецъ, что сюда въ за̀мокъ Мамоновъ этотъ побоится заглянуть. Хотя вообще всякій москаль дерзокъ, но зря на̀ смерть не полѣзетъ.

— Увидимъ, Ка̀роль. Но если онъ сунется сюда красть у меня дочь чтобы осрамить меня своимъ родствомъ, то я не погляжу на то, что онъ родня резидента русской императрицы.

Сандецкій отпустилъ сына, затѣмъ переодѣлся послѣ дороги и вышелъ въ залу гдѣ ожидали его разные обитатели-домовники и „покоёвцы“ *), чтобы представиться снова пану каштеляну, котораго давно не видали.

Послѣ пріема Сандецкій выслушалъ докладъ своего маршала, пана Балтазара Трембицкаго. Въ Сталупеняхъ все оказывалось въ порядкѣ и благополучіи.

Послѣ него явились съ докладомъ два должностныхъ лица, конюшій и „шатный“. Послѣдній завѣдывалъ всѣмъ движимымъ имуществомъ и главное — богатымъ гардеробомъ пана, гдѣ бывали тысячные кунтуши и шапки отдѣланныя жемчугомъ или алмазомъ.

Съ перваго-же дня по возвращеніи пана каштеляна — за̀мокъ будто ожилъ. Помимо того, что вслѣдъ за паномъ пріѣхало изъ Варшавы много людей которыхъ онъ бралъ съ собой, всѣ оставшіеся въ за̀мкѣ теперь зажили веселѣе. Около пана было сытнѣе и выгоднѣе, чѣмъ вдали отъ него.

За̀мокъ Сандецкаго, какъ и многихъ богачей-магнатовъ и шляхтичей, былъ полонъ народу—нахлѣбниковъ и прислуги. Было въ обычаѣ имѣть большой штатъ придворныхъ.

Весь этотъ людъ, кромѣ крѣпостныхъ рабовъ, получалъ жалованье деньгами и натурой подъ общимъ именованіемъ „salarium“. Всѣ эти и домовники, и покоёвцы равно обязывались носить платье по цвѣту герба каштеляна. Одежда была самая разнообразная и часто фантастическая.

Гайдуки, паюки и скороходы отличались отъ прочихъ своими костюмами. Скороходы одѣвались якобы „по испански“, въ сущности въ самыя легкія матеріи, и ходили въ башмакахъ, а на головѣ носили маленькія шапки - ермолки съ металлическимъ гербомъ пана и страусовыми перьями.

Паюки были въ длинныхъ цвѣтныхъ жупанахъ, шальварахъ и ферезіяхъ. Вся одежда обшивалась золотыми или серебряными шнурами. На ногахъ были высокіе цвѣтные сапоги. На головѣ, почти совсѣмъ обритой, за исключеніемъ затылка и висковъ, носилась высокая и остроконечная шапка - конусъ и всегда бывала обвита кускомъ матеріи цвѣта герба помѣщика.

Гайдуки носили узкіе чекмени, расшитые золотомъ или шелкомъ по швамъ, а на ногахъ чекчеры въ обтяжку, застегивавшіяся сзади большими металлическими крючками, часто золотыми. Чекчеры засовывались въ узкіе зашнурованные полусапожки изъ желтаго или краснаго сафьяна.

Гайдуки отличались отъ паюковъ прической. Они не только не брились, но, наоборотъ, носили, по-женски, длинные волосы. И чѣмъ длиннѣе, тѣмъ лучше... Волосы собирались сзади въ одну толстую косу или въ нѣсколько маленькихъ, но двѣ косички, покороче, обязательно ниспадали спереди, съ висковъ, на плечи. Шляпы были всегда круглыя, съ большими полями, и надѣты на затылокъ.

Отъ всѣхъ трехъ родовъ прислуги, прежде всего, требовались огромные длинные усы. Отъ длины усовъ зависѣла карьера прислужника и размѣръ получаемаго salarium'а.

Паюки выбирались изъ людей большаго роста и крѣпко сложенные. Гайдуки должны были быть не высоки, но за-то стройны и статны, ради ихъ узкой одежды. Скороходы могли быть или огромнаго роста, или совсѣмъ маленькіе, чуть не карлики.

Эти три рода прислуги не носили оружія, изрѣдка лишь кинжалъ за поясомъ, и затѣмъ никогда не снимали своихъ шапокъ, не только въ горницахъ или служа своимъ господамъ за столомъ, но даже и во время богослуженія въ костелахъ оставались съ покрытыми головами, разумѣется, если являлись сопровождая господъ въ качествѣ слугъ. Паюки преимущественно служили дамамъ, гайдуки — мужчинамъ. Въ храмѣ паюкъ держалъ за барыней верхнее платье, или молитвенникъ, или вѣеръ. Гайдукъ, стоя въ храмѣ за бариномъ, всегда держалъ на обѣихъ вытянутыхъ рукахъ саблю своего повелителя—каштеляна.

Въ большіе праздники паны, однако, не снимали въ церкви своихъ сабель. При пѣніи молитвы Пресвятой Дѣвѣ, панъ тихо ударялъ себя въ грудь кулакомъ трижды, до половины вытаскивалъ саблю изъ ноженъ, мысленно клянясь Богоматери постоять за Нее.

Кромѣ того, въ за̀мкѣ пана Сандецкаго было еще два казака и четыре гусара—ради новой, недавно появившейся моды. Казакъ исполнялъ въ домѣ разныя низкія обязанности, которыя бы паюка или гайдука обидѣли. Въ учрежденіи такой должности сказывалась та-же вражда къ москалю.

Наконецъ, въ за̀мкѣ былъ оберъ-паюкъ, полу-хохолъ, по имени Бурчимуха, который служилъ за столомъ важному гостю, въ помощь къ его собственному слугѣ, съ нимъ пріѣхавшему и по обычаю ему служащему, хотя и въ чужомъ домѣ.

При большихъ парадныхъ обѣдахъ главный паюкъ приносилъ и ставилъ на столъ передъ именитымъ или дорогимъ гостемъ большую и круглую зеркальную доску обдѣланную въ бронзовый ободокъ. На этомъ зеркальномъ блюдѣ красовался гербъ гостя, но гербъ всегда вкусный, т. е. пирожное исключительно для гостя приготовленное домашнимъ кондитеромъ.

VI.

Панъ Янъ-Святославъ-Ксаверій Сандецкій, не очень древняго и именитаго рода шляхтичъ, былъ извѣстенъ во всей Польшѣ своимъ богатствомъ, принадлежностью къ старо-польской партіи и какъ членъ Барской конфедераціи, сформировавшейся противъ короля.

Женитьба его, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, на единственной дочери богача воеводы Длусскаго, породнила его со многими магнатами Польши. Но еще прежде своей женитьбы, молодой Ксаверій Сандецкій былъ лас-

*) Покоёвецъ—комнатный шляхтичъ, прислуживающій.

ково принять во всѣхъ аристократическихъ семьяхъ королевства и былъ хорошо извѣстенъ многими подвигами, которые по времени требовались отъ всякаго молодца. Сандецкій былъ и остался человѣкомъ своего времени. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражались нравы польскаго общества.

Панъ Ксаверій, окончивъ курсъ наукъ, подъ руководствомъ іезуитовъ, съ двадцати лѣтъ остался одинъ, безъ отца и матери, наслѣдникомъ очень большаго состоянія, и жизнь его пошла тѣмъ же чередомъ, какимъ шла у другихъ молодыхъ людей.

Сандецкій, какъ большинство, былъ усердный поклонникъ прекраснаго пола и большой ухаживатель; затѣмъ любилъ охоту и карты, любилъ выпить на пиру и никогда не уклонялся отъ послѣдствій пировъ. А послѣдствія эти были всегда одни и тѣ же: драки, поединки, иногда и цѣлыя побоища.

Разумѣется, Сандецкій хорошо рубился на сабляхъ, отлично стрѣлялъ, лихо ѣздилъ верхомъ. Если онъ не былъ неустрашимъ и храбръ по природѣ, то сдѣлался таковымъ въ силу обстоятельствъ, нравовъ, по требованію времени. Всѣ кругомъ были если не храбры, то дерзки, отчасти на дѣлѣ, но еще болѣе на словахъ. Однако Сандецкому пришлось нѣсколько разъ въ жизни доказать свое удальство. У него было нѣсколько поединковъ на сабляхъ и на пистолетахъ, а одинъ поединокъ верхомъ и на пикахъ. И изо всѣхъ онъ вышелъ побѣдителемъ.

Въ это время было нѣчто, за чѣмъ гонялись не только молодые люди, но и пожилые, и простая шляхта, и аристократія.

Заставить говорить о себѣ—вотъ что̀ было слабой струной, больнымъ мѣстомъ. Эта погоня за славой въ маломъ видѣ была характерною чертой времени. Всѣ старались отличиться другъ передъ другомъ и выкинуть такое колѣно, о которомъ заговорила бы если не вся Польша, то по крайней мѣрѣ столица, городъ, мѣстность, околотокъ.

Сандецкому удалось добиться этого. Въ теченіе лѣтъ пяти по окончаніи курса и до женитьбы онъ дѣлалъ всякіе фокусы, всякія чудеса, конечно задѣвая ими честь и достоинство себѣ подобныхъ.

Слава отличнаго рубаки спасала его часто отъ наказанія или мщенія. Изъ всѣхъ штукъ, которыя продѣлывалъ когда-то Сандецкій, осталась теперь въ памяти его знакомыхъ одна, главная...

Однажды, проѣзжая черезъ селеніе пана Яницкаго, одного изъ своихъ сосѣдей, съ которымъ у него были непріязненныя отношенія, Сандецкій разсердился на какого-то жида, который со своей повозкой во-время не посторонился. Это было большою дерзостью.

Панъ сталъ кричать на жида. Жидъ вѣроятно былъ слегка пьянъ, или удивительный, не жидовскій стихъ напалъ на сына Израиля, но дѣло въ томъ, что онъ, къ изумленію Сандецкаго, отвѣчалъ нѣсколькими грубостями.

Панъ Ксаверій, какъ часто случалось ему и какъ вообще дѣлали всѣ шляхтичи, приказалъ своему скороходу обратиться къ помощи нагайки. Тотъ забарабанилъ по жиду и попалъ нѣсколько разъ по головѣ, но такъ какъ въ хвостѣ его нагайки была зашита пуля, то случилось нѣчто самое простое. Скороходъ случайно попалъ жиду въ високъ и положилъ его мертвымъ на мѣстѣ.

Дѣло было самое заурядное. Только лѣнивый жида не билъ и случайно не убивалъ.

Панъ Яницкій, вслѣдствіе давнишней непріязни, разобидѣлся и написалъ пану Ксаверію дерзкое письмо, говоря, что ему, конечно, не жаль жида, но все-таки этотъ жидъ принадлежалъ ему и, слѣдовательно, Сандецкій дерзко и самовольно лишилъ его одного изъ рабовъ.

Панъ Ксаверій на другой же день посадилъ верхомъ изъ своихъ домовниковъ и гайдуковъ, человѣкъ пятьдесятъ, и съ этой дружиной направился по большой дорогѣ пролегавшей по его помѣстьямъ, а за нимъ выѣхали три длинныя фуры. Далеко онъ не уѣхалъ. Цѣль была такая, что ее можно было достигнуть по близости.

Молодцы его по ближайшимъ селеніямъ ловили жидовъ, и старыхъ, и молодыхъ, какіе попадались навстрѣчу, затѣмъ каждаго пойманнаго они укладывали въ фуру. Такимъ образомъ, наклавъ рядами какъ бревна, въ трехъ большихъ фурахъ, десятковъ пять жидовъ, они на каждую фуру положили гнетъ и обвязали каждую кучку веревками. Въ этомъ видѣ три фуры, полныя живыми бревнами, были отправлены въ подарокъ сосѣду, отъ пана Сандецкаго, какъ „то что̀ панъ-сосѣдъ наиболѣе любитъ“. Разумѣется, когда фуры достигли до мѣста назначенія, то нижніе ряды оказались въ самомъ плачевномъ состояніи, а два-три старика были уже на томъ свѣтѣ.

Эта насмѣшка надъ сосѣдомъ, оскорбительная по времени, долго заставляла смѣяться знакомыхъ Сандецкаго. Но этотъ „срамной“ подарокъ сталъ только прелюдіей къ распрѣ двухъ сосѣдей.

Сосѣдъ, панъ Яницкій, страшно разобидѣлся присылкой фуръ съ жидами и послалъ сказать Сандецкому, что считаетъ себя „фамильно оскорбленнымъ“, на поединокъ съ паномъ выходить не желаетъ, такъ какъ владѣетъ саблей хуже чѣмъ тотъ, но обѣщается „такъ напугать“ пана-сосѣда, что онъ всю жизнь будетъ помнить, если не умретъ отъ страха.

А напугать кого-либо, т. е. заставить струсить, было мщеніемъ времени. Можно было вѣкъ хвастаться, что такого-то заставилъ поневолѣ доказать себѣ и всѣмъ, что онъ срамной трусъ.

Панъ Ксаверій, разумѣется, черезъ посланнаго отвѣтствовалъ сосѣду, что и онъ, въ свой чередъ, клянется напугать пана Яницкаго еще пуще, если не совсѣмъ до смерти, то „до сѣдины“.

Дѣйствительно, спустя около года съ Сандецкимъ, во время пути въ Варшаву, случилось очень странное происшествіе. Онъ остановился гдѣ-то ночевать въ гостиницѣ и въ самую полночь, проснувшись въ постели, увидѣлъ, что его душитъ мертвецъ—скелетъ въ саванѣ.

Суевѣрный панъ Ксаверій не могъ даже молитвы прочесть, а лишился чувствъ. Затѣмъ, придя въ себя и не найдя, конечно, никакихъ слѣдовъ являвшагося привидѣнія, онъ отправился въ ближайшій отъ своего помѣстья монастырь и, сдѣлавъ богатый вкладъ, рѣшилъ цѣлыхъ шесть недѣль молиться какъ о себѣ, такъ и за упокой души того человѣка, которому принадлежалъ скелетъ.

Но не успѣлъ еще окончить Сандецкій эпитимью, наложенную на себя добровольно, какъ узналъ, что все это было шуткой врага-сосѣда. Яницкій уже хвастался, какъ струсилъ Сандецкій.

Не прошло мѣсяцевъ двухъ, Ксаверій предложилъ сосѣду примириться и болѣе не враждовать. Онъ признавалъ, что сосѣдъ его пересилилъ, перехитрилъ и вообще остался побѣдителемъ.

Враги помирились, а черезъ нѣсколько дней Сандецкій задалъ пиръ, созвалъ гостей и въ томъ числѣ позвалъ, конечно, и прежняго своего врага.

Дни, въ которые произошло примиреніе и назначено было пированіе въ Сталупеняхъ, пришлись какъ разъ въ междуцарствіе. Прежняго короля уже не было въ живыхъ, а новый—Станиславъ-Августъ—еще не былъ избранъ. Повсюду въ Польшѣ собирались сеймики и бушевало все.

Во дни этихъ междуцарствій наступала во всей Рѣчи Посполитой полная анархія и полный хаосъ. Хотя королевствомъ и управлялъ всегда временно примасъ или interrex, но трибуналы прекращали свою дѣятель-

ность въ силу обычая. Поэтому за это время междуцарствій творилось часто многое совершенно немыслимое въ обыкновенное время. Разумѣется, многіе, по избраніи короля, или въ отвѣтъ за то, что натворили при интеррексѣ, но эти соображенія не останавливали никого. Всякій, въ силу обычая, пользовался такими днями для своихъ цѣлей...

Панъ Яницкій, отправляясь на пиръ сосѣда, зналъ, конечно, что король Польскій еще не избранъ и что въ этакую пору всякое самое удивительное со всякимъ можетъ приключиться.

„Но вѣдь хозяинъ гостя обидѣть не можетъ!" разсуждалъ онъ.

Принятый паномъ Сандецкимъ съ особымъ почетомъ, Яницкій совсѣмъ успокоился.

Въ тотъ же вечеръ, въ разгарѣ пира, происходившаго въ павильонѣ въ концѣ парка, хозяинъ сталъ разсказывать гостямъ, какъ напугалъ его Яницкій, подославъ ему въ дорогѣ кого-то ряженаго мертвецомъ.

— Надо было быть такимъ дуракомъ, какъ я, сказалъ панъ Ксаверій, — чтобы, проснувшись, не свистнуть кулакомъ пришедшаго негодяя. Тогда бы у него черепъ свалился съ головы и я бы его отхлесталъ нагайкой. Что дѣлать—испугался... Но думаю, что надо тоже быть еще пущимъ дуракомъ, чтобы шутить такими великими вещами, какъ загробная жизнь. Я думаю, что другаго такого осла, какъ ясновельможный панъ Яницкій, не отыщется во всей Рѣчи Посполитой.

Къ этому панъ Ксаверій прибавилъ еще нѣсколько выраженій, которыя заставили его гостя—Яницкаго—побагровѣть. Разумѣется, гость отвѣчалъ болѣе или менѣе невѣжливо.

— А!.. закричалъ Сандецкій.—Ты такъ? Ты, жидовскаго происхожденія шляхтичъ! Я тебя, пса, пустилъ къ себѣ, но не пустилъ въ зàмокъ, а только въ этотъ павильонъ, чтобы ты не маралъ моего жилища. А теперь, за твою дерзость, я проучу тебя! Ты забылъ, что теперь правитъ interrex и никакихъ судовъ нѣтъ... А я здѣсь, въ моемъ помѣстьѣ, самъ судья!

Немедленно панъ Сандецкій перешелъ съ гостями въ зàмокъ, а за ними вели уже связаннаго по рукамъ подсудимаго Яницкаго.

Въ большой залѣ зàмка былъ учрежденъ временной трибуналъ. Четыре человѣка, въ предсѣдательствѣ самого пана Сандецкаго, образовали судилище и сѣли за столъ, покрытый краснымъ сукномъ.

Здѣсь, въ часъ времени, панъ Яницкій былъ обвиненъ въ вѣроотступничествѣ, въ кощунствѣ, во всякихъ государственныхъ преступленіяхъ и единогласно приговоренъ къ смертной казни.

Разумѣется, и самъ панъ Сандецкій, и его гости, и самъ попавшій въ западню Яницкій, знали отлично, что во дни междуцарствія подобное происшествіе было дѣломъ самымъ зауряднымъ.

На другое утро на дворѣ зàмка уже былъ выстроенъ эшафотъ, и весь дворъ былъ залитъ народомъ, обитателями замка и обывателями села. Всѣхъ позвали смотрѣть, какъ покончитъ свои расчеты съ жизнью злѣйшій врагъ могущественнаго пана Сандецкаго.

Часовъ въ девять утра все было готово. Вызванный ксендзъ отправился въ горницу, гдѣ сидѣлъ заключенный, чтобы его исповѣдовать и причастить.

Панъ Яницкій, посѣдѣвшій за одну ночь,—босоногій, въ одной бѣлой рубахѣ, опоясанный веревкой,—появился изъ зàмка среди цѣлой процессіи, съ ксендзомъ впереди, несшимъ надъ головой большое Распятіе, и съ францисканскими монахами, несшими зажженныя свѣчи. При полномъ безмолвіи народа, всѣ приблизились къ эшафоту, гдѣ уже стоялъ на своемъ мѣстѣ палачъ съ сѣкирой.

Взойдя на помостъ, панъ Яницкій сталъ, рыдая, умолять врага помиловать его, простить ему всѣ обиды: но панъ Ксаверій былъ неумолимъ.

— Я долженъ воспользоваться этими днями, чтобы проучить буйнаго сосѣда, отвѣчалъ онъ.—Отнынѣ всѣ будутъ знать, что пана Ксаверія трогать опасно. Прочти еще молитву, а затѣмъ отправляйся къ праотцамъ!

Панъ Яницкій сталъ на колѣни и началъ читать молитву. Затѣмъ ему завязали глаза, и панъ Сандецкій, приблизившись къ эшафоту, громко приказалъ палачу:

— Если ты сразу отсѣчешь ему голову, то получишь сто червонцевъ. Если же ты ранишь его настолько, что онъ упадетъ, а голова будетъ держаться, хотя бы на одной кожицѣ, то я тебѣ велю дать здѣсь же сто плетей, отъ которыхъ ты отправишься на тотъ свѣтъ. Ну! прибавилъ онъ. — Я сочту: разъ, два и три... По третьему разу, чтобы голова злодѣя запрыгала на помостѣ.

И среди глубокой тишины, наступившей среди двора, раздался голосъ пана Ксаверія, начавшаго протяжно, съ остановками считать.

— Ра-азъ!.. произнесъ Сандецкій громко и повелительно.

Стоящій на колѣняхъ съ завязанными глазами, слегка осунулся и быстро перекрестился.

— Два!.. вскрикнулъ панъ.

Яницкій еще болѣе сгорбился, безсознательно подставляя палачу свою голую шею еще удобнѣе.

— Три!!.. вскрикнулъ Сандецкій.

Палачъ не шелохнулся и стоялъ истуканомъ, даже улыбаясь, но Яницкій свалился на-бокъ и шлепнулся на помостъ.

— Вотъ и все! крикнулъ панъ Сандецкій на весь дворъ. — Я обѣщалъ пану Яницкому напугать его до смерти или до полусмерти, и сдержалъ свое слово!

Яницкаго, развязавъ ему глаза, тщательно осмотрѣли. Онъ дышалъ.

— Ну, и слава Богу! воскликнулъ Сандецкій. — До смерти испугать труса я бы не желалъ... Будетъ помнить и такъ.

Это колѣно пана Сандецкаго, разумѣется, было извѣстно во всей Польшѣ. Онъ напугалъ своего врага такъ, какъ рѣдко кому-либо удавалось.

Панъ Яницкій съ тѣхъ поръ уже не оправился вполнѣ, все хворалъ и прожилъ недолго. Ночь, проведенная передъ казнью въ Сталупеняхъ и самое ожиданіе сѣкиры на помостѣ, состарило его въ нѣсколько часовъ на двадцать лѣтъ.

Этотъ фокусъ съ врагомъ панъ Сандецкій устроилъ когда былъ уже давно женатъ. Вообще же онъ послѣ женитьбы остепенился. Онъ позволялъ себѣ только изрѣдка пировать съ друзьями и, конечно, продолжалъ играть въ фараонъ, дьябелку и другія азартныя игры, но поставилъ себѣ правиломъ болѣе пяти тысячъ злотъ не проигрывать въ одинъ вечеръ.

Только одно осталось по старому. Несмотря на женитьбу, Сандецкій продолжалъ быть поклонникомъ прекраснаго пола. Потерявъ жену чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ свадьбы, панъ Ксаверій далъ клятву никогда болѣе не жениться. Узы брака были ему не по плечу....

(Продолженіе будетъ).

Артемій Саватьевъ.

Разсказъ Ѳ. Ѳ. Тютчева.

Вотъ уже второй мѣсяцъ Артемій Саватьевъ, рядовой N*** пѣхотнаго полка, находится въ возбужденномъ состояніи духа. Каждое утро, просыпаясь, онъ первымъ долгомъ суетъ руку подъ подушку, вытаскиваетъ коробочку изъ-подъ папиросъ, въ которой у него хранится огрызокъ карандаша и продолговатый лоскутокъ бумаги, весь исписанный цифрами. Доставъ бумажку, Саватьевъ съ минуту смотритъ на нее, точно любуется ею, зачеркиваетъ или, вѣрнѣе, царапываетъ одну изъ

Напрасные поиски. Карт. Е. Жираде, грав. Т. Жираде.

цифръ и, сунувъ коробочку опять подъ подушку, крестится и бормочетъ:

„Слава Богу—вотъ и еще денекъ прошелъ!"

Въ свободное отъ службы время Саватьевъ лежитъ на койкѣ и размышляетъ:

„Чудно̀, думаетъ онъ, — шесть лѣтъ прошло, ровно шесть дней; покеда служилъ, какъ долго время-то шло, а вотъ какъ отслужилъ, кажстъ, словно бы вчера на службу прибылъ".

Вспоминается Саватьеву первое время поступленія въ полкъ. Первые шаги по службѣ не легки были. Помнитъ онъ, какъ обучали ихъ въ длинной, сырой, холодной казармѣ, какъ кричали на нихъ ундера, искренно изумляясь ихъ безтолковости.

„Чудно̀, продолжаетъ размышлять Саватьевъ,—точно вчера, а вѣдь этому почитай шесть лѣтъ! А чудные мы тогда были, надо правду молвить, добродушно ухмыляется Саватьевъ, вспоминая, какъ неуклюже маршировали они новобранцами на ротномъ дворѣ, переваливаясь съ боку-на-бокъ и старательно, до поту лица, вытягивая и выворачивая ноги подъ оглушающій трескъ барабана,—чудные, быдто и нѐ люди, а лѣсовики какіе—одно слово „деревня".

Произноситъ Саватьевъ слово „деревня", а самъ усмѣхается: но не насмѣшкой, не презрѣніемъ, какъ у иныхъ, звучитъ въ устахъ его это слово,—напротивъ, оно пробуждаетъ въ немъ чувство умиленія и тихой радости. Шесть лѣтъ прослужилъ Саватьевъ, до косточки изучилъ солдатскую службу, и маршируетъ козыремъ, и пріемы ружьемъ откалываетъ — глядѣть сердце радуется,—но въ душѣ онъ остался все тѣмъ же деревенскимъ парнемъ. Добродушный, смирный, безхитростный Артемій Саватьевъ только и мечталъ о томъ, какъ бы скорѣй отслужить свой срокъ, да и вернуться къ себѣ во-свояси, въ свою родную Колосьевку, къ отцу съ матерью. Снять мундиръ, надѣть снова крашенину и, осѣнивши̂сь крестомъ, съ любовью и рвеньемъ приняться за землю-кормилицу.

Шесть лѣтъ постоянно, словно волшебною силой, тянула его къ себѣ деревня, тянула до умопомраченья, до безъисходной тоски. Нѣсколько разъ покушался Саватьевъ бѣжать со службы, но всякій разъ благоразуміе брало верхъ. Не преступникомъ, не бѣгуномъ боящимся свѣта Божьяго и добрыхъ людей хотѣлось возвратиться Саватьеву въ родимую избу, а какъ быть должно—по чести, по хорошему, чтобы никто слова худаго про него сказать не могъ, укорить имъ старика-отца.

День за день, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ медленно, однообразно ползло время и... вдругъ, какъ-то сразу случилось такъ, что всѣ шесть лѣтъ безъ малаго очутились уже за спиной, и до конца службы Саватьева осталось всего какихъ-нибудь два мѣсяца. Тогда-то вотъ Саватьевъ и раздобылъ себѣ коробочку, бумажку и огрызокъ карандаша. На бумажкѣ онъ написалъ сверху: „Октяпръ, Нояпръ, Дикапръ", сбоку—дни недѣли, а рядомъ числа. Первымъ числомъ было 20 октября, день его Ангела, Св. Великомученика Артемія, послѣднимъ 20 декабря — срокъ службы. Съ этого дня, онъ каждое утро, просыпаясь, первымъ дѣломъ вычеркивалъ вчерашній день—и по мѣрѣ того, какъ уменьшался рядъ незачеркнутыхъ цифръ, сердце его билось тревожнѣй и нетерпѣливѣй.

А тутъ отецъ его, какъ нарочно, словно поддразниваетъ. Въ началѣ ноября Артемій получилъ изъ дому письмо, которое чрезвычайно взволновало его. Послѣ подробнаго описанія своихъ дѣлъ и перечисленія безконечныхъ поклоновъ, чуть-ли не отъ всей деревни, внизу письма стояло слѣдующее: „а въ концѣ сего, любезнѣйшій сынъ мой, слезно прошу тебя, пріѣзжай къ намъ скорѣича, ждемъ тебя съ нетерпѣніемъ, я тебѣ и невѣсту уже приглядѣлъ, помнишь Маланью, тетки Арины дочку. Они таперича живутъ хорошо, дядя въ Питерѣ въ извозчикахъ и денегъ имъ высылаетъ, избу поставили новую и надѣла держатъ на двѣ души. Мать уже кое-что вывѣдала отъ тетки Арины и мыслю я, обѣ онѣ не прочь, а тебѣ Малашка и прежде по мысли была!"

Прочитавъ это письмо, Артемій задумался. Какъ живая встала передъ нимъ черноглазая, шустрая Малашка, подруга его дѣтскихъ игръ. Когда онъ уходилъ въ службу, Малашкѣ былъ уже шестнадцатый годъ, а теперь ей стало-быть уже и всѣ двадцать два. „Чай раздобрѣла, вытянулась", думаетъ Артемій. Онъ никогда не былъ влюбленъ въ Малашку, да и не думалъ о ней почти никогда, но послѣ отцовскаго письма не на шутку задумался о ней, и не прошло недѣли, какъ ему казалось уже, что онъ всегда любилъ ее. Теперь онъ глядѣлъ на нее, какъ на свою невѣсту.

„Вотъ ужо пріѣду, зашлю сватовъ, то-то важно будетъ!"

И Саватьевъ улыбался добродушнѣйшей улыбкой, мечтая, какъ заживетъ онъ съ молодою женой на новомъ хозяйствѣ. Любо!

Если въ стѣнахъ казармы Саватьевъ не ощущалъ потребности заводить съ кѣмъ бы то ни было особенно близкихъ, пріятельскихъ отношеній, проводя все свободное время въ постоянныхъ мечтаніяхъ, то внѣ казармъ, въ городѣ, у него и подавно не было никого знакомыхъ. Саватьевъ терпѣть не могъ городской жизни, не понималъ ее, и никогда бы добровольно не рѣшился остаться жить въ городѣ. Въ отпускъ изъ казармъ онъ уходилъ очень рѣдко и то не надолго, и только по дѣлу. Только въ послѣдній годъ службы, онъ совершенно случайно познакомился съ церковнымъ сторожемъ Сидоровичемъ. Сидоровичъ или, какъ его звали, Сидорычъ, былъ сторожемъ при церкви Іоанна Крестителя, въ приходѣ которой состояли и казармы N*** пѣхотнаго полка. Главною и отличительною чертой Сидорыча было безпробудное пьянство. Это былъ горчайшій пьяница, какого только свѣтъ видалъ, и если онъ до сихъ поръ держался еще въ должности сторожа, то единственно благодаря необыкновенному добродушію и снисходительности настоятеля церкви, отца Паисія, который терпѣлъ Сидорыча изъ сожалѣнія къ его семьѣ. Не проходило ни одного праздника, чтобы Сидорычъ къ вечеру не очутился въ какой-нибудь канавѣ мертвецки-пьяный. Излюбленнымъ его мѣстопребываніемъ въ такія минуты былъ глубокій песчаный ровъ, окружавшій плацъ и отдѣлявшій площадь, на которой стояла церковь, отъ казармъ. Однажды Саватьевъ, возвращаясь домой, услышалъ во рву не то стоны, не то какое-то хрюканье. Заглянувъ въ ровъ, онъ увидѣлъ Сидорыча, но въ такой неудобной, невозможной позѣ, съ ногами выше головы, съ лицомъ прижатымъ къ песчаному дну рва, что надо было удивляться, какъ онъ не задохся въ немъ. Саватьевъ не безъ труда слѣзъ въ канаву и принялся изо-всѣхъ силъ тормошить полубезчувственнаго Сидорыча.

— Эй ты, милъ-человѣкъ, прочухайся! ну, что такъ-то, на маперъ какъ бы свиньи! урезонивалъ Саватьевъ Сидорыча.

Но милъ-человѣкъ только глазами хлопалъ и испускалъ какое-то непонятное мычаніе.

— Ишь ты дѣла какія! почесалъ загривокъ Артемій,—одначе такъ оставить нельзя.

Онъ вылѣзъ изъ канавы, безъ церемоніи вытащилъ Сидорыча за одну ногу на свѣтъ Божій и поставивъ кое-какъ на дыбки, поволокъ его, придерживая одной рукой за шиворотъ, а другой за спину пониже таліи.

На порогѣ полукаменной, полудеревянной, почти развалившейся хибарочки, ютившейся между церковной оградой и папертью, ихъ обоихъ встрѣтила высокая, еще молодая, лѣтъ тридцати двухъ-трехъ женщина, чрезвычайно худая, блѣдная и истощенная. Осунувшееся лицо ея, со ввалившимися, сухими щеками и острымъ подбородкомъ носило печать болѣзненности и затаеннаго недовольства. Словно бы кто ее только что горько обидѣлъ и она старается какъ-нибудь удержаться и не заплакать. Рядомъ съ женщиной, цѣпляясь рученкой за ея платье, стояла дѣвочка лѣтъ семи, бѣлокурая, голубоглазая, съ пріятными, но болѣзненными чертами лица. Она чрезвычайно походила на мать и была такъ же худощава, блѣдна и истомлена.

Высокая, блѣдная женщина была жена Сидорыча, Анисья, голубоглазая дѣвочка — его дочь, Оля. Увидя торжественное шествіе, направлявшееся къ порогу избушки, Анисья сурово насупилась и раздраженнымъ, звонкимъ голосомъ крикнула:

— Что, сударикъ, опять пьянъ? опять люди добрые изъ какой-нибудь канавы выволокли? И вѣдь не лопнешь-то ты никогда, Иродъ провальный, безстыжіе твои глаза! Не сдохнешь, пьяница!

Сидорычъ ни единымъ словомъ не возразилъ на привѣтствіе супруги, а только изо всѣхъ силъ таращилъ и пучилъ глаза, словно стараясь получше разглядѣть ее.

Безмолвіе мужа и его безсмысленно выпученные глаза повидимому имѣли свойство окончательно выводить изъ себя Анисью.

— Господи Боже мой! заголосила она, размахивая руками и съ ненавистью поглядывая на взъерошенную, перемазанную фигуру Сидорыча. — Господи Боже мой! что̀ я за несчастная такая! Дня, дня не проходитъ, чтобъ ты не нализался, аспидъ ты этакій, *стуканъ* безчувственный, Иродъ безстыжій!..

Неизвѣстно, какъ долго изливала бы разгнѣванная сторожиха справедливое негодованіе на голову своего окостенѣвшаго супруга, еслибъ страшный припадокъ кашля не пресѣкъ сразу потоковъ ея краснорѣчія. Схватившись одной рукой за бокъ, а другой за косякъ двери, она въ теченіе нѣсколькихъ минутъ вся сотрясалась отъ порывовъ удушливаго кашля. Блѣдное лицо ея поблѣднѣло еще больше, глаза расширились, на лбу выступили крупныя капли пота; словно березку на огнѣ, сводило ея тщедушное тѣло. Она кашляла такъ, какъ будто что рвалось у нея въ груди. Наконецъ она съ трудомъ перевела духъ...

— Убивецъ ты мой, лиходѣй!.. начала она было снова, но въ эту минуту въ избушкѣ раздался пронзительный плачъ и пискъ.

Женщина махнула рукой и поспѣшно скрылась за дверью. Сидорычъ тупо посмотрѣлъ ей вслѣдъ и такъ же, какъ до этого глядѣлъ на жену, уперся глазами въ лицо дочери. Дѣвочка стояла на томъ же мѣстѣ, въ дверяхъ избушки, и пристальнымъ-пристальнымъ взглядомъ глядѣла въ лицо отцу. Кто знаетъ, что̀ думалъ въ эту минуту семилѣтній ребенокъ, какія мысли копошились въ его маленькой головкѣ; но судя по грустному выраженію личика, можно было угадать, что мысли эти далеко не веселыя. Затаенное, не дѣтское горе и печаль свѣтились въ этихъ голубыхъ, какъ незабудки, задумчивыхъ глазахъ.

Саватьевъ махнулъ рукой, и не дожидаясь конца всей этой

сцены, повернулся и торопливо зашагалъ домой въ казармы.

Весь вечеръ и весь слѣдующій день продумалъ Саватьевъ о вчерашней встрѣчѣ. Ему чрезвычайно было жаль Анисью, а еще того больше Олю, ея двухъ сестрицъ и братца, а между тѣмъ, онъ не могъ негодовать на Сидорыча, даже не упрекалъ его.

„Чай и самъ не радъ, а что̀ ты тутъ подѣлаешь, хворость не хворость, а хуже того... Ахъ эта водка окаянная, и сколько это съ нея по людямъ горя ходитъ... и-ихъ!..“

Въ слѣдующее воскресенье Саватьевъ накупилъ бубликовъ, пряниковъ, леденцовъ въ пестрыхъ бумажкахъ и отправился къ Сидорычу. Сидорыча, по обыкновенію, не было дома; онъ гдѣ-нибудь или благодушествовалъ, или мирно храпѣлъ въ какой-нибудь канавкѣ. Анисья хотя и удивилась нѣсколько неожиданному посѣщенію Саватьева, но вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовалась ему. Она съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, улыбаясь, глядѣла, какъ ея любимица Оля, пятилѣтняя Настя и двухъ-лѣтняя Паша накинулись на принесенныя сласти и съ блестающими отъ наслажденія глазками принялись за быстрое уничтоженіе ихъ. Даже девятимѣсячный Ванюша, барахтавшійся въ бѣльевой корзинѣ, замѣнявшей ему люльку, получилъ бубликъ и важно принялся сосать его, пуская пузыри и барабаня ножками по краямъ корзины.

Весь день просидѣлъ Саватѣевъ у сторожихи, накололъ ей дровъ, наносилъ воды, между дѣломъ починилъ разсохшуюся кадку. Анисья была въ восторгѣ. Какъ всѣ много вынесшіе, въ конецъ изстрадавшіеся люди, она рада была излить передъ кѣмъ-нибудь свое горе. Саватьевъ былъ самый подходящій слушатель. Самъ онъ ничего не говорилъ, ни о чемъ не разспрашивалъ, слушалъ молча, внимательно, и Анисья всѣмъ нутромъ чувствовала, что рѣдко могла она встрѣтить человѣка столь глубоко и искренно сочувствующаго ей, какъ Артемій.

Съ этого дня Саватьевъ частенько сталъ похаживать въ сторожку Сидорыча. Тамъ онъ былъ дорогимъ гостемъ. Дѣти всѣмъ сердцемъ полюбили его, и стоило ему показаться, какъ они съ визгомъ и крикомъ бросались къ нему и висли на немъ. Даже маленькій Ванюша очень скоро привыкъ къ нему и, завидя его, принимался усиленно пускать пузыри и махать рученками, испуская при этомъ какой-то невообразимо пронзительный визгъ, что̀ выражало его сердечное удовольствіе.

Трудно сказать, что̀ главнымъ образомъ влекло Саватьева къ семьѣ Сидорыча. Жалость ли къ Анисьѣ и ея дѣтямъ, желаніе помочь и облегчить ей трудную, рабочую жизнь, или сама эта жизнь, хоть и бѣдная, и неприглядная, но все-же вольная, не казарменная? Всего вѣрнѣе — то и другое вмѣстѣ. Какъ бы то ни было, но съ каждымъ посѣщеніемъ Саватьевъ все больше и больше привязывался къ семьѣ Сидорыча. Особенно полюбилась ему Оля. Всякій разъ, приходя, Саватьевъ приносилъ ей гостинцы, а однажды даже довольно большую папочную куклу въ ситцевомъ платьѣ и какой-то небывалой шляпѣ. Трудно вообразить себѣ восторгъ всей семьи, но еще труднѣе сказать, кто былъ больше радъ этой куклѣ: Оля или сама Анисья.

Увидя куклу въ рукахъ дочери, она даже прослезилась и съ выраженіемъ безграничной благодарности взглянула въ курносое, рябоватое лицо Артемія.

— Богъ тебя наградитъ, Артемьюшка, спасибо тебѣ, родной! прошептала она и поспѣшно отвернулась, чтобы скрыть свое волненіе.

Сидорычъ совершенно безучастно относился къ посѣщеніямъ Саватьева; приходя домой и видя у себя въ комнатѣ солдата, онъ молча кивалъ ему головой и отправлялся спать. Раза два Артемій заставалъ его трезвымъ, но въ трезвомъ видѣ Сидорычъ былъ угрюмъ и молчаливъ, и сколько ни заговаривалъ съ нимъ Саватьевъ, онъ или отмалчивался, или отдѣлывался короткими, отрывочными фразами. Сначала Саватьевъ думалъ, что онъ ревнуетъ его и сердится, но вскорѣ онъ убѣдился, что Сидорычу было рѣшительно все равно. Роковая страсть, съ каждымъ днемъ все больше и больше овладѣвавшая имъ, сдѣлала его апатичнымъ ко всему, кромѣ вина и кабака. Казалось, вся жизнь этого человѣка сосредоточилась въ одномъ роковомъ, мучительномъ вопросѣ: „Какъ бы выпить!“ Нѣсколько разъ онъ пробовалъ просить у Артемія на выпивку, но тотъ денегъ не давалъ, откровенно говоря ему, что на водку не дастъ, а лучше купитъ имъ хлѣба или чаю. Сторожъ соглашался, что это лучше, но тѣмъ не менѣе кончалъ тѣмъ, что утаскивалъ изъ дому что-нибудь и пропивалъ.

„Эхъ, горемыки, горемыки!“ думалъ порой Артемій, сидя въ низкой закоптѣлой комнатѣ сторожевой хибарочки и глядя на возившихся на полу дѣтей,—„эхъ вы горемыки, и чтой-то съ вами будетъ, какъ съ матерью, аль пуще того съ отцомъ случится что̀? Онъ хучь и пьяница, а все какъ-никакъ имъ держится, а умри онъ...“ И сердце Артемія болѣзненно сжималось при мысли что̀ будетъ дѣлать въ случаѣ смерти мужа Анисья съ четырьмя ребятишками малъ-мала-меньше. Къ тому же и Анисья послѣднее время стала все чаще и чаще прихварывать. Невыносимая жизнь видимо и быстро подтачивала ея здоровье.

Наступилъ декабрь. Въ первой половинѣ его отецъ Паисій, по разъ заведенному обычаю, отправлялъ въ Москву тестю своему цѣлый транспортъ всякой домашней провизіи. Тутъ были и на-диво откормленные гуси, и жирныя индѣйки, парные поросята, и цѣлая коллекція всякихъ вареній и соленій. Отецъ Паисій былъ человѣкъ хозяйственный и запасливый. Обыкновенно онъ самъ лично отвозилъ въ сопровожденіи Сидорыча посылку на станцію желѣзной дороги, отстоявшую отъ города въ пяти верстахъ съ небольшимъ, но на сей разъ отецъ Паисій почувствовалъ себя не хорошо: у него сильно разыгрался застарѣлый ревматизмъ, и онъ рѣшился остаться дома, а на станцію послать одного Сидорыча.

Долго уговаривалъ отецъ Паисій Сидорыча, упрашивая его не напиться и исполнить въ точности возложенное порученіе. Сидорычъ клялся, божился на чемъ свѣтъ стоитъ, что глотка въ ротъ не возьметъ.

— Отсохни мои руки, лопни глаза, сдохнуть бы мнѣ безъ покаянія, крестился онъ, — коли ежели рюмку одну выпью.

— Ну, то-то же, смотри, Сидорычъ, грѣхъ большой будетъ коли обманешь, погрозилъ пальцемъ отецъ Паисій.—Ну, Богъ съ тобой, иди, запрягай Буланку въ рабочьи сани и поѣзжай съ Богомъ, да назадъ скорѣй вертайся.

— Будьте спокойны, будьте спокойны, все изъдѣлаю какъ слѣдуетъ, увѣрялъ Сидорычъ, отвѣшивая низкіе поклоны и пятясь къ двери.

Все время пока Сидорычъ запрягалъ кудластаго, мохнатаго „Буланку“, Оля находилась въ большомъ волненіи. Она то вертѣлась подлѣ отца, то бѣжала къ матери, стиравшей какія-то тряпки, и умильно заглядывала ей въ глаза.

— Ты чего, егоза, егозишь? ласково спросила Анисья, оглядываясь на дочь.—Небось съ отцомъ на станцію хочешь?

Вмѣсто отвѣта Оля бросилась къ матери и повисла ей на шеѣ. Еще бы не хотѣлось, такого удовольствія годами не дождешься. Мать любовно погладила ее по головкѣ.

— Погодь, отецъ придетъ, я скажу, чтобъ онъ тебя взялъ!

Оля взвизгнула и понеслась изъ комнаты; въ дверяхъ она столкнулась со входившимъ отцомъ.

— Куда тя несетъ, юла̀! окрикнулъ онъ ее.

— Послушай-ка, сказала Анисья, не глядя на мужа (она терпѣть не могла просить его о чемъ-нибудь).—возьми дѣвочку-атъ съ собой, пусть прокатится.

— Ну, вотъ еще придумала, недовольнымъ тономъ отозвался тотъ,—куда ее, только руки свяжетъ.

При этихъ словахъ личико Оли вытянулось и поблѣднѣло, губки затряслись, она готова была заплакать. Анисья вспыхнула отъ досады.

— Знаю я отчего ты ее брать не хочешь: съ ней тебѣ въ кабакъ идти нельзя нализаться, пьяница, каторжникъ! сердито закричала она, сверкнувъ глазами на мужа.

— Ну, завела! поморщился Сидорычъ. — По моему, пусть ѣдетъ, мнѣ што... ты только ее укутай потеплѣе... Да вотъ еще что... знаешь... того,—Сидорычъ замялся, — дай-ка, того, пятачекъ, аль гривенникъ, булку, что-ль, тамъ купить ей, отощаетъ она на морозѣ.

— Ишь ты заботливый какой, смотри пожалуйста! язвительно замѣтила Анисья,—знаю я на что̀ тебѣ гривенничекъ-то! купишь ты ей булку, какъ же, держи карманъ, пьяница!

Однако она достала платокъ, и вынувъ изъ узелка серебряную монетку, сунула ее въ руку мужу.

— На̀, подавись, Иродъ!

Тотъ, не обижаясь на прозвище, торопливо сунулъ монетку въ карманъ и вышелъ на дворъ. Анисья наскоро снарядила Олю, закутавъ ее чуть-ли не во всѣ находившіяся въ наличности тряпки. Она сунула ей за пазуху двѣ лепешки, видно и взаправду не очень-то разсчитывая на заботливость Сидорыча.

— Ну, Господь съ тобой! торопливо произнесла она, крѣпко цѣлуя дочь и крестя ее.—Смотри же, будь умная, да не давай отцу пить! прибавила она, понизивъ голосъ.

Дѣвочка кивнула головкой: „Понимаю, молъ“—и выпорхнула изъ комнаты.

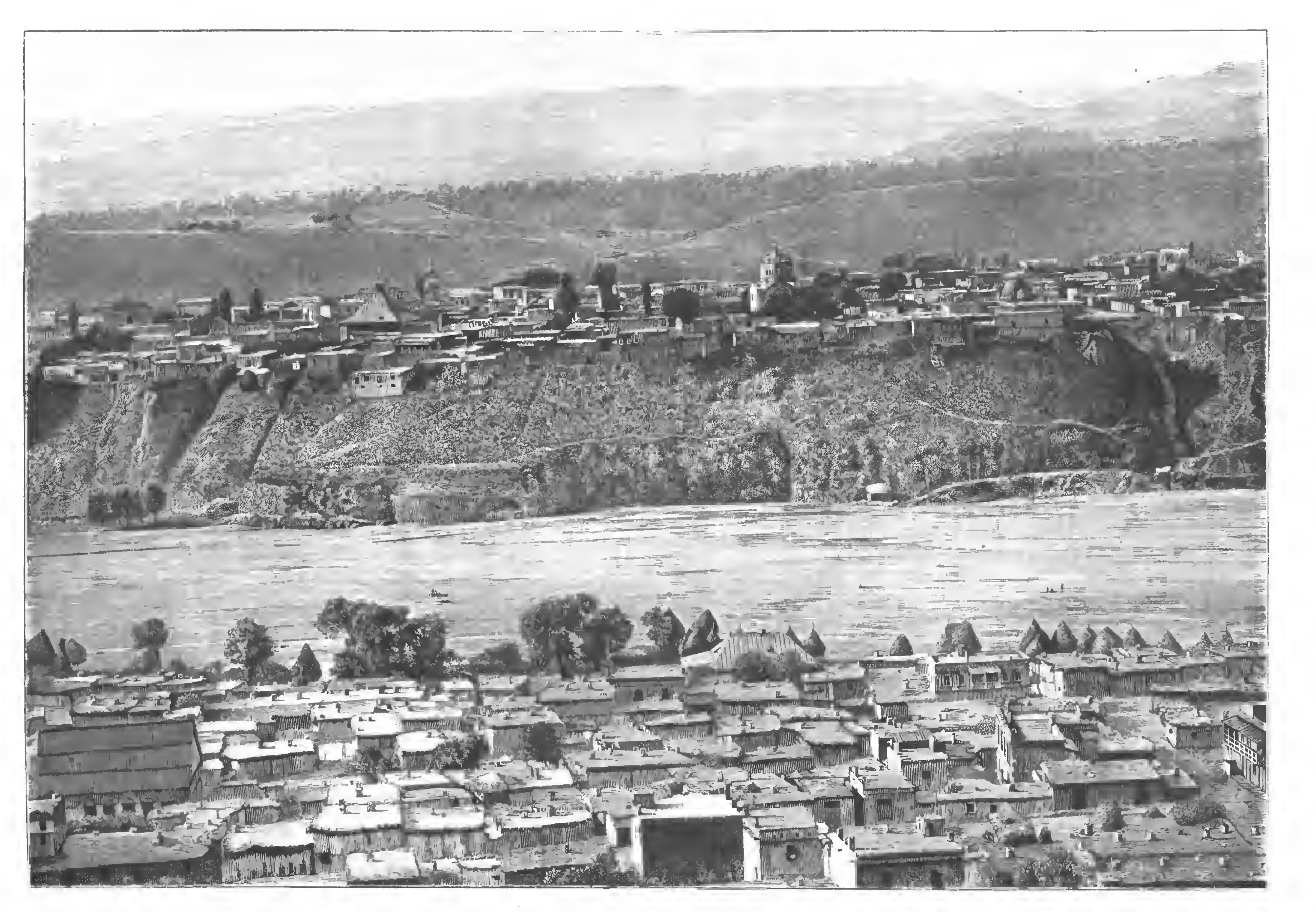
Отпустивъ мужа и дочь, Анисья принялась за прерванную работу, но сегодня ей что-то сильно нездоровилось. Нѣсколько разъ бросала она дѣло и въ изнеможеніи садилась на лавку. День быстро клонился къ вечеру. Дѣти, навозившіяся и набѣгавшіяся на морозѣ, крѣпко заснули, какъ котята кучкой въ ногахъ широкой кровати. Ванюша тоже спалъ, изо всей силы прижимая свой кулачекъ къ губамъ.

Анисья печальнымъ взглядомъ обвела неприглядную комнатку и вздохнула.

„Чтой-то это мнѣ какъ сегодня нездоровится“, прошептала она, — „прилечь нешто“.

Она, слегка пошатываясь, подошла къ кровати и осторожно, чтобы не разбудить спящихъ дѣтей, опустилась на жесткое ложе. Голова ея слегка закружилась, и она сама не замѣтила какъ заснула. Страшный, безобразный сонъ приснился Анисьѣ. Приснилось ей поле и на этомъ полѣ мертвецъ лежитъ, а въ рукахъ мертвеца свѣча, и тутъ же чья-то шинель—и шинель эта копошится и изъ-подъ нея что-то лѣзетъ страшное, змѣя не змѣя, лягушка не лягушка. Съ тихимъ стономъ проснулась Анисья, очнулась и поднялась въ постели. Въ комнатѣ было

Проводы новобранцевъ въ казармы. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **г. Броллинга**, грав. Рашевскій.



Видъ города Кубы, на р. Кубинкѣ, Бакинской губерніи. Съ фот. Ройпова. грав. Рашевскій.

темно какъ въ могилѣ. Мертвая тишина, только слышно тихое дыханіе спящихъ дѣтей. За стѣнами хибарочки раздавалось пронзительное стенаніе вѣтра.

„Должно-быть вьюга!“ мелькнуло въ умѣ Анисьи, — „а мужъ? а Оля?“ — вспомнилось ей вдругъ, и холодный потъ облилъ ея тѣло, — „неужели они не вернулись еще! Который же однако часъ?“

Въ эту минуту, словно въ отвѣтъ на ея вопросъ, на противоположной стѣнѣ что-то зашипѣло, затрещало, и стѣнные часы пробили два.

Анисья торопливо соскочила съ кровати, дрожа отъ страха зажгла спичку, и засвѣтивъ небольшую жестяную лампу, взглянула на часы.

„Да, два часа уже, однако я заспалась; гдѣ же мой-то злодѣй провалился, чего онъ не ѣдетъ?.. неужель опять напился?.. само собой разумѣется что не иначе... Гдѣ ему утерпѣть, поди встрѣлся съ кѣмъ-нибудь, у него знакомыхъ до Москвы не перевѣшаешь! Олюшка-то съ нимъ, вотъ бѣда!.. Эхъ, и я-то, дура, нашла съ кѣмъ пустить, — право дура, десять лѣтъ съ нимъ маюсь, а все вѣрю еще, что совѣсть у него есть!..“

(Продолженіе будетъ).

Современная кухня.

Иды Барберъ.

Разнообразіе пищи необходимо, но при этомъ кушанья должны быть еще такъ скомбинированы, чтобы обѣдъ давалъ достаточное количество питательныхъ веществъ; вотъ нелегкая задача, отъ выполненія которой зависятъ въ значительной степени здоровье и силы каждой семьи.

На этомъ пути не мало приходится бороться со старинными предразсудками, какъ напримѣръ съ убѣжденіемъ, что только мясо составляетъ питательную пищу. Хотя безспорно животное царство, сравнительно съ растительнымъ, даетъ больше продуктовъ содержащихъ питательныя азотистыя и бѣлковыя вещества, — почему большинство людей болѣе довѣряютъ мясу, чѣмъ овощамъ, — однако существуетъ не мало растеній которыя, въ качествѣ веществъ образующихъ кровь, не уступаютъ мясу. Во многихъ хозяйствахъ овощи оказываются даже гораздо питательнѣе мяса, которое сначала вываривается въ теченіе нѣсколькихъ часовъ для приготовленія бульона.

Разсмотримъ, сколько процентовъ азотистыхъ веществъ, т. е. бѣлка, казеина или клейковины, содержатъ въ себѣ въ сыромъ видѣ наиболѣе употребительные животные и растительные пищевые продукты, и мы убѣдимся, что послѣдніе могутъ смѣло конкурировать съ первыми.

Животные продукты:	Процент.	Растительные продукты:	Процент.
Коровье молоко	6—7	Рисъ	3—6
Ослиное молоко	2—6	Морковь	1—1½
Бѣлокъ	11—14	Картофель	2—2½
Яичный желтокъ	12—14	Стручковые плоды	24—26
Мясо	14—16	Пшеничная мука	11—20
Рыба	12—14	Маисовая мука	10—12
Сыръ	60—62	Ячменная мука	12—15

На ряду съ веществами, идущими на образованіе крови, многіе растительные продукты содержатъ также вещества поддерживающія дыханіе въ большемъ количествѣ, чѣмъ животные.

Если хорошее молоко содержитъ среднимъ числомъ 3% жиру и 4—5% сахару, голубиное мясо 3, гусиное 8—10, дичь 5—8, баранина и телятина 9—10, а говядина 20% жиру, то ниже поименованныя растенія заключаютъ въ себѣ въ слѣдующемъ количествѣ крахмалъ и сахаръ, вырабатывающія жиръ: рисъ — 83, маисъ — 73, пшено — 70, рожь — 66, чечевица—50, бобы—57, горохъ—55, картофель—15—20.

Только тотъ, кто знаетъ химическія свойства продуктовъ, можетъ соединять истинную пользу съ благоразумною экономіею. Такъ, напримѣръ, если хозяйка будетъ кормить свою семью исключительно рисомъ свареннымъ съ жиромъ, водою и картофелемъ, то такая пища дастъ средства лишь для дыханія, но не для образованія крови. Это питаніе не будетъ достаточно, въ особенности для дѣтей, которыя растутъ. Если-бы семья питалась исключительно картофелемъ, то при такой пищѣ члены ея, просуществовавъ 6 — 8 недѣль, могли-бы съ полными желудками умереть съ голоду. Дыханіе поддерживалось-бы, теплота развивалась-бы, но не было-бы достаточнаго образованія крови, и дѣти перестали-бы расти. Этимъ и объясняется то, что дѣти, вскармливаемыя картофелемъ, аррорутомъ и другими не содержащими азота веществами, — слабы и худосочны. Не меньшую ошибку дѣлаютъ хозяйки дома, когда, желая дать болѣе питательную пищу, онѣ кормятъ свою семью исключительно образующими кровь веществами, какъ напримѣръ мясомъ, бульономъ, зеленью, кушаньями изъ яицъ, устрицами, кофе, чаемъ, шоколадомъ, совершенно избѣгая мучныхъ блюдъ. Лучшимъ руководителемъ является инстинктъ. Какъ бѣднякъ, обреченный на картофельную пищу, жаждетъ кофе, такъ и человѣкъ достаточный, инстинктивно удовлетворяя потребности организма въ дыхательныхъ веществахъ, ищетъ ихъ въ винѣ, пивѣ, ликерѣ или въ десертѣ, вареньяхъ, компотахъ, тортахъ и т. п., вводя такимъ образомъ въ организмъ необходимое количество углерода.

Для мало достаточныхъ людей вопросъ о доставленіи организму необходимыхъ для питанія веществъ осложняется еще заботою о томъ, чтобы достать эти вещества за возможно недорогую цѣну. Въ этомъ случаѣ подтверждается еще разъ давно извѣстная истина, что „дешевое часто выходитъ на дорогое“. Картофель, рисъ и т. п. повидимому весьма дешевые продукты — въ сущности нерѣдко обходятся дороже мяса, такъ какъ для достаточнаго питанія организма ихъ требуется несравненно большее количество. Молоко, яйца, мясо, хлѣбъ и болѣе всего недостаточно цѣнимые стручковые плоды доставляютъ наиболѣе дешевую и питательную пищу. Бѣдняки, съѣдая часто огромныя количества, — не насыщаются, потому что не количество принятой пищи, а качество ея имѣетъ значеніе для правильнаго питанія организма. Пища только тогда достигаетъ цѣли, когда она даетъ организму средства для его химическаго обновленія, т. е. для жизненнаго процесса.

Современная кухня охотно пользуется экстрактами, представляющими сгущенную, легко переваримую пищу, какъ напримѣръ Либиховскій экстрактъ, одна ложка котораго придастъ вкусъ и питательность самому плохому водянистому супу или самой безвкусной зелени. Экономныя хозяйки, слѣдующія американской пословицѣ „время—деньги“, давно уже пришли къ убѣжденію, что не стоитъ топить по три часа плиту, чтобы приготовить крѣпкій бульонъ изъ мяса, когда этого можно достигнуть, сберегая время и деньги, небольшой прибавкой къ супу Либиховскаго бульона. Точно также достаточно сдѣлать одинъ опытъ, чтобы убѣдиться, насколько цѣлесообразнѣе употреблять для подливки къ жаркому мясной экстрактъ вмѣсто того, чтобы жарить мясо до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается жесткимъ и безвкуснымъ.

Хозяйка, умѣющая пользоваться экстрактомъ, можетъ въ десять минутъ приготовить вкусный обѣдъ, состоящій изъ супа, овощей и жаркаго, что составляетъ важный шагъ впередъ, которому позавидовали-бы наши бабушки.

По примѣру Либиха, приготовленіемъ мясныхъ экстрактовъ занялись и другія фирмы; всѣ онѣ находятъ сбытъ для своихъ произведеній, но лучшимъ остается попрежнему экстрактъ Либиха, который вываривается изъ мяса американскихъ буйволовъ, герметически закупоривается и нѣсколько лѣтъ сохраняетъ свою свѣжесть и годность къ употребленію.

Въ общемъ интересѣ слѣдуетъ пожелать, чтобы выводы современной науки получили болѣе доступа въ наше домашнее хозяйство. „Сберегать безъ лишеній, пользоваться безъ расточительности“ — должно быть девизомъ каждой мыслящей хозяйки. Въ наше время разумнаго отношенія ко всему, нельзя не обратить вниманія на такой существенный факторъ народнаго благосостоянія, какъ нормально поставленный на научныхъ основаніяхъ вопросъ о питаніи. Химія и физика теперь сдѣлались важнымъ подспорьемъ домашней жизни. Съ помощью этихъ наукъ не трудно выяснить себѣ процессы питанія, пищеваренія и обмѣна веществъ.

Отъ знанія свойствъ пищевыхъ продуктовъ и ихъ правильнаго употребленія зависитъ въ значительной степени физическое, а вмѣстѣ съ нимъ и интеллектуальное благосостояніе цѣлаго народа, но извѣстной пословицѣ: „въ здоровомъ тѣлѣ живетъ и здоровый духъ“.

Научно доказанъ фактъ, что человѣкъ частью по привычкѣ, частью вслѣдствіе соблазновъ кухни, ѣстъ вдвое чаще, чѣмъ необходимо для поддержанія его жизни. Человѣкъ состоятельный наполняетъ себѣ желудокъ азотомъ и углеродомъ, и та излишняя полнота, которая тяготитъ его, полнокровіе, подагра, страданія печени, ипохондрія, — однимъ словомъ, масса болѣзней происходитъ отъ того излишка азота и углерода, который введенъ въ желудокъ неразумно организованною кухней. Съ другой стороны, человѣкъ неимущій, стѣсненный въ средствахъ, страдаетъ общимъ ослабленіемъ организма, слабостью легкихъ, слабостью мускуловъ, малокровіемъ, потому что его пища содержитъ въ себѣ слишкомъ много углеродныхъ веществъ, которыя легкія и кожа не успѣваютъ выдыхать. И благодаря такому чрезмѣрному напряженію, дыхательные органы ослабѣваютъ и болѣютъ.

Для раціональнаго питанія необходимо принимать въ соображеніе, что именно потребно для даннаго организма. Такъ какъ пищевыя вещества имѣютъ различную степень питательности, то каждая образованная хозяйка должна умѣть опредѣлять эту степень, чтобы правильно комбинировать обѣдъ своей семьи. Малокровному ребенку нужно иное питаніе, чѣмъ полнокровному; худому—иное, чѣмъ полному; мускулистому—иное, чѣмъ рахитику.

Вопросъ о питаніи можетъ быть тогда только рѣшенъ удовлетворительно, когда стоящая во главѣ дома хозяйка знаетъ составъ находящихся въ ея распоряженіи пищевыхъ веществъ.

„Практичнымъ хозяйкамъ“, которыя часто бываютъ очень непрактичны, вѣроятно покажется смѣшнымъ, если имъ предложать руководиться при заказываніи обѣда табличкою, опредѣляющей химическій составъ продуктовъ; а между тѣмъ давно пора, чтобы прекратилось безсознательное блужданіе въ такомъ важномъ вопросѣ и чтобы выводы науки въ этомъ отношеніи были примѣнены на дѣлѣ.

Химики и физіологи опредѣляютъ общее количество пищи, потребное для взрослаго человѣка на 24 часа, отъ 3,7—4 килограм.; но при этомъ должно быть принято въ соображеніе, сколько нужно для человѣка азота и сколько углерода. Наукой сдѣланы въ этомъ отношеніи обширныя изслѣдованія; установлено также то вліяніе, которое оказываютъ на питаніе родъ занятій, образъ жизни, настроеніе духа и темпераментъ человѣка. Тотъ, кто ведетъ жизнь спокойную и тратитъ мало жизненной энергіи, но при этомъ пользуется порціей рабочаго человѣка, неизбѣжно заболѣваетъ; тотъ же, кто много работаетъ и принужденъ довольствоваться количествомъ пищи человѣка празднаго—ослабѣваетъ, рано старится и также заболѣваетъ.

Руководящій принципъ питанія слѣдующій: каждый индивидуумъ долженъ получать опредѣленное количество бѣлковыхъ веществъ и углеводовъ, сообразно съ количествомъ производимой имъ работы.

Приводимъ табличку главнѣйшихъ пищевыхъ веществъ по количеству содержащихся въ нихъ: азота, угля и жира:

	Азота.	Углерода.	Жира.
Курица имѣетъ . . .	3%	16%	7%
Сало	1%	21%	12%
Селедка	1%	21%	10%
Яйцо	1%	13%	7%
Молоко	½%	8%	3%
Сыръ	2%	23%	5%
Бѣлый хлѣбъ . . .	1%	29%	1%
Черный „	1%	40%	2%
Бобы	4%	40%	2%
Шоколадъ	1%	58%	26%
Масло	½%	7%	82%
Растит. масло . . .	0%	2%	76%

Усвоивъ себѣ разъ основанія этой таблицы, легко уже составить ежедневное меню какъ для здороваго человѣка съ тяжелой и легкой работой, такъ и для больнаго и выздоравливающаго, и при томъ соблюдать экономію, не отнимая ничего у организма. Именно, у людей недостаточныхъ питаніе должно быть поставлено на самыхъ твердыхъ основаніяхъ, ибо, тамъ гдѣ каждый кусокъ на счету, степень его питательности должна быть строго сообразована съ его стоимостью. Если же обѣдъ составляется какъ попало, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, то происходитъ непроизводительная трата и безполезныя лишенія для организма, во вредъ здоровью.

Такъ, напримѣръ, если человѣка кормить постоянно жирными веществами, каковы: крахмалъ, жиръ, сахаръ, пиво, то организмъ получитъ теплоту, но не будетъ вырабатывать крови. Чрезъ шесть недѣль данный субъектъ будетъ уже безнадеженъ; какъ бы ни былъ переполненъ его желудокъ названными веществами, онъ умретъ со всѣми признаками голодной смерти. Если бы, напротивъ, человѣку давали одни кровеобразовательныя вещества, какъ напримѣръ: бѣлокъ, казеинъ, клейковину, животныя волокна, то хотя кровь его возобновлялась бы, но ему нечѣмъ было бы дышать; онъ бы холодѣлъ, слабѣлъ и черезъ тотъ же приблизительно промежутокъ времени умеръ бы съ тѣми же признаками голодной смерти.

Тѣ продукты, которые въ одно и то же время служатъ для дыханія и для кровеотворенія, должны, конечно, предпочитаться другимъ. Къ такимъ принадлежатъ:

Яйца (бѣлокъ, фосфоръ, сѣра, жиръ).

Молоко (казеинъ, жиръ, сахаръ, соли калія).

Жирное мясо (животныя волокна, бѣлокъ, жиръ, соли).

Кровяной супъ и колбаса (животныя волокна, бѣлокъ, жиръ, желѣзо, фосфоръ).

Хлѣбныя растенія, какъ-то: пшеница, рожь, овесъ, ячмень, греча.

Стручковые плоды (казеинъ, легуминъ, крахмалъ).

Зелень, напримѣръ, салатъ, шпинатъ (клейковина, бѣлокъ, крахмалъ, щелочи).

Грибы (клейковина, бѣлокъ, крахмалъ) чрезвычайно питательны.

Кофе, чай, шоколадъ (азотистыя щелочи, кофеинъ, теинъ, клейковина, дубильная кислота).

Другая группа пищевыхъ веществъ содержитъ преимущественно кровообразовательныя вещества, какъ напримѣръ: мышечныя волокна безъ жира, нежирный сыръ, устрицы и т. п. Продукты эти недостаточны для дыханія.

Бѣлый хлѣбъ, картофель, рисъ, рѣпа, жиры, плоды, вина, водка, пиво, богаты, напротивъ того, дыхательными веществами, такъ какъ содержатъ въ себѣ много углерода и мало азота.

Практичная хозяйка, ведущая свой домъ на раціональныхъ началахъ, можетъ принести много пользы своей семьѣ. Она пойметъ, что нужно не только насытить своихъ близкихъ, но дать имъ именно ту пищу, которую требуютъ ихъ организмы при данныхъ условіяхъ.

Сангвинику нуженъ не такой столъ, какъ холерику, малокровному иной, чѣмъ дышащему силой и здоровьемъ.

Прежде хозяйка успокаивалась на томъ, чтобы обѣдъ былъ вкусенъ; новѣйшая наука сдѣлала возможными иныя требованія. Современная кухня ставитъ главной своей цѣлью такой составъ обѣда, который служитъ къ укрѣпленію, поддержанію и развитію организма, и переноситъ часто на второй планъ кулинарныя достоинства, служащія только къ раздраженію вкуса.

Мы обязаны этимъ шагомъ впередъ научно-популярнымъ трудамъ такихъ людей, какъ Либихъ, Петтенкоферъ, Кленке,—трудамъ, съ которыми должна быть знакома каждая мать семейства.

Когда домашняя лабораторія-кухня будетъ соотвѣтствовать своему назначенію, исчезнутъ и часто повторяющіяся жалобы на то, что человѣчество мельчаетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Дымящіеся котелки и кастрюли имѣютъ свою поэзію, и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ поддерживать огонь семейнаго очага, не въ правѣ жаловаться на то, что задача ихъ слишкомъ мелка. Если онѣ правильно понимаютъ и исполняютъ свой долгъ, то служатъ благу ближняго лучше, чѣмъ женщины посвятившія себя болѣе широкой, эстетической дѣятельности. Къ сожалѣнію, число соединяющихъ въ себѣ идеальныя и практическія стремленія и приносящихъ пользу въ той и другой области—весьма ограничено. (С).

Къ рисункамъ.

Отвѣтъ. (Рис. на стр. 1044).

Талантливый художникъ нашъ, Н. Н. Каразинъ, удачно избралъ тему для своего смѣлаго рисунка. Какъ хорошъ этотъ чудный, могучій конь, могучею рукою сдержанный въ своемъ бѣшеномъ, быстромъ порывѣ! Какъ могучъ этотъ сѣдокъ, закованный въ желѣзо и самъ словно выкованный изъ того же металла! Сколько силы, сколько стремительной мощи въ этомъ поворотѣ богатыря, взмахнувшаго копьемъ!.. Горе тому, кого оно настигнетъ въ своемъ полетѣ, когда богатырь выпуститъ его изъ своей крѣпкой руки—и оно, свистя и разсѣкая воздухъ, устремится въ пространство!

Но нѣтъ, это копье никого не убьетъ и не ранитъ... Не на смертный бой, не на послѣдній бой выѣхалъ этотъ богатырь, обвѣшанный оружіемъ, съ копьемъ въ рукахъ, съ боевою палицею у сѣдла, съ тугимъ лукомъ въ налучнѣ, съ пернатыми стрѣлами въ колчанѣ... Онъ выѣхалъ только для того, чтобы дать смѣлый отвѣтъ на вызовъ дерзкаго врага, который наканунѣ метнулъ свое копье чрезъ рубежъ Русской земли, вызывая могучихъ русскихъ богатырей помѣряться силами, потѣшить свою удаль богатырскую, показать въ честномъ бою ухватку молодецкую... Богатырь прослышалъ о дерзкомъ замыслѣ врага и выѣхалъ на рубежъ, чтобы послать ему отвѣтъ, послать *вѣсть смерти*, написанную ясно на его копьѣ. На завтра, по пути, указанному полетомъ копья, двинутся десятки богатырей и поведутъ за собою свои храбрыя дружины—и напомнятъ врагамъ о томъ, что еще не народился тотъ воинъ который бы могъ угрозить Святой Руси своею грозою... Среди ея широкихъ полей много насыпано могилъ надъ тѣми, кто дерзалъ вторгаться въ русскіе предѣлы; много еще осталось въ нихъ мѣста и для будущихъ недруговъ.

Н. Н. Каразинъ, рисуя своего богатыря, очевидно, имѣлъ въ виду не только тѣхъ Добрыней, Чурилъ, Потоковъ и Поповичей, которые окружали Владиміра Красное-Солнышко, но и самого отца Владимірова, знаменитаго и закаленнаго въ бояхъ суроваго Святослава... Тотъ никогда не нападалъ врасплохъ на своего врага, пренебрегая воинскою хитростью, презирая коварство; онъ сначала посылалъ въ землю врага пословъ сказать: „иду на васъ! готовьтесь, припасайте кроваваго вина на пиръ мечей!“ И слѣдомъ за мощнымъ, крылатымъ словомъ шелъ самъ и велъ свои грозныя, безавѣтно храбрыя, непобѣдимыя дружины...

Аббагамба, клюющая хамелеона. (Рис. на стр. 1045).

Начиная съ 17° сѣверной широты, къ югу, во многихъ мѣстахъ Африки водится очень интересная птица изъ рода рогатыхъ вороновъ—аббагамба (Bucorax abyssinicus). Блестящаго чернаго цвѣта, съ короткими крыльями и хвостомъ, на высокихъ ногахъ, аббагамба обращаетъ на себя вниманіе своимъ большимъ и тупымъ, по бокамъ сплющеннымъ клювомъ, снабженнымъ наверху короткимъ и довольно высокимъ наростомъ. По наблюденіямъ Брэма, аббагамба попадается длиною

болѣе 43 дюймовъ. Живетъ она парами, преимущественно на землѣ, отыскивая пищу, которая состоитъ изъ улитокъ, змѣй, ящерицъ, лягушекъ, мышей, насѣкомыхъ и т. п. На нашемъ рисункѣ аббагамба изображена клюющею своимъ сильнымъ клювомъ хамелеона (Chamaeleo), чешуйчатую ящерицу, многимъ извѣстную, благодаря замѣчательной способности измѣнять цвѣтъ своей кожи. Но кромѣ этого удивительнаго свойства, объясняемаго Брюкке двоякимъ расположеніемъ различныхъ красящихъ веществъ или пигментовъ, хамелеонъ отличается отъ другихъ ящерицъ страннымъ устройствомъ лапъ, на которыхъ одна часть пальцевъ обращена вовнутрь, а другая наружу, а также чрезвычайно подвижнымъ языкомъ, который можетъ выдвигаться, безъ видимаго усилія со стороны животнаго, болѣе чѣмъ на полъ-фута. Въ противоположность своему мучителю (на нашемъ рисункѣ), который забирается на деревья только когда его спугнутъ или для отдыха, хамелеонъ вполнѣ древесное животное, рѣдко сходящее на землю. Встрѣчается онъ только въ Старомъ Свѣтѣ, начиная отъ южной Испаніи, по большей части Африки и Азіи.

Неудачные поиски.

(Рис. на стр. 1049).

Кажется, нельзя болѣе граціозно и мило изобразить неудачные поиски двухъ дѣтокъ въ огородѣ—какъ это передалъ въ своей картинѣ французскій художникъ Е. Жираръ. Одна изъ дѣвочекъ обошла всѣ гряды съ капустой, внимательно заглядывая въ кудрявые, большіе кочни, но къ своему удивленію и неудовольствію, ничего въ нихъ не нашла. А ей не разъ говорили, что именно подъ широкими и зелеными капустными листьями появляются на Божій свѣтъ дѣти, — но тутъ, какъ на зло, такое разочарованіе: ни одного маленькаго человѣчка во всемъ огородѣ, и огорченная дѣвчурочка выразительно повѣряетъ маленькой сестренкѣ свою неудачу.

Прибытіе новобранцевъ. (Рис. на стр. 1052).

Каждый годъ, въ началѣ зимы, въ Петербургъ прибываютъ новобранцы послѣдняго призыва въ разныя части войскъ, квартирующихъ въ столицѣ и окрестностяхъ. Живописная нестройная толпа ихъ, по дорогѣ къ своему полку, очень живо изображена небезъизвѣстнымъ читателямъ „Нивы" художникомъ, г. Броллингомъ, который нерѣдко весьма удачно воспроизводитъ сцены и событія изъ Петербургской жизни. Идутъ новобранцы еще въ своей разнообразной одеждѣ, подъ звуки музыки, по площади, на которой воздвигнутъ императоромъ Павломъ Петровичемъ памятникъ Петру Великому, противъ Инженернаго замка.

Видъ города Кубы, на р. Кубинкѣ.

(Рис. на стр. 1053).

Городъ Куба, Бакинской губерніи, находится въ 40 верстахъ отъ берега Каспійскаго моря, на склонѣ Кавказскаго хребта. Рѣка (Куба-чай) дѣлитъ городъ на двѣ части. На правой сторонѣ рѣки живутъ армяне и персіяне шіитской секты. Послѣдніе рѣзко отличаются отъ своихъ миролюбивыхъ и трудолюбивыхъ сосѣдей въ окрестностяхъ Кубы страстью къ разбоямъ, повторяющимся очень часто какъ въ городѣ, такъ и уѣздѣ. Въ другой части города, на лѣвой сторонѣ рѣки, живутъ одни евреи. Всѣхъ жителей 13,429.

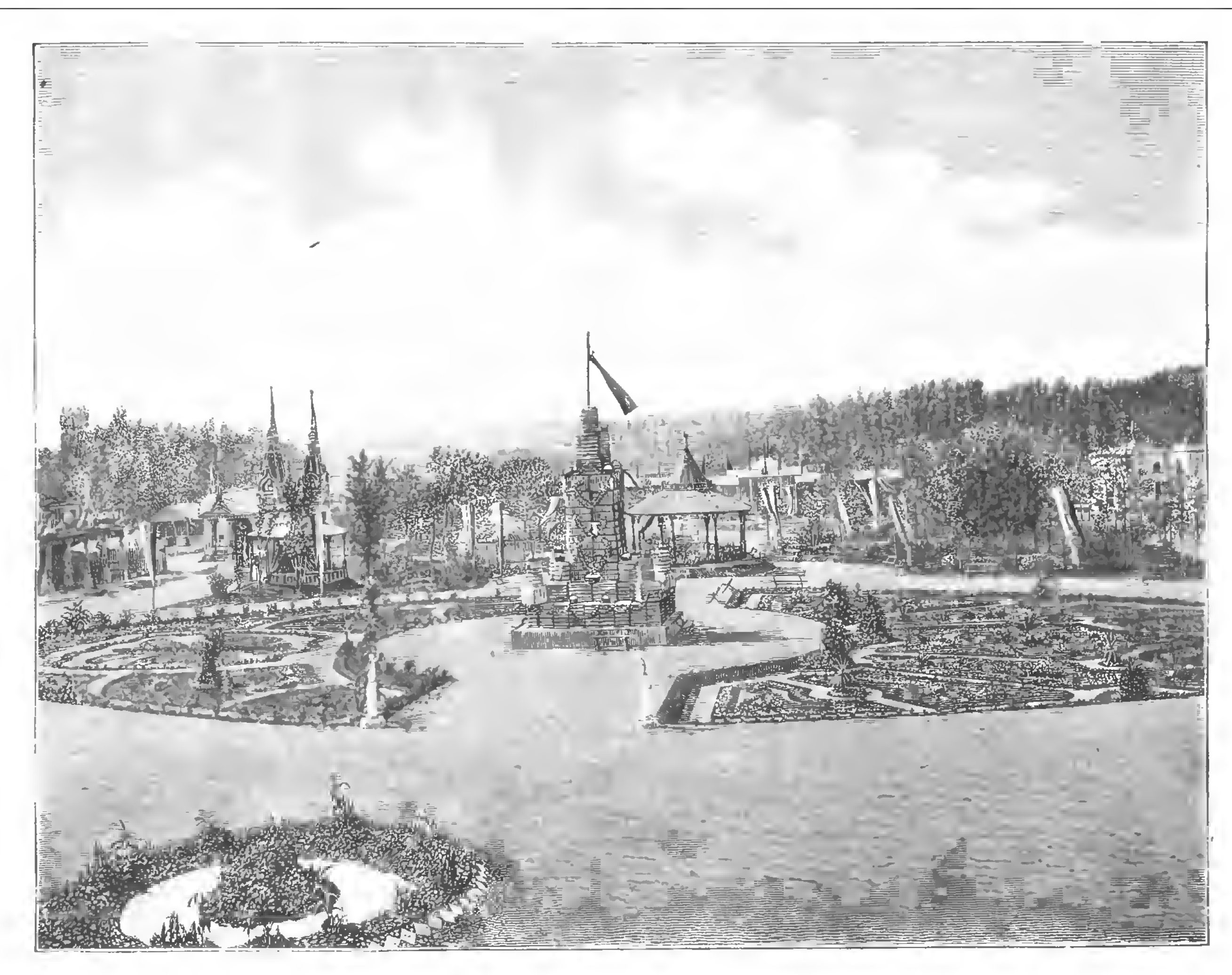
При первомъ взглядѣ на городъ можно заключить, что прежде онъ былъ богатымъ и цвѣтущимъ, но въ настоящее время большая часть зданій, красивыхъ по архитектурѣ, представляютъ полуразрушенный видъ. Обѣдненіе города зависитъ отъ упадка торговли мареною. Прочіе промыслы ограничиваются издѣліемъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей и окраскою ихъ. Плодоносная почва даетъ въ изобиліи виноградъ, фрукты, табакъ и проч.

Евгенія Константиновна Мравина. (Портр. на этой стр.).

7 января 1886 года на Маріинской сценѣ шла опера „Риголетто": дебютировала въ первый разъ совершенно неизвѣстная петербургской публикѣ новая пѣвица, названная въ афишахъ Е. К. Мравиной. Молодость и красота дебютантки произвели на публику прекрасное впечатлѣніе, а ея симпатичный, необыкновенно чистый голосъ и большое умѣнье пѣть, привели въ восторгъ цѣнителей музыки: молодую, можно сказать, совершенно юную артистку вызывали множество разъ, рукоплесканіямъ не было конца. Г-жа Мравина была очарована такимъ пріемомъ со стороны публики, но высшею для ней наградой было одобреніе ея таланта Государемъ Императоромъ, осчастливившимъ г-жу Мравину присутствіемъ въ театрѣ на ея дебютѣ. Музыкальные критики, обыкновенно строгіе и неторопливые въ своихъ заключеніяхъ о достоинствахъ дебютирующихъ, на этотъ разъ отнеслись вполнѣ сочувственно къ начинающему таланту. Второй дебютъ, 4 февраля, въ роли Маргариты въ „Фаустѣ" Гуно, рѣшилъ судьбу г-жи Мравиной: дирекція Императорскихъ театровъ немедленно заключила съ нею контрактъ. Такимъ образомъ г-жа Мравина пріобщилась къ міру оперныхъ артистовъ, о которомъ до 17-лѣтняго возраста вовсе и не помышляла.

Евг. Конст. Мравина, артистка Имп. русской оперы.
Съ фот. Ясвоина, грав. Шюблеръ.

Родилась Е. К. Мравина въ Петербургѣ 4 февраля 1864 г., въ обезпеченной семьѣ, и до 12-лѣтняго возраста воспитывалась дома, вмѣстѣ съ сестрою и братомъ, подъ руководствомъ матери; еще ребенкомъ она выказывала большую любовь къ пѣнію и, по ея собственнымъ словамъ, пѣла много, пѣла какъ пѣлось, т. е. безъ всякаго руководства съ чьей-либо стороны; уроки музыки брала у г-на Гаттендорфа, извѣстнаго многимъ петербургскимъ семьямъ учителя музыки. На нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ занятія музыкой обыкновенно прекращались: семья Мравиной уѣзжала въ имѣніе Куза, Выборгской губ., въ 25 верстахъ отъ станціи Перкьярви, по Финляндской желѣзной дорогѣ. Уже на 12-мъ году Мравину помѣстили въ Екатерининскую гимназію, прямо въ 4-й классъ. Здѣсь она тотчасъ обратила на себя вниманіе знаніемъ многихъ иностранныхъ языковъ и своимъ прекраснымъ голосомъ; при посѣщеніяхъ гимназіи принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ и другими почетными лицами, ее обыкновенно заставляли пѣть соло, и она еще тогда своимъ пѣніемъ приводила въ восторгъ слушателей. Естественно, что лестные отзывы о ея голосѣ заставили Мравину больше думать о пѣніи, чѣмъ о наукахъ и музыкѣ; къ великому огорченію г-на Гаттендорфа, заданный имъ урокъ оставался по большей части неразученнымъ: ей хотѣлось играть не то, что задано, а то, что нравилось. Безъ сожалѣнія оставила она и гимназію, когда ея вотчимъ, назначенный временнымъ губернаторомъ въ Тырновѣ вслѣдъ за оккупаціей русскими войсками Болгаріи, пожелалъ, чтобы переселилось туда все его семейство. Годъ въ Болгаріи, можно сказать, былъ праздникомъ для Мравиной: она была предметомъ постоянныхъ восторговъ на многочисленныхъ вечерахъ и концертахъ, которые устраивались въ губернаторскомъ домѣ въ пользу болгаръ. По возвращеніи въ Петербургъ, Мравина рѣшила заняться серьезной обработ-



Туркестанская выставка въ Ташкентѣ: Общій видъ главной площади отъ кустарнаго отдѣла. Съ фотогр. Николаи, грав. Рашевскій.

Туркестанская выставка въ Ташкентѣ: Павильонъ древностей ташкентскаго сарта Акрамъ Аскара и модель желѣзнодорожнаго поѣзда.
Съ фотогр. Николаи, грав. Шюблеръ.

кой своего голоса и обратилась къ хорошо извѣстному петербургской публикѣ пѣвцу И. П. Прянишникову, который, испытавъ ея голосъ, нашелъ его восхитительнымъ, вполнѣ стоящимъ серьезной обработки. Потребовавъ отъ будущей своей ученицы, чтобы она дала голосу полнѣйшій отдыхъ по крайней мѣрѣ на полгода, и взявъ съ нея слово, что займется подготовкой себя къ сценѣ, съ осени 1883 года онъ съ увлеченіемъ принялся за уроки съ Мравиной; когда въ 1885 году семья г-жи Мравиной отправилась за-границу, онъ всюду слѣдовалъ за нею, стараясь познакомить ее со всѣми извѣстными ему композиторами, пѣвцами и музыкантами, бывшими тогда въ Италіи, и 7 августа того же года устроилъ ей дебютъ въ мѣстечкѣ Витторіо, близъ Венеціи, въ оперѣ „Риголетто“. Первые шаги Мравиной въ публикѣ увѣнчались блестящимъ успѣхомъ: благодаря ей, всѣ девять представленій названной оперы дали полный сборъ; совершенно юная пѣвица приводила въ восторгъ своихъ слушателей, ее осыпали цвѣтами, писали ей стихи, отовсюду стали являться къ ней съ предложеніями на гастроли—въ Верону, Венецію, Миланъ. Но семейныя обстоятельства потребовали возвращенія на родину, гдѣ Мравина и дебютировала въ первый разъ, какъ сказано выше, 7 января 1886 года.

Немедленно по заключеніи контракта съ дирекціею Императорскихъ театровъ, Мравина снова отправилась за-границу, для занятій съ извѣстнѣйшими профессорами пѣнія. Проведя около двухъ мѣсяцевъ въ Берлинѣ, гдѣ брала уроки у г-жи Арто, 1 мая она поѣхала въ Парижъ заниматься у извѣстнаго профессора тамошней консерваторіи St. Ives Bax, подъ исключительнымъ руководствомъ котораго выработались такія оперныя знаменитости, какъ M-r Tolozac, M-me Isaac, Fidès-Devriès, Simonnet и др. Мравина и до сихъ поръ половину лѣта проводитъ обыкновенно въ Парижѣ, занимаясь у названнаго профессора; кромѣ того, во многихъ операхъ она репетировала свои партіи подъ руководствомъ самихъ композиторовъ, а именно: Гуно, Масне, Тома, Делибъ и др.

Естественно, что, получивъ такое солидное образованіе, — хотя и помимо консерваторіи, — Мравина сразу заняла видное мѣсто среди примадоннъ русской оперы и въ первый же оперный сезонъ пріобрѣла симпатіи петербургской публики, которая и до сихъ поръ, несмотря на частое повтореніе однѣхъ и тѣхъ же оперъ, съ наслажденіемъ слушаетъ ее въ „Русланѣ“, въ „Жизни за Царя“, въ „Гугенотахъ“, „Риголетто“, „Фаустѣ“, „Лоэнгринѣ“, „Демонѣ“, „Травіатѣ“, „Снѣгурочкѣ“ и проч. Всего со времени вступленія на сцену, она пѣла болѣе двухсотъ разъ въ шестнадцати различныхъ операхъ. Выходъ замужъ не помѣшалъ Мравиной оставаться на сценѣ. Кромѣ Маріинскаго театра, Петербургъ слышалъ Мравину во многихъ концертахъ, какъ напр., Женскаго Патріотическаго Общества, Общества Краснаго Креста и др., дававшихся съ благотворительною цѣлью. Зимой 1888 г. она участвовала въ симфоническихъ концертахъ въ Москвѣ, а весной 1889 года, совершила артистическую поѣздку по Россіи и пѣла въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Курскѣ, Орлѣ и Полтавѣ. Такая неутомимая дѣятельность Мравиной можетъ быть объяснена лишь избыткомъ энергіи и молодыхъ силъ пѣвицы, всюду пожинающей лавры, достойные ея высокихъ сценическихъ дарованій, которыя съ лѣтами должны лишь еще болѣе развиваться, совершенствоваться и крѣпнуть; желательно, чтобы она еще долгіе годы была предметомъ восторговъ публики и своимъ симпатичнымъ и очаровательнымъ голосомъ вызывала отголоски въ поэзіи, подобные помѣщаемому ниже. **И. П.**

Е. К. Корибутъ-Дашкевичъ.

Какъ въ маѣ ландышъ бѣлоснѣжный
Благоуханія льетъ волну,
Звучитъ вашъ голосъ чистый, нѣжный,
Напоминая намъ весну.

И сердце чуткое трепещетъ,
Души яснѣетъ идеалъ...
Замолкли звуки... рукоплещетъ
Восторгомъ потрясенный залъ.

Вы жрица юная искусства,
Даны вамъ чары красоты,
Власть зажигать святыя чувства,
Будить поэзіи мечты.

Останьтесь вѣрною призванью,
Блюдите строго Божій кладъ,
И упоительной вамъ данью
Привѣтовъ шумныхъ будетъ рядъ. **Н. С—въ.**

Туркестанская выставка въ Ташкентѣ.

(Рис. на стр. 1057 и 1060).

30 августа открыта Туркестанская выставка сельскаго хозяйства и промышленности—этотъ юбилей двадцатипятилѣтія русскаго владычества въ Средней Азіи. За эти 25 лѣтъ многое измѣнилось въ краѣ, расширилась и развилась мѣстная промышленность, чему много способствовало русское вліяніе. Показать насколько увеличилась производительность нашей окраины и имѣетъ своею цѣлью выставка.

На выставку съ Константиновскаго сквера, разбитаго противъ гимназій и учительской семинаріи, ведутъ большія каменныя ворота, въ древне-московскомъ стилѣ XVI столѣтія. Украшены эти ворота деревянною рѣзьбою, окаймляющею бордюромъ самый входъ, гербомъ Туркестана надъ этой рѣзьбой и гербами областей Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Закаспійской по бокамъ входа (см. рис. на стр. 1060).

Прямо противъ послѣдняго находится небольшой прудъ съ двумя островками, покрытыми густой растительностью.

По обѣ стороны пруда расположены два павильона садоводства, цвѣтоводства и плодоводства. Группы декоративныхъ растеній обвиваютъ своею причудливою листвой горку изъ шлаковъ, наверху которой раскидываетъ свои широкіе листья пальма-латанія. Далѣе выглядываютъ драцены, финики, аройниковыя, померанцы и лимоны съ фруктами, туи, сосны, пихты, ели и масса цвѣтовъ и другихъ растеній, культивируемыхъ мѣстными любителями-садоводами. Въ другомъ павильонѣ выставлены образцы мѣстнаго плодоводства: всевозможные фрукты, какъ свѣжіе, такъ и высушенные на солнцѣ и въ огневой плодосушильнѣ, зданіе которой непосредственно прилегаетъ къ одному изъ павильоновъ садоводства. Фасадъ плодосушильни Туркестанскаго отдѣла Императорскаго Общества Садоводства, украшенный лѣпною алебастровою работой и статуями Флоры и Агрикультуры у дверей, выходитъ на улицу противъ сквера (см. рис. на стр. 1060).

Оригинальная черта Туркестанской выставки — та, что павильоны, скрываясь въ зелени сада, одинъ за другимъ, какъ картины панорамы представляются взорамъ посѣтителей.

За павильонами садоводства построены два павильона военно-историческаго отдѣла, расположенные по обѣ стороны колонны изъ кокандскихъ пушекъ. Рядъ возведенныхъ укрѣпленій со смотрящими изъ амбразуръ пушками, какъ бы защищаютъ собранныя въ этихъ павильонахъ коллекціи вооруженій, военныхъ снарядовъ, батальныхъ картинъ и портретовъ тѣхъ Государей, при которыхъ предпринимались походы на Среднюю Азію, и генераловъ, которые водили храбрыя войска въ необозримыя Туркестанскія степи.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ павильоновъ, на небольшой площадкѣ возвышается памятникъ русской арміи, которая своею кровью пріобрѣла Туркестанъ—этотъ драгоцѣнный алмазъ Русской короны. На каменномъ пьедесталѣ, на которомъ перечислены названія всѣхъ выдающихся пунктовъ сраженій, начиная съ Ташкента и кончая Кушкомъ, громоздится обломокъ стѣны Кокандской крѣпости. На этой стѣнѣ стоитъ статуя русскаго чудо-богатыря, водружающаго русское знамя.

Къ востоку отъ памятника, въ концѣ одной аллеи, на площадкѣ противъ зданія лѣтняго театра, расположены: павильонъ горнаго отдѣла, отдѣла научныхъ трудовъ и нумизматики и павильонъ Закаспійской желѣзной дороги. Высокая модель гранитной скалы, увѣнчанная чучелой горнаго орла и украшенная по склонамъ горными растеніями, подымается надъ коллекціями геологическихъ картъ и образцовъ горнаго дѣла въ Туркестанѣ, которые размѣщены въ искусственномъ гротѣ этой скалы (см. рис. на стр. 1060).

Рядомъ съ этой скалой стоитъ зданіе въ дорійскомъ стилѣ, въ которомъ собраны труды Ташкентской обсерваторіи, библіотека научныхъ трудовъ по Туркестановѣдѣнію и портреты знаменитыхъ изслѣдователей Туркестана.

Небольшое зданіе желѣзно-дорожнаго полустанка, построенное изъ дерева и камня, служитъ павильономъ Закаспійской желѣзной дороги, которая устроила на выставкѣ электрическое освѣщеніе, телефонную станцію и газовый заводъ, а также выставила модели различныхъ желѣзнодорожныхъ сооруженій, виды Закаспійской желѣзной дороги, рельефную карту части р. Аму-Дарьи съ мостомъ у Чарджуя и сверхъ всего модель поѣзда, который движется по площадкѣ около фонтана передъ павильономъ (см. нижній рис. на стр. 1057).

Къ западу отъ памятника, въ тѣнистомъ уголку сада пріютились близъ двухъ прудовъ, соединенныхъ небольшимъ протокомъ, отдѣлы охоты, рыболовства и лѣсоводства.

Въ изящномъ павильонѣ, украшенномъ деревянной рѣзьбой, изображающей рога оленей, помѣщаются коллекціи охотничьихъ принадлежностей туземной охоты и, въ параллель къ ней, коллекціи русскихъ; далѣе, живые экземпляры ловчей птицы со всѣми атрибутами туземной соколиной и ястребиной охоты и чучела животныхъ, служащихъ предметами охоты.

Напротивъ павильона охоты, черезъ группу деревьевъ и по другую сторону пруда, расположилось рыболовство. Широкія окна павильона увѣшаны занавѣсками изъ рыболовныхъ сѣтей. Тѣ же сѣти и другія снасти Косъ-Аральскаго рыболовства покрываютъ всѣ стѣны павильона, въ которомъ находятся чучела всевозможныхъ рыбъ, служащихъ предметомъ ловли, модели лодокъ; около павильона камышевый шалашъ хивинскихъ рыбаковъ и садокъ въ пруду передъ павильономъ.

Южнѣе этихъ павильоновъ открывается рядъ павильоновъ туркестанской промышленности, которые кольцомъ охваты-

ваютъ большой красивый цвѣтникъ съ посаженными тутъ же деревьями (см. верхній рис. на стр. 1057).

Одну треть этого кольца занимаютъ павильоны добывающей промышленности: сельскаго хозяйства, хлопководства и шелководства; а остальныя двѣ трети — обрабатывающей: кустарный отдѣлъ, павильоны кожевенныхъ заводовъ Тезикова и Яушева. павильонъ конфектной фабрики Янчевскаго, павильонъ работъ арестантовъ Ташкентской тюрьмы, павильоны издѣлій Бухары и Хивы, винокуреннаго завода и табачной фабрики наслѣдниковъ Первушина, винокуреннаго, пивовареннаго и сантонниннаго заводовъ Иванова, пивовареннаго завода Ильина, спичечной фабрики Петрова и винодѣлія — Филатова.

Среди цвѣтника подымается высокая башня изъ тюковъ хлопка съ корзинами очищеннаго волокна.

Туркестанская природа дала возможность при павильонѣ сельскаго хозяйства, гдѣ, кромѣ различныхъ коллекцій и картъ ирригаціонныхъ сѣтей, находятся всевозможнѣйшія усовершенствованныя земледѣльческія орудія отъ фирмы „Работникъ“ — устроить небольшія плантаціи всевозможныхъ растеній, произрастающихъ и могущихъ произрастать въ краѣ. Тутъ есть и хлопокъ, и табакъ, кендырь, кунджутъ, сорго, рами. клещевина, рисъ, огородныя растенія и многія другія.

Въ павильонѣ хлопководства. украшенномъ лѣпными алебастровыми украшеніями, стоятъ американскіе джинъ и другія машины и выставлена коллекція различныхъ сортовъ хлопка, между которыми помѣщается кустъ *Upland* съ 150 коробочками, а также коллекція предметовъ различной утилизаціи корней, стеблей, листьевъ и сѣмянъ хлопчатника. Эта коллекція показываетъ какую пользу можетъ приносить хлопокъ.

Нѣсколько въ сторонѣ стоящій павильонъ Бѣлякова, одного изъ крупныхъ мѣстныхъ хлопководовъ, обращаетъ на себя вниманіе оригинальностью постройки: во всемъ павильонѣ нѣтъ мѣста, не обернутаго и не обклееннаго волокномъ хлопчатника. Гирлянда коробочекъ хлопка виситъ надъ входомъ и между отдѣльными колоннами павильона.

Павильонъ-же Большой Ярославской Мануфактуры съ коллекціями хлопка, джинами американскими и сартовскими и съ витриной всевозможныхъ бумажныхъ тканей, поражаетъ своими размѣрами и изяществомъ отдѣлки.

Въ павильонѣ шелководства, тоже очень изящномъ домикѣ покрытомъ лѣпною работой. прежде всего бросается въ глаза башня изъ коконовъ, упирающаяся въ потолокъ, затѣмъ образцы шелка. грены, микроскопическіе препараты, рисунки анатоміи тутоваго шелкопряда и усовершенствованныя машины для размотки коконовъ.

Противъ павильона сельскаго хозяйства громадною дугой расположилось зданіе кустарнаго отдѣла, съ куполами на крышѣ и съ длинными окнами азіатской архитектуры. Стѣны павильона разукрашены мѣстами пестрымъ азіатскимъ рисункомъ и убраны ковромъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій, издѣліями изъ кожи, мѣха, мѣди, желѣза, серебра и дерева. Все что выработано руками мѣстнаго производителя и все то. что требуется туземнымъ потребителемъ все это развѣшано, разставлено по павильону и утомляетъ зрѣніе своей пестротой.

Входъ въ павильонъ украшенъ старинными рѣзными дверями изъ ханскаго дворца, а противъ входа портретъ Государя Императора въ деревянной рамѣ, вокругъ коей сдѣлана еще рѣзная рамка изъ алебастра, въ просвѣтахъ которой натянута разноцвѣтная бумага. Впечатлѣніе отъ этой рамки поражающее. Удивляешься художественному творчеству сарта и сожалѣешь, что такая изящная вещь находится въ павильонѣ каркасной постройки, которая въ скоромъ времени будетъ разобрана по частямъ.

Передъ фасадомъ кустарнаго отдѣла выставлены горки кирпича и горки гончарныхъ издѣлій.

Рядомъ съ кустарнымъ отдѣломъ расположены павильоны Бухары и Хивы. Отъ этихъ павильоновъ дышало бы совсѣмъ нетронутою Азіей. если бы не солдаты Бухарской арміи, одѣтые въ лѣтнюю форму. заимствованную у русскихъ.

Сзади павильоновъ Бухары и Хивы идетъ рядъ мастерскихъ-лавокъ. Здѣсь расположились со своими орудіями производства представители туземныхъ кустарныхъ промысловъ. Тутъ и чугунно-литейный заводъ, и производители ножей, и серебряныхъ дѣлъ мастеръ, и ткачъ. и портной, шорникъ. сапожникъ. плотникъ. сундучникъ. столяръ. шелкомотальная мануфактура сартовъ и наконецъ даже туземный цирульникъ.

Посѣтителя въ этомъ уголку выставки охватываетъ со всѣхъ сторонъ атмосфера уличной жизни промышленнаго центра туземнаго города.

Вблизи этихъ мастерскихъ находится и азіатскій ресторанъ — чайханэ, и лавочка сартовскихъ конфетъ, гдѣ посѣтитель можетъ испробовать всѣ продукты сартовской кухни, начиная съ полау и кончая обсахаренными фисташками.

На самомъ заднемъ планѣ выставки расположенъ отдѣлъ скотоводства и птицеводства. Различныя породы лошадей и рогатаго скота размѣщены въ конюшняхъ. Птицы помѣщены въ отдѣльномъ птичникѣ.

Въ разныхъ мѣстахъ выставки разставлены киргизскія и туркменскія юрты. богато разукрашенныя и разубранныя внутри.

Всюду на выставкѣ деревья, цвѣты и зелень. Снующая взадъ и впередъ пестрая толпа народа мелькаетъ между высокими айлантусами и тѣнистыми карагачами и кленами. а въ воздухѣ неумолчно, смѣняясь одинъ другимъ, гремятъ оркестры сартовской музыки и русской военной, празднующей 25-тилѣтнюю годовщину побѣды русскаго оружія въ сердцѣ Азіи.

Политическое обозрѣніе.

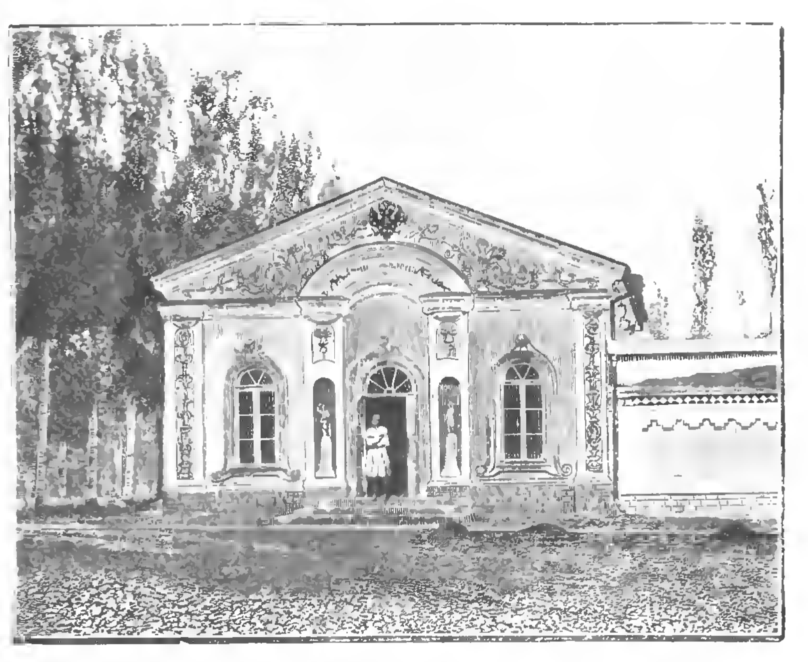
Послѣ лѣтнихъ каникулъ въ Западной Европѣ снова оживаетъ парламентская дѣятельность. Во Франціи засѣданія палаты депутатовъ начались 8 октября. Въ первый-же день открытія было внесено нѣсколько законопроектовъ, въ томъ числѣ военный министръ Фрейсинэ представилъ законопроектъ о выдачѣ, въ случаѣ мобилизаціи. пособій недостаточнымъ семьямъ, а также законопроектъ по вопросу о шпіонствѣ. Проекты эти были встрѣчены знаками одобренія. Послѣдній изъ нихъ долженъ замѣнить законъ 1886 г., въ которомъ оказались пробѣлы. Новымъ закономъ увеличиваются преимущественно наказанія. налагаемыя на гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, уличенныхъ въ выдачѣ или оглашеніи документовъ, имѣющихъ значеніе для національной обороны. Внесеніе этого закона можно считать послѣдствіемъ возмутительныхъ подробностей. какія открылись по дѣлу французскаго офицера Бонне, приговореннаго въ Нанси за шпіонство къ заключенію въ тюрьмѣ на пять лѣтъ и къ 5,000 фр. штрафа. Вся французская печать крайне возмущена этимъ дѣломъ, гдѣ бывшій французскій офицеръ состоялъ на жалованьи у германскаго правительства и служилъ шпіономъ. Уволенный недавно со службы безъ прошенія съ пенсіей 800 франковъ, Бонне уѣхалъ сперва въ Лозанну, побывалъ затѣмъ и въ Германіи и наконецъ вернулся во Францію. Здѣсь онъ слѣдилъ за поѣздкою генерала Миребиля, провѣрявшаго готовность восточныхъ департаментовъ на случай мобилизаціи. Бонне съумѣлъ искусно разузнать все, что представляло интересъ для иностранной державы, но, наконецъ, попался. Въ своемъ преступленіи Бонне тотчасъ сознался, причемъ обнаружилъ возмутительный цинизмъ. Оказалось, что онъ получалъ отъ германскаго правительства 300 фр. въ мѣсяцъ постояннаго жалованья и, сверхъ того, 15 фр. въ сутки на разъѣзды. Дѣло о Бонне горячо обсуждалось въ печати и обществѣ. Всюду раздавались жалобы на то, что сохраненіе военныхъ тайнъ не обезпечено. что опредѣленныя закономъ о шпіонствѣ мѣры наказанія не достаточно строги и что необходимо измѣнить существующіе законы въ томъ смыслѣ, чтобы уличенные въ шпіонствѣ французскіе офицеры или чиновники гражданскаго вѣдомства подвергались смертной казни и въ мирное время.

Буланжисты продолжаютъ всячески стараться быть на виду. и на другой-же день открытія палаты тамъ произошелъ инцидентъ, вызванный буланжистскими депутатами, потребовавшими, чтобы для выясненія положенія правительство возбудило судебное преслѣдованіе противъ лицъ, уличенныхъ въ буланжистскихъ проискахъ. Министръ Констанъ отвѣтилъ. что дѣйствія буланжистовъ уже осуждены, новыя же изслѣдованія принесли бы пользу лишь тѣмъ кто ихъ требуетъ; въ случаѣ дальнѣйшихъ посягательствъ правительство съумѣетъ принять надлежащія мѣры. Въ заключеніе палата рѣшила перейти къ очереднымъ дѣламъ.

Флорентійская рѣчь Криспи повидимому вызвала не мало недовольства. Только въ Вѣнѣ она произвела пріятное впечатлѣніе, и римскій корреспондентъ *Journal des Débats* увѣряетъ, будто императоръ Францъ-Іосифъ собирается пожаловать г. Криспи орденъ Золотаго Руна. Но въ Италіи очень недовольны рѣчью премьера. Такъ, органы Ватикана строго осуждаютъ рѣчь г. Криспи. и *Moniteur de Rome* замѣчаетъ, что „по винѣ Криспи тройственный союзъ идетъ навстрѣчу полному пораженію. Криспи былъ самъ настолько циниченъ. что громогласно заявилъ объ антикатолическомъ характерѣ союза. Вотъ почему католики Австріи и Германіи должны хорошо взвѣсить. слѣдуетъ-ли имъ долѣе содѣйствовать упроченію союза, столь противнаго католическому чувству и столь разорительнаго для всѣхъ государствъ.“ Недовольна также оппозиціонная партія; одинъ изъ выдающихся представителей ея, депутатъ Кавалотти, произнесъ во Флоренціи рѣчь, въ которой опровергалъ по пунктамъ доводы премьера. осуждалъ внутреннюю и внѣшнюю политику правительства, высказался противъ тройственнаго союза и, перейдя къ финансовому положенію страны, выставилъ, между прочимъ, что за послѣдніе три года дефицитъ достигъ огромной цифры и что съ тѣхъ поръ. какъ Криспи стоитъ у власти, число банкротствъ увеличилось ежегодно съ 700 до 2,400.

Но Криспи сдѣлалъ свое дѣло. и уже появились слухи, будто

Туркестанская выставка въ Ташкентѣ: Павильонъ XIII отдѣла (горнаго).
Съ фотогр. Николаи, грав. Шюблеръ.



Туркестанская выставка въ Ташкентѣ: Огневая плодосушильня Общества Садоводства. Съ фотогр. Николаи. грав. Флюгель.

Туркестанская выставка въ Ташкентѣ: Главный входъ выставки. Съ фотогр. Николаи, грав. Флюгель.

онъ приказалъ освѣдомиться, какъ отнеслась бы Франція къ занятію итальянцами Триполи, предлагая, съ своей стороны, предоставить Франціи полную свободу дѣйствій въ Тунисѣ, если она откажется отъ всякихъ притязаній на Триполи. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ весьма извѣстный банкиръ. Не трудно отгадать, каковъ былъ отвѣтъ Франціи.

Рядомъ съ тѣмъ, лордъ Дёффринъ побывалъ у Криспи въ Сорренто и между ними послѣдовалъ обмѣнъ весьма сердечныхъ объясненій, исключающихъ даже тѣнь малѣйшаго нарушенія взаимныхъ отношеній Англіи къ Италіи вслѣдствіе прекращенія происходившихъ въ Неаполѣ переговоровъ.

Къ довершенію всего, органъ Криспи, *Riforma*, не смотря на опровержение *Osservatore Romano*, утверждаетъ, что кардиналъ Рамполла послалъ 15 сентября нунцію Галимберти ноту, въ которой предлагалъ ему дать понять австрійскому правительству, что возобновленіе тройственнаго союза было бы чудовищнымъ поступкомъ. Нунцій отвѣтилъ, что въ Вѣнѣ о возобновленіи тройственнаго союза нѣтъ и рѣчи.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Согласно неоднократно выраженному желанію многихъ изъ нашихъ гг. подписчиковъ имѣть, кромѣ получаемаго ими подписнаго бланка на „НИВУ", еще и другой экземпляръ—**ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ТѢМЪ ИЗЪ СВОИХЪ ЗНАКОМЫХЪ, КОТОРЫЕ ЖЕЛАЛИ БЫ ПОДПИСАТЬСЯ НА „НИВУ"**, мы при этомъ № разсылаемъ его въ двухъ экземплярахъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Одесса. подписчику № 69.127. Въ разъясненіе вашего недоразумѣнія имѣемъ честь сообщить, что обѣщанная нами, кромѣ **„Художественнаго альбома"**, вторая **безплатная премія „Нивы" на будущій 1891 г.: Сочиненія Лермонтова**, войдетъ въ число составляющихъ особое приложеніе 12-ти ежемѣсячныхъ книгъ и будетъ заключаться въ **3-хъ томахъ.** Такимъ образомъ подписчики получатъ 9 томовъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и пр. и 3 тома **полнаго собранія сочиненій Лермонтова, представляющіе самостоятельное изданіе.** Нумера „Нивы" остаются попрежнему: 52 №. въ годъ, и также 12 №.№. Модъ, рукодѣлій и проч.

О выставкѣ главной преміи „НИВЫ" на 1891-й годъ:

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, желая заранѣе ознакомить своихъ Гг. подписчиковъ **съ главною безплатною преміею „Нивы" на будущій 1891-й годъ**, большимъ

ХУДОЖЕСТВЕННЫМЪ АЛЬБОМОМЪ СЪ 10-ю АКВАРЕЛЯМИ,

мы теперь-же разослали его для выставки въ нижепоименованные книжные магазины и библіотеки, гдѣ желающіе и могутъ наглядно убѣдиться въ высоко-художественномъ исполненіи акварелей, сдѣланныхъ fac-simile **съ картинъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ**, а именно: 1) **„На черномъ морѣ" И. К. Айвазовскаго**, 2) **„Молодая шведка" С. Ѳ. Александровскаго**, 3) **„Раннее утро у запорожцевъ" С. И. Васильковскаго**, 4) **Пейзажъ Е. Е. Волкова**, 5) **„Тамара" М. Зичи**, 6) **„Конный бухарскій стрѣлокъ" Н. Н. Каразина**, 7) **„Охота на лисицу" А. Д. Кившенка**, 8) **„Вечеръ въ деревнѣ" Ю. Ю. Клевера**, 9) **„На дворѣ Толедскаго дома" Л. О. Премацци** и 10) **„На медвѣдя" Н. Е. Сверчкова.**

На приложенномъ отдѣльномъ листѣ помѣщено описаніе картинъ и краткая характеристика ихъ авторовъ. Альбомъ разошлется подписчикамъ **въ красивой папкѣ** (10 вершк. длины и $7\frac{1}{2}$ вершк. ширины; той-же величины и картины), украшенной акварелью художника А. Земцова, отпечатанной въ 14 красокъ.

Альбомъ можно видѣть:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ „Нивы" и въ книжн. магаз.: И. П. Анисимова, В. А. Березовскаго, Ф. А. Битепажа, А. И. Бортневскаго, М. О. Вольфа, Глазунова, Дейбнера, Н. П. Карбасникова, Бр. Курбатовыхъ, П. В. Луковникова (бывш. Цвылева), Н. Г. Мартынова, „Народная Польза", „Новаго Времени", А. Я. Панафидина, М. В. Попова, Карла Риккера, И. Д. Тяпкина, М. М. Стасюлевича, Тузова, Н. О. Фену, Цинзерлинга (бывш. Мелье и К), Эггерса и К°., Эриксона.
Въ Москвѣ: въ отд. конторы „Нивы" у Н. Н. Печковской (въ Петровскихъ линіяхъ), въ книжн. магаз. насл. бр. Салаевыхъ, „Новаго Времени", А. Ланга, Васильева, Н. П. Карбасникова, Поста, Н. И. Мамонтова, Шапошникова, Ласточкина, Глазунова, Анисимова, Вольфа, Леухина.
Въ Архангельскѣ: въ Обществ. библ.
„ **Астрахани:** въ „Прикаспійск. книжн. магаз."
„ **Баку:** у книгопродавца Тараева.
„ **Батумѣ:** у книгопр. М. Николадзе.
„ **Бердянскѣ:** въ кн. маг. Гаврилицы и К°.
„ **Борисоглѣбскѣ:** у П. Дурново.
„ **Брестъ-Литовскѣ:** въ кн. маг. Варгафтига.
Въ Варшавѣ: въ книжн. магаз. В. М. Истомина и Карбасникова.
„ **Вильно:** въ кн. маг. Сырнина и Стравуна.
„ **Витебскѣ:** у книгопродавцевъ Миндельсона и В. П. Магеровскаго.
„ **Владикавказѣ:** въ кн. маг. Червинской.
„ **Владимірѣ:** въ книжн. магазинахъ А. А. Бѣлькина и И. П. Иванова.
„ **Вологдѣ:** въ маг. Д. В. Волоцкаго.
„ **Воронежѣ:** въ кн. маг. М. П. Савостьянова, М. С. Селингъ и В. В. Юркевича.
„ **Вяткѣ:** въ кн. маг. А. И. Залѣсской.
„ **Гомелѣ** (Мог. г.): у книг. Я. Г. Сыркина.
„ **Гродно:** въ кн. маг. „Народная Польза".
„ **Дерптѣ:** въ Русской Библіотекѣ.
„ **Динабургѣ:** у кн. К. Іозеса и у Я. Падежнина.
„ **Екатеринбургѣ:** въ книжн. маг. Пономарева, Н. В. Пироговскаго и у кн. Бабинова.
„ **Екатеринодарѣ:** у кн. П. Т. Галладжіанца.
„ **Екатеринославѣ:** у книгопрод. Шаффермана и въ кн. маг. Ульмана и К°.
„ **Елисаветградѣ:** въ кн. маг. Золотарева.
„ **Житомірѣ:** у книгопр. Савчука.
Въ Иркутскѣ: у книгопрод. Синицына.
„ **Казани:** у кн. А. А. Дубровина, З. П. Рязанова, К. П. Алексѣева и въ муз. маг. „Восточная лира."
„ **Калугѣ:** въ кн. маг. А. А. Мантейфеля и въ магаз. наслѣдн. Мясникова.
„ **Кишиневѣ:** въ кн. маг. М. О. Шаха и Лихтанскаго.
„ **Кіевѣ:** въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина, Корейво, гг. Гинтера и Малецкаго, Іогансона, въ „Южно-Русскомъ книжн. магаз." и у И. А. Розова
„ **Керчи:** въ кн. маг. А. Г. Дервисье.
„ **Ковно:** въ кн. маг. „Общ. любит. чтенія" и въ магаз. І. С. Мандельштама.
„ **Козловѣ:** въ кн. маг. Муравьева и у П. П. Дурново.
„ **Костромѣ:** въ кн. маг. Бекенева, Д. П. Бѣлянкина и Соколова.
„ **Кременчугѣ:** въ библ. И. М. Саддъ.
„ **Кронштадтѣ:** въ кн. маг. „Кроншт. Вѣстн." и въ магаз. В. С. Чекунова.
„ **Курскѣ:** въ кн. маг. Кашкина, Переплетенко и М. Н. Дружинина.
„ **Кутаисѣ:** въ кн. маг. Бр. Чиладзе.
„ **Кѣльцахъ:** въ магаз. Леонъ и К°.
„ **Либавѣ:** въ кн. маг. Р. Пуце.
„ **Лебедини** (Тамб.): въ магаз. В. Н. Чурилина.
„ **Лодзи:** у кн. Р. Шатке и Г. М. Стракуна.

(См. на слѣд. стран.).

Рѣшеніе алгебраической задачи № 53 (помѣщ. въ № 36).

1) a = 2 (b — c);	a = 18 = Р
2) bg + b² = 270;	b = 15 = Н
3) bg + g² = 54;	c = 28 = Ъ
4) c — a = 10;	d = 8 = З
5) e : f = g : d;	e = 6 = Е
6) b — f = —1;	f = 16 = О
7) 2 (f + d + h) = 56;	g = 3 = В
8) d² = fh.	h = 4 = Д

Ноздревъ.

Примѣчанія къ:

3) Квадратное уравненіе $\frac{1}{12}\lg^2 x = \frac{1}{3} - \frac{1}{4}\lg x$ приводится къ виду $\lg^2 x + 3\lg x - 4 = 0$; откуда $\lg x = 1$ и -4; здѣсь пригодно рѣшеніе $x = 10$.

5) Для того чтобы легче рѣшить би-квадратное уравненіе

$$x^2 + x + \frac{1}{x^2} + \frac{1}{x} - 6,75 = 0,$$ прибавимъ къ нему и вычтемъ по $2 = x^2 + 2 + \frac{1}{x^2} + x + \frac{1}{x} - 8,75 = 0$; но $x^2 + 2 + \frac{1}{x^2} = \left(x + \frac{1}{x}\right)^2$, то слѣд. $\left(x + \frac{1}{x}\right)^2 + \left(x + \frac{1}{x}\right) - 8,75 = 0$. Полагая $x + \frac{1}{x} = z$, получимъ квадратное уравненіе $z^2 + z - 8,75 = 0$; $z = \frac{5}{2}$ и $-\frac{7}{2}$. Поэтому имѣемъ $x + \frac{1}{x} = \frac{5}{2}$ и $x + \frac{1}{x} = -\frac{7}{2}$; откуда $x = 2;\ 0,5;\ \frac{-7 \pm \sqrt{33}}{4}$; сумма же всѣхъ рѣшеній x равна — 1.

6) Замѣтивъ остатокъ отъ дѣленія = 9, составимъ два совмѣстныхъ уравненія $(10x + y)(10y + x) = 3640$ и $y - x = 1$; найдемъ, что искомое число есть 56.

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ М. Юрьева въ **Одессѣ**.

Рѣшеніе шашечной задачи № 54 (помѣщ. въ № 36).

Бѣлыя.	Черныя.
1) e 7 — f 8	1) b 6 — g 1
2) e 1 — g 3	2) h 4 — f 2
3) f 6 — g 5	3) h 8 — h 4
4) d 2 — e 3	4) b 4 — d 2
5) h 2 — g 3	5) a 3 — e 7
6) f 8 — e 1	6) g 1 — h 2
7) a 1 — d 4	7) если f 2—g 1
8) d 4 — a 7	8) h 4 — f 2
9) e 1 — g 3	9) g 1 куд. угодно
10) a 7 — g 1	дамка заперта.
. . . .	7) если h 2—g 1
8) d 4 — a 7	8) g 1 — h 2
9) a 7 — g 1	9) h 4 — f 2
10) e 1 — g 3	дамка заперта.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: **СПб.** — Н. В. Панкова, **Москва** — Н. Н. Смирнова, **Харьковъ** — Павлова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 55 (помѣщ. въ № 36).

Бѣлые.	Черные.
1) Л c 5 — c 2	d 3 — c 2:
2) Л f 8 — h 6	куда угодно.
3) Л h 6 — e 3 ++	

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ г. Лаврова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы**. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

★ МАССА БЛАГОДАРН. и ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ ★

ПОЛН. ГАРАНТІЯ УСПѢХА — ПРЕДОСТЕР. ОТЪ ПОДРАЖ.

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ

БУХГАЛТЕРІИ

ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІЙ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.— ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ

С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ.

УСЛОВІЯ и ПРОБНЫЯ ЛЕКЦІИ ★ МОСКВА ★ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Долгоруковская улица, домъ Финогеновой.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ фабр. **ЛАМПЪ** и **БРОНЗЫ**

ГАЕВСКАГО,

съ 1829 г. Екатерининская ул., д. 6, СПБ

По случаю прекращенія торговли желаю **ликвидировать** означенное дѣло и прошу моихъ гг. покупателей обратить вниманіе на дешевизну цѣнъ и выборъ товара, который будетъ отъ сего числа продаваться за **пол-цѣны**. Р. № 4761

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожица дѣлается бѣлою. Ц. флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Ц. № 4477

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ. Литейная, № 38.

ЛЕППИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу въ **КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „НИВА"** (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

новое изданіе А. Ф. МАРКСА:

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА ДЛЯ ЛѢСНИЧИХЪ и ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

Состав. **Ѳ. Арнольдъ.**

СПБ., 1890 г. Цѣна **въ коленкоровомъ переплетѣ 75 коп.**, съ пересылкою **1 руб.**

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА ВЪ ВѢНѢ.

В. № 4731 24—2

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ. Колокольная, 18—19

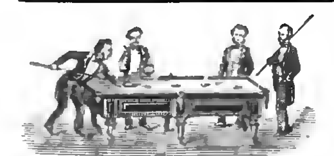
Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 3767 (81)



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—21

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ

МОЛОЧНАЯ МУКА

для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока

Паров. фабр. **БЛИГКЕНЪ и РОБИНСОНЪ** въ СПБ.

Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ,**

Колокольная, 18 — 19, въ **С.-Петербургѣ.**

Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ: В. Аурихъ

Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.

Продается въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи В. № 4721 17—2

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

И. И. БАЛДИНЪ и К°.

Москва, Столешниковъ пер., д. Карзинкина. № 4760

Рекомендуетъ большой выборъ:

Столовые **сервизы** отъ 10 руб.
Чайные **сервизы** отъ 3 руб.
Хрусталь „Баккара" и Богемскій. Цѣны умѣренныя.
Лампы столовыя, кабинетныя и для гостиной,
„Молнія" и вообще новой системы.
Фонари (амили).
Эмалированная посуда,
Полная кухня 30 рублей.

Полное домохозяйство 90 рублей.
Металлическія **кровати** съ матрацами отъ 5 рублей.
Мраморные и цинковые умывальники отъ 4 рублей.
Ванны, души отъ 5 руб.
Буковая мебель отъ 28 рублей.
Переносные клозеты отъ 4 рублей.
Керосиновыя кухни-печи.
Мельхіоръ и Бронза лучшихъ фабрикъ

Отправка во всѣ города Россіи и на всѣ станціи желѣзныхъ дорогъ.

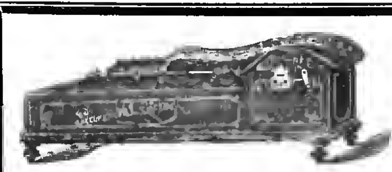
Принимаемъ поставку во всѣ учебныя и казенныя заведенія.

Вышла въ свѣтъ весьма полезная справочная книга для взрослыхъ:

„ГЕОГРАФІЯ ВСЕОБЩАЯ и РУССКАЯ".

Съ приложеніемъ 4 картъ, стр. 256 (составляющая отдѣлъ третій „Настольной книги для народа"). Подъ редакціей П. Н. Хрущова и другихъ членовъ редакціоннаго комитета **коммисіи народныхъ** чтеній. Цѣна 80 к., въ папкѣ 90 к. Той же книги: отдѣлы — **первый** „Календарь православной церкви", ц. 60 к., въ папкѣ 70 к. и **второй** — „Исторія всемірная и русская", ц. 40 к., въ папкѣ 50 к. Продаются въ складѣ Коммисіи народныхъ чтеній (Лиговка, 19). Тамъ же продаются и др. изданія Коммисіи народныхъ чтеній. Каталогъ высылается безплатно. № 4744 2—2

Ш. № 4751 3—1



НОВОСТЬ! ПІАНО-МЕЛОДИКО

новѣйшій и лучшій механическій инструментъ **со струнами.**

Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (2)

Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1½ арш.).
Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.

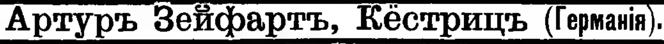
ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

механическій инструментъ **съ голосами. Цѣна 70 руб.**

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.

Иллюстрированн. прейсъ-курантъ всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ безплатно.



мопсы, крысоловки, дамскія собачки, охотничьи собаки, лягавыя, ищейки, таксы и проч. Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по кинологіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франкированная высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 пфенниговъ. К. 4714

50 различныхъ породъ. — **Вывозъ во всѣ части свѣта.** — **50** различныхъ породъ.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 4720 17—2

Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у **В. Аурихъ,** Колокольная, № 18. **С.-Петербургъ.**

!МОНОГРАММЫ!

Гладью и крестиками, русскія и французскія, для мѣтки бѣлья, мебели и проч. исполняются по умѣреннымъ цѣнамъ; образчики съ обозначеніемъ цѣнъ высылаются безплатно. — С.-Петербургъ, Кронверкскій пр., № 71, кв. 42, **Каролина Кремеръ.**

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (35) № 4278

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. **Оптовая и розничн. продажа.**

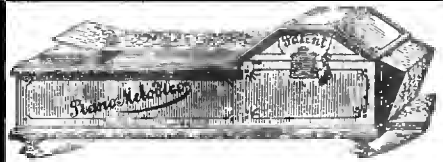
Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 4501 20-14

Главный складъ у изобрѣтателя, провизора Ѳ. И. Шепфъ, въ Москвѣ, Патріаршіе пруды, д. Бриткина. Ц. № 4750 12-1

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: **Генрихъ Блоннъ,** С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

№ 4642 (13)



ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы.

Цѣна безъ нотъ **80** руб. Ноты по **75** коп. за метръ (=1½ арш.).

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами **75 руб.** Добавочныя пьесы по **1 р. 20 к., 2 р. 40 к.** и **дороже.** Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Списокъ пьесъ для Оркестра-Манопана, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ — **безплатно.** № 4755

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40 | **Москва,** Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

СВѢЖІЕ ЧАИ

развѣшены подъ правительственною бандеролью и поступили въ продажу

съ 2-го октября

въ собственныхъ магазинахъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„ЦЗИНЬ-ЛУНЪ

СОЕДИНЕННОЕ Т-ВО КЯХТИНСКИХЪ ЧАЕТОРГОВЦЕВЪ".

Въ С.-Петербургѣ, Невскій, 5 и Б. Садовая, 61.
Варшава, Краковское предмѣстье, д. 67.
Рига, Сарайная, 2. Mt. № 4743 3-2
Москва, Театральная площадь. д. Журавлева.

Прейсъ-куранты, по требованію, высылаются безплатно.

Гг. торговцамъ скидка съ прейсъ-курантной цѣны по взаимному соглашенію.

Главная контора въ С.-Петербургѣ, Невскій, 5.

ИЗВѢСТНЫЕ ДУХИ ДЛЯ НОСОВЫХЪ ПЛАТКОВЪ и проч. ГУСТАВА ЛОЗЕ № 1723 8-2

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN Ландышъ.
ЛОЗЕ GOLDLILIE Золотая Лилія.
ЛОЗЕ PEAU D'ESPAGNE
ЛОЗЕ HELIOTROPE BLANC
ЛОЗЕ ROSE MARÉCHAL NIEL

НОВОСТЬ

LILAS BLANC

Бѣлая Сирень.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ. Берлинъ, Егерштрассе, 46.

Можно получить во всѣхъ парфюмерн. магаз. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (41) № 4267

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

духовно-музыкальныхъ сочиненій

Ст. ДАВЫДОВА,

10 концертовъ четырехголосныхъ, 3 концерта двухорныхъ, 1 тріо и **Полная обѣдня.** Цѣна въ одномъ томѣ: Парт. 4 р. Голоса 4 р.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

МОЛЬДАКОТЪ

съ **КОЛЕСОМЪ, усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина—вѣсомъ около фунта.**

Эта машина шьетъ въ **2 нити нераспарываемымъ** швомъ, какъ тонкія, такъ и толстыя матеріи, даже кожу, удобна въ хозяйствѣ и легка для дѣтей. Наставленіе прилагается. **Цѣна съ пересылкой въ картонѣ 7 р., въ полиров. орѣх. ящикѣ 8 р.;** въ Азіятскую Россію перес. за 3 фунта отдѣльно.

Главный складъ **въ Москвѣ,** въ писчебумажномъ магазинѣ **„ПОЛИГРАФЪ"**, Мясницкая, д. Ермакова. № 4756

НОВОСТЬ

мужскіе кальсоны изъ **ТВИСТЪ,** прочностію незамѣнимы никакими другими.

Только въ магаз. **Ю. ГОТЛИБЪ,** по Владимірск., д. 2, уг. Невскаго пр., СПБ.

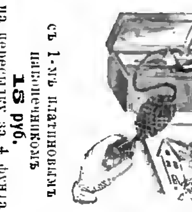
Гг. иногородн. заказчики благоволятъ прислать мѣру пояса и длины отъ пояса и подошвы.

Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. по Европ. Рос.—2 р., а по Азіятск. Россіи по 2 р. 25 к. за пару. Торговцамъ уступка. Меньше трехъ паръ не высылается. № 4748

НОВЫЕ ПЛАТИНОВЫЕ АППАРАТЫ

ДЛЯ ВЫЖИГАНІЯ РИСУНКОВЪ ПО ДЕРЕВУ.

Съ 1-мъ платиновымъ наконечникомъ **15 руб.** на пересылку за 4 фунта.



Съ 2-мя платиновыми наконечниками **20 руб.** на пересылку за 4 фунта.

Рисунки и описаніе безплатно.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ

отъ 2-хъ руб. и дороже

и всѣ отдѣльныя части и принадлежности къ нимъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

Элементы Лекланше, элементы сухіе, угольные, цинки, провода, кнопки деревян., фарфоров. и металлич.

Нумерные аппар. отъ 2—25 №. Телефоны комнатные и для дальнихъ разстояній разныхъ системъ.

Иллюстриров. прейсъ-куранты безплатно. Оптов. покупател. значит. уступка.

СПБ., Екатерининскій каналъ, 27, кв. 36, **противъ Государственн. Банка,** складъ оптическихъ и механическихъ товаровъ

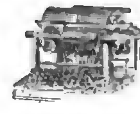
Mt. № 4758 бывшій **В. ВЕСТБЕРГЪ.**

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.



Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 4754 28-1

При этомъ № прилаг. для гг. иногородн. подписч. (за исключен. московскихъ) объявл. отъ книжнаго магазина И. Л. Тузова въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 17 октября 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. | ЛИТЕРАТУРЫ | г. XXI

№ 43 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ ПРИЛОЖ. „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКР. Выданъ 27 окт. 1890 г. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод раб. (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ безъ Сборника 15 к., съ пер. 20 к. Съ Сборникомъ 1 р. 65 к., съ пер. 2 р.

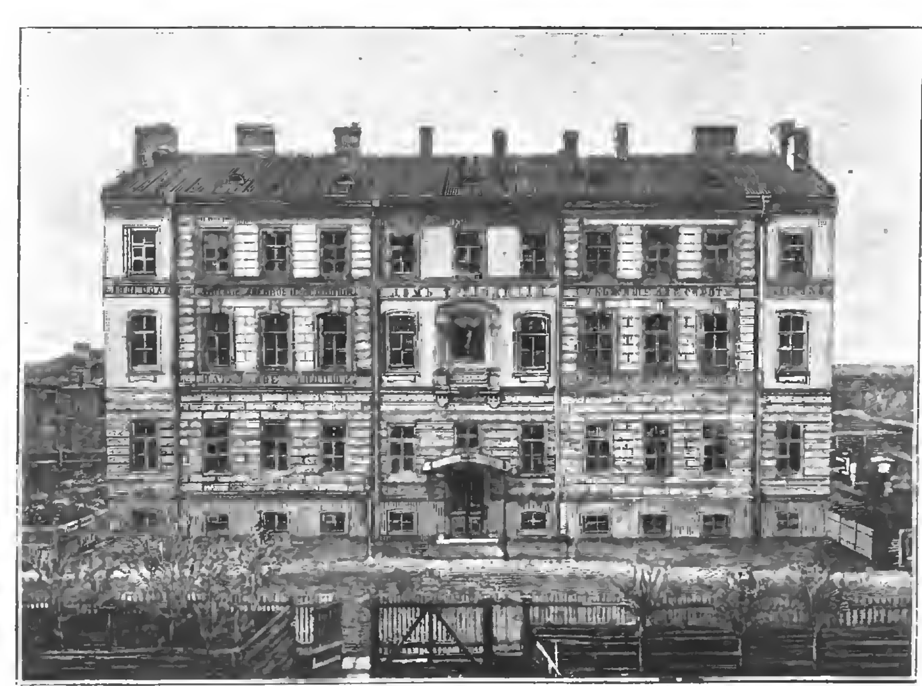
„Домъ трудолюбія“ въ Кронштадтѣ.

Если взять, въ зимнее время, относительное число бѣдствующаго рабочаго люда въ Кронштадтѣ и Петербургѣ, то значительный ;перевѣсъ будетъ на сторонѣ Кронштадта.

Въ лѣтнее время обиліе работы, при непривычкѣ откладывать на черный день,—къ осени, а въ особенности къ зимѣ, въ Кронштадтѣ даетъ громадное число бѣдствующихъ, изъ которыхъ многіе, вмѣсто возвращенія на родину, чаще всего, съ отчаянія. пропивъ несчастный остатокъ отъ лѣтняго заработка, питаются лишь подаяніемъ. Подобное положеніе нерѣдко ведетъ къ воровству, а иногда и грабежу.

Вотъ причина почему въ Кронштадтѣ ° о преступленій противъ собственности весьма значителенъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ протоіерею Іоанну Ильичу Сергѣеву, предсѣдателю кронштадтскаго Андреевскаго попечительства, приходило на мысль устроить что-либо въ облегченіе бѣдствующихъ; но скудость средствъ попечительства' не позволяла предпринять ничего солиднаго, почему отецъ Іоаннъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, помогалъ лишь нѣкоторымъ, наиболѣе бѣдствовавшимъ, причемъ отдавалъ рѣшительно все что̀ получалъ, памятуя, что рука дающаго не оскудѣетъ. Въ то же время онъ старался проводить мысль свою какъ въ проповѣдяхъ съ амвона, такъ и въ засѣданіяхъ и собраніяхъ попечительства, равно какъ и въ частныхъ бесѣдахъ со своею громадною паствой. Такимъ образомъ, въ началѣ 1881 года начинается уже разработка плана дѣйствій для


„Домъ трудолюбія“ въ Кронштадтѣ, учрежденный протоіереемъ отцомъ Іоанномъ.
Съ фот. грав. Форбергеръ.

достиженія благой цѣли, постановленной себѣ попечительствомъ. Не смѣя разсчитывать на большія средства, попечительство сначала ограничивается желаніемъ построить небольшой деревянный домъ. Страшное событіе 1 марта, повергшее въ горе всю Россію и вызвавшее всенародное желаніе увѣковѣчить имя незабвеннаго Царя-Мученика, въ корнѣ измѣнило скромныя желанія попечительства, которое исходатайствовало разрѣшеніе посвятить предполагаемый домъ памяти Императора Александра II, справедливо полагая, что лучшимъ памятникомъ Царю-Мученику, Царю-Освободителю будетъ пріютъ для „страждущихъ и обремененныхъ“.

Дѣйствительно, пожертвованія съ этого времени полились обильно, такъ что попечительство рѣшило немедленно приступить къ закладкѣ уже каменнаго 3-хъ-этажнаго дома. 23 августа 1881 года домъ былъ заложенъ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Александры Іосифовны и Великаго Князя Алексѣя Александровича.

Болѣе половины постройки было окончено, когда 7 декабря вспыхнулъ въ сосѣднемъ домѣ пожаръ, хорошо извѣстный по дѣлу Головачева. Домъ сильно пострадалъ, но страховая премія не дала дѣлу погибнуть, почему весной вновь приступили къ работамъ и 10 октября 1882 года происходило торжественное освященіе зданія.

Съ 12 октября 1882 года дѣятельность Дома Трудолюбія объявлена открытою. На первыхъ порахъ было много попытокъ завести въ Домѣ ремесла, но за чтò ни пробовали браться — все терпѣло неудачи, не взирая на свою безхитростность и простоту; такъ, напримѣръ: плетенье корзинъ изъ прутьевъ, стульевъ изъ прутьевъ, клейка картузовъ и пакетовъ изъ бумаги, шитье обуви и переплетное дѣло. Всѣ эти работы, кромѣ множества хлопотъ и труда Совѣту, давали такой внушительный дефицитъ, что поневолѣ пришлось ихъ закрыть, хотя и не сразу, а постепенно. Теперь хорошо идетъ одно щипанье пеньки; этотъ трудъ не требуетъ указателей, не требуетъ познаній и сравнительно даетъ возможность къ существованію.

Переплетная и сапожная, открытыя въ 1884 году, идутъ хотя и туго, но не падаютъ. Первая основана на началѣ отсутствія расходовъ со стороны попечительства. Переплетному мастеру дается даровое помѣщеніе, за чтò онъ обучаетъ мальчиковъ лѣтъ 10-ти—15-ти ремеслу, дающему имъ кусокъ хлѣба. Сапожная работаетъ (по качеству работы) лишь на Сиротское Убѣжище попечительства, да на даровыя раздачи бѣднымъ.

Въ Домѣ имѣются: 1) два прекрасныя начальныя училища; 2) убѣжище для сиротъ и дѣтское дневное пристанище; 3) лечебница для приходящихъ; 4) народныя чтенія; 5) даровой ночлежный пріютъ (въ особомъ зданіи); кромѣ того, тратятся громадныя суммы на ежемѣсячныя пособія не могущимъ за болѣзнію работать и на временныя пособія при несчастныхъ случаяхъ.

Въ школахъ обучается около 180 мальчиковъ и дѣвочекъ (помѣщенія отдѣльныя), и окончившіе курсъ пользуются правомъ на льготу по 4 разряду по отбыванію воинской повинности. Школы ведутся блистательно.

Въ лечебницѣ есть пріемный покой, кабинетъ дежурнаго врача, комната съ двумя кроватями для внезапно и трудно заболѣвшихъ, небольшая аптека и двѣ ванны. Изъ аптеки лекарства отпускаются безплатно; но кромѣ того городскія аптеки, съ рецептовъ на бланкахъ лечебницы, дѣлаютъ значительную скидку.

Ванны—простыя по 30 к., морской соли 50 к., а для бѣдныхъ—безплатно. Входная плата въ лечебницу 20 к., бѣдные ничего не платятъ.

Среднимъ счетомъ въ мѣсяцъ въ лечебницѣ было приходящихъ больныхъ 120 человѣкъ, поступало же сбора (входная плата, ванна и кружка) около пяти рублей въ мѣсяцъ. Врачебная помощь дается, горячо принимающими участіе, врачами морскаго и военнаго вѣдомствъ. Въ дѣлѣ выдачи безплатныхъ лекарствъ громадную помощь оказало и оказываетъ Русское Общество торговли аптекарскими товарами.

Приходъ Дома состоитъ изъ отпускаемыхъ по Высочайшему повелѣнію изъ Государственнаго Казначейства 1,000 р., пожертвованій Высочайшихъ Особъ и частныхъ лицъ, членскаго взноса (въ размѣрѣ 3, 5, 10 и 25 р.), кружечнаго сбора, а главное сбора о. Іоанна, дающаго ежегодно болѣе 10,000 р. Общій расходъ Дома доходитъ до 15,000 р., причемъ приходъ, благодаря стараніямъ предсѣдателя попечительства о. Іоанна, всегда превышаетъ расходы. Теперь въ Домѣ есть своя церковь, устроенная въ бывшей мастерской. Въ одной изъ классныхъ залъ висятъ мраморныя доски съ именами главныхъ жертвователей.

Д. Шишмаревъ.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

VII.

Кароля, сына красавицы-литвинки, панъ Сандецкій баловалъ всячески, но за-то жизнь двухъ законныхъ дочерей пана была не веселая. Отецъ ихъ не любилъ, ласкалъ рѣдко, а поучалъ часто. Обѣ панны боялись отца. Со смерти матери онѣ жили однообразною, замкнутою жизнью. Прежде бывали часто въ Сталупеняхъ гости, пріѣзжали дворяне, и сосѣдніе, и дальніе, вмѣстѣ съ женами и дочерьми. Теперь же гостями Сандецкаго бывали одни мужчины, и когда бывало весело и шумно въ зàмкѣ, то обѣ панны сидѣли почти взаперти, не имѣя возможности выдти даже въ паркъ. Можно было встрѣтить кого-либо изъ пирующихъ гостей... А всѣ они бывали сильно на-веселѣ.

Двѣ сестры не походили одна на другую ни внѣшностью, ни нравомъ. Старшая—Моника, которой было уже двадцать три года, была черноволоса и не очень красива. Монику портилъ большой носъ и чрезвычайно смуглый цвѣтъ лица; за то большіе черные глаза, тихо задумчивые, дѣлали ее привлекательною. Панну очень любили всѣ въ зàмкѣ. Нравомъ она была тихая, скромная, даже отчасти робкая и поэтому уступчивая... За-то она была ласкова со всѣми, и домовнички зàмка обожали ее, всегда звали разсуживать и рѣшать ихъ домашніе дрязги и споры. Послѣ этого суда слово панны Моники становилось для всѣхъ нихъ закономъ.

Дѣвушка была очень набожна и не требуя, даже не ожидая отъ жизни ничего—часто подумывала поступить въ монастырь. Все ея личное честолюбіе сводилось къ тому, чтобы со временемъ быть доброю и справедливою игуменьей.

Панна Сусанна была контрастомъ сестры. Она была моложе почти на четыре года, ей не было полныхъ двадцати лѣтъ.

Сусанна была вся въ отца, и лицомъ, и характеромъ. И за это именно, по странной игрѣ судьбы, панъ Ксаверій былъ особенно холоденъ съ младшею дочерью. Онъ относился къ ней еще строже, чѣмъ къ старшей.

Сусанна была толстенькая и бѣленькая блондинка съ небольшими сѣрыми глазами, полными огня и воли. Она глядѣла всегда какъ-то искоса, и если не коварно, то хитро.

Насколько ея сестра, Моника, была тиха и уступчива, настолько Сусанна—бойка исподтишка. Не тяготѝ надъ нею съ дѣтства воля и строгое обращенье отца, панна была бы одною изъ самыхъ бойкихъ молодыхъ дѣвушекъ.

Она была нелюбима въ зàмкѣ всѣми приживальщиками за то, что часто, вспыливъ, оскорбляла ихъ рѣзкимъ словомъ. Сусанна, однако, не была злою дѣвушкой... Причиной неровности въ ея характерѣ — была скучная жизнь въ зàмкѣ. Ея природа требовала больше воли, больше удовольствій и развлеченій, больше жизни... А между тѣмъ она вела почти затворническое существованіе. Отсюда явилась въ ея характерѣ какая-то раздражительность. Сусанна иногда по цѣлымъ днямъ плакала сидя у себя, иногда же день за день придиралась ко всѣмъ и ссорилась даже съ сестрой, которую очень любила.

Отношенья двухъ сестеръ были странныя. Моника, лишь на четыре года старше, играла роль матери для сестры, обожала ее и если когда мечтала, то не для себя, а для „милой Саси“, какъ звала она сестру. Моника дошла до той степени любви къ сестрѣ, что

давно уже рѣшила, въ случаѣ своего постриженья, отдать свою часть приданаго или наслѣдства своей Сасѣ.

Всѣ прихоти младшей сестры старшая исполняла не только безпрекословно, но даже рабски, съ наслажденьемъ. Когда Сусанна бывала довольна и спокойна, Моника была счастлива. И наоборотъ, когда Сусанна разливалась рѣкой дешевыхъ слезъ, Моника чуть не заболѣвала отъ сочувствія, жалости и отъ мысли, что она, при всемъ страстномъ желаніи, не можетъ пособить горю сестры.

Разумѣется, онѣ жили душа въ душу, при чемъ, однако, чувство старшей было глубже и чище, безъ примѣси себялюбія. Моника еще въ раннемъ дѣтствѣ брала на себя шалости сестры и шла покорно подъ наказанье. Ей будто доставляло наслажденіе „пострадать за сестру“. Сусанна, наоборотъ, не понимала многаго въ Моникѣ, настолько натура сестры была чужда ея натурѣ.

— Ты—святая! часто говорила теперь Сусанна, смѣясь.

— Не грѣши, строго отвѣчала Моника. — Я просто разумный человѣкъ, а ты малое дитя. И такимъ ребенкомъ ты останешься на всю жизнь.

Панны нѣсколько разъ были съ отцомъ въ Варшавѣ, но Сандецкій, знакомый со всѣмъ высшимъ обществомъ, мало вывозилъ въ свѣтъ дочерей. Онѣ стѣсняли его. Однако, благодаря дальней родственницѣ, которую панны называли изъ приличія теткой—онѣ бывали на вечерахъ. Когда приходилось уѣзжать въ Сталупени, Моника радовалась, Сусанна горевала. У старшей была куча дѣла въ зáмкѣ, всякія занятія и работы и, наконецъ, домовнички и ихъ дѣти. У младшей не было никакихъ занятій—она проводила день у окна выходившаго въ пустынный паркъ и часто заявляла занятой или озабоченной чѣмъ-нибудь сестрѣ:

— Господи, какъ скучно жить на свѣтѣ! Зачѣмъ я не уродилась мужчиной?! Я была бы теперь извѣстна во всемъ королевствѣ какъ буянъ, рубака, пьяница, картежникъ и побѣдитель всѣхъ красавицъ... Я бы и тебя, Моника, въ себя влюбила и бросила.

Моника въ отвѣтъ только добродушно качала головой, сидя надъ пяльцами или за шитьемъ платьица какой-нибудь дѣвочкѣ-домовничкѣ.

Впрочемъ, Сусанна была бойка на словахъ, а въ дѣйствительности воли у нея было не много. Одно рѣзкое слово или грозный взглядъ отца пугали ее еще болѣе, чѣмъ тихую Монику.

Теперь обѣ сестры были смущены равно.

За послѣднее пребываніе ихъ въ Варшавѣ случилось крупное происшествіе въ ихъ личной жизни. На этотъ разъ, за цѣлыхъ два мѣсяца, онѣ провели время весело и развлекались на всѣ лады. Слишкомъ шумна была Варшава, слишкомъ силенъ потокъ веселья, распущенности нравовъ и всякихъ искушеній, чтобы не увлечь въ свои бушующія волны кого бы то ни было.

— Тутъ и святой согрѣшитъ! почти печально говорила Моника, укоряя себя то за одно искушенье, то за другое.

Дѣвушки бывали почти всякій день на разныхъ вечерахъ, обѣдахъ и всякихъ увеселеніяхъ—отъ катанья въ экипажахъ за городъ до театральныхъ зрѣлищъ. Повсюду возила ихъ тетушка, панна Длуская, старая дѣвица, принятая во всѣхъ аристократическихъ домахъ, очень уважаемая и любимая всѣми за свой веселый нравъ. Даже самъ панъ Сандецкій безъ лести говорилъ родственницѣ покойной жены:

— Удивляюсь, какъ панну никто замужъ не взялъ!

— Брали, да я не шла! былъ ея отвѣтъ.—Все принца или герцога поджидала.

— А онъ, какъ всегда бываетъ, не нашелся?

— Нѣтъ, нашелся, но запоздалъ въ дорогѣ. И вотъ до сихъ поръ... онъ ѣдетъ, а я жду!..

Панна Длуская бывала равно во всѣхъ слояхъ общества. Всюду, гдѣ было весело, она являлась безъ разбора. Такимъ образомъ, она была знакома и со многими русскими семействами, которыя по неволѣ жили въ Варшавѣ, находясь въ штатѣ русскихъ резидентовъ.

Разумѣется, панна Длуская тщательно скрывала отъ Сандецкаго, что въ иныхъ домахъ, гдѣ танцуютъ и веселятся его дочери, бываетъ много его заклятыхъ враговъ — москалей.

И какъ на грѣхъ случилась бѣда, совершенно непредвидѣнная. За панной Сусанной началъ вдругъ сильно ухаживать новый знакомый, молодой и статный офицеръ, русскій дворянинъ и родственникъ довольно высокопоставленнаго въ России лица.

Это былъ артиллерійскій полковникъ Дмитрій Мамоновъ.

Сусанна, хотя и была патріоткой, какъ всѣ польки, но однако не настолько занималась политикою, чтобы дѣйствія русскаго кабинета относительно Рѣчи Посполитой могли заслонить отъ ея глазъ статную фигуру и красивое лицо „москаля“ Мамонова.

Молодая дѣвушка влюбилась въ русскаго офицера такъ же быстро и пылко, какъ онъ въ нее. Одинъ удивительно скоро навыкъ говорить о своей любви по-польски, а дѣвушка скоро обучилась словамъ: „люблю, не забуду во-вѣки“ и т. д.

Мамоновъ, не мудрствуя, самымъ наивнымъ образомъ явился къ пану Сандецкому просить руки его дочери. Каштелянъ Сталупеньскій принялъ это предложеніе какъ нахальство и кровное оскорбленіе. Если бы были иныя времена, онъ вызвалъ бы просто Мамонова на поединокъ или поступилъ бы еще проще, какъ грозилъ ему.

Но въ эти дни было уже крайне опасно не поладить съ кѣмъ-либо изъ свиты резидента Русской императрицы.

Панъ Сандецкій гордо и холодно поблагодарилъ офицера Мамонова за честь, сказавъ, что такой бракъ невозможенъ и даже не зависитъ отъ его отцовской воли.

— Въ одномъ храмѣ вамъ вѣнчаться нельзя, пане, сказалъ онъ. — А въ двухъ храмахъ, два раза вѣнчаться—дураки придумали. Это только, по моему, чорта смѣшить...

Затѣмъ, имѣя основаніе опасаться, что Мамоновъ просто похититъ Сусанну, Сандецкій немедленно выѣхалъ изъ Варшавы въ Сталупени.

За то теперь онъ былъ страшно сердитъ на своихъ обѣихъ дочерей и строже къ нимъ чѣмъ когда-либо... Моника была виновата въ томъ, что не доглядѣла и потакала срамному увлеченію сестры.

Теперь Сусанна потеряла даже право гулять въ паркѣ иначе какъ въ сопровожденіи двухъ домовниковъ при сабляхъ на-голо, чтобы „рубить бѣглянку“, если она вздумаетъ бѣжать.

Дѣлалось это паномъ якобы въ видѣ насмѣшки надъ дочерью, но тайно было приказано въ случаѣ появленія въ паркѣ около дочери какого-либо незнакомца — зарубить его.

VIII.

Прошло три дня съ пріѣзда Сандецкаго, и за все это время онъ со своимъ любимцемъ-сыномъ только и говорилъ, что объ угрожающемъ Польшѣ отторженіи земель тремя сосѣдними могущественными державами.

Въ Сандецкомъ былъ озабоченъ равно и патріотъ, и частный человѣкъ-землевладѣлецъ. Если бы его зáмокъ стоялъ въ центрѣ тѣхъ земель, которыя должны были отойти къ Прусскому королю, то, конечно, не пришлось бы ему и голову ломать, онъ могъ бы спокойно подвергнуться общей участи.

Но, какъ на зло, его зáмокъ съ прилегающими къ нему обширными помѣстьями находился какъ разъ въ

Ермакъ является къ Строгановымъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") професс. Н. Дмитріева-Оренбургскаго. грав Шюблеръ.

Прощанье передъ походомъ. Съ карт. Ф. Сулакроа, грав. Арландъ.

той мѣстности, гдѣ должна была пройти новая граница между Рѣчью Посполитой и Прусскимъ королевствомъ.

Сандецкій собралъ вѣрныя свѣдѣнія въ Варшавѣ. Онъ зналъ, что Гданскъ и Торунь будутъ непремѣнно взяты Фридрихомъ съ ихъ округами, а онъ принадлежалъ къ округу Торуня. Будь его зàмокъ верстъ на пять, на шесть подальше, повосточнѣе, Сандецкій остался бы попрежнему подданнымъ своего отечества.

Кàроль, несмотря на эти постоянныя бесѣды, всетаки не переставалъ думать о Францискѣ и тосковать. Снова раза два былъ онъ на селѣ и прошелъ одинъ разъ недалеко отъ дома отца Викентія, надѣясь увидать дѣвушку хотя бы въ окно. Но всѣ усилія видѣть ее были напрасны. Она положительно скрывалась. Предполагать, что ксендзъ держитъ ее взаперти, было трудно. Кàроль вспомнилъ подслушанный имъ когда-то разговоръ.

„Быть-можетъ она притворялась, чтобы успокоить ревность ксендза“.

Этой мыслью онъ утѣшалъ себя.

Наконецъ, на четвертый день съ пріѣзда Сандецкаго въ зàмокъ, въ горницахъ Кàроля появился двѣнадцатилѣтній мальчуганъ съ села и пожелалъ видѣть его лично, наединѣ. Кàроль, удивляясь, пустилъ его къ себѣ, и мальчуганъ передалъ ему записку.

Въ этой запискѣ ему назначалось свиданіе, послѣ захода солнца, у того же павильона. Записка не была никѣмъ подписана, но Кàроль, конечно, догадался отъ кого она и пришелъ въ неописанный восторгъ.

Такъ какъ посланцу было приказано не ждать отвѣта и только доставить записку въ собственныя руки, то молодой человѣкъ ничего не отвѣчалъ, а только далъ мальчику нѣсколько грошей и отпустилъ его.

Разумѣется, при заходѣ солнца онъ былъ уже на томъ же мѣстѣ. Дѣйствительно, спустя нѣсколько мгновеній послѣ него, съ противоположной стороны, среди той же чащи кустовъ, появилась Франуся. И точно также Кàроль бросился къ ней навстрѣчу.

Франуся была на этотъ разъ взволнована. Лицо ея было заплакано. Она объяснила молодому человѣку, что это ихъ второе свиданіе будетъ вѣроятно и послѣднимъ.

Они усѣлись на той же скамейкѣ, и Франуся объяснила, что ея жизнь становится нестерпимой у ксендза-провинціала.

— Я избѣгала пана, заговорила она,—чтобы не навлечь на себя подозрѣній со стороны отца Викентія. И мнѣ кажется, что это мнѣ удалось. Онъ меня за это время ревновалъ ко всѣмъ, къ кому было только можно, кромѣ пана. Слѣдовательно, я добилась своей цѣли. И теперь я обращаюсь къ пану съ просьбой... спасти меня!..

— Я готовъ на все! воскликнулъ Кàроль. — Скажи, въ чемъ дѣло?

Франуся, смущаясь, объяснила, что ей оставаться долѣе въ домѣ ксендза невозможно... Надобно соглашаться на всѣ его условія или уходить. По счастію, прямыхъ законныхъ правъ ксендзъ, конечно, никакихъ на нее не имѣетъ и она можетъ спокойно уйти отъ него. Дѣло только въ томъ, чтобы нашелся человѣкъ, который бы согласился увезти ее или пріютить.

— Нѣтъ ничего проще, отвѣтилъ Кàроль. — О чемъ же тревожиться? Панна должна знать, что я готовъ увезти ее или похитить изъ рукъ цѣлой кучи враговъ, воиновъ, не только изъ рукъ простаго священника. Малѣйшая попытка отца Викентія вернуть ее къ себѣ будетъ въ его положеніи духовнаго лица позорищемъ—и онъ на это не рѣшится... Стало быть, о чемъ же печалиться?

— Но куда же я дѣнусь? Что можетъ панъ для меня сдѣлать?

— Покуда укрою въ зàмкѣ...

— Это невозможно, пане Кàроль. Отецъ Викентій не разъ говорилъ мнѣ, что всякая малѣйшая его просьба будетъ исполнена паномъ Сандецкимъ въ силу угрозы; слѣдовательно, если онъ обратится къ пану, тотъ прикажетъ вернуть меня обратно.

— Онъ лжетъ! Что можетъ быть общаго между ксендзомъ и владѣльцемъ Сталупеней?

— Я вѣрно говорю, Кàроль. Есть что-то... Есть какая-то тайна... Отецъ Викентій въ силу какого-то договора имѣетъ право потребовать три вещи у пана Сандецкаго и тотъ всѣ три исполнитъ, какъ бы онѣ мудрены ни были. А что же мудренаго для пана отдать меня изъ зàмка обратно въ руки ксендза?

— Не вѣрю я этому... Во всякомъ случаѣ я обѣщаю укрыть тебя въ зàмкѣ такъ, что и отецъ не будетъ ничего знать. Я ручаюсь головой за это. А затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, быть-можетъ даже черезъ нѣсколько дней, я долженъ буду ѣхать въ Варшаву по дѣламъ, по приказанію отца, и тогда возьму тебя съ собою. И тамъ, въ Варшавѣ, все рѣшится. Захочешь разстаться со мной — мы разстанемся, и ты найдешь себѣ какое-либо занятіе въ столицѣ, какое-либо мѣсто.

Послѣ долгихъ увѣщаній Франуся согласилась, но съ условіемъ, что если панъ Сандецкій, узнавъ, что она находится въ зàмкѣ, вернетъ ее ксендзу, то Кàроль обязывался клятвою снова, хотя бы силкомъ, освободить ее изъ его рукъ.

— Возвращенная изъ зàмка къ нему въ домъ, сказала Франуся, — я уже буду совершенно въ иномъ положеніи. Онъ уже не станетъ стѣсняться со мной... Тогда не теряй ни минуты, панъ!

— Я отвѣчаю, успокаивалъ дѣвушку Кàроль, — что мой отецъ не выдастъ тебя. Что ему ксендзъ? Во всякомъ случаѣ, отецъ самъ не будетъ знать, что ты въ зàмкѣ. Подумай, какъ обширенъ зàмокъ и какъ много въ немъ народу. Вѣдь въ немъ по крайней мѣрѣ до четырехсотъ человѣкъ однихъ домовниковъ, безъ прислуги.

Молодые люди условились, что на другой же день они встрѣтятся на селѣ у старика Казиміра и оттуда ночью Кàроль тайкомъ проведетъ дѣвушку въ зàмокъ.

Проводивъ Франусю снова до рѣчонки, Кàроль разстался съ нею на мостикѣ и вернулся въ зàмокъ. Здѣсь онъ прямо прошелъ къ одному изъ приживальщиковъ, шляхтичу Зарембѣ.

Этотъ шляхтичъ, человѣкъ уже семидесяти лѣтъ, проживалъ въ зàмкѣ съ женою, тоже семидесятилѣтнею женщиной, и съ дочерью, дѣвицей лѣтъ уже сорока пяти.

Семья помѣщалась въ нижнемъ этажѣ зàмка, въ углу, въ концѣ длиннаго коридора на сводахъ. Квартирка Зарембы изъ трехъ комнатъ была, такъ сказать, въ самомъ глухомъ мѣстѣ зàмка. Несмотря на множество народа и на постоянный шумъ и суетню по всѣмъ этажамъ, здѣсь всегда бывала совершенная тишина.

Кромѣ того, Заремба былъ человѣкъ угрюмаго нрава и даже страннаго характера. Онъ былъ нелюдимъ и домосѣдъ, рѣдко выходилъ даже прогуляться, а проводилъ дни въ томъ, что читалъ какіе-то фоліанты, большею частью по-латыни.

Жена его, женщина хворая, почти безногая, бродила только по горницамъ. Дочь ухаживала за матерью, готовила сама кушанье въ своей отдѣльной маленькой кухнѣ и тоже почти не зналась съ остальными обитателями зàмка.

Кàролю пришло на умъ просить это семейство взять къ себѣ Франусю. Это была блестящая мысль. У Зарембы въ горницахъ было такъ же безопасно, какъ въ густомъ лѣсу. Франуся могла бы пробыть здѣсь цѣлый мѣсяцъ, прежде чѣмъ кто-либо догадался или узналъ, что она въ зàмкѣ.

Несмотря на позднее время, Кароль постучался въ дверь къ приживальщику. Его окликнули. Онъ назвался. Тогда дочь взволновалась, переговорила съ родителями и затѣмъ отворила дверь.

Крайне изумленное и встревоженное лицо увидѣлъ предъ собой Кароль. Онъ успокоилъ панну и попросилъ доложить о себѣ ея отцу по очень важному и неотложному дѣлу.

Старикъ Заремба тоже смущенно принялъ побочнаго сына пана-каштеляна и первыя минуты былъ настолько взволнованъ, что едва могъ говорить. Ему вообразилось, что Сандецкій присылаетъ въ этотъ поздній часъ своего сына, чтобы гнать вонъ всю семью.

Въ качествѣ нахлѣбниковъ или приживальщиковъ, вся семья, такъ же какъ и многіе другіе обитатели зàмка, была, конечно, въ полной власти пана-каштеляна.

— Успокойтесь, я къ вамъ являюсь не по приказанію отца, а по собственному дѣлу. У меня къ пану огромная просьба. Если панъ исполнитъ ее, то пріобрѣтетъ во мнѣ самаго вѣрнаго слугу.

И Кàроль разсказалъ подробно и толково, безъ всякой утайки, въ чемъ дѣло.

Заремба подумалъ, вздохнулъ и выговорилъ:

— Пане Кàроль, дай мнѣ честное слово шляхтича, что панъ Ксаверій, узнавъ кого я укрываю у себя, т. е. въ его же собственномъ зàмкѣ, безъ его на то разрѣшенія, не выгонитъ меня съ женою и дочерью.

— Отвѣчаю моимъ честнымъ словомъ, клянусь Маткой Божьей, что если бы отецъ наказалъ васъ за это изгнаніемъ, то я, Кàроль, выйду изъ зàмка вмѣстѣ со всѣми вами.

— Это другое дѣло, проговорилъ Заремба, протянулъ руку Кàролю и крѣпко пожалъ ее.—Мои три горницы, которыя, собственно говоря, принадлежатъ не мнѣ, а пану каштеляну, онѣ къ услугамъ панны Францискн. Что касается нашихъ сердецъ, то это будетъ ея дѣло покорить ихъ. Я отчасти понялъ скрытый смыслъ этого дѣла и радъ служить и въ пользу пана, и во вредъ ксендза. Я ненавижу іезуитовъ, піаровъ, ксендзовъ и всѣхъ имъ подобныхъ.

— И такъ, сказалъ Кàроль, вставая, — завтра, въ эту же пору, когда станетъ темно, я приведу сюда дѣвушку, которая останется подъ вашей охраной. И при этомъ повторяю, всѣ вы должны клятвенно обѣщаться мнѣ не сказывать никому, что она у васъ.

Шляхтичъ перешелъ вмѣстѣ съ Кàролемъ въ другую комнату, гдѣ сидѣла на большомъ креслѣ худая желтенькая старушка. Затѣмъ онъ кликнулъ въ ту же горницу дочь и при нихъ объявилъ въ чемъ дѣло.

— Завтра, въ эту же пору, явится къ намъ и укроется у насъ на нѣсколько времени молодая панна, сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ. — Я, ты и дочь наша клятвенно обязуемся, принявъ ее къ себѣ, никому о ней ни слова не говорить.

Старушка, очень удивленная, отвѣчала машинально, что клянется. Дочь съ радостью, ясно написанной на лицѣ, сдѣлала то же самое. Ей было скучно сидѣть безвыходно со стариками, а тутъ вдругъ Богъ послалъ какую-то таинственную исторію, какую-то незнакомку. Все-таки будетъ лишній человѣкъ, съ которымъ ей можно будетъ перекинуться словечкомъ.

На другой день, въ сумерки, Кàроль былъ уже на селѣ у старика Казиміра. Онъ думалъ, что ему придется ждать Францусю, но къ величайшему своему изумленію узналъ, что она уже съ утра скрывается у старика.

— Прибѣжала ко мнѣ, объяснилъ Казиміръ, — рано утромъ, въ самомъ ужасномъ видѣ, въ изорванномъ платьѣ, съ распущенными волосами, точно съ пожара или отъ нашествія прусскихъ солдатъ. Цѣлый день прислужники ксендза бродили по всему селу, молча и тихо, какъ волки, да заглядывали повсюду. И ко мнѣ заходили... Опрашивали, не видалъ-ли я панны Францискн. Я, разумѣется, отвѣтилъ, что и въ лицо ее не знаю, никогда въ глаза не видалъ.

Кàроль нашелъ Франциску встревоженною и съ трудомъ успокоилъ ее.

— Пойми же, наконецъ, панна, что я безумно люблю тебя, готовъ сейчасъ же отстоять тебя отъ цѣлаго полка прусскихъ гренадеръ, не только отъ одного ксендза, находящагося еще вдобавокъ во власти моего отца. Изъ-за чего тревожиться? Если бы нужно было, я бы съ оружіемъ сталъ защищать тебя.

Француся постепенно успокоилась, и они стали дожидаться ночной темноты. Наконецъ, часовъ уже въ десять они двинулись по селу задами, полемъ, потомъ прошли берегомъ рѣчки, которая мѣстами переходила въ настоящій ручей, и двинулись къ мостику.

На мостикѣ оказался, какъ нарочно, народъ. Имъ приходилось обождать на берегу. Француся снова стала волноваться.

— Я увѣрена, что это меня ищутъ. Это просто люди нанятые ксендзомъ, чтобы стоять всю ночь на мосту. Нѣтъ-ли возможности перейти прямо черезъ рѣчку?

Дѣйствительно, если бы была возможность перейти прямо, то, минуя мостикъ, они бы очутились прямо за оранжереями зàмка и могли бы грунтовыми сараями и плодовымъ садомъ пройти во дворъ зàмка.

Кароль убѣдилъ дѣвушку обождать немного. Однако прошло съ полчаса, а люди съ мостика не сходили. Они стояли тамъ, тихо переговариваясь. Въ темнотѣ нельзя было видѣть, сколько ихъ тамъ, но можно было предположить, что не менѣе пяти-шести человѣкъ. Молодые люди осторожно отдалились отъ мостика по берегу.

— Пане Кàроль, сдѣлай для меня пустое дѣло, взмолилась, наконецъ, Француся.—Перейдемъ прямо на тотъ берегъ. Вѣдь тутъ почти ручей... Тутъ, вѣроятно, не глубоко... Я умѣю и плавать, но я увѣрена, что тутъ воды будетъ по поясъ.

— Это совершенно вѣрно, панна. Но вѣдь если ты измочишь платье, то въ чемъ же ты будешь въ зàмкѣ? Мнѣ все равно, я могу переодѣться.

— Пусть панъ идетъ впередъ и отойдетъ немножко въ сторону. Я уже съумѣю устроиться, перейду и окликну пана на томъ берегу.

Кàроль отошелъ, и быстро снявъ половину платья, ловко перешелъ рѣчку, которая въ этомъ мѣстѣ была дѣйствительно очень мелка. Воды было меньше, чѣмъ по поясъ.

Перейдя на ту сторону и снова быстро одѣвшись, онъ тихо окликнулъ Францусю. Она отозвалась.

— Здѣсь совсѣмъ бродъ. Иди, панна! Я отойду.

И двинувшись въ сторону шаговъ на пятьдесятъ, Кàроль сталъ ждать. Не прошло минутъ десяти, какъ послышался легкій плескъ воды, затѣмъ все стихло, а еще черезъ нѣсколько минутъ голосъ Франуси окликнулъ его.

— Здѣсь! отозвался Кàроль.

Радостное ли сознаніе безопасности или, быть можетъ, купанье въ свѣжей водѣ, сдѣлало то, что Француся была уже иная; болѣе бодрая и веселая. Они прислушались къ голосамъ на мостикѣ и снова убѣдились, что стоящіе тамъ и не думаютъ уходить.

Весело двинулись они по берегу, миновали оранжереи, садъ съ фруктовыми деревьями, и черезъ нѣсколько мгновеній были уже во дворѣ зàмка.

Кàроль опасался, что здѣсь они встрѣтятъ когонибудь.

Конечно, все зависѣло отъ того, кого именно они встрѣтятъ. Въ числѣ обитателей зàмка были лица недавно появившіяся здѣсь, которыя не могли еще знать

всѣхъ въ лицо, но были и старожилы, которые сейчасъ же замѣтили бы, что съ паномъ Каролемъ идетъ совершенно незнакомая личность.

На счастье молодыхъ людей, они прошли дворъ и вошли подъ своды коридора, не встрѣтивъ ни души. Черезъ минуту Франуся была уже въ горницахъ пана Зарембы и знакомилась съ его обитателями.

— Уберегите мнѣ панну Франциску, сказалъ Кароль,— и я во всю жизнь не забуду этой услуги!

IX.

На другое же утро на селѣ и въ замкѣ много было толку о томъ, что всѣхъ прельщавшая красавица панна Франуся исчезла изъ дома ксендза, пропала и, какъ кладъ, не дается.

Изъ Сталуненей шла, собственно, одна большая дорога. Двѣ остальныя были проселками, которые вели: одинъ—на кладбище, другой—въ лѣсъ. На большой дорогѣ за это время никто не встрѣтилъ дѣвушки ни пѣшкомъ, ни въ экипажѣ.

Ксендзъ, нанявшій человѣкъ двадцать разыскивать свою господыню, бѣсился и волновался страшно, готовъ былъ обшарить всѣ дома всего селенія. Онъ былъ увѣренъ, что дѣвушка находится въ Сталуненяхъ.

Будь у нихъ рѣка настоящая, можно было бы подумать, что она утопилась, но въ этой Вилейкѣ курица развѣ только утонетъ. Она бѣжитъ быстро, мѣстами похожа на рѣчку, но глубина ея самая большая не превышаетъ трехъ аршинъ. Если бы дѣвушка и утопилась на какомъ-либо глубокомъ мѣстѣ, то тѣло ея было бы теперь уже на виду.

„Да и не такова она, думалось отцу Викентію,—чтобы утопиться!"

А между тѣмъ, на большой дорогѣ никто не видалъ ее, на кладбищѣ или въ лѣсу она сидѣть не станетъ: стало быть, она въ Сталуненяхъ, и если не въ селеніи, то въ замкѣ.

„Если ты, дѣвчонка, въ замкѣ, злобно думалъ ксендзъ,— то я скажу одно слово пану Ксаверію—и ты будешь опять у меня въ рукахъ!"

Нѣсколько дней нанятые имъ люди ловко и хитро обшаривали всѣ Сталунени и если не обшарили самаго замка, то освѣдомились обо-всемъ, что было тамъ... Франуси не оказывалось нигдѣ.

Былъ, правда, въ замкѣ какой-то полупомѣшанный шляхтичъ Заремба со старою женой и дочерью, которые никогда никуда не выходили, но къ нимъ наемники ксендза не думали обращаться или подглядывать въ ихъ окна.

Да и подойти-то къ окнамъ Зарембы было трудно. Они выходили въ такую часть парка, куда пробраться было возможно только пройдя мимо террасы самого пана-каштеляна. А панъ если бы увидѣлъ сыщиковъ, то, разумѣется, за такую прогулку засѣкъ бы ихъ тутъ же предъ домомъ до смерти.

За это время, въ теченіе около недѣли, Кароль всякій день, но съ величайшими предосторожностями, ходилъ въ комнаты Зарембы и видѣлся съ Франусей.

Семья была весьма ласкова къ ней. Заремба, зная хорошо Кароля, какъ добраго и честнаго малаго, понялъ, что онъ, помѣстивъ у себя панну Франусю, быть можетъ устраиваетъ свою будущность.

Кароль, любимецъ стараго пана, можетъ сдѣлаться когда-нибудь владѣльцемъ замка, а эта красавица-дѣвушка, милая, чрезвычайно привѣтливая, можетъ сдѣлаться владѣлицей этого же замка. Такимъ образомъ со временемъ Заремба съ семьей, или во всякомъ случаѣ его дочь, найдетъ въ этой укрывающейся теперь дѣвушкѣ будущую покровительницу и благодѣтельницу.

Эти догадки заставили Зарембу отнестись къ укрывательству Франуси совершенно особенно.

На третій же день онъ горячо объяснилъ Каролю, будто такъ полюбилъ Франусю, что готовъ за нее взяться за саблю, которой тридцать лѣтъ не держалъ въ рукахъ.

Такимъ образомъ Франуся была въ квартирѣ шляхтича въ такой же безопасности, какъ если бы находилась въ неприступной крѣпости.

Когда у Зарембы появлялся кто-нибудь посторонній, а такихъ лицъ бывало не болѣе одного человѣка въ день, то Франуся, заслыша стукъ въ дверь, удалялась въ заднюю горницу.

А на случай насильственнаго вторженія кого-нибудь, семья заранѣе придумала очень хитро, какъ спрятать дѣвушку.

У старушки былъ огромный шкапъ, наполненный платьемъ, и въ этомъ шкапу нѣчто въ родѣ отдѣленія, которое можно было назвать почти потайнымъ. Шкапъ этотъ былъ купленъ давнымъ-давно въ какой-то корчмѣ, которая часто подвергалась нашествію воровъ. Корчмарь, обокраденный нѣсколько разъ, придумалъ этотъ шкапъ и много разъ потомъ все положенное въ потайное отдѣленіе оставалось невредимо.

Когда Кароль являлся въ горницы Зарембы, Франуся выходила въ первую горницу. Они подолгу сидѣли вмѣстѣ и бесѣдовали наединѣ. Имъ не мѣшали. Заремба объяснилъ женѣ и дочери, что Кароль не такой молодецъ, чтобы укрывать у нихъ кого-либо, кромѣ своей будущей жены.

Въ этихъ бесѣдахъ молодаго человѣка съ дѣвушкой было много непонятнаго для Кароля. Онъ, конечно, каждый разъ клялся ей въ любви и въ рѣшимости сочетаться бракомъ, но Франуся вела себя загадочно.

Она говорила, что любитъ Кароля, благодарна ему за помощь, но еще не знаетъ, рѣшится-ли пойти за него замужъ. И ни разу, не смотря на всѣ просьбы Кароля, она не пожелала объяснить, что именно помѣхой этому.

— Помѣха есть, говорила Франуся.—И важная... Это препятствіе почти непреоборимое... Но какое оно, теперь я не скажу.

Молодой человѣкъ не зналъ, что препятствіе заключалось лишь въ одномъ... Онъ неосторожно проговорился на первомъ же свиданіи, что будетъ противодѣйствовать отцу, когда тотъ вздумаетъ узаконить его и сдѣлать своимъ наслѣдникомъ.

Панна Франциска мысленно думала:

„Кароль Побочекъ никогда моимъ мужемъ не будетъ!"

Черезъ недѣлю послѣ исчезновенія Франуси, отецъ Викентій явился, наконецъ, въ замокъ и велѣлъ доложить о себѣ пану-каштеляну.

Принятый паномъ, ксендзъ объяснилъ ему, по какому дѣлу явился.

— Я-то причемъ же тутъ? сказалъ панъ.

— Я вѣрно знаю, что моя родственница скрывается въ замкѣ пана, отозвался ксендзъ. — поэтому я убѣдительно прошу пана дозволить мнѣ обойти всѣ горницы, всѣ закоулки, хотя бы даже обшарить чердаки и подвалы.

Панъ Сандецкій задумался.

— Но вѣдь это въ нѣкоторомъ смыслѣ мнѣ оскорбленіе, ойче... Что-же, я воръ и укрыватель чужаго добра?

— Очень сожалѣю, что пану это непріятно, но долженъ заявить, что если панъ Ксаверій не согласится на это, то я — ксендзъ Сталуненей—буду принужденъ отмстить пану...

— А!.. вотъ какъ! озлобился вдругъ Сандецкій.—Какимъ же способомъ?

— Панъ Ксаверій, вѣроятно, забылъ, что есть нѣчто, что панъ просилъ меня держать втайнѣ.

— А-а!.. протянулъ снова Сандецкій. — Я, правда, забылъ про это. Да, къ несчастію, это вѣрно. Да, къ несчастію — выборъ простой: или дозволить срамнымъ образомъ обшарить весь замокъ...

Литературный альбомъ. „Въ лѣсахъ" Мельникова. Настасья Чапурина.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Лоренца, автотипія мастерской „Нивы".

— Или другой способъ найти... вымолвилъ ксендзъ.

— Есть, ойче, другой... Это—въ темную ночь подослать двухъ хорошихъ молодцовъ прирѣзать ксендза Викентія.

И Сандецкій расхохотался.

— Это будетъ грѣхъ передъ Богомъ...

— Вѣрно, ойче, грѣхъ! Я вѣрный католикъ, вѣрный слуга святаго отца-папы и церкви, и не могу такъ поступить. Дѣлать нечего... Сейчасъ же мы, ойче, взявши десять человѣкъ, обшаримъ весь зàмокъ.

X.

Панъ-каштелянъ позвалъ нѣсколько человѣкъ изъ прислуги и одного изъ нихъ послалъ за сыномъ. Кàроль, уже извѣщенный обо всемъ, успѣлъ побывать у Зарембы и предупредить его.

Послѣдствіемъ этого было то, что старушка раздѣлась и, якобы хворая совсѣмъ, легла въ постель въ послѣдней комнатѣ около шкапа, въ потайномъ отдѣленіи котораго спряталась Франуся.

Обходъ громаднаго зàмка продолжался часа два. Сандецкій, не смотря на то, что этотъ обходъ былъ ему скученъ, не отлучался. Гоноръ каштеляна заставлялъ его быть на-лицо.

Онъ какъ бы самъ водилъ ксендза по всѣмъ горницамъ всѣхъ этажей, начавши сверху и пройдя повсюду безъ исключенія. Даже по комнатамъ покойной жены, всегда запертымъ, и по комнатамъ двухъ дочерей, а затѣмъ по всѣмъ помѣщеніямъ всѣхъ нахлѣбниковъ прошли они и достигли нижняго этажа.

Наконецъ пришелъ чередъ и комнатамъ Зарембы.

Панъ Сандецкій почти забылъ о существованіи этой семьи. Домосѣды-нахлѣбники такъ мало напоминали о себѣ, о своемъ существованіи, что можно было забыть.

— Ну, этихъ-то можно было бы оставить въ покоѣ! сказалъ Сандецкій. — Они какіе-то полупомѣшанные, никуда не выходятъ, да и къ себѣ никого не пускаютъ.

Но отецъ Викентій настоятельно просилъ не исключать ни единаго угла зàмка.

И въ первый разъ уже за много лѣтъ, въ горницахъ Зарембы оказалось такое общество, какого давно не бывало. Заремба и его дочь встрѣтили пана-каштеляна, пана Кàроля и пана-ксендза со свитой низкими поклонами и заявили, что старая пани хвораетъ и лежитъ въ постели.

Заремба убѣдительно сталъ молить пана-каштеляна не тревожить старушку.

— Во-вѣки вѣковъ, говорилъ Заремба, — никто не видѣлъ ее, помимо меня, мужа, лежащую въ постели, а теперь придется принять этакъ человѣкъ десять.

Сандецкій остановился въ нерѣшительности.

— Я—духовное лицо, заявилъ ксендзъ,—и поэтому могу войти.

— Это вѣрно, замѣтилъ Сандецкій. — Отецъ-ксендзъ можетъ войти. Поэтому пусть онъ одинъ входитъ.

Всѣ остались, а ксендзъ, вмѣстѣ съ Зарембой, вошелъ въ слѣдующую горницу. Сухо поздоровавшись со старушкой, онъ тщательно, волчьимъ взглядомъ, оглядѣлъ всю комнату, даже глянулъ подъ кровать.

Большой шкапъ сразу обрадовалъ и смутилъ его. Уйти изъ этой горницы не отворивши шкапа, было бы большой нелѣпостью. Къ чему же служилъ весь обходъ? Ксендзъ рѣшился и обратился ехидно къ шляхтичу:

— Если предположить, пане Заремба, что моя родственница скрывается въ зàмкѣ у кого-либо изъ живущихъ, то, конечно, ей можно укрываться и у пана. Если она здѣсь, а въ этихъ трехъ горницахъ мы ее не видѣли, то я имѣю право предполагать, что она находится въ этомъ большомъ шкапу. Слѣдовательно, пане, я прошу отворить шкапъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ! отозвался Заремба.

И быстро растворивъ двѣ дверки шкапа, съ большой охотой и готовностью онъ сталъ снимать съ крючковъ и выкидывать всѣ женины и дочернины платья, какія тамъ были. Но не успѣлъ онъ выкинуть пятишести юбокъ и кофтъ, какъ ксендзъ, сумрачный и угрюмый, остановилъ его.

— Довольно... Тутъ самъ сатана замѣшался, проворчалъ отецъ Викентій.

Ксендзу яснымъ показалось, что шкапъ пустъ. Онъ не извинился и направился обратно.

И все шествіе, продолжая свой путь, дошло до подваловъ. Когда всѣ подвалы были перешарены, усталый панъ Ксаверій, провожая ксендза, остановилъ его на главномъ подъѣздѣ и вымолвилъ сердито:

— Слушай теперь, ойче. Я подвергся этому срамному обыску, потому что былъ у тебя въ долгу. Помни же, ойче, что теперь мы квиты. И если въ слѣдующій разъ ты обратишься ко мнѣ съ просьбой, въ родѣ этой, то есть, по правдѣ говоря, со строгимъ приказаніемъ, то я могу не исполнить и отвѣчу тебѣ: „мы квиты!“ А если не смотря на это ты скажешь, что я у тебя въ долгу и снова будешь угрожать тѣмъ же, снова поставишь меня въ необходимость дѣлать выборъ между согласіемъ, или чѣмъ-нибудь инымъ... Помни, ойче, я выберу второе... Я выберу двухъ молодцовъ надежныхъ и вѣрныхъ и стану грѣшникомъ предъ престоломъ святаго отца и передъ церковью. Отвѣчай, квиты ли мы, ойче?

— Квиты! глухо и сурово отозвался ксендзъ.

Едва только духовное лицо миновало ворота, какъ панъ Сандецкій, вернувшись къ себѣ, позвалъ сына.

— Ну, Кàроль, винись теперь.

— Въ чемъ?

— Не лги и не притворяйся. Я—старая лисица, на своемъ вѣку столько продѣлалъ всякихъ фокусовъ, сколько, конечно, тебѣ не продѣлать... Ты не таковъ уродился. Я уворованныхъ мною женщинъ пряталъ повсюду, чуть не въ орѣховой скорлупѣ. Но вѣдь и орѣхъ можно найти. Скажи ты мнѣ, гдѣ спряталъ ты эту подставную родственницу отца-провинціала?

— Почему же, батюшка...

— Не задавай мнѣ вопросовъ! Говорятъ тебѣ: я—старая лисица. Я видѣлъ, какъ раза два-три взглянулъ на тебя отецъ Викентій, и по его глазамъ понялъ, что украденная у насъ въ зàмкѣ, а воръ—Кàроль. Отвѣчай... Поступай со мной честно и тогда разсчитывай на мою помощь. А помощь моя тебѣ нужна, потому что тебѣ надо ѣхать тотчасъ же въ Варшаву по нашимъ дѣламъ. Если уворованный товаръ ты хочешь взять съ собой, то я помогу тебѣ его увезти. Если ты уворованное оставишь въ зàмкѣ, то я останусь охранителемъ, якобы корчмарь, принявшій за ведро водки краденый кунтушъ, или краденые часы.

Кàроль, конечно, тотчасъ же сознался во всемъ.

— Откуда же она? спросилъ панъ Сандецкій, когда сынъ окончилъ свое повѣствованіе.

— Изъ Вармійскаго Епископства, гдѣ ксендзъ и познакомился съ ней.

— Когда же ты успѣлъ влюбиться въ эту Францеску?

— Въ одинъ вечеръ, отецъ.

— Въ одинъ вечеръ? Стало-быть она почти сверхъестественное чудо. До сихъ поръ ни одна женщина, нигдѣ, хотя бы въ Варшавѣ, тебя не побѣждала. Какое же диво-дивное должна быть эта очаровательница! Вѣдь ее даже любопытно было бы поглядѣть.

Панъ Ксаверій кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ свою помощь сыну, не только противъ ксендза, а хотя бы противъ самихъ пруссаковъ, если бы они стали искать Францусю, какъ нѣмецкую подданную.

Черезъ нѣсколько дней панъ Сандецкій получилъ письмо изъ Варшавы, которое побудило его немедленно снарядить сына въ путь.

Важное политическое событіе было окончательно рѣшено. Отдѣленіе польскихъ земель восточныхъ и западныхъ двумя державами должно было вскорѣ совершиться.

Панъ принужденъ былъ послать сына въ Варшаву, чтобы узнать наконецъ навѣрное, останутся-ли Сандецкіе поляками или отойдутъ къ новому отечеству.

— Какъ же теперь насчетъ твоего дѣла? Увезешь ты свою красавицу съ собой? спросилъ панъ.

— Не знаю, отозвался Кароль.—Мнѣ надо переговорить съ ней.

Молодой человѣкъ тотчасъ же отправился въ комнату Зарембы и долго бесѣдовалъ съ Франусей. Онъ вернулся къ отцу не только разстроенный, но даже грустный, и объяснилъ, что дѣвушка отказывается ѣхать въ Варшаву, а хочетъ оставаться укрытая въ замкѣ.

— Сказалъ-ли ты ей, что я самъ беру ее подъ свою защиту, если она останется?

— Сказалъ, отозвался Кароль. — Это именно и послужило мнѣ во вредъ, иначе она согласилась бы ѣхать со мной.

— Да любитъ-ли она тебя, Кароль?

— Любитъ, отецъ.

— На чемъ ты основываешь это?

— На всемъ...

— Не вижу на чемъ. Бѣжала она отъ ксендза не изъ любви къ тебѣ, а изъ ненависти къ нему. Укрылась здѣсь для спасенія себя самой, а не ради того, чтобы тебя видѣть. Иначе на ея мѣстѣ всякая женщина была бы счастлива бѣжать съ тобой въ Варшаву на многолюдство, на веселье, а она хочетъ остаться въ тѣхъ же душныхъ горницахъ, у этого полоумнаго Зарембы. Ничего не понимаю!.. Во всякомъ случаѣ, ступай, обдѣлывай наше дѣло, а Франусю твой ксендзъ не получитъ. За это я тебѣ отвѣчаю. Отвѣчаю даже, что приди самъ Фридрихъ со своими солдатами—и они не получатъ ее.

На слѣдующій же день, молодой человѣкъ, простившись съ отцомъ, простившись съ Франусей, выѣхалъ въ Варшаву, скучный и печальный.

Послѣдній разговоръ съ отцомъ, а равно и послѣдній разговоръ съ дѣвушкой при прощаніи, подѣйствовали на Кароля. Онъ начиналъ сомнѣваться въ любви Франуси.

„Ничего въ ней страннаго и непонятнаго нѣтъ, говорилъ себѣ Кароль.—Она просто не любитъ меня, не можетъ любить... Нѣтъ, она меня любитъ, снова говорилъ онъ себѣ.—По многому это видно. Какъ горячо и не разъ умоляла она меня согласиться быть узаконеннымъ ради моего же счастья!“

(Продолженіе будетъ).

Артемій Саватьевъ.

Разсказъ **Ѳ. Ѳ. Тютчева.**

(Окончаніе).

Анисья металась по комнатѣ, нервно сжимая руки и съ замирающимъ сердцемъ прислушиваясь къ разгулившейся непогодѣ.

„Господи, что же это такое?“ простонала Анисья, прижимаясь лбомъ къ заиндевѣвшему окошечку, но какъ она ни напрягала зрѣнія—ничего не могла различить, кромѣ неистово кружившихся снѣжныхъ хлопьевъ. А вьюга разыгрывалась не на шутку.

Отъ безпокойства у Анисьи началась лихорадка, она закуталась въ свой дырявый платокъ и снова подошла къ окну. Вьюга жалобно завывала на всемъ просторѣ. Долго стояла Анисья, напрягая свой слухъ и зрѣніе, но ничего не видѣла она, кромѣ волнующейся бѣлоснѣжной пелены, ничего не слышала, кромѣ унылаго завыванія вѣтра. Сердце рвалось у ней въ груди. Никогда она не любила свою дочь такъ сильно, какъ въ эти минуты, никогда ей не хотѣлось ее такъ страстно прижать ее къ своей груди. Нѣсколько разъ Анисья была готова идти встрѣчать мужа, но она ясно сознавала всю безплодность подобныхъ поисковъ. Часы пробили три.

„Господи, смилуйся, заступись!“ простонала Анисья, въ отчаяніи оглядываясь на висящую въ углу, почернѣвшую отъ времени икону. Вдругъ Анисьѣ показалось, будто что-то темное промелькнуло мимо окна. Она чутко прислушалась. Въ воѣ вѣтра ей почудился скрипъ полозьевъ и тяжелое дыханіе лошади. Съ замирающимъ сердцемъ вышла Анисья на крыльцо. Вѣтеръ опахнулъ ее съ ногъ до головы, но она не обратила на это вниманія, стараясь вглядѣться въ темноту.

Въ первую минуту глазъ ея ничего не могъ различить въ этомъ неистово кружащемся морѣ снѣга, но вскорѣ она разсмотрѣла въ тѣни навѣса занесенную снѣгомъ конскую спину, лохматую голову, санки. Осторожными шагами спустилась Анисья съ крылечка и почти ощупью добралась до саней. Торопливо обшарила она ихъ и замерла въ невыразимомъ ужасѣ. Ея теплые пальцы встрѣтили холодное какъ ледъ лицо мужа. Анисья торопливо дернула его за плеча — Сидорычъ лежалъ безъ движенія.

„Что же это такое?“ молніей промелькнуло въ головѣ Анисьи. Она даже не могла дать себѣ отчета во всемъ случившемся. Машинально, замеревъ вся, сама не сознавая вполнѣ что дѣлаетъ, Анисья начала тащить мужа изъ саней. Кое-какъ, съ большимъ трудомъ, втащила она его волокомъ по ступенькамъ въ сѣни, спиной отворила дверь и вволокла его въ комнату. Свѣтъ лампы прямо упалъ на посинѣвшее, безжизненное лицо Сидорыча. Тусклые, безжизненные глаза его были полуоткрыты, губы плотно сжаты, окоченѣвшія ноги согнуты. Анисья еще разъ обшарила его всего, засунула руку за пазуху, нащупала грудь — тѣло было холодно такъ же, какъ и лицо. Сердце не билось. Молча, пристально, какимъ-то страннымъ взглядомъ еще разъ заглянула Анисья въ лицо мужа... Вдругъ она вздрогнула и, опрометью бросившись изъ комнаты, кинулась къ санямъ и съ лихорадочною поспѣшностью принялась шарить въ нихъ руками. Она сбила и выворотила рогожку, взворошила все сѣно, нащупала дно, провела по немъ ладонями — сани были пусты. Анисья, не помня себя, утопая въ снѣгу, принялась щупать и шарить вокругъ саней, но Оли нигдѣ не было. Наконецъ, она встала съ колѣнъ и медленно вошла въ комнату. На полу, лицомъ кверху, съ мокрой, тающей бородой, лежалъ Сидорычъ. Анисья подошла къ нему и вдругъ судорожно схватила его за плечо.

— Гдѣ Олюшка, Олюшка гдѣ? прохрипѣла она ему въ самое лицо, — гдѣ? злодѣй, душег...

Она вскрикнула и съ глухими рыданьями ударилась головой объ полъ. Дѣти въ испугѣ проснулись и, не понимая, что это дѣлается, съ широко раскрытыми глазами, съ поблѣднѣвшими личиками, трясясь отъ страха, смотрѣли на лежащаго неподвижно отца и на бьющуюся подлѣ него въ конвульсіяхъ мать.

. . . .

Пронзительно стонетъ и плачетъ вьюга. Темно. Тяжелыя свинцовыя тучи загромозди. і небо и скрыли собою и мѣсяцъ, и звѣзды. Жутко въ полѣ одному, жутко и холодно.

Морозъ крѣпчаетъ часъ отъ часу, холодный вѣтеръ пронизываетъ насквозь.

Среди поля, шагахъ въ шестидесяти отъ проѣзжей дороги, возвышается огромное, угрюмое, каменное зданіе, съ тяжелой, окованной желѣзомъ дверью и полосатою будкой на углу. Зданіе это—цейхгаузъ N*** пѣхотнаго полка. Передъ дверью, съ ружьемъ на плечѣ, закутанный въ длинный до пятъ *постовой* тулупъ, въ неуклюжихъ *кеньгахъ* *), въ башлыкѣ, изъ-подъ котораго и лица-то не видно, шагаетъ часовой—Артемій Саватьевъ. Скучно и боязно ему одному среди непривѣтливаго поля въ глухую, темную, вьюжную ночь. Невольная робость закрадывается ему въ душу, и онъ изо всѣхъ силъ старается преодолѣть ее, разогнать невеселыя думы. А чѣмъ разгонишь ихъ, какъ не мыслями о скоромъ возвращеніи на родину? И Саватьевъ усиленно думаетъ объ этомъ, заглушая подымающееся въ душѣ безпокойство.

„Должно сегодня въ послѣдній разъ на часахъ стоять приходится“, размышляетъ Саватьевъ, шагая по узенькой, протоптанной въ глубокомъ снѣгу дорожкѣ, — „а занятно бы сосчитать, сколько разъ я за эти шесть лѣтъ на часахъ стоялъ? не счесть. И вотъ, слава Богу, Господь миловалъ, никогда ничего“. При этомъ вспомнилось Саватьеву нѣсколько случаевъ во время его службы,—случаевъ, при которыхъ пострадали его товарищи. Одинъ заснулъ на часахъ и ружье выронилъ — пошелъ за это въ арестантскія роты; другой курилъ — тоже попалъ туда же, а въ запрошломъ году одинъ печати у денежнаго ящика сломалъ — въ каторгу сослали. Вспомнилъ Саватьевъ эти случаи—и самому боязно стало. „Ну да ладно, Богъ милостивъ, не долго, еще деньковъ пять-шесть — и шабашъ, ау! Артемій, загремишь по чугункѣ на родимую сторонку, только и видѣли Саватьева!“ Замечтался Саватьевъ. Услужливая фантазія такъ и разыгрывается, такъ и рисуетъ ему картину за картиной, одну другой привлекательнѣй, заманчивѣй. Увлеченный своими мыслями, Артемій Саватьевъ и не замѣтилъ,

*) Кеньги — калоши, надѣваемыя часовыми.

Въ корчмѣ. Съ карт. (право воспроизведенія пріобрѣтено „Нивою“) **С. Грохольскаго**, грав. Б. Пуцъ

Ученое засѣданіе. Карт. К. Рейхерта, грав. Герикс.

какъ перестаъ шагать по тропинкѣ. Онъ прислонился спиной къ стѣнѣ, опустилъ ружье къ ногѣ и облокотился на него. Дремота, неотвязчивая какъ воръ, тихонько, осторожно, подкрадывается къ нему, истомой-нѣгой ползетъ по ногамъ, груди, виснетъ на тяжелѣющихъ вѣкахъ, смежаетъ усталые глаза. Мысли лѣниво, вразбродъ плывутъ и расползаются, неясныя, неуловимыя. Дѣйствительность отходитъ прочь, уступаетъ мѣсто грезамъ, сонъ постепенно очаровываетъ и завладѣваетъ всѣмъ существомъ Саватьева. Снится ему яркое, полуденное солнце, подъ его палящими лучами лѣниво отдыхаютъ сверкающіе свѣжей, яркой зеленью заливные луга. Нѣсколько человѣкъ косарей отдыхаютъ подъ тѣнью свѣженаметанныхъ копенъ. Все близкія, родныя лица. Вотъ худощавое, суровое, обросшее густою, сѣдѣющею бородой лицо отца Артемія, съ добродушнымъ, но немного какъ бы печальнымъ, задумчивымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ. Старикъ большими глотками пьетъ изъ глинянаго, побурѣвшаго кувшина. Нѣсколько капель какъ брилліантики повисли на его бородѣ. Вотъ румяное, безусое лицо младшаго брата Саввы, онъ лежитъ на спинѣ, закинувъ подъ курчавую голову мускулистыя, загорѣлыя руки и благодушно щурится на яркое солнце; тамъ дальше неугомонный Петруша мученически мучаетъ лохматую Жучку. Собаченка визжитъ отъ удовольствія и отъ боли, и сама не знаетъ, сердиться-ли ей на своего мучителя или благодарить за вниманіе. Самъ Артемій лежитъ тутъ же, положа голову на руку и пристально глядитъ въ даль, гдѣ солнце граничитъ съ землею.

„Когда же это я успѣлъ пріѣхать? раздумываетъ Саватьевъ,— да полно, уѣзжалъ-ли я, не сонъ-ли вся моя шестилѣтняя служба?.. Вѣдь я давно уже здѣсь, и вчера, и третьяго дня, и мѣсяцъ тому назадъ, вонъ и Малашка, смуглая, черноволосая, съ румянцемъ во всю щеку, нѣжится подлѣ другой копны“. Саватьевъ любуется на ея статную, полную жизни и огня фигуру и вдругъ странный вопросъ является ему: „Жена она мнѣ или нѣтъ еще? Вѣстимо жена, а когда же мы съ ней вѣнчались, гдѣ? А служба? Когда же я со службы-то вернулся?“ ломаетъ голову Артемій Саватьевъ и ничего не можетъ понять, выходитъ какъ будто бы онъ и не уѣзжалъ вовсе, а между тѣмъ вѣдь служилъ же онъ, не изъ головы же выдуманы имъ и знаніе уставовъ, и умѣнье выдѣлывать артикулы ружьемъ. „Чудно, право!“

Пока Саватьевъ размышляетъ, самый младшій членъ семьи, пятилѣтняя сестренка Матрешка, бойко отползаетъ отъ копенъ и хохоча и крича принимается кататься по душистому сѣну. Весело, задорно звенитъ ея тоненькій голосокъ въ неподвижномъ, знойномъ воздухѣ, но вдругъ она жалобно вскрикиваетъ, веселый смѣхъ смѣняется плачемъ. Отчаянный, щемящій душу крикъ рѣжетъ ухо. Артемій хочетъ вскочить, чтобы броситься къ ней на помощь, но не можетъ: руки и ноги ему не повинуются и висятъ какъ плети, а крикъ съ каждымъ мгновеньемъ становится все протяжнѣй, жалобнѣй, онъ назойливо проникаетъ въ уши, заставляя содрогаться всѣ внутренности Саватьева. Въ этомъ крикѣ чудятся отчаяніе, горькія слезы, призывъ на помощь. Съ трудомъ разжимаетъ наконецъ Артемій отяжелѣвшія, слипшіяся вѣки и тупо оглядывается. Попрежнему пронзительно уныло завываетъ вѣтеръ, попрежнему въ неистовой пляскѣ крутятся неисчислимые милліарды бѣлыхъ пушинокъ, та же мгла кругомъ. Вдругъ отчаянный, надрывающій душу вопль ребенка рѣзанулъ слухъ Саватьева. Онъ вздрогнулъ и перекрестился.

„Съ нами крестная сила!“ прошепталъ онъ тревожно, вглядываясь въ темноту.

Крикъ повторился, но гораздо слабѣе, вѣтеръ заглушилъ его. Прошла томительная минута, во время которой Саватьевъ, перегнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ и сложивъ щиткомъ руки, старается проникнуть взоромъ сквозь волнующуюся пелену снѣга. Но вотъ крикъ снова повторился, еще и еще... Нѣтъ сомнѣнья, кричитъ ребенокъ, кричитъ отчаянно, со слезами въ голосѣ, въ смертельномъ страхѣ, можетъ быть въ виду страшной опасности.

Вѣтеръ то относитъ его крикъ и онъ замираетъ гдѣ-то вдали, то навѣваетъ въ самыя уши. Нѣсколько минутъ Саватьевъ находится въ страшной, мучительной нерѣшимости, онъ колеблется, сердце его бьется такъ сильно, что онъ слышитъ его удары сквозь мѣховой тулупъ.

„Какъ быть? Что̀ дѣлать? На что̀ рѣшиться? Оставить постъ и бѣжать искать погибающаго въ снѣгу ребенка? А вдругъ смѣна, тогда что̀? Подъ судъ—пропадешь! Да полно... ребенокъ-ли это... не навожденіе-ли бѣсовское?“

Саватьевъ робко перекрестился и снова прислушался. Вьюга какъ будто бы немного стихла, не такъ густа снѣжная пелена, не такъ неистово завываетъ вѣтеръ. А ребенокъ межъ тѣмъ все кричитъ да кричитъ, но голосъ его слабѣетъ, прерывается. Вслушивается Саватьевъ и сдается ему, что онъ уже слыхалъ гдѣ-то этотъ голосъ, тѣмъ-то знакомымъ вѣетъ отъ него.

„И не далече вѣдь должно быть“, разсуждаетъ Артемій, самъ не замѣчая какъ подвигается впередъ отъ будки по направленію голоса, „тутъ гдѣ-нибудь бьется сердяга, эхъ кабы посвѣтлѣе маненько!“ Онъ еще разъ пристально вглядѣлся. „Та-та, кажись вижу, такъ и есть!“

И забывъ о смѣнѣ, о могущей произойти для него бѣдѣ, увлекаемый однимъ чувствомъ жалости къ беззащитному, погибающему созданью, Артемій бѣгомъ пустился по полю, увязая и спотыкаясь, къ тому мѣсту гдѣ ему померещилась небольшая черная фигурка. Увидѣвъ Саватьева, въ широкой шубѣ съ торчащимъ мѣховымъ воротникомъ, ребенокъ пронзительно вскрикнулъ и не помня себя отъ ужаса бросился бѣжать, оглашая воздухъ пронзительнымъ плачемъ и безпомощно разводя ручонками.

— Ей, малецъ, глупый, не бойся, постой—не бѣги, я солдатъ, я тебѣ дурнаго не сдѣлаю! кричалъ Саватьевъ, задыхаясь и увязая въ снѣгу.

Услышавъ голосъ Артемія, маленькій бѣглецъ остановился.

— Дядя Артемь, услыхалъ Саватьевъ тоненькій, прерывающійся, запыхавшійся голосокъ,—это ты?

— Олюшка! изумленно воскликнулъ Артемій,—ты какъ сюда попала?

Говоря это, онъ торопливо поднялъ на руки ребенка и, спрятавъ подъ полы тулупа, бережно понесъ его къ будкѣ. Дѣвочка крѣпко обхватила его за шею и прижалась къ нему. Она дрожала какъ осиновый листокъ. Принеся дѣвочку къ будкѣ, Артемій поспѣшно снялъ свой тулупъ и, закутавъ ее съ ногъ до головы въ мѣхъ, усадилъ въ самый уголъ будки.

— Ну что, тепло тебѣ?

— Тепло, дяденька, а какъ же ты-то безъ тулупа—холодно тебѣ чай?

— Не бось, весело усмѣхнулся Артемій,—солдату и въ шинели тепло!—И Саватьевъ, вскинувъ ружье, сталъ бодро прохаживаться взадъ и впередъ передъ будкой. — Какъ же ты попала-то, скажи ты мнѣ? остановился онъ на минутку передъ дѣвочкой.

— Мы съ тятькой изъ города ѣхали, онъ меня и обронилъ, пропищала Оля изъ глубины тулупа.

— Ишь ты, ты стало-быть заснула малость?

— Заснула. Онъ самъ сказалъ: „поспи, Оля“.

— Гм... А онъ не былъ выпивши, тятька-то твой?

— Былъ. Онъ на вокзалѣ съ кумомъ встрѣлся... Я и то звала-звала его, насилу дозвалась.

— Ишь ты... однако, того, пробираетъ! проворчалъ Саватьевъ и сталъ снова шибко ходить взадъ и впередъ, стараясь согрѣться.

Однако, какъ ни храбрился Саватьевъ, а морозъ давалъ таки себя чувствовать, холодный вѣтеръ пронизывалъ насквозь, забираясь подъ жидкое сукно шинели. Саватьевъ чувствовалъ какъ щиплетъ ему уши, носъ и щеки, особенно знобило концы пальцевъ на ногахъ.

„Не отморозить бы себѣ чего нибудь!“ думаетъ Саватьевъ, подпрыгивая и похлопывая руками.

— Холодно тебѣ, дяденька, полусоннымъ, усталымъ голосомъ шепнула Оля,—возьми тулупъ свой, мнѣ тепло.

— Ладно тепло, сиди ужь, смотри какъ вымокла вся въ снѣгу-то барахтавшись, безъ тулупа ты въ разъ замерзнешь, а мнѣ что, я человѣкъ привычный!

„И чего смѣна не идетъ? думаетъ Саватьевъ, бѣгая взадъ и впередъ и зорко вглядываясь въ окружающій мракъ,—пора бы ужь... Охъ холодно, чай градусовъ двадцать будетъ... Микола-угодникъ, заступись! Охъ ноженьки, силъ моихъ нѣтъ, зноботъ!“ Артемій подошелъ къ будкѣ и развернулъ тулупъ. Пригрѣтая Оля спала въ мѣху крѣпкимъ сномъ. „Надѣть развѣ тулупъ-то, а ее на руки взять? Нельзя—за эфто, не приведи Богъ какъ пострадать можно, у часоваго окромя ружья ничего не должно быть въ рукахъ! Ужь потерплю какъ нибудь!“ Артемій снова бережно укуталъ Олю, а самъ принялся бѣгать и прыгать, тщетно стараясь не дать морозу побѣдить себя. „Снести ее развѣ домой, мелькнула у него мысль,—нельзя съ поста отлучиться, на то и присягу принялъ, мнѣ стало быть довѣріе дѣлаютъ, добро казенное охранять даютъ, хоть умри, а стой на своемъ посту, помни присягу... А дюже заворачиваетъ морозецъ-то. Эхъ смѣна бы поскорѣе!“

Мучительно, долго, невыносимо мучительно тянется время для Артемія Саватьева, онъ чувствуетъ какъ постепенно застываютъ, деревенѣютъ его члены. Особливо правая нога, знать обута худо. Саватьевъ перестаетъ ее чувствовать—точно обрубокъ дерева. „Эхъ смѣна бы!“ Чувствуетъ Саватьевъ что еще немного—и онъ пожалуй не выдержитъ, роковое оцѣпенѣніе уже постепенно овладѣваетъ имъ, глаза слипаются, голова кружится.

„Микола, угодникъ Божій, заступись“, шепчетъ Саватьевъ, теряя сознаніе.

Но въ эту минуту словно изъ-подъ земли выростаютъ передъ нимъ двѣ закутанныя фигуры разводящаго ефрейтора и новаго часоваго.

— Эй, Артемій, живъ что-ль, аль спишь? громкимъ голосомъ окликаетъ разводящій, теребя его за плечо.

— Живъ еще, слабымъ голосомъ произнесъ Артемій,—а кабы вы, братцы, позамедлились, пожалуй бы и замерзъ.

— Ишь ты, а гдѣ же твой тулупъ?

— А я въ его робеночка завернулъ, сторожа Сидорыча дочку, заблудилась... Отецъ выронилъ изъ саней, ко мнѣ прибилась, я ее и усадилъ въ будку... спитъ чай, пригрѣлась.

— Ахъ ты, Божья душа, усмѣхнулся разводящій, —дѣвочку пригрѣлъ, а самъ чуть не смерзъ; ну идемъ скорѣй, въ караулкѣ отогрѣемся, а дѣвочку по дорогѣ къ матери занесемъ.

И говоря это, разводящій взялъ спящую дѣвочку на руки и въ сопровожденіи Саватьева поспѣшно зашагалъ къ городу.

. . . .

Анисья сидѣла на полу, надъ тѣломъ мужа, и безсмысленно глядѣла въ темный уголъ комнаты. Дѣти, наплакавшись въ волю, снова заснули; Анисья не обращала на нихъ вниманія. Мысли ея бродили далеко, да она и сама не могла бы дать отчета о чемъ она думала.

Вдругъ дверь скрипнула, отворилась. Въ комнату вошли два солдата, у одного изъ нихъ на рукахъ была спящая дѣвочка. Быстрѣе молніи вскочила Анисья на ноги и бросилась къ пришедшимъ.

— Нашли, нашли? гдѣ? заговорила она, протягивая руки къ дѣвочкѣ. — Жива?!. воскликнула она, — жива! Господи, какъ же это?!.

Въ теченіе этого часа какъ она сидѣла на полу надъ тѣломъ мужа, Анисья уже такъ освоилась съ мыслью о смерти дочери, такъ свято и окончательно увѣрилась въ этомъ, что теперь, видя ее живою и здоровою, не хотѣла этому вѣрить.

— Олюшка, милая, дорогая, доченька моя! причитала она цѣлуя и обнимая еще не вполнѣ проснувшуюся дочь. Та только ежилась и подставляла подъ поцѣлуи матери разгорѣвшіяся щеки. Разбуженныя шумомъ и возгласами, дѣти снова проснулись и захныкали. Голоса ихъ какъ будто привели въ себя Анисью, она опомнилась, оглянула комнату дикимъ, блуждающимъ взглядомъ и, остановивъ его на Саватьевѣ, вдругъ отчаянно заломила руки. — Боже мой, что я теперь буду дѣлать! я одна, больная, слабая, а ихъ четверо, четверо... сироты!

И она глухо зарыдала.

— Не плачь, уладится какъ нибудь, наставительно замѣтилъ разводящій.—Однако, намъ пора—служба, какъ бы не нагрѣло. Идемъ Саватьевъ!

И они вышли.

На другой день Саватьева отправили въ госпиталь. Правая нога его до самаго почти колѣна оказалась отмороженной, пришлось дѣлать ампутацію. Ногу отняли. Когда Артемій очнулся отъ хлороформа и увидѣлъ вмѣсто своей правой ноги—обрубокъ, онъ застоналъ и вдругъ залился слезами.

— Ну полно, что съ тобой? утѣшалъ его докторъ,—эка бѣда, ноги нѣтъ—и безъ ноги ты молодецъ. Съ двумя-то ногами и дуракъ проживетъ, а вотъ ты съ одной проживи-ка, шутилъ докторъ.

— Эхъ, ваше благородіе, съ невыразимой тоскою въ голосѣ проговорилъ Саватьевъ, — ухнуло мое дѣло на вѣки-вѣковъ, теперь ужь я въ деревнѣ не работникъ—а только обуза, не работать ужь мнѣ надъ своей землицей!

И онъ снова залился слезами. Докторъ былъ тронутъ и принялся утѣшать чѣмъ могъ, но на всѣ его слова Артемій только головой качалъ и уныло повторялъ: — Нѣтъ, ужь не работникъ я теперь, не для чего и въ деревню ѣхать.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ ампутаціи Саватьевской ноги, въ госпиталь пришелъ отецъ Паисій, провѣдать одного труднобольнаго. Увидѣвъ священника, Саватьевъ всполошился и попросилъ его къ себѣ.

— Батюшка, робкимъ голосомъ спросилъ онъ его, — что Анисья?

— Она больна теперь, отвѣчалъ священникъ.—Мужа-то похоронили.

— Стало-быть теперь вамъ другаго сторожа надоть? снова спросилъ, не глядя въ лицо священнику, Артемій.

— Надо; я и то присматриваю кого бы взять.

— А коли другой придетъ, стало быть Анисьѣ уходить придется.

— Что-жь дѣлать, я и то все о ней думаю, какъ бы устроить ее получше, въ раздумьи отвѣтилъ отецъ Паисій.

— А вотъ что, батюшка, полушопотомъ торопливо заговорилъ Саватьевъ,—возьмите меня въ сторожа, я хоть и на деревяшкѣ, а думаю управлюсь; какъ выпустятъ изъ госпиталя, такъ и возьмите, тогда и Анисьѣ съ ребятишками хорошо будетъ.

— Что-жь я тебя взять не прочь, парень ты хорошій, непьющій, улыбнулся священникъ, — деревяшка не помѣха, а только не возьму я въ толкъ, почему же Анисьѣ хорошо будетъ, оттого что ты сторожемъ будешь?

— А оттого, что тогда стало быть ей никуда уходить не надо, пусть живетъ у меня.

— Эка что выдумалъ! нахмурился священникъ.— Сидорычъ былъ ей мужъ, а ты что такое? нѣтъ, братъ, я такихъ вещей при церкви не потерплю.

— Да я батюшка не то что... вы не думайте, смутился Саватьевъ,—а я по хорошому, коли хочетъ—я и вѣнчаться съ ней согласился бы.

— А какъ же, ты развѣ въ деревню не поѣдешь? удивился священникъ.

— Какая ужь теперь деревня—въ деревнѣ я теперь лишній, калѣка. Нѣтъ, ужь возьмите меня сторожемъ.

— Ну что-жь, я не прочь; поправляйся скорѣе.

Прошло полгода. Артемій Саватьевъ давно уже выписался изъ госпиталя и, не смотря на деревяшку вмѣсто ноги, исправно и усердно исполняетъ должность церковнаго сторожа. Отецъ Паисій не нарадуется на него и очень имъ доволенъ. Еще больше того довольна имъ и счастлива жена его, Анисья. Артемій любитъ ее, бережетъ и нянчаетъ ея ребятъ какъ бы своихъ собственныхъ; и ребята любятъ его, какъ никогда не любили своего отца. Да и самъ Артемій Саватьевъ, кажется, совершенно доволенъ своей судьбой и примирился со своей новой жизнью и должностью. Только изрѣдка, когда ему приходится проходить мимо полей и до его слуха долетаютъ громкіе окрики пашущихъ или веселый лязгъ косъ, онъ нахмуривается и лицо его дѣлается печально, но и то не надолго.

„Не судьба видно, на то воля Божья!" говоритъ онъ самъ себѣ; при этихъ словахъ лицо его проясняется и снова дѣлается такимъ же спокойнымъ, добродушнымъ, какъ всегда.

На просторѣ океана.

Переводъ **М. Штауде.**

Густая сѣть желѣзныхъ дорогъ, соединяющая между собою различные культурные центры, вполнѣ справедливо заслуживаетъ нашего удивленія. Не менѣе поразительны успѣхи техники, выражающіеся въ прорытіи туннелей сквозь мощныя горы и постройкѣ мостовъ гигантской длины и высоты. Особенно же выступаетъ власть человѣческаго ума надъ природою, если мы взглянемъ на большой океанскій пароходъ, который, не взирая на бури, совершенно точно, по часамъ, совершаетъ изъ года въ годъ рейсы съ быстротою почти желѣзнодорожнаго поѣзда между отдаленными странами, перевозя пассажировъ и грузы съ такою безопасностью, о которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ лишь мечтали. Громадные пароходы въ 8 — 10 тысячъ тоннъ, и днемъ, и ночью, и въ бурю, и въ мятель прокладающіе себѣ путь по необъятной пустынѣ океана, представляютъ для нашего умственнаго ока зрѣлище, подобнаго которому трудно подыскать, и способны болѣе другихъ произведеній техники заставлять человѣка гордиться своими умственными силами.

Развитіе техники, насколько оно касается постройки океанскихъ пароходовъ новѣйшаго времени, поразительно еще потому, что является дѣломъ сравнительно короткаго промежутка времени, причемъ были побѣждены техническія трудности, которыя прежде казались непреодолимыми. Между тѣмъ какъ желѣзнодорожная техника не дала намъ за послѣднія 25 лѣтъ ничего особенно новаго (развѣ за исключеніемъ водной желѣзной дороги—этой желѣзной дороги будущаго), кораблестроеніе за этотъ же періодъ времени шло гигантскими шагами и при томъ почти во всѣхъ своихъ отрасляхъ. Самое послѣднее время ознаменовано появленіемъ на свѣтъ гигантскихъ броненосцевъ и быстроходныхъ минныхъ судовъ; точно такъ же достигнуто замѣчательное улучшеніе въ постройкѣ быстроходныхъ кораблей и яхтъ, причемъ появились большіе пассажирскіе пароходы, которые окружаютъ своихъ пассажировъ такими удобствами, какихъ нельзя имѣть даже въ первоклассныхъ гостинницахъ. Пароходное сообщеніе между портами Европы и Америки, считавшееся прежде мечтою, въ настоящее время относится къ самымъ зауряднымъ явленіямъ, причемъ существуетъ цѣлый рядъ линій, по которымъ пароходы дѣлаютъ болѣе отдаленные рейсы на востокъ, въ Австралію и къ южной оконечности Америки безъ всякой задержки и съ изумительною точностью. Въ 1838 г. въ первый разъ отправились въ Нью-Іоркъ пароходы „Сиріусъ" и „Гретъ - Истернъ", послѣдній только съ семью пассажирами. Путешествіе продолжалось двѣ недѣли. Теперь на переѣздъ едва-ли потребуется половина этого времени, причемъ нерѣдко болѣе тысячи переселенцевъ довѣряютъ свою жизнь и имущество одному изъ гигантскихъ пароходовъ нынѣшняго времени.

Что-же обусловило эти громадные успѣхи въ постройкѣ океанскихъ пассажирскихъ пароходовъ, о которыхъ мы поведемъ рѣчь въ настоящей статьѣ? Съ одной стороны, эти успѣхи зависятъ отъ конкуренціи многочисленныхъ пароходныхъ компаній, перевозящихъ переселенцевъ въ Новый Свѣтъ, съ другой, и главнымъ образомъ, отъ успѣховъ въ постройкѣ машинъ, въ металлургіи и въ другихъ отрасляхъ техники, которые, хотя и не имѣли въ виду улучшить кораблестроеніе, однако принесли ему не малую пользу.

Сначала разсмотримъ конкуренцію трансатлантическихъ пароходныхъ компаній, конечно, по возможности короче.

Толчокъ былъ данъ извѣстною компаніею Кунарда, которая еще недавно могла хвалиться тѣмъ, что ни одинъ изъ ея пароходовъ не терпѣлъ крушенія. Желая отбить у своихъ

конкурентовъ быстрое сообщеніе между Ливерпулемъ и Нью-Іоркомъ, она заказала вначалѣ пароходы „Уранію“ и „Сервію“, которые при скорости въ 17 узловъ (около 29½ в.) значительно опережали прежніе пароходы, предѣльная скорость коихъ равнялась 13—14 узламъ въ часъ. Однако скоро пальма первенства перешла отъ нихъ къ пароходамъ „Этрурія“, „Умбрія“ и „Орегонъ“, который позорно погибъ, столкнувшись съ одною незначительною шкуною. Эти послѣдніе, съ машинами до 14,000 лошадиныхъ силъ, доводятъ быстроту до 19 узловъ (т. е. 33 верстъ) въ часъ и доставляютъ своихъ пассажировъ изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ менѣе чѣмъ въ недѣлю. Они идутъ быстрѣе обыкновеннаго пассажирскаго желѣзнодорожнаго поѣзда уже потому, что послѣдній часто вынужденъ останавливаться на станціяхъ, тогда какъ винтъ океанскихъ пароходовъ вращается безостановочно вплоть до того момента, когда якорь, стуча своими цѣпями, падаетъ на дно и закрѣпляетъ пароходъ у цѣли его путешествія.

Такъ какъ путешественники отдавали рѣшительное предпочтеніе тѣмъ пароходамъ, которые скорѣе доставляютъ къ цѣли путешествія, то и другія общества, не желая лишиться своихъ заработковъ, поневолѣ должны были слѣдовать примѣру линіи Кунарда. Благодаря этому появились къ услугамъ публики пароходы: „City of Rome“, „Америка“, „Аризона“ и „Аляска“, скорость которыхъ достигаетъ 17½ узловъ въ часъ. Немного позже появляется на сцену Сѣверогерманскій Ллойдъ со своими пароходами: „Верра“, „Фульда“ и „Эльба“, которые, хотя и уступаютъ прежде поименованнымъ въ скорости, доходящей у нихъ лишь до 16—17 узловъ въ часъ, но зато превосходятъ всѣ предъидущіе своими удобствами для пассажировъ. То же самое относится и къ новѣйшей французской Compagnie transatlantique, пароходы которой имѣютъ скорость до 16—17 узловъ въ часъ.

Англійскія и нѣмецкія общества, поддерживающія сообщеніе съ Австраліею и восточною Азіею, также имѣютъ пароходы, которые по своей скорости могутъ съ успѣхомъ состязаться съ трансатлантическими.

Въ такомъ положеніи находятся дѣла въ настоящее время. Теперь самъ собою возникаетъ вопросъ, будутъ-ли пароходныя общества продолжать идти въ этомъ направленіи и состязаться въ постройкѣ все болѣе и болѣе быстроходныхъ пароходовъ? Сомнительно—и по той простой причинѣ, что быстроходные пароходы не окупаются. Трудно себѣ представить до какой степени увеличивается потребленіе угля, чтобы получить скорость большую на какой-нибудь одинъ узелъ въ часъ. Это возрастаніе идетъ почти въ геометрической пропорціи сравнительно съ возрастаніемъ скорости, такъ что пароходъ, дѣлающій переходъ въ Америку въ 6 дней 7 часовъ, потребляетъ угля въ полтора раза болѣе, чѣмъ пароходъ, совершающій этотъ же рейсъ въ 7 сутокъ. Къ тому же, роскошные пароходы зимою по большей части не ходятъ и поэтому имъ приходится въ немногіе лѣтніе мѣсяцы уже съ полнымъ грузомъ выручать расходы цѣлаго года, что̀ едва-ли удастся.

Первое, что̀ бросается всякому въ глаза при взглядѣ на быстроходный пароходъ новѣйшаго времени, это — незначительная ширина при большой длинѣ его корпуса (относятся какъ 1 къ 10); свойство это даетъ судну возможность легче разрѣзать волны, но вмѣстѣ съ тѣмъ влечетъ за собою немаловажныя и даже опасныя неудобства. Дѣло въ томъ, что благодаря этому пароходы не обладаютъ достаточною устойчивостью, которую пріобрѣтаютъ лишь при наличности значительнаго балласта въ видѣ багажа или угля; когда же къ концу рейса послѣдній истощается, то мѣсто его въ трюмѣ занимаетъ нарочно впускаемая туда вода. Какъ мала устойчивость такихъ пароходовъ, показываетъ случай, бывшій съ колоссальнымъ пароходомъ „Austral“, который затонулъ, сильно накренившись вслѣдствіе неосторожной нагрузки на одинъ бортъ угля. Въ виду этого возможно, что, какъ только уляжется горячка конкуренціи, постепенно вернутся къ прежнему болѣе благоразумному отношенію между шириною и длиною корпуса. При постройкѣ парусныхъ яхтъ въ Англіи это отношеніе не падаетъ ниже 1 : 6, да при томъ еще въ видѣ балласта берутъ много тоннъ свинца, потому что иначе грозила бы опасность опрокинуться.

Сравнивая парусныя суда съ нынѣшними океанскими пароходами, невольно замѣчаешь, какою жалкою парусностью обладаютъ послѣдніе. Мачты коротки, а паруса слишкомъ малы сравнительно съ самимъ пароходомъ. Существуетъ не мало спеціалистовъ, утверждающихъ, что оснастка пароходовъ лишь излишняя обуза, безъ которой можно обойтись, полагаясь на одну машину. Но это едва-ли вѣрно. При этомъ поневолѣ приходится прибѣгнуть къ запаснымъ машинамъ и винтамъ, между тѣмъ какъ при поломкѣ винта или его вала, или порчѣ въ какой-нибудь части сложной пароходной машины и неизбѣжной при этомъ безпомощности парохода, мачты съ парусами могутъ оказать неоцѣнимыя услуги: при помощи ихъ, хотя медленно, но все-таки вѣрно прибудетъ пароходъ къ цѣли. Даже, когда все на немъ въ исправности, при благопріятномъ вѣтрѣ они значительно увеличиваютъ его скорость, а при сильной зыби поддерживаютъ и уменьшаютъ его качку.

Усовершенствованіе мореплаванія основывается однако болѣе на цѣлесообразномъ выборѣ строительнаго матеріала и на прогрессѣ въ машинномъ дѣлѣ, чѣмъ на улучшеніи формы корпуса. Уже вслѣдствіе непрочности дерева нельзя было употреблять этотъ матеріалъ на постройку корпуса длиною болѣе чѣмъ въ 70 саж., что̀ теперь не рѣдкость. Это стало возможнымъ со времени введенія для этой цѣли желѣза, а за послѣднее время и стали. Послѣдняя произвела цѣлый переворотъ въ кораблестроеніи: будучи крѣпче желѣза, она даетъ возможность примѣнять тонкія пластинки ея тамъ, гдѣ прежде требовалось желѣзо значительной толщины, что̀ повело къ уменьшенію вѣса корабля и увеличенію его емкости.

Главная же доля успѣховъ въ постройкѣ пароходовъ, какъ уже упомянуто раньше, принадлежитъ паровой машинѣ. Самыя важныя ея усовершенствованія заключаются въ повышенномъ давленіи паровъ, примѣненіи конденсаторовъ, а въ особенности въ примѣненіи машинъ съ двойнымъ, тройнымъ и даже четвернымъ расширеніемъ пара, т. е. такихъ, въ которыхъ отработавшій въ одномъ цилиндрѣ такъ-называемый мятый паръ наполняетъ потомъ другой цилиндръ и такъ до четвертаго, послѣ чего онъ переходитъ уже въ конденсаторъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

„Ермакъ является къ Строгановымъ“. Рис. проф. Н. Дмитріева-Оренбургскаго. (Рис. на стр. 1068).

Подданство Зауралья и Сибири Московскому государству могло утвердиться лишь благодаря движенію русскаго населенія на сѣверо-востокъ, когда русскіе промышленные люди приблизили свои селища къ Каменному Поясу (Уралу), а затѣмъ задумали перейти и черезъ него. Въ исторіи этого движенія важное значеніе получаетъ родъ Строгановыхъ. Около второй половины XV вѣка, когда Іоаннъ III получилъ возможность раздѣлиться съ новгородцами въ Двинской землѣ, при исчисленіи земель отходившихъ къ Московскому государю и князю Ростовскому говорится, что ихъ искали такіе-то люди на такихъ-то новгородцахъ, несправедливо эти земли захватившихъ. Въ числѣ другихъ показанъ и Лука Строгановъ. Искалъ-ли онъ этихъ земель, потому что онѣ находились у него въ оброчномъ содержаніи, или потому что былъ уполномоченъ искать ихъ отъ князей Московскаго и Ростовскаго, какъ извѣстный, богатый, искусный въ дѣлахъ и знающій старину уроженецъ тѣхъ странъ—изъ акта не видно (на богатство Строгановыхъ при Василіи Темномъ есть любопытное указаніе въ грамотѣ царя Василія Іоанновича Шуйскаго, который, уговаривая въ 1610 году Строгановыхъ ссудить его значительною суммой денегъ, пишетъ къ нимъ: „Припомните, когда вы въ прежнія времена выкупили изъ плѣна князя Василія Васильевича: какой великой чести сподобились!“). Впослѣдствіи Строгановы, благодаря своимъ обширнымъ средствамъ, являются главными населителями пустынныхъ земель на сѣверо-востокѣ. При великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ, внуки помянутаго Луки Строганова получили право населить пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ Вондокурской волости. Въ царствованіе Грознаго Строгановы обратили свою промышленную дѣятельность далѣе на востокъ, въ область Камы. Въ 1558 г. Григорій Аникіевъ Строгановъ билъ царю челомъ и сказывалъ: „Въ 80-ти верстахъ ниже Великой Перми, по рѣкѣ Камѣ, по обѣ ея стороны, до рѣки Чусовой, лежатъ мѣста пустыя, лѣса черные, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустые... До сихъ поръ на этомъ мѣстѣ пашни не паханы, дворы не ставали и въ царскую казну пошлина никакая не бывала“. Григорій Строгановъ билъ челомъ, что „хочетъ на этомъ мѣстѣ городокъ поставить, городъ пушками и пищалями снабдить, пищальниковъ и воротниковъ прибрать, для береженья отъ Ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, по рѣчкамъ до самыхъ вершинъ и по озерамъ лѣсъ рубить, расчистя мѣсто пашню пахать, дворы ставить, людей созывать неписьменныхъ и не тяглыхъ (т. е. вольныхъ), разсолу искать, а гдѣ найдется разсолъ, варницы ставить и соль варить“. И царь Григорія пожаловалъ, отдалъ ему эти земли со многими льготами на 20 лѣтъ. Прикамская сторона была украйна, на которую нападали дикіе зауральскіе и пріуральскіе народцы; правительство не могло защищать отъ нихъ насельника: онъ долженъ былъ защищаться самъ, своими средствами, долженъ былъ строить городки или острожки, снабжать ихъ *нарядомъ* (артиллеріей), содержать ратныхъ людей. Отсюда уясняется важное значеніе Строгановыхъ, которые одни по своимъ средствамъ могли заселить Прикамскую страну. Понятно также, что Строгановы могли совершить этотъ подвигъ не вслѣдствіе только своего богатства: нужна была необыкновенная смѣлость, энергія, ловкость, чтобы завести поселенія въ пустынной странѣ, подверженной нападеніямъ дикарей, пахать пашни

Памятникъ Импер. Екатеринѣ II въ Симферополѣ, работы проф. Лаверецкаго, открытый 18 октября 1890 г.

Съ фот. грав. Барановскій

и разсолъ искать съ ружьемъ въ рукѣ, сдѣлать вызовъ дикарю, положивъ передъ его глазами основы гражданственности мирными промыслами. Строгановъ построилъ городокъ, назвалъ его *Канкоромъ*, но черезъ 5 лѣтъ одного городка оказалось мало—и явился новый городокъ *Кергеданъ*, въ двадцати верстахъ дальше, со стѣнами въ тридцать саженъ. Въ 1556 г., братъ Григорія, Яковъ, отъ имени отца своего, Аникія Өедорова, билъ челомъ, чтобы государь пожаловалъ ихъ, взялъ городки и всѣ ихъ промыслы въ опричнину — и эта просьба была уважена.

Утвердившись по сю сторону Урала, Строгановы естественно должны были обратить вниманіе и на земли зауральскія, обѣщавшія еще болѣе выгодъ. Случай къ испрошенію себѣ права на отысканіе *новыхъ* земель за Ураломъ скоро представился Строгановымъ: новый Сибирскій салтанъ Кучумъ дѣйствовалъ враждебно противъ Московскаго государства. Іоаннъ далъ право Якову и Григорію Строгановымъ укрѣпляться и за Ураломъ на тѣхъ-же условіяхъ. Но за Ураломъ, прежде чѣмъ взять землю въ свое владѣніе, надо было очистить ее отъ Сибирскаго салтана, т. е. вести наступательную войну. Строгановы обязывались вести эту войну на свой счетъ, должны были имѣть свое войско; изъ кого же могли они составить его? На охочихъ инородцевъ—Остяковъ, Вогуличей, Югричей и Самоѣдовъ—надежда была плохая. Мирные промышленники нуждались въ передовыхъ людяхъ колонизаціи, въ исконныхъ отыскивателяхъ путей и новыхъ землищъ, словомъ, нуждались въ казакахъ.

Въ это время, Донскіе казаки, надѣясь на безнаказанность вдали отъ государства, не ограничивались тѣмъ, что не исполняли царскихъ и посольскихъ приказаній, нападали не на однихъ ногаевъ, азовцевъ и крымцевъ, но, разъѣзжая по Волгѣ, грабили суда царскія, били людей, разбивали персидскихъ и бухарскихъ пословъ, русскихъ торговыхъ людей. Царь принужденъ былъ выслать противъ нихъ воеводъ съ большою ратью. Казаковъ казнили и ловили, многіе изъ нихъ разбѣжались, и одна толпа отправилась вверхъ по Волгѣ, гдѣ получила приглашеніе отъ Строгановыхъ вступить къ нимъ въ службу. Казаки явились къ Строгановымъ въ числѣ 540 человѣкъ подъ главнымъ начальствомъ атамана Ермака Тимоѳеева; другіе атаманы были: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ. Пришли они въ концѣ іюня 1579 г., а 1 сентября 1581 г. Строгановы, Семенъ съ племянниками Максимомъ и Никитою, отпустили на Сибирскаго салтана казаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищами, придавъ къ нимъ ратныхъ людей изъ городковъ своихъ, всего съ казаками 840 человѣкъ, снабдивъ ихъ жалованьемъ, съѣстными припасами, одеждою, оружіемъ, пушечками и пищалями, проводниками и толмачами. Такъ началось покореніе Сибири.

Передъ походомъ. (Рис. на стр. 1069).

Только въ часъ разлуки мы узнаемъ иногда, какъ дорого намъ любящее сердце... На дворѣ уже давно нетерпѣливо бьетъ конь копытомъ землю, а статный рыцарь въ богатой одеждѣ временъ Возрожденія все еще не можетъ разстаться со своею возлюбленною, заботливо и любовно смотрящею ему въ очи...

„Въ лѣсахъ". Настасья Чапурина. (Рис. на стр. 1073).

Тонкій карандашъ Н. Лоренца особенно удачно передаетъ изящныя и нѣжныя черты женскихъ головокъ, и на страницахъ нашего журнала неоднократно появлялись миловидныя лица, зарисованныя молодымъ художникомъ. Въ нынѣшнемъ нумерѣ мы помѣщаемъ типъ русской красавицы, одной изъ героинь замѣчательнаго разсказа Андрея Печерскаго (Мельникова) изъ жизни въ привольномъ краѣ—верховомъ Заволжьѣ. Тамъ, въ деревнѣ Осиповкѣ, жилъ богатый и почтенный торговый человѣкъ, „тысячникъ" Потапъ Максимычъ Чапуринъ. Старшая дочь его, восемнадцатилѣтняя Настасья и воспроизведена на рисункѣ Лоренца. По словамъ автора „Въ лѣсахъ", это была такая красавица, какихъ и за Волгой не много родится: „кругла да бѣла, какъ мытая рѣпка, алый цвѣтъ по лицу разстилается, толстыя ровно шелковыя косы висятъ ниже пояса, звѣздистыя очи разсыпчатыя, брови тонкія, руки бѣлыя ровно выточены..."

Въ корчмѣ. (Рис. на стр. 1076).

Въ своей картинѣ С. Грохольскій переноситъ зрителя въ душную, закоптѣлую комнату еврейской корчмы въ Татрахъ, въ Карпатскихъ горахъ. Въ нее собралось нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ-гуцуловъ, въ то время, какъ шинкарь совершаетъ свою ежедневную молитву. Старикъ-еврей, съ накинутымъ на плечи таллисомъ и съ тефилиномъ на лбу, гнѣвно отвергаетъ назойливыя требованія подгулявшаго посѣтителя, а его собутыльники довольно равнодушно ожидаютъ окончанія ихъ горячаго спора.

Ученое засѣданіе. (Рис. на стр. 1077).

Міръ животныхъ является неисчерпаемымъ родникомъ, откуда художники могутъ почерпать всегда интересные сюжеты для своихъ работъ, разъ передаются они правдиво и даровито. Что можетъ быть безхитростнѣе жизни котятъ или щенятъ, а какъ занимательны и затѣйливы бываютъ картины Ю. Адама, Ламбера и другихъ изобразителей жизни домашнихъ животныхъ, только и воспроизводящихъ разныя сцены изъ ихъ быта. Къ числу такихъ простыхъ и милыхъ произведеній должна быть отнесена и картинка К. Рейхерта, гдѣ представлены три щенка вокругъ мертваго крота, точно на совѣщаніи, что это за безглазое животное, съ вывороченными наружу лапками...

Памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II, работы проф. Лаверецкаго. (Рис. на стр. 1081).

Памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II, рисунокъ котораго помѣщенъ въ этомъ нумерѣ, созданъ профессоромъ Н. А. Лаверецкимъ и поставленъ въ городѣ Симферополѣ въ память столѣтія завоеванія Крыма.

Задуманъ онъ очень хорошо. Императрица изображена стоящею у малаго постамента, на которомъ лежитъ развернутая карта Крыма и Чернаго моря. На ней покоится правая рука императрицы, держащая скипетръ. Лѣвой рукой она какъ бы указываетъ на покоренную страну. Поза ея величественна, полна выразительности.

У подножія ея стоятъ двѣ большія (въ двѣ величины) фигуры: знаменитаго князя Потемкина и Долгорукова-Крымскаго, титулованнаго такъ за одержанную имъ побѣду и освобожденіе Крымскаго полуострова отъ турокъ. Долгорукій-Крымскій изображенъ задумчиво смотрящимъ въ даль и вкладывающимъ свою шпагу въ ножны, — дѣло, молъ, покончено... А Потемкинъ, дружественно положивъ свою руку ему на плечо, одобрительно на него смотритъ. Эти двѣ фигуры и сами по себѣ могли бы быть характернымъ памятникомъ.

Профессоръ дѣлалъ ихъ лица по нѣсколькимъ различнымъ портретамъ.

По бокамъ пьедестала помѣщены бюсты Суворова, какъ энергическаго начинателя дѣла завоеванія Крымскаго полуострова, и посла Булгакова, много способствовавшаго своимъ дипломатическимъ талантомъ къ благополучному окончанію этого дѣла.

На задней сторонѣ этого монумента—барельефъ, изображающій небывалое для того времени событіе, а именно пріѣздъ императрицы въ Крымъ. О сказочно роскошной обстановкѣ этого торжественнаго путешествія императрицы существуетъ много легендарныхъ разсказовъ. Устроилъ его Потемкинъ, дабы придать больше вѣса и значенія завоеванію Крыма въ глазахъ Европы.

Для такого барельефа на пьедесталѣ памятника слишкомъ мало мѣста, и потому профессоръ долженъ былъ стѣснить воплощеніе своей идеи. Но и этимъ небольшимъ пространствомъ онъ прекрасно воспользовался, съумѣвъ изобразить императрицу, привѣтливо встрѣчающую многочисленную восторженную толпу представителей населяющаго Крымъ народа, а около нея ея секретаря по крымскимъ дѣламъ.

Фигуры этого памятника отлиты изъ бронзы въ Петербургѣ, на литейномъ заводѣ Морана. Пьедесталъ, работы архитектора И. В. Вольфа, сдѣланъ тоже въ Петербургѣ, изъ сердобольскаго гранита, изъ крупныхъ монолитныхъ частей.

Инціатива этого памятника принадлежитъ бывшему предводителю дворянства въ городѣ Симферополѣ В. П. Попову.

18 октября состоялось открытіе памятника. Послѣ обѣдни и молебствія въ каѳедральномъ соборѣ, въ полдень процессія съ преосвященнымъ Мартиніаномъ, епископомъ таврическимъ, и таврическимъ губернскимъ предводителемъ В. В. Оливъ во главѣ, двинулась отъ собора къ памятнику-обелиску покорителя Крыма Долгорукова, затѣмъ по бульвару къ памятнику императрицы. Въ процессіи участвовали учащіеся, представители города и администраціи и многочисленная публика, оркестръ гимназистовъ и хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ семинаріи. Вокругъ памятника были разставлены войска. Когда взвилась сигнальная ракета, покровъ, покрывавшій памятникъ, упалъ—при салютѣ войскъ и при гимнѣ „Боже Царя храни", исполненномъ общимъ хоромъ музыки и пѣвчими. Погода стояла прекрасная.

Спускъ броненосца „Гангутъ". (Рис. на стр. 1083).

6 октября, съ верфи Новаго Адмиралтейства, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, спущенъ новый броненосецъ „Гангутъ". Къ постройкѣ этого корабля было приступлено 29 октября 1888 г., закладка—въ присутствіи Государя Императора—совершена 20 мая 1889 г. и наконецъ, спускъ—6 октября настоящаго года, т. е., корабль строился почти два года. Длина „Гангута" по грузовой ватерлиніи 289 ф. 9 д., а съ тараномъ 301 ф. 5 д., наибольшая ширина — 62 ф., углубленіе на ровный киль — 21 ф. и водоизмѣщеніе 6627,86 тон. Постройка корпуса производилась казенными средствами въ Новомъ Адмиралтействѣ изъ стали Александровскаго и адмиралтейскихъ заводовъ. Штевни и рулевая рама (изъ литой стали) изготовлены Путиловскимъ заводомъ; сталежелѣзная броня изготовляется адмиралтейскими Ижорскими заводами.

Стали до сихъ поръ употреблено: на корпусъ до 163,200 пуд., а на штевни и рулевую раму 2,044 пуда. Корабль будетъ вооруженъ 9 нарѣзными дальнобойными орудіями, минными приспособленіями и скорострѣльными пушками Гочкиса. Паровой механизмъ для корабля—тройнаго расширенія въ 6,000 индикаторныхъ силъ, изготовляется въ Петербургѣ на Балтійскомъ заводѣ. Строитель корабля корабельный инженеръ младшій судостроитель Леонтьевъ 2-й.

Политическое обозрѣніе.

Съ нѣкоторыхъ поръ изъ Турціи стали получаться тревожнаго свойства извѣстія объ отношеніяхъ оттоманскаго правительства къ своимъ подданнымъ православнаго исповѣданія. Извѣстія эти съ теченіемъ времени становились все прискорбнѣе, и наконецъ было получено сообщеніе о закрытіи Константинопольскимъ патріархатомъ подчиненныхъ ему грекоправославныхъ церквей. „Эта крайняя мѣра, замѣчаетъ *Journal de St.-Pétersbourg*,—является самымъ прискорбнымъ событіемъ въ борьбѣ, происходящей между патріархатомъ и Портою за „привилегіи вселенской церкви". Этотъ вопросъ о „привилегіяхъ вселенской церкви" слишкомъ хорошо извѣстенъ и нѣтъ надобности объяснять здѣсь его происхожденіе. Достаточно будетъ напомнить, что патріархатъ старается защитить свои преимущества и свои юрисдикціонныя права сохранивъ ихъ такими, какими они были дарованы султаномъ Магометомъ II вскорѣ послѣ завоеванія Константинополя. Напротивъ, Порта прилагаетъ старанія къ тому, чтобы все болѣе и болѣе съузить кругъ этихъ привилегій установленіемъ различія между преимуществами чисто духовнаго свойства и остальными, и стремленіемъ подвести послѣднія подъ уровень общихъ оттоманскихъ законовъ. Перипетіи этого спора вызвали нѣсколько лѣтъ тому назадъ отставку патріарха Іоакима III, а недавно и отставку патріарха Діонисія, извѣстнаго однако своею преданностью турецкому правительству и избраннаго Константинопольскимъ синодомъ въ надеждѣ, что довѣріе, внушаемое издавна этимъ духовнымъ лицомъ Портѣ, облегчитъ установленіе modus vivendi между правительствомъ и вселенскою церковью. Необходимо замѣтить, что именно во время патріаршества Діонисія кризисъ обострился и церкви были закрыты. Какъ уже выше объяснено, Порта поставила себѣ задачей примѣнять общій законъ къ нѣкоторымъ дѣламъ, подлежавшимъ до сихъ поръ юрисдикціи патріарха, заявляя въ то же время о своемъ намѣреніи сохранять въ неприкосновенности „привилегіи" церкви. Но по справедливости должно признаться, что въ преслѣдованіи этой цѣли перешли всѣ границы. Общій оттоманскій законъ, основанный на „шеріатѣ", не можетъ быть, напримѣръ, примѣняемъ прямо и безъ измѣненій къ положенію христіанскаго духовенства или къ тяжбамъ, проистекающимъ изъ такихъ актовъ, какъ браки между православными, духовное завѣщаніе и т. п. Нѣкоторыя постановленія турецкаго кодекса безусловно неприменимы къ христіанскому обществу, установленному на совсѣмъ иныхъ началахъ чѣмъ мусульманское общество, для котораго былъ созданъ шеріатъ. Съ незапамятныхъ временъ закономъ патріархата является Юстиніановъ кодексъ; каково-бы ни было мнѣніе турецкихъ законовѣдовъ о значеніи шеріата—законодательство это не можетъ удовлетворять нуждамъ христіанскихъ общинъ. Слѣдовательно, несправедливо утверждать, что Порта можетъ поступать такъ-же, какъ удалось поступить другимъ правительствамъ въ ихъ отношеніяхъ къ церкви. Оттоманское правительство далеко не находится въ такомъ-же положеніи, какъ другія государства, которыя тѣмъ не менѣе вынуждены были дѣлать уступки церкви съ цѣлью обезпеченія религіознаго мира. Горячо принимая къ сердцу интересы православія и желая, чтобы христіанскія общины жили въ полномъ согласіи съ оттоманскимъ правительствомъ, мы питаемъ твердую надежду, что султанъ по собственной иниціативѣ вскорѣ положитъ конецъ этому опасному положенію. Мы надѣемся также, что патріархъ, уповая на эту державную иниціативу, приметъ безотлагательно мѣры къ возстановленію богослуженія, которое не слѣдовало-бы прерывать, какъ-бы ни были законны требованія патріархата". Нѣкоторые изъ нашихъ доброжелателей, въ видѣ англійскихъ, австрійскихъ и германскихъ газетъ, уже поспѣшили обвинить русскую дипломатію въ подстрекаціяхъ Константинопольскаго патріархата поддерживать натянутыя отношенія съ Портою. Но подобныя инсинуаціи даже на западѣ мало вызываютъ къ себѣ довѣрія, и даже такія газеты, какъ *Koelnische Zeitung* и *Neue Freie Presse*, вынуждены сознаться, что въ патріаршемъ кризисѣ Россія соблюдаетъ полное безпристрастіе, и что весь ея образъ дѣйствій свидѣтельствуетъ о желаніи не дать обостриться конфликту. Другія изъ западноевропейскихъ газетъ приписываютъ возникновеніе конфликта патріархата съ турецкимъ правительствомъ Греціи, гдѣ дѣйствительно патріаршій кризисъ вызвалъ вполнѣ понятное возбужденіе. Находятся лица, которыя видятъ необходимость этого возбужденія для происходившихъ недавно выборовъ въ Греціи и для объясненія неожиданныхъ ихъ результатовъ, которые являются пораженіемъ правительственной партіи. Вслѣдствіе такого исхода выборовъ Трикуписъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, и король поручилъ Дельянису сформировать новый кабинетъ.

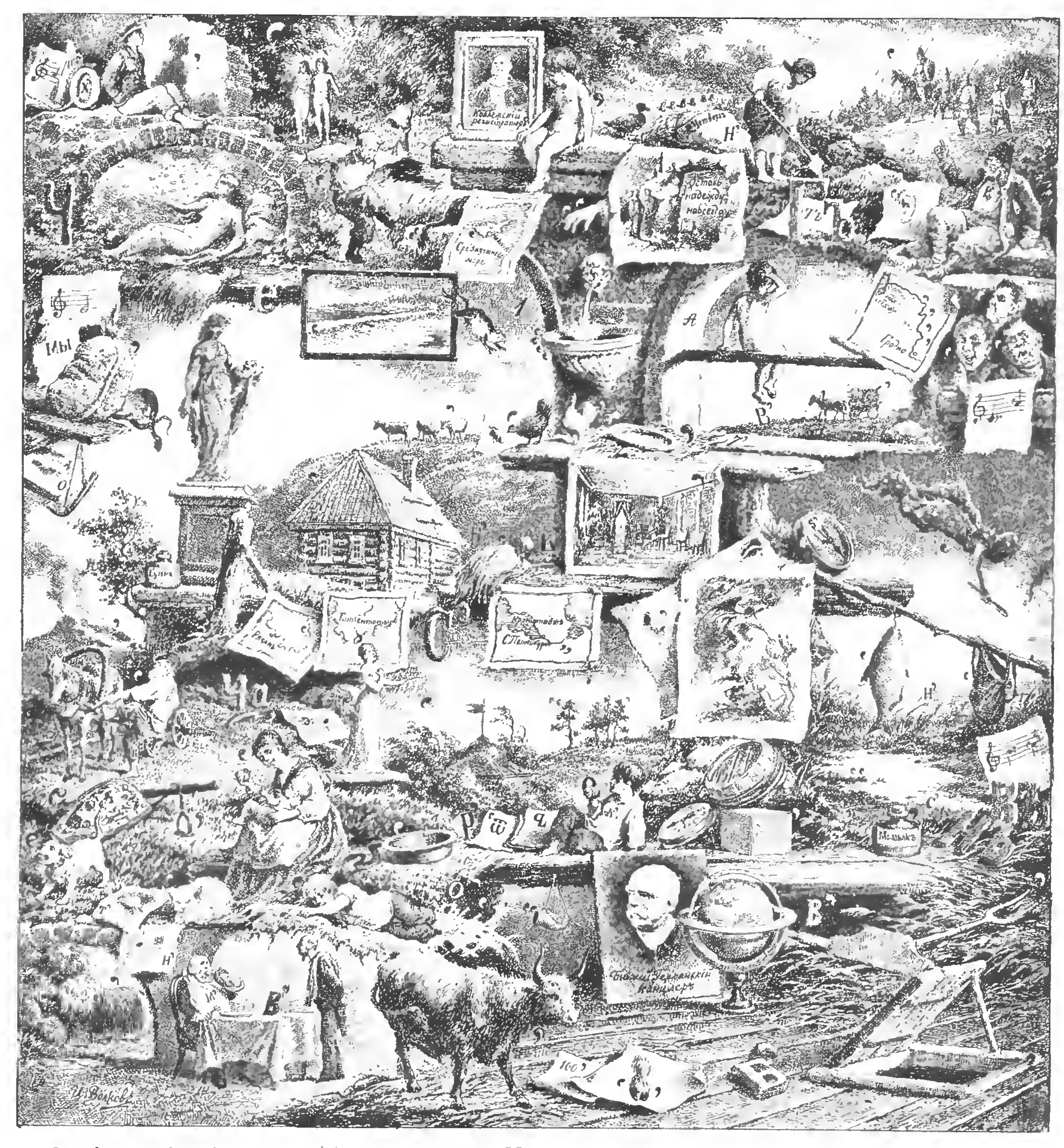
Спускъ броненоснаго корабля „Гангутъ" съ элинга Новаго Адмиралтейства 6 окт. 1890 г.
Съ фотографіи генерала Насвѣтевича, грав. Флюгель.

Парижъ недавно былъ свидѣтелемъ дружественной манифестаціи Россіи со стороны французовъ. Русскій посолъ баронъ Моренгеймъ выдавалъ свою дочь замужъ за виконта де-Сэзъ. 16 сентября, при вѣнчаніи баронессы Моренгеймъ присутствовали всѣ послы, госпожа Карно, пріѣхавшая въ сопровожденіи полковника Лихтенштейна и генерала Брюжера и всей военной свиты президента республики въ полной парадной формѣ, и многія выдающіяся лица. Громадная толпа привѣтствовала кортежъ при входѣ и выходѣ изъ церкви криками „ура" и многочисленными виватами въ честь Россіи и русскаго посла; а наканунѣ, когда происходилъ гражданскій обрядъ бракосочетанія, бывшій депутатъ Фребо, поднося невѣстѣ букетъ отъ имени обывателей участка, обратился къ барону Моренгейму съ рѣчью, въ которой констатировалъ, что баронъ, выдавая дочь за французскаго офицера, являетъ великое доказательство дружбы между обоими народами и уваженіе къ французской арміи,—доказательство, значеніе котораго вполнѣ сознается. Баронъ Моренгеймъ благодарилъ Фребо за шагъ, долженствующій скрѣпить узы дружбы его съ обывателями участка. Мэръ Ризлеръ, совершивъ обрядъ, сказалъ, что члены парижскаго муниципалитета поставляютъ себѣ въ особую честь привѣтствовать и свидѣтельствовать свое почтеніе и уваженіе къ благородному представителю великой дружественной державы.

Смѣсь.

Нѣкоторыя рыбы обладаютъ замѣчательною способностью измѣнять свой цвѣтъ и могутъ вслѣдствіе этого такъ приспособляться къ окружающей средѣ, что вполнѣ защищены отъ нападеній хищныхъ животныхъ, которыя не въ состояніи ихъ разглядѣть. Такая перемѣна цвѣта возможна, благодаря присутствію въ ихъ кожѣ особыхъ

РЕБУСЪ НА ПРЕМІИ № 62.



За вѣрное рѣшеніе этого ребуса назначаются **23 преміи**, состоящія изъ слѣдующихъ книгъ, на сумму **202 рубля**, а именно: **2 экз. „Фауста" Гёте**, съ рисунками Зейбертца, въ кожаныхъ тисненыхъ переплетахъ, **цѣна по 40 руб.** за экз. (1 экз. для городск. подписчик. и 1 для иногородныхъ); **5 экз. Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова**, 3 тома, въ коленкоров. переплет., **цѣна по 8 руб.** (2 экз. для городск. подп. и 3 иногородн.); **8 экз.** книги **Гнѣдича: „Исторія Искусствъ"**, въ роскошн. перепл., **цѣна по 7 руб.** (3 экземпл. для городск. и 5 для иногородн. подп.); **4 экземпл.** романа графа **Е. А. Саліаса: „Въ старой Москвѣ"**, въ коленк. перепл., **цѣна по 3 р. 50 к.** (1—для городск. и 3—иногородн. подп.); **4 экз.** книги: **Шесть разсказовъ Н. Морскаго (Н. Лебедева)**, съ рисунк., въ коленк. перепл., **цѣна по 3 руб.** (1 для городск. и 3 для иногородн. подп.).

Всѣ полученныя до 5 декабря 1890 г. вѣрныя рѣшенія ребуса пронумеруются по порядку ихъ поступленія (городскія и иногородныя отдѣльно) и затѣмъ, **по жребію**, будутъ распредѣлены между ними преміи. Рѣшеніе ребуса, фамиліи и адреса лицъ, на рѣшенія которыхъ пали преміи (съ обозначеніемъ названія ихъ), напечатаются въ № 50 „Нивы".

При этомъ №. разсылается гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы"

ТРЕТЬЯ главная премія

БОЛЬШОЙ ТОМЪ „СБОРНИКА" „НИВЫ" 1890 ГОДА.

XXII г. Открыта подписка на „НИВУ" 1891 г. XXII г.

Программа нашего журнала и еженедѣльные **нумера „Нивы" останутся въ прежнемъ составѣ**, какъ литературномъ, такъ и художественномъ. **Кромѣ того**, всѣ подписчики „Нивы" будутъ получать **безплатно**:

ЕЖЕМѢСЯЧНО БОЛЬШОЙ ТОМЪ СБОРНИКА
романовъ, повѣстей, разсказовъ и др. занимательнаго и поучительнаго чтенія.

Каждая книга объемомъ въ 200—250 страницъ въ **форматѣ „СБОРНИКА" прилагаемаго при этомъ №**;
въ число этихъ 12-ти книгъ войдетъ:
по истеченіи 50-ти-лѣтняго срока авторской собственности (15 іюля 1891 г.):

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,
въ 3-хъ томахъ,
СОСТАВЛЯЮЩЕЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ,
подъ редакціей А. И. Введенскаго, съ гравированнымъ на стали портретомъ М. Ю. Лермонтова, его автографомъ и біографіей поэта, составленною редакторомъ.

Главною художественною преміею будетъ

ХУДОЖЕСТВ. АЛЬБОМЪ СЪ 10-ю АКВАРЕЛЯМИ
исполненными fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ, въ красивой картонной папкѣ, украшенной **роскошнымъ заглавнымъ рисункомъ.**

Попрежнему къ „НИВѢ" будутъ прилагаться **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ"**, 12 №№ въ годъ, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ, 350 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ, 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину и проч. — словомъ **„полный журналъ модъ и рукодѣлій"**.

При первомъ нумерѣ „Нивы" будетъ приложенъ изящный, печатанный нѣсколькими красками, **стѣнной календарь на 1891 годъ.**

Подписная цѣна „Нивы" на 1891 годъ, см. на 1-й страницѣ этого нумера.

Отзывы художниковъ и печати о главной преміи „Нивы" на 1891 годъ — „Художественномъ Альбомѣ".

Мы разослали нашъ Альбомъ находившимся въ Петербургѣ авторамъ картинъ и въ редакціи главнѣйшихъ столичныхъ газетъ — и вотъ полученные нами отзывы въ письмахъ художниковъ и въ газетныхъ рецензіяхъ:

ОТЗЫВЫ ХУДОЖНИКОВЪ:

И. К. АЙВАЗОВСКАГО: „...Прекрасный Альбомъ я имѣлъ удовольствіе получить, и нахожу всѣ рисунки превосходными".

С. Ѳ. АЛЕКСАНДРОВСКАГО: „...Разсматривая внимательно Вашъ Альбомъ я былъ пораженъ замѣчательнымъ совершенствомъ исполненія; всѣ картины, въ томъ числѣ и моя „Шведка", переданы дѣйствительно fac-simile и могутъ соперничать съ лучшими заграничными изданіями этого рода".

Е. Е. ВОЛКОВА: „Альбомъ Вашъ изданъ прекрасно, тщательно и вполнѣ добросовѣстно".

М. ЗИЧИ: „...Я былъ изумленъ красотою Вашего Альбома. Наконецъ-то, наконецъ можемъ мы похвалиться побѣдоноснымъ соперничествомъ съ иноземцами въ художественномъ воспроизведеніи".

Н. Н. КАРАЗИНА: „Конечно, премія въ этомъ видѣ гораздо интереснѣй отдѣльно изданной большой картины; что касается исполненія рисунковъ, то нахожу его превосходнымъ. У насъ это первый опытъ—и опытъ крайне удачный—дай Богъ въ добрый часъ!"

А. Д. КИВШЕНКА: „Получивъ „Художественный Альбомъ", изданный Вами, а главное исполненный въ Петербургѣ въ Вашемъ заведеніи, и разсмотрѣвъ его внимательно—въ особенности съ технической стороны исполненія копій съ картинъ—пришелъ къ положительному заключенію, что техническая часть исполненія, а также выдержка общаго тона и характера живописи художниковъ, доведена до высокой степени. Собственно въ копіи съ моей акварели всѣ оттѣнки красокъ подкопированы настолько близко къ оригиналу, что на извѣстномъ разстояніи даже я могъ бы ошибиться. Поздравляю Васъ съ успѣхомъ, и большимъ, въ такомъ сложномъ и трудномъ у насъ въ Россіи дѣлѣ, какъ печатаніе красками съ картинъ и рисунковъ".

Н. Е. СВЕРЧКОВА: „Очень благодарю Васъ за присланный прелестный Альбомъ. Изданъ онъ безукоризненно, и такая премія, конечно, порадуетъ и прибавитъ Вамъ подписчиковъ, чего искренно Вамъ желаю".

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕНН. ВѢСТНИКЪ, № 229, 19 октября 1890 г. „...Наиболѣе, какъ извѣстно, распространенное изъ всѣхъ иллюстрированныхъ повременныхъ русскихъ изданій — еженедѣльный журналъ „Нива", кромѣ литературныхъ приложеній, . . . на 1891 годъ. . . издала для разсылки своимъ подписчикамъ альбомъ исполненныхъ красками . . . . снимковъ съ картинъ и акварелей современныхъ русскихъ художниковъ.

„Какъ извѣстно, русская художественная литература далеко не богата подобнаго рода изданіями. Немногіе существующіе у насъ сборники снимковъ съ художественныхъ произведеній по большей части недоступны по цѣнѣ и составляютъ достояніе только избранной части общества. Нельзя, въ виду этого, не обратить вниманія на вышеупомянутый альбомъ „Нивы", который, будучи предназначенъ для подписчиковъ этого журнала, весьма не дорогаго по подписной цѣнѣ, представляетъ собою изданіе доступное и для небогатыхъ людей. Альбомъ составляютъ десять прекрасно исполненныхъ снимковъ со слѣдующихъ картинъ (слѣдуетъ перечень картинъ).

„Приведенный перечень даетъ понятіе о разнообразіи снимковъ, составляющихъ „Альбомъ", въ который входятъ образцы почти всѣхъ отдѣловъ живописи: пейзажа, морскихъ видовъ, жанра и проч. Что касается выбора произведеній для „Альбома", то онъ сдѣланъ весьма толково и съ виднымъ пониманіемъ дѣла; изъ картинъ каждаго художника избрана для снимка такая, которая наиболѣе бы выражала его дарованіе, служа типичнымъ образцомъ его художественной спеціальности.

„Что касается исполненія снимковъ, то оно не оставляетъ желать ничего лучшаго: картины и акварели, послужившія для нихъ оригиналами, переданы fac-simile, съ совершенною точностью и сохраненіемъ всѣхъ, даже наиболѣе тонкихъ, оттѣнковъ. Снимки напечатаны на прекрасной бумагѣ и заключены въ изящную папку, украшенную художественными виньетками".

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ, № 285, 15 октября 1890 г. „Это роскошное изданіе, надъ которымъ артистическое заведеніе г. Маркса трудилось около года, вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ современной техники и служитъ нагляднымъ доказательствомъ тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлало въ Россіи печатаніе красками произведеній живописи. Вглядываясь въ любую изъ картинъ Альбома съ нѣкотораго разстоянія, трудно повѣрить, что это—печатная копія, а не оригинальная акварель, — до такой степени соблюдено fac-simile въ передачѣ каждаго удара кисти и своеобразной манеры художника. Всѣ манеры современной живописи водяными красками, начиная отъ прозрачныхъ и парообразныхъ тоновъ чистой акварели до соперничающей съ масляными красками гуаши, имѣютъ своихъ представителей въ альбомѣ, который въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ для начинающихъ любителей акварели".

НОВОЕ ВРЕМЯ, № 5245, 5 октября 1890 г. „Акварели исполнены fac-simile въ артистическомъ заведеніи г. Маркса и говорятъ о тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, которые сдѣлало у насъ печатаніе картинъ красками. Акварели дѣйствительно воспроизведены съ замѣчательнымъ совершенствомъ, на нихъ переданы малѣйшія подробности оригиналовъ".

НОВОСТИ, № 280, 11 октября 1890 г. „Альбомъ исполненъ прекрасно. Очень изящна также виньетка на папкѣ альбома, исполненная по рисунку художника Земцова".

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА, № 282, 15 октября 1890 г. „Не желая дѣлать рекламы этой совершенно исключительной по своей цѣнности преміи, нельзя не подивиться самой возможности выдавать такіе шедевры. „Альбомъ" дѣйствительно нѣчто выходящее изъ ряда."

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ, № 276, 6 октября 1890 г. „Намъ удалось видѣть эти картины. Онѣ производятъ чарующее впечатлѣніе, и мы можемъ только поздравить г. издателя „Нивы", придумавшаго такія преміи, полныя смысла и столь блестяще исполненныя".

ДЕНЬ, № 845, 16 октября 1890 г. „Альбомъ въ папкѣ съ прекрасными виньетками художника Земцова и выпущенный отдѣльно стоилъ бы, вѣроятно, не дешевле пятнадцати рублей, если вспомнить, что альбомъ десяти рисунковъ Зичи, рисунковъ краснымъ карандашомъ (сангиной), изданный Беггровымъ, стоитъ 12 р. Только для „Нивы", при ея громадныхъ средствахъ, распространенности и собственномъ артистическомъ заведеніи А. Ф. Маркса, кажется и возможны такія изданія".

МИНУТА, № 190, 14 октября 1890 г. „...Новизна и разнообразіе въ изданіи, особенно иллюстрированномъ, должны быть отличительною чертою. Поэтому самаго радушнаго пріема со стороны публики заслуживаетъ новинка, которую даетъ издатель „Нивы" А. Ф. Марксъ своимъ подписчикамъ на будущій годъ. Издатель распространеннѣйшаго въ Россіи журнала опередилъ своихъ собратьевъ, придумавъ замѣнить банальныя олеографіи альбомомъ изъ 10 акварелей."

JOURNAL DE S.-PÉTERSB., № 268, 9 октября 1890 г. „Г. Марксъ, дѣятельный и просвѣщенный издатель „Нивы", окончилъ печатаніемъ превосходный альбомъ, въ краскахъ передающій съ замѣчательною точностью десять акварелей извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Изданіе чрезвычайно изящно и составляетъ великолѣпный подарокъ подписчикамъ „Нивы".

ST.-PETERSB. ZEITUNG, № 280, 7 октября 1890 г. „Картины альбома, печатанныя въ артистическомъ заведеніи А. Ф. Маркса въ Петербургѣ, отличаются достойною всякой похвалы техникой, тщательной пригонкой камня на камень при печатаніи отдѣльныхъ красокъ, полнымъ до обмана сходствомъ съ оригинальными акварелями и обличаютъ старательную и трудную работу. Мы ставимъ эти акварели безусловно выше всѣхъ прежнихъ олеографій „Нивы".

ST.-PETERSBURG. HEROLD, № 286, 13 октября 1890 г. Наиболѣе распространенными у насъ преміями были, конечно, преміи „Нивы". Если однихъ эти преміи вполнѣ удовлетворяли благодаря своей дешевизнѣ, то другимъ онѣ не подходили по своему назначенію, — слѣдовательно, преміи эти были **не для всѣхъ**.

„Въ роскошномъ изданіи альбома, безплатнаго приложенія для подписчиковъ „Нивы" на 1891 г., издателю удалось создать художественное произведеніе **для всѣхъ**".

клѣточекъ, наполненныхъ красящимъ веществомъ, которыя могутъ стягиваться отъ нѣкоторыхъ раздраженій. Въ обыкновенное время, когда эти обладающія красящимъ веществомъ клѣточки растянуты, животныя кажутся темнѣе, ибо въ этомъ случаѣ красящее вещество распредѣлено на большей поверхности; стягиваясь же и принимая шаровой видъ, клѣточки занимаютъ незначительное пространство, такъ что окружающая ихъ ткань кожи свободна отъ красящаго вещества, вслѣдствіе чего и вся поверхность ея кажется свѣтлѣе. Прекрасными опытами, произведенными французскимъ ученымъ Пуше (Pouchet), въ началѣ 70-хъ годовъ, было доказано, что раздраженіе, вызывающее измѣненіе цвѣта, дѣйствуетъ не прямо на клѣточки обладающія красящимъ веществомъ, но на глазъ рыбы. Это наглядно подтверждается наблюденіемъ, сдѣланнымъ тѣмъ же Пуше надъ камбалою. Верхняя поверхность этой плоской рыбы въ высшей степени цвѣтоперемѣнчива. Пуше пустилъ въ акваріумъ большое количество камбалъ. Животныя, лежа на бѣломъ песчаномъ днѣ, принимали или соотвѣтствующій бѣлый цвѣтъ или очень свѣтлый; только одна рыба сильно отличалась отъ товарищей и отъ дна акваріума своимъ темнымъ цвѣтомъ. Дальнѣйшее наблюденіе показало, что эта рыба было совершенно слѣпа и поэтому уже не могла измѣнить окраски, такъ какъ глазъ уже болѣе не игралъ роли посредника между животнымъ и его обладающими красящимъ веществомъ клѣточками. Точно такое же наблюденіе произвелъ недавно вѣнскій естествоиспытатель Алоизій Лоде. Въ пруду Клостернейбурга подъ Вѣной, между многочисленными свѣтлоокрашенными камбалами онъ замѣтилъ одну темную, которая при дальнѣйшемъ изслѣдованіи точно также оказалась слѣпою. Какимъ образомъ дѣйствующее на глазъ раздраженіе передается отъ зрительныхъ нервовъ до клѣточекъ въ кожѣ, обладающихъ красящимъ веществомъ,— это было опредѣлено еще Пуше. Именно онъ доказалъ на опытѣ, что раздраженіе передается не черезъ спинной мозгъ, а двумя проходящими подъ нимъ отъ головного мозга продольными нервами, такъ-называемыми симпатическими. Если спинной мозгъ перерѣзать подъ головнымъ мозгомъ, то не смотря на это животное еще сохраняетъ способность измѣнять цвѣтъ; оно теряетъ окончательно эту способность только тогда, когда перерѣзаны у него оба симпатическихъ нерва. Отъ симпатическихъ нервовъ раздраженіе передается далѣе выходящими изъ спиннаго мозга въ мускулы парными спинными нервами, находящимися въ связи съ симпатическими. Когда Пуше устранялъ эту связь у какой нибудь рыбы, то въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ она теряла способность окраски, и такимъ образомъ ученому удалось вызвать у рыбы полосатость, какъ у зебры. Употребивъ средствомъ для раздраженія индуктивный токъ, можно наблюдать при помощи микроскопа стягиваніе и расширеніе клѣточекъ, содержащихъ красящее вещество. Эти клѣточки, вначалѣ красиво развѣтвленныя и имѣющія форму звѣздочекъ, постепенно начнутъ втягивать отростки и приближаться къ шаровой формѣ, причемъ кожа становится свѣтлѣе. Что дѣйствіе электрическаго тока проходитъ чрезъ нервы —это Лоде, по словамъ *Naturwissenschaftlichen Rundschau*, доказалъ на форелях тѣмъ, что проводилъ чрезъ иголки индуктивные токи въ спинной мозгъ. Среди судорогъ форель принимала свѣтлосѣрый видъ, но если раньше въ какомъ-либо мѣстѣ были перерѣзаны нервы кожи, то это мѣсто при раздраженіи спиннаго мозга оставалось темнымъ, хотя все прочее тѣло становилось блѣднымъ. Когда у форели былъ перерѣзанъ въ одномъ мѣстѣ спинной мозгъ, то при раздраженіи неповрежденныхъ частей тѣла наблюдались судороги только въ этихъ неповрежденныхъ мѣстахъ, окраска же была замѣтна на всемъ тѣлѣ. Новое доказательство того, что нервы, окружающіе обладающія красящимъ веществомъ клѣточки, не проходятъ въ спинной мозгъ. Разсыпанныя по всему тѣлу форели красныя пятна образованы красящими клѣтками, но своему устройству и своимъ отправленіямъ отличными огъ тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ перемѣна цвѣта. Ни раздраженіемъ нервной системы, ни мѣстнымъ дѣйствіемъ индуктивнаго тока нельзя вызвать измѣненія этого краснаго цвѣта. У хамелеона, обязаннаго своею извѣстностью происходящимъ отъ раздраженія перемѣнамъ цвѣта его кожи, наблюдаютъ вліяніе освѣщенія на цвѣтъ его окраски. Онъ бываетъ свѣтелъ въ темнотѣ, и теменъ при свѣтѣ. Это воздѣйствіе свѣта чисто мѣстное, и всегда можно спящаго на солнцѣ хамелеона тотчасъ-же заставить принять свѣтлый цвѣтъ, затѣнивъ его оловяннымъ листомъ. Освѣщеніе дѣйствуетъ также и на рыбъ, но только потому что свѣтъ, падая въ глаза, отъ нихъ уже рефлективно производитъ раздраженіе. Однакоже и свѣтлое состояніе хамелеона основано на растяженіи обладающихъ красящимъ веществомъ клѣточекъ, присущихъ его кожѣ. (к.)

Самое страшное животное. „Богатый и грубый Квантцъ", учивній Фридриха Великаго игрѣ на флейтѣ, нерѣдко давалъ пищу остроумію берлинцевъ. Онъ женился поздно и тѣмъ неизбѣжнѣе попалъ подъ башмакъ своей жены, урожденной Шиндлеръ. Это подало мысль композитору Филиппу-Эмануилу Баху, сыну безсмертнаго Іоганна-Себастіана Баха, предложить однажды въ обществѣ загадку: „какое животное можетъ считаться самымъ страшнымъ въ свѣтѣ?" Разгадка была: „Комнатная собачка г-жи Квантцъ", потому что она повелѣваетъ госпожей Квантцъ, а госпожи Квантцъ очень боится господинъ Квантцъ; а господина Квантца боится король; а короля боится весь свѣтъ". Когда Фридрихъ услышалъ отъ маркиза д'Аржансъ эту остроту, онъ сказалъ смѣясь: „Смотрите только, чтобы Квантцъ не узналъ объ этомъ, а то онъ всѣхъ насъ прогонитъ со службы". (с.)

Гимнастика. *Journal d'Hygiène* указываетъ на то, что гимнастика имѣетъ и свои вредныя стороны для потомства, если упражненія настолько многочисленны, что становятся въ тягость ребенку и вызываютъ въ немъ неудовольствіе. При такихъ условіяхъ вмѣсто желаемаго укрѣпленія мускуловъ, возвышенія дѣятельности сердца и ускоренія кровообращенія, могутъ получиться совершенно противоположные результаты. Если ребенокъ ощущаетъ неудовольствіе, то это не есть признакъ одного тѣлеснаго утомленія, а показываетъ, что въ переутомленныхъ мускулахъ начинается разложеніе, которое можетъ вызвать серьезное болѣзненное состояніе, если продолжать напряженіе въ этомъ переутомленномъ состояніи. (с.)

Человѣкъ, выраженный въ цифрахъ. Одинъ американскій физіологъ приводитъ слѣдующія цифры, выражающія собою строеніе человѣческаго тѣла: человѣкъ имѣетъ 105 костей и 500 мускуловъ; длина пищепроводнаго канала достигаетъ 8 м.; вѣсъ крови взрослаго субъекта доходитъ до 15 килограммовъ. Сердце имѣетъ обыкновенно 15 сант. длины и 8 сант. діаметра. Оно дѣлаетъ 70 ударовъ въ минуту, 4200 ударовъ въ часъ, и 36.792,000 ударовъ въ годъ. Каждый ударъ передвигаетъ 44 гр. крови, т. е. 2030 гр. въ минуту, 122 килогр. въ часъ и 58½ центнеровъ въ сутки. Вся кровь нашего тѣла проходитъ черезъ сердце въ 3 минуты. Легкія въ нормальномъ состояніи содержатъ въ себѣ 5 литровъ воздуха; но среднимъ числомъ мы производимъ 1200 вдыханій въ часъ, для чего употребляемъ 300 литровъ воздуха. Кожа состоитъ изъ 3 слоевъ, толщина которыхъ колеблется между 6 и 3 миллиметрами. Каждый квадратный миллиметръ кожи содержитъ 12,000 потовыхъ скважинъ или поръ, длина которыхъ на всемъ тѣлѣ составитъ 50 километровъ. (с.)

Противъ озноба конечностей -рукъ и ступней ногъ, по словамъ одного популярнаго медицинскаго изданія, полезно употребить настойку изъ стручковъ перца и горчичныхъ сѣмянъ на простой очищенной водкѣ. Не входя сразу въ теплую комнату, закоченѣлыя конечности надо натереть въ прохладномъ помѣщеніи этой настойкой, отчего члены приходятъ въ нормальное состояніе. (в.)

Дикій буйволъ все болѣе и болѣе размножается въ сѣверной Австраліи, гдѣ онъ образуетъ уже многочисленныя стада. Австралійскій буйволъ, отличающійся громадностью всего тѣла и величиною своихъ роговъ, происходитъ, говорятъ, отъ тѣхъ первыхъ буйволовъ, которые были привезены въ 1829 году въ портъ Элингтонъ. (с.)

Рамы для премій „НИВЫ“ 1890 г.

Подробности см. въ прошедшихъ №.№.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, выписывающихъ рамы съ картинами, полученныя ими преміи немедленно возвращать намъ въ Контору, дабы, по возможности, безъ задержки, мы могли имъ высылать готовыя рамы со вставленными картиками.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій просп., № 6.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

КОМНАТНЫЕ ОРГАНЫ

въ 3 октавы 80 руб., въ 4 октавы 110 руб., въ 5 октавъ въ 175 руб. до 1300 руб. знаменитой фабрики

МЕЗОНА И ХЕМЛИНА,

у единственнаго агента фабрики

П. Юргенсона въ Москвѣ.

П. № 4704 3—2

НОВОСТЬ!

НОСКИ ДЖУТОВЫЕ

БЕЗЪ ШВА,

отличающіеся прочностію отъ всѣхъ другихъ сортовъ.

Только въ магаз. **Ю. ГОТЛИБЪ**, по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго просп., СПБ.

Гг. иногородные заказчики благоволятъ прислать мѣру подошвы. Цѣна 5 руб., съ перес. 6 р. за дюж. Торговцамъ уступка.

NOUVEAUTÉ DE PARIS

Чудо промышленности.

Торговый домъ и фабрика **A. BLOCHE**, Paris, **№ 132, rue Tureooe** предлагаетъ для дамъ:

БРОШИ: imitation viel argent, гранатовые, simili бриліанты, въ серебр. или позол. опр. по **1 р. 50 н. БРАСЛЕТЫ:** тѣхъ же трехъ сортовъ по **1 р. 75 юо. СЕРЬГИ:** тѣхъ же трехъ сортовъ по **1 р.** № 4770

По желанію всѣ вещи съ видомъ башни Эйфеля. Высылка франко по получ. денегъ.

МИНІАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ ЛИЛИПУТЪ.

безъ фирмы и фабричн. клейма поддѣлка.

со шнурк. въ замшевомъ кошельк. 8 р. 50 к.
съ пересылкою . . 9 „ — „

„Лилиоутъ" удобно номѣщается въ нарманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К°.

Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ

Парнжъ. Aveo. d. l. Républ. 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

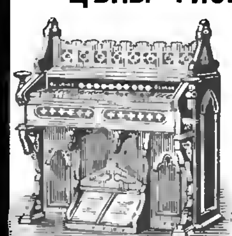
С.-Петербургъ, Мойна, № 42.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф прибор. высылается безплатно.

№ 4642 (14)

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева. Ц.** 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЦѢНЫ ФИСГАРМОНІЯМЪ УДЕШЕВЛЕНЫ!



АМЕРИКАНСКІЯ стоятъ теперь: 100, 140, 160, 200, 250, 300, 400, 500, 600, 800 и 1200 р. ФРАНЦУЗСКІЯ 100, 130, 160, 190, 275 и 450 р.

ФИСГАРМОНІЯ

одинъ изъ самыхъ лучшихъ и благодарныхъ инструментовъ, незамѣнимый по своему мягкому и пріятному тону. Выучиться играть на немъ можно очень скоро; кто мало-мальски играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не представляетъ никакой трудности. Фисгармонія также очень практична по своей простой конструкціи и потому, что она не разстраивается какъ фортепіано. Самоучитель для фисгармоніи 2 руб.

Большой выборъ нотъ для фисгармоній № 4763

Подробн. иллюстрир. орейсъ-нурантъ всѣмъ инструмент. высыл. безолатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

С.-Петербургъ. Б. Морская. № 34 и 40. **Мосива,** Кузнецкій мостъ, **д.** Захарьина.

Въ № 42, въ объявленіи **Главнаго депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ** ошибочно поставлены невѣрныя цѣны, слѣдуетъ читать:

ПІАНО-МЕЛОДИКО безъ нотъ. . . . . **80 руб.**
Ноты для Піано-Мелодико за каждый метръ (= 1½ аршина). . . . . **70 ноо.**
ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ съ 10-ю пьесами . . . . **70 руб.**
Ноты для Оркестра-Манопана **по 1 р. 20 н., 2 р. 40 к. и дороже.** Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 коп.

РЕКОМЕНДУЮ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ

собственной фабрини

съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 4696 8—4

ПАВЕЛЪ БУРЕ

ооставщинъ Двора Его Величества.

С.-Петербургъ. на Невскомъ просп., д. 23.

Мосива, по Б. Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста.

Новый иллюстрир. прейсъ-нурантъ высыл. по требован. безолатно.

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ УСПѢХЪ!

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ 3-е ИЗДАНІЕ Mt. № 4773

МУЗЫКАЛЬНОЕ НАВОДНЕНІЕ.

Большое попурри на любимые современные мотивы для фортепіано въ 2 руки, составилъ **Ө. Лобри.** Цѣна 1 р. 50 к. (Гг. иногородные за пересылку не платятъ). Быстрота распродажи двухъ изданій въ самомъ короткомъ времени доказываетъ, что это попурри дѣйствительно пришлось по вкусу публики. Продается у издателя:

НИКОЛАЯ ХРИСТІАНОВИЧА ДАВИНГОФЪ.

С.-Петербургъ, 28. Большая Морская, 28 (уг. Гороховой).

СВѢЖІЕ ЧАИ

развѣшены одъ правительственною бандеролью и оостуоили въ продажу

съ 2-го октября

въ собственныхъ магазинахъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„ЦЗИНЬ-ЛУНЪ

СОЕДИНЕННОЕ Т-ВО КЯХТИНСКИХЪ ЧАЕТОРГОВЦЕВЪ".

Въ С.-Петербургѣ. Невскій, 5 и Б. Садовая, 51.
Варшава, Краковское предмѣстье, д. 67.
Рига, Сарайная, 2. Mt. № 4743 3—3
Мосива, Театральная олощадь, д. Журавлева.

Прейсъ-куранты, по требованію, высылаются безплатно.

Гг. торговцамъ скидка съ прейсъ-курантной цѣны по взаимному соглашенію.

Главная контора въ С.-Петербургѣ, Невскій, 5.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (42) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ."); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

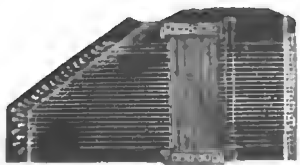
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ

ИЗОБРѢТЕННЫЙ БРОКАРЪ и К°.

Складъ фабрики: Офицерская, 5.



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь **удешевленнымъ** цѣнамъ:

съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Мосива, Петровка, домъ Волкова.

Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (39) Ц. № 3864

Торговцамъ дѣлается скидка.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВѢНѢ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

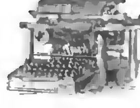
Безвредное средство для быстраго **окрашиванія** волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-наштановый цвѣтъ. 16—2

Цѣна за флак. **3 р.** съ пер. въ Евр. Росс.

Главный складъ для Россіи у **В. Аурихъ** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Мосива Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28—2

Дозвол. ценаур., СПБ., 24 октября 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 3 ноября 1890 г.

Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ 1890 г., съ 27 рисунками и отд. листъ съ 32 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 23 рис. вышивальныхъ работъ.

Согнутыя морскимъ вѣтромъ деревья на островѣ Миноркѣ. Рис. Вертеръ, грав. Барбанъ.

Стихотворенія

А. Фета.

I.

Графинѣ Н. М. С—ъ.

Вамъ пѣснь моя. Въ степи мірской,
Среди толпы безцвѣтно блѣдной,
Лишь вы поэта за собой
Красой влечете всепобѣдной.

Прелестны матовымъ челомъ,
Могучи пышными кудрями,
Вы обаятельны умомъ,
Очаровательны очами.

Что смертныхъ трогаетъ сердца—
Лишь вы внушите робкой лирѣ,
И слово на устахъ пѣвца
При васъ цвѣтетъ пышнѣй и шире.

II.

Кто писалъ стихи иль прозу?
Кто даритъ вотъ эту розу?
То-жь выходитъ, да не то.
Въ этомъ весь вопросъ опасный,
И хотѣлъ-бы, другъ прекрасный,
Настоящимъ быть я: *кто.*

III.

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманіемъ эту тетрадь:
Можно-ли трезвой то высказать силой ума,
Что опьяненному муза прошепчетъ сама?
Я назову лишь цвѣтокъ что срываетъ рука,—
Муза раскроетъ и сердце, и запахъ цвѣтка;
Я разскажу, что тебя безпредѣльно люблю, —
Муза повѣдаетъ, что я за муки терплю.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XI.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Побочка въ Варшаву, Сандецкій вспомнилъ о любопытной для него незнакомкѣ, которая скрывалась въ его собственномъ замкѣ.

„Надо пойти поглядѣть на нее, рѣшилъ панъ Ксаверій.—Должно быть панна—что-нибудь удивительное, такъ какъ сынъ до сихъ поръ ни въ кого влюбленъ не бывалъ, а тутъ потерялъ разумъ въ одинъ вечеръ“.

И рѣшивъ это, Сандецкій отправился въ нижній этажъ, въ горницы шляхтича-нахлѣбника. Дверь квартиры была всегда заперта. Сандецкій постучался и на вопросъ „кто тамъ?“ отвѣчалъ:

— Смиренный рабъ Божій Ксаверій, кастелянъ Сталупеньскій.

Дѣвица Заремба тотчасъ отворила дверь и, разумѣется, въ горницахъ произошла сумятица. Старикъ-шляхтичъ, вскочивъ со своего мѣста, засуетился, не зная что дѣлать. Онъ не считалъ себя въ правѣ скрыть жилицу отъ самого пана.

Франуся, уже собиравшаяся спрятаться въ шкафъ, по собственному почину, была остановлена имъ рѣшительно.

Вошедшій Сандецкій увидѣлъ въ горницѣ старика и старуху, а между ними смущенную и растерянную Франусю. И старому кастеляну сразу показалась молодая дѣвушка красивою. Онъ молча приглядѣлся къ ней.

— Да, въ тебѣ, панна, что-то есть! выговорилъ онъ, усмѣхаясь.—Отецъ Викентій—не глупецъ. Не смущайся и не робѣй! Я не затѣмъ пришелъ, чтобы тебя скрутить и выдать ксендзу. Я хочу только на тебя поглядѣть и съ тобой побесѣдовать. Иди за мной!

Панъ Ксаверій двинулся изъ горницъ Зарембы, а Франуся, нѣсколько тревожная, молча, послѣдовала за нимъ, какъ бы провинившаяся.

Всѣ, встрѣчавшіе пана съ его спутницей, удивлялись, не понимая откуда взялась въ замкѣ незнакомая, красивая дѣвушка, и куда, зачѣмъ ведетъ ее панъ и почему она идетъ какъ подсудимая.

Сандецкій тихими шагами, ни разу не обернувшись, достигъ своихъ горницъ. Франуся шла за нимъ. Когда они вошли въ угловую горницу, гдѣ всегда пребывалъ владѣтель замка, онъ сѣлъ, посадилъ дѣвушку и приказалъ ей разсказать о себѣ все по сущей правдѣ.

Подъ ласковымъ взглядомъ, вдобавокъ любующимся ею, Франуся ободрилась и оживилась. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ она уже совершенно свободно бесѣдовала съ паномъ.

Едва успѣла она разсказать всю свою незамысловатую исторію жизни—Сандецкій пересталъ уже удивляться, что его сынъ Кароль влюбился въ Франусю.

— Да, въ тебѣ что-то есть... А что—и я, старая лисица, разобрать сразу не могу. Въ тебя влюбиться можно... пожалуй даже должно... И я, не смотря на свои годы, могъ бы влюбиться. Отвѣчай теперь мнѣ правдиво на мои вопросы... Ты знаешь, конечно, что Кароль мой сынъ?

— Знаю, отвѣчала Франуся.

— Знаешь, что я хочу усыновить его, но что до сихъ поръ мнѣ это не удавалось... Быть-можетъ когда-нибудь и удастся. Но самъ онъ этого не хочетъ, по своей крайней честности. или, сказать проще, по своей честной глупости. Скажи мнѣ, любишь-ли ты его?

Франуся молчала,

— Что же значитъ твое молчаніе?

— Я не знаю что пану отвѣчать. Конечно, молодой и красивый панъ Кароль можетъ и долженъ нравиться всякой дѣвушкѣ, но... не такой, какъ я.

— Почему же это?

— Я не похожа на другихъ... У меня свои вкусы, которые многимъ могутъ показаться странными.

— Объяснись...

— Онъ не можетъ не нравиться, но мнѣ онъ долженъ нравиться меньше, чѣмъ какой-либо другой дѣвушкѣ.

— Отчего?

— Я не люблю молодыхъ людей... Я предпочитаю пожилыхъ.

— Вотъ какъ! удивился Сандецкій.—Что за вздоръ! Почему же это?

— Не знаю... Мнѣ всегда нравились люди пожилые и, пожалуй, даже старые. По мнѣ самый красивый цвѣтъ волосъ—сѣдой... Потомъ, я недовѣрчива... Я съ трудомъ могу повѣрить, что меня любятъ. А какъ вѣрить молодежи? Молодежь легкомысленна. Молодой человѣкъ самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ, не можетъ отвѣчать за себя. Сегодня Кароль, или другой, будетъ клясться мнѣ въ любви, а черезъ годъ, два, пожалуй хоть и пять лѣтъ,

полюбитъ другую, и это будетъ совершенно естественно. Тогда какъ пожилой человѣкъ, или старый, полюбивши меня, не разлюбитъ. Онъ будетъ счастливъ, что такая, какъ я, любитъ его. У него все въ прошломъ... Ему не на что уже надѣяться. У молодаго все въ будущемъ. Я хочу быть любима... какъ бы сказать это?.. ну, до обожанія, до боготворенія. Старый человѣкъ можетъ полюбить меня такъ... Онъ будетъ страшно дорожить тѣмъ, что такая, какъ я, принадлежитъ ему, любитъ его и вѣрна ему. А молодой этого не оцѣнитъ и если будетъ обожать меня, то это обожаніе все-таки пройдетъ черезъ нѣсколько времени. Правду-ли я говорю, панъ?

— Истинную, золотую правду... Только все это неестественно, пани... Стараго полюбить нельзя.

— Кому какъ, панъ... а я молодаго полюбить не могу. Чтобы я могла любить, мнѣ нужна полная увѣренность, что человѣкъ меня обожаетъ и всегда обожать будетъ.

— Удивительная ты дѣвушка, пани! задумался Сандецкій.

И долго продолжалось молчаніе.

Сандецкій глядѣлъ и любовался Франусей, а дѣвушка привѣтливо улыбалась ему.

И Сандецкій увидѣлъ въ глазахъ ея что-то удивительное. Она какъ будто бы тоже любовалась имъ.

— Скажи мнѣ, пани, невольно вымолвилъ онъ,— могъ-ли бы понравиться тебѣ человѣкъ... ну, въ родѣ меня?

— Еще бы! воскликнула Франуся.

— Какъ еще бы... Могъ бы?!

— Панъ шутитъ! Если онъ не можетъ понравиться, такъ кто же тогда можетъ? Какой-нибудь двадцатилѣтній молокососъ! презрительно выговорила Франуся.

— Да! Вотъ что́! Такъ ты, стало-быть, пани, или удивительное ангельское созданіе, или... извини, самый отчаянный дьяволенокъ, какой когда-либо мнѣ попадался.

Сандецкій пригляделся еще пристальнѣе къ Франусѣ и прибавилъ болѣе рѣшительно:

— Да, это вѣрно—ты, пани, дьяволенокъ самаго первѣйшаго разбора! И такой еще вдобавокъ, отъ котораго ни молитвой, ни крестомъ, ни святой водой не спасешься! Отвѣчай мнѣ въ заключеніе нашей бесѣды на три вопроса... Не любишь ты Кароля?

— Нѣтъ, панъ.

— Можешь меня полюбить?

— Да, панъ.

— А пойдешь ты за меня? Только съ условіемъ... Идя-то, ты пройдешь мимо церкви, а въ нее мы не войдемъ.... Пойдешь?

— Нѣтъ, панъ.

— А!.. Такъ ты вотъ изъ какихъ?.. Изъ гонорныхъ!

— Да, панъ... изъ нихъ.

Сандецкій отпустилъ Франусю и весь вечеръ думалъ объ дѣвушкѣ и о томъ что̀ слышалъ отъ нея.

„Лгунья она, судя по словамъ... Только по словамъ. Судя по лицу, не лжетъ!" соображалъ онъ.

XII.

На другой день каштелянъ снова вызвалъ къ себѣ Франусю и, пробесѣдовавъ съ ней просто, не стѣсняясь, веселѣе и пріятнѣе чѣмъ когда-либо съ какою другою женщиной, панъ задумался, потомъ потрясъ глубокомысленно головой.

— Да, вымолвилъ онъ наконецъ.—Самый прелестный бѣсъ, какихъ, конечно, въ аду никогда у папа сатаны въ услуженіи не водилось. Ну, вотъ что̀, милый мой дьяволенокъ... Въ горницы Зарембы ты не вернешься. Отдамъ я тебѣ двѣ горницы наверху, недалеко отъ горницъ дочерей. Отецъ Викентій, конечно, знаетъ, что ты въ замкѣ, стало-быть, нечего тебѣ и скрываться. Если онъ что-либо предприметъ противъ тебя—и стало-быть теперь выходитъ—противъ меня, то я его проучу. А если хочешь быть умницей, то я отдамъ тебѣ павильонъ въ паркѣ, тотъ самый, у котораго ты назначала свиданія Каролю. Ты будешь тамъ владѣтельницей.

— Я буду бояться тамъ, панъ... Оттуда ксендзъ можетъ меня похитить силой.

— Напрасно. Ксендзъ на такое самоубійство не пойдетъ...

— Что̀ хочетъ сказать панъ?

— А то, что если онъ тебя похититъ, то я тогда и тебя обратно похищу, и его тоже. Тебя поселю опять въ павильонѣ, а его повѣшу на первомъ ближайшемъ деревѣ предъ твоими окошками.

— Панъ такъ говоритъ, а на это не рѣшится...

— Милый мой дьяволенокъ, нѣтъ того дѣла, на которое бы панъ Ксаверій Сандецкій не рѣшился. Если бы ты была умнѣе, благоразумнѣе... Да что̀ объ этомъ толковать! увидимъ! Прежде всего надо дождаться возвращенія Кароля. Надо, чтобы онъ узналъ изъ твоихъ устъ, что ты его не любишь. А покуда, такъ какъ мнѣ теперь дѣлать здѣсь нечего, а скука отчаянная, то всякій день ввечеру я тебя прошу приходить ко мнѣ въ гости и мы будемъ болтать. Можетъ-быть мнѣ удастся въ мои годы тебѣ понравиться...

— Напрасно панъ такъ думаетъ. Это уже сдѣлано...

— Ты лжешь или принимаешь меня за самаго глупаго дурака во всей Польшѣ.

— Нѣтъ, панъ, не лгу... Да и нѣтъ цѣли у меня лгать. Жениться панъ на мнѣ не захочетъ, а идти къ пану мимо церкви я не захочу. Такъ отчего же мнѣ прямо и откровенно не сказать? Мы познакомились, а вскорѣ раззнакомимся и разойдемся, такъ какъ я попрошу добраго пана отправить меня въ столицу.

— Ну, все это послѣ видно будетъ. А покуда я распоряжусь.

Сандецкій вызвалъ людей и приказалъ тотчасъ же осмотрѣть горницы, предназначавшіяся для Франуси. Черезъ нѣсколько минутъ ему доложили, что все тамъ въ порядкѣ.

— Ну, отправляйся въ свое новое помѣщеніе, пани дьяволенокъ, а завтра ввечеру приходи ко мнѣ безъ всякихъ приглашеній и входи не стуча даже въ дверь. А коли ты настоящій сущій дьяволенокъ, такъ приходи прямо сквозь стѣну или сквозь потолокъ. А я сію минуту отправлю гонца въ Варшаву, чтобы тебѣ привезли кое-что надѣть. Штукъ двѣнадцать разныхъ платьевъ и т. д. Ты ступай и сейчасъ же пришли мнѣ листу всего, что̀ тебѣ нужно, отъ помады, мыла и духовъ и до башмаковъ, чулокъ, ну, и все прочее... Только помни, пани, каждую листу твою я буду возвращать тебѣ обратно и заставлять съизнова писать до тѣхъ поръ, покуда ты не пропишешь всего товару, по крайней мѣрѣ, на три тысячи злотъ. Такъ и знай! Коли не хочешь долго возиться, такъ пиши прямо побольше. Къ вечеру поспѣетъ?

— Поспѣетъ, панъ.

— Ну, хорошо. А на зарѣ гонецъ поскачетъ въ Варшаву. А когда все привезутъ сюда и все ты въ своихъ горницахъ разложишь, то знаешь... что̀ будетъ, пани дьяволенокъ?

— Что?

— Тогда тебѣ панъ Ксаверій Сандецкій покажется моложе лѣтъ на пятнадцать.

— Вотъ и неправда! Онъ мнѣ покажется еще старѣе!

— Ахъ ты дерзкая дѣвчонка!.. разсмѣялся панъ.

— Старѣе—значитъ еще милѣе!.. Вѣдь я же люблю старыхъ.

— Охъ, ужь не знаю я, любишь-ли ты старыхъ, вздохнулъ Сандецкій,—но что вотъ любишь ты лгать— это я знаю.

Панъ и Франуся весело разстались, и молодая дѣвушка отправилась въ свое новое помѣщеніе.

Христіанство, Цивилизація, Свобода. Аллегорическая картина академика Ю. Бонча-Томашевскаго (собственность Государя Императора). По эскизу художника, грав. Ю. Шюблеръ.

Первый мундиръ. Картина П. И. Геллера (право воспроизвед. въ гравюрѣ и т. п. принадлеж. **„Нивѣ“**), грав. Шюблеръ.

Двѣ горницы, ей отведенныя, были изъ самыхъ веселыхъ, самыхъ изящно отдѣланныхъ, на солнцѣ, съ балкономъ, выходящимъ въ паркъ.

Франуся за однѣ сутки ожила. Она уже не скрывалась въ душныхъ горницахъ у старика со старухой, опасаясь постоянно быть найденною и выгнанною или возвращенною противному ксендзу. Вдобавокъ Франуся знала отлично, что въ своихъ бесѣдахъ съ владѣльцемъ зàмка она уже успѣла ему понравиться.

Разумѣется, па другой день ввечеру Франуся смѣло отправилась къ горницамъ пана, нашла его у себя читающимъ и нѣсколько озабоченнымъ, но съумѣла своей болтовней, остроумной и забавной, развеселить его тотчасъ же.

Франуся пробыла у Сандецкаго часа два, и когда прощалась съ нимъ, чтобы вернуться къ себѣ, то панъ Ксаверій поцѣловалъ у ней ручку и проводилъ до коридора.

Черезъ шесть дней на дворъ зàмка въѣхалъ фургонъ. Оттуда повытаскали пропасть ящиковъ и сундуковъ, и все это было перенесено въ горницы, гдѣ помѣщалась новая домовничка пана Сандецкаго.

Въ тотъ же вечеръ, когда Франуся явилась въ условное время въ гости къ каштеляну въ одномъ изъ новыхъ туалетовъ, панъ Ксаверій ахнулъ, вытаращилъ глаза, а потомъ плюнулъ.

— Наважденіе! Надо „дисциплину“ на себя наложить въ какомъ-нибудь монастырѣ... Ты отъ сатаны посланецъ, ей-Богу! выговорилъ онъ.—Помнишь, я сказывалъ, когда все изъ Варшавы прiѣдетъ, то я тебѣ покажусь краше, а вышло-то совсѣмъ наоборотъ. Ты въ сто кратъ красивѣе стала!

Дѣйствительно, молодая дѣвушка, въ нунцовомъ бархатномъ платьѣ, расшитомъ серебромъ, и затѣмъ со всякими украшеніями: серьгами, брошью и браслетами, да къ тому же въ прелестныхъ ажурныхъ башмачкахъ на маленькихъ и — по модѣ — босыхъ ножкахъ, была очаровательна. Она болѣе чѣмъ когда-либо походила на то, чѣмъ окрестилъ ее панъ Сандецкій — на дьяволенка.

XIII.

Одновременно съ прибытіемъ фургона, явился изъ Варшавы гонецъ отъ Кàроля и привезъ письмо, имѣвшее огромное значеніе.

Кàроль сообщалъ отцу, что разграниченіе между Польшей и Пруссіей должно произойти въ самомъ скоромъ времени. При этомъ онъ сообщалъ, что граница, дѣйствительно, пройдетъ прямо по Сталупенямъ, по селу и зàмку, и что, къ несчастію, Сталупени отходятъ Прусскому королю.

Причина на это была глупая, а между тѣмъ естественная. И Кàроль подробно передавалъ въ письмѣ главныя основанія, принятыя для раздѣла.

Границу предполагалось проводить по урочищамъ, рѣкамъ, ручьямъ, оврагамъ, болотамъ и т. д. Граница, по плану, должна была пройти по большому болоту, которое было верстъ за пять отъ Сталупеней, и затѣмъ продолжала слѣдовать по рѣчонкѣ Вислейкѣ, которая проходила мимо Сталупеней.

Такъ какъ, конечно, могло случиться, что какое-либо урочище раздѣлитъ чье-либо большое помѣстье, какого-либо магната или шляхтича, пополамъ, то предположено было, ради законности, не дѣлить этого помѣстья на-двое.

Не могъ же панъ-владѣтель быть насильственно лишенъ своего состоянія, хотя бы и продажей, и не могъ же онъ одновременно сдѣлаться польскимъ и прусскимъ подданнымъ. Поэтому принято было основаніемъ или временнымъ закономъ при раздѣлѣ слѣдующее:

Если урочище, а главнымъ образомъ рѣка или хотя бы простой ручей, проходитъ такъ, что отдѣляетъ земли отъ зàмка, то все помѣстье должно было отходить къ тому государству, къ которому примыкаетъ отдѣленный урочищемъ зàмокъ.

На великое горе, поганая рѣчонка Вислейка протекала такъ, что селеніе Сталупени и огромное количество земель оставалось со стороны Польши, а самый зàмокъ — со стороны Пруссіи, слѣдовательно, будущая граница двухъ государствъ долженствовала пройти по границѣ земель пана Сандецкаго, и все помѣстье должно было отойти Прусскому королю.

Прочитавъ посланіе сына, панъ Ксаверій заперся у себя и цѣлый день никого не принималъ. Никогда за всю жизнь не было ему такъ тяжко и такъ грустно, какъ въ этотъ день.

Сандецкій былъ патріотъ; вдобавокъ онъ любилъ свое отечество именно, какъ сказывается, сыновнею любовью. Быть отрѣзаннымъ отъ Польши, сдѣлаться нѣмецкимъ подданнымъ Прусскаго короля—было бы для него ударомъ, который трудно казалось и пережить.

Панъ тѣмъ болѣе досадовалъ, что все это приключается изъ-за глупой подробности, изъ-за пустяковъ. Пройди проклятая рѣчонка иначе или выстрой дѣдъ его зàмокъ на другомъ мѣстѣ, на другой сторонѣ этой рѣчонки, панъ остался бы польскимъ подданнымъ.

Когда ввечеру кто-то постучался въ дверь, Сандецкій грозно отвѣтилъ:

— Убирайся къ чорту!

Стукъ въ дверь повторился снова.

— Говорятъ толкомъ: къ чорту уходи! крикнулъ панъ.

— Стало-быть, къ себѣ самой? раздался голосъ Франуси.

— А! ты это? Ну, къ себѣ самой... Нѣтъ, постой!

Сандецкій всталъ, отворилъ дверь и впустилъ Франусю, которая появилась въ черномъ шелковомъ платьѣ и вообще съ такими прикрасами, которыя были трауромъ.

— Что это ты нынче? Точно съ похоронъ!

— Такъ слѣдуетъ одѣваться всякой истинной полькѣ, отозвалась Франуся. — Панъ долженъ знать то, о чемъ говорятъ всѣ въ зàмкѣ... Мы умираемъ.

— Кто?..

— Мы всѣ... и панъ. Всѣ живущіе въ Сталупеняхъ. Мы отходимъ къ Прусскому королю. Это смерть гражданская...

— Умница ты, Франуся. Иди сюда! Садись. Да, правда твоя, это — смерть.

И Сандецкій сталъ толковать съ дѣвушкой и разсказывать ей все, что писалъ Кàроль. Первый разъ случилось Сандецкому вести дѣловой разговоръ съ дѣвушкой. До сихъ поръ они болтали о всякихъ пустякахъ. Она кокетничала, а онъ любовался ею.

Теперь же Франуся не смѣялась, не дѣлала глазки, не вертѣлась бѣсенкомъ. Она сидѣла серьезная, положивъ красиво сжатый кулачокъ на столъ, точно какой судья въ трибуналѣ. Разсуждала она медленно, задумчиво, почти угрюмо, говорила вообще все очень разумно, и наконецъ замолчала.

Прошло въ полной тишинѣ около получаса. Франуся все молчала, а Сандецкій любовался ея серьезною и задумчивою фигурой, изображавшей якобы маленькаго судью, красиваго и миловиднаго.

— О чемъ ты задумалась? спросилъ онъ наконецъ.

— О важномъ дѣлѣ, панъ... Думала-думала и кажется придумала. Чтò мнѣ дастъ панъ, чѣмъ наградитъ меня, если я сдѣлаю такъ, что панъ не будетъ подданнымъ Прусскаго короля, а останется подданнымъ Рѣчи Посполитой?

— Что ты, съ ума сошла?

— Нѣтъ, панъ, не сходила съ ума. А пусть панъ скажетъ: чѣмъ меня наградитъ?

— Да это не въ твоей власти... Да я и не знаю, пани... я тебѣ цѣлое состояніе подарю. Ну, пятьдесятъ или сто тысячъ злотъ подарю...

— Это очень немного...

— Ну, мало — двѣсти подарю... триста...

— И этого мало...

— Ишь ты какая! Такъ неужто же мнѣ отдавать тебѣ половину всего моего состоянія?..

— И этого, панъ, мало... Вѣдь подумать только, чего стоитъ это! Панъ останется полякомъ. Вѣдь это что-нибудь да стоитъ!

— Да глупая ты! Не могу же я отдать тебѣ все свое состояніе. Отдать вотъ Сталупени, остаться полякомъ и пойти нищимъ по большой дорогѣ.

— Я этого не требую.

— А чего же ты требуешь?

— А сдѣлать такъ, чтобы состояніе пана, пожалуй хоть все или половина, было моимъ, оставаясь панскимъ.

— Ужь этого я и не пойму...

— Чудно, панъ! Кажется, понять легко. Пойти намъ вмѣстѣ, только такъ пойти, чтобы не мимо храма...

— А въ самый храмъ! воскликнулъ Сандецкій.

— Да, панъ Ксаверій, въ самый храмъ.

— Да. Это, милый дьяволенокъ, не глупо! И даже чѣмъ больше я на тебя смотрю и чѣмъ больше тебя слушаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мнѣ другаго и дѣлать нечего. Даже если я и въ прусскіе подданные попаду, то и тогда мнѣ другаго дѣлать нечего. Меня теперь, по правдѣ, только одно и смущаетъ, что я, какъ дуракъ, влюбился въ ту же дѣвушку или въ того же бѣсенка, въ котораго влюбленъ мой сынъ. Вотъ что меня смущаетъ! А не будь этого...

И панъ Ксаверій махнулъ рукой.

— Тутъ важно не это, панъ. Важно то, что *я* люблю не сына, а отца. Бросимъ этотъ глупый разговоръ и будемъ говорить о важномъ. Обѣщается-ли панъ честнымъ словомъ Ксаверія Сандецкаго, что женится на Францискѣ Дзялынской, если при ея помощи и по ея совѣту останется польскимъ подданнымъ.

— Да Вислейка-то? Вѣдь ты болтаешь, не зная... Вислейка-то поганая...

— Нѣтъ, она не поганая, панъ. Она милая, хорошая. Что воды-то въ ней совсѣмъ нѣтъ? Надо молиться Пресвятой Дѣвѣ и благодарить Ее за то, что въ Вислейкѣ воды нѣтъ. Да, вотъ панъ Ксаверій умный человѣкъ, а этакая дѣвушка какъ я, много моложе его, догадалась, додумалась до того, до чего онъ не додумался. А вѣдь мнѣ ровно на тридцать три года меньше, чѣмъ пану. Панъ втрое дольше меня имѣлъ время думать, живя на свѣтѣ.

— Такъ говори, въ чемъ дѣло?

— Ничего не скажу! Прежде всего—слово, что если панъ Ксаверій Сандецкій останется польскимъ подданнымъ, а граница прусская пройдетъ по границѣ его владѣній, оставивъ его за Рѣчью Посполитой, то въ этомъ замкѣ появится законная супруга пана Ксаверія, по имени панна Франциска.

— Дай подумать, дьяволенокъ.

— Думать тутъ совершенно не о чемъ. Дѣло совершенно простое. Станетъ панъ прусскимъ подданнымъ, онъ этого не переживетъ. Да и какой же истинный полякъ можетъ пережить такую обиду и такой срамъ?..

— Это вѣрно, Француся...

— Слѣдовательно, что же выбирать? Или тоскливую жизнь и смерть, или счастливую, веселую жизнь со мной. Неужто выборъ мудреный?

— Ахъ, чортъ тебя побери! воскликнулъ Сандецкій.— Да впрочемъ, нѣтъ... Сама ты сатана. Ну, вотъ что я тебѣ отвѣчу. Подождемъ пріѣзда Кароля. Какъ онъ отнесется ко всему этому... Коли онъ уступитъ тебя мнѣ—согласенъ.

— Онъ не имѣетъ никакого права уступать или не уступать.

— Все равно дождемся Кароля. Если Кароль согласится и если ты дѣйствительно дьявольски придумала какъ мнѣ избавиться отъ прусскаго подданства, то тогда что же дѣлать... Тогда будешь панной Сандецкой.

Француся поднялась, улыбнулась и протянула руку Сандецкому.

— Съ удовольствіемъ! отозвался панъ, цѣлуя руку.— Пожалуй, и другую поцѣлую...

— Нѣтъ, этого будетъ слишкомъ много... Довольно покуда и одной... А теперь я пойду, сейчасъ же сниму весь этотъ черный туалетъ, надѣну праздничный и явлюсь къ вамъ снова.

Панъ Сандецкій остался одинъ и задумался. Но онъ думалъ уже не о томъ, что ему грозитъ прусское подданство, а о томъ, что хотя и много женщинъ видѣлъ онъ на свѣтѣ, которыхъ любилъ, которыми былъ любимъ, но такой, какъ эта Француся, не встрѣчалъ.

„Въ ней что-то есть!“ говорилъ онъ.—„А что—опредѣлить очень мудрено. Въ ней не одна жизнь кипитъ и бурлитъ—въ ней будто три жизни. Три красивыя дѣвушки въ ней живутъ и всѣ три кипятятся, жить хотятъ...“

„Сущій сатаненокъ!“ думалъ панъ и задумывался надъ вопросомъ: можетъ-ли молодая и красивая семнадцатилѣтняя дѣвушка полюбить пятидесятилѣтняго человѣка.

„Да“, рѣшалъ Сандецкій, и прибавлялъ:—„но едва ли эта—тебя“.

XIV.

Панна Франциска Дзялынская, которою Сандецкій былъ уже серьезно увлеченъ, была дѣйствительно личностью не только недюжинною, но въ нѣкоторомъ отношеніи исключительною.

Хотя она и была дочерью бѣднаго шляхтича, самаго простаго смертнаго, скромнаго и недалекаго, который съ большимъ трудомъ добился мѣста фермера, но ни капли не походила на отца. И она, и ея старшая сестра, Эльжбета, не имѣли даже ничего общаго съ тихимъ, мягкимъ и отчасти робкимъ шляхтичемъ.

Дзялынскій былъ дуренъ собой, а обѣ дочери были красавицы. Онъ былъ человѣкъ ограниченный, а дочери были очень умны. Онъ былъ человѣкъ болѣе чѣмъ смирный, безвольный, а дѣвушки, напротивъ, очень бойки и предпріимчивы.

Обѣ сестры уродились въ породу своей матери. Ихъ мать, бывшая пѣвица при дворѣ Саксонскаго короля, послѣ довольно бурной жизни, вышла замужъ за Дзялынскаго, двадцатитрехлѣтняго человѣка, имѣя сама уже подъ сорокъ лѣтъ. Она была женщина красивая, но опять-таки дочери и на нее походили мало.

Уродились онѣ вполнѣ въ свою бабушку. По словамъ пани Дзялынской, обѣ дочери ея, чрезвычайно похожія одна на другую, какъ могутъ походить только близнецы, были вѣрнымъ портретомъ ея собственной матери. А бабушка Эльжбеты и Франуси была замѣчательная красавица южнаго типа и сомнительнаго происхожденія. Она всегда скрывала, откуда и кто она родомъ.

Дзялынская, часто разговаривая съ дѣвочками объ ихъ бабушкѣ, называла ее то гречанкой, то молдаванкой, то итальянкой и, наконецъ, однажды созналась, что она и сама вѣрно не знаетъ, къ какой ея мать народности принадлежала.

Въ дѣйствительности эта бабушка была полугречанка, полутурчанка по крови и фанаріотка. О томъ, какъ прошла жизнь бабушки, Дзялынская подробно дочерямъ избѣгала разсказывать, а говорила только, что жизнь бабушки прошла съ большими приключеніями.

Такъ какъ Дзялынская не стѣснялась разсказывать дочерямъ нѣкоторыя свои похожденія, передавая все только въ мягкой формѣ, то дѣвушки могли легко догадаться, что жизнь бабушки была, стало-быть, еще удивительнѣе.

Двѣ сестры были поразительно похожи одна на другую даже въ мелочахъ. Разница была въ томъ лишь, что старшая была энергичнѣе и рѣшительнѣе младшей.

Обѣ онѣ были большія мечтательницы и, будучи очень дружны между собой, повѣряли одна другой все.

Онѣ наивно не догадывались и не знали, что были обѣ крайне честолюбивы и требовали отъ жизни почти несбыточнаго.

— Женщина красивая, умная и смѣлая можетъ достигнуть всего, чего захочетъ! говорила Эльжбета.

— Ты всего достигнешь, чего пожелаешь, отзывалась Франуся,—а я нѣтъ... Я не съумѣю!

А между тѣмъ, теперь какъ будто судьба помогала ей. Она будто вдругъ чудомъ очутилась въ богатомъ зáмкѣ магната, и между ними уже шелъ разговоръ не о чемъ иномъ, какъ о законномъ бракѣ.

Сидя теперь у себя въ комнатахъ, заваленныхъ всевозможными дорогими вещами, Франуся невольно удивлялась. Ей казалось, что тѣ мечты, о которыхъ такъ часто бесѣдовали онѣ съ сестрой, собственно были не мечты. Все это очень легко достается... Легче, чѣмъ она думала...

Дала-ли она себѣ хоть малѣйшій трудъ, чтобы заставить молодаго Кáроля полюбить себя? Никакого! А много-ли ловкости или кокетства потратила она, чтобы самъ, пожилой уже, каштелянъ влюбился въ нее? Очень мало!

Впрочемъ, иногда Франусю смущала именно та быстрота, съ которою все произошло. Ей казалось, что все что легко дается—непрочно. А все случившееся съ ней за послѣдніе дни—далось чрезвычайно легко

Вѣдь еще нѣсколько дней тому назадъ она была въ маленькой комнатѣ у небогатаго ксендза, и судьба обрекала ее на всю жизнь быть простой господынеѣ провинціала, то-есть обрекала на положеніе совершенно двусмысленное, къ которому народъ относится всегда съ легкимъ презрѣніемъ и съ постоянной усмѣшкой... А теперь она почти уже невѣста одного изъ самыхъ богатыхъ людей Рѣчи Посполитой.

И Франуся чувствовала минутами, что у нея какъ бы кружится голова. Ей казалось, что она сразу, какою-то невидимою силой была поднята на страшную высоту, поставлена на ноги и покинута. Эта невидимая сила исчезла и только шепнула ей: „Ну, теперь смотри, держись сама!"

Вернувшись вечеромъ къ себѣ, Франуся долго думала о томъ, что сказала, но не пояснила пану Сандецкому. Она дѣйствительно додумалась, какимъ образомъ Сталупенямъ остаться за Польшей, а Сандецкому не дѣлаться насильственно прусскимъ гражданиномъ.

Однако Франуся не была еще вполнѣ убѣждена, что зародилось въ ея головѣ вѣрная ли догадка, или пустая мечта.

XV.

На утро, поднявшись очень рано, дѣвушка приказала доложить пану, что желаетъ имѣть четырехъ провожатыхъ домовниковъ для прогулки по парку и по селу. Франуся даже не прибавила, что эта свита должна была защитить ее на случай встрѣчи съ отцомъ Викентіемъ. Она уже перестала опасаться ксендза. Свита была нужна для иной цѣли.

Черезъ полчаса явился лакей и попросилъ панну къ каштеляну

Франуся нашла Сандецкаго, ожидавшаго ее уже въ шапкѣ и съ саблей.

— Никакой свиты тебѣ, панна, не нужно! Я самъ съ тобой пойду гулять. И знаешь-ли ты, почему?..

— Панъ догадался, зачѣмъ я собралась гулять?

— Да, догадался.

— Стало-быть все пропало! воскликнула Франуся.

— Что пропало?

— Я ставила условіемъ, что если панъ останется полякомъ по моей милости, то долженъ вознаградить меня... сказано чѣмъ. Теперь же, если панъ самъ догадался, то честь принадлежитъ уже не мнѣ. Панъ мнѣ ничѣмъ не обязанъ и награждать меня не станетъ.

— Нѣтъ, панна! Прежде всего, панъ Ксаверій Сандецкій—честный человѣкъ и никогда никого не обманывалъ. И тебя, панна, я не обману. Дѣйствительно, я догадался въ чемъ дѣло, но не будь у насъ вчерашняго разговора, не скажи ты мнѣ, что есть средство отдѣлаться отъ пруссаковъ, самъ бы я никогда до этого не додумался.

— Почему?

— Да Богъ знаетъ! А такъ какъ ты надоумила меня, то все-таки я всѣмъ буду обязанъ тебѣ. И если это удастся...

— Я буду женой пана?

— Да, если Кáроль это позволитъ...

— Но Кáроль, панъ, не имѣетъ... раздражительно воскликнула Франуся.

Сандецкій протянулъ руку и выговорилъ рѣшительно.

— Довольно объ этомъ. Повторяю—все зависитъ отъ Кáроля. Если онъ безумно любитъ тебя, то и ты должна полюбить его и выходить за него замужъ. Я у сына отбивать любезную не стану. Много я всякихъ чудесъ натворилъ въ жизни, даже сосѣдей-шляхтичей судилъ и приговаривалъ къ смертной казни, но всему есть мѣра. Ну, пойдемъ, панна, въ обходъ!

И каштелянъ, вмѣстѣ съ Франусей, одѣтой на этотъ разъ въ красивое шерстяное платье темно-лиловаго цвѣта, двинулся въ большія ворота. Они направились прямо къ Сталупенямъ, но дойдя до мостика, повернули вдоль берега.

Здѣсь панна разсмѣялась и, указавъ одно мѣсто, разсказала Сандецкому, какъ она, ночью, вмѣстѣ съ Кáролемъ, переходила въ бродъ.

— И вотъ, вѣдь эта необходимость спасаться въ бродъ имѣла великое значеніе. Не случись этого со мной, я бы никогда не обратила вниманія и не замѣтила, что эта рѣчонка мелка и даже не стоитъ названія рѣчки. Вотъ какъ все бываетъ на свѣтѣ! А теперь вся сила въ этомъ... Судьба пана и моя судьба зависятъ отъ этой рѣчки. Или, лучше сказать, все стало зависѣть отъ того, что я когда-то переправлялась здѣсь въ бродъ и по себѣ узнала, что эта Вислейка—простой ручей.

Сандецкій и Франуся двинулись далѣе, все вдоль берега, и такимъ образомъ обошли весь холмъ, на которомъ помѣщался зáмокъ и часть парка. Уже очутившись въ паркѣ, они прямо прошли снова черезъ надворныя строенія, снова были въ воротахъ, снова на томъ же мѣстѣ, откуда начали свою прогулку, но затѣмъ взяли влѣво и пошли вдоль холма по противоположной сторонѣ.

Все время, что длился этотъ второй обходъ съ западной стороны зáмка, и Сандецкій, и Франуся упорно молчали, озирались, наконецъ поглядѣли другъ другу въ глаза и разсмѣялись.

Лицо Франуси было почти восторженно-счастливое. Сандецкій тоже сіялъ.

— Скажи, панне, возможно-ли сдѣлать это... Такъ-то глазами я вижу, что возможно. Но сколько надо народу, сколько времени и сколько денегъ — этого я знать не могу

— Время, народъ и деньги—во власти людей, Франуся. Главное уже сдѣлано. И знаешь ли ты, что главное?.. Главное то, что вотъ этотъ, стоящій предо мной, дьяволенокъ додумался хитроумно до пустяка! Вотъ что главное!.. А времени у насъ недѣли двѣ навѣрное. Народу въ Сталупеняхъ довольно, а денегъ,

Передъ кондитерской. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Козачинскаго, автотипія мастерской „Нивы".

сама знаешь, никакихъ не нужно. Только вотъ что́, дорогая моя... Объ одномъ ты не подумала, а я думаю и смущаюсь... Еще одно важно—соблюденіе тайны. За своихъ рабовъ я отвѣчаю, никто слова не промолвитъ, но нѣкоторые изъ сосѣдей...

Сандецкій вздохнулъ, потомъ махнулъ рукой и прибавилъ:

— Ну, да чортъ съ ними! Я полагаю такъ, что съ помощью Божіей дѣло уладится.

Они вернулись въ за́мокъ. Сандецкій приказалъ послать къ себѣ молодаго домовника-шляхтича, который умѣлъ рисовать. Франуся хотѣла идти къ себѣ, но Сандецкій остановилъ ее.

— Нѣтъ, пани, иди тоже ко мнѣ. Мы вмѣстѣ займемся.

Черезъ нѣсколько минутъ Сандецкій, Франуся и молодой человѣкъ, вызванный имъ, сидѣли за столомъ, на которомъ былъ развернутъ планъ всего уѣзда и въ томъ числѣ, конечно, были обозначены отдѣльною краской помѣстья пана Сандецкаго.

Рѣчонка, протекавшая между за́мкомъ и селеніемъ, къ которой съ такимъ презрѣніемъ относились всегда владѣльцы за́мка изъ рода въ родъ, теперь получала громадное значеніе.

Сколько разъ отецъ и дѣдъ Сандецкаго жалѣли, что при великолѣпномъ за́мкѣ нѣтъ красивой широкой рѣки. А теперь это было бы погибелью.

— Ну, бери перо! скомандовалъ Сандецкій, весело улыбаясь Франусѣ.—И ты тоже! обернулся онъ къ шляхтичу.—Бери перо, давай чертить.

И они стали чертить по плану, вспоминая, конечно. мѣстность. Работа ихъ была простая. Они на картѣ переносили рѣчку Вислейку съ восточной стороны за́мка—на западную.

Мѣстность на западъ отъ за́мка подъ холмомъ была тоже довольно низменная, поросшая кустарникомъ. Отвести русло рѣчонки въ эту сторону и провести вдоль холма было дѣломъ, конечно, не легкимъ, но возможнымъ.

Почертивши, они стали разсуждать, сколько потребуется на эту работу времени и людей. Оказалось, что сдѣлать новое русло на западной сторонѣ и засыпать старое, даже засадить кустарникомъ—на все необходимо было около мѣсяца.

— Вздоръ это! воскликнулъ Сандецкій. — Будемъ работать и день и ночь, и сдѣлаемъ гораздо скорѣе.

И поднявшись съ мѣста, Сандецкій прочиталъ молитву, а затѣмъ приказалъ молодому домовнику послать къ себѣ нѣсколько другихъ домовниковъ изъ самыхъ умныхъ. Въ томъ числѣ былъ позванъ и старикъ Заремба.

Франуся осталась въ кабинетѣ пана-каштеляна и уже отчасти важно сидѣла на большомъ креслѣ. Предъ ней появились всѣ нахлѣбники и, раскланявшись съ паномъ, кланялись и ей.

По ихъ поклонамъ можно было догадаться, что положеніе Франуси въ за́мкѣ уже стало совершенно иное. Они будто чуяли въ ней будущую, а быть-можетъ уже и настоящую повелительницу.

Всѣмъ своимъ домовникамъ Сандецкій показалъ планъ и объяснилъ дѣло. Всѣ были въ восторгѣ, клялись и божились, что это — геніальная выдумка и что только такой удивительно-умный человѣкъ, какъ ясновельможный панъ, могъ выдумать такое средство спасти себя и всѣхъ отъ Фридриха.

— Надумалъ не я, заявилъ наконецъ Сандецкій.— Надумалъ другой человѣкъ—и человѣкъ этотъ требуетъ большаго вознагражденія. Не знаю, сто́итъ-ли на это идти. Какъ вы полагаете?

— Какъ можно, панъ! отвѣчали гвалтомъ домовники,— за такое дѣло, за такой совѣтъ, можно все отдать, можно четверть состоянія отдать.

Сандецкій, хитро ухмыляясь, только поглядывалъ искоса на Франусю. Она усмѣхалась, но нѣсколько гордо и важно.

„Сущая королева на тронѣ сидитъ!“ думалъ про себя Сандецкій, глядя на дѣвушку.

Дѣйствительно, Франуся, сидя въ большомъ креслѣ, положила руку, украшенную перстнями и браслетами, которые ярко сіяли, на край кресла, а сама, выпрямившись немножко, откинула голову назадъ и смотрѣла на всѣхъ въ полъ-оборота, почти черезъ плечо.

Когда всѣ домовники вышли, Сандецкій приблизился къ Франусѣ и выговорилъ:

— Теперь я уже не сомнѣваюсь, что это дѣло совершенно возможное. Я остаюсь полякомъ, подданнымъ моего дорогаго отечества, и все это благодаря тебѣ, твоей умной головкѣ. Но теперь—что̀ скажетъ Кароль. Мы ему все объяснимъ—и если онъ согласится, то все будетъ ладно. Сначала мы примемся за работу, а когда Польшу и Пруссію разграничатъ, мы съ тобой отправимся въ Варшаву и тамъ, послѣ цѣлаго ряда баловъ и пировъ, о которыхъ слухъ по землѣ пройдетъ, мы будемъ вѣнчаться такъ, что намъ всѣ Потоцкіе, Чарторыйскіе и Радзивилы позавидуютъ. А мнѣ лично даже позавидуетъ самый знаменитый побѣдитель женскихъ сердецъ— король Станиславъ.

(Продолженіе будетъ).

Колесо Фортуны.

Историческій разсказъ **П. К. Полевого.**

I.

Рано утромъ, 24 ноября 1741 года, сенаторъ князь Яковъ Петровичъ Луговской проснулся въ своей уютной и теплой опочивальнѣ, откинулъ пестрый, китайчатый пологъ кровати и залюбовался на причудливые узоры, которыми трескучій морозъ снизу до верху разрисовалъ стекла окна, выходившаго на набережную Невы. Ярко-красные лучи солнца, только-что поднявшагося изъ-за крыши сосѣдняго дома, дополняли узоры мороза, придавая имъ то огнистый блескъ алмазовъ, то радужные переливы и оттѣнки перламутра.

„Прошка ставни открылъ—значитъ пора вставать и за дѣло приниматься!“ подумалъ Яковъ Петровичъ, потягиваясь на мягкомъ пуховикѣ и поворачиваясь на-бокъ, съ благороднымъ намѣреніемъ подняться съ постели. „А дѣла много, такъ много, что, право, не передѣлать всего, какъ ни бейся, какъ ни работай!“

И при этой мысли о работѣ, Якову Петровичу пришли на память тѣ груды дѣлъ, которыя вчера принесъ къ нему изъ Сената экзекуторъ Дурновъ; припомнились и тѣ товарищи-сенаторы, среди которыхъ онъ засѣдалъ уже болѣе полугода—всѣ эти весьма ужь пожилые и даже старые генералъ-шефы и статскіе дѣйствительные совѣтники, которые весьма охотно сваливали на Якова Петровича всю работу, какъ на ретиваго работника и надежнаго дѣльца.

„И всего-то мнѣ 36 лѣтъ,“ продолжалъ уже съ нѣкоторымъ довольствомъ думать Луговской,—„а между какими знатными, какими именитыми персонами я засѣдать призванъ! А все отъ кого? Отъ благодѣтеля моего, отъ графа Михаила Гавриловича Головкина—отъ него всѣ милости ко мнѣ... Отъ него и вознесенъ, и обласканъ я... Да чего еще! Отъ него же и *кавалеріею* обнадеженъ! Шутка-ли? Черезъ плечо-то какъ повѣсятъ?“

И Яковъ Петровичъ невольно улыбнулся при мысли о предстоящей блестящей служебной карьерѣ, которую дѣйствительно могъ доставить ему графъ Головкинъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ вельможъ при дворѣ правительницы Анны Леопольдовны, матери младенца-императора Іоанна Антоновича.

„Да, много мнѣ благодѣтель мой и благосклонности выказываетъ, и ласки... И даже намекалъ черезъ супругу свою, графиню, что онъ не прочь бы и породниться со мною... Невѣста въ домѣ и на возрастѣ—и мнѣ по нраву пришлась... Ну, и не безприданница какая-нибудь...“

И Якову Петровичу представились довольно ясно и отчетливо спокойные дни отдыха, въ концѣ жизни, среди живописной деревенской глуши, среди своей семьи и сосѣдей-пріятелей... Но эти мирныя мечты были внезапно нарушены какимъ-то страннымъ шумомъ, какими-то чуждыми, непривычными звуками, доносившимися, повидимому, изъ диванной. Тамъ какъ будто въ ступѣ пестомъ толкли, а потомъ какъ будто стекло звенѣло и дребезжало, и явственно доносился какой-то невнятный смѣхъ и говоръ.

Яковъ Петровичъ, человѣкъ степенный и положительный, былъ въ домѣ своемъ строгимъ хозяиномъ и никакихъ безпорядковъ не терпѣлъ. Вся прислуга у него, по прадѣдовскому обычаю, по струнѣ ходила.

„Что это за шумъ?“ думалъ онъ, поспѣшно подымаясь съ постели.—„Спозаранокъ и вдругъ какую возню затѣяли! Грозы давно не видѣли...“ Эй, Прошка! Прошка! закричалъ сенаторъ.

Но исполнительный и точный Прошка не откликался и не являлся на зовъ Якова Петровича. Тогда, накинувъ на ходу халатъ, Яковъ Петровичъ быстро очутился у двери въ сосѣднюю комнату и на порогѣ ея почти столкнулся со старымъ, сѣдымъ слугою, въ поношенномъ нѣмецкомъ платьѣ съ барскаго плеча и въ какихъ-то широчайшихъ валенцахъ.

— Куда ты запропалъ? сердито крикнулъ на него Яковъ Петровичъ. — Тебѣ бы тутъ надлежало быть. а я тебя кричалъ—не докричался...

— И все тутъ былъ! недовольно и хмуро отвѣчалъ старый слуга.—Да мнѣ вѣдь не разорваться тоже! И здѣсь будь — и туда поспѣвай!

— Куда *поспѣвай*? Что ты городишь?

— А вонъ туда — въ диванную! Вашего братца унимать... двоюроднаго... Принесла его нелегкая... прости Господи!

— Ты это про Семена Павловича? Да развѣ здѣсь онъ?

— Вѣстимо здѣсь. Онъ тамъ и кутерьмитъ! Никакъ часа ужъ три съ нимъ вожимся!.. Всю вашу дворню съ ногъ сбилъ...

— Да откуда онъ вдругъ взялся? съ недовольнымъ видомъ спросилъ Яковъ Петровичъ, не очень жаловавшій братца. — Недѣлю цѣлую и глазъ не казалъ, да вдругъ...

— Прикатилъ—ни свѣтъ, ни заря! И, то-есть, пьянѣе вина! Шумѣть началъ, пѣсни пѣть... Я его унимать сталъ, а онъ только посмѣивается; а потомъ, на трескучемъ морозищѣ, мундиръ съ себя долой—да и велѣлъ себѣ голову водой обливать! Ей Богу!

— И ты, старый дуракъ, обливалъ?

— А развѣ его ослушаться можно? Онъ кочерги въ кольцо гнетъ, подкову о колѣно ломаетъ—а ты его ослушайся! Благодарю покорно! Вонъ ты и князь, и сенаторъ, а пойди-ка, уйми его, коли онъ упяться самъ не захочетъ... Ну, и пришлось его всѣмъ ублажать—всѣмъ какъ ребенка малаго тѣшить.

— Экій безпутный какой! Поди возись тутъ съ нимъ! съ досадою проговорилъ Яковъ Петровичъ.—Хоть бы спать завалился поскорѣе!

— Какой тамъ сонъ! Ужь мы его пытали укладывать... Такъ нѣтъ! Говоритъ: съ братцемъ видѣться желаю и по душѣ поговорить... Едва-едва мы уломали его, чтобы тебя-то не разбудилъ. Твой сонъ оберегая, всѣмъ его умасливать старались... Тамъ въ диванной сидитъ теперь—опохмѣляется!

— Ну, дѣлать нечего... Видно ужь пойти къ нему надо— угомонить да пристыдить его. Давай скорѣе мыться и одѣваться!

II.

Полчаса спустя, Яковъ Петровичъ вышелъ изъ опочивальни пріодѣтый, гладко выбритый, въ чистомъ батистовомъ бѣльѣ и въ сѣромъ французскомъ кафтанѣ со свѣтлыми стальными пуговицами.

Онъ не спѣша прошелъ двѣ комнаты, отдѣлявшія опочивальню отъ диванной. Впереди его шелъ Прошка, побрякивая на ходу ключами и мягко выступая по скрипучему полу въ своихъ валенцахъ.

Когда они подошли къ двери въ диванную, изъ-за нея слышалось треньканье балалайки и топотъ босыхъ ногъ, усердно отбивавшихъ въ тактъ музыки какую-то пляску; а чей-то звучный и громкій голосъ въ перемежку со смѣхомъ, восклицалъ:

— Такъ-такъ! Важно!.. Любо... Ходи браво, чортъ кучерявый! Лихо!

„Ужь какъ мужъ жену училъ,
Щепетливенько водилъ—
По крапивѣ босикомъ,
По морозцу....“

Тутъ Прошка распахнулъ дверь въ диванную, и Яковъ Петровичъ съ недовольнымъ и нѣсколько-озадаченнымъ видомъ остановился на порогѣ. Картина, которую онъ окинулъ взглядомъ, была дѣйствительно курьезна и не могла понравиться степенному сенатору...

На диванѣ, по-турецки подкорчивъ ноги, сидѣлъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, красивый молодой человѣкъ, богатырскаго роста и сложенія,—сидѣлъ босой, полуодѣтый. Воротъ рубахи его, разстегнутый и разорванный, былъ широко открытъ на высокой, волосатой груди. Густые черные кудри, недавно смоченные обильнымъ поливаньемъ, липли ко лбу его и къ щекамъ, и спускались на самые глаза—полуоткрытые, утомленные, но весело и привѣтливо смотрѣвшіе изъ-подъ густыхъ бровей. Въ могучихъ рукахъ этого богатыря была балалайка, на которой онъ ловко подыгрывалъ, прищелкивая ногтемъ въ тактъ пляски двухъ босоногихъ дворовыхъ мальчугановъ, которые изъ силъ выбивались, то сѣменя ноженками, то пускаясь въ присядку, по знаку Семена Павловича. На столикѣ, придвинутомъ къ дивану, поставлена была закуска: сулея съ виномъ, жбанъ съ квасомъ, чарки и стаканы, которые дребезжали, вторя пляскѣ... А между тѣмъ около дверей въ сѣни столпилась вся прислуга Якова Петровича. Одинъ изъ слугъ бережно держалъ въ рукахъ треуголку гвардейца, другіе — мундиръ, палашъ съ широкой кожаной портупеей и громадные ботфорты со шпорами... Кругомъ на стульяхъ были разбросаны камзолъ, перчатки, епанча, парикъ съ помятыми буклями.

— Семенъ Павловичъ! укоризненно проговорилъ Луговской, обращаясь къ братцу-гвардейцу. — Побойся Бога! Въ умѣ-ли ты... Добрые люди встаютъ, за дѣло принимаются... А ты ужь и уготованъ—и весь мой домъ на-изнанку выворачиваешь. Ну, на кого похоже?..

Семенъ Павловичъ, бросивъ балалайку въ сторону, махнулъ рукою плясунамъ, чтобы они остановились, и предобродушно взглянулъ на братца-сенатора.

— Ты, Яшенька, говоришь: добрые люди встаютъ, за дѣло принимаются... А я не могу за дѣло приняться—потому я не ложился еще вовсе! Не могу—дай прежде выспаться... Ты это пойми!

— Вольно же тебѣ о-сю-пору бѣса тѣшить, безпутный ты человѣкъ! Ну, посмотри ты на себя,—на что похожъ?

— Виноватъ, ваше—ссство! Проштрафился маленько! смѣясь отозвался Семенъ Павловичъ, прикладывая руку ко лбу. — Точно что пересыпалъ малость... И если-бы твой Прошка не догадался окатить меня водой, да не подалъ бы мнѣ опохмѣлиться,—я бы, братецъ, пропалъ!.. Ей-ей, пропалъ бы какъ шведъ подъ Полтавой! А тутъ вотъ эта тёшка съ хрѣномъ, да сулея съ двойнымъ виницомъ, да квасъ—заборнстый, шельмецъ!— ну, вотъ и отрезвился я, и въ образъ свой пришелъ...

— Какой тамъ *образъ*! На тебѣ и теперь лика Божія нѣтъ! Эй, Прошка, приготовь братцу постель въ верхнемъ жильѣ! А вы всѣ—вонъ отсюда! По мѣстамъ! Чего зѣваете! грозно крикнулъ Луговской на прислугу, которая мигомъ побросала на диванъ и треуголку, и палашъ, и ботфорты Семена Павловича—и выскользнула изъ комнаты.

— Хе, хе, хе! Молодцомъ распоряжаешься—люблю! заговорилъ посмѣиваясь Семенъ Павловичъ. — Ты это съ ними, по нашему, по военному—хоть и по статскимъ дѣламъ служишь... Ни дать, ни взять, какъ у насъ во фрунтѣ: *Смирно! Фузея къ но́-ги! Отмыкай багинеты!.. Правое плечо!..* Послушай-ка, сенаторъ, выпьемъ!

— Ну, тебя къ шуту съ питьемъ! сердито отозвался Яковъ Петровичъ.—Поди, проспись... Тутъ дѣлъ — берёмя цѣлое! До вечера не передѣлаешь; а онъ—съ питьемъ!

Гвардеецъ вдругъ спустилъ ноги съ дивана, поднялся во весь ростъ и, слегка покачиваясь, подошелъ къ Луговскому.

— Съ питьемъ? сказалъ онъ укоризненно. — Питьемъ изволишь попрекать меня. Да развѣ же могу я не пить, когда у насъ сегодня въ гренадерской ротѣ всѣ пили—всѣ лоскомъ полегли—вотъ какъ! Развѣ я отъ товарищей могу отстать? Самъ посуди...

— Да что же это вы?.. Съ какой же радости?

— Не съ радости, а съ горя, господинъ сенаторъ! Съ горя— понимаешь?

— Ну, ужь это смѣху подобно... Вся рота перепилась—и съ горя! Поминки, что-ли, правили?

— Не поминки; а такую, значитъ, службу намъ объявили, что просто—тьфу!

— Да говори толкомъ... въ чемъ дѣло?.. Какую службу?

— На 25-е число всей гвардіи походъ! Подъ шведа походъ! Понимаешь, *куда оно пошло!..*

— Что-же тутъ такого? Со шведомъ, второй ужь мѣсяцъ, у насъ война... Ну, вотъ туда и шлютъ...

— Эхъ, братецъ! Тутъ не въ шведѣ дѣло, а просто гвардію хотятъ отсюда выслать... У *цесаревны руки хотятъ отнять!* А на кого же мы ее, голубку нашу, покинемъ?..

— Тсс! Что ты! Что ты! заговорилъ вполголоса Яковъ Петровичъ, отмахиваясь обѣими руками и опасливо оглядываясь на дверь въ сѣни,—что ты мелешь? Поостерегся бы людей!

Гвардеецъ посмотрѣлъ на „братца“ съ насмѣшливой улыбкой:

— Трусу празднуешь, господинъ сенаторъ! Мѣстечко тепленькое потерять боишься... а!?! Понимаемъ!

— Мѣстечко! съ досадою сказалъ Луговской.—Да знаешь-ли ты, въ какое ты *мѣстечко* угодишь за эти рѣчи о цесаревнѣ?.

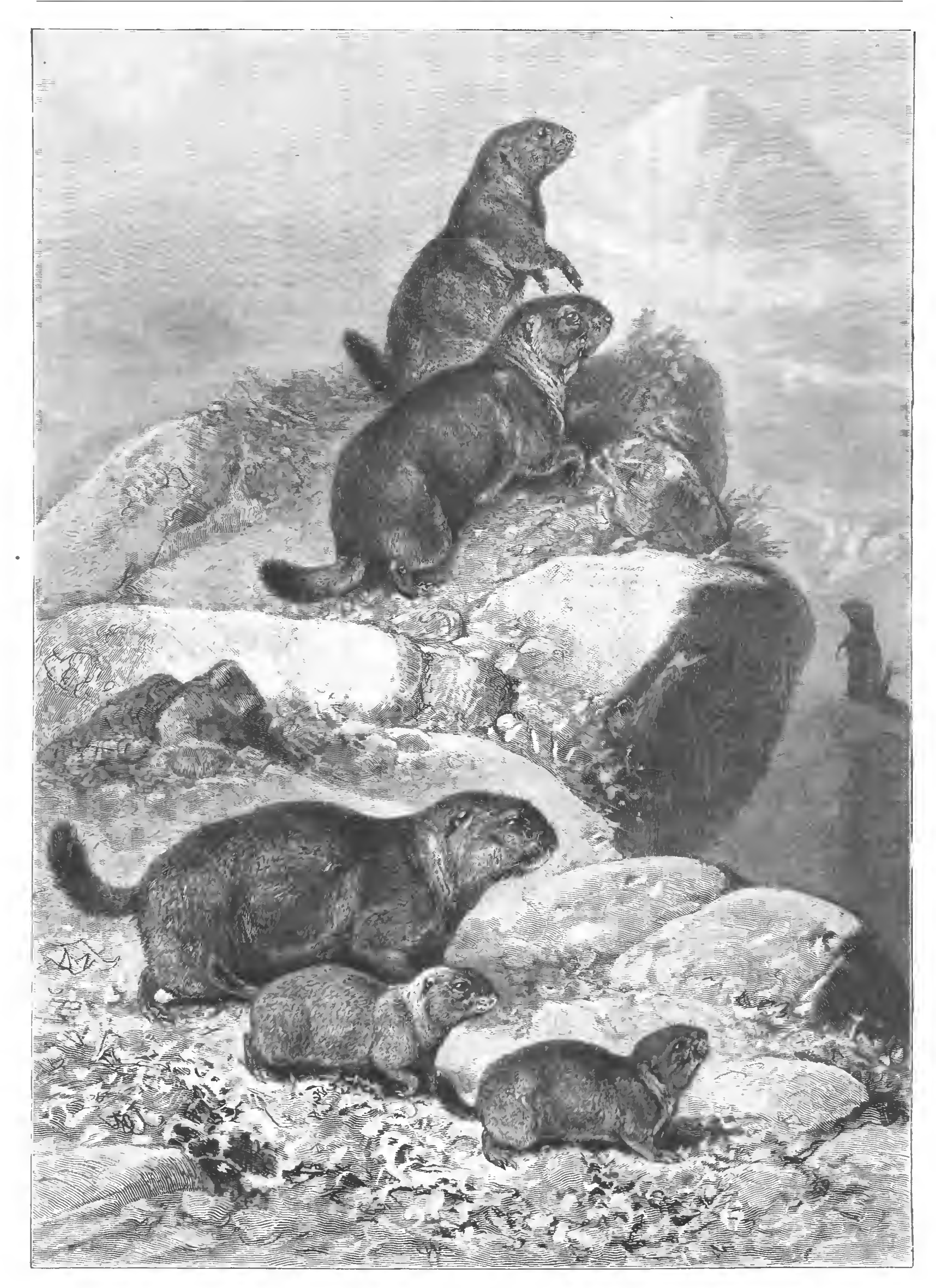
— А ты-то знаешь-ли, запальчиво заговорилъ гвардеецъ,— что если бъ цесаревна намъ, гренадерамъ, только словечко промолвила, такъ ужь давно бы въ Зимнемъ дворцѣ не правительница Анна и не ея малолѣтокъ-императоръ...

— Да ты съ пьяныхъ-то глазъ ума рехнулся! крикнулъ, наконецъ, Луговской.—Ну, развѣ статочное дѣло такъ о высокихъ персонахъ пересуживать! Вѣдь этакъ ты какъ разъ въ лапы генералу Ушакову угодишь!

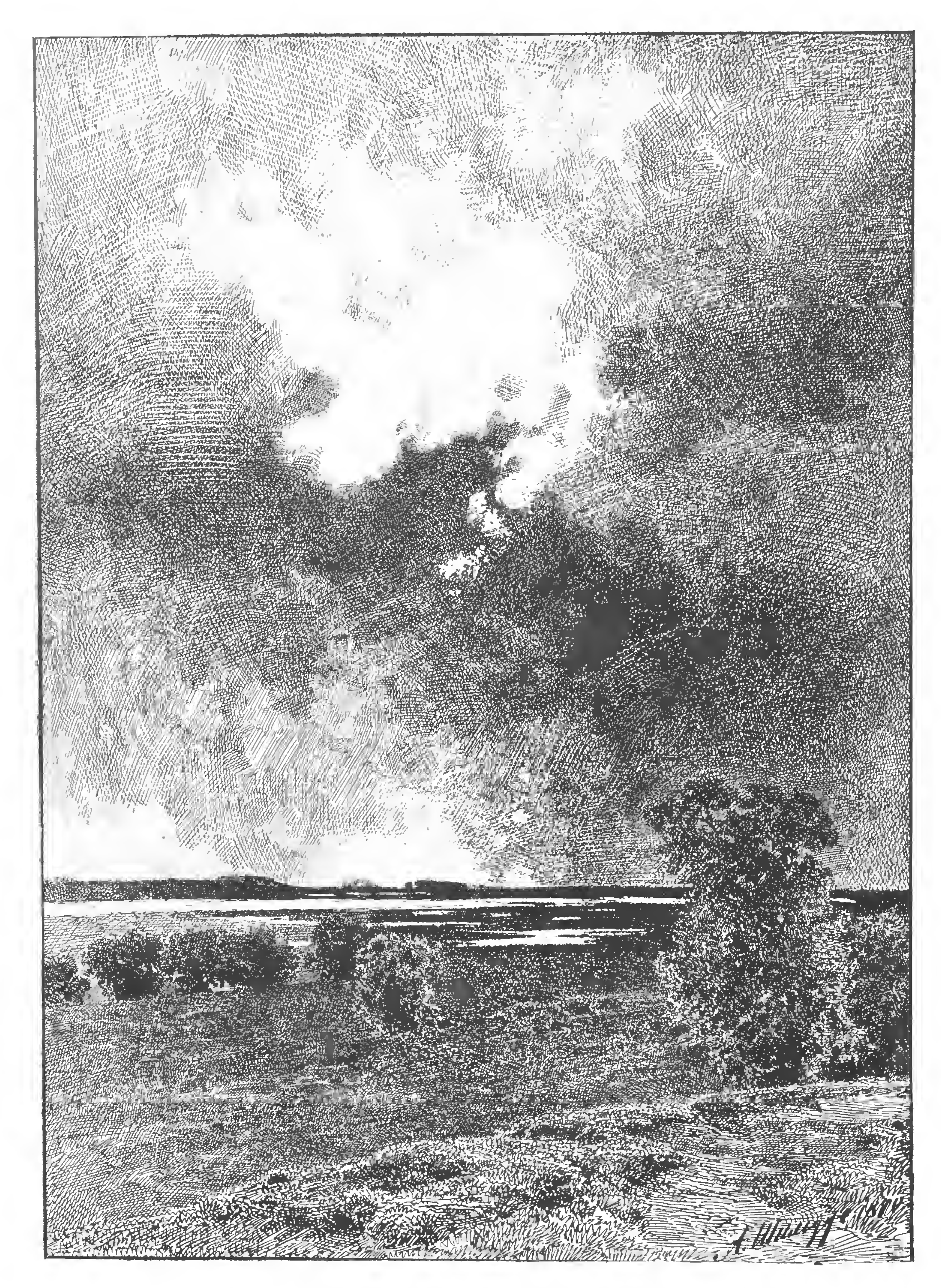
— Не страшенъ намъ! Мы только одного боимся, какъ бы тутъ безъ насъ какого зла цесаревнѣ не приключилось! Вотъ что...

— Ну, видно тебя не переслушаешь! Ложись хоть здѣсь, да выспись... Мнѣ некогда съ тобою бесѣдовать. Сегодня и такъ полдня, почитай, пропадетъ—на именины ѣхать надо, поздравить благодѣтеля и покровителя моего супругу, Екатерину Ивановну.

— Головкину графиню? переспросилъ гвардеецъ, какъ будто



Сурки (Arctomys marmotta). Рис. и грав. Шпехтъ.



Гроза. Ориг рис (собств. „**Нивы**“) **И. Шильдера**, автотипія мастерской „Нивы“.

прикомнная что-то.—Надо будетъ и мнѣ... туда же съѣздить, какъ высплюсь... Да! кстати, о Головкиныхъ... Скажи-ка, братецъ, правду-ли болтаютъ, будто ты на ихъ племянницѣ, на Настенькѣ, жениться собираешься?..

— А хоть бы и такъ! Тебѣ до этого какая же забота?

— А вотъ какая. Чтобы — и ни-ни! И думать не моги! Не уступлю!.. У насъ ужь съ Настенькою все уговорено и слажено!..

— Зачѣмъ же дѣло стало? съ недовѣрчивой улыбкой спросилъ Яковъ Петровичъ.

— Затѣмъ и стало, что графъ съ графиней не согласны... Да я бы уломалъ ихъ!.. А тутъ вдругъ вчера походъ объявленъ—помѣха новая! Вотъ, съ горя, понимаешь, мы и того... Эх-ма, выпьемъ, братецъ?

— Сказалъ, не выпью! Не до того... Пей, если хочешь, и спать ложись. Да, сдѣлай милость, не проболтайся никому объ этихъ вашихъ затѣяхъ пустяковыхъ... Изъ-за пустаго слова погубишь себя, да и мнѣ не въ пользу...

И Яковъ Петровичъ поспѣшно вышелъ изъ диванной и направился къ своему письменному столу, заваленному пыльными бумагами.

„Нѣтъ“, думалъ онъ разбираясь въ нихъ, „не вѣрится мнѣ, чтобы Настенька, дѣвица скромная, да за такого забулдыгу замужъ пошла! Ну, какой же онъ ей будетъ мужъ?.. Однакожь, кто ихъ знаетъ?.. Сегодня же, заблаговременно, поговорю объ этомъ дѣльцѣ и съ графомъ, и съ графиней...

(Продолженіе будетъ).

На просторѣ океана.

Переводъ М. Штауде.

(Окончаніе).

Въ гигантскихъ пароходахъ послѣдняго времени двигатель состоитъ по большей части изъ трехъ машинъ, каждая съ двумя другъ надъ другомъ лежащими цилиндрами, поршни которыхъ при помощи передаточныхъ частей сообща вращаютъ валъ гребнаго винта. Паръ сперва поступаетъ въ верхніе маленькіе цилиндры, откуда, оставивъ тамъ часть своей силы, переходитъ въ большіе нижніе, что конечно очень повышаетъ работу машины. Невольно удивляешься, что весь этотъ тяжеловѣсный аппаратъ управляется однимъ человѣкомъ при помощи нѣсколькихъ рычаговъ, какъ самый маленькій комнатный двигатель.

Лучше всего иллюстрируютъ прогрессъ въ машиностроеніи слѣдующія цифры. Двадцать лѣтъ тому назадъ машина сжигала два килограмма угля на каждую лошадиную силу въ 1 часъ. Если бы это отношеніе сохранилось до сихъ поръ, совсѣмъ не было бы возможности имѣть нынѣшніе двигатели въ 10—14 тысячъ лошадиныхъ силъ, такъ какъ для переѣзда въ Америку пришлось бы везти съ собою болѣе 4,000 тоннъ угля, для пассажировъ же и багажа мѣста бы не было. Теперь же большая машина потребляетъ на каждую лошадиную силу въ часъ только 600—700 граммовъ угля,—болѣе чѣмъ на половину меньше прежняго.

Одновременно съ этимъ шло улучшеніе въ устройствѣ паровыхъ котловъ и вообще всѣхъ частей машинъ, благодаря чему служба ихъ дѣлалась гораздо продолжительнѣе. Замѣна желѣза сталью здѣсь имѣла громадное значеніе. Къ числу усовершенствованій нужно отнести также примѣненіе искусственной тяги. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ естественный притокъ кислорода къ огню не достаточенъ, вслѣдствіе чего прибавляютъ вспомогательныя машины, которыя вгоняютъ въ топки сгущенный до извѣстной степени воздухъ. Результаты очевидны. Огонь усиливается и отдѣленіе пара значительно возрастаетъ. Однако примѣненіе искусственно усиленной тяги встрѣчается не такъ часто, главнымъ образомъ на военныхъ пароходахъ, преимущественно миноноскахъ, которымъ особенно важно пріобрѣсть наибольшую скорость, а также на быстроходныхъ пароходахъ, совершающихъ небольшіе рейсы. Причины этого многочисленны. Во-первыхъ, при этомъ значительно увеличивается потребленіе топлива, потому что большая часть горячихъ продуктовъ горѣнія пропадаетъ даромъ, такъ какъ уносится быстро черезъ трубу въ воздухъ. Далѣе, котлы сильно страдаютъ отъ столь высокой температуры и гораздо раньше обыкновеннаго требуютъ ремонта. Наконецъ, служба кочегаровъ и всего машиннаго персонала превращается благодаря нестерпимой жарѣ въ чистую каторгу, въ сравненіи съ которой служба на локомотивѣ является просто идилліей.

Вообще лицамъ со слабыми нервами не слѣдуетъ входить въ машинное отдѣленіе идущаго на всѣхъ парахъ парохода съ двигателемъ въ 10—12 тысячъ лошадиныхъ силъ. Шумъ вентиляторовъ, сильное кипѣніе воды въ громадныхъ котлахъ, толпы кочегаровъ и угольщиковъ, которые бѣгаютъ какъ бѣшеные изъ угла въ уголъ среди раскаленнаго воздуха, яркій блескъ открываемыхъ топокъ, свистъ пара, движущіяся съ бѣшеною быстротою 120 — 150 оборотовъ въ минуту части гигантской машины,—все это представляетъ такое зрѣлище, которое сначала оглушаетъ даже привычнаго человѣка и долго не даетъ ему возможности придти совершенно въ себя. Ниже мы еще вернемся къ службѣ въ машинномъ отдѣленіи.

Поразительны также успѣхи въ построеніи самыхъ машинъ. Мы уже указали на выдающееся улучшеніе въ этомъ отношеніи, заключающееся въ болѣе выгодномъ пользованіи паромъ, который, отработавъ, не поступаетъ, какъ прежде, прямо въ холодильникъ или на воздухъ, имѣя еще значительное давленіе, а работаетъ въ другомъ цилиндрѣ.

Еще болѣе изумительна крѣпость и выносливость нынѣшнихъ машинъ. Чтобы измѣрить ихъ, стоитъ только подумать, что валъ гребнаго винта во время переѣзда чрезъ Атлантическій океанъ долженъ сдѣлать 600,000 оборотовъ. Цилиндры съ тройнымъ расширеніемъ пара, за это же время должны 3.600,000 разъ наполниться паромъ и его выпустить и это безъ малѣйшаго перерыва, но цѣлымъ сутками! Котлы, наконецъ, должны превратить въ паръ 15 милліоновъ литровъ воды. Для такой непрерывной работы на каждую лошадиную силу пришлось-бы имѣть по 4 лошади. Такой пароходъ, какъ „Умбрія“ съ его 14.000-сильной машиной, чтобы производить ту же механическую работу при помощи животной силы, долженъ былъ бы везти 56,000 лошадей, общій вѣсъ которыхъ въ девять разъ превышалъ бы вѣсъ ея нынѣшней машины.

Но паръ на нынѣшнемъ пароходѣ не служитъ только для вращенія вала гребнаго винта. Броненосцы и большіе пассажирскіе пароходы имѣютъ цѣлый рядъ вспомогательныхъ машинъ, которыя, съ одной стороны, помогаютъ главной машинѣ, съ другой — исполняютъ тяжелыя корабельныя работы и приводятъ въ движеніе электромоторы, при помощи которыхъ пароходъ освѣщается электричествомъ. Къ первымъ относятся паровые насосы, маленькіе двигатели, удаляющіе шлаки и золу изъ пространства, которое занимаютъ паровые котлы, или двигающіе главную машину, когда подъ котлами нѣтъ огня, а нужно осмотрѣть или исправить ее.

Двигатели, исполняющіе тяжелыя работы на пароходѣ, очень многочисленны; главнѣйшіе изъ нихъ выкачиваютъ изъ трюмовъ воду, опускаютъ и вытягиваютъ якорь и нагружаютъ и выгружаютъ кладь. Вслѣдствіе этого, понятно, число людей на пароходѣ значительно уменьшилось и самая работа упростилась. Приведемъ примѣръ. На прежнихъ деревянныхъ линейныхъ корабляхъ для поднятія якоря нужно было 150 человѣкъ, причемъ эта работа длилась нѣсколько часовъ подъ заунывные звуки ихъ пѣсенъ, а нынѣ, при помощи паровыхъ воротовъ и дюжины матросовъ, совершается это въ нѣсколько минутъ, несмотря на то, что якорь нерѣдко вѣситъ болѣе 3,500 килограммовъ.

Равнымъ образомъ, существенно важными являются двигатели, приводящіе въ движеніе электродинамическія машины. Электрическое освѣщеніе принадлежитъ теперь къ числу обычныхъ удобствъ на военныхъ и большихъ пассажирскихъ пароходахъ и примѣняется для двухъ цѣлей: во-первыхъ, для освѣщенія поверхности океана предъ бушпритомъ парохода и для сигнальныхъ огней (красный, зеленый, бѣлый) во избѣжаніе столкновенія; во-вторыхъ, для освѣщенія палубы, машиннаго отдѣленія и каютъ. При большей яркости оно совершенно безопасно въ пожарномъ отношеніи и теперь, при желаніи, каждый пассажиръ можетъ пользоваться свѣтомъ хоть цѣлую ночь въ своей каютѣ, между тѣмъ какъ раньше всѣ огни погашались къ опредѣленному часу. Не маловажная выгода этого освѣщенія заключается еще въ томъ, что оно не портитъ воздуха и не накаливаетъ его.

Наконецъ, къ числу этихъ же вспомогательныхъ машинъ слѣдуетъ отнести паровой аппаратъ для управленія рулемъ. Это дѣло при быстромъ ходѣ нынѣшнихъ громадныхъ пароходовъ, является для человѣка крайне тяжелымъ. Здѣсь опять паръ является на помощь человѣку, и существуютъ пароходы, у которыхъ этотъ аппаратъ достигаетъ 100 лошадиныхъ силъ. Поэтому вся работа рулеваго сводится теперь къ тому, чтобы повернуть стрѣлку на циферблатѣ на опредѣленное число градусовъ вправо или влѣво, а послушный паръ самъ ставитъ руль подъ тѣмъ же угломъ, который остается постояннымъ до новаго измѣненія. Обыкновенно паровой рулевой аппаратъ находится подъ мостикомъ, на которомъ находится вахтенный офицеръ.

Просто изумительна цѣлесообразность и практичность помѣщенія тысячи предметовъ, необходимыхъ для океанскаго парохода, но еще пожалуй удивительнѣе, что ничего при этомъ не забывается. Вѣдь у такого парохода бываетъ пассажировъ болѣе, чѣмъ въ самой большой гостинницѣ, у всѣхъ разнообразныя привычки, при томъ эта громадная пловучая гостинница на недѣлю оторвана отъ земли и не можетъ получать свѣжей провизіи; далѣе, цѣлая дюжина, если не больше, машинъ съ соотвѣтственными количествами угля и запасныхъ частей, масса канатовъ, блоковъ, парусовъ, большое число спасательныхъ ботовъ, различныхъ инструментовъ, перегонныхъ

снарядовъ и еще Богъ знаетъ чего... Чтобы не запутаться въ этомъ разнообразіи нужно непремѣнно имѣть смышленую голову.

Отдѣленіе для пассажировъ перваго класса, теперь обыкновенно находящееся въ носовой части парохода, а не на кормѣ какъ прежде, устраивается съ роскошью, которую можно даже назвать излишнею. Роскошная обстановка находится не только въ столовой и въ общихъ залахъ, но простирается даже на отдѣльныя каютки. Послѣднія могутъ быть сравнены со спальными купэ придворныхъ поѣздовъ. Кровать на день превращается въ диванъ, такъ что вся каютка сильно напоминаетъ будуаръ. Убранство ея дополняется шкапчиками, умывальникомъ, а иногда стóитъ только снять часть пола — и къ вашимъ услугамъ является еще ванна. Для переселенцевъ, которые располагаются обыкновенно въ третьемъ классѣ, теперь существуетъ также много удобствъ, къ числу которыхъ главнымъ образомъ слѣдуетъ отнести устройство отдѣльнаго помѣщенія для женщинъ.

Въ рѣзкой противоположности съ роскошью и удобствами, которыми окружены временные обитатели парохода, стоитъ жизнь машинистовъ, кочегаровъ. Какъ уже сказано, служба на желѣзнодорожномъ локомотивѣ гораздо легче. Главная бѣда всѣхъ этихъ служащихъ заключается въ невыносимой жарѣ, которая господствуетъ въ машинномъ отдѣленіи и доходитъ подъ тропиками до такой степени, что выносить ее могутъ лишь туземцы, европейцы же ни одного дня ея не выносятъ; съ другой стороны, необходимость при этой жарѣ еще исполнять тяжелую работу вблизи быстро движущейся съ оглушительнымъ шумомъ машины. Строжайшее вниманіе къ своему дѣлу заставляетъ считать службу моряка-офицера на капитанскомъ мостикѣ еще труднѣе и отвѣтственнѣе. Впрочемъ, ниже мы вернемся къ этому, а сначала разсмотримъ нѣсколько ближе рабовъ паровой машины во время исполненія ими своихъ обязанностей.

Задолго до отхода парохода весь служебный персоналъ машиннаго отдѣленія находится на своихъ мѣстахъ. Нужно приготовить уголь, развести огонь, наполнить котлы водою, всѣ безчисленныя трущіяся поверхности большихъ и малыхъ машинъ смазать, испробовать все-ли въ порядкѣ, — работа, которая при сложности нынѣшнихъ паровыхъ двигателей принадлежитъ къ самымъ труднымъ и требуетъ много знаній и опытности.

Наконецъ, все готово. Сильно клокочетъ кипящая вода въ котлѣ и излишній паръ съ шипѣніемъ вырывается изъ предохранительныхъ клапановъ. Капитанъ появляется на мостикѣ, откуда проведенные телеграфные аппараты передаютъ его приказанія въ машинное отдѣленіе. Оглянувшись еще разъ на все своимъ опытнымъ глазомъ, онъ, если приближается минута отъѣзда, нажимаетъ кнопку телеграфнаго аппарата и отдаетъ приказаніе испробовать машину. По его слову, инженеръ пускаетъ машину въ ходъ и она дѣлаетъ нѣсколько оборотовъ, чего вполнѣ достаточно чтобы видѣть, все-ли въ исправности. Едва приказаніе долетѣло до машиннаго отдѣленія, тамъ какъ бы просыпается гигантское чудовище, до того времени спавшее: съ большимъ шумомъ устремляется паръ въ цилиндры, всѣ части начинаютъ медленно шевелиться, будто чудовище потягивается послѣ долгаго сна. Затѣмъ опять все успокаивается. Если все найдено въ порядкѣ, инженеръ докладываетъ капитану, что можно ѣхать.

Тогда отдается приказаніе поднять якорь, если пароходъ стоитъ на рейдѣ. Чаще однако онъ останавливается у пристани и поэтому необходимо вывести сначала колоссъ на свободное пространство. Это не маловажная работа. Собственная машина парохода для этого не годится, такъ какъ управлять ею не легко, да и руля слушается эта громада лишь тогда хорошо, когда имъ пріобрѣтена извѣстная скорость, поэтому по большей части пользуются для этой цѣли небольшимъ пароходомъ, который, являясь мухою передъ слономъ, медленно буксируетъ его между другими судами.

Лишь только достигъ пароходъ достаточно свободнаго пространства, съ мостика отдается приказаніе: „тихій ходъ!“ и машина понемногу оживаетъ, винтъ начинаетъ осторожно вращаться, пока дальнѣйшее приказаніе: „полный ходъ!“ не снимаетъ съ нея окончательно оковъ. Тогда машина начинаетъ работать съ бѣшеною быстротою безъ перерыва до самаго конца путешествія.

Теперь, когда намъ нечего дѣлать на палубѣ, спустимся въ машинное отдѣленіе, такъ сказать, въ самое сердце парохода, и посмотримъ поближе, чтó тамъ дѣлаютъ замазанныя углемъ созданія.

На большихъ пароходахъ машинный персоналъ состоитъ обыкновенно изъ инженера, нѣсколькихъ машинистовъ и цѣлой толпы кочегаровъ, смазчиковъ и угольщиковъ. Инженеръ по своему служебному положенію занимаетъ на пароходѣ второе мѣсто, непосредственно за капитаномъ, и не несетъ вахты, т. е. время его службы точно не опредѣлено. Но ему приходится еще болѣе, чѣмъ капитану, находиться на своемъ посту. На немъ лежитъ общій присмотръ за всѣмъ машиннымъ отдѣленіемъ. Непосредственно ему подчинены машинисты, которые дежурятъ посмѣнно по четыре часа. Обыкновенно нѣсколько ихъ одновременно находятся на дежурствѣ. Одинъ стоитъ на платформѣ посреди главной машины и долженъ быть ежеминутно готовымъ, по приказанію съ мостика, „застопорить“ машину или даже, въ случаѣ какой-нибудь опасности, дать ей задній ходъ. Второй наблюдаетъ за валомъ, приводящимъ въ движеніе гребной винтъ, и сидитъ въ узкомъ туннелѣ, въ которомъ вращается этотъ валъ; третій присматриваетъ за котломъ и кочегаромъ, четвертый — у вспомогательныхъ машинъ.

Опасна работа смазчиковъ. Вслѣдствіе того, что во все время поѣздки машина не останавливается, а между тѣмъ требуетъ постоянной чистки и смазки, этимъ людямъ приходится исполнять свою обязанность при быстромъ ходѣ различныхъ частей машины и очень остерегаться. Еще тяжелѣе кочегарамъ и угольщикамъ, которые приносятъ новыя количества угля и питаютъ ненасытное огненное жерло подъ котлами. Страдаютъ они преимущественно отъ жары и часто заболѣваютъ отъ простуды, которую получаютъ выходя на воздухъ.

На пароходѣ въ 10,000 лошадиныхъ силъ обыкновенно одновременно находится въ работѣ до 30 человѣкъ. Весь же служебный машинный персоналъ, включая сюда и инженера, состоитъ изъ 78 человѣкъ. Несмотря на такое ихъ число, оно сравнительно съ прежнимъ не велико: имъ приходится и стоять на рулѣ, и мыть пароходъ, а при благопріятномъ вѣтрѣ ставить паруса.

Когда машина въ полномъ ходу, машинисты болѣе прочихъ обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы скорость все время оставалась постоянною, чтó при продолжительномъ путешествіи дѣло не совсѣмъ легкое. Надо обращать вниманіе, чтобы притокъ воды въ котлы всегда былъ достаточенъ, давленіе пара—одинаковымъ и чтобы угольщики и кочегары не зѣвали за своимъ дѣломъ. Вслѣдствіе этого машина все время находится подъ самымъ тщательнымъ присмотромъ и всякое непослушаніе или небрежность строго наказывается. Если что-нибудь не въ порядкѣ, привычное ухо машиниста сейчасъ же это замѣтитъ по необыкновеннымъ звукамъ, которые начинаетъ издавать машина, привлекая къ себѣ особенно тщательное вниманіе. Вдругъ раздается подозрительный скрипъ, показывающій, что какая-то трущаяся поверхность не достаточно смазана и начинаетъ накаливаться. Въ одинъ мигъ весь персоналъ подымается на ноги, машину застопориваютъ, наскоро осматриваютъ и исправляютъ. На локомотивѣ все это гораздо легче; здѣсь же приходится работать въ полутьмѣ и вдобавокъ часто въ такую качку, что нельзя устоять на ногахъ.

Конечно, гораздо хуже, когда лопается какая-нибудь пароводная трубка, сломается важная часть машины или даже валъ гребнаго винта. Въ послѣднемъ случаѣ, равно какъ и при поломкѣ самаго винта, пароходъ предоставляется всѣмъ прихотливымъ капризамъ волнъ, если только не удастся воспользоваться парусами или не явится за громадныя деньги другой пароходъ на помощь. Вслѣдствіе этого, несмотря на расходы и тяжесть его, лучше всегда имѣть запасной валъ. Сломанный винтъ замѣнить другимъ нельзя, такъ какъ онъ находится подъ водою. Поэтому, особенно въ Германіи, часто раздаются голоса за примѣненіе двойной машины съ двойными гребными винтами. Испортится одна машина или винтъ сдѣлается негоднымъ, можно при помощи другой машины и одного винта доѣхать до цѣли, хотя, конечно, не съ прежнею скоростью.

Въ такихъ случаяхъ служба въ машинномъ отдѣленіи дѣлается очень тяжелою, особенно если это случится во время бури, такъ какъ вліяніе ея тогда ужасно: при неподвижности машины пароходъ не слушается болѣе руля и какъ мячикъ скачетъ по волнамъ.

Такъ же тяжела служба капитана и всей остальной команды, особенно зимою и во время бури. Случается, что отвѣтственный начальникъ парохода и его помощники по цѣлымъ суткамъ не сходятъ съ мостика и все это время подвергаются всѣмъ невзгодамъ непогоды. Хладнокровіе, желѣзное спокойствіе и рѣшительность — вотъ качества, необходимыя этимъ лицамъ въ еще большей степени, чѣмъ полководцамъ. Отъ нихъ зависитъ жизнь сотень людей и цѣлость парохода, который стóитъ нѣсколько милліоновъ, причемъ имъ приходится бороться еще со многими обстоятельствами, съ которыми считаться не приходится. Даже когда волны яростно хлещутъ черезъ палубу и готовы каждую минуту поглотить корабль, когда вѣтеръ воетъ въ снастяхъ, а снѣгъ и дождь заслѣпляютъ глаза, или когда пароходъ окруженъ непроницаемою пеленою тумана, являющагося самымъ страшнымъ врагомъ мореплаванія, и когда каждая минута можетъ быть приближаетъ моментъ столкновенія его съ другимъ кораблемъ, — и тогда спокойствіе не должно покидать вахтеннаго офицера: ему приходится быть такимъ же любезнымъ, какъ и во время самой лучшей погоды, чтобы не напугать пассажировъ.

Если же, несмотря на всю бдительность капитана, кораблю угрожаетъ опасность—наскочитъ онъ на мель, или столкнется съ другимъ пароходомъ, или вспыхнетъ на немъ пожаръ —

тогда капитанъ и его подчиненные являются въ полномъ своемъ величіи. Успокаивать обезумѣвшихъ отъ страха пассажировъ и по необходимости иногда принимать суровыя мѣры, чтобы уберечь неосторожныхъ отъ еще большей опасности, приготовить спасательныя лодки и покинуть корабль не раньше какъ послѣдній человѣкъ находится въ сравнительной безопасности,—вотъ тѣ почти нечеловѣческія обязанности, которыя имъ, слава Богу, не часто приходится исполнять, но которымъ въ случаѣ надобности остаются моряки вѣрными до послѣдняго своего часа.

Мы достигли своей цѣли, если намъ удалось, при помощи этого краткаго очерка, возбудить участіе въ путешествующей публикѣ къ лицамъ, находящимся въ глубинѣ и на вышкѣ пароходовъ, тихо и скромно исполняющимъ свое геройское дѣло.

Къ рисункамъ.

Деревья на островѣ Миноркѣ. (Рис. на стр. 1089).

У береговъ Испаніи, верстахъ въ 100 отъ Валенсіи лежитъ посреди Средиземнаго моря группа островковъ Балеарскихъ, извѣстныхъ еще въ глубокой древности благодаря искусству ихъ жителей въ метаніи изъ пращи. Въ составъ этой группы входятъ нѣсколько мелкихъ островковъ и два — покрупнѣе: Майорка и Минорка. Съ мягкимъ климатомъ и хорошею растительностью у береговъ и въ мѣстахъ низменныхъ, они представляютъ суровую картину природы на возвышенностяхъ, особливо меньшій изъ этихъ островковъ, Минорка. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ путешественниковъ по Минорке, Гастонъ Вюилье, мѣстность, которая изображена на нашемъ рисункѣ. „Мы выѣхали подъ вечеръ по каменистой тропинкѣ изъ мѣстечка Феррарiасъ по направленію къ Субервею и вскорѣ достигли возвышенности. Издали виднѣлось море, повидимому спокойное и сверкавшее тысячами огней. Громадный желтый шаръ луны медленно поднимался по небу. Вокругъ насъ разстилалась каменистая, волнообразная мѣстность, гдѣ лѣтомъ немилосердно жжетъ солнце, а зимою свирѣпствуютъ холода, гдѣ вѣтры дуютъ непрестанно. Одинокія, беззащитныя деревья пригнулись подъ ихъ суровымъ дыханіемъ: изогнутыя вѣтви, похожія цвѣтомъ на окружающіе камни, сгибаясь разстилались по землѣ, точно въ желаніи ухватиться за почву. Полуобнаженные корни, корчась, едва удерживали въ почвѣ эти жалкія деревья, постоянно раскачиваемыя вѣтромъ. Въ этой борьбѣ и листва приняла особую какую-то взъерошенную форму, и полусухіе, изодранные листья шумѣли, какъ-бы жалуясь на незавидную долю“...

Христіанство, цивилизація и свобода.

(Рис. на стр. 1092).

Талантливый художникъ, г. Бонча-Томашевскій, задумалъ наглядно изобразить три выдающіяся эпохи русской исторіи въ лицѣ ихъ главныхъ представителей. Первымъ въ хронологическомъ послѣдованіи является намъ Св. Равноапостольный князь Владиміръ, насадитель духовныхъ силъ юнаго государства, положившій краеугольный камень православной церкви, которая сплотила разрозненныя племена русскихъ славянъ и, одиноко вынесши на плечахъ своихъ татарское иго и смутное время, соединила закаленную въ борьбѣ Русь подъ знаменемъ *православія*, наложившаго особую печать на внутреннее—духовное — просвѣщеніе народа. Представителемъ внѣшняго — умственнаго—просвѣщенія и развитія внѣшнихъ силъ государства выступаетъ Петръ, сблизившій насъ съ европейскою наукой, творецъ арміи и флота, промышленности, торговли и правильныхъ сношеній съ Европой, и въ то же время завершитель торжества другой великой національной идеи—*самодержавія*. Наконецъ, осуществителемъ третьей идеи—*народности*—предстоитъ намъ Царь-Освободитель, призвавшій весь многомилліонный народъ свой къ участію въ гражданской свободѣ и дальнѣйшемъ развитіи подъ сѣнію трехъ незыблемыхъ началъ—тріединой, нераздѣльной и у насъ въ Россіи, въ силу исконнаго единенія царя съ народомъ, въ полномъ смыслѣ слова, единосущной идеи православія, самодержавія и народности.

Первый мундиръ. (Рис. на стр. 1093).

Молодой художникъ Петръ Исааковичъ Геллеръ всего второй годъ выставляетъ свои картины на выставкахъ въ Императорской Академіи Художествъ, а имя его уже извѣстно всѣмъ любителямъ живописи. Первая картина Геллера, выставленная въ 1889 году „Присяга евреевъ-новобранцевъ“, пріобрѣтена Академіей Художествъ. Другая его картина, „Пошехонская старина“, памятна посѣтителямъ академической выставки настоящаго года. Гравюра съ третьей картины, „Первый мундиръ“, помѣщена нами на стр. 1093. Здѣсь художникъ безхитростно нарисовалъ поступившаго въ гимназію мальчугана, которому портной примѣряетъ только что сшитый мундиръ, къ несказанному удовольствію какъ самого гимназистика, такъ и всѣхъ присутствующихъ.

Передъ кондитерской. (Рис. на стр. 1097).

Пестро и затѣйно разставлены въ ярко-освѣщенномъ окнѣ кондитерской всевозможныя лакомства и сласти. Такъ и манятъ къ себѣ эти разноцвѣтныя коробочки, съ красивыми картинками снаружи и съ чѣмъ-то еще болѣе заманчивымъ внутри. Не удивительно, что такая выставка привлекла къ себѣ маленькую дѣвочку, и она съ наслажденіемъ смотритъ въ соблазнительное окно кондитерской своими большими жадными глазками.

Сурки (Arctomys marmotta). (Рис. на стр. 1100).

Еще въ пятидесятыхъ годахъ нашего вѣка, на улицахъ Москвы и Петербурга частенько можно было встрѣтить мальчика-савояра (уроженца Савоіи) съ ручнымъ и дрессированнымъ суркомъ. Теперь они больше не заходятъ къ намъ. Желающіе познакомиться съ вышеназваннымъ интереснымъ звѣркомъ должны отправляться въ зоологическій садъ или, еще лучше, въ отечество сурка. Онъ живетъ въ Швейцарскихъ Альпахъ, въ Пиренеяхъ, въ Карпатахъ и въ Баварскихъ альпахъ. Сурки населяютъ солнечную сторону горныхъ склоновъ высочайшей альпійской области, выше лѣсной полосы, на границѣ вѣчныхъ снѣговъ и ледниковъ. Ихъ подземныя жилища, въ которыхъ они проводятъ большую часть жизни, состоятъ изъ длиннаго коридора, ведущаго въ круглую нору, при чемъ выходъ скрывается обыкновенно подъ выступомъ какого-нибудь камня. Подобно тѣмъ горожанамъ, у которыхъ кромѣ городской осѣдлости есть еще лѣтняя дача, многіе сурки устраиваютъ еще себѣ на лѣто особое жилище, залегающее гораздо выше зимняго въ гору, по близости сочныхъ альпійскихъ луговъ, такъ чтобы суркамъ удобно было выходить на пастбище. Подобно бобрамъ, сурки всегда живутъ обществами, а потому и жилища ихъ постоянно скучены. Любителю природы трудно найти зрѣлище болѣе привлекательное чѣмъ компанія сурковъ, собирающихся въ лѣтніе мѣсяцы предъ своими жилищами. Желающій насладиться имъ долженъ выбрать ясный денекъ, такъ какъ въ пасмурную погоду сурки по цѣлымъ днямъ остаются въ норахъ. Раннимъ утромъ, наблюдатель видитъ, какъ въ отверстіяхъ коридоровъ показываются толстыя мордочки. Это старые самцы. Маленькіе блестящіе глазки зорко осматриваютъ окрестность. Если кругомъ все спокойно, звѣрки выходятъ наружу. Подобно зайцамъ, они садятся на корточки, поднимаются на дыбки и еще разъ осматриваются. Затѣмъ появляются самки съ дѣтенышами, и вся стая, со старыми самцами во главѣ, отправляется на пастбище (см. рис.). Острыми зубами срѣзаютъ сурки альпійскую траву, выкапываютъ когтями коренья изъ земли и тутъ же съѣдаютъ, сидя на корточкахъ и поднося пищу передними лапками ко рту. Веселыя игры чередуются со сномъ. Но при этомъ старые самцы никогда не забываютъ осторожности: то тотъ, то другой поднимается на заднія лапки и оглядываетъ окрестность. Покажись только что-нибудь подозрительное — тотчасъ раздается пронзительный свистъ. Всѣ прочіе самцы поднимаются на дыбки, и каждый завидѣвшій опасность повторяетъ свистокъ. Самки и дѣтеныши бросаются къ жилищамъ, самцы слѣдуютъ за ними—съ быстротой молніи вся компанія исчезла въ коридорахъ. Но если ничто не нарушаетъ ихъ спокойствія, сурки остаются на пастбищѣ до вечера и тогда уже медленно возвращаются по домамъ, причемъ самцы попрежнему тщательно озираются.

Въ августѣ звѣрки начинаютъ срѣзывать траву, сушить ее на солнцѣ и переносить въ зимнія квартиры. Сѣно частію идетъ на устройство мягкаго ложа, частію бережется въ пищу до ранней весны, когда еще нѣтъ свѣжей травы. Въ октябрѣ сурки расходятся семьями по зимнимъ квартирамъ, тщательно закупориваютъ отверстія коридоровъ землею, камнями и сѣномъ, дабы въ нихъ не проникалъ холодъ; свертываются въ кучу другъ къ дружкѣ въ норѣ и предаются зимней спячкѣ, которая на высокихъ горахъ длится иногда до трехъ четвертей года. Мясо сурка очень вкусно, особенно осенью, когда они жирны; мѣхъ цѣнится менѣе. Сурковъ ловятъ различными способами, выкапываютъ зимою изъ норъ или ставятъ западни; рѣже удается застрѣлить звѣрка, обладающаго превосходнымъ обоняніемъ и слухомъ. Во многихъ странахъ, гдѣ сурки сильно повывелись вслѣдствіе истребленія, охота на нихъ запрещена закономъ.

Гроза. (Рис. на стр. 1101).

...Гремятъ раскаты молодые...
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли капли дождевыя,
И солнце нивы золотитъ...

(Тютчевъ).

Памятникъ Императору Николаю I въ СПБ. у Николаевскаго Военнаго госпиталя. Съ фотографіи генерала Пасвѣтевича. грав. Шюблеръ.

Южная оконечность острова Сахалина, мысъ Крильонъ, у котораго погибъ пароходъ „Кострома". Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Пятидесятилѣтіе Николаевскаго военнаго госпиталя въ СПБ. (Рис. на стр. 1105).

Николаевскій госпиталь получилъ свое названіе въ память своего основателя, императора Николая I. 6 августа 1840 г. госпиталь началъ свою дѣятельность въ стѣнахъ каменнаго трехъэтажнаго зданія, приспособленнаго вначалѣ на 1320 нижнихъ чиновъ и 20 офицеровъ. Вскорѣ къ нему присоединены были деревянныя лѣтнія палаты, нынѣ замѣненныя двумя бараками; затѣмъ возникъ двухъэтажный арестантскій корпусъ, четыре флигеля для служащихъ, а въ текущемъ году заложено особое зданіе для душевно-больныхъ.

За все время существованія госпиталя, въ немъ перебывали 442,000 больныхъ, изъ коихъ умерло 8%. Наибольшее число больныхъ было въ теченіе Крымской кампаніи и въ холерную эпидемію 1846 и 1848 годовъ. 15 августа 1890 года госпиталь праздновалъ пятидесятую годовщину своей дѣятельности. Къ этому дню, по единодушному желанію офицерскихъ чиновъ госпиталя и на ихъ средства, въ центрѣ сквера передъ главнымъ фасадомъ госпиталя сооруженъ былъ памятникъ державному основателю. На гранитномъ пьедесталѣ, имѣющемъ въ основаніи квадратную сажень, поставленъ поясной бюстъ императора Николая Павловича. Высота памятника 1½ сажени. На четырехъ сторонахъ пьедестала помѣщены надписи: на западной—„Императору Николаю I, основателю госпиталя", на восточной—„благодарные чины Петербургскаго Николаевскаго военнаго госпиталя": на остальныхъ двухъ—годы „1840" и „1890". Въ день пятидесятилѣтія, послѣ литургіи въ госпитальной церкви и молебствія въ присутствіи Е. И. В. Вел. Кн. Владиміра Александровича, совершенъ былъ крестный ходъ въ скверъ и передъ памятникомъ отслужена панихида по въ Бозѣ почившемъ основателѣ. Празднованіе юбилея окончилось завтракомъ, сервированнымъ въ двухъ залахъ госпиталя.

Сахалинъ. Мысъ Крильонъ. (Рис. на стр. 1105).

Три года тому назадъ, у южной оконечности Сахалина, мыса Крильонъ, разбился пароходъ Добровольнаго Флота „Кострома", имѣя въ своихъ помѣщеніяхъ нѣсколько сотъ каторжниковъ. На судѣ выяснилось, что причиной разбитія оказалось неправильное нанесеніе на карту западнаго берега южной оконечности острова.

Лѣтомъ 1888 года была послана на Крильонъ промѣрная партія изъ морскихъ офицеровъ, которой удалось астрономически опредѣлить нѣкоторые пункты и затѣмъ связать ихъ строгой съемкой берега, причемъ неправильность картъ подтвердилась.

Производить астрономическія наблюденія въ мѣстахъ, гдѣ царствуютъ непрерывные дожди, вѣтры и туманы, дѣло далеко не легкое; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что раньше и вкралась ошибка отъ неизбѣжной неточности наблюденій въ дурную погоду. А такой погодой Крильонъ можетъ похвастаться, и всякому, кто огибалъ мысъ, надолго останутся въ памяти всѣ трудности плаванія.

На мысу стоитъ маякъ съ колоколомъ, въ который, во время тумана, постоянно бьютъ, а если явится надобность, то стрѣляютъ изъ пушки.

Плавать у береговъ Сахалина надо въ высшей степени осторожно и по возможности чаще опредѣлять свое мѣсто, потому что можетъ вдругъ найти туманъ и тогда рискованно идти къ берегу и проходить Лаперузовымъ проливомъ.

Направленіе и скорость теченій правильно не опредѣлены, и бывали случаи, что за сутки судно сносило на 60 миль. Пока сравнительно въ этихъ водахъ плаваетъ мало судовъ, но по мѣрѣ развитія торговли, число судовъ съ каждымъ годомъ увеличивается; поэтому, во избѣжаніе крушеній, необходимо скорѣе найти средства опредѣлить силу и направленіе теченій.

На предлагаемомъ рисункѣ изображенъ мысъ Крильонъ и лагерь промѣрной партіи. Вся мѣстность покрыта густою травой, но немного сѣвернѣе начинается кустарная растительность, которая понемногу переходитъ въ густой лѣсъ и непроходимую тайгу.

Открытіе Луцкой военной желѣзной дороги.

(Портр. и рис. на стр. 1108 и 1109).

Въ связи съ грандіозными маневрами, производившимися нашими войсками нынѣшнимъ лѣтомъ на Волыни, исполнена чрезвычайно интересная постройка желѣзнодорожной вѣтви, связывающей г. Луцкъ, этотъ богатый историческими воспоминаніями городъ, съ остальною сѣтью дорогъ нашего отечества. Завѣдываніе постройкою было возложено на начальника Отдѣла Главнаго Штаба по передвиженію войскъ и военныхъ грузовъ, генеральнаго штаба генералъ-маіора Николая Михайловича Головина, подъ руководствомъ котораго и производились офицерами желѣзнодорожныхъ баталіоновъ предварительныя изысканія и всѣ работы по сооруженію Луцкой вѣтви.

Къ работамъ были привлечены 3-й и 4-й желѣзнодорожные баталіоны, которымъ вмѣсто учебныхъ работъ на полигонахъ, представился счастливый случай показать свои силы и опытность въ производствѣ настоящихъ желѣзнодорожныхъ работъ, при условіяхъ военнаго времени. Вызванные къ такому дѣлу, баталіоны показали себя молодцами, отъ офицера до рядоваго включительно. 1 августа закипѣла работа, застучали топоры и столѣтнія деревья повалились, образуя просѣку для новой линіи. Срубленныя деревья тутъ же шли на сваи, на телеграфные столбы и другія желѣзнодорожныя сооруженія. Мосты строились изъ этого же матеріала, кромѣ верхняго строенія, для котораго пріобрѣтался покупкою сухой матеріалъ. Всѣхъ мостовъ на линіи возведено три. Въ топкомъ и вязкомъ грунтѣ, гдѣ сваи входили на 4½ сажени, приходилось сращивать по двѣ сваи, одна на другую. По министерскимъ правиламъ, сваи должны быть 6 вершковъ въ діаметрѣ; при постройкѣ же этой дороги, для большей прочности, были забиты сваи въ 8½ вершковъ въ діаметрѣ—и забиты до полнаго отказа. Медленная и тяжелая работа забивки свай, для скорости дѣла, шла перемѣнными смѣнами рабочихъ днемъ и ночью, причемъ ночью мѣста работъ освѣщались нефтяными лампами Уэльса, оказавшимися весьма удобными и въ подобнаго рода случаяхъ. Не легкими оказались работы и на торфяномъ болотѣ длиною въ 350 саженъ, гдѣ пришлось, стоя по поясъ въ водѣ, вынимать торфъ и болотный илъ до самаго грунта и затѣмъ на этомъ мѣстѣ возводить почти 2-хъ-саженную насыпь. Такихъ высокихъ насыпей не одна на линіи; кромѣ того, пришлось въ одномъ мѣстѣ дѣлать и выемку, тоже до 2-хъ саженъ глубиною. Работы еще болѣе усложнялись тѣмъ, что производить ихъ приходилось при жарѣ доходившей до 35° по Реомюру. Отъ такого зноя глинистая почва, преобладающая тамъ, до того отвердѣла, что приходилось работать киркой и топоромъ. Мало того, благодаря жарѣ увеличилась и жажда у людей, а воды во всей окрестности, кромѣ болотной, производившей спазмы въ желудкѣ и рвоту, не было и въ поминѣ. Завѣдывающій постройкою, вслѣдствіе этого, распорядился варить квасъ и сухарную воду, которые и имѣлись въ бочкахъ около работающихъ. Но всѣ эти трудности были преодолѣны молодцами-солдатами, и 5 августа была уже заложена Луцкая военная желѣзнодорожная станція, въ присутствіи командующаго 11-ю пѣхотною дивизіею генерала Панютина и завѣдывавшаго постройкою дороги генерала Головина. Къ этому торжеству были приглашены и всѣ офицеры изъ сосѣдняго Луцкаго лагеря.

Чтобы ускорить укладку пути, шпалы и рельсы были развезены на подводахъ по всему пути. Работа эта была ведена по тремъ направленіямъ: отъ конечной станціи Киверцы по одному направленію и отъ одной изъ промежуточныхъ точекъ линіи по двумъ направленіямъ, изъ которыхъ одно къ Луцку, а другое навстрѣчу работамъ, веденнымъ отъ станціи Киверцы. До начала укладки пути завѣдывающій постройкой съ офицерами, при немъ состоящими, слѣдилъ за ходомъ работъ, объѣзжая всю линію по нѣсколько разъ въ день верхомъ на коняхъ; затѣмъ, по укладкѣ пути, осмотръ работъ онъ производилъ подъѣзжая къ нимъ, по уложенному пути, на дрезинѣ. Благодаря дѣятельному участію завѣдывающаго постройкою дороги, компетентность котораго въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ давно извѣстна, 19 августа, т. е. на 19-й день работъ, была произведена смычка рельсъ, при чемъ, благодаря употребленію рельсъ разной длины, удалось произвести смычку не отрубая рельсъ.

Въ этотъ же день по проложенному пути въ г. Луцкъ прибылъ первый рабочій поѣздъ, и окрестности Луцка впервые огласились свистомъ паровоза. Поѣздъ шелъ при громкомъ „ура" желѣзнодорожныхъ баталіоновъ, радостно привѣтствовавшихъ дѣло рукъ своихъ. Вся прислуга на поѣздѣ состояла изъ нижнихъ чиновъ эксплоатаціонныхъ желѣзнодорожныхъ ротъ. Съ этого дня начался подвозъ балласта на рабочихъ поѣздахъ изъ карьеровъ Юго-Западныхъ дорогъ.

20 августа со станціи Киверцы въ Луцкъ отошелъ первый воинскій поѣздъ: на немъ перевезенъ на маневры шестой саперный баталіонъ. 22 августа состоялось торжественное открытіе Луцкой военной желѣзной дороги Августѣйшимъ генералъ-инспекторомъ по инженерной части, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ. Его Высочество изволилъ особенно интересоваться постройкою этой дороги и давать руководящія указанія, а по окончаніи постройки изволилъ осмотрѣть произведенныя работы и собственноручно забить два костыля, и затѣмъ по вѣтви открылось уже правильное движеніе пассажирскихъ поѣздовъ, по росписанію согласованному съ росписаніемъ пассажирскихъ поѣздовъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ день открытія Августѣйшій инспекторъ разрѣшилъ желѣзнодорожнымъ баталіонамъ поднести ему деревянное блюдо, сдѣланное изъ отрѣзка вѣковой сосны въ 28 вершковъ въ діаметрѣ.

Итакъ, благодаря общему единодушію и любви къ избранному дѣлу, въ 18½ дней была построена дорога протяженіемъ въ 11 верстъ главнаго пути и около 3 верстъ запасныхъ путей, при профили нормальныхъ размѣровъ съ уклонами не превосходящими 0,008, при чемъ общее количество исполненныхъ земляныхъ работъ достигло до 12,000 кубовъ. На постройку этой дороги Военное министерство ассигновало 85 т. рублей, но благодаря распорядительности и экономіи генерала Головина, издержано всего 60 т. рублей, при чемъ рельсы и

шпалы взяты заимообразно изъ общества Юго-Западныхъ дорогъ. Въ эти 60 тысячъ входятъ и 7 тысячъ рублей уплаченныхъ за отчужденную подъ дорогу землю.

27 августа по новой дорогѣ въ Луцкъ на маневры и обратно, изволилъ проѣхать Государь Императоръ съ Августѣйшею Семьей и свитой, безъ пересадки, въ Императорскомъ поѣздѣ, въ которомъ Его Величество изволитъ ѣздить по Николаевской и другимъ желѣзнымъ дорогамъ. Къ этому радостному для строителей дню вся дорога приняла особый праздничный видъ, при чемъ станціи Луцкъ и Киверцы и мѣста расположенія желѣзнодорожныхъ ротъ украсились флагами и положительно тонули въ зелени и различныхъ украшеніяхъ, на которыя такіе искусники наши солдатики.

Всѣ сооруженія по Луцкой военной желѣзной дорогѣ, не смотря на чисто военный характеръ ея постройки, были совершены ни въ чемъ не отступая отъ правилъ, преподанныхъ на этотъ предметъ министромъ Путей Сообщенія. Быстрота постройки одновременно съ капитальностью ея сооруженія вызвала удивленіе спеціалистовъ, какъ у насъ, такъ и заграницей.

Строитель дороги, генералъ Головинъ, и желѣзнодорожные баталіоны удостоились Монаршей благодарности. Маневры окончились; на Волынскихъ поляхъ опять тишина, а городъ Луцкъ получилъ поистинѣ царскій подарокъ, въ видѣ желѣзнодорожнаго пути, соединяющаго его съ остальными городами Россіи.

Баронъ В. М. Келлескраусъ. (Рис. на стр. 1109).

На-дняхъ прибылъ въ С.-Петербургъ штабсъ-капитанъ Ковенской крѣпостной артиллеріи, баронъ В. М. Келлескраусъ, совершившій на двухколесномъ велосипедѣ системы Swift № 1 путешествіе изъ Ковно въ Тобольскъ.

По словамъ путешественника, онъ выѣхалъ изъ Ковно 12 іюля, прибылъ въ Петербургъ 22 и, пробывъ здѣсь нѣсколько дней по случаю исправленія своего велосипеда (на которомъ въ минувшемъ году онъ ѣздилъ на Парижскую выставку), отправился далѣе въ Москву, откуда, перемѣнивъ его на другой велосипедъ той же системы, прослѣдовалъ на немъ, съ нѣкоторыми остановками въ лежащихъ по пути городахъ, до Тобольска. Такимъ образомъ оказывается, что баронъ совершилъ свою экскурсію отъ Ковно до Тобольска, на протяженіи почти 3,400 верстъ (изъ числа ихъ шоссейныхъ 1,500 и грунтовыхъ 1,900 верстъ) всего въ 71½ день; но изъ этого времени, по словамъ барона, надобно исключить 24½ дня, проведенные имъ по болѣзни и другимъ независѣвшимъ отъ него причинамъ на пути въ городахъ. Весь путь свой баронъ Келлескраусъ совершилъ въ одномъ мундирномъ сюртукѣ, лишь въ ненастную погоду прикрывая плечи легкою непромокаемою накидкою; въ селеніяхъ, гдѣ по случаю страднаго рабочаго времени трудно было найти питательную пищу, онъ довольствовался только чаемъ да молокомъ; клади было съ нимъ до 30 фунтовъ, часть которой была оставлена имъ на пути въ г. Перми; по хорошимъ дорогамъ баронъ дѣлалъ приблизительно до 120 верстъ въ сутки, а отъ Екатеринбурга до Тюмени только по 60-ти. На всемъ протяженіи пути и особенно въ Нижнемъ и Казани, какъ городскія начальства, такъ и сельское населеніе оказывали путешественнику радушіе и предупредительность; встрѣчавшіеся же ему на пути черемисы и чуваши съ недоумѣніемъ, смѣшаннымъ какъ будто съ испугомъ, слѣдили за движеніемъ его „самохода“.

Политическое обозрѣніе.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ 23 октября, въ 2 часа пополудни, выѣхалъ изъ Гатчины, направляясь въ Тріестъ черезъ Вѣну. Въ Тріестѣ ожидаетъ Великаго Князя эскадра, въ составъ которой входитъ фрегатъ „Память Азова“. На немъ, какъ сообщаетъ *Правительств. Вѣстникъ*, Наслѣдникъ Цесаревичъ предполагаетъ совершить путешествіе по Востоку. Великаго Князя сопровождаютъ: свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Барятинскій, штабсъ-ротмистры князь Кочубей и Волковъ и флигель-адъютантъ поручикъ князь Оболенскій. Ихъ Императорскія Величества проводили Цесаревича до станціи Сиверской. Проѣздъ Наслѣдника Русскаго Престола чрезъ Австро-Венгрію и остановка въ Вѣнѣ привѣтствуется въ политическихъ кругахъ, имѣющихъ связи съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, съ живѣйшею радостію. Газеты переполнены статьями по поводу этого пріѣзда. Въ иллюстрированныхъ изданіяхъ помѣщены портреты Наслѣдника Цесаревича. *Neuigkeits-Weltblatt* сопровождаетъ напечатанный ею портретъ слѣдующими словами: „Съ искренними чувствами встрѣчаетъ населеніе Австро-Венгріи прибытіе сюда Наслѣдника Русскаго Престола и самымъ сердечнымъ образомъ привѣтствуетъ рыцарственнаго, украшеннаго прекраснѣйшими духовными дарами Сына того Императора, дружба котораго является драгоцѣннымъ залогомъ всеобщаго мира. Да укрѣпитъ Провидѣніе сердечную взаимную и неразрывную привязанность между Императорскими Домами Россіи и Австріи, а также между обѣими націями, связанными между собою блестящими воспоминаніями!“ *Wiener Abendpost*, служащая вечернимъ изданіемъ официальной *Wiener Zeitung*, пишетъ по поводу прибытія въ Вѣну Наслѣдника Цесаревича: „Народы Австро-Венгріи, подобно ихъ монарху, съ сердечнымъ сочувствіемъ привѣтствуютъ въ Вѣнѣ Наслѣдника Русскаго Престола, а столичныя газеты спѣшатъ выразить въ теплыхъ словахъ чувства населенія“. *Fremdenblatt* привѣтствуетъ въ передовой статьѣ прибытіе Наслѣдника Цесаревича, заявляя, что пребываніе Его Высочества въ Вѣнѣ отнюдь не имѣетъ политическихъ цѣлей и, безъ сомнѣнія, должно быть признано за доказательство дружественныхъ отношеній между обѣими Императорскими Фамиліями. „Поэтому-то — прибавляетъ газета — населеніе и принимаетъ посѣщеніе Наслѣдника Цесаревича за утѣшительный симптомъ. Всякому извѣстно, какъ много дѣло мира обязано Петербургскому Двору; Императоръ Александръ, вполнѣ русскій — почему Онъ и пользуется такою любовью всего Русскаго народа — постоянно ограждаетъ миръ. Глубочайшее уваженіе, которымъ въ здѣшнихъ вліятельныхъ сферахъ пользуется Императоръ Александръ, выражается въ сочувственномъ пріемѣ оказываемомъ Его Сыну. Наслѣдникъ же Цесаревичъ убѣдится здѣсь, что и въ Вѣнѣ господствуютъ самыя миролюбивыя намѣренія. Народы желаютъ мира и благополучія; Наслѣдникъ Цесаревичъ ясно увидитъ это при посѣщеніи большихъ торговыхъ учрежденій“.

Въ Голландіи обнародованъ декретъ генеральныхъ штатовъ, объявляющій о неспособности короля править государствомъ. Съ 18 (30) октября королевскою властью временно облеченъ государственный совѣтъ, а недѣли черезъ двѣ будетъ внесенъ законопроектъ объ учрежденіи регентства. События эти ожидались уже давно вслѣдствіе тревожныхъ извѣстій о печальномъ состояніи здоровья короля. Послѣ неоднократныхъ консультацій, врачи вынуждены были сдѣлать заявленіе, что хотя состояніе силъ больнаго попрежнему удовлетворительно, но переутомленіе мозга достигло такой степени, что король лишенъ возможности далѣе заниматься серьезными дѣлами. Въ виду этого сообщенія, 17 октября въ общемъ засѣданіи обѣихъ палатъ, большинствомъ 109 голосовъ противъ 5, признано, что король не въ состояніи управлять государствомъ и затѣмъ появился приведенный выше декретъ въ *Staatscourant*.

Бывшій король Сербіи Миланъ, должно-быть видя всю безполезность для себя борьбы и интригъ, вошелъ наконецъ въ соглашеніе съ правительствомъ. Онъ письменно обязался не вмѣшиваться въ политику и не подавать повода къ нападкамъ газетъ. Правительство проведетъ въ скупщинѣ законъ о печати, защищающій членовъ королевской семьи. По поводу намѣренія королевы обратиться въ скупщину, правительство заявляетъ, что въ вопросахъ, касающихся отношеній членовъ королевской семьи, признается компетентнымъ лишь регентство; на предложеніе правительства митрополитъ разъяснилъ смыслъ двухъ документовъ о бракоразводѣ. Первый заключаетъ мнѣніе собора о незаконности бракоразвода, второй — постановленіе не поднимать дѣла ранѣе рѣшеннаго. Миланъ, получая ежегодно 360,000 фр., денежнаго вопроса не возбуждалъ. Послѣ соглашенія, бывшій Сербскій король 17 октября выѣхалъ въ Вѣну.

Смѣсь.

Извѣстная петербургская фирма А. М. Рузанова въ настоящее время разсылаетъ свой рождественскій прейсъ-курантъ, въ которомъ, между прочими предметами, помѣщена весьма интересная и полезная новинка, подъ названіемъ: *„Зоологическій садъ для дѣтей“*. Это очень изящная коробка, заключающая въ себѣ 42 фигуры главнѣйшихъ представителей животнаго царства. На приложенномъ листѣ помѣщенъ списокъ названій животныхъ, распредѣленныхъ по классамъ. Такимъ образомъ дѣти легко отыскиваютъ, по имѣющимся на фигурахъ №№, какъ названіе даннаго животнаго, такъ и классъ, занимаемый имъ въ естественной исторіи. Такая вещица, представляя собою изящную игрушку, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма практическимъ пособіемъ при первоначальномъ ознакомленіи съ зоологіей.

Тайна чревовѣщанія. Физіологическіе процессы при такъ-называемомъ чревовѣщаніи, до сихъ поръ весьма мало изслѣдованные, въ значительной мѣрѣ выяснены теперь д-ромъ Кюсснеромъ, профессоромъ въ Галле-на-Заалѣ, который произвелъ тщательныя наблюденія надъ однимъ чревовѣщателемъ. Уже раньше Іоганномъ Мюллеромъ было доказано, что своеобразные, слышимые какъ-бы съ нѣкотораго отдаленія, звуки, производятся выдыханіемъ. Но выдыханіе это совсѣмъ особаго рода. Оно является при очень узкомъ гортанномъ отверстіи и происходитъ весьма медленно, посредствомъ

сжиманія грудныхъ стѣнокъ. между тѣмъ какъ грудо-брюшная преграда сохраняетъ свое опущенное положеніе. такъ что брюшная полость во время говора остается расширенною. Д-ръ Кюсснеръ замѣтилъ во время своихъ изслѣдованій тѣ-же явленія; но ему удалось, кромѣ того, опредѣлить процессы въ полости рта и зѣва. обусловливающіе своеобразный звукъ голоса при чревовѣщаніи. Профессоръ Кюсснеръ нашелъ, что головка дыхательнаго горла въ этомъ случаѣ не подымается. какъ полагали до сихъ поръ, а напротивъ, опускается настолько, что голосъ кажется исходящимъ изъ груди и потому становится ниже, тогда какъ при нашемъ обыкновенномъ, фальцетномъ голосѣ, головка подымается значительно выше. Чревовѣщатель пользуется одновременно этимъ голосомъ, благодаря чему звукъ его словъ становится еще своеобразнѣе. Согласныя, вслѣдствіе уменьшенія дѣятельности бо̀льшей части мускуловъ рта, дѣлаются гораздо менѣе явственны, чѣмъ при обыкновенной рѣчи. Этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется впечатлѣніе. какъ будто голосъ слышенъ издалека. По всей вѣроятности отпадаетъ также нѣкоторая доля верхнихъ нотъ, которыя при нормальной рѣчи придаютъ голосу его специфическій характеръ. Гласныя измѣняются менѣе согласныхъ; только „и“ звучитъ не совсѣмъ чисто и болѣе походитъ на „э“. Чревовѣщатель старается держать языкъ по возможности неподвижно, на днѣ полости рта. Профессоръ Кюсснеръ приходитъ къ выводу, что при чревовѣщаніи является лишь незначительное измѣненіе фальцета, что̀ и подтвердилось вполнѣ его наблюденіями надъ чревовѣщателемъ. (с.)

Генеральнаго штаба генералъ-майоръ Николай Михайловичъ Головинъ.
Съ фотогр. Мѣчковскаго. грав. Шюблеръ.

Стоимость величайшихъ мостовъ. Мостъ Лагонгъ, черезъ одинъ изъ рукавовъ Китайскаго моря, имѣющій 5 англійскихъ миль длины, 300 пролетовъ, въ 70 футовъ вышины и столько же ширины, весь выстроенный изъ камня и украшенный на каждомъ столбѣ львомъ изъ цѣльнаго мрамора въ 21 футъ длиною, могъ-бы конечно считаться самымъ дорогимъ въ свѣтѣ, если бы возможно было привести къ извѣстность сдѣланныя на него затраты. За неимѣніемъ этихъ свѣдѣній, самымъ дорогимъ долженъ считаться недавно открытый мостъ на Фиртъ-офъ-Фортѣ. Онъ обошелся въ $3^1/_4$ милліона фунтовъ стерлинговъ (65 милліоновъ марокъ). За нимъ слѣдуетъ Бруклинскій мостъ, стоющій 50 милліоновъ марокъ. Вновь проектированный мостъ черезъ Гудзоновъ проливъ, между Нью-Іоркомъ и берегомъ Нью-Джерси, обойдется въ 120 милліоновъ марокъ, а проектъ моста черезъ Ла-Маншъ, который быть-можетъ никогда не получитъ осуществленія. исчисленъ въ 680 милліоновъ марокъ. Что̀ значатъ въ сравненіи съ этими цифрами цѣны величайшихъ мостовъ на континентѣ Европы! (с.)

Сокровища персидскаго шаха, хранящіяся во дворцѣ его, въ Тегеранѣ, заключаютъ въ себѣ драгоцѣнности сказочной стоимости. Такъ-называемый павлиній тронъ, вывезенный 150 лѣтъ тому на-

Постройка Луцкой военной желѣзной дороги. Въ болотахъ.
Съ фотогр. Целибѣева, грав. Шюблеръ.

Постройка Луцкой военной желѣзной дороги. Укладка рельсовъ.
Съ фотогр. Целибѣева, грав. Шюблеръ.

Генералъ-майоръ Головинъ, осматривающій Луцкую дорогу на дрезинѣ. Съ фотогр. Целибѣева. грав. Шюблеръ.

задь изъ Дели. представляетъ одинъ много-милліонную цѣнность. Большія вазы изъ агата, золота и ляписъ-лазули стоятъ также милліоны. Тутъ-же находятся драгоцѣнныя мозаики, художественно расписанные кувшины, кубки и вазы, подарки европейскихъ дворовъ: хрустальные ларцы, въ которыхъ насыпаны кучи брилліантовъ, рубиновъ, изумрудовъ, сапфировъ, бирюзы, топазовъ, берилловъ и т. д., шлифованныхъ и не шлифованныхъ; всевозможные музыкальные инструменты, ручные органы, табакерки съ музыкой, арфы и т. д. Большой стеклянный сосудъ вмѣщающій въ себѣ драгоцѣннѣйшій жемчугъ, выловленный большею частью въ Персидскомъ заливѣ. Коронныя драгоцѣнности находятся въ особомъ помѣщеніи, ключъ отъ котораго, днемъ и ночью, шахъ постоянно имѣетъ при себѣ. То, что хранится въ этомъ помѣщеніи, равно какъ и различные кладовыя и подвалы, въ которыхъ кучами и грудами сложена звонкая монета, шахъ не показываетъ никому. Остальныя сокровища открываются одинъ разъ въ годъ для европейскихъ дипломатовъ и вводимыхъ ими лицъ. (с.)

Баронъ В. М. Келлеснрауссъ, ѣздившій на велосипедѣ изъ Ковно въ Тобольскъ. Съ фотографіи Фидлермана, грав. Шюблеръ.

Рамы для премій „НИВЫ“ 1890 года.

Подробности см. въ прошедшихъ №.№.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, выписывающихъ рамы съ картинами, полученныя ими преміи немедленно возвращать намъ въ Контору, дабы, по возможности, безъ задержки, мы могли имъ высылать готовыя рамы со вставленными картинами.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“. СПБ., Невскій, № 6.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ

ПРИ УЧАСТІИ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

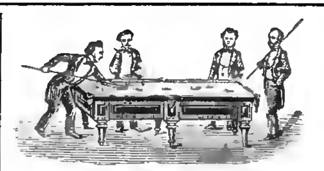
ГОДЪ ВТОРОЙ

(съ 1 Ноября 1890 г.)

Въ 1-ыя четыре книги журнала за 1-ый годъ вошли статьи и замѣтки Влад. Соловьева, проф. А. А. Козлова, проф. Н. Я. Грота, проф. Н. А. Звѣрева, Л. М. Лопатина, Кн. С. и Е. Н. Трубецкихъ, П. Е. Астафьева, В. В. Лесевича, проф. Н. И. Карѣева, В. А. Гольцева, — д-ровъ С. С. Корсакова, А. А. Токарскаго, Н. Н. Баженова и П. Мокіевскаго, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, В. В. Розанова, Е. И. Челпанова и др.

Подписная цѣна: въ годъ 5 книгъ 6 р. безъ дост., — 6 р. 50 к. съ дост. въ Москвѣ и перес. въ другіе города Россіи; для сельскихъ священниковъ, учит. школъ, студентовъ и воспит. учеб. завед. — 4 р. безъ дост., — съ дост. и перес. 4 р. 50 к. — Заграницей 7 р. 50 к., а для русск. и славян. студентовъ загран. 5 р.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“ (въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ); Н. П. Карбасникова въ Москвѣ, Петербургѣ и Варшавѣ; Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ; Е. Распопова и Бѣлаго въ Одессѣ, и въ другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ и въ редакціи: Новинскій бульваръ, д. Котлярева. № 4781



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—22

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

Поступила въ продажу новая книга:

ПОДЪ ВОЛНАМИ ОКЕАНА.

Романъ д-ра **Рангада.**

Цѣна **1 руб.** Съ 24-мя рисунками.

Выписывающіе чрезъ редакцію журнала „Природа и Люди“, СПБ., Вознесенскій, 47, за пересылку не платятъ. № 4783 2—1

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, **9, rue de la Paix Paris.** Ц. № 3767 (83)

НЕОБХОДИМО

для всякаго имѣющаго занятіе на открытомъ воздухѣ, какъ-то: для гг. воен., инженер., охотник., золотопромышлен. и служащ. на жел. дор.

ВЯЗАНАЯ КУРТКА

изъ англійской крученой шерсти. Цѣна 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелков. рукавами 16 и 18 р., съ пересылкою повсемѣстно 1 р. дороже.

Цвѣта коричневые, кубовые, черные, сѣрые и бордо. При пересылкѣ необходима мѣра вокругъ туловища. Mt. № 4765

Магазинъ **Ю. ГОТЛИБЪ, СПБ.** по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.

Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46. Егерштрассе. Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 4677 8—3

ДЕШЕВО, ХОРОШО И ПРАКТИЧНО.

Новость! Предохранители отъ лопанія ламповыхъ стеколъ 1 дюжина 2 руб. ◆ Испытатель вина, изящн. патентов. аппаратъ безошибочно опредѣляющій доброкачественность вина. Необходимъ въ каждой семьѣ 1 руб. ◆ Аппаратъ для высасыванія яда отъ укушенія насѣкомыми 50 коп. ◆ Всемірныя ножницы, содержащія 12 предметовъ 1 руб. 50 коп. ◆ Щипцы для ногтей 1 руб. ◆ Машинка для шитья перчатокъ 2 руб. ◆ Машинка для дѣланія петель (французское изобрѣтеніе) 3 руб. ◆ Приборъ для раскрашиванія фотографій, литографій и проч. безъ перевода на стекло (10 жидкихъ красокъ и наставленіе) цѣна 6 р. ◆ Пробочникъ винтовой, легчайшій способъ 1 руб. 50 коп. и 2 руб. ◆ Кухня бензиновая на 6 пламенъ 1 руб. 50 коп. ◆ Папиросница-автоматъ, изящн. столовый приборъ, выбрасывающій при нажимѣ по одной папироскѣ, украшеніе любаго кабинета 3 руб. 50 коп. ◆ **Новость:** Магическая карман. лампа и огниво 3 руб. ◆ Вѣшалка для бумагъ съ любою надписью по 50 коп. ◆ Музыкальн. ящикъ 1 р. 50 к. и 3 р. ◆ Автоматъ перо-карандашъ 75 коп. ◆ Автоматъ-карандашъ 50 коп. ◆ Карман. фонарь изящный 50 коп., 75 коп. и 1 руб. 50 коп. ◆ Самосвѣтящ. полный курительн. приборъ британскаго серебра 8 руб. ◆ Гравированіе на стеклѣ (приборъ) 2 р. ◆ Гравированіе на стали 50 коп. ◆ Кремневая спичечница съ Эйфел. башнею, очень изящная 1 руб., безъ оной 2 руб. ◆ Электрич. спичечница 75 коп. ◆ Путешествіе вокругъ свѣта 75 к. ◆ Спичечница съ фитилемъ 75 коп. ◆ Тоже безъ онаго 50 к. ◆ Губка-кости аппаратъ для мытья и фротировки тѣла 1 руб. ◆ Дѣтскіе фокусн. часы 75 коп. ◆ Игра смѣхъ дѣтей и взрослыхъ ц. 1 руб. 25 коп. ◆ Шкатулка-чародѣйка 75 коп. ◆ Пушка-машина или аппаратъ превращенія предметовъ 3 р. ◆ Ящикъ съ фокусами въ 1 р., 2 р., 4 р. ◆ Портфель съ фокусами (10 и 20 фокусовъ) 1 руб. 50 коп., 2 руб. ◆ 30 штукъ головоломокъ (игра въ терпѣніе) 3 р. ◆ Игра (Пасьянсъ) Эйфелева башня 50 коп. ◆ Америк. никелев. столов. часы, ручательство — 4 руб. ◆ Машинка для стрижки волосъ у людей и животныхъ 7 руб. ◆ Комнатные фигурчатые (медвѣди) кегли (очень изящн.) Игра 6 руб. Французскія столовыя кегли, новая игра 3—4 руб. ◆ Сапогоразуватель и обуватель 2 руб. ◆ Летающая муха (парижская новость) 1 р. 50 к. ◆ Музыкальн. волчекъ 1 руб. ◆ Выжиганіе по дереву и кожѣ, полный приборъ съ платиновымъ прижигателемъ. Ц. 12 руб. ◆ Тисненіе по кожѣ любыхъ рисунковъ, съ инструментами и образцами. Ц. 6 руб. ◆ Большой приборъ. Ц. 10 руб. ◆ Живопись на фарфорѣ, фаянсѣ, маіоликѣ и стеклѣ. Ц. 12 р. ◆ Геліоминіатюра или искусство раскрашиванія по стеклу красками портретовъ, картинъ, эстамповъ и проч. Ц. 6 руб. ◆ Литохромія или искусство обращать гравюры и литографіи въ изящныя масляныя картины. Ц. 7 р. ◆ Геліоминіатюра и литохромія вмѣстѣ. Ц. 11 руб. ◆ Домашній фотографъ, посредствомъ коего всякій, даже ребенокъ, можетъ переснимать портреты, гравюры и проч. Ц. 1 руб. ◆ Тоже съ приложеніями ц. 4 руб. 50 коп. ◆ Гальванопластика или искусство золоченія, серебренія, никелированія и т. д. ц. 4 р., 6 р., 8 р. и 10 р. ◆ Опыты съ электричествомъ, полный приборъ ц. 2 руб. 50 коп. ◆ Работы изъ стружекъ и бересты ц. 1 руб. 50 коп. ◆ Живопись брызгами ц. 2 руб. ◆ Пантографъ, приборъ для увеличенія и уменьшенія картинъ, плановъ, рисунковъ и проч. ц. 1 р. 50 коп., тоже металлическій 4 руб. ◆ Каллиграфъ, коимъ всякій можетъ научиться красиво писать ц. 1 руб. ◆ Механографъ для увеличенія и уменьшенія картинъ съ краск. ц. 1 руб. 50 коп. ◆ Живописецъ-самоучка, съ красками ц. 2 руб. ◆ Дитя архитекторъ ц. 2 руб. ◆ Кораблестроитель, постройка судовъ по моделямъ ц. 3 р. 50 коп. ◆ Живописное лото, для изуч. яз. русск., франц., нѣмецк. ц. 1 р. 50 к. Шахматы ц. 2 руб. Шашки ц. 1 руб. ◆ Волшебные фонари съ наставленіемъ самому раскрашивать картины ц. 1 руб. 50 коп., 2 руб., 2 руб. 50 коп., 3 руб., 4 руб., 5 руб., до 50 руб. ◆ Камеръ-обскуры, для рисованія съ натуры ц. 2 руб. 50 коп. ◆ Тоже большія, складныя ц. 6 руб. ◆ Ортограма, новый приборъ для рисованія перспективы съ красками и проч. ц. 5 руб. ◆ Станокъ для выпиловки по дереву и металламъ (работать рукою и ногою) деревянн., со всѣми прилож ніями, ц. 3 руб. ◆ Такой же желѣзный 6 руб. ◆ Ящикъ со столярными и переплетными инструментами, ц. 10 руб. ◆ Паяльный приборъ для спаиванія и починки всякихъ металлическихъ вещей, цѣна 5 руб. ◆ Приборъ для дѣланія рамъ изъ багетовъ съ инструментами, ц. 6 руб. ◆ Фотографич. аппаратъ — не игрушка, для сниманія съ натуры визитныхъ и кабинетныхъ портретовъ, видовъ и проч., съ пробнымъ снимк. и подробн. руководствомъ (пересылка за 15 фунт.), ц. 10 р. ◆ Симфоніонъ, музыкальный инструментъ, играющій неограниченное число пьесъ, съ приложеніемъ 6 пьесъ 8 руб. Пьесы отдѣльно по 60 коп. ◆ Новость! Электрическая лампа, автоматъ, какъ ночникъ и для закуриванія папиросъ, ц. 5 руб. ◆ Электрическая столовая лампа для освѣщенія комнатъ, цѣна 15 р. и много другихъ новостей.

НОВОСТЬ!

Телефоны и электрическіе телеграфы по 8 рублей.

Всѣ вышеозначенные приборы съ руководствами.

Заказы исполняются немедленно, но не менѣе какъ на три рубля. Новый иллюстрированный каталогъ всѣхъ изобрѣтеній высылается за 7 коп. марку. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 4. Складъ новыхъ изобрѣтеній. Mt. № 4785

(Фирма существ. съ 1872 года).

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПАРОВОЙ ФАБРИКИ

В. Ф. БОНАКЕРЪ,

ВЪ МОСКВѢ, близъ Яузскаго моста, Серебряническій переулокъ, домъ бывш. Щукина **(Телефонъ № 469)**

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ВАКСА

ВЪ ЖЕСТЯНЫХЪ КОРОБКАХЪ (фабричное клеймо **„СЛОНЪ“**)

ДАЛЕКО ПРЕВОСХОДИТЪ СВОИМИ ОТЛИЧНЫМИ КАЧЕСТВАМИ ВСѢ СУЩЕСТВУЮЩІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ И РУССКІЯ ВАКСЫ,

дѣлаетъ кожу обуви мягкою, непромокаемою и даетъ ей необыкновенно яркій блескъ

ФРАНЦУЗСКАЯ ВАКСА

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо **„Левъ“**) равняется достоинствомъ лучшимъ ваксамъ другихъ фабрикъ.

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ МАЗЬ

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо **„Самоваръ“**) самое хорошее средство для чистки и полировки всѣхъ металловъ, главнымъ образомъ, самоваровъ

ЖЕСТЯНЫЯ КОРОБКИ

съ разноцвѣтными печатными украшеніями, а также безъ оныхъ, для чая, кофе, кондитерскихъ и табачныхъ товаровъ, консервовъ и проч.

ЖЕСТЯНЫЕ ПЛАКАТЫ (вывѣски)

для рекламъ, печатанные художественно разными красками и рисунками.

Продажа моихъ товаровъ производится у всѣхъ торговцевъ.

Фабричныя марки утверждены Правительствомъ.

Прейскуранты высылаются по требованію.

Ш. № 4751 8—

Развитіе газ. „Нов. Дня“ всегда шло рука объ руку съ возростающимъ успѣхомъ газеты. За послѣднее время въ этомъ смыслѣ сдѣлано весьма много. Въ общемъ, всесторонняя полнота содержанія и богатство беллетристическаго матеріала, помѣщаемаго въ „Новостяхъ Дня“, дѣлаютъ газету одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей. Въ настоящее время редакція, кромѣ того, озаботилась приглашеніемъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Петербургѣ и большинствѣ провинціальныхъ городовъ, съ цѣлью дать читателямъ своевременныя и полныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ законодательной хроники и общественной жизни. Съ этою же цѣлью редакція, въ дополненіе къ телеграммамъ „Сѣверн. телеграф. агентства“, организовала отдѣлъ собственныхъ телегр. сообщеній.

За истекшее время помѣщено множество портретовъ Высочайшихъ Особъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, писателей, композиторовъ и музыкантовъ, ученыхъ, артистовъ и проч. Между прочимъ, изъ беллетристическихъ произведеній помѣщены слѣдующіе романы, повѣсти и разсказы:

Драма на охотѣ (*А. Чехонте*). **Никифоръ Геркулесовъ и Вѣрный способъ** (*И. Невѣжина*) **Безприданница и Дама самъ-третей** (*кн. С. В. Голицына*). **Въ лунную ночь** (*И. Н. Ге*). **Первый уронъ** (*Ив. Н. Ладыженскаго*). **На литературныхъ хлѣбахъ** (*Вл. Ив. Немировича-Данченко*). **Отецъ** (*К. В. Назарьевой*). **Въ заколдованномъ кругѣ** (*Е. О. Дубровиной*). **Ирина Калугина** (*А. Н. Лемана*) и мн. другихъ. Изъ переводныхъ: **Сафо** *Альфонса Доде*. **Прелести жизни** *Эмиля Зола*. **Фальшивый монетчикъ** *А. Дюма*. **Изъ окна въ окно** *Захеръ Мазоха*. **Дѣло Греллу**, ром. *Поля Бурже* и мн. др.; въ 1891 году также будутъ помѣщены беллетристическія произведенія извѣстныхъ писателей.

Открыта подписка на 1891 годъ

ПА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

НОВОСТИ ДНЯ

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Годовая иногородная подписка въ три срока по

3 рубля.

Ц. № 4776 5—1

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. въ Моск. . .	8 —	5 —	1 —
„ перес. въ город. . .	9 —	5 50	1 —
„ „ за гран. . .	13 —	7 90	1 60

Для иногородныхъ годовыхъ допускается разсрочка по **3** руб. въ три срока: при подпискѣ, второй—къ 1 апрѣля и послѣдній—къ 1 іюня.

Объявленія —25 к. за строку на первой стран. и 12 к. на послѣдней; стороннія сообщенія въ концѣ текста газеты—50 к. строка.

Къ свѣдѣнію публикующихъ: „НОВОСТИ ДНЯ“ печатаются въ большомъ количествѣ экземп., причемъ кругъ читателей постепенно расширяется. Публикація, которая однако есть двигатель торговли, вполнѣ достигнетъ, такимъ образомъ, своей цѣли, такъ какъ останавливаетъ на себѣ вниманіе большого контингента читателей изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ
„НОВОСТИ ДНЯ“
Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

НАСТОЛЬНЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Отдѣльн. вып. прод. по 40 и 30 коп. Адресъ редакціи и конторы: Москва, Б. Гнѣздниковскій переулокъ. № 4779 1—2

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ **НОВОЕ ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ.

Соч. **Ю. Майера и В. Присса.** Перевелъ съ нѣмецкаго и англійскаго изданій **Д. Головъ.** Съ 293 рисунками. Книга эта одобрена Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. **Цѣна 2 рубля 50 коп.** Mt. № 4784

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ

(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ)
ПОСЛѢ ПРІОСТАНОВКИ

ВНОВЬ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ
съ 1-го января 1891 года
по прежней программѣ и подъ прежней редакціей.

Въ Москвѣ на 1891 г.				На города на 1891 г.			
На 12 мѣс.	9 р.	— к.		На 12 мѣс.	10 р.	— к.	
„ 11 „	8 „	50 „		„ 11 „	9 „	30 „	
„ 10 „	8 „	— „		„ 10 „	8 „	50 „	
„ 9 „	7 „	40 „		„ 9 „	8 „	— „	
„ 8 „	6 „	70 „		„ 8 „	7 „	20 „	
„ 7 „	5 „	90 „		„ 7 „	6 „	50 „	
„ 6 „	5 „	— „		„ 6 „	6 „	— „	
„ 5 „	4 „	60 „		„ 5 „	5 „	— „	
„ 4 „	3 „	70 „		„ 4 „	4 „	— „	
„ 3 „	2 „	75 „		„ 3 „	3 „	— „	
„ 2 „	2 „	— „		„ 2 „	2 „	— „	
„ 1 „	1 „	10 „		„ 1 „	1 „	25 „	

За границу плата двойная.

Подписка съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

За перемѣну адреса 30 к., а городскаго на иногородный доплачивается разница въ цѣнѣ.

Подписка принимается при конторѣ изданія и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. новымъ годовымъ подписчикамъ, не читавшимъ помѣщеннаго въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ“ романа: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЕБА“ будетъ оный выданъ ВЪ ВИДѢ ПРЕМІИ.

Романъ этотъ разошелся въ Англіи въ 300,000 экземплярахъ и имѣлъ среди подписчиковъ и читателей „РУССКАГО КУРЬЕРА“ большой успѣхъ; онъ изданъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА ИЗДАНІЯ: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина.

Редакція открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 1 до 3 часовъ дня.

Контора изданія открыта въ будни—отъ **9** до **5** ч. веч., въ праздники — отъ **10** до **3** час. пополудни. № 4780 5—1

ТЕЛЕФОНЪ № 764.
Редакторъ-издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1891 (шестой) годъ

на еженед. (52 №№) иллюстрир. журналъ **практич.** сельск. хозяйства

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“,

К. И. Масляникова.

Много рисунковъ. **Безплатно:** отвѣты на всѣ вопросы, **разныя сѣмена, архитект. проекты, модели.**

IV вып. „Альбома животныхъ“.

Въ ближайшихъ №№ будутъ **проекты красками: I) Малой винокурни, II) Духовой печи для отопленія ею всего дома (модель большая), III) Дома-дачи, IV) Двусрубной дешевой церкви и др.**

На годъ 6 руб. съ перес.

Адресъ: СПБ., Редакція „Сельскаго Хозяина“. № 4790 2—1

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: **Генрихъ Блокнъ**, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

:МАССА БЛАГОДАРН. и ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ:

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ
ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІЙ
вполнѣ замѣняющихъ устное преподаваніе. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ
С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ.
УСЛОВІЯ и ПРОБНЫЯ ЛЕКЦІИ ★ **МОСКВА** ★ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
ПОЛН. ГАРАНТІЯ УСПѢХА ★ ПРЕДОСТЕР. ОТЪ ПОДРАЖ.

Долгоруковская улица, домъ Финогеновой.

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.
Цѣна 40 коп.
Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. **Способъ приготовленія.** При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., **бензоевое мыло** 35 к. и 50 к. кусокъ, **опо-помада** (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента *В. Аурихъ*.

Главный складъ для всей Россіи у **В. Ауриха,** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—2

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.

EAU DE BOTOT

(ВОДА БОТО) Pt. № 4314 14—10

Главный складъ: **17, Rue de la Paix, PARIS.**

Прежній адресъ: **229, Rue Saint-Honoré.**

Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также **Туалетный Уксусъ Бото** высш. качества въ отношеніи тонкости запаха.

Представитель для всей Россіи: **Н. Л. Натанъ,** Ипатьевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ
НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

№ 4777 2—1

Газета „День“ выходитъ ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, въ количествѣ **360** выпусковъ въ годъ. Повѣсти, разсказы и очерки помѣщаются въ газетѣ въ формѣ приложеній, съ особымъ счетомъ страницъ; изъ нихъ составится въ годъ 12 книжекъ.

Въ программу входятъ всѣ обычные отдѣлы ежедневныхъ изданій, а именно: передовыя статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ заграничн. жизни; мнѣнія печати, фельетонъ — разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библіографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника: петербургская лѣтопись, московская лѣтопись, провинціальная лѣтопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театръ и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книгахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія.

Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ допускается разсрочка: къ 1-му Января—2 р., къ 1-му Апрѣля, 1-му Іюня и 1-му Августа по 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп.

Объявленія: по 10 коп. за строку петита (35 буквъ). — **Адресъ** редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская, 4.

Редакторъ **И. В. Скворцовъ.**
Издатель **А. А. Греве.**

НОВАЯ КНИГА:

ОТЕЦЪ ІОАННЪ ИЛЬИЧЪ СЕРГІЕВЪ,

Кронштадтскій протоіерей Андреевскаго собора.

Очеркъ (изъ газеты „День" съ дополненіями).

Составилъ Н. Н. Животовъ.

Изданіе редакціи газеты „ДЕНЬ".

Содержаніе: Вступленіе. I. День о. Іоанна. II. Біографія его. III. Дѣтство о. Іоанна. IV Начало служенія. V. Законоучительство. VI. Проповѣди. VII. Пастырство о. Іоанна. VIII. Личность о. Іоанна. IX. Молитвы. X. Благотворительность. XI. Заключеніе.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ газеты „День", С.-Петербургъ, Преображенская. 4. № 4778

Цѣна 40 к.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (36) № 4278

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. **Оптовая и розничн. продажа.**

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 4501 20-15

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

ИЗОБРѢТЕННЫЙ БРОКАРЪ и К°.

Складъ фабрики: Офицерская. 5.

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ СВИФТЪ

ВВЕДЕНЫ ВЪ РУССКОЙ АРМІИ

ПЕРВОЕ МѢСТО

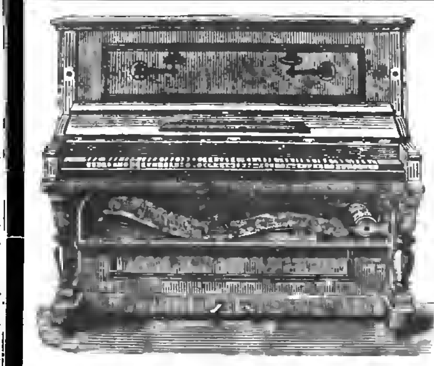
РОССІИ СКЛАДЪ

МОСКВА и С. ПЕТЕРБУРГЪ

ПРЕДПОЧ. ОТЪ МНОГОЧ. ПОДДѢЛОКЪ ПОДЪ НАЗВ. СВИФТЪ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

№ 4642 (15)



НОВОСТЬ!

МЕХАНИЧЕСКОЕ

ПІАНИНО

заграничной работы, новѣйшей конструкціи.

Можно играть не только какъ на обыкновенномъ піанино, но также отлично исполнять всѣ танцы и концертныя пьесы **посредствомъ верченія ручки.**

Цѣна безъ нотъ **600 руб.** Ноты по 1 руб. 25 коп. за каждый метръ (=1½ аршина).

ЮЛІЙ ГЕКРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 34 и 40. | **Москва**, Кузнецкій м., д. Захарьина.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ"

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

Основный и запасные капиталы 12.000,000 руб.

Общество заключаетъ на выгодныхъ условіяхъ и по умѣреннымъ преміямъ страхованія:

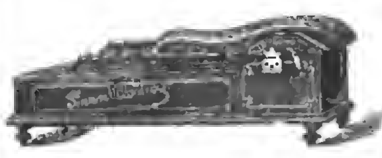
Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 4782 4-1

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1890 г. въ Обществѣ „Россія" было застраховано **22.300 лицъ на капиталъ въ 62.000,085 руб.**

Дивидендъ страхователей въ 1890 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и **всякаго рода свѣдѣнія** сообщаются въ Правленіи въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская. № 13)** и въ Агентствахъ Общества **во всѣхъ городахъ Имперіи.**



НОВОСТЬ!

ПІАНО-МЕЛОДИКО

новѣйшій и лучшій механическій инструментъ **со струнами.**

Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (3)

Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1½ арш.).

Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

механическій инструментъ **съ голосами. Цѣна 70 руб.**

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.

Иллюстрированн. прейсъ-курантъ всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ безплатно.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону. содержащему 120 граммовъ. 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (4:5) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

СКОБИЛЬНАЯ СТАЛЬ Доннерлера

скоблитъ такъ скоро и незамѣтно, что каждый по первомъ употребленіи дастъ ей предпочтеніе предъ всѣми бывшими до сихъ поръ въ употребленіи скобильными ножиками и проч.

Единственная продажа оптовая и розничная у № 4788 3—1

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ

Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей **Большая Морская, № 34,**

Цѣна съ пересылкою 1 рубль.

НОВОСТЬ

мужскіе кальсоны 2—2

изъ **ТВИСТЪ,**

прочностію незамѣнимы никакими другими.

Только въ магаз. **Ю. ГОТЛИБЪ,** по Владимірск., д. 2, уг. Невскаго пр., СПБ.

Гг. иногородн. заказчики благоволятъ присылать мѣру пояса и длины отъ пояса и подошвы.

Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. по Европ. Рос.—2 р., а по Азіатск. Россіи по 2 р. 25 к. за пару. Торговцамъ уступка. Меньше трехъ паръ не высылается. № 4766

!!! НОВОСТЬ !!!

ЧОРТОВЪ-САПОГЪ

вѣчная спичечница для шведскихъ спичекъ.

60 коп.

Съ пересылкою наложеннымъ платежомъ 1 руб. Въ Главномъ Депо Товарищества **„Проводникъ"**, Больш. Морская, № 11, Мt. № 4772 близъ Невскаго. 2—2

ГРОМАДНАЯ ЭКОНОМІЯ

въ хозяйствѣ.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ ОТЪ ЛОПАНІЯ ЛАМПОВЫХЪ СТЕКОЛЪ.

Это остроумное изобрѣтеніе приспособляется ко всякой лампѣ и безусловно предохраняетъ ламповое стекло отъ лопанія. За границею въ 2 мѣсяца продано слишкомъ **10 милліоновъ** штукъ. **Высылается немедленно. но не менѣе 1 дюжины.**

1 ДЮЖИНА 2 РУБ.

Адресъ: **С.-Петербургъ,** Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, **Невскій просп., № 4.** Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 коп. марку.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ.

Самыя **лучшія и дешевыя въ настоящее время,** неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. **Альты, віолончели, басы. Смычки** 1½—50 мар. **Футляры** 3½—40 мар. **Цитры** 16—300 мар. **Гитары** 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразате, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.

Вывозъ. Оптов. продажа.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ.

Ц. № 4787 **Крейцнахъ.** 9—1

Новое изящн. и корректное изданіе извѣстной

ШКОЛЫ ЭТЮДОВЪ К. ЛЮТШЪ

(въ 12 тетрадяхъ, каждая по 1 р. 50 к.) поступило въ продажу

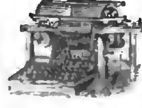
у ВАСИЛІЙ БЕССЕЛЬ и К°.

С.-Петербургъ (Невскій, 51) и Москва (Петровка, 12).

Каталогъ дешевыхъ изданій **В. Бессель и К°.** высылается безплатно. № 4789

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

При этомъ № прилагается для гг. иногороднихъ подписчиковъ прейсъ-курантъ А. М. Рузанова въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 31 октября 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. № 45 — г. XXI 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выдатъ 10 ноября 1890 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Временные курсы ручнаго труда въ Ѳеодосіи. Съ фот. Редлиха, грав. Флюгель.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XVI.

Черезъ два дня, на дворѣ зàмка появилась простая нетычанка, и изъ нея вышелъ запыленный до неузнаваемости молодой Кàроль.

Франуся въ это время стояла у окна своей горницы, увидѣла и узнала его. Она усмѣхнулась и выговорила сама себѣ:

„Да, магнатъ Ксаверій Сандецкій или незаконнорожденный Кàроль Побочекъ — это разница большая! Вдобавокъ, одинъ любитъ, но чрезъ десять лѣтъ можетъ легко и разлюбить... Другой тоже любитъ и, конечно, не разлюбитъ. Черезъ какихъ-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ онъ будетъ уже совсѣмъ старикъ. Каково мнѣ тогда будетъ?!. Объ этомъ думать нечего, тогда увидимъ... Нельзя въ жизни загадывать такъ далеко... Думая о завтрашнемъ днѣ, прозѣваешь нынѣшній. Надобно брать быстро и ловко все, что попадаетъ подъ руку. Если хорошее, нужное—сохранить, если ненужное — бросить“.

И Франуся задумалась, стоя у окна. Она думала о томъ, что̀ должно теперь произойти между отцомъ и сыномъ, что̀ скажетъ и какъ поступитъ Кàроль. Онъ никакого права не имѣетъ на нее. Онъ влюбленъ въ нее, но что-жь изъ этого? Она тоже сказала ему, что любитъ его, но полушутя, во время танцевъ, а серьезно она не говорила этого.

Между тѣмъ молодой человѣкъ, войдя въ зàмокъ, къ себѣ, умывшись и переодѣвшись послѣ дороги, перемолвился съ прислуживавшимъ старымъ лакеемъ и получилъ нежданно первый нравственный ударъ.

Старикъ сказалъ ему, что наверху, въ одномъ этажѣ съ панами, помѣщается молодая панна, Франциска именемъ, которая прежде тихонько скрывалась у домовника Зарембы, бѣжавъ отъ ксендза.

Разумѣется, лакей прибавилъ къ этому подробно все что̀ зналъ. А всѣ въ Сталупеняхъ знали теперь, что красавица-панна проводитъ цѣлые часы вмѣстѣ съ паномъ-каштеляномъ и что, повидимому, старый панъ влюбленъ въ молодую дѣвушку.

Кàроль былъ настолько пораженъ что, уже совсѣмъ готовый идти къ отцу, опустился на кресло и сидѣлъ, какъ пришибленный. Все что̀ ему передали было совершенно просто и совершенно вѣроятно.

Если бы ему сказали, что всѣ магнаты Польши влюблены въ Франусю, онъ бы повѣрилъ этому. А отецъ его, часто влюблявшійся въ жизни, и подавно могъ влюбиться за нѣсколько дней въ такую дѣвушку какъ она.

Однако Кàроль не могъ понять, или не могъ рѣшиться уразумѣть, какимъ образомъ отецъ, любящій его, не подумалъ о немъ—Кàролѣ. Вѣдь это соперничество между отцомъ и сыномъ! Это что-то нехорошее!

„Мало-ли чего не творится въ теперешнее время! прошепталъ Кàроль.—Удивительныя и странныя времена мы переживаемъ!“

И Кàроль вспомнилъ, что недѣлю назадъ, одинъ магнатъ, самый скромный и порядочный человѣкъ всей Рѣчи Посполитой, добрый, набожный, постившійся по нѣскольку разъ въ годъ, проигралъ въ карты все свое состояніе въ одинъ вечеръ, затѣмъ продалъ свою жену за крупную сумму своему же родному дядѣ, притомъ противъ ея воли, такъ какъ она обожала мужа.

Посидѣвъ нѣсколько мгновеній, Кàроль рѣшился идти къ отцу; но когда онъ вошелъ, Сандецкій тотчасъ же замѣтилъ сильное волненіе въ лицѣ сына. Они обнялись, поцѣловались и сѣли.

Кàроль сталъ передавать столичныя новости, затѣмъ перешелъ къ самому важному вопросу, о разграниченіи Рѣчи Посполитой съ Пруссіей на западѣ и съ Россіей на востокѣ; но все, что ни говорилъ онъ — онъ говорилъ вяло, разсѣянно.

Лицо его было тревожно, онъ былъ занятъ другимъ, и это очевидно поглощало его всего.

Сандецкій замѣтилъ, понялъ и, вздохнувъ, выговорилъ:

— О дѣлѣ переговоримъ мы въ другой разъ, Кàроль. Ты уже мнѣ написалъ все подробно, а я здѣсь принялъ свои мѣры. У насъ тоже много новаго есть, что̀ я долженъ тебѣ передать.

Сандецкій разсказалъ Кàролю, что нѣкій человѣкъ придумалъ средство простое и въ то же время хитрое, какъ остаться Сталупенямъ при Польшѣ. Этотъ нѣкій человѣкъ—женщина, которая себѣ въ награду за такой совѣтъ потребовала у него брака съ ней. А такъ какъ она любитъ его и онъ со своей стороны тоже увлекся ею, то все дѣло обстоитъ пока благополучно. Но вся сила въ согласіи на это третьяго человѣка.

Кàроль, конечно, тотчасъ же догадался въ чемъ дѣло, понурился и молчалъ.

— Ты все понялъ, Кàроль? выговорилъ Сандецкій.

— Все понялъ, отецъ, но не знаю... ушамъ не вѣрится...

— Не лучше-ли намъ, Кàроль, позвать на наше совѣщаніе еще одно лицо? Втроемъ мы легче и лучше выяснимъ многое.

— Конечно, лучше... глухо отозвался молодой человѣкъ.

Но затѣмъ, когда Сандецкій поднялся, чтобы позвать человѣка и послать за Франусей, Кàроль вдругъ тоже быстро вскочилъ съ мѣста и выговорилъ:

— Нѣтъ, батюшка, я не могу... Не могу ее видѣть теперь здѣсь... Надо мнѣ пойти къ себѣ, успокоиться. Да и зачѣмъ мнѣ видѣть ее? Я знаю, что̀ она скажетъ... Я вѣрю всему что̀ слышалъ.

— Но все-таки она сама можетъ...

— Не надо, ничего не надо! прервалъ Кàроль.

Молодой человѣкъ ушелъ къ себѣ, но вечеромъ онъ уже снова явился къ отцу, болѣе спокойный, и попросилъ его вызвать Франусю.

И тутъ произошло короткое объясненіе.

Франуся была холодно-важна, раза два только слегка вспылила. Она объяснила, что, хотя панъ Кàроль сдѣлалъ ей честь—влюбился въ нее, затѣмъ былъ ея спасителемъ изъ рукъ ксендза, но тѣмъ не менѣе она никогда не любила его и не можетъ любить, потому что никогда не отдастъ сердца своего молодому человѣку.

— Молодые люди легкомысленны, кончила она,—непостоянны. Связывать свою судьбу съ ними — безсмысленно.

Панъ Ксаверій сидѣлъ смущенный и виновато поглядывалъ на сына. Кàроль былъ спокоенъ, повидимому, но совершенно придавленъ всѣмъ происшедшимъ.

— Не обвиняй меня, Кàроль, даже и мысленно! выговорилъ наконецъ Сандецкій.

— Нѣтъ, батюшка, клянусь Богомъ, что не обвиняю. Я вижу и понимаю, какъ все это могло произойти въ мое отсутствіе... Я теперь только понялъ, что̀ за личность панна Франциска. Она никогда никого не любила и никогда никого не полюбитъ! Она любила, любитъ и будетъ любить страстно и пылко себя самое, себя одну. Дай Богъ только—и я молю Его объ

этомъ—чтобы когда-нибудь, при другихъ, болѣе сложныхъ обстоятельствахъ, пани Сандецкая не поступила бы такъ, какъ поступаетъ теперь со мной панна Дзялынская!

Франуся на это презрительно улыбнулась и взглянула на Сандецкаго. Взглядъ былъ настолько полонъ любви и нѣжности, казалось, вполнѣ естественной и искренной, а не игранной, что Кароль вздрогнулъ какъ бы отъ удара ножа.

— И такъ скажи, Кароль, ты отдаешь мнѣ панну Франусю?

— Я повторю слова ея, отозвался Кароль, — я никакого права на нее не имѣю. Но насколько все это зависитъ отъ меня, я на все согласенъ безъ всякаго дурнаго чувства къ отцу. Ее же я надѣюсь когда-нибудь забыть или возненавидѣть всей душой. Но мстить я не стану, обернулся Кароль къ Франусѣ,— за себя! Помни, пани, за *себя*. Если же когда-либо я узнаю, что ты поступила съ моимъ отцомъ такъ же безсердечно, какъ поступила теперь со мной, то помни, пани, являюсь мстителемъ самымъ безпощаднымъ. А теперь, батюшка, у меня просьба... Это мое, такъ сказать, условіе... Мнѣ нужно позволеніе уѣхать изъ зàмка и не возвращаться, по крайней мѣрѣ, около года.

— Какъ?!. воскликнулъ Сандецкій. — Зачѣмъ?!.

— Этого я прошу и этого я требую, надо согласиться. Мое пребываніе здѣсь будетъ нестерпимо. Видѣть женщину къ которой я относился какъ къ своей невѣстѣ—супругой моего отца... Развѣ это мыслимо?

Наступило молчаніе, послѣ котораго Сандецкій выговорилъ вздохнувъ:

— Что-жь дѣлать... Я согласенъ. Но скажи, куда же ты отправишься, что ты будешь дѣлать?

— Я хочу заняться чѣмъ-нибудь. Я хочу жить самостоятельною жизнью.

— Что же? Поѣдешь въ Варшаву, поступишь въ Палестру?

— Нѣтъ, батюшка, времена не тѣ наступаютъ. Какая теперь Палестра! Теперь нужны отечеству рубаки. Я хочу поступить въ Албанскую банду.

Сандецкій задумался, снова вздохнулъ и произнесъ:

— Ну, что-жь, пожалуй. Если бы ты носилъ мое имя, я бы не позволилъ быть тебѣ домовникомъ Радзивила и албанчикомъ, но такъ какъ, къ несчастію, ты не носишь фамиліи Сандецкихъ, то можешь быть хорошимъ членомъ банды. На прощаніе ты мнѣ все-таки подтвердишь клятву, что не имѣешь никакого дурнаго чувства противъ меня. Какъ я любилъ тебя, такъ теперь и люблю.

— Нѣтъ, батюшка, клянусь—ровно ничего не имѣю. Все это — несчастная случайность. Скажу только, что я боюсь панны Францыски. Она кажется мнѣ теперь не тою, какой я ее воображалъ. Прости мнѣ, пани, прямое слово—я не вѣрю въ твою любовь къ отцу.

— О! это я докажу вскорѣ и мужу, и всѣмъ молодымъ вѣтреникамъ! воскликнула Франуся. — Панъ не можетъ читать въ моемъ сердцѣ. Панъ уже однажды ошибся, вообразивъ себѣ, что я могу его любить. Теперь панъ ошибается вторично.

Кàроль понурился и глубоко вздохнулъ.

— Увидимъ... Давай Богъ... глухо проговорилъ онъ.

XVII.

Въ ту же ночь Кàроль Побòчекъ выѣхалъ изъ зàмка. Сандецкій особенно нѣжно простился съ сыномъ. Онъ былъ очень смущенъ тѣмъ положеніемъ, въ которое поставило его нежданное знакомство съ Франусей. Какъ бы то ни было, онъ оказывался соперникомъ собственнаго сына и вдобавокъ еще счастливымъ, предпочтеннымъ.

Какъ ни утѣшался панъ Ксаверій, что его любимецъ Кàроль еще человѣкъ молодой, увлекся дѣвушкой случайно и можетъ еще много разъ влюбиться такъ же, тѣмъ не менѣе совѣсть возмущалась въ немъ.

Вдобавокъ онъ постоянно себя спрашивалъ, можетъ-ли дѣйствительно панна Францыска любить его. Въ отвѣтъ на это онъ пожималъ плечами, сомнѣвался, но утѣшался тѣмъ, что отношенія возникшія между ними— особенныя, странныя, исключительныя. Онъ якобы долженъ жениться на Францыскѣ изъ благодарности за спасеніе своихъ помѣстій отъ Прусскаго короля.

Кончилось тѣмъ, что Сандецкій убѣдилъ себя въ томъ, что если онъ и отнялъ у сына возлюбленную, то ради государственныхъ интересовъ. Большія помѣстья Сталупеней благодаря этому останутся подъ властью польской короны.

Проводивъ сына, каштелянъ Сталупеньскій тотчасъ рѣшилъ взяться за дѣло. Медлить было нельзя. Уступка многихъ областей Рѣчи Посполитой тремъ сосѣдямъ: Пруссіи, Австріи и Россіи, была уже рѣшена въ Варшавѣ, и народу оставалось только покориться судьбѣ. Въ скоромъ времени должны были появиться въ Сталупени Фридриховскіе коммиссары для проведенія новой границы.

На другой же день послѣ отъѣзда Кароля, каштелянъ Сталупеньскій приказалъ всѣмъ отъ мала до велика, за исключеніемъ женщинъ, собраться на большомъ дворѣ зàмка.

Съ утра дворъ переполнился густою толпой. Всѣ подданные каштеляна были на-лицо, отъ стариковъ до юношей. Всѣ Сталупени были во дворѣ зàмка. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ обитатели, домовники зàмка тоже вышли изъ своихъ горницъ на тотъ же дворъ и стали въ переднихъ рядахъ.

Полуторатысячная толпа стояла мертво-тихо въ ожиданіи появленія каштеляна. Всѣмъ было, конечно, извѣстно, что дѣло идетъ о великой государственной бѣдѣ, постигшей королевство.

Панъ-каштелянъ долженъ былъ, по мнѣнію всѣхъ, объявить во всеуслышаніе горькую вѣсть о переходѣ вѣрныхъ сыновъ Рѣчи подъ скипетръ и державу ненавистнаго Прусскаго короля.

Наконецъ, домовникъ каштеляна, ближайшій къ нему наперсникъ и маршалъ зàмка, панъ Балтазаръ, вышелъ на подъѣздъ и махнулъ на толпу, какъ бы приказывая этимъ стихнуть окончательно. Вслѣдъ за нимъ вынесли раззолоченное кресло и поставили на подъѣздѣ, заранѣе накрытомъ краснымъ сукномъ.

Появился наконецъ самъ панъ-каштелянъ въ великолѣпномъ одѣяніи. Всѣ ожидали, что панъ надѣнетъ и кунтушъ, и жупанъ траурные, какъ часто бывало это, но, къ своему удивленію, увидали каштеляна въ яркомъ одѣяніи. Еще болѣе удивилась толпа, замѣтивъ на лицѣ пана не грустное выраженіе, а воодушевленно-веселое.

Панъ-каштелянъ сѣлъ на кресло, за нимъ стали его двѣ дочери, одѣтыя тоже въ свѣтлыя платья, а около нихъ, немного отступя, стала всѣмъ извѣстная бывшая господыня ксендза, а нынѣ домовничка самого пана Сандецкаго.

Каштелянъ поздоровался со всѣми громкимъ голосомъ и, послѣ долго не умолкавшихъ кликовъ и *виватовъ*, заговорилъ своимъ сильнымъ голосомъ и сказалъ цѣлую рѣчь.

Панъ Сандецкій объяснилъ, что времена наступили лихія. У Рѣчи Посполитой три могущественныхъ врага. Король Станиславъ-Августъ, самый слабодушный король, когда-либо вступавшій на польскій престолъ, ничего не дѣлаетъ, чтобы спасти свое королевство. Напротивъ, онъ продался Русской императрицѣ и въ качествѣ ея ставленника и почти раба, какъ Іуда-предатель, предаетъ свое отечество на поруганіе и разграбленіе.

Изложивъ подробно положеніе королевства Польскаго

Стрѣльба дикихъ утокъ. „Выплываютъ“. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **Котляревскаго**, грав. Флюгель.

Какъ у себя дома. Съ карт. Ю. Адама, грав. Брендамуръ.

по отношенію къ двумъ главнымъ врагамъ его—Россіи и Пруссіи, панъ Сандецкій перешелъ къ дѣлу.

Онъ объяснилъ, что новая граница между королевствами Прусскимъ и Польскимъ должна пройти какъ разъ черезъ Сталупени. Граница должна идти по урочищамъ. Одно изъ этихъ урочищъ, увы! рѣчонка, которая течетъ подъ холмомъ. Поверни эта рѣчонка отъ селенія направо—они бы оставались подданными польской короны, но Вислейка повернула налѣво еще въ незапамятныя времена, и теперь этотъ поворотъ сталъ роковымъ. Они должны принадлежать вѣковому врагу.

При этомъ панъ Сандецкій подробно разъяснилъ, что̀ будетъ служить основаніемъ для проведенія новой границы между двумя королевствами.

— Хорошо-ли вы поняли меня?! воскликнулъ наконецъ Сандецкій на весь дворъ.

— Поняли, пане! раздались голоса бо̀льшею частью стариковъ.

— Рады-ли вы сдѣлаться подданными короля Фридриха и нѣмцами?

Толпа заревѣла вся. Самые молодые—и тѣ рявкнули. Не было слышно ни *да*, ни *нѣтъ*, но по гулу этому видно было, что вопросъ былъ только оскорбителенъ.

— Готовы-ли вы, воскликнулъ панъ, вставъ съ кресла,—пожертвовать собой, чтобы остаться поляками?

Снова рявкнула толпа и даже шелохнулась, какъ бы готовая идти на приступъ.

— Согласны-ли вы проработать денно и нощно недѣли двѣ или три? Не сражаться, не биться съ врагами, а работать... Обратиться въ простыхъ землекоповъ и усиленно работать.

И на новый гулъ, выражавшій полное согласіе, панъ Сандецкій объяснилъ въ чемъ дѣло.

Стоило только, начавъ близъ селенія земляную работу, провести ее на разстояніе около версты, и Сталупени—за̀мокъ, селеніе и всѣ земли—останутся подъ властью польской короны.

Когда вся толпа поняла въ чемъ дѣло, восторженные клики огласили окрестность, и казалось, что на далекое разстояніе кругомъ слышны были эти клики.

Панъ Сандецкій объяснилъ какимъ образомъ и по какому мѣсту выроютъ новое русло для Вислейки, засыплютъ старое, насадятъ кустовъ, кое-гдѣ выстроятъ какой-нибудь сарай или избушку. Въ концѣ концовъ Вислейка въ одномъ мѣстѣ исчезнетъ съ лица земли, а въ другомъ появится.

— Но это не все! снова воскликнулъ панъ-каштелянъ.—Мы всѣ единодушно желаемъ остаться поляками, но тѣмъ не менѣе легко можетъ случиться, что найдется и среди насъ, какъ бываетъ часто, предатель, который при появленіи властей нѣмецкихъ продастъ насъ. Поэтому, во-первыхъ, отправимся сейчасъ же въ костелъ, прослушаемъ обѣдню, а затѣмъ поклянемся всѣ ни единымъ словомъ не выдавать себя и, чѣмъ бы насъ ни устрашали, стоять крѣпко за то, что Вислейка всегда, испоконъ вѣка, текла на западъ отъ за̀мка, а не на востокъ. Кромѣ того, мы поклянемся, что тотъ, кто насъ продастъ, будетъ нами наказанъ смертною казнью. Я велю приготовить на этотъ случай среди этого двора висѣлицу. На ней мы повѣсимъ Іуду-предателя.

Послѣ новыхъ кликовъ, *виватовъ* и долго неумолкавшаго гула голосовъ, вся громада двинулась со двора за̀мка въ Сталупени, прямо къ костелу.

Впереди этой толпы шелъ ксендзъ, присутствовавшій при всемъ. Ему предстояло служить обѣдню, но отецъ Викентій или былъ болѣе всѣхъ взволнованъ извѣстіемъ, или иное что-нибудь случилось съ нимъ. Онъ былъ блѣденъ, такъ что его нельзя было узнать.

Разумѣется, не переходъ Сталупеней къ Пруссіи взволновалъ его. Его поразило, оскорбило, привело въ бѣшенство совершенно иное. Все время, что панъ-каштелянъ держалъ рѣчь къ народу, ксендзъ не спускалъ глазъ со своей бывшей господыни, которая гордо и величаво стояла за кресломъ пана вмѣстѣ съ его дочерьми.

Давно-ли она боялась его, робѣла при малѣйшемъ его словѣ, опускала глаза и даже дрожала отъ страха а теперь, увидя его впереди толпы, она усмѣхнулась, головкой дернула и глаза прищурила, какъ будто разглядывая: какая такая букашка чернѣетъ передъ ней.

„Да“, ворчалъ себѣ подъ носъ отецъ Викентій, — „она посмотрѣла на меня какъ на какое-то насѣкомое. Хорошо! Увидимъ, кто въ концѣ концовъ кого поборетъ: каштелянъ ксендза, или ксендзъ каштеляна!“

Костелъ наполнился народомъ, разумѣется, самыми старыми или важными обывателями. Остальные обступили храмъ кругомъ. Каштелянъ явился тоже, но безъ дочерей, а въ сопровожденіи лишь двухъ или трехъ домовниковъ.

Здѣсь, когда началось пѣніе молитвы Пресвятой Дѣвѣ, каштелянъ и всѣ присутствующіе надѣли шапки, вытащили сабли на половину изъ ноженъ и громко поклялись стоять за Пресвятую, но вмѣстѣ съ тѣмъ на этотъ разъ стоять вѣрой и правдой за свое личное, частное дѣло.

Послѣ обѣдни всѣ присутствующіе, а равно и стоявшіе кругомъ костела, поклялись держать все втайнѣ и наказать предателя, если таковой окажется.

Ксендзъ служилъ обѣдню опустивъ глаза въ землю, а блѣдное лицо его иногда искривлялось презрительной усмѣшкой. Онъ зналъ впередъ, что этимъ предателемъ будетъ онъ. Единственно что̀ смущало его—выйдетъ-ли толкъ изъ этого предательства.

Послѣ обѣдни толпа, и старъ и малъ, наполнила снова дворъ за̀мка. Панъ-каштелянъ устроилъ пиръ. На дворъ выкатили бочки вина, а въ большомъ сараѣ для молодежи снова были устроены танцы. Но такъ какъ души общества — Ка̀роля — и другой когда-то всѣхъ увлекавшей личности въ сараѣ не было, то и танцы шли довольно вяло.

XVIII.

Съ восходомъ солнца недалеко отъ мостика между селеніемъ и за̀мкомъ уже собрались толпы въ простыхъ будничныхъ одеждахъ со всякаго рода земляными орудіями. Ломы, кирки, лопаты, тачки — все тутъ было на-лицо.

Началась работа, длившаяся цѣлый день. Самъ каштелянъ руководилъ работой и обозначалъ ту мѣстность, по которой должно было идти будущее русло.

Къ большому удивленію всѣхъ, главнымъ помощникомъ каштеляна оказался старикъ-домовникъ, котораго едва знали въ лицо сельчане, несмотря на то, что онъ жилъ въ за̀мкѣ уже цѣлые годы. Это былъ старикъ Заремба.

Онъ оказался спеціалистомъ по тому важному дѣлу, которое теперь предпринималось. Онъ же распредѣлилъ рабочихъ такимъ умнымъ способомъ, что работа пошла вдвое быстрѣе. Народъ не толпился безпорядочною кучей, а раздѣленный на четыре партіи дѣлалъ свое дѣло успѣшнѣе и даже веселѣе.

Тутъ же было окончательно рѣшено стариками, что, по всей вѣроятности, работа, несмотря на ея трудность, будетъ окончена недѣли въ двѣ, много въ три, а до появленія прусскихъ солдатъ, или комиссаровъ, оставалось по крайней мѣрѣ около мѣсяца.

Главная трудность задачи заключалась не въ рытьѣ русла, а въ уничтоженіи слѣдовъ этого рытья, и затѣмъ вторая трудность—уничтоженіе слѣдовъ прежняго русла.

Панъ-каштелянъ ежедневно вставалъ съ восходомъ солнца и проводилъ цѣлые дни на работѣ. Сюда же ради любопытства являлись и обѣ панны-дочери. Сусанна подбадривала хлоповъ шутками и смѣшками.

Моника, по своему обыкновенію, являлась болѣе полезной для рабочихъ. Она постоянно приходила съ цѣлой свитой дѣвушекъ и приносила для раздачи хлѣбъ, мясо, лакомства, а иногда и вино.

Прошло двѣ недѣли.

Старикъ-домосѣдъ Заремба зарабатывалъ теперь весь хлѣбъ, который, въ качествѣ домовника, съѣлъ за много лѣтъ у своего благодѣтеля-пана. Онъ поквитался теперь съ каштеляномъ. Безъ него быть-можетъ работа шла бы медленнѣе и вышла бы грубѣе. Всякій могъ бы догадаться и замѣтить обманъ.

Такъ, между прочимъ, Сандецкій предполагалъ провести прямо простое русло съ одинакими берегами. Старикъ Заремба убѣдилъ пана-каштеляна и всѣхъ прочихъ, что нужно потратить нѣсколько болѣе труда и какихъ-нибудь нѣсколько лишнихъ дней, но провести русло болѣе причудливое.

— Надо, чтобы это была рѣчка, а не искусственный каналъ, говорилъ онъ.

Но это легко было сказать, сдѣлать было мудренѣе. И въ этомъ отношеніи старикъ-шляхтичъ не ограничивался однимъ совѣтомъ. Онъ выдумывалъ тотчасъ же что-нибудь, что дѣлало будущіе берега новой самодѣльной Вислейки самыми естественными, какіе только могла сдѣлать сама природа.

Наконецъ, въ одинъ сумрачный день, съ грозовой тучей на небосклонѣ, всѣ обитатели Сталупеней явились въ праздничныхъ одеждахъ. Только человѣкъ съ десятокъ были съ ломами и заступами. Оставалось только прорыть, или пробить небольшое пространство, въ сажень, которое отдѣляло новое русло отъ извилины стараго.

Эта работа продолжалась всего часъ—и при громкихъ кликахъ *виватъ*, Вислейка, довольно глубокая въ этомъ мѣстѣ, ринулась весело, будто съ большой охотой — въ правую сторону. Народъ, стоявшій по берегамъ, весело бросился бѣжать за водой вдоль новаго русла. Черезъ нѣсколько минутъ Вислейка отдѣлила зàмокъ отъ невидимаго, но всѣми какъ бы чувствуемаго врага — нѣмца.

Панъ Заремба, бывшій тутъ, даже прослезился отъ восторга. То, чтò ему одному мерещилось теперь и днемъ и ночью, оказалось не только удовлетворительно исполненнымъ, но и замѣчательно сооруженнымъ.

Новая Вислейка была самая обыкновенная рѣчка, то глубокая, то мелкая, бросавшаяся и вправо и влѣво, кое-гдѣ бурлившая на глубокихъ мѣстахъ, а кое-гдѣ тихо скользившая по броду, и сквозь небольшой пластъ воды блестѣлъ чистый бѣлый песокъ на днѣ. Сама природа лучше бы не провела рѣчку.

Послѣ одного дня отдыха и пированія на дворѣ зàмка, на утро началась новая работа — засыпаніе стараго русла. И здѣсь домосѣдъ и нелюдимъ Заремба снова оказался мастеромъ своего нежданнаго дѣла.

Здѣсь онъ распланировалъ мѣстность и занялся уже садоводствомъ, огородничествомъ, а кое-гдѣ и строительствомъ. Въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ пришлось строить. Кое-гдѣ были выстроены сараи, кое-гдѣ разсажены деревья и кусты. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось класть огромные куски привознаго дерна.

Эта работа—уничтоженія слѣдовъ стараго русла—была наконецъ тоже окончена, и какъ разъ наканунѣ праздничнаго дня.

На утро снова было пированіе въ зàмкѣ и во дворѣ. Всѣ были несказанно счастливы, всѣ только и толковали о томъ, какой панъ Ксаверій молодецъ, что додумался до такого простаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и диковиннаго способа: остаться Сталупенямъ на вѣки-вѣчные за Рѣчью Посполитой.

Въ самый разгаръ веселья снова появилось красное сукно на подъѣздѣ, снова появилось кресло золоченое и снова вышелъ изъ зàмка въ красивомъ нарядѣ панъ Ксаверій съ дочерьми. Но теперь впереди паннъ, и рядомъ съ каштеляномъ, стояла панна Франциска въ пунцовомъ бархатномъ платьѣ съ конфедераткой на головѣ, украшенной большимъ пунцовымъ перомъ, которое красиво падало на плечо ея.

Народъ невольно притихъ и, столпившись, ждалъ чего-то особеннаго. Всѣ чуяли, что панъ скажетъ что-нибудь удивительное. И дѣйствительно, панъ-каштелянъ удивилъ всѣхъ.

Прежде всего панъ Ксаверій громко назвалъ нѣсколько лицъ изъ обитателей Сталупеней, съ цѣлью убѣдиться, что они на-лицо. Въ числѣ прочихъ панъ назвалъ отца Викентія.

— Здѣсь, пане! отозвался глухо, сдавленнымъ голосомъ ксендзъ, стоявшій на этотъ разъ не въ первыхъ рядахъ, а среди народа.

— Не годно тебѣ, духовному лицу, стоять среди толпы, выговорилъ панъ Сандецкій, усмѣхаясь.—Выйди впередъ.

Ксендзъ поневолѣ повиновался, выбрался изъ толпы и сталъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подъѣзда. Раза три искòса глянулъ онъ на красавицу Франциску, блестѣвшую своею красотой и богатымъ нарядомъ, но встрѣтивъ ея дерзко-насмѣшливый взглядъ, снова измѣнился въ лицѣ, уперся глазами въ землю и стоялъ, стараясь сдержать свое бѣшенство и злобу.

Ему чудилось нѣчто. Онъ былъ увѣренъ, что эта его догадка не ошибочна. А между тѣмъ его догадка казалась ему же и полною безсмыслицей.

„Зачѣмъ же она, Франциска, явилась въ праздничномъ нарядѣ, думалось ксендзу, — якобы ради какого торжества? Почему же не быть этому? Вѣдь она стоитъ впереди двухъ дочерей каштеляна, рядомъ съ нимъ".

— Слушайте меня, мои вѣрные домовники и хлопы, началъ говорить Сандецкій.

Рѣчь его продолжалась довольно долго. Панъ любилъ ораторствовать и умѣлъ говорить.

— Однимъ словомъ, закончилъ панъ Ксаверій,—спасеніе наше придумала стоящая предъ вами, панна Франциска Дзялынская. Но прежде чѣмъ сообщить мнѣ свою выдумку она взяла съ меня слово, что если я, благодаря ей, на-вѣки останусь съ потомками, изъ рода въ родъ, въ Польшѣ, то обязанъ вознаградить ее, сочетавшись съ ней законнымъ бракомъ. Скажите мнѣ правдиво: стòитъ-ли ея совѣтъ такой награды?

Обыватели Сталупеней почти всѣ, отъ мала до велика, давно любившіе, а нѣкоторые и обожавшіе Франусю, встрѣтили слова пана-каштеляна ликованіемъ почти такимъ же, какимъ проводили Вислейку, когда она побѣжала направо отъ мостика въ новое русло.

Только одинъ человѣкъ въ эту минуту страшно поблѣднѣлъ и даже затрясся всѣмъ тѣломъ. Это былъ отецъ Викентій.

— Я очень радъ, воскликнулъ панъ Ксаверій,—что будущая кастелянша Сталупеньская вамъ по сердцу! Черезъ нѣсколько дней я ѣду въ Варшаву и тамъ намѣренъ отпраздновать свою свадьбу самымъ пышнымъ образомъ. Затѣмъ я вернусь сюда, и здѣсь мы будемъ пировать цѣлыхъ три дня. Нынѣшніе мальчуганы десяти лѣтъ отъ роду, которые проживутъ лѣтъ девяносто на свѣтѣ, будутъ и въ половинѣ будущаго столѣтія разсказывать, какъ панъ Ксаверій Сандецкій, каштелянъ Сталупеньскій, праздновалъ свою женитьбу на самой умной полькѣ всего королевства, паннѣ Францискѣ Дзялынской.

Окончивъ рѣчь, Сандецкій крикнулъ *виватъ*, и тысячная толпа гулко и лихо подхватила его. Шапки полетѣли вверхъ. А панна Франциска мило, любезно, но горделиво и величаво раскланивалась съ высокаго подъѣзда на всѣ стороны.

Она видѣла въ толпѣ нѣсколько молодыхъ Сталу-

неньскихъ франтовъ, которые еще такъ недавно любезничали съ ней, объяснялись ей въ любви на задворкахъ и на огородахъ села. Она видѣла впереди всѣхъ зеленое, искаженное злобой лицо своего недавняго стражилища—отца Викентія.

И все это веселило сердце Франуси.

Давно-ли все это было?.. А теперь? Насколько это крыльцо, покрытое краснымъ сукномъ, выше всей этой толпы, настолько и она положеніемъ стала выше ихъ всѣхъ. Не пройдетъ нѣсколькихъ дней, какъ она будетъ супругой одного изъ самыхъ богатыхъ людей королевства.

XIX.

Разумѣется, тотчасъ же начались въ за̀мкѣ сборы къ отъѣзду. Панъ Сандецкій былъ въ духѣ и счастливѣе чѣмъ когда либо.

За послѣднее время онъ сталъ ласковѣе обращаться со своими дочерьми, а теперь, по просьбѣ Франуси, согласился и на то, что̀ считалъ невѣроятнымъ нѣсколько дней назадъ, на ихъ поѣздку въ столицу. Обѣ дочери пана Ксаверія, уже давно зная, въ какихъ отношеніяхъ находится новая домовничка къ ихъ отцу, въ чемъ заключается ея заслуга предъ нимъ, покорились случайности и примирились съ удивительною новостью.

Для нихъ никакой перемѣны въ жизни отъ брака отца произойти не могло. Онѣ знали, что и прежде отецъ предполагалъ все свое состояніе передать такъ или иначе своему сыну, Ка̀ролю. Имъ же должно было достаться только приданое матери. Теперь, если у отца и будутъ дѣти отъ второй жены, на ихъ судьбу это прямо не вліяло.

Между тѣмъ Франуся съумѣла заставить обѣихъ дѣвушекъ быстро полюбить себя, и какъ только онѣ сблизились, положеніе панны стало совершенно иное въ за̀мкѣ. И не только съ ними отецъ сталъ ласковѣе, но стали появляться такія мелочи, которыя озадачивали и всѣхъ домовниковъ. Каштелянъ измѣнился въ обращеніи со всѣми.

Франуся, знавшая теперь сердечную тайну младшей Сусанны — надежду выйти замужъ за русскаго офицера, и другую сердечную тайну старшей, Моники — ея желаніе быть игуменьей, прямо обѣщала обѣимъ паннамъ свою помощь. Она заранѣе отвѣчала за успѣхъ. Панна Франуся знала лучше, чѣмъ кто-либо, въ какой уже власти находится у нея будущій пожилой мужъ.

Теперь въ за̀мкѣ стало веселѣе чѣмъ когда-либо. Всѣ ликовали, что панъ Сандецкій съ невѣстой, съ двумя дочерьми и почти съ полнымъ составомъ своихъ домовниковъ и домовничекъ, собирается въ Варшаву на бракосочетаніе.

Недѣлю продолжались сборы въ за̀мкѣ. Все было наконецъ готово къ отъѣзду, но панъ-каштелянъ былъ задержанъ полученіемъ тѣхъ денегъ, какія слѣдовало взять съ собой. Онъ рѣшилъ взять не менѣе ста тысячъ злотъ, дабы отпраздновать свою свадьбу въ Варшавѣ такъ громко и съ такимъ великолѣпіемъ, чтобы вся столица заговорила о немъ.

Каштелянъ Сталупеньскій мечталъ уже о томъ, что, конечно, самъ ненавистный ему король Станиславъ со своимъ дворомъ будетъ тоже присутствовать на его свадьбѣ.

Но поступленіе денегъ шло очень медленно, и каштелянъ былъ задержанъ еще на цѣлую лишнюю недѣлю.

Однажды утромъ, около полудня, въ селеніи произошла тревога. Нѣкоторые молодцы бросились бѣгомъ къ за̀мку объявить о томъ, что̀ случилось на селѣ. Скоро вѣсть достигла и до самого каштеляна и слегка взволновала его.

Въ Сталупеняхъ появились два комиссара съ какими-то столбами и значками, на которыхъ были намазаны черные орлы. Конечно, обитатели знали, что̀ это за орлы, давно имъ ненавистные, и знали тоже, кто эти давно ожиданные гости.

Съ комиссарами было нѣсколько человѣкъ солдатъ въ прусскихъ мундирахъ. Это была комиссія по разграниченію двухъ королевствъ.

Панъ Сандецкій не двинулся изъ за̀мка, а послалъ къ гостямъ маршала Балтазара Трембицкаго и двухъ домовниковъ, изъ самыхъ умныхъ и важныхъ. Они вмѣстѣ съ комиссарами обошли село, за̀мокъ и, изображая изъ себя людей наивныхъ, якобы не знающихъ совершенно о томъ, по какимъ правиламъ должно происходить размежеваніе и разграничиваніе, указали комиссарамъ мѣстность, окружающую за̀мокъ.

Нѣмцы и поляки, прогуливаясь кругомъ за̀мка, объяснявшіеся больше мимикой и жестами, кое-какъ перетолковали. Дѣло оказалось простое.

Нѣмцы увидѣли сами, что рѣчка проходила по владѣніямъ каштеляна Сандецкаго такимъ образомъ, что за̀мокъ отдѣлялся ею къ Польшѣ, слѣдовательно, и все огромное помѣстье пана оставалось за польской короной.

Пруссаки, уже собиравшіеся разставлять свои столбы съ черными орлами и уже вытащившіе нѣсколько листковъ съ объявленіями для жителей, все уложили обратно.

Только одинъ изъ этихъ пруссаковъ, человѣкъ, очевидно, болѣе дальновидный и умный, сомнительно покачивалъ головой и по-волчьи озирался, гуляя вокругъ за̀мка. Или онъ былъ проницателенъ, или до него достигли какіе-нибудь слухи, или уже нашелся предатель въ Сталупеняхъ. Этотъ комиссаръ то морщился, то усмѣхался. Собираясь обратно, онъ заявилъ на ломаномъ польскомъ языкѣ, что Сталупени остаются во власти Рѣчи Посполитой „покуда“, а что̀ будетъ послѣ— видно будетъ.

Это „покуда“ смутило тѣхъ домовниковъ, которые слышали это.

Комиссары сѣли снова въ свои брички и выѣхали изъ Сталупеней.

Слово „покуда“ облетѣло скоро Сталупени, облетѣло и за̀мокъ, достигло и до слуха самого пана.

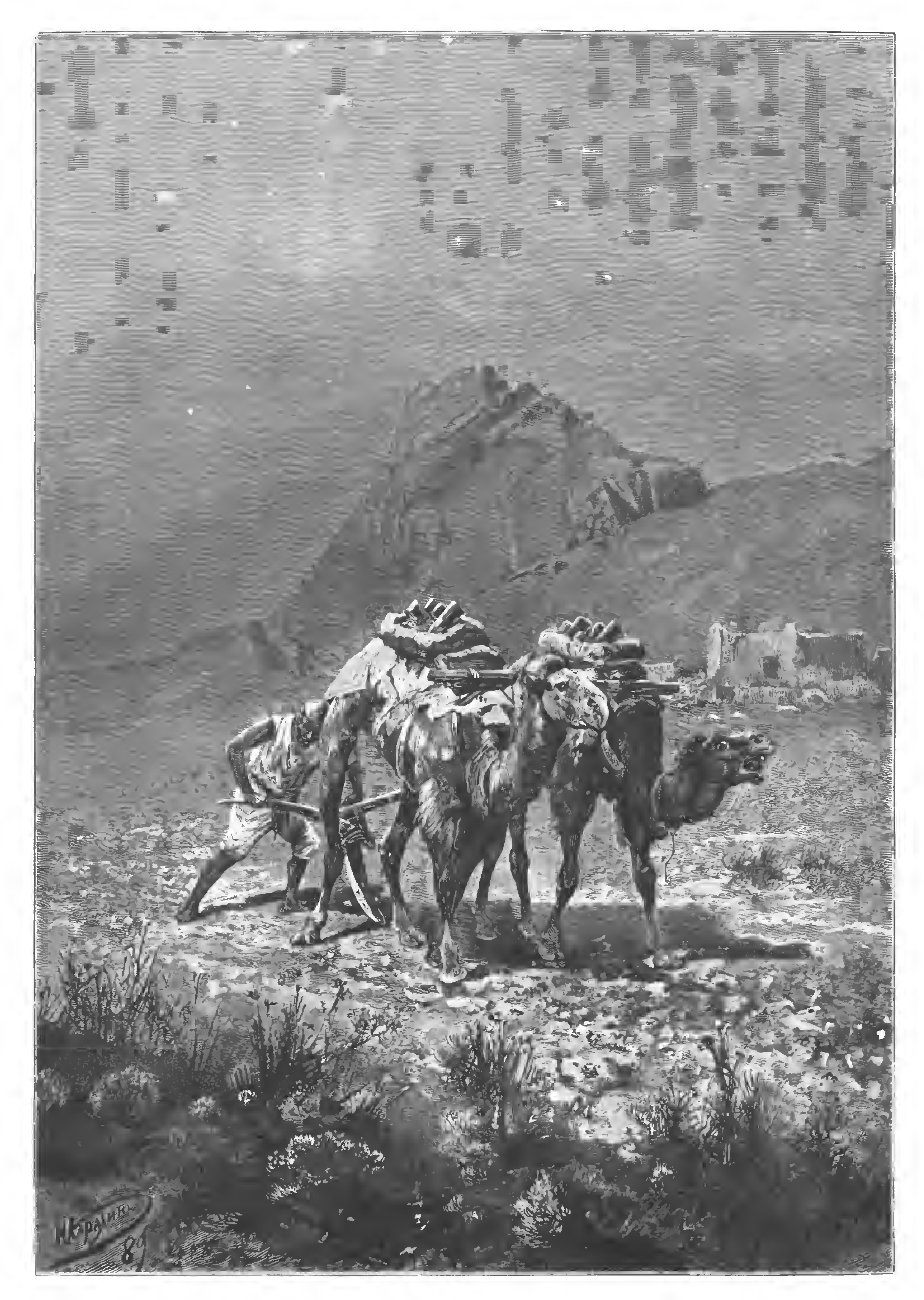
— Это пустое! отозвался Сандецкій.—Если нашелся предатель, то мы всѣ, сколько насъ ни есть живыхъ людей въ Сталупеняхъ, поклянемся, что все это ложь, что Вилейка съ незапамятныхъ временъ, со временъ Ольгерда, съ самыхъ дней потопа текла именно по тому мѣсту, гдѣ течетъ теперь.

Черезъ день послѣ посѣщенія ненавистныхъ нѣмцевъ, длинный поѣздъ выѣхалъ изъ за̀мка по дорогѣ въ столицу. На этотъ разъ поѣздъ былъ гораздо пышнѣе, чѣмъ когда-либо. Нѣсколько новыхъ экипажей, роскошныхъ и простыхъ, длинной вереницей понеслись по дорогѣ.

Впереди всѣхъ скакали гайдуки и пајоки каштеляна Сталупеньскаго. Самъ онъ ѣхалъ въ данцигской каретѣ, отдѣланной золотыми украшеніями, запряженной четверней великолѣпныхъ лошадей. За нимъ, въ другой каретѣ, ѣхала одна панна Дзялынская, въ третьей— ѣхали двѣ панны-дочери, въ остальныхъ бричкахъ и нетычанкахъ ѣхали домовники и прислуга. Всего было около двадцати-пяти экипажей.

Рядомъ съ поѣздомъ и позади его скакало много всадниковъ. Это были молодые домовники, которые, не найдя мѣста въ экипажахъ, двинулись верхомъ. Разумѣется, вся дорога отъ за̀мка на цѣлыхъ полверсты была покрыта народомъ. Хлопы вышли провожать поѣздъ каштеляна.

Панна Франциска ласково раскланивалась изъ окошка кареты на обѣ стороны и показалась обывателямъ красивѣе чѣмъ когда-либо...



Окрестности Асхабада. Пахарь. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **Н. Каразина**, грав. Флюгель.

XX.

Между тѣмъ Ка́роль, бѣжавшій изъ отцовскаго дома, послѣ долгаго пути, достигъ цѣли своего странствованія. Молодой человѣкъ измѣнился за это время до неузнаваемости.

Оказывалось, что его любовь къ Франусѣ была не простою вспышкой, а глубокою страстью. Быстро, чуть не въ одинъ вечеръ влюбился онъ въ кокетку, а между тѣмъ чувство оказывалось гораздо болѣе серьезнымъ, нежели онъ самъ вначалѣ думалъ.

Правда, до тѣхъ поръ Ка́роль никогда влюбленъ не бывалъ, за исключеніемъ одного легкаго увлеченія. Если-бы соперникомъ его былъ не родной отецъ, то, конечно, онъ не уступилъ бы предмета своей страсти такъ легко. Съ другой стороны, именно это обстоятельство, что соперникомъ былъ родной отецъ, дѣлало его теперешнее чувство еще болѣе тяжелымъ.

Все это случилось слишкомъ неожиданно и казалось слишкомъ невѣроятно. Вдобавокъ Каролю чудилось, что панна Франциска если не играетъ комедію, то, во всякомъ случаѣ, поступаетъ странно.

Не можетъ же она быть, въ самомъ дѣлѣ, влюблена въ пожилаго, хотя бодраго, но все-же далеко не красиваго вдовца! Будь онъ бѣденъ, развѣ все это случилось бы?..

Размышляя объ этомъ, Ка́роль приходилъ къ убѣжденію, что рано или поздно, а можетъ быть и очень скоро въ отношеніяхъ будущихъ супруговъ произойдетъ какая-нибудь драма. Онъ понималъ, видѣлъ, что Франуся много беретъ на себя. Она не знаетъ пана Ксаверія. Она не знаетъ, что, будучи у нея въ рукахъ игрушкой, онъ можетъ въ одинъ прекрасный день оказаться опасною игрушкой. Если Франуся захочетъ, играя, сломать эту игрушку, то можетъ не только поранить себя, но и убить.

Въ случаѣ враждебныхъ отношеній, которыя могли бы возникнуть между отцомъ и его молодой женой, Ка́роль предполагалъ, конечно, явиться и стать на сторонѣ отца, чтобы наказать примѣрно ту, которая рѣшается играть жизнью людей.

Теперь Ка́роль былъ въ самомъ трудномъ положеніи. Ему нельзя было оставаться въ Сталуненяхъ. Съ другой стороны, ему не хотѣлось ѣхать на житье въ Варшаву. Отправляться въ какой-либо небольшой городъ было излишне, ибо тамъ нечего было дѣлать. Поэтому молодой человѣкъ избралъ нѣчто привлекательное по времени, или, лучше сказать, модное.

Во всей Польшѣ, у всѣхъ большихъ магнатовъ была масса молодцовъ-нахлѣбниковъ получавшихъ salarium, то-есть молодыхъ людей жившихъ на жалованіи и, конечно, всѣ они были изъ природныхъ шляхтичей. Молодежь, и мужчины, и дѣвушки, какъ бы въ силу обычая, поступали на службу къ этимъ магнатамъ. Юноши поступали пажами, молодые люди въ качествѣ адъютантовъ или вообще членовъ свиты магната, молодыя дѣвушки въ качествѣ компаньонокъ или фрейлинъ.

У нѣкоторыхъ магнатовъ эти дворы были на царскую ногу; но выше всѣхъ по роскоши и блеску, вслѣдствіе огромнаго состоянія и самаго древняго происхожденія, стоялъ князь Ка́роль Станиславъ Радзивилъ.

Это была крупнѣйшая личность времени. Но значеніе Радзивила опредѣлялось не его личными качествами, а исключительно страшными суммами, которыми онъ безпорядочно сорилъ. Радзивилъ, въ силу обычая, подобно отцу, дѣду и прадѣду былъ палатиномъ Виленскимъ или воеводой, и былъ счетомъ шестнадцатый воевода. Слѣдовательно, всѣ Радзивилы господствовали въ Литвѣ съ незапамятныхъ временъ.

Предъ избраніемъ на престолъ польскій ставленника Русской императрицы, бѣднаго дворянина Станислава Понятовскаго, многіе мечтали попасть на польскій престолъ, имѣя на то больше правъ чѣмъ Понятовскій. Въ числѣ прочихъ былъ, конечно, и Ка́роль Радзивилъ.

Понятовскій былъ избранъ благодаря тому, что его дяди, князья Чарторыйскіе, хлопотали за него при Русскомъ дворѣ и, главнымъ образомъ, благодаря прежнему знакомству Понятовскаго съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной. Радзивилъ сдѣлался, разумѣется, заклятымъ врагомъ и самого короля, и его „фамиліи“, какъ называли въ Польшѣ Чарторыйскихъ.

„Фамилія“ въ первые годы царствованія Понятовскаго распоряжалась и королемъ, и судьбами Рѣчи Посполитой. Князь Радзивилъ составилъ свою анти-правительственную партію. Въ Польшѣ говорилось:

— Куда глянетъ Радзивилъ, туда бросится и вся Литва!

Дѣйствительно, Литва какъ бы привыкла къ своему собственному королю, такъ какъ всѣ Радзивилы властвовали здѣсь уже за триста-пятьдесятъ лѣтъ, играли крупную роль въ исторіи своего отечества; поэтому князь Ка́роль могъ, конечно, мечтать о томъ, чтобы сдѣлаться королемъ. Теперь же, оставшись простымъ магнатомъ и воеводой Виленскимъ, онъ, во всякомъ случаѣ, стоялъ выше всѣхъ остальныхъ магнатовъ.

Положеніе Ка́роля Радзивила было тѣмъ исключительнѣе, что онъ стоялъ за старо-польскіе порядки. Онъ со своею многочисленною партіей былъ закоренѣлымъ врагомъ всего новаго, всѣхъ реформъ и всѣхъ перемѣнъ, какія вводила Екатерина чрезъ своихъ резидентовъ.

Когда началось время всякаго рода конфедерацій, въ которыхъ сами поляки не могли разобраться и которыхъ набралось до двухсотъ, Радзивилъ явился первымъ основателемъ знаменитой Барской конфедераціи, сыгравшей крупную роль въ исторіи Польскаго государства. Россія долго боролась съ ней, и только Суворовъ раздавилъ „польскую гидру“, какъ называли ее въ Петербургѣ.

Барская конфедерація была, дѣйствительно, гидрой. Каждый разъ, что погибалъ какой-нибудь коноводъ, прославившійся своими подвигами,—на его мѣсто появлялись двое другихъ.

Разумѣется, Русское правительство всячески хлопотало, чтобы привлечь на свою сторону такую силу, какъ Радзивилъ; но такъ какъ упрямый магнатъ не уступалъ, требовалъ не болѣе, не менѣе, какъ низложенія короля изъ рода простыхъ шляхтичей, то пришлось употребить противъ него самое сильное средство, какое было въ рукахъ правительства.

Радзивилъ былъ безъ суда наказанъ „банницiей“, т. е. подвергся изгнанію изъ своего отечества. Всѣ его громадныя помѣстья, которымъ счету не было, были конфискованы и якобы отобраны въ пользу государства. Но оказалось все это въ концѣ-концовъ мыльнымъ пузыремъ.

Если за всѣ двадцать-пять, тридцать послѣднихъ лѣтъ существованія Рѣчи Посполитой не видно было нигдѣ, ни въ чемъ ни капли единодушія, то въ частномъ дѣлѣ банниціи Радзивила проявилось единодушіе удивительное. Когда магнату пришлось удалиться, почти бѣжать изъ своего отечества, то нашлись люди, которые моментально разобрали въ аренду всѣ его безчисленныя помѣстья. У этихъ арендаторовъ невозможно было, въ силу ихъ частныхъ договоровъ, отнять земли. А между тѣмъ всѣ эти арендаторы были подставные.

Разобравъ всѣ помѣстья и фольварки магната, они посылали ему за-границу весь доходъ. И князь Радзивилъ, изгнанный изъ предѣловъ отечества, изумлялъ Францію и Италію своей роскошью и своимъ швыряньемъ золота.

Проживая одно время въ Венеціи, польскій магнатъ затмилъ своимъ блескомъ блестящую и богатую Венецію. Послѣ его путешествія на цѣлую сотню лѣтъ осталось въ Италіи выраженіе „far viagio alla pollaca“—„путешествовать по-польски“.

За время этого заграничнаго кочеванія, Радзивилъ дѣйствовалъ еще враждебнѣе относительно Русскаго правительства и короля Станислава, сносился со всѣми врагами Екатерины, подружился даже съ самозванкой принцессой Владимірской, открыто объявлялъ по всей Европѣ, что онъ хлопочетъ не только объ низложеніи короля Польскаго, но и императрицы Всероссійской.

Тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концовъ Русское правительство всячески старалось прекратить „Радзивиловъ шумъ" въ Европѣ. Русская царица не любила тѣхъ лицъ, которыя въ Европѣ „шумѣли" противъ нея.

И пространствовавъ нѣсколько лѣтъ, Радзивилъ вернулся въ свое отечество съ разрѣшенія своихъ враговъ.

Нѣчто, составлявшее силу князя Радзивила, послужившее когда-то ядромъ для основанія Барской конфедераціи, парализовавшее усилія Польскаго короля избавиться отъ своего врага, наконецъ, сдѣлавшее баницію пустяками—это нѣчто и было теперь цѣлью путешествія Кароля. Это была извѣстная на всю Польшу „Албанская банда".

Когда-то Радзивилъ, оставшись послѣ отца наслѣдникомъ громаднаго состоянія и найдя въ за́мкѣ нѣсколько сотъ нахлѣбниковъ и служителей изъ шляхты, которые всѣ носили названіе домовниковъ, первый изъ польскихъ магнатовъ надумался воспользоваться этою праздною и зря буянившею толпой.

Избравъ лучшихъ, Радзивилъ основалъ свою дружину, далъ ей особый мундиръ и написалъ для нея особый статутъ. Дѣло было обставлено такъ, что вскорѣ сыновья самыхъ знатныхъ, но обѣднѣвшихъ фамилій считали за честь поступить въ банду Радзивила. Начальникъ ея назывался канцлеромъ.

Въ скоромъ времени это былъ уже многочисленный полкъ первыхъ удальцовъ Польши. Разумѣется, они были нѣчто въ родѣ опричниковъ для враговъ магната-князя, но были за-то опорой Радзивиловской партіи.

Князь жилъ въ своемъ имѣніи въ Песвижѣ, называвшемся Алба, и дружина его или банда, была названа по имени его резиденціи.

Вотъ въ эти-то „албанчики" и явился теперь молодой Кароль Побòчекъ поступить охотникомъ.

(Продолженіе будетъ).

Колесо Фортуны.

Историческій разсказъ **П. Н. Полевого.**

(Продолженіе).

III.

Графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ — одинъ изъ вліятельнѣйшихъ кабинетъ-министровъ, а по женѣ и близкій свойственникъ правительницы, герцогини Анны Леопольдовны,—жилъ въ то время въ одномъ изъ своихъ домовъ, на Васильевскомъ островѣ, близъ бывшихъ Меньшиковскихъ палатъ.

Домъ графа Михаила Гавриловича былъ обширный, въ два жилья, и хотя верхнее жилье и было деревянное, но весь домъ, красно отстроенный заѣзжимъ итальянцемъ-архитекторомъ, смотрѣлъ изящно и легко на улицу изъ-за рѣшетки сада. Садъ былъ тоже обширный; онъ тянулся позади графскаго дома до самой Невки, и, по обычаю времени, былъ переполненъ всякими люстъ-гаузами, гротами, бесѣдками и статуями, которыми въ изобиліи были обставлены прямыя, крытыя и огибныя дорожки графскаго сада.

Домъ графа Головкина былъ казистъ не одною внѣшностью: „красна была изба углами — красна и пирогами". Графъ Головкинъ слылъ издавна великимъ хлѣбосоломъ и гастрономомъ и любилъ частенько собирать въ своихъ богатоубранныхъ палатахъ цвѣтъ современнаго петербургскаго общества. Графскіе повара считались чуть-ли не первыми въ Петербургѣ; а погребъ графа цѣнился высоко любителями и знатоками не только за запасы дорогихъ и рѣдкихъ винъ, но и за дѣдовскій запасъ медовъ, наливокъ и настоекъ. Вотъ почему банкеты и праздничныя трактованья графа усердно и охотно всѣми посѣщались и въ графскомъ домѣ не было гостямъ перевода. Танцовальныя вечеринки у графа были тоже превеселыя. Онъ, какъ любитель музыки, держалъ свой собственный домовый оркестръ, подъ управленіемъ извѣстнаго капельмейстера, Ивана Мурзина, и Головкинскіе музыканты обыкновенно приглашались даже на придворные балы и маскарады.

Насколько графъ Михаилъ Гавриловичъ, воспитанный въ Петровское время и долго жившій за границей, умѣлъ придать своему дому внѣшній видъ и характеръ европейскаго знатнаго дома,—настолько-же его супруга, добрѣйшая Екатерина Ивановна умѣла и среди европейской обстановки удержать въ домѣ духъ и характеръ стариннаго русскаго боярства и сохранить всѣ обряды, всѣ обычаи исконной русской старины. Никто, во всемъ тогдашнемъ Петербургѣ, не умѣлъ такъ радушно принять, такъ сытно и вкусно угостить гостей, какъ графиня Екатерина Ивановна; ни въ чьемъ домѣ не водилось такихъ чудесныхъ квасовъ, шипучекъ и водянокъ, какъ въ ея домѣ; нигдѣ такъ весело и безпечно не справляли Святокъ, нигдѣ такъ шумно не пировали на Масляной, какъ подъ милымъ, теплымъ, гостепріимнымъ кровомъ Екатерины Ивановны, которая, казалось, была всѣмъ родня, всѣмъ кума, всѣмъ—*своя*.

У графа и графини не было дѣтей; но въ домѣ у нихъ жила племянница-сиротка, Настасья Ивановна Мезецкая, въ которой графъ съ графинею души не чаяли. Настенькѣ пошелъ недавно осьмнадцатый годъ, она считалась невѣстою *„на выданьѣ"*, и такъ какъ, въ придачу къ красотѣ, за нею числилось еще тысячи три душъ въ Гетманщинѣ, то отъ жениховъ отбою не было. Однакожъ, Настенька не торопилась замужествомъ и никто изъ видныхъ жениховъ ея не могъ еще похвалиться особеннымъ успѣхомъ въ своихъ искательствахъ...

— Вотъ, Настенька, стала съ нею частенько заговаривать въ послѣднее время Екатерина Ивановна, — есть у насъ на примѣтѣ и женишокъ тебѣ: разумникъ, дѣловитъ, и саномъ сановитъ, и на пути хорошемъ!

— Ужъ не вашъ-ли смирёна, не Луговской-ли князь? плутовато улыбаясь, спрашивала Настенька.

— А хоть-бы и онъ? Чѣмъ онъ тебѣ не нравенъ? Въ какихъ еще лѣтахъ, а ужъ сенаторъ и скоро кавалерію черезъ плечо получитъ...

— Чай не своимъ умомъ, а все дядюшкиными милостями пользуется? Самъ-то онъ не очень боекъ — не далеко-бы ушелъ...

— Ахъ, ты сорока-бѣлобока! съ досадою отзывалась добрѣйшая графиня.—Туда-же со своимъ ребячьимъ разумомъ суется о людяхъ судить! Вѣдь мы-то лучше видимъ, кто тебѣ парой можетъ быть! Да знаю, знаю, кто тебѣ по сердцу-то пришелся! Знаю! За гвардейца нашего, за Измайлова Семена сейчасъ-бы выскочить готова!..

Дѣвушка покраснѣла, потупилась и не сказала ни слова.

— Такъ вѣдь ты подумай, глупенькая, наставительно продолжала графиня,—вѣдь онъ буянъ, гуляка! Въ дракѣ, въ задорѣ — первый! Какія были вотчинки — всѣ прожилъ, проигралъ... Осталось-ли отъ всѣхъ вотчинокъ хоть на поминъ души родительской? Да онъ-же и непутевый — отъ живого мужа жену увезъ да бросилъ. Нѣтъ,—воля твоя!—за этого не выдадимъ тебя. И будь онъ мнѣ не внучатный племянникъ—я и на порогъ-то его-бы не пустила...

Дѣвушка молчала, опустивъ глаза, и только перебирала складочки кисейнаго рукава, расшитаго пестрыми шелковыми узорами...

Настеньку не смущали всѣ эти розсказни о любовныхъ шашняхъ и удалыхъ шалостяхъ Измайлова, которыя вошли въ пословицу... Настенька знала, что Семенъ Павловичъ ее любитъ, и гордилась тѣмъ, что этотъ богатырь покоряется ея волѣ какъ ребенокъ. И когда она сравнивала, припоминая, этого браваго молодца-гвардейца съ точнымъ, степеннымъ и исполнительнымъ княземъ Луговскимъ, который и въ менуэтѣ, какъ въ жизни, разсчитывалъ каждый шагъ и каждое движеніе—она думала: „Нѣтъ! Отъ него чернилами несетъ! Онъ, чай, и спитъто съ перомъ за ухомъ?.. Нѣтъ, съ этакимъ мужемъ я отъ скуки помру! Ну, гдѣ-же ему равняться съ Сенюшкой? Тотъ..."

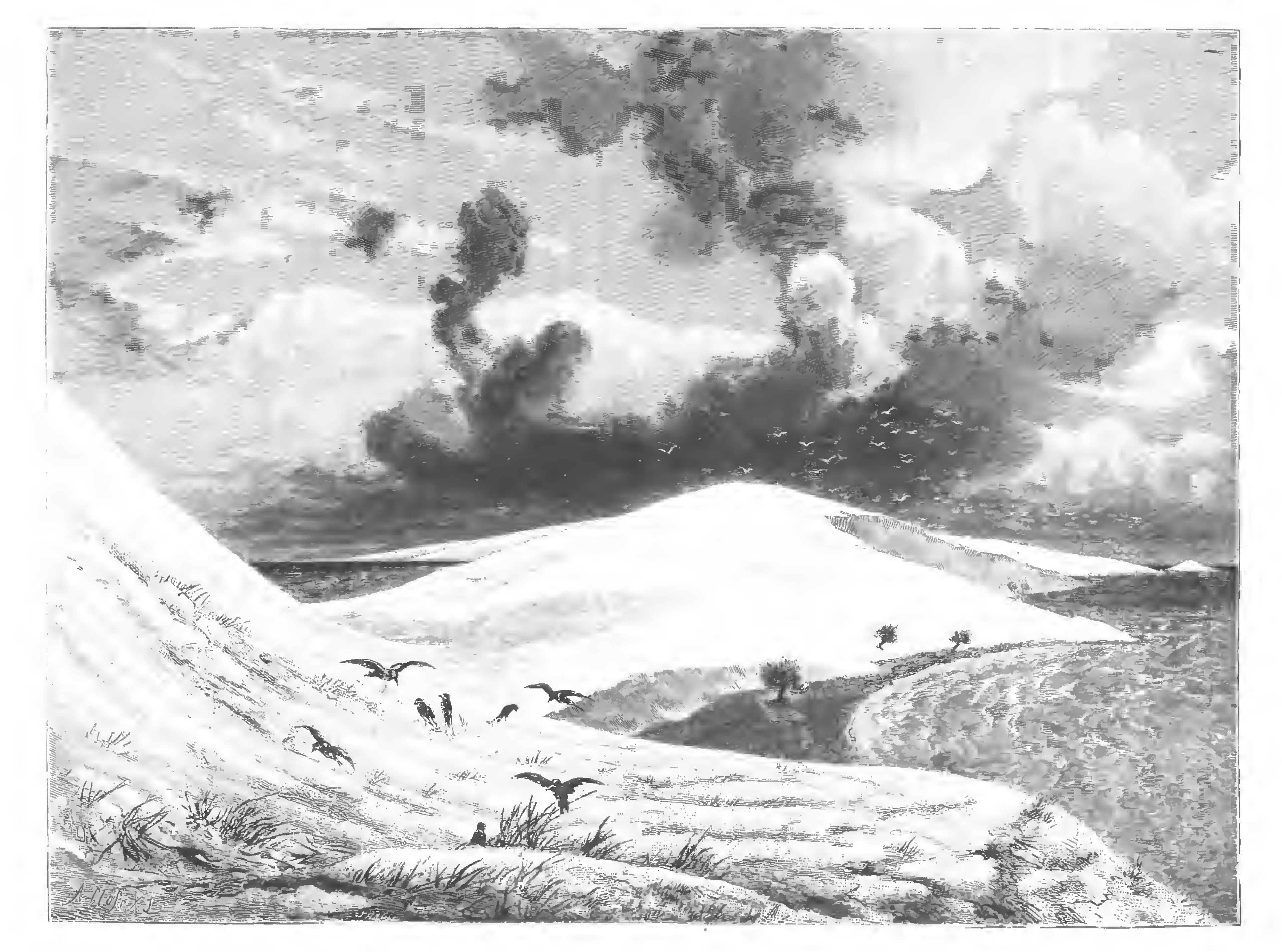
И, думая о Сенюшкѣ, Настенька на мгновеніе закрывала глаза, представляла себѣ его красивую, мужественную фигуру и невольно, вслухъ договаривала свою мысль:

„Тотъ—совсѣмъ иной! Тотъ—всѣмъ взялъ!"

IV.

Когда Яковъ Петровичъ въ своей каретѣ, запряженной цугомъ, подъѣхалъ, въ первомъ часу, къ дому графа Головкина, ему не легко было добраться до подъѣзда, потому что вся улица и весь дворъ графскаго дома были заставлены всевозможными экипажами: возками, каретами, кибитками, санями и парными, и въ одиночку.

Къ обширному крыльцу сѣней графскаго дома то и дѣло подъѣзжали экипажи, изъ которыхъ проворные Головкинскіе слуги, въ богатыхъ гайдуцкихъ ливреяхъ, высаживали все новыхъ и новыхъ гостей. Наконецъ, чередъ дошелъ и до кареты князя Луговскаго: высадили и его на крыльцо, и между тѣмъ



Видъ на дюны Куришскаго Нерунга. Съ фотогр грав Клоссъ

Въ зыбучихъ пескахъ Куришскаго Нерунга. Съ наброска Буша. грав. Креперъ.

какъ онъ всходилъ на его ступени, сзади уже слышенъ былъ скрипъ полозьевъ подъѣзжавшаго другаго экипажа.

Въ обширныхъ сѣняхъ, гдѣ грудами были на ларяхъ навалены шубы господъ и толпились ихъ слуги, въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ, Яковъ Петровичъ отдалъ шубу Прошкѣ, отряхнулся, оправилъ батистовую сборчатую манишку и осторожно снялъ треуголку съ высокаго напудреннаго французскаго парика, который покрывалъ его голову.

Затѣмъ, придерживая рукою шпагу, выставлявшуюся изъ-подъ наряднаго сюртука, молодой сенаторъ, по лѣстницѣ, устланной коврами, поднялся во второй этажъ Головкинскаго дома. Здѣсь онъ вступилъ въ тѣсную толпу гостей, наполнявшихъ всѣ три обширныхъ залы, до угловой, въ которой сама хозяйка-именинница принимала поздравленія. Яковъ Петровичъ совсѣмъ затерялся и сталъ незамѣтенъ въ этой пестрой и шумной толпѣ; тутъ видѣлъ онъ около себя и военныхъ, и придворныхъ, и иныхъ сановниковъ, и знатнѣйшихъ духовныхъ особъ и даже полномочныхъ иностранныхъ пословъ и посланниковъ... Шумъ и говоръ множества голосовъ едва покрывался рѣзкими звуками хора „молдавскихъ" музыкантовъ, которые пришли поздравить графиню и гремѣли какой-то не совсѣмъ складный маршъ въ сосѣднемъ залѣ.

Расшаркиваясь направо и налѣво, пожимая руки пріятелямъ и отвѣшивая низкіе поклоны знатнымъ персонамъ, князь Луговской наконецъ кое-какъ добрался до хозяйки дома и послѣ обычныхъ поклоновъ и привѣтствій облобызалъ ей руку. При этомъ, графиня милостиво потрепала его по плечу и ласково сказала ему вполголоса:

— Ты, Яшенька, у насъ вѣдь свой... Клади треуголку и шпагу въ сторону — да помогай мнѣ принимать и занимать гостей. Вѣдь графъ-то мой совсѣмъ сегодня расклеился: лежитъ да охаетъ въ опочивальнѣ.

Яковъ Петровичъ, польщенный милостивымъ вниманіемъ хозяйки, тотчасъ поспѣшилъ исполнить ея желаніе, но, прежде, чѣмъ приняться занимать гостей, направился въ опочивальню „благодѣтеля", чтобы и ему принести поздравленіе и выразить соболѣзнованіе.

Въ опочивальнѣ графа, обитой по стѣнамъ малиновымъ штофомъ, устланной мягкими коврами, занавѣси оконъ были приспущены. Самъ графъ Михаилъ Гавриловичъ, въ сильнѣйшемъ припадкѣ подагры и хирагры, лежалъ на кровати, полуодѣтый, въ вязаномъ колпакѣ, окутанный собольимъ одѣяломъ. Около него, за ширмами, обитыми печатнымъ холстомъ, сидѣли въ креслахъ его ближайшіе пріятели и знатнѣйшіе изъ гостей: кабинетъ-министръ Черкасскій, князь Трубецкой, генералъ-прокуроръ сената и генералъ Апраксинъ. Бесѣда за ширмами, интимная и очень оживленная, велась вполголоса, лишь изрѣдка прерываемая стонами больнаго графа.

Когда Яковъ Петровичъ, на цыпочкахъ, вошелъ въ опочивальню графа и отвѣсилъ всѣмъ гостямъ низкіе поклоны, бесѣда смолкла, и князь остановился въ нерѣшительности, не зная, остаться-ли ему у постели больнаго графа, или удалиться въ залу, къ остальнымъ гостямъ.

Но графъ тотчасъ-же вывелъ его изъ затрудненія:

— А! Яшенька! Вотъ... очень радъ! сказалъ онъ слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ. — Поди сюда поближе, поправь мнѣ изголовье, да прислушай, что князь разсказываетъ... А ты, князь, обратился Головкинъ къ Черкасскому,—ты его не опасайся. Онъ и мнѣ-то *свой*, и государынѣ-правительницѣ всей душою преданъ: вѣрный и нелицемѣрный рабъ ея высокогерцогскаго величества...

Черкасскій окинулъ Луговскаго взглядомъ, расправилъ морщины на лбу, пожевалъ тонкими блѣдными губами и продолжалъ вполголоса начатый разсказъ:

— Такъ вотъ, вчера-то, въ понедѣльникъ, на куртагѣ, мы видимъ, ея высочество въ такомъ гуморѣ выйти къ намъ изволила, что просто и не подступиться къ ней. По галлереѣ изволитъ взадъ и впередъ ходить, почти ни съ кѣмъ не кланяется, а потомъ вдругъ посылаетъ Миниxова-сына за цесаревной и ушла въ ту боковую, что направо. Цесаревна переглянулась со своими, а Шетарди проклятый, слышу, шепчетъ, наклонившись къ Финчу: „ну, говоритъ, намылитъ она ей голову!"

— Вотъ кого-бы надо было давнымъ-давно по первопутку за границу сбыть! съ досадой воскликнулъ Трубецкой, ударивъ ладонью по колѣну.

— Постой, постой, князь! Не горячись! остановилъ Трубецкаго Черкасскій, спокойно и мѣрно поворачивая между пальцами богатую жалованную табакерку. — Дослушай сперва... О чемъ ея высочество изволили вести бесѣду съ цесаревной — никто не зналъ; а только слышно было, что обѣ знатно горячились... Въ галлереѣ даже, гдѣ мы играли въ ломберъ, слышны были ихъ голоса. А потомъ ужъ, смотримъ, цесаревна вышла изъ боковой вся красная, взволнованная — мелькнула мимо насъ и тотчасъ съ куртага уѣхала...

— Охъ, не къ добру всѣ эти ссоры съ цесаревной! заговорилъ чуть слышно Головкинъ.—Надо-бы съ ней помягче обойтись...

Черкасскій промолчалъ и улыбнулся, попрежнему мѣрно поворачивая свою вензелевую табакерку между пальцами; за то Трубецкой опять вскипѣлъ:

— *Помягче!* Ты, графъ, все помягче хочешь! А по-моему, давно-бы цесаревну въ монастырь упрятать! Ужъ очень много воли стала забирать... На первѣйшихъ вельможъ изволитъ ужъ покрикивать! Вотъ спроси-ка у Апраксина — при немъ и было дѣло...

— Да! да! Изрядно — нечего сказать! смѣясь отозвался добродушный генералъ Апраксинъ.—Она мнѣ батюшку, блаженной памяти, напомнила! Прислала насъ къ ней государыня съ персидскими дарами; а персидскому послу ихъ подносить не приказала... А цесаревнѣ кто-то и шепни, что это сдѣлано по наущенью Остермана. Вотъ она на насъ обоихъ и накинулась: „скажите", говоритъ, „графу Остерману, чтобы онъ не забывалъ, кто онъ, и кто я, и чѣмъ онъ моему отцу обязанъ, который изъ писцовъ его великимъ господиномъ сдѣлалъ". И пошла, и пошла! Да такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ словами—а мы-то на нее любуемся... Глаза горятъ, а на щекахъ румянецъ полымемъ пылаетъ!.. Красавица какая!

— Есть на что полюбоваться! рѣзко перебилъ Трубецкой.— Тутъ надо-бы иныя мѣры принять...

— Иныя мѣры, спокойно и язвительно замѣтилъ князь Черкасскій, — теперь принять было нельзя. Дай гвардію сначала вывести изъ Петербурга да подъ Шведа отправить — тогда о *мѣрахъ* можно говорить. А то, вотъ видишь, графъ Михаилъ Гавриловичъ совѣтуетъ ея высочеству „помягче" да „помягче" обходиться съ цесаревной, а Остермана-то... не очень слушаютъ. Едва-едва онъ уломалъ ея высочество, чтобъ гвардію отослать отсюда на войну...

Графъ Головкинъ собирался оправдываться и возражать Черкасскому, но дверь въ опочивальню отворилась, и на порогѣ ея явилась сановитая фигура стараго дворецкаго, въ пудреномъ парикѣ и въ богатой ливреѣ.

— Матушка-графиня проситъ дорогихъ гостей пожаловать въ столовую палату за именинный столъ, на трактованье! произнесъ дворецкій во всеуслышаніе и поклонился въ поясъ.

— Ну, гости дорогіе! Пожалуйте за столъ... Яша, а Яшенька! Веди гостей и помоги графинѣ всѣхъ разсадить и угостить... А ужъ меня не осудите — здѣсь останусь... Охъ! какъ ломитъ—охъ!

И графъ Головкинъ опустился въ изнеможеніи на изголовье, между тѣмъ какъ гости, предшествуемые Яковомъ Петровичемъ, попарно двинулись въ столовую, подъ звуки музыки, исполнявшей какую-то громкую и торжественную кантату.

V.

За столомъ, хозяйка дома посадила Луговскаго, какъ *„своего"*, поближе къ себѣ, за одинъ изъ маленькихъ столиковъ, которыхъ было множество накрыто кругомъ большаго, банкетнаго стола, украшеннаго по срединѣ высокою „банкетною горою" со сластями и фруктами. Столъ, заставленный множествомъ блюдъ со всякими яствами, блисталъ великолѣпнымъ серебрянымъ сервизомъ, пожалованнымъ графу самою государыней-правительницею.

За обѣдомъ, на долю Луговскаго досталась не легкая задача. Графиня безпрестанно обращалась къ нему то съ просьбою угостить кого-нибудь изъ почетнѣйшихъ гостей, то — провозгласить тостъ за родню и графа, и графини или за именитыхъ гостей. Среди хлопотъ и суеты Якову Петровичу почти не удалось и прикоснуться ни къ блюдамъ, ни къ напиткамъ, которые лились рѣкой. Онъ только впопыхахъ успѣлъ отвѣдать знаменитой „кабаньей головы, разваренной въ рейнвейнѣ", и тѣхъ ягодныхъ *шалеевъ*, которыми славился поваръ Головкиныхъ, обученный въ Парижѣ. Вся эта суетливая дѣятельность, всѣ эти тосты, весь этотъ шумъ и гамъ подгулявшихъ гостей — совсѣмъ вскружили голову Якову Петровичу. Къ концу обѣда онъ чувствовалъ себя и утомленнымъ, и раздраженнымъ...

И было отчего! Какъ разъ напротивъ Настеньки усѣлся за столомъ братецъ его, Семенъ Измайловъ, — свѣжій, бодрый, принаряженный въ мундиръ, съ золотымъ шитьемъ и красными отворотами, который очень былъ ему къ лицу. И Яковъ Петровичъ самъ видѣлъ, какъ Настенька не разъ украдкою взглядывала на Семена Павловича и какъ тотъ каждый разъ отвѣчалъ ей на эти взгляды долгими и пламенными взглядами. А значеніе этихъ взглядовъ было понятно Якову Петровичу послѣ его утренней бесѣды съ братцемъ, и онъ досадовалъ на то, что этотъ гуляка и сорванецъ съумѣлъ найти себѣ отголосокъ въ сердцѣ Настеньки, тогда какъ онъ самъ, при всѣхъ своихъ заслугахъ и солидныхъ достоинствахъ, не удостоенъ былъ отъ нея никакого вниманія.

Однакоже, задумываться надъ этимъ было некогда. Шумный пиръ закончился новыми громкими здравицами въ честь хозяевъ — и всѣ гости поднялись изъ-за стола... Хозяйка приглашала всѣхъ въ залъ, гдѣ громкіе и веселые звуки музыки уже призывали молодежь къ танцамъ. Но князю Луговскому было не до танцевъ. Онъ только издали, мелькомъ видѣлъ, какъ танцующіе распредѣлились по парамъ и, чинно приcѣдая, начали менуэтъ... По просьбѣ графини, ему опять пришлось сновать между гостями: однихъ почтительно провожать въ опочивальню графа, другихъ распредѣлять въ бильярдную и шахматную палаты, третьихъ — потихоньку спроваживать до-

мой, сдавая на руки ихъ слугамъ... Вернулся князь въ залу уже тогда, когда балъ былъ въ полномъ разгарѣ и нѣсколько паръ, среди тѣсно столпившейся массы гостей, оканчивали гавотъ.

— Эхъ, къ чорту бы всю эту иноземщину! Ну, что за прокъ въ этихъ гавотахъ да менуэтахъ! громко толковалъ въ толпѣ гостей крѣпко-подгулявшій генералъ Апраксинъ.—Старину бы вспомнить—да *русскую* тряхнуть!

— Да! да! Вѣрно-вѣрно! подтвердили нѣсколько голосовъ въ толпѣ гостей, вокругъ Апраксина. — У графини Екатерины Ивановны, на имениномъ ея пиру, да чтобы русской пляски не было! Да виданое-ли это дѣло?

— Матушка-графинюшка! обратился Апраксинъ къ имениницѣ.—Дай душу отвести—прикажи намъ русскую сыграть. Авось еще найдутся среди твоихъ гостей такіе, что за нѣмецкими гавотами не позабыли и русской старинной пляски?

— Съ чего-жь ты взялъ, что позабыли? съ улыбкой отозвалась графиня. — Спляшутъ и молодые не хуже, чѣмъ мы съ тобою смолоду плясывали... Вотъ хоть бы Настенька у меня—павой ходитъ въ хороводѣ! Да и другія тоже...

— Вотъ, вотъ! Настасью Ивановну просить, заговорилъ Апраксинъ, а за нимъ то же загудѣли и другіе голоса въ толпѣ гостей.

— А кто же противъ нея изъ кавалеровъ спляшетъ? Кто не забылъ плясать по-русски? спросила Екатерина Ивановна, возвышая голосъ.

— Семена Павловича просить! Никто не спляшетъ какъ Семенъ Измайловъ! закричали разомъ нѣсколько голосовъ.

— Измайлова просить! Пусть спляшетъ русскую! раздалось по всей залѣ, и музыканты, сообразивъ, въ чемъ дѣло, сами-собою, не ожидая ни чьихъ распоряженій, перешли отъ гавота къ плясовой разудалой пѣснѣ:

„Какъ у Спаса въ Чигасахъ къ обѣднѣ звонятъ,
„У Николы часы говорятъ...“

Вся пестрая толпа гостей собралась въ тѣсный кружокъ на средину залы, подпѣвая и притопывая въ тактъ пѣснѣ, а на средину круга, съ двухъ противуположныхъ концовъ, выступили Настенька и Семенъ Павловичъ. Настенька, высокая и стройная, разгорѣвшаяся отъ танцевъ, всѣхъ поразила въ это мгновеніе своею свѣжею, чисто-русскою красотою. Нарядная *ро́ба* изъ бѣлой парчи, обшитая по вороту широкимъ золотымъ кружевомъ, обрисовывала ея стройный, роскошно-развитый станъ; тяжелыя темныя косы, обвитыя жемчугомъ, были въ три ряда оплетены вокругъ ея головки. Смущенная тѣмъ, что на нее были обращены всѣ взоры, Настенька то опускала глаза, то вдругъ подпимала ихъ на Измайлова и нетерпѣливо перебирала пальцами уголки расшитаго шелкомъ платочка, ожидая начала пляски. А Семенъ Павловичъ стоялъ передъ нею сіяющій, радостный, гордый тѣмъ, что ему предстоитъ плясать съ красавицей Настенькой, и тѣмъ, что всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ его пляски. Молодцовато избоченясь и крутя свой курчавый усъ, онъ обвелъ весь кругъ гостей глазами—и вдругъ двинулся по кругу, плавно выступая, слегка пристукивая каблукомъ и поводя широкими плечами.

— Ай, молодецъ! Ай, любо! послышались отовсюду одобрительные возгласы.

— Погодите, то́-ли будетъ! говорили другіе.

И точно: Семенъ Павловичъ, плавно обойдя кругъ, остановился противъ Настеньки, махнулъ рукою музыкантамъ, и вдругъ разсыпался бѣшеною, лихою присядкою. То выпрямляясь во весь ростъ, то присядая почти до полу, онъ подступалъ къ Настенькѣ и опять отдалялся отъ нея, то вертѣлся турманомъ около своей красавицы, то, кружась и приплясывая, отходилъ отъ нея въ сторону. Въ его пляскѣ было столько огня, столько страсти, столько могучей силы и удали, что вся зала вдругъ огласилась восторженными кликами и рукоплесканіями.

— Ай, Сеня! Ай, голубчикъ! кричалъ Апраксинъ, хлопая въ ладоши.—Распотѣшилъ, братецъ!

— Лихо, лихо! Вотъ пляшетъ... Словно на приступъ идетъ! Экій бѣсъ у него въ ногахъ сидитъ, прости Господи!

Но Семенъ Павловичъ сплясалъ свой кругъ, вернулся на свое мѣсто и сталъ, какъ вкопаный. Музыка перешла въ другую, болѣе тихую и пѣвучую мелодію, и Настенька, мѣрно и плавно, бѣлою лебедушкой, поплыла ему навстрѣчу, то граціозно и красиво разводя бѣлыми, полными руками, словно маня суженаго вслѣдъ за собой, то стыдливо отстраняя его, когда онъ, порывисто и страстно, двинулся за нею.

— Ай-да Настенька! заговорили кругомъ Екатерины Ивановны разныя гостьи и кумушки.—Да гдѣ это она такъ научилась? Н-ну! Вотъ тебѣ и тихоня—и водой не замутитъ!

— Ахъ, хорошо! восхищался Апраксинъ. — „*Плыла лебедь, плыла бѣлая*“—и плечикомъ-то, и глазками какъ поводитъ... Ну, ей-же-ей, плясунья плясуну подъ пару! Не такъ-ли, князь? обратился онъ къ Луговскому, который съ досадою и завистью смотрѣлъ на торжество своего соперника.

Но Луговской какъ будто и не слыхалъ вопроса Апраксина; онъ круто повернулъ въ сторону и, направляясь къ опочивальнѣ графа Головкина, все твердилъ про себя:

„Пострѣлъ какой!.. Вездѣ поспѣетъ, вездѣ пристроится, вездѣ вотрется... Въ рубашкѣ родился, безпутный забулдыга! Да нѣтъ же!.. Не бывать Настенькѣ за нимъ... Сегодня же и благодѣтеля и благодѣтельницу стану просить, чтобъ порѣшили съ этимъ дѣломъ... Дальше нечего и ждать!“

(Окончаніе будетъ).

Скучающимъ провинціаламъ.

Замѣтка проф. **А. Ѳ. Брандта.**

„У насъ глухая провинція. Лишь изрѣдка забредетъ къ намъ какой-нибудь циркъ или плохая труппа; а въ лучшемъ случаѣ, музыкальная извѣстность на нѣсколько дней расшевелитъ наше дремлющее общество. Да, нечего и говорить, мы не живемъ, а прозябаемъ!“ Такія жалобы частенько приходится слышать отъ жителей не однихъ уѣздныхъ, но и губернскихъ городовъ. Съ такими жалобами наши провинціалы встрѣтили и наступившій сезонъ, какъ встрѣчали ими длиннѣйшій рядъ предшествовавшихъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда въ мѣстномъ обществѣ впервые проявилось самосознаніе. Изреченіе философа: *Cogito, ergo sum*—„я мыслю, стало быть существую“, наши провинціальные интеллигенты готовы переводить по своему: „я скучаю, стало быть существую“.

Однако, разъ въ скучающихъ провинціалахъ проснулось сознаніе безсодержательности ихъ обычной жизни, отчего они не пошевельнутъ пальцемъ для доставленія себѣ недостающихъ имъ умственныхъ и эстетическихъ наслажденій? Развѣ они уже до того подпали всепоглощающему винту, что иниціатива къ устройству другаго рода развлеченій окончательно въ нихъ убита? Что касается меня лично, то я не могу согласиться съ такимъ предположеніемъ и твердо убѣжденъ въ томъ, что наши провинціалы просто-на-просто не знаютъ, какъ взяться за привлеченіе хотя бы популярныхъ лекторовъ и солидныхъ артистовъ. Цѣль настоящей замѣтки помочь имъ въ этомъ дѣлѣ кое-какими практическими указаніями. Право же мое давать подобные совѣты основывается на томъ, во-первыхъ, что волею судебъ я самъ изъ столичнаго жителя превратился въ провинціала и потому знаю провинцію, а во-вторыхъ, взялся съ прошлаго года за организацію странствующихъ лекцій въ разныхъ городахъ нашего Юга. Въ прошлый сезонъ я, для начала, кромѣ своего Харькова, читалъ еще въ двухъ городахъ, одномъ губернскомъ (въ Курскѣ) и другомъ заштатномъ (въ Чугуевѣ) *). Въ настоящемъ сезонѣ, умудренный опытомъ, надѣюсь продолжать свое, по крайнему моему убѣжденію, хорошее и полезное начинаніе въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ настоящей замѣткѣ я, естественно, буду говорить главнымъ образомъ объ устройствѣ популярныхъ чтеній; но читатели сами увидятъ, что по отношенію къ устройству между чтеніемъ и концертомъ нѣтъ существеннаго различія.

Распространяться много о значеніи, живительномъ вліяніи публичныхъ лекцій вообще—значило бы повторять давно избитыя истины. Печатная статья, какъ бы хорошо она ни была составлена и изложена, никогда не замѣнитъ собою живаго слова. „Помощь самообразованію“ доктора Тельнихина, этотъ почтенный общеинтересный сборникъ популярныхъ лекцій по преимуществу—и тотъ является все-таки не болѣе какъ суррогатомъ устныхъ сообщеній. Къ тому же, самое собраніе въ одной обширной аудиторіи множества слушателей, принадлежащихъ къ одному и тому же обществу, объединяетъ членовъ послѣдняго, поддерживая въ нихъ чувство солидарности, создаетъ общность интересовъ, даетъ матеріалъ для обмѣна мыслей. Вотъ почему и на Западѣ, и у насъ въ столицахъ, популярныя лекціи давно процвѣтаютъ, усердно посѣщаются публикою и все болѣе входятъ въ моду, признаются неотъемлемымъ звеномъ въ общественной жизни. Кромѣ столицъ, публичныя лекціи обыкновенно читаются у насъ еще только въ городахъ университетскихъ, ибо у преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и у частныхъ лицъ рѣдко хватаетъ смѣлости выступать публично. Такимъ образомъ большинство нашихъ городовъ, даже насчитывающихъ десятки тысячъ жителей, повидимому, лишены до сихъ поръ возможности слушать публичныя лекціи. Однако въ Западной Европѣ и въ Америкѣ давнымъ-давно получили право гражданства „странствующія лекціи“ и отчасти правильно организованы. Только у насъ онѣ составляютъ пока еще большую рѣдкость. Причина очень понятна. Она прежде всего кроется въ недовѣріи нашихъ популярныхъ чтецовъ къ публикѣ глухой провинціи и, нельзя не сознаться, что недовѣріе это не безосновательное: извѣстные чтецы оставались почти безъ слушателей, потому только, что пренебрегали широкой рекламой и не искали предварительно личныхъ связей; да гдѣ ихъ и взять

*) Предметомъ служило мое путешествіе на Аѳонскій полуостровъ. Лекція появится въ *Нивѣ*.

въ чужомъ, далекомъ городѣ? Въ данномъ городѣ либо вовсе нѣтъ газеты, либо она состоитъ изъ однихъ только казенныхъ объявленій и читается одними лавочниками и подрядчиками, да и на афиши вниманія не обращаютъ, ибо трудно надѣяться встрѣтить въ нихъ что-либо интересное; да къ тому же, позаботятся ли еще о правильной ихъ расклейкѣ? Пріѣзжаетъ лекторъ въ данный городъ и находитъ полное отсутствіе всякой организаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе въ публикѣ всякихъ свѣдѣній о предстоящей лекціи. Хорошо еще, если онъ пріѣхалъ достаточно заблаговременно для того, чтобы сдѣлать кому слѣдуетъ визиты, развезти десятками даровые билеты по учебнымъ заведеніямъ и спасти такимъ образомъ нравственный свой успѣхъ; о матеріальномъ же онъ въ такомъ критическомъ случаѣ, конечно, ужь и не думаетъ. Со мною былъ такой казусъ. Я не желалъ бы его повторенія ни со мною лично, ни съ кѣмъ-либо изъ собратовъ-популяризаторовъ.

Но какъ же послѣ того провинціалы могутъ надѣяться залучить къ себѣ популярныхъ лекторовъ? Отвѣтъ ясенъ: ихъ надо приглашать, заранѣе обезпечивъ внѣшній успѣхъ лекцій; другими словами, иниціатива должна исходить отъ самой публики даннаго города. Во всякомъ мало-мальски порядочномъ городѣ имѣется клубъ, „собраніе“. Обязанности его распорядителей, старшинъ, сводятся къ доставленію членамъ и, косвенно, всему мѣстному обществу, развлеченій. Они-то представляютъ собою общественные будильники, подобные тѣмъ эклезіархамъ, которые въ аѳонскихъ монастыряхъ во время ночной службы отъ времени до времени обходятъ братію и расшевеливаютъ дремлющихъ. Достаточно, чтобы между старшинами оказался только одинъ, готовый взять на себя иниціативу организаціи, на первый разъ въ видѣ опыта, хотя бы одной только популярной лекціи. Полагаю, что во многихъ, по крайней мѣрѣ губернскихъ городахъ, найдется такой старшина по прочтеніи тѣхъ простыхъ практическихъ указаній, которыя я позволю себѣ тутъ высказать. Прежде всего онъ списывается съ тѣмъ лицомъ, которое могло бы быть приглашено для прочтенія лекціи. Если же онъ самъ такого лица не знаетъ, то обращается предварительно въ ближайшій университетъ, прося объ указаніи ему опытныхъ профессоровъ-популяризаторовъ по естествознанію-ли, исторіи, литературѣ. Подобные запросы бывали уже въ практикѣ университетовъ и, кромѣ полной предупредительности, ничего не встрѣчали со стороны ихъ начальства. Заручившись предварительнымъ принципіальнымъ согласіемъ лектора и его указаніемъ на предполагаемую тему, иниціаторъ прежде всего лично знакомитъ съ задуманнымъ имъ начинаніемъ высшихъ представителей мѣстнаго общества. Увѣрившись въ ихъ сочувствіи и согласіи присутствовать на лекціи въ качествѣ почетныхъ гостей, онъ пускаетъ въ обращеніе листъ, на которомъ желающіе отмѣчаютъ: сколько билетовъ и въ какую цѣну они желали бы получить. На листѣ, кромѣ фамиліи лектора, темы, дня и часа, помѣщенія, должна быть обозначена также и минимальная сумма предварительныхъ заказовъ на мѣста и тотъ срокъ, къ которому сумма эта должна быть обезпечена. Такой листъ можетъ быть составленъ и въ трехъ экземплярахъ, изъ числа которыхъ одинъ разсылается по извѣстнѣйшимъ лицамъ города, другой выставляется въ книжномъ или другомъ магазинѣ, а третій—въ собраніи. Разъ предварительною подпискою обезпечена матеріальная сторона дѣла, остается исходатайствовать разрѣшеніе мѣстнаго губернатора — дѣло весьма легкое, — напечатать афишу и билеты; утвержденіе же программы лекцій—обязанность самого лектора.

Устройство публичныхъ лекцій клубами далеко не составляетъ новости; напротивъ того, въ столицахъ оно практикуется уже давно. Для примѣра достаточно вспомнить многочисленныя отдѣльныя лекціи и даже цѣлые курсы, устраивавшіеся нѣкогда петербургскимъ клубомъ художниковъ, а нынѣ устраиваемые его преемникомъ по помѣщенію, клубомъ врачей. Приглашеніе лекторовъ изъ другихъ городовъ тоже не было бы нововведеніемъ. Могу указать на приглашеніе въ свое время петербургскаго ученаго, моего однофамильца и друга, Э. К. Брандта въ Кронштадтъ для цѣлаго ряда чтеній по зоологіи, на приглашеніе одесскихъ и харьковскихъ профессоровъ портовымъ управленіемъ Севастополя и Николаева какъ для отдѣльныхъ, такъ и для серій чтеній. Господа офицеры, служащіе при юнкерскомъ училищѣ въ Чугуевѣ, прошлою весною удостоили меня самого приглашеніемъ на популярную лекцію, при чемъ иниціаторомъ явился извѣстный педагогъ капитанъ *Е. А. Малиновскій*.

Теперь о матеріальной сторонѣ скромнаго предпріятія. Умал-

Агриппина (жена Германика). Статуя Вейценберга (исключит. право воспроизвед. въ гравюрѣ и т. п. принадлеж. „**Нивѣ**“), грав. Бухеръ.

Осьминогъ въ борьбѣ съ омаромъ. Ориг. рис. Ф. Шпехта, грав. Шпехтъ.

чивать о ней нельзя въ пропагандирующей замѣткѣ, ибо старшина клуба, инціаторъ, прежде всего могъ бы передъ ней остановиться. На дѣлѣ тутъ нѣтъ ничего устрашающаго. Печатаніе афишъ и билетовъ, освѣщеніе зала (лекція можетъ, впрочемъ, происходить и днемъ), вознагражденіе прислуги и разъѣзды, все это въ совокупности составляетъ какихъ-нибудь 10 руб. Единственнымъ крупнымъ расходомъ является лекторскій гонораръ. Для него существуетъ давнишняя столичная норма — сто рублей, съ придачею *иногда* еще извѣстной части съ могущей быть чистой прибыли. При выписываніи чтеца издалека ему пришлось бы предложить и путевые расходы, которые могутъ равняться лишь двумъ-тремъ десяткамъ рублей, ибо изъ особенно далекаго пункта лекторъ самъ не пріѣдетъ или пріѣдетъ лишь для прочтенія за однимъ походомъ лекцій въ двухъ или трехъ, отстоящихъ близко одинъ отъ другаго, городахъ. И такъ, весь нормальный расходъ по устройству лекцій опредѣляется суммою не свыше 150 руб. Городъ долженъ быть уже очень плохъ, чтобы въ немъ не набралось 50 человѣкъ подписчиковъ на мѣста по 1 руб. и 200 по 50 коп. При указанной организаціи дѣла наличныхъ денегъ никакихъ не требуется, да и рискъ равняется нулю. Мало того, предприниматели могутъ надѣяться еще на нѣкоторый избытокъ въ приходѣ, который послужитъ началомъ спеціальнаго фонда къ дальнѣйшему развитію тѣхъ же лекцій, а также къ устройству музыкальныхъ вечеровъ на аналогичныхъ началахъ. Не примкнуть-ли къ публичной лекціи или концерту еще „семейнаго вечера"—это вопросъ заслуживающій обсужденія со стороны старшинъ клуба, такъ какъ такой вечеръ можетъ оказать вліяніе на удачность лекціи или концерта.

Харьковъ, 9 октября 1890.

Къ рисункамъ.

Курсы ручнаго труда въ г. Θеодосіи.

(Рис. на стр. 1113).

Въ послѣднее время вопросы физическаго воспитанія подрастающихъ поколѣній стали занимать одно изъ видныхъ мѣстъ въ новѣйшей педагогикѣ. Несостоятельность одной гимнастики выполнить этотъ пробѣлъ физическаго развитія сознавалась давно; давно также предлагались время отъ времени и различныя мѣры къ разрѣшенію этого вопроса, но, вслѣдствіе многихъ причинъ, горячая проповѣдь Каменскаго, Локка, Руссо и др., оставалась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, если не считать попытокъ отдѣльныхъ личностей. Въ настоящее время, благодаря быстро растущему самосознанію европейскаго общества, благодаря также новѣйшимъ экономическимъ теченіямъ, вопросъ этотъ, по всѣмъ даннымъ, близокъ къ правильному разрѣшенію; онъ выразился въ устройствѣ при общеобразовательныхъ школахъ — классовъ ручнаго труда, въ которыхъ дѣти подъ руководствомъ учителя-педагога, а не мастера-самоучки, какъ это бывало раньше, занимаются различными работами, преимущественно изъ ремеслъ столярнаго, токарнаго и др., но строго выработанной системѣ на основаніи общихъ педагогическихъ правилъ и сообразно развитію учащихся. Дѣти сначала знакомятся съ простыми инструментами, работая небольшія вещи (колышки для цвѣтовъ, линейки, лопаточки и т. п.), но чѣмъ дальше, тѣмъ инструменты становятся сложнѣе, пріемы работъ осложняются и вещи становятся труднѣе (ложки, ящики, скамеечки и т. п.). Каждый предметъ долженъ быть сдѣланъ правильно и чисто и потомъ становится собственностью работавшаго; этимъ возбуждается интересъ и дѣти пріучаются къ внимательности, настойчивости и аккуратности, не говоря о томъ, что научаются владѣть инструментами и могутъ дѣлать очень много вещей домашняго обихода и классного употребленія. Благодаря такой постановкѣ ручнаго труда, преслѣдующей преимущественно цѣли педагогическія, онъ быстро сталъ развиваться: въ Швеціи много школъ съ классами ручнаго труда, а въ Неесѣ есть спеціальная учительская семинарія, куда на лѣто съѣзжается очень много учителей, даже изъ другихъ государствъ, для его изученія. Въ Германіи свыше 300 училищъ съ классами ручнаго труда, спеціальная семинарія въ Лейпцигѣ и довольно многочисленное Общество ручнаго труда въ Берлинѣ, которое уже 9 лѣтъ подъ-рядъ устраиваетъ въ различныхъ городахъ съѣзды и выставки. Болѣе же всего педагогическій ручной трудъ распространенъ во Франціи и у насъ въ Финляндіи, гдѣ онъ преподается въ каждой школѣ, какъ обязательный общеобразовательный предметъ. Въ остальной Россіи впервые онъ введенъ въ Спб. Учительскомъ Институтѣ съ 1884 г., и съ этого времени, правда довольно медленными, но вѣрными шагами идетъ впередъ; теперь можно указать свыше 30 учебныхъ заведеній, гдѣ онъ преподается. Окончившійся недавно Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію ходатайствуетъ предъ правительствомъ объ обязательномъ преподаваніи ручнаго труда во всѣхъ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, чтобы лица выходящія изъ этихъ заведеній могли въ школахъ заняться преподаваніемъ этого предмета. Нѣкоторые изъ институтовъ (Глуховскій, Виленскій) и семинарій (Дерптская, Вольская, Гольдингенская) уже устраиваютъ классы ручнаго труда. Такъ какъ подобный способъ подготовки учителей довольно медлененъ и даетъ результаты не ранѣе, чѣмъ черезъ три года, то учебное начальство нѣкоторыхъ мѣстностей устраиваетъ временные курсы ручнаго труда для учителей во время лѣтнихъ каникулъ; такіе курсы были послѣдовательно устроены въ теченіе трехъ лѣтъ въ Новой Ладогѣ (Спб. губ.) и Ригѣ, и одинъ разъ въ Кіевѣ. Во время настоящихъ каникулъ, по инціативѣ попечителя Одесскаго учебнаго округа, директоромъ народныхъ училищъ Таврической губ. были устроены въ г. Θеодосіи курсы ручнаго труда для учителей городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ. Эти курсы продолжались подъ руководствомъ преподавателя ручнаго труда Спб. Учит. Института Н. В. Касаткина шесть недѣль. Принимало участіе на нихъ 17 человѣкъ, которые, не смотря на сильный зной, доходившій до 45°, работали ежедневно по 8 ч. Благодаря такому усердію со стороны учителей и строго-выработанной программѣ Спб. Учительскаго Института, составленной на основаніи шведской системы ручнаго труда, результаты курсовъ вполнѣ оправдали ожиданія: въ среднемъ на каждаго участника пришлось 33 работы, состоящія изъ предметовъ домашняго обихода (лопаточки, скамеечки, ящички, ложки и т. п.), а болѣе успѣшные сдѣлали до 40 вещей. Устроенная, 1-го августа, выставка этихъ работъ привлекла очень много публики, удивлявшейся чистотѣ и точности работы, а также количеству изготовленныхъ предметовъ въ такое, сравнительно короткое, время и при этомъ еще людьми никогда не занимавшимися физическимъ трудомъ.

На рисункѣ, снятомъ мѣстнымъ фотографомъ г. Редлихомъ, изображена мастерская ручнаго труда, устроенная въ залѣ Θеодосійскаго городскаго училища, въ одинъ изъ моментовъ работы; картинка не нуждается въ объясненіи—на ней можно видѣть, какъ каждый углубленъ въ свою работу: одинъ точитъ на токарномъ станкѣ, другой строгаетъ, третій приготовляетъ инструменты для работы, четвертый провѣряетъ точность своей задачи. Многіе изъ участниковъ этихъ курсовъ съ настоящаго же учебнаго года примутся за устройство классовъ ручнаго труда при своихъ школахъ; остается пожелать имъ полнаго успѣха въ распространеніи этого полезнаго предмета, который за послѣднее время сталъ очень быстро развиваться въ особенности на Западѣ, а во Франціи и у насъ въ Финляндіи уже вошелъ, какъ обязательный предметъ, въ программу всякой общеобразовательной школы.

Э. Р.

Стрѣльба дикихъ утокъ. (Рис. на стр. 1116).

Разсѣянные во множествѣ по всей Малороссіи, болѣе или менѣе обширные пруды (ставы), заросшіе очеретомъ (камышемъ) и осокой,—любимый притонъ дикихъ утокъ всевозможныхъ породъ. Крестьянская молодежь, вооруженная старинными пистонными одностволками, нерѣдко съ самодѣльнымъ куркомъ или прикладомъ, съ неутомимымъ рвеніемъ охотится за болѣе крупными представителями утинаго рода, особенно за крыжнями (кряковыми утками), пренебрегая чирятами и стрѣляя ихъ развѣ въ кучѣ, когда однимъ выстрѣломъ можно убить нѣсколько штукъ. На нашемъ рисункѣ изображены два парубка съ однимъ ружьемъ, напоминающимъ древній самопалъ; гдѣ крадучись въ камышахъ, гдѣ ползкомъ въ травѣ, подобрались они на выстрѣлъ къ стайкѣ крыжней, и насторожившись, ожидаютъ, чтобы она выплыла изъ камышей.

Какъ у себя дома. (Рис. на стр. 1117).

Еще одна изъ прелестныхъ картинокъ даровитаго и неистощимаго художника, Юлія Адама. Посреди зеленѣющей лужайки рѣзвится кошачья семья, расположившись возлѣ старой соломенной шляпы „какъ у себя дома".

Пахарь. (Рис. на стр. 1121).

Солнечный жаръ раскалилъ воздухъ, земля горитъ подъ ногами, попряталось въ тѣнь садовъ и темныхъ сакель все живое; даже привычныя животныя, верблюды—эти дѣти засухи и жара—и тѣ, отказываясь отъ своей тяжелой работы, дремлють, сбившись въ тѣсныя, молчаливо-неподвижныя группы. Пусты поля—пути къ нимъ словно вымерли... Но мало-по-малу день склоняется къ вечеру, въ воздухѣ повѣяло прохладою, а съ нею пробуждается жизнь... Страдная пора въ самомъ разгарѣ, время не ждетъ и рабочій народъ показывается на нашнияхъ, этихъ безконечныхъ равнинахъ упорнаго труда и борьбы съ природою... Коротокъ вечеръ—ночь длинна... Залитые фосфорическимъ блескомъ луннаго свѣта, отбрасывая длинныя тѣни, горбатые колоссы усердно тащатъ неуклюжій, первобытный плугъ, прорѣзывая въ сухой, но плодоносной почвѣ—борозду за бороздою...

Ночь съ ея прохладою—для труда, день съ его мертвящимъ жаромъ—для отдыха.

Это картинка выхваченная цѣликомъ изъ жизни на на-

нихъ далекихъ окраинахъ—въ пустыняхъ Мургаба, недавно еще жившихъ только разбоями и неправдою, нынѣ оживленныхъ мирнымъ трудомъ, смѣнившимъ желѣзо сабельнаго клинка на то же желѣзо—косы, серпа и плуга. **Н. Каразинъ.**

Пески у Куриша. (Рис. на стр. 1124 и 1125).

Въ самой сѣверной части Германской имперіи, близь города Мемеля, тянется болѣе ста верстъ узкая песчаная полоса, отдѣляющая Куришъ-Гафъ отъ Балтійскаго моря. Высокимъ валомъ, шириною отъ четверти версты до четырехъ верстъ, подымаются пески изъ самаго моря. Почти безо всякой растительности тянутся эти пустынныя дюны, передвигаясь ежегодно аршинъ на 8—11 съ запада на востокъ, поглощая въ себѣ все встрѣчающееся на пути, будь то лѣса, сады, поля, или даже цѣлыя поселенія, и засыпая понемногу узкій заливъ. По направленію къ нему дюны подымаются нерѣдко отвѣсною стѣною, которая при буряхъ и непогодѣ иногда обрушивается. Горе путникамъ въ то время въ этихъ мѣстахъ. Они безвременно найдутъ въ сыпучихъ пескахъ могилу. Такъ однажды были погребены обвалившеюся песчаною лавиной 11 человѣкъ возвращавшихся съ ярмарки къ себѣ въ родное село. Не менѣе опасны подвижные пески и на западной сторонѣ. Со стороны моря отлогою равниной подымаются они, кое-гдѣ покрытые бѣдною растительностью. Здѣсь тянется дорога, обозначенная изрѣдка шестами или насажденными кустами. Лѣтомъ она безопасна, такъ какъ верхній слой песка подсыхаетъ и образуетъ довольно прочную кору. Но весною и осенью ѣздить по этой дорогѣ крайне опасно. Лошади и повозки часто проваливаются въ пескѣ и если не подоспѣетъ во время помощь, всѣ усилія выбраться бываютъ напрасны: „живой песокъ“ всасываетъ въ себя понемногу несчастныхъ и таинственное несчаное море поглощаетъ ихъ навѣки...

Агриппина. (Рис. на стр. 1128).

Скульптура, древнѣйшее изобразительное искусство, нынѣ занимаетъ второстепенное мѣсто, тогда какъ въ древней Греціи и у римлянъ до царствованія императора Адріана она первенствовала и время это было золотымъ вѣкомъ ваянія. Исчезнувъ почти совсѣмъ около III вѣка, она вновь появляется въ средніе вѣка, какъ спутница архитектуры. Впослѣдствіи, со временъ Возрожденія, скульптура вновь становится самостоятельною, и въ своихъ образцахъ приближается къ произведеніямъ античнаго міра, тщетно пытаясь возвыситься до ихъ совершенства. Въ нашъ вѣкъ, вмѣстѣ съ необычайнымъ развитіемъ вообще графическихъ искусствъ, и скульптура насчитываетъ не мало славныхъ мастеровъ, но въ сравненіи съ другими художниками число ихъ незначительно и имена ихъ теряются среди множества громкихъ именъ представителей живописи. Между тѣмъ, чтобы стать сколько нибудь замѣтнымъ ваятелемъ, нужно, помимо таланта, много труда и времени. Если и на Западѣ Европы не много скульпторовъ, то у насъ, въ Россіи, они составляютъ крайне ограниченное число художниковъ, при томъ многіе изъ нихъ едва извѣстны даже по имени. Къ послѣднимъ должно отнести и Августа Ивановича Вейценберга, нѣсколько знакомаго по своимъ произведеніямъ посѣтителямъ нашихъ академическихъ выставокъ. Урожденецъ Лифляндской губерніи, онъ началъ свое художественное образованіе въ Берлинѣ, затѣмъ продолжалъ его съ 1865 по 1870 годъ, подъ руководствомъ барона фонъ-Клодта, въ Петербургской Императорской Академіи Художествъ и затѣмъ въ Мюнхенѣ. Поселившись въ 1873 году въ Римѣ, онъ прожилъ тамъ 17 лѣтъ, прилежно работая и посылая свои произведенія на разныя выставки, въ томъ числѣ и въ Петербургъ. Въ нынѣшнемъ году онъ переѣхалъ въ нашу столицу и устроилъ въ ней свою мастерскую. Изящныя по формѣ и тонкія по выполненію, его произведенія свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ талантѣ и превосходной техникѣ ихъ автора. Какъ образецъ можетъ служить его статуя Агриппины, гравюра съ которой помѣщена на стр. 1128. Славная своею красотою и добродѣтелью, внучка императора Августа изображена скорбящею у погребальной урны съ прахомъ своего супруга, Германика, преждевременно умершаго въ Сиріи. Тѣми же прекрасными формами и выполненіемъ отличаются и другія его работы, напримѣръ: Ромео и Юлія, Ундина и пр., не безъизвѣстныя посѣтителямъ нашихъ академическихъ выставокъ. Послѣднимъ произведеніемъ А. И. Вейценберга является бюстъ-портретъ недавно умершаго знаменитаго анатома и профессора Петербургской Медико-Хирургической Академіи В. Грубера, свидѣтельствующій, что въ лицѣ Вейценберга счастливо соединены талантъ изящнаго скульптора съ дарованіемъ прекраснаго портретиста.

Осьминогъ и омаръ. (Рис. на стр. 1129).

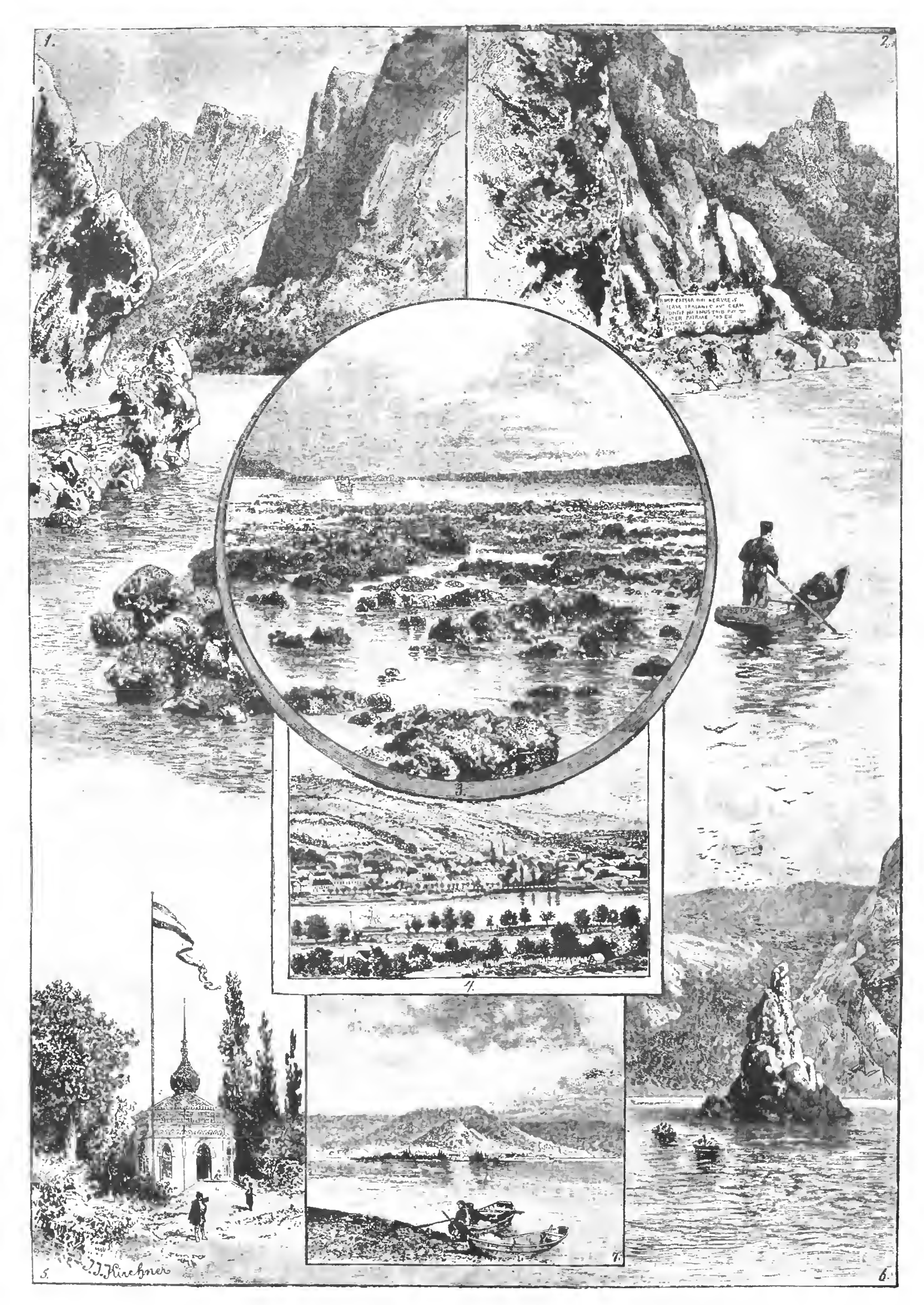
Мореплаватели прошлыхъ вѣковъ оставили намъ множество ужасающихъ разсказовъ о *спрутѣ*, колоссальномъ осьминогѣ, котораго тѣло было величиною съ островъ, а хватательные отростки (такъ-называемыя *руки* или ноги), толщиною съ мачту, могли утащить на дно морское большой военный корабль со всѣмъ экипажемъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти разсказы въ высшей степени преувеличены, однако же отнюдь не взяты съ вѣтру и не голыя выдумки; такъ какъ даже въ новѣйшее время, преимущественно въ западной части Атлантическаго океана, наблюдали и даже ловили выкинутыхъ моремъ на берегъ спрутовъ, у которыхъ величина тѣла простиралась до трехъ саженъ (6 метровъ), а ноги до 5 саженъ длины. Нѣтъ сомнѣнія, что такія чудовища въ высшей степени опасны для рыбачьихъ лодокъ. По новидимому такіе крупные осьминоги весьма рѣдко встрѣчаются; болѣе же мелкими кишатъ воды Средиземнаго моря, и на Ривьерѣ ловлей ихъ занимаются даже дѣти.

Обыкновенный спрутъ или осьминогъ (Octopus) принадлежитъ къ отдѣлу мягкотѣлыхъ и классу головоногихъ. Тѣло у него округлое, мѣшкообразное; у головы прикрѣплены 8 равныхъ по длинѣ или неравныхъ рукъ, снабженныхъ на нижней поверхности двумя рядами присосковъ, а ближе къ тѣлу соединенныхъ между собою епанчею. Глаза очень велики, темнаго цвѣта и въ гнѣвѣ искрятся демоническимъ огнемъ. Близъ головы изъ туловища выходитъ трубкообразный органъ, такъ-называемая *воронка*. Животное употребляетъ его при плаваніи какъ двигательную силу, набирая въ полость тѣла воду и выпуская ее изо всей силы черезъ воронку, причемъ оно движется со скоростью стрѣлы задней оконечностью впередъ. Изъ воронки же въ минуту опасности оно выпускаетъ похожую на чернила, темную жидкость, *сепію*, которая окружаетъ осьминога какъ бы облакомъ и скрываетъ его отъ глазъ врага. Дышетъ осьминогъ жабрами. Это животное весьма хищное и пожираетъ множество рыбъ, раковъ, улитокъ и др. мягкотѣлыхъ, вообще все живое, что только можетъ одолѣть и употребить въ пищу. Въ береговыхъ водахъ, сидя неподвижно между камнями, спрутъ поджидаетъ добычу и при этомъ имѣетъ совершенно подобную камнямъ сѣроватую окраску. Какъ только приближается какое-нибудь животное, которое онъ въ силахъ одолѣть, осьминогъ съ невѣроятною быстротой кидается на него, опутываетъ его своими руками и крѣпко держитъ его присосками. Вслѣдствіе возбужденія при борьбѣ окраска его тѣла мѣняется изъ бурой въ красную и желтую, длинныя руки движутся туда и сюда на подобіе змѣй, на спинѣ выступаютъ бородавочныя возвышенія кожи, и глаза блещутъ такою кровожадностью, что и безъ того невзрачный осьминогъ становится еще отвратительнѣй.

Какъ велики мужество и отвага спрута въ нападеніи и самозащитѣ, а также и сила его мягкихъ, безкостныхъ рукъ, видно изъ боя между маленькимъ осьминогомъ и омаромъ, происходившаго въ акваріумѣ Dr. Дорна, при устроенной имъ въ Неаполѣ зоологической станціи. Средиземноморскій омаръ, великанъ своего рода, находившійся въ большомъ отдѣленіи морскаго акварія, клешнею своею раздробилъ голову черепахи. Въ наказаніе за провинность онъ былъ посаженъ въ другое отдѣленіе, гдѣ находились маленькіе осьминоги. Сначала спрутики осторожно плавали вокругъ непрошеннаго гостя, избѣгая его страшныхъ и постоянно настороженныхъ клешней; но затѣмъ одинъ изъ осьминоговъ рѣшительно перешелъ въ нападеніе. Вмигъ весь омаръ былъ опутанъ епанчой и ногами спрута—отъ него оставались видимыми лишь нѣкоторыя части, особенно одна клешня, которою ракъ и схватилъ ногу своего врага, такъ что казалось она будетъ перерѣзана. Этого повидимому боялся и осьминогъ, тотчасъ отказавшійся отъ битвы. Противники разбѣжались въ противоположные углы акварія. Но перемиріе длилось недолго. Время отъ времени нападенія возобновлялись, и омара пришлось перемѣстить въ сосѣдній бассейнъ, отдѣленный отъ бассейна осьминоговъ стѣнкой, возвышавшеюся на 2 центиметра надъ уровнемъ воды. Но и это ни къ чему не повело. Въ тотъ же день одинъ изъ осьминоговъ перелѣзъ черезъ стѣнку, напалъ на считавшаго себя въ безопасности омара и буквально перервалъ его пополамъ. Замѣчательно, что побудили къ этому осьминога единственно ненависть и жажда мести, а никакъ не голодъ, ибо спрутовъ обильно кормили.

Свободный путь къ Черному морю. (Рис. на стр. 1132).

Нѣсколько времени тому назадъ, а именно 3 сентября, на юго-восточной границѣ Австріи приступлено къ громаднымъ работамъ, которыя должны имѣть культурно-историческое значеніе не только для Австро-Венгерской имперіи, но для всей Средней Европы. Работы эти имѣютъ цѣлью устраненіе препятствій, которыя встрѣчаются на Дунаѣ, у такъ-называемыхъ Желѣзныхъ воротъ, близь Оресовы, и дѣлаютъ невозможнымъ непрерывное плаваніе по этой рѣкѣ, одной изъ самыхъ значительныхъ на материкѣ. Значительныя скалы и пороги въ этой мѣстности препятствовали слѣдованію большихъ кораблей изъ Чернаго моря вверхъ по теченію далѣе Оресовы и съ другой стороны всякихъ судовъ—ниже этого города. Грузы, которые слѣдовали изъ мѣстъ выше Оресовы къ устьямъ Дуная и обратно, должны были перегружаться, что вызывало не только большія задержки, но и значительную потерю времени. Тѣснины на рѣкѣ начинаются у скалъ „Бабакай“. Здѣсь находится мѣстечко Галубачъ и сюда-то пришли первые турки, которые впослѣдствіи не разъ совершали свои



Тѣснина Дуная у „Желѣзныхъ воротъ". Рис. I. I. Кирхнера, автотипія мастерской „Нивы".

1. Видъ у „Казана". 2. Надпись Траяна. 3. Желѣзныя ворота. 4. Орсова. 5. Часовня близь Орсовы. 6. Скала „Бабакай" у верхняго конца тѣснинъ. 7. Острова Ада-Кале близь Орсовы.

кровавыя нашествія на Европу. Съуженіе рѣки, слѣдующее затѣмъ, является въ нѣкоторомъ родѣ преддверіемъ собственно тѣснины, носящей названіе „Казана", что по-сербски значитъ „Котелъ". Громадныя глыбы скалъ съужаютъ ложе Дуная, который въ этомъ мѣстѣ имѣетъ страшную глубину, почти въ 105 аршинъ, чего не встрѣчается ни въ одной европейской рѣкѣ. Если бы Дунаю пришлось высохнуть, то въ этомъ мѣстѣ осталось бы озеро или котловина, въ которой глубина все-таки достигала въ среднемъ 55 аршинъ. Въ этихъ мѣстахъ, 100 лѣтъ по Р. Х., при римскомъ императорѣ Траянѣ, была проложена при необычайныхъ усиліяхъ и съ удивительною энергіей—дорога, по которой римляне направлялись къ Карпатамъ. „Траянова" дорога, замѣчательное до нашихъ дней сооруженіе, представляетъ верхъ совершенства проложенныхъ римлянами путей. У оконечности „Казана" находится надпись, свидѣтельствующая объ этой постройкѣ. Встрѣчавшіяся до сихъ поръ затрудненія устранить исполинское препятствіе для судоходства по Дунаю въ этомъ мѣстѣ—частью зависѣли отъ техническихъ трудностей, частью отъ расходовъ. Только современное инженерное искусство могло завершить съ успѣхомъ подобное предпріятіе, и около 12 лѣтъ тому назадъ Венгрія получила разрѣшеніе произвести за свой счетъ работы по расширенію и урегулированію теченія Дуная у Желѣзныхъ воротъ, что обойдется около 7 милліоновъ гульденовъ. За свой трудъ Венгрія получаетъ право обложить платою въ свою пользу всѣ проходящія въ этихъ мѣстахъ суда, пока не окупится стоимость сооруженій.

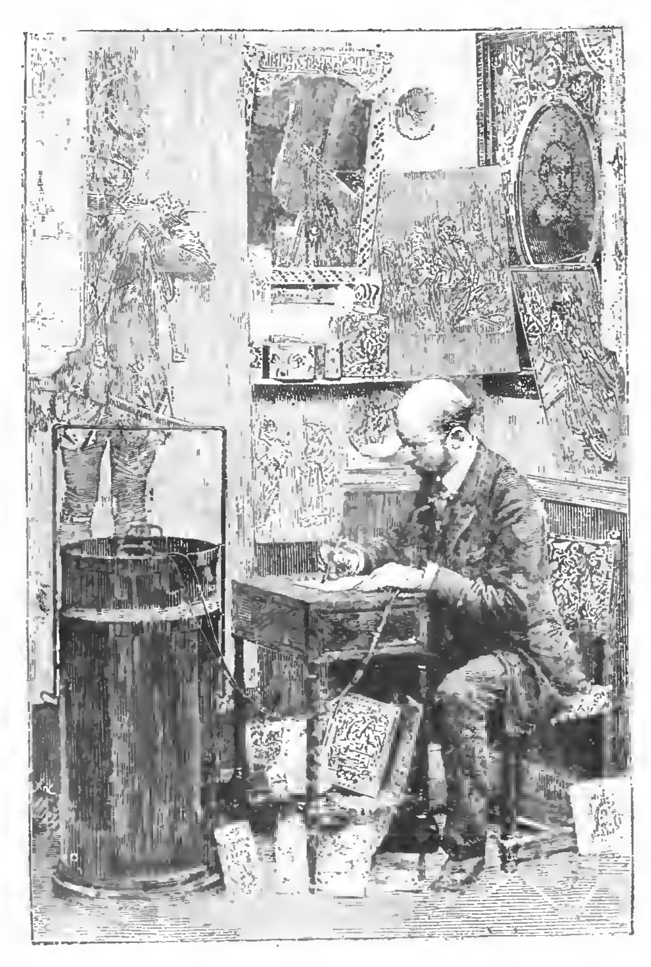


Рис. 1. Способъ употребленія аппарата. Управленіе термографомъ, какъ карандашомъ. Слѣва резервуаръ для воздуха. Вокругъ—образцы пирогравюры.

Выжиганіе. (Рис. на этой стр.).

Пирогравюра или выжиганіе по дереву, кости, кожѣ, тканямъ и проч. получаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе распространенія, благодаря полученію чрезвычайно изящныхъ рисунковъ безъ значительныхъ трудностей и особеннаго художественнаго образованія, что и дѣлаетъ выжиганіе доступнымъ всѣмъ и каждому. Удобствомъ и совершенствомъ самаго процесса выжиганія, пирогравюра обязана главнымъ образомъ стараніямъ М. Мануэля Перье, который является въ то же время и изобрѣтателемъ этого занятія, не только служащаго пріятнымъ препровожденіемъ времени, но имѣющимъ значительное примѣненіе, какъ декоративное искусство, въ промышленности. Первые опыты выжиганія были сдѣланы г. Перье въ 1869 году. Первая мысль о рисованіи раскаленнымъ предметомъ явилась при видѣ деревянныхъ ящиковъ съ виномъ, на которыхъ были выжжены клейма. Перье пробовалъ выжигать накаленною желѣзною палочкой, но быстрое охлажденіе инструмента имѣло большія неудобства. Чтобы поддерживать каленіе онъ прибѣгалъ къ паяльной трубочкѣ, но и это было безуспѣшно. Лучшихъ результатовъ онъ достигъ въ 1874 г. при помощи платиновой проволоки, накаляемой вслѣдствіе прохожденія черезъ нее электрическаго тока. Только въ 1875 году, послѣ изобрѣтенія Dr. Пакелена, была разрѣшена задача г. Перье поддерживать сколько угодно времени одинаковую температуру въ рисующей иглѣ. Инструментъ д-ра Пакелена, нерѣдко употребляемый въ хирургіи, устроенъ

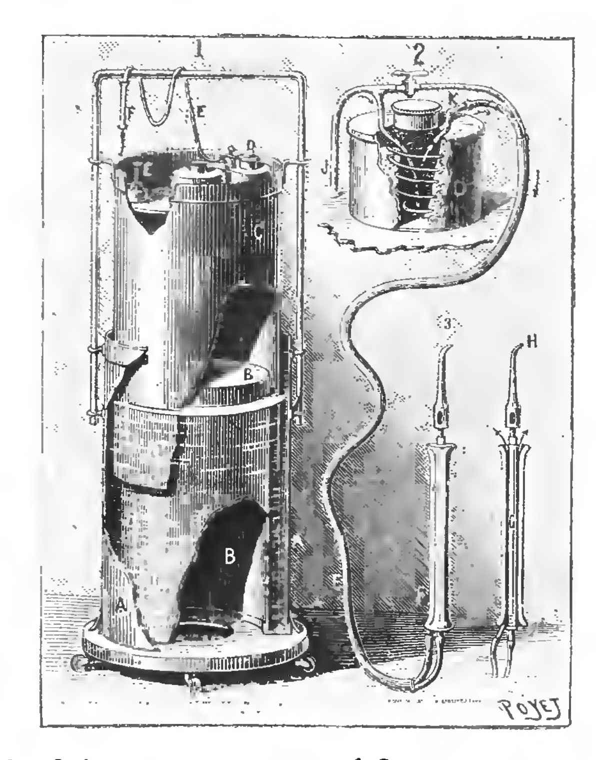


Рис. 2. Аппаратъ для пирогравюры. 1. Резервуаръ для воздуха. 2. Карбюраторъ. 3. Выжигатель.

такимъ образомъ, что въ платиновую трубочку нагнетаются углеводородные пары. Разъ доведя трубочку до извѣстной теплоты, можно, благодаря соединенію паровъ и воздуха въ трубочкѣ и сгоранію ихъ тамъ, поддерживать до безконечности температуру въ трубочкѣ, пока попадаетъ туда воздухъ. Но при хирургическихъ операціяхъ это бываетъ нужнымъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ и получается при посредствѣ Ричардсоновой груши. Для выжиганія г. Перье устроилъ особый резервуаръ (см. рис. 2, фиг. 1). Изъ этого резервуара воздухъ, вслѣдствіе давленія верхней его части, идетъ по трубочкѣ J (фиг. 2) въ карбюраторъ. Тамъ, вслѣдствіе раздѣленія трубки, часть воздуха поступаетъ въ резервуаръ, заключающій губку съ алкоголемъ, бензиномъ и т. п., а другая часть идетъ прямо къ выжигателю и служитъ для охлажденія его рукоятки. Выжигатель состоитъ изъ простой металлической трубки, къ которой привинчивается платиновый наконечникъ различной величины, накаливаемый при работѣ. Расширенная часть трубки снабжена отверстіемъ, чрезъ которое выдѣляются продукты сгоранія, происходящаго на концѣ платиноваго наконечника. Рис. 1 изображаетъ рисовальщика за работой.

Политическое обозрѣніе.

Заграничныя газеты свидѣтельствуютъ о блестящемъ пріемѣ Наслѣдника Русскаго Престола въ столицѣ Австріи и видятъ въ томъ отрадный признакъ сохраненія европейскаго мира. Прибылъ Наслѣдникъ Цесаревичъ въ Вѣну въ 2 часа пополудни 25 октября. Для встрѣчи Его Высочества явились въ вокзалъ императоръ Францъ-Іосифъ, эрцгерцоги Карлъ-Людвигъ съ тремя сыновьями—Францемъ-Фердинандомъ Эсте, Оттономъ и Вильгельмомъ—эрцгерцоги Вильгельмъ и Райнеръ, совѣтникъ русскаго посольства князь Кантакузенъ съ персоналомъ посольства и русскаго консульства, намѣстникъ, командующій корпусомъ, президентъ полиціи и предсѣдатель Сѣверной желѣзной дороги маркграфъ Паллавичини. Императоръ и эрцгерцоги Карлъ-Людвигъ и Вильгельмъ были въ мундирахъ русскихъ полковъ, шефами которыхъ они состоятъ, и въ Ан-

древскихъ лентахъ; эрцгерцогъ Райнеръ былъ въ австрійской формѣ, но тоже съ Андреевскою лентой. Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ въ австрійской уланской формѣ и имѣлъ на себѣ ленту ордена Св. Стефана. Встрѣча Его Высочества съ императоромъ отличалась необычайно сердечнымъ характеромъ; императоръ два раза поцѣловалъ Наслѣдника Цесаревича. Такъ же сердечна была встрѣча и съ эрцгерцогами, особенно съ Карломъ-Лудвигомъ, съ которымъ Его Высочество обнялся и поцѣловался. При звукахъ русскаго народнаго гимна императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ прошли вдоль фронта почетнаго караула, послѣ чего состоялось представленіе членовъ русской и австрійской свитъ, а также почетныхъ военныхъ лицъ, графовъ Пальфи и Комерса, назначенныхъ состоять при Особѣ Его Высочества. Каждому изъ представленныхъ лицъ Наслѣдникъ Цесаревичъ сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ; то же самое сдѣлано было и императоромъ Австрійскимъ при представленіи ему членовъ свиты Его Высочества. Прибытіе Его Высочества состоялось при превосходной солнечной погодѣ. Многочисленная публика тянулась шпалерами отъ вокзала Сѣверной дороги, вдоль Пратера и Рингштрассе, до Гофбурга. На пути отъ вокзала къ Гофбургу народъ привѣтствовалъ Высочайшаго Гостя восторженными кликами. Собравшаяся у вокзала хорватская и сербская учащаяся молодежь оглашала воздухъ криками „ура"; горячіе клики неслись также съ платформы памятника Тегетгофу, гдѣ столпилось много народа, въ томъ числѣ русскіе студенты, учащіеся въ Вѣнѣ. Такія проявленія сочувствія Высокому Гостю не прекращались на всемъ пути слѣдованія Наслѣдника Цесаревича. Большое вниманіе обращали на себя великолѣпные мундиры членовъ свиты Его Высочества. Въ Гофбургъ Наслѣдникъ Цесаревичъ проследовалъ въ придворной коляскѣ, занявъ мѣсто по правую руку отъ императора. Въ Гофбургѣ Наслѣдника Цесаревича встрѣтили оберъ-гофмейстеръ князь Гогенлоэ и оберъ-церемоніймейстеръ графъ Гуніади; они проводили Его Высочество во внутренніе покои. Въ теченіе дня Наслѣдникъ Цесаревичъ дѣлалъ визиты. Во дворцѣ эрцгерцога Карла-Лудвига, около котораго толпилась громадная масса народа, Его Высочество былъ встрѣченъ всѣмъ семействомъ эрцгерцога. Пробывъ тамъ полчаса, Наслѣдникъ Цесаревичъ проѣхалъ въ отель русскаго посольства и былъ сочувственно привѣтствованъ на пути ожидавшею Его проѣзда публикой. Изъ отеля русскаго посольства Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился въ монастырь капуциновъ, гдѣ находятся гробницы Габсбургскаго императорскаго дома. Монахи проводили Наслѣдника Цесаревича къ гробу принца Рудольфа: Его Высочество возложилъ на гробъ великолѣпный вѣнокъ и затѣмъ возвратился въ Гофбургъ. Вскорѣ по возвращеніи Наслѣдника Цесаревича въ Гофбургъ, германскій посолъ князь Рейссъ и посолъ австро-венгерскій графъ Волькенштейнъ пріѣзжали съ визитомъ къ Его Высочеству. Затѣмъ Его Высочество прослѣдовалъ въ замокъ Шенбрунъ, гдѣ былъ въ 6 часовъ парадный обѣдъ. По прибытіи Наслѣдника Цесаревича въ Шенбрунъ, императоръ вышелъ къ нему навстрѣчу на Голубое Крыльцо и повелъ Его Высочество въ Зеркальную комнату. На обѣдѣ присутствовали: Наслѣдникъ Цесаревичъ, императоръ Францъ-Іосифъ, находившіеся въ Вѣнѣ эрцгерцоги, эрцгерцогини Марія-Тереза, Марія-Іозефа и Маргарита-Софія, князь Лобановъ-Ростовскій съ членами посольства, спутники Наслѣдника Цесаревича и состоящія при Особѣ Его Высочества почетныя лица, придворные сановники, графъ Таафе, Каллай, генералъ Бауэръ, баронъ Орчи, посолъ графъ Волькенштейнъ и начальникъ отдѣленія Сегени; всего было 58 кувертовъ. За обѣдомъ императоръ сидѣлъ по срединѣ, имѣя по правую сторону Наслѣдника Цесаревича, а по лѣвую—эрцгерцогиню Марію-Терезію. Рядомъ съ Цесаревичемъ сидѣла эрцгерцогиня Марія-Іозефа, эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ и эрцгерцогиня Маргарита. Послѣ обѣда Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился съ графомъ Пальфи въ Вѣну, въ Гофбургъ, куда императоръ заѣхалъ за Его Высочествомъ и отправился съ нимъ въ оперный театръ, гдѣ шла „Африканка" Мейербера. Въ 10 часовъ, императоръ въ австрійскомъ мундирѣ и Наслѣдникъ Цесаревичъ въ походной формѣ своего австрійскаго уланскаго полка отбыли на вокзалъ Южной желѣзной дороги, гдѣ находился уже князь Лобановъ-Ростовскій со всѣми членами русскаго посольства. Императоръ сердечно простился съ Цесаревичемъ, неоднократно обнялъ и поцѣловалъ Его Высочество, а когда поѣздъ тронулся, дѣлалъ ему прощальные знаки. Изъ Вѣны Наслѣдникъ Цесаревичъ отбылъ въ Тріестъ. Послѣ отъѣзда Цесаревича императоръ выѣхалъ въ Гёдёллё.

Въ Тріестъ Наслѣдникъ Цесаревичъ со свитою прибылъ въ 11 час. утра съ экстреннымъ поѣздомъ и въ роскошно убранномъ вокзалѣ былъ встрѣченъ русскимъ консуломъ, намѣстникомъ, военнымъ комендантомъ и желѣзнодорожнымъ персоналомъ въ парадныхъ мундирахъ. Во время слѣдованія на пристань въ Sant'Andrea Его Высочество былъ горячо привѣтствованъ народомъ, толпившимся отъ вокзала до набережной. Изъ Тріеста русская эскадра съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ 2 ч. 25 м. пополудни вышла въ море, направляясь къ Греціи.

Въ это время въ Греціи состоялось открытіе греческаго парламента. Въ тронной рѣчи по этому случаю упомянуто о рожденіи внука у короля и, далѣе, говорится, что Греція желаетъ всегда оставаться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ иностранными державами. Затѣмъ въ тронной рѣчи заявлено о перемѣнѣ министерства, вызванной требованіемъ общественнаго мнѣнія, и сказано, что правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы улучшить финансы и поставить государство въ возможность выполнить всѣ его обязательства. По словамъ рѣчи, правительство серьезно займется также организаціею народной обороны. О внѣшнихъ дѣлахъ въ тронной рѣчи не упоминается.

Давно ожидаемое посѣщеніе Италіи германскимъ канцлеромъ фонъ-Каприви наконецъ состоялось. Генералъ Каприви прибылъ въ Миланъ 26 октября въ 6½ часовъ утра, и былъ встрѣченъ на вокзалѣ г. Криспи. Около сотни лицъ находились внутри вокзала, не больше было и снаружи; вообще встрѣча была холодная. Миланская печать, въ противоположность римскимъ оффиціозамъ, воздержалась отъ особенно горячихъ привѣтственныхъ статей въ честь канцлера Каприви. Въ *Secolo* даже напечатано письмо депутата Сонцоньо къ Каприви, предлагающее германскому канцлеру повращаться среди народа, причемъ онъ убѣдился бы въ томъ, что итальянцы мало восторгаются колоніальною политикою и разоряющимъ ихъ тройственнымъ союзомъ—налоги де утроились со времени заключенія союза. Въ письмѣ присовокупляется, что ирредентизмъ—явленіе не опасное: народъ ждетъ только отъ времени возвращенія братственныхъ областей. Италія должна де играть роль нейтральной и посреднической державы. Изъ Милана генералъ Каприви ѣздилъ съ г. Криспи въ Монцу, гдѣ происходилъ придворный обѣдъ, на которомъ присутствовала итальянская королевская чета. На другой день, 28 октября утромъ, германскій канцлеръ выѣхалъ обратно въ Берлинъ черезъ Сенъ-Готардъ. Многія изъ австрійскихъ и германскихъ газетъ увѣряютъ, что никакихъ новыхъ политическихъ послѣдствій свиданіе Криспи съ Каприви имѣть не будетъ и что посѣщеніе итальянскаго премьера генераломъ фонъ-Каприви является простымъ актомъ вѣжливости.

Библіографія.

Намъ доставлена газета *День* за послѣдніе мѣсяцы текущаго года. Газета выходитъ ежедневно, и по своей цѣнѣ, 5 р. съ пересылкой и доставкой, является однимъ изъ самыхъ дешевыхъ органовъ періодической печати.

Въ *Дню*, кромѣ многихъ другихъ сотрудниковъ, принимаютъ участіе слѣдующіе извѣстные литераторы: Н. С. Лѣсковъ, А. Н. Плещеевъ, В. В. Стасовъ, Филипповъ, Бахтіаровъ и проч. Въ своихъ передовыхъ и политическихъ статьяхъ газета *День* старается служить русскимъ интересамъ и зорко слѣдитъ за сочувственнымъ въ пользу Россіи движеніемъ славянъ въ Австріи и на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ у нея имѣются собственные постоянные корреспонденты. Внутреннее обозрѣніе, провинціальная лѣтопись и отдѣлъ корреспонденцій изъ различныхъ городовъ Россіи отличаются обиліемъ интересныхъ и всегда строго провѣренныхъ фактовъ. Беллетристическій матеріалъ, за достоинство котораго отвѣчаютъ имена извѣстныхъ литераторовъ, разнообразенъ и чуждъ всякой скабрезности, уголовщины и вопросовъ „улицы".

День, какъ безусловно опрятную газету во всѣхъ отношеніяхъ, можно смѣло рекомендовать любой семьѣ, желающей выписывать недорогое ежедневное изданіе.

Въ нынѣшнемъ году, между прочимъ, въ газетѣ помѣщенъ рядъ прекрасныхъ очерковъ жизни и благотворной дѣятельности отца Іоанна (Сергіева), Кронштадтскаго протоіерея.

Смѣсь.

Профессоръ Робертъ Кохъ и его лѣченіе чахотки. Важнѣйшимъ изъ всѣхъ сообщеній, сдѣланныхъ на международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, было сообщеніе профессора Р. Коха, въ первый же день засѣданій при чтеніи его доклада о „бактеріологическихъ изслѣдованіяхъ". Извѣстный ученый просто, безо всякаго паѳоса и даже почти мимоходомъ, такъ что большинство едва замѣтило это (а дѣло шло о дѣлающемъ эпоху открытіи) заявилъ, что въ скоромъ времени надѣется найти средство излѣченія чахотки. Что въ то время едва прослушали и на что не обратили должнаго вниманія, теперь, когда напечатанъ докладъ Коха, выступаетъ во всей своей великой важности. Р. Кохъ даетъ міру не простую надежду, а почти вполнѣ твердую увѣренность,

сообщая о своихъ наблюденіяхъ надъ условіями жизни чахоточнаго бацилла и своихъ изысканіяхъ средствъ, останавливающихъ его развитіе и дѣлающихъ его безвреднымъ. Важнѣйшее мѣсто доклада гласитъ: „Почти тотчасъ же за открытіемъ чахоточнаго бацилла я приступилъ къ изысканію средствъ противъ чахотки и до сихъ поръ неотступно продолжалъ мои опыты, часто прерываемые служебными обязанностями. Я не одинъ увѣренъ въ излѣчимости чахотки. Бильротъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій весьма рѣшительно высказалъ такое же мнѣніе, и кромѣ того извѣстно, что еще многіе изслѣдователи преслѣдуютъ ту же цѣль. Только, по моему мнѣнію, они избрали ложный путь въ своихъ изслѣдованіяхъ, допуская произведеніе опытовъ надъ людьми. Вотъ почему все, чего надѣялись достичь на этомъ пути, начиная съ лѣченія бензоекислымъ натромъ до метода лѣченія горячимъ воздухомъ, оказалось иллюзіей. Не надъ людьми должно производить первые опыты, но надъ самимъ паразитомъ, въ его чистыхъ культурахъ; даже и въ томъ случаѣ, если-бы найдено было средство, останавливающее развитіе чахоточнаго бацилла въ его культурахъ, еще нельзя переносить опыты прямо на людей: надо прежде вновь произвести ихъ на этотъ разъ уже надъ животными, наблюдая, не будутъ-ли имѣть силу и по отношенію къ живымъ организмамъ изысканія сдѣланныя въ реактивныхъ трубочкахъ. Впервые можно примѣнить способъ лѣченія къ человѣку, когда удадутся опыты надъ животными. Руководясь этимъ правиломъ, я въ теченіе нѣкотораго времени производилъ опыты надъ множествомъ разныхъ веществъ, изучая то вліяніе, которое они оказываютъ на чахоточныхъ бацилловъ, разведенныхъ въ чистыхъ культурахъ. При этомъ оказалось отнюдь не мало веществъ, которыя даже въ ничтожной дозѣ въ состояніи помѣшать росту чахоточныхъ бацилловъ. Вполнѣ ясно, что этого достаточно; вовсе не нужно, какъ ошибочно полагаютъ многіе, убивать бактерій въ тѣлѣ, чтобы сдѣлать ихъ безвредными для человѣка,— довольно остановить только ихъ ростъ и размноженіе. Такими средствами, препятствующими, даже при употребленіи въ малыхъ дозахъ, развитію бактерій, оказались (безъ сомнѣнія найдутся и болѣе важныя): нѣкоторые роды эфирныхъ маслъ; изъ ароматическихъ соединеній: β-нафтиламинъ, пара-толуидинъ, ксилидинъ; изъ красящихъ веществъ — краски: фуксинъ, генціановая фіолетовая, синяя метиленовая, желтыя хинолиновая и анилиновая, аврaминъ; изъ металловъ: ртуть въ парообразномъ видѣ, соединенія золота и серебра, наилучшее же дѣйствіе, благодаря своимъ особенностямъ, оказываетъ соединеніе золота съ синеродомъ. Уже при разжиженіи отъ 1—2 милліоновъ они останавливаютъ развитіе бацилловъ чахотки. Но всѣ эти вещества остались безъ дѣйствія, когда были примѣнены къ чахоточнымъ животнымъ. Несмотря на эту неудачу, я не прекратилъ своихъ опытовъ въ отысканіи средствъ, останавливающихъ развитіе бацилловъ, и наконецъ нашелъ вещества, которыя въ состояніи препятствовать развитію бацилловъ не только въ реактивныхъ трубкахъ, но и въ тѣлѣ животныхъ. Изслѣдованія надъ чахоточнымъ бацилломъ, какъ это знаетъ всякій занимавшійся ими, подвигаются впередъ весьма медленно; точно такъ же и мои опыты надъ нимъ, хотя и продолжавшіеся цѣлый годъ, еще далеко не кончены, и я могу сообщить относительно ихъ только слѣдующее. Если къ морскимъ свинкамъ, какъ извѣстно, особенно предрасположеннымъ къ чахоткѣ, примѣнить одно изъ этихъ веществъ, то на нихъ уже не дѣйствуетъ прививка туберкулезнаго гноя чахоточнаго яда. Затѣмъ у морскихъ свинокъ, страдающихъ самою сильною степенью чахотки, можно совершенно прекратить болѣзненный процессъ, причемъ средство не приноситъ никакого вреда организму. Изъ этихъ опытовъ я дѣлаю пока только то заключеніе, что есть возможность дѣлать безвредными бактерій болѣзни въ живомъ тѣлѣ безъ вреда для послѣдняго, въ чемъ до сихъ поръ сильно сомнѣвались".

Вскорѣ за тѣмъ профессоръ Р. Кохъ приступилъ и къ опытамъ надъ людьми. Изслѣдованія его надъ лѣченіемъ бугорчатки еще не закончены, но подвинулись настолько, что вскорѣ, по словамъ *National Zeitung*, будутъ опубликованы. Хотя уже и въ настоящее время получился цѣлый рядъ положительныхъ результатовъ и счастливыхъ излѣченій, тѣмъ не менѣе Р. Кохъ предполагаетъ, что еще не время ихъ обнародовать. Четверо врачей принимаютъ участіе въ продолжающихся еще спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ надъ больными: докторъ Арнольдъ Либбертцъ изъ Франкфурта на Майнѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ пользовавшійся довѣренностью и дружбой Коха, хирургъ докторъ Вильямъ Леви, докторъ Георгъ Корнетъ изъ Рейхенгаля и штабный врачъ Эдуардъ Пфуль, зять Р. Коха. Относительно мѣста, гдѣ Кохъ производитъ свои опыты, *National Zeitung* до сихъ поръ въ интересахъ дѣла хранила молчаніе, дабы преждевременными сообщеніями не смутить спокойствія паціентовъ и безпрепятственнаго теченія опытовъ. Теперь уже нѣтъ надобности въ этой сдержанности, и газета сообщаетъ слѣдующее: „Приступивъ въ началѣ сентября къ опытамъ въ Charité, въ отдѣленіи профессора Сенатора, Р. Кохъ вслѣдъ за тѣмъ вошелъ въ соглашеніе съ докторомъ Леви, содержащимъ частную хирургическую клинику и обладающимъ въ качествѣ фабричнаго врача обширной практикой. Въ величайшей тайнѣ нѣсколько больныхъ были приняты въ эту клинику, и начались опыты излѣченія какъ легочной чахотки, такъ и бугорчатки другихъ органовъ. Ради сохраненія тайны больныхъ выбирали съ предосторожностями: какъ они, такъ и ходившіе за ними врачи обязались словомъ не говорить никому о мѣстѣ и способѣ лѣченія; въ клинику не допускались посторонніе во время лѣченія. Теперь и въ другихъ больницахъ начались опыты по способу Коха, какъ напр. въ хирургической клиникѣ профессора Бергмана, въ гарнизонномъ лазаретѣ и др. Въ Бергмановской клиникѣ началось лѣченіе по способу Коха 15-ти человѣкъ, страдавшихъ бугорчаткой костей и сочлененій, и на другой же день профессоръ Бергманъ демонстрировалъ тѣсному кружку врачей происшедшее за однѣ сутки измѣненіе въ ходѣ болѣзни одного изъ этихъ больныхъ. Составныя части Коховскаго средства еще никому не извѣстны: профессоръ Кохъ самъ приготовляетъ лѣкарства и не желаетъ открывать тайны до ея обнародованія имъ самимъ. По словамъ нѣкоторыхъ врачей, таинственное вещество, которымъ достигается излѣченіе, есть извѣстный химическій продуктъ обмѣна веществъ туберкулезнаго бацилла или какой либо иной бактеріи, который вслѣдствіе его ядовитыхъ составныхъ частей названъ токсальбуминомъ. Это вещество жидко, впрыскивается шприцемъ подъ кожу больнымъ (подобно морфину), и такимъ образомъ прямо вводится въ кровеносные сосуды. При легочныхъ страданіяхъ оно впрыскивается въ спину, при бугорчатыхъ заболѣваніяхъ другихъ органовъ, какъ напр. въ коленномъ или бедряномъ суставѣ или шеѣ— въ ближайшую окрестность больнаго мѣста. Не рѣдко черезъ день или два по впрыскиваніи у больныхъ является лихорадка, но ее всегда преодолѣваютъ, и организмъ выдерживаетъ лѣченіе безо всякаго вреда. Такимъ путемъ было достигнуто нѣсколько излѣченій какъ у стариковъ, такъ и у молодыхъ людей съ довольно-значительнымъ развитіемъ чахотки, равно какъ и у дѣтей". *Берлинскій Биржевой Курьеръ* утверждаетъ, что дѣйствіе Коховскаго средства на туберкулезные бациллы отнынѣ несомнѣнно. „Въ числѣ тѣхъ формъ туберкулезнаго заболѣванія, которыя наиболѣе сопротивлялись искусству врача, первое мѣсто занимаетъ такъ-называемый lupus. Это— бугорчатка кожи, проявляющаяся болѣе или менѣе распространеннымъ или полнымъ разрушеніемъ кожи лица, носовыхъ крылій и губъ, и часто ведущая къ общему зараженію тѣла. До сихъ поръ лѣченіе его производилось такимъ образомъ, что, не дожидаясь распаденія пораженныхъ частей, всѣ зараженныя ткани разрушались посредствомъ ѣдкихъ кислотъ или соскабливанія острыми инструментами, если не предпочиталось прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ. Само собою разумѣется, что вслѣдствіе такихъ искусственныхъ разрушеній образовывались рубцы, обезображивавшіе лицо не менѣе чѣмъ сама болѣзнь, причемъ только препятствовали ея дальнѣйшему распространенію. Теченіе болѣзни длилось отъ 6 недѣль до нѣсколькихъ лѣтъ; нынѣ же одному изъ нашихъ знаменитыхъ хирурговъ удалось съ помощью Коховскаго средства достигнуть неслыханнаго излѣченія въ 5 дней". (к.)

Въ первыхъ числахъ декабря въ СПБ. откроется Всероссійская выставка женскаго художественно-ремесленнаго труда, устраиваемая Ремесленнымъ Отдѣломъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. Всѣ предметы выставки подраздѣляются на слѣдующіе отдѣлы и группы: 1) цвѣты искусственные изъ разныхъ матеріаловъ; 2) кружева; 3) вязанье; 4) вышиванье шелками, шерстями, бумагой, бисеромъ, стеклярусомъ, сутажью, золотомъ, серебромъ и проч.; 5) подѣлки изъ кожи, стружекъ, волосъ, перьевъ и др. матеріаловъ; 6) живопись по фарфору, стеклу, дереву и тканямъ; 7) выжиганіе, рѣзьба, вытравленіе по мрамору; 8) лѣпка; 9) мозаика; 10) картонажныя работы; 11) плетеніе изъ ивы и камыша; 12) особо характерныя издѣлія крестьянокъ (кустарныя), а также работы монастырей; 13) принадлежности женскаго туалета (платья, бѣлье, шляпы, галстуки, перчатки, обувь и т. п.); 14) литература женскихъ производствъ: книги, рисунки и проч.; 15) пособія для предметовъ женскаго профессіональнаго образованія, инструменты, орудія, употребляемыя въ женскихъ производствахъ и образцы употребляемыхъ въ нихъ матеріаловъ. За издѣлія особенно выдающіяся, по совершенству работы, художественному рисунку и другимъ достоинствамъ будутъ выдаваться особаго рисунка брошки, похвальные листы и медали, по присужденію спеціалистовъ, — художниковъ и ремесленниковъ; а за новые виды практическаго примѣненія женскаго труда и за коллекціи, имѣющія образовательное значеніе,—особые жетоны. Заявленія о желаніи экспонировать принимаются въ канцеляріи выставки, въ СПБ., въ Соляномъ Городкѣ, по Пантелеймонской, д. 2; а съ 15 ноября тамъ же начнется пріемъ экспонатовъ.

Англійскому писателю Драйдену случилось однажды быть въ обществѣ герцога Букингэма, лорда Рочестера и лорда Дорсета. Разговоръ зашелъ объ англійскомъ языкѣ и о способѣ выражаться на немъ кратко, содержательно и въ то-же время элегантно. Каждый изъ присутствующихъ считалъ себя наиболѣе искуснымъ въ этомъ дѣлѣ. Споръ былъ горячій; наконецъ пришли къ рѣшенію, что каждый напишетъ что-нибудь на листкѣ бумаги, а Драйденъ рѣшитъ чей стиль лучше. Герцогъ и Рочестеръ повидимому сильно ломали себѣ голову; они поднимали глаза къ потолку, грызли перья и употребили на писаніе очень много времени, тогда какъ Дорсетъ очень скоро и небрежно набросалъ нѣсколько строкъ. Когда все было готово и написанное, по условію, положено подъ подсвѣчникъ, Драйденъ выступилъ въ качествѣ судьи. Онъ обратился съ улыбкой къ Букингэму и Рочестеру: „Милорды, сказалъ онъ, — вашъ стиль нравится мнѣ чрезвычайно, но стиль лорда Дорсета привелъ меня просто въ восторгъ. Слушайте и судите сами: „Перваго будущаго мая я плачу Джону Драйдену или его повѣренному пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Валюту получилъ. Лондонъ, 16-го апрѣля 1686 г. Дорсетъ". — По прочтеніи этихъ строкъ, Букингэмъ и Рочестеръ не могли не согласиться, что этотъ слогъ превосходилъ всякій другой по краткости, содержательности и элегантности. (е.)

Неустойчивый законъ. Лѣтъ двѣсти тому назадъ въ Уденардѣ,

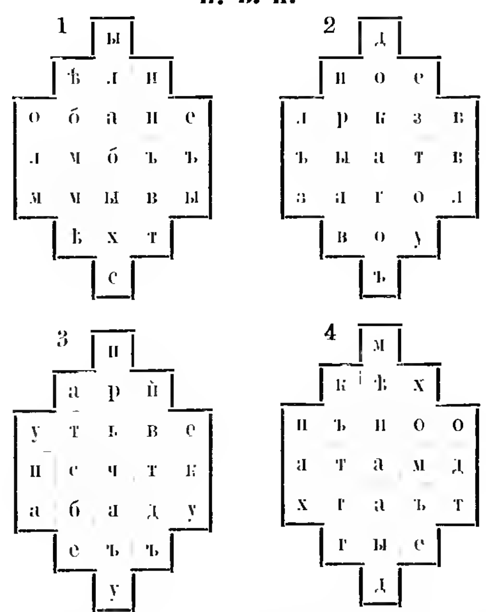
во Фландріи, одинъ высокоумный совѣтъ издалъ приказъ, чтобы никто не смѣлъ выходить вечеромъ на улицу безъ фонаря. Граждане возроптали и чтобы исполнить букву закона и въ то же время позлить совѣтъ они, по взаимному уговору, стали по вечерамъ брать съ собой фонарь, но только безъ свѣчи. Тогда совѣтъ издалъ второй приказъ, повелѣвающій каждому имѣть въ фонарѣ свѣчу. Горожане повиновались и этому приказу; они стали носить фонарь со свѣчей, но только не зажженной. Совѣтъ вынужденъ былъ издать третій приказъ, которымъ, подъ двойнымъ штрафомъ, требовалось, чтобы каждый носилъ въ фонарѣ зажженную свѣчу. Послушные обыватели исполнили и это требованіе: они стали носить фонарь съ зажженной свѣчей, но только—подъ плащомъ. Члены совѣта сердито покачали своими алонжевыми париками и издали законъ, что каждый долженъ носить въ рукѣ, безъ всякаго прикрытія, снабженный горящею свѣчею фонарь, послѣ чего обывателямъ уже не пришло въ голову никакого новаго школьничества. (с.)

Домашняя или обыкновенная муха безъ сомнѣнія имѣетъ опредѣленное и даже полезное назначеніе дополнять въ домашнемъ быту упущенное изъ виду природой. Она занимаетъ между насѣкомыми такое же мѣсто, какъ свиньи среди млекопитающихъ, уничтожая громадное количество нечистотъ и заразныхъ веществъ. Мухи встрѣчаются въ большомъ количествѣ на нечистотахъ и въ комнатахъ съ испорченнымъ воздухомъ, подобно тому какъ противные, но часто полезные тараканы-прусаки водятся въ грязныхъ кухняхъ и домахъ; послѣднихъ однако легко и скоро можно вывести чистотою и свѣжимъ воздухомъ. Муха чрезвычайно приспособлена къ уничтоженію нечистотъ: на языкѣ у ней находится родъ щеточки, гребенки или скребка, который она пускаетъ въ ходъ съ большой силой, такъ что можетъ соскабливать и счищать имъ засохшій лакъ, сургучъ и клей. Тотъ, къ кому она сядетъ на кожу для очищенія съ нея грязи или влажности, тотчасъ почувствуетъ жесткость ея языка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ домашняя муха самое наглое и надоѣдливое созданіе, разбойникъ не дающій пощады ничему, что можетъ служить ему пищей. Она нападаетъ на человѣка и во время сна и во время бодрствованья. Этотъ маленькій тиранъ охотно садится на гнилыя и протухлыя вещества, и долженъ считаться разносителемъ заразы, такъ какъ постоянно мѣняетъ мѣста своихъ кормежекъ. Муха отравляетъ раны человѣка и переноситъ въ наши кушанья заразу со сгнившихъ органическихъ веществъ, напримѣръ, съ труповъ или съ вредныхъ нагноеній: поэтому тѣ больные, которымъ необходимо имѣть открытую рану, должны заботливо слѣдить, чтобы мухи не касались ея. (к.)

Оригинальный кустарь явился со своими издѣліями на Казанскую выставку. Это 25-ти-лѣтній крестьянинъ Вятской губ., Уржумскаго уѣзда, Макаръ Никитинъ. У него, отъ рожденія, нѣтъ ни рукъ, ни ногъ, и инструменты онъ беретъ зубами. Дѣлаетъ онъ вѣялки, повозки, кухонные столы и проч. Онъ ходитъ довольно скоро, передвигая то одну, то другую сторону корпуса. (в.)

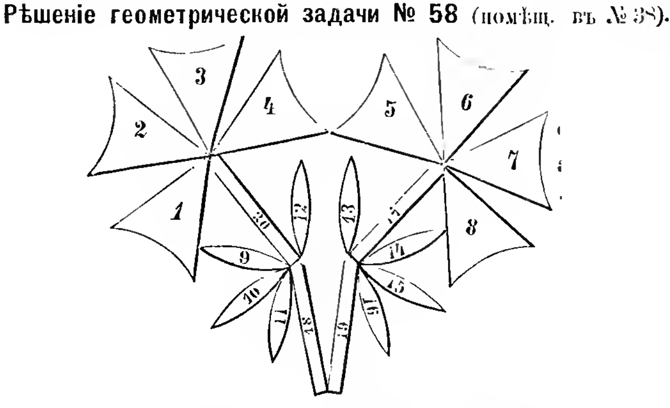
Задача буквъ (ходъ коня) № 63.

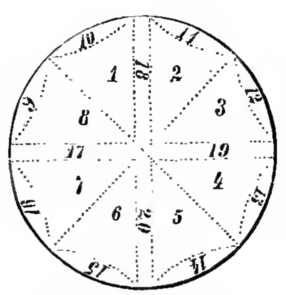
И. В. Н.



Требуется сложить данныя четыре фигуры въ одну общую и посредствомъ хода коня прочесть извѣстное стихотвореніе.

Рѣшеніе геометрической задачи № 58 (помѣщ. въ № 38).





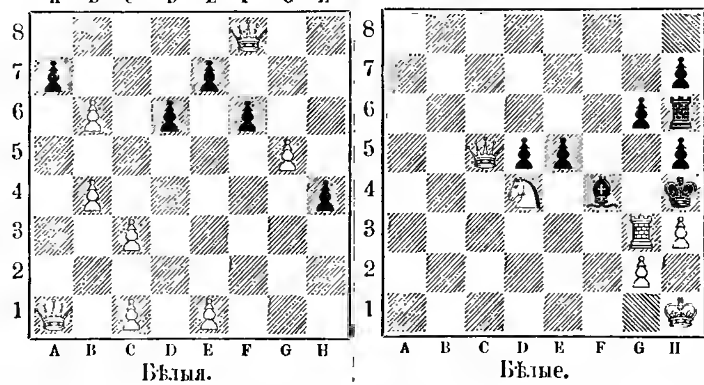
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: **СПб.**—В. Сизова, В. Лбова, К. В. Петрова, Е. Бѣлова, В. А. Лирсенъ, П. Елишкина, К. Носкова, О. Ѳ. Кузина, В. Фендрикова, П. З. Андреева, М Шувалова, П. В. Волокитина, Н. Н. Некипѣлова, Я Диннера, И. Р. Милкова, С Ф. Крылова, П. Царева, Г. Цейсъ, С. Клыкова; **Москва**—А. А. Боголѣпова, Ф. А. Куликова, М. Посохина, П. В. Серебрякова, Л. А. Козель, Н. Волгина, Л. Кочетова, П. Сытова, Е. Геммникъ; **Александрополь**—М. Бѣлобородова; **Борисоглѣбскъ**—А. Д. Алехина; **Борзна**—Т. Погибкина; **Бахчисарай**—М. М. Дремджи; **Безтроскъ**—В. Карницкой; **Б. Коровино**—В. К. Терскаго; **Ветлуга**—Ф. Г. Чиркина; **Винница**—С. П. Мильрудъ; **Варшава**—К. Меркушкина; **Вильно**—А Пѣвцова; **Златоустъ**—М. О Рябинина; **Злынка** Х. Е. Макарова; **Креславль**—К. А. Холкина; **Кременчугъ**—Э. Л Виткунъ-Доброненской; **Ковровъ** Н. Н. Мытарева; **Кіевъ**—А. Н. Шульженко; **Калуга**—С. П. Соколова; **Ковно**—А. Аронштамъ; **Лебедянь**—В. Н. Чурилина; **Лодзь**—А. Стенцель; **Межевичи**—М. М. Мирковича; **Могилевъ**—Ф. Филиповича; **Н. Новгородъ**—А. Кикина, І. Аппакъ; **Н. Тагиль**—З. А. Протасскаго; **Николаевъ**—Э. К. Фолькертъ; **Новогрудокъ**—А. Ф. Цимковича; **Орелъ**—Хонъ, М. П. Овечкиной; **Одесса**—М. Юрьева; **Орѣхово**—К. В. Андреева; **Павлоградъ**—А. Б. Хмельницкаго; **Пятигорскъ**—А. Кирѣева; **Пенза**—К. Н. Потѣхина; **Псковъ**—Н. Невдачиной; **Рязань**—Н. Шершнева; **Ряжскъ**—А. А. Лаврова; **Севастополь**—К. А. Коста; **Саратовъ**—А. А. Захарова; **Сергіевское**—Н. М. В.; **Тамбовъ**—Е Липатовой; **Усть-Сысольскъ**—Красильникова, Забоева; **Уфа**—П. С. Боньe; **Чернизово**—А. Е. Рыцкова; **Щучинъ**—Д. Н. Жигмановскаго; **Юхновъ**—К. П. Олицкаго; **Ярославль**—П. Мозягина.

Шашечная задача № 64.

В. Н. Шошина.

Шахматная задача № 65.

Черныя. | Черные.

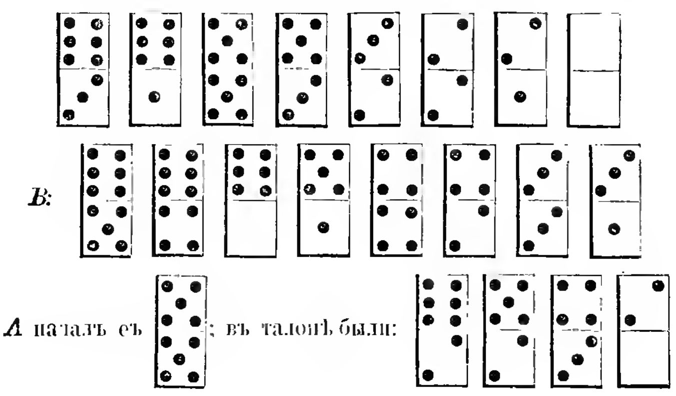


Бѣлыя. | Бѣлые.

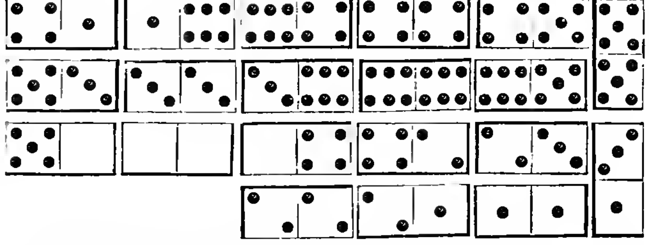
Бѣлыя начинаютъ и запираютъ двѣ простыхъ черныхъ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе задачи въ домино № 57 (помѣщ. въ № 38).



Ходъ игры:



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: **СПб.**—К. Н. Лапшина, **Карачевъ**—m-lle С. М., **Калуга** С. П. Соколова, **Одесса** М. Юрьева.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г.

Подписчики „Нивы“ въ 1891 г. получатъ кромѣ 52 нумеровъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ еще БЕЗПЛАТНО

12 ежемѣсячныхъ большихъ книгъ

романовъ, повѣстей, разсказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стран., въ форматѣ **„Сборника“** разосланнаго при №. 43 „Нивы“ на 1890 г. Три изъ этихъ 12 книгъ будутъ состоять изъ **Полнаго собранія сочиненій**

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 3 томахъ, **какъ самостоятельное изданіе**, съ біографіею Лермонтова и его портретомъ, гравированнымъ на стали.

Попрежнему къ „Нивѣ“ будутъ прилагаться **„Парижскія моды“**, 12 №№. въ годъ, содержащихъ въ себѣ до 500 модныхъ гравюръ, 350 рисунковъ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ, 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, хозяйственные совѣты и рецепты и проч. и проч.

При 1-мъ №. „Нивы“ разошлется изящный **„Стѣнной календарь“** на 1891 г., отпечатанный красками.

Кромѣ того подписчики „Нивы“ на 1891 г. получатъ какъ главную художественную премію **съ даровою пересылкою**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac simile въ краскахъ по картинамъ: **Айвазовскаго, Александровскаго, Васильковскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенка, Клевера, Премацци и Сверчкова**, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошнымъ заглавнымъ рисункомъ.

Относительно запасеннаго нами литературнаго матеріала какъ для „Нивы“, такъ и для 12 книгъ, можемъ указать на нашу слишкомъ двадцатилѣтнюю дѣятельность, въ теченіе которой читатели „Нивы“ могли убѣдиться, что мы даемъ произведенія лишь извѣстнѣйшихъ и лучшихъ русскихъ писателей.

Подписная цѣна „Нивы“ показана на первой страницѣ.

5% съ выигр. заемъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г. 2-й тиражъ 1-го ноября 1890 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.
76	11	500	2244	46	500	4282	6	500	6456	13	500	8221	13	500	10231	42	8000	12064	29	500	13815	22	5000
87	21	500	2259	8	500	4323	40	500	6457	29	200000	8283	50	8000	10277	44	500	12073	6	500	13858	9	500
118	30	500	2430	21	500	4352	9	500	6572	9	500	8347	37	500	10325	7	500	12078	33	500	13874	9	500
142	13	500	2525	16	500	4465	47	500	6606	8	500	8356	6	500	10433	12	500	12112	11	500	13911	19	500
145	24	500	2774	16	500	4489	38	500	6659	6	500	8359	17	500	10444	47	500	12246	47	500	14017	23	500
221	39	500	2813	16	500	4543	18	500	6673	1	500	8361	36	500	10463	5	500	12270	4	500	14033	10	1000
284	35	500	2856	33	1000	4597	5	500	6689	23	1000	8393	34	500	10464	26	1000	12283	47	500	14056	27	500
330	25	500	2902	36	500	4628	47	500	6696	36	500	8445	13	1000	10536	9	1000	12413	10	500	14140	21	500
348	18	500	3161	41	500	4709	39	500	6715	21	500	8503	10	500	10565	13	5000	12568	25	500	14222	26	500
369	18	500	3172	14	500	4740	42	500	6723	28	500	8527	14	500	10667	47	500	12593	4	500	14287	27	500
385	13	500	3251	30	500	4777	20	500	6751	12	500	8591	11	1000	10721	43	500	12639	43	500	14409	46	500
385	44	500	3268	19	500	4849	46	500	6785	24	500	8620	1	500	10724	32	1000	12661	2	500	14444	23	500
465	6	500	3331	23	500	4962	16	5000	6837	18	500	8774	12	500	10729	49	500	12781	41	500	14484	6	500
474	18	500	3358	47	500	5058	35	500	6861	43	500	8846	29	500	10753	49	500	12856	19	500	14504	44	500
521	1	10000	3373	13	500	5103	33	500	6951	48	500	8982	18	500	10799	16	500	12915	12	1000	14551	8	500
551	24	500	3383	16	500	5210	37	500	7011	41	500	9019	44	500	10831	29	500	12950	15	500	14556	29	5000
673	11	500	3422	18	500	5216	11	500	7081	3	500	9099	35	500	10840	6	1000	12955	42	500	14578	2	500
721	40	500	3449	42	500	5239	30	5000	7205	1	500	9143	44	500	10879	27	500	13022	5	500	14656	5	500
762	11	500	3456	34	500	5406	11	500	7232	29	500	9232	31	500	10880	47	5000	13037	22	500	14748	26	500
824	20	500	3473	44	500	5492	32	500	7243	25	8000	9255	10	500	10898	28	8000	13139	22	75000	14927	4	500
1059	49	500	3487	21	500	5529	38	500	7257	45	10000	9277	28	500	11052	33	500	13168	11	500	15071	29	500
1063	37	1030	3525	48	500	5541	48	500	7276	45	5000	9293	28	500	11218	23	500	13224	10	500	15112	8	500
1081	2	500	3535	28	500	5552	35	500	7309	27	500	9325	48	500	11220	4	500	13259	17	500	15120	9	500
1105	34	500	3691	25	500	5686	29	500	7327	11	500	9367	29	25000	11225	18	500	13264	21	500	15173	25	500
1134	29	500	3699	35	500	5787	14	500	7381	6	500	9447	35	500	11354	50	500	13328	6	500	15257	3	500
1366	38	500	3786	17	500	5813	9	500	7421	18	500	9457	43	500	11494	44	500	13345	12	500	15258	18	1000
1393	50	500	3821	8	500	5929	45	500	7450	8	500	9474	40	500	11533	27	1000	13372	16	500	15311	26	10000
1432	6	500	3855	6	500	6027	36	500	7627	17	5000	9480	15	500	11540	18	500	13398	34	500	15315	6	500
1470	6	500	3906	36	500	6092	4	500	7652	16	500	9539	12	500	11586	8	500	13412	39	500	15341	25	500
1519	47	500	3920	47	500	6144	27	500	7712	13	500	9638	41	500	11624	30	500	13475	43	1000	15370	11	500
1540	47	8000	3939	16	500	6179	6	500	7738	44	500	9685	14	500	11723	36	1000	13478	44	500	15454	8	500
1555	41	500	4037	11	500	6181	44	500	7743	31	500	9741	29	500	11753	32	500	13480	47	500	15557	30	500
1693	1	500	4088	16	500	6213	34	500	7772	48	500	9791	46	1000	11·25	16	500	13594	31	500	15820	10	500
1705	30	500	4089	33	500	6261	26	500	7939	45	500	9837	6	500	11947	9	500	13667	35	500	15820	37	500
1778	40	500	4126	43	500	6273	50	500	7975	7	500	9933	42	40000	11947	36	500	13723	8	500	15931	1	500
2105	1	500	4218	23	500	6295	6	500	8087	50	1000	10025	19	500	11964	5	500	13736	18	500	15953	10	500
2126	31	500	4261	23	1000	6430	36	1000	8185	47	500	10137	14	500	11985	7	500	13763	47	500	15994	8	500
2201	20	500	4276	46	500	6434	18	1000	8191	18	500												

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го февраля 1891 года.

Тиражъ погашенія будетъ производиться съ 1-го мая 1896 года.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

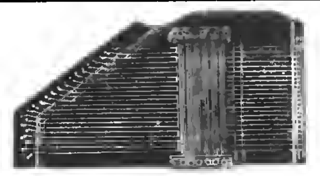
Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28-2

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
фабрикантовъ шелковыхъ издѣлій
Бр. С. и Г. ШЕЛАЕВЫХЪ
Москва, пассажъ Солодовникова, Москва
ПРЕДЛАГАЕТЪ:
изящныя шелковыя ткани для вечернихъ, бальныхъ и визитныхъ платьевъ, какъ и плюшъ и бархатъ для разныхъ верхнихъ вещей по Ш. № 4802
КРАЙНЕ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ.
По желанію образцы высыл. безплатно.



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь **удешевленнымъ** цѣнамъ:
съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей
Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (40) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА

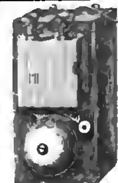
въ Цанѣ (кор. Прусское)
обширнѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ. Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вел. Герцога Ольденбургскаго и другихъ царствующихъ особъ. R. № 4806

Предлагаетъ, какъ спеціальность заведенія, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульмскихъ договъ и сенбернардовъ, до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ, а также охотничьихъ собакъ, какъ-то: лягавыхъ, борзыхъ, даксовъ и другихъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ.
Иллюстрированные прейсъ-куранты по-французски и по-нѣмецки **безплатно**. 5-е изданіе брошюры „Воспитаніе, уходъ, дрессировка и болѣзни чистокровныхъ собакъ", съ 50-ю рисунками премированныхъ собакъ, но франц. и нѣмец.—за 10 марк.=12,50 франк.=5 руб.=6 гульд.
Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу. (Bahnhof-Wittenberg).

НОВЫЯ ИГРЫ И ЗАБАВЫ

для дѣтей и взрослыхъ
въ долгіе зимніе вечера и на праздникахъ.
ВЫПИСЫВАЙТЕ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО!

Кромѣ вещей, опубликованныхъ въ прошломъ номерѣ, только что поступили слѣдующія игры: **По 50 коп.:** Изъ мухи слона. ◆ Рыбка гадалка. ◆ Непогрѣшимая птичка. ◆ Живопись огнемъ. ◆ Игра въ Генералъ Басъ. ◆ Четъ или нечетъ. ◆ Автоматическая таблица умноженія. ◆ Игра капризъ. ◆ Азбука крошка. ◆ Азбука малютка. ◆ Карты гаданія. ◆ 5 игръ головоломокъ, очень интересно. ◆ Эйфелева башня (Question de la Tour). ◆ Карты гаданія „Амуръ". ◆ Вышиваніе по канвѣ. ◆ Складныя картины (для маленькихъ). ◆ Игра въ магнитн. рыбки. ◆ Калейдоскопъ. ◆ То же большіе 1 р. и 2 р. ◆ Свинка въ клеверѣ. ◆ То же брелокомъ 25 к. ◆ Рисованіе по шаблонамъ. ◆ Дѣтскіе, дьявольскіе, часы.
По 75 коп.: Бобчинскій и Добчинскій. ◆ Путешествіе вокругъ свѣта. ◆ Рыцарскій турниръ. ◆ Игра въ почту. ◆ Черный Петръ (очень забавно). ◆ Коко и Рококо. ◆ Лото звѣрей. ◆ Лото рыбъ. ◆ Шкатулка чародѣйка. ◆ Вырѣзаніе тѣней. ◆ Зоологическій міръ, для легчайшаго изученія естеств. исторіи. ◆ Головальня
По 1 руб.: Со ступеньки на ступеньку. ◆ Колоколъ и молотъ. ◆ Сѣнной странникъ. ◆ Игра парадъ въ Петербургѣ. ◆ Игра ясновидѣніе. ◆ Игра „Впередъ", обществен. ◆ Ящикъ фокусовъ. ◆ То же большіе 2 р., 4 р., 6 р., 8 р. и 10 р. (очень интересно для развлеченія цѣлаго общества и домашнихъ сценъ). ◆ Игра: разъ, два, три. ◆ Ано-Като или электрич. пляшущія фигуры. ◆ Игра „Баранки", очень смѣшна. ◆ 10 головоломокъ (jeux de patience) одинаково интересны дѣтямъ и взрослымъ. ◆ Дѣтскій театръ. ◆ Дѣтская мебель. ◆ Тоже большая 2 р. и 3 р..
По 1 р. 50 коп.: Вооруженная Европа. ◆ „Дарвина"- игра. ◆ Живописное лото, для изученія 3 языковъ. ◆ Кошка и мышка. ◆ Смѣхъ до слезъ дѣтей и взрослыхъ. ◆ Веселая таблица умноженія. ◆ Мужикъ, мѣщанинъ и дворянинъ. ◆ Маленькая портниха (съ моделями и выкройками). ◆ Разборная кухня. ◆ Альтотасъ или 120 предсказывающихъ картъ. ◆ Эйфелева башня составная. ◆ Летающая муха (шумитъ и летаетъ). ◆ Портфель съ 10 забавными фокусами. ◆ Школа рукодѣлія для дѣвочекъ. ◆ Гулліверъ-чародѣй. ◆ Игра въ музыканты. ◆ Заводная желѣзная дорога съ вагонами. ◆ Локомотивъ со свисткомъ. ◆ Пѣвцовый альбомъ писателей.
По 2 руб.: Во всѣ Имперіи (очень интересн. и полезн.). ◆ Цвѣтное вышиваніе. ◆ Работы плетенія. ◆ Маленькій мозаичникъ или мозаичница. ◆ Игра въ скачки. ◆ Веселое лото для дѣтей и взросл. ◆ Тысяча картинъ или азбучная игра. ◆ Игра въ рыбки (очень забавно). ◆ Дѣтская пріемная. ◆ Работы крючкомъ. ◆ Дѣтскій билліардъ.
По 2 р. 50 коп.: Китайская игра съ воликомъ (интересна и взрослымъ). ◆ Военная игра для мальчиковъ. ◆ Игра горошинами, очень интересна для маленькихъ. ◆ Вязаніе и вышиваніе по канвѣ и серебряной бумагѣ ◆ Подзорная труба.
По 3 руб.: Вокругъ всего свѣта. ◆ Наглядная таблица умноженія (обѣ очень интересн. обществен игры). ◆ Флора, прекраснѣйшая игра для дѣвочекъ. ◆ Змѣеносцы (очень забавная). ◆ Разрушающаяся крѣпость (для мальчиковъ). ◆ Кораблестроитель, постройка судовъ по моделямъ. ◆ Автоматическій продавецъ.
По 5 руб.: Живое колесо (перемѣняющіяся картины). ◆ 30 головоломокъ съ приложеніемъ китайскихъ кастетовъ и книгою, а равно громадный **выборъ волшебныхъ фонарей** отъ 1 р. 50 коп. и картины къ нимъ отъ 1 р. за дюж.
Всѣ игры весьма занимательны и съ печатными наставленіями.
Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній. Невскій проспектъ. № 4. (Фирма существ. съ 1872 г.) **Заказы исполняются немедленно, но не менѣе чѣмъ на 3 рубля.** Mt. № 4803



Лампы съ накаливаніемъ въ 16 свѣчей, въ 50, 65 и 100 вольтъ, за 100 штукъ РС. 100. **Патроны Эдиссона** и **Сименса. Тюльпаны стеклянн.** отъ **50 к.** до **1 р. 25 к. Электрическіе звонки** отъ **1 р. 50 к. Аппараты №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12 РС. 7.50, 8.50, 14, 16, 20, 23. Кнопки** отъ **25 к. Элементы Лекланше** отъ **1 р. 25 к.—1 р. 50. Сухой элементъ Электронъ** отъ **2 р. Изолированная проволока** за ф. отъ **1 р. 20. Изоляторы** отъ **20 к.—50 к. Симпленсъ Микрофонъ. Телефонъ со звонкомъ,** за станцію РС. 15. **Микрофонъ телефонъ Ваденa,** съ индукторомъ, на протяженіе 400 верстъ, **за станцію РС. 60. Домашній телеграфъ,** легко устанавливается домашнимъ образомъ, безъ помощи спеціалистовъ, **цѣна 7 р. Постановка** и **проводъ телефоновъ и звонковъ,** а также **ремонтъ** и **починка** по весьма **умѣреннымъ цѣнамъ.** Руководство и прейсъ-курантъ высыл. за 50 к. марками.
5—2 **К. И. ФРЕЛАНДТЪ** В. № 4775
Складъ электрическихъ приборовъ, С.-Петербургъ, уг. Невскаго пр. и Екатерининскаго канала, д. Учетнаго Банка, входъ съ канала. № 16.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА 1891 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства
подъ редакціею **В. Н. Кутузова**
(СПБ., Лѣсной Институтъ).
Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ.
Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива" (СПБ., Невскій просп., № 6) и у казначея Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботаническій Садъ). **Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы".**

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!
Театральная гримировка! В. № 4720 17—3
Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у **В. Аурихъ,** Колокольная, № 18. **С.-Петербургъ.**

Н. П. ЛАНИНЪ,

КОММИСІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ. № 4796 5—1

Склады: Москва, Москворѣцкій мостъ, соб. д. Телефонъ № 764. **С.-Петербургъ,** Чернышевъ пер., д. № 2-64. **Одесса,** уголъ Екатерининской и Еврейской улицъ, д. Пневасъ. **Нижегородская ярмарка,** уголъ Нижегородской и Макарьевской улицъ. **Въ Баку,** во время ярмарки.
Фирма существуетъ съ 1854 года.
Она удостоена: на всероссійскихъ выставкахъ 11 и на иностранныхъ 45 наградъ. Кромѣ того, **на всемірной выставкѣ въ Барцелонѣ 1888 года** представитель фирмы удостоенъ званіемъ **члена жюри** и кромѣ **золотой медали награжденъ командорскимъ крестомъ „Св. Изабеллы Католической"** и на выставкѣ винъ въ Бордо **двумя почетными дипломами** и **золотой медалью.**
Рекомендуется на зимній сезонъ отличнаго качества шампанское:

IMPERIAL:	Русское шампанское.
сладкое.	
полусухое.	Cremant Rosé.
очень сухое	Cremant Sec.
сладкое.	Cremant Demi Sec.

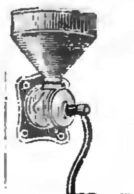
Во избѣжаніе поддѣлокъ всѣ эти сорта выпущены въ продажу съ новой герметической укупоркой, при помощи проволочной сѣтки и металлической пластинки сверхъ пробки, съ выдавленнымъ клеймомъ: „Н. П. Ланинъ" и съ ПЛОМБОЙ „Н. П. Ланинъ, Москва".

Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи. Требовать *зелено-золотистый ярлыкъ.* Главное депо у **Александра Тиссъ и К°.** Пушкинская, № 4. Ц. № 4769 4—2

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО !!
приготовленное лабораторіей **А. Энглундъ.**
Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, которого обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.
Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.
Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.
Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4409 12—10
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
А. ЭНГЛУНДЪ,
СПБ., Литейный пр., 36.

Поступила въ продажу новая книга:
ПОДЪ ВОЛНАМИ ОКЕАНА.
Романъ д-ра **Рангада.**
Цѣна **1 руб.** Съ 24-мя рисунками.
Выписывающіе чрезъ редакцію журнала „Природа и Люди", СПБ., Вознесенскій, 47, за пересылку не платятъ. № 4783 2—2

№ 4795 **НОВОСТЬ!** 3—1

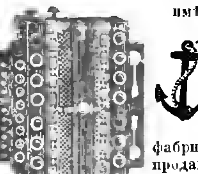


Французская **СТАЛЬНАЯ ДРОБИЛКА 9 руб.** Кормите лошадей, коровъ, птицъ и т. п. дробленымъ ячменемъ, овсомъ, кукурузой и пр., зерна будетъ выходить значительно менѣе, что дастъ большую экономію въ хозяйствахъ и кавалерійскихъ полкахъ. Адресъ: **Одесса,** складъ машинъ технолога **Н. МЕЛЬНИКОВА.**

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ

ГАРМОНІИ

фабрики І. Ф. КАЛЬБЕ.



имѣютъ такой

TRADE MARK

фабричный знакъ и продаются у меня по фабричнымъ дешевымъ цѣнамъ:

Однорядныя: въ 4, 5, 5½, 6, 7, 7½, 8, 8½, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двухрядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и вѣнскія въ 10 и 22 р.
Трехрядныя: въ 60 р. и вѣнскія въ 30, 50 и 75 р.

Самоучитель Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.

Гармоніи можно имѣть нѣмецкаго или русскаго строя. № 4793

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ **безплатно.** Продажа оптомъ и въ розницу.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская. № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

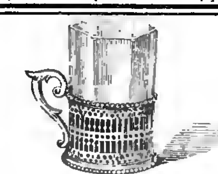
СКОБИЛЬНАЯ СТАЛЬ
Доннерлера

скоблитъ такъ скоро и незамѣтно, что каждый по первомъ употребленіи дастъ ей предпочтеніе предъ всѣми бывшими до сихъ поръ въ употребленіи скобильными ножиками и проч.

Единственная продажа оптовая и розничная у № 4788 3—2

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ

Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей
Большая Морская, № 34,
Цѣна съ пересылкою 1 рубль.



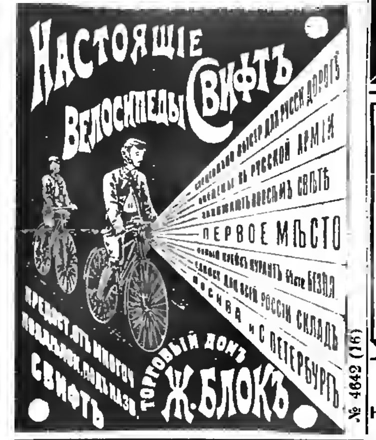
ФАБРИКА
МЕЛЬХІОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., домъ № 36.

Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Г.г. иногороднимъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, безплатно. № 4797 3—1

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: **Генрихъ Блоккъ,** С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.



№ 4642 (16)

Только что вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга:

„ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ“

Стихотворенія 1887—1890 гг.

Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пересылкою 1 р. 50 коп. Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. № 4807

CIGARETTE PECTORAL — CIGARETTES ESPIC

CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Dépôt general: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Pétersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (84)

Поступило въ продажу въ конторѣ журнала „**Нива**“ (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **Ѳ. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ **трехъ большихъ томовъ,** отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ **2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди.**

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ **предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками.**

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе второго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, пріемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства: порядокъ эксплоатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу: соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи **1-го** тома вносится **4 р.,** до выхода **2-го** тома **8 р.,** а до выхода **3-го** тома **2 р.,** а всего **14 руб.**

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ.

За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

☛ **По выходѣ всего** сочиненія **цѣна будетъ значительно возвышена.** ☚

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „**Нива**“ (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и пожелающія пріобрѣсти слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 2 р.

Товарищество Промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій
ВЪ САРАТОВѢ.

Сезонъ 1891 года. Ц. № 4798 6—1

САРПИНКА

ручнаго ткачества, собственной выработки **самыхъ новѣйш. и изящн. рисунковъ.**

Продажа оптомъ и въ розницу, пересылка во всѣ города Россіи.

Образцы сарпинокъ высылаются съ 15-го ноября с. г. въ альбомѣ за 42 к.

Цѣны и условія по альбому (переписка на русскомъ языкѣ).

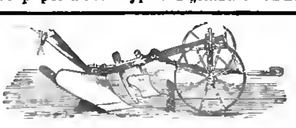
ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. **Обращаться въ Контору журнала „Нива“,** а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.



ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки.

Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дези“ и сноповязалокъ Мак' Кормика** въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—12

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеноповъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

ИЗОБРѢТЕННЫЙ ЦВѢТОЧНЫЙ **О-ДЕ-КОЛОНЪ БРОКАРЪ и Ко.**

Складъ фабрики: Офицерская. 5.

Только подлинно съ этой фабричн. маркой.

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и Ко.
въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

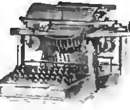
*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо

Главный складъ для Россіи **у В. Ауриха** въ **С.-Петербургѣ,** Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В № 4719 18—4

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

При этомъ № прилагается для гг. иногороднымъ подписчиковъ объявленіе отъ К. И. Фреландтъ въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 7 ноября 1890 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. | г. XXI
№ 46 | 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНIЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 17 ноября 1890 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Передъ свадьбой. А. Шредера, грав. Гейеръ.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XXI.

Остановившись въ маленькой гостиницѣ, Кàроль отправился къ канцлеру банды, шляхтичу Володковичу, и представился, объявивъ о своемъ намѣреніи. Володковичъ принялъ его ласково, узнавъ, что онъ тотъ самый молодой человѣкъ, о которомъ онъ слыхалъ въ Варшавѣ, т. е. сынъ извѣстнаго пана Сандецкаго.

Прежде всего Володковичъ потребовалъ, чтобы Кàроль ознакомился со статутомъ, или съ правилами, которыми руководится Албанская банда. Затѣмъ молодому человѣку было сдѣлано нѣчто въ родѣ экзамена.

Каждый албанчикъ обязывался знать хоть немного полатыни, но это было самое послѣднее, что̀ требовалось.

Главное было въ томъ, чтобы лихо ѣздить верхомъ на самыхъ дикихъ лошадяхъ и если валиться на землю, то не иначе, какъ вмѣстѣ съ лошадью, но вмѣстѣ съ нею и вставать. Затѣмъ искусно рубиться на సабляхъ, стрѣлять безъ промаха, много пить не напиваясь, буянить въ трезвомъ видѣ, а не въ пьяномъ. Между собой не ссориться, а въ случаѣ распри съ кѣмъ-нибудь изъ банды никогда не обращаться къ собственной расправѣ, а просить арбитра изъ банды. Въ случаѣ опаснаго порученія—не жалѣть себя, такъ какъ отъ всякаго поступающаго требовалось вообще, по польскому выраженію, „умѣнье держать чорта за рога“.

Кàроль, получившій воспитаніе у монаховъ-піаровъ и собиравшійся было уже поступить въ Палестру, т. е. быть юристомъ или чиновникомъ, все-же, какъ всякій полякъ своего времени, былъ хорошо знакомъ съ оружіемъ и съ верховой ѣздой. Теперешнее же его положеніе измѣнило его образъ мыслей, и онъ готовъ былъ навостриться въ военномъ дѣлѣ. Ему хотѣлось теперь начать жизнь не тихую и мирную, а буйную, въ которой можно было бы потопить, заглушить свои страданія.

Молодой человѣкъ заявилъ канцлеру, что онъ болѣе или менѣе умѣетъ и знаетъ все что̀ требуется, но постарается обучиться всему до тонкостей.

Черезъ три дня Кàроль, нѣсколько смущаясь, уже вступалъ въ великолѣпный дворецъ князя Радзивила. Молодой человѣкъ, не разъ жившій въ Варшавѣ и видѣвшій дворъ короля Станислава, бывшій раза два въ за̀мкѣ королевскомъ, былъ все-таки пораженъ роскошью и великолѣпіемъ при дворѣ мѣстнаго Цезаря.

Хотя Кàролю назначили для пріема такіе часы, когда князь отдыхалъ послѣ завтрака, тѣмъ не менѣе въ гостиной, богато убранной всякими чудесами Европы, отъ бронзы и картинъ до фарфора и гобеленевъ, было нѣсколько лицъ, ожидавшихъ пріема.

Когда князю доложили о явившемся представиться новомъ охотникѣ въ банду, Радзивилъ по обыкновенію задалъ всегдашній свой вопросъ доложившему:

— Въ чемъ молодецъ? Въ „плюндрахъ“ или въ платьѣ?

Докладывавшій заявилъ, что не только молодой Кàроль Побòчекъ не въ плюндрахъ, а въ самомъ настоящемъ старо-польскомъ одѣяніи, но и душой приверженецъ всего старо-польскаго, равно какъ и его отецъ, извѣстный панъ Сандецкій.

„Плюндры“ было ненавистное слово для всѣхъ партизановъ Радзивила. Это было платье, вновь появившееся на свѣтѣ съ легкой руки французовъ и уже начинавшее проникать во всѣ углы Европы.

Всѣ думали и надѣялись, и не въ одной Польшѣ, что плюндры исчезнутъ, какъ всякая временная мода, и тѣмъ болѣе надѣялись, что безобразнѣе этой одежды ничего и выдумать было нельзя.

— Никакой хлопъ, никакой жидъ, никакой песъ, говорилъ Радзивилъ и ему подобные,—не посмѣетъ со временемъ носить то во что̀ теперь стали наряжаться молодые люди Варшавы.

Плюндры была черная пара — фракъ и панталоны. Много старыхъ умныхъ головъ въ Европѣ крайне изумились бы, если бы могли предвидѣть, что плюндры останутся на бѣломъ свѣтѣ на сто лѣтъ, обойдутъ земной шаръ и будутъ угрожать міру остаться на вѣки-вѣчные, а вдобавокъ станутъ главнымъ уравнителемъ сословій, болѣе сильнымъ чѣмъ законъ, ибо будутъ уравнителемъ осязательнымъ и наглядньмъ,—станутъ мундиромъ въ парадныхъ случаяхъ для вельможъ, сановниковъ, министровъ, даже для коронованныхъ особъ и... внизъ до лакеевъ.

Кàроль Побòчекъ конечно былъ одѣтъ въ кунтушъ и жупанъ темнаго цвѣта, но все-таки довольно красивые и свѣжіе. Сильно смущенный переступилъ Кàроль порогъ знаменитаго магната. Когда онъ вошелъ въ небольшой кабинетъ, то нѣсколько удивился. Онъ представлялъ себѣ князя совершенно инымъ.

Радзивилу было теперь менѣе пятидесяти лѣтъ, но на видъ, благодаря праздно-безпорядливой жизни, онъ казался человѣкомъ лѣтъ уже за шестьдесятъ. Онъ былъ средняго роста, скорѣй даже маленькаго, и очень толстый съ выдающимся брюшкомъ. Костюмъ на немъ былъ всегда польскій и всегда одного цвѣта: темногранатовый кунтушъ, малиновый жупанъ и малиновые отвороты. Къ этому въ парадныхъ случаяхъ прибавлялись только шнуры чистаго золота и пунцовая конфедератка, осыпанная крупными брилліантами.

Сабля, которую носилъ Радзивилъ, была самая удивительная во всей Польшѣ. На эту саблю можно было бы купить себѣ огромное состояніе, два-три лучшихъ помѣстья Польши. Крупные драгоцѣнные камни, украшавшіе ее, не имѣли цѣны.

Кàроль представился и назвался. Не прошло пяти минутъ послѣ бесѣды и нѣсколькихъ вопросовъ князя— Кàроль уже былъ очарованъ княземъ. Главною чертой характера Радзивила было его самое простое добродушное обращеніе „за панибрата“. Прозвище князя, извѣстное во всемъ королевствѣ и оставшееся за нимъ на-вѣки, было: „пане коханку“, что̀ значитъ: „милый панъ“. Магната иначе и не звали заглазно. Случилось это потому, что Радзивилъ постоянно и ровно всѣмъ говорилъ въ бесѣдѣ: „пане коханку“.

Однажды, поневолѣ представившись вновь избранному королю, и ему сказалъ онъ нѣсколько разъ съ упорствомъ: „ваше величество, пане коханку“. Впрочемъ, во время этого представленія королю, Радзивилъ не утерпѣлъ, чтобы не кольнуть своего врага.

Князь долженъ былъ представиться королю, вмѣстѣ съ другими лицами, въ качествѣ воеводы Виленскаго. Передъ тѣмъ король придумалъ новые мундиры для воеводъ. Князь Радзивилъ явился въ старомъ кунтушѣ, изодранномъ и полинявшемъ, и почти въ дырявомъ жупанѣ, цвѣта Виленскаго воеводства. На вопросъ короля, отчего на князѣ такой странный изношенный нарядъ, Радзивилъ отвѣчалъ:

— Ваше величество, вашу̀ королевскую одежду не носили ваши предки, а мою изъ поколѣнія въ поколѣніе носили всѣ воеводы Виленскіе, въ числѣ коихъ я шестнадцатый.

Выскочка въ короли, шляхтичъ Понятовскій былъ, разумѣется, уязвленъ.

Помимо старо-польскаго одѣянія, Радзивилъ, какъ и всѣ его партизаны, подбривалъ волосы на лбу, но

болѣе, чѣмъ кто-либо, почти до половины головы. Онъ бы обрилъ волосы и далѣе, но этого не позволяла непріятная мелочь: на темени была маленькая шишка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Радзивилъ брился, но носилъ только большіе усы, низко падавшіе до ворота. Видъ у князя былъ, конечно, самый не щегольской и не воинственный. Это былъ добродушный толстякъ, слегка обрюзглый.

Второю крупною чертой его характера были постоянно веселое расположеніе духа и постоянное шутливое отношеніе ко всѣмъ. Далеко не глупый человѣкъ, Радзивилъ, въ минуты откровенности, объяснялъ друзьямъ равнымъ себѣ, что это шутливо-фамильярное отношеніе къ окружающимъ придумано имъ поневолѣ.

Онъ принужденъ былъ почти всегда сноситься съ людьми которыхъ считалъ много ниже его стоящими. Гоноръ, старинный польскій, не позволялъ ему запросто бесѣдовать съ разными мелкими шляхтичами. А между тѣмъ онъ проводилъ съ ними жизнь. Говорить съ ними свысока, гордо и важно—было бы неудобно, скучно. Говорить съ ними спокойно, дружелюбно, душевно—было немыслимо для магната. Оставалось придумать фамильярно-шутливую манеру. Такимъ образомъ можно было третировать всѣхъ свысока, но добродушно, въ видѣ шутки, а не серьезно. Оно было не обидно.

Наконецъ, еще крупною чертой князя была страсть болтать и разсказывать большею частію о себѣ. Враги Радзивила распускали слухъ, оставшійся и впослѣдствіи, что онъ немилосердно лгалъ и хвасталъ.

Люди близко къ нему стоящіе знали, что князь далеко не враль и не хвастунъ. Оно было для него однимъ изъ средствъ забавно проводить время. Всѣмъ были извѣстны въ Польшѣ, да остались и на вѣчныя времена въ памяти поляковъ диковинные случаи изъ жизни князя, которые онъ самъ про себя повѣдалъ.

Эти случаи, или вѣрнѣе его выдумки, благодаря своей оригинальности, остались даже на-вѣкъ въ другихъ странахъ и впослѣдствіи приписывались другимъ лицамъ, другимъ знаменитостямъ, и стали, слѣдовательно, легендами.

Извѣстенъ разсказъ Радзивила, какъ онъ бралъ приступомъ Гибралтаръ у англичанъ. Посадивъ свою албанскую банду на коней, онъ налетѣлъ на Гибралтаръ. Онъ первый перескочилъ верхомъ черезъ крѣпостную стѣну—и самымъ удивительнымъ образомъ: въ тотъ моментъ, когда лошадь его перепрыгивала, ядромъ ей оторвало весь задъ, и князь вскочилъ въ крѣпость лишь на половинѣ лошади и на двухъ переднихъ ногахъ.

Разсказывая это, князь Радзивилъ не могъ не знать, что разскакаться къ Гибралтару было трудно, развѣ только „по морю, яко по-суху“.

Кромѣ того, во всей Польшѣ было извѣстно, что князь Радзивилъ, опять-таки съ его словъ, заказалъ громадную лѣстницу, по которой лазилъ на небеса и пилъ тамъ чудный кофе, какого нѣтъ на землѣ.

Когда у него спрашивали, нельзя-ли видѣть эту лѣстницу, князь очень сожалѣлъ, что не можетъ показать ее: когда онъ съ нея слѣзъ, то ее вдругъ кто-то потянулъ наверхъ... и укралъ.

Этотъ чудодѣй-магнатъ принялъ Кàроля такъ же ласково и шутливо, какъ всегда всѣхъ принималъ. Узнавъ его происхожденіе, онъ приказалъ тотчасъ же, безъ всякихъ особыхъ формальностей, принять Побòчка въ банду. Въ то же время князь приказалъ канцлеру Володковичу—все-таки собрать всѣхъ албанчиковъ и предложить Кàроля въ члены.

По уставу, всякій молодой человѣкъ могъ быть принятъ въ банду при томъ только условіи, чтобы двѣ трети наличнаго числа членовъ согласились на это. Князь только подписывалъ патентъ на званіе албанчика.

Одежда албанчиковъ была очень красивая. Поверхъ всего надѣвалась сайета, нѣчто въ родѣ кунтуша золотистаго цвѣта, иногда канареечнаго, съ синимъ воротникомъ и синею подкладкой. Подъ нею былъ жупанъ, на которомъ лежалъ узенькій бѣлый воротникъ рубашки. Жупанъ былъ изъ голубаго атласа, застегнутый большими металлическими застежками. Затѣмъ, красные шальвары, заткнутые въ желтые сафьянные сапоги, были завязаны нѣсколько ниже таліи на животѣ золотыми шнурами съ густыми кистями. На голову надѣвалась голубая бархатная конфедератка съ черною мерлушкой. На груди всегда носилась большая бляха съ тремя буквами изъ брилліантовъ: X. K. R., т. е. съ инициалами имени магната: Xeng Karol Radziwil. Поверхъ всего былъ литой серебряный поясъ, на которомъ висѣла кривая, остро-отточенная сабля, карабель. Рукоятка бывала отдѣлана драгоцѣнными каменьями.

Самъ князь носилъ такой же мундиръ, но только тогда, когда находился у себя въ Несвижѣ. Разница была лишь одна, на его бляхѣ, вмѣсто его инициаловъ X. K. R., стояли буквы F. A. F. Это были начальныя буквы латинскаго изреченія: „Fiducia amicorum fortis—Вѣрностью друзей силенъ“.

Кàроль Побòчекъ былъ почти единогласно принятъ въ банду. Чрезъ четыре дня онъ уже носилъ красивый мундиръ, который удивительно шелъ къ нему. Князь прислалъ новому албанчику въ подарокъ отличную саблю съ дорогой рукояткой.

Всѣ товарищи вскорѣ полюбили Кàроля и только удивлялись его постоянной задумчивости и тоскливому лицу. Всѣ догадывались, что новый албанчикъ „вздыхаетъ“ по какой-нибудь жестокосердной красоткѣ или измѣнницѣ. Многіе предлагали ему не шутя:

— Скажи, кто и гдѣ твой счастливый соперникъ, и мы его зарубимъ.

„Кабы они знали—кто?!“ думалъ Кàроль.

XXII.

Панъ Ксаверій остановился въ столицѣ въ собственномъ своемъ дворцѣ, который онъ недавно себѣ выстроилъ. Сандецкій въ этомъ случаѣ подражалъ другимъ польскимъ магнатамъ. За послѣдніе годы всѣ ихъ дворцы были ремонтированы до неузнаваемости, или выстроены вновь.

Варшава съ первыхъ же годовъ правленія короля Станислава-Августа сильно измѣнилась. Старожилы не узнавали ее. За это время Варшава стала тѣмъ, чѣмъ никогда не бывала и чѣмъ вскорѣ перестала быть. Столица Польскаго королевства стала фокусомъ, собравшимъ, казалось, всѣ лучи королевства.

За это время Варшава являлась самымъ оригинально-страннымъ городомъ. Это была не столица, это былъ круговоротъ. Всякому пріѣзжему съ перваго же часа казалось, что въ городѣ сейчасъ произошло какое-нибудь чрезвычайно крупное событіе.

Жизнь била ключемъ, но въ этой жизни было что-то лихорадочное, что-то неестественное. Многія умныя головы замѣчали, видѣли и чуяли этотъ круговоротъ, но, конечно, не могли уяснить себѣ все его значеніе. Если бы нашелся дальновидный и проницательный человѣкъ, то и онъ не догадался бы въ чемъ причина этого безумнаго лихорадочнаго коловращенія.

Только пророкъ могъ бы провидѣть и сказать въ чемъ дѣло. Онъ сказалъ бы, что государство, существовавшее тысячу лѣтъ,—наканунѣ смерти политической; а сердце этого организма въ послѣднія мгновенія бьется усиленно, судорожно.

Во всемъ городѣ, на улицѣ и въ домахъ, во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, въ костелахъ, въ средѣ всѣхъ слоевъ населенія—отъ магнатовъ до нищихъ, отъ монаховъ-кармелитовъ и бернардинцевъ до разныхъ солдатъ и конфедератовъ въ фантастическихъ костюмахъ,—во всемъ и во всѣхъ было одно общее имъ:

Бѣленіе холста. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Котляревскаго, грав. Шлиперъ.

Вендская (славянская) школа въ Лужицахъ. Съ карт. О. Пильца, грав. Пейне.

спѣшная суетня, ликованіе и тревога, веселье и растерянность вмѣстѣ, рядомъ...

Никогда Варшава такъ буйно не веселилась, никогда такъ не пировала. Вся столица казалась или какою-то громадною ярмаркой, которая должна закрыться къ вечеру, или мѣстомъ зрѣлища, куда сбѣжалась отовсюду, ради ротозѣйства, разношерстная толпа.

Вся Польша теперь являлась сюда сорить деньги, быстро разбрасывать сотни, тысячи и десятки и сотни тысячъ злотыхъ, и самый дешевый товаръ въ городѣ были эти злоты. Народонаселеніе быстро увеличилось, но это были очередные пріѣзжіе — гости. Улицы, цукерни, рестораны, кабаки, всякаго рода увеселительныя заведенія, даже игорные дома, открытые день и ночь,— все это было полно народомъ.

Вмѣстѣ съ этой суетней, сказавшейся бурнымъ круговоротомъ, была такая пестрота, какой не было ни въ одномъ городѣ на свѣтѣ. Прежде всего поражало безчисленное количество разныхъ одеждъ. Богатое дворянство само носило три костюма и фантастично одѣвало свою свиту, а небогатая шляхта подражала.

На первомъ мѣстѣ была національная одежда: кунтушъ и жупанъ различныхъ цвѣтовъ, самыхъ темныхъ и самыхъ яркихъ, съ золотомъ и серебромъ. Національнаго костюма придерживалась партія противная королю и Россіи, боровшаяся со всякаго рода нововведеніями и тормозившая реформы, предлагаемыя Петербургскимъ кабинетомъ.

Часть дворянства уже давно начала носить французскій костюмъ временъ королей, т. е. кафтанъ и камзолъ съ кружевомъ на груди и рукавахъ, съ трикорномъ на напудренномъ парикѣ, со шпагой, продѣтой сзади въ фалдахъ. Разумѣется, они были одѣты столь же изящно и богато, какъ любой Версальскій придворный Людовиковъ XIV и XV.

Наконецъ, модники и франты, принадлежавшіе къ партіи Чарторыйскихъ, поборники нововведеній и реформъ, носили „плюндры", т. е. фрачную пару, при этомъ, однако, измѣняя черный цвѣтъ на яркіе. Фраки съ длинными фалдами, почти до пятъ, бывали красные и голубые, и желтые. При нихъ носились короткія панталоны до колѣнъ, чулки и башмаки.

Это былъ новѣйшій костюмъ Франціи, явившійся предъ революціей.

Было много лицъ носившихъ по два костюма. Члены старо-польской партіи, конечно, не покидали своихъ жупановъ и кунтушей и никогда не снимали карабелей, считая это даже непристойностью. За-то новаторская партія носила оба костюма: и пудренный парикъ съ Версальскимъ одѣяніемъ, и цвѣтные фраки.

Рядомъ съ ними виднѣлись повсюду самыя разнообразныя одѣянія. Всѣ приживальщики или домовники важныхъ магнатовъ носили платье по цвѣту герба своихъ покровителей. Тутъ же пестрѣли иногда довольно богатые длиннополые кафтаны евреевъ и юбки еврeекъ, расшитые серебромъ или золотомъ.

Почти такое же разнообразіе было въ экипажахъ, въ упряжкахъ. По городу день-деньской скакали всевозможные открытые и закрытые экипажи, данцигскія кареты и коляски огромныхъ размѣровъ, отдѣланныя позолотой, съ большими гербами; маленькія каретки и коляски въ два мѣста, одно противъ другаго, по имени „визавишки", отъ слова vis-à-vis; такіе же маленькіе экипажи въ одно мѣсто, по имени „солитерки". Наконецъ, попадались и самаго разнообразнаго вида кабріолеты.

Всѣ эти экипажи были разныхъ яркихъ цвѣтовъ, и при этомъ не только въ большія кареты, но даже въ маленькія, запрягались восемь и двѣнадцать лошадей. Даже въ крошечные кабріолеты запрягались четыре коня въ рядъ, и франты скакали въ нихъ на подобіе римлянъ въ колесницахъ.

Къ общей пестротѣ прибавлялись и лошади. Упряжка была всегда раззолоченная съ „хохлами" изъ перьевъ, съ лентами, съ погремушками и бубенчиками, но при этомъ лошади были тоже различныхъ цвѣтовъ. Самыя модныя были „таранты", походившія на леопардовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ были въ модѣ и другіе кони, съ зелеными и красными гривами и хвостами. Лошадей этихъ, разумѣется, не природа поставляла, а красильщики.

Среди дня, когда начиналось гулянье въ экипажахъ по Краковскому предмѣстью, конечно, всякій вновь прибывшій въ Варшаву разѣвалъ ротъ и у него рябило въ глазахъ. На улицахъ была, казалось, не толпа, а тянулась оживленная радуга. Люди, экипажи, лошади — все было всевозможныхъ цвѣтовъ и колеровъ.

Среди разнообразныхъ блестящихъ костюмовъ сновала и поражала своимъ многолюдствомъ и своимъ видомъ масса нищихъ. Казалось, что всѣ оборвыши всего міра тоже собрались сюда. Хотя деньги и были теперь самымъ дешевымъ товаромъ, тѣмъ не менѣе на улицахъ бродили стаями дикія фигуры, полунагія, голодныя, зеленолицыя, испитыя.

Дворецъ пана Ксаверія помѣщался на Медовой улицѣ, между двумя другими, хорошо извѣстными Варшавѣ. Одинъ изъ нихъ вмѣщалъ Россійское посольство, а другой принадлежалъ первому варшавскому банкиру Тепперу—нѣмцу изъ евреевъ.

Этому Тепперу была должна чуть не вся Варшава. Лучшіе дворцы были у него въ залогѣ. Многіе капиталы, за большіе проценты, были въ его рукахъ. Но Тепперъ жилъ особенною жизнью. Это былъ первый на всю столицу кутила, первый игрокъ и первый яростный поклонникъ прекраснаго пола.

Пиры его были не хуже пировъ Потоцкихъ, Любомирскихъ и другихъ магнатовъ. Никто не предвидѣлъ, что знаменитый ясновельможный жидъ прогоритъ и что черезъ десять лѣтъ все его собственное имущество и все ему ввѣренное другими рухнетъ въ банкротствѣ, а онъ пойдетъ просить милостыню по Краковскому предмѣстью, ставъ посмѣшищемъ уличныхъ мальчишекъ.

Домъ, или, какъ говорили для большей важности, дворецъ пана Сандецкаго былъ въ глубинѣ большаго двора на подобіе маленькой крѣпости. Помимо множества людей, домовниковъ и прислуги, которые пріѣхали вмѣстѣ съ паномъ и вслѣдъ за нимъ, въ его домѣ всегда было про всякій случай болѣе ста нахлѣбниковъ.

Разумѣется, теперь, въ виду празднованія свадьбы, Сандецкій постарался сразу поставить все на самую широкую ногу. Много тысячъ злотыхъ рѣшилъ панъ за это время расшвырять по всей Варшавѣ на всякіе лады. За-то цѣлый мѣсяцъ будетъ говорить Варшава, заговоритъ и вся Рѣчь Посполитая о свадьбѣ пана Сандецкаго съ панной Дзялынской.

Франуся, въ первый разъ въ жизни попавшая въ столицу, съ первыхъ же часовъ потеряла голову. Ей, разумѣется, никогда и не снилось ничего подобнаго. Этотъ круговоротъ на улицахъ и въ домахъ, этотъ блескъ, это богатство стали для нея какимъ-то откровеніемъ свыше. Она была въ опьяненіи.

Первую мысль, зародившуюся въ головкѣ красавицы и кокетки, можно было выразить словами:

„Панъ-каштелянъ Сталупеньскій—не все на свѣтѣ... Есть нѣчто и высшее. Болѣе завидное..."

XXIII.

Франуся однако рѣшила, что первымъ дѣломъ ея будетъ—выйдя скорѣй замужъ съ блескомъ за пана Сандецкаго—заставить его переѣхать въ Варшаву и поселиться въ этомъ дворцѣ, чтобы ей было возможно блистать среди этого блеска. Она чувствовала, что среди многихъ звѣздъ и она, въ качествѣ звѣзды, засіяетъ не менѣе, если не болѣе другихъ.

Дѣйствительно, черезъ четыре дня по пріѣздѣ уже

случилось нѣчто, подтвердившее ея мечты. Француся, съ двумя паннами Сандецкими, выѣхала въ великолѣпной голубой данцигской коляскѣ на гулянье по Краковскому предмѣстью. Ея красивая фигурка, въ яркомъ, лиловато-серебристомъ костюмѣ, привлекла общее вниманіе. Все высшее общество замѣтило новую личность.

Разумѣется, панъ Сандецкій тотчасъ представилъ свою невѣсту самымъ первымъ лицамъ въ городѣ, и прежде всего княгинѣ Сапѣгѣ, у которой бывали часто великолѣпные вечера и спектакли; затѣмъ — княгинѣ Сангушко, у которой былъ свой замѣчательный оркестръ и устраивались лучшіе концерты. Хотя домъ княгини и считался мѣстомъ всѣхъ любовныхъ затѣй и интригъ, но Сандецкій — начинавшій уже ревновать немного свою кокетку-невѣсту—все-таки повезъ ее къ княгинѣ-меломанкѣ.

Вскорѣ было испрошено позволеніе представить панну Дзялынскую первой дамѣ въ Варшавѣ. Это была Madame de Cracovie или Pani Krakowska, титулъ, который носила Понятовская, родная сестра короля. Такъ какъ самъ король бывалъ у сестры часто и любилъ ее, то всѣ, принимаемые ею, имѣли случай познакомиться съ королемъ и возможность бесѣдовать съ нимъ.

По понедѣльникамъ у панны Краковской бывали обѣды, на которыхъ всегда присутствовалъ король.

Француся была занята болѣе всего своимъ приданымъ. Въ самыхъ лучшихъ магазинахъ Варшавы готовились всякаго рода украшенія, отъ платьевъ и башмаковъ до брилліантовыхъ діадемъ и ожерелій.

Сандецкій назначилъ на это большую сумму. Онъ хотѣлъ, чтобы его будущая жена хотя бы временно затмила роскошью своихъ нарядовъ и драгоцѣнностей всѣхъ щеголихъ, модницъ и красавицъ, за исключеніемъ, конечно, такихъ звѣздъ Варшавы, какими были двѣ княгини — Сапѣга и Сангушко, и двѣ другія знаменитости—Юлія и Христина Потоцкія. Этихъ звѣздъ Варшавы нельзя было затмить, первыхъ двухъ—роскошью, а вторыхъ—красотой.

Француся проводила день въ томъ, что ѣздила по магазинамъ, заказывала и покупала. Выѣзжала она всегда въ новой солитеркѣ, подаренной женихомъ. Эта солитерка сразу обратила на себя вниманіе всей столицы. Она была золотисто-желтая съ серебряной отдѣлкой, съ шестью лошадьми цугомъ, при чемъ лошади снѣжно-бѣлыя были съ ярко-малиновыми гривами и хвостами.

Вновь явившаяся въ Варшавѣ молоденькая дѣвушка, сирота, недавно еще сидѣвшая въ глуши на фермѣ отца, а затѣмъ въ одной горницѣ Сталупеньскаго ксендза, быстро привыкла къ столичной обстановкѣ. И первое, что стала дѣлать Француся—она не стала подражать. Она поняла, что, будучи копіей, не обратитъ на себя вниманія.

Прежде всего, Француся испробовала свой способъ быть замѣченною—на такой простой выдумкѣ, простѣе которой быть не могло. А вся Варшава заговорила о ней. Въ своей солитеркѣ, ярко сіяющей на солнцѣ, со своими великолѣпными бѣло-снѣжными конями, Француся ѣздила по улицамъ Варшавы чуть не шагомъ. Это было все...

Въ модѣ было ѣздить страшно шибко. Не только франты въ своихъ колесницахъ-кабріолетахъ, въ четыре коня въ рядъ, носились какъ вихрь, но вообще всѣ коляски, кареты и солитерки всегда, по обычаю, мчались несмотря на плохо вымощенныя улицы.

Поэтому понятно, что первая и единственная панна, появившаяся на улицахъ столицы шагомъ, была, конечно, тотчасъ всѣми замѣчена. Не прошло десяти дней, какъ Сандецкій первый передалъ своей невѣстѣ новость, дошедшую до него.

— Правда-ли, что ты ѣздишь всегда шагомъ?

— Правда.

— Зачѣмъ?..

— Мнѣ такъ нравится... усмѣхнулась Француся.

— Но знаешь-ли ты, что изъ этого вышло?

— Нѣтъ, не знаю, лукаво отозвалась Француся.

— А то, что всѣ объ этомъ вездѣ говорятъ. Изъ-за этого тебя самъ король видѣлъ. Ему передали, что ты всегда выѣзжаешь въ своей солитеркѣ на бѣлыхъ коняхъ и всегда ѣздишь шагомъ. И онъ, проѣзжая, узналъ тебя только поэтому. Но это еще не все... Знаешь-ли, что произошло?.. Удивительная вещь!..

— Что же такое?! невольно встрепенулась Француся, узнавъ о встрѣчѣ съ королемъ.

— А то, что тебѣ уже стали двѣ модницы подражать—княгиня Христина Потоцкая и госпожа Ляндскоронская. Онѣ тоже поѣхали шагомъ!

Француся задумалась и, продумавъ цѣлый день, ввечеру сказала себѣ:—Теперь я не боюсь... На все пойду...

Черезъ три дня она выѣхала въ новой солитеркѣ, не желтой, а бѣлой отъ кузова и обивки до колесъ и послѣдняго винта, но при этомъ на запяткахъ экипажа стояли уже не паюки, а двое красивыхъ юношей-пажей въ пунцовыхъ французскихъ костюмахъ и въ пудреныхъ парикахъ.

Сама Француся сидѣла въ солитеркѣ тоже въ бѣломъ атласномъ платьѣ, а на корсажѣ ея, у пояса, на бѣлой шапочкѣ, уже не похожей на конфедератку, повсюду были бѣлыя розы, свѣжія, только что сорванныя.

Этотъ выѣздъ красавицы произвелъ въ столицѣ такой эффектъ, что вечеромъ у сестры короля, пани Краковской, только и было толку, что о „бѣлой пани“.

Разумѣется, тотчасъ же узнали, что biała pani та-же невѣста Сандецкаго.

— Я бы желалъ, право, видѣть ее вблизи, замѣтилъ король своей сестрѣ.

— Въ будущій понедѣльникъ она будетъ у меня обѣдать, ваше величество, шутливо-церемонно присѣла Madame de Cracovie.

Эта пустая фраза въ устахъ короля имѣла огромное значеніе. Всесвѣтно извѣстный Донъ-Жуанъ король, мѣнявшій своихъ возлюбленныхъ гораздо чаще, нежели перчатки, могъ точно также влюбиться и въ невѣсту пана Ксаверія Сандецкаго. А если бы это произошло, то пятидесятилѣтній женихъ могъ бы нажить себѣ много заботъ и хлопотъ.

Такимъ образомъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ столицу, панна Дзялынская была уже со своимъ прозвищемъ: „бяла пани“, которое знала вся Варшава.

Но за это время съ самой бѣлой панной случилось происшествіе, сначала поразившее ее, а затѣмъ повліявшее на все ея существованіе.

Однажды, Француся ѣхала прогуливаясь по самому грязному и бѣдному кварталу, подъ названіемъ „Новый Свѣтъ“, и двигалась по своему обыкновенію шагомъ, съ любопытствомъ озираясь направо и налѣво. Этотъ кварталъ Варшавы напоминалъ ей ея родину, городокъ, гдѣ она провела свое дѣтство.

Здѣсь были такія же сѣрыя, ветхія лачуги. Нѣкоторыя изъ нихъ, повыше и побольше, похожія на дома, были все-таки бревенчатыя, съ крытыми крышами изъ гонта. Кое-гдѣ въ стѣнахъ виднѣлись дыры, кое-какъ заткнутыя чѣмъ попало. Повсюду виднѣлись покосившіеся углы, дымовыя трубы и окна. Улица эта не только не была мощена, но еще наполовину завалена грязью, наполовину заросла бурьяномъ. Въ этомъ кварталѣ, гдѣ помѣщалось самое бѣдное населеніе, бродило наиболѣе нищихъ, оборвышей и заморышей.

Когда Француся приказала уже ворочать назадъ, къ ея экипажу близко подошла женщина въ лохмотьяхъ, протянула руку за милостыней, но вдругъ отдернула эту руку, вскрикнула, и полубезумными отъ изумленія глазами ей глянула ей въ лицо.

Француся перепугалась страшно, даже откинулась въ противоположную сторону экипажа. И въ первый разъ съ тѣхъ поръ, что она была въ Варшавѣ, приказала

ѣхать крупной рысью. Уже вернувшись въ центръ города, Франуся все еще дрожала отъ испуга и нравственнаго потрясенія: фигура нищей въ лохмотьяхъ поразила ее и своимъ безобразіемъ, и еще чѣмъ-то загадочнымъ.

Лицо этой женщины, которой трудно было опредѣлить по виду года, было все изуродовано болѣзнью свирѣпствовавшей во всей Европѣ—оспой.

Но не этимъ однимъ страшно поразила ее эта безобразная нищая. Франусѣ показалось, что она когда-то уже видѣла ее. Но гдѣ? Когда? Въ ней было что-то знакомое Франусѣ.

Разумѣется, продумавъ около часу о нищей, она забыла о ней, вернувшись домой.

Въ этотъ-же день панъ Ксаверій объявилъ невѣстѣ, что черезъ три дня они приглашены на балъ къ княгинѣ Сапѣгѣ, а затѣмъ, въ слѣдующій понедѣльникъ, стало-быть дней черезъ шесть, званы на обѣдъ къ Madame de Cracovie, на которомъ, по обыкновенію, будетъ присутствовать самъ король Станиславъ.

— Смотри не влюбись въ него! разсмѣялся Сандецкій.—Ты знаешь, во всемъ мірѣ нѣту такого пожирателя женскихъ сердецъ. До сихъ поръ, говорятъ, не уродилось на свѣтѣ ни одной женщины, которая-бы устояла противъ Станислава-Августа. Положимъ онъ теперь король; но когда онъ былъ простымъ польскимъ дворяниномъ, то уже во всѣхъ европейскихъ столицахъ съ ума сводилъ всѣхъ женщинъ... Смотри и ты съ ума не сойди!..

Франуся разсмѣялась.

— Вы забыли главное препятствіе къ тому, чтобы я сошла съ ума отъ короля... Онъ слишкомъ молодъ, а вы знаете, что я говорила вамъ сто разъ... Молодые мнѣ не нравятся—я люблю стариковъ.

— Это я, пани-сатанёнокъ, слышалъ отъ тебя, но вѣдь это ложь. Къ тому-же ты забываешь, что король не можетъ быть причисленъ къ молодымъ. Ему теперь сорокъ лѣтъ.

— Сорокъ! воскликнула Франуся.—Я думала двадцать пять, потому что я слышала... Я думала...

— Нѣтъ, милая моя, ему сорокъ, если не больше, но на лицо дать ихъ нельзя. И такъ помни: черезъ пять дней мы обѣдаемъ съ нимъ вмѣстѣ. Пани Краковска присылала мнѣ одного изъ своихъ камергеровъ съ самымъ любезнымъ приглашеніемъ. Тебѣ нуженъ особенный туалетъ, и придумай такой, чтобы опять Варшава заговорила о тебѣ.

— По модѣ туалетъ, или собственнаго сочиненія? спросила Франуся, лукаво усмѣхаясь.

— Что ты хочешь сказать?

— Я спрашиваю, хотите-ли вы, чтобы я была одѣта по послѣдней модѣ, какъ одѣваются самыя щеголеватыя женщины столицы, или я могу сочинить свой собственный туалетъ?

— По модѣ... по модѣ... проворчалъ вопросительно Сандецкій почесывая за ухомъ. — Я понимаю, что ты хочешь сказать... Я принадлежу къ старопольской партіи и, признаюсь тебѣ, не очень желалъ-бы, чтобы моя невѣста одѣвалась такъ, какъ нынѣ стали одѣваться, или, вѣрнѣе, раздѣваться модницы.

— Какъ вамъ угодно, отозвалась Франуся.

Сандецкій подумалъ, разсмѣялся и вымолвилъ:

— Ну, была не была, такъ и быть! Давай сведемъ короля съ ума! Одѣвайся по самой послѣдней модѣ. Вѣдь это, стало быть, съ голыми руками, плечами, ногами...

— По модѣ... отозвалась, извиняясь, Франуся.

Получивъ разрѣшеніе жениха, Франуся занялась приготовленіями. Она заказала платье у первой варшавской портнихи-француженки и только пожелала видоизмѣнить одно по своему вкусу. Платье должно было быть не бѣлое, а блѣдно-дымчатое. Кокетка знала напередъ чего она этимъ достигнетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Франуся начала всякій вечеръ предъ сномъ брать молочныя ванны и затѣмъ натиралась благовоннымъ аѳинскимъ масломъ. Это дѣлалось аккуратно, тоже ради будущаго бала. Но болѣе всего хлопотала Франуся со своими ногами, ступнями и пальцами, чтобы выхолить ихъ всячески, придать имъ бѣлизну, свѣжесть и лоскъ. Днемъ она тоже брала ванны, а ножки свои держала послѣ этого еще въ какой-то бѣлой и теплой смѣси—по три часа въ день.

XXIV.

Наступилъ день бала у княгини Сапѣги, и Франуся, волнуясь и смущаясь, явилась уже въ три часа дня въ горницы жениха въ новомъ и новомодномъ нарядѣ.

Панъ Сандецкій вспыхнулъ при видѣ невѣсты. Старая кровь закипѣла, но по двумъ причинамъ. Въ первый разъ увидѣлъ панъ свою возлюбленную въ такомъ „одѣяніи“, но въ немъ-же увидятъ ее и многіе... многіе... чужіе люди... Они тоже своими нескромными и жадными взорами будутъ любоваться его невѣстой. Ревнивецъ-женихъ отъ этой мысли вдругъ вскипятился.

— Дурацкая выдумка безстыжихъ французовъ, непристойная и недостойная женщины!.. выговорилъ онъ.

— Прикажете, я переодѣнусь въ польскій костюмъ. Мнѣ все равно, кротко отозвалась Франуся. — Но я не одна такъ буду одѣта. Портниха шившая платье говорила, что у княгинь Любомирской и Сангушки, у графини Браницкой, наконецъ даже у красавицы Юліи Потоцкой,—у всѣхъ будутъ сегодня такія-же платья.

— Онѣ всѣ замужнія женщины, Франуся. А ты еще дѣвица... угрюмо отвѣтилъ Сандецкій.

— Какъ прикажете... Я переодѣнусь...

Панъ Ксаверій угрюмо пораздумалъ о чемъ-то, вздохнулъ и наконецъ махнулъ рукой:

— Нѣтъ... Что-жь?.. Да и поздно. Въ четыре часа уже начнутся танцы.

Новомодный бальный костюмъ Франуси былъ нѣчто въ родѣ древне-греческаго одѣянія, недавно появившагося во Франціи и уже достигшаго, миновавъ Германію, до Польскаго королевства.

Помимо француженокъ и полекъ, никто изъ женщинъ другихъ націй не рѣшался послѣдовать этой не долго длившейся модѣ. Этотъ бальный костюмъ былъ крайне простъ и состоялъ изъ туники схваченной у таліи и прорѣзанной съ боку. Плечи и руки были обнажены, одна обнаженная нога до колѣна тоже виднѣлась въ прорѣзъ... Но самая туника надѣвалась безъ сорочки прямо на тѣло и была изъ легкой и прозрачной матеріи, въ родѣ газа. При этомъ костюмѣ ноги были всегда босыя, на однѣхъ подошвахъ съ лентами, нѣчто въ родѣ сандалій древнихъ. Всѣ пальцы украшались перстнями.

Костюмъ этотъ любили надѣвать на балъ только молодыя женщины... А надъ тѣми, которыя его избѣгали—мужчины подшучивали, не вѣря въ скромность, а предполагая иныя причины воздержанія.

Панъ Ксаверій зналъ это... и не захотѣлъ чтобы непрекрасный полъ столицы заподозрилъ, что его невѣста не можетъ явиться на балъ въ новомодномъ платьѣ. Старому каштеляну захотѣлось доказать, что его Франусѣ нечего бояться сквозной туники.

Одно обстоятельство смущало пана.

— Отчего на тебѣ этотъ костюмъ, спросилъ онъ,— еще пуще... какъ-то... азартенъ что-ли?..

— Не знаю.

— Я видалъ уже многихъ красавицъ на балахъ, одѣтыхъ этакъ-же. Но модный нарядъ на тебѣ еще пуще въ глаза прыгаетъ...

— Можетъ-быть цвѣтъ это дѣлаетъ... замѣтила Франуся игранно-наивнымъ голосомъ. — Обыкновенно эти платья бываютъ бѣлыя, а мое дымчатое.

— Вотъ... Вотъ!.. Ты въ немъ еще бѣлѣе и пуще

Граціелла. Карт. Евг. Блааса, грав. Кирмзе.

вся насквозь видна. Напрасно. Чортъ мою душу побери, если этотъ костюмъ не онъ-же и выдумалъ.

Чрезъ часъ два экипажа подъѣхали ко дворцу княгини Сапѣги. Изъ нихъ вышли, сначала панъ Сандецкій съ Сусанной, а затѣмъ Моника съ Франусей.

Съѣзжавшіеся гости выходили изъ своихъ экипажей, другіе уже поднимались по широкой лѣстницѣ, покрытой краснымъ сукномъ.

Богато отдѣланный дворецъ былъ переполненъ блестящею толпой въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, старопольскомъ, французскомъ, въ плюндрахъ, въ разныхъ фантастическихъ мундирахъ... Между гостями, на лѣстницѣ и въ комнатахъ сновали или стояли у дверей попарно гайдуки, паюки, гусары и скороходы въ самыхъ яркихъ и богатыхъ костюмахъ и ливреяхъ.

Не смотря на денной свѣтъ, ярко сіявшій въ окна, люстры, канделябры и рожки на стѣнахъ гостиныхъ и залы, были уже наполовину зажжены, на половину зажигались прислугой. Свѣчей до двухъ тысячъ надо было успѣть зажечь—до начала танцевъ, чтобы не мѣшать веселью въ самомъ разгарѣ.

Эти два свѣта, солнечный и огнистый, перемѣшиваясь вмѣстѣ и будто колебля воздухъ, то мерцая, то сверкая, странно играли въ яркихъ атласахъ костюмовъ, пылали голубымъ и пунцовымъ огнемъ въ бриллiантахъ, сіяли въ оружіи.

Дворецъ, вмѣщавшій до полуторы тысячи гостей, былъ переполненъ. Разумѣется, здѣсь было все высшее общество, всѣ магнаты, съ женами и дочерьми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и небогатая шляхта.

Сандецкій едва нашелъ хозяйку чтобы поздороваться съ ней. Впрочемъ всюду гдѣ двигался всѣмъ извѣстный панъ Ксаверій—всѣ разступались и, сторонясь, любовались его дамой и перешептывались...

Франуся производила впечатлѣнье и своимъ лицомъ, и еще болѣе своимъ новомоднымъ костюмомъ, хотя помимо нея было много дамъ въ такихъ-же прозрачныхъ греческихъ туникахъ; у нѣкоторыхъ обнаженная нога была видна въ прорѣзь выше колѣна. Всѣ онѣ разумѣется были тоже босы, съ дорогими сверкающими перстнями на пальцахъ ногъ.

Панъ Сандецкій, усѣвшись съ невѣстой и дочерьми въ одной изъ гостиныхъ, показывалъ Франусѣ всѣхъ почему либо интересныхъ гостей.

Когда дѣло касалось молодыхъ женщинъ, чаще всего слышала Франуся: „Она была въ милости у короля!..“

— Неужели ихъ такъ много? воскликнула она наконецъ.

— По правдѣ говоря, почти всѣ красивыя женщины Варшавы были въ милости—кто мѣсяцъ, а кто и годъ... Гляди, вотъ сидитъ Любомирская—была мѣсяцъ. А вотъ жена Адама Чарторыйскаго, Изабелла, бѣлокурая, бѣлая вся, голландка родомъ — была цѣлый годъ. По праву родства должно-быть ей было предпочтеніе. А вонъ Огинская и Кассаковская—обѣ были... Вотъ графиня Тышкевичъ—тоже...

— Да эта Кассаковская дурна страшно!

— Онъ иногда къ дурнушкамъ больше благоволитъ чѣмъ къ первымъ красавицамъ... Вотъ погоди пріѣдетъ Грабовская — ты ахнешь. А это самая серіозная. Ходитъ даже слухъ, что онъ на ней морганатически тайно женатъ... Почти послѣ каждой новой склонности онъ возвращается снова къ Грабовской.

— Даже не вѣрится, выговорила Франуся, качая головой.

— Стой! вдругъ воскликнулъ Сандецкій.—Главную-то склонность короля я и забылъ—сама хозяйка, княгиня, у которой мы въ гостяхъ... Но это правда дѣло давнишнее.

Затѣмъ панъ Сандецкій указалъ невѣстѣ много красивыхъ молодыхъ людей. Болѣе всѣхъ поразили ее двое: принцъ Виртембергскій, сдѣлавшійся совсѣмъ полякомъ по индигенату или по натурализаціи, затѣмъ племянникъ короля, первый мазуристъ, Іосифъ Понятовскій и первый танцоръ графъ Бѣлинскій.

Показывая нѣкоторыхъ мужчинъ, панъ Сандецкій прибавлялъ:—Онъ посолъ на Сеймѣ... Получаетъ пенсіонъ отъ русскаго резидента... Получаетъ отъ Фридриха...

Услыхавъ нѣсколько разъ тѣ же слова „посолъ“ и „пенсіонъ“, Франуся наконецъ попросила объясненія.

— Посолъ есть выборный отъ мѣстности, города, членъ сейма полномочный... А пенсіонъ они получаютъ воровскимъ образомъ, т. е. подкуплены кто русскимъ, а кто прусскимъ посланникомъ, чтобы на сеймѣ орудовать въ пользу своихъ покупателей.

— Это безчестно... замѣтила Франуся.

— Такія времена, Франуся... Мужчины безъ чести, женщины безъ стыда... Вонъ гляди идетъ важно, ломается... Пустой, но честный человѣкъ, Потоцкій. Онъ предлагалъ на сеймѣ чтобы постановить смертную казнь тому послу, который будетъ продавать свой голосъ иностранцамъ, т. е. брать деньги съ Пруссіи или Россіи. Ну что-жь? Его только осмѣяли. Всѣ берутъ эти пенсіоны. Одни, поумнѣе—чтобы ораторствовать, берутъ дорого; другіе поглупѣе—берутъ только за то, чтобы молчать... Но за молчаніе болѣе двухъ-трехъ сотъ червонцевъ не даютъ.

— И это дорого! разсмѣялась Франуся.

— Нѣтъ! Когда на сеймѣ рѣшается важный вопросъ, то изъ трехсотъ пословъ съ лишнимъ — вдругъ подадутъ голоса только сто тридцать. Остальные молчатъ.

Бесѣда Сандецкаго съ невѣстой была прервана появленіемъ хозяйки, просившей всѣхъ молодыхъ танцующихъ идти въ залъ. Панъ Ксаверій повелъ невѣсту и Сусанну. Старшая дочь никогда не танцовала и поэтому осталась въ гостиной. Моника надѣялась повидаться съ однимъ изъ друзей Мамонова и передать сестрѣ вѣсти объ ея возлюбленномъ.

(Продолженіе будетъ).

Колесо Фортуны.

Историческій разсказъ **П. Н. Полевого.**

(Окончаніе).

VI.

„Пострѣлъ“ — дѣйствительно „въ рубашкѣ родился“. Удача за нимъ по пятамъ ходила, а счастье само къ нему на руки напрашивалось. Въ то время, когда всѣ взоры гостей на именинномъ вечерѣ Головкиныхъ были обращены на него—въ то время, когда всѣ такъ жадно и горячо слѣдили за каждымъ его движеніемъ, за каждымъ поворотомъ головы и плечъ—счастье и съ другой стороны не забывало о своемъ любимцѣ. Между тѣмъ какъ онъ турманомъ кружился около Настеньки, а она, плавно и легко двигаясь, стыдливо ускользала отъ его объятій—онъ явственно услышалъ, какъ, при одномъ изъ поворотовъ, она шепнула ему:

— Послѣ *русской*—въ садъ... въ бесѣдку...

Сердце такъ сильно забилось въ груди Семена Павловича, когда онъ уловилъ слухомъ никому, кромѣ его, невнятныя слова, что онъ едва могъ совладать съ собою. Ему такъ пламенно захотѣлось поскорѣе закончить пляску, поскорѣе уйти изъ этой толпы, поскорѣе очутиться наединѣ съ нею, что онъ уже не могъ плясать съ прежнимъ увлеченіемъ и страстью. Онъ разомъ охладѣлъ и къ пляскѣ, и къ тому впечатлѣнію, которое производилъ на всѣхъ окружающихъ: онъ весь отдался мечтамъ о предстоящемъ свиданіи съ Настенькой. Постепенно сокращая круги и сдерживая порывы своей размашистой удали, Семенъ Павловичъ вернулся на свое мѣсто противъ Настеньки и отвѣсилъ ей низкій поклонъ.

При общемъ взрывѣ одобрительныхъ возгласовъ и рукоплесканій, Семенъ Павловичъ, потряхивая кудрями и утирая лобъ платкомъ, направился въ смежную комнату, изъ которой, какъ ему было извѣстно, былъ выходъ въ сѣни и въ садъ. Но ему не легко было пробиться черезъ толпу гостей, не легко было отбиться отъ дружескихъ объятій, рукопожатій и поцѣлуевъ со стороны знакомыхъ и незнакомыхъ ему людей. И молодежь, и старики—всѣ привѣтствовали Семена Павловича восторженно, всѣ горячо благодарили его за то, что онъ своею

пляскою всѣхъ ихъ заставилъ встрепенуться, пробудивъ въ сердцѣ ихъ русскія струны. Съ большимъ трудомъ пробившись сквозь толпу своихъ поклонниковъ и почитателей, Семенъ Павловичъ, какъ былъ, безъ плаща и съ непокрытою головой, выбѣжалъ въ сѣни, а изъ сѣней спустился въ садъ, и невольно остановился на минуту, залюбовавшись чудною картиною.

На дворѣ было свѣтло, тихо и морозно. Яркимъ луннымъ свѣтомъ были облиты опушенныя инеемъ вѣтви старыхъ деревьевъ, блиставшія милліонами алмазныхъ искръ. Бѣлымъ, мягкимъ ковромъ были покрыты въ саду всѣ куртины и лужайки, и серебристыми лентами тянулись отъ нихъ, въ непроглядную тьму извилистыя дорожки. Весь садъ казался какимъ-то заколдованнымъ царствомъ, полнымъ дивныхъ чудесъ и таинственныхъ загадокъ. Морозъ былъ очень силенъ и давалъ себя чувствовать; но Семену Павловичу, разгоряченному пляской, казалось тепло, и его пробирала только дрожь ожиданія, когда онъ быстро направился по одной изъ дорожекъ къ знакомой бесѣдкѣ.

Едва переступилъ онъ порогъ, Настенька, окутанная легкою шубейкой, вышла изъ темнаго угла и протянула навстрѣчу ему обѣ руки.

Измайловъ осыпалъ ихъ горячими поцѣлуями. Настенька поспѣшила ихъ отнять, и спрятала подъ шубейку.

— Дорогая... Настасья Ивановна... вы приказали... вы изволили... началъ было смущенный и растерявшійся отъ счастія гвардеецъ.

— Да... Я просила, чтобы вы пришли... Хотѣла еще разъ услышать отъ васъ,—точно-ли вы любите меня, или только шутя мнѣ это говорили прошлый разъ... на куртагѣ? прерывающимся отъ волненія голосомъ проговорила Настенька.

— Что вы это, радость моя, сокровище!.. Я-то шутить стану съ вами?.. Да смѣю-ли я подумать?..

— Ахъ, полно вамъ!.. *Смѣю ли, смѣю-ли?..* Вы, мужчины, все смѣете—вамъ все съ рукъ сходитъ... Вамъ и вѣрить-то нельзя. Вонъ тетушка мнѣ сказывала, будто мужнюю жену вы увезли да бросили...

— Настасья Ивановна!.. Да я поклясться вамъ готовъ, что ни въ жизнь...

— Не нужны мнѣ ваши клятвы... Вы лучше просто мнѣ скажите, что любите, да только такъ скажите, чтобы я могла повѣрить...

— Да какъ же мнѣ это вамъ сказать... Я на рѣчи не гораздъ... На дѣлѣ докажу—приказывайте... Хоть въ прорубь головою готовъ для васъ!

— Очень мнѣ это нужно. Ахъ, да это все не то... да я и не о томъ пришла съ вами говорить. А вотъ о чемъ: завтра, въ кабинетѣ будетъ рѣшено, чтобъ дядя ѣхалъ за-границу на два года, по болѣзни... И тетушка съ нимъ тоже... И меня беретъ.

— Ну!?. А вы-то сами... хотите ѣхать, или нѣтъ? въ величайшемъ волненіи спросилъ Семенъ Павловичъ.

— Какъ же я могу не ѣхать?.. Могла бы только въ томъ случаѣ, если бы...

— Если бы замужъ вышли!.. Понимаю... За этого... за братца моего, сенатора? съ озлобленіемъ заговорилъ Измайловъ.

— Зачѣмъ же за него? сказала Настенька потупившись.

— Да за меня же васъ не выдадутъ... Вѣдь вы же сами говорили... Вѣдь я же и сунуться не смѣю къ графу и къ графинѣ!

— Не надо вовсе къ нимъ и соваться.

— Ахъ, Господи! Да полно вамъ загадки загадывать! Говорите просто! чуть не со слезами взмолился Измайловъ.

— А если просто-то говорить — такъ можно и безъ спросу намъ обвѣнчаться....

Семенъ Павловичъ упалъ на колѣни передъ Настенькой и, протягивая къ ней руки, заговорилъ съ величайшимъ одушевленіемъ:

— Давно бы вамъ, голубушка, этакое словечко вымолвить... Люблю васъ—то есть вотъ какъ!.. И сказать не могу... Но научите же, какъ обвѣнчаться?

Настенька положила руку на его плечо, наклонилась къ нему и сказала шепотомъ:

— Сегодня, ровно въ полночь, пріѣзжайте за мною къ той калиткѣ, что позади этой бесѣдки. Вотъ и ключъ отъ нея. Я буду здѣсь ожидать васъ и выйду, какъ только вы подъѣдете къ калиткѣ и брякнете въ колечко. Завтра, прежде чѣмъ графъ съ графиней проснутся — чтобы мы были ужь обвѣнчаны!

Семенъ Павловичъ совсѣмъ оторопѣлъ отъ радости и такъ растерялся, что только смотрѣлъ въ глаза Настенькѣ и не могъ произнести ни слова.

Она поняла его душевное состояніе и добавила просто:

— Уѣзжайте поскорѣе... И помните, что если вы не пріѣдете, то я ужь буду знать, что мнѣ съ собою дѣлать.

— Я-то не пріѣду?!. Я-то?.. съ изумленіемъ воскликнулъ Измайловъ, почти вырывая ключъ изъ рукъ Настеньки.—Нѣтъ! Ужь вы такъ и знайте, что если бы я не пріѣхалъ, значитъ—или меня убили, или я умеръ отъ радости.

И въ этотъ мигъ ему страстно хотѣлось обнять, расцѣловать Настеньку... Но онъ самъ побоялся этого порыва, и только крѣпко пожалъ ей руку, шепнувъ:

— До свиданія!

Черезъ минуту онъ уже стремглавъ бѣжалъ отъ бесѣдки къ дому, прыгая на пути черезъ скамейки, ломая вѣтви докучныхъ деревьевъ, преграждавшихъ ему дорогу и осыпавшихъ его инеемъ.

VII.

Добѣжавъ до сѣней, Семенъ Павловичъ не пошелъ прямо въ залу, черезъ смежную съ нею комнату, а задумалъ проскользнуть на главное крыльцо графскаго дома, черезъ шахматную палату.

Но едва Измайловъ переступилъ порогъ шахматной палаты, гдѣ любители шахматной игры въ глубокомъ молчаніи сидѣли за своими столиками, какъ надъ самымъ ухомъ его раздался знакомый голосъ:

— А вотъ и Измайловъ! Его-то намъ и надо.

Семенъ Павловичъ оглянулся и увидѣлъ передъ собою генералъ-шефа Василія Ѳеодоровича Салтыкова и графа Воронцова, подъ руку шедшихъ къ нему навстрѣчу.

— Господинъ поручикъ, съ ласковой улыбкой сказалъ Салтыковъ,—гдѣ ты запропалъ? Мы тебя по всему дому ищемъ.

— За человѣкомъ бѣгалъ за своимъ — приказывалъ ему, чтобы карету...

— Куда же ты такъ спѣшить изволишь? Развѣ больше ужь сегодня плясать не собираешься?

— Въ казармы ѣду... Завтра намъ вѣдь выступать, чуть свѣтъ.

— *Завтра*? загадочно улыбаясь сказалъ Салтыковъ.—Каковъ поручикъ! Знаетъ, что завтра будетъ! добавилъ онъ, лукаво подмигивая Воронцову.

— Какъ ему не знать, когда въ приказѣ отдано? сказалъ спокойно Воронцовъ.

— Ну, да не въ томъ дѣло, господинъ поручикъ... Мы тебя искали по дѣлу... А дѣло наше въ просьбѣ.

— Чѣмъ могу служить вашему превосходительству? съ нѣкоторой тревогой обратился Измайловъ къ Салтыкову, каждую минуту опасаясь какой-нибудь непредвидѣнной задержки.

— Не по превосходительству, братецъ, а по пріятельству—садись скорѣе хоть въ мою карету, что у крыльца стоитъ, и тотчасъ отвези вотъ эту цидулку командиру вашего полка.

— Слушаю-съ.

— Да тотчасъ передай, смотри! да прямо въ руки!

— Исполню какъ приказано.

— Ну, такъ съ Богомъ!

И ласково потрепавъ Измайлова по плечу, Салтыковъ направился съ Воронцовымъ въ залу, гдѣ, попрежнему, гремѣла съ хоровъ музыка и среди толпы гостей мелькали танцующія пары.

А Семенъ Павловичъ разыскалъ въ толпѣ слугъ, дремавшихъ на крыльцѣ, своего деньщика, растолкалъ его, быстро накинулъ епанчу, нацѣпилъ палашъ и сбѣжалъ къ подъѣзду.

— Чья карета? спросилъ онъ у кучера, который приплясывалъ на морозѣ и похлопывалъ въ рукавицы, рядомъ съ дверцами кареты.

— Генерала Салтыкова карета.

— Садись живѣй на козлы—вези меня скорѣе въ Преображенскія казармы. Такъ приказано!

Измайловъ вскочилъ въ карету и захлопнулъ дверцы. Деньщикъ его взобрался съ кучеромъ на козлы, и карета покатилась, встряхивая кузовомъ на ухабахъ.

Дивныя впечатлѣнія минувшаго свиданія, ласковыя рѣчи Настеньки, страстное ожиданіе наступающаго, тревожнаго счастья, которое обставлялось такими странными, неожиданными условіями,—все это увлекало и кружило голову юному гвардейцу. Сидя въ полутьмѣ кареты, онъ нарочно закрывалъ глаза, чтобы живѣе, цѣльнѣе представить себѣ образъ любимой дѣвушки, которая являлась передъ нимъ во всемъ блескѣ своей красоты.

„Радость моя, голубка моя!“ съ восторгомъ говорилъ Семенъ Павловичъ.—„Она будетъ ждать меня, будетъ зябнуть на морозѣ, будетъ считать каждую минуту, будетъ прислушиваться къ каждому шороху за заборомъ сада!.. И я бы не пріѣхалъ!! Ахъ, Господи! Откуда это такія мысли ей въ голову прійти могли?.. Да если бы меня теперь въ оковы заковали, я, кажется, разбилъ бы ихъ, и...“

Но кузовъ кареты крѣпко тряхнуло на одномъ изъ поворотовъ и Семенъ Павловичъ сразу перешелъ отъ розовыхъ мечтаній къ дѣйствительности.

„Сейчасъ пріѣду въ казармы, возьму у Непейцына его карету съ цугомъ рыжихъ, махну за Настенькой, а Щеголева пошлю на Охту къ священнику, чтобы приготовилъ все къ вѣнчанію. А этотъ попъ—лихой!.. Не спроситъ даже, кого вѣнчаетъ, и на комъ, а прямо: *Исайя ликуй*—и все тутъ! А ужь оттуда, изъ-подъ вѣнца, куда мы съ Настенькой дѣнемся — и самъ не знаю. Ну, да вѣрно она получше моего придумаетъ! Вотъ только ключъ-то отъ калитки не потерять бы мнѣ...“

И сунувъ руку въ карманъ, Измайловъ ощупалъ въ немъ завѣтный ключъ, а рядомъ съ ключемъ и ту „цидулу“, которую приказано было отдать „въ собственныя руки“ командиру полка.

„Ну, хорошо что подъ руку попалась! А то бы, пожалуй, и

Сцены и типы на Волгѣ. „На базаръ". Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Блазнова. Автотипія мастерской „Нивы".

Подаяніе. Съ карт. французскаго художника Э. Пуара, грав. Бодъ.

забылъ о ней... Снести ее скорѣе къ командиру—да и за дѣло приниматься... чтобы ровно въ полночь быть на мѣстѣ".

Между тѣмъ карета подкатила къ Преображенскимъ казармамъ и въѣхала во дворъ гренадерской роты. Выскочивъ изъ кареты, Измайловъ тотчасъ отправилъ деньщика къ Непейцыну, а самъ направился въ квартиру командира.

Къ крайнему удивленію, Измайловъ засталъ командира полка—стараго заслуженнаго полковника—не въ халатѣ и не съ трубкою въ зубахъ, а въ полной формѣ и даже со шпагой на боку. Съ озабоченнымъ видомъ ходилъ онъ взадъ и впередъ по своей пріемной и видимо такъ былъ чѣмъ-то занятъ, что почти не замѣтилъ Измайлова, когда тотъ вошелъ въ пріемную и почтительно остановился у порога.

— Отъ генералъ-шефа Салтыкова цидулу вашему высокородію...

Полковникъ принялъ цидулу отъ Измайлова, подошелъ къ столу, на которомъ горѣли свѣчи въ тяжеломъ мѣдномъ шандалѣ, и развернулъ цидулу. Онъ быстро пробѣжалъ ее глазами, потомъ перечиталъ и, бережно свернувши, сунулъ за обшлагъ мундира.

— Счастье твое, господинъ поручикъ, что во-время вернулся!.. Опоздай еще немного—въ большую бы бѣду попалъ!

Измайловъ выразилъ изумленіе на лицѣ: онъ рѣшительно ничего не понималъ.

— Ну, а теперь изволь немедля отправиться въ дежурную и ждать тамъ, пока я за тобой пришлю.

— Господинъ полковникъ! взмолился Измайловъ, измѣняясь въ лицѣ,—я не могу, я долженъ... дѣло есть... я слово далъ...

— Господинъ поручикъ, по моему приказу, всѣ двери и ворота въ казармѣ нашей на запорѣ. Караулы вездѣ удвоены: отсюда муха не вылетитъ! Изволь идти въ дежурную.

— Да что же это? почему? Мнѣ нужно ѣхать — ждутъ меня! съ отчаяніемъ воскликнулъ Измайловъ, позабывая о дисциплинѣ.

— Объяснять тебѣ моихъ приказовъ я не стану! нетерпѣливо крикнулъ полковникъ.—Или въ дежурную, или сейчасъ же подъ арестъ! А все же изъ казармъ—ни шагу! Выбирай!

Измайловъ понялъ, что далѣе говорить было невозможно, тѣмъ болѣе, что въ строгомъ взглядѣ командира прочелъ непоколебимую рѣшимость. Машинально приложивъ руку къ треуголкѣ, онъ повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ пріемной командира.

Досада, злоба и мрачное отчаяніе овладѣли его душою, когда по длинному, тускло освѣщенному коридору казармъ онъ направился въ дежурную. Онъ самъ не зналъ, на что ему рѣшиться.

VIII.

Поздно, очень поздно разъѣхались гости съ именнинаго вечера отъ графа Головкина. Было уже около часа ночи, когда послѣдніе возки и сани съ гостями съѣхали съ широкаго графскаго двора, а полусонные музыканты сошли съ хоръ и стали укладывать въ мѣшки и баулы свои духовые и струнные инструменты.

Огни стали одинъ за другимъ погасать въ окнахъ графскаго дома, и только въ опочивальнѣ графа еще попрежнему ярко свѣтились оба окна. Тамъ, проводивъ гостей, графиня и князь Яковъ Петровичъ сошлись у изголовья больнаго графа, чтобы поговорить и посовѣтоваться съ нимъ объ *общемъ семейномъ дѣлѣ*.

Они нашли больнаго очень растревоженнымъ разными недобрыми вѣстями и слухами, которыхъ много нанесли ему пріятели въ теченіе дня.

— Охъ, кабы знали только вы, что тамъ, *наверху*, творится! стоная и охая говорилъ графъ. — Смѣха достойно! Право, подумать можно, что въ куклы играть изволитъ государыня-правительница! Ей приносятъ къ подписи важнѣйшую бумагу, а она ее на столъ кладетъ и говоритъ: *„хорошо!“* А что *хорошо*—то никому не вѣдомо! Приходятъ къ ней съ докладомъ о дѣлѣ государственномъ, а она не принимаетъ: „некогда, молъ, съ Менгденшой кататься ѣдемъ“. Сущая бѣда! Все и стало — и всѣ дѣла ни съ мѣста!.. Горе да и только! А тѣмъ временемъ Елисаветинцы не дремлютъ... Затѣваютъ что-то и въ глубокой тайнѣ держатъ!.. Охъ, Господи, какія боли! Да скоро-ли конецъ моимъ мученьямъ?

— Ну, потерпи, Михайло Гавриловичъ! Теперь не долго ужь и до отъѣзда... А тамъ, на теплыхъ-то водахъ, поправишься, Богъ дастъ! ласково утѣшала мужа графиня, ловко оправляя около него подушки.

— На теплыхъ водахъ!.. Боюсь я, какъ бы до теплыхъ водъ на соболиную ловлю не угодить! Чуетъ у меня сердце, что мы передъ бѣдой живемъ!

— Да полно тебѣ бѣду накликать, покуда сама не пришла! съ досадой сказала Екатерина Ивановна.—Охъ, ужь эти мнѣ вѣстовщики твои...

— Не они, матушка, а сердце-вѣщунъ! Живучи среди такихъ тревогъ и козней вражескихъ, невольно вспомнишь, что Фортуна слѣпа: зажмурившись катитъ на колесѣ своемъ... Кто нынче наверху — величается и саномъ кичится — тотъ, смотришь, завтра лежитъ раздавленъ колесомъ Фортуны. Этого забывать не слѣдуетъ, и, въ наши многомятежныя времена, ничего на будущемъ не строить...

Графъ громко застоналъ, ворочаясь на своемъ пуховикѣ, между подушками. Графиня и князь Луговской молчали.

— И больше-то всего болитъ у меня сердце не за насъ съ тобою, Катеринушка, а за сиротку нашу, за Настеньку! Ну, если, Боже сохрани, да повернется колесо Фортуны и мы очутимся подъ нимъ, что съ нею станется? Куда ей дѣться?

— Надо Настеньку теперь же намъ пристроить сказала графиня.

— Знаю, что надобно. Вотъ и женихъ ей на-лицо. Да какъ ее пристроишь, какъ сама-то не захочетъ?

— Пустое! Захочетъ, какъ скажемъ ей построже, что вотъ, молъ, или за Яшеньку ей выйти, или съ нами на теплыя воды ѣхать и въ дѣвкахъ сидѣть!

— Ну, ужь это ты съ ней и говори построже... Я не умѣю. сказалъ графъ, добродушно улыбаясь.

— Что-жъ? И скажу! Вотъ, кстати, я теперь схожу ее провѣдать... Понездоровилось ей что-то; послѣ *русской* тотчасъ въ горенку свою ушла. И если только она не спитъ, я съ ней сегодня же поговорю...

— Охъ, какъ бы я былъ радъ! Какой бы камень съ души моей спала, когда бы согласилась выйти за Яшеньку...

— Одно могу сказать, вступился Яковъ Петровичъ,— что я бы всѣми силами и не жалѣя себя...

— Да знаемъ, знаемъ, перебила его Екатерина Ивановна,— что ты надежный, вѣрный человѣкъ! Ну, такъ вотъ повремени: сейчасъ пойду и всю твою судьбу узнаю.

И Екатерина Ивановна спѣшно вышла изъ опочивальни графа, гдѣ водворилось мертвое молчаніе, прерываемое только вздохами и стонами больнаго да тиканьемъ часовъ въ углу.

Черезъ нѣсколько времени въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги и въ опочивальню графа вошла графиня, въ сопровожденіи Настеньки, которую она вела за руку. На лицѣ Екатерины Ивановны играла улыбка; Настенька шла за нею потупившись, блѣдная и взволнованная.

— Ну, вотъ, Михайло Гавриловичъ, весело сказала графиня,—ты все ждалъ бѣды, а я къ тебѣ съ доброй вѣсточкой.

— Охъ, отъ сердца отлегло! Неужто согласилась? радостно заговорилъ графъ.

— Да. Я *теперь* согласна выйти за кого прикажете! глухо произнесла Настенька.

Яковъ Петровичъ вскочилъ съ мѣста и бросился цѣловать руки графини.

— Благодѣтельница вы моя! Это вы Настасью Ивановну уговорили! воскликнулъ онъ, захлебываясь отъ радости и волненія.

— Нѣтъ, Яшенька, не уговаривала. Она сама, по первому же спросу, согласилась.

— И умно, и дѣльно, Настенька! сказалъ графъ.—Человѣкъ онъ намъ близкій, свой... И съ головою, и съ путемъ. И мужемъ тебѣ хорошимъ будетъ! Ну, Катенька, благослови ихъ, не томи! А завтра поговоримъ о свадьбѣ.

Графиня достала дорогой, старинный образъ, въ жемчужномъ окладѣ, изъ божницы въ углу опочивальни, поставила Настеньку и Якова Петровича рядомъ на колѣни и молча благословила ихъ.

— Ну, Богъ васъ благословитъ! шепталъ при этомъ графъ, слегка приподымаясь на постели и осѣняя ихъ крестнымъ знаменіемъ.—Теперь мнѣ, право, и умирать-то легче будетъ.

Яковъ Петровичъ, послѣ благословенія, весь просіялъ и даже растерялся отъ радости. Онъ хотѣлъ что-то сказать своей невѣстѣ, что-то объяснить ей и выразить свои чувства... Но Настенька оставалась серьезною, сосредоточенною и даже сумрачною, и когда Луговской взялъ ея руку и поцѣловалъ, онъ замѣтилъ, что рука была холодна какъ ледъ.

Въ это время высокіе англійскіе часы, стоявшіе въ углу, въ рѣзномъ темномъ футлярѣ, пробили два часа, звонко отбивая каждый ударъ, словно молотомъ по наковальнѣ.

— Ну, пора и на покой! сказала графиня, видимо обрадованная и успокоенная тѣмъ, что произошло.—Завтра насмотритесь еще и налюбуетесь другъ на дружку. Ступай къ себѣ, Настенька, и спи спокойно.

Настенька всѣмъ поклонилась однимъ общимъ поклономъ и вышла изъ опочивальни графа, не проронивъ ни слова, даже не взглянувъ на жениха...

Но женихъ былъ такъ доволенъ, такъ польщенъ своею удачею, что даже и не замѣтилъ страннаго настроенія своей невѣсты. Онъ еще разъ облобызалъ руки благодѣтеля и благодѣтельницы, еще разъ благодарилъ ихъ за милости и наконецъ удалился домой въ полнѣйшемъ упоеніи.

„Ну“, самодовольно думалъ онъ, укладываясь въ постель,— „посмотримъ, что завтра скажетъ братецъ любезнѣйшій, какъ о моей удачѣ услышитъ! Сегодня утромъ такъ важно говоритъ: *у насъ ужь съ нею все улажено*... Вотъ тебѣ и *улажено!* И то надо сказать: на все своя судьба, и благодѣтель совершенно справедливо говорилъ... сегодня... на счетъ колеса Фортуны...“

Но на этомъ „колесѣ“ нить мыслей сенатора запуталась, потомъ порвалась и спокойный, крѣпкій сонъ человѣка

довольнаго собою и своей судьбою—смежилъ очи Якова Петровича.

IX.

Семенъ Павловичъ, придя отъ командира въ дежурную, рѣшительно не зналъ, гдѣ себѣ мѣсто найти. Какъ дикій звѣрь, запертый съ простора въ клѣтку, безцѣльно мечется и мотается въ ней изъ стороны въ стороны, такъ и Измайловъ, самъ себѣ не отдавая отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, сталъ огромными шагами ходить изъ угла въ уголъ дежурной комнаты, стараясь разобраться въ той путаницѣ впечатлѣній и ощущеній, которая совсѣмъ заполонила его голову. Онъ даже не обратилъ вниманія на то, что дежурнаго офицера не было въ комнатѣ, на обычномъ мѣстѣ. Его мучила и неопредѣленная тоска, и тупое, безсмысленное озлобленіе человѣка, который видитъ передъ собою каменную стѣну и перелѣзть черезъ нее не можетъ... А перелѣзть необходимо!

„Вѣдь Настенька-то ждетъ меня! Можетъ-быть зябнетъ на снѣгу да на морозѣ“, чуть не со слезами говорилъ онъ самъ себѣ. — „И что она обо мнѣ подумаетъ?!. Я ей слово далъ, клятвами всякими заклинался, и вотъ какъ сдержалъ ихъ! Это просто гибель!.. Лобъ объ стѣну разбить можно!.. И что этому старому дураку взбрело въ голову? Вѣрно нажаловался кто-нибудь на наши ночныя гулянки, что-ли? Да нѣтъ же! Это невозможно... Надо идти, надо все ему разсказать...“

Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда назрѣвала эта мудрая рѣшимость, въ сѣняхъ передъ дежурной комнатой послышались спѣшные шаги, а затѣмъ дверь широко распахнулась и въ комнату почти вбѣжалъ товарищъ Измайлова, Щеголевъ, закутанный въ епанчу, покрытую бѣлымъ налетомъ инея.

— Гдѣ ты запропастился? Куда тебя пелегкая носитъ? весело и радостно закричалъ онъ, подбѣгая къ Измайлову и сбрасывая свою епанчу на лавку. — Ужь гдѣ-гдѣ мы только тебя не искали!..

— Да что вамъ всѣмъ за нужда до меня припала? съ досадою отозвался Измайловъ, продолжая шагать изъ угла въ уголъ и почти не оборачиваясь къ товарищу.

— А ты-то что, угорѣлъ никакъ? Или еще отъ вчерашняго хмѣля не очухался? Неужли ты не знаешь, что у насъ въ ротѣ творится?

— Э-э, не до роты мнѣ теперь! Кабы ты зналъ, что у меня на сердцѣ...

— Да убирайся ты съ сердцемъ своимъ... Тутъ, братъ, всѣ сердечныя дѣла въ сторону... Тутъ государственное дѣло! таинственно добавилъ Щеголевъ.

Измайловъ остановился и недовѣрчиво взглянулъ на товарища.

— Или не вѣришь?.. Да знаешь-ли ты, гдѣ всѣ мы, гренадеры, были съ полчаса назадъ? Во дворцѣ у цесаревны!

Измайловъ вдругъ нахмурилъ брови, схватилъ Щеголева за плечи и крикнулъ на него строго:

— Какъ ты смѣешь именемъ высочайшей персоны шутить?

— Да уймись! Медвѣдь костромской! Убирайся со своими лапищами... Я тебѣ сущую правду говорю. Сейчасъ она *сама*— государыня Елисаветъ Петровна — изволитъ къ намъ пожаловать сюда, въ казармы!.. Понимаешь!

Тутъ только понялъ Измайловъ въ чемъ дѣло; понялъ, что Салтыковъ и Воронцовъ не даромъ отправили его съ цидулой къ командиру; понялъ, почему и командиръ задержалъ его въ казармахъ.

— Ну, слава Богу! Слава Богу! радостно заговорилъ онъ вдругъ, крестясь широкимъ крестомъ и словно ограждая имъ себя отъ напасти.—Слава Богу, что я сюда не опоздалъ!

— Чудной какой-то ты! Право, чудной! То отъ насъ чураешься, то ни вѣсть чему радуешься и Бога благодаришь... Скажи, Бога ради, что съ тобой?

— Нѣтъ, прежде ты все разскажи мнѣ по порядку, что здѣсь у васъ безъ меня случилось? Какъ вы въ цесаревнинъ дворецъ попали?

— Да мы еще съ утра, собравшись, рѣшили, чтобы завтра не выступать въ походъ, не покидать цесаревну среди ея враговъ! Вотъ тутъ-то мы тебя и искали... А вечеромъ, въ 11 часовъ, тайкомъ пробрались мы къ цесаревнѣ во дворецъ и объявили ея высочеству, что мы на все для нея готовы — не выдадимъ!..

— Ну, ну! радостно торопилъ Измайловъ.

— Ахъ, право, и вспомнить до сихъ поръ не могу! продолжалъ Щеголевъ дрогнувшимъ голосомъ.—Какъ мы ей это объявили, она, голубушка, въ слезы... Да и говоритъ намъ: „выйдите отсюда — мнѣ помолиться надо...“

Щеголевъ отвернулся и отеръ слезу; потомъ добавилъ:

— Погодя немного, вышла къ намъ цесаревна со крестомъ, и мы всѣ ей присягнули.

— Ахъ, горе мое! добродушно воскликнулъ Измайловъ. — Зачѣмъ меня тамъ не было!

— Не горюй! Успѣешь присягнуть, какъ она сама сюда пріѣдетъ. Такъ и сказать изволила: „Ступайте, соберите вашу роту во всякой готовности и тихости, а я сама тотчасъ за вами слѣдомъ“. Пойдемъ скорѣе, командиръ меня отправилъ за тобою. Тамъ ужь вся рота въ сборѣ!

Дѣйствительно, всѣ гренадеры были въ сборѣ; въ коридорѣ, тускло освѣщенномъ свѣчами и фонарями, поставленными на окнахъ, и по стѣнамъ, солдаты, въ полной формѣ и аммуниціи, въ киверахъ и съ ружьями, стояли темною массою около одной изъ стѣнъ, оживленно бесѣдуя между собою о чемъ-то, вполголоса. Капральство суетливо бѣгало по рядамъ, перекликивая и пересчитывая людей, и слѣдомъ за нимъ длинныя темныя тѣни шагали и двигались по стѣнамъ.

Офицеры, съ командиромъ во главѣ, стояли отдѣльно, тѣсною кучкою около кіота съ ротными образами, и переговаривались между собою шепотомъ. Общее настроеніе было торжественное и тревожное: напряженное ожиданіе было написано на всѣхъ лицахъ...

Когда Измайловъ со Щеголевымъ подошли къ кучкѣ офицеровъ, раздались дружескіе привѣты и веселые возгласы. Измайлова всѣ любили, какъ лихаго товарища, который ни въ какой бѣдѣ не выдастъ, и уважали за его неимовѣрную силу и безумную отвагу.

— Наконецъ-то! Вотъ и Измайловъ! А ужь мы думали, что ты *не съ нами!* говорили ему товарищи-гренадеры.

— За что же обижаете, братцы! отзывался Измайловъ.— Это точно, что я чуть-чуть не пропалъ... Да вотъ Богъ спасъ и добрые люди помогли!..

— Да, господа офицеры, подтвердилъ съ улыбкой командиръ,—чуть-чуть я его подъ арестъ не упряталъ! Съ такою-то дурью онъ сюда вернуться изволилъ!

Въ это время въ роту вбѣжалъ гренадеръ поставленный на крылечкѣ казармъ и крикнулъ во весь голосъ:

— Ѣдутъ! Ѣдутъ!

— Смирррно! скомандовалъ командиръ, обнажая палашъ. Офицеры бросились врассыпную занять свои мѣста передъ развернутымъ фронтомъ гренадеръ, между тѣмъ какъ командиръ поспѣшилъ къ входнымъ дверямъ.

Черезъ минуту топотъ коней и скрипъ полозьевъ раздались у крыльца казармъ, двери распахнулись настежь, и среди клубовъ бѣлаго морознаго пара, влетѣвшаго съ надворья—въ казармы вступила цесаревна, окутанная легкою шубкою. За ней слѣдовали Воронцовъ, лейбъ-медикъ Лестокъ и неразлучный спутникъ ея, старикъ Шварцъ, ея бывшій учитель музыки, преданный ей, какъ собака.

Остановившись передъ фронтомъ гренадеръ, цесаревна быстрымъ движеніемъ сбросила шубку на руки Шварцу, и окинула взглядомъ солдатъ и офицеровъ. Всѣ съ изумленіемъ увидѣли цесаревну въ кирасѣ, надѣтой поверхъ обычнаго темнаго платья. Ея взоры пылали яркимъ пламенемъ, щеки горѣли румянцемъ... Красавица-цесаревна въ этотъ мигъ казалась грозною богинею, которая съ небесной выси спустилась на землю рѣшать и вершить дѣла людей... Всѣ замерли въ ожиданіи того, что она скажетъ.

— Ребята! громко и звучно произнесла цесаревна, глубоко взволнованная,—вы знаете, чья я дочь! Пойдете-ли вы за мною, куда я васъ поведу?

Эти простыя слова произвели такую бурю, какой не ожидала цесаревна. Всѣ эти богатыри, всѣ эти закаленные, мужественные люди, разомъ, словно изъ одной груди, грянули ей въ отвѣтъ:

— Матушка! веди насъ! Всюду за тобой пойдемъ! Всѣхъ ихъ перебьемъ!

Елисавета вздрогнула и отступила въ ужасѣ: она сама еще не знала той силы, которую вызывала къ себѣ на помощь. Она махнула рукой, показывая, что хочетъ говорить... Всѣ разомъ смолкли и присмирѣли.

— Ребята! Если вы точно будете такъ дѣлать—я съ вами не пойду!.. *Никого не бить! Я такъ хочу*—слышите-ли?

Потомъ обратилась къ командиру и сказала:

— Прикажите сейчасъ-же разломать всѣ барабаны, чтобы сгоряча кто не ударилъ тревогу...

Приказаніе цесаревны было мигомъ исполнено: барабаны были пробиты и растоптаны.

Тогда Елисавета вынула изъ-за кирасы крестъ и медленно опустилась на колѣни передъ фронтомъ. Всѣ гренадеры и всѣ лица, стоявшія около цесаревны, какъ одинъ человѣкъ рухнули на колѣни. Мертвое молчаніе воцарилось въ казармѣ.

— Клянусь умереть за васъ! твердо и торжественно произнесла Елисавета, высоко поднимая правую руку и цѣлуя крестъ.—Клянетесь-ли вы умереть за меня?

— Клянемся!.. вырвался опять однимъ общимъ взрывомъ и откликъ изъ строя гренадеръ грознымъ эхомъ перекатился подъ сводомъ казармъ.

— Такъ пойдемте-же! сказала цесаревна, поднимаясь и выпрямляясь во весь ростъ,—и будемъ думать не о себѣ, а о томъ, чтобы отечество наше было счастливо во что бы то ни стало!

Она направилась къ выходу, и за нею слѣдомъ двинулись темною стройною массою гренадеры, мѣрно отбивая шагъ и мѣрно брякая на ходу оружіемъ.

На дворѣ казармъ, цесаревну усадили въ сани, бережно окутали и шубкой, и полостью. Рядомъ съ нею помѣстился Лестокъ. Въ другія сани сѣли Воронцовъ со Шварцемъ.

— Съ Богомъ! произнесла Елисавета.

Сани двинулись шагомъ, отовсюду окруженные строемъ гренадеръ, которые скрывали ѣхавшихъ отъ любопытныхъ взоровъ...

Но эта предосторожность была излишнею. Ни единой души не было нигдѣ на стихнувшихъ, пустынныхъ улицахъ Петербурга... Никто не повстрѣчался гренадерамъ на всемъ пути ихъ отъ казармъ къ Фонтанкѣ и далѣе за Фонтанкой, когда они, мимо Слоноваго Двора, завернули на Невскую першпективную улицу и направились по ней къ Зимнему дворцу.

А ночь была все такая-же чудная—морозная, свѣтлая и тихая... Луна свѣтила во всю силу, обливая своимъ волнистымъ блескомъ засыпанныя снѣгомъ улицы и дома Петербурга. Городъ спалъ мертвымъ, непробудным сномъ... Никому и въ голову не приходило, что ожидаетъ назавтра столицу Петра при ея пробужденіи.

X.

Яковъ Петровичъ спалъ удивительно сладко, и даже сны видѣлъ какіе-то особенно пріятные. То представлялось ему, что товарищи-сенаторы съѣхались поздравить его съ новою Монаршею милостью и что онъ уже примѣряетъ передъ зеркаломъ пожалованную ему „кавалерію". То снилось ему, что онъ, съ Настенькою подъ руку, гуляетъ по тѣнистой аллеѣ и бесѣду ведетъ съ нею такую нѣжную и хорошую... А кругомъ и птицы щебечутъ что-то веселое и цвѣты ароматами благоухаютъ, и деревья какъ-то привѣтно шелестятъ листьями...

— Другъ мой! говоритъ Яковъ Петровичъ Настенькѣ,—зайдемъ въ бесѣдку, отдохнемъ отъ прогулки...

— Зайдемъ, мой другъ! нѣжно и ласково соглашается Настенька.

И они входятъ въ бесѣдку—а крыша въ бесѣдкѣ, надъ самою ихъ головою—трряхъ!

„Ай, батюшки! Еще пожалуй обвалится!" подумалъ осторожный Яковъ Петровичъ, бросилъ руку Настеньки и метнулся въ сторону...

И проснулся... Но надъ самою его головою опять раздался тотъ-же зловѣщій трескъ и стукъ.

Яковъ Петровичъ приподнялся на постели, прислушиваясь...

Стукъ повторился съ новою силою—и тутъ только Яковъ Петровичъ разобралъ, что кто-то отчаянно колотитъ кулакомъ въ его ставню, такъ что стекла дребезжатъ...

Быстро вскочивъ съ постели, Яковъ Петровичъ подбѣжалъ къ окну и закричалъ во все горло:

— Кто тамъ стучитъ?.. Что за озарство! Вотъ погоди ужо я вышлю людей...

— Князь-батюшка! раздался изъ-за ставни знакомый ему голосъ сенатскаго экзекутора Дурнова,—вставай! Изволь немедля ѣхать въ цесаревнинъ дворецъ... Изволила ся высочество принять престолъ Россійскаго правленія и я съ тѣмъ объявленіемъ по всѣмъ сенаторамъ посланъ!..

— Что-о-о? съ изумленіемъ и ужасомъ воскликнулъ Яковъ Петровичъ.—Что ты городишь?.. Зайди сюда скорѣе!

Но Дурновъ не отозвался болѣе: онъ бѣгомъ пустился далѣе „по всѣмъ сенаторамъ".

— Прошка! Прошка! завопилъ не своимъ голосомъ оторопѣвшій сенаторъ, босикомъ выбѣгая въ другую комнату.— Прошка! Прошка! ставни открывай! Мундиръ—шпагу—карету! Мыться! одѣваться!

И когда Прошка бросился исполнять приказаніе Якова Петровича, тотъ, самъ себя не узнавая, подумалъ:

„Нѣтъ! быть не можетъ! Дурновъ либо мнѣ во снѣ приснился, либо съ ума сошелъ".

Но когда ставни были открыты, темное и сумрачное петербургское утро глянуло въ окно, Луговской замѣтилъ, несмотря на раннее время (было 7 часовъ утра), необыкновенное движеніе на улицѣ. Толпы народа, сѣрыми и темными волнами, спѣшили куда-то по улицѣ, все въ одномъ направленіи. Яковъ Петровичъ понялъ, что Дурновъ не съ ума сошелъ, а сообщилъ ему нѣчто весьма близкое къ истинѣ.

Полчаса спустя, Яковъ Петровичъ, въ мундирѣ и треуголкѣ, уже спѣшилъ ко дворцу цесаревны (что былъ на Царицыномъ лугу) въ каретѣ, запряженной цугомъ доморощенныхъ равношерстныхъ коней.

Когда карета въѣхала на Адмиралтейскую сторону, князь Луговской пришелъ уже къ полной увѣренности въ томъ, что въ ночь совершился переворотъ, котораго наканунѣ такъ опасался графъ Головкинъ. Всюду, по улицамъ войска стояли шпалерами, а между ними, не прерываясь, спѣшили, бѣжали, шумѣли народныя толпы. Часто въ толпѣ и въ рядахъ войска слышались радостныя восклицанія:

— Здравствуй наша матушка, Императрица Елисаветъ Петровна! Урра!

А Яковъ Петровичъ сидѣлъ прижавшись въ углу кареты, которая медленно тащилась ко дворцу среди тройнаго ряда другихъ экипажей, и рѣшительно не зналъ: что ему думать, что дѣлать, чего держаться.

— Вотъ тебѣ и кавалерія! грустно твердилъ онъ про себя,— вотъ тебѣ и свадьба!

— Стой! Куда на народъ въ рыдванѣ лѣзешь? закричало нѣсколько грубыхъ голосовъ вокругъ кареты, которая остановилась, за невозможностью проѣхать черезъ толпу.

Яковъ Петровичъ выскочилъ изъ кареты и сталъ пробираться сквозь густую толпу народа къ дворцовому крыльцу.

— Ну-ну! приходилось ему не разъ при этомъ слышать въ толпѣ,—толкайся, да не очень! Ишь, больно прытокъ!—Опоздалъ, небось, вотъ и спѣшитъ теперь безъ памяти!

Наконецъ, кое-какъ протискавшись на дворцовое крыльцо, Луговской сталъ медленно всходить по его ступенямъ среди сплошной толпы придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Здѣсь, почти столкнувшись со своимъ товарищемъ-сенаторомъ Голицынымъ, Яковъ Петровичъ спросилъ его шепотомъ:

— Князь! поясни ради Бога, что все это значитъ—и какъ произошло?

— Коли тебѣ это извѣстно—ты ужъ лучше поясни; а я—сей не знаю ничего.

Въ сѣняхъ дворца, оба сенатора наткнулись на камергера Петра Ивановича Шувалова, который съ веселымъ видомъ и очень оживленно разсказывалъ о чемъ-то собравшемуся около него кружку знатныхъ господъ.

— Да! да! съ особеннымъ паѳосомъ говорилъ Шуваловъ,— истинно перстъ Божій проявился въ этомъ дѣлѣ! Благополучно, съ помощью Всевышняго, и началось, и кончилось, хотя не малой отважности требовало, которой не сыскать ни въ комъ, кромѣ крови Петра Великаго. И вотъ ужь всѣ враги Петровой дщери—нынѣ благополучно царствующей—покорены подъ нозѣ ся! Всѣ подъ стражей: и генералъ-фельдмаршалъ Минихъ, и кабинетъ-министры графы Остерманъ и Головкинъ— всѣ взяты и будутъ преданы...

Луговской такъ и вздрогнулъ, опасаясь услышать что-нибудь страшное... Сердце у него упало—онъ поспѣшилъ двинуться далѣе и наконецъ попалъ въ тотъ уголъ залы, въ которомъ тѣсной и покорной кучкой стояли всѣ его товарищи-сенаторы.

— А знаешь-ли кто очень отличился и въ случай попалъ? шепотомъ сказалъ Луговскому Голицынъ.

— Не до того мнѣ, чтобы въ отгадки теперь играть! грустно отозвался Луговской.

— Да твой-же братецъ! Гуляка этотъ и сорванецъ—ну, какъ бишь звать-то его?

— Семенъ Измайловъ!?

— Онъ самый! Онъ и Миниха, и Остермана, и Головкина арестовалъ, и на глазахъ у государыни вырвалъ ружье изъ рукъ солдата, который сгоряча хотѣлъ кого-то заколоть! Удостоенъ былъ Высочайшимъ одобреніемъ. Сказать изволили: „не позабуду вашей вѣрности!" Такъ самъ Шуваловъ сказывалъ намъ.

„Опять этотъ пострѣлъ!" подумалъ съ досадою Луговской. „Небось теперь и думать забылъ о Настенькѣ! Не то ужъ держитъ на умѣ!.. А я-то? Я-то хорошъ! Ну, чего я спѣшилъ—куда я рвался? Что заведу я дѣлать, когда и графа-то пожалуй въ ссылку упекутъ, да и меня-то тоже, какъ близкаго къ нему... Ужь до женитьбы-ли тутъ?"

Вдругъ, кто-то сзади положилъ на плечо Луговскому тяжелую руку и знакомый голосъ проговорилъ подъ самымъ его ухомъ:

— Братецъ! Яковъ Петровичъ, пожалуй-ка сюда къ окошку!

Яковъ Петровичъ совершенно машинально повиновался и послѣдовалъ за братцемъ въ амбразуру окна.

— Голубчикъ! Вотъ радость-то! Великая, всеобщая! восторженно говорилъ Семенъ Павловичъ, крѣпко обнимая Луговскаго и цѣлуя въ обѣ щеки. — Наконецъ-то солнышко наше изъ-за тучъ показалось! И какъ добра-то, кабы ты зналъ, какъ милостива къ намъ наша матушка! Всѣхъ наградить насъ обѣщалась превыше нашихъ заслугъ!.. И я, признаться, на радостяхъ—ужь даже черезъ край хватилъ! Какъ все уладилось, да всѣхъ враговъ-то государыни мы къ рукамъ прибрали—я прямо: бухъ ей въ ноги! Такъ и такъ молъ, милости прошу моей невѣстѣ...

— *Твоей* невѣстѣ? какъ-то странно спросилъ Яковъ Петровичъ.

— Ну, да! Конечно! Настенькѣ. Что ты такъ мудрено какъ-то смотришь на меня? Вѣдь она-же моя невѣста... Мы съ ней сегодня подъ утро и обвѣнчаться условились—бѣжать хотѣли! Я все это государынѣ—какъ есть, безъ утайки! И что-же ты думаешь?.. Все выслушала милостиво и сказать изволила: „свадьбу во дворцѣ моемъ сыграйте и меня въ посаженыя зовите!" Вотъ Ангелъ-то небесный! Не такъ-ли?

И еще разъ облобызавъ братца въ обѣ щеки, сіяющій отъ радости гвардеецъ исчезъ въ толпѣ.

И ни единымъ словомъ не обмолвился ему Яковъ Петровичъ, что онъ вчера тоже былъ на единый мигъ женихомъ Настеньки. Да и не время было съ братцемъ говорить объ этомъ: какой-то камергеръ, суетливо пробѣгая по толпѣ, всѣмъ объявлялъ, что государыня „изволитъ жаловать въ аванъ-залу и тамъ будетъ подданническія поздравленія принимать".

Двери аванъ-залы отворились... Толпа заколыхалась и двинулась впередъ, къ этимъ завѣтнымъ дверямъ.

„Колесо Фортуны!" думалъ Яковъ Петровичъ, грустно вздыхая и вступая вмѣстѣ съ другими въ ярко-освѣщенную аванъ-залу...

Выдра, хватающая дикаго гуся. Рис. Домбровскій.

Къ рисункамъ.

Передъ свадьбой. (Рис. на стр. 1141).

Картина Шредера изображаетъ жениха и невѣсту, которые обмѣниваются радужными мечтами о томъ золотомъ времячкѣ, когда они составятъ, наконецъ, счастливую парочку, — мечтаютъ, не догадываясь, что эти-то настоящія минуты быть-можетъ и останутся въ ихъ воспоминаніи самою счастливою порой ихъ жизни. Увы! какъ извѣстно, даже медовый мѣсяцъ не обходится безъ капель горечи, которыя все растутъ по мѣрѣ того, какъ онъ подходитъ къ концу.

Бѣленіе холстовъ. (Рис. на стр. 1144).

Бѣленіе полотна въ деревняхъ до сихъ поръ производится довольно первобытнымъ способомъ. Холстъ слегка бучатъ и затѣмъ разстилаютъ на лугу, причемъ воздухъ и свѣтъ уничтожаютъ красящее вещество растительныхъ волоконъ.

Ручнаго холста производится въ Россіи до 170 милл. аршинъ, на сумму около 14 милл. руб., преимущественно въ губ. Вятской, Ярославской, Тверской и Вологодской. Самые грубые холсты вятскіе, потомъ вологодскіе.

Вендская школа въ Лужицахъ. (Рис. на стр. 1145).

Вендами, какъ извѣстно, называется у нѣмцевъ сербское племя Лужичанъ, вѣтви славянъ Полабскихъ, которые въ VIII вѣкѣ принадлежали Велико-Моравскому княжеству и были покорены нѣмцами при Оттонѣ I. Затѣмъ началось рабство народа и постепенное онѣмечиваніе лужичанъ. Въ XIII вѣкѣ сербскій языкъ еще удерживался въ церкви и судѣ, но къ XIV столѣтію былъ изгнанъ и отсюда. Съ теченіемъ времени западные лужичане совершенно онѣмечились. Теперь славянское нарѣчіе и кое-какіе обычаи удержались между ними кое-гдѣ, въ верхней и нижней Лузаціи (Лужицахъ) и особенно въ Шпревальдѣ. Въ послѣднемъ славянскія особенности быта сохранились почти въ первобытной чистотѣ. Рисунокъ нашъ изображаетъ сельскую школу съ ея низкими стѣнами, завѣшанными, по лужицкому обычаю, множествомъ вѣнковъ. Въ дѣтскихъ личикахъ ярко выступаетъ печать славянскаго типа.

Граціелла. (Рис. на стр. 1149).

Читатели *Нивы* хорошо знакомы съ прелестными картинками Блааса, воспроизводящими различные типы италіанокъ. На этотъ разъ передъ нами повидимому венеціанская рыбачка, кокетливо играющая вѣеромъ, который въ Италіи составляетъ неотъемлемую принадлежность какъ знатныхъ дамъ, такъ и простолюдинокъ.

Сцены и типы на Волгѣ. „На базаръ“. (Рис. на стр. 1152).

Обыкновенное средство переправы на Волгѣ представляетъ изображенная художникомъ лодка объ одной мачтѣ съ прямымъ рейковымъ парусомъ. Кромѣ послѣдняго работаютъ еще три-четыре гребца веслами. На рисункѣ изображена партія зарѣчныхъ крестьянъ, спѣшащихъ со своими сельскими произведеніями въ городъ на базаръ.

Подаяніе. (Рис. на стр. 1153).

Горе роднитъ бѣдняковъ. Двое маленькихъ нищихъ, повидимому братъ съ сестрою, повстрѣчали на пути отъ села къ селу несчастную собаченку голодную, искалѣченную, съ перебитой ногой, точь-въ-точь какъ у самого паренька, опирающагося на костыль. Тождество-ли страданій тронуло его сердце, или быть-можетъ онъ инстинктивно захотѣлъ доставить себѣ удовольствіе богатыхъ—роскошь благотворенія, только мальчикъ досталъ изъ сумки черствый ломоть хлѣба и протягиваетъ его существу еще болѣе несчастливому, чѣмъ самъ онъ съ сестренкой.

Дикій гусь и выдра. (Рис. на стр. 1157).

Какъ закованные въ броню средневѣковые рыцари спускались изъ своихъ горныхъ замковъ и, спрятавшись въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ, поджидали мирныхъ странниковъ и останавливали ихъ крикомъ: „кошелекъ или жизнь“, причемъ обыкновенно обирали свою беззащитную жертву безъ всякаго сопротивленія съ ся стороны, такъ точно поступаютъ еще теперь „рыцари дорогъ и полей“ изъ животнаго царства, съ тою только разницею, что послѣдніе не довольствуются кошелькомъ своей жертвы, а похищаютъ самую жизнь. Вездѣ, въ лѣсахъ и на поляхъ, въ воздухѣ и водѣ находятся такіе хищники, вооруженные самымъ лучшимъ образомъ для нападенія и благодаря хитрости и смѣлости очень опасные для беззащитныхъ животныхъ. Послѣднія нигдѣ не могутъ отъ нихъ скрыться. Такое отношеніе различныхъ животныхъ другъ къ другу естественно повело къ тому, что животныя не хищныя устраиваютъ свои жилища въ самыхъ потайныхъ мѣстахъ и выходятъ изъ нихъ лишь съ величайшею осторожностью. Съ другой стороны, чувство голода и подборъ болѣе ловкихъ и совершенныхъ хищниковъ заставляетъ послѣднихъ постоянно вырабатывать въ себѣ все, что только можетъ способствовать ихъ пропитанію. Но все-таки въ этой борьбѣ мы видимъ громадный перевѣсъ на сторонѣ хищниковъ, конечно происходящій отъ того, что имъ принадлежитъ активная, дѣятельная роль въ жизни, вслѣдствіе чего совершенствуются всѣ ихъ способности. Изъ рыбъ, напримѣръ, выше всѣхъ по развитію своего мозга и въ особенности органовъ обонянія стоитъ такой хищникъ, какъ акула, которая чуетъ запахъ жаренаго мяса за нѣсколько верстъ. Не удивительно поэтому, если хищникъ, несмотря на всѣ предосторожности своей жертвы, все-таки ухитряется достигнуть своей цѣли. Одинъ изъ такихъ моментовъ представленъ на нашемъ рисункѣ. Дикій гусь, чрезвычайно осторожная птица, долго осматривался кругомъ. Тихо и мирно разстилается передъ нимъ гладкая водная поверхность, не обнаруживая ничего подозрительнаго. Наконецъ онъ рѣшается на нее спуститься. Но не успѣлъ онъ прикоснуться къ поверхности, какъ съ быстротою молніи высовывается блестящая голова, въ тѣло вонзаются острыя когти и зубы. Предсмертный крикъ—и безжизненное тѣло оказывается во власти выдры, спѣшащей удалиться со своею добычею.

Выдра является страшнымъ хищникомъ. По наружности она извѣстна всѣмъ и легко отличима отъ другихъ животныхъ. Кто не видалъ ее на свободѣ, тотъ навѣрное встрѣчалъ въ зоологическихъ садахъ. Она сходна съ куницею, будучи близкою къ ней формою, по строенію черепа, чрезвычайно сильнымъ челюстямъ, удлиненному туловищу, короткимъ ногамъ; голова только нѣсколько болѣе округлена. Остальныя отличія выдры обусловливаются мѣстомъ ея обитанія—водою. Въ зависимости отъ послѣдняго обстоятельства все тѣло, а также постепенно заостряющійся хвостъ немного сплющены, маленькіе глаза и уши совершенно теряются въ шерсти, пятипалыя ноги снабжены плавательными перепонками, шерсть коротка, но прилегаетъ такъ плотно, что непроницаема для воды, причемъ поверхностные волоски жестки и слегка сплющены, какъ бы напоминая чешуи рыбъ. Сверху тѣло блестящаго темно-коричневаго цвѣта, снизу у горла свѣтлѣе. Длина тѣла 130 сантиметровъ, вѣсъ достигаетъ 15—20 килограммовъ. День проводитъ выдра, сидя въ своей норѣ, которая представляетъ естественное или ею самою вырытое углубленіе въ берегѣ и соединяется нѣсколькими ходами съ водою, а также съ земною поверхностью. Лишь жестокій голодъ или другая какая-нибудь крайность заставляетъ выдру днемъ покидать свое жилище. Обыкновенно выходитъ она лишь вечеромъ; лунныя-же ночи особенно удобны для ея охоты. Главная пища выдры состоитъ изъ рыбы и раковъ. Старались вычислить тотъ вредъ, который она вслѣдствіе этого приноситъ, и оказалось, что каждое животное съѣдаетъ ихъ на сумму около 200 р. Далѣе она питается еще мышами, водяными крысами, птицами и ихъ яйцами, причемъ не брезгаетъ также и лягушками. Какой громадный вредъ онъ можетъ наносить пернатому царству—указываетъ слѣдующій случай. Въ одинъ прудъ, находящійся въ королевскомъ паркѣ въ Штуттгартѣ и густо населенный птицами, забралась выдра и въ продолженіе 6 или 7 недѣль распоряжалась тамъ со свойственною ей жестокостью: уничтожила всѣ гнѣзда утокъ на материкѣ и островахъ, выпивала яйца и поѣла всѣхъ утятъ и гусятъ, кромѣ того каждый день можно было находить много взрослой птицы съ отъѣденными головами, а также много гусей и лебедей раненыхъ ею до такой степени, что они погибали отъ ранъ. Лишь послѣ долгаго труда удалось подкараулить выдру и убить ее. Самка выдры приноситъ въ различное время года отъ 3 до 4 слѣпыхъ дѣтенышей, которые начинаютъ видѣть недѣлю спустя послѣ рожденія и выходятъ изъ норы по истеченіи двухъ мѣсяцевъ въ сопровожденіи своей матери, подъ руководствомъ которой очень скоро выучиваются ловить рыбу. Маленькія выдры очень интересны и легко дѣлаются ручными. Любопытно, что на Западѣ мясо выдры употреблялось прежде въ монастыряхъ въ пищу въ постные дни. Въ настоящее время оно совсѣмъ почти не употребляется. За то мѣхъ ея цѣнится высоко. Вслѣдствіе вреда, который наноситъ выдра, въ очень многихъ государствахъ назначена награда за истребленіе этого животнаго; убиваютъ ее изъ ружья, пользуясь для этого особыми собаками, или-же при помощи капкановъ.

„Князь Игорь“, опера А. П. Бородина. (Рис. на стр. 1160).

Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ задумалъ А. П. Бородинъ написать оперу, которую привелось видѣть петербургской публикѣ 23 октября 1890 г. на сценѣ Маріинскаго театра, три года спустя по смерти ея автора. Ободренный успѣхомъ первой симфоніи, бывшей его первою значительной работой, А. П. Бородинъ принялся за оперу, сюжетъ которой онъ, по указанію г. Стасова, рѣшился заимствовать изъ „Слова о полку Игоря“. Это произведеніе древности, „ознаменованное, по словамъ нашего историка Н. М. Карамзина, силою выраженія,

красотами языка живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными стихотворству юныхъ народовъ", представляло *для музыки* благодарный сюжетъ. „Но публикѣ врядъ-ли онъ можетъ понравиться, сознавался композиторъ въ одномъ изъ писемъ къ женѣ.—Драматизма тутъ мало, движенія сценическаго почти никакого..." И тѣмъ не менѣе Бородинъ написалъ при такомъ содержаніи замѣчательную оперу. По „Слову" было составлено г. Стасовымъ либретто, которое, впрочемъ, существенно было измѣнено самимъ Бородинымъ. Свое произведеніе, мало уклоняющееся отъ „Слова о полку Игоря", композиторъ раздѣлилъ на 4 дѣйствія съ прологомъ, причемъ въ первомъ дѣйствіи 2 картины. Въ прологѣ князь Сѣверскій Игорь отправляется изъ Путивля въ походъ на половцевъ, несмотря на солнечное затменіе, истолкованное какъ дурное предзнаменованіе. Первое дѣйствіе, болѣе всего удаляющееся отъ подлинника поэмы, рисуетъ состояніе Путивля въ отсутствіи Игоря. Въ первой картинѣ, на княжемъ дворѣ, живо переданы разгулъ и безпутства Владиміра Ярославича Галицкаго, шурина Игоря, которому послѣдній поручилъ свою жену Ярославну; а во второй картинѣ мы видимъ тоску княгини безъ мужа, ея гнѣвъ на брата и ужасъ при вѣсти о неудачномъ походѣ Игоря и нашествіи половцевъ на Путивль. Второе, лучшее дѣйствіе оперы, переноситъ зрителей въ станъ половцевъ, откуда плѣннаго Игоря уговариваютъ бѣжать. Въ третьемъ дѣйствіи совершается этотъ побѣгъ, а въ послѣднемъ дѣйствіи, когда „Ярославна рано плачетъ, во Путивлѣ на оградѣ", возвращается Игорь Святославичъ—и опера оканчивается ликованіемъ народа.

Къ этому либретто А. П. Бородинъ написалъ, какъ мы уже сказали, замѣчательную музыку, увлекательную и понятную всякому русскому. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть помѣшала композитору довести свое дѣло до конца и насладиться успѣхомъ. Но у г. Бородина были искренніе друзья, съ г. Римскимъ-Корсаковымъ во главѣ,—которые довели труды почившаго до конца, обогативъ русское искусство превосходнымъ музыкальнымъ произведеніемъ.

Робертъ Кохъ. (Портр. на стр. 1161).

Наука освѣтилась новымъ открытіемъ. Нѣмецкому ученому, доктору Коху, удалось найти средство для борьбы съ чахоткой, этимъ ужаснымъ бичемъ человѣчества, истребляющимъ милліоны человѣческихъ жертвъ ежегодно. Имя Коха было уже извѣстно всему просвѣщенному міру, а послѣднее его изслѣдованіе навсегда увѣнчаетъ славою многолѣтніе труды ученаго.

Робертъ Кохъ родился 29 ноября 1843 года, въ городѣ Клаусталѣ, въ Гарцѣ. Медицинское образованіе получилъ онъ въ Геттингенѣ съ 1862 по 1866 годъ, затѣмъ былъ продолжительное время ассистентомъ въ гамбургской общей больницѣ, покинувъ которую онъ занялся собственною практикою. Жилось ему въ это время не легко; молодой докторъ перемѣнялъ не разъ свое жительство, переѣзжая изъ одного города въ другой. Такъ онъ лѣчилъ и въ Лангенгагенѣ, близъ Ганновера, въ Раквицѣ, Позенскаго уѣзда, и въ Вольштейнѣ, въ уѣздѣ Бомстъ. Свои досуги онъ посвящалъ изслѣдованіямъ, которыя теперь доставили ему почетъ и извѣстность. Началомъ ихъ послужили занятія по ботаникѣ, которую онъ изучалъ подъ руководствомъ извѣстнаго нѣмецкаго ботаника Фердинанда Кона, въ Бреславлѣ. Какъ разъ въ это время, въ разрѣшеніи вопроса объ отношеніи растительныхъ паразитовъ къ заразнымъ болѣзнямъ, раздѣлились мнѣнія послѣдователей Кона и Карла фонъ-Негелисъ изъ Мюнхена. Кохъ примкнулъ къ первымъ и горячо защищалъ воззрѣнія своихъ единомышленниковъ, которые, какъ извѣстно, и оказались правыми въ этомъ спорѣ. Первымъ, болѣе зрѣлымъ плодомъ самостоятельныхъ изысканій Коха была работа подъ заглавіемъ „Объ микроорганизмахъ при заразныхъ болѣзняхъ рта". Сочиненіе это было съ успѣхомъ доложено въ 1878 году медицинскому отдѣлу собранія естествоиспытателей въ Касселѣ. Уже въ первой своей работѣ Кохъ обрисовался тѣмъ серьезнымъ и точнымъ изслѣдователемъ, какимъ онъ является и понынѣ. Ходъ его мыслей и его заключенія—строго логичны; его способы изслѣдованія, созданные многолѣтними и непрерывными занятіями, проведены съ такою послѣдовательностью, точностью и осмотрительностью, что не допускаютъ никакого возраженія. Многократный успѣхъ Коха зависитъ отъ того, что онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не дѣлаетъ ни шагу впередъ, пока не чувствуетъ твердой почвы подъ ногами. Этотъ осторожный и точный, научный способъ предохранилъ Коха отъ заблужденій и всѣ славныя и многочисленныя открытія Коха, начиная отъ нахожденія споръ при сибирской язвѣ до лѣченія чахотки, являются нераздѣльными звеньями одной цѣпи послѣдовательныхъ работъ. Значеніе Коховскихъ изслѣдованій было сразу оцѣнено по достоинству. Іосифъ Листеръ, знаменитый англійскій хирургъ и создатель антисептическаго способа ухода за ранами, поручилъ перевести на англійскій языкъ упомянутое выше сочиненіе Коха, тотчасъ послѣ появленія его въ печати. Дальнѣйшія изслѣдованія доктора Коха въ его бактеріологической дѣятельности, относились до зараженія крови и сибирской язвы. Затѣмъ слѣдовало открытіе передачи возвратной лихорадки (Febris recurrens) и вызывающаго ее спирилла Обермейера. Своими открытіями Кохъ обязанъ своему способу искусственной окраски микроскопическихъ объектовъ, особливо бактерій,—благодаря чему онѣ становятся для глаза видимыми и распознаваемыми. Этотъ же способъ окрашиванія привелъ вскорѣ Коха къ тому открытію, которое на-вѣки останется однимъ изъ величайшихъ дѣяній въ области медицинскихъ изслѣдованій всѣхъ временъ. Мы говоримъ объ открытіи туберкулезной бациллы, порождающей бугорчатку во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ у человѣка и животныхъ. 12 марта 1882 года состоялось памятное засѣданіе Берлинскаго физіологическаго общества, въ которомъ Кохомъ было доложено объ „этіологіи туберкулеза", и доказано, что легочная чахотка, различные виды мѣстныхъ бугорчатокъ кожи, костей, суставовъ и проч., затѣмъ жемчужница у рогатаго скота и т. п., вызываются развитіемъ туберкулезной бациллы. Дальнѣйшіе его труды были, между прочимъ, обращены на борьбу съ этой ужасной бациллой, и результаты ея мы помѣщаемъ ниже.

Наградой за труды доктора Коха было назначеніе его дѣйствительнымъ членомъ имперскаго врачебнаго совѣта въ Берлинѣ въ 1880 году. Въ 1883 году онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и посланъ, какъ руководитель нѣмецкой холерной коммисіи, въ Египетъ и Индію. И здѣсь работы геніальнаго и счастливаго изслѣдователя не остались безплодными: имъ былъ открытъ источникъ заразы, холерная бацилла, извѣстная подъ именемъ „Коховской запятой". Открытіе это произвело полный переворотъ во взглядахъ на возникновеніе, распространеніе и существо эпидеміи. Въ награду за это открытіе прусское правительство даровало изслѣдователю 100,000 марокъ. Замѣчательныя работы Коха по бактеріологіи и гигіенѣ вызвали всеобщее признаніе большаго значенія этихъ наукъ, и каѳедры по нимъ были учреждены въ германскихъ университетахъ, начиная съ Берлинскаго, гдѣ ординарнымъ профессоромъ и былъ сдѣланъ докторъ Кохъ.

О врачебномъ средствѣ противъ туберкулеза (бугорчатки).

Профессора **Роберта Коха** *).

Въ докладѣ читанномъ мною нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на международномъ врачебномъ конгрессѣ я упомянулъ о средствѣ, которое можетъ здоровыхъ животныхъ сдѣлать невоспріимчивыми къ прививкѣ имъ туберкулезныхъ бациллъ, а въ больныхъ животныхъ остановить теченіе туберкулезнаго процесса. Съ того времени, средство это было испробовано на людяхъ, о чемъ теперь и пойдетъ рѣчь.

Первоначально я намѣренъ былъ ничего не обнародовать изъ моихъ изслѣдованій пока не доведу ихъ до возможной полноты, а именно пока не добуду достаточно данныхъ относительно примѣненій этого средства на практикѣ и приготовленія его въ большихъ количествахъ. Но, не смотря на всѣ предосторожности, въ публику все-таки проникло о немъ такъ много и притомъ искаженныхъ или преувеличенныхъ слуховъ, что я считаю умѣстнымъ, ради устраненія ложныхъ понятій, теперь-же дать руководящій обзоръ настоящаго положенія этого дѣла. Само собою разумѣется, что обзоръ этотъ, при существующихъ обстоятельствахъ, можетъ быть лишь весьма краткимъ и долженъ оставить открытыми многіе весьма важные вопросы.

Опыты производились, а частію и теперь еще производятся подъ моимъ руководствомъ, Dr. A. Либбертцомъ и штабнымъ врачемъ Dr. Э. Пфулемъ. Необходимый контингентъ больныхъ доставили проф. Бригеръ изъ своей поликлиники, Dr. В. Леви въ своей частной хиругической клиникѣ, тайный совѣтникъ Френцель и главный штабный врачъ Р. Кёлеръ въ больницѣ *Charité*, и тайный совѣтникъ фонъ-Бергманъ въ университетской хирургической клиникѣ. Всѣмъ этимъ лицамъ, а также ихъ ассистентамъ, помогавшимъ при опытахъ, я долженъ здѣсь заявить глубочайшую признательность за живой интересъ съ которымъ они посвятили себя дѣлу и за безкорыстное содѣйствіе ими мнѣ оказанное. Безъ этого многосторонняго содѣйствія невозможно было-бы въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ такъ подвинуть эти трудныя и сопряженныя съ отвѣтственностью изслѣдованія.

Такъ какъ трудъ мой не доведенъ еще до конца, то о составѣ и приготовленіи моего средства я не могу еще дать никакихъ указаній и долженъ отложить это до позднѣйшихъ сообщеній *).

*) Изъ „Deutsche Medizinische Wochenschrift".

*) Врачи желающіе безотлагательно приступить къ опытамъ съ этимъ средствомъ—могутъ получать его у Dr. A. Либбертца (Berlin, N. W. Lüneburgerstrasse 28 II), который взялъ на себя приготовленіе онаго при моемъ и Dr. Пфуля содѣйствіи. Но я долженъ замѣтить, что запасъ его въ настоящее время весьма малъ и лишь черезъ нѣсколько недѣль приготовлено будетъ нѣсколько большее количество.

Прологъ: Прощаніе Игоря и Ярославны.
Ханъ Кончакъ.
I дѣйствіе, II картина: Ярославна упрекаетъ брата.
II дѣйствіе. Озлуръ уговариваетъ Игоря бѣжать.
III дѣйствіе. Освобожденіе Владиміра отъ Полочанъ.

„Князь Игорь", опера А. П. Бородина. Ориг. рис. (собств. „Нивы") В. Полякова, автотипія мастерской „Нивы".

Средство это представляетъ буроватую прозрачную жидкость, которая сохраняется сама по себѣ, т. е. безъ особыхъ мѣръ предосторожности. При употребленіи-же эта жидкость должна быть болѣе или менѣе разбавлена, и если эти разжиженія произвести дестиллированною водою, они легко разлагаются; въ нихъ развиваются гнѣзда бактерій, они мутнѣютъ и становятся негодными къ употребленію. Во избѣжаніе этого, разбавленная жидкость должна быть стерилизована при помощи высокой температуры и хранятся въ сосудахъ заткнутыхъ ватой, или-же, что гораздо удобнѣе, первоначальную жидкость разбавляютъ не водою, а полупроцентнымъ растворомъ (0,5%) карболовой кислоты. Но какъ частое нагрѣваніе, такъ и примѣсь карболовой кислоты, по истеченіи нѣкотораго времени, ослабляютъ дѣйствительность средства, особенно въ сильно разжиженныхъ растворахъ, и поэтому я употреблялъ по возможности свѣжайшіе растворы.

Введенное въ желудокъ средство это не дѣйствительно; чтобы достигнуть надежнаго дѣйствія, необходимо ввести его подъ кожу. При нашихъ опытахъ мы для этой цѣли употребляли исключительно приспособленную мною для бактеріологическихъ работъ шприцовку, снабженную полымъ гуттаперчевымъ шарикомъ. Такую шприцовку легко дезинфицировать прополаскивая ее безводнымъ спиртомъ, и этому обстоятельству мы приписываемъ то, что при тысячѣ (слишкомъ) произведенныхъ нами подкожныхъ впрыскиваній не образовалось ни одного нарыва.

Мѣстомъ впрыскиванія, послѣ нѣсколькихъ сравнительныхъ опытовъ, мы избрали кожу спины между лопатками и въ области поясницы, такъ какъ на этихъ мѣстахъ впрыскиванія не вызывали, можно сказать, никакой мѣстной реакціи, по крайней мѣрѣ наименьшую, и обходились почти безъ всякой боли.

Что касается дѣйствія этого средства на людей, то при самомъ началѣ нашихъ опытовъ оказалось, что въ весьма важномъ отношеніи средство это дѣйствуетъ на человѣка существенно иначе нежели на обычно употребляемое при опытахъ животное — морскую свинку. Такимъ образомъ снова подтверждено было важнѣйшее для экспериментатора правило, что изъ опытовъ надъ животными отнюдь нельзя прямо заключать о такомъ-же дѣйствіи даннаго средства на человѣка.

А именно, человѣкъ оказался гораздо чувствительнѣе морской свинки къ дѣйствію нашего средства. Здоровой морской свинкѣ можно впрыснуть подъ кожу до двухъ кубическихъ сантиметровъ неразбавленной жидкости и даже болѣе, причемъ не оказывается замѣтнаго дѣйствія. Здоровому взрослому человѣку достаточно впрыснуть 0,25 куб. сантиметра чтобы вызвать сильное дѣйствіе. Если принять во вниманіе сравнительный вѣсъ тѣла, то выходитъ, что 1/1500 того количества, которое на морскую свинку не оказываетъ еще замѣтнаго дѣйствія, на человѣка уже дѣйствуетъ весьма сильно.

Симптомы возникающіе у человѣка по впрыскиваніи 0,25 куб. сантиметра, я изучилъ на себѣ самомъ сдѣлавъ себѣ инъекцію въ верхнюю часть руки. Вкратцѣ они представляли слѣдующее: три или четыре часа спустя по впрыскиваніи — подергиванія въ конечностяхъ, слабость, расположеніе къ кашлю, затрудненіе дыханія, быстро возрастающее; въ теченіе пятаго часа наступилъ необыкновенно сильный ознобъ, длившійся почти часъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, тошнота, рвота и возвышеніе температуры до 39,6°. Черезъ 12 часовъ всѣ болѣзненныя явленія ослабѣли, температура стала понижаться и къ слѣдующему дню достигла нормальной высоты; тяжесть въ конечностяхъ и слабость продолжались еще нѣсколько дней и столько-же времени оставалась нѣкоторая боль и краснота на мѣстѣ впрыскиванія.

Профессоръ Робертъ Кохъ.

Низшій предѣлъ дѣйствія жидкости на здороваго человѣка составляетъ около 0,01 куб. сантиметра (или 1 куб. сантиметръ во ста сантиметрахъ воды), какъ оказалось изъ многочисленныхъ опытовъ. У большинства при такой дозѣ ощущается лишь легкая боль въ конечностяхъ и скоро проходящая слабость. У нѣкоторыхъ, кромѣ того, является небольшое возвышеніе температуры, градусовъ до 38 или немного болѣе.

Но если относительно дозы (сравнительно съ вѣсомъ тѣла) между животнымъ и человѣкомъ оказывается весьма значительная разница, то относительно другихъ свойствъ лекарства проявляется довольно ощутительное совпаденіе.

Важнѣйшее изъ этихъ свойствъ есть *специфическое дѣйствіе нашего средства на туберкулезные процессы, какого бы рода ни были они.* Я не буду вдаваться въ дальнѣйшее описаніе явленій у животнаго подвергаемаго опытамъ, такъ какъ это завело-бы насъ слишкомъ далеко, и прямо перейду къ замѣчательнымъ въ высшей степени явленіямъ у человѣка страдающаго бугорчаткой.

Здоровый человѣкъ, какъ мы видѣли, почти или даже вовсе не реагируетъ при введеніи 0,01 куб. сантиметра жидкости. Какъ показали многократные опыты, то же самое наблюдается у больныхъ, если только они страдаютъ не бугорчаткой. Но совершенно иное происходитъ у туберкулезныхъ: если такимъ больнымъ впрыснуть ту же дозу (0,01 куб. сант.*), наступаетъ какъ сильная общая, такъ и мѣстная реакція.

Общая реакція заключается въ приступѣ лихорадки, которая, начинаясь большею частію ознобомъ, повышаетъ температуру тѣла до 39°, нерѣдко до 40° и даже 41°. При этомъ ощущаются боли въ конечностяхъ, позывъ на кашель, общая слабость, нерѣдко тошнота и рвота. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдалось легкое желтушное окрашиваніе, въ другихъ — даже коревидное высыпаніе (экзантема) на груди и на шеѣ. Припадокъ начинается обыкновенно спустя 4—5 часовъ по впрыскиваніи и длится 12—15 часовъ. Въ исключительныхъ случаяхъ онъ можетъ наступать и позднѣе и протекаетъ менѣе интенсивно. Больные мало тяготятся припадкомъ, и какъ только онъ миновалъ, чувствуютъ себя сравнительно хорошо, обыкновенно даже лучше нежели до припадка.

Мѣстную реакцію лучше всего наблюдать на такихъ больныхъ, у которыхъ туберкулами поражены наружныя части, какъ напр. у страдающихъ волчанкою (разъѣдающимъ лишаемъ, lupus). У этихъ послѣднихъ наступаютъ измѣненія, поразительно убѣждающія въ анти-туберкулезномъ дѣйствіи средства.

*) Дѣтямъ 3—5 лѣтъ мы давали десятую часть этой дозы, т. е. 0,001 очень слабымъ дѣтямъ только 0,0005, и получали при этомъ сильную, хотя и не опасную реакцію.

Немного спустя послѣ инъекціи подъ кожу спины, слѣдовательно въ мѣстѣ весьма удаленномъ отъ пораженныхъ частей кожи на лицѣ и т. п., лупозныя мѣста обыкновенно еще до приступа лихорадки начинаютъ припухать и краснѣть. Въ теченіе лихорадки припуханіе и краснота все увеличиваются и могутъ достигнуть весьма значительной степени, такъ что лупозная ткань мѣстами становится бурокрасною и некротическою (омертвѣлою). У рѣзче ограниченныхъ очаговъ волчанки сильно припухлая и бурокрасная ткань нерѣдко бывала окружена бѣловатою каймой, почти въ сантиметръ ширины, которая въ свою очередь окружалась широкимъ, яркокраснымъ поясомъ. По прекращеніи лихорадки, припухлость лупозныхъ мѣстъ постепенно опадаетъ, такъ что дня черезъ 2 — 3 можетъ совершенно исчезнуть. Самые очаги волчанки покрываются корой изъ просочившейся и засохшей на воздухѣ сукровицы (Serum), превращаются въ чешуйки, спадающія черезъ 2 — 3 недѣли и обнажающія даже при однократномъ впрыскиваніи гладкій красный рубецъ. Обыкновенно-же требуется нѣсколько впрыскиваній для полнаго уничтоженія лупозной ткани, но объ этомъ послѣ. При этомъ процессѣ слѣдуетъ указать то особенно важное обстоятельство, что описанныя измѣненія ограничиваются исключительно лишь пораженными волчанкой мѣстами кожи. Даже малѣйшіе, незамѣтные глазу, прячущіеся въ рубцовой ткани узелки подвергаются этому процессу и вслѣдствіе припуханія и перемѣны окраски становятся видимы, тогда какъ самая ткань рубца, въ которой лупозныя измѣненія уже закончились, остается неизмѣненною.

Наблюденіе надъ дѣйствіемъ нашего средства на больнаго волчанкой въ такой степени поучительно и въ то же время такъ убѣждаетъ относительно специфическихъ свойствъ самаго средства, что каждый желающій заняться его изученіемъ долженъ по возможности начинать свои опыты съ лупозныхъ больныхъ.

Менѣе поразительны, но все-таки замѣтны глазу и осязанію мѣстныя реакціи при бугорчаткѣ лимфатическихъ железъ, костей, сочлененій и т. д., при чемъ наблюдаются припухлость, возвышенная болѣзненность, а на поверхностныхъ частяхъ и краснота.

Напротивъ, реакція во внутреннихъ органахъ, напр. въ легкихъ, ускользаетъ отъ наблюденія, если не относить къ мѣстной реакціи увеличеніе кашля и мокроты у легочныхъ больныхъ послѣ первыхъ впрыскиваній. Въ такихъ случаяхъ преобладаетъ общая реакція. Тѣмъ не менѣе мы должны допустить, что и здѣсь происходятъ такія-же измѣненія, которыя прямо наблюдаются при волчанкѣ.

Во всѣхъ безъ исключенія произведенныхъ нами опытахъ, если только въ тѣлѣ былъ туберкулезный процессъ, доза 0,01 неизбѣжно вызывала описанныя явленія реакціи; поэтому я не считаю преувеличеннымъ предположеніе, что наше средство въ будущемъ явится необходимымъ *пособіемъ при діагнозѣ.* Въ сомнительныхъ случаяхъ начинающейся чахотки, съ помощью этого средства можно будетъ ставить правильный діагнозъ даже тогда, если не удастся добыть вѣрнаго показанія о свойствѣ болѣзни путемъ нахожденія бациллъ или эластическихъ палочекъ въ мокротѣ или-же физическимъ изслѣдованіемъ. Пораженія железъ, скрытый туберкулезъ костей, сомнительная бугорчатка кожи и т. п. легко и безошибочно будутъ распознаваемы.

Въ кажущихся законченными излѣченіемъ случаяхъ легочной бугорчатки или туберкулеза сочлененій можно будетъ утвердительно сказать, дѣйствительно-ли окончился болѣзненный процессъ и не осталось-ли еще кое-гдѣ очаговъ, изъ коихъ болѣзнь можетъ вновь распространиться, какъ отъ искры тлѣющей подъ пепломъ.

Но гораздо важнѣе діагностическаго значенія цѣлебное дѣйствіе этого средства.

При описаніи измѣненій вызываемыхъ подкожнымъ впрыскиваніемъ этого средства въ частяхъ кожи измѣненныхъ волчанкой, уже было упомянуто, что по уменьшеніи припухлости и красноты лупозная ткань уже не возвращается въ первоначальное состояніе, но болѣе или менѣе разрушается и исчезаетъ.

На нѣкоторыхъ мѣстахъ это очевидно происходитъ такимъ образомъ, что больная ткань послѣ перваго-же достаточнаго впрыскиванія непосредственно отмираетъ и отмершая масса ея впослѣдствіи отпадаетъ. Въ другихъ мѣстахъ повидимому наступаетъ распаденіе, какъ-бы таяніе ткани, которая для полнаго исчезновенія требуетъ повторныхъ воздѣйствій средства. Какимъ образомъ совершается этотъ процессъ — въ настоящее время нельзя еще сказать съ увѣренностью, за недостаточностью изслѣдованій. Твердо установлено только то, что дѣло состоитъ не въ умерщвленіи находящихся въ ткани туберкулезныхъ бациллъ, а въ томъ только, что самая ткань, заключающая въ себѣ туберкулезныя бациллы, подвергается дѣйствію средства. Въ ней, какъ показываютъ замѣтныя припуханіе и краснота, происходитъ значительное нарушеніе циркуляціи соковъ и вслѣдствіе этого глубоко проникающія измѣненія въ питаніи, доводящія ткань до отмиранія въ болѣе или менѣе скорой времени, смотря по способу примѣненія средства.

И такъ, это средство, повторяемъ еще разъ вкратцѣ, убиваетъ не бациллъ бугорчатки, а самую ткань пораженную ею. Этимъ вполнѣ точно опредѣляется и граница, до которой можетъ простираться дѣйствіе средства. Оно въ состояніи вліять лишь на живую туберкулёзную ткань; на мертвую же, напр., на отмершія творожистыя массы, некротическія кости и т. п. оно не дѣйствуетъ; точно такъ же какъ и на ткань доведенную уже до отмиранія самимъ средствомъ. Въ такихъ мертвыхъ уже массахъ ткани могутъ, однако, еще гнѣздиться живыя туберкулезныя бациллы, которыя или отпадаютъ вмѣстѣ съ некротическою тканью, или же могутъ при особыхъ обстоятельствахъ снова проникнуть въ сосѣднюю, еще живую ткань.

Эту-то особенность средства и слѣдуетъ осмотрительно принимать во вниманіе, если желаютъ воспользоваться правильно его цѣлебнымъ дѣйствіемъ. Поэтому прежде всего надо довести до омертвѣнія живую туберкулезную ткань и затѣмъ примѣнить всѣ средства къ тому, чтобъ удалить, напримѣръ, при помощи хирургическихъ пріемовъ, всѣ омертвѣвшія части. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ это невозможно и гдѣ это удаленіе можетъ лишь медленно произойти само собою съ помощью самого организма, слѣдуетъ безпрерывнымъ примѣненіемъ средства предохранять находящуюся въ опасности живую ткань отъ проникновенія въ нее паразитовъ.

Изъ того, что средство это производитъ омертвѣніе туберкулезной ткани и дѣйствуетъ лишь на живую ткань, можно объяснить другую особенность средства, а именно: что оно можетъ быть вводимо въ дозахъ быстро увеличиваемыхъ. Прежде всего это явленіе можно было бы объяснить привыканіемъ организма къ средству. Но когда узнаешь, что дозу въ теченіе приблизительно трехъ недѣль можно увеличить въ 500 разъ болѣе начальной, тогда этого уже нельзя объяснить привычкой, такъ какъ неизвѣстно ни одно аналогическое сильное средство, къ которому можно было бы такъ скоро привыкнуть.

Явленіе это можно объяснить себѣ тѣмъ, что вначалѣ было много туберкулезныхъ живыхъ тканей и соотвѣтственно этому достаточно было небольшаго количества дѣйствующаго средства, чтобы вызвать сильную реакцію. Но каждымъ подкожнымъ впрыскиваніемъ извѣстное количество способной къ реакціи ткани уничтожается, и тогда требуются сравнительно все большія дозы, чтобы вызвать одинаковой силы реакцію. Рядомъ съ этимъ можетъ, до нѣкоторой степени, дѣйствовать и привычка къ средству. Какъ скоро больной бугорчаткою подвергался дѣйствію увеличиваемыхъ дозъ до того, что онъ реагируетъ не болѣе незараженнаго ею, тогда можно будетъ предположить, что всѣ туберкулезныя ткани способныя къ реагированію убиты. Тогда только придется больнаго, пока въ тѣлѣ его еще есть бациллы, чтобы защитить его отъ новаго зараженія, лѣчить медленно увеличивающимися дозами и съ извѣстными перерывами.

Вѣрно ли такое воззрѣніе и вытекающія отсюда слѣдствія — покажетъ будущность. До сихъ же поръ я принималъ эти слѣдствія въ руководство, вырабатывая способъ примѣненія средства, который при нашихъ опытахъ получилъ слѣдующій видъ:

Чтобы снова начать съ самаго простаго случая, а именно съ волчанки, замѣчу что мы всѣмъ такимъ больнымъ съ самаго начала впрыскивали полную дозу въ 0,01 кубическаго сантиметра, затѣмъ давали реакціи совершенно закончиться и по прошествіи одной или двухъ недѣль снова давали 0,01 кубич. сантиметра, продолжая, такимъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока реакція становилась слабѣе и наконецъ совершенно прекращалась. У двухъ больныхъ волчанкою на лицѣ (накожная бугорчатка) такимъ образомъ трехъ- и четырехкратнымъ впрыскиваніемъ лупозныя мѣста были доведены до полнаго зарубцованія, другіе страдавшіе волчанкой получили улучшеніе сообразно со временемъ ихъ лѣченія. Всѣ эти больные много лѣтъ страдали своею болѣзнью и безуспѣшно лѣчились всевозможными способами.

Такимъ же образомъ лѣчили мы бугорчатку железъ, костей и сочлененій, причемъ тоже употреблялись большія дозы съ извѣстными перерывами. Результатъ былъ такой же какъ и при волчанкѣ: быстрое выздоровленіе въ свѣжихъ и легкихъ случаяхъ, медленное улучшеніе въ случаяхъ тяжкихъ.

Нѣсколько иныя обстоятельства сопровождали лѣченіе главной массы нашихъ больныхъ—фтизиковъ (больныхъ легочною чахоткой). Больные легочною чахоткой болѣе чувствительны къ средству чѣмъ больные съ хирургическими туберкулезными пораженіями. Мы были скоро вынуждены принятую для чахоточныхъ вначалѣ высокую дозу 0,01 куб. сант. понизить и нашли, что чахоточные почти всегда реагировали сильно на дозы въ 0,002 и даже 0,001 кубич. сантим., но что отъ этой незначительной начальной дозы можно было болѣе или менѣе скоро доходить до такого же количества какое хорошо переносятъ и другіе больные. Мы поступали обыкновенно такъ, что если чахоточный вначалѣ получалъ впрыскиваніе въ 0,001 куб. сантиметра и нслѣдъ затѣмъ наступало повышеніе температуры, то эта доза повторялась ежедневно одинъ разъ до тѣхъ поръ, пока не переставала вызывать реакціи. Только послѣ того мы переходили къ дозѣ въ 0,002, пока и это количество переносилось безъ реакціи и т. д. увеличивая на 0,001

или много на 0,009 до 0,01 и болѣе куб. сантиметровъ. Это осторожное лѣченіе казалось мнѣ особенно необходимымъ для больныхъ отличающихся упадкомъ силъ. Если дѣйствовать описаннымъ образомъ, то можно достигнуть того, что больной почти безъ лихорадочнаго состоянія и почти незамѣтнымъ образомъ для него можетъ быть доведенъ до большихъ дозъ. Нѣкоторые болѣе крѣпкіе чахоточные частію получали съ самаго начала бóльшія дозы, частію ихъ дозы быстрѣе увеличивались, причемъ казалось, что сообразно съ этимъ скорѣе наступалъ и благопріятный результатъ. Дѣйствіе средства у чахоточныхъ въ общемъ выражается тѣмъ, что кашель и мокрота послѣ перваго впрыскиванія обыкновенно слегка увеличивались, но затѣмъ все болѣе уменьшались и въ болѣе благопріятныхъ случаяхъ совершенно исчезали; притомъ и мокрота теряла гнойный характеръ и становилась слизистою. Число бациллъ (для опытовъ брались только такіе больные, у которыхъ въ мокротѣ находились бациллы) уменьшалось только тогда когда мокрота дѣлалась слизистою. Временно бациллы совсѣмъ исчезали, затѣмъ отъ времени до времени снова появлялись, пока, наконецъ, не прекращалось появленіе мокроты. Одновременно съ этимъ прекращались ночные поты, видъ больныхъ становился лучше и вѣсъ тѣла ихъ увеличивался. Всѣ больные, у которыхъ чахотка была въ началѣ развитія— освободились отъ всѣхъ болѣзненныхъ симптомовъ въ теченіе 4—6 недѣль, такъ что ихъ можно было считать излѣченными. Также и больные съ не особенно большими кавернами значительно поправились и почти излѣчены.

Только у чахоточныхъ съ большими и многочисленными кавернами въ легкихъ—не было замѣтно объективнаго улучшенія, хотя мокрота и у нихъ уменьшилась и субъективное самочувствіе улучшилось. На основаніи этихъ опытовъ, я желалъ бы предположить, что начинающаяся легочная чахотка навѣрно можетъ быть излѣчена этимъ способомъ *). Отчасти это сохраняетъ силу и для такихъ случаевъ, гдѣ развитіе болѣзни не достигло высшей степени.

Но больные съ большими кавернами, у которыхъ есть осложненія, напримѣръ вслѣдствіе проникновенія въ каверны другихъ вызывающихъ гніеніе микроорганизмовъ, вслѣдствіе неустранимыхъ патологическихъ измѣненій въ другихъ органахъ и т. д.,—только въ исключительныхъ случаяхъ получать надолго пользу отъ этого средства. Временное улучшеніе въ большинствѣ случаевъ получали, впрочемъ, и такіе больные. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что и у нихъ на первоначальный болѣзненный процессъ, бугорчатку, это средство вліяетъ такимъ же образомъ, какъ и у другихъ больныхъ, и что обыкновенно нѣтъ только возможности удалить омертвѣвшія массы ткани вмѣстѣ со вторичными процессами гніенія. Невольно является мысль, нельзя-ли будетъ помочь такимъ тяжко-больнымъ соединеніемъ новаго способа лѣченія съ хирургическими пріемами (въ родѣ операціи эмпіемы, то-есть удаленія скопленія гноя изъ грудной полости), или съ другими врачебными способами. Вообще я настоятельно совѣтовалъ бы не употреблять это средство по извѣстной схемѣ безъ различія у всѣхъ туберкулезныхъ. Проще всего, повидимому, окажется лѣченіе при начинающейся чахоткѣ и при простыхъ хирургическихъ пораженіяхъ, но при всѣхъ другихъ формахъ бугорчатки врачебная наука должна вступить въ свои полныя права, слѣдуетъ тщательно индивидуализировать и прибѣгать ко всѣмъ вспомогательнымъ средствамъ, чтобъ усилить дѣйствіе средства. Во многихъ случаяхъ я получалъ твердую увѣренность, что уходъ оказываемый больнымъ имѣлъ не малое вліяніе на успѣхъ лѣченія, и я потому предпочелъ бы, чтобы средство употреблялось въ подходящихъ заведеніяхъ, гдѣ внимательное наблюденіе за больными и необходимый уходъ за ними легче устроить, чѣмъ въ амбулаторіяхъ или на дому. Въ какой степени до сихъ поръ признаваемые полезными способы лѣченія, какъ пользованіе горнымъ воздухомъ, лѣченіе на открытомъ воздухѣ, спеціальный способъ питанія и т. д. могутъ быть успѣшно соединены съ новымъ способомъ лѣченія, въ настоящую минуту сказать невозможно, но я думаю, что и эти врачебные факторы во многихъ случаяхъ, въ особенности въ запущенныхъ и тяжкихъ, затѣмъ въ періодъ выздоравливанія, въ связи съ новымъ средствомъ, принесутъ значительную пользу *).

Центръ тяжести новаго способа лѣченія заключается, какъ сказано, въ возможно раннемъ его примѣненіи. Главнымъ объектомъ лѣченія должна стать начальная стадія чахотки, потому что средство это дѣйствуетъ на нее въ полной силѣ; поэтому необходимо особенно настойчиво указывать на то, что на будущее время, болѣе чѣмъ до сихъ поръ, практическіе врачи должны употребить всѣ средства къ тому, чтобы распознать чахотку возможно раньше. До сихъ поръ нахожденіе бациллъ въ мокротѣ считалось небезъинтереснымъ побочнымъ дѣломъ, которымъ, правда, діагнозъ подтверждался, но которое больному не приносило пользы и потому часто не производилось, какъ я это нашелъ въ послѣднее время у многихъ чахоточныхъ, которые обыкновенно прошли черезъ руки многихъ врачей, причемъ ихъ мокрота не была ни разу изслѣдована. На будущее время это должно измѣниться. Врачъ, который не употребитъ всѣ средства, въ особенности съ помощью изслѣдованія подозрительной мокроты, дабы констатировать по возможности раньше чахотку, подвергнется обвиненію въ непростительной небрежности къ больному, потому что отъ этого діагноза и начатаго на основаніи его лѣченія болѣзни можетъ зависѣть жизнь больнаго. Въ сомнительныхъ случаяхъ врачъ долженъ былъ бы пробнымъ впрыскиваніемъ названнаго средства убѣдиться въ существованіи или отсутствіи бугорчатки.

Новый способъ лѣченія тогда только сдѣлается истиннымъ счастіемъ для страждущаго человѣчества, если будетъ достигнуто, чтобы по возможности всѣ случаи бугорчатки подвергались лѣченію въ начальной стадіи и дѣло не доходило до образованія запущенныхъ тяжкихъ формъ, которыя дѣлаются неизсякаемымъ источникомъ новыхъ зараженій.

Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что я съ намѣреніемъ опустилъ здѣсь всѣ статистическія данныя и описаніе отдѣльныхъ случаевъ болѣзни, потому что тѣ врачи, которымъ принадлежали больные, послужившіе для нашихъ опытовъ, сами взяли на себя описаніе этихъ случаевъ, и я не желалъ бы мѣшать имъ въ возможно объективномъ ихъ наблюденіи.

*) Это заявленіе требуетъ еще нѣкотораго ограниченія, такъ какъ въ настоящую минуту нѣтъ окончательныхъ данныхъ, да и не можетъ ихъ быть на счетъ того, можно-ли считать излѣченіе полнымъ. Само собою разумѣется, что рецидивы возможны. Но можно полагать, что ихъ такъ же легко и скоро можно будетъ устранить, какъ и первый припадокъ.

Съ другой стороны, весьма возможно, что, по аналогіи съ другими инфекціонными болѣзнями, разъ излѣченные навсегда останутся недоступны этой болѣзни. Но и это пока должно остаться открытымъ вопросомъ.

*) Въ отношеніи бугорчатки мозга, гортани и миліарнаго туберкулеза, мы имѣли слишкомъ мало матеріала, чтобы собрать достаточно данныхъ.

Политическое обозрѣніе.

Путешествіе Государя Наслѣдника Цесаревича и пребываніе Его Высочества въ Греціи являются цѣлымъ рядомъ торжествъ, свидѣтельствующихъ о тѣхъ симпатіяхъ, которыя питаетъ Греческое королевство къ Россіи и ея Державному Вождю.

Прибывъ изъ Тріеста въ Патрасъ 29 октября, черезъ два дня Наслѣдникъ Цесаревичъ отбылъ въ Аѳины, которыхъ и достигъ благополучно въ 5½ ч. пополудни. Вся королевская фамилія и Великій Князь Павелъ Александровичъ съ супругою выѣхали на встрѣчу Его Высочества въ Пирей; министры, посланники и власти ожидали Цесаревича на аѳинскомъ вокзалѣ. Народъ горячо привѣтствовалъ Его Высочество. Состояніе его здоровья отличное. Свирѣпствующія ужасныя бури нѣсколько измѣнили ходъ дальнѣйшаго путешествія. Наслѣдникъ Цесаревичъ ведетъ уединенный образъ жизни; по вечерамъ Его Высочество посѣщаетъ съ Королевскою фамиліею спектакли въ театрѣ. 2 ноября во дворцѣ былъ обѣдъ въ честь Наслѣдника Цесаревича. Къ обѣду приглашены были члены русской миссіи, адмиралъ, командиры судовъ и штабъ-офицеры стоявшей въ Пиреѣ русской эскадры. 3 ноября былъ при дворѣ блестящій балъ. На балу присутствовали всѣ министры, посланники и офицеры русской и французской эскадръ. Наслѣдникъ Цесаревичъ открылъ балъ, участвуя въ первой кадрили съ королевою, которая была въ лентѣ ордена Св. Екатерины; вторую кадриль Его Высочество танцовалъ съ Великою Княгинею Александрою Георгіевною. Цесаревичъ и Великій Князь Павелъ Александровичъ были въ мундирахъ л.-гв. Гусарскаго полка, а Великій Князь Георгій Александровичъ—въ морскомъ мундирѣ. Ихъ Высочества пробыли на балу до 2 часовъ пополуночи. Король, бывшій въ русскомъ морскомъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ, ходилъ по заламъ, бесѣдуя со многими лицами. 4 ноября, Греческая королева, Цесаревичъ, Великій Князь Георгій Александровичъ и Великій Князь Павелъ Александровичъ съ супругою присутствовали со свитою на богослуженіи въ русской церкви. Погода улучшилась и послѣ полудня состоялась прогулка пѣшкомъ по городу. Днемъ Наслѣдникъ Цесаревичъ сдѣлалъ визитъ главѣ греческаго министерства, Дельяннису. Его Высочество сдѣлалъ также визиты иностраннымъ посланникамъ. Вечеромъ состоялся очень оживленный балъ у французскаго посланника при греческомъ дворѣ, графа Монтолона. Всѣ Высочайшія Особы мужскаго пола были во фракахъ. Король и Цесаревичъ были въ лентахъ Почетнаго Легіона, а Великій Князь Павелъ Александровичъ и графъ Монтолонъ—въ лентахъ ордена Спасителя. Наслѣдникъ Цесаревичъ танцовалъ съ г-жами Бахметьевой, Раушъ-фонъ-Траубенбергъ и съ дѣвицею Ону. На другой день Цесаревичъ, Великій Князь Георгій Александровичъ и принцъ Георгій завтракали у Бахметьевыхъ. Бывшій затѣмъ балъ въ русской миссіи былъ еще великолѣпнѣе французскаго. Во время бала залы миссіи были великолѣпно убраны. Г-жа Ону, несмотря на нездоровье, всѣмъ распоряжалась сама при содѣйствіи дѣвицъ Бахметьевыхъ и Раушъ. Полковникъ Раушъ дирижировалъ танцами. Наслѣдникъ Цесарс-

вичъ, въ русскомъ морскомъ мундирѣ и въ лентѣ ордена Спасителя, танцовалъ съ г-жами Бахметьевой, Рангабэ, Раушъ и съ дѣвицею Ону. Великій Князь Павелъ Александровичъ былъ въ мундирѣ л.-гв. Гусарскаго полка, Великій Князь Георгій Александровичъ—въ морскомъ мундирѣ. Адмиралъ Босаргинъ и прочія лица, имѣющія ордена Спасителя, были въ лентахъ этого ордена. Королева танцовала съ нѣсколькими русскими офицерами. Балъ закончился ужиномъ на 300 кувертовъ. На ужинѣ присутствовали всѣ министры, посланники и французскіе офицеры.

Посѣщеніе, при дальнѣйшемъ плаваніи, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Индіи дало поводъ англійскому премьеру, маркизу Солсбери, произнести на банкетѣ въ Гильдголлѣ: „Всѣ признаки указываютъ на поддержаніе мира и въ числѣ счастливыхъ предзнаменованій является посѣщеніе Наслѣдникомъ Россійскаго Престола Индіи въ качествѣ гостя королевы и индійскаго правительства. Такое неожиданное совпаденіе идей „Россія" и „Индія" можетъ принести обоимъ государствамъ только добрыя послѣдствія и обезпечитъ взаимныя мирныя отношенія, которыхъ оба они желаютъ. Я держусь, впрочемъ, мнѣнія, что всѣ вопросы, въ которые замѣшаны общіе интересы обоихъ народовъ, имѣютъ миролюбивый, а вовсе не воинственный характеръ".

Другимъ подтвержденіемъ упроченія всеобщаго мира служитъ рѣчь императора Вильгельма при открытіи прусскаго сейма 31 октября. Миролюбивою является она не только въ виду прямаго заявленія императора о дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ державамъ, но и вслѣдствіе реформъ. Такія реформы должны послѣдовать въ законѣ о налогахъ, объ устройствѣ сельскихъ общинъ и въ народныхъ школахъ.

Во Франціи не перестаютъ проявляться выраженія симпатій и расположенія къ Россіи. Такъ, въ Елисейскомъ дворцѣ состоялся большой обѣдъ въ честь Датскаго наслѣднаго принца. Столъ былъ великолѣпно убранъ, обѣдъ сервированъ на тридцать кувертовъ. Наслѣдная принцесса Датская, въ изящномъ туалетѣ, сидѣла по правую сторону президента республики, по лѣвую сторону котораго сидѣла супруга русскаго посла, баронесса Моренгеймъ. Госпожа Карно была въ бархатномъ платьѣ, опушенномъ соболемъ; по правую ея сторону сидѣлъ наслѣдный принцъ Датскій, а по лѣвую—баронъ Моренгеймъ. Во время обѣда оркестръ исполнялъ датскія, шведскія и русскія пьесы, начавъ съ датскаго народнаго гимна. Послѣ обѣда состоялся музыкальный вечеръ, на который приглашено было избранное общество. Исполнителями были артисты „Opéra Comique" и „Comédie Française".

Смѣсь.

Величайшія морскія глубины найдены въ Южномъ океанѣ, а именно между островомъ Тристанъ д'Акунья и устьемъ Ріо-де-ла-Платы, гдѣ дно опредѣлено на глубинѣ 40,236 англійскихъ футовъ=12,264 метровъ. Глубина эта гораздо больше—почти вдвое—высоты горы Эверстъ. На сѣверѣ Атлантическаго океана найдены до сихъ поръ величайшія глубины къ югу отъ Бермудскихъ острововъ, а именно 34,000 футовъ=10,370 метровъ, и къ югу отъ Ньюфаундленда—27,480 футовъ=8,235 метровъ. Средняя глубина Тихаго океана 2,000 сажень, а всѣхъ океановъ вмѣстѣ взятыхъ 2,000—2,500 сажень. Другими словами, глубины эти достигаютъ нѣсколькихъ верстъ. (с.)

Купальныя маски составляютъ послѣднее слово сумасбродной моды и въ настоящее время приняты уже почти на всѣхъ морскихъ купаньяхъ Америки. Изнѣженныя барыни находятъ, что солнце и вѣтеръ портятъ ихъ цвѣтъ лица и потому надѣваютъ для купанья маски изъ мягкой бѣлой или черной кожи. Впрочемъ, остряки предполагаютъ здѣсь и другую причину: они утверждаютъ, что нѣкоторыя изъ дамъ не желаютъ быть узнаны въ купальномъ костюмѣ, вслѣдствіе своей рѣдкой красоты, которая стѣсняетъ ихъ, а другія—вслѣдствіе своего безобразія, которое стѣсняетъ другихъ. Такъ говорятъ, впрочемъ, одни злые языки. (с.)

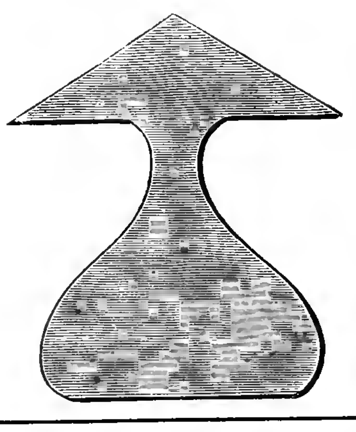
Естественный приростъ населенія среди живущихъ во Франціи итальянцевъ превышаетъ въ восемь разъ, а среди бельгійцевъ, въ десять разъ приростъ кореннаго французскаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ итальянское населеніе увеличивается во Франціи вдвое болѣе швейцарскаго и испанскаго. (с.)

Перелетъ сѣмянъ. Европейскій хмѣль и чеснокъ удивительнымъ образомъ распространяются въ Южной Америкѣ. Въ настоящее время ими покрыты уже цѣлыя поля. Утверждаютъ, что растенія эти не разводятся тамъ намѣренно человѣкомъ, но что сѣмена переносятся черезъ океанъ благопріятными вѣтрами. (с.)

Ребусъ. Задача № 66.

Геометрическая задача № 67.

Данную фигуру разрѣзать двумя прямыми линіями на части, изъ которыхъ составить параллелограмъ.



Картины, печатанныя масляными красками, съ оригиналовъ профессора Императорской Академіи Художествъ И. И. ШИШКИНА

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“,

2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.

Картинъ этихъ осталось очень ограниченное количество. Цѣна за обѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору „НИВЫ“, Невскій, № 6.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ

(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ)
ПОСЛѢ ПРІОСТАНОВКИ
ВНОВЬ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ
съ 1-го января 1891 года
по прежней программѣ и подъ прежней редакціей.

Въ Москвѣ на 1891 г.			На города на 1891 г.		
На 12 мѣс.	9 р.	— к.	На 12 мѣс.	10 р.	— к.
„ 11 „	8 „	50 „	„ 11 „	9 „	30 „
„ 10 „	8 „	— „	„ 10 „	8 „	50 „
„ 9 „	7 „	40 „	„ 9 „	8 „	— „
„ 8 „	6 „	70 „	„ 8 „	7 „	20 „
„ 7 „	5 „	90 „	„ 7 „	6 „	50 „
„ 6 „	5 „	— „	„ 6 „	6 „	— „
„ 5 „	4 „	60 „	„ 5 „	5 „	— „
„ 4 „	3 „	70 „	„ 4 „	4 „	— „
„ 3 „	2 „	75 „	„ 3 „	3 „	— „
„ 2 „	2 „	— „	„ 2 „	2 „	— „
„ 1 „	1 „	10 „	„ 1 „	1 „	25 „

За границу плата двойная.

Подписка съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

За перемѣну адреса 30 к., а городскаго на иногородный доплачивается разница въ цѣнѣ.

Подписка принимается при конторѣ изданія и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. новымъ годовымъ подписчикамъ, не читавшимъ помѣщеннаго въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ“ романа: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЕБА“ будетъ оный выданъ ВЪ ВИДѢ ПРЕМІИ.

Романъ этотъ разошелся въ Англіи въ 300,000 экземплярахъ и имѣлъ среди подписчиковъ и читателей „РУССКАГО КУРЬЕРА“ большой успѣхъ; онъ изданъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА ИЗДАНІЯ: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина.

Редакція открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 1 до 3 часовъ дня.

Контора изданія открыта въ будни—отъ 9 до 5 ч. веч., въ праздники — отъ 10 до 3 час. пополудни. № 4780 5—2

ТЕЛЕФОНЪ № 764.

Редакторъ-издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

НОВОСТЬ!

Настоящія англійскія **иголки „КАЛИКСЪ“**, фабр. **Мильворда и сын. въ Англіи.**

Нитка вдѣвается моментально и даже въ темнотѣ; незамѣнимое пріобрѣтеніе для дамъ.

Пакетъ 15 коп. № 4811

Обыкновенныя англійскія иголки превосходнаго качества. **Пакетъ 10 коп.**

Главный складъ для Россіи: Гостиный Дворъ, Перинная линія, № 23, А. Н. Лежоевой.

Гг. торговцамъ дѣлается уступка.

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

у книгопродавца А. М. ЗЕМСКАГО,

въ Москвѣ, въ домѣ Синодальной типографіи, въ зданіи Славянскаго Базара, на Никольской улицѣ,

только-что вышла и поступила въ продажу замѣчательно важная новая книга въ обличеніе атеизма и въ опроверженіе доктринъ невѣрія. Окончательное доказательство о вѣчномъ безсмертіи человѣка, и со включеніемъ

ВѢКОВЫХЪ ТАЙНЪ

О ТОМЪ,

БУДЕМЪ-ЛИ МЫ ЖИТЬ ВЪ ЗАГРОБНОМЪ МІРѢ

ПОСЛѢ НАШЕЙ КОНЧИНЫ?

Эти окончательные вопросы о дѣйствительной и вѣчно-безсмертной жизни

ЧЕЛОВѢКА за ГРОБОМЪ,

разрѣшенные по неопровержимымъ выводамъ на основаніи Св. Писанія и ученія Св. Отецъ, съ указаніемъ на мнѣнія и древнихъ мудрецовъ. Объясненіе о состояніи души, что она испытываетъ, слышитъ и видитъ вокругъ себя въ тотъ страшный моментъ, когда она исходитъ изъ тѣла и куда и въ какія мѣста переселяется.

„Въ домѣ Отца Моего обителей много.“ (Іоан. гл. 14,2).
„Человѣкамъ положено однажды умереть, а потомъ судъ.“ (Евр. гл. 3 ст. 27).

Книга составлена по историческимъ Богословскимъ сочиненіямъ и по научнымъ трактатамъ древнихъ и новыхъ философовъ.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ. Изданная трудами **Алекс. Земскаго.** Москва, 1889. Цѣна съ пересылкой **2** руб., въ роскошномъ переплетѣ **3** руб. № 4816

Константинополь. **Турція.**

ПЕРВАЯ РУССКАЯ КОММИСІОННАЯ КОНТОРА НИКОЛАЯ Д. СМИРНОВА.

Галата, домъ церкви Святаго Николая, противъ Ильинскаго Подворья.

Предлагаю гг. фабрикантамъ, торговцамъ и промышленникамъ продавать ихъ произведенія въ Константинополь, а равно пріобрѣтать мѣстныя.

Принимаю товары на коммисію, продаю таковые за счетъ довѣрителей со взиманіемъ условныхъ процентовъ, а потому прошу лицъ, желающихъ продавать здѣсь какіе-либо товары и продукты, обращаться ко мнѣ съ приложеніемъ образцовъ и прейскурантовъ.

Принимаю на себя очистку товаровъ отъ таможенныхъ пошлинъ, ходатайствую по судебнымъ и коммерческимъ дѣламъ во всѣхъ консульствахъ и турецкихъ учрежденіяхъ; рекомендую банки, торговые дома, учрежденія, гостинницы и частныя квартиры.

Высылаю письменные совѣты и справки по судебнымъ дѣламъ, по отрасли торговли и промышленности, частныя свѣдѣнія, о путешествіяхъ, мѣстныхъ законахъ и обычаяхъ, за присланные три рубля.

Всѣхъ пріѣзжающихъ въ Константинополь, на пароходахъ встрѣчаютъ мои агенты, для всевозможныхъ услугъ, по полученіи письма или телеграммы; даю проводниковъ по городу и окрестностямъ, говорящихъ и на русскомъ языкѣ, содѣйствую путешественникамъ въ пріобрѣтеніи билетовъ на всѣ пароходы и желѣзныя дороги, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей.

Покорно прошу вѣрить въ точное и аккуратное исполненіе всѣхъ порученій.

Николай Д. Смирновъ.

Адресъ: для писемъ и телеграммъ: Constantinople-Galata, Nicolas Smirnow; для денежной же корреспонденціи: чрезъ Одессу, въ Константинополь, Русское Агентство, Николаю Дмитріевичу Смирнову. — Неоплаченныя письма не принимаю; на всѣ отвѣты прошу прилагать 20 копѣекъ почтовыми марками. № 4814

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины *II. Петрова* и *В. Клюшникова.* Ц. 1 р.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 руб. пересылка за 3 ф.

Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.

„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля, моря и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названія **„универсальнаго бинокля“.**

Театральн. бинокли въ разн. оправ. отъ 5 до 65 р.

Миніатюри. Лилипутъ въ 5 и 8 р. 50 к.

Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р. и дороже. № 4812

СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.

Е. КРАУСЪ и К°.

въ Парижѣ, Aven. d. l. Républ., 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петерб., Мойка, № 42 (у Полицейскаго м.)

Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. безплатно.

В № 4731 24—4

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмери. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.

EAU DE BOTOT

(ВОДА БОТО) Pt. № 4314 14—11

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS.

Прежній адресъ: **229, Rue Saint-Honoré.**

Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также **Туалетный Уксусъ Бото** высш. качества въ отношеніи тонкости запаха.

Представитель для всей Россіи: **Н. Л. Натанъ,** Ипатьевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (45) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“): 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

Основный и запасные капиталы 12.000,000 руб.

Общество заключаетъ на выгодныхъ условіяхъ и по умѣреннымъ преміямъ страхованія:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 4782 4—2

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1890 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано **22,300 лицъ** на **капиталъ въ 62.000,085 руб.**

Дивидендъ страхователей въ 1890 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и **всякаго рода свѣдѣнія** сообщаются въ Правленіи въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и въ Агентствахъ Общества **во всѣхъ городахъ Имперіи.**

НЕОБХОДИМО

для всякаго имѣющаго занятіе на открытомъ воздухѣ, какъ-то: для гг. военн., инженер., охотник., золотопромышлен. и служащ. на жел. дор.

ВЯЗАНАЯ КУРТКА

изъ англійской крученой шерсти. Цѣна 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелков. рукавами 16 и 18 р., съ пересылкою повсемѣстно 1 р. дороже.

Цвѣта коричневые, кубовые, черные, сѣрые и бордо. При пересылкѣ необходима мѣра вокругъ туловища. Mt. № 4823

Магазинъ **Ю. ГОТЛИБЪ, СПБ.** по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр.

Дозвол. ценз., СПБ., 13 ноября 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. — г. XXI

№ 47 — 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 24 ноября 1890 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Н. Е. Сверчковъ.

Знаменитый творецъ русской тройки, праздновавшій на-дняхъ пятидесятилѣтіе своей художественной дѣятельности, Н. Е. Сверчковъ родился въ Петербургѣ 6 марта 1817 года, воспитывался въ Петропавловскомъ училищѣ, и всѣмъ своимъ художественнымъ развитіемъ обязанъ исключительно самому себѣ и природнымъ дарованіямъ. Отецъ его служилъ по вѣдомству придворныхъ конюшенъ, и здѣсь-то молодой Сверчковъ, съ дѣтства любившій рисовать самоучкою, нашелъ живые образцы излюбленнаго имъ рода живописи — рисованія лошадей во всевозможной обстановкѣ. Служба въ министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, куда онъ поступилъ по желанію отца, лишь на время отвлекала его отъ любимыхъ занятій (съ 16-ти до 25-ти лѣтъ), а съ 1843 года онъ окончательно посвятилъ себя искусству. Въ 1844 году онъ уже явился въ числѣ экспонентовъ на выставкѣ Академіи Художествъ и получилъ за свою картину званіе классного художника. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ картинъ изъ русскаго народнаго быта, въ 1852 году Академія присудила ему званіе академика за картину „Помѣщичья тройка, пересѣкающая на всемъ скаку цѣпь обоза, тянущагося по большой дорогѣ“, а черезъ три года — званіе профессора за картину: „Грузный экипажъ съ пассажирами тянется въ лѣтній знойный день по тяжелой песчаной дорогѣ, измученными шестью почтовыми лошадьми“. Съ этого времени Сверчковъ пріобрѣлъ громкую извѣстность, и лѣтъ двадцать пять писалъ портреты извѣстныхъ лошадей по заказу коннозаводчиковъ. Большинство этихъ портретовъ было литографировано. Писаные портреты знаменитыхъ производителей въ Хрѣновскомъ Государственномъ заводѣ были изображеніями типовъ и формъ остававшихся еще Орловскихъ лошадей, которыхъ нынѣшніе заводчики знаютъ лишь по описаніямъ. Портреты же Сверчкова показываютъ лошадь, какова она есть на самомъ дѣлѣ—и это величайшая заслуга художника нашему коннозаводству.

Сверчковъ былъ пер-

Профессоръ Н. Е. Сверчковъ (по поводу 50-лѣтія его художественной дѣятельности).
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

вымъ изъ оригинальныхъ русскихъ художниковъ, посылавшимъ свои картины изъ русскаго быта на выставку въ Парижскій Салонъ съ 1856 года; за одну изъ этихъ картинъ „Возвращеніе съ медвѣжьей охоты“ онъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона. Кромѣ того, онъ имѣетъ ордена Св. Михаила (Баварскій), Филиппа Великодушнаго (Гессенъ-Дармштадтскій) и Саксенъ-Веймарскую золотую медаль за заслуги. Въ Россіи онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника. Кромѣ живописи Н. Е. Сверчковъ занимается и скульптурой; онъ вылѣпилъ нѣсколько превосходныхъ конскихъ фигуръ.

Изъ большихъ картинъ его особенно замѣчательны: 2 портрета въ Бозѣ почившаго императора Александра II (на конѣ) и портретъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора (также на конѣ), картины историческія, батальныя, охотничьи сцены и др. Всего Сверчковъ написалъ до 250 картинъ и до 1,000 рисунковъ и акварелей.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XXV.

Балъ по обычаю открылся полонёзомъ.

Во дворцѣ уже раздавались его размашисто плавные звуки. Когда Франуся вошла въ большой продольный залъ на двухъ рядахъ бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ, къ ней тотчасъ-же явился кавалеръ...

Съ этой минуты она почти не садилась... Ее охватилъ тотъ-же радостный трепетъ наслажденія, которымъ вѣяло отъ многихъ ей подобныхъ красавицъ...

Танцы быстро смѣнялись одинъ другимъ, но чаще всего повторялась мазурка. Новые французскіе танцы знали хорошо не всѣ, за исключеніемъ менуэта и „драбанта“ походившаго на кадриль—а мазурку... всѣ. Кто-же не любилъ и не танцовалъ ее? И старъ и малъ. И часто случалось старикамъ, помолодѣвъ въ мазуркѣ, заткнуть за поясъ юношей.

Франуся танцовала мазурку легко, граціозно и съ огнемъ. Но здѣсь, вдругъ, стало ей стыдно танцовать ее... Она вдругъ на этомъ балѣ узнала, что она безобразно скачетъ или бѣгаетъ...

— А! Вотъ это мазурка!.. почти вслухъ воскликнула Франуся чуть не со слезами страсти и зависти.

Мимо нея пронеслась пара, въ которой шли Іосифъ Понятовскій, юный красавецъ, лучшій мазуристъ всего королевства, а съ нимъ первая мазуристка, знаменитая красавица Юлія Потоцкая. Франуся уже слышала объ нихъ двухъ, слышала, что когда они идутъ вмѣстѣ, то старики покидаютъ карточные столы или буфеты съ венгерскимъ и бѣгутъ глядѣть.

Извѣстна была въ Польшѣ острота князя Радзивила:

— Кто хочетъ, пане-коханку, помолодѣть сразу на двадцать лѣтъ—иди глядѣть когда Юлія Потоцкая колдуетъ въ мазуркѣ.

Варшава всегда говорила про красивыхъ женщинъ:

— Красива—какъ Юлія!

Дѣйствительно, замѣчательная красавица, Потоцкая танцовала свой родной танецъ по своему, особенно... Много было у нея подражательницъ, но ни у одной не было той нѣги и граціи, того огня какими вѣяло отъ лица и отъ всѣхъ движеній Потоцкой. Она носилась какъ фея, какъ сильфида, какъ чудное волшебное видѣніе. Красавица рѣдкая въ свѣтѣ—въ мазуркѣ становилась она божествомъ, дивнымъ, восторженно-страстнымъ и въ то же время граціозно-стыдливымъ, допускающимъ лишь безнадежное рабское обожаніе.

Разумѣется не мало прелести прибавляло и то, что идеально-красивая женщина, сводившая всю молодежь съ ума, оставалась, среди распущенности нравовъ времени, строго вѣрна пожилому мужу, вѣчно занятому археологіей, скиѳскими и сарматскими слѣдами...

Франуся, увидя Потоцкую, перестала танцовать сама и долго впивалась глазами въ красавицу-мазуристку. Она, какъ и многія женщины, мечтала теперь усвоить себѣ хотя-бы сотую долю того, что восхитило ее и околдовывало всѣхъ кругомъ...

Балъ длился до вечера... Онъ утихалъ, смирялся, когда раздавались звуки менуэта, и снова превращался въ ураганъ съ грозой и молніей, когда гремѣлъ кадансъ мазурки, а ему въ тактъ били полсотни каблуковъ со звономъ шпоръ, раздавались хлопанье въ ладоши и ухарскіе клики кавалеровъ, получавшихъ обратно своихъ дамъ, на мгновенье унесенныхъ вихремъ танца.

Франуся танцовала до упаду, но ей казалось, что она не танцуетъ какъ бывало прежде, а носится въ какомъ-то заоблачномъ мірѣ, въ поднебесьи, или плаваетъ и тонетъ въ благоухающихъ и опьяняющихъ волнахъ волшебнаго свѣта, счастія и любовныхъ грёзъ.

Изрѣдка она приходила въ себя на мгновеніе, будто просыпалась отъ чуднаго сна со сказочными, дотолѣ ей невѣдомыми ощущеніями.

Ее будила появлявшаяся предъ ней безобразная фигура пришлеца изъ инаго, простаго, будничнаго міра. Это былъ ея женихъ—пятидесятилѣтній, толстый и краснолицый панъ Ксаверій.

И около полуночи, среди послѣдняго менуэта, который Франуся танцовала съ извѣстнымъ красавцемъ и первымъ менуэтистомъ всей Польши, графомъ Бѣлинскимъ, онъ нагнулся и шепнулъ ей на ухо:

— Такая красавица какъ пани Дзялынская могла-бы выйти замужъ иначе...

— О, да! да!.. воскликнула Франуся со слезами на глазахъ...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Красивая невѣста пана Сандецкаго была замѣчена на балу княгини Сапѣги, и объ ней стало еще болѣе толковъ въ Варшавѣ. Всѣ удивлялись, что дочь простаго бѣднаго шляхтича, явившаяся изъ глуши деревни, можетъ быть такъ умна, можетъ держать себя въ обществѣ такъ непринужденно и граціозно...

Франуся знала, что имѣла успѣхъ. Болѣе чѣмъ когда либо мечтала она о томъ, чтобы, выйдя замужъ за Сандецкаго, поселиться въ столицѣ и блистать въ обществѣ.

„Но было-бы еще лучше, думалось ей, еслибы мужъ былъ хоть и бѣднѣе пана Ксаверія, да имѣлъ-бы титулъ и былъ-бы моложе...“

Чрезъ два дня съ Франусей произошелъ случай—перемѣнившій все и имѣвшій роковое вліяніе на всю ея жизнь.

Однажды, когда она вновь выѣхала изъ дому, въ самыхъ воротахъ къ ея экипажу подошла та-же безобразная нищая, которую она видѣла на Новомъ Свѣтѣ. Она бросила ей письмо въ экипажъ и пустилась почти бѣгомъ въ сторону. Франуся была изумлена, но тѣмъ не менѣе развернула листокъ сложенной бумаги и прочла:

„Я твоя сестра Эльжбета, несчастная, нищая и голодная. Если ты хочешь допустить меня къ себѣ, то пришли за мной. Я буду счастлива твоимъ счастьемъ. Если погнушаешься, то пришли мнѣ денегъ на пропитаніе“.

Франуся была такъ поражена, что немедленно велѣла вернуться. Она стала думать о томъ, какъ поступить: признаться-ли во всемъ и разсказать все Сандецкому, или тайно повидаться съ сестрой. И цѣлыя сутки промучилась Франуся, не зная что дѣлать...

А вдругъ Сандецкій, узнавъ, что въ Варшавѣ у его

невѣсты есть сестра, нищая, безобразная женщина, будетъ смущенъ этимъ? Конечно, лучше было-бы ничего ему не говорить, сохранить это тайной самою сокровенною; но въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ повидаться съ сестрой? Какъ отлучиться изъ дому, чтобы никто этого не зналъ? Вѣдь нельзя-же ѣхать въ своей блестящей солитеркѣ въ грязный кварталъ, въ какіе нибудь притоны, и тамъ разыскивать сестру по прилагаемому ею адресу!

Послать за ней тоже нельзя... Не будь она изуродована такъ страшно, она могла-бы появиться въ видѣ какой-нибудь портнихи, или какой-нибудь посланной изъ магазина; но ея лицо, конечно, обратитъ на нее вниманіе всѣхъ обитателей дома.

Кончилось тѣмъ однако, что Франуся додумалась. Вечеромъ она обратилась съ просьбой къ жениху. Сандецкій не мало удивился этой просьбѣ, но согласился.

Франуся попросила жениха позволить ей рано утромъ съ одною горничной, пѣшкомъ, въ самыхъ простыхъ платьяхъ отправиться въ монастырь кармелитокъ и вернуться домой уже къ полудню.

На утро до восхода солнца Франуся вмѣстѣ со своей Юзей—разбитною горничной, страстно полюбившею свою госпожу,—шла уже пѣшкомъ по направленію къ Новому Свѣту. Никогда Франуся не видѣла того, что̀ увидѣла въ томъ домѣ, который былъ назначенъ въ адресѣ.

Домъ оказался большой и былъ полонъ жильцами. Грязь и зловоніе не позволяли дышать. Кучи полуголыхъ дѣтей прыгали по двору, или спали на солнцѣ. Это были хлопы съ ихъ семьями.

Франуся разыскала безъ труда этажъ и уголъ, въ которомъ помѣщалась сестра. Разспросить объ ней было не трудно благодаря ея обезображенной внѣшности.

Когда Эльжбета узнала о появленіи двухъ женщинъ, ее спрашивающихъ, она не догадалась, что это ея сестра; но выйдя и увидя Франусю, стала цѣловать ее въ грудь, плечи и руки. Въ лицо она не поцѣловала. Она уже отвыкла дѣлать это съ тѣхъ поръ, какъ замѣтила что это противно людямъ.

Несчастная женщина тотчасъ-же выпросила у какой-то другой, такой-же нищей, какъ и она, отдѣльную каморку, гдѣ-бы можно было наединѣ посидѣть часъ или два съ гостьей. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько минутъ, двѣ сестры остались вдвоемъ глазъ-на-глазъ, а горничная вышла на улицу дожидаться своей госпожи.

— Какая ты добрая!.. Ты все такая-же, какъ была... Я даже не надѣялась, что ты позовешь меня къ себѣ, а ты сама пришла, заговорила Эльжбета.—Богъ вознаградитъ тебя за это, сестра! Ты видишь, что̀ бываетъ на свѣтѣ... какія бѣды. Скажи мнѣ: гдѣ теперь та Эльжбета, которую ты знала? Посмотри на меня!.. Я имѣла многое... Больше чѣмъ кто либо. Я была здѣсь въ Варшавѣ не далѣе, какъ года два тому назадъ, по положенію своему чуть не выше всѣхъ красавицъ, всѣхъ знаменитыхъ дамъ. Во мнѣ всѣ заискивали... Была минута—и у меня закружилась голова... Я мечтала уже о невозможномъ... Я была на высотѣ неизмѣримой. Если я разскажу тебѣ, то ты, конечно, не повѣришь мнѣ... А теперь посмотри, гдѣ я? У меня уголъ, у меня нѣтъ платья, а главное—нѣтъ хлѣба... Я не могу даже поступить куда либо горничной. Изъ-за моего лица меня никто не беретъ.

Франуся, разглядѣвъ теперь ближе сестру, была еще болѣе поражена. Дѣйствительно, не мудрено, что она не узнала ее! Прежнюю красавицу Эльжбету нельзя было найти въ этой женщинѣ. Когда-то обѣ сестры были поразительно похожи одна на другую, а теперь между ними было столько-же общаго, сколько между человѣкомъ и обезьяной.

Разумѣется, Франуся обѣщала сестрѣ помощь, дала слово, что ея нищета прекратится. Она обѣщала, что Эльжбета получитъ въ Сталупеняхъ горницу и все что̀ нужно. Если-же Сандецкій не согласится на это по какимъ-либо причинамъ, то она устроитъ сестру иначе, въ какомъ либо изъ монастырей.

Франуся попросила сестру откровенно, искренно разсказать ей все, что̀ случилось съ ней съ тѣхъ поръ какъ она бѣжала изъ родительскаго дома.

Исторія приключеній Эльжбеты не мало изумила Франусю.

Все что̀ сдѣлала Эльжбета и все что̀ случилось съ ней—все это могло случиться и съ Франусей, такъ какъ она поступила-бы не иначе. Разумѣется, болѣзнь, обезобразившая сестру, могла-бы не приключиться.

Но прежде чѣмъ разсказывать о себѣ, Эльжбета задала сестрѣ нѣсколько вопросовъ.

— Ты выходишь замужъ... скоро?..

— Да. Чрезъ двѣ недѣли свадьба.

— За старика?

— Пану Ксаверію пятьдесятъ лѣтъ.

— Тебѣ это не противно?.. не страшно?

— Онъ очень богатъ, Эльжбета... А мое положеніе то же, что твое. Я тоже нищая...

— Но красавица... Скажи мнѣ только одно. Искренно. Ты его не любишь?

— Конечно, не влюблена...

— Ну... мы увидимъ... Да! увидимъ. Слушай что̀ со мною было...

II.

Эльжбета пространно, откровенно повѣдала сестрѣ свою судьбу съ тѣхъ поръ, что она бѣжала изъ дома отца.

Ея соблазнитель, офицеръ гвардіи Прусскаго короля, привезъ ее въ Берлинъ, но вскорѣ покинулъ. Она прожила тихо мѣсяца два, не зная что̀ дѣлать, и уже собиралась вернуться въ родительскій домъ. Положеніе ея было крайне затруднительно, средствъ къ существованію не было никакихъ.

Но за это время Эльжбета неожиданно познакомилась съ молодымъ полякомъ, графомъ Бѣлинскимъ, и онъ увезъ ее съ собой въ Варшаву.

Здѣсь черезъ полгода она встрѣтилась въ одномъ домѣ съ человѣкомъ который сразу влюбился въ нее. Этотъ человѣкъ былъ не кто иной, какъ самъ король Станиславъ-Августъ.

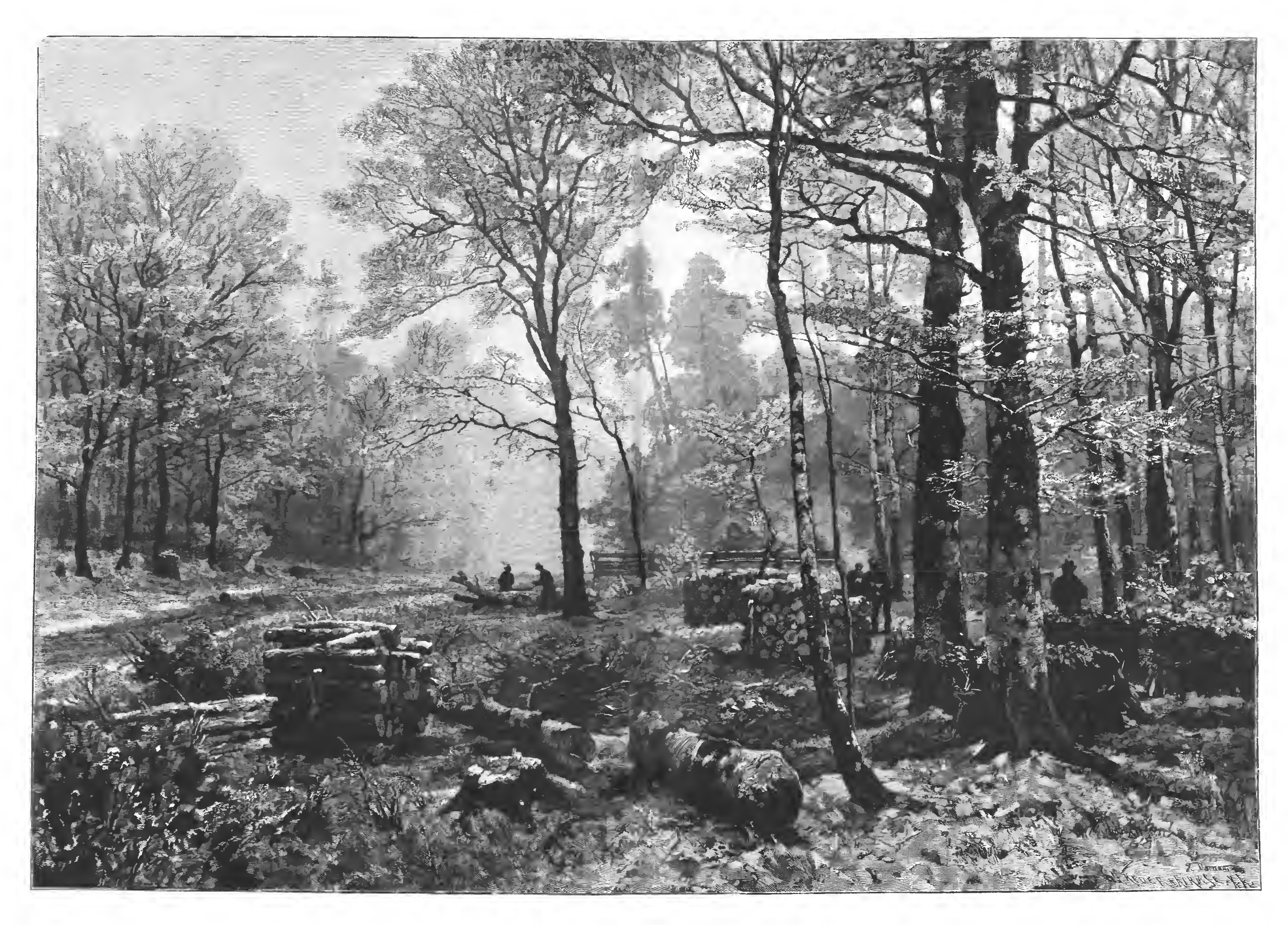
Тогда совершился переворотъ въ ея судьбѣ. Она держала себя съ нимъ гордо и недоступно, и это окончательно приковало къ ней короля вѣтреника, не привыкшаго къ подобному обращенію. Она достигла того, о чемъ онѣ, обѣ сестры, такъ часто мечтали. Положеніе ея вскорѣ сдѣлалось таковымъ, что самые важные магнаты ухаживали за ней, когда имъ нужно было получить что-либо. Увлеченный король, добиваясь ея благосклонности, не отказывалъ ей ни въ чемъ.

Эльжбета даже раздавала помѣстья изъ конфискованныхъ у разныхъ изгнанныхъ лицъ. Она же вліяла на пожалованіе польскихъ орденовъ Станислава и Бѣлаго Орла. Она дѣлала изъ Станислава-Августа что̀ хотѣла, сама не поступаясь ничѣмъ. Едва ли бы это долго могло продолжаться такъ, но судьба безжалостно отнеслась къ ней.

Эльжбета заболѣла самою страшною болѣзнью, какая сплошь и рядомъ появлялась во всѣхъ государствахъ Европы, и самою страшною для женщины молодой и красивой.

Самая сильная оспа въ теченіе шести недѣль изуродовала ее и изъ красивой женщины сдѣлала страшилищемъ. Король послѣ ея болѣзни даже не пожелалъ увидать ее, написалъ ей, что ему было бы тяжело и горько видѣть ее изуродованною.

Впрочемъ, Эльжбета и сама не хотѣла показаться со своимъ страшнымъ лицомъ на глаза человѣка, котораго начинала любить. Король обѣщалъ ей пожизненную пенсію, но она тогда же узнала, что эти пенсіи, раз-



Первый иней. Карт. Г. Дарно, грав. Гейеръ и Кирязе.

дававшіяся огромному количеству женщинъ, или не доходили по своему назначенію, или же были простыми обѣщаніями короля, которыя потомъ не сдерживались.

Она получала немного денегъ въ теченіе полугода, но затѣмъ перестала получать и какъ-то вдругъ, сразу очутилась въ полной нищетѣ. Она бросилась искать себѣ какое-нибудь мѣсто, но всюду внушала такое отвращеніе къ себѣ, что не могла нигдѣ пріютиться. Даже въ одинъ монастырь, въ который она просилась, ее не приняли.

На эту откровенную исповѣдь сестры, Франуся, отвѣчала тоже правдивымъ разсказомъ о своей судьбѣ.

Къ удивленію Франуси, Эльжбета высказалась еще рѣзче о томъ, что сестра — невѣста Сандецкаго.

— Ты могла бы мечтать о чемъ-либо гораздо большемъ, сказала она.

— О чемъ же? спросила Франуся.

— Ты красавица... такая же, какою я была. Вѣдь мы были похожи другъ на друга, какъ только могутъ быть похожи близнецы; но ты умнѣе меня... Я это и прежде сознавала. Мнѣ кажется, что нѣтъ человѣка, который бы не сошелъ съ ума отъ тебя, если ты только захочешь. Слѣдовательно, здѣсь, въ Варшавѣ, предъ тобой широкій выборъ. Бери любаго, кто только тебѣ понравится изъ самыхъ богатыхъ магнатовъ королевства. Зачѣмъ же тебѣ выходить замужъ за пятидесятилѣтняго старика, который запретъ тебя въ своемъ замкѣ? Теперь тебѣ кажется эта участь дивною, но не пройдетъ полугода, какъ ты раскаешься. Ты могла бы выйти замужъ здѣсь за молодаго и богатаго аристократа и блистать въ Варшавѣ не хуже первыхъ красавицъ, въ родѣ Юліи Потоцкой.

Эльжбета долго доказывала сестрѣ, что ея бракъ съ Сандецкимъ не есть истинное счастье.

Франуся ничего не отвѣчала, защищалась слабо. Да и что̀ могла она сказать? Она сама знала, что ея бракъ со старымъ вдовцомъ, который собственно ей не нравился, который былъ только не противенъ ей, конечно, не то, чего она могла бы пожелать въ жизни, могла бы, конечно, и достигнуть.

— Можетъ-быть ты и права, отвѣтила наконецъ Франуся. — Но подумай: говорить легко, но какъ же сдѣлать? Я въ домѣ пана Сандецкаго, представлена обществу въ качествѣ его невѣсты, мнѣ дѣлаютъ приданое, черезъ двѣ недѣли будетъ свадьба, а мы толкуемъ о томъ чтобы не выходить за него замужъ. Отказать ему я могу, но что̀ же будетъ тогда? Я выйду пѣшкомъ изъ его дома, безъ гроша денегъ. И куда же я пойду? Къ тебѣ... сюда?..

Эльжбета ничего не отвѣтила, но улыбнулась странною улыбкой, которая была отвратительною гримасой на ея изуродованномъ лицѣ.

— Вотъ что̀, Франуся, сказала она. — Прежде всего сегодня же пришли мнѣ денегъ насколько можешь больше, для того, чтобы я могла поскорѣй нанять себѣ приличную квартиру и прилично одѣться. Нужно это не для меня, а для тебя, пойми это!.. Есть-ли у тебя такія деньги?

Франуся объяснила, что въ настоящую минуту у ней денегъ совершенно нѣтъ, такъ какъ она истратила всѣ полученныя отъ жениха. Но, по счастью, на другой же день утромъ она должна снова получить отъ него около двухъ тысячъ злотъ на разныя покупки.

— Вотъ половину этихъ денегъ ты и передашь мнѣ. Повторяю тебѣ, не для меня.

Сестры разстались. Франуся обѣщала на другое же утро прислать сестрѣ денегъ съ горничной Юзей. Она вернулась домой и долго просидѣла одна.

Ей казалось, что онѣ разстались съ сестрой какъ-то странно. Эльжбета положительно будто замышляетъ что-то, и не только замышляетъ какой-то планъ, но будто уже знаетъ какъ дѣйствовать и что̀ дѣлать. У нея уже ясная цѣль, которая неизвѣстна Франусѣ.

„И вдругъ сестра устроитъ все, о чемъ говорила“, думалось ей. — „Найдетъ мнѣ блестящую партію...“

Не прошло трехъ дней, какъ Франуся получила записку отъ сестры, которая увѣдомляла ее, что она уже наняла приличную квартиру, успѣла одѣться, преобразиться изъ нищей въ панну и зоветъ сестру къ себѣ.

Въ тотъ же вечеръ Франуся объяснилась съ Сандецкимъ и объявила ему, что встрѣтила въ магазинѣ родственницу своей матери, женщину пожилую и вдобавокъ изуродованную оспой, которая никуда не выѣзжаетъ. Эта женщина умоляла навѣстить ее.

Сандецкій, конечно, не нашелъ ничего противъ этого.

III.

Въ условленный день и часъ Франуся, въ скромномъ экипажѣ, въ сопровожденіи одного паюка, выѣхала и нашла сестру по адресу, въ очень порядочной, небогато, скромно, но чисто отдѣланной квартирѣ.

Эльжбета встрѣтила сестру радостная, почти счастливая. Франуся приписала это тому, что сестра уже болѣе не находится въ своемъ прежнемъ ужасномъ положеніи; но затѣмъ вскорѣ она замѣтила, что не квартира и деньги дѣлаютъ Эльжбету счастливою...

Эльжбета объявила, что у нея въ гостяхъ будетъ ея одна знакомая дама, очень извѣстная въ Варшавѣ, очень важная, хотя и не принадлежащая къ дворянству.

— Ее всѣ знаютъ, она пользуется огромнымъ вліяніемъ даже у пани Краковской и у самого короля. Тебѣ надо непремѣнно съ ней познакомиться и постараться понравиться ей.

— Зачѣмъ? Я и безъ того должна черезъ пять дней обѣдать у самой пани Краковской, не безъ важности произнесла Франуся.

Ей вдругъ стало досадно, что сестра, которую она на-дняхъ высвободила изъ притона, изъ лохмотьевъ, уже берется какъ бы оказывать ей покровительство.

Эльжбета поняла тайную мысль сестры.

— Я знаю, что невѣстѣ пана Сандецкаго не нужно покровительство моей хорошей знакомой, но вспомни, Франуся, что̀ съ тобой было недавно, что̀ со мной случилось по твоей милости на этихъ дняхъ. Вспомни, что на свѣтѣ бываютъ чудеса... Нельзя отвѣчать за то, что̀ можетъ завтра случиться и хорошаго, и дурнаго... то, о чемъ и во снѣ не снится. Думала-ли я въ мои годы, во цвѣтѣ лѣтъ и красоты, сдѣлаться отвратительнымъ уродомъ? Думала-ли ты, сидя въ горницѣ деревенскаго ксендза, вдругъ стать невѣстой богатаго пана, магната? Вотъ и теперь... Почему ты знаешь, что̀ можетъ произойти вслѣдствіе твоего знакомства съ моей, могу сказать, пріятельницей? Объ одномъ только я буду серьезно просить тебя... Ты должна дать мнѣ слово, что не скажешь жениху своему и не скажешь никому фамилію дамы, съ которой сегодня познакомишься.

— Это очень легко, но я не понимаю причины, Эльжбета...

— Это необходимо на нѣсколько дней... Ну на недѣлю. А послѣ все равно.

Едва только Франуся успѣла обѣщать сестрѣ не говорить никому ничего, какъ въ квартирѣ появилась ожидаемая гостья. Эльжбета быстро поднялась, пошла къ ней навстрѣчу, съ поклономъ особо-вѣжливымъ приняла ее и затѣмъ представила ей сестру, Франциску.

Вошедшая была низенькаго роста, брюнетка, лѣтъ сорока̀, а можетъ быть и болѣе, очень смуглая, съ очень характернымъ лицомъ. Женщина была, очевидно, какого-нибудь южнаго происхожденія, но не итальянка и не испанка, скорѣе гречанка, а быть можетъ, какъ показалось Франусѣ, простая еврейка. Послѣднее казалось ей всего вѣроятнѣе.

Франуся поклонилась гостьѣ и вспомнила, что сестра

не сказала ей фамиліи этой дамы. Впрочемъ, ей прозвище ничего бы не сказало, какъ и всякой вновь пріѣзжей въ столицу.

Онѣ усѣлись въ гостиной и заняли сь шоколадомъ и сластями, которыя подала горничная.

Гостья долго разглядывала Францусю довольно безцеремонно, немножко свысока, и наконецъ, обернувшись къ Эльжбетѣ, произнесла:

— Да, панна права... Это поразительно... Это почти невѣроятно. Признаюсь, я вѣдь еще вчера не вѣрила, думала, панна преувеличиваетъ, а теперь я каюсь въ своихъ грѣхахъ, въ своемъ невѣріи.

— Знаешь-ли ты, о чемъ мы говоримъ? обратилась Эльжбета къ сестрѣ.—Мы говоримъ о страшномъ сходствѣ между тобой и мной, какою я была.

— Да, покачивая головой, произнесла гостья.—удивительное сходство! Мнѣ кажется, что передо мной сидитъ Эльжбета Дзялынская, какою я ее знала, но только, прибавлю, пожалуй еще красивѣе. Не сердись на меня, пани, прибавила она, обращаясь къ Эльжбетѣ.

— Знаешь, Француся, панна Камели вѣрить не хочетъ, что ты выходишь замужъ за Сандецкаго.

„Панна Камели?" подумала про себя Француся.

Это имя какъ бы рѣзнуло ее по уху. Она положительно слышала это имя когда-то. Здѣсь-ли, въ Варшавѣ, или еще въ Сталупеняхъ—она вспомнить не могла. Но съ этимъ именемъ „Камели" соединяется что-то особенное.

Гостья просидѣла недолго. Она спѣшила куда-то по важному дѣлу. Она пригласила къ себѣ на другой же день вечеромъ обѣихъ сестеръ и, поглядѣвъ на Эльжбету, вымолвила:

— Но ручается-ли мнѣ пани Эльжбета, что сестра пріѣдетъ съ нею?

— Француся, отвѣчай за меня, можешь-ли ты быть? Пани Камели должна знать это навѣрное.

— Почему же нѣтъ? отозвалась Француся.

— Незачѣмъ говорить Сандецкому къ кому вы ѣдете и называть меня. Панна скажетъ, что ѣдетъ къ Эльжбетѣ.

— Конечно.

— И такъ это рѣшенное дѣло?

— Рѣшенное, отозвалась Француся.

Дѣйствительно, на другой же вечеръ Француся явилась къ сестрѣ еще въ сумерки и привезла съ собой другой туалетъ. Отпросившись у жениха къ родственницѣ, она не могла одѣться дома, не возбудивъ подозрѣнія. Здѣсь у сестры Француся переодѣлась и явилась въ своемъ бѣломъ платьѣ съ бѣлыми розами. Эльжбета наканунѣ настояла на этомъ.

— Тебя въ Варшавѣ зовутъ „пани бяла", вотъ ты и должна бѣлой панной появиться у госпожи Камели. Да къ тому же я должна тебѣ сказать, хотя это и странно, но бѣлый цвѣтъ наиболѣе идетъ къ тебѣ. Слушай теперь самое главное и пожалуйста не удивляйся, не пугайся... Мы поѣдемъ вмѣстѣ къ паннѣ Камели, у которой если и будутъ гости, то развѣ только одна пожилая дама и одинъ очень милый господинъ, кажется, ея родственникъ. Я же въ гостиную не войду.

— Почему? удивилась Француся.

— Очень просто. Съ тѣхъ поръ, что я такъ изуродована, я не показывалась нигдѣ. Вспомни, гдѣ я была и откуда ты меня вытащила. Я не хочу снова появляться въ обществѣ. Я ѣду ради тебя, чтобы ты могла у панны Камели познакомиться съ двумя интересными личностями, въ особенности... съ ея родственникомъ.

— Кто онъ такой? спросила Француся, и очень удивилась, потому что Эльжбета слегка смутилась и, запинаясь, выговорила страннымъ голосомъ:

— Графъ... кажется... Навѣрное не помню... Фамилія мнѣ не дается... Сто разъ запоминаю и все забываю...

Францусѣ показалось замѣшательство сестры крайне подозрительнымъ.

„Неужели, подумала она,—сестра хочетъ, чтобы я у этой госпожи Камели познакомилась съ какимъ-нибудь магнатомъ и промѣняла Сандецкаго на него?.. За пана Ксаверія я могу ручаться, что онъ всю жизнь будетъ обожать меня... А этотъ господинъ, съ которымъ, очевидно, устраивается свиданіе,—кто онъ и что онъ?.. Какой-нибудь вѣтреникъ!"

IV.

Черезъ часъ обѣ сестры въ экипажѣ Французи уже проѣхали городъ и на Краковскомъ предмѣстьѣ остановились у довольно элегантнаго домика.

Роскошь обстановки удивила Францусю. Всѣ лакеи были въ атласной ливреѣ и въ пудрѣ. Огромный паюкъ-негръ въ дверяхъ еще болѣе поразилъ ее, такъ какъ до сихъ поръ она никогда негровъ не видала.

Въ гостиной, отдѣланной съ особымъ богатствомъ, встрѣтила ихъ панна Камели, разодѣтая по-бальному.

„Немногимъ ты отличаешься отъ своего паюка", невольно подумала Француся, увидя смуглыя коричневыя плечи хозяйки.

Эльжбета, поздоровавшись съ хозяйкой, тотчасъ же прошла въ ея спальню. Француся осталась одна съ хозяйкой въ гостиной.

— Очень рада, что познакомилась съ панной, ласково заговорила панна Камели. — Я очень люблю Эльжбету. Кромѣ того, мнѣ пріятно, что пани такъ удивительно похожа на нее. Впрочемъ, мы сейчасъ же убѣдимся, насколько похожа... Я должна сказать, что у меня будетъ въ гостяхъ одинъ мой родственникъ, графъ Оссовскій — человѣкъ уже не молодой, съ очень большимъ состояніемъ. Онъ холостякъ, ведущій жизнь довольно шумную, но скучающій, какъ и всѣ кому некуда дѣвать своихъ огромныхъ денегъ. Когда-то графъ Оссовскій былъ серьезно влюбленъ въ сестру панны, и признаюсь, что если бы не этотъ ужасный случай съ Эльжбетой, то, быть можетъ, она была бы теперь графиней Оссовской. Онъ до сихъ поръ не можетъ равнодушно вспомнить о ней, но, разумѣется, не желалъ бы ее видѣть изуродованною. Онъ сейчасъ будетъ здѣсь—и вы понимаете какое значеніе можетъ имѣть ваша встрѣча съ нимъ... Онъ можетъ влюбиться въ панну, а это будетъ не что иное какъ продолженіе чувства къ ея сестрѣ.

— Я не знаю, зачѣмъ пани хочетъ знакомить меня съ графомъ Оссовскимъ? Пани забыла какъ будто, что я невѣста пана Ксаверія Сандецкаго.

— Э! моя милая, пани Франциска, вотъ увидишь графа Оссовскаго и сравнишь его съ женихомъ. Состояніе его въ десять разъ больше, чѣмъ состояніе вашего стараго жениха. Собой онъ въ десять разъ красивѣе пана Сандецкаго, влюбится сразу такъ, какъ Сандецкій на старости своей и влюбиться не можетъ... Да что же говорить! Кажется, вотъ и онъ.

Дѣйствительно, въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги и въ дверяхъ появился во французскомъ платьѣ, въ напудренномъ парикѣ, ожидаемый гость.

Прежде всего Францусю поразила его фигура, походка и манера держаться. Онъ положительно не былъ похожъ на всѣхъ тѣхъ мужчинъ, которыхъ она до сихъ поръ видѣла. Сразу, какъ бы по мановенію жезла волшебника, почувствовала она какую-то робость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и влеченіе. Онъ понравился ей прежде, чѣмъ отодвинулся отъ дверей.

„Какъ странно!" тотчасъ подумала Француся.

Госпожа Камели низко поклонилась гостю и, обернувшись къ Францусѣ, показала на нее рукой.

Графъ Оссовскій, увидя дѣвушку, широко раскрылъ глаза, потомъ сдѣлалъ два шага впередъ, снова остановился и снова изумленнымъ взоромъ глядѣлъ на нее, не говоря ни слова.

— Это поразительно! выговорилъ онъ наконецъ.— Эльжбета!.. живая Эльжбета Дзялынская.

Онъ произнесъ это съ такимъ жаромъ, что Франуся невольно смутилась и потупилась.

Графъ Оссовскій приблизился къ самой Франусѣ, взялъ ея руку, прижалъ къ губамъ и три раза поцѣловалъ.

Франуся не отдернула руки, не зная, должна-ли она это сдѣлать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не имѣя силы сдѣлать это. Она положительно находилась уже подъ какимъ-то очарованіемъ.

Хозяйка тотчасъ же выскользнула изъ гостиной. А графъ сѣлъ около Франуси и сталъ разспрашивать откуда она и когда пріѣхала. Франуся отвѣчала, потупляясь, но наконецъ звонкій смѣхъ его заставилъ ее поднять глаза.

— Я, шутя, разспрашиваю панну. Я давно слышалъ и знаю все... Я видѣлъ бѣлую пани здѣсь, недалеко отъ дома, во время гулянья.

Франуся стала разглядывать лицо графа Оссовскаго и должна была согласиться, что онъ очень красивъ собой и кажетъ гораздо моложе своихъ лѣтъ. Ему можно было дать не болѣе тридцати. Въ красивыхъ чертахъ лица была даже грація, а всего прелестнѣе были большіе голубые глаза.

Но главное, что̀ поразило Франусю, былъ его голосъ, невыразимо гармоничный, звучный, будто поющій. Мало того, въ этомъ голосѣ была какая-то власть.

Франусѣ казалось, что этотъ, тихо и нѣжно говорящій съ ней, человѣкъ, своими глазами и своимъ голосомъ очаровываетъ ее все болѣе, потихоньку, нѣжно, опутываетъ ее невидимой волшебной паутиной.

„Что же это такое? мысленно спрашивала себя Франуся.—Вѣдь положительно въ этомъ что-то есть... Какое-то колдовство“.

Бесѣда графа Оссовскаго съ Франусей изъ простой перешла сразу въ такую, какой, казалось Франусѣ, немыслимо имѣть съ человѣкомъ котораго почти не знаешь.

Графъ объяснилъ Франусѣ, что когда-то былъ безумно влюбленъ въ ея сестру Эльжбету и продолжаетъ обожать ее. Онъ долженъ былъ временно стараться забыть о ней, такъ какъ ее страшно изуродовала оспа. Но теперь, когда любимая женщина снова стала прежней Эльжбетой, хотя называется Франусей, онъ попрежнему сразу очутился въ ея власти. Онъ безумно любитъ ее.

Франуся слушала, не знала, что̀ отвѣчать, а между тѣмъ графъ Оссовскій уже давно держалъ ея руки въ своихъ, уже давно цѣловалъ ихъ. Франусѣ казалось, что она не будетъ въ состояніи противиться, что̀ бы этотъ человѣкъ ни сдѣлалъ. Наконецъ, она услыхала вопросъ, который немного привелъ ее въ себя и отрезвилъ отъ того опьяненія, въ которомъ она находилась.

— Могу-ли я надѣяться, что и панна не оттолкнетъ меня... полюбитъ меня? Я всю жизнь готовъ посвятить ей.

— Я невѣста, графъ... Свадьба черезъ двѣ недѣли.

— За двѣ недѣли, пани, не только можно успѣть полюбить другаго, за двѣ недѣли можно умереть, за двѣ недѣли можетъ быть свѣтопреставленіе, конецъ всему міру. Я спрашиваю только: можетъ-ли панна полюбить меня?.. И только черезъ день, или два спрошу, любитъ-ли она меня.

Франуся хотѣла отвѣчать, что не можетъ полюбить его, такъ какъ она дала слово другому человѣку и считается его невѣстой, но вмѣсто этого отвѣтила робко:

— Не знаю.

— Это не отвѣтъ, пани.

— Можетъ быть... не знаю... путалась Франуся и дѣлала невольно такія движенія головой и руками, какъ бы и впрямь, въ дѣйствительности, освобождалась отъ паутины, опутывающей ее съ головы до пятъ.

Въ эту минуту появилась въ гостиной хозяйка и любезно заявила гостю:

— Графъ опоздаетъ, уже десять часовъ... Прошу извиненія, что я напоминаю.

— И хорошо сдѣлала, пани, отозвался графъ, вставая. — Если бы не пришли мнѣ напомнить этого, то я бы остался здѣсь до утра подъ очарованіемъ волшебницы.

Графъ простился съ Франусей и съ хозяйкой и вышелъ. Панна Камели пошла провожать его.

V.

Франуся осталась одна и дико озиралась въ гостиной. Потомъ она взяла себя за голову, какъ бы пытаясь привести въ порядокъ спутанныя мысли; потомъ она вздохнула, встала, прошлась по гостиной и наконецъ, остановившись, произнесла:

„Да, въ этомъ человѣкѣ что-то есть!.. Вѣдь говорятъ же, есть колдуны... Онъ меня околдовалъ. Боже мой, какая разница... Какая страшная разница!“

И эти послѣднія слова были вызваны невольнымъ сравненіемъ, которое напросилось Франусѣ. Предъ ея глазами стояли два человѣка рядомъ: графъ Оссовскій и панъ Сандецкій. И въ эту минуту, если бы Франусѣ предложили выбирать себѣ мужа изъ нихъ двухъ, то она бы разсмѣялась наивности такого предложенія.

„Развѣ возможенъ выборъ? Развѣ можно колебаться хоть одно мгновеніе!“

Франуся такъ глубоко задумалась, что не замѣтила, какъ вошла въ гостиную хозяйка, какъ вслѣдъ за ней вошла Эльжбета и обѣ стояли предъ ней, пересмѣиваясь...

— Ну, какъ нравится тебѣ графъ? спросила Эльжбета, и голосъ ея прозвучалъ странною грустью.

Оттѣнокъ этого голоса поразилъ Франусю.

— Какъ онъ нравится тебѣ? повторила Эльжбета.

— Онъ очень пріятный собесѣдникъ, отозвалась Франуся.—Очень умный.

— Желаетъ-ли панна вновь его видѣть? спросила госпожа Камели.

— Зачѣмъ? отзвалась Франуся. — Я не вижу цѣли... Повторяю, вы забываете, что я—невѣста другаго и что мнѣ не хорошо, не честно слушать объясненія въ любви другихъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, я не промѣняю моего пана Ксаверія на какихъ бы то ни было легкомысленныхъ красавцевъ, магнатовъ варшавскихъ.

— Ну, это мы увидимъ! разсмѣялась госпожа Камели.—Обѣщай мнѣ только, пани, быть послѣ-завтра въ эту же пору у меня въ гостяхъ и снова я оставлю панну побесѣдовать съ графомъ.

Франуся ничего не отвѣтила.

— Я вижу, что колеблется панна Подумайте, изъ-за чего?

— Я не должна...

— Пустое, пани.. Вздоръ!.. Панна еще разъ повидаетъ графа Оссовскаго и затѣмъ вольна дѣлать, что̀ угодно. Хочетъ выходить за пана Сандецкаго замужъ — выйдетъ... Захочетъ выйти замужъ за графа Оссовскаго— тоже выйдетъ. Панну, я знаю, что̀ поражаетъ!.. Паннѣ кажетъ страшною та быстрота, съ которой все это можетъ произойти, но и съ этимъ она скоро примирится. И такъ до послѣ-завтра?

— Конечно, конечно! выговорила Эльжбета.—Я отвѣчаю за сестру. Это послѣдняя моя просьба къ ней. Если она ее не исполнитъ, то мы съ ней никогда не увидимся. Я потребую, чтобы послѣ-завтра она была у васъ и еще разъ повидалась съ графомъ. Если она не согласится, она не сестра мнѣ... И я снова вернусь въ мой притонъ и одѣнусь въ мои лохмотья.

— Если такъ, Эльжбета, твердо произнесла Франуся. — то, конечно, послѣ-завтра въ девять часовъ я буду здѣсь.

— Вотъ!.. милая, добрая! воскликнула Эльжбета, цѣлуя сестру.

Цѣлую ночь, цѣлый день затѣмъ Франуся проду-

Милость плѣннымъ. Карт. Кальдерона. грав. Шеифъ.

мала о графѣ Оссовскомъ. Она задавала себѣ все тотъ же вопросъ:

„Что же такое особенное есть въ этомъ человѣкѣ? Ничего и все! И держится онъ не такъ, какъ другіе, и говоритъ иначе, и смотритъ иначе, пронизывая насквозь своими глазами“.

Когда Франуся спрашивала себя, возможно-ли ей вдругъ отказаться отъ пана Сандецкаго и сдѣлаться невѣстой и женой графа Оссовскаго, то внутренній голосъ говорилъ ей, что все это совершенно возможно, но странно и страшно.

„А если все это поведетъ къ какому-нибудь обману? Но къ какому же обману? Вѣдь она откажетъ Сандецкому только въ томъ случаѣ, если графъ Оссовскій серьезно, формально сдѣлаетъ ей предложеніе? Вѣдь не можетъ же онъ быть наглымъ обманщикомъ? Не лучше-ли искренно разсказать все жениху? Спросить у него, знающаго всю Варшаву, кто такая эта панна Камели и что̀ за человѣкъ графъ Оссовскій?“

Нѣсколько разъ за весь день собиралась Франуся сдѣлать эти два вопроса жениху—и не рѣшилась. На другой день она хотѣла непремѣнно сдѣлать это, прежде чѣмъ снова ѣхать къ госпожѣ Камели, а между тѣмъ, каждый разъ что она собиралась задать одинъ изъ двухъ вопросовъ Сандецкому, слова замирали на губахъ.

Наступило назначенное время, и Франуся снова выѣхала въ простомъ платьѣ къ своей сестрѣ, снова надѣла свое бѣлое платье съ бѣлыми розами и черезъ часъ была снова въ гостиной того же богато-отдѣланнаго домика.

Все это будто дѣлала Франуся не сама; все это будто совершалось само собой и въ какомъ-то полуснѣ. Сидя въ той же гостиной, Франуся спрашивала себя, когда и зачѣмъ поѣхала она сюда. Ей захотѣлось очутиться въ ея собственной горницѣ, въ домѣ Сандецкаго. Она готова была въ минуту подняться, сѣсть въ свой экипажъ и скакать домой.

Госпожа Камели и Эльжбета удивлялись мрачному настроенію и задумчивости Франуси, но смѣялись и подшучивали надъ ней. Эльжбета точно такъ же удалилась въ спальню хозяйки, а хозяйка осталась съ Франусей въ гостиной.

Но на этотъ разъ Франуся уже съ тревогой на сердцѣ прислушивалась къ сосѣднимъ горницамъ, и когда тамъ раздались шаги, а госпожа Камели поднялась навстрѣчу къ родственнику, сердце замерло у Франуси.

Графъ Оссовскій вошелъ на этотъ разъ быстро, прямо подошелъ къ Франусѣ, взялъ ее за обѣ руки и долго цѣловалъ ихъ. Потомъ, усадивъ ее на диванъ, опустился передъ ней на колѣни. Франуся, сидѣвшая долго потупившись, подняла наконецъ глаза и увидѣла, что они снова одни въ гостиной. Госпожа Камели исчезла.

На этотъ разъ бесѣда графа съ Франусей продолжалась дольше, но съ первыхъ же словъ Франуся была уже въ полной власти его. Она обѣщала ему подумать, выходить-ли за Сандецкаго, обѣщала все, что̀ просилъ онъ, не помня и почти не зная сама, что̀ обѣщаетъ.

Она хорошо понимала, что онъ говорилъ ей о готовности посвятить ей всю свою жизнь, обожать ее, но Франусѣ смутно помнилось, что слова о бракѣ не было сказано ни единаго. Иногда же ей казалось, что графъ говорилъ что-то равнозначущее.

На этотъ разъ, когда они разстались, Франуся должна была сознаться себѣ, что она очарована графомъ Оссовскимъ и бракъ ея съ Сандецкимъ начинаетъ казаться ей совершенно невозможнымъ дѣломъ.

Она, до сихъ поръ кокетничавшая со всѣми, сводившая съ ума и старыхъ и молодыхъ, сама, казалось, лишилась разсудка. Она почти не помнила, какъ уѣхалъ графъ, не понимала, что̀ говорили ей хозяйка и сестра.

Онѣ взяли съ нея слово опять пріѣхать вечеромъ, не назначая дня, а Эльжбета вызвалась написать сестрѣ, въ какой именно день графъ Оссовскій явится къ паннѣ.

VI.

Между тѣмъ на другой день Сандецкій напомнилъ невѣстѣ, что въ тотъ же вечеръ балъ у княгини Любомірской, на который они приглашены. Франуся была настолько потрясена всѣмъ съ ней приключившимся, что ничего не отвѣтила, но рѣшила сказаться больною.

Послѣ обѣда она уже легла въ постель и послала сказать пану Ксаверію, что хвораетъ и ѣхать не можетъ. Ей казалось, что ей невозможно въ томъ нравственномъ состояніи, въ какомъ она находится, быть среди многолюднаго общества.

Франуся легла въ постель, думая притвориться больной, а между тѣмъ оказалось, что она дѣйствительно немножко нездорова. Она осталась въ постели до слѣдующаго утра.

Цѣлыхъ два дня подъ-рядъ она нравственно мучилась въ борьбѣ сама съ собой. По счастію, и Сандецкій, и обѣ его дочери, объясняли состояніе Франуси болѣзнью, иначе могло бы возникнуть подозрѣніе.

Франуся боролась, мучилась и въ концѣ-концовъ истерзалась. Предъ ея воображеніемъ отъ зари до зари стояли два человѣка: ея женихъ и графъ.

Франуся чувствовала, что она положительно страстно влюблена въ этого человѣка, хотя видѣлась съ нимъ всего два раза.

„Онъ колдунъ и больше ничего!“ рѣшила Франуся вмѣсто всякихъ объясненій.

Наконецъ, на третій день утромъ, Сандецкій объявилъ невѣстѣ, что въ этотъ день надо ѣхать на обѣдъ къ сестрѣ короля. Франуся стала отказываться. Сандецкій былъ озадаченъ.

— Помилуй, Господь съ тобой! Развѣ это возможно! Развѣ ты воображаешь, что можно не ѣхать? Пани Краковска та же королева. Отъ такихъ приглашеній не отказываются ссылаясь на простую хворость... Если бы ты была при смерти—другое дѣло. Это невозможно!

Франуся продолжала отказываться, говоря, что она чувствуетъ себя больною и совершенно не въ состояніи быть въ гостяхъ. Сандецкій доказывалъ ей, что гостей у панны Краковской будетъ немного; и такъ какъ будетъ самъ король, то поэтому обѣдъ будетъ чинный, разговаривать придется мало, а ей, въ качествѣ молодой дѣвушки, слѣдуетъ даже побольше молчать и держать себя сдержаннѣе.

Волей-неволей Франуся велѣла приготовить себѣ красивый пунцовый нарядъ, отдѣланный бархатомъ и шитый золотомъ. Начавъ одѣваться, она невольно пріободрилась. Ей показалось вдругъ, что она въ этотъ день красивѣе,—потому-ли, что она поблѣднѣла, или потому, что глаза ея смотрятъ какъ-то особенно задумчиво и тоскливо.

„Да, я сегодня красивѣе!“ рѣшила она наконецъ.

Панъ Ксаверій, придя за невѣстой, остановился и самодовольно усмѣхнулся.

— Отлично, выговорилъ онъ.—Вотъ видишь-ли, сказывалась больной, а поглядѣть на тебя—здоровѣе чѣмъ когда-либо. И знаешь что, пани дьяволенокъ, вѣдь ты нынче еще красивѣе. Я думаю, это случилось потому, что тебѣ все-таки пріятно подумать, какъ ты будешь обѣдать съ самимъ королемъ и съ панной Краковской.

Франуся ничего не отвѣтила.

Черезъ полчаса Сандецкій съ дочерьми и съ невѣстой были уже въ замкѣ и вступали въ аппартаменты пани Краковской.

Двѣ панны Сандецкія и панна Дзялынская были представлены сестрѣ короля пожилою дамой, которая была ея гофмейстериной. Гостей было уже человѣкъ семь помимо Сандецкихъ. Изъ нихъ Франуся была уже знакома съ двумя мужчинами.

Едва только успѣли они сѣсть, едва только пани

Краковская успѣла что-то спросить у Франуси, какъ ея камергеръ подалъ ей на маленькомъ подносикѣ записку и произнесъ:

— Отъ его королевскаго величества.

— Неужели отказывается? воскликнула панна Краковская.—Вотъ это было бы нехорошо со стороны короля-братца.

Она развернула записку, прочла нѣсколько строкъ и невольно сразу вскинула глаза на Сандецкаго и Франусю. Не только они, но и все общество поняло, что между запиской и паномъ съ его невѣстой было что-то общее.

Въ одно мгновеніе панна Краковская видимо смутилась, зажала нижнюю губу красивыми зубами, какъ-бы раздумывая и слегка волнуясь. Затѣмъ она чинно поднялась, извинилась предъ обществомъ и вышла изъ гостиной въ сопровожденіи камергера.

Очутившись въ другой горницѣ, она быстро обернулась къ нему и вымолвила:

— Сейчасъ ступайте... скачите... Ступайте сами... Доложите королю, что это невозможно! Они уже здѣсь...

— Я не понимаю, что изволите?.. вѣжливо замѣтилъ камергеръ.

— Король пишетъ, чтобы я не звала обѣдать или избавилась какъ-нибудь отъ пана Сандецкаго и его невѣсты. Скачите скорѣй, доложите, что они здѣсь... Я не могу ихъ выгнать. Тогда пусть король не пріѣзжаетъ.

„Пани Краковска“ вернулась въ гостиную. Камергеръ стрѣлой пустился по горницамъ и черезъ минуты двѣ уже скакалъ въ маленькой солитеркѣ по направленію къ Лазенковскому дворцу, въ которомъ находился тогда король.

Въ ту минуту, когда камергеръ повернулъ въ какую-то улицу, чтобы сократить путь, красивая коляска въ восемь лошадей промчалась отъ Лазенокъ. Въ ней былъ король, направлявшійся къ сестрѣ.

Между тѣмъ въ гостиной панны Краковской бесѣда не клеилась. Хозяйка была видимо взволнована. Ей было непріятно, что король не будетъ на обѣдѣ. А онъ, очевидно, не будетъ.

Это случилось-бы въ первый разъ въ этомъ году, ибо каждый понедѣльникъ братъ-король обѣдалъ у нея. Только самыя важныя государственныя дѣла могли помѣшать этому обычному появленію въ ея аппартаментахъ.

И въ ту минуту, когда панна Краковская начинала уже утѣшаться и примиряться съ мыслью, что король не будетъ, появившаяся гофмейстерина доложила, что король подъѣхалъ къ подъѣзду.

„Пани Краковска“ быстро поднялась, смутилась и, взволнованная, двинулась навстрѣчу.

Гости тоже поднялись и двинулись изъ гостиной въ обѣденный залъ. Всѣ они, человѣкъ до двадцати, стали невдалекѣ отъ входныхъ дверей, въ которыхъ долженъ былъ появиться король.

Панъ Сандецкій стоялъ около Франуси и тихо шепталъ ей:

— Что-то такое приключается тутъ. Франуся. Прислалъ записку, и я думалъ, онъ не будетъ обѣдать, отказывается... Досадно было... А выходитъ, что послѣ записки тотчасъ-же самъ пріѣхалъ.

Франуся почти не слушала и пристально смотрѣла въ двери. Ее интересовалъ, конечно, король Станиславъ-Августъ, о которомъ она такъ много слышала: въ особенности объ его умѣ и любезности, а главное объ его всесвѣтныхъ побѣдахъ надъ женщинами.

Черезъ нѣсколько мгновеній въ дверяхъ появился король въ сопровожденіи сестры и своей свиты. Всѣ гости двинулись навстрѣчу и почтительно наклонили головы. Только одна Франуся не двинулась, стояла, окаменѣвъ, на мѣстѣ и наконецъ схватилась за руку своего жениха. Еще немного — и она упала-бы безъ чувствъ...

Предъ ней, въ видѣ короля Станислава-Августа, стоялъ графъ Оссовскій.

(Продолженіе будетъ).

Сѣдой локонъ.

Сказка **Георга Эберса.**

(Право перевода пріобрѣтено редакціей отъ автора).

Была нѣкогда страна прекраснѣе всѣхъ странъ на свѣтѣ, а дворецъ герцога, владѣвшаго ею, стоялъ на берегу озера, такого синяго, что синѣе и представить себѣ невозможно.

Однажды, давнымъ-давно, подъѣхалъ къ этому озеру рыцарь Венделинъ со своимъ оруженосцемъ Іоргомъ и нашелъ на его берегахъ однѣ пустынныя, голыя скалы. Однако, прежде, повидимому, здѣсь было не то; мѣстами виднѣлись еще полуразрушенныя колонны и лежали опрокинутыя мраморныя статуи съ отбитыми руками и носами. Сохранились старыя каменныя стѣны на откосахъ горъ, которые были когда-то покрыты плодородною землей и виноградными лозами; но дожди давно уже смыли со скалъ слой мягкой земли, а среди разрушившихся построекъ и въ обвалившихся погребахъ жили лисицы, совы и другія ночныя птицы и животныя.

Рыцарь Венделинъ не любилъ предаваться размышленіямъ, но, осмотрѣвшись вокругъ, невольно подумалъ: „Что̀ здѣсь такое произошло?“ Оруженосецъ подумалъ то же самое и пошелъ вслѣдъ за своимъ господиномъ. Рыцарь повелъ поить коня къ синему озеру, ибо, хотя страна и изобиловала рѣчными руслами, но они представляли одни лишь голые камни, сѣрый, пересохшій гравель, да мелкій песокъ, котораго хватило бы на столькихъ писарей, сколько рыбъ въ морѣ.

— А что если вода здѣсь соленая, какъ въ Мертвомъ морѣ? сказалъ рыцарь; оруженосецъ возразилъ:

— Тьфу, пропасть! этого только недоставало!

Въ то время какъ Венделинъ подносилъ горсть къ губамъ, чтобы отвѣдать воду — которая, къ сожалѣнію, мало походила на вино — онъ услышалъ какіе-то странные звуки. Они были жалобные и печальные, но въ то же время нѣжные и пріятные. Казалось, они исходили изъ жестоко страдающей женской груди, а это было нашему рыцарю какъ разъ на руку; онъ и выѣхалъ-то затѣмъ, чтобы искать приключеній.

Венделинъ дѣйствительно встрѣтилъ ихъ уже не мало; къ сѣдлу его оруженосца были привязаны семь хвостовъ отъ драконовъ, убитыхъ его господиномъ. Но женщина въ опасности — женщина съ прекраснымъ, нѣжнымъ голосомъ — была такою рѣдкою находкой, какой еще не доводилось встрѣчать рыцарю. Оруженосецъ замѣтилъ, что глаза Венделина такъ и засверкали отъ удовольствія; онъ потеръ себѣ лобъ и подумалъ: „Плакать бы тутъ надобно; а нашему рыцарю все въ радость!“

Между тѣмъ вода въ озерѣ была вовсе не соленая, а напротивъ, необычайно сладкая, и когда Венделинъ дошелъ до пещеры. изъ которой доносился жалобный голосъ, онъ увидѣлъ женщину волшебной красоты, красивѣе всѣхъ тѣхъ, которыхъ когда-либо доводилось встрѣчать какъ ему, такъ и посѣдѣвшему уже Іоргу. Правда, она была блѣдна, но за-то губы ея блистали влажнымъ пурпуромъ, какъ свѣжая земляника; глаза были сини, какъ небо Святой Земли, а волосы золотились, какъ лучи солнца. У рыцаря при видѣ ея сильно забилось сердце, и онъ не могъ выговорить ни слова, но тѣмъ не менѣе успѣлъ разглядѣть, что на рукахъ и ногахъ красавицы были цѣпи и что чудные волосы ея сжимало изумрудное кольцо, спускавшееся съ потолка. Женщина не замѣчала ни рыцаря, ни оруженосца, который даже прикрылъ глаза рукою, чтобы лучше разглядѣть ее.

Сердце рыцаря закипѣло горячимъ негодованіемъ. Изъ прекрасныхъ глазъ красавицы катились слезы одна за другой и падали на ея одежду, которая была уже такъ мокра, какъ будто ее только-что вытащили изъ озера.

Когда рыцарь замѣтилъ и это, гнѣвъ его смѣнился жалостью, а Іоргъ, отличавшійся мягкосердечіемъ, просто заплакалъ навзрыдъ; ужь очень жалко ему было смотрѣть на плѣнницу. Рыцарь взволнованнымъ голосомъ окликнулъ женщину и объявилъ ей, что онъ германецъ, что зовутъ его Венделиномъ и что онъ выѣхалъ, чтобы убивать драконовъ и защищать своимъ мечемъ всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ. Ему посчастливилось уже во многихъ столкновеніяхъ, и онъ ничего лучшаго не желаетъ какъ сразиться за нее.

Плѣнница перестала плакать, но печально покачала головой, насколько то допускали прикованные волосы, и проговорила:

— Врагъ мой могуществененъ. Ты молодъ и красивъ, тебя навѣрное ждетъ дома любящая мать, и я не хочу, чтобы тебя постигла участь остальныхъ. Посмотри на это дерево. Эти бѣлые плоды на его изсохшихъ вѣтвяхъ — вѣдь это ихъ че-

Послѣ удачной охоты на дикихъ козъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **А. Кившенка**, грав. Ангереръ.

Адресный столъ въ Петербургѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") г. Броллинга, автотипія мастерской „Нивы".

рена... Иди лучше своею дорогой; злой волшебникъ, который держитъ меня своею плѣнницей и не хочетъ освободить, пока я не обѣщаю быть его женой, скоро вернется сюда. Его зовутъ Мисдралъ; онъ силенъ и могучъ. Онъ живетъ вонъ тамъ, въ пустынныхъ скалахъ, на сѣверномъ берегу озера. Прими мою благодарность за доброе желаніе помочь мнѣ и ступай своею дорогой.

Рыцарь и не думалъ слѣдовать ея совѣту. Не теряя лишнихъ словъ, онъ подошелъ къ красавицѣ и взялся за ея волосы, чтобы высвободить ихъ изъ кольца. Но не успѣлъ онъ коснуться изумруда, какъ двѣ темно-коричневыя змѣи высунули навстрѣчу ему свои ядовитыя жала.

— Вотъ оно что! промолвилъ Венделинъ.

Не долго думая, схватилъ онъ одною рукой обѣихъ змѣй за шеи, другою за хвосты, перервалъ ихъ пополамъ и выбросилъ на прибрежные камни.

Увидѣвъ это, плѣнница вздохнула свободнѣе.

— Теперь я вѣрю, сказала она, — что тебѣ удастся освободить меня. Сними кольцо съ моей руки!

Рыцарь повиновался, и когда онъ коснулся тонкихъ, изящно закругленныхъ пальцевъ красавицы, ему стало тепло и хорошо на сердцѣ и захотѣлось поцѣловать ее. Однако онъ ограничился тѣмъ, что снялъ кольцо и надѣлъ его на кончикъ собственнаго мизинца.

— Если ты повернешь это кольцо на пальцѣ, сказала женщина, — ты обратишься въ сокола; ибо, знай... Но, увы! горе намъ!.. Видишь, забурлила вода, это *онъ* плыветъ сюда.

Не успѣла женщина произнести этихъ словъ, какъ изъ озера, отфыркиваясь, поднялось отвратительное чудовище. Оно казалось огромнымъ кускомъ сѣрой, гнилой немзы. Изъ глазныхъ впадинъ, вмѣсто глазъ, выглядывали двѣ жабы; вмѣсто волосъ, голова его была покрыта сивою всклокоченною морскою травой, которая падала ему на лобъ и плечи, а вмѣсто зубовъ торчали, оскалившись, длинные желѣзные гвозди.

— Хорошъ женишокъ! пробормоталъ оруженосецъ. — Если въ каменномъ тѣлѣ его не найдется мягкаго мѣстечка — пропала моя головушка!

Тѣ же мысли пришли въ голову и рыцарю, а потому онъ не счелъ нужнымъ заносить меча надъ чудовищемъ, а поднялъ большой обломокъ гранита и пустилъ его прямо въ лобъ волшебнику. Тотъ только чихнулъ и провелъ себѣ рукою по лбу, словно отгоняя муху. Потомъ, оглядѣвшись вокругъ и увидѣвъ рыцаря, онъ испустилъ громкое ржаніе и мгновенно превратился въ дракона съ огненной пастью. Венделина это порадовало; сражаться съ подобною нечистью было для него привычнымъ, разлюбезнымъ дѣломъ. Но не успѣлъ онъ вонзить свой добрый мечъ въ тѣло чудовища и нанести ему кровавую рану, какъ оно отдѣлилось отъ земли и ринулось на рыцаря уже въ обликѣ грифона. Защита становилась трудна, но Венделинъ не зналъ страха и доблестно владѣлъ рукой и мечемъ, несмотря ни на какіе новые образы, въ которыхъ нападалъ на него злой волшебникъ. Однако, въ концѣ концовъ, рыцарь замѣтилъ, что силы измѣняютъ ему. Вѣсъ меча его увеличился во сто кратъ, а на рукахъ и ногахъ словно повисло по десятипудовой гирѣ. У оруженосца замерло сердце, и онъ счелъ за лучшее отъѣхать къ сторонкѣ; на этотъ разъ дѣло могло кончиться плохо. Колѣна подкосились у рыцаря, и когда великанъ, уже въ образѣ единорога, ударилъ въ его щитъ, Венделинъ не выдержалъ и повалился наземь.

Между тѣмъ чудовище внезапно свернулось въ клубокъ и снова бросилось на противника въ видѣ черной, проворной крысы.

Венделинъ готовъ былъ лишиться чувствъ, но въ это время изъ пещеры раздался голосъ плѣнницы:

— Кольцо! вспомни о кольцѣ!..

Рыцарю удалось слегка повернуть кольцо на мизинцѣ большимъ пальцемъ, и въ ту же минуту онъ почувствовалъ себя такъ легко и привольно, какъ никогда. Ему казалось, что ослабѣвшему сердцу его придана упругость стали; ему стало весело и легко на душѣ и страстно захотѣлось подраться, какъ въ былое время, когда онъ былъ четырнадцатилѣтнимъ мальчуганомъ. Какая-то необъяснимая сила толкала его вверхъ, все выше и выше; онъ повиновался ей, свободно и увѣренно махая пестрыми крыльями, которыя мгновенно выросли у него. Перистая спина его уже касалась облака, а онъ попрежнему ясно видѣлъ все, что происходило на землѣ. Обострившійся глазъ различалъ мельчайшіе предметы съ такой ясностью, будто они отражались въ чистомъ, полированномъ зеркалѣ. Онъ видѣлъ каждый волосокъ на спинѣ крысы, и снова необъяснимая сила, которой онъ не могъ и не хотѣлъ сопротивляться, заставила его ринуться внизъ и ударить клювомъ и когтями въ долгохвостую. Венделинъ превратился въ сокола, и крыса не въ силахъ была защищаться противъ его грознаго нападенія.

Плѣнница сначала со страхомъ, потомъ съ радостью слѣдила за всѣмъ происходившимъ. Когда же соколъ схватилъ крысу когтями и сталъ наносить ей ударъ за ударомъ, красавица подозвала оруженосца и приказала ему снять съ себя оковы. Работа эта такъ понравилась Іоргу, пришлась ему такъ по сердцу, что онъ и не думалъ торопиться съ нею.

Освободившись отъ пугъ, женщина выпрямилась, потянулась и стала еще во сто кратъ прекраснѣе. Потомъ, взявъ изумрудное кольцо, которымъ волшебникъ сковалъ ея волосы, она бросила его въ воздухъ со словами:

— Соколъ, соколъ, будь тѣмъ, чѣмъ ты былъ прежде. Мисдралъ, выслушай свой приговоръ!

Тогда Венделинъ снова принялъ свой рыцарскій обликъ, который показался ему очень тяжелъ послѣ того, какъ онъ побывалъ соколомъ. Крыса же какъ-то вытянулась, вздулась и снова обратилась въ немзоваго исполина. Но чудовище не поднялось теперь во весь ростъ, а съ визгомъ и воемъ извивалось у ногъ красавицы, словно провинившаяся собака.

— Теперь изумрудъ, въ которомъ таилась твоя власть надо мной, въ моихъ рукахъ, проговорила женщина. — Я могла бы стереть тебя съ лица земли, но имя мое Клементина, т. е. Милосердная. Я ограничусь тѣмъ, что сошлю тебя въ твои скалы и тамъ ты останешься до послѣдняго часа послѣдняго дня. Паналука, Панарука, — изумрудъ, дѣлай свое дѣло!

Тогда немзовый исполинъ сталъ огненно-краснымъ, какъ раскаленное желѣзо. Онъ все-таки поднялъ кулакъ, чтобы погрозить Венделину, и затѣмъ бросился въ озеро, откуда поднялся паръ, вода зашипѣла, закипѣла и сомкнулась надъ чудовищемъ.

Теперь рыцарь и красавица остались одни; она спросила Венделина, чѣмъ можетъ отблагодарить его, и онъ не могъ придумать ничего инаго, какъ то, чтобы она стала его женой и послѣдовала за нимъ на его родину, въ Германію.

Но женщина слегка покраснѣла и сказала печально:

— Я не могу покинуть эту страну и не могу быть женою смертнаго. Но я знаю, какъ слѣдуетъ награждать героевъ, и потому дарю тебѣ свой поцѣлуй.

Венделинъ преклонилъ колѣна; красавица обняла его голову своими стройными руками и слила уста съ его устами.

Оруженосецъ, увидѣвъ это, потихоньку вздохнулъ и прошепталъ:

— И отчего это мой отецъ былъ простымъ мельникомъ? Какъ посмотришь, что только ни доступно этимъ рыцарямъ!.. Но я полагаю, что поцѣлуемъ дѣло не окончится, а будетъ что-нибудь на придачу, либо скатерть-самобранка, либо что другое.

Но Клементина даровала своему избавителю еще болѣе цѣнную награду. Замѣтивъ, что во время боя со злымъ волшебникомъ у него посѣдѣла на лѣвомъ вискѣ прядь волосъ, она сказала:

— Отнынѣ страна эта будетъ принадлежать тебѣ, а такъ какъ въ борьбѣ со зломъ у тебя посѣдѣлъ одинъ локонъ, то ты будешь называться впредь герцогомъ Гризо. Всѣ владѣтельные князья и самъ императоръ признаютъ за тобою достоинство, которое я даю тебѣ, моему избавителю. И каждый разъ, когда въ царственномъ домѣ, коего я тебя назначаю родоначальникомъ, родится ребенокъ, я буду его воспріемницей. Всѣхъ сыновей твоего рода, отъ перваго до послѣдняго, будетъ украшать серебристый локонъ, будутъ-ли они черноволосые, русые или бѣлокурые. Эта сѣдая прядь будетъ служить для твоихъ потомковъ ручательствомъ, что они могутъ ожидать отъ жизни великихъ благъ. Но власть моя имѣетъ предѣлы, и если у одного изъ твоихъ потомковъ будетъ отсутствовать сѣдая прядь, значитъ болѣе могущественныя силы помѣшаютъ мнѣ пролить надъ нимъ свои дары и отъ него самого будетъ уже зависѣть, какъ устроить свою жизнь... Еще одно слово: Отдай мнѣ кольцо и возьми взамѣнъ это зеркало, въ которомъ ты и твои близкіе могутъ во всякое время увидѣть то, что имъ дорого, какъ бы далеко оно ни находилось.

— Значитъ, я могу всегда вызвать твой образъ, красавица! воскликнулъ рыцарь.

Волшебница усмѣхнулась и проговорила:

— Нѣтъ, герцогъ Гризо, зеркало властно вызывать только изображенія смертныхъ; но я укажу тебѣ жену, которую ты будешь видѣть охотнѣе, чѣмъ любую волшебницу въ зеркалѣ. Еще разъ благодарю тебя! Ты владѣтельный герцогъ; прими же свое царство!

Съ этими словами волшебница исчезла. Въ воздухѣ раздался тихій звонъ и шелестъ, и пустыня одѣлась свѣжею растительностью; пересохшія русла рѣкъ наполнились прозрачною, струящеюся водой, а по берегамъ ихъ возникли цвѣтущія аллеи, тѣнистые лѣса и рощи. Развалившіяся стѣны на откосахъ горъ укрѣпились, встали на мѣста, а склоны покрылись плодородною землей, поросшею фруктовыми деревьями и виноградниками. Селенія и города вынырнули изъ-подъ земли. Великолѣпные сады съ цвѣтами, оливковыми, померанцевыми, лимонными, фиговыми и гранатовыми деревьями, украсились темными или золотистыми плодами и фруктами. Вблизи мѣста, гдѣ была заключена волшебница, выросъ паркъ несравненной красоты съ журчащими ручейками, высоко бьющими фонтанами, крытыми верандами и серебряными и золотыми сѣтками, по которымъ живописно вились, цѣпляясь тысячами побѣговъ и усиковъ, роскошныя вьющіяся растенія.

Разрушенныя колонны встали на свои мѣста, у мраморныхъ статуй выросли носы и руки, а на заднемъ планѣ всего этого великолѣпія, молодой герцогъ увидѣлъ какъ-бы туманное пятно, которое, постепенно опредѣляясь, приняло, наконецъ, очер-

танія герцогскаго дворца съ балконами, башнями, колоннадами, бронзовыми и мраморными статуями по краямъ широкой, плоской крыши.

Оруженосецъ Іоргъ широко раскрылъ ротъ, но, войдя въ сѣни, снова закрылъ его, чтобы дать ему отдыхъ для предстоявшей работы; ибо изъ кухни доносился пріятный занахъ жаренаго, а такъ какъ голодъ его былъ сильнѣе любопытства, то онъ тотчасъ же приказалъ услужливому повару позаботиться объ удовлетвореніи его аппетита.

Между тѣмъ рыцарь Венделинъ обходилъ залы и покои дворца; но его галлереямъ и коридорамъ вездѣ толпились лакеи, стражи и гайдуки, изъ конюшенъ доносился топотъ крѣнкихъ копытъ придворныхъ коней и звяканье цѣпей о ясли. Хоры трубачей играли тушъ и тысячеголосая толпа, собравшаяся на переднемъ дворѣ замка, не умолкая кричала: „Да здравствуетъ нашъ свѣтлѣйшій герцогъ Гризо!"

Рыцарь снисходительно кивалъ головой своимъ добрымъ подданнымъ, и когда канцлеръ, съ глубокимъ поклономъ, въ вычурной рѣчи, перечислилъ благородному герцогу всѣ его заслуги передъ страной,—о которыхъ самъ Венделинъ ровно ничего не зналъ,—онъ выслушалъ канцлера самымъ серьезнымъ образомъ.

Утомленный уже многочисленными приключеніями, Венделинъ не безъ удовольствія сидѣлъ теперь на спокойномъ тронѣ. Впрочемъ, онъ старался быть достойнымъ того высокаго положенія, которое дала ему волшебница; и когда, начавъ съ азбуки, основательно изучилъ искусство управленія государствомъ, онъ отправился въ Германію. Тамъ онъ просилъ руки своей кузины Вальпурги; привезъ ее съ собою въ замокъ и счастливо царствовалъ вмѣстѣ съ нею много-много лѣтъ. Пять сыновей, которыхъ подарила ему жена, всѣ явились на свѣтъ съ сѣдыми локонами. Они сдѣлались доблестными мужами, служили своему отцу вѣрными вассалами, братски любили другъ друга и частыми походами расширили границы своего государства.

Такъ прошло много лѣтъ. Одинъ потомокъ храбраго Венделина слѣдовалъ за другимъ; первенецъ всегда носилъ имя родоначальника, и на крестинахъ каждаго изъ сыновей всегда присутствовала волшебница Клементина.

Положимъ, никто не видѣлъ ее, но нѣжный звонъ, раздававшійся по всему дворцу, изобличалъ ея присутствіе, а когда звонъ прекращался, сѣдая прядь на лѣвомъ вискѣ новорожденнаго оказывалась свившеюся серебристымъ локономъ.

Прошло пять столѣтій и, наконецъ, снесли въ могилу герцога Венделина XV.

Съ болѣе роскошнымъ сѣдымъ локономъ еще не являлся на свѣтъ ни одинъ изъ Гризовъ, а между тѣмъ онъ рано закрылъ глаза. Мудрецы страны утверждали, что на долю каждаго особенно счастливаго человѣка полагается извѣстная мѣра счастья, а Венделинъ XV, за тридцать лѣтъ своей жизни, успѣлъ исчерпать ее всю.

И дѣйствительно, этому герцогу все удавалось съ дѣтства. Когда онъ былъ еще кронпринцемъ, отъ него ожидали чего-то особеннаго, и, несмотря на такія ожиданія, онъ все-таки сдѣлался прекраснымъ правителемъ. Всѣ любили его, войско подъ его предводительствомъ шло отъ побѣды къ побѣдѣ; во все время его царствованія одна богатая жатва смѣняла другую и, наконецъ, женою его стала красивѣйшая и добродѣтельнѣйшая дочь владѣтельнаго князя.

Венделинъ XV нашелъ смерть въ пылу битвы, когда со всѣхъ сторонъ слышался уже побѣдный кликъ его арміи. Все, чего можетъ желать человѣческое сердце, было дано ему; одного лишь счастья онъ былъ лишенъ при жизни,—счастья имѣть потомство. Но, по крайней мѣрѣ, онъ умеръ съ надеждой оставить послѣ себя наслѣдника.

На зубчатыхъ стѣнахъ замка развѣвались черные флаги, колонны въ высокихъ сѣняхъ были обиты флёромъ, золотыя кареты покрыты чернымъ лакомъ, къ гривы и хвосты герцогскихъ коней вплели черныя ленты. Егермейстеръ велѣлъ выкрасить въ звѣринцѣ всѣхъ пестрыхъ птицъ въ темные цвѣта, а учитель приказалъ школьникамъ обвернуть тетрадки черными обложками. Опереточные пѣвцы пѣли однѣ грустныя аріи, въ минорномъ тонѣ, и каждый изъ вѣрно-подданныхъ считалъ долгомъ наложить на себя знаки траура. Когда, какъ разъ въ это время, рубиново-красный носъ придворнаго виночерпія принялъ фіолетовый оттѣнокъ, гофмаршалъ нашелъ это совершенно естественнымъ. Даже къ свивальникамъ грудныхъ младенцевъ пришивали черныя завязки. Горе было также въ сердцахъ, но въ особенности въ сердцѣ вдовствующей молодой герцогини. Она тоже сбросила всѣ яркіе цвѣта и ходила въ глубокомъ-глубокомъ траурѣ; но ея прекрасные, кроткіе глаза, противъ всякаго дворцоваго этикета, были ярко-красны отъ пролитыхъ слезъ.

Охотнѣе всего она сама послѣдовала бы въ могилу за супругомъ; но сладкая надежда и ожиданіе отрадныхъ обязанностей удержали ее въ живыхъ и бросили мягкій солнечный лучъ въ мрачное будущее, которое казалось ей чернѣе траурныхъ одеждъ окружавшаго ее двора.

Такъ прошло пять долгихъ мѣсяцевъ, и въ первый день шестаго, съ крѣпостныхъ стѣнъ резиденціи раздалась пушечная пальба. Выстрѣлы одинъ за другимъ потрясали воздухъ, но не могли нарушить сна мирныхъ гражданъ,—и безъ того въ эту ночь никто не сомкнулъ глазъ. Даже старожилы не могли запомнить ничего подобнаго. Со скалистыхъ береговъ сѣверной части озера, гдѣ жилъ злой волшебникъ Мисдралъ, поднялась непогода и разразилась надъ городомъ и герцогскимъ дворцомъ. Громъ, трескъ, свистъ и шумъ стоялъ такой, какого можно ожидать лишь въ день Страшнаго Суда. Молнія прорѣзывала воздухъ не такъ, какъ обыкновенно—тонкою, зубчатою стрѣлой, быстрою, какъ сама молнія,—но падала на землю въ видѣ огненныхъ шаровъ, изъ которыхъ, къ счастью, ни одинъ не произвелъ пожара. Часовые на башнѣ разсказывали, что на темномъ небѣ,—подобно млечному потоку по черной шерсти,—текла какая-то серебристо-бѣлая масса, и съ высоты, сквозь шумъ вѣтра и грохотъ бури, слышались нѣжные звуки струнъ. Звуки эти слышали многіе изъ городскихъ жителей, а придворный фортепіанный мастеръ объявилъ даже, что они напоминали звукъ его собственныхъ инструментовъ,—конечно, не изъ самыхъ лучшихъ.

Когда началась пальба съ крѣпости, жители повыходили на улицу, а метельщики, которые убирали упавшіе съ крышъ листы желѣза и кирпичи, отложили въ сторону метлы и стали слушать. Фейерверкеръ издержалъ въ этотъ день много пороха, а горожане, считавшіе выстрѣлы, потратили не мало времени; пальбѣ не было конца. Шестьдесятъ выстрѣловъ означали рожденіе принцессы, сто одинъ—принца. Когда послышался шестьдесятъ первый выстрѣлъ, всѣ возликовали, ибо поняли, что герцогиня разрѣшилась отъ бремени сыномъ; но когда за сто первымъ послѣдовалъ сто второй, одинъ находчивый адвокатъ рѣшилъ, что родились двѣ принцессы. При сто шестьдесятъ первомъ предположили, что родился мальчикъ и дѣвочка; при сто восьмидесятомъ, школьный учитель, котораго жена наградила семью дѣвочками, воскликнулъ: „Должно быть тройня!—femenini generis!" Но это предположеніе было устранено сто восемьдесятъ первымъ выстрѣломъ, и когда, наконецъ, пальба прекратилась на двѣсти второмъ, не оставалось больше сомнѣнія, что обожаемая монархиня разрѣшилась двумя мальчиками.

Весь городъ ликовалъ. Траурные флаги замѣнились пестрыми, національныхъ цвѣтовъ. На окнахъ магазиновъ снова появились красныя, желтыя и голубыя матеріи, придворные разгладили морщины на лбу и стали упражнять себя въ радостныхъ улыбкахъ.

Всѣ были счастливы,—только астрологъ, старыя бабы да ученые сомнительно покачивали головами. Несомнѣнно, что дѣти, родившіяся въ такую ночь, явились на свѣтъ при дурныхъ предзнаменованіяхъ. Но и въ самомъ дворцѣ радость была не полная. Наиболѣе вѣрные изъ слугъ казались чѣмъ-то озабочены и съ тревогой шептались между собой.

Надо сказать, что хотя оба мальчика родились совершенно здоровыми и правильно сложенными, но у родившагося вторымъ недоставало сѣдой пряди волосъ, которая до тѣхъ поръ украшала каждаго новорожденнаго Гризо.

Дворецкій Пепе, прямой потомокъ оруженосца Іорга, который хорошо зналъ исторію Венделина I, такъ какъ слышалъ ее изъ устъ своего дѣда,—былъ такъ убитъ, какъ будто его постигло большое несчастіе; и когда, вечеромъ, виночерпій, хранитель серебра и главный кравчій сидѣли вмѣстѣ съ нимъ за стаканомъ вина, онъ не скрылъ отъ нихъ своихъ опасеній. Вслѣдъ за нимъ и у другихъ сложилось убѣжденіе, что въ двери счастливаго герцогскаго дома Гризо постучалась бѣда.

Младшему мальчику предстояла суровая участь. Такъ думала не только домашняя челядь, но и весь придворный штатъ, ибо составленный астрологомъ гороскопъ былъ извѣстенъ каждому. Всѣ мудрецы были согласны съ мнѣніемъ звѣздочета, и вскорѣ оказалось, что сама волшебница Клементина безсильна противъ угрожавшей второму принцу злой участи: въ день крестинъ не слышно было ни нѣжныхъ звуковъ, ни благоуханія, обозначавшаго ея присутствіе. Она не осталась совсѣмъ чужда герцогскому дому, ибо бѣлая прядь волосъ на вискѣ первороженнаго принца завилась серебристымъ локономъ; но волосы втораго ребенка остались каштановыми, и даже въ увеличительное стекло нельзя было найти въ нихъ ни одной бѣлой нити. Все это наполнило сердце молодой матери глубокою тревогой. А когда она позвала старую Нонну, которая выняньчила еще ея покойнаго супруга,—чтобъ разспросить, какъ было дѣло при его крещеніи,—старуха разразилась громкими рыданіями и открыла герцогинѣ все, что предсказывали мальчику астрологъ и мудрецы. Герцогъ Гризо, которому придется прожить жизнь безъ сѣдаго локона! Это было нѣчто неслыханное, нѣчто ужасное; и старая нянька нѣсколько разъ повторяла, говоря о второмъ мальчикѣ, что онъ „дитя несчастья, бѣдный, обездоленный маленькій принцъ!"

Тогда герцогиня вспомнила, что она въ предъидущую ночь видѣла во снѣ, какъ драконъ нападалъ на ея младшаго мальчика. Великій страхъ объялъ ея душу; она велѣла принести себѣ ребенка и, когда его положили возлѣ нея голенькаго, стала ощупывать своими ослабѣвшими руками его маленькую

круглую головку, прямую спинку и стройныя ножки. О, какъ это благотворно на нее подѣйствовало!

Мальчикъ былъ сложенъ безукоризненно и, если ему чего недоставало, то всего только сѣдаго локона. Молодая мать не могла вдоволь насмотрѣться на него и наконецъ, склонившись надъ ребенкомъ, проговорила вполголоса:

— Милое, дорогое дитя, ты такъ же дорогъ и близокъ мнѣ, какъ твой братъ. Онъ будетъ герцогомъ, но это счастье не такъ ужь велико, и мы не станемъ его оспаривать. Подданные доставятъ ему въ свое время не мало заботъ. Для нихъ онъ долженъ расти сильнымъ и крѣпкимъ, и, конечно, кормилица дастъ ему болѣе питательную пищу, чѣмъ я, слабая женщина. Но тебя, бѣдное, дорогое, несчастное дитя, я буду кормить собственною грудью, и если ты не будешь счастливъ въ жизни, вина будетъ не моя.

Когда явился главный пасторъ, чтобы спросить, какое имя намѣрена дать герцогиня второму мальчику, такъ какъ первый несомнѣнно долженъ называться Венделиномъ XVI, она снова вспомнила свой сонъ и проговорила торопливо:

— Георгіемъ, такъ какъ онъ побѣдилъ дракона.

Старикъ сочувственно посмотрѣлъ на герцогиню и сказалъ серьезно:

— Да, это хорошее для него имя.

Время шло, и оба принца благополучно росли. Георга кормила сама мать, Венделина—кормилица. Они выучились въ свое время лепетать, потомъ бѣгать, потомъ говорить, ибо въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между сыновьями герцога съ сѣдыми локонами и самыми обыкновенными мальчуганами. И, несмотря на то, ни одинъ ребенокъ не похожъ въ сущности на другаго. Если бы нашелся такой выродокъ изъ школьныхъ учителей, который пожелалъ бы написать идеальную книгу о воспитаніи, въ ней пришлось бы сдѣлать столько главъ, сколько на свѣтѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, а слѣдовательно, книга вышла бы не изъ тонкихъ.

Что же касается нашихъ царственныхъ близнецовъ, то въ нихъ уже съ первыхъ дней жизни выразилось большое несходство. Волосы Венделина были гладки и, если бы не сѣдой локонъ,—который въ видѣ серебрянаго вопросительнаго знака ниспадалъ на его лѣвый високъ,—были бы совершенно черны: у Георга же были свѣтло-русые, курчавые волосы. Роста они были одинаковаго до семилѣтняго возраста, но затѣмъ младшій сталъ тянуться больше старшаго. Они очень любили другъ друга, но игры, которыя нравились одному, рѣдко приходились по вкусу другому, и можно было подумать, что глаза ихъ созданы по различному рецепту, ибо то, что Георгу казалось бѣлымъ, братъ его видѣлъ часто въ черномъ цвѣтѣ.

За обоими былъ установленъ тщательный присмотръ: ни тотъ, ни другой никогда не оставались одни. Старшему это нравилось: онъ любилъ лежать спокойно, когда его обмахивали опахалами и отгоняли отъ него мухъ; при этомъ онъ требовалъ, чтобы ему разсказывали сказки, которыя охотно слушалъ, пока не задремлетъ. Удивительно было, какъ крѣпко и долго онъ могъ спать. Придворные говорили, что онъ набирается силъ для тяготъ будущаго правленія.

Онъ еще не научился порядочно говорить, но уже отлично умѣлъ приказывать и никогда не пошевелилъ пальцемъ тамъ, гдѣ другіе могли за него что-нибудь сдѣлать. При этомъ его спокойное лицо съ большими усталыми глазами было такъ необычайно красиво, что сама мать смотрѣла на него со страхомъ и уваженіемъ, какъ на нѣчто сверхъестественное. За него ей не приходилось тревожиться: во всей странѣ не было болѣе послушнаго, примѣрнаго мальчика.

Совсѣмъ не таковъ былъ Георгъ „дитя несчастья“. За нимъ всегда требовался самый бдительный надзоръ; шалости какъ будто гнѣздились у него въ крови, и можно было подумать, что онъ намѣренно призываетъ на свою голову несчастія, которыя и безъ того угрожали ему. Онъ при всякой возможности ускользалъ отъ наблюденія приставленныхъ къ нему лакеевъ и сторожей; придумывалъ головоломныя игры, къ участію въ которыхъ привлекалъ также сыновей садовниковъ и служащихъ въ замкѣ.

Строить и вѣчно строить—было его маніей.

Онъ то сооружалъ дома изъ камней, то рылъ глубокія пещеры съ залами и коридорами. При этомъ онъ работалъ усерднѣе всѣхъ своихъ сверстниковъ, и когда возвращался во дворецъ, весь въ грязи, въ капляхъ пота на лбу, придворные задумчиво покачивали головами и съ удовольствіемъ переводили глаза на Венделина, который, какъ истый герцогскій сынъ, никогда не пачкалъ своихъ бѣлоснѣжныхъ рукъ.

По всему видно было, что Георгъ сортомъ пониже своего высокорожденнаго брата. Когда старшій жаловался на жару, младшій, не долго думая, кидался въ озеро. Когда Венделину было холодно, Георгъ восхищался свѣжимъ, бодрящимъ воздухомъ. За нимъ герцогиня хотѣла бы имѣть сто глазъ; ей часто приходилось бранить и порицать его, тогда какъ старшій сынъ слышалъ отъ нея одни только похвалы. Но за то, когда Георгъ, совершенно не по-герцогски, стремительно бросался къ ней на грудь, она ласкала и цѣловала его и не могла выпустить изъ своихъ объятій; когда же хотѣла быть особенно нѣжна съ Венделиномъ, то только прикасалась губами къ его лбу или гладила его по головѣ. Георгъ былъ далеко не такъ красивъ, какъ его братъ: у него было просто розовое, свѣжее дѣтское лицо, но за то взглядъ его глазъ былъ необычайно глубокъ и искрененъ; въ этомъ взглядѣ герцогиня читала все то, къ чему стремилось ея собственное сердце.

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

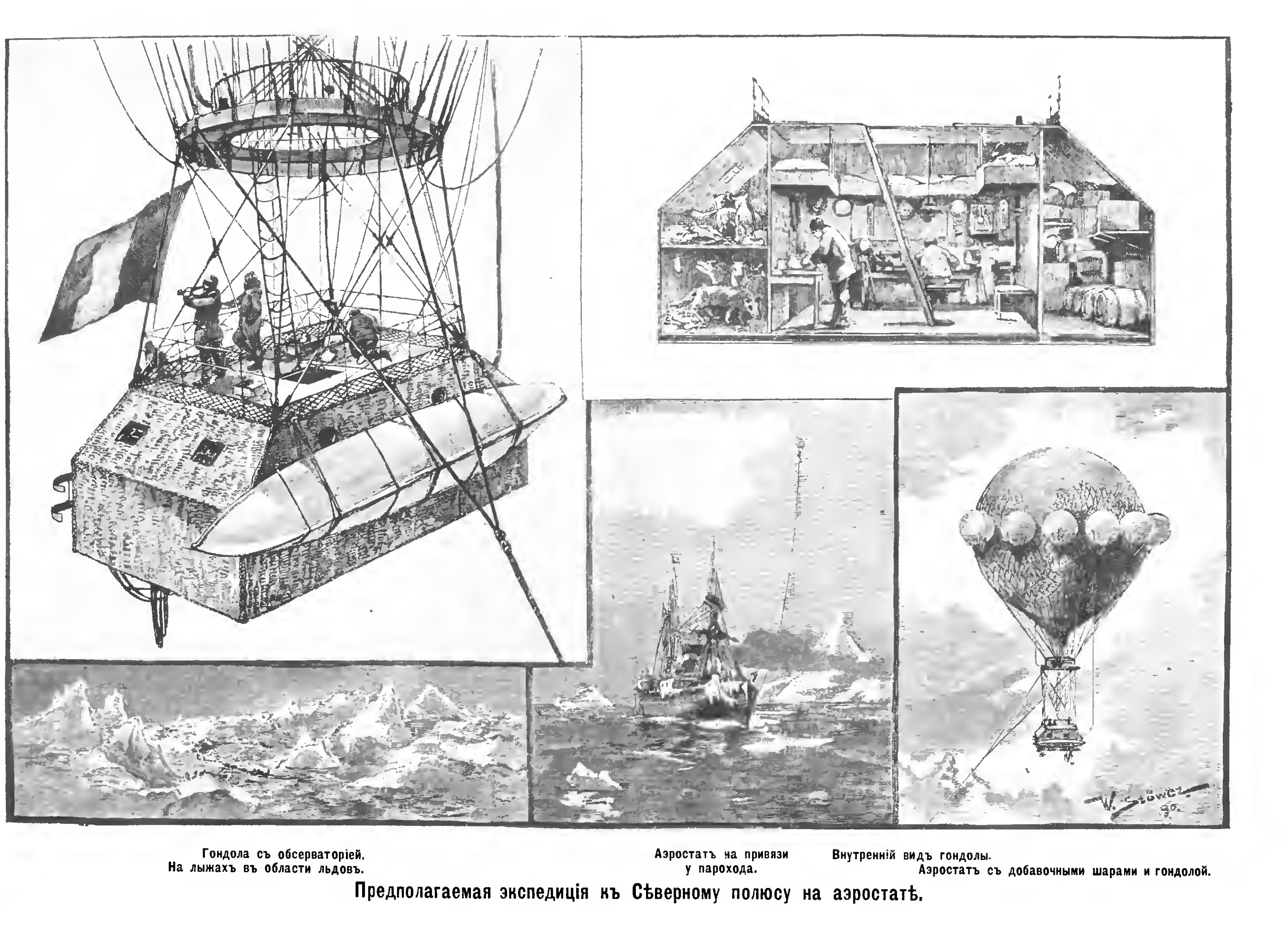
Гоголевскія повѣсти.

Гоголь началъ свое великое литературное поприще, какъ извѣстно, „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“. За ними непосредственно слѣдовалъ рядъ роскошныхъ повѣстей, извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Арабески и Миргородъ“ („Старосвѣтскіе помѣщики“, „Вій“, „Тарасъ Бульба“, „Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“, „Невскій проспектъ“ и пр.), къ которымъ позже прибавилось уже не многое, завершенное „Шинелью“ въ 1842 году. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей были замѣчательно измѣнены къ изданію 1842 года, выигравъ и въ художественности, въ формѣ, и въ значительности содержанія. Разсматривая эти произведенія Гоголя въ порядкѣ ихъ появленія, невозможно не поразиться необычайно быстрымъ ростомъ и раскрытіемъ геніальнаго таланта ихъ автора,—съ каждымъ новымъ шагомъ великій творецъ „Тараса Бульбы“ обнаруживалъ ширь и мощь проникновенія въ законы жизни, мысль его крѣпла, и воззрѣнія на дѣйствительность становились серьезнѣе и глубже. Тѣмъ не менѣе, въ общей суммѣ дѣятельности Гоголя, по общепринятому воззрѣнію, повѣсти его имѣютъ не первостепенное мѣсто и значеніе; произведенія позднѣйшія, крупныя, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“ и пр., съ которыми связываются представленія объ общественныхъ заслугахъ, о раскрытіи золъ общественной жизни русской, объ опредѣленіи ея характера,—они ставятся истиннымъ основаніемъ славы Гоголя, вѣчной славы, неувядающей.

Но если смотрѣть на поэзію не только какъ на средство постановки и рѣшенія общественныхъ вопросовъ, если она должна учить и воспитывать людей въ сферѣ ихъ повседневныхъ душевныхъ движеній, чувствъ и мыслей, составляющихъ основаніе, почву для мыслей и чувствъ высшаго порядка, каковы общественныя и общемировыя, — то простыя повѣсти Гоголя, безпритязательныя по глубокія, выростутъ въ нашихъ глазахъ до огромныхъ явленій въ русской литературѣ.

„Вечера на хуторѣ“, въ которыхъ отразилась родина великаго поэта, Малороссія, дышатъ такою свѣжестью, молодостью впечатлѣній, такою упоительною поэзіей! Читатель переживаетъ въ нихъ съ авторомъ годы молодости, годы непосредственнаго слиянія съ міромъ, годы радостнаго созерцанія природы и жизни, еще не смущеннаго опытомъ и утомленіемъ, горькими сомнѣніями и разочарованіями. Какъ упоительно прекрасны лѣтній день и лунная чарующая ночь въ произведеніяхъ Гоголя, какъ незлобивъ и мягокъ его юморъ, съ которымъ онъ относится къ явленіямъ людской жизни! Вѣчно погруженнымъ въ тяжкія заботы мелкой дѣйствительности, утомленнымъ уже жизнью людямъ—и тѣмъ отрадно на мгновеніе отрѣшиться отъ гнетущихъ и втягивающихъ мелочей и погрузиться въ созерцаніе картины, гдѣ „мѣсяцъ блистательно и чудно плыветъ въ необъятныхъ пустыняхъ роскошнаго украинскаго неба“, гдѣ въ вышинѣ „торжественно дышетъ“ и „величественно догораетъ“ ночь, божественная ночь, а также „прекрасна земля въ дивномъ серебряномъ блескѣ“.

Но чѣмъ дальше вы идете съ Гоголемъ, тѣмъ больше и больше начинаютъ звучать иныя струны жизни, развертываются передъ вами иныя перспективы. Народныя повѣрья родной Малороссіи сообщаютъ повѣствованіямъ „великаго поэта жизни дѣйствительной“, какъ называетъ Гоголя Бѣлинскій, строгій колоритъ, и, напр., въ „Страшной мести“, среди роскошной природы и игриво комической жизни, возбуждающей развѣ смѣхъ, передъ вами уже суровая игра страстей человѣческихъ, трагическій мрачный характеръ которыхъ уже обнимаетъ васъ, томитъ и волнуетъ. И рядомъ съ этимъ глубокія нравственныя основанія жизни выдвигаются на этомъ фонѣ въ одно и то же время мрачнаго и прекраснаго, чарующаго разсказа. „Великую обиду нанесъ мнѣ сей человѣкъ: предалъ своего брата, какъ Іуда“, говоритъ одинъ изъ героевъ трагедіи на судѣ Божіемъ, и изобрѣтаетъ страшную казнь. „Страшна казнь, тобою выдуманная, человѣче!“ сказалъ Богъ, „пусть будетъ все такъ, какъ ты сказалъ; но и ты сиди вѣчно тамъ на конѣ своемъ и не будетъ тебѣ Царствія Небеснаго, покамѣстъ ты будешь сидѣть тамъ на конѣ своемъ!“ Вотъ нравственный смыслъ народнаго преданія, облеченнаго въ чудныя формы колоссальною фантазіей Гоголя: изобрѣтающій месть, самъ для себя приготовилъ осужденіе и наказаніе. Попытки въ фанта-



Гондола съ обсерваторіей. На лыжахъ въ области льдовъ.

Аэростатъ на привязи у парохода.

Внутренній видъ гондолы.

Аэростатъ съ добавочными шарами и гондолой.

Предполагаемая экспедиція къ Сѣверному полюсу на аэростатѣ.

эпическомъ родѣ, какъ „Страшная месть“ и вскорѣ за нею созданные „Вій“, „Портретъ“ въ „Арабескахъ и Миргородѣ“ и т. п., по общему замыслу не всегда удавались Гоголю; но они блестятъ такими мощно поэтическими частностями, которыя заставляютъ васъ не замѣчать недостатковъ, и всегда носятъ на себѣ печать высокихъ нравственныхъ законовъ, правящихъ жизнью.

Быстро кончились юношескія мечтанія Гоголя, его молодыя поэтическія грёзы скоро уступили мѣсто серьезнѣйшимъ и глубочайшимъ мыслямъ о жизни людской, о страшномъ противорѣчіи между идеаломъ человѣка и дѣйствительнымъ человѣкомъ, съ неустойчивостью его природы, съ искаженіями въ немъ образа и подобія Божія, которыя поражали въ дѣйствительности проницательныя очи поэта. Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ это противорѣчіе выражено въ простыхъ и задушевныхъ формахъ. Съ геніальнымъ чутьемъ истины, великій поэтъ не остановился на какихъ-либо глаза рѣжущихъ извращеніяхъ человѣческой природы. Нѣтъ, онъ беретъ самыхъ обыкновеннѣйшихъ изъ обыкновенныхъ людей, даже можно сказать лучшихъ людей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ, — но, Боже, какое поразительное ничтожество въ ихъ жизни! Эти два старичка, живущіе безъ интересовъ облагораживающихъ человѣческое существованіе, безъ умственной дѣятельности, стали рабами плотскихъ привычекъ, подобные растеніямъ. Души ихъ спятъ безпробудно и, казалось-бы, разбуди ихъ — и жизнь ихъ сразу сдѣлается содержательною и истинно человѣческою. Великая и простая мысль вложена въ это произведеніе Гоголя,—та мысль, что не тѣлесная, а духовная жизнь есть истинно человѣческая жизнь, что ничтожество грозитъ тому, кто пренебрежетъ интересами духа въ пользу плоти.

Какъ бы для освѣщенія той же идеи съ другой стороны, Гоголь рядомъ съ „Старосвѣтскими помѣщиками“ создалъ „Тараса Бульбу“. Въ этой роскошной эпопеѣ, отразившей съ необыкновенной яркостью внутреннее содержаніе, внутренній духъ исторической борьбы Малороссіи противъ Польши за вѣру и самобытность свою, Гоголь обнаружилъ свой великій талантъ съ совершенно новыхъ сторонъ. Какое проникновеніе въ духъ народа, въ отдаленную историческую эпоху, когда духъ этотъ принялъ формы грозныя и рѣшительныя! И вся она, эта эпопея, можетъ служить доказательствомъ, какая сила дается человѣку высокими интересами существованія, вѣрою, идеей отечества, вопросами не временнаго, а вѣчнаго существованія духа человѣческаго. Что такое этотъ простѣйшій Бульба, бьющійся со своими дѣтьми на кулачки, деспотически не обращающій вниманія на чувства матери, пьющій горилку и ничего знать не хотящій, кромѣ военнаго ремесла? Что такое его дѣти съ ихъ семинарскою премудростью, такъ дорого доставшеюся имъ при поощреніи березовыми гостинцами? И что такое вся эта Сѣчь Запорожская съ ея разгульемъ и вѣчнымъ бражничаньемъ? Но идея превращаетъ Тараса Бульбу въ величаваго героя, грознаго и твердаго, какъ скала, умѣющаго среди безграничныхъ предсмертныхъ мученій заботиться не о своемъ бренномъ существованіи, а о судьбѣ товарищей, отъ которыхъ онъ ждетъ продолженія своего дѣла. И сынъ его Остапъ, проникнутый тою же идеею, является передъ нами гигантомъ, когда онъ, предъ смертными муками только объ одномъ молитъ Бога, чтобы „не услышали нечестивые, какъ мучится христіанинъ“, въ то время, какъ братъ его, Андрій, отринувшій эту идею, не устоявшій передъ искушеніемъ временнаго счастія, погибаетъ жалко и низко. И какъ могуча и величава вся Сѣчь, съ ея выставляемымъ на показъ презрѣніемъ къ богатству, къ тѣмъ побрякушкамъ, которыми тѣшится человѣчество, подъ вліяніемъ все той же идеи! Чарующая форма, полная жизненной правды и движенія, той высокой художественности, до которой возвышаются только геніальнѣйшіе поэты, представляетъ только великую форму для великой идеи — о несущественности временнаго существованія человѣка передъ вѣчными задачами жизни.

Возьмете ли вы „Ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“, вы и тамъ найдете ту же великую идею въ ея развитіи. Въ герояхъ этой повѣсти, приниженныхъ безъидейнымъ существованіемъ, авторъ показываетъ, что даже искалѣченнымъ нравственно людямъ не чужда потребность идеаловъ существованія,—что и они ихъ ищутъ и, не будучи въ состояніи найти ихъ, замѣняютъ ихъ призраками, ложными идеями. Вѣдь вся сущность повѣсти въ томъ и состоитъ, что герои ея, погруженные въ самые мелкіе и пошлые интересы плотской жизни, хотятъ тѣмъ не менѣе быть носителями нѣкотораго рода „чести“, за которую они готовы отдать все, и состояніе, и душевное спокойствіе. Названіе „гусака“ — вотъ чего не могъ вынести одинъ изъ героевъ, и безконечная разорительная тяжба съ врагомъ, бывшимъ другомъ, наполняетъ все его существованіе. Не тотъ смыслъ повѣсти, столько разъ указанный, что-де до какого ничтожества можетъ унизиться человѣкъ, не обличеніе человѣческой природы,—а тотъ, что и въ самой униженной душѣ живутъ потребности высшихъ духовныхъ идеаловъ, безъ которыхъ жизнь пошла и безцвѣтна. Та же мысль, въ еще болѣе глубокой формѣ, проводится въ позднѣйшей „Шинели“. Какъ, повидимому, ни приниженъ человѣкъ, Акакій Акакіевичъ, но въ немъ до мелочей проявляется это исканіе идеальныхъ сторонъ существованія. Погруженный въ свое вѣчное и безсмысленное писанье, онъ и въ немъ ищетъ чертъ, открывающихъ ему, такъ сказать, пути къ идеалу: помните ли, съ какою любовью онъ стремится выводить буквы, подмигивая себѣ и любуясь ими. Наконецъ, его увлекаетъ „идея“ новой шинели, она становится его идеаломъ, въ это пустое дѣло онъ влагаетъ всю свою душу и гибнетъ за него. Но, въ смыслѣ широкомъ, не происходитъ ли въ немъ тотъ же душевный процессъ, который совершается въ душѣ великаго дѣятеля „идеи“ гибнущаго за нее. Вотъ почему Акакій Акакіевичъ говоритъ своимъ видомъ и жизнью: „я братъ твой“, въ укоръ непонимающимъ его. Не осужденіе природы человѣческой опять въ повѣсти Гоголя, а отраженіе лучшихъ свойствъ ея, низведенныхъ жизнью до комическаго.

Въ „Портретѣ“, какъ ни неудачна эта повѣсть, показывается, что въ самопожертвованіи за высшіе интересы человѣкъ находитъ больше счастья, чѣмъ въ удовлетвореніи временныхъ потребностей жизни, — судьба художника, героя повѣсти, говоритъ намъ объ этомъ. Въ „Невскомъ проспектѣ“ изображается тотъ случай, когда надежды на торжество высшихъ стремленіе обманчивы, — когда красота внѣшняя скрываетъ внутреннее безобразіе, и тамъ, гдѣ вы надѣетесь найти идеалъ, жизнь приготовитъ для васъ поражающій обманъ. И за подобные обманы гибнутъ. Но не отдадите ли предпочтеніе обманувшемуся идеалисту-художнику Пискареву передъ реальнымъ юношей поручикомъ Пироговымъ?..

Во всѣхъ повѣстяхъ Гоголя звучитъ одна и та же мысль, высокая и прекрасная, какъ и формы, въ которыя поэтъ облекаетъ ее. И въ этомъ смыслѣ общественное значеніе ихъ, не обличительное, а идейное, также огромно. Въ литературномъ смыслѣ повѣсти Гоголя были источникомъ новаго направленія въ литературѣ, убившемъ возможность писать выдуманныя хитросплетенія, которыми полна была русская литература, не смотря на то, что Пушкинъ уже далъ высокіе примѣры повѣсти. Гоголь обратилъ литературу къ изображенію будничной дѣйствительности и къ идеямъ которыя въ ней находятся. Съ тѣхъ поръ повѣсть перестала быть просто развлекающимъ чтеніемъ и получила высокій характеръ поучительнаго изображенія жизни.

Арс. Введенскій.

Листокъ воспоминаній къ юбилейному вѣнку.

(Посвящается **Николаю Игнатьевичу Музилю**).

I.

Осень 1863 года въ окрестностяхъ Москвы открылась валовымъ пролетомъ вальдшнеповъ, и насъ человѣкъ пять молодежи собралось на высыпки. Въ то время лѣса еще не были сведены желѣзнодорожниками. Охватывая Москву почти непрерывнымъ кольцомъ, они тянулись на десятки верстъ громадными дачами, примыкая на югѣ за Подольскомъ и Серпуховымъ къ непроглядпымъ чащамъ Брынскимъ. Подъ самою Москвой, верстахъ въ четырехъ за Серпуховскою заставою, въ сторону отъ почтоваго тракта, но также на шоссе (частномъ) расположено было великолѣпное имѣніе князя Меньшикова, Черёмушки, съ громаднымъ каменнымъ домомъ подъ куполомъ Александровскаго стиля, среди цвѣтника въ обширномъ паркѣ, незамѣтно переходившемъ въ лѣсъ. Версты двѣ далѣе отъ него, на взлобьѣ пологаго холма открывалась не менѣе богатая, и въ томъ-же стилѣ, кажется -Юсуповская, усадьба села Зюзина, съ его безконечными фруктовыми и ягодными садами: правѣе отъ него раскидывались лѣсныя дачи села Воронцова, прорѣзанныя прямыми какъ стрѣла аллеями, превращавшими ихъ въ своего рода паркъ; еще дальше Деревлевская сѣча и Коньковскій лѣсъ... А промежутки между ними были заняты сплошнымъ моремъ паросниковъ изъ дубняка, орѣшины, калины и т. д. Въ центрѣ всего этого вальдшнепиннаго и заячьяго раздолья ютилась тотчасъ за Черёмушками деревушка Шаболово, въ которой проживалъ мужичокъ Павелъ, страстный хотя и горе-охотникъ; мы знали его чуть не съ дѣтства. Стрѣлялъ онъ только „по сидячимъ“ изъ невозможнаго ружья съ самодѣльнымъ куркомъ, но вожакъ былъ неоцѣненный и даже сгоряча бросался вдогонку за пронуделеваннымъ зайцемъ. „Стой тутъ, я сейчасъ его на тебя выгоню!“ крикнетъ бывало, подберетъ полы зипуна и дуетъ во всѣ лопатки. Къ нему-то мы и отправились въ одну изъ субботъ послѣ обѣда, съ тѣмъ чтобы заночевать и взять еще утреннее поле въ воскресенье.

Всѣ мы были очень юны, въ началѣ двадцатыхъ годовъ жизни и моложе: оканчивавшій курсъ студентъ-медикъ В. М—скій съ братомъ, студентъ-юристъ В. Д—въ и студентъ Петровской Земледѣльческой академіи Н. М—лъ, поджидавшій брата, который долженъ былъ пріѣхать одинъ и попозже къ ночи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и познакомиться съ нами, такъ какъ онъ недавно прибылъ откуда-то изъ провинціи. Мы взяли вечернее

поле и, вернувшись въ тѣсную бревенчатую свѣтелку Павла, давно уже сидѣли за самоваромъ и захваченною съ собой закуской, и въ крохотныя окошечки глядѣла черная осенняя ночь—а поджидаемаго товарища все не было.

— Николаша навѣрно опять удралъ въ театръ, произнесъ наконецъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ М—ль, очевидно потерявъ надежду,—вотъ, господа, погодите — на Святкахъ будемъ устраивать обычный нашъ спектакль, ужъ тутъ онъ отличится—за поясъ насъ всѣхъ заткнетъ, не то что на охотѣ.

— Ужъ будто? спросилъ я съ усмѣшкой. Я тоже „игралъ“ съ дѣтскихъ лѣтъ и былъ преисполненъ нѣкотораго самомнѣнія въ этомъ отношеніи.

— Право! И толкнула-же его судьба на телеграфъ, тогда какъ изъ него можетъ-быть вышелъ-бы настоящій актеръ...

Мы всѣ еще стояли на жизненномъ распутіи: разговоръ невольно перешелъ къ тому, какъ многіе у насъ въ Россіи долго не находятъ своего призванія, если не совсѣмъ манкируютъ его. Мнѣ эта тема въ то время была даже ближе другихъ. Года два тому назадъ кончивъ курсъ кандидатомъ естественнаго факультета, я въ то время служилъ въ Сенатѣ и мечталъ о литературномъ поприщѣ. „Николаша“ не пріѣхалъ и къ утру. Порядкомъ набивъ ягташи, кто вальдшнепами, а кто и дроздами, въ конецъ усталые мы тронулись въ обратный путь на Москву и подошли уже къ Черемошкинскому княжескому дому, откуда начиналось шоссе, обсаженное съ обѣихъ сторонъ густыми куртинами парка, какъ вдругъ на песчаной дорогѣ показались подъѣзжавшія извозчичьи дрожки съ сѣдокомъ, который немилосердно гналъ возницу.

— А вѣдь это Николаша! воскликнулъ М—ль, и пародируя Грибоѣдовскій стихъ, обратился къ слѣзавшему съ дрожекъ брату:—Изволилъ во время явиться! Коли на вальдшнеповъ, то можешь возвратиться.

— Какъ?... Почему?... Что такое?... необычно громко, рѣзко и отчетливо заговорилъ прибывшій, съ самою впрочемъ добродушной улыбкой, — нѣтъ, я во всякомъ случаѣ буду охотиться... Пойдемте назадъ, а?

Предъ нами былъ средняго роста, но статный и какъ-уютно-складный, смугловатый, подвижный какъ ртуть, молодой человѣкъ, съ необыкновенно живыми, пронизывающими васъ, темными глазами и неподдѣльно-комическою складкой у носа и губъ. Онъ носилъ форму телеграфиста, при охотничьихъ сапогахъ, и гладкую прическу съ небольшимъ кокомъ надъ выпуклымъ лбомъ, котораго красивыя линіи кинулись мнѣ въ глаза, когда онъ снялъ фуражку и сталъ вытирать его платкомъ. Насъ перезнакомили. Онъ до боли крѣпко пожималъ намъ руки, какъ-то сразу обдавая насъ искренностью чувства и смущая своимъ испытующимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это что-жъ такое, и слышать не хочу, вернемтесь—я пріѣхалъ охотиться и буду во что бы то ни стало, повторялъ онъ.—А? Какъ по вашему? Ура! впередъ!

— Да помилуй, хорошо тебѣ говорить, перебилъ его братъ,—а мы-то вѣдь ноги всѣ отбили за цѣлыя сутки... Впору только до Москвы добраться...

Неподдѣльное огорченіе разомъ, словно набѣжавшая туча, омрачило подвижныя черты „Николаши“.

— Экое горе! проговорилъ онъ и почесалъ затылокъ съ такою выразительностью, что мы всѣ невольно покатились со смѣху. Дѣло наконецъ уладилось. Кто-то изъ братьевъ М—скихъ, страстныхъ охотниковъ, выразилъ желаніе сопутствовать „Николашѣ“ на охоту, а мы четверо, простившись съ нимъ, стали размѣщаться всѣ гуртомъ на его извозчикѣ, таки-взявшемся дотащить насъ до Москвы. Пока остальные усаживались, я глядѣлъ въ слѣдъ новому знакомому, который мнѣ сразу понравился. „Николаша“, со свойственною ему порывистостью, уже большими шагами рядомъ съ М—мъ, помахивая ружьемъ на перевязи и оживленно бесѣдуя съ нимъ, мимо великолѣпнаго Меншиковскаго дома...

Думалъ-ли я въ то время, что предо мною будущій крупный сценическій талантъ и что мы стоимъ у того самаго дома, которому суждено быть мѣстомъ перваго его публичнаго успѣха?

II.

Настали Святки. Къ этому времени мы уже всѣ сошлись съ „Николашей“. Его неистощимая веселость и остроуміе дѣлали его душой нашего кружка, и обычный домашній спектакль на этотъ разъ было рѣшено дать у братьевъ М—ль. Отецъ ихъ, осанистый старикъ съ бѣлою какъ снѣгъ львиною гривой сѣдинъ и крупными чертами лица славянскаго типа (родомъ чехъ), отличался широкимъ гостепріимствомъ, а большой трехъэтажный домъ его, за-Москворѣчьемъ, близъ Конной площади, съ просторными залами представлялъ всѣ удобства для устройства сцены. Выбрали мы пьесу Королева „Карьера“, въ которой „Николаша“ долженъ былъ играть роль пропойцы Орѣхина. Случилось такъ, что за все это время мнѣ не приходилось даже поговорить съ нимъ о театрѣ; я тогда готовилъ къ печати свою первую литературную попытку и, весь поглощенный этимъ, почти забылъ о сценическихъ способностяхъ новаго пріятеля. Теперь-же, занявъ по обыкновенію роль старика, по пьесѣ—откупщика, я вспомнилъ нашу вечернюю бесѣду въ Шаболовѣ и, полный прежняго самомнѣнія, предвкушалъ свое торжество давнишняго „опытнаго актера“. Я недурно читалъ, подражая старческому голосу, развязно — пожалуй даже черезчуръ—двигался по сценѣ, кое-какъ жестикулировалъ, предоставлялъ гриммировку парикмахеру — и въ простотѣ сердечной полагалъ, что очень похожъ на Щепкина, считая даже излишнимъ для хорошаго актера заглядывать въ зеркало. Какъ всегда бываетъ при домашнихъ спектакляхъ, на первыхъ репетиціяхъ мы больше ухаживали за женскимъ персоналомъ — какъ нарочно, въ числѣ его замѣшалась одна бѣдовая „вдовушка“ лѣтъ двадцати трехъ,—никто не зналъ роли, дѣло ограничивалось считкой, и какъ-то вдругъ подошло время спектакля. Наканунѣ назначили „генеральную репетицію въ костюмахъ“, но у меня разболѣлась голова и я не поѣхалъ, увѣренный въ своихъ силахъ. Въ самый день спектакля, меня со всѣхъ сторонъ встрѣтили возгласами:

— Какъ хорошъ былъ вчера Николаша!.. Чудо что такое!.. Куда намъ!..

— А вотъ увидимъ! самодовольно отвѣчалъ я, проходя въ уборную.

Но увидѣть мнѣ довольно долго не приходилось. Въ теченіе перваго акта меня гриммировали и одѣвали, а во второмъ и третьемъ — на сценѣ мнѣ было не до наблюденій, да и роль Орѣхина, пока еще не спившагося зауряднаго молодаго чиновничка, не особенно выдавалась. Николаша сквозь собственную мою игру показался мнѣ довольно безцвѣтенъ. А ужь я-то старался, изображая шестидесятилѣтняго, безсердечнаго старика, умирающаго отъ апоплексическаго удара вслѣдствіе сильнаго припадка гнѣва: я просто надсаживался, то хрипѣлъ, то взвизгивалъ своимъ двадцатилѣтнимъ голосомъ, размахивалъ руками, наконецъ зашатался и ушелъ со сцены опираясь на чье-то плечо, посреди обычныхъ въ домашнемъ кружкѣ рукоплесканій.

— Ну что, какъ вы находите мою игру? спросилъ я у „Николаши“, столкнувшагося со мной за кулисами.

— Да... что-жъ... очень хорошо, отвѣтилъ онъ, противъ обыкновенія глядя какъ-то въ сторону.—А вотъ вы теперь освободились, торопливо заговорилъ онъ, словно спѣша перейти къ другому предмету, — не посуфлируете-ли послѣдній актъ? М—скому надо играть теперь самому.

— Съ удовольствіемъ.

„Завидуетъ!“ подумалъ я, опускаясь въ суфлерскій люкъ, между тѣмъ какъ онъ побѣжалъ переодѣваться. И вотъ я не безъ любопытства засѣлъ въ своей будочкѣ, выставивъ одну голову надъ поломъ сцены, и приготовился смотрѣть „Николашу“. Самодѣльный занавѣсъ поднялся шурша. Сцена изображала трактирную залу, и за буфетной стойкой съ графинчиками и закусками помѣстился уже младшій М—скій въ костюмѣ половаго, съ полотенцемъ черезъ плечо. Онъ что-то говоритъ, кажется насчетъ невыгодности трактира въ захолустномъ городкѣ, гдѣ такъ мало проѣзжихъ. Вдругъ отворяется средняя дверь, и входитъ... да кто же это?.. я глазамъ не повѣрилъ. Я ожидалъ увидѣть „Николашу“ М—ля, какъ видѣлъ уже его брата, М—скаго, его сестру. А тутъ входитъ вдругъ какой-то испитой оборванецъ, въ заплатахъ, небритый до синевы на впалыхъ щекахъ и подбородкѣ, съ красненькимъ носомъ и слезящимися глазками горькаго пьяницы,—портретъ одного изъ тѣхъ субъектовъ, которые подходятъ къ вамъ у Иверскихъ воротъ съ предложеніемъ написать просьбу или останавливаютъ васъ протягивая руку съ возгласомъ: „бла-а-родному человѣку пурбуаръ!“ Входитъ онъ, робко озираясь на всѣ стороны, но увидавъ половаго, внезапно принимаетъ развязный и даже слегка надменный видъ, тщательно прячетъ прорванные рукава за спину и начинаетъ свысока разспрашивать половаго о торговлѣ.

— Прячь, прячь локти-то! бормочетъ половой, котораго маневръ этотъ, очевидно, не можетъ провести.

Орѣхинъ взглядываетъ на стойку—и Боже мой, какою голодною, животною жадностью загораются его глаза, колѣна начинаютъ трястись... Чтобы подкрѣпиться сколько-нибудь „для контенансу“, онъ, отворачиваясь отъ половаго, достаетъ изъ кармана рваныхъ панталонъ маленькій фунтикъ свернутой бумаги, беретъ изъ него понюшку табаку, наклоняясь набиваетъ то ту, то другую ноздрю и вытираетъ носъ грязнѣйшимъ цвѣтнымъ платкомъ, который также тщательно прячетъ, отворачиваясь въ другую сторону.

Я замеръ въ своемъ люкѣ и впился въ него глазами, совершенно забывъ о своей обязанности. Къ счастью, оба отлично знали свою роль и шли безъ суфлера. Орѣхинъ какъ будто выросталъ предо мною въ новомъ свѣтѣ...

— Что это у тебя тутъ? указываетъ онъ половому дрожащимъ пальцемъ на графинъ,—водка, кажется?

— Точно такъ-съ, рябиновая...

— Удивительно вкусная вещь эта рябиновая, говоритъ Орѣхинъ, прищелкивая языкомъ и протягивая руку.

— Да-съ, денегъ стоитъ, отвѣчаетъ половой и отставляетъ графинъ подальше.

— А это что у тебя тутъ? какъ бы не замѣчая грубости, наклоняется Орѣхинъ къ стойкѣ,—кажется бутербродъ съ телячьимъ бульономъ?

Онъ такъ это выговорилъ, что я почувствовалъ, будто у меня самого, что называется, слюнки текутъ.

— Точно такъ-съ, съ жалеемъ.

— Дай-ка мнѣ...

— Пятачекъ пожалуйте, отстраняетъ его руку половой.

Орѣхинъ начинаетъ ощупывать свои карманы, лѣзетъ пальцами то въ тотъ, то въ другой, и дѣлаетъ удивленные глаза снова шаритъ, выворачиваетъ одинъ карманъ, выражаетъ до осязаемости притворный испугъ на лицѣ, увѣряетъ, что забылъ или потерялъ кошелекъ.

— Шаромыга ты, шаромыга! бормочетъ половой и начинаетъ выживать гостя.

Надменный тонъ посѣтителя вдругъ замѣняется фамильярно-просительнымъ.

— Вотъ что, почтенный, умильно заговариваетъ Орѣхинъ, дай ты мнѣ чуточку... понимаешь, только чуточку, показываетъ онъ двумя пальцами величину рюмки съ наперстокъ, — червячка заморить...

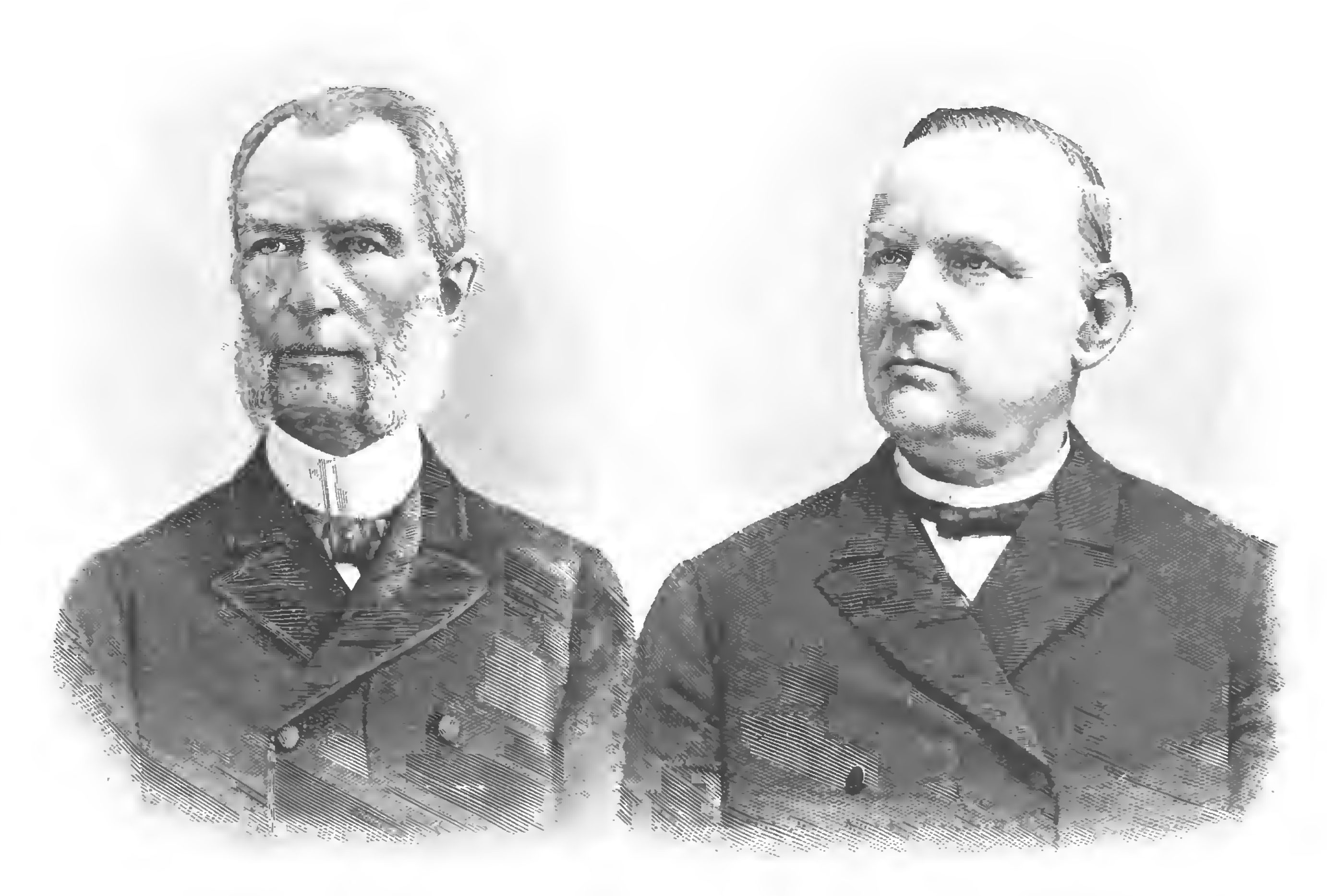
— Ступай, ступай! теряетъ терпѣніе половой и даетъ Орѣхину толчка отъ стойки.

мымъ нагляднымъ образомъ. Одинъ изъ нашихъ актеровъ, игравшій драматическую роль піесы и воображавшій, что „беретъ нутромъ“, впалъ въ невѣроятно фальшивую декламацію, которая становилась еще ужаснѣе на ряду съ репликами Николаши, началъ въ увлеченіи ложнымъ паѳосомъ потрясать боковую декорацію за створку открытаго окна, сорвалъ и опрокинулъ ее себѣ окномъ на голову, она застряла у него на шеѣ—и онъ, бросившись бѣжать, буквально вынесъ ее на плечахъ, причемъ голова торчала словно изъ громаднаго воротника, къ общему хохоту зрителей.

Едва опустили занавѣсъ, я бросился въ уборную и, отыскавъ „Николашу“, окруженнаго всѣми нашими, присоединилъ свои восторженныя поздравленія.

— Вамъ предстоитъ блестящая будущность на сценѣ! воскликнулъ я.

— О? Ну вотъ! развѣ въ самомъ дѣлѣ хорошо? проговорилъ онъ со своей милой улыбкой и чуть не ломая мнѣ пальцевъ рукопожатіемъ.— Вы очень добры, право!



Михаилъ Николаевичъ Капустинъ, попечитель СПБ. учебнаго округа. Съ фот. Рёша, грав. Шюблеръ.

Николай Алексѣевичъ Лавровскій, попечитель Дерптскаго учебнаго округа. Съ фот. Конрада, грав. Шюблеръ.

Тотъ, перевернувшись раза два на стоптанныхъ каблукахъ, отходитъ въ сторону и задумывается.

— Однако положеніе! произноситъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

Вся зрительная зала загудѣла отъ рукоплесканій, а у меня будто повязка съ глазъ свалилась.

„Господи, такъ вотъ что̀ такое актеръ! Какъ же этого до сихъ поръ мнѣ точно въ голову не приходило! А еще театралъ!.. Шлегеля тоже о драматическомъ искусствѣ читалъ!.. Вѣдь это каждое слово, каждое движеніе, каждая складка лица — плодъ подробнѣйшаго изученія, а все такъ просто и естественно, какъ сама жизнь!“

Теперь только мнѣ стали понятны тѣ неотвязные, проницательные взгляды, которыми „Николаша“ вдругъ, среди разговора, впивался въ каждаго изъ насъ и которые такъ смущали меня на первыхъ порахъ знакомства. Это онъ подмѣчалъ и фотографировалъ въ своей памяти наши ухватки или мимику, почему либо казавшіяся ему характерными. Онъ жилъ и работалъ своему искусству нераздѣльно.

И какъ мнѣ стыдно стало недавнихъ моихъ поползновеній затмить его, какимъ ничтожествомъ показалось мнѣ все мое мимо-сценическое прошлое! Мнѣ стала ясна вся разница между истиннымъ дарованіемъ, которое чутьемъ угадываетъ тайны своего искусства, — и дилетантомъ не умѣющимъ приложить къ дѣлу своей хотя бы и обширной начитанности.

Этому выводу суждено было тутъ же и подтвердиться самымъ нагляднымъ образомъ.

Долго толковали у насъ въ кружкѣ о новомъ, настоящемъ талантѣ. Съ этого спектакля мы стали все чаще и чаще играть; вмѣсто двухъ обычныхъ, святочнаго и масляничнаго, потянулся цѣлый рядъ чередовавшихся то у тѣхъ, то у другихъ изъ общихъ знакомыхъ, играли точно запоемъ, — и такъ подошло лѣто. Мы всѣмъ кружкомъ переѣхали на дачи въ Черёмушки и Шаболово, конечно не въ свѣтелку Павла, чѣмъ онъ сильно обижался. Впрочемъ, кто-то и у него, кажется, поселился. И тутъ-то, разъ, на общей прогулкѣ въ Черемошкинскомъ паркѣ возникла мысль дать спектакль въ Меншиковскомъ домѣ, который стоялъ въ то время совершенно пустой, и дать его en grand, то-есть публику пригласить изъ Москвы. Сказано, сдѣлано. Мы договорились съ управляющимъ, и работа закипѣла. Громадная зала, въ два свѣта, была превращена въ зрительную, причемъ треть ея пошла на сцену. Павелъ и тутъ явился необходимымъ помощникомъ при стройкѣ подмостокъ, улаживая наши отношенія съ поставщиками лѣса, досокъ и мѣстными плотниками. Наконецъ, онъ же былъ приставленъ къ занавѣсу. „Николаша“ кипѣлъ энергіей и всюду поспѣвалъ, точно летая, — руководилъ устройствомъ сцены, то и дѣло самъ что-то приколачивалъ и подмалевывалъ, присматривалъ за шитьемъ занавѣса, которымъ заняты были дамы кружка, авторитетно распоряжался на репетиціяхъ, — всѣ уже мало-по-малу подчинились ему. Днемъ шли работы, считки и репетиціи гдѣ-нибудь на площадкѣ парка, а позже, темными іюльскими вечерами съ золотой луною и черными

тѣнями деревьевъ, общество разбивалось на пары, и въ темныхъ боковыхъ аллеяхъ слышались восторженныя декламаціи стиховъ, робкій шопотъ, веселый смѣхъ...

...О наша юность, о наша свѣжесть!..

Наконецъ, насталъ и день спектакля. Тотчасъ послѣ обѣда стали прибывать изъ Москвы кареты, коляски, пролетки и простыя извозчичьи дрожки съ публикой, которая кое-какъ размѣщалась по дачамъ знакомыхъ, а то и просто въ паркѣ дожидалась гуляя. Прежде мы давали свои представленія тѣсному кружку знакомыхъ; теперь-же, благодаря обширности помѣщенія, мы впервые выступили почти публично: мы сами не ожидали такого съѣзда. Нѣсколькихъ возовъ съ вѣнскими стульями, прибывшихъ изъ Москвы, не хватило, пришлось пополнять задніе ряды садовыми скамьями. Къ вечеру зажглись плошки и стаканчики на подъѣздѣ и въ цвѣтникѣ. Сборный оркестръ грянулъ тушъ навстрѣчу публикѣ, вступавшей въ импровизованный храмъ Таліи и Мельпомены...

Шла какая-то пьеса Островскаго для всего кружка и „Колечко съ бирюзой“ исключительно для „Николаши“. За все это время онъ переигралъ много ролей, выступалъ то Бородкинымъ, то Кочкаревымъ, то водевильными jeune-premiers и, само-собою разумѣется, всюду восхищалъ насъ, преданныхъ ему пріятелей. Но теперь онъ страшно волновался. Замѣтно поблѣднѣвшій, съ разсѣяннымъ взглядомъ горящихъ глазъ, онъ появлялся то въ уборной, то на сценѣ, дѣлая послѣднія распоряженія, почти не слушая, что ему говорятъ, и его нервность невольно передавалась всѣмъ намъ...

Но всѣ уже чувствовали, что дѣло не въ насъ, что это *его* день, - рѣшительный день для „Николаши“.

И вотъ мы всѣ собрались въ уборной, онъ выпилъ стаканъ холодной воды, сѣлъ передъ зеркаломъ, взялъ краски и притиранья и замеръ въ строгой сосредоточенности, вглядываясь въ свое лицо и накладывая гриммъ.

Успѣхъ его въ этотъ вечеръ былъ необычайный. Вызовамъ не было конца. Фамилія его переходила изъ устъ въ уста среди съѣхавшейся публики. Москва впервые замѣтила его...

Съ тѣхъ поръ прошло уже четверть вѣка служенія его любимому искусству на сценѣ Малаго театра... Дай Богъ ему дождаться еще такого же юбилея.

В. Клюшниковъ.

Николай Игнатьевичъ Музиль (по поводу 25-лѣтія артистической дѣятельности). Съ фот. Конарскаго, грав. Шюблеръ.

Къ рисункамъ.

Первый иней. (Рис. на стр. 1172 и 1173).

Точно серебромъ изукрашенъ первымъ инеемъ обнаженный лѣсъ. Поблекшая трава, опавшіе листья, темные стволы и вѣтви покрылись бѣлымъ налетомъ, предтечей первыхъ заморозковъ. Легкій туманъ еще не успѣлъ подняться и застилаетъ дали серебрянаго лѣса, въ которомъ съ отголоскомъ раздаются мѣрные удары топора...

Піанистка Шарлотта Бойсъ-Рюнкеръ.

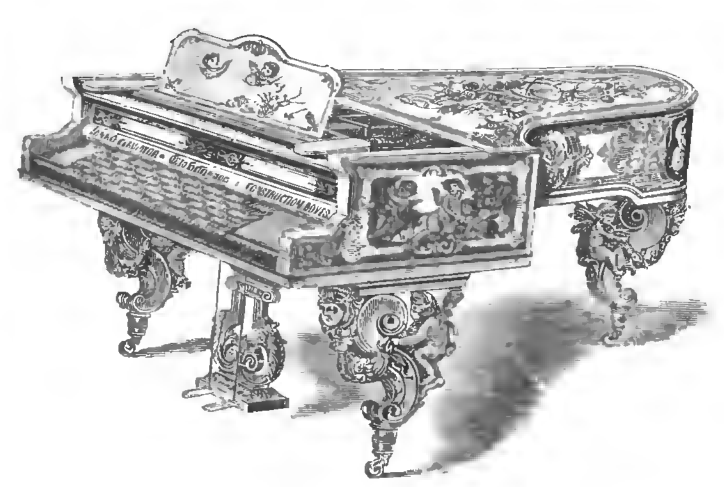
Милость побѣжденнымъ. (Рис. на стр. 1177).

Тяжелымъ временемъ для античной Греціи была борьба ея съ персидскимъ могуществомъ. Точно бурный потокъ, все разрушая и истребляя на своемъ пути, двинулись персы на Элладу, и только единодушіе ея обитателей и военныя доблести Мильтіада и Ѳемистокла положили преграду грозному опустошенію.

Въ эту печальную эпоху и переноситъ зрителя картина Кальдерона. Городъ взятъ, преданъ огню и мечу—и жители его, обезумѣвшіе отъ страха, выслали своихъ женъ и дѣтей просить у побѣдителя милости и состраданія побѣжденнымъ.

Отдыхъ послѣ удачной охоты на дикихъ козъ. (Рис. на стр. 1180).

Прелестные охотничьи жанры академика Кившенко хорошо знакомы нашимъ читателямъ. На прилагаемомъ рисункѣ художникъ изобразилъ привалъ стрѣлковъ послѣ облавы на дикихъ козъ или косуль, какъ называется самый маленькій олень изъ водящихся въ Западной Европѣ и въ Россіи. Охота удалась вполнѣ—добыты двѣ козы, лежащія на травѣ у ковра, на которомъ подкрѣпляютъ свои силы охотники.



Фортепіано системы Янко.

Адресный столъ. (Рис. на стр. 1181).

На Садовой улицѣ, въ зданіи Спасской части, въ Петербургѣ, помѣщается Адресный столъ, гдѣ за ничтожное вознагражденіе (2 коп.) всякій можетъ узнать мѣсто жительства любаго изъ милліона обитателей нашей столицы. Оттого съ утра до вечера онъ и переполненъ самою разнообразною публикой, какъ это видно на нашемъ рисункѣ.

Эспедиція къ Сѣверному полюсу съ помощью аэростата. (Рис. на стр. 1185).

Французскій астрономъ Густавъ Эрмитъ и воздухоплаватель Безансонъ, тщательно изучившіе въ теоріи и на практикѣ воздухоплаваніе, выработали проектъ полярной экспедиціи съ помощью воздушнаго шара. Имъ удалось собрать для необходимыхъ расходовъ сумму въ 560,000 франковъ, изъ которыхъ 500,000 франковъ предназначаются на издержки самой экспедиціи и 60,000 фр. на устройство шара. Это устройство изображено на нашемъ рисункѣ: планъ весьма хорошо обдуманъ и представляетъ, благодаря своимъ особенностямъ, большой интересъ, какъ это съ перваго же взгляда ясно тому, кто знакомъ съ обычнымъ устройствомъ аэростатовъ.

Новый шаръ для полета на Сѣверный полюсъ—представляетъ значительную массу: при вполнѣ шарообразной формѣ онъ имѣетъ объемъ въ 15,000 куб. метр. и въ діаметрѣ 30 метр.; онъ наполняется чистымъ водородомъ и поднимаетъ 16,500 килограммъ; вѣсъ этотъ необходимъ, такъ какъ аэростатъ намѣрены употребить на восьмидесятидневный путь съ 5 пассажирами, которые, кромѣ необходимыхъ на это время съѣстныхъ припасовъ, поклажи, научныхъ инструментовъ, безусловно нужной утвари, снарядовъ и снастей воздушнаго шара, возьмутъ съ собой еще 8 гренландскихъ собакъ, санки и лодку.

Оболочка шара должна быть сдѣлана изъ тончайшаго китайскаго шелка и покрыта особенно приготовленнымъ лакомъ. Внутри большаго шара помѣщается меньшій аэростатъ, который двумя предохранительными клапанами соединенъ съ наружнымъ воздухомъ и, будучи самъ наполненъ атмосфернымъ воздухомъ, имѣетъ цѣлью, во-первыхъ, предохранять оболочку большаго шара отъ возможности лопнуть вслѣдствіе слишкомъ сильнаго расширенія газа; во-вторыхъ, при сжатіи газа помѣшать ослабленію оболочки. Кромѣ того, къ большому шару присоединены 4 такъ-называемыхъ пробныхъ аэростата, для распознанія господствующихъ теченій воздуха, каждый объемомъ въ 50 куб. м., и 16 маленькихъ шаровъ, которые окружаютъ экваторъ главнаго шара и служатъ къ тому, чтобы, въ случаѣ нужды, дополнить находящійся въ главномъ запасъ газа. На кольцѣ шара, подвѣшенномъ къ сѣткѣ, по обыкновенію, устроена круглая галерея, а на 15 метровъ ниже ея виситъ гондола, которая раздѣлена на разныя отдѣленія: жилище для изслѣдователей, кладовую для запасовъ и конуры для собакъ. Соединеніе гондолы съ галереей проектируется посредствомъ веревочной лѣстницы. Галерея служитъ мѣстомъ для производенія метеорологическихъ наблюденій.

Планъ экспедиціи таковъ: путешествіе на Сѣверъ начнется съ острова Шпицбергена на океанскомъ кораблѣ, съ шаромъ на привязи. До тѣхъ поръ, пока корабль сможетъ продолжать путь безъ помѣхи со стороны льдовъ, шаръ будетъ подниматься только на привязи. Прежде считали непреодолимою трудностью пускать воздушный шаръ на привязи съ корабля и снова притягивать его; новые опыты, за которые ревностно принялись, показали, что при надлежащемъ принятіи мѣръ эта задача можетъ быть рѣшена съ такою же легкостью, какъ на сушѣ. Какъ только кораблю нельзя будетъ плыть далѣе, воздушный шаръ свободно полетитъ прямо къ Сѣверному полюсу и гдѣ-нибудь около Берингова пролива снова достигнетъ земли.

Экспедиція разсчитана на 6 мѣсяцевъ, свободный полетъ шара, какъ уже сказано, на 80 дней. Въ виду обширныхъ необходимыхъ приготовленій, отъѣздъ едва-ли состоится ранѣе мая 1892 года. Во всякомъ случаѣ, въ интересѣ науки надо пожелать отважному предпріятію возможнаго успѣха.

М. Н. Капустинъ. (Портр. на стр. 1188).

Высочайшимъ указомъ отъ 17 августа текущаго года, попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа назначенъ тайный совѣтникъ М. Н. Капустинъ, бывшій попечитель Дерптскаго учебнаго округа. Въ его лицѣ Петербургскій университетъ пріобрѣтаетъ замѣчательнѣйшаго дѣятеля, преисполненнаго горячей любви къ дѣлу образованія, проникнутаго глубокимъ пониманіемъ своихъ обязанностей, сознаніемъ всей отвѣтственности лежащей на немъ, какъ на лицѣ поставленномъ во главѣ управленія дѣломъ первостепенной государственной важности—образованіемъ юношества. Вся предшедшая дѣятельность М. Н. Капустина заслуживаетъ высокаго уваженія и удивленія, такъ какъ она дала самые благотворные, самые блестящіе результаты. Какъ профессоръ международнаго права, онъ обогатилъ литературу правовѣдѣнія и политическихъ наукъ многими цѣнными трудами, составившими ему почетное имя въ ученомъ мірѣ; какъ директоръ и преподаватель юридическаго лицея въ Ярославлѣ, онъ оказалъ огромныя услуги и этому заведенію, и дѣлу просвѣщенія вообще, потому что за все время управленія его лицеемъ онъ, можно сказать, создалъ настоящій разсадникъ молодыхъ научныхъ силъ, давшій нашимъ университетамъ болѣе полутора десятка профессоровъ. Въ этомъ учебномъ заведеніи М. Н. Капустинъ не только работалъ какъ преобразователь, но и какъ педагогъ-труженикъ: онъ читалъ самъ когда какая-либо изъ каѳедръ оставалась временно незанятою, благодаря чему общій строй преподаванія въ лицеѣ никогда не былъ нарушенъ. По его же мысли былъ основанъ *Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея*, для того, чтобы преподаватели лицея могли помѣщать въ этомъ изданіи свои труды. Чтобы дать молодымъ ученымъ всѣ средства къ научнымъ занятіямъ, его же заботами устроена была великолѣпная, богатѣйшая библіотека. Наконецъ, въ качествѣ попечителя Дерптскаго учебнаго округа, М. Н. Капустинъ за какихъ-нибудь семь лѣтъ достигъ результатовъ необычайныхъ въ дѣлѣ преобразованія прибалтійскихъ учебныхъ заведеній и освобожденія ихъ отъ вреднаго, губительнаго вліянія мѣстныхъ кружковъ. Только такой удивительно энергичный, стойкій, послѣдовательный и замѣчательно умный человѣкъ, какъ М. Н. Капустинъ, могъ крѣпко держаться на своемъ труднѣйшемъ посту, при упорной борьбѣ за русское дѣло, и выйти полнымъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Проведя три года въ Дерптѣ и четыре въ Ригѣ, онъ систематически проводилъ реформу, принявшись за преобразованіе нѣмецкихъ училищъ въ русскія и дѣйствуя твердо, рѣшительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно, съ терпѣніемъ, умѣло. Мало-по-малу онъ добился того, что во всѣхъ низшихъ училищахъ преподаваніе производится на русскомъ языкѣ, бывшія нѣмецкія уѣздныя училища обращены въ русскія городскія; гимназіи, и реальныя училища почти всѣ сдѣланы русскими, и на русскомъ языкѣ начато преподаваніе многихъ предметовъ въ Дерптскомъ университетѣ. Даже бывшіе противники М. Н. Капустина преклонялись передъ его добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, передъ его твердостью въ исполненіи правительственныхъ мѣръ и въ то же время мягкостью въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ: населеніе глубоко цѣнило его заботы о томъ, чтобы никто не пострадалъ отъ преобразованій, кромѣ явныхъ и упорныхъ противниковъ школьной реформы.

Предки Михаила Николаевича Капустина были запорожскіе казаки. Отецъ его служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ кампаніяхъ 1813—1815 годовъ и, выйдя въ отставку въ чинѣ капитана, поселился въ деревнѣ жены своей, въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи (внесенный въ родословную книгу екатеринославскаго дворянства), гдѣ М. Н. Капустинъ и родился 11 января 1828 года. Воспитывался онъ въ частномъ пансіонѣ одного иностранца, а затѣмъ въ Екатеринославской гимназіи, курсъ которой окончилъ въ 1843 г. съ золотою медалью. По молодости лѣтъ не имѣя права продолжать образованіе въ университетѣ, онъ занялся воспитаніемъ дѣтей мѣстнаго предводителя дворянства, смолоду обнаруживъ влеченіе къ педагогіи и способности къ этому, и прожилъ полтора года въ домѣ предводителя. Въ 1845 г. М. Н. Капустинъ поступилъ въ Московскій университетъ по юридическому факультету, гдѣ, между прочимъ, работалъ подъ руководствомъ знаменитаго П. Г. Рѣдкина и К. Д. Кавелина и гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата. Затѣмъ онъ преподавалъ законовѣдѣніе въ Московской третьей (реальной) гимназіи, при первоначальномъ введеніи тогда этого предмета въ гимназіяхъ; кромѣ общихъ законовъ онъ читалъ еще въ реальномъ отдѣленіи гимназіи торговое право. 11 сентября 1852 г. онъ назначенъ былъ исправляющимъ должность адъюнкта международнаго права въ Московскомъ университетѣ, а по защитѣ диссертаціи „Дипломатическія сношенія Россіи съ Западною Европою во второй половинѣ XVII вѣка“, утвержденъ 9 марта 1853 года въ степени магистра и въ званіи адъюнкта въ сентябрѣ того же года. 16 ноября 1855 г. назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора. Въ слѣдующемъ году, 5 сентября онъ былъ командированъ за границу для усовершенствованія въ своей спеціальности, писалъ изъ Германіи, Италіи и другихъ мѣстъ интересныя письма въ *Русскій Вѣстникъ*, въ которомъ участвовалъ постоянно въ политическомъ отдѣлѣ, и 19 января 1859 г. вернулся изъ командировки. По возвращеніи онъ, кромѣ международнаго права, читалъ юридическую энциклопедію, печаталъ свои лекціи по международному праву и участвовалъ въ разныхъ московскихъ изданіяхъ. Въ 1863 г. онъ былъ приглашенъ для преподаванія военныхъ законовъ въ Александровское военное училище, а въ слѣдующемъ защищалъ диссертацію „Основныя черты исторіи права“ на степень доктора юридическихъ наукъ, сдѣлался дѣятельнымъ членомъ и секретаремъ „Общества распространенія полезныхъ книгъ“ и завѣдывалъ неправительнымъ (нынѣ Рукавишниковскимъ) пріютомъ въ Москвѣ. Въ 1865 г. утвержденъ въ степени доктора и въ званіи ординарнаго профессора и былъ (по 1867 г.) редакторомъ *Московскихъ Университетскихъ Извѣстій*, а черезъ четыре года принялъ на себя завѣдываніе учебною частью въ Усачевско-Чернявскомъ женскомъ училищѣ. 13 марта 1870 г. Капустинъ назначенъ директоромъ и ординарнымъ профессоромъ Демидовскаго Юридическаго Лицея въ Ярославлѣ, въ 1876 г. состоялъ членомъ коммиссіи по пересмотру университетскаго устава и 14 іюля 1883 г. назначенъ попечителемъ Дерптскаго округа. Чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника онъ получилъ въ 1870 г., а тайнаго совѣтника въ декабрѣ 1874 г. Капустинъ имѣетъ ордена: Св. Станислава 1 степ., Св. Владиміра 2 степ., Св. Анны

1 степ., Бѣлаго Орла и Св. Александра Невскаго. Кромѣ многочисленныхъ статей въ разныхъ изданіяхъ, Капустинъ издалъ отдѣльно: „Юридическую Догматику“, „Обозрѣніе предметовъ международнаго права“ и др. **П. Б—овъ.**

Н. А. Лавровскій. (Портр. на стр. 1188).

Русское дѣло въ Прибалтійскомъ краѣ, поставленное столь прочно за послѣдніе годы бывшимъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа М. Н. Капустинымъ, не остается безъ энергичнаго руководителя. Новымъ попечителемъ округа назначенъ Николай Алексѣевичъ Лавровскій, бывшій ректоръ Варшавскаго университета, также истинно русскій человѣкъ и одинъ изъ блестящихъ піонеровъ въ области государственнаго объединенія на другой изъ нашихъ окраинъ, съумѣвшій постоять за русское дѣло. Вся предшедшая дѣятельность Н. А. Лавровскаго служитъ нагляднымъ доказательствомъ недюжинныхъ способностей и выходящихъ изъ ряда качествъ государственнаго дѣятеля, какими обладаетъ этотъ сильный и энергичный человѣкъ. Онъ такъ прекрасно поставилъ себя, что къ его педагогической дѣятельности относились съ одинаковымъ сочувствіемъ и уваженіемъ какъ русскіе, такъ и поляки. Твердый въ политикѣ, всегда увѣренно и спокойно шедшій по предначертанному пути, онъ дѣйствовалъ съ умѣренностью, замѣчательнымъ тактомъ и безпристрастіемъ, и одинаково близко принималъ къ сердцу нужды учащейся молодежи безъ племеннаго различія. Въ послѣдніе годы его ректорства ничто не прерывало правильнаго хода учебныхъ занятій, университетскій судъ не созывался совсѣмъ, такъ какъ въ этомъ не было никакой надобности, и даже смуты, происходившія въ сосѣдствѣ университета, въ Институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, прошли безслѣдно для университета, не возмутили жизни студентовъ, отлично регулированной ректоромъ.

Николай Алексѣевичъ Лавровскій, тайный совѣтникъ, докторъ славяно-русской филологіи и ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, родился 21 ноября 1826 года, въ селѣ Выдропускѣ, Тверской губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда, гдѣ его отецъ Алексѣй Степановичъ Оглоблинъ, женатый на Натальѣ Ивановнѣ Постниковой, былъ сельскимъ священникомъ. Обучившись грамотѣ дома, юноша поступилъ въ Новоторжское духовное училище: здѣсь онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и здѣсь-же получилъ фамилію Лавровскаго. По окончаніи курса въ училищѣ онъ продолжалъ свое высшее образованіе въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ уже воспитывался одинъ изъ его братьевъ, Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, впослѣдствіи извѣстный поборникъ славянства. Здѣсь Лавровскій пробылъ съ 1842 г. девять съ половиною лѣтъ въ трехъ отдѣленіяхъ—малолѣтнемъ или пансіонѣ, среднемъ и высшемъ, студентомъ по историко-филологическому факультету. По окончаніи курса въ 1851 году, съ золотою медалью, Лавровскій былъ оставленъ при Институтѣ въ званіи исправляющаго должность адъюнкта по каѳедрѣ греческой и латинской словесности, которую занималъ тогда извѣстный эллинистъ О. Б. Греффе. По смерти послѣдняго, молодой адъюнктъ, защитивъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра русской словесности „О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками“, перешелъ, въ ноябрѣ того-же 1851 г., въ Харьковскій университетъ, занявъ каѳедру сперва педагогики, а затѣмъ русской словесности. Въ январѣ 1855 года Лавровскій защищалъ диссертацію на степень доктора русской словесности, на тему „О древнерусскихъ училищахъ“, и тогда-же назначенъ исправлять должность экстраординарнаго профессора. Около четверти вѣка всю свою учено-педагогическую дѣятельность Лавровскій посвятилъ Харьковскому университету, воспитавъ не одно поколѣніе признательныхъ ему учениковъ, изъ которыхъ многіе пошли по ученой дорогѣ и пріобрѣли себѣ имя въ научной области. Кромѣ прямыхъ профессорскихъ обязанностей, Лавровскій исполнялъ и разныя другія, какъ въ университетѣ, такъ и внѣ его. Въ 1875 году онъ былъ назначенъ директоромъ историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ, а черезъ шесть лѣтъ ректоромъ Варшавскаго университета; послѣднюю должность онъ занималъ до 17 августа текущаго года, до назначенія его на настоящій отвѣтственный постъ. Въ нынѣшнемъ же году, онъ избранъ въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности въ Императорской Академіи Наукъ. За свои ученые труды онъ получилъ орденъ Св. Анны 2-й степ., за службу — другіе ордена и Высочайшія награды. **П. Быковъ.**

Н. И. Музиль. (Портр. на стр. 1189).

Высокоталантливый и заслуженный артистъ, двадцати-пятилѣтіе сценической дѣятельности котораго будетъ на-дняхъ ознаменовано въ Москвѣ юбилейнымъ бенефисомъ, выступилъ впервые на подмосткахъ Малаго театра въ то время, когда тамъ блистала цѣлая плеяда первостепенныхъ талантовъ: Садовскій, Шумскій, Самаринъ, Полтавцевъ, Никифоровъ, Живокини и мн. другіе. Молодой артистъ не только не затерялся въ ней, но вскорѣ пріобрѣлъ такое общее уваженіе, что покойный Островскій съ 1872 года всѣ свои новыя піесы ставилъ исключительно въ бенефисы Музиля.

Николай Игнатьевичъ Музиль родился въ 1841 году въ Москвѣ, на Чесменкѣ, гдѣ у отца его (чеха по происхожденію) была извѣстная въ Россіи фабрика. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ пансіонѣ Стори и затѣмъ поступилъ въ число пансіонеровъ 1-й Московской гимназіи. Здѣсь-то, благодаря ученическимъ спектаклямъ, подъ руководствомъ Ап. Григорьева, развилась его страсть къ театру. Обстоятельства помѣшали ему продолжать свое образованіе въ этомъ направленіи, и только въ 1861 году, возвратясь въ Москву изъ Екатеринослава, онъ отдался своему призванію, начавъ съ домашнихъ спектаклей, сперва въ домѣ отца, потомъ въ своемъ кружкѣ на частныхъ сценахъ Шепелева и Секретарева, занимая комическія роли во всевозможныхъ пьесахъ. Онъ уже пользовался значительною извѣстностью въ Москвѣ, когда въ 1865 году, наконецъ, добился дебюта на Императорской сценѣ въ театрѣ Петровскаго парка и 19 января 1866 года былъ принятъ въ число артистовъ Московской драматической труппы безъ жалованья. Въ 1867 году Музиль былъ отпущенъ для практики въ Тифлисъ и по окончаніи сезона получилъ отъ Великаго Князя Намѣстника драгоцѣнный альмандиновый осыпанный бриліантами перстень. Вернувшись въ Москву, онъ сталъ получать годовой окладъ въ 500 руб., затѣмъ въ 1872 — 900 руб., въ 1874—полный окладъ (1.143 р.) и только по реформѣ 1882 года —7.000 руб. Въ 1885 году получилъ пенсію за 20 лѣтъ въ размѣрѣ 1,140 руб., а 19 апрѣля сего года— званіе потомственнаго почетнаго гражданина.

За все время своего служенія сценическому искусству Н. И. Музиль исполнилъ болѣе 400 ролей. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Митрофанушки въ „Недорослѣ“, царскаго повара въ „Дмитріи Самозванцѣ“ Островскаго, Юродиваго въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина созданы имъ вполнѣ самобытно. Въ комизмѣ его, то серіозномъ, то заразительно увлекающемъ зрителей къ веселому, беззаботному смѣху, никогда нѣтъ ничего дѣланнаго: онъ, такъ сказать, свободно истекаетъ изъ самой природы изображаемаго лица.

Для юбилейнаго бенефиса, который назначенъ на 22 ноября, Н. И. Музиль выбралъ комедію Шекспира *Виндзорскія кумушки*, піеску Мольера *Причудницы* и *Картинку семейнаго счастія* Островскаго.

Фортепіано системы Янко и піанистка Шарлотта Бойсъ-Рюккеръ. (Рис. и портр. на стр. 1189).

Ожидаемая къ декабрю въ Петербургъ піанистка Шарлотта Бойсъ-Рюккеръ, дастъ въ нашей сѣверной столицѣ рядъ концертовъ на фортепіано ново-изобрѣтенной системы, извѣстной подъ названіемъ Янко-клавіатуры.

Какъ видно на нашемъ рисункѣ, клавіатура эта представляетъ сходство съ лѣстницей въ шесть ступеней. Клавиши расположены въ 6 рядовъ террасообразно одна надъ другими; число ихъ то же, что и въ прежнихъ инструментахъ, но каждая клавиша раздѣлена на три отдѣльныя части; такимъ образомъ образуются три двойныхъ ряда и каждая пара рядовъ совершенно подобна прочимъ парамъ. Первый, третій и пятый рядъ содержатъ тоны **C, D, E, Fis, Gis, Ais**: во второмъ, четвертомъ и шестомъ рядѣ находятся тоны **Cis, Dis, F, G, A, H.** Для легчайшаго различенія клавишъ, тоны Fis, Gis, Ais, Cis и Dis обозначены черными полосками. Техническія преимущества Янко-клавіатуры, если вѣрить ея сторонникамъ, заключаются въ болѣе естественномъ и удобномъ положеніи рукъ и облегченіи игры. Пальцы не вытягиваются на черныхъ клавишахъ и не втискиваются между ними, почему не устаютъ и не подвержены судорогѣ піанистовъ. Самыя маленькія дѣти легко берутъ октаву, а дамскія руки децимy. Аккорды можно брать сравнительно громадные, порядокъ перемѣны пальцевъ (аппликатура) одинаковъ во всѣхъ ладахъ дурныхъ и мольныхъ, время обученія значительно сокращается, и проч. и проч.

Шарлотта Бойсъ-Рюккеръ, одна изъ первыхъ оцѣнившая выгоды новой системы и единственная концертантка на фортепіано-Янко, родилась въ 1860 году въ Тирольскомъ мѣстечкѣ Швацъ, первоначальное музыкальное образованіе, десяти лѣтъ отъ роду, получила въ Линцѣ у тамошняго соборнаго органиста Карла Вальдека, потомъ училась у Гауптмана и Герикс, а впослѣдствіи временно совершенствовалась подъ руководствомъ самого Листа. Концерты ея имѣли повсюду значительный успѣхъ, особенно блестяще исполняетъ она піесы для одной лѣвой руки, послѣ чего публика обыкновенно вызываетъ ее съ присоединеніемъ возгласа: „comme comte Zichy (какъ графа Зичи)“. Нынѣ она придворная піанистка его королевскаго высочества князя Карла-Антона Гогенцоллернскаго.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ 9-дневнаго пребыванія въ Греціи, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился въ Египетъ, 7 ноября. Въ день отъѣзда, поутру, Его Высочество, въ сопровожденіи Греческой королевы и Великаго Князя Георгія Александровича, изво-

лилъ присутствовать на богослуженіи, совершенномъ въ часовнѣ новаго русскаго кладбища въ Пиреѣ, а въ 4 часа пополудни отбылъ изъ радушной Греціи, при дурной погодѣ и во время волненія. При отходѣ салютовали орудія порта и французскихъ и греческихъ броненосцевъ. 10 ноября, въ 8 ч. утра, фрегатъ „Память Азова" и три другихъ военныхъ судна съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ и Греческимъ принцемъ Георгіемъ пришли въ Портъ-Саидъ. Затѣмъ въ 11 ч. утра фрегатъ „Память Азова" съ Ихъ Высочествами вошелъ въ каналъ и прибылъ въ Исманлію вечеромъ. На другой день Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Георгій Александровичъ и принцъ Георгій Греческій вышли съ фрегата на берегъ въ 8 ч. утра и были встрѣчены принцемъ Хуссейномъ, чиновниками хедива, русскимъ и греческимъ консулами, служащими общества Суэзскаго канала и греческою и французскою колоніями. Въ 9 ч. Ихъ Высочества отбыли съ поѣздомъ хедива въ Каиръ. Въ столицу Египта Наслѣдникъ Цесаревичъ со своими Августѣйшими спутниками и свитою прибылъ въ 12½ ч. дня и былъ встрѣченъ на вокзалѣ хедивомъ, министрами, русскимъ и греческимъ дипломатическими агентами, генераломъ Гренфиллемъ со штабомъ, генераломъ Дормеромъ, сэръ-Эвелиномъ Бэрингомъ, баронетомъ Порталемъ, шведскимъ агентомъ и др. На платформѣ былъ выставленъ почетный караулъ отъ египетскихъ войскъ. Съ вокзала Высокіе Путешественники прослѣдовали въ домъ русскаго дипломатическаго агента. За первымъ экипажемъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и хедивомъ слѣдовалъ конный конвой, во второмъ экипажѣ сидѣли Великій Князь Георгій Александровичъ и принцъ Георгій, въ третьемъ русскій и греческій дипломатическіе агенты и другіе. Улицы были запружены народомъ, русскіе, французы и греки воздвигли тріумфальныя арки, тысячи флаговъ украшали дома. Многія высокопоставленныя лица смотрѣли на въѣздъ съ балкона „Schepheards Hotel", въ томъ числѣ наслѣдный принцъ Шведскій съ супругою, лэди Гранвиллъ и Бэрингъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Августѣйшими спутниками и свитою завтракалъ въ домѣ русскаго дипломатическаго агента. Послѣ полудня Его Высочество посѣтилъ хедива, который вслѣдъ затѣмъ отдалъ визитъ. Населеніе очень оживлено и настроено восторженно. Ночью многіе дома были иллюминованы. 12 ноября Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ утромъ въ греческой церкви, а послѣ полудня посѣтилъ музей Гизехъ. Затѣмъ въ Абдинскомъ дворцѣ хедивъ давалъ банкетъ, сервированный на 90 кувертовъ. Во время обѣда греками было устроено факельное шествіе и кромѣ того передъ дворцомъ сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ. По улицамъ гуляли несмѣтныя толпы народа. 13 ноября Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Георгій Александровичъ, принцъ Георгій Греческій и наслѣдный принцъ Шведскій совершили поѣздку къ пирамидамъ.

Въ Голландіи, 11 ноября, на третій день послѣ того, какъ королева Эмма приняла, въ качествѣ регентши, присягу въ присутствіи генеральныхъ штатовъ, скончался король Нидерландскій и великій герцогъ Люксембургскій Вильгельмъ III, старшій сынъ Вильгельма II и великой княгини Анны Павловны, вступившій на престолъ 17 марта 1849 года. Это печальное, но давно жданное событіе создаетъ новый строй среди европейскихъ государствъ, такъ какъ на великогерцогскій престолъ въ Люксембургѣ вступилъ герцогъ Нассаускій и страна стала отдѣльнымъ государствомъ.

По этому поводу нѣкоторые органы англійской печати поторопились высказать свои предположенія, что Люксембургъ теперь войдетъ въ сферу вліянія Германіи. На это замѣчаетъ *Temps*, что сперва надо узнать, каково на этотъ счетъ мнѣніе самихъ люксембуржцевъ. „Было бы оскорбленіемъ для герцога Нассаускаго предполагать, будто онъ свои германофильскія чувства не подчинитъ интересамъ великаго герцогства Люксембургскаго".

Въ Англіи и Сербіи началась парламентская дѣятельность. Скупщина была торжественно открыта, 7 ноября, тронною рѣчью, которую прочелъ Ристичъ. Въ ней заявляется, что правительство, отстоявъ національную независимость государства, нынѣ, подкрѣпленное снова народнымъ довѣріемъ, посвятитъ свои труды, совмѣстно со скупщиною, преимущественно экономическимъ реформамъ. Въ проектахъ отвѣтныхъ на тронную рѣчь адресовъ, между прочимъ, говорится: „Пользуясь настоящимъ торжественнымъ случаемъ, скупщина заявляетъ о всегдашней глубокой благодарности Сербскаго народа великому Императору братской Россіи, который, какъ всегда, такъ и въ новѣйшее время, далъ особенныя доказательства Своего благоволенія къ сербскому народу. Въ этомъ благоволеніи заключается вѣрнѣйшій залогъ, что узы искренней дружбы между Русскимъ и Сербскимъ народами сохранятся навсегда непоколебимыми".

Въ Лондонѣ парламентъ открытъ 13 ноября тронною рѣчью, въ которой сказано, что со времени послѣдней парламентской сессіи никакихъ перемѣнъ въ международныхъ отношеніяхъ Англіи не произошло и гарантіи сохраненія европейскаго мира, насколько это представляется королевѣ, не ослабѣли.

Библіографія.

С.-Петербургскіе врачи, больницы, дантисты и аптеки, съ указаніемъ ихъ адресовъ. СПБ. Изд. К. Риккера. 1890. 8°.

Рекомендуемъ эту книжку каждому жителю Петербурга. Помимо полнаго списка врачей по фамиліямъ, они перечислены еще и по раіонамъ ихъ жительства. Цѣна доступная—20 к.

Черезъ сто лѣтъ. Фантастическій романъ Э. Беллами. СПБ. 1891. 8°.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько подобныхъ романовъ за счетъ будущаго. Но всѣ эти произведенія фантазировали больше насчетъ развитія и усовершенствованій техники; разсматриваемый же романъ затрогиваетъ другую область—экономическую. Читается довольно легко.

Практическое руководство къ примѣненію электричества въ промышленности. Составили *Е. Кадіа и Л. Дубостъ.* Перевелъ К. де-Шаріеръ. 2-е изд. СПБ. 1890. 8°.

Это сочиненіе одно изъ самыхъ полныхъ и практическихъ курсовъ электротехники. У насъ оказался большой спросъ на это сочиненіе, и первое изданіе быстро разошлось. Настоящее изданіе значительно пополнено по новому французскому изданію и является необходимымъ подспорьемъ каждому интересующемуся практическими примѣненіями электричества.

Буевскій, В. Полное руководство къ изученію русской, французской и нѣмецкой каллиграфіи. СПБ. 1890.

Руководство г. Буевскаго весьма полезно при изученіи красиваго и быстраго письма. Авторъ обратилъ большое вниманіе на гигіенически правильное положеніе тѣла пишущихъ. Къ курсу приложены классныя тетради. Издано хорошо и недорого.

Смѣсь.

Время — деньги. Издатель одной газеты въ Сиднеѣ мѣритъ время, которое онъ посвящаетъ своимъ посѣтителямъ, на деньги. Каждый желающій его видѣть долженъ купить въ передней карточку, которая стоитъ для часового посѣщенія 10 шиллинговъ, для получасового—6 шиллинговъ и для 15 минутъ—3 шиллинга. (с.)

Находчивость. Одному актеру приходилось сказать въ своей роли: „А, вотъ и докторъ!" и въ ту же минуту играющій роль доктора долженъ былъ появиться изъ-за боковой кулисы. Но послѣдній не показывался—и актеру надо было наполнить чѣмъ-нибудь неожиданную паузу, чтобы отвлечь вниманіе публики. „Однако, онъ не торопится", вставилъ актеръ въ свою роль. „Ну вотъ, теперь остановился, поговорить съ какой-то женщиной... Боже мой, онъ кажется и не думаетъ идти сюда! Болтаютъ себѣ да и только! Ну вотъ, наконецъ! Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Опять остановился; какой-то человѣкъ подошелъ къ нему; вѣроятно что-нибудь важное, говоритъ такъ горячо... Докторъ поднесъ трость къ губамъ и что-то обдумываетъ. Это ужъ черезчуръ. Всякое терпѣніе лопнетъ! Не позвать-ли его? Докторъ! Господинъ док-торъ! Ахъ, еслибъ онъ услышалъ! Онъ должно-быть глухъ... Ну, наконецъ-то, наконецъ-то идетъ! —Здравствуйте, господинъ докторъ! Еслибъ вы знали, какъ нетерпѣливо васъ ждали здѣсь!" вздохнулъ съ облегченіемъ актеръ. (с.)

Анекдотъ о Гейне. Молодой Левинъ, братъ Рахили Варнгагенъ, однажды полу-шутя, полу-серьезно сталъ увѣрять Гейне, что его стихотворенія далеко не заслуживаютъ громкой извѣстности, какою пользуются, такъ какъ вся ихъ прелесть заключается въ умышленно рѣзкихъ переходахъ отъ возвышеннаго къ самому обыкновенному, и вовсе не трудно, понявъ разъ этотъ секретъ, писать точно такъ-же, какъ онъ. „Ну, напиши что-нибудь à la Гейне, отвѣтилъ поэтъ смѣясь,—я не боюсь твоей конкурренціи". На другой день пріятель пришелъ снова и принесъ лирическое стихотвореніе слѣдующаго содержанія:

Въ свой смертный часъ моя дорогая
Дала мнѣ блѣдно-голубую ленту;
Я храню ее у себя въ комодѣ,
Въ правомъ верхнемъ ящикѣ.

Гейне отъ души расхохотался и бросился на шею своему товарищу.—„Если ты обнародуешь это стихотвореніе, я пропалъ!" воскликнулъ онъ, признавая себя побѣжденнымъ такимъ удачнымъ подражаніемъ. (с.)

Противъ охриплости, въ случаѣ острой формы ея, самымъ лучшимъ средствомъ служитъ теплая вода, употребляемая внутрь и снаружи. Внутреннее лѣченіе состоитъ въ томъ, что ее пьютъ какъ можно больше, пока не вызовется испарина, и полоскаютъ горло какъ можно чаще, хоть каждые полчаса; вода должна быть такъ горяча, какъ только втерпежъ. Снаружи прикладываютъ теплые компрессы изъ выжатой фланели и обвязываютъ горло 2 раза въ день. При настойчивомъ употребленіи этого средства, хрипота въ короткое время исчезаетъ. (к.)

Населеніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ достигаетъ въ настоящее время 64 милліоновъ. Ежемѣсячный приростъ, не включая сюда переселенцевъ, исчисляется въ 100,000 душъ: а вмѣстѣ съ переселенцами — въ 143,000, т. е. въ 1.716,000 ежегодно. Изъ числа 64 милліоновъ—около 14 милліоновъ иностранцы. (с.)

Соляныя залежи. Президентъ торговой палаты въ Стоктонѣ-на-Ти (Stockton on Tee) заявилъ въ своемъ послѣднемъ годовомъ отчетѣ, что находящіяся въ округѣ Тисайдсія соляныя копи имѣютъ 11 квадратныхъ миль протяженія, при средней толщинѣ слоя въ 70 футовъ=21,35 метровъ. Каждый акръ заключаетъ въ себѣ 200,000 тоннъ (=4 милліона центнеровъ) соли. Названный округъ могъ бы снабжать весь свѣтъ солью въ продолженіе 800 лѣтъ. (с.)

		н	е		
	д	о	р	о	
	г	ч	а	с	
в	р	е	м	е	н
е	м	н	о	д	о
	р	о	г	у	
	л	у	ч	к	
		о	й		

Рѣшеніе задачи буквъ № 61

(помѣщенной въ № 41).

1) Не
2) Дог(ъ)
3) Роса
4) Черв(ь)
5) Демон(ъ)
6) Море.
7) Гуно
8) Луч(ъ)
9) К
10) Ой!

„Не дорогъ часъ временемъ, но дорогъ улучкой".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПБ.—Н. В. Панкова, Златополь—А. Педачина, Калуга—С. Н. Соколова, Одесса—М. Юрьева.

Рѣшеніе шашечной задачи № 59 (помѣщенной въ № 41).

Бѣлыя.	Черныя.
1) b 6 — c 5	1) f 6 — h 4
2) h 2 — g 3	2) h 4 — f 2
3) e 1 — d 8	3) f 8 — b 4
4) d 8 — c 7	4) b 8 — d 6
5) d 4 — c 5	5) d 6 — c 5
6) f 4 — d 6	или a 3 — b 2
или c 1 — a 3	дамка заперта

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: СПБ.—Н. В. Панкова, К. И. Нафидина, А. А. Посиѣева; Москва—Н. П. Смирнова; Егорьевскъ—Н. Н. Матвѣева; Елисаветградъ — Д. Лагунова; Калуга — С. Н. Соколова; Молога—М. Н. Неустроева.

Рѣшеніе шахматной задачи № 60 (помѣщенной въ № 41).

Бѣлые.	Черные.
1) Ф e 4 — b 4	d 6 — e 5
2) К c 5 — c 6 ++	
1)	Кр. d 8 — c 7
2) Ф b 4 — a 5 ++	
1)	куда угодно.
2) Ф b 4 — h 4 ++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г. СПб.: — А. А. Посиѣева; Бердичевъ—А. Б. Магазанникъ; Люботинъ—Д. С; Калуга — Серпецъ —Л. Гарфинкель.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Е. Сверчковъ (съ портр.).—Панъ круль. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Графа Е. А. Саліаса. Ч. I. и II. (Продолженіе).— Сѣдой локонъ. Сказка Георга Эберса. — Литературныя бесѣды. Гоголевскія повѣсти. — Листонъ воспоминаній къ юбилейному вѣнку. (Посвящается Н. И. Музилю).— Къ рисункамъ: Первый иней (съ рис.).—Мирость побѣжденнымъ (съ рис.).—Отдыхъ послѣ удачной охоты на дикихъ козъ (съ рис.).—Адресный столъ (съ рис.).—Экспедиція къ Сѣверному полюсу съ помощью аэростата (съ рис.). -М. Н. Капустинъ (съ портр.).— Н. А. Лавровскій (съ портр.).—Н. И. Музиль (съ портр.). -Фортепіано системы Якиб и піанистка Шарлотта Бойсъ-Рюккеръ (съ портр. и рис.).—Политическое обозрѣніе.—Библіографія.—Смѣсь. — О подпискѣ на „Ниву" 1891 г. — О подпискѣ на „Ниву" съ разсрочкою.—Рѣшенія задачъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28--3

ССУДЫ подъ всѣ % бумаги.

ВЫИГРЫШН. ЗАЙМЫ

посредствомъ залога. Задатокъ **15** и **20** р. Ежемѣсячно **10** и **5** р. Въ опроверженіе слуховъ симъ объявляется, что никакого запрещенія продажи выигрышныхъ займовъ съ разсрочкою платежа со стороны Правительства не было сдѣлано и такіе слухи, какъ распространяемые лицами, заинтересованными лишь въ пониженіи цѣнъ, не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

СПБ., Невскій, 59—57, собств. домъ. № 4813 3—2

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ПОВСЕМѢСТНО:

БИБЛІОТЕЧКА СТУПИНА.
Первинка.
Азбучка крошка.
Дѣтскія пѣсенки.
Книжка малютка.
Бабушкины сказки.
Елка.—Балагуръ.
Дѣтки-малолѣтки.
Старикъ-Годовикъ.
Русскія басни.—Собака.
Кошка.—Обезьяна.
Матушка Москва.
Чудесныя животныя.
Чародѣй.—Крѣпость.
Приключенія Коли.
Забава всему приправа.
Всего понемногу.
Французская азбучка.
Нѣмецкая азбучка.
Проказы Мишки Топт.
Ариѳметика крошка.

ЕДИНСТВЕННЫЙ по полнотѣ свѣдѣній

„СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ"
СТУПИНА НА 1891 ГОДЪ.

72 стр. убористь печ., съ рисунками, 72 портрет. русскихъ писателей и приложеніемъ стѣннаго календаря и карты Россіи, печатанной въ краскахъ.

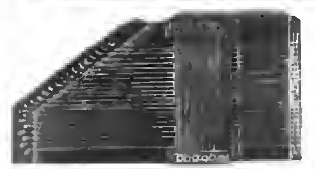
ЦѢНА 15 КОП., съ перес. заказн банд. 28 коп. НА РУБЛЬ высыл. 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ содержитъ въ себѣ всевозможныя справочныя свѣдѣнія и статьи, посвящаемыя выдающимся лицамъ и событіямъ церковной и гражданской жизни, при чемъ справочныя свѣдѣнія отличаются полнотою, точностью и новизною, а статьи — интереснымъ и серьезнымъ содержаніемъ и популярнымъ изложеніемъ. По внѣшнему своему виду календарь отличается чистотою печати и изяществомъ рисунковъ. Благодаря указаннымъ достоинствамъ, календарь въ первый же годъ изданія заслужилъ лестные отзывы періодической печати.

Изящно-иллюстрированныя **ДѢТСКІЯ КНИЖКИ:**
Зайчики.—Колосья.
Удивительный червячокъ.
Ручн. тѣни и комн. игры.
Маленькій рисовальщикъ
Поздравит. стихотвор.
Степка растрепка.
Три царства природы.
Освобожденіе Руси.
Красный сарафанчикъ.
Игра въ солдаты.
Царь-богатырь.
Лисичка-Сестричка.
Алеша Поповичъ.
Садко и Васька Буслаевъ.
Илья Муромецъ.
Добрыня Никитичъ.
О рыбакѣ и рыбкѣ.—О царѣ Салтанѣ. — О купцѣ Остолопѣ. — О мертвой царевнѣ.

Цѣна каждой книжки 10 коп. На рубль высылается 9 книжекъ, на 2 рубля высылается 18 книжекъ.

Адресъ издателя: Москва, Никольская ул., ряд. съ Ремесленной Управой, А. Д. СТУПИНУ: въ СПБ. у книгопр. Тузова, Кузика и Панафидина. № 4829 2—1



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь **удешевленнымъ цѣнамъ:**
съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки до 6 рублей

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (41) Ц. № 3864

Торговцамъ дѣлается скидка.

на 1891 г. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** на 1891 г.

НА

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ"

ЕДИНСТВЕННУЮ БОЛЬШУЮ и ДЕШЕВУЮ ВЪ РОССІИ ГАЗЕТУ.

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ", выходя ежедневно, даетъ наиполнѣйшія свѣдѣнія изъ современной жизни. Сообщенія болѣе чѣмъ изъ **600** городовъ. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства" и отъ собственныхъ корреспондентовъ. Московскій дневникъ. Театръ и музыка. Спортъ. Торговая хроника. Фельетонъ. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, мелочи и проч.

Въ вышедшихъ нумерахъ за 1890 годъ напечатано двѣнадцать большихъ романовъ (*В. А. Ривая, С. М. Нестерова, И. К. Кондратьева, П. О. Дубровиной и проч.*), свыше двухсотъ пятидесяти разсказовъ (каждый день по одному обязательно), множество сценокъ, стихотвореній, каламбуровъ, шутокъ и проч.

Въ портфелѣ редакціи для 1891 г. имѣются романы: *В. А. Ривая* — **„ЦАРИЦА СЕРДЦА"**, *И. К. Кондратьева* — **„ПСКОВСКАЯ КРАМОЛА"**, историч. ром. въ 3 част., *Ив. Погорѣлова* — **„СКОПЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ"**, повѣсть-хроника изъ прошлаго столѣтія, *С. М. Нестерова* — **„ПОТЕРЯННОЕ СЧАСТЬЕ"** и мн. др. Ш. № 4826 2—1

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

На годъ **5** руб. На полгода **3** руб. На 1 мѣсяцъ **60** коп.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Варсонофьевскій переулокъ, домъ Рябушинскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

ежемѣсячное историческое изданіе

1891 г.

двадцать второй годъ изданія.

12 книгъ съ портретами, цѣна ДЕВЯТЬ рублей съ пересылкою.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1891 года будутъ, между прочимъ, напечатаны: „Записки *Л. М. Тургенева*", — „Дневникъ академика *А. В. Никитенко* (1861—1872 гг.), — „Записки профессора *И. В. Берга* († 1884 г.), — „Записки *Н. А. Огаревой-Тучковой* (1856—1878 гг.)"; — Очерки и воспоминанія: ген.-отъ-инф. князя *Н. С. Голицына*; ген. отъ инф. *А. А. Одинцова*; *Н. В. Веригина*; *Штрандмана* (1769—1790 гг.); кн. *П. Горчакова*; кн. *Яшвиля*; *М. Бестужева*; *Кюхельбекера*, *Рагерна*; *Печерина*; *Третьякова* (о Московскомъ университетѣ); *П. Д. Шестакова* (о гр. Д. А. Толстомъ и Казанскомъ университетѣ); *Хржановскаго* и *Мохницкаго* (1831 г.); архимандрита *Терлецкаго*; проф. *Ростиславова* и мног. друг.; — „Изслѣдованіе о царствованіи Александра I", *Н. К. Шильдера*, — и проч.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ" 1891 г. принимается для **иногородныхъ** въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ", по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (Невскій просп., домъ № 20).

Подписчики на „РУССКУЮ СТАРИНУ" 1891 года получаютъ за **ОДИНЪ** руб., причемъ на пересылку прилагаютъ 21 к. (почтовыми марками):

Пятое собраніе портретовъ, превосходно выполненные, весьма точные снимки *гелiогравюры* съ лучшихъ старинныхъ гравюръ на металлѣ. № 4828

Изд.-Ред. „Русской Старины"
Мих. Ив. Семевскій.

Только подлинно съ этой фабричн. маркой.

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt.

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и К°.

въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо

Главный складъ для Россіи у **В. Ауриха** въ **С.-Петербургѣ,** Колокольная, 18—19.

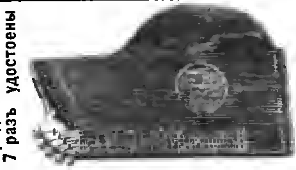
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В № 1719 18—5

---

60 к., 75 к., 1 р., 1 р. 25 к. до 5 р. съ полнымъ комфортомъ отдѣльныя комнаты во **вновь** перестроенной и **значительно** увеличенной Ц. № 4768 (3)

БОЛЬШОЙ ГОСТИННИЦѢ „РОССІЯ" ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Лучшая кухня. Первоклассный ресторанъ. **Самыя умѣренныя цѣны** на всѣ предметы. Омнибусъ; ванны. Телефонъ. **Подъемная** машина (lift) во всѣ этажи. Уступка при болѣе продолжительномъ пребываніи. Подробный тарифъ высылается по требованію.



ЦИТРЫ

отличной работы, хорошаго качества и сильнаго тона отъ 16—22—28—38—300 мар. Школа **Гретера** для самообученія I ч. 5 м., II ч. высш. школа 7 м.

Скрипки и всѣ струнные инструменты. Прейсъ-куранты безплатно.

Ц. № 4825 **БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ,** 4—1

Фабрика инструментовъ, **Крейцнахъ**

1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1891 г.**

ежемѣсячный толстый журналъ литературы, науки, искусствъ и общественной жизни
(съ рисунками и картинами)

Съ дост. и перес. за годъ **8** р.

„КОЛОСЬЯ"

За полгода . . **4** р.
„ три мѣсяца **2** р.

Редакція: СПБ., Николаевская, 16.

Выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами отъ 300—400 страницъ, вмѣщая въ себѣ произведенія наиболѣе извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей.

◆ Редакція обратила свое преимущественное вниманіе на **беллетристическія произведенія отечественной и иностранной литературы;**

◆ отдѣлъ **научныхъ статей** заключаетъ въ себѣ статьи, относящіяся до всѣхъ отраслей науки, въ формѣ популярныхъ лекцій или очерковъ;

◆ редакція даетъ (съ сентября текущаго года) портреты русскихъ дѣятелей на поприщѣ литературы, науки, искусства, государственной и общественной жизни, съ **историко-біографическими свѣдѣніями;**

◆ литературно-критическій отдѣлъ содержитъ въ себѣ, во 1-хъ, **ежемѣсячный обзоръ текущей журналистики**, т. е. сокращенное изложеніе содержанія интересныхъ беллетристическихъ произведеній и статей, напечатанныхъ въ остальныхъ литературныхъ, научн. и историч. журналахъ; 2) такой же **обзоръ произведеній изящной и научной литературы** (отечественной и иностранной), издаваемыхъ отдѣльн. книгами;

◆ въ **„Фельетонномъ обзорѣ общественной жизни"** редакція даетъ, рядомъ съ серьезнымъ разсмотрѣніемъ общественныхъ вопросовъ и задачъ, обзоръ такихъ же вопросовъ въ легкой, юмористической формѣ.

ВЪ ПОРТФЕЛѢ РЕДАКЦІИ на 1891 г. имѣются слѣдующія произведенія:

ОШИБКИ И ИСКУПЛЕНІЕ, больш. оригин. романъ изъ совр. жизни рус. общ. **А. Каренина ПРОЛОГЪ ПИКАНТНАГО РОМАНА, М. Н. Альбова. СО СТУПЕНЬКИ НА СТУПЕНЬКУ,** пов. изъ Московской жизни **В. Попова. ЧЛЕНЪ РЖОНДА НАРОДОВАГО,** пов. изъ послѣдняго польскаго возстанія 1863 г., **С. Литвина. ВАСЬКА ПАЛЕНЫЙ,** больш. разск. изъ жизни горнораб. на Уралѣ, **И. Свят—го. СОПЕРНИЦЫ,** истор. ром. врем. Екатерины II, по неизданнымъ запискамъ кн. Е. Р. Дашковой, **Кн. Н. В. К—а. ТРИ ДОРОГИ,** пов. изъ военн. быта, **М. Р. СТАРЫЕ СЧЕТЫ,** разск. изъ еврейской жизни **Шкляревскаго. НЕЖДАННАЯ ДОЛЯ,** пов. изъ русск. провинц. жизни **В. П. Березина. ХРИСТІАНСКІЙ РЫЦАРЬ,** ист. ром. **Т. ЕЖА. ЗАГУБЛЕННАЯ,** ром. изъ жизни петербург. большаго свѣта **Гр. Е. Р—цъ. ДЕНЬГИ (L'ARGENT),** послѣдній романъ **Э. Зола. ДУША,** послѣдній романъ **Ж. Онэ. МАРІЯ-АННА,** историч. разск. **Захеръ-Мазоха,** и мн. др. повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и научныхъ статей.

◆ Кромѣ того, гг. годовые подписчики получатъ полное собраніе сочиненій **М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,** съ портретомъ, біографіей, автографомъ и примѣчаніями, подъ ред. извѣстнаго библіографа **Д. П. Сильчевскаго.** № 4830 2—1

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: **Генрихъ Блокъ,** С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

№ 4795 **НОВОСТЬ!** 3—3

Французская **СТАЛЬНАЯ ДРОБИЛКА 9 руб.** Кормите лошадей, коровъ, птицъ и т. п. дробленымъ ячменемъ, овсомъ, кукурузой и др., зерна будетъ выходить значительно менѣе, что дастъ большую экономію въ хозяйствахъ и кавалерійскихъ полкахъ. Адресъ:

Одесса, складъ машинъ технолога **Н. МЕЛЬНИКОВА.**

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

Дозвол. цензур., СПБ., 20 ноября 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. | г. XXI

№ 48 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 1 декабря 1890 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ДЕКАБРЬ 1890 г., съ 26 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 26 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Казармы и хозяйственныя постройки въ Мургабскомъ имѣніи Государя Императора близь желѣзно-дорожной станціи Байрамъ-Али въ Мервѣ.
Съ фотографіи грав. М. Рашевскій

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

VII.

Прошелъ мѣсяцъ съ того дня, что панъ Сандецкій весело выѣхалъ въ Варшаву, въ качествѣ жениха, чтобы отпраздновать свою свадьбу. Теперь каштелянъ былъ снова у себя въ зàмкѣ. За это время многое произошло въ его жизни, чего никто не могъ-бы ожидать.

Съ гордымъ паномъ Сандецкимъ случилось нѣчто, едва не убившее его. Панъ Ксаверій, никогда въ жизни не болѣвшій, вылежалъ въ постели цѣлую недѣлю и до сихъ поръ еще вполнѣ не оправился и все еще, какъ многимъ казалось, продолжалъ странно хворать.

Дѣйствительно, самолюбію каштеляна Сталупеньскаго былъ нанесенъ тяжкій ударъ. За недѣлю до того дня, когда было назначено его бракосочетаніе, когда все было готово, все блестящее общество столицы приглашено на свадьбу, приключилось странное и смѣшное происшествіе.

Красавица-невѣста, прославившаяся въ столицѣ подъ прозвищемъ „бѣлой пани“, выѣхавъ однажды среди дня изъ дому въ гости, не вернулась до вечера, не вернулась и къ ночи, не вернулась и на слѣдующіе дни. Франуся пропала безъ вѣсти.

Панъ Сандецкій въ первый-же день вечеромъ, крайне смущенный, разослалъ гонцовъ по всѣмъ знакомымъ домамъ опросить, нѣтъ-ли тамъ панны Франциски. Отвѣты были получены отрицательные.

Люди, бывшіе при экипажѣ, въ которомъ выѣхала Франуся и который уже поздней ночью возвратился пустой, заявили пану Сандецкому, что панна Франциска вошла въ квартиру на Краковскомъ предмѣстьѣ и болѣе оттуда не выходила. Карета и люди прождали ее весь день и уже ночью паюкъ-арабъ дерзко объяснилъ имъ, что никогда панна Франциска въ домъ якобы не входила, что никто ее не видалъ и вѣроятно тутъ кроется недоразумѣніе.

— А можетъ-быть и просто вы пьяны! сказалъ имъ паюкъ.—Сами не знаете гдѣ ваша госпожа.

Разумѣется, вся Варшава тотчасъ заинтересовалась пропажею „бѣлой панны“. Со втораго-же дня пожилые люди, старые пріятели Сандецкаго, стали ему намекать, гдѣ можетъ быть его невѣста и что могло съ ней приключиться. Панъ Сандецкій не понималъ намековъ.

— Она пропала временно, говорили они,—такъ-же какъ и многія по нашему времени пропадаютъ... Не тревожься, панна найдется...

Наконецъ Сандецкій замѣтилъ, что онъ одинъ воображаетъ, будто Франусю убили какіе-нибудь злодѣи. Всѣ, къ кому обращался онъ, усмѣхались двумысленно на его предположеніе.

Наконецъ, дѣло объяснилось очень просто. Франусю постигла та же судьба, что и многихъ красавицъ Варшавы... Она была похищена самимъ королемъ... Вѣрнѣе сказать, сердцеѣдъ Станиславъ переманилъ невѣсту Сандецкаго.

Для всѣхъ въ Варшавѣ тутъ не было ничего особеннаго. Чуть не каждые два мѣсяца случалось такое происшествіе. Не далѣе, какъ мѣсяца за три передъ тѣмъ тотъ-же король буквально похитилъ и даже чуть не насильственнымъ образомъ фаворитку одного изъ первыхъ магнатовъ Польши, маршала князя Огинскаго.

Однако, что было самымъ простымъ дѣломъ для варшавскаго общества—было невѣроятнымъ случаемъ для пана Сандецкаго, было страшнымъ, жесточайшимъ оскорбленіемъ его самолюбію. Съ пожилымъ паномъ приключилось нѣчто въ родѣ легкаго удара. У него отнялись временно ноги, и онъ только съ трудомъ спустя недѣлю могъ двигаться.

Слегши въ постель, онъ пролежалъ три дня въ полусознательномъ состояніи. Доктора ожидали каждую минуту вторичнаго удара и конца, но вмѣсто этого къ ихъ изумленію черезъ недѣлю желѣзное здоровье предъявило свои права.

Панъ Сандецкій поднялся на ноги и казался бодрымъ, никогда не болѣвшимъ. Только во взглядѣ осталось какое-то странное выраженіе.

Оправившись совершенно, панъ Сандецкій сталъ обдумывать мщеніе своему счастливому сопернику. Онъ готовъ былъ на всякое преступное дѣйствіе, за которое могъ-бы, пожалуй, подвергнуться не только „баниціи“, но и болѣе тяжкому наказанію.

На его счастіе, при первомъ извѣстіи о болѣзни его, въ Варшаву явился албанчикъ Кàроль-Побóчекъ. По пріѣздѣ онъ не отходилъ отъ отца и, когда панъ Сандецкій былъ уже на ногахъ, онъ всячески успокаивалъ его, уговаривалъ и развлекалъ. Онъ убѣдилъ отца бросить все дѣло.

Хотя пожилой панъ и былъ оскорбленъ, но все-таки менѣе, нежели бывали прежде оскорблены многіе извѣстные люди столицы, подвергшіеся той-же участи. Панъ Сандецкій лишился невѣсты. У другихъ похищали женъ и дочерей. И они должны были снести это.

Сандецкій, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ сыномъ, дѣйствительно, нѣсколько успокоился. Какъ ни былъ онъ влюбленъ въ свою бывшую невѣсту — теперь главнымъ источникомъ его мученій было исключительно самолюбіе. Онъ не могъ привыкнуть къ мысли, что въ свои годы сталъ посмѣшищемъ всей Варшавы.

Кàроль успокаивалъ отца преимущественно тѣмъ, что они непремѣнно придумаютъ средство современемъ отмстить Станиславу.

Оправившись, панъ Сандецкій тотчасъ-же выѣхалъ въ свой зàмокъ вмѣстѣ, со своими дочерьми и здѣсь буквально заперся, никуда не выходя, даже не появляясь ни на минуту изъ своихъ горницъ.

Пробывъ съ отцомъ нѣсколько дней, Кàроль выѣхалъ снова въ Несвижъ по мѣсту своей службы.

Проведя около мѣсяца въ одиночествѣ, Сандецкій однажды велѣлъ запречь себѣ маленькую нетычанку, взялъ съ собой молоденькаго гайдука и выѣхалъ изъ зàмка. Вернулся панъ къ вечеру. Никто не зналъ, гдѣ онъ былъ, а гайдукъ отзывался на вопросы всѣхъ, что панъ не приказалъ ничего никому сказывать.

Сандецкій съѣздилъ лично освидѣтельствовать границу своего имѣнія, которая теперь была уже границей Польскаго королевства. По краю его владѣній уже появился прусскій кордонъ. Въ двухъ мѣстахъ стояли сторожевыя будки, а на дорогахъ торчали щиты съ прусскими черными орлами.

Мысль, что онъ, каштелянъ Сталупеньскій, остался польскимъ подданнымъ на вѣчныя времена, теперь не утѣшала его, а даже раздражала. Онъ былъ теперь подданнымъ самаго ненавистнаго ему человѣка.

Если-бы панъ могъ предвидѣть все, что съ нимъ случится, то конечно пожелалъ-бы сдѣлаться нѣмцемъ, лишь бы не быть подданнымъ Станислава-Августа.

Послѣ загадочной поѣздки Сандецкій просидѣлъ снова безвыходно нѣсколько дней въ своихъ горницахъ. Одинъ домовникъ и одинъ гайдукъ — единственные люди, которымъ позволялось входить въ его горницы, очень тревожились, глядя на пана. Они говорили въ зàмкѣ, что

хорошо-бы опять послать гонца къ молодому Каролю, такъ какъ у каштеляна очень нехорошій видъ.

Оказывалось, что панъ по ночамъ все на ногахъ, ложится подъ утро, спитъ мало. Дни и ночи онъ проводитъ въ томъ, что бродитъ по своимъ горницамъ, самъ съ собою разговариваетъ, иногда гнѣвается и кричитъ, чаще всего повторяетъ слово „король“.

И это было дѣйствительно такъ...

Наконецъ, однажды утромъ панъ Сандецкій, сидѣвшій съ книгой въ рукахъ, вдругъ вскочилъ съ мѣста, заговорилъ вслухъ и заволновался.

— Нѣту, нѣту! говорилъ онъ.—Нигдѣ не видалъ ни единаго!.. Что-же это значитъ? Какъ-же я не догадался, не подумалъ?.. Правда мнѣ не до того было, да и не любопытно. А теперь оказывается, что въ этомъ вся сила!..

Сандецкій тотчасъ-же позвалъ человѣка и приказалъ послать къ себѣ маршала своего за̀мка, пана Балтазара.

Маленькій, тщедушный старикъ, но умный и отличавшийся главнымъ образомъ своей несловоохотливостью, тотчасъ явился по требованію каштеляна.

— При разграниченіи королевства съ нѣмцами, спросилъ панъ,—присутствовалъ-ли кто изъ нашихъ польскихъ комиссаровъ?

— Нѣтъ, пане, никого не было. Наши комиссары должны были пріѣхать, но запоздали. Я ихъ жду всякій день вотъ уже недѣли съ три. Даже пограничные нѣмцы удивлялись, что Польское королевство со своей стороны не выставляетъ нигдѣ значковъ по границѣ.

Панъ Сандецкій усмѣхнулся загадочно и странно. Затѣмъ онъ приказалъ послать къ себѣ домовника Зарембу. Старый шляхтичъ немедленно явился въ горницы пана и тоже нашелъ въ Сандецкомъ большую перемѣну.

Панъ Ксаверій показался ему другимъ человѣкомъ. Онъ немножко посѣдѣлъ, слегка осунулся и главнымъ образомъ глядѣлъ странно. Глаза его по временамъ блуждали, останавливались на какомъ-нибудь простомъ предметѣ и оставались такъ прикованными подолгу.

— Скажи мнѣ, пане Заремба, возьмешься-ли ты опять за важную работу, съ тѣмъ чтобы исполнить ее быстро и искусно? Надо пустить нашу Вислейку въ старое русло и все передѣлать, зарыть и всячески уничтожить слѣды того, что мы сдѣлали.

Старикъ-шляхтичъ отвѣтилъ, что подобнаго рода работа будетъ гораздо легче, чѣмъ когда приходилось рыть новое русло.

— Такъ за работу, пане! Я отдамъ приказаніе, чтобы все что̀ есть здороваго люда поступило съ завтрашняго дня подъ твою команду и, кромѣ того, пошлю созвать еще человѣкъ триста изъ другихъ деревень.

— Неужели панъ-каштелянъ хочетъ сдѣлаться прусскимъ подданнымъ?! воскликнулъ Заремба.

— Избави Богъ! отозвался Сандецкій.

— Но вѣдь такъ будетъ, если Вислейка протечетъ по старому руслу?

— Это мы увидимъ, пане, а покуда—за работу!

VIII.

Черезъ два дня вокругъ за̀мка снова уже кишѣлъ народъ: рабочіе съ заступами и тачками. Нѣсколько десятковъ фуръ опять увозили землю. Все старое русло Вислейки походило на длинный муравейникъ. На этотъ разъ, по приказанію пана, рабочіе, въ количествѣ пятисотъ человѣкъ, работали въ двѣ смѣны—и день, и ночь.

Черезъ недѣлю прежнее русло было очищено, и Вислейка повернула изъ новаго въ старое мѣсто. Рѣчонка, казалось, съ удовольствіемъ запрыгала по своему давнишнему руслу. При этомъ, однако, всѣ горевали, такъ какъ не было никакого празднества или угощенія отъ пана.

Впрочемъ, и вся работа была произведена мрачно, безъ воодушевленія и веселья, какъ бы изъ-подъ палки. Послѣдній хлопъ зналъ, что работаетъ противъ совѣсти. Повернуть Вислейку на старое мѣсто, значило сдѣлаться нѣмцемъ.

— Грѣхъ пану! говорили всѣ. — Затѣя умная удалась какъ нельзя лучше. Прусскіе орлы Богъ вѣсть гдѣ торчатъ отъ насъ. Все осталось попрежнему, а теперь явятся въ Сталупени нѣмцы... Пожалуй, чего добраго, появятся на селѣ и Фридриховскіе солдаты.

При этомъ нѣкоторые прибавляли тайно:

— Надо ума лишиться, чтобы пойти на этакое дѣло!

Не успѣли еще совершенно уничтожить слѣды недавно прорытаго русла, какъ на восточной границѣ помѣстій пана Сандецкаго появились польскіе комиссары. Но ни одинъ изъ нихъ не явился въ за̀мокъ.

Пана Сандецкаго это обстоятельство нисколько не удивило. Онъ отправилъ въ качествѣ наблюдателя за комиссарами своего стараго Балтазара. Вернувшись, маршалъ за̀мка объяснилъ каштеляну, что у комиссаровъ есть свои инструкціи и свои карты. Они ведутъ границу и разставляютъ польскіе значки тамъ, гдѣ имъ указано, а узнавъ отъ него, что прусскій кордонъ прошелъ далеко отъ за̀мка, они очень удивились. У нихъ были свѣдѣнія о томъ, что русло Вислейки отдѣляетъ помѣстья Сандецкаго въ пользу Пруссіи. На ихъ картахъ оно такъ значилось.

— Что же они сказали?

— Ничего, пане. Сказали: „намъ нѣту никакого дѣла, что нѣмцы не знаютъ, гдѣ границу свою проводить...“ Впрочемъ, одинъ изъ нихъ долженъ завтра явиться къ пану.

Дѣйствительно, на другой день комиссаръ—молодой и франтоватый шляхтичъ—явился въ за̀мокъ, прошелъ по селу, прошелъ вдоль берега Вислейки и затѣмъ представился пану.

Прежде всего онъ выразилъ Сандецкому соболѣзнованіе, что стариннаго рода шляхтичъ-магнатъ долженъ вслѣдствіе простой случайности—мѣстонахожденія за̀мка—сдѣлаться прусскимъ подданнымъ.

— Граница короля Фридриха, отвѣчалъ Сандецкій,— уже обозначена. Это дѣло законнымъ образомъ совершилось—и я не вижу, по какому праву панъ меня называетъ прусскимъ подданнымъ. Нѣмцы разставили свои значки. Вы, комиссары сосѣдняго со мной государства— Рѣчи Посполитой, тоже разставили свои значки, протянули свой кордонъ. Я надѣюсь теперь, что я буду жить въ дружбѣ съ обоими сосѣдними государствами.

Молодой комиссаръ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ и не зналъ, какъ понимать слова пана-каштеляна, не зналъ, что̀ и отвѣтить ему.

— Да, продолжалъ Сандецкій, — не смотря на то, что вашъ король—негодяй и выскочка, доробковичъ, попавшій въ короли изъ нищихъ шляхтичей, я все-таки постараюсь войти съ нимъ въ миролюбивыя сношенія... Впрочемъ, я предупреждаю Рѣчь Посполитую въ одномъ. Въ случаѣ войны между ею и Фридрихомъ, я возьму сторону послѣдняго. Пока царствуетъ въ Польшѣ негодяй, узурпаторъ трона, до тѣхъ поръ я буду вѣрнымъ союзникомъ Фридриха. Я васъ попрошу все-таки, когда вы вернетесь въ Варшаву, заявить отъ моего имени кому слѣдуетъ, что не мѣшало бы королю Станиславу аккредитовать при мнѣ какого-либо посла. На-дняхъ я начну строить новое зданіе въ паркѣ, гдѣ будутъ два роскошныя помѣщенія для двухъ будущихъ резидентовъ сосѣднихъ государствъ. Оба резидента — и прусскій, и польскій, будутъ равно пользоваться моимъ вниманіемъ и моими милостями. Вотъ все, что̀ я имѣю сказать. Прибавлю только, что панъ, на память отъ меня, получитъ вскорѣ съ моимъ посломъ орденъ „крылатаго тигра“, который я намѣренъ учредить.

Комиссаръ, выйдя изъ за̀мка Сандецкаго, долго разводилъ руками и махалъ ими по воздуху.

Капризная натура. Съ карт. Ф. Зимма, грав. Лаустереръ.

— Удивительно! говорилъ онъ самъ себѣ.

Когда онъ разсказалъ все что̀ слышалъ своимъ товарищамъ, то, разумѣется, всѣ они пожалѣли бѣднаго свихнувшагося пана. Эту вѣсть свезли они и въ Варшаву.

Панъ Ксаверій, между тѣмъ, вдругъ пересталъ грустить и задумываться. Всѣ домовники увидѣли его веселымъ послѣ свиданія съ польскими комиссарами.

Объясненіе было простое...

Сандецкій мысленно рѣшилъ мудреный вопросъ, рѣшилъ безповоротно и съ твердымъ намѣреніемъ отстоять рѣшенное имъ, не жалѣя ни себя лично, ни своего состоянія. Тема размышленій каштеляна была слѣдующая:

Что̀ такое государство? Имперія? Королевство? Великое герцогство? Это извѣстное количество земель съ извѣстнымъ числомъ жителей. Очень богатый помѣщикъ есть тотъ же государь въ предѣлахъ своихъ владѣній. Существованіе всякаго государства зависитъ отъ случайности, отъ счастія и несчастія.

Огромное королевство Польское въ эти самые дни стало гораздо меньше, разобранное тремя сильными сосѣдями. Тѣ же самыя земли, что были еще вчера въ польскомъ подданствѣ, стали въ одинъ прекрасный день прусскими, австрійскими, русскими. Рѣшено это было чернилами на бумагѣ.

Существуютъ-ли мелкія государства? Конечно, существуютъ! Даже есть крошечныя. Германія полна такихъ отдѣльныхъ независимыхъ государствъ, которыя вдвое меньше обширнаго помѣстья пана Сандецкаго.

Сталупени и все къ нимъ примыкающее на нѣсколько верстъ кругомъ, на десять и двадцать верстъ, конечно, гораздо болѣе какого-нибудь герцогства Липпе-Детмольдъ, или Рейсъ, или Глейцъ.

Какимъ образомъ создались въ Германіи эти крошечныя монархіи—пану Сандецкому нѣтъ никакого дѣла. Очутись Сталупени болѣе на западъ, въ центрѣ Германіи, быть-можетъ были бы уже давно, при третьемъ, четвертомъ поколѣніи, независимымъ государствомъ, великимъ герцогствомъ Сталупеньскимъ.

Панъ—подданный польскихъ королей случайно.

Наконецъ, теперь вопросъ упрощается еще болѣе. Во-первыхъ, онъ, Сандецкій, принадлежитъ къ старопольской партіи, не признающей неправильно избраннаго короля изъ простыхъ шляхтичей Понятовскихъ. Въ эти дни король—ставленникъ Русской императрицы — предательски позволяетъ отнимать пространства искони принадлежавшія польской коронѣ.

Если первый попавшійся шляхтичъ, незаконно сѣвшій на польскій престолъ, можетъ такимъ образомъ распоряжаться старинными землями польской короны и уступать ихъ Фридриху, или Екатеринѣ, или Маріи-Терезіи, то почему же какой-либо богатый магнатъ не имѣетъ права самъ отойти отъ польской короны и объявить себя независимымъ.

Будь онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ землями другихъ подданныхъ его же отечества, то объявясь независимымъ, онъ попалъ бы въ смѣшное положеніе,—хотя есть, однако, на свѣтѣ крошечныя государства, въ родѣ Андорской или Санъ-Маринской республикъ.

Вопросъ по отношенію къ нему измѣнялся совершенно и становился крайне простымъ.

Случайно онъ оказался на границѣ между двухъ большихъ государствъ. Онъ не желаетъ, въ качествѣ патріота-поляка, отходить къ Фридриху и дѣлаться нѣмцемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не желаетъ оставаться подданнымъ незаконнаго короля и подданнымъ такого государства, которое разрушается. Ему остается одно: отдѣлиться и объявить себя независимымъ герцогомъ или великимъ герцогомъ.

Затѣмъ заговорилъ оскорбленный въ Варшавѣ женихъ. Красавица, которою онъ имѣлъ неосторожность и легкомысліе увлечься, предпочла ему человѣка немногимъ моложе. Это случилось только потому, что онъ король и, слѣдовательно, стоитъ гораздо выше Сандецкаго—простаго магната.

Теперь онъ можетъ сравняться съ соперникомъ. И очень просто. Вмѣсто того, чтобы объявить себя независимымъ великимъ герцогомъ, онъ объявитъ себя королемъ. Вѣдь это только одно прозвище. Вѣдь это только условный пустой звукъ... Дѣло въ независимости и въ умѣніи отстоять себя, а прозвище совершенно не имѣетъ никакого значенія. Слѣдовательно, онъ, панъ Ксаверій Сандецкій, объявитъ свою независимость, помѣстья свои—королевствомъ, а себя—королемъ.

Панъ Ксаверій засѣлъ на нѣсколько дней снова въ своемъ кабинетѣ, и позвавъ двухъ домовниковъ, хорошо писавшихъ, продиктовалъ и написалъ массу писемъ и разослалъ ихъ въ разные края. Всѣмъ заявилъ онъ о своемъ рѣшеніи, начиная съ правительства Рѣчи Посполитой и кончая пріятелями-сосѣдями.

Затѣмъ онъ собралъ всѣхъ обывателей за̀мка и села во дворѣ и на этотъ разъ объявилъ нѣчто болѣе диковинное, чѣмъ когда-то по поводу рытья русла Вислейки.

Сталупенцы послѣ заявленія пана Ксаверія разошлись нѣсколько смущенные. Давно ходилъ слухъ, что ихъ панъ, глубоко оскорбленный королемъ въ Варшавѣ, слегка разстроился въ способностяхъ мышленія. Теперь приходилось окончательно убѣдиться, что добрый ихъ каштелянъ не въ своемъ умѣ.

— Панъ—не панъ, а *круль*, монархъ?!...

IX.

Въ слѣдующіе же дни въ за̀мкѣ началась суетня. Гонцы, давно уже посланные въ столицу, вернулись, а вслѣдъ за ними пріѣхали всякія повозки и фургоны и привезли массу всякаго добра.

За̀мокъ внутри отдѣлывался за-ново. Но всего поразительнѣе по великолѣпію отдѣлывалась большая зала, гдѣ въ глубинѣ появилось возвышеніе, балдахинъ и тронъ. На потолкѣ огромныхъ размѣровъ рисовался гербъ владѣльца: крылатый тигръ, но уже съ королевской короной, со скипетромъ и державой.

На дворѣ за̀мка появился караулъ изъ формировавшейся дружины, именуемой „Сталупеньская банда“. Мундиръ ея былъ почти тотъ же, что и мундиръ албанской банды, но по цвѣту герба Сандецкаго, т. е. пунцовые кунтуши, желтые жупаны съ серебряными шнурами. На груди дружинниковъ тоже была бляха съ одной буквой S, но съ королевской короной.

Одновременно по всей границѣ прусской и по всей сторонѣ, гдѣ были разставлены значки польскаго королевства, Сталупенцы разставили свои пограничные значки. Тамъ были, на западѣ черные орлы, на востокѣ бѣлые орлы, а рядомъ съ ними, кругомъ помѣстьевъ, обошли границу свои собственные значки съ изображеніемъ крылатаго тигра. Но теперь въ гербѣ появилась новая подробность: тигръ держалъ королевскую корону въ поднятой лапѣ. Это былъ символъ дѣянія Сандецкаго.

Наконецъ, когда все было готово, за̀мокъ преобразился. Онъ былъ великолѣпенъ внутри и извнѣ. На угловой башнѣ развѣвался огромный флагъ цвѣтовъ герба.

Каштелянъ Сталупеньскій назначилъ и день для окончательнаго формальнаго провозглашенія себя независимымъ монархомъ, и въ за̀мокъ двинулись отовсюду приглашенные имъ.

Сосѣди, и дальніе и ближніе, ѣхали, конечно, ради того, чтобы позабавиться, а главное, чтобы пошировать. Отчасти любопытно было и посмотрѣть на всѣмъ давно извѣстнаго пана Ксаверія, который сошелъ съ ума. То, что̀ предстояло увидѣть, было далеко не зауряднымъ или обыкновеннымъ зрѣлищемъ.

Скоро Сталупени, и за̀мокъ и село, переполнились наѣхавшими гостями. Мѣста едва-едва хватало.

Однажды утромъ зала за́мка переполнилась пріѣзжими гостями и домовниками. Всѣ были веселы. Всѣхъ забавляло то, что̀ происходитъ и произойдетъ. Тронъ сіялъ въ глубинѣ залы, а вокругъ него стояла стража изъ Сталупеньской банды въ новыхъ мундирахъ.

Затѣмъ двери растворились, появились по два въ рядъ разные придворные, вновь пожалованные разными чинами и званіями. За ними явился въ великолѣпномъ одѣяніи самъ владѣлецъ Сталупеней. На немъ былъ тоже пунцовый кунтушъ, желтый жупанъ и большая бриллiантовая бляха на груди съ замысловатыми буквами: „Т. А. А." Это были начальныя буквы новаго латинскаго девиза взятаго имъ: „Tengo ad ardua"— „Стремлюся къ трудному".

Каштелянъ былъ не только суровъ и важенъ, но даже величественъ. Поднявшись на ступени и сѣвъ на тронъ, онъ сказалъ рѣчь. Присутствующіе ожидали услышать нѣчто смѣхотворное и услышали нѣчто весьма логическое, а главное убѣдительное.

Сандецкій красно и доказательно объяснилъ всѣмъ то, что̀ самъ наединѣ долго рѣшалъ и теперь рѣшилъ. На заданный себѣ вопросъ, почему Сталупенямъ не быть самостоятельнымъ государствомъ, онъ доказалъ, что оно совершенно возможно благодаря обстоятельствамъ и совершенно естественно по существу.

Но болѣе всего поразилъ всѣхъ конецъ рѣчи каштеляна. Онъ заявилъ, что будетъ отстаивать свое дѣло до послѣдней капли крови, и отъ всякаго живущаго въ предѣлахъ новаго государства онъ требуетъ чтобы тотъ рѣшился пожертвовать собой или же заблаговременно покинуть его, потому что всякаго, кто не согласенъ положить животъ за свое новое отечество, онъ сочтетъ измѣнникомъ, предастъ суду и разстрѣляетъ.

Затѣмъ Сандецкій поднялся. Маршалъ, панъ Балтазаръ Трембицкій, почтительно изгибаясь, поднесъ ему на бархатной пунцовой подушкѣ богато осыпанную драгоцѣнными каменьями корону. Владѣтель за́мка взялъ ее, надѣлъ себѣ на голову и, гордо окинувъ всѣхъ присутствующихъ, вымолвилъ:

— Собственною своею властью, на подобіе конунговъ древнихъ временъ, объявляю себя королемъ Сталупеньскимъ подъ именемъ Яна I. Наслѣдникомъ престола объявляю сына моего, моею королевскою властью въ эту минуту словесно узаконяемаго, и дарую ему титулъ принца Вислейскаго. Пана Балтазара Трембицкаго произвожу въ графское достоинство и назначаю государственнымъ канцлеромъ. Пана Юзефа Зарембу назначаю хранителемъ государственной печати. Пана Викентія— духовнаго нашего отца—назначаю примасомъ королевства. Главнаго моего паюка Бурчимуху, за его отмѣнную храбрость, давно доказанную, произвожу въ шляхетское достоинство и назначаю оберегателемъ границъ государства. Главнокомандующимъ войскъ будетъ мой сынъ, принцъ Вислейскій.

Аудіенція кончилась.

Въ залѣ раздались громкіе долго не умолкавшіе клики: „vivat Krul! Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ Янъ I!"

Король величественно спустился съ трона и удалился въ свои аппартаменты.

Тотчасъ же началось пированіе и длилось до ночи, а затѣмъ продолжалось и слѣдующіе два дня.

Среди съѣхавшихся въ Сталупени гостей уже былъ раздоръ. Половина гостей продолжала считать пана Сандецкаго помѣшавшимся отъ того случая, который былъ съ нимъ въ Варшавѣ: помѣшательство отъ любви или отъ оскорбленія—дѣло де обыкновенное. Другіе были убѣждены, что прежній панъ Сандецкій, а нынѣ король Янъ, столько же безумный, сколько и они сами.

Обстоятельства такъ сложились, что онъ, дѣйствительно, могъ объявить себя независимымъ монархомъ. Все сводилось къ тому, чтобы достигнуть этого. А возможно ли достигнуть? Въ смутное время, которое переживалось, всякія чудеса и диковины были, казалось, возможны.

Главный фактъ былъ на-лицо. Прусская граница прошла по одному краю, а польская—по другому. Для Рѣчи Посполитой было даже отчасти удобнѣе и выгоднѣе на большомъ пространствѣ имѣть на границѣ не бранденбуржцевъ, не подданныхъ Фридриха Прусскаго, а Яна Сталупеньскаго.

Однако событію въ Сталупеняхъ не суждено было пройти мирно. Чрезъ нѣсколько дней, однажды утромъ, на селѣ появились нѣмцы-комиссары съ прусскими значками. Они передали печатные листки ксендзу для прочтенія въ церкви, нѣсколько листковъ дали новому шляхтичу Бурчимухѣ для передачи каштеляну, а затѣмъ съ сотню листковъ въ двѣ корчмы для распространенія среди жителей.

Въ листкахъ говорилось давно всѣмъ извѣстное, что на основаніи такихъ-то данныхъ Сталупени переходятъ съ остальными польскими землями подъ власть короля Прусскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссары, перейдя къ границѣ, гдѣ стояли значки съ бѣлыми орлами, стали вытаскивать и выбрасывать на землю значки съ крылатымъ тигромъ и разставлять значки съ черными орлами.

Когда явившійся съ королю графъ Трембицкій заявилъ о поступкахъ нѣмцевъ, „круль Янъ" распорядился немедленно. Комиссары были схвачены, приведены и заперты въ подвальный этажъ. Надъ ними былъ наряженъ судъ за нарушеніе границъ государства. Черезъ день ихъ всѣхъ изрядно высѣкли на дворѣ за̀мка въ присутствіи толпы народа и затѣмъ отпустили на родину.

Янъ I былъ очень доволенъ началомъ непріязненныхъ дѣйствій съ сосѣдомъ Фридрихомъ. Подданные его были другаго мнѣнія. Всѣ въ Сталупеняхъ и въ замкѣ были озабочены, какъ посмотритъ прусское правительство на то, что комиссаровъ отличнѣйшимъ образомъ угостили нагайками въ новомъ королевствѣ.

Не прошло недѣли, какъ въ за̀мкѣ стало извѣстно, что въ нѣсколькихъ верстахъ появился отрядъ въ двадцать человѣкъ всадниковъ и приблизительно сорокъ человѣкъ пѣхоты. Это были прусскіе солдаты въ зеленыхъ бранденбургскихъ мундирахъ съ красными отворотами, въ низенькихъ треуголкахъ, съ напудренными косами.

Это были тѣ Фридриховскіе „зеленые черти", которыхъ давно ненавидѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшно боялся всякій полякъ, и шляхтичъ, и хлопъ.

Янъ I тотчасъ же собралъ вдвое большее количество молодцовъ, домовниковъ и разныхъ рослыхъ парней съ села и нѣкоторыхъ вооружилъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Сабли были у всѣхъ.

Сталупеньская банда, въ которой было уже съ полсотни молодцовъ, вышла въ походъ первая, но не навстрѣчу бранденбуржцамъ, а въ обходъ, чтобы отрѣзать отступленіе. Самъ Янъ командовалъ сборнымъ отрядомъ, а оберегатель границъ — рослый и удалой Бурчимуха командовалъ бандой.

Нѣмцы были взяты врасплохъ и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, потерявъ одного человѣка убитымъ и двухъ ранеными, сдались безъ выстрѣла.

Плѣнники съ торжествомъ были приведены въ за̀мокъ и снова разсажены въ подвальномъ этажѣ; но черезъ три дня всѣ они, обезоруженные, подъ конвоемъ были отправлены на подводахъ въ Варшаву въ подарокъ королю Польскому отъ короля Яна.

Такъ когда-то поступилъ Янъ Собѣсскій, подаривъ много турецкихъ плѣнниковъ Рѣчи Посполитой. Такъ поступилъ теперь и новый король Янъ I.

Разумѣется, вскорѣ „круль" Сталупеньскій сталъ притчей во языцѣхъ и въ Варшавѣ, и въ Берлинѣ.

Давно доходили уже странные слухи и многіе посмѣивались, что старый панъ Сандецкій отъ любви и обиды сошелъ съ ума. Теперь его безуміе принимало какой-то другой видъ. Какъ бы то ни было, этотъ сумасшедшій сдѣлалъ то, чего давно уже не видали поляки. Онъ прислалъ въ Варшаву болѣе полсотни человѣкъ военно-плѣнныхъ въ ненавистныхъ зеленыхъ мундирахъ.

Король Станиславъ-Августъ серьезно смутился, боясь быть причастнымъ къ дѣлу и навлечь на себя много непріятностей отъ Фридриха. Резидентъ Русской императрицы тоже посмотрѣлъ на дѣло какъ на очень глупую шутку и немедленно рѣшилъ отрядить кого-либо изъ русскихъ офицеровъ къ сумасшедшему помѣщику. Выборъ палъ на явившагося охотникомъ полковника Мамонова.

Одновременно въ Берлинѣ тоже были озадачены дерзостью польскаго помѣщика. У Фридриха Великаго было не мало заботъ, и крупныхъ, и мелкихъ; тѣмъ не менѣе подобное самоуправство новаго подданнаго оставить безъ наказанія было немыслимо. Могли и другіе помѣщики отобранныхъ вновь земель придумать что-нибудь такое же, и Пруссіи вдругъ бы пришлось серьезно воевать съ отторгнутыми отъ Рѣчи Посполитой провинціями. Чего не сдѣлало польское правительство, то затѣятъ сами подданные.

Составиться и быстро учредиться какой-нибудь новой конфедераціи ничего не стоило. У всѣхъ былъ примѣръ на лицо—Барская конфедерація, съ которой пришлось серьезно бороться русскому правительству.

Фридрихъ понялъ, что можетъ нежданно наткнуться на новую Сталупеньскую конфедерацію, у которой вдругъ явится войско и съ которой придется правильно воевать, а у него и безъ того много враговъ кругомъ и нужно много войскъ.

X.

Между тѣмъ въ зàмкѣ появилась личность давно ожиданная всѣми съ нетерпѣніемъ. Всѣ вздохнули свободнѣе. Эта личность что-нибудь да принесетъ съ собой новаго.

Въ Сталупени прибылъ албанчикъ Кàроль. Слухи о томъ, что его отецъ лишился разсудка, поразили его настолько, что Кàроль, и безъ того хворавшій, серьезно заболѣлъ. Но едва только онъ оправился, какъ рѣшился снова ѣхать въ Сталупени.

Съ грустью и горечью думалъ добрый малый о томъ, что онъ какъ бы виновникъ несчастія. Онъ нашелъ, въ Сталупеняхъ, въ домѣ ксендза, змѣю, пригрѣлъ ее, пустилъ въ зàмокъ и, спасая чуждую ему личность, погубилъ отца. Теперь наступало время совершить то, въ чемъ Кàроль поклялся, т. е. отмстить Франciскѣ Дзялынской за ея коварное поведеніе.

Кàроль, явившись въ Сталупени, тотчасъ же быстро собралъ всѣ свѣдѣнія, какія ему были нужны. Молодой человѣкъ спрашивалъ, въ какомъ состояніи находится отецъ, какіе признаки его помѣшательства помимо объявленія себя королемъ.

Ему отвѣчали, что подобныхъ признаковъ нѣтъ ни единаго, что панъ Ксаверій спокоенъ, повидимому счастливъ, очень дѣятеленъ, очень добръ и ласковъ со всѣми—и только за одно наказуетъ жестоко: если узнаетъ, что кто-либо назоветъ его заглазно паномъ Ксаверіемъ, или паномъ Сандецкимъ, а не крулемъ Яномъ Сталупеньскимъ.

Наконецъ Кàроль послалъ доложить отцу о своемъ пріѣздѣ. Сандецкій при этомъ извѣстіи вскочилъ съ мѣста и хотѣлъ бѣжать въ нижній этажъ, но вдругъ остановился, вспомнивъ свое высокое положеніе, и приказалъ просить къ себѣ „принца Вислейскаго“.

Явившійся Кàроль бросился на шею къ отцу, долго цѣловалъ его, потомъ сталъ смотрѣть ему въ лицо долго, проницательно.

— Какъ здоровье, батюшка? выговорилъ онъ.

— Слава Богу! Зачѣмъ ты не ѣхалъ и не отвѣчалъ ни на одно изъ моихъ писемъ?

Кàроль объяснилъ, что онъ былъ боленъ очень серьезно. Сандецкій усадилъ сына и началъ:

— Ну, милый, давай говорить о важномъ дѣлѣ. Чтò ты думаешь о томъ событіи, которое здѣсь совершилось? Твое мнѣніе мнѣ дороже всѣхъ другихъ... Ты знаешь, что теперь ты мой законный сынъ и наслѣдникъ... И не только наслѣдникъ имѣнія, но наслѣдникъ престола... королевичъ!

Кàроль невольно вздохнулъ и не зналъ, чтò отвѣчать. И вдругъ, будто осѣненный свыше, молодой человѣкъ смѣло рѣшился на то, чтò показалось бы всякому излишнимъ и не только глупымъ, но и жестокимъ.

— Батюшка, заговорилъ онъ,—я по природѣ своей лгать и притворяться не умѣю, слѣдовательно и теперь, въ такія важныя минуты, не стану лгать, буду говорить сущую правду...

— Разумѣется! Въ этомъ вся сила! воскликнулъ Сандецкій.

Молодой человѣкъ объяснилъ отцу, что поведеніе его, вся эта затѣя, объясняется не только въ Сталупеняхъ, въ сосѣдствѣ, но даже и въ Варшавѣ, даже и въ Несвижѣ, тѣмъ горемъ, которое постигло Сандецкаго. Всѣ убѣждены, что онъ, будучи обманутъ невѣстой и оскорбленъ королемъ, нравственно заболѣлъ.

— Всѣ прямо говорятъ, прибавилъ Кàроль,—каштелянъ просто сошелъ съ ума..

Сандецкій поглядѣлъ на сына, широко раскрылъ глаза и разсмѣялся самымъ веселымъ хохотомъ.

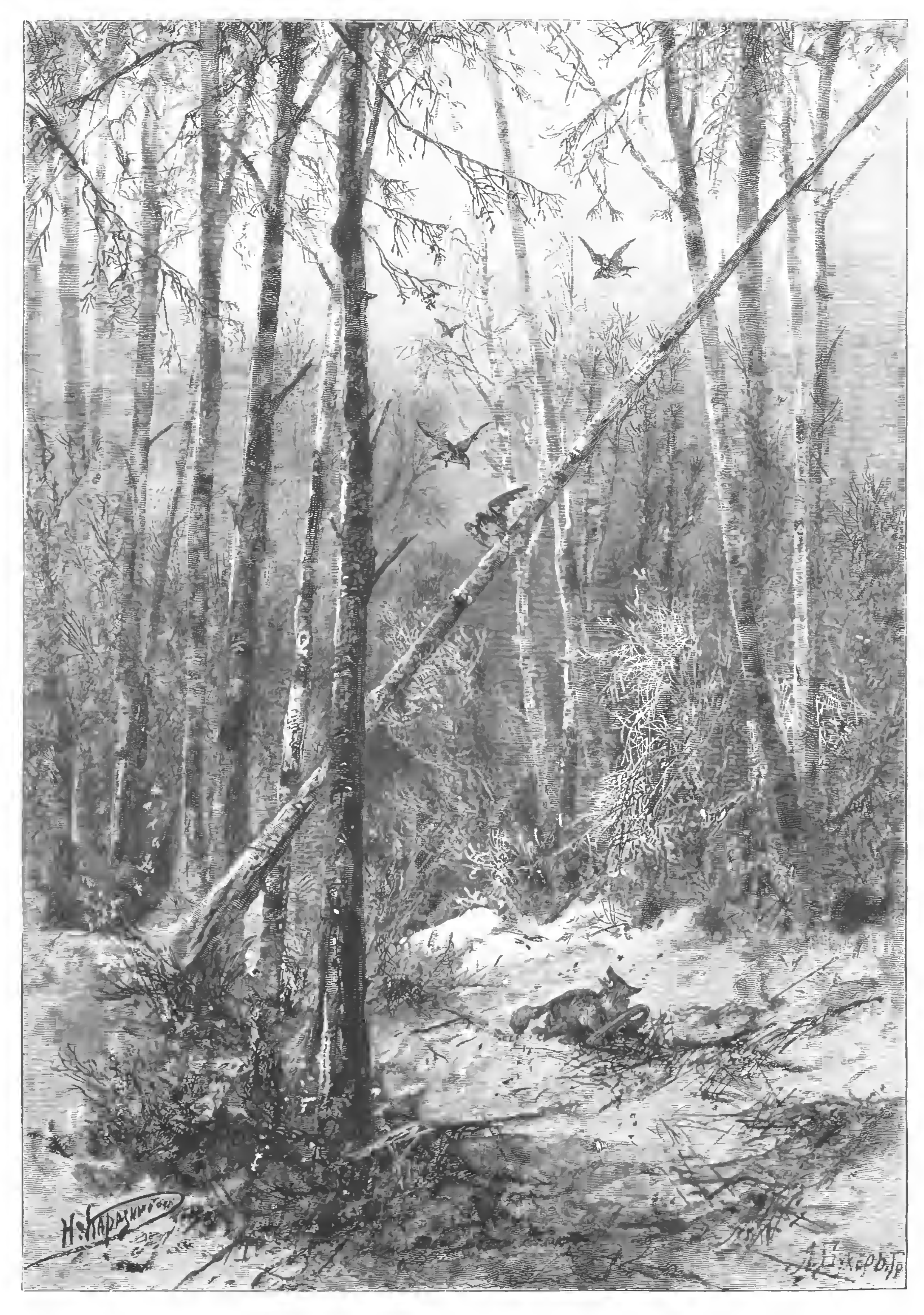
— Ну, а ты? Какъ ты самъ думаешь? выговорилъ онъ наконецъ.—Помни, сынъ, положа руку на сердце... не лги.

— Я?.. смутился Кàроль.—По правдѣ? Я не знаю... Черезъ нѣсколько дней я, пожалуй, скажу. Вѣдь извѣстно, батюшка, что нѣту на свѣтѣ ни единаго сумасшедшаго, который бы признавалъ себя таковымъ, иначе онъ не былъ бы сумасшедшимъ.

— Не въ этомъ дѣло, Кàроль... Дѣло въ томъ, какъ ты рѣшишь... какъ ты посмотришь! Если ты скажешь мнѣ: „да, батюшка — сумасшедшій“, тогда я повѣрю, что я сумасшедшій; но я думаю, ты мнѣ скажешь, что, по твоему мнѣнію, я въ здравомъ разсудкѣ. Вотъ въ чемъ дѣло... Выслушай меня! Я, дѣйствительно, получилъ сильный ударъ, когда эта дрянная дѣвчонка бѣжала изъ дому самымъ срамнымъ образомъ и сдѣлала меня посмѣшищемъ всей Варшавы. Я, дѣйствительно, былъ страшно озлобленъ, даже захворалъ, когда узналъ, что негодяй и волокита, соблазнившій сотни женщинъ, соблазнилъ и мою невѣсту, чтобы бросить ее черезъ двѣ - три недѣли. Оставаться въ этомъ положеніи обманутаго жениха и осмѣяннаго подданнаго я не могъ. Нуженъ былъ какой-нибудь исходъ, что-нибудь такое, чтò прогремѣло бы по Рѣчи Посполитой еще болѣе чѣмъ прогремѣлъ мой срамъ. И вотъ я нашелъ. Я временно сравнялся съ моимъ соперникомъ. Изъ-за чего Франуся обманула меня? Потому что я — простой дворянинъ, а тотъ—король... Ну, вотъ теперь я тоже король—и королемъ умру.

— Какимъ образомъ?! воскликнулъ Кàроль.

— Повторяю тебѣ: королемъ умру! Я объявилъ себя королемъ Яномъ Сталупеньскимъ и буду защищать свое королевство и свой тронъ до послѣдняго издыханія. Очевидно, что рано или поздно я погибну отъ бранденбуржской пули или сабли. Но, умирая, я крикну: „Vivat krul Jan!“ Жизнь мнѣ теперь не дорога... Мнѣ дорого одно... Мнѣ нужно возстановить свою честь. Мнѣ нужно, чтобы надъ Ксаверіемъ Сандецкимъ перестали смѣяться! съ чувствомъ произнесъ панъ.—И даю тебѣ слово, что перестанутъ! Прежде чѣмъ пруссаки убьютъ меня, я много шуму надѣлаю—и много пруссаковъ, бранден-



Лѣсная бѣда. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Н. Каразина,** грав. Бухеръ.

бурждевъ и померанцевъ отправлю на тотъ свѣтъ или отправлю въ подарокъ королю Станиславу-Августу. Я ничѣмъ не рискую... Послѣ моей смерти Сталупени сдѣлаются все-таки прусской землей, но имѣніе это не отнимутъ у законныхъ наслѣдниковъ. Я надѣюсь даже такъ повернуть дѣло, что послѣ моей смерти законнымъ наслѣдникомъ будешь все-таки ты. Во всякомъ случаѣ, Кароль, надолго останется память въ королевствѣ о томъ вѣрноподданномъ Рѣчи Посполитой, который не поддался Прусскому королю и, переходя въ его вѣчное владѣніе, поднялъ на него вооруженную руку. Успокойся, милый мой, твой отецъ съ ума не сходилъ! Твой отецъ, осрамленный собственнымъ своимъ государемъ, захотѣлъ смыть срамъ чѣмъ-нибудь выдающимся—кровью, но не кровью врага, а своею собственной.

Кароль бросился на шею къ отцу со слезами на глазахъ и наконецъ выговорилъ взволнованно:

— Батюшка, я буду здѣсь. Я буду отстаивать новое королевство Сталупеньское тоже до послѣдней капли крови, и если король мой погибнетъ на глазахъ моихъ, то и я тоже погибну. Но жизнь моя обойдется дорого бранденбуржцамъ.

Сандецкій съ чувствомъ расцѣловалъ сына.

— Но еще одинъ вопросъ, батюшка... одинъ только вопросъ, который меня смущаетъ. Любитъ-ли еще мой король Дзялынскую?

Сандецкій помолчалъ и выговорилъ:

— Да... но это проходитъ, пройдетъ... Даже быть можетъ прошло... Вѣрно не знаю.

— Способенъ-ли онъ простить ее?..

— Какимъ образомъ?.. Это и не придется.

— Станиславъ броситъ новую фаворитку и тогда она—я знаю ее—явится сюда просить прощенія... Проститъ-ли ее Его Мосць? *)

— Прощу, но заглазно... Прощу, но не примирюсь.

— Вѣрно-ли это, отецъ? грустно сказалъ Кароль какъ бы себѣ самому.

— Вѣрно, милый Кароль. Вѣрно! воскликнулъ Сандецкій.—Объ этомъ и говорить не стоитъ.

— Давай Богъ! Давай Богъ...

Сандецкій вполнѣ успокоилъ сына, и Кароль остался совершенно доволенъ своимъ объясненіемъ съ отцомъ. Разумѣется, вскорѣ всѣ и въ замкѣ, и на селѣ были не мало изумлены, когда общій любимецъ Кароль Побочекъ объявилъ, что безумецъ тотъ, кто считаетъ его отца умалишеннымъ.

— Если отецъ лишился разсудка, то считайте и меня сумасшедшимъ, такъ какъ я отнынѣ буду стоять до послѣдняго издыханія за существованіе новаго королевства. Сталупени должны быть самостоятельною монархіей, или не быть совсѣмъ. Его Мосць король Янъ I удостоилъ меня назначеніемъ главнокомандующимъ войскъ. Я докажу ему и вамъ, что я, собиравшійся въ палестранты, достоинъ этого назначенія.

Подобнаго рода рѣчи поразили, конечно, всѣхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на всѣхъ рѣшительно повліяли. Тѣ изъ обитателей, которые еще смущались, что играютъ благодаря помѣщику глупую и опасную роль, и тѣ, которые боялись „зеленыхъ чертей“, сразу пріободрились и воодушевились.

Кароль немедленно взялся за дѣло, и въ этомъ дѣлѣ нашелъ двухъ рѣдкихъ помощниковъ: Зарембу и Бурчимуху. Главный паюкъ, про котораго и прежде ходили темные слухи, что онъ когда-то былъ ярымъ участникомъ Коліивщины, или Уманьской рѣзни, сталъ теперь неоцѣненнымъ человѣкомъ.

Бурчимуха въ первой же стычкѣ съ нѣмцами уже показалъ, что онъ такое. Это былъ не то левъ, не то чортъ храбрости, удальства и ловкости.

*) Титулъ польскихъ королей, соотвѣтствовавшій нынѣшнему: *его величество.*

Съ помощью Бурчимухи Кароль тотчасъ же занялся окончательнымъ формированіемъ и обученіемъ Сталупеньской банды. Немедленно послалъ онъ гонца съ письмомъ къ князю Радзивилу, гдѣ объяснилъ все дѣло отца съ совершенно новой точки зрѣнія.

Вождь старо-польской партіи, основатель Барской конфедераціи и врагъ Понятовскаго, разумѣется, пришелъ въ восторгъ, когда узналъ, что надумалъ панъ Сандецкій. Сначала и онъ считалъ его умалишеннымъ, но теперь, по полученіи письма отъ Кароля, только воскликнулъ:

— Молодецъ старый Ксаверій! Всѣмъ бы намъ такъ поступать, а мнѣ—прежде другихъ.

Князь Пане-Коханку тотчасъ призвалъ канцлера своей банды, затѣмъ была созвана вся банда и было предложено албанчикамъ, кто желаетъ, отправляться въ Сталупени, чтобы постоять за храбраго и знаменитаго пана-круля и насладиться возможностью порубить и пострѣлять нѣмцевъ.

— Упустить этакій случай — рѣдкій въ наши времена — грѣхъ предъ Богомъ! объявилъ князь.

На княжій призывъ до полусотни человѣкъ самыхъ отчаянныхъ албанчиковъ заявили свое согласіе, а черезъ десять дней они были уже въ Сталупеняхъ. Кароль съ восторгомъ принялъ своихъ товарищей. Всѣ албанчики временно покинули свои мундиры и надѣли мундиръ Сталупеньской банды.

Отчаянные удальцы и рубаки, изъ которыхъ каждый былъ, что говорится, о двухъ головахъ, стали какъ бы ядромъ въ формированіи сталупеньскаго войска. Съ такими воинами можно было изъ всякаго новичка въ нѣсколько дней сдѣлать молодца.

Одновременно съ прибытіемъ охотниковъ изъ Албанской банды, къ великому удивленію Кароля и самого круля Яна, въ Сталупени стали стекаться партіями молодые и пожилые люди со всѣхъ концовъ Польскаго королевства.

Всюду, куда проникъ слухъ, что извѣстный богачъ панъ Сандецкій, при рабскомъ смиреніи короля предъ своими врагами, поднялъ оружіе на одного изъ нихъ, Фридриха, — всѣ горевавшіе о лихихъ временахъ бросились туда, гдѣ не сидѣли сложа руки, а боролись за отечество.

Черезъ нѣсколько времени въ Сталупеняхъ уже было войско. Сталупенчики, какъ стали ихъ называть, были раздѣлены на двѣ банды, и въ каждой было до трехсотъ человѣкъ. Къ нимъ предполагалось, на случай серьезнаго столкновенія съ пруссаками, прибавить еще столько же вооруженныхъ чѣмъ попало людей изъ самыхъ удалыхъ молодцовъ изъ села Сталупеней и другихъ деревень.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, покуда Кароль съ Бурчимухой занимались комплектованіемъ и обученіемъ войска, другой помощникъ Кароля—Заремба—занялся снова земляною работой. Но эти работы, которыми теперь руководилъ старикъ - домосѣдъ и нелюдимъ, были много важнѣе прежнихъ.

Дѣло шло не о томъ, чтобы перемѣнить теченіе рѣчки. Теперь нужно было быть настоящимъ инженеромъ. И Заремба, къ удивленію всѣхъ, оказался изумительнымъ искусникомъ.

Замокъ и село окружались укрѣпленіями, окопами, волчьими ямами и всякаго рода западнями. Только объ одномъ пришлось горевать, что не было пушекъ. Во всякомъ случаѣ, Заремба отвѣчалъ, что если всѣ эти укрѣпленія будутъ заняты такими лихими удальцами какъ албанчики, то никакой пруссакъ не войдетъ въ Сталупени.

Вскорѣ замокъ и село приняли видъ вооруженнаго лагеря. Народу было такъ много, что всѣмъ помѣститься было невозможно. Многіе жили во временныхъ постройкахъ. Король Сталупеньскій изрѣдка появлялся на ра-

ботахъ и на ученьи и бывалъ всегда встрѣчаемъ *виватами.*

Къ превращенію человѣка изъ простыхъ пановъ въ „крули" уже никто не относился съ насмѣшкой, такъ какъ самъ Король и многіе другіе домовники объясняли всѣмъ, что въ Германіи есть самостоятельныя монархіи размѣромъ много меньше, чѣмъ владѣнія ихъ прежняго пана, нынѣ монарха.

И все обстояло благополучно. Всѣ были одинаково воодушевлены, всѣ желали побиться съ нѣмцами и нетерпѣливо ждали ихъ новаго нападенія.

(Продолженіе будетъ).

Сѣдой локонъ.

Сказка **Георга Эберса.**

(Право перевода пріобрѣтено редакціей отъ автора).

(Продолженіе).

Оба были счастливы, какъ всѣ дѣти выросшія подъ теплыми лучами материнской любви; но придворныя дамы, кавалеры и служащіе тѣмъ не менѣе замѣчали, что злой рокъ уже наложилъ свою руку на младшаго принца. Какъ часто, напримѣръ, онъ навлекалъ на себя неудовольствіе кроткой герцогини! А всѣхъ несчастныхъ случаевъ, которые выпадали на долю одиннадцатилѣтняго мальчика, было и не перечесть. Купаясь, онъ однажды слишкомъ далеко заплылъ въ озеро и чуть не утонулъ; въ манежѣ бѣшеная лошадь сбросила его черезъ барьеръ, и лейбъ-хирурга безпрестанно тревожили то по случаю проломленной головы, то вывихнутой руки или ноги младшаго принца. Правда, никто не питалъ къ мальчику ненависти, за исключеніемъ гофмаршала и церемоніймейстера,— но всѣ относились къ нему съ состраданіемъ. Насколько его преслѣдовала судьба—выразилось яснѣе всего, когда домъ, сложенный мальчикомъ изъ камней, обрушился на него. Георга вытащили безъ чувствъ изъ-подъ развалинъ, и дворецкій, прибѣжавшій на крикъ товарищей принца, отнесъ мальчика на его постель и ухаживалъ за нимъ до прихода доктора.

Старая Нонна помогала дворецкому, и оба вѣрные слуги дѣлились между собой тѣмъ, что было у нихъ на сердцѣ. Они вспоминали дурныя предзнаменованія, сопровождавшія рожденіе принца, и Пепе выразилъ опасеніе, что „дитя несчастья" не встанетъ больше.

— Увы! увы! сказалъ онъ, — для бѣднаго принца пожалуй будетъ лучше, если Господь приберетъ его къ себѣ: ранняя смерть все-таки легче, чѣмъ долгая жизнь полная бѣдствій и лишеній.

Мальчикъ слышалъ все это отъ слова до слова, хотя не могъ шевельнуть ни однимъ членомъ; глаза его были закрыты, но слухъ и сознаніе не покидали его. Старая Нонна успѣла пролить не мало слезъ, слушая слова преданнаго Пепе, который со своей стороны старался внушить ей твердость, какъ вдругъ Георгъ поднялся на постели, протеръ себѣ глаза кулаками и потянулся. Потомъ быстро вскочилъ на ноги, живой и веселый, какъ молодой зябликъ.

Испуганные слуги сначала громко вскрикнули, потомъ еще громче захохотали, не помня себя отъ радости, но лейбъ-хирургъ, какъ разъ въ эту минуту вошедшій въ комнату, сдѣлалъ очень кислую и недовольную мину, такъ какъ пріятная перспектива спасти отъ смерти герцогскаго сына распалась прахомъ на его глазахъ.

Герцогиня во время этого происшествія находилась въ отсутствіи. Возвратясь домой, она хотѣла было побранить Георга за его неосторожность, но материнское чувство взяло верхъ, и когда мальчикъ, бросившись къ ней на шею, сталъ спрашивать, правда-ли, что ему въ жизни предстоятъ одни несчастья, герцогиня готова была громко разрыдаться; но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, назвала Пепе и Нонну старыми дураками, а всѣ ихъ разсказы о предзнаменованіяхъ глупыми бреднями. Потомъ поспѣшно выбѣжала въ другую комнату, и Георгу показалось, что она заплакала. Онъ понялъ изъ увѣреній матери, что она хочетъ только утѣшить его, и съ этой минуты началъ самъ видѣть въ себѣ „дитя несчастья".

Это было конечно дурно, но имѣло и свои хорошія стороны. Каждое утро, просыпаясь, мальчикъ ожидалъ чего-нибудь дурнаго; когда же день приходилъ къ концу, и онъ не испыталъ ничего, кромѣ радости и удовольствія,—онъ вечеромъ ложился спать съ благодарнымъ чувствомъ за то хорошее, на которое онъ въ сущности не имѣлъ никакого права. Съ этихъ поръ герцогиня учредила надъ сыномъ еще болѣе строгій присмотръ, сама ходила за нимъ, какъ курица выведшая утятъ, и запретила ему складывать дома изъ камней.

Благородную герцогиню осаждали въ это время и другія заботы. Король сосѣдняго государства, разбитый неоднократно ея покойнымъ супругомъ и его предшественникомъ, счелъ, что теперь—когда страна Гризовъ управляется женщиной *и ея намѣстникомъ*, насталъ самый удобный моментъ напасть на герцогство и возвратить отторгнутыя когда-то провинціи. Войсками герцогини предводительствовалъ маршалъ Мусташъ, и вскорѣ предстояло сраженіе, которое, какъ и всѣ сраженія, должно было окончиться либо побѣдой, либо пораженіемъ.

Однажды появился посланецъ изъ лагеря съ письмомъ отъ храбраго Мусташа, который просилъ подкрѣпленій, такъ какъ непріятель значительно превосходилъ его численностью. Тогда намѣстникъ созвалъ Великій Совѣтъ, на которомъ обязана была присутствовать и герцогиня, и пока ученые господа совѣщались въ ея предсѣдательствѣ, ей пришлось въ первый разъ въ теченіе многихъ недѣль выпустить изъ глазъ Георга.

Рѣзвый мальчикъ только того и ждалъ, и такъ какъ погода была въ этотъ день особенно бурная, онъ убѣжалъ къ озеру,—въ то время какъ братъ его по случаю ненастья сидѣлъ дома,—вскочилъ въ лодку съ сыномъ оберъ-гондольера и, усердно работая веслами, понесся по волнамъ. Каштановые локоны его развѣвались по вѣтру, и когда большая волна особенно сильно подбрасывала челнокъ, онъ громко кричалъ отъ восторга. До сихъ поръ ему позволяли пускаться въ озеро не иначе какъ съ особаго разрѣшенія, на безопасной лодкѣ, съ надежными гребцами, и держаться вблизи южнаго берега. Это доставляло мальчику довольно умѣренное удовольствіе; но самому, безъ посторонней помощи, бороться противъ волнъ и вѣтра—было, наоборотъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ наслажденіемъ.

Георгъ никогда еще не былъ въ сѣверной части озера, а именно тамъ-то и было такъ таинственно темно; тамъ, по словамъ Нонны, жили духи, которые стерегли сосланнаго туда отвратительнаго пемзоваго великана. Можетъ-быть, добравшись до того берега, ему удастся взглянуть на чудовище. Это было такъ заманчиво! Георгъ повернулъ челнокъ къ сѣверу, приказавъ своему спутнику налечь на весла, и самъ сдѣлалъ то же самое. По мѣрѣ приближенія къ сѣверной части озера, волны становились все выше и выше. Поднялась буря; вѣтеръ рѣзалъ ему лицо, но чѣмъ неистовѣе бушевало озеро, тѣмъ радостнѣе и веселѣе становилось у него на душѣ.

Сынъ гондольера началъ трусить и просилъ вернуться, но Георгъ въ первый разъ въ жизни воспользовался своимъ герцогскимъ правомъ и потребовалъ, съ несвойственной ему строгостью, чтобы мальчикъ повиновался, если ему приказываютъ.

Но тутъ внезапно наступила тьма, и какая-то необъяснимая сила подбросила челнокъ на воздухъ, словно громадный гиппопотамъ нырнулъ подъ лодку и поднялъ ее своей спиной. Георгъ почувствовалъ, какъ стремительный водоворотъ подхватилъ его и быстрыми кругами тянетъ ко дну. Духъ захватило у мальчика, сознаніе исчезло, и когда онъ снова пришелъ въ себя, онъ очутился въ закрытой пещерѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ причудливой формы сталактитами, сѣровато-коричневаго цвѣта, съ которыхъ капала какая-то влага. Гдѣ-то наверху, за сводомъ, слышался громкій смѣхъ, похожій на хрюканье, и голосъ, напоминавшій лай осипшей собаки, произнесъ нѣсколько разъ:

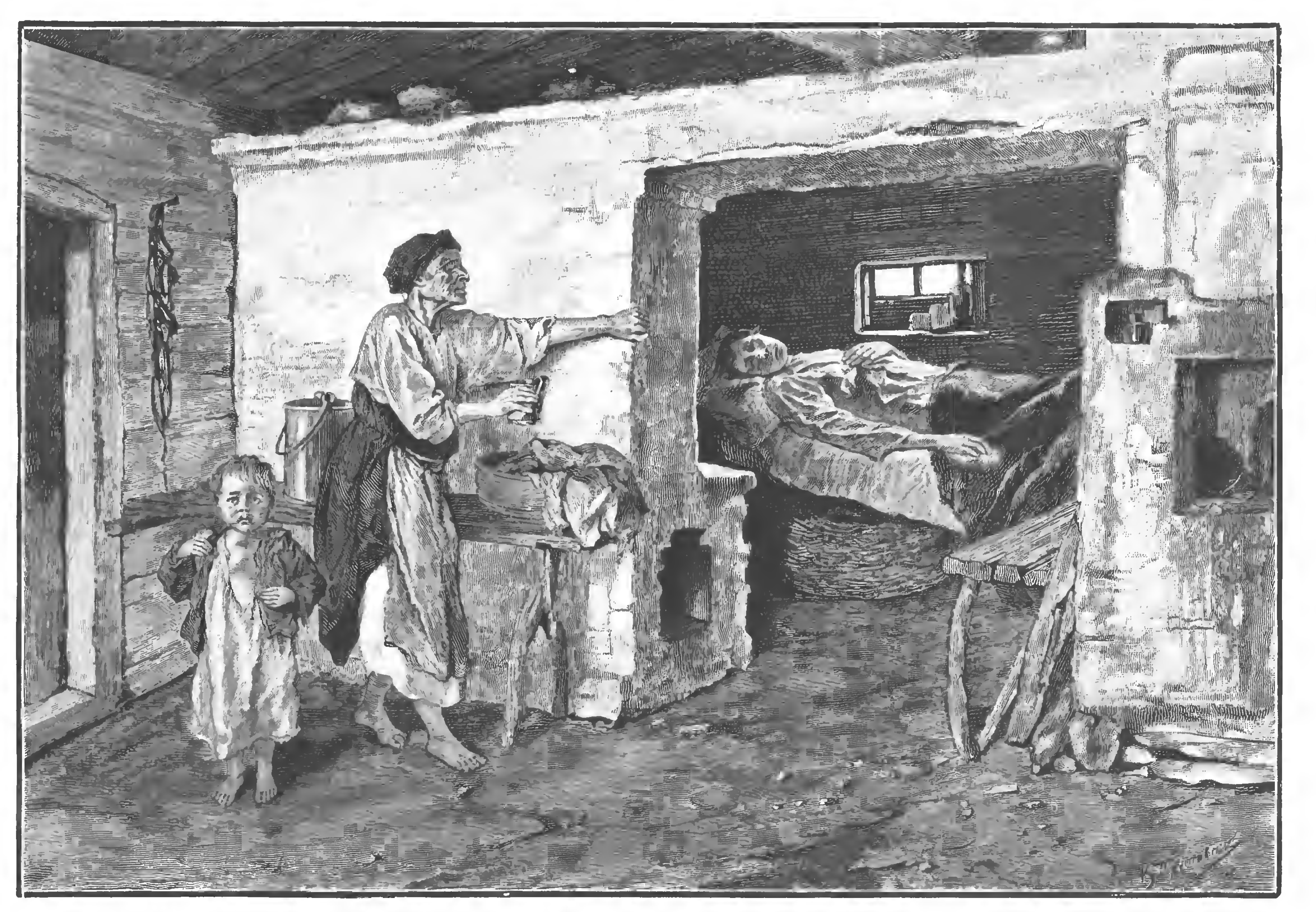
— Наконецъ-то, наконецъ, намъ попалось отродье Венделина! Наконецъ-то одинъ изъ Гризовъ—въ нашихъ рукахъ!

Георгу пришло на память все, что онъ случайно слышалъ отъ Пепе и Нонны и впослѣдствіи потихоньку выспросилъ у нихъ. Онъ понялъ, что попалъ въ руки злаго волшебника Мисдрала и что теперь его постигло настоящее несчастье, которое угрожало ему съ дѣтства. Ему было холодно, голодъ давалъ себя знать, и когда мальчикъ вспомнилъ о чудномъ паркѣ у себя дома, о накрытомъ столѣ, за которымъ такъ удобно было сидѣть на стульяхъ съ высокими спинками, о сытыхъ, прислуживающихъ лакеяхъ, ему стало совсѣмъ скверно на душѣ.

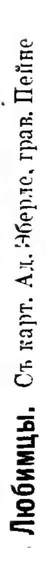
Затѣмъ Георгу пришло въ голову, какое горе доставитъ матери его отсутствіе. Своимъ внутреннимъ взоромъ онъ ясно представлялъ себѣ какъ она съ распущенными волосами мечется по парку, вездѣ отыскивая его.

Когда онъ былъ маленькій, герцогиня имѣла привычку брать его къ себѣ въ постель и играть съ нимъ въ „Красную Шапочку". Георгъ думалъ теперь объ этомъ и представлялъ себѣ мать, лежащую безъ сна, въ слезахъ, на шелковыхъ подушкахъ, и въ эту ночь, и въ многія другія, послѣдующія. Ему захотѣлось плакать, но онъ тотчасъ же разсердился на самого себя и съ досады топнулъ ногой.

Мальчику было только тринадцать лѣтъ, но страхъ и робость были такъ же мало знакомы ему, какъ его предку, Венделину I-му. Когда онъ услышалъ голосъ злаго Мисдрала и тѣ проклятія, которыми волшебникъ осыпалъ его близкихъ, Георгомъ овладѣлъ страшный гнѣвъ, и, подобно первому Венделину, за пять столѣтій передъ тѣмъ, онъ схватилъ камень, чтобы бросить въ морщинистое лицо чудовища. Но Мисдралъ не показывался, и Георгъ не могъ даже надѣяться увидѣть



Слѣпая сидѣлка. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Трутовскаго, грав. Флюгель.



Любимцы. Съ карт. Ад. Эберле, грав. Пейне

его, такъ какъ изъ разговора двухъ духовъ онъ узналъ, что волшебникъ, вслѣдствіе данной феѣ Клементинѣ клятвы, не смѣетъ прикоснуться къ нему и потому рѣшилъ уморить его голодомъ. Перспектива эта тѣмъ менѣе улыбалась мальчику, что онъ уже теперь ощущалъ непріятное чувство въ области желудка.

Въ пещеру проникалъ нѣкоторый свѣтъ черезъ отверстіе въ сводѣ. И потому, когда мальчикъ усталъ плакать и сердиться на самого себя и волшебника, онъ счелъ за лучшее оглядѣться нѣсколько и принялся разсматривать окружавшія его сталактитовыя образованія. Одно походило на каѳедру, другое на верблюда, третье заставило его расхохотаться, ибо удивительно напоминало учителя Софуса, преподававшаго ему и брату грамматику. У одной изъ колоннъ какъ будто стояла плачущая женщина, и это снова вызвало слезы на глаза мальчика. Но онъ не хотѣлъ плакать и сталъ разглядывать потолокъ. Оттуда спускались длинные сталактиты, изъ которыхъ одни были похожи на ледяныя сосульки, другіе напоминали развѣшенное мокрое бѣлье. Георгу вспомнилось мѣсто за паркомъ, гдѣ происходила сушка бѣлья; ему живо представились то длинный чулокъ, то рубашка, прикрѣпленные къ фруктовымъ деревьямъ, на которыхъ осенью висятъ такіе сочные и вкусные плоды. Это представленіе еще больше подстрекнуло его голодъ. Онъ покрѣпче затянулъ поясъ и началъ громко стонать.

Наступила ночь; въ пещерѣ стало совсѣмъ темно. Георгъ попробовалъ уснуть, но это не удавалось ему, несмотря на однообразный, усыпительный шумъ капель, съ равномѣрнымъ плескомъ падавшихъ съ потолка въ лужи.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ сильнѣе мучилъ его голодъ и раздражалъ свистъ летучихъ мышей, невидимыхъ въ темнотѣ.

Мальчикъ страстно желалъ, чтобы скорѣе наступило утро, и не разъ воздѣвалъ руки къ небу въ горячей молитвѣ о своемъ спасеніи, но еще болѣе о кусочкѣ хлѣба и о томъ, чтобъ разсвѣло. Такъ онъ сидѣлъ, погруженный въ самого себя и, чтобы что-нибудь жевать, грызъ себѣ ногти. Вдругъ онъ услышалъ въ лужѣ на полу какой-то плескъ,—вѣроятно, это была рыба; Георгъ приподнялся, желая прислушаться, и ему показалось, что чей-то тихій голосъ зоветъ его. Онъ еще внимательнѣе насторожилъ уши и—нѣтъ онъ не ошибся—голосъ прозвучалъ снова явственно и привѣтливо:

— Георгъ, бѣдный мальчикъ, ты не спишь?

Какъ отрадно стало ему на душѣ, какъ быстро онъ вскочилъ на ноги и отвѣтилъ на вопросъ! Теперь онъ былъ спасенъ, это казалось ему такъ же вѣрно, какъ дважды два-четыре, хотя въ сущности могло быть и иначе.

Надъ лужей, изъ которой слышался голосъ, появилась слабая полоска свѣта; хорошенькая золотая рыбка высунула изъ воды головку, пренотѣшно открыла свой круглый ротъ и проговорила едва слышнымъ голосомъ—настоящая рыба не можетъ говорить громко, ибо лишена легкихъ,—что ее посылаетъ крестная мать Георга, фея Клементина. Повелительница ея хотя и недовольна поведеніемъ своего крестника, но такъ какъ онъ вообще хорошій мальчикъ и она предана семьѣ Гризовъ, то хочетъ на этотъ разъ выручить его изъ бѣды.

Георгъ закричалъ съ жаромъ:

— Домой, домой! отправь меня только скорѣе къ матери.

— Это было бы конечно проще всего и вполнѣ возможно, возразила рыбка; — но если моя повелительница освободитъ тебя изъ власти злаго волшебника Мисдрала, она принуждена будетъ дозволить ему нанести вашей семьѣ другой ударъ. Войска ваши готовятся къ битвѣ. Если ты вернешься домой, великанъ станетъ помогать вашимъ врагамъ: они разобьютъ вашихъ, возьмутъ вашу столицу и матери твоей можетъ угрожать опасность.

Георгъ, при этихъ словахъ, стремительно вскочилъ на ноги и сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой. Потомъ опустилъ на грудь свою кудрявую голову и проговорилъ печально и кротко:

— Тогда я останусь здѣсь и лучше умру съ голоду.

Рыбка радостно ударила хвостомъ, такъ что во всѣ стороны брызнула вода, и заговорила снова, хотя голосъ ея охрипъ уже отъ одной фразы:

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же! Если ты согласенъ начать жизнь бѣднымъ, неизвѣстнымъ мальчикомъ, не говорить никому что ты принцъ и откуда происходишь, тогда никакой врагъ не можетъ причинить вреда ни герцогинѣ, твоей матери, ни ея войску.

— А я никогда не увижу ни моей матери, ни брата? спросилъ Георгъ. Щеки его стали такъ же влажны, какъ окружавшіе его сталактиты.

— Нѣтъ, отчего же! возразила рыбка. — Если ты будешь честнымъ человѣкомъ и совершишь въ жизни что-нибудь великое и прекрасное, тебѣ разрѣшено будетъ вернуться къ своимъ.

— Великое и прекрасное, повторилъ Георгъ. — Это должно быть весьма не легко. А если я дѣйствительно совершу что-либо хорошее, почемъ я буду знать, что и волшебница признаетъ его таковымъ?

— У тебя тогда выраститъ сѣдой локонъ. Ты будешь въ правѣ объявить всѣмъ и каждому, что ты сынъ герцога, и вернуться домой, проговорила рыбка едва слышно.—А теперь слѣдуй за мной. Я буду освѣщать тебѣ путь. Счастье твое, что ты такъ много бѣгалъ и остался худымъ: иначе ты пожалуй застрялъ бы гдѣ-нибудь по пути. Ну, слушай же! Эта лужа, черезъ трещину въ скалѣ, протекаетъ въ озеро. Я и поплыву впереди тебя до большаго пруда, куда стекаютъ всѣ ключи изъ этихъ горъ. Тамъ я поверну направо; а ты — въ каналъ налѣво. Ты будешь плыть по немъ въ теченіе часа, пока не достигнешь главнаго потока; по немъ ты поплывешь до поворота на востокъ, потомъ перейдешь черезъ гору и направишь путь на сѣверъ. Протяни сюда свою руку, чтобы я могла тебѣ дать денегъ на дорогу.

Георгъ повиновался, и рыбка выбросила ему изо-рта на руку сорокъ блестящихъ грошей. Каждой монеты ему должно было хватить на пропитаніе себя въ теченіе сутокъ и на уплату за ночлегъ.

Рыбка нырнула въ глубину, Георгъ послѣдовалъ за ней, сообразуясь съ полоской свѣта, исходившей отъ чешуистаго проводника. Мѣстами проходъ въ скалѣ становился такъ тѣсенъ, что мальчикъ полэя на животѣ по дну, едва покрытому водой, ударялся головой объ стѣнки и принужденъ былъ сжимать плечи. Иногда ему казалось, что онъ застрянетъ между камнями, какъ вбитый въ дерево клинъ; но онъ каждый разъ высвобождался и наконецъ достигъ большаго пруда ключевой воды, въ которомъ, играя, гонялись одна за другой молодыя русалки съ зелеными волосами и рыбьими хвостами. Онѣ приглашали Георга принять участіе въ ихъ играхъ; но рыбка посовѣтовала ему не терять время съ праздными дѣвами, и затѣмъ разсталась съ нимъ.

Георгъ остался одинъ и отдался теченію подземнаго потока. Наконецъ, потокъ вырвался на свободу въ видѣ широкой рѣки, и мальчикъ, перевалившись вмѣстѣ съ нею черезъ каменные пороги, шлепнулся въ большой, обросшій зеленью бассейнъ, поднявъ своимъ наденіемъ цѣлый столбъ брызгъ. Форели въ бассейнѣ пришли въ страшное смятеніе, собака на берегу подняла громкій лай, а пастухъ отъ удивленія вскочилъ на ноги, когда пестрый комокъ, перенесенный потокомъ черезъ скалу, вынырнулъ изъ воды въ видѣ красиваго тринадцатилѣтняго мальчугана.

Вскорѣ Георгъ уже стоялъ на берегу, отдуваясь и съ вожделѣніемъ посматривая на хлѣбъ и сыръ, составлявшіе пищу пастуха, въ то время какъ вода ручьями стекала съ мокрой одежды мальчика.

Пастухъ былъ очень, очень старъ и совершенно глухъ; но онъ умѣлъ читать въ глазахъ человѣка, и такъ какъ былъ добрый старикъ и успѣлъ уже подоить своихъ козъ, то протянулъ мальчику кружку молока. Онъ отломилъ также кусокъ хлѣба и указалъ Георгу мѣсто на солнышкѣ, которое взошло съ часъ тому назадъ.

Никогда еще завтракъ не казался принцу такимъ вкуснымъ; и пока онъ ѣлъ, пилъ и грѣлся на солнцѣ, онъ готовъ былъ назвать глупцомъ всякаго, кто-бы сказалъ, что онъ „дитя несчастья".

Насытившись, Георгъ поблагодарилъ пастуха и протянулъ ему одну изъ монетъ, полученныхъ отъ рыбки, но старикъ отстранилъ его руку.

Тутъ въ мальчикѣ проснулась герцогская гордость; онъ не хотѣлъ быть обязаннымъ нищему въ лохмотьяхъ и снова подвинулъ деньги пастуху. Старикъ и на этотъ разъ не принялъ ихъ. Когда же онъ замѣтилъ дорогую одежду молодаго принца, которую не успѣла испортить вода, онъ покачалъ головой и сказалъ наставительно:

— То, что даетъ рука неимущаго, не можетъ быть оплачено никакими деньгами. Возьми назадъ свою монету.

Тогда Георгъ сильно покраснѣлъ, спряталъ свои деньги въ карманъ и проговорилъ:

— Въ такомъ случаѣ, да наградитъ тебя Господь!

Слова эти легко и свободно сошли съ устъ мальчика, а между тѣмъ это были тѣ самыя слова, которыми нищіе въ странѣ Гризовъ благодарили за подаяніе.

До полудня Георгъ бѣгомъ слѣдовалъ по берегу рѣки, чтобы обсушиться, и при этомъ старался сосредоточиться, но мысли такъ быстро смѣняли одна другую, что онъ не могъ остановиться ни на дурномъ, ни на хорошемъ. Когда же онъ сѣлъ отдыхать подъ цвѣтущимъ кустомъ бузины, ему снова вспомнились мать, которой онъ причинилъ такое горе, его братъ, Понпа и старый Пепе, и онъ принялся плакать, при мысли, что никогда болѣе не увидитъ ихъ. Какъ можетъ онъ совершить что-либо великое и прекрасное, какъ того требовала рыбка! Три дня онъ чувствовалъ себя совсѣмъ убитымъ, а когда проходилъ мимо играющихъ сверстниковъ или мимо липы, подъ которой весело плясали или пѣли парни и дѣвушки, онъ думалъ про себя: „Вамъ хорошо; вы не дѣти несчастья, какъ я!"

Первую ночь онъ провелъ на мельницѣ, вторую на постояломъ дворѣ, а третью въ кузницѣ. На зарѣ, готовясь идти дальше, онъ увидѣлъ подъѣхавшаго всадника, который закричалъ стоявшему на порогѣ кузнецу:

— Битва проиграна. Король обратился въ бѣгство. Гризы идутъ на столицу.

Георгъ весело засмѣялся. Посланецъ, услышавъ это, хотѣлъ ударить его хлыстомъ, но мальчикъ увернулся и побѣжалъ дальше. Ему казалось, что съ него внезапно сняли великую тяжесть, которая до сихъ поръ давила его. У него мелькнула мысль, что сраженіе было бы проиграно военачальникомъ Мусташемъ, если бы онъ, Георгъ, остался принцемъ и сидѣлъ спокойно дома, вмѣсто того, чтобъ отбивать себѣ ноги о камни большой дороги.

Было еще рано, когда онъ пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ рѣка повертывала на востокъ. Отсюда ему надо было держаться къ сѣверу, и онъ увидѣлъ лѣсную дорожку, взбѣгающую на вершину горнаго хребта, который тянулся вдоль рѣки. Роса еще покрывала почву, а среди дубовъ и буковыхъ деревьевъ надъ его головой уже все свистало, пѣло, чирикало и щебетало,—словно весь птичій міръ слился въ одинъ ликующій хоръ, въ которомъ дятель выстукивалъ тактъ. Въ листвѣ игралъ солнечный лучъ, а на цвѣтущую землю ложились отъ листьевъ красивыя, круглыя тѣни. Хотя Георгъ шелъ въ гору, ему дышалось необычайно легко, и вдругъ, самъ не зная почему, онъ полной грудью запѣлъ, навстрѣчу лѣсу, пѣсню, которой научилъ его сынъ садовника. Около полудня онъ подумалъ, что достигъ вершины горы; но за нею оказалась другая, еще болѣе высокая, цѣпь горъ. Отдохнувъ и подкрѣпивъ свои силы бутербродомъ, — который дала ему на дорогу жена кузнеца, — Георгъ пошелъ дальше и, когда солнце уже склонялось къ западу, достигъ, наконецъ, высшей точки горнаго хребта.

Отсюда снова виднѣлась рѣка. Она извивалась, блестя и сверкая среди зеленыхъ луговъ, какъ серебряная лента. Лѣсистые холмы тянулись вдоль ея береговъ, верхушки деревьевъ были позлащены заходящими лучами солнца, а снѣжныя вершины дальнихъ горъ покрыты розоватымъ сіяніемъ, которое напомнило ему персиковыя деревья тамъ, дома, въ ихъ блѣдно-розовомъ цвѣту. Фіолетовая дымка окутывала сѣрыя, каменистыя высоты, а на горизонтѣ, далеко-далеко, сверкало что-то голубое, можетъ быть дорогое, родное озеро, которое Богъ знаетъ когда придется ему снова увидѣть... Все это было такъ чудно хорошо, и такъ переполнило его сердце сладкими воспоминаніями и надеждами! Влажные глаза мальчика устремлялись то вправо, то влѣво, но пространство открывавшееся передъ нимъ было безгранично. Какъ великъ, какъ неизмѣримо великъ Божій міръ, который съ этихъ поръ будетъ весь его домомъ, вмѣсто тѣснаго, обнесеннаго каменной оградой дворцоваго парка! Два орла парили высоко подъ золотыми барашками облаковъ, и Георгъ сказалъ себѣ, что съ этой минуты онъ тоже свободно, какъ они по небу, будетъ странствовать по землѣ. Чувство свободы охватило его съ необычайною силой; онъ сорвалъ съ головы шляпу и подбросилъ ее высоко кверху, потомъ стремглавъ пустился бѣжать съ горы и вскорѣ нашелъ гостепріимный почлегъ въ кельѣ пустынника.

Съ этихъ поръ странствованіе стало доставлять ему удовольствіе. Конечно, онъ былъ дитя несчастья — отрицать это было бы безполезно, — но врядъ-ли дѣти счастья чувствовали себя иначе, чѣмъ онъ. На тридцатый день, когда Георгъ шелъ уже по другой, болѣе ровной мѣстности, онъ нашелъ себѣ спутника. Это былъ сынъ каменотеса. Онъ былъ гораздо старше Георга, но охотно принялъ его себѣ въ товарищи, и замѣтивъ, что это ловкій, здоровый мальчикъ, съ головой на плечахъ, убѣдилъ его поступить въ ученье къ своему отцу. Каменотеса звали Крафтъ, онъ былъ мастеръ своего дѣла и съ готовностью принялъ къ себѣ спутника сына, который какъ разъ вручилъ ему свой послѣдній грошъ. Такимъ образомъ сынъ герцога сдѣлался каменотесомъ.

Между тѣмъ въ замкѣ Гризовъ царствовало горе и смятеніе. Мальчикъ, съ которымъ Георгъ отправился на озеро, успѣлъ спастись, и на утро вернулся домой. Но сколько ни разспрашивали его, могли добиться только одного, что онъ собственными глазами видѣлъ, какъ утонулъ принцъ. Дворъ удовольствовался этимъ сообщеніемъ, но не герцогиня; ибо скорѣе властелинъ откажется отъ своихъ владѣній, чѣмъ любящая мать отъ надежды снова увидѣть свое дѣтище. Кстати, герцогиня имѣла средство убѣдиться, живъ-ли ея любимецъ: у нея было зеркало, подаренное волшебницей первому Венделину, въ которое всѣ Гризы могли во всякое время увидѣть того, кто имъ дорогъ. Въ этомъ же зеркалѣ герцогиня видѣла, какъ мужъ ея упалъ съ лошади, пораженный на смерть. Герцогиня поспѣшила вынуть зеркало изъ шкатулки чернаго дерева, въ которой оно хранилось, но пока Георгъ оставался въ пещерѣ злаго волшебника, на гладкой поверхности зеркала не отражалось ничего. Это было мало утѣшительно, но герцогиня продолжала надѣяться, думая про себя: „Если бы его не было болѣе въ живыхъ, я должна была бы увидѣть по крайней мѣрѣ его трупъ“. Всю ночь сидѣла она передъ зеркаломъ, а на утро прибылъ гонецъ изъ лагеря съ извѣстіемъ, что непріятель наступаетъ, и что Мусташъ долженъ будетъ принять сраженіе до прибытія требуемыхъ имъ подкрѣпленій. Исходъ битвы весьма сомнителенъ; герцогинѣ слѣдуетъ приготовиться къ бѣгству, вмѣстѣ съ принцами и, если дѣло дойдетъ до крайности, захватить съ собою коронные брилліанты, государственную печать и нѣсколько мѣръ золота.

Намѣстникъ приказалъ уложить все это въ сундуки и положить туда же собственный его халатъ. Затѣмъ онъ попросилъ вдовствующую герцогиню посмотрѣть въ зеркало и приказать позвать его, какъ только тамъ появится картина битвы.

Подъ утро герцогиня увидѣла, какъ оба войска ударили другъ на друга; но у нея тотчасъ же явилось желаніе узнать, что съ ея сыномъ—и на этотъ разъ онъ дѣйствительно появился рядомъ со старымъ оборваннымъ пастухомъ. Старикъ дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ и сыръ, а мальчикъ сидѣлъ весь измокшій, не имѣя даже возможности перемѣнить платье. Это сильно встревожило герцогиню. Она уже представила себѣ, что Георгъ схватилъ насморкъ, горячку или воспаленіе легкихъ и лежитъ одинъ, безъ помощи, подъ открытымъ небомъ. Съ этой минуты она совсѣмъ забыла о предстоящей рѣшительной битвѣ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не думала ни о чемъ другомъ, какъ о сынѣ. Она созвала егерей, гонцовъ и профессоровъ географіи, ботаники и геологіи, и просила ихъ посмотрѣть въ зеркало и рѣшить, гдѣ находятся тѣ горы, которыя они тамъ видятъ. Но свѣтлая поверхность зеркала отражала только непосредственно окружающіе Георга предметы, а потому никто не могъ рѣшить, гдѣ онъ находится. Тогда она разослала людей во всѣхъ направленіяхъ искать пропавшаго принца.

Такъ прошла половина дня, и когда намѣстникъ, послѣ обѣда, явился снова, чтобы узнать о ходѣ битвы, герцогиня съ ужасомъ замѣтила, что совсѣмъ забыла о ней.

Она снова приказала зеркалу показать себѣ войско и главнокомандующаго Мусташа, который приходился двоюроднымъ братомъ покойному герцогу, и съ отчаяніемъ увидѣла, что ряды дрогнули... Намѣстникъ увидѣлъ то же самое. Онъ схватился обѣими руками за свой низкій лобъ и воскликнулъ:

— Все погибло!.. Мой санъ, ваша свѣтлость и государство! Лечу въ казначейство, въ конюшню! Непріятель... бѣгство... наши храбрецы... Ваша свѣтлость, наблюдайте за ходомъ битвы! Болѣе неотложныя обязанности...

Съ этими словами онъ скрылся и когда черезъ полчаса вернулся, весь красный отъ сдѣланныхъ имъ распоряженій, и незамѣтно, изъ-за спины герцогини, взглянулъ въ зеркало, онъ съ негодованіемъ откинулся назадъ и вскричалъ съ такимъ гнѣвомъ, котораго въ сущности истинный царедворецъ никогда не смѣлъ выражать въ высочайшемъ присутствіи:

— Клянусь кровью моихъ предковъ! Мальчуганъ, взбирающійся на гору... когда намъ такъ важно узнать...

Герцогиня глубоко вздохнула, снова вызвала картину битвы и увидѣла, что пока она наблюдала за сыномъ, все успѣло измѣниться къ лучшему. Это очень порадовало ее, а намѣстникъ воскликнулъ:

— Я всегда это предсказывалъ вашей свѣтлости. Условія были таковы, что побѣда не могла не остаться за нами. Доблестный Мусташъ! Полагаясь на него, я спокойно могъ отправить обозы съ вещами. Ваша свѣтлость, дозволите теперь вернуть ихъ?

Съ этой минуты герцогиня до конца сраженія не слѣдила больше за сыномъ. За-то когда побѣда окончательно склонилась на сторону ея войска, она снова вызвала въ зеркалѣ дорогой образъ.

Пока Георгъ печально шелъ впередъ, мать думала:

„Неужели это мой неисправимый сорванецъ? Хотя бы онъ опять взглянулъ весело и выкинулъ какую-нибудь шалость!“

Когда же мальчикъ беззаботно продолжалъ свой путь, какъ веселая и свободная перелетная пташка, герцогиня, конечно, порадовалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ и взгрустнула. Если онъ такъ доволенъ и беззаботенъ, значитъ, онъ совсѣмъ забылъ о ней.

Всѣ гонцы, которые были разосланы искать пропавшаго Георга, вернулись ни съ чѣмъ. Но герцогиня успѣла узнать изъ зеркала, что онъ сталъ ученикомъ каменотеса и исполняетъ самыя тяжелыя работы. Это очень огорчило любящую мать. Правда, онъ обреченъ на несчастье; но когда герцогиня увидѣла, что онъ ѣстъ грубую пищу, которою пренебрегли бы ея дворовыя собаки,—изъ одной миски съ грубыми, грязными сотоварищами, она подумала, что бѣдствія, постигшія ея сына, перешли уже всякую мѣру.

При всемъ томъ Георгъ, къ удивленію, всегда казался веселъ, тогда какъ Венделинъ, наслѣдникъ престола, большею частью смотрѣлъ пасмурно.

Вслѣдствіе одержанной побѣды, герцогство счастливаго мальчика еще болѣе расширилось и сословія начали поговаривать о томъ, чтобы возвести его на степень королевства. Венделинъ имѣлъ все, чего можетъ желать человѣкъ, и тѣмъ не менѣе, онъ съ каждымъ мѣсяцемъ становился все пасмурнѣе и недовольнѣе.

Когда наслѣдникъ престола выѣзжалъ въ золотой каретѣ и герцогиня слышала, какъ привѣтствовалъ его народъ, или когда онъ аппетитно прищелкивалъ языкомъ, сидя за блюдомъ фазановъ, или со вкусомъ потягивалъ сквозь зубы сочную спаржу, матери приходило на мысль, какъ тяжело теперь его брату, и у нея, помимо воли, являлось непріязненное чувство къ счастливцу, которому дано все то, чего лишенъ бѣдный, выброшенный изъ дому Георгъ.

Однажды герцогиня увидѣла, какъ Георгъ старается вновь собрать часовой механизмъ, осторожно разобранный имъ. Въ эту минуту намѣстникъ и церемоніймейстеръ также подошли къ зеркалу, чтобы взглянуть въ него, и подняли такой страшный крикъ и выразили такое отчаяніе, какъ будто непріятель снова вступилъ въ страну.

— Бѣдный, жалкій, достойный сожалѣнія и состраданія принцъ! соболѣзновалъ одинъ.

— И это Гризо! Это неслыханно, безбожно, это святотатство! восклицалъ другой.

И дѣйствительно, имъ пришлось увидѣть нѣчто ужасное: грубый ремесленникъ, на ихъ глазахъ, избилъ тростью сына Венделина XV-го! Подобныя же сцены видала герцогиня и позже, въ школѣ, куда каменотесъ отдалъ своего бойкаго, способнаго ученика. Сколько времени приходилось бѣдному мальчику просиживать за огромными чертежами или простаивать передъ классною доской съ противными цифрами, между тѣмъ какъ Венделинъ занимался не болѣе двухъ часовъ въ день съ ласковымъ, вкрадчивымъ учителемъ, который мягко и какъ бы шутя вводилъ его въ храмъ науки. Все, что представляло малѣйшія трудности, тщательно устранялось съ его пути, все горькое покрывалось слоемъ сладчайшаго меда. Точно также и въ школѣ счастливецъ ступалъ по розамъ безъ шиповъ; если же онъ и зѣвалъ иногда въ лицо учителю, тотъ лишь гордился этимъ, зная, что принцъ зѣваетъ точно такъ же — если еще не громче и чаще — за всѣмъ тѣмъ, что другіе привыкли считать удовольствіемъ.

Когда Венделину исполнилось шестнадцать лѣтъ, онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, ибо, какъ извѣстно, принцы развиваются раньше другихъ людей. Вскорѣ послѣ того его короновали — и уже не герцогомъ, а королемъ; но и при этой церемоніи, принцъ безпрестанно прикрывалъ ротъ кружевнымъ платкомъ.

Развалины древней мечети въ Байрамъ-Али-кала. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Государствомъ онъ управлялъ превосходно, ибо мать и свѣдущіе люди въ странѣ избрали ему прекрасныхъ, способныхъ помощниковъ, которые исполняли все, что было нужно. Они носили названіе тайныхъ совѣтниковъ короля. Въ вѣдѣніи одного находилось войско, у другаго — администрація, третій управлялъ податями и таможенными сборами, четвертый—школами, пятый обязанъ былъ оказывать вмѣсто короля милости, шестой — носившій титулъ совѣтника совѣтниковъ—думалъ за его величество. Этому же опытному царедворцу представлено было выбрать для молодаго короля супругу, и онъ необыкновенно успѣшно выполнилъ свою задачу: ибо принцесса, которая въ двадцатый день рожденія Венделина XVI соединилась съ нимъ узами брака, была такъ прекрасна, какъ будто ее изваяли изъ драгоцѣннаго матеріала, особенно тонкими инструментами. Болѣе пропорціонально сложенной фигуры нельзя было бы найти ни въ одномъ кабинетѣ восковыхъ фигуръ. При этомъ она обладала искусствомъ никогда не нарушать гармоніи своихъ правильныхъ чертъ; если случалось что-нибудь смѣшное, она только слегка приподнимала верхнюю губу, а тамъ гдѣ другіе плакали бы, искажая тѣмъ свое лицо, она только медленно опускала вѣки. Она была очень добродѣтельна и, несмотря на ея семнадцать лѣтъ, ее называли „мудрой", ибо она никогда не говорила ничего глупаго, а наиболѣе умныя свои мысли также скрывала, вѣроятно изъ скромности. Венделину это нравилось, потому что онъ самъ не любилъ говорить; но герцогиню это печалило. Она такъ радовалась, что будетъ имѣть дочь, передъ которой можно будетъ излить всю полноту своего сердца, и надѣялась имѣть повѣренную въ лицѣ жены своего сына. Но вышло иначе. Когда герцогиня пробовала излить волновавшія ее чувства, ей казалось, что на королевѣ все это оставляетъ такъ же мало слѣда, какъ вода на перьяхъ лебедя.

Народъ восхищался своей царственною четой. Король и королева были такъ поразительно красивы, когда катались въ золотой коляскѣ, откинувшись въ противуположные углы, и такъ высокомѣрно и гордо смотрѣли вверхъ, какъ будто все имъ близкое находилось на небѣ; на землѣ же имъ нечего было искать.

Такъ шли годы. По выборъ совѣтника совѣтниковъ оказался на этотъ разъ не вполнѣ удаченъ. Королева не дарила наслѣдника своему супругу и дому Гризовъ угрожала опасность прекратиться съ Венделиномъ XVI. Это конечно озабочивало герцогиню, но не такъ сильно, какъ можно было-бы ожидать; она знала, что есть на свѣтѣ еще одинъ Гризо, и ея материнское сердце не переставало надѣяться, что онъ когда-нибудь вернется и продолжитъ славный родъ ея супруга.

Герцогиня по-прежнему посылала гонцовъ въ тѣ страны, гдѣ, судя по костюму окружавшихъ его людей и характеру мѣстности и зданій, могъ находиться Георгъ.

Однажды разъ герцогиня предложила своей невѣстѣ взглянуть вмѣстѣ съ нею на свѣтлую поверхность зеркала, но больше уже не повторяла опыта. Когда королева увидѣла Георга плохо одѣтаго, съ каплями пота на лбу, сидящаго согнувшись надъ чертежами, въ бѣдной каморкѣ подъ крышей, она лишь слегка повела ноздрями, какъ будто ее оттолкнулъ запахъ нищеты, и проговорила холодно:

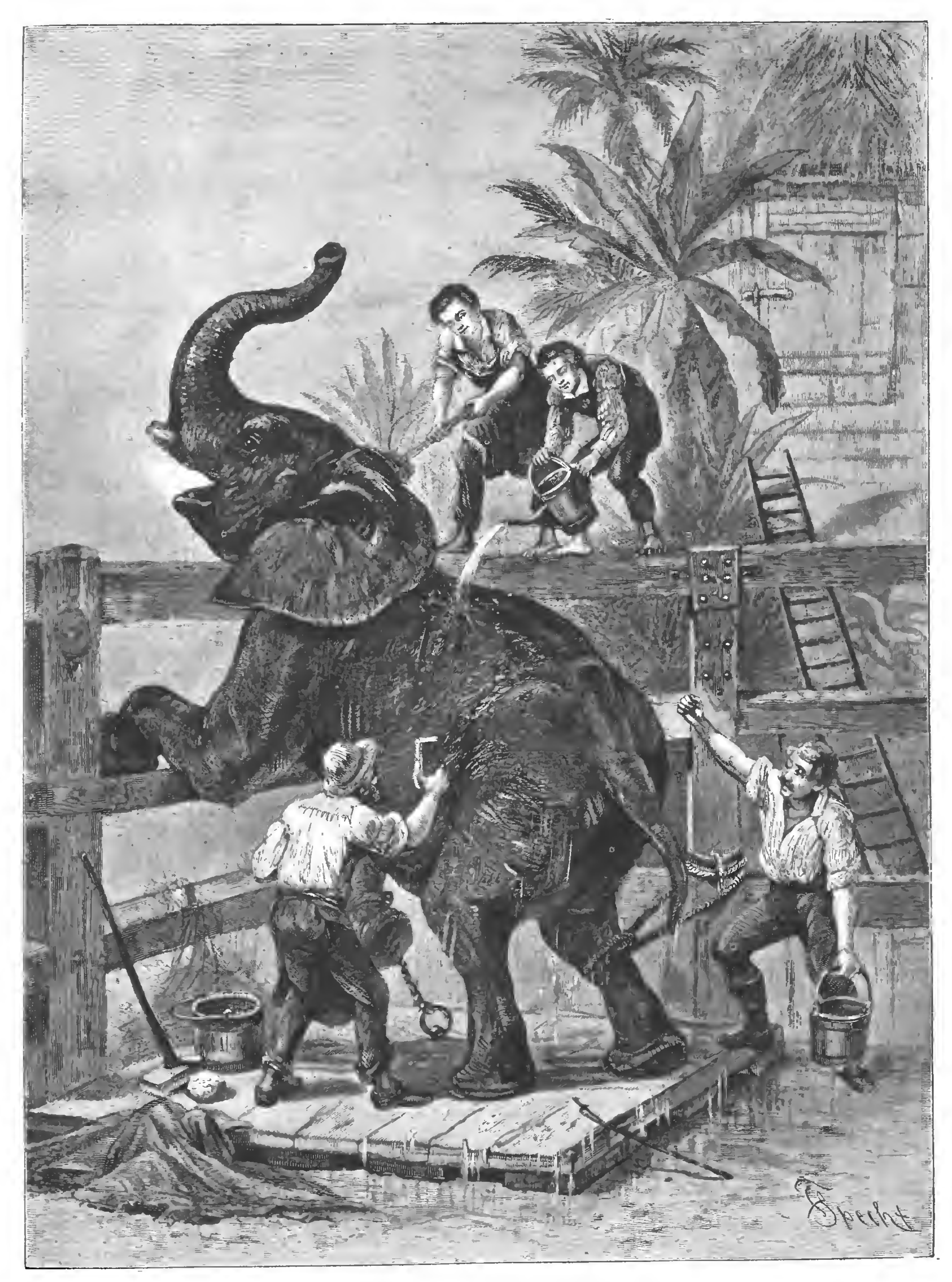
— И это братъ моего супруга? Не можетъ быть!

Съ этихъ поръ герцогиня никому, кромѣ старой Поппы, не позволяла смотрѣть въ зеркало, а между тѣмъ сама проводила много часовъ въ день, слѣдя за труднымъ жизненнымъ путемъ своего несчастнаго сына. Правда, иногда ей казалось, что къ печальному существованію бѣднаго, отверженнаго принца примѣшивается немножко и счастья; ей даже приходило иногда въ голову, что въ то время, какъ красавецъ Венделинъ, не смотря на свой сѣдой локонъ, становился такимъ тучнымъ и краснощекимъ, что напоминалъ скорѣе отъѣвшагося арендатора, простой, дюжинный Георгъ превращался постепенно въ высокаго, стройнаго молодаго человѣка съ открытымъ челомъ и прекрасными выразительными глазами.

Какихъ страховъ не пережила она вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ! какое горе не сжимало ей сердца, при видѣ нужды, которую онъ терпѣлъ, а это случалось не рѣдко; — но за то, какъ часто она смѣялась и радовалась, когда видѣла, что „дитя несчастья", по какому-то необъяснимому самообману, считаетъ себя счастливымъ!

Развѣ случалось ей видѣть когда-нибудь болѣе сіяющее лицо, чѣмъ лицо ея Георга, въ тотъ день, когда въ великолѣпной залѣ какой-то почтенный старецъ въ длинной мантіи прижалъ его къ своей груди и увѣнчалъ лаврами тѣ самые чертежи, надъ которыми онъ когда-то просиживалъ ночи? А потомъ, когда онъ прибылъ уже въ другую страну, среди величайшей нужды—свѣтъ иногда идетъ на выворотъ!—Георгъ казался такъ необузданно счастливъ, какъ будто фортуна высыпала на него весь свой рогъ изобилія.

Онъ жилъ въ выбѣленной известкой каморкѣ, которая вмѣсто пола была вымощена кирпичемъ. Придя домой, онъ не ѣлъ ничего кромѣ куска хлѣба, нѣсколькихъ винныхъ



Туалетъ слона. Рис. и грав. Шпехтъ.

ягодъ и козьяго сыра съ глоткомъ мутнаго вина, разбавленнаго водой. Этотъ нищенскій обѣдъ приносила ему старая, бѣдно одѣтая женщина, и у герцогини разрывалось сердце, при видѣ того, какъ онъ вытаскивалъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ, чтобы заплатить ей. А на этотъ разъ онъ, кажется, выдалъ послѣднія; по крайней мѣрѣ, онъ вывернулъ свой кошелекъ, вытрясъ его на полъ, но оттуда не выпало ничего.

Все это глубоко уязвляло сердце любящей матери; она долго и горько плакала, думая о благосостояніи своего старшаго сына и о жестокой слѣпой судьбѣ, которая такъ несправедливо распредѣляетъ свои дары.

Когда глаза ея, отуманенные слезами, могли снова различать предметы, герцогиня опять посмотрѣла въ зеркало и увидѣла длинное, довольно жалкое зданіе, къ которому примыкала большая, покрытая рѣшетчатою кровлей веранда. Вокругъ простыхъ, деревянныхъ столбовъ вилась роскошная виноградная зелень, луна обливала серебристымъ свѣтомъ зеленые побѣги и листья, и веселый свѣтъ огней бросалъ золотистый, пурпурный отблескъ на освѣщенную рѣшетчатую крышу и на радостныя лица пирующихъ.

За длиннымъ, узкимъ столомъ сидѣли молодые люди въ удивительныхъ одеждахъ, съ веселыми, оживленными лицами. Передъ каждымъ изъ нихъ стояла, оплетенная соломой, бутылка съ длиннымъ горлышкомъ. кубки наполнялись, опоражнивались, подымались кверху. Молодые люди чокались между собою, въ глазахъ ихъ зажигался вдохновенный огонекъ. движенія становились быстрѣе, и вотъ, одинъ изъ нихъ вскочилъ на столъ,—и этотъ одинъ былъ прекраснѣе всѣхъ другихъ, это былъ ея Георгъ.

Казалось, онъ чувствовалъ себя не на землѣ, а на небѣ. Онъ говорилъ и говорилъ, а другіе слушали его, притаивъ дыханіе, пока онъ не опорожнилъ залпомъ такого огромнаго кубка, что у герцогини морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

Что за неистовый восторгъ вызвала эта рѣчь среди присутствующихъ! Словно бѣсноватые, повскакали они со своихъ мѣстъ, а одинъ даже высоко забросилъ свой кубокъ черезъ рѣшетчатую крышу веранды.

Когда Георгъ сошелъ со стола, всѣ окружили его, бросались къ нему на грудь, обнимали его и наконецъ запѣли хоромъ. Въ концѣ-концовъ герцогиня увидѣла своего сына съ увлеченіемъ кружившагося въ вальсѣ съ молодой дѣвушкой; она была очень красива. но плясала босикомъ, вѣроятно, это была дочь трактирщика. Хотя ему, какъ принцу, не совсѣмъ подобало это, но герцогиня охотно простила ему, — она видѣла, какъ Георгъ цѣловалъ свѣжія какъ вишни губы молодой дѣвушки.

Все это очень походило на счастье, хотя конечно не могло быть таковымъ; ибо какое-же счастье можетъ выпасть на долю обреченнаго злому року? Трудно было сказать, что это, но во всякомъ случаѣ, Георгъ имѣлъ видъ человѣка находящагося на верху блаженства.

Герцогиня не сомнѣвалась теперь, что сынъ ея находится въ Италіи; но, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ посланцевъ не могъ найти его. Годъ спустя, Георгъ началъ заниматься дѣломъ, которое, она надѣялась, могло навести нѣкоторыхъ посланныхъ на его слѣдъ. Георгъ покинулъ жалкую каморку и жилъ теперь въ великолѣпной высокой комнатѣ. Она видѣла его ежедневно, съ пергаментнымъ свиткомъ въ рукахъ, отдающимъ приказанія толпѣ рабочихъ. Иногда онъ взбирался на исполинскіе лѣса—окружавшіе постройку—такъ высоко-высоко въ поднебесье, что у нея, глядя на него, дѣлалось головокруженіе, а ему, повидимому, это было привычнымъ дѣломъ.

По временамъ приходилъ на постройку царственной осанки господинъ, съ прекрасною молодою дѣвушкой, окруженный толпою царедворцевъ и слугъ. Тогда вызывали Георга; онъ показывалъ государю и молодой дѣвушкѣ—вѣроятно его дочери—планы и долго бесѣдовалъ съ высокими посѣтителями. При этомъ онъ вовсе не выказывалъ подобострастія, свойственнаго придворнымъ; движенія его были свободны и увѣренны, глаза смотрѣли такъ открыто и съ такой скромною привѣтливостью, что герцогинѣ такъ и хотѣлось привлечь его къ себѣ на грудь и крѣпко расцѣловать; но, увы! это было невозможно, къ тому-же мало-по-малу ей стало казаться, что сынъ ея гораздо болѣе жаждетъ другихъ поцѣлуевъ; по крайней мѣрѣ, онъ какъ-то особенно посматривалъ на молодую дѣвушку. и та, повидимому, ничего не имѣла противъ этого.

Однажды, разговаривая съ Георгомъ, молодая принцесса уронила розу, и когда онъ поднялъ цвѣтокъ, она, видимо, позволила ему оставить его у себя; по крайней мѣрѣ, она ничего не возразила, когда молодой человѣкъ поднесъ розу къ губамъ и спряталъ къ себѣ на грудь. Большой чертежъ скрывалъ всю эту сцену отъ нескромныхъ взглядовъ окружающихъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Съ горячаго Юга. (Рис. на стр. 1197 и 1212).

Когда, 26 лѣтъ тому назадъ, Вамбери впервые привезъ въ Европу рядъ извѣстій о народахъ живущихъ къ югу отъ нашихъ киргизскихъ степей, весь читающій міръ съ живѣйшимъ участіемъ слушалъ его разсказы о кровожадныхъ туркменахъ, несчастныхъ персахъ, воодушевленныхъ рыцарскими чувствами, о фанатикахъ Хивы, Бухары и всего этого неизслѣдованнаго Востока. Теперь, сидя въ вагонѣ-буфетѣ Закаспійской желѣзной дороги за холоднымъ крюшономъ и несясь съ быстротой 25 верстъ въ часъ по песчанымъ пустынямъ, мы считаемъ весь этотъ разсказъ просто тяжелымъ сномъ человѣка получившаго солнечный ударъ при 55° жары.

Да, 55° Реомюра—легко сказать, да выдержать-то каково, а выдержалъ-же это нашъ русскій піонеръ, выдержалъ такъ же какъ недавно Балканскую зиму, а нѣкогда переходъ черезъ Альпы.

Эта страшная жара, противъ которой приходится бороться намъ, сѣвернымъ жителямъ, въ Закаспійскихъ степяхъ, которая на первый взглядъ должна-бы изсушить все живое, однако безсильна противъ растительности и человѣка гдѣ есть вода.

Эта истина искони вѣковъ извѣстна народамъ Средней Азіи. Исторія учитъ насъ, что эти народы съ древнѣйшихъ временъ старались расширить *искусственно* область распространенія воды для питанія ихъ полей и садовъ.

Искусство помощію канавъ, выведенныхъ изъ какихъ-нибудь водохранилищъ или рѣчекъ, орошать поля и сады, называемое нынѣ ирригаціей, широко примѣнялось съ незапамятныхъ временъ на всемъ Югѣ Азіи и Сѣверѣ Африки, гдѣ сухость климата обширныхъ пустынь и степей и даже значительныхъ предгорій дозволяла развиваться растительности лишь тамъ гдѣ была живительная влага, проведенная и сохраняемая искусственно рукой человѣка.

Послѣдняя изъ нашихъ завоеванныхъ окраинъ—знаменитый нѣкогда Мервскій оазисъ—представляетъ въ своихъ суглинистыхъ и песчаныхъ равнинахъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ той невѣроятной массы земляныхъ работъ, которую могъ скопить человѣческій трудъ на незначительномъ сравнительно пространствѣ десятками вѣковъ, для полученія хорошо установленной оросительной сѣти.

Понятно, много найдется въ Азіи и нашихъ даже владѣніяхъ (Хива, Фергана) работъ болѣе грандіозныхъ размѣрами, чѣмъ старый главный оросительный каналъ Мерва, называемый Султанъ-бендомъ; но рѣдко гдѣ распредѣленіе воды по оазису было такъ удобно и раціонально устроено какъ въ Мервѣ, этой блестящей резиденціи нѣсколькихъ династій, Сассанидовъ и др., и наконецъ могучихъ турецкихъ султановъ, одному изъ которыхъ, Санджару, приписываютъ устройство каменнаго водослива на рѣкѣ Мургабѣ, высотой въ четыре слишкомъ сажени, и вообще исправленіе всей старой сѣти ирригаціонныхъ работъ, главный каналъ коихъ и называется съ тѣхъ поръ Султанскимъ.

Прахъ Санджара, когда-то, до пришествія монголовъ, почивалъ въ великолѣпномъ мавзолеѣ, воздвигнутомъ среди развалинъ арабскаго города; куполъ этого зданія, сильно пострадавшаго отъ руки людей—не времени, имѣетъ до 28 саженъ высоты и теперь.

Кругомъ этого мощнаго памятника на много верстъ во всѣ стороны видны только громадные холмы, покрытые кирпичнымъ мусоромъ, среди которыхъ, судя по остаткамъ стѣнъ и громадныхъ валовъ, въ разное должно-быть время было воздвигнуто до 6 разныхъ городовъ, а судя по остаткамъ стариннаго вала, когда-то окружавшаго 5 изъ нихъ, окружность города должна была доходить до 40 верстъ, что, впрочемъ, только подтверждаетъ сказанія персидскихъ лѣтописцевъ, доводящихъ до 1.500,000 людей число истребленныхъ въ Мервѣ жителей, знаменитымъ полководцемъ Чингисъ-Хана — Гулагу, впослѣдствіи основателемъ иранской династіи Иль-Хановъ. Кстати тутъ припомнить разсказъ Марко Поло о двухъ пирамидахъ изъ человѣческихъ головъ, сооруженныхъ въ развалинахъ этого несчастнаго города, невѣроятныхъ, какъ говорятъ, размѣровъ, для назиданія потомству, по приказанію Чингисъ-Хана.

Теперь этого памятника не осталось на мѣстѣ и слѣда, и лишь въ одной изъ туземныхъ пѣсенъ поется о горѣ головъ, что счетъ имъ туманъ-тумановъ (100.000.000).

Но вотъ на мѣстѣ, оспариваемомъ какъ узелъ главныхъ дорогъ всѣми князьками Востока, Россія водрузила свое знамя, раздоры прекратились, столь грозные туркмены сдѣлались вдругъ мирными кочевниками или землепашцами, ихъ прославленные набѣги — *миѳомъ* временъ прошедшихъ; мало того, Высочайшимъ указомъ 1887 года повелѣно возстановить во всемъ ея объемѣ старинную оросительную сѣть оазиса, и близко то время, когда среди развалинъ шести старыхъ городовъ возникнетъ седьмой—русскій. На прилагаемой фотографіи виденъ зародышъ этого будущаго города, это рядъ казармъ, помѣщеній и хозяйственныхъ построекъ Государева Мургабскаго имѣнія около станціи ж. д. Байрамъ-Али, пункта выбраннаго для помѣщенія управленія этимъ имѣніемъ, и гдѣ кстати разводится громадный питомникъ всевозможныхъ полезныхъ мѣстныхъ или иноземныхъ акклиматизируемыхъ растеній

и деревьевъ, предназначенный впослѣдствіи для снабженія имѣнія громаднымъ количествомъ саженцевъ.

Глядя на ростъ деревьевъ этого питомника и сравнивая ихъ съ подобными деревьями въ Россіи, удивляешься той силѣ, которая какъ бы волшебствомъ заставляетъ ихъ расти буквально не по днямъ, а по часамъ. Какъ любопытную иллюстрацію могу привести извѣстный въ Мервѣ случай, что въ 1888 году рициновый кустъ въ городѣ, у дома командующаго стрѣлковой бригадой, достигъ въ высоту *трехъ* сажень и отѣнилъ пространство діаметромъ тоже въ три сажени.

Другое изображеніе — развалины мечети въ послѣднемъ изъ разрушенныхъ городовъ. Городъ этотъ, называемый нынѣ въ отличіе отъ другихъ развалинъ Байрамъ-Али-кала, по имени послѣдняго удѣльнаго владѣльца, сохранился лучше другихъ и разрушенъ всего 104 года тому назадъ бухарскимъ эмиромъ Маасумомъ за непризнаніе его верховныхъ правъ на Мервъ: но, какъ говоритъ преданіе, не дешево досталась бухарцамъ эта побѣда,—три года длилась съ перерывами война и осада города, и только за полнымъ недостаткомъ воды, вслѣдствіе разрушенія Султанской плотины, сдался этотъ храбрый городокъ власти кровожаднаго эмира, превратившаго въ пустыню весь Мервскій оазисъ и выведшаго въ плѣнъ изъ этихъ развалинъ болѣе 42,000 семействъ, поселенныхъ теперь въ Каракулѣ, Бузарѣ и Самаркандѣ.

Недавно еще я видѣлъ стариковъ въ этихъ городахъ, которые съ горькими слезами вспоминали о наденіи славной „царицы міра", какъ, помимо всѣхъ превратностей судьбы, назывался еще этотъ обломокъ прежняго величія разрушенной турецкой столицы. Въ особенности славилось плодородіе почвы этого оазиса и прекрасные его сады, что даетъ надежду намъ, что со временемъ Мервъ, нѣкогда славный своимъ шелководствомъ, станетъ хлопчатникомъ Россіи и избавитъ насъ отъ тягостной платы иностранцамъ, доходящей и теперь до 20 милліоновъ рублей ежегодно.

Капризная натура. (Рис. на стр. 1200 и 1201).

Давнишнее желаніе исполнилось. Старый маркизъ и его почтенная супруга стали дѣдушкой и бабушкой. Чтобы всегда имѣть около себя милыя черты новаго представителя ихъ славнаго рода, они рѣшились увѣковѣчить своего ненаглядного любимца на холстѣ. Съ этою цѣлью приглашается извѣстный живописецъ. Но капризный и подвижной ребенокъ не хочетъ оставаться покойнымъ, и бѣднымъ старичкамъ предстоитъ не мало хлопотъ и возни, пока неугомонное дитя будетъ красоваться, какъ живое, на картинѣ.

Лѣсная бѣда. (Рис. на стр. 1205).

Воспользовавшись первою порошей, звѣропромышленникъ разставилъ по звѣринымъ тропамъ въ лѣсу капканы, которые и занесло снѣжкомъ вмѣстѣ со слѣдами коварнаго злодѣя. Ничего не подозрѣвавшая кума лиса-Патрикѣевна пробиралась вечеркомъ на свой курятный промыселъ, какъ вдругъ со страшною болью защелкнуло ей ногу, и пронзительный визгъ ея огласилъ лѣсную чащобу... Всѣ пернатые враги ея, у которыхъ она истребляла яйца и птенцовъ, слетаются на знакомый крикъ, злорадно привѣтствуя чужую бѣду, — особенно вороны такъ и надрываются въ своихъ поздравленіяхъ...

Слѣпая сидѣлка. (Рис. на стр. 1208).

Рисунки академика Трутовскаго изъ малороссійскаго быта всегда исполнены жизни и поэтической правды. На этотъ разъ передъ нами внутренность крестьянской хаты, въ которой слѣпая „бабуся" ухаживаетъ за больнымъ „хлопцемъ", повидимому роднымъ внучкомъ. Заслышавъ жалобный призывъ недужнаго, старуха ощупью пробирается по стѣнкѣ въ „свѣтлицю", гдѣ лежитъ мальчикъ, готовая подать ему посильную помощь.

Любимцы. (Рис. на стр. 1209).

Преданность и вѣрность собаки вошла въ пословицу. Оттого человѣкъ и любитъ это животное, на каждомъ шагу выражающее свою привязанность. Эта взаимная любовь проявляется съ малыхъ лѣтъ, какъ-то сама собою, и мы часто любуемся забавами ребятишекъ играющихъ со своими четвероногими друзьями.

Туалетъ слона. (Рис. на стр. 1213).

Слонъ, величайшее изъ млекопитающихъ сухопутныхъ, необычайно любитъ воду, въ которой неуклюжій великанъ умѣетъ мастерски плавать. По словамъ натуралиста Брэма, онъ бросается въ воду съ истиннымъ наслажденіемъ и по произволу опускается въ глубь. Если ему нужно, онъ въ прямомъ направленіи переплываетъ самыя широкія рѣки, а иногда просто ложится подъ водой, высовывая на поверхность одинъ только кончикъ хобота. Въ неволѣ купанье слона иногда замѣняется омываньемъ, причемъ его обливаютъ цѣлыми потоками воды, къ видимому удовольствію исполина, который неуклюже и смѣшно выражаетъ при томъ пріятное ощущеніе, доставляемое ему туалетомъ.

Спасательная ракета. (Рис. на стр. 1216).

Всѣ спасательныя станціи, военныя и коммерческія суда снабжены спасательными ракетами, благодаря которымъ можно перебросить тонкій манильскій линь (канатъ) на разстояніе 250 саж.

Ракета состоитъ изъ желѣзной гильзы, длиною въ 2 фута $1^1/_2$ дюйма и діаметромъ въ 3 дюйма; наполнена ракетнымъ составомъ. Ракетный хвостъ, березоваго дерева, имѣетъ форму усѣченнаго конуса длиною въ 2 фута 5 дюймовъ. Въ концѣ хвоста прикрѣпленъ желѣзный крючекъ съ пружиною, которымъ ракета при спускѣ захватываетъ за кольцо линя.

Ракетный спускъ состоитъ изъ желѣзной трубы, имѣющей въ разрѣзѣ форму квадрата; края трубы отогнуты внизу и образуютъ прорѣзъ, для прохожденія хвостоваго крючка. Труба положена на треногу и можетъ измѣнять углы возвышенія.

Приготовляя ракету къ спуску, надо главнымъ образомъ наблюдать, чтобы линь былъ хорошо уложенъ въ ящикъ, въ противномъ случаѣ можетъ образоваться колышка, т. е. узелъ, линь лопнетъ и ракета пропадетъ даромъ. Когда ракета съ линемъ долетитъ до мѣста, то переправа людей уже на половину готова, остается только по этому тонкому линю передать 3-хъ-дюймовый леерь и оттяжку. Леерь закрѣпляютъ насколько возможно выше отъ воды и туго вытягиваютъ. По этому лееру ходитъ блокъ, къ нижней части котораго привязанъ спасательный кругъ съ брюками. Оттяжки-же служатъ для того, чтобы переводить блокъ съ кругомъ отъ судна къ берегу, и обратно.

Жоржъ Бизе. (Портр. на стр. 1217).

Въ 1875 году внезапно скончался въ Буживалѣ, отъ аневризма, Жоржъ Бизе, мало еще извѣстный тогда музыкантъ и композиторъ, и потребовались цѣлыя 15 лѣтъ, чтобы музыка автора „Карменъ" была оцѣнена по достоинству. Родившись въ 1838 году, Жоржъ Бизе 29 лѣтъ получилъ римскую премію и лишь незадолго до смерти былъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. Любимый ученикъ Галеви, впослѣдствіи его зять, Бизе въ своихъ твореніяхъ былъ продолжателемъ того направленія, которое было насаждено во французской оперной музыкѣ его наставникомъ и тестемъ, а также Герольдомъ, Мейерберомъ и др., и которое достигло своего расцвѣта въ безсмертныхъ твореніяхъ Гуно. Успѣвъ при жизни написать немного, тѣмъ не менѣе, въ своихъ работахъ Бизе не мало внесъ новаго и своеобразнаго во французскую музыку. Его оперы „Пертская красавица", „Искатель жемчуга", „Карменъ", музыка къ „Арлезіенкѣ", увертюра, озаглавленная „Отечество", романсы и другія немногія творенія свидѣтельствуютъ о безспорномъ дарованіи молодаго композитора, который видимо стремился къ чему-то новому, но былъ преждевременно похищенъ смертью въ самую цвѣтущую пору жизни и таланта.

Сухопутно-водяной велосипедъ. (Рис. на стр. 1217).

Недавно въ Марсели производились опыты съ велосипедомъ, который двигается одинаково легко и свободно какъ на сушѣ, такъ и въ водѣ, безъ всякихъ измѣненій въ устройствѣ или остановокъ на ходу. Снарядъ этотъ устроенъ по образцу трехколесныхъ велосипедовъ (tricycle), приводится въ движеніе ногами при посредствѣ педалей и передаточной цѣпи, снабженъ тормазомъ, легко поворачивается съ помощью руля руками и свободно скатывается съ берега въ воду и выходитъ обратно на сушу. Каждое колесо велосипеда представляетъ какъ бы двѣ металлическія тарелки или крышки, соединенныя краями, которые обтянуты резиновыми шинами, какъ у всѣхъ велосипедовъ, предохраняющими отъ толчковъ. Кромѣ того, эти пустыя внутри и легкія колеса, толщиною въ 20 сантиметровъ, снабжены снаружи нѣсколькими лопастями, которыя дѣйствуютъ какъ у пароходныхъ колесъ, какъ только велосипедъ переходитъ въ воду. Размѣръ заднихъ, большихъ колесъ достигаетъ почти двухъ аршинъ въ поперечникѣ и они отстоятъ другъ отъ друга на $1^3/_4$ аршина. Сѣдло помѣщается надъ осью на $^4/_5$ аршина. Въ водѣ колеса погружаются, какъ это видно на нашемъ рисункѣ, вершковъ на 8—9.

Первые опыты съ новымъ снарядомъ, названнымъ велонотикъ (vélonautique), дали прекрасные результаты. Средняя быстрота хода: около 3 минутъ верста на сушѣ и $^1/_4$ часа въ водѣ, при 6 лопастяхъ шириною въ 2 дюйма. Но число и ширина послѣднихъ могутъ быть увеличены, такъ что скорость въ водѣ можетъ дойти до 7 верстъ въ часъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ велонотикъ отличается замѣчательною устойчивостью какъ на сушѣ, такъ и на водѣ: только съ большими усиліями удалось двумъ лицамъ опрокинуть приборъ, когда онъ былъ въ водѣ, но и тогда онъ, благодаря своей плавучести, явился какъ бы плотомъ, который легко могъ выдержать двухъ человѣкъ. Однако эти качества не вполнѣ удовлетворили изобрѣтателя новаго снаряда, морскаго механика Романеси, и его строителя Руссо, управляющаго большою велосипедною фабрикой въ Марсели, и они надѣются, благодаря нѣсколькимъ измѣненіямъ, еще болѣе усовершенствовать велонотикъ.

Политическое обозрѣніе.

Минувшая недѣля была посвящена Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ обозрѣнію древностей Египта. Посѣтивъ 12 ноября празднество, устроенное русскимъ генеральнымъ консуломъ на иллюминованныхъ баркахъ на Нилѣ, Его Высочество, 14 ноября присутствовалъ въ греческой церкви на торжественномъ молебствіи по случаю дня рожденія Государыни Императрицы, вечеромъ выѣхалъ въ сопровожденіи свиты въ Ассіутъ, а оттуда въ Луксоръ. На пути, 15 ноября, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Августѣйшими спутниками и свитою посѣтилъ Сухагъ. Городъ былъ иллюминованъ. Арабскіе нотабли исполнили на коняхъ „фантазію". Въ пятницу Высокіе Путешественники отбыли въ Кенехъ, куда и прибыли въ 9 часовъ вечера. Въ Луксоръ Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Августѣйшими спутниками и свитою прибылъ въ часъ дня 17-го числа и на другой день осматривалъ Карнакъ и статую Мемнона.

Спасательная ракета. Выпускъ ракеты гибнущему судну.
Съ фот. Апостоли, грав. Флюгель.

Католическій міръ сильно заинтересованъ въ настоящее время отношеніемъ католическаго духовенства къ существующей формѣ правленія во Франціи. Эти не новыя отношенія, неоднократно и многообразно измѣнявшіяся, снова стали злобою дня, вслѣдствіе рѣчи примаса Африки, кардинала Лавижери, произнесенной имъ 31 октября на завтракѣ въ честь штаба эскадры Средиземнаго моря. Въ ней кардиналъ сказалъ, что согласіе необходимо, что церковь и духовенство этого больше всего желаютъ и что патріотическій долгъ повелѣваетъ безъ всякой задней мысли присоединиться къ нынѣшней формѣ правленія, потому что она неоднократно утверждалась націею и потому что отъ согласія зависитъ спасеніе отечества. Затѣмъ кардиналъ выразилъ желаніе, чтобы французское духовенство раздѣлило его идеи, и присовокупилъ, что не предвидитъ возраженій со стороны авторитетныхъ голосовъ.

Спасательная ракета. Встрѣча спасеннаго съ гибнущаго судна.
Съ фот. Апостоли, грав. Флюгель.

Рѣчь кардинала произвела глубокое впечатлѣніе въ виду особаго положенія, имъ занимаемаго. При отъѣздѣ гостей кардиналъ приказалъ исполнить марсельезу. Какъ самая рѣчь, такъ и вообще образъ дѣйствій кардинала вызвали массу разнорѣчивыхъ толковъ. Чтобы не быть понятымъ превратно, кардиналъ Лавижери въ письмѣ, обращенномъ къ одному изъ французскихъ католиковъ, поясняетъ свой недавній тостъ въ честь французскаго флота и говоритъ, что опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ что республиканская форма правленія является единственно возможною формою правленія во Франціи, если только не произойдетъ какого либо чуда. Монархія, въ лицѣ графа Шамбора, сама покончила съ собою; графъ Парижскій, заявивъ, что всѣ средства хороши, обрекъ себя на самоубійство. Самъ онъ, Лавижери, полагаетъ, что по всѣмъ признакамъ республика въ ближайшемъ будущемъ станетъ неразрушимою. Наконецъ Лавижери, цитируя различныя мѣста изъ папской энциклики, доказываетъ, что и церковь признаетъ всѣ формы правленія, лишь бы только онѣ не противорѣчили принципамъ нравственности и вѣры.

Слова кардинала Лавижери произвели въ Ватиканѣ глубокое впечатлѣніе. Приближенные папы, какъ телеграфируетъ римскій корреспондентъ *Journal des Débats*, разсказываютъ, что Льва XIII рѣчь эта глубоко поразила и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворила. Въ самой Франціи рѣчи и письма примаса Африки тоже возбуждаютъ оживленные толки какъ въ публикѣ, такъ и въ печати. Часть консервативной печати и умѣренно-республиканскіе органы очень сочувственно относятся къ идеямъ Лавижери, но большинство консерваторовъ ихъ не одобряетъ, при чемъ кардиналъ подвергается особенно ожесточеннымъ нападкамъ со стороны легитимистской *Gazette de France* и бонапартистской *Autorité*. Радикалы тоже сильно полемизи-

руютъ противъ Лавижери, такъ какъ примиреніе католиковъ съ республикою вовсе не входитъ въ ихъ разсчеты. Что касается духовенства, то оно до сихъ поръ соблюдаетъ выжидательное положеніе, и пока только одинъ изъ французскихъ епископовъ, Анесси, открыто, но въ то же время очень осторожно, высказался въ пользу программы Лавижери.

Чрезвычайно интересно финансовое положеніе Франціи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Пельтанъ въ своемъ докладѣ палатѣ депутатовъ. По его словамъ, долгъ Франціи опредѣляется въ 30.300.813,594 фр. номинальнаго капитала и въ 22.824.043,690 фр. капитала дѣйствительнаго; номинальные проценты на этотъ долгъ составляютъ 3,48, а дѣйствительные—4,62%. Докладчикъ свидѣтельствуетъ, что это самый крупный долгъ на всемъ земномъ шарѣ, отводя второе мѣсто въ этомъ отношеніи Англіи, гдѣ государственный долгъ равняется приблизительно 18-ти милліардамъ; но г. Пельтанъ думаетъ, что кредитъ Франціи достаточно прочснъ, чтобы на денежномъ и фондовомъ рынкѣ долгъ могъ быть усчитанъ почти полностью, по разсчету 3-хъ проц. Докладчикъ признаетъ, впрочемъ, невозможнымъ достигнуть сокращенія долга въ виду усвоенныхъ способовъ займовъ. Пельтанъ считаетъ тягостными употреблявшiяся во Франціи комбинаціи, которыя съ самаго начала сильно содѣйствовали образованію французскаго долга.

На образованіе государственнаго долга прежде всего вліяли военныя тягости. Такъ, войны Второй имперіи обошлись странѣ въ 2.565.000,000 фр.; война 1870 года, тоже начатая Наполеономъ III, стоила 2.820.000,000, не считая, конечно, военной контрибуціи. Расходы на тунисскую экспедицію исчислены въ 126 милліоновъ, экспедиція на Мадагаскарѣ поглотили уже 21 милліонъ, а на завоеваніе Тонкина израсходовано 270 милліоновъ. Со времени Первой имперіи — говоритъ въ заключеніе Пельтанъ—Франція израсходовала на войны 16 милліардовъ.

Нашимъ финансовымъ положеніемъ сильно интересуется Берлинъ, особливо со времени утраты берлинскою биржею главнаго вліянія на нашъ денежный рынокъ. *Boersencourier*, вслѣдствіе распространяющагося слуха о томъ, что русскій министръ финансовъ закупками золота производитъ, для пользы сельскихъ хозяевъ, давленіе на курсъ рубля, признаетъ, въ интересахъ русскаго государственнаго кредита, желательнымъ офиціальное или офиціозное объясненіе производимыхъ съ валютою операцій. Но на удовлетвореніе этого желанія даже въ финансовыхъ кругахъ Берлина совсѣмъ не надѣются, такъ какъ на всѣ вопросы, уже нѣсколько лѣтъ обращаемые къ русскому министру финансовъ относительно операцій съ валютою, онъ всегда съ большою любезностью отвѣчаетъ, что въ дѣлѣ валюты онъ приверженецъ золота, а такъ какъ, по пословицѣ, разговоръ есть серебро, а молчаніе золото, то онъ предпочитаетъ молчать.

Жоржъ Бизе, авторъ оперы „Карменъ“.
Съ фотогр. грав. мастер. „Нивы“.

Новый сухопутно-водяной велосипедъ, представленный въ моментъ приближенія къ Марсельскому берегу.

Смѣсь.

Откуда началась у Достоевскаго падучая болѣзнь, объ этомъ разсказываетъ, въ одномъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, профессоръ Стокгольмскаго университета, г-жа Ковалевская. Ѳ. М. Достоевскій былъ на поселеніи и ужасно томился одиночествомъ, цѣлый мѣсяцъ не видя живой души. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, пріѣхалъ къ нему одинъ его старый товарищъ, какъ разъ въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. На радостяхъ свиданія они, забывъ, какая это ночь, просидѣли ее всю напролетъ дома, разговаривая обо всемъ. Коснулись они, наконецъ, и религіи. Товарищъ его былъ атеистъ, Достоевскій — вѣрующій, оба горячо убѣжденные. „Есть Богъ, есть!“ закричалъ, наконецъ, Достоевскій, внѣ себя отъ возбужденія. Въ эту самую минуту ударили колокола сосѣдней церкви къ заутренѣ. Воздухъ весь загудѣлъ и заколыхался. „И я почувствовалъ, — разсказывалъ Ѳедоръ Михайловичъ, — что Небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постигъ Бога и проникнулся имъ. „„Да, есть Богъ!““ закричалъ я и больше ничего не помню“. Съ тѣхъ поръ у Достоевскаго и начались припадки падучей. „Вы всѣ, здоровые люди, — говорилъ онъ, — и не подозрѣваете, что такое счастье, то счастье, которое испытываемъ мы, эпилептики, за секунду передъ припадкомъ. Магометъ увѣряетъ въ своемъ Коранѣ, что видѣлъ рай и былъ въ немъ... Онъ не лжетъ! Онъ, дѣйствительно, былъ въ раю въ припадкѣ падучей, которою страдалъ, какъ я. Не знаю, длится-ли это блаженство секунды, или часы, или мѣсяцы, но, вѣрьте слову, всѣ радости, которыя можетъ дать жизнь, не взялъ бы я за него!..“ (в.)

Первый слонъ въ Вѣнѣ. Когда, въ 1552 году, эрцгерцогъ Максимиліанъ Австрійскій, послѣ долголѣтняго отсутствія, вернулся въ Вѣну, онъ привезъ съ собою слона, до тѣхъ поръ невиданнаго въ дунайской столицѣ. Мѣста для зрителей и улицы были переполнены толпами народа, которые громко привѣтствовали блестящее шествіе принца, ѣхавшаго вмѣстѣ со своей супругой Маріей въ золоченой каретѣ, запряженной восьмеркой лошадей. Но при появленіи колоссальнаго, невиданнаго звѣря, все заволновалось и обратилось въ бѣгство. Произошла страшная сумятица и многіе изъ кавалеровъ, принимавшихъ участіе въ шествіи, дѣлали, со своей стороны, всевозможныя усилія чтобы предотвратить опасную панику. Мало-помалу толпа успокоилась, съ любопытствомъ глазѣла на диковинное животное и близко подходила къ нему. Вдругъ раздался страшный крикъ. Какая-то женщина, находившаяся въ числѣ зрителей, стиснутая толпой, выронила изъ рукъ дѣвочку и ребенокъ подкатился къ самымъ ногамъ исполинскаго чудовища. Наступила минута несказаннаго ужаса. Слонъ сначала взглянулъ въ толпу своими умными глазами, потомъ осторожно поднялъ хоботомъ ребенка и передалъ его трепетавшей отъ страха матери. Воздухъ буквально задрожалъ отъ радостныхъ кликовъ народа, и такимъ образомъ, среди восторженныхъ привѣтствій и возгласовъ, подобно какой-либо высокой особѣ, первый слонъ торжественно вступилъ въ Вѣну. (с.)

Абдулъ-Кадри и лепестокъ розы. Абдулъ-Кадри, знаменитый турецкій ученый, предпринялъ путешествіе въ Вавилонъ, съ цѣлью основаться тамъ. Вавилонскіе старѣйшины не пожелали однако принять его, но, узнавъ, что онъ уже прибылъ къ воротамъ города, не знали какъ выразить ему свой отказъ, не погрѣшивъ противъ пра-

вилъ гостепріимства. Наконецъ они напали на мысль выслать навстрѣчу ученому чужестранцу нѣсколькихъ выборныхъ людей, которые должны поднести ему полный до краевъ стаканъ воды, желая тѣмъ выразить иносказательно, что Вавилонъ, подобно этому стакану, до краевъ переполненъ поэтами и учеными и потому не можетъ вмѣстить его. Абдулъ-Кадри тотчасъ понялъ тонкій намекъ, но не удовольствовался имъ; онъ нагнулся, поднялъ розовый лепестокъ и осторожно положилъ его на поверхность воды, показывая тѣмъ, что для лепестка нашлось мѣсто и вода не пролилась черезъ край. Эта остроумная выдумка произвела впечатлѣніе на вавилонянъ; они съ уваженіемъ и удивленіемъ взглянули на Абдулъ-Кадри и торжественно ввели его въ свой городъ. (с.)

Сильнѣйшимъ военнымъ кораблемъ міра является спущенный 15 (27) сентября въ Специи „Sardegna"; по наружному виду весьма похожій на величайшіе итальянскіе броненосцы „Lepanto" и „Italia", онъ снабженъ внутри всѣми новѣйшими приспособленіями и усовершенствованіями по части кораблестроенія. Въ особенности хорошо вооруженъ „Sardegna" предохранительными снарядами для отраженія торпедъ. Этотъ громадный корабль располагаетъ 4 паровыми машинами, представляющими въ совокупности 22,800 лошадиныхъ силъ; машины приводятся въ дѣйствіе 18-ю паровыми котлами при 2-хъ вспомогательныхъ и сообщаютъ „Sardegna" скорость 18 морскихъ миль въ часъ. Шесть котловъ находятся въ кормовой части корабля, остальные 12 тянутся по направленію къ носовой. Запасъ угля простирается до 24,000 центнеровъ, т. е. 72,000 пудовъ. Кромѣ того на кораблѣ находится много и другихъ машинъ: гидравлическая для артиллеріи, динамомашина, доставляющая электрическое освѣщеніе, паровой насосъ для устраненія опасности пожара, нѣсколько вентиляціонныхъ и т. д. На бортѣ броненосца собрана маленькая флотилія, состоящая изъ двухъ паровыхъ миноносокъ, пароваго и парусного баркасовъ, двухъ парусныхъ шлюпокъ и трехъ весельныхъ, изъ которыхъ двѣ не тонущія, и лодки. На носу и кормѣ „Sardegna" воздвигнуто по броненосной башнѣ, изъ которыхъ каждая покрыта желѣзными плитами, толщиною отъ 30 до 35 сантиметровъ, и вооружена 4 громадными, морскими пушками, въ 68 тоннъ каждая. Артиллерійскій паркъ содержитъ 8 пятнадцати-сантиметровыхъ пушекъ, помѣщенныхъ на меньшихъ башняхъ, и 16 двѣнадцати-сантиметровыхъ пушекъ, изъ которыхъ 12 также находятся на маленькихъ башняхъ, а остальныя 4 расположены на особыхъ возвышеніяхъ между двумя броненосными башнями. Кромѣ того, еще цѣлый паркъ скорострѣльныхъ пушекъ, митральёзъ и минныхъ пушекъ, дополняетъ вооруженіе корабля. „Sardegna" поднимаетъ 280,000 центнеровъ; при длинѣ въ 440 футовъ, самое широкое мѣсто ея имѣетъ 81 футъ. Подводная часть корабля среднимъ числомъ 29¼ фут. Экипажъ состоитъ изъ 21 офицера и 650 матросовъ. Киль „Sardegna" весь изъ стали; всѣ трюмы и помѣщенія снабжены трубами, изъ которыхъ въ случаѣ аваріи проникающая вода можетъ тотчасъ же выкачиваться при помощи помпъ съ громаднымъ давленіемъ. На броненосцѣ два командорскихъ мостика, одинъ въ носовой, другой въ кормовой части, соединенные другъ съ другомъ. Корабль имѣетъ только одну мачту изъ желѣза, на которой находятся приспособленія для освѣщенія электричествомъ моря и береговъ на далекое разстояніе. Сообразивъ всѣ потребовавшіяся для этой исполинской постройки чудеса техники, нечего удивляться, что на эту новѣйшую и величайшую пловучую крѣпость издержано до 32 милліоновъ франковъ. (к.)

Эйфелева башня въ нынѣшнемъ году, оставшаяся безъ перемѣны на взглядъ обыкновеннаго зрителя, много потеряла въ глазахъ акціонера. Послѣ доходнаго года наступаютъ малодоходные, сенсаціонное чудо стало массою стараго желѣза. Въ общемъ доходы недавно кончившагося сезона составили 665,000 франковъ; расходы же на содержаніе потребовали 350,000 фр., кромѣ того чрезвычайныя издержки на ремонтъ простирались до 300,000 фр., такъ что за вычетомъ всѣхъ расходовъ остается 15,000 чистой прибыли. Весьма возможно, что въ будущемъ году получится дефицитъ. На этотъ же разъ, благодаря предусмотрительно-сбереженной отъ выставочнаго года суммѣ въ 168,000 фр., каждому акціонеру придется еще 9 фр. дивиденда. (к.)

Простое средство. Нѣкто пишетъ въ *Neue Blatt*: На основаніи долгихъ опытовъ я могу дать слѣдующій полезный совѣтъ. Если кому понесчастливится облиться купоросомъ, то стоитъ только вытереть облитое мѣсто сухой тряпкой или суконкой, и вреда никакого не произойдетъ. Обжогъ кожицы происходитъ только въ томъ случаѣ, когда купоросъ смывается другими жидкостями, напримѣръ, водой. (к.)

Фотографическіе снимки планеты Марсъ. При наибольшемъ приближеніи къ землѣ въ нынѣшнемъ году, планету Марсъ все-таки нельзя было достаточно хорошо наблюдать въ нашихъ широтахъ, такъ-какъ она за все это время стояла слишкомъ низко надъ горизонтомъ. Кромѣ нѣсколькихъ темныхъ и очень расплывчатыхъ пятенъ, только у южнаго полюса Марса видно было свѣтлое пятно, обозначающее поясъ льдовъ. Профессоръ Пиккерингъ въ настоящее время сообщаетъ, что на горѣ Вильсонъ въ Калифорніи ему удалось снять 14 фотографій Марса въ дни 9 и 10 апрѣля. На этихъ снимкахъ за оба дня видна одна и та же часть поверхности Марса, потому что планета въ моменты снятія была обращена къ землѣ одной и той-же стороной. На снимкахъ отчетливо видны какъ темныя пятна, соотвѣтствующія, какъ извѣстно, морямъ Марса, такъ и свѣтлое пятно у южнаго полюса Марса. Замѣчательно, что послѣднее на фотографическомъ снимкѣ 10 апрѣля значительно болѣе, чѣмъ на снимкѣ въ предыдущій день. Утромъ 9 апрѣля поясъ льдовъ мало выступалъ и казался закутаннымъ облаками или мелкими тусклыми тѣлами, трудно различаемыми въ отдѣльности. Напротивъ, 10 апрѣля та же область явилась повсюду совершенно свѣтлою и полярное пятно простиралось до 30° южной широты. Если представить себѣ подобный же снѣговой поясъ въ нашемъ сѣверномъ полушаріи, то надо было бы покрыть снѣгомъ одновременно всю Европу, Сѣверную Африку, Персію, Китай и Сѣверную Америку до Мексиканскаго залива. Давно извѣстно, что такое большое протяженіе снѣговаго пояса встрѣчается только на Марсѣ, но быстрое, менѣе чѣмъ въ 24 часа совершающееся, расширеніе его въ высшей степени поразительно. Тогдашнее время года на Марсѣ соотвѣтствовало срединѣ февраля въ нашемъ полушаріи. Какъ же объяснить это увеличеніе снѣговаго пояса? Всего основательнѣе приписать это выпаденію снѣга на большомъ пространствѣ, и въ дѣйствительности едва-ли можно отвергнуть то заключеніе, что 10 апрѣля снятіе фотографій происходило во время огромнаго выпаденія снѣга на южномъ полушаріи планеты Марсъ. Пространство этого снѣговаго поля, насколько видно было глазу, какъ указываетъ профессоръ Пиккерингъ, было громадно: оно обнимало поверхность въ 9.000,000 кв. верстъ, причемъ не должно упускать изъ виду того, что по своей величинѣ Марсъ значительно уступаетъ землѣ. Подобное замѣченному въ день 10 апрѣля на Марсѣ, состояніе могло быть преобладающимъ и на нашей землѣ во время ледоваго періода на нашемъ полушаріи. Во всякомъ случаѣ и всѣ другія наблюденія, въ особенности сдѣланныя Скіапарелли, выяснили, что на планетѣ Марсъ далеко еще не достигнуто то состояніе устойчивости коры, которое, какъ извѣстно, господствуетъ теперь на нашей землѣ. (к.)

Деревянные загородные домики изготовляются въ настоящее время на вывозъ въ готенбургскихъ лѣсопильныхъ заводахъ, въ Швеціи. Отдѣльныя части выполнены съ величайшей тщательностью и со вкусомъ. Ихъ экспортируютъ большею частью въ американскіе порты и затѣмъ собираютъ на мѣстѣ. Недавно отправленъ изъ Готенбурга новый транспортъ, состоящій изъ 50 товарныхъ вагоновъ. (с.)

Украденная простыня. Паоло Веронезе, во время своихъ путешествій, былъ однажды очень хорошо принятъ въ загородномъ домѣ одной семьи, гдѣ и провелъ съ удовольствіемъ нѣсколько недѣль. Когда онъ наконецъ распрощался, въ комнатѣ, которую онъ занималъ, не оказалось одной простыни, и обстоятельство это произвело очень непріятное впечатлѣніе на хозяевъ. Каково-же было ихъ удивленіе, когда въ углу нашли большой свертокъ, представляющій превосходную картину: „Александръ въ шатрѣ Дарія". Картина оказалась написанною на пропавшей простынѣ. Художникъ избралъ этотъ оригинальный способъ отблагодарить своихъ любезныхъ хозяевъ за оказанное ему гостепріимство. (с.)

Шизеофонъ. Такъ называется вновь изобрѣтенный у насъ электро-механическій приборъ, который обнаруживаетъ внутреннія плёнки, трещинки и т. п. пороки въ рельсахъ, производящихъ большей частью поломки рельсовъ, способныя вызвать крушеніе поѣзда. Приборъ состоитъ изъ микрофона и телефона, соединенныхъ съ механическимъ ударникомъ и аудіометромъ, дозволяющими навѣрное угадывать всѣ скрытыя погрѣшности рельса. Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ будетъ производить опыты съ этимъ приборомъ нынѣшнею осенью въ присутствіи техниковъ и инженеровъ всѣхъ вѣдомствъ. (в.)

Князь и княгиня Монако, по сообщенію изъ Парижа, уѣхали изъ своего замка Маршъ и предприняли долгое путешествіе. По заказу князя Альберта строится въ настоящее время въ Англіи яхта, въ 555 тоннъ водоизмѣщенія, которая явится настоящимъ чудомъ судостроительнаго искусства. Она будетъ представлять собою пловучую лабораторію, снабженную новѣйшими аппаратами, приспособленіями и машинами для измѣренія глубины. (с.)

Библіографія.

Желиховская, В. Княжна Цхени. Романъ изъ кавказской жизни. СПБ. 1890. 8°.

Г-жа Желиховская даетъ не первый романъ изъ жизни Кавказа. Знаніе мѣстныхъ условій и обычаевъ придаетъ ея произведеніямъ большой интересъ; кромѣ того романъ написанъ крайне живо и читается легко.

Дѣтскій театръ. В. Щ. СПБ. 1889. 8°. 30 коп.

Въ этой небольшой книжечкѣ авторъ помѣстилъ три пьесы для дѣтскаго театра: „Одуванчикъ", „Стрекоза и муравей", „Кто милѣе". Пьесы эти написаны живымъ языкомъ и вполнѣ доступны для дѣтскаго пониманія. По цѣнѣ крайне доступна.

Шуфъ, Вл. Крымскія стихотворенія. М. 1890. 8°. Ц. 1 р.

Въ этотъ сборникъ вошли лирическія стихотворенія, поэмы и пѣсни крымскихъ татаръ. Между ними есть нѣсколько недурныхъ стихотвореній.

ПРАКТИЧНЫЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ:

СКРИПКИ по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30. 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Смычки для скрипки по 50 к., 1 р., $1\frac{1}{2}$ р., 2, 3, 5, 10, 15, 20 р и дороже.
Струны и всѣ другія принадлежности.
Скрипки $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ величины **для дѣтей** по тѣмъ же цѣнамъ какъ и большія.
Віолончели по 20, 35, 50, 75, 100, 150 и 200 р.
Альты и **Контрабасы.**
ГИТАРЫ по 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р. (Гитары отъ 7 руб. и дороже имѣютъ механизмъ для струнъ).
ЦИТРЫ по 8, 12, 20, 40, 60, 80, 100 и 125 р
Полный аккордъ струнъ для цитры 3 р
Мандолины по 10, 20, 30, 50, 75, 100 и 150 р.
КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ по 15, 22. 25. 35, 50, 60, 75, 85, 100, 135 и 200 р. Отъ 50 р. и дороже собственнаго издѣлія.
Охотничьи рожки по 3, 5, 6, 8, 12 и 15 р.
ФЛЕЙТЫ по 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р.; отъ 75 р. и дор. собств. изд.
Пиколо-флейты по $1\frac{1}{2}$, 3, 5, 6, 10 и 20 р. Въ 20 р. собственнаго издѣлія.
Кларнеты по 6, 10, 15, 20, 25. 35, 45, 60 и 75 р. Отъ 45 р. и дор. собств. издѣлія.
Флажолеты по $1\frac{1}{2}$, 3 и 6 р.
Чаканы по 5, 10 и 15 р.
Мюзеты по 3 и 8 р.
Пални-флейты по 1 р. и 20 р.
Барабаны по 4, 6, 10, 12. 15, 30 и 50 р.
Барабаны большіе по 25, 35, 50, 60 и 90 р.
Тамъ-тамъ, Тарелки, Бубны, Треугольники, Кастаньеты
ГАРМОНІИ фабрики Кальбе, лучшія въ мірѣ:
Однорядныя въ 4, 5, $5\frac{1}{2}$, 6, 7, $7\frac{1}{2}$, 8, $8\frac{1}{2}$, 9, 10, 11, 12, 15. 20 и 25 р
Двухрядныя въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25. 28 и 30 р. и вѣнскія въ 10 и 22 р.
Трехрядныя въ 60 р. и вѣнскія въ 30, 50 и 75 р
Губныя гармоніи по 30, 50 к., 1 р. и дороже.
Окарины 60 к., 75 к., 1, $1\frac{1}{2}$, 2, $2\frac{1}{2}$, 5 и 7 р.
Бандоніоны 20, 30, 40 и 50 р
Нѣмецкія концертино по 3, 5, 8, 12 и 15 р.
Англійскія концертино по 24, 30, 40, 50, 65, 85, 100, 125, 140, 160 и 200 р.
Музыкальныя шкатулки малыя съ ручкой въ 2 и $3\frac{1}{2}$ р Малыя заводныя въ 6, 9 и 15 р.
Большія заводныя въ 22, 28, 45, 55, 65, 80 р, до 200 р.
МУЗЫКАЛЬНАЯ ПОДСТАВКА ДЛЯ ЕЛКИ съ заводомъ, вертитъ медленно елку и въ то же время играетъ 2 пьесы, цѣна 30 р.
Симфоніоны, новоизобрѣтенныя музыкальныя шкатулки съ перемѣнными пьесами, № 3 съ ручкой, съ 6-ю пьесами 8 руб. Добавочныя пьесы по 35 к.
№ 5 заводные, съ 6-ю пьес. 18 р Добавочныя пьесы по 35 к
№ 7 заводные, 60 тон., съ 10-ю пьес. 35 р. Добавочныя пьесы по 60 к.
№ 9 заводные, 84 тон., съ 10-ю пьесами, 55 р Добавочныя пьесы по 75 к
№ 12 заводные. 84 тон., Sublime harmonie съ 10-ю пьес. 90 р Добав. пьесы по 1 р.
Гармонифлюты въ 45, 60, 75, 90 р.
Желѣзныя складныя педали къ нимъ по 10 р.
Серафинъ, новый органъ для дѣтей, съ 6-ю пьесами, 12 р., добавочныя пьесы по 30 к.
АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ съ 10-ю пьесами 24 р. Добавочныя пьесы по 50 к.
ГЕРОФОНЪ съ 10-ю пьесами 26 р. Добавочныя пьесы по 50 к.
Герофонъ съ приспособленіемъ для громкой и тихой игры съ 10-ю пьесами 30 р. Добавочныя пьесы по 50 к.
ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ съ 10-ю пьесами 32 р. Добавочныя пьесы по 60 к.
ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ съ 10-ю пьесами 70 р. Добавочн. пьесы по 1 р 20 к., 2 р. 40 и дор.
ПІАНО-МЕЛОДИКО (новый механическій инструментъ со струнами) цѣна 80 р. Ноты отдѣльно по 70 к. за метръ (=$1\frac{1}{2}$ арш.).
Американскія фисгармоніи въ 100, 140, 160, 200, 250, 300, 400, 500. 600 и 800 р.
Французскія фисгармоніи въ 100. 130, 160, 190, 275 и 450 р
Складн. французск фисгарм въ 140 и 225 р
Фисгармоніи съ органомъ, 4-хъ октавъ, 4 регистр., съ 1 валомъ 275 руб.
Отдѣльн. валы, играющ. по 7 пьесъ, по 40 р
РОЯЛИ И ПІАНИНО лучшихъ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ **(также знаменитой парижской фабрики „Эраръ“)**
МЕХАНИЧЕСКОЕ ПІАНИНО, на которомъ можно играть не только какъ на обыкновенномъ піанино, но также исполнять посредствомъ верченія ручкои всѣ танцы и концертныя пьесы, цѣна инструмента 600 р. Ноты 1 р. 25 к. за метръ (=$1\frac{1}{2}$ арш.).
МЕХАНИЧЕСКІЙ ПІАНИСТЪ. Аппаратъ, который можно приставить къ роялю или піанино, и посредствомъ верченія ручкою артистически выполнять всевозможныя пьесы. Цѣна 400 р. Ноты изъ картона за метръ 1 р. и 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

О ПОДПИСКѢ на „НИВУ“ 1891 г.

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

Исполняя желаніе многихъ изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ, мы нашли возможнымъ допустить **разсрочку подписной платы за „Ниву“ 1891 года**, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1891 г. 3 руб.

2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1891 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1891 г. 2 руб.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложеніями и преміями—**наравнѣ съ годовыми подписчиками.**

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и НА БОЛѢЕ ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

Шахматная задача № 68.

Черные.

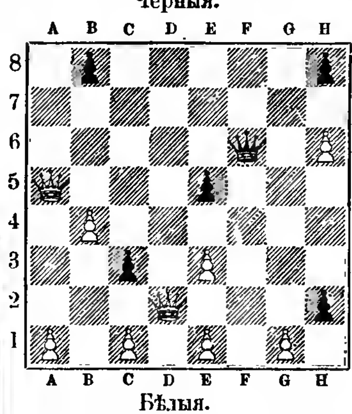
A B C D E F G H

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 69.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы**. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г.—**Панъ круль.** Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. **Графа Е. А. Саліаса.** Ч. II. (Продолж.). — **Сѣдой лононъ.** Сказка **Георга Эберса.** (Продолж.).—Къ рисункамъ: **Съ горячаго Юга** (съ 2 рис.).—**Капризная натура** (съ рис.).—**Лѣсная бѣда** (съ рис.).—**Слѣпая сидѣлка** (съ рис.).—**Любимцы** (съ рис.).—**Туалетъ слона** (съ рис.).—**Спасательная ракета** (съ 2 рис.). — **Жоржъ Бизе** (съ портр.).—**Сухопутно-водяной велосипедъ** (съ рис.). — Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Библіографія.—О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г. съ разсрочкою платежа.—Задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.—**При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ДЕКАБРЬ 1890 г., съ 26 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 26 рис. рукодѣльныхъ работъ.**

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Соч. ОЛЬГИ ШАПИРЪ:

Ея Сіятельство. Ц. 1 р. 25 к.
Безъ любви. Ром. Ц. 2 р.
Пов. и разсказы. Ц. 2 р.
Иногороднымъ пересылка отъ авт. СПБ., Надеждинская, 34. Можно съ наложеннымъ платежемъ. № 4839

Съ ручательствомъ за вѣрность хода и прочность механизма.

НОВОСТЬ!

НОСКИ ДЖУТОВЫЕ
БЕЗЪ ШВА,
отличающіеся прочностію отъ всѣхъ другихъ сортовъ.
Только въ магаз. **Ю. ГОТЛИБЪ**, по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго просп., СПБ.

Гг. иногородные заказчики благоволятъ прислать мѣру подошвы. Цѣна 5 руб., съ перес. 6 р. за дюж. Торговцамъ уступка.

НОВАЯ КНИГА: № 4832

ПЯТЬ КОМИЧЕСКИХЪ ПЬЕСЪ ДЛЯ ДѢТСКАГО ТЕАТРА,

съ тремя рисунками, Н. Л. Глазунова. Цѣна 80 коп., съ пересылкой 1 руб. Складъ изданія въ книжн. магаз. Скворцова. С.-Петербургъ. Владимірская площадь.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: **Генрихъ Блокнъ**, С.-Петербургъ. Невскій, 59—57, соб. домъ.

АЛЬБОМЪ 46 ПОРТРЕТОВЪ РОССІЙСКАГО ИМПЕРАТОРСКАГО ДОМА

ГРАВИРОВАННЫХЪ НА ДЕРЕВѢ **ВЕЙЕРМАНОМЪ.**

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Е. И. В. Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.
2. Е. И. В. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна.
3. Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ В. К. Николай Александровичъ.
4. Е. И. В. В. К. Георгій Александровичъ.
5. Е. И. В. В. Кн. Ксенія Александровна.
6. Е. И. В. В. К. Михаилъ Александровичъ.
7. Е. И. В. В. Кн. Ольга Александровна.
8. Е. И. В. В. К. Владиміръ Александровичъ.
9. Е. И. В. Вел. Кн. Марія Павловна.
10. Е. И. В. В. К. Кириллъ Владиміровичъ.
11. Е. И. В. В. К. Борисъ Владиміровичъ.
12. Е. И. В. В. К. Андрей Владиміровичъ.
13. Е. И. В. Вел. Кн. Елена Владиміровна
14. Е. И. В. В. К. Алексій Александровичъ.
15. Е. И. В. Вел. Кн. Марія Александровна.
16. Е. И. В. В. К. Сергій Александровичъ.
17. Е. И. В. Вел. Кн. Елисавета Ѳеодоровна.
18. Е. И. В. В. К. Павелъ Александровичъ.
19. Е. И. В. В. Кн. Александра Георгіевна.
20. Е. И. В. В. К. Константинъ Николаевичъ.
21. Е. И. В. Вел. Кн. Александра Іосифовна.
22. Е. И. В. Вел. Кн. Ольга Константиновна Королева Греческая.
23. Е. И. В. Вел. Кн. Вѣра Константиновна.
24. Е. И. В. В. К. Константинъ Константиновичъ.
25. Е. И. В. В. Кн. Елисавета Маврикіевна.
26. Е. И. В. В. К. Димитрій Константиновичъ.
27. Е. И. В. В. К. Николай Николаевичъ Старшій.
28. Е. И. В. Вел. Кн. Александра Петровна.
29. Е. И. В. В. К. Николай Николаевичъ Мл.
30. Е. И. В. В. К. Петръ Николаевичъ.
31. Е. И. В. Вел. Кн. Милица Николаевна.
32. Е. И. В. В. К. Михаилъ Николаевичъ.
33. Е. И. В. Вел. Кн. Ольга Ѳеодоровна.
34. Е. И. В. В. К. Николай Михаиловичъ.
35. Е. И. В. Вел. Кн. Анастасія Михаиловна.
36. Е. И. В. В. К. Михаилъ Михаиловичъ.
37. Е. И. В. В. К. Георгій Михаиловичъ.
38. Е. И. В. В. К. Александръ Михаиловичъ.
39. Е. И. В. В. К. Сергій Михаиловичъ.
40. Е. И. В. В. К. Алексій Михаиловичъ.
41. Е. И. В. В. Кн. Екатерина Михаиловна.
42. Е. И. В. Пр. Николай Максимиліановичъ.
43. Е. И. В. Пр. Евгеній Максимиліановичъ.
44. Е. И. В. Пр. Георгій Максимиліановичъ.
45. Е. И. В. Пр. Марія Максимиліановна.
46. Е. И. В. Пр. Евгенія Максимиліановна.

Всѣ 46 портретовъ, каждый на отдѣльномъ листкѣ, уложены въ красный коленкоровый переплетъ съ надписью на верхней крышкѣ, тисненной настоящимъ золотомъ. Такой альбомъ для каждаго семейства—прекрасное пріобрѣтеніе, какъ по содержанію, такъ и по красотѣ наружнаго вида.

Цѣна **1 р. 50 к.**; съ пересылкой по почтѣ **1 р. 75 к.** наложеннымъ платежемъ.

При требованіи 10 экземпляровъ и болѣе, прилагается одинъ экземпляръ безплатно.

Заказы просятъ присылать въ Главный складъ изданія: **Г. К. Клосъ** въ С.-Петербургѣ Вас. Остр., 5 линія, д. № 10, кв. 3. № 4842

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 4677 8—4

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Un jeune Allemand de bonne éducation, qui comprend les langues anglaise & française cherche une place comme sécrétaire etc. № 4851

L'adresser **à Otto Kieser** à Oberndorf a/Neckar, Würtemberg.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. **Альты, віолончели, басы. Смычки** 1½—50 мар. **Футляры** 3½—40 мар. **Цитры** 16—300 мар. **Гитары** 6 — 50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразате, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.

Вывозъ. Оптов. продажа.

Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
Ц. № 4787 **Крейцнахъ.** 9—3

ДЛЯ ВОЛОСЪ

БАЛЬЗАМЪ

ЭЙКАЛИПТИ

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Освѣжаетъ головную кожу. Ц. флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку Спб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у **А. Рузанова**. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и Комп., О Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. (3) Ц. № 4478

ГРЕЧЕСКІЯ ВИНА

Высшаго качества. — Натуральны.—Анализъ этихъ винъ далъ наилучшіе результаты.—Рекомендуемъ больнымъ и выздоравливающимъ (№ 0 и № 1).

сорта: № 0	№ 1.	№ 2.	№ 3.
МУСКАТЪ старый (сладкое).	**МАЛЬВАЗІЯ** сладкое.	**МАВРОДАФНЭ** старое—полусухое въ родѣ портвейна красн.	**КЕФАЛОНСКОЕ** сухое въ родѣ хереса.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА: № 4834

Въ собственн. погребахъ торговаго дома: Забалканскій пр., д. 1. ◆ Невскій пр., д. 15. ◆ Кокушкинъ пер., д. 1 и у слѣдующ. виноторговцевъ: Въ СПБ.—Центральный погребъ, уг. Невскаго и Садовой. ◆ К. Я. Шестаковъ—Банковскій мостъ. ◆ Н. Н. Павловъ, у Измайловскаго моста. ◆ П. С. Перовъ—Англійскій пр., д. № 44. ◆ В. Т. Кузмичевъ—Садовая, д. 72. ◆ Андреевъ—Екатерингофскій пр., д. 17—27. ◆ П. Ф. Скворцовъ—Невскій, д. № 110. ◆ Удаловъ — уг. Загороднаго и Лештукова пер. ◆ и у мног. друг. виноторговц. Въ **Москвѣ**: Е. Н. Дѣдова—Срѣтенск. ворота, соб. домъ и въ лучшихъ ресторанахъ и погребахъ.—Въ лучш. виноторговляхъ слѣдующихъ городовъ: **Гатчино.** ◆ **Нарва.** ◆ Везенбергъ. ◆ **Ревель.** ◆ **Дерптъ.** ◆ Валкъ. ◆ **Верро.** ◆ **Вольмаръ.** ◆ Венденъ. ◆ Псковъ. ◆ **Новгородъ.** ◆ **Тверь.** ◆ **Вязьма.** ◆ Серпуховъ. ◆ **Калуга.** ◆ **Тула.** ◆ **Коломна.** ◆ **Рязань.** ◆ Кострома. ◆ **Ярославль.** ◆ **Рыбинскъ** и проч. город. Россійской Имперіи.

Высылаемъ на пробу за 12 р. ящикъ въ 12 бут. всѣхъ 4 сорт. Въ задат. прос. прилаг. ¼ суммы заказа.—Провозъ за счетъ гг. покупателей.

ТОРГОВАГО ДОМА ЯКОВЪ ПЕРЕТЦЪ и К°. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Складъ и контора для оптовой продажи въ боч. и бут.: **Забалканскій просп., д. № 1 (собственн.)**

А. РАЛЛЕ и К°.
ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ
1846

Развитіе газ. „Нов. Дня“ всегда шло рука объ руку съ возростающимъ успѣхомъ газеты. За послѣднее время въ этомъ смыслѣ сдѣлано весьма много. Въ общемъ, всесторонняя полнота содержанія и богатство беллетристическаго матеріала, помѣщаемаго въ „Новостяхъ Дня“, дѣлаютъ газету одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей. Въ настоящее время редакціи, кромѣ того, озаботилась приглашеніемъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Петербургѣ и большинствѣ провинціальныхъ городовъ, съ цѣлью дать читателямъ своевременныя и полныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ законодательной хроники и общественной жизни. Съ этою же цѣлью редакція, въ дополненіе къ телеграммамъ „Сѣверн. телеграф. агентства“, организовала отдѣлъ собственныхъ телегр. сообщеній.

За истекшее время помѣщено множество портретовъ Высочайшихъ Особъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, писателей, композиторовъ и музыкантовъ, ученыхъ, артистовъ и проч. Между прочимъ, изъ беллетристическихъ произведеній помѣщены слѣдующіе романы, повѣсти и разсказы:

Драма на охотѣ (*А. Чехонте*). **Никифоръ Геркулесовъ и Вѣрный способъ** (*П. Невѣжина*). **Безприданница и Дама самъ-третей** (*кн. С. В. Голицына*). **Въ лунную ночь** (*И. Н. Ге*). **Первый урокъ** (*Ив. Н. Лодыженскаго*). **На литературныхъ хлѣбахъ** (*Вл. Ив. Немировича-Данченко*). **Отецъ** (*К. В. Назарьевой*). **Въ заколдованномъ кругѣ** (*Е. О. Дубровиной*). **Ирина Калугина** (*А. И. Лемана*) и мн. другихъ. Изъ переводныхъ: **Сафо** *Альфонса Доде*. **Прелести жизни** *Эмиля Зола*. **Фальшивый монетчикъ** *А. Дюма*. **Изъ окна въ окно** *Захеръ Мазоха*. **Дѣло Греллу**, ром. *Поля Бурже* и мн. др.; въ 1891 году также будутъ помѣщены беллетристическія произведенія извѣстныхъ писателей: историческая повѣсть *Е. А. Саліаса*, повѣсть **Диллетанты** *Вл. Ив. Немировича-Данченко*, повѣсть **Страховая премія** *П. М. Невѣжина*, очеркъ **Въ храмѣ Мельпомены** *И. Н. Ге*, романъ **Любить-жалѣть** *Е. О. Дубровиной*, романъ **Тузъ червей** *К. В. Назарьевой*, повѣсть **Счастіе** *Н. О. Ракшанина*, повѣсть **Преступленіе** *Н. А. Хлопова*, повѣсть **Въ тѣни замоскворѣцкихъ садовъ** *А. М. Пазухина*, историческая повѣсть **Елена Глинская** *Д. С. Дмитріева* и др.

Открыта подписка на 1891 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

НОВОСТИ ДНЯ

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Годовая иногородная подписка въ три срока по

Ц. № 4776 5—3

3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. въ Моск.	8 —	5 —	1 —
„ перес. въ город.	9 —	5 50	1 —
„ „ за гран.	13 —	7 90	1 60

Для иногородиыхъ годовыхъ допускается разсрочка по 3 руб. въ три срока: при подпискѣ, второй—къ 1 апрѣля и послѣдній—къ 1 іюня.

Объявленія—25 к. за строку на первой стран. и 12 к. на послѣдн.; стороннія сообщенія въ концѣ текста газеты—50 к. строк.

Къ свѣдѣнію публикующихъ: „НОВОСТИ ДНЯ“ печатаются въ большомъ количествѣ экземп., причемъ кругъ читателей постепенно расширяется. Публикація, которая вообще есть двигатель торговли, вполнѣ достигаетъ, такимъ образомъ, своей цѣли, такъ какъ останавливаетъ на себѣ вниманіе большого контингента читателей изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ

„НОВОСТИ ДНЯ“

Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

на 1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА **на 1891 г.**

НА

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ЕДИНСТВЕННУЮ БОЛЬШУЮ и ДЕШЕВУЮ ВЪ РОССІИ ГАЗЕТУ.

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“, выходя ежедневно, даетъ наиполнѣйшія свѣдѣнія изъ современной жизни. Сообщенія болѣе чѣмъ изъ **600** городовъ. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ и отъ собственныхъ корреспондентовъ. Московскій дневникъ. Театръ и музыка. Спортъ. Торговая хроника. Фельетонъ. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, мелочи и проч.

Въ вышедшихъ нумерахъ за 1890 годъ напечатано двѣнадцать большихъ романовъ (*В. А. Риваля, С. М. Нестерова, И. К. Кондратьева, И. О. Дубровиной и проч.*), свыше двухсотъ пятидесяти разсказовъ (каждый день по одному обязательно), множество сценокъ, стихотвореній, каламбуровъ, шутокъ и проч.

Въ портфелѣ редакціи для 1891 г. имѣются романы: *В. А. Риваля* — **„ЦАРИЦА СЕРДЦА“**, *И. К. Кондратьева* — **„ПСКОВСКАЯ КРАМОЛА“**, историч. ром. въ 3 част., *Ив. Погорѣлина*—**„СКОПЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ“**, повѣсть-хроника изъ прошлаго столѣтія, *С. М. Нестерова*—**„ПОТЕРЯННОЕ СЧАСТЬЕ“** и мн. др. Ш. № 4826 2—2

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

На годъ **5** руб. На полгода **3** руб. На 1 мѣсяцъ **60** коп.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Варсонофьевскій переулокъ, домъ Рибушинскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

№ 4777 2—2

Газета „День“ выходитъ ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, въ количествѣ **360** выпусковъ въ годъ. Повѣсти, разсказы и очерки помѣщаются въ газетѣ въ формѣ приложеній, съ особымъ счетомъ страницъ; изъ нихъ составится въ годъ 12 книжекъ.

Въ программу входятъ всѣ обычные отдѣлы ежедневныхъ изданій, а именно: передовыя статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ заграничн. жизни; мнѣнія печати, фельетонъ—разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библіографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника: петербургская лѣтопись, московская лѣтопись, провинціальная лѣтопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театръ и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книгахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія.

Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ допускается разсрочка: къ 1-му Января—2 р., къ 1-му Апрѣля, 1-му Іюня и 1-му Августа по 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп.

Объявленія: по 10 коп. за строку петита (35 буквъ). - **Адресъ** редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская, 4.

Редакторъ **И. В. Скворцовъ.**
Издатель **А. А. Греве.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

1891 г. # „МУЗА“ **Изданія годъ І-й.**

Музыкальный журналъ **„МУЗА“** будетъ выходить 20-го числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 28—32 нотныхъ страницъ.

Каждая тетрадь будетъ содержать: нѣсколько пьесъ для **фортепьяно** въ 2 руки, одну пьесу въ 4 руки, одинъ танецъ, одинъ или два романса (въ томъ числѣ и дуэты). Сверхъ того въ теченіе года будутъ помѣщены въ журналѣ **„МУЗА“** пьесы для **скрипки и віолончели, дѣтскія пьесы и пѣсенки**, а также и **хоры (свѣтскіе и духовные)**.

Гг. абоненты журнала **„МУЗА“** получаютъ ежегодно **при подпискѣ** особую **безплатную премію.** На первый годъ изданія редакція нашла возможнымъ дать своимъ подписчикамъ въ видѣ таковой преміи

АЛЬБОМЪ СОЧИНЕНІЙ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

П. И. ЧАЙКОВСКАГО

безплатно.

Эта премія выдается гг. городскимъ подписчикамъ **теперь-же**, а гг. иногороднымъ будетъ выслана съ выходомъ перваго номера, 20-го декабря сего года, такимъ образомъ № 4841

еще до праздниковъ Рождества Христова.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТОЛЬКО НА ГОДЪ.

Подписная цѣна . . . . **4 р 50 к.**
Съ доставкою или пересылкою . . . . **5 р. 50 к.**

Подписка принимается: **въ С.-Петербургѣ**, въ редакціи музыкальнаго журнала **для семьи и школы „МУЗА“** при музыкальномъ магазинѣ **А. Битнера**, Коммиссіонера Императорскаго Русск. Музык. Общества и Консерваторіи, СПБ. Филармон. Общ., Общества камерной музыки и пр., и пр. **Невскій проспектъ, д. № 22.**

Пробный нумеръ журнала **„МУЗА“** высылается по требованію за 1 руб. серебромъ.

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

У МОСКОВСКАГО КУПЦА

книгопродавца А. М. ЗЕМСКАГО,

въ Москвѣ, въ зданіи Славянскаго Базара, на Никольской улицѣ.

ВОЛШЕБНАЯ КНИЖКА

Составлена анти-спиритомъ **Алхазаръ Товіемъ Молдаванинномъ** для невиннаго семейнаго развлеченія и весьма пріятной забавы каждому семейству въ длинные зимніе вечера, а также и для дачныхъ жителей въ лѣтнее время. Изд. 4-е.

Книжка необыкновенно интересная и необыкновенно забавная и чрезвычайно любопытная, въ которой имѣются удивительные, чудные фокусы и необыкновенно загадочныя таинственныя явленія; они заключаются въ слѣдующемъ: напримѣръ, по этой чудной волшебной книжечкѣ можно узнать у всякаго неизвѣстнаго лица—сколько у него въ карманѣ денегъ, сколько кому лѣтъ; кромѣ того по этой волшебной книжечкѣ можно вызывать тѣни на воздухѣ, или у себя дома въ освѣщенной комнатѣ лицъ или кто кого пожелаетъ, хотя бы эта личность была въ отсутствіи. Кромѣ сего по этой чудной волшебной книжкѣ можно узнать всякаго незнакомаго человѣка, какъ его прозваніе и имя. Съ новѣйшимъ спиритическимъ открытіемъ объ угадываніи чужихъ мыслей, съ приложеніемъ открытій и тайнъ древнихъ магиковъ, извѣстнымъ профессоромъ Галлемъ. Цѣна этой книжечкѣ съ пересылкой 1 руб. во всѣ города. № 4836

НЕОБХОДИМО

для всякаго имѣющаго занятіе на открытомъ воздухѣ, какъ-то: для гг. военн., инженер., охотник., золотопромышленн. и служащ. на жел. дор.

ВЯЗАНАЯ КУРТКА

изъ англійской крученой шерсти. Цѣна 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелков. рукавами 16 и 18 р., съ пересылкою повсемѣстно 1 р. дороже. Цвѣта коричневые, кубовые, черные, сѣрые и бордо. При пересылкѣ необходима мѣра вокругъ туловища. Mt. № 4852

Магазинъ **Ю. ГОТЛИБЪ. СПБ.** по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 3767 (87)

ПЕРО-ФОНТАНЪ!

НОВОЕ АМЕРИКАНСКОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Въ перѣ находится стеклянный цилиндръ, который наполненъ чернилами и во время писанія чернила стекаютъ черезъ особенное внутреннее устройство на перо. Кончивши писаніе, на перо надѣваютъ капсюль, чтобъ его можно было въ бумажникѣ или въ карманѣ носить. Перо вызолоченное и поэтому не ржавѣетъ. Одного наполненія хватаетъ, если много писать, на два дни.

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 1 руб.

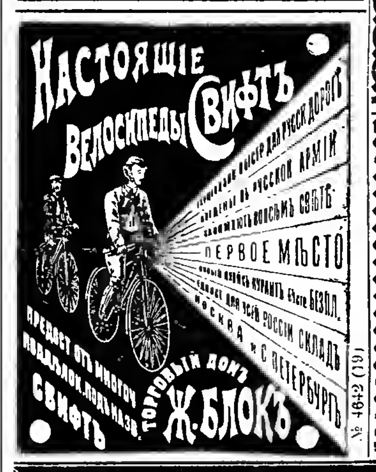
СКОБЛИЛЬНАЯ СТАЛЬ.

Скоблитъ такъ скоро и незамѣтно, что каждый при первомъ употребленіи даетъ ей предпочтеніе предъ всѣми бывшими до сихъ поръ въ употребленіи скоблильными ножиками и проч. 3—2 № 4824

Цѣна 50 коп., съ пересылкой 1 руб.

Оптовая и розничная продажа у

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ.
СКЛАДЪ РЕЗИН. ТОВАРОВЪ
Больш. Морская, № 34.



Къ свѣдѣнію гг. любителей ВЫПИЛКИ по дереву:

На-дняхъ отпечатанъ и поступилъ въ продажу только что изданный конторою журнала „Нива" **НОВЫЙ** (по счету **ТРЕТІЙ**)

„АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ",

состоящій изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ **множество превосходно выполненныхъ рисунковъ**, разнообразнѣйшихъ по величинѣ и стилю всевозможныхъ предметовъ, и **около 100** русскихъ, славянскихъ и французскихъ **буквъ-монограммъ**. Въ альбомъ вошли исключительно **НОВЫЕ, НИГДѢ ЕЩЕ НЕ ПЕЧАТАВШІЕСЯ РИСУНКИ** художника

В. Н. КЛАГЕСА.

Имъ же составленъ и помѣщенный въ альбомѣ **объяснительный текстъ къ рисункамъ, служащій**, вмѣстѣ съ тѣмъ, **общепонятнымъ руководствомъ при выпиливаніи, что особенно важно для начинающихъ.**

Цѣна альбома въ изящной литографированной папкѣ **1 р. 25 к.**, а съ пересылкою иногороднымъ **1 р. 60 к.**

Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ контору журн. **„Нива"**, Невскій, 6.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 4720 17—4

Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ. въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у **В. Аурихъ.** Колокольная, № 18. **С.-Петербургъ.**

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

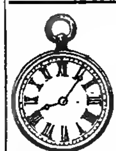
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (38) № 4278

НОВОЕ ИЗДАНІЕ **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ДАРВИНИЗМЪ.

Общедоступное изложеніе теоріи Дарвина и ея приложенія къ жизни человѣка Э. Ферьера. Переводъ съ 2-го француз. изданія. **Цѣна 60 коп.** Продается у всѣхъ книгопродавцевъ. Главный складъ у П. Луковникова. Лештуковъ пер., 2. Mt. № 4853



ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалистъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр., № 52
прот. Имп. Публ. Библіотеки.
Оптовая и розничн. продажа.

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка за счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 4501 20-17

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

Фабрика оптич. инструм. Е. КРАУСЪ и К°. въ Парижѣ, Aven. d. l. Republ. 4.

Единствен. складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, Мойка, № 42 (у Полицейскаго моста).

Рекомендуетъ слѣдующія спеціальности, съ ручательствомъ за доброкачественность. Отправка въ провинцію за наличныя деньги, или наложеннымъ платежемъ. При неудовлетворительности, проданная вещь обмѣняется.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію безплатно. № 4847

АРГУСЪ

№ 1. Ахромат. универсальн. бинокль „Аргусъ" имѣетъ превосходн. оптич. качества и одинаково годенъ для поля, моря и театра.

Карман. форм. . . . . 8 р. пер. за 3 фун.
Больш. „ . . . . . 9 „ „ „ 4 „

Съ изобрѣтеніемъ сухихъ пластинокъ, фотограф. доступно каждому.

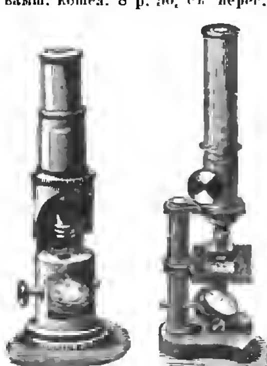
№ II. „Тандемъ"

фотографич. аппар. для любителей, которыми всякій, безъ особенн. подготовки, можетъ снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.

Въ 18 р., 30 р., 35 р., 50 р. и дор.
Прейсъ-курантъ и краткое наставленіе высылаются **безплатно.**

ЛИЛИПУТЪ

№ II. Миніатюр. бинокль „Лиллипутъ" помѣщается въ карманѣ жилета и пригоденъ какъ для поля, такъ и театра.
Въ замш. кошел. 8 р. 50, съ перес. 9 р.



№ 113 Микроскопы № 108

Увелич. 60✕ цѣна 5 р. 50 к.
„ 90✕ „ 6 р. — к.
„ 150✕ „ 19 р. — к.
„ 200✕ „ 23 р. — к.
„ 300✕ „ 40 р. — к.
„ 500✕ „ 50 р и т. д.

№ 113. Карм. микроскопъ
увелич 50✕ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

№ XX. Ахромат. спеціально театральн. бинокли.

Въ черной оправѣ отъ . . . 5 до 10 р.
Изъ слонов. кости „ . . . 14 „ 24 р.
„ перламутра „ . . . 15 „ 60 р.
„ аллюминія (оч. легк.) отъ 20 „ 52 р.

№ IV до VIII. Полев. бинокли отъ 12 до 38 р.

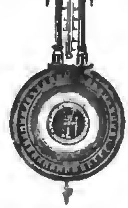
№ XXX. Подзорныя трубы
5 р., 10 р., 13 р, 23 р. и дороже.
№ XXXI. Подзорн. трубы для туристовъ отъ 18 до 50 руб.
№ XXXII. Морскія трубы отъ 12 руб.

Чертежн. инструм. (Готовальни) въ разн. наборахъ, принаровлены къ немедленн. употребленію.
Изъ желтой мѣди отъ 2 до 12 р.
Изъ массивн. никелина отъ 4 до 30 руб.
Пересылка за 2 и 3 фунта.

МАРСЪ

№ XII. Двойн. зрительн. труба „Марсъ" съ 16-ю стеклами, для очень большихъ разстояній, 57 р., 72 р. и дороже. Пересылка за 4 фунта.

№№ X и XI. Морскіе бинокли (ночные) отъ 17 р. до 44 руб.



Барометры-анероидъ въ разныхъ оправахъ, хорошо вывѣренные:
въ никелир. оправѣ. **№ 40**—5 р., пер. за 2 фун.
въ изящн. дер. опр. **№ 46** — 14 р., пер. за 6 фун.
Карманн. барометры для измѣренія высотъ, отъ 11 до 45 р.

Дозвол. цензур., СПБ., 28 ноября 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г. — г. XXI

№ 49 — 1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 8 декабря 1890 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Деревенская улица. Ориг рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XI.

Однажды на большой дорогѣ появились всадники, счетомъ не болѣе дюжины. Полусотня изъ Сталупеньской банды уже приготовилась выѣхать и перехватать смѣльчаковъ, но была остановлена Каролемъ. Мундиры всадниковъ были не нѣмецкіе. Это не были зеленые бранденбуржцы.

Приглядѣвшись съ башни къ тихо подвигавшимся всадникамъ, Кароль объявилъ, что ѣдутъ „москали" съ офицеромъ. Какимъ образомъ русскіе солдаты могли очутиться здѣсь — было загадкой. Во всякомъ случаѣ, Кароль приказалъ вѣжливо встрѣтить гостей и никакого худа имъ не дѣлать.

Бурчимуха сѣлъ на коня и съ десяткомъ молодцовъ сталупенчиковъ выѣхалъ навстрѣчу. Черезъ полчаса кучка всадниковъ въ русскихъ гвардейскихъ мундирахъ, съ офицеромъ во главѣ, въѣхала во дворъ зàмка.

Кароль встрѣтилъ офицера. Тотъ отрекомендовался.

— Я полковникъ Мамоновъ. Присланъ къ пану Сандецкому отъ имени резидента ея величества императрицы Всероссійской для самыхъ важныхъ переговоровъ.

Кароль косо взглянулъ на офицера и выговорилъ холодно:

— Я прямо заявляю пану-пулковнику, что если онъ является съ хитрымъ намѣреніемъ похитить кого-либо изъ зàмка, то потеряетъ голову. Здѣсь не простой помѣщикъ—здѣсь самостоятельный круль. И если опасно было шутить съ паномъ Сандецкимъ, то съ крулемъ Яномъ еще опаснѣе.

— Я понимаю, что̀ хочетъ сказать панъ, отозвался Мамоновъ, кротко улыбаясь. — Даю честное слово, что никакой задней мысли у меня нѣтъ, никакого ухищренія съ моей стороны не будетъ. Я дѣйствительно присланъ резидентомъ императрицы.

Лицо Мамонова, его голосъ, его красивые голубые глаза, улыбка, — все такъ понравилось Каролю, что онъ, самъ удивляясь, мягче, не только вѣжливо, но почти любезно, заговорилъ съ офицеромъ. Прежде всего онъ позвалъ его къ себѣ отдохнуть отъ дороги и закусить. Солдаты были точно такъ же приглашены сталупенчиками.

Не прошло получаса, какъ въ горницѣ Кароля, гдѣ сидѣлъ Мамоновъ, а равно и въ небольшомъ флигелѣ, крылѣ дома, гдѣ Бурчимуха съ компаніей угощалъ гостей, было быстро забыто, что прибывшіе не кто иные, какъ москали. Вѣроятно, близость врага-бранденбуржца дѣлала врага-москаля полу-пріятелемъ по сравненію.

Главное что̀ сблизило сейчасъ же прибывшихъ русскихъ солдатъ съ членами банды—было заявленіе первыхъ, съ какимъ бы они наслажденіемъ тоже подрались съ нѣмцами.

— Сейчасъ же, если бы могли, поступили бы тоже къ вамъ въ охотники! говорили они.

Нашлись среди этихъ москалей и такіе, которые, если сами не сражались съ Фридриховскими солдатами, то помнили разсказы своихъ отцовъ о томъ, какъ они били нѣмцевъ и какъ они взяли Берлинъ.

Между тѣмъ Кàроль и Мамоновъ, бесѣдуя, закусывая и запивая хорошимъ венгерскимъ, становились все болѣе друзьями. Прошло полтора часа съ тѣхъ поръ, что въѣхалъ во дворъ русскій полковникъ, а Кàроль уже объяснялъ ему:

— Если бы всѣ москали были похожи на пана Мамонова, то многое и многое въ Польшѣ пошло бы иначе. Я пойду докладывать о панѣ моему отцу, но заранѣе предупреждаю: если его будутъ называть паномъ, то онъ не станетъ бесѣдовать съ вами.

— Но, дорогой мой пане Кàроль, каково же мое-то положеніе! Какъ же я въ качествѣ русскаго офицера, являющагося оффиціально, могу простаго помѣщика величать королевскимъ титуломъ? добродушно смѣясь, вымолвилъ Мамоновъ.

— Какъ угодно пану! Иначе никакого толку не будетъ. Хоть я и не знаю, въ чемъ заключается порученіе пана, но повторяю, что толку не будетъ.

Мамоновъ подумалъ, разсмѣялся и махнулъ рукой.

— Ладно! Буду говорить: „ваше королевское величество". Вѣдь никто этого не узнаетъ! Такъ и быть, готовъ покривить душой, но главнымъ образомъ потому, что панъ мнѣ чрезвычайно по сердцу. Если и отецъ пана такой же милый человѣкъ, то я надѣюсь, что и мое личное дѣло удастся...

Кàроль, конечно, понялъ, что Мамоновъ намекаетъ на свою любовь къ Сусаннѣ.

— Личное дѣло?.. Личное?! воскликнулъ Кàроль. — Я бы право готовъ былъ помочь...

Черезъ часъ въ тронной залѣ уже было много народу въ парадныхъ красивыхъ костюмахъ. Вокругъ трона стояла опять стража изъ сталупенчиковъ.

Затѣмъ появился круль Янъ и занялъ свое мѣсто на тронѣ. Черезъ двѣ минуты въ противоположныя двери появился посланникъ отъ имени резидента Русской императрицы, съ согласія короля Станислава-Августа.

Входя въ залу и увидя торжественную обстановку, Мамоновъ невольно усмѣхнулся, но поскорѣе постарался измѣнить выраженіе лица и сдѣлать его тоже торжественнымъ.

Приблизясь къ трону, на которомъ сидѣлъ король, русскій полковникъ представился и заявилъ, что онъ посланъ объяснить королю Сталупеньскому, чтобы онъ отрекся отъ престола и отказался отъ своего намѣренія бороться съ Фридрихомъ, такъ какъ все это не только можетъ погубить его самого, но и навлечь всякаго рода непріятности королю Польскому. Въ Варшавѣ извѣстно, что со всѣхъ сторонъ стекаются охотники въ Сталупени, что образуется какъ бы новая конфедерація, на подобіе Барской, и польское правительство не можетъ допустить этого. Вмѣстѣ съ тѣмъ и правительство Русской императрицы считаетъ долгомъ вступиться за права Фридриха.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла, отозвался гордо круль Янъ, — до мнѣній моего сосѣда и брата, короля Польскаго! Что касается императрицы Всероссійской, то, при всемъ моемъ уваженіи къ ея могуществу, я долженъ сказать, что дѣла наши до нея совершенно не касаются. Наши двѣ монархіи—ея и моя—не пограничны...

При этихъ словахъ что-то особенное мелькнуло на лицѣ говорившаго. Мамонову показалось, что самъ „господинъ король" усмѣхнулся внутренно, говоря о двухъ монархіяхъ: Всероссійской и Сталупеньской.

— Я долженъ тогда заявить вашему королевскому величеству, выговорилъ Мамоновъ, слегка улыбаясь, — что сюда явится польское войско, чтобы передать это помѣстье королю Прусскому. Это заступничество за врага есть необходимость. Русская императрица находится въ такомъ же положеніи, какъ и Фридрихъ, — нѣкоторыя земли отошли къ Россіи. Примѣръ короля Сталупеньскаго можетъ быть заразителенъ на другой, восточной окраинѣ. Ваша Мосць изволили объявить себя

независимымъ монархомъ... Гдѣ-нибудь въ Минскѣ, а то и ближе... подъ Смоленскомъ можетъ оказаться тоже король, съ которымъ придется императрицѣ начать войну. И такъ, имѣю честь заявить, что русское правительство, съ согласія польскаго, присылаетъ меня объявить ультиматумъ: чрезъ недѣлю Сталупени должны принадлежать Прусскому королю, все Сталупеньское войско должно быть распущено по домамъ, а Ваша Мосць должны именовать себя не королемъ Яномъ I, а попрежнему паномъ Ксаверіемъ Сандецкимъ.

— На это я отвѣчаю, отозвался круль,—что покуда я живъ—я буду монархомъ. Я провозгласилъ себя королемъ—и умру королемъ. Покуда я живъ—никто изъ враговъ моихъ: солдатъ королевства Польскаго, имперіи Россійской или королевства Прусскаго, не ступитъ на землю короля Сталупеньскаго.

Круль Янъ поднялся со своего трона и величественно двинулся въ свои аппартаменты, въ предшествіи придворныхъ и въ сопровожденіи своей почетной стражи.

Посланникъ направился прямо къ Кàролю и сталъ было собираться тотчасъ же выѣзжать изъ зàмка обратно въ Варшаву, но однако не скрылъ отъ Кàроля, что сильно усталъ отъ дальняго пути верхомъ. И Кàроль сталъ уговаривать его остаться сутки въ гостяхъ.

— Я самъ не понимаю что̀ со мною, но я никогда не встрѣчалъ ни одного русскаго, который бы такъ быстро меня очаровалъ, говорилъ Кàроль.

Мамоновъ, конечно, тотчасъ согласился остаться отдохнуть.

XII.

Не прошло часу, какъ Кàроль, самъ себѣ изумляясь, рѣшился на такое дѣло, которое за сутки передъ тѣмъ показалось бы ему безсмысліемъ или подлостью. Онъ рѣшился устроить свиданіе между Мамоновымъ и Сусанной.

Думая о томъ, что это измѣна по отношенію къ отцу, Кàроль утѣшалъ себя мыслью, что времена перемѣнились: крулю Яну уже не важны семейныя дѣла пана Сандецкаго.

Вообще Кàроль самъ не понималъ, по какому побужденію онъ такъ дѣйствуетъ.

А причина была, между тѣмъ, простая. Кàроль увидѣлъ, какъ страстно влюбленъ Мамоновъ въ панну. Этотъ офицеръ съ дрожью въ голосѣ и со слезами на глазахъ заговорилъ о Сусаннѣ.

„Сто лѣтъ не видѣлъ онъ ее и отдалъ бы полжизни, чтобы увидать хоть на мгновеніе“.

Кáроль, еще недавно самъ безумно влюбленный въ Францусю и теперь еще страдавшій отчасти, тоже отдалъ бы половину существованія за то, чтобы повидаться съ Францусей, если бы она любила его. А Сусанна любитъ Мамонова попрежнему и пылко.

„Разсуждать тутъ нечего, мысленно говорилъ себѣ Кáроль.—Что-то такое подсказываетъ мнѣ, что и отецъ не очень разгнѣвается, если узнаетъ... Пускай повидаются!“

Кáроль отлучился, потомъ вернулся и объяснилъ Мамонову, что въ сумерки, въ паркѣ, около павильона, онъ появится вмѣстѣ съ двумя паннами: Моникой и Сусанной, а затѣмъ Сусанна останется одна.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ захода солнца, спрятавшійся въ чащѣ Мамоновъ увидѣлъ предметъ своей страсти. Съ полчаса бесѣдовали здѣсь влюбленные и снова поклялись въ вѣрности.

— Наступаютъ такія времена въ Польшѣ, когда ни отецъ панны, ни кто-либо иной не сможетъ сказать, что̀ будетъ завтра, сказалъ Мамоновъ.

— Я же готова на все идти... прибавила Сусанна.

Въ тотъ же вечеръ Кáроль, переговоривъ съ отцомъ, явился къ Мамонову и предложилъ ему идти за-просто побесѣдовать съ нимъ, не въ качествѣ оффиціальнаго посланца и не съ королемъ Яномъ, а съ прежнимъ паномъ-каштеляномъ Сталупенеи.

Подъ вліяніемъ сына, панъ Ксаверій принялъ русскаго офицера такъ, какъ, конечно, не предполагалъ даже и возможности принять.

Мамоновъ снова объяснилъ Сандецкому, что положеніе его очень опасно. Въ Варшавѣ боятся недовольства Фридриха, боятся, что хитроумный и лукавый король, придравшись къ бунту въ одномъ изъ дистриктовъ отшедшихъ къ нему земель по договору съ польскимъ правительствомъ, вступитъ съ многочисленнымъ войскомъ, но пройдетъ Сталупени, ворвется въ предѣлы Польши и въ концѣ-концовъ отберетъ себѣ еще больше земель.

— Пану остается только одно, сказалъ Мамоновъ,— прекратить какъ можно скорѣй всю эту затѣю. Теперь, ближе знакомый съ дѣломъ, я могу только одно посовѣтовать: снова пустить Вислейку по новому руслу и остаться подданнымъ Польши. Это дѣло еще возможное... Если же продолжать настаивать, что Ваша Мосць—независимый монархъ, то я знаю, что панóльный коронный гетманъ будетъ присланъ сюда съ значительнымъ войскомъ, чтобы взять Сталупени, разрушить все до основанія, взорвать зáмокъ на воздухъ, а пана увезти въ качествѣ бунтовщика въ Варшаву и передать затѣмъ въ руки Прусскаго короля.

Наступило молчаніе. Панъ Ксаверій не зналъ что̀ отвѣчать. Онъ готовъ былъ, дѣйствительно, сложить голову въ битвѣ съ ненавистными бранденбуржцами, да и всѣ его воины, вся банда, готовы были на то же. Но сражаться со своими братьями-поляками, проливать родную кровь — на это они бы не рѣшились, да и самъ панъ Сандецкій не считалъ себя способнымъ.

— Что̀ же тутъ дѣлать? съ отчаяніемъ произнесъ онъ.

— Покориться! выговорилъ Мамоновъ.

— Это легко сказать, пане полковникъ! Драться со своими братьями, поляками, мы не можемъ... Никто не пойдетъ. Покориться мнѣ польскому правительству или Русской императрицѣ тоже невозможно. Что же тутъ дѣлать?.. Что же ты молчишь, Кáроль? обратился Сандецкій къ сыну.

— Я тоже ничего не могу придумать, батюшка... Я мысленно соглашаюсь, что предлагáемое паномъ Мамоновымъ невозможно.

— Когда подумаешь, воскликнулъ Сандецкій,—что мое спасеніе, мое личное спасеніе зависѣло бы отъ того, чтобы можно было отсрочить появленіе здѣсь польскаго войска. Я бы успѣлъ подраться съ бранденбуржцами, успѣлъ бы еще нѣсколько десятковъ, а то и сотень, переслать въ Варшаву плѣнниковъ въ видѣ подарка, и успѣлъ бы, конечно... ты знаешь что̀, Кáроль... Я успѣлъ бы смыть свой позоръ...

Наступило снова молчаніе. Мамоновъ вздохнулъ и выговорилъ слегка грустнымъ голосомъ, который поразилъ Сандецкаго.

— Пане Ксаверій, я полковникъ русской службы, находящійся при резидентѣ въ Варшавѣ, и пользуюсь его особеннымъ расположеніемъ. Въ самыхъ важныхъ вопросахъ онъ обращается за моими совѣтами и почти всегда исполняетъ ихъ. Резидентъ ея величества, какъ извѣстно, имѣетъ огромное значеніе въ Польшѣ и имѣетъ большое вліяніе на правительство короля Станислава, слѣдовательно, мои слова могутъ имѣть значеніе, хотя я не болѣе, не менѣе, какъ простой полковникъ. Желаетъ-ли панъ, чтобы наступленіе сюда польскихъ войскъ было отсрочено на мѣсяцъ, а то и болѣе... на три мѣсяца?.. Я берусь за это и даю честное слово, что оно такъ и будетъ. Въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, двухъ мѣсяцевъ, ни одинъ солдатъ польской арміи не явится въ Сталупеняхъ. Въ Варшавѣ, со словъ резидента Русской императрицы, будутъ относиться къ пану

Психея, открывающая сосудъ со стигійскимъ сномъ. Карт. П. Тумана, грав. Веберъ.

Et ecce, inquit, inepta ego divinae formositatis gerula, quae ne tantillum quidem indidem mihi delibo, vel sic illi amatori meo formoso placitura. Et cum dicto reserat pyxidem.

Apuleii Metamorphoseon, liber VI.

И такъ, сказала она, я глупая буду только нянчиться съ этой божественной красотой, ничего не вкусивъ отъ нея, хотя бы для того чтобы болѣе нравиться моему прекрасному возлюбленному. И съ этими словами она открыла сосудъ.

Апулей. **Метаморфозы.** Кн. VI.

шутя, смотрѣть на его борьбу съ Фридрихомъ сквозь пальцы и будутъ только собираться вступиться въ эту распрю. Я за это берусь... Но не даромъ, пане Ксаверій. Я потребую за это большой награды... Награды не по заслугамъ быть можетъ! Надо подумать, можетъ-ли панъ мнѣ за мою услугу заплатить тѣмъ, что̀ я требую.

Сандецкій и Кароль оба смотрѣли въ лицо Мамонова, потомъ переглянулись между собой. Разумѣется, оба поняли, про что̀ говоритъ офицеръ.

— Извини, пане Мамоновъ, выговорилъ Сандецкій,— я не вѣрю... Чѣмъ можетъ панъ мнѣ доказать, что онъ дѣйствительно въ состояніи дѣлать въ Польшѣ что̀ ему угодно? Такъ, по крайней мѣрѣ, явствуетъ изъ его словъ?

— Да, пане. Болѣе или менѣе, моимъ совѣтамъ слѣдуетъ постоянно резидентъ, по причинамъ, которыя я не имѣю возможности передать. Скажу одно: въ Петербургѣ есть очень высокопоставленное лицо, предъ которымъ даже варшавскій резидентъ — малая величина. А это лицо—мой близкій родственникъ, меня любящій. Однимъ словомъ, я могу дать честное слово, что, по крайней мѣрѣ, мѣсяца два противъ пана польское правительство не предприметъ ничего, а предоставитъ королю Прусскому ладить съ паномъ по его усмотрѣнію.

— Ка́роль, что ты скажешь? вымолвилъ Сандецкій.

— Я скажу, батюшка, что хотя этотъ человѣкъ, здѣсь сидящій,—москаль, но это такая прелесть-человѣкъ, я его такъ полюбилъ за нѣсколько часовъ времени, что, если бы у меня была дочь, то...

— Слушай, пане!.. Послѣдній разъ! громко воскликнулъ Сандецкій и ударилъ кулакомъ по столу.—Поклянись мнѣ, что ты меня не обманываешь!

— Клянусь Богомъ! Клянусь моей любовью къ Сусаннѣ! съ чувствомъ и воодушевленіемъ воскликнулъ Мамоновъ такимъ голосомъ, что нельзя было ему не вѣрить.

— Ка́роль! выговорилъ уже улыбаясь Сандецкій,— хотя и позднее время, неприличное время, а все-таки ступай скорѣй на-верхъ и веди сюда Сусанну.

Ка́роль двинулся охотно, быстро, и почти выбѣжалъ изъ горницы.

Мамоновъ приблизился къ Сандецкому и выговорилъ:

— Пане, вражда двухъ народовъ не можетъ быть препоной и помѣхой для дружбы частныхъ лицъ. Я— православный и русскій, панъ—католикъ и полякъ, но помимо этого, нѣтъ ничего. Я же отнынѣ въ Варшавѣ буду самымъ ярымъ другомъ и защитникомъ пана тѣмъ болѣе, что его врагъ —Фридрихъ—есть какъ бы мой личный врагъ.

— Какимъ образомъ? воскликнулъ Сандецкій.

— Мой отецъ былъ во время прошлой войны убитъ въ Гросэгерндорфскомъ сраженіи.

Ка́роль, вернувшись въ горницу, нашелъ отца и Мамонова уже обнимающимися и лобызающимися. Черезъ нѣсколько мгновеній, вслѣдъ за нимъ, вошла, смущенно опустивъ голову, младшая панна. Сандецкій встрѣтилъ ее словами:

— Сусанна, хочешь-ли ты выйти замужъ за русскаго полковника, пана Мамонова?

Сусанна вскинула глаза на отца, перемѣнилась въ лицѣ, хотѣла что-то отвѣчать и не могла.

— Ну, пане пулковнику, бери ее за руку и поцѣлуйтесь при мнѣ, я благословляю васъ. Такое дѣло, какъ это дѣло, только и можно сдѣлать что наобумъ, съ плеча, въ десять минутъ. Если бы я сталъ размышлять, то во мнѣ снова заговорила бы польская кровь и она бы воспротивилась тому, чтобы мое родное дѣтище стало супругой москаля. Ну, да что объ этомъ! Поцѣлуйтесь.

Мамоновъ и Сусанна исполнили приказаніе.

— Знай и помни одно, мой нареченный зять, сказалъ Сандецкій.—Ты получишь въ приданое за женой пятьдесятъ тысячъ польскихъ флориновъ, половину состоянія моей покойной жены. Что касается моего личнаго состоянія—объ немъ не помышляй. Мой наслѣдникъ— Ка́роль... или каштелянъ или круль Сталупеньскій — какъ онъ самъ того пожелаетъ или какъ обстоятельства дозволятъ.

XIII.

Варшава нисколько не удивилась, когда узнала, что всѣмъ извѣстная „бѣлая“ панна сдѣлалась фавориткой короля. Подобнаго рода приключенія у Станислава-Августа были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Все происшествіе, которое такъ сильно повліяло на самого пана Сандецкаго, представлялось варшавскому обществу дѣломъ совершенно простымъ.

То-ли бывало и случалось прежде? Бывали почти драмы. Иногда блестящія красавицы, жены магнатовъ, прельстившись личностью короля, искренно увлекались имъ, безъ всякихъ расчетовъ, и вносили раздоръ въ свои семьи. Иногда мужъ, отецъ или братъ становились такими врагами короля, что дѣло могло дойти до покушенія на его особу.

Приключеніе самое заурядное съ паномъ Сандецкимъ, казалось всѣмъ еще зауряднѣе. Во-первыхъ, разница лѣтъ между женихомъ и невѣстой могла объяснить поведеніе бѣлой панны, во-вторыхъ, она сама была личность совершенно темная, какая-то сирота безъ роду и племени.

Какъ ни скрывалъ панъ Сандецкій, откуда появилась красавица Дзялынская, все-таки Варшава дорылась до всего и знала все.

Вообще, вся исторія надѣлала гораздо менѣе шума и была менѣе всѣми замѣчена, нежели это воображалъ самъ оскорбленный Сандецкій.

Сама Франуся поступила безсердечно, жестоко, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опрометчиво. Если бы не Эльжбета, то быть-можетъ она и не рѣшилась бы на этотъ роковой шагъ, на который ее толкнули. Госпожа Камели, игравшая при королѣ сомнительную и постыдную роль, а равно и сама Эльжбета обманули Франусю самымъ ужаснымъ образомъ.

Разница была только въ томъ, что госпожа Камели дѣйствовала предательски съ расчетомъ, Эльжбета же дѣйствовала искренно и правдиво, сама обманутая своими мечтами. Когда-то король былъ сильно привязанъ къ ней. Ея болѣзнь все уничтожила... Если бы не эта, изуродовавшая ее оспа, то она была бы, по ея мнѣнію, теперь въ положеніи рѣшительницы судебъ и важныхъ государственныхъ вопросовъ.

Эльжбета не думала, что была бы покинута королемъ, если бы оставалась тою же красавицей. Пользуясь сходствомъ съ сестрой, она простодушно мечтала о томъ, что Франуся займетъ ея мѣсто и, конечно, надолго. Она дѣйствовала изъ любви къ сестрѣ. То, что̀ не далось ей, пускай достается близкому ей существу.

Дальновидна и лукава была Франуся, а попалась въ разставленныя сѣти, какъ глупая птаха. Самолюбіе и самомнѣніе погубили ее. Красивая и умная кокетка не могла себѣ представить, что кто-либо въ нее влюбившійся могъ ее разлюбить.

Ей на умъ не приходило, что если у короля была въ жизни тысяча всякихъ авантюръ и побѣдъ, то онъ не остановится на тысяча первой женщинѣ и не будетъ ей вѣренъ всю свою жизнь.

Къ чести Франуси надо сказать, что она дѣйствовала не изъ одного расчета, а дѣйствительно въ первый разъ въ жизни сильно увлеклась. Она влюбилась еще въ графа Оссовскаго, слѣдовательно, ея чувство не основалось на одномъ лишь тщеславіи. Разумѣется, когда графъ Оссовскій оказался королемъ Польскимъ, то чувство усилилось.

Послѣ обѣда у пани Краковской, гдѣ въ первый разъ Франуся узнала, что ея возлюбленный не простой магнатъ, а монархъ, она видѣлась съ Станиславомъ

лишь одинъ разъ—и все было кончено... Черезъ двое сутокъ она уже скрылась изъ дому жениха, съ тѣмъ чтобы не возвращаться.

Въ тѣ дни, когда панъ Сандецкій объявилъ себя королемъ и началъ бороться съ сосѣдомъ Фридрихомъ, изображая въ лицахъ басню „Слонъ и моська“, Франуся была въ Варшавѣ и была лишь болѣе или менѣе счастлива.

Разсудокъ не покинулъ ее. Она сердечно привязалась къ королю, но думала чаще всего и болѣе всего, какъ удержать за собой положеніе. Не прошло двухъ недѣль, какъ она уже начинала смущаться. Она уже изучила характеръ Понятовскаго, и это привело ее къ самымъ безотраднымъ мыслямъ.

Дѣйствительно, Станиславъ-Августъ былъ однимъ изъ самыхъ странныхъ людей своего времени. Трудно было встрѣтить характеръ, въ которомъ бы было болѣе противорѣчій. Кромѣ того, про него можно было сказать словами геніальнаго поэта, что „въ этой головѣ мыслей милліоны, но всѣ онѣ микроскопическія“.

Станиславъ былъ олицетвореніемъ того, что́ теперь называется словомъ „viveur“. Человѣкъ, любящій жизнь, любящій пользоваться всѣмъ, что́ жизнь даетъ. При его положеніи монарха оно было возможно.

Станиславъ любилъ все и занимался всѣмъ: музыкой, искусствомъ, науками. Но слабой струной его было поклоненіе женщинѣ. Когда женщина, случайно имъ встрѣченная, имѣла несчастіе ему понравиться, то ничто не останавливало Станислава. Даже мысль нажить страшнаго и опаснаго врага въ эти дни смуты и безурядицы при шаткости его трона—и та не останавливала его.

Черезъ всю его жизнь прошла нитью одна главная черта характера: легкомысліе. Отсюда являлись самыя странныя противорѣчія во всемъ.

Король былъ набожный католикъ, вѣрный сынъ Святаго Престола, охотно и часто постившійся и причащавшійся, вѣрившій въ волшебство, въ колдовство и во врага человѣческаго, подъ разными наименованіями и видами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, страстно увлекавшійся писаніями Руссо и Вольтера, не вѣрившихъ ни въ Бога, ни въ чорта. Онъ былъ впечатлителенъ, мягкосердъ. Онъ не могъ видѣть нищаго, чтобы не подать ему милостыни, часто очень щедро помогалъ бѣднымъ людямъ, и рядомъ съ этимъ безсердечно обращался съ нѣкоторыми изъ близкихъ лицъ, зло отомщалъ малѣйшую обиду, а вспыливъ, собственноручно и жестоко билъ своихъ придворныхъ, домовниковъ и лакеевъ.

Время, въ которое Станиславъ жилъ и царствовалъ, и его личное положеніе насильно навязаннаго народу короля, поддерживаемаго русскими штыками, сдѣлали изъ него человѣка лукаваго, лавирующаго среди волнъ житейскаго моря. Если онъ не былъ лукавъ отъ природы, то сдѣлался двоедушнымъ хитрецомъ въ силу исключительныхъ обстоятельствъ.

Въ самомъ главномъ своемъ занятіи или препровожденіи времени, т. е. въ своихъ ухаживаніяхъ за женщинами, Станиславъ допускалъ болѣе чѣмъ въ иныхъ дѣлахъ—хитрость и лукавство, или даже простой наглый обманъ.

Вносить предательство въ любовную интригу считалось не только не предосудительнымъ, но даже моднымъ. Клясться женщинѣ въ любви до гроба, обѣщать золотыя горы съ тѣмъ, чтобы не сдержать слова, считалось по времени самымъ простымъ поступкомъ, самымъ естественнымъ.

Ухаживаніе, въ видѣ преслѣдованія красавицъ, было по времени своего рода охотой, или спортомъ. Самые извѣстные покорители сердецъ гордились этой своей извѣстностью и наименованіемъ „сердцеѣда“.

Франуся вскорѣ же, благодаря своей проницательности, увидѣла, что она попалась въ ловко-разставленныя сѣти и что нельзя быть увѣренною въ человѣкѣ котораго она полюбила насколько могла, т. е. довольно сильно по своему характеру. Она увидѣла, что не нынѣ—завтра будетъ покинута своимъ возлюбленнымъ вѣнценосцемъ. И тогда что́ же станется съ нею?

Она очутится въ положеніи неизмѣримо низшемъ, нежели была бы въ положеніи жены богача Сандецкаго. Послѣ своей исторіи съ королемъ, она можетъ мечтать только о томъ, чтобы стать такой же фавориткой какого-нибудь магната, но никакъ не законной женой

Боязнь и опасеніе того, что́ мерещилось Франусѣ почти черезъ двѣ недѣли послѣ сближенія съ королемъ, сдѣлали ея отношенія къ нему нѣсколько сдержанными, нѣсколько холодными. Она слишкомъ тревожилась, чтобы спокойно предаваться своему чувству.

При первомъ же объясненіи съ Станиславомъ, она увидѣла, что ея тайныя опасенія оправдываются. Когда она заговорила съ возлюбленнымъ о томъ, что онъ можетъ вдругъ покинуть ее, увлечься другой женщиной, Станиславъ, полушутя, наивно, какъ-то ребячески сознался, что, дѣйствительно, онъ легко увлекается и не можетъ отвѣчать за себя.

— Но что́ же я тогда буду дѣлать... въ тотъ день, когда Ваша Мосць броситъ меня?! воскликнула Франуся.

— Я тебѣ дамъ пенсію, на которую ты можешь жить отлично.

— Пенсію! воскликнула Франуся и истерически расхохоталась сквозь слезы.

Она уже слышала и знала отъ сестры, что госпожа Камели, состоя при королѣ, завѣдуетъ этими пенсіями, которыхъ было крайне много. Деньги проходили черезъ руки этой женщины. Нѣкоторыя прежнія фаворитки, имѣвшія кое-какія связи въ Варшавѣ, дѣйствительно, получали небольшія суммы, другія же—какъ бы выброшенныя за порогъ и не имѣвшія кого просить, не получали отъ госпожи Камели ни гроша.

Такимъ образомъ иныя изъ этихъ женщинъ, которыхъ когда-то, хотя недолго, король наиболѣе любилъ, находились въ полной нищетѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ продолжали любить его, оставались вѣрными чувству и предпочитали голодъ измѣнѣ.

XIV.

Однажды Франуся снова объяснилась со своимъ возлюбленнымъ, требуя чтобъ онъ прямо сказалъ ей, долго-ли она будетъ игрушкой въ его рукахъ. Это вторичное объясненіе раздражило Станислава. Онъ сталъ упрекать Франусю, что въ ней болѣе тщеславія и болѣе заботы о себѣ самой и своей будущности, нежели любви, простой и искренней, къ нему.

Эта бесѣда привела къ тому, что Франуся объявила рѣзко:

— Если Ваша Мосць меня вдругъ покинете, то я отомщу за себя.

— Какимъ образомъ? разсмѣялся Станиславъ.

— Не знаю, но отомщу за себя. Я не могу допустить мысли, что я могла сдѣлаться игрушкой въ рукахъ простаго ухаживателя, мѣняющаго свои сердечныя привязанности, какъ мѣняютъ платья.

— На это я могу тебѣ отвѣтить, моя милая, только одно... Мнѣ такъ часто многія женщины грозили местью, даже смертью, что если бы хотя десятая доля ихъ привела въ исполненіе свою угрозу, то я давнымъ-давно былъ бы на томъ свѣтѣ.

Тѣмъ не менѣе рѣзкое объясненіе запало въ душу впечатлительнаго донъ-Жуана-вѣнценосца и быстрѣе охладило его временное чувство къ разсчетливой паннѣ Дзялынской.

— У бѣлой панны не все бѣло, сказалъ Станиславъ своей наперстницѣ Камели,—душа у нея сѣренькая.

Однажды Франуся явилась къ этой наперстницѣ объясниться съ ней о томъ же. Женщина сомнительной

національности встрѣтила Франусю нѣсколько холодно и объяснила ей нѣчто, чего, конечно, Франуся не ожидала.

— Неужели панна воображаетъ, что король полюбилъ ее на вѣки-вѣчные и будетъ вѣренъ, какъ говорится, до гробовой доски? Вѣдь это ребячество! Панна должна быть счастлива, что король временно влюбился въ нее и дастъ ей средства къ существованію. Панна будетъ получать пенсію черезъ мои руки. Изъ всѣхъ многихъ увлеченій короля, у него только одно взяло верхъ надъ другими. Онъ только одной женщинѣ вѣренъ уже много-много лѣтъ и, какъ говорятъ, уже собирается тайно обвѣнчаться съ ней морганатическимъ бракомъ. Вы, вѣроятно, знаете, о комъ я говорю?.. Это пани Грабовская. Всѣ остальныя женщины для короля — простое времяпрепровожденіе.

Франуся при этомъ разговорѣ едва не лишилась чувствъ, до того панна Камели была грубо-откровенна. Сестра Франуси тоже была крайне озабочена. Она теперь только поняла нѣчто, чего прежде не понимала. Теперь только госпожа Камели безцеремонно объяснилась и съ ней.

И однажды, приблизительно черезъ мѣсяцъ, послѣ исчезновенія Франуси изъ дома Сандецкаго, все прекратилось. Франуся объяснилась съ королемъ крайне рѣзко, вспылила, и сказала ему нѣсколько такихъ вещей, къ которымъ ухо монарховъ не привыкло.

Станиславъ вышелъ изъ горницы не прощаясь, и когда онъ отъѣхалъ отъ дома, Франуся почувствовала, что онъ болѣе не переступитъ ея порога, что все кончено.

Дѣйствительно, черезъ три дня пріѣхала госпожа Камели и объяснила Франусѣ, что ей оставаться въ томъ же домѣ невозможно. Срокъ найма кончается и она должна искать себѣ квартиру въ Варшавѣ—или же она, Камели, съ удовольствіемъ озаботится дальнѣйшею судьбой Франуси.

Эльжбета присутствовала при этомъ объясненіи. Франуся была поражена, убита, едва способна мыслить. Эльжбета была внѣ себя отъ гнѣва.

— Это такъ не останется! объяснила Эльжбета.—Теперь я вижу, что я погубила сестру. Она была бы теперь законною женой одного изъ самыхъ богатыхъ людей Польши, а между тѣмъ она будетъ нищею, потому что она не пойдетъ по той дорогѣ, на которую панна желала бы ее толкнуть. Мы лишили Франусю человѣка который любилъ ее. Паннѣ извѣстно, что панъ Сандецкій сошелъ съ ума? Онъ объявилъ себя королемъ и чудачествуетъ. Стало быть, привязанность его къ Франусѣ была сильна, если онъ лишился разсудка съ горя, отъ оскорбленія. Это, пани Камели, такъ не останется!.. Я пожертвую жизнью своей, которая мнѣ теперь ни на что не нужна, но отомщу королю.

— Очень благодарна, отозвалась госпожа Камели,— что такъ откровенно со мной объясняетесь! По всей вѣроятности, обѣ вы будете высланы изъ Варшавы въ какой-либо маленькій городокъ, гдѣ будетъ за вами самый строгій надзоръ, покуда этотъ мстительный пылъ въ васъ не остынетъ!

— Сколько угодно! воскликнула Эльжбета.—Пускай же меня посадятъ въ крѣпость!.. Это единственное, что можетъ спасти короля отъ моего мщенія... Не страшна угроза того, кто дорожитъ своимъ собственнымъ существованіемъ. Я же, повторяю, пожертвую моей жизнью, которая мнѣ ни на что не нужна. Пусть король засадитъ меня въ казематъ на всю жизнь, чтобы избавиться отъ заклятаго врага.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого обѣ сестры выѣхали уже изъ роскошнаго помѣщенія и были на простой маленькой квартирѣ, на еврейской улицѣ.

Франуся сильно измѣнилась за нѣсколько дней. Она молчала отъ зари до зари. Эльжбета уже начинала опасаться, чтобы сестра не лишилась разсудка. Иногда ночью Франуся разговаривала вслухъ, и Эльжбета слышала, что она бесѣдуетъ съ паномъ Сандецкимъ, котораго якобы видитъ предъ собой.

Вскорѣ Франуся заболѣла и слегла въ постель. Съ ней приключилось нѣчто въ родѣ горячки. Сестра, конечно, не отходила отъ больной ни на шагъ. И въ эти дни во всей Варшавѣ не было, конечно, личностей болѣе удрученныхъ нравственно, болѣе несчастныхъ, нежели двѣ панны Дзялынскія.

Однако не смотря на опасное положеніе больной, молодость взяла верхъ, и Франуся, проболѣвъ мѣсяцъ, поднялась на ноги.

Едва оправившись, несчастная женщина стала собирать свѣдѣнія, какія и гдѣ только могла, объ панѣ Сандецкомъ.

Оно было не трудно. Вся Варшава была занята исключительно каштеляномъ Сталупеней, котораго звала „господиномъ королемъ“.

Панъ круль Сталупеньскій былъ притчей во языцѣхъ во всей Рѣчи Посполитой.

Разумѣется, обѣ сестры стали мечтать исключительно объ томъ, какъ бы Франусѣ снова примириться и снова покорить себѣ сердце пана, столь жестоко отвергнутое.

— Мнѣ или умереть или снова вернуть мое прежнее положеніе, говорила Франуся.

— И я надѣюсь что мы достигнемъ этого, подтверждала Эльжбета. — Привязанность пятидесятилѣтняго человѣка крѣпче. Въ эти года съ трудомъ влюбляются, но съ трудомъ и разлюбляютъ.

— Но какъ?.. Какъ примириться? часто восклицала Франуся.—Первый шагъ труденъ.

— Болѣе чѣмъ труденъ, соглашалась Эльжбета.— Но мы додумаемся.

XV.

Если въ Варшавѣ правительство короля и резидентъ императрицы Всероссійской смотрѣли на дѣйствія новоявленнаго монарха какъ на чудачество помѣшавшагося человѣка, то въ Берлинѣ смотрѣли на дѣло совершенно иначе.

Прусскому королю было тоже донесено, что богатый польскій панъ сошелъ съ ума отъ оскорбленія, нанесеннаго ему донъ-жуаномъ Станиславомъ. Но старый король не повѣрилъ ничему. Онъ видѣлъ во всемъ ловкую интригу Рѣчи Посполитой, а быть можетъ и козни императрицы Всероссійской.

Бывали, конечно, люди, сходившіе съ ума на томъ, что они—короли и императоры, но такихъ обыкновенно сажали въ сумасшедшій домъ. Такихъ самодѣльныхъ королей, которые бы воевали со своимъ монархомъ, еще не бывало на свѣтѣ.

Наконецъ, главное заключалось въ томъ, что Сталупени становились центромъ для всѣхъ недовольныхъ отдѣленіемъ польскихъ провинцій подъ скипетръ Фридриха. Въ другихъ отторгнутыхъ частяхъ у Австріи и Россіи было все спокойно, а у Фридриха явился какой-то король. Къ нему стекались массы народа. Изъ горсти удальцовъ образовывалось цѣлое войско, и все начинало принимать далеко не шуточный видъ.

Если Барская конфедерація долго боролась съ польскимъ правительствомъ и войсками, а равно и съ русскими войсками, то почему не явиться теперь новой Сталупеньской конфедераціи? И Фридриху придется бороться съ ней. Она будетъ прятаться подъ смѣхотворное наименованіе королевствомъ и какой-то панъ будетъ себя величать монархомъ, но въ дѣйствительности всѣ недовольные элементы Польши сольются здѣсь во-едино. Въ итогѣ та же самая Рѣчь Посполитая подъ предводительствомъ не Станислава Понятовскаго, а шутовскаго короля Яна начнетъ борьбу съ Пруссіей.

Однимъ словомъ, Прусскій король посмотрѣлъ на происшествіе въ Сталупеняхъ очень серьезно. Въ остальныхъ земляхъ, отторгнутыхъ имъ теперь отъ Польши,

Съ послѣдней выставки Имп. Ак. Худ. „Колыбель Михаила Ѳеодоровича въ домѣ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ“. Съ карт. Н. Степанова (исключит. право воспроизвед. въ гравюрѣ и т. п. принадлеж. „Нивѣ“), грав. Флюгель.

тоже уже начиналось броженіе. Тамъ, гдѣ были давно разставлены прусскіе столбы и стояли невозбранно, ихъ стали уничтожать. Банды въ нѣсколько десятковъ человѣкъ кое-гдѣ нападали уже на кордоны и на солдатъ прусскихъ.

Когда Фридрихъ отрядилъ двухъ тайныхъ лазутчиковъ въ Сталупени, чтобы узнать все въ подробностяхъ, ему было донесено, что у самозванца короля Яна войско растетъ не по днямъ, а по часамъ. Продовольствія начало уже не хватать, несмотря на его богатство, но и этому горю предвидится помощь. Многіе богачи-магнаты, въ томъ числѣ и знаменитый Радзивилъ, пане-коханку, обѣщаютъ прислать все что̀ нужно: и фуражъ, и провіантъ, и деньги, и порохъ.

По всѣмъ свѣдѣніямъ, полученнымъ Фридрихомъ, дѣло принимало далеко не смѣхотворный характеръ. Не существующія въ Польшѣ энергія, единомысліе и единодушіе благодаря „доробковичу" Станиславу-Августу, какъ бы перенеслись изъ Варшавы въ Сталупени.

Центръ тяжести былъ въ за̀мкѣ „господина короля". Человѣкъ, прославленный въ Польшѣ и въ Пруссіи, да отчасти и въ Петербургѣ сумасшедшимъ, становился героемъ.

Осторожный прусскій король прежде всего отправилъ экстраординарнаго посла въ Варшаву для личныхъ переговоровъ съ польскимъ правительствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ резидентомъ Русской императрицы.

Посланникъ долженъ былъ прямо обвинить Рѣчь Посполитую и кабинетъ Петербургскій въ козняхъ: въ томъ, что они подставили противъ короля какого-то помѣщика, очень хитро выдали его за сумасшедшаго, и дѣлая видъ, что они сами считаютъ его за таковаго, тѣмъ не менѣе помогаютъ ему всячески.

Одновременно Фридрихъ все-таки приказалъ выслать болѣе сильный отрядъ, если не для усмиренія бунтовщиковъ, то для того, чтобы не давать времени шутовскому королю Яну почивать на лаврахъ и усиливаться.

Между тѣмъ въ Сталупеняхъ жизнь кипѣла. Самый за̀мокъ походилъ на крѣпость и былъ кромѣ того уже окруженъ на далекое разстояніе всякими бастіонами. На всѣхъ мѣстахъ, гдѣ было возможно, были устроены Зарембой окопы, или волчьи ямы, какъ со стороны новой границы прусской, гдѣ были разставлены значки съ черными прусскими орлами, такъ равно и съ той стороны гдѣ значки съ крылатыми тиграми означали границу съ Польшей.

Панъ Заремба въ двухъ мѣстахъ, гдѣ дорога пролегала по густому столѣтнему лѣсу, тоже устроилъ въ чащѣ всякаго рода сооруженія его собственнаго изобрѣтенія. Разумѣется, отъ за̀мка до границъ стояли пикеты изъ самыхъ удалыхъ ратниковъ, большею частію изъ тѣхъ, что явились охотниками изъ радзивиловской банды.

Сталупеньскій король ждалъ нападенія бодро и весело. Однажды прискакалъ вѣстникъ въ за̀мокъ съ заявленіемъ, что за двадцать верстъ отъ прусской границы, по свѣдѣніямъ лазутчика, идетъ на Сталупени сильный отрядъ человѣкъ въ четыреста пѣхоты и конницы.

Въ Сталупеняхъ это извѣстіе произвело диковинное дѣйствіе. Все заметалось отъ восторга. Вѣковая-ли вражда къ нѣмцамъ, или самый характеръ людей составлявшихъ войско, которые всѣ были изъ удальцовъ и буяновъ о двухъ головахъ, но дѣло въ томъ, что въ за̀мкѣ и на селѣ, отъ начальника до послѣдняго самаго плохаго дружинника,—всѣ ликовали. Наконецъ-то можно сразиться съ ненавистными бранденбуржцами!

Король Янъ собралъ въ залѣ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено отрядить противъ пруссаковъ самое меньшее количество войска. Было рѣшено отправить только двѣсти человѣкъ, но за ними вслѣдъ, въ видѣ резерва, имѣть наготовѣ еще столько же.

Въ Сталупеняхъ наивно воображали, что прусскому правительству неизвѣстно количество собравшагося войска. Ка̀роль предложилъ обмануть пруссаковъ Пускай они думаютъ, что въ Сталупеняхъ горсть людей. А въ слѣдующій разъ, если будетъ высланъ болѣе сильный отрядъ, то онъ встрѣтитъ болѣе сильный отпоръ.

Черезъ сутки въ Сталупеняхъ были слышны вдали пушечные выстрѣлы и ружейная пальба, а всѣ оставшіеся въ за̀мкѣ сидѣли злобствуя на то, что ихъ не пустили побиться съ бранденбуржцами.

Разумѣется, къ вечеру все было кончено. Около сотни военно-плѣнныхъ было вновь приведено въ за̀мокъ, а Бурчимуха занимался со своими молодцами ловлей по лѣсу разбѣжавшихся пруссаковъ. Ему было указано всякаго пойманнаго вѣшать на первомъ же деревѣ.

Король Янъ, разумѣется, ликовалъ при новой побѣдѣ, но однако, расцѣловавъ сына и поздравивъ его, прибавилъ:

— Все слава Богу, Ка̀роль! Что̀ дальше будетъ? По всей вѣроятности въ слѣдующемъ сраженіи я сложу свою голову. Но вѣдь мнѣ этого и нужно. Ты-же помни одно, что̀ я заявляю тебѣ. Перейдя въ прусское подданство, обѣщай Фридриху вѣрность и тишину въ Сталупеняхъ съ условіемъ, чтобы онъ на основаніи моего прошенія на его имя, призналъ тебя моимъ законнымъ сыномъ и наслѣдникомъ.

Ка̀роль отвѣтилъ уклончиво:

— Богъ милостивъ! Что̀ объ этомъ говорить.

На другой день послѣ побѣды въ за̀мкѣ появился гость. Это былъ Мамоновъ, ѣздившій въ Варшаву и вернувшійся снова, но уже частнымъ человѣкомъ для празднованія своей свадьбы.

Сандецкій и Ка̀роль обрадовались пріѣзду Мамонова. Онъ уже не былъ для нихъ москаль, а былъ близкій человѣкъ. Оба полюбили русскаго офицера. Мамоновъ привезъ очень важныя извѣстія.

Тайно передалъ онъ Сандецкому, что онъ въ Варшавѣ не сидѣлъ сложа руки, много говорилъ съ русскимъ резидентомъ и отписалъ уже двумъ-тремъ лицамъ въ Петербургъ. Онъ крѣпко надѣялся, что сама императрица посмотритъ на дѣйствія пана Сандецкаго инымъ окомъ и что его оставятъ бороться съ Прусскимъ королемъ, какъ онъ можетъ.

И въ Варшавѣ, и въ Петербургѣ, по пословицѣ, „умоютъ себѣ руки", предоставляя Фридриху самому справиться съ новоявленнымъ королемъ Яномъ.

Мамоновъ отвѣчалъ головой, что по крайней мѣрѣ еще мѣсяца два ни изъ Варшавы, ни изъ Петербурга не явится никакого ультиматума. Благодаря его вліянію, въ Варшавѣ полушутя, полусерьезно говорятъ, что коль скоро панъ Сандецкій сталъ королемъ Яномъ послѣ того, что формально сталъ числиться подданнымъ прусскимъ, а не польскимъ, то все дѣло касается единственно Фридриха.

Посланникъ Прусскаго короля прибылъ въ Варшаву еще при Мамоновѣ, но не имѣлъ никакого успѣха. Мамоновъ присутствовалъ при объясненіи его съ русскимъ резидентомъ, и этотъ объяснилъ пруссаку, что обвинять Русскій кабинетъ въ интригѣ—совершенная нелѣпость. Россія получила свою часть при раздѣлѣ, и ей нѣтъ никакого интереса мутить и бунтовать новыхъ подданныхъ короля Прусскаго.

Мамоновъ попросилъ будущаго тестя какъ можно скорѣй справить свадьбу, дабы выѣхать обратно въ Варшаву и быть вѣрнымъ и дѣятельнымъ помощникомъ въ его затѣѣ. Было рѣшено, что свадьба отпразднуется не пышнымъ, а семейнымъ образомъ, но, разумѣется, будетъ пированіе.

Такимъ образомъ въ Сталупеняхъ было объявлено, что черезъ три дня будетъ бракосочетаніе дочери короля Яна съ русскимъ офицеромъ въ костелѣ. Вторич-

ное вѣнчаніе Мамонова предполагалось уже послѣ, въ Петербургѣ.

Дня за два до назначеннаго вѣнчанія случилось происшествіе. Изъ Сталупененй исчезъ ксендзъ отецъ Викентій. Это извѣстіе озадачило Сандецкаго и всѣхъ. Всѣ догадались, что ксендзъ не спроста отлучился, такъ какъ въ его домѣ не нашли ничего мало-мальски цѣннаго. Все исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Осталась кое-какая рухлядь. Это доказывало что отецъ Викентій уѣхалъ съ мыслью не возвращаться болѣе назадъ. Но на другой же день исчезновеніе ксендза приняло совершенно иной характеръ.

Панъ Заремба явился къ Ка́ролю встревоженный. У него изъ стола пропалъ его главный планъ Сталупеней со всѣми новыми возведенными имъ укрѣпленіями. Онъ сдѣлалъ себѣ отличный планъ, для того чтобы въ случаѣ болѣе серьезной атаки пруссаковъ упорядочить размѣщеніе и расположеніе войскъ. И этотъ-то планъ исчезъ изъ его стола. Какимъ образомъ—онъ объяснить не могъ.

Тотчасъ же было наряжено строгое слѣдствіе, которое выяснило, что одинъ молодой малый, вновь поступившій охотникомъ и тоже исчезнувшій, по всей вѣроятности укралъ планъ. Этого молодца Заремба взялъ къ себѣ въ качествѣ рисовальщика. Его видѣли раза два вечеромъ выходящимъ изъ дома ксендза.

Дѣло было ясно. Проходимецъ поступилъ въ банду, чтобы обмануть Зарембу, и это ему удалось. Очевидно, что планъ былъ украденъ имъ и переданъ ксендзу, а ксендзъ, очевидно, повезъ его туда, гдѣ онъ имѣлъ еще бо́льшую цѣну, чѣмъ въ Сталупеняхъ.

— Э-эхъ! воскликнулъ Сандецкій укоризненно.—Вотъ что, любезнѣйшій мой графъ Заремба, не надо было рисовать никакого чортова плана! И выходитъ, что ты началъ тутъ у насъ инженерствовать, да вотъ теперь и переинженерилъ!.. Но въ концѣ концовъ бѣды все-таки нѣтъ.

Дѣйствительно, Ка́роль и Мамоновъ, обсудивъ дѣло, тоже рѣшили, что бѣды большой нѣтъ. Оставалось только два тайныхъ укрѣпленія, нѣчто въ родѣ бастіоновъ, перенести на другое мѣсто.

(Продолженіе будетъ).

Джемма.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Разсказъ **Кота Мурлыки.**

I.

Въ 1830-хъ годахъ семья моя жила въ Петербургѣ. Отецъ мой скорѣе числился, чѣмъ служилъ. Тогда мнѣ было 12 или 13 лѣтъ, и онъ былъ еще бодрый старикъ, по крайней мѣрѣ гораздо бодрѣе многихъ изъ его товарищей, сенаторовъ. Чего добивался онъ отъ службы, я этого до сихъ поръ не могу понять. Знаю только, что даже на мои невдумчивые, дѣтскіе глаза, служба его не привлекала. Онъ охотно пропускалъ засѣданія сената, не добивался ни чиновъ, ни орденовъ, которыхъ у него было и такъ слишкомъ довольно. Я долженъ здѣсь замѣтить, что онъ давно уже служилъ въ министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, по восточнымъ дѣламъ, и велъ ихъ съ такимъ искусствомъ, что нѣсколько разъ его посылали въ Лондонъ и въ Константинополь, чтобы устраивать нѣкоторыя дипломатическія разстройства.

Мнѣ кажется, что Востокъ его притягивалъ невольно, и дѣламъ его онъ отдавалъ бо́льшую часть времени и трудовъ. По крайней мѣрѣ я помню, къ намъ часто являлись чуть не цѣлыя депутаціи разныхъ восточныхъ людей: башкиръ, киргизъ, татаръ, персіянъ, даже были турки и индійцы. Иногда наша столовая и зала представляла настоящій восточный базаръ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ помнить отца, онъ мнѣ всегда представлялся неизмѣннымъ, съ его умнымъ и саркастическимъ лицомъ, съ рѣзкими и выразительными чертами. Не знаю, можетъ быть, онъ красилъ свои волосы, но они всегда, до самой его смерти оставались такими же темно-русыми, почти черными, слегка курчавыми. Когда онъ надѣвалъ свой красный сенаторскій мундиръ со всѣми звѣздами, то меня особенно поражала персидская брильянтовая звѣзда Льва и Солнца, которая, говорятъ, стоила нѣсколько десятковъ тысячъ. Теперь уже нѣтъ такой роскоши и брильянты замѣняются скромными стразами.

Я помню, въ это время меня сильно интересовали шахматы. У насъ каждую недѣлю были шахматные вечера по середамъ, на которые собирались сенаторъ Бергъ, князь Баксютовъ, Позовъ, Шардонъ, Шнейдель и много другихъ завзятыхъ шахматныхъ игроковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ то время. Каждый вечеръ все мое вниманіе поглощала ловкая, умная игра моего отца съ Иваномъ Гейнриховичемъ Шнейделемъ. Самъ я игралъ только со своимъ гувернеромъ-французомъ, и мы оба жестоко горячились, такъ что нерѣдко M-r Гулё разбрасывалъ шахматы, или я, проигравъ игру, горько плакалъ.

Одинъ разъ, вечеромъ, въ началѣ весны, когда у насъ была полная распутица, въ середу, собравшаяся компанія заговорила о какомъ-то неслыханномъ и невиданномъ игрокѣ. Рѣчь объ немъ началъ отецъ. Игрокъ былъ индіецъ, и звали его Багараджа. Отецъ разсказывалъ объ немъ необыкновенныя вещи. Багараджа давалъ ему двѣ ладьи, затѣмъ двѣ ладьи и пѣшку и наконецъ отдалъ ферезь, но съ условіемъ: не брать одну изъ пѣшекъ, которую онъ непремѣнно проводилъ въ ферези. Понятно, что всѣ посѣтители нашихъ шахматныхъ вечеровъ были крайне заинтересованы этимъ шахматнымъ игрокомъ и горѣли нетерпѣніемъ увидать его.

Въ слѣдующую середу онъ явился. Съ самаго утра я уже волновался въ ожиданіи его, и даже всѣ присутствовавшіе пріѣхали раньше обыкновеннаго времени. Всѣ съ нетерпѣніемъ поглядывали на часы и на двери. Никто не сѣлъ играть, и всѣ рѣшили, что они, если только онъ согласится, будутъ вести партію всѣ вмѣстѣ противъ него одного. Князь Баксютовъ въ особенности горячился.

— Помилуйте, говорилъ онъ, — то, что разсказываетъ намъ Сергѣй Иванычъ (такъ звали моего отца),—какія-то невѣроятныя чудеса. Какъ отдать ферезь—и выиграть?!. Да тутъ всякій ребенокъ... вотъ онъ выиграетъ у самаго опытнаго и талантливаго игрока.

И при этихъ словахъ онъ указалъ на меня. Это указаніе на 13-лѣтняго мальчика, какъ на ребенка, и даже ниже чѣмъ на ребенка, жестоко возмутило меня. Вся кровь прилила къ моему лицу, и я готовъ былъ всѣми силами моей юношеской души возненавидѣть обидѣвшаго меня князя, но тутъ раздался громкій звонокъ, и отецъ мой сказалъ:

— Это, вѣроятно, онъ.

Послышались мягкіе торопливые шаги и слуга Семенъ приподнялъ портьеру и доложилъ:

— Князь Багараджа.

II.

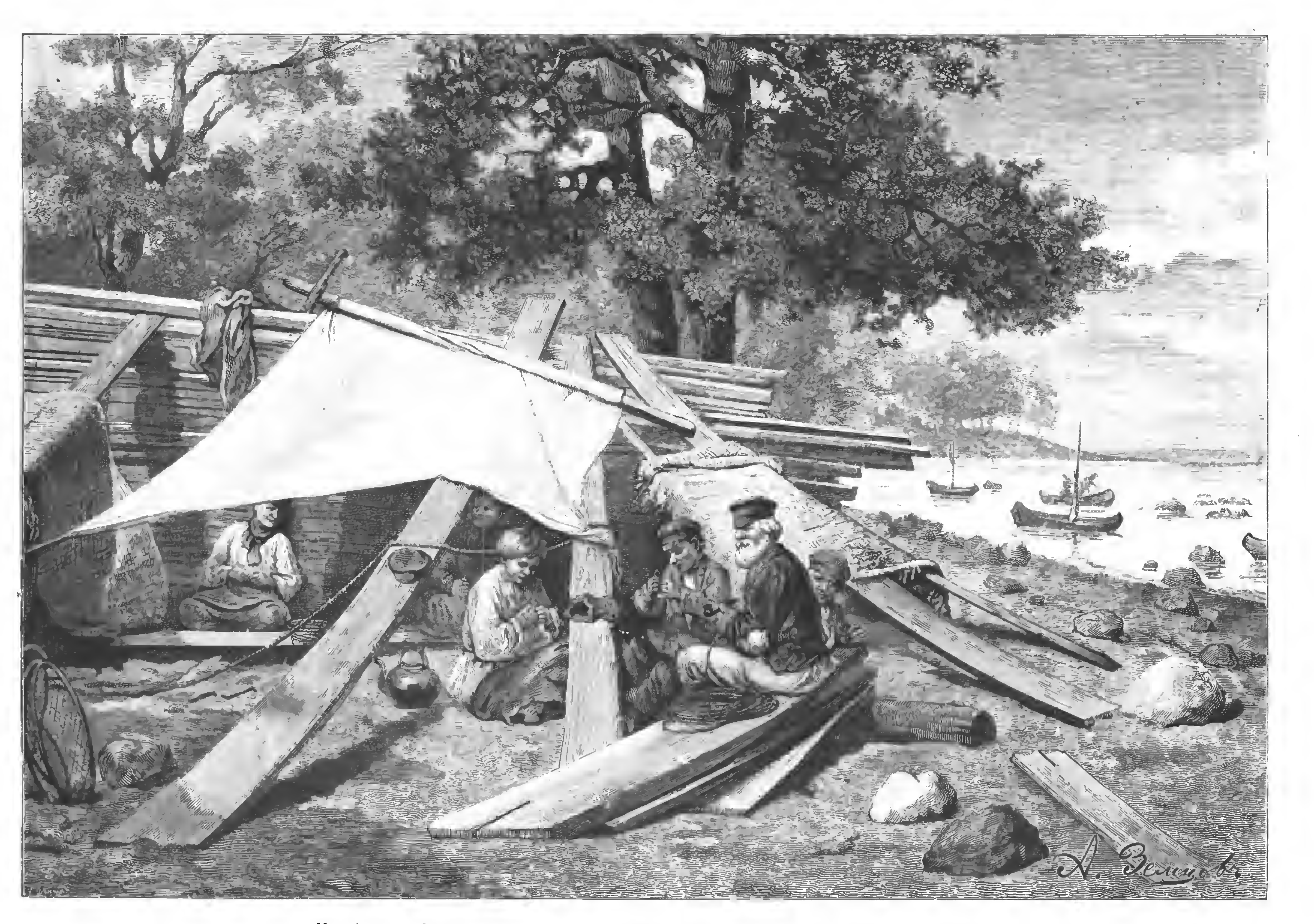
Вошло двое. Вошелъ человѣкъ очень высокаго роста, съ совершенно темно-бронзовымъ лицомъ и, сложивъ руки крестомъ на груди, довольно низко поклонился всему собранію. За нимъ слѣдовалъ другой человѣчекъ, ростомъ съ меня, съ лицомъ почти чернымъ и въ высокой шапкѣ, похожей на персидскую.

Отецъ привѣтствовалъ восточнаго гостя на какомъ-то непонятномъ мнѣ языкѣ и представилъ всѣмъ. Каждый съ любопытствомъ протягивалъ ему руку, а онъ бралъ эту руку въ обѣ ладони, слегка кланялся и не пожималъ, а только какъ-то странно похлопывалъ по ней своими ладонями. Въ это время маленькій человѣчекъ стоялъ у дверей, наклонивъ голову, и постоянно кланялся. Это былъ переводчикъ.

Я, помню, весь впился въ высокаго гостя глазами и не знаю, чувство ли благоговѣнія, страха, любопытства, заставляло тогда биться мое сердце и сдавливало грудь.

Черты лица его были строго-правильны. Въ особенности поразительны были выведенныя дугами широкія, черныя брови. Небольшіе усы и рѣдкая, курчавая, черная борода оттѣняли его лицо и окружали ярко-алыя, какъ бы оттопыренныя и слегка вывернутыя губы. Ноздри его совершенно прямаго, тонкаго носа, постоянно раздувались, какъ бы дышали. И это была единственная живая черта его лица. Все оно было удивительно неподвижно, точно лицо бронзовой статуи. Глаза какъ-то черезчуръ прямо, мало двигались, причемъ небольшіе, глубокіе черные зрачки на синеватыхъ бѣлкахъ, кажется, ничего не видали передъ собой. Лобъ его почти весь, до самыхъ бровей, былъ прикрытъ чалмой или тюрбаномъ изъ какой-то блестящей восточной ткани, пестрой, какъ ткань турецкой шали. Костюмъ его былъ бѣлый, широкій балахонъ изъ шерстяной полосатой ткани съ широчайшими рукавами, которые каждый разъ, какъ только онъ поднималъ ихъ кверху, открывали чуть не до плечъ его гладкія, тонкія, мускулистыя, бронзовыя руки.

Когда отецъ представилъ его всѣмъ гостямъ и пригласилъ



На берегу Финскаго залива. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **А. Земцова**, грав. Шлиппер.

Сваха. Съ карт. Вильдитоссера. грав. Пейпе.

его сѣсть на диванъ, онъ быстро сбросилъ съ ногъ туфли и сѣлъ по-восточному, поджавъ подъ себя ноги. Переводчикъ остался у дверей. Отецъ подвинулъ къ дивану шахматный столикъ, на которомъ уже были разставлены шахматы.

Я долженъ замѣтить, что эти шахматы были особенные, старинные, будто бы индійскіе, съ очень крупными, чрезвычайно искусно художественно выточенными и вырѣзанными фигурами. У насъ никогда не играли въ эти шахматы и на этомъ столикѣ, отдѣланномъ серебромъ и бирюзой. Они стояли только какъ украшеніе комнаты.

Багараджа взглянулъ въ полъоборота на своего компаньона и тотъ быстро подошелъ къ нему, скрестивъ руки на груди и наклонивъ голову, и сталъ подлѣ дивана. Во все время игры онъ не перемѣнялъ своей почтительной позы, и какъ-то странно было смотрѣть на него, неподвижно стоящаго съ наклоненной головой и постоянно говорящаго въ этомъ положеніи и съ закрытыми глазами. Впрочемъ, онъ говорилъ весьма мало и только переводилъ то, что говорилъ намъ Багараджа.

Отецъ сказалъ ему, что мы всѣ (и онъ указалъ на всѣхъ присутствующихъ) будемъ играть противъ него одного. И при этихъ словахъ онъ сѣлъ за столикъ напротивъ Багараджи. Переводчикъ тотчасъ же бойко перевелъ наше рѣшеніе и, когда тотъ отвѣтилъ, то онъ перевелъ намъ:

— Господинъ согласна.

Я, помню, при этомъ взглянулъ на неподвижно серьезное лицо гостя и улыбнулся.

Затѣмъ отецъ спросилъ:

— Кому же начинать?

На что Багараджа склонилъ голову, скрестивъ руки, а переводчикъ сказалъ:

— Господинъ говорилъ: ваша воля!

Отецъ посмотрѣлъ на всѣхъ, какъ бы спрашивая: „такъ-ли?" и выступилъ гамбитомъ отъ короля.

Багараджа двинулъ на одинъ ходъ пѣшку отъ ферезева коня.

Всѣ переглянулись.

— Очевидно, сказалъ отецъ,—онъ поведетъ боковую игру... А мы будемъ продолжать свое... Не такъ-ли?

И онъ подкрѣпилъ пѣшку короля пѣшкой ферязи.

III.

Багараджа выдвинулъ офицера и поставилъ его подлѣ выдвинутой пѣшки.

— Вы видите, видите, онъ желаетъ вести боковую атаку, сказалъ отецъ. — а мы будемъ продолжать правильные ходы.

И онъ выступилъ конькомъ со стороны ферези и еще болѣе подкрѣпилъ пѣшку короля.

Багараджа точно такъ же, какъ и на лѣвой сторонѣ, выдвинулъ справа на одинъ ходъ пѣшку отъ королевскаго коня.

Отецъ задумался и спросилъ своихъ товарищей вполголоса:

— Теперь очень соблазнительно поставить передъ этой пѣшкой чернаго офицера?

— Чтобы запереть ходъ пѣшки ферези?.. Какъ вы думаете? Это недурно, но нѣтъ-ли чего-нибудь дѣйствительнѣе? спросилъ Шардонъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Это будетъ отлично! вскричалъ Шнейдель, маленькій нѣмчикъ, съ большой лысой головой.

— Ставьте такъ, сказалъ Бергъ.—Худаго ничего не можетъ быть при боковой атакѣ. Онъ непремѣнно долженъ защищаться.

— Ставьте! Ставьте! подтвердили всѣ. — А тамъ увидимъ.

И отецъ поставилъ офицера и загородилъ ходъ пѣшкѣ.

Багараджа, нисколько не думая, выдвинулъ конька и поставилъ его подъ офицера.

— Что сей сонъ значитъ? удивился отецъ.

Бергъ потрепалъ его по рукѣ и сказалъ шопотомъ:

— Это восточная хитрость... Онъ хочетъ отвлечь насъ и смѣнять коня на офицера. Но, „не дѣлай никогда того, что желаетъ врагъ твой", говорятъ восточные мудрецы, и я бы на нашемъ мѣстѣ просто подкрѣпилъ офицера пѣшечкой,—и онъ двинулъ пѣшку отъ правой ладьи на два хода впередъ.—Вотъ такъ! Какъ вы полагаете?

И онъ посмотрѣлъ на всѣхъ.

Компанія довольно долго спорила надъ этимъ ходомъ. Шмидтъ совѣтовалъ выступить съ ферезью и очистить мѣсто для рокировки.

— Помилуйте! возражалъ князь Баксютовъ.— Кто же рокируетъ съ длинной руки, со стороны короля? Это совершенно неправильно.

Шардонъ доказывалъ, что было бы лучше выдвинуть конька и имъ подкрѣпить офицера.

Но всѣ поговорили и оставили тотъ ходъ, на который указалъ Бергъ. Этотъ ходъ давалъ свободу ладьѣ.

Багараджа тотчасъ же выдвинулъ чернаго офицера.

— Видите! Изволите видѣть! Онъ поведетъ атаку съ фланговъ, вскричалъ отецъ, — но только это ему не удастся... „Кто выигрываетъ съ боковъ, тотъ теряетъ въ серединѣ", какъ говорятъ восточные мудрецы. И онъ двинулъ лѣваго коня подъ защиту пѣшки короля. — Больше тутъ нечего и думать; впередъ! и посмотримъ, какъ онъ будетъ защищаться!

Вся компанія одобрила этотъ ходъ.

Но Багараджа и не думалъ защищаться. Онъ просто рокировался. Отецъ привскочилъ на стулѣ. Князь Баксютовъ проговорилъ:

— Это сумасшедшій ходъ! Онъ непремѣнно теряетъ или ладью или ферезь.

— Donner-Wetter! вскричалъ Шнейдель, снялъ очки и началъ ихъ усиленно протирать. Онъ очевидно не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Позовъ только укоризненно, съ сожалѣніемъ, покачалъ головой.

Отецъ взялъ конькомъ пѣшку короля и сказалъ:

— Шахъ королю!

Багараджа съ неподвижнымъ спокойствіемъ взялъ конька ферезью. Мы всѣ ахнули. Шмидтъ вскричалъ:

— Potz-tausend!.. Sacristi!..

А отецъ поспѣшно взялъ ферезь офицеромъ, какъ будто боялся, что Багараджа спохватится и попроситъ взять ходъ назадъ. Потомъ, обратясь къ намъ, онъ сказалъ спокойно:

— Это онъ нарочно сдѣлалъ. Вотъ вы увидите!

— Какъ нарочно! вскричалъ Шардонъ.—Отдать ферезь нарочно!

— Что же, онъ насъ за игроковъ не считаетъ? проговорилъ Баксютовъ.—Такъ мы ему покажемъ! Каждый ходъ, господа, надо обдумывать глубоко и многосторонне.

— Да! да! согласились всѣ.—Мы посмотримъ, какъ онъ у насъ выиграетъ безъ ферези?!.

IV.

Багараджа поставилъ ладью подъ офицера. Компанія долго совѣтовалась и рѣшила убрать офицера на прежнее мѣсто.

Вскорѣ мы увидѣли, что Багараджа съ одной стороны образовалъ непрерывную линію пѣшекъ. Затѣмъ мы увидѣли, что съ другой стороны точно такъ же выстроилась другая линія пѣшекъ, и обѣ онѣ образовали уголъ, который очень близко подходилъ къ нашему центру. Прорвать эту линію не было никакой возможности, разумѣется, безъ значительныхъ пожертвованій. Но вся компанія единодушно рѣшила не жертвовать ничѣмъ.

Но Багараджа избѣгалъ мѣны. Онъ еще пожертвовалъ офицеромъ, заманилъ этимъ пожертвованіемъ нашу ферезь въ самый край шашечницы и тамъ крѣпко приперъ ее пѣшками подъ защитой коня и офицера. Разъединивъ наши ладьи, онъ, напротивъ, выдвинулъ свои на одну линію и подъ защитой этой батареи провелъ пѣшку и далъ блистательный, ошеломляющій матъ. И что всего было удивительнѣе и обиднѣе— это то, что онъ предсказалъ его. Когда онъ свелъ ладьи на одну линію, то онъ сказалъ переводчику:

— Скажи имъ, что черезъ восемь ходовъ имъ будетъ матъ.

И переводчикъ перевелъ намъ:

— Господинъ говоритъ, что черезъ восемь ходовъ онъ кончалъ игра. Вашъ король—махама.

Можно представить себѣ, какъ это взволновало насъ всѣхъ.

— Ну, это вздоръ! сказалъ Баксютовъ. — Теперь, господа, намъ всѣмъ надо строго слѣдить и не дѣлать тѣхъ ходовъ, которые онъ будетъ подготовлять. Какъ! Чтобы черезъ восемь ходовъ былъ бы матъ, неизбѣжный матъ?! Чтобы этотъ матъ нельзя было ничѣмъ отвратить?!. Слушай, ты, какъ тебя зовутъ? обратился онъ къ переводчику: — Скажи твоему господину, что я не вѣрю! Князь Баксютовъ не вѣритъ... Нѣтъ!

И онъ отрицательно покачалъ пальцемъ передъ самымъ кончикомъ его носа.

Переводчикъ что-то пробормоталъ, чего, разумѣется, мы не поняли, и въ отвѣтъ ему Багараджа сказалъ тѣмъ же мѣрнымъ, безстрастнымъ голосомъ какую-то фразу.

— Что онъ говоритъ? встрепенулся Нозовъ. — Пожалуйста переведите... Что онъ сказалъ? обратился онъ къ переводчику.

— Онъ говоритъ, объяснилъ отецъ, — что воля Всевышняго всегда должна совершиться. Блаженъ человѣкъ, знающій ее.

— Ну, это индійскій фатализмъ! сказалъ Шардонъ.

— Господа!.. господа! напомнилъ намъ отецъ. — Не будемте отвлекаться посторонними вопросами. Вотъ видите-ли, онъ грозитъ этой линіи. Здѣсь наша слабая сторона. Какъ вы думаете укрѣпить ее?

И всѣ старались не только укрѣпить ее, но дѣлать ходы, которыхъ онъ, по ихъ мнѣнію, никакъ не могъ предвидѣть. Но на дѣлѣ оказалось, что мы дѣлали именно тѣ ходы, которые лежали въ его пророчествѣ. Они всѣ были предвидѣны.

Черезъ четыре хода, будущее игры стало ясно даже для ребенка. Матъ былъ неизбѣженъ и не только неизбѣженъ, но именно тотъ матъ, который онъ предвидѣлъ,—матъ пѣшкой королевы.

Кончивъ игру, онъ всталъ съ дивана, медленно надѣлъ свои туфли и, скрестивъ на груди руки, поклонился всѣмъ намъ.

Отецъ и мы всѣ уговаривали его сыграть еще партію, но онъ упорно отказался и тою же торжественно величавою походкой, въ сопровожденіи своего толмача, удалился.

Всѣ тотчасъ по его уходѣ принялись разбирать и критиковать сыгранную партію. Прежде всего ее, разумѣется, записали на память и затѣмъ спорили и пересматривали каждый ходъ чуть не до двухъ часовъ ночи. Всѣ рѣшили, что

это игра хотя неправильная, но въ высшей степени талантливая.

Я послѣ много разъ спрашивалъ себя: „Въ чемъ же тутъ лежитъ талантъ, и какую игру можно назвать правильною?"

Въ эту ночь всю напролетъ, до бѣла утра, я не могъ уснуть. Страшная головная боль и спазмы въ груди не давали спать. Порой я забывался, и вдругъ передъ глазами вырѣзывалось отчетливо неподвижное, словно мертвое лицо бронзоваго цвѣта. И я съ испугомъ открывалъ глаза.

Я долженъ замѣтить, что вообще я росъ болѣзненнымъ, впечатлительнымъ мальчикомъ, и взрастить меня стоило не мало хлопотъ и горя моей бѣдной матери. Въ 13 лѣтъ я былъ страшно худъ и малъ. Я походилъ на мальчика, которому никакъ нельзя было дать больше 10 лѣтъ. Смуглый, черноволосый, я походилъ лицомъ на отца, но слабость, болѣзненную вялость и ростъ я наслѣдовалъ отъ матери, которая была худенькая, маленькая, болѣзненная блондинка.

Я заснулъ уже на разсвѣтѣ. Мнѣ снилось, что Багараджа былъ какой-то геній повелитель и покровитель всего міра. Всѣ шахматы двигались по мановенію его руки. Тяжелые слоны выступали грузно слоновою поступью. Легкія ладьи шли на всѣхъ нарусахъ. Бѣдныя пѣшки летѣли, сломя голову, куда посылали ихъ, и погибали тысячами, а несчастная ферезь, которая во снѣ представлялась мнѣ какой-то прелестною индійскою дѣвушкой, погибла въ самомъ началѣ боя. И всѣ бились въ жаждѣ отмщенія за ея смерть.

V.

Вскорѣ я довольно близко познакомился съ моимъ міровымъ геніемъ-повелителемъ и его ферезью или индійскою дѣвушкой, его племянницей. Вотъ какъ это произошло...

Прежде всего я долженъ сказать, что у отца былъ старый другъ и пріятель, его сослуживецъ, который былъ прежде директоромъ какого-то азіятскаго департамента, а теперь мирно доживалъ свою жизнь на покоѣ. Человѣкъ этотъ былъ весьма замѣчательный и во многомъ крайне оригинальный. Онъ былъ гораздо старше моего отца, хотя былъ крѣпокъ и бодръ на видъ. Звали его Семеномъ Никитичемъ Мурзановымъ. Онъ былъ старый, бездемейный холостякъ, жилъ скромно, пенсіей и какими-то остатками отъ наслѣдственнаго состоянія. Былъ филантропъ. Отецъ разсказывалъ, что бо̀льшую часть молодости Семенъ Никитичъ провелъ въ Индіи, куда ѣздилъ не столько по порученію министерства, сколько по собственному желанію. Онъ хорошо изучилъ нарѣчія Индостана, готовился даже, говорятъ, къ профессорской кафедрѣ, но, неизвѣстно почему, остался до конца службы чиновникомъ.

Я какъ теперь смотрю на его невысокую, но крѣпко сбитую, коренастую фигурку, на его доброе, даже черезчуръ доброе, красное лицо, на его кроткую улыбку и сѣдую голову. Онъ бывалъ у насъ почти каждый день и считался самымъ вѣрнымъ и надежнымъ другомъ дома. Дѣйствительно, вся семья наша видѣла не мало доказательствъ его искренней привязанности къ нашему дому.

И вотъ къ этому нашему общему другу, на другой день нашего шахматнаго вечера, послалъ меня отецъ съ большимъ конвертомъ. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день Семенъ Никитичъ былъ не такъ здоровъ, а дѣло было, очевидно, спѣшное. Въ сношеніяхъ отца съ Багараджей Семенъ Никитичъ, очевидно, игралъ роль какого-то посредника.

— Вотъ, сказалъ онъ, распечатавъ конвертъ и прочитавъ письмо отца.—Прошу покорно, еще комиссія! Вѣдь говорилъ моему любезному Сергѣю: „Не вмѣшивайся, откажись отъ этого дѣла". Нѣтъ! Тянетъ!.. А все суета суетъ и всяческая суета... Положимъ, тутъ есть добрая часть, но покорнѣйше прошу!.. какъ прикажете ее выдѣлить?!..

— Что такое, Семенъ Никитичъ! Я ничего не понимаю...

— И прекрасно дѣлаешь!.. Отлично дѣлаешь! Покорнѣйше прошу. Какъ понимать такія дѣла! Кто ихъ пойметъ!?.. И не понимай, мой невинный младенецъ!

И Семенъ Никитичъ съ описка началъ мнѣ излагать всю сущность дѣла. У него была привычка говорить вслухъ, не стѣсняясь собесѣдникомъ или присутствующимъ. Если этого собесѣдника или присутствующаго не оказывалось, то онъ обращалъ свою рѣчь къ толстому своему коту, Пуду Стахичу, или къ хриплой, старой моськѣ Маврушкѣ, или къ скворцу, Злодѣю Иванычу. За этотъ грѣхъ онъ никогда не могъ быть настоящимъ дипломатомъ.

— Багараджа пріѣхалъ сюда съ очень тонкимъ дѣломъ, говорилъ онъ.—Неизвѣстно, по собственной причинѣ или депутатомъ отъ индійскихъ раджей... Вотъ!.. Покорнѣйше прошу!.. Ты только, другъ мой милый, держи это за зубами... Никому!

И онъ строго погрозилъ мнѣ.

— Помилуйте, Семенъ Никитичъ, развѣ въ первый разъ вы мнѣ довѣряете свои тайны? Все равно, что вашъ Пудка... Сохраню...

— То-то! Смотри, злодѣй, не выдай... А ты знаешь, что въ Индіи готонится?.. Не знаешь? Ну, и не знай!.. Покорнѣйше прошу! И не знай! Оно лучше!.. Такъ вотъ Багараджа пріѣхалъ... склонять... того... помочь имъ.... Ты только держи языкъ за зубами!.. И вдругъ!.. Покорнѣйше прошу!.. Я, я... мертвый челонѣкъ... отсталый человѣкъ... устрой депутацію, цѣлую депутацію отъ департамента... А! Покорнѣйше прошу!. Нѣтъ! Я васъ спрашиваю... Покорнѣйше прошу!.. Какъ вы это думаете? (должно сказать, что когда Семенъ Никитичъ былъ взволнованъ, то обращался ко мнѣ съ церемоннымъ „вы"). Могу-ли я быть тутъ посредникомъ?.. Тебѣ, говоритъ, легче, чѣмъ мнѣ... Слышите!.. Я надѣвай теперь хомутъ (такъ называлъ Семенъ Никитичъ свой мундиръ), всѣ бляхи, и отправляйся... Да что̀ скажутъ?.. Покорнѣйше прошу!.. Ты что, скажутъ, изъ мертвыхъ воскресъ или белены объѣлся?.. Не хочешь-ли въ желтый домъ, на девятую версту? (Тогда желтый домъ былъ на девятой верстѣ, по Петергофской дорогѣ). Тебя, говоритъ, цѣнятъ... Да позвольте, покорнѣйше прошу... Кому тепло или холодно, что меня цѣнятъ. Ты, пишетъ... вотъ, вотъ, прочти! Ты всегда былъ простъ и откровененъ... а это теперь важно въ дипломатіи... Видите, видите (и онъ совалъ мнѣ въ лицо письмо отца). Да позвольте мнѣ самому судить, что̀ важно, и что̀ не важно. Ты простъ и откровененъ... То-есть, другими словами... Ты простоватъ и дураковатъ!.. Тебѣ повѣрятъ... Покорнѣйше прошу!.. Какъ это вамъ лестно!.. А?!..

— Да папа, вѣроятно, думаетъ, что вы лучше сдѣлаете, Семенъ Никитичъ!.. Онъ оффиціальное лицо, а вы по простотѣ...

— Нѣтъ, юнецъ! Нѣтъ, младенецъ! Покорнѣйше прошу! Какая тутъ простота!.. А то вотъ что... Слушай!..

И Семенъ Никитичъ нѣсколько задумался.

— Что такое, Семенъ Никитичъ?!..

— А вотъ, говорятъ, Господь младенцевъ умудряетъ. Покорнѣйше прошу!.. Пойдемъ-ка мы вмѣстѣ съ тобой.

— Куда?

— А къ Багараджѣ... Ты вѣдь по-англійски говоришь?

При одной мысли пойти къ этому „шахматному генію", царю, у меня кровь бросилась въ лицо.

— Говорю немножко, прошепталъ я.

— Ну, вотъ и прекрасно! Покорнѣйше прошу... Тутъ не много и нужно.

— А развѣ онъ говоритъ по-англійски? И тутъ же подумалъ: „Да почему же съ нимъ отецъ не говоритъ по-англійски?"

— Нѣтъ, онъ не говоритъ! А у него, покорнѣйше прошу, есть племянница, хорошенькая дѣвочка... Такъ вотъ ты съ ней... а?! Покорнѣйше прошу!.. а?!.. Меня-то къ ней не пустятъ... А ты, вѣдь, младенецъ... Божья душа!..

Я возмутился было при этой роли въ качествѣ младенца, но желаніе увидѣть еще разъ Багараджу, увидать въ его домашней жизни было такъ соблазнительно, что я кивнулъ головой въ знакъ согласія.

VI.

— Видишь-ли, юнецъ, говорилъ Семенъ Никитичъ наклоняясь къ моему уху.—Тутъ дѣло, покорнѣйше прошу, очень тонкое... У! какое тонкое!.. Тутъ съ одной стороны Великобританія... а съ другой... эти несчастные Раджи... Если мы вмѣшаемся въ это дѣло, то надо тонко дѣйствовать... У! какъ тонко! А то грязи наѣшься... И секретъ весь простой! Только и надо знать, чья дочь Джемма?.. Если Раджи Кульдистанскаго, то мы и прочь!.. Покорнѣйше прошу!.. Сейчасъ же и прочь!.. Понимаешь, юнецъ?

Но я ничего не понималъ.

— Если же она дочь Раджи Джарраханскаго... то мы должны дѣйствовать... Покорнѣйше прошу!.. Мы обязаны дѣйствовать и защитить ихъ отъ Великобританіи... Да, непремѣнно защитить...

— Что-же, она притѣсняетъ ихъ?..

— Она... и Семенъ Никитичъ не договорилъ, но сдѣлалъ жестъ обѣими руками, сгребая и схватывая ими воздухъ.— Покорнѣйше прошу!.. Понимаешь?..

Но я ровно ничего не понималъ.

— Если Джемма... Покорнѣйше прошу!.. Хорошенькая дѣвочка!.. (И онъ сдѣлалъ самую умиленную, восторженную мину).—Если Джемма дочь Раджи Джарраханскаго, то мы обязаны дѣйствовать... Это, покорнѣйше прошу... самое законное дѣло... Но вотъ въ этомъ-то и весь вопросъ... И ты его, покорнѣйше прошу, разрѣши.

— Да какъ же я его разрѣшу?! удивился я.

— А просто... Очень просто.—И онъ началъ говорить почти надъ самымъ моимъ ухомъ.—Ты, покорнѣйше прошу, спроси только Джемму: какъ, молъ, зовутъ вашего батюшку?..

— Ну, и больше ничего?..

— И больше ничего... Понимаешь?!.. И покорнѣйше прошу!.. И мы сейчасъ же пойдемъ къ нимъ.

И крикнувъ своего, такого же стараго, какъ и онъ, слугу Григорія, торопливо, при помощи его, началъ одѣваться. Онъ надѣлъ бѣлый галстухъ и жилетъ, черные чулки и фракъ, на который нацѣпилъ двѣ звѣзды.

— Вотъ оно, какъ слѣдуетъ являться, говорилъ онъ,—къ этимъ англійскимъ Буддамъ... Full dress!.. and all right!..

А я, смотря на него, думалъ: „Хорошо или дурно я дѣлаю, что иду?" Но желаніе видѣть великаго шахматнаго игрока заглушало всѣ вопросы и этическія тенденціи.

Во время своего туалета Семенъ Никитичъ постоянно обращался ко мнѣ и бросалъ короткія разъясненія.

— Если, говорилъ онъ.—ты это раскроешь, то дѣло будетъ чисто... Понимаешь?!.. Покорнѣйше прошу!.. Имъ очень важно,

чтобы мы повѣрили, что она дочь Раджи Джарраханскаго... Принцесса, законная наслѣдница чуть не половины всей Индіи... Покорнѣйше прошу!.. Вотъ и ты тоже будешь дипломатомъ... Покорнѣйше прошу!..

И онъ засмѣялся своимъ тихимъ добродушнымъ смѣхомъ и нѣжно похлопалъ меня по спинѣ.

Мы вышли на подъѣздъ. Погода была сырая, но дождя не было. Григорій проводилъ насъ до послѣдней ступени и крикнулъ кучеру подавать. Къ подъѣзду тихо, нетороцливо подкатила маленькая, скромненькая каретка, запряженная парой желтыхъ шведокъ. Мы сѣли и отправились.

VII.

Багараджа остановился у Демута. Въ то время это былъ единственный, болѣе комфортабельный отель. Послѣ я узналъ, что онъ пріѣхалъ съ цѣлой свитой, какъ владѣтельная особа, и занялъ десять роскошныхъ нумеровъ въ бель-этажѣ. Притомъ и эти роскошные нумера свита его отдѣлала по-восточному привезенными коврами и разными накупленными уже здѣсь, въ Петербургѣ, восточными вещами. Однимъ словомъ, онъ очевидно хотѣлъ выказать здѣсь царскую роскошь.

Какъ только мы вошли, то передъ нами встали и вытянулись человѣка три-четыре какихъ-то темнобронзовыхъ сипаевъ. И всѣ они поклонились Семену Никитичу. А передъ самой дверью сталъ тоже какой-то темный человѣкъ, одѣтый въ яркое, расшитое золотомъ платье, и попросилъ идти за нимъ.

Мы прошли двѣ или три комнаты и, наконецъ, вошли въ ту залу, гдѣ былъ Багараджа. Здѣсь, у самой двери, поклонился намъ тотъ же маленькій переводчикъ, который былъ у насъ въ середу.

Комната была полутемная, убранная вся коврами, обращенная окнами на дворъ. Багараджа сидѣлъ на низенькомъ и широкомъ диванѣ, почти на полу. Передъ нимъ стояли какіе-то ларчики. Онъ что-то разбиралъ въ нихъ. Стояло нѣсколько бронзовыхъ лицъ въ очень безцеремонныхъ костюмахъ и съ длинными ножами за поясомъ. Это были его тѣлохранители.

Увидѣвъ насъ, онъ поднялся со своего мѣста и пошелъ къ намъ навстрѣчу. Въ ту же минуту переводчикъ какъ-то быстро подошелъ къ намъ въ своей обычной позѣ, со скрещенными на груди руками, и приготовился слушать и переводить.

— Хвала Богу, что вижу васъ, перевелъ онъ привѣтствіе Багараджи.

— Хвала Всевышнему, дозволяющему видѣть людей знающихъ и вѣрящихъ другъ другу, сказалъ Семенъ Никитичъ.

И вслѣдъ за тѣмъ Багараджа сдѣлалъ какой-то едва замѣтный знакъ всѣмъ слугамъ, стоявшимъ около него, и его переводчику. Они всѣ, не исключая тѣлохранителей, съ низкими поклонами вышли изъ комнаты. Мы остались одни, и Багараджа заговорилъ съ Семеномъ Никитичемъ на непонятномъ мнѣ языкѣ. Какіе-то гортанные рокочущіе звуки съ придыханіями и захлебываніями вылетали изъ его горла. Семенъ Никитичъ говорилъ почти такъ же довольно бойко, но этотъ эффектъ не выходилъ изъ его гортани. Притомъ онъ говорилъ не такъ плавно и свободно.

Порой можно было подмѣтить одушевленіе въ рѣчи Багараджи. Онъ говорилъ быстрѣе, сильнѣе раздувались его ноздри, слова какъ будто торопились и сталкивались, слетая съ его гибкаго и изворотливаго языка. Вдругъ онъ остановился и, указавъ на меня пальцемъ, спросилъ что-то. Въ это время я весь былъ погруженъ въ вопросъ: не играетъ-ли Багараджа такъ хорошо въ шахматы потому, что онъ говоритъ на этомъ гибкомъ и быстромъ языкѣ.

Семенъ Никитичъ что-то отвѣтилъ и потрепалъ дружелюбно меня по спинѣ. И вслѣдъ за его отвѣтомъ Багараджа хлопнулъ въ ладоши. Почти въ то-же мгновенье изъ-за портьеры выставилась голова въ чалмѣ. Багараджа что-то приказалъ ей, и она быстро, съ низкими поклонами, подошла ко мнѣ и взяла меня за руку.

— Поди за нимъ, сказалъ Семенъ Никитичъ,—онъ проводитъ тебя къ Джеммѣ.

Я съ неохотой отправился, но прежде всего выдернулъ руку изъ руки высокаго индійца съ черной бородой.

Онъ провелъ меня черезъ рядъ комнатъ, такъ же роскошно убранныхъ, и остановился передъ дверью одной комнаты, около которой стоялъ высокій, черный тѣлохранитель. Онъ сказалъ ему что-то, и тотъ стукнулъ три раза въ дверь; на эти стуки черезъ нѣсколько секундъ изъ-за двери выглянула какая-то мулатка, поговорила съ тѣлохранителемъ и провожавшимъ меня индійцемъ, потомъ, отвернувшись, что-то спросила у того, кто былъ внутри комнаты, и протянула ко мнѣ руку. Но я, не давая моей руки, быстро двинулся къ ней и вошелъ въ темное пространство, которое было амбразурой дверей.

Мулатка заперла за мной двери и распорхнула портьеру.

Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ. На широкомъ диванѣ сидѣла Джемма, сидѣла по-восточному, поджавъ подъ себя ноги. Но какъ только я вошелъ, она сдѣлала движеніе, чтобы подняться съ дивана, но остановилась и что-то спросила мулатку. Затѣмъ быстро поднялась, сдѣлала нѣсколько шаговъ ко мнѣ и, наклонясь и полуобнявъ меня, сказала по-англійски:

— Good day! My dear boy! (Здравствуй, мой дорогой мальчикъ!).

И она горячо поцѣловала меня въ щеку, причемъ я замѣтилъ, что вся ея фигура и все въ комнатѣ было пропитано какими-то сильными духами. Но все это я замѣтилъ и ощутилъ полусознательно. Лицо Джеммы, если можно такъ сказать, поглотило меня всецѣло. Мнѣ не хотѣлось спускать съ него глазъ, до того оно было привлекательно. Красивое, смуглое личико съ большими, добрыми, черными глазами. Она была высока, стройна, но смотрѣла совершенно по-дѣтски. Ея округлыя, выпуклыя щеки были покрыты легкимъ пухомъ, а ярко алыя, какъ бы припухшія губки были полуоткрыты, и за ними выставлялись ровные зубы ослѣпительной бѣлизны.

Она взяла меня своими маленькими ручками съ длинными, красными ногтями, подвела къ дивану и усадила подлѣ себя.

На ней былъ какой-то восточный костюмъ изъ легкой шелковой ткани, съ широкими рукавами, которые быстро спадали съ ея стройныхъ рукъ, когда она поднимала ихъ кверху. На головѣ ея была низенькая шапочка темносиняго цвѣта, вышитая золотомъ и жемчугомъ. При каждомъ ея движеніи на ней бренчали и звенѣли ожерелья и цѣпочки, надѣтыя на ея шеѣ, а на ея стройныхъ рукахъ подъ тактъ имъ звенѣли браслеты.

— Вотъ, мой дорогой мальчикъ! говорила она довольно свободно по-англійски, — видишь, это у меня священныя бусычетки отъ нашего святаго дервиша Галярджабума-Матхата. Никакой глазъ, никакое злое желаніе не коснется меня до тѣхъ поръ, пока я буду носить ихъ... Хочешь, я подарю тебѣ одну бусинку, и ты надѣнешь ее на твою милую шейку, и эта бусинка будетъ хранить тебя отъ всякихъ несчастій.

Но я, разумѣется, отказался отъ этого подарка. Въ это время изъ другой комнаты вышло еще двѣ женщины, и всѣ онѣ обступили меня и смотрѣли на меня, какъ на дикаго звѣрка, необыкновенно скоро болтая и жестикулируя. Джемма точно такъ же болтала съ ними; иногда онѣ дотрогивались до моего платья, гладили его и брали въ руки полы моего пиджака...

— Дорогой мой, сказала Джемма,—отчего ты носишь такое теплое платье? Неужели тебѣ не жарко въ этомъ шерстяномъ платьѣ?

И дѣйствительно, въ ея комнатахъ было удивительно жарко натоплено, а отъ ея сильно пахучихъ, пряныхъ духовъ невольно кружилась голова.

(Продолженіе будетъ).

Сѣдой локонъ.

Сказка **Георга Эберса**.

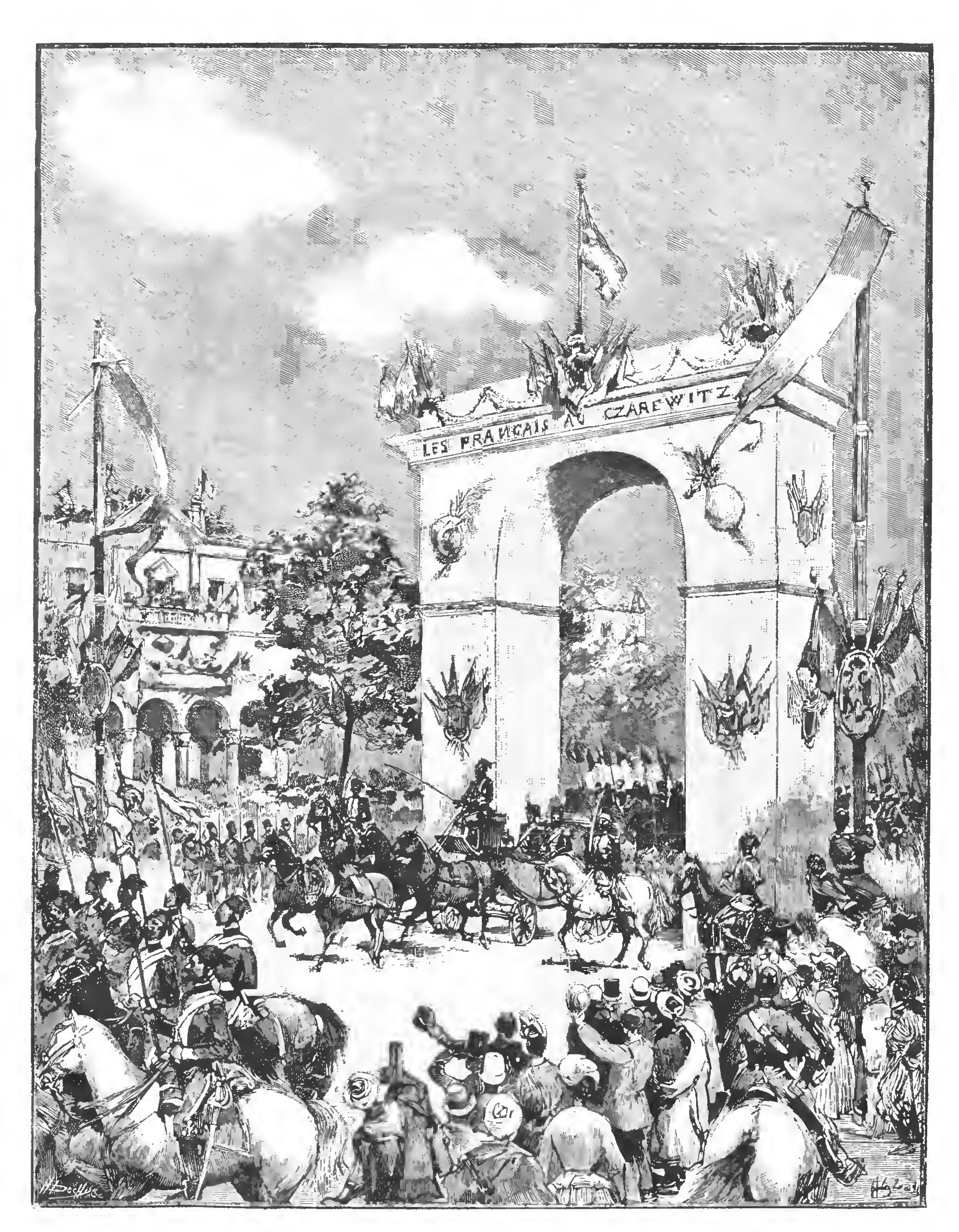
(Право перевода пріобрѣтено редакціей отъ автора).

(Окончаніе).

Однижъ разъ вечеромъ герцогиня увидѣла, какъ сынъ ея при свѣтѣ луны перелѣзалъ съ лютней въ рукахъ черезъ садовую ограду, но въ это время небо покрылось тучами и наступившая темнота скрыла отъ ея глазъ Георга; она видѣла только освѣщенное окно и за нимъ чудный образъ молодой дѣвушки. Дѣвушка нравилась ей чрезвычайно, и герцогиню бросило въ жаръ и холодъ при мысли, что Георгъ, можетъ быть, назоветъ ее своей женой и привезетъ когда-нибудь въ домъ своей матери. Но ей снова приходило на умъ, что сынъ ея—дитя несчастья, и что ему не можетъ выпасть на долю любовь такого чуднаго, обворожительнаго существа.

То, что герцогиня увидѣла въ послѣдующія недѣли, еще болѣе утвердило ее въ этой мысли. Георгъ, который всегда глядѣлъ такъ смѣло и увѣренно, напоминалъ ей теперь часы, которые бьютъ одно, а показываютъ другое; на постройкѣ онъ попрежнему твердо, рѣшительно и самоувѣренно распоряжался рабочими; когда-же оставался одинъ, то или сидѣлъ весь съежившись, съ убитымъ, безнадежнымъ видомъ, или, напротивъ того, безпокойно бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ размахивая руками. Иногда онъ такъ неистово ударялъ себя ладонью по-лбу или билъ себя кулакомъ въ грудь, что герцогинѣ дѣлалось страшно.

Послѣ какого-то праздниства на открытомъ воздухѣ, въ саду, во время котораго Георгу удалось въ продолженіе часа ходить по полутемной аллеѣ съ дочерью своего царственнаго друга и не разъ поцѣловать ея руку, герцогиня видѣла, какъ онъ, придя домой, разразился горькими рыданіями и выражалъ такое глубокое отчаяніе, что мать боялась за его разсудокъ и до-красна наплакала себѣ глаза. А между тѣмъ какъ разъ въ это время ей слѣдовало бы ощущать величайшую радость, ибо въ концѣ концовъ оказалось, что совѣтникъ совѣтниковъ былъ дальновиднѣе другихъ и нисколько не ошибся въ выборѣ королевы. Она родила принца—настоящаго Гризо. Хотя сѣдая прядь на его вискѣ была нѣсколько жидка и не завивалась смѣлымъ изгибомъ, но сѣдину ея могъ оспаривать развѣ только человѣкъ, страдающій дальтонизмомъ.



Пребываніе Ихъ Императ. Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и Вел. Кн. Георгія Александровича въ Каирѣ. Тріумфальныя ворота устроенныя французской колоніей въ Каирѣ.

По наброску М. Равонъ, рис. М. Жерарденъ.

Съ какою радостью герцогиня пяньчила бы своего внука, если бы сердце ея не было раздѣлено на части! Даже въ то время, когда она держала ребенка на рукахъ, ее тянуло къ зеркалу посмотрѣть на несчастнаго сына.

Услышавъ крикъ своего ребенка и узнавъ, что родился сынъ, Венделинъ XVI въ первый разъ за двѣнадцать лѣтъ былъ такъ же веселъ, какъ другіе люди. Все, что въ такомъ изобиліи давала ему царская жизнь, казалось ему блѣднымъ и безсодержательнымъ: величайшею для него радостью было, когда онъ думалъ, что только четыре часа, а било уже пять. Ребенокъ представлялъ, по крайней мѣрѣ, что-либо новое, а сердце Венделина, бившееся такъ медленно, какъ отстающіе часы къ концу завода, начинало работать нѣсколько быстрѣе, когда онъ думалъ о своемъ сынѣ. Въ первыя недѣли онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ у золотой колыбели и смотрѣлъ въ монокль на будущаго Венделина XVII, пока наконецъ это не перестало забавлять его и онъ не началъ вновь—минута за минутой, часъ за часомъ—лѣниво покачиваться на тихихъ волнахъ прежней жизни.

Королева, его подруга на спокойномъ жизненномъ пути, во многомъ стала походить на него. И тотъ, и другая зѣвали такъ же непрерывно, какъ другіе люди дышатъ. Желаній у нихъ не было: ибо все, что они имѣли, было такъ хорошо, что слѣдующій день не могъ дать ничего лучшаго. Жизненный путь ихъ представлялъ прямую, безконечную тополевую аллею, по которой они сонливо шли рядомъ.

Дворецкій Пепе, сдѣлавшійся собственнымъ его величества камердинеромъ, съ тѣхъ поръ какъ Венделинъ XVI вступилъ на престолъ, конечно склоненъ былъ считать своего повелителя, родившагося при столь благопріятныхъ предзнаменованіяхъ и видѣвшаго въ жизни одну удачу, несомнѣнно счастливымъ; но по ночамъ, слыша вздохи и всхлипыванья Венделина, онъ невольно думалъ про себя: „Нѣтъ, въ собственной шкурѣ все-таки лучше“.

Камердинеръ его величества былъ скрытенъ и о слышанномъ не говорилъ никому, кромѣ старой Нонны. Та тоже научилась молчать и не сообщала о томъ, что узнала отъ старика, даже герцогинѣ, которой и безъ того было нелегко.

Увы, какимъ блѣднымъ являлось ей теперь лицо ея любимца Георга! Но даже въ самые тяжкіе для себя дни онъ былъ всегда дѣятеленъ, всегда на мѣстѣ, и соборъ, надъ которымъ онъ работалъ уже три года, приходилъ къ концу. Теперь шла горячая работа надъ главнымъ куполомъ, который гордо увѣнчивалъ зданіе. Когда Нонна смотрѣла теперь черезъ плечо герцогини, она всегда, до самаго захода солнца, находила Георга на постройкѣ. Иногда у обѣихъ женщинъ сердце переставало биться отъ ужаса, когда онъ влѣзалъ на верхніе концы балокъ, окружавшихъ постройку лѣсовъ, и оттуда руководилъ работами. Злому року достаточно было бы сдвинуть на одинъ дюймъ ногу несчастнаго или шальной осѣ укусить его въ руку, чтобы положить конецъ его существованію. Бѣдная мать тѣмъ болѣе боялась за Георга, что онъ среди всѣхъ этихъ опасностей отнюдь не смирялся передъ судьбой, а попрежнему гордо и самоувѣренно смотрѣлъ впередъ.

Куполъ казался уже готовымъ; чего же Георгъ не заканчивалъ его и все продолжалъ лазить на эти страшные лѣса?

— Нонна, Нонна, посмотри, я не могу выносить этого долѣе! воскликнула однажды герцогиня послѣ того, какъ долго смотрѣла въ зеркало. — Поддержи меня... онъ хочетъ спрыгнуть. Что, Нонна, какъ? Я не въ силахъ больше смотрѣть.

И зеркало задрожало въ рукахъ несчастной женщины.

— О! воскликнула старуха, съ трудомъ переведя духъ; — смотрите, онъ стоитъ уже на ногахъ, твердо и непоколебимо, какъ статуя Венделина I у насъ на площади. Смотрите, смотрите...

— Да, да, вижу, задыхаясь проговорила герцогиня, и упала на колѣни, чтобы возблагодарить небо.

Между тѣмъ нянька продолжала смотрѣть въ зеркало и вдругъ испустила такой страшный крикъ, что герцогиня вздрогнула, закрыла лицо руками и со стономъ проговорила:

— Что такое? Упалъ?.. Все кончено?..

Но Нонна не дала ей докончить. Несмотря на ломоту въ ногахъ, она проворно подскочила къ герцогинѣ съ зеркаломъ въ рукахъ, и точно пьяная, смѣясь и плача, но ясно и увѣренно проговорила:

— Георгъ, нашъ дорогой Георгъ! Посмотрите! У нашего принца сейчасъ, на моихъ глазахъ, выросъ сѣдой локонъ.

Тогда и герцогиня поднялась на ноги, бросила взглядъ въ зеркало и, ясно увидѣвъ сѣдой локонъ на вискѣ сына, забыла, что она герцогиня, а Нонна простая нянька, привлекла ее къ себѣ на грудь и горячо поцѣловала въ самыя губы, поросшія такими почтенными усиками, что не одинъ пажъ охотно промѣнялъ бы свою молодую верхнюю губу на ея старую. Потомъ герцогиня схватила зеркало, чтобы убѣдиться еще разъ, такъ-ли она видѣла, но руки ея такъ сильно дрожали, что зеркало упало на полъ и разбилось на тысячу кусковъ...

Это было ужасно! Хорошо еще, что Нонна давно уже оставила по дѣтскимъ то, что принято называть нервами: а то бы она упала въ обморокъ рядомъ съ герцогиней. Теперь, по крайней мѣрѣ, она могла помочь своей повелительницѣ и ободрить и успокоить ее, какъ умѣла.

Между тѣмъ молодой зодчій поднялся на лѣса, чтобы изслѣдовать замковый камень въ сводѣ купола, и нашелъ работу вполнѣ удавшеюся. Онъ и не подозрѣвалъ, что у него выросъ сѣдой локонъ, ибо приходившіе осматривать работу старѣйшіе мастера отвлекали все его вниманіе. Они пожимали ему руки, хвалили его и говорили, что онъ создалъ чудное произведеніе искусства. Въ то время, какъ Георгъ осматривалъ вмѣстѣ съ ними внутренность храма, прибылъ и владѣтельный князь, по порученію котораго строился соборъ; онъ внимательно сталъ выслушивать сужденія мастеровъ о томъ, какой смѣлостью и гармоніей отличается куполъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ доведенный до конца. Царственный посѣтитель съ интересомъ выслушалъ объясненія и когда усвоилъ себѣ все значеніе колоссальнаго труда, привлекъ Георга къ себѣ на грудь и проговорилъ:

— Благодарю васъ, дорогой другъ мой; несмотря на вашу молодость, я довѣрилъ вамъ великое дѣло; но вы превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Въ мои годы цѣнишь уже и то, когда приходится не испытать разочарованія; когда же видишь свои надежды не только исполненными, но и превзойденными, то готовъ назвать такой день однимъ изъ хорошихъ въ своей жизни. Вашъ трудъ составитъ украшеніе города и гордость всей страны; онъ покроетъ ваше имя неувядаемою славой. Примите же это отъ человѣка, который искренно расположенъ къ вамъ.

Съ этими словами монархъ снялъ золотую цѣпь съ собственной груди и повѣсилъ ее на шею Георга, говоря:

— Искусство — легко, по словамъ однихъ; по мнѣнію же другихъ — очень тяжело. И тѣ, и другіе по своему правы. Созданіе такого произведенія искусства въ своемъ умѣ должно составлять высокое блаженство, должно возносить на небо; но выполненіе его не легко и требуетъ большихъ трудовъ и заботъ. Это я вижу по васъ, мастеръ Перегринъ. Не далѣе какъ вчера, я любовался юношескимъ блескомъ вашихъ каштановыхъ волосъ, а сегодня — вѣроятно въ то время, какъ вы прикладывали послѣднюю руку къ своду купола — у васъ посѣдѣла прядь волосъ на лѣвомъ вискѣ.

Георгъ вздрогнулъ. Завѣтнѣйшее желаніе его жизни исполнилось. Онъ пришелъ въ эту страну подъ именемъ Перегрина и не говорилъ никому, что онъ сынъ владѣтельнаго герцога. Сердце его уже нѣсколько лѣтъ пылало любовью къ дочери повелителя страны, и Георгъ хорошо зналъ, что молодая дѣвушка отвѣчаетъ ему тѣмъ же; но онъ мужественно боролся со своимъ чувствомъ изъ любви къ матери, брату и своей родинѣ и терпѣливо переносилъ сердечную боль и страданія.

Онъ хорошо зналъ расположеніе къ себѣ монарха; зналъ, что достаточно было бы сказать ему: „Я Гризо“, чтобы высокій покровитель отдалъ ему руку своей дочери. Георгъ тысячу разъ повторялъ себѣ это, но молчалъ и надѣялся; надѣялся, что ему удастся совершить путемъ труда и усилій то „великое и прекрасное“, котораго требовала отъ него золотая рыбка въ пещерѣ волшебника Мисдрала. „Какъ только выраститъ у тебя сѣдой локонъ, сказала рыбка, — это будетъ служить признакомъ, что ты совершилъ то „великое и прекрасное“, которое дастъ тебѣ право носить гордое имя своего рода и, не нанося вреда близкимъ, вернуться на родину“. И вотъ цѣль достигнута. Трудъ удался. Онъ снова можетъ называться Гризо, ибо сѣдой локонъ—краса его дома—украшаетъ и его чело.

Государь видѣлъ, что лицо Георга сначала вспыхнуло, потомъ покрылось смертельною блѣдностью.

— Что съ вами, Перегринъ? спросилъ онъ.

Молодой человѣкъ бросился на колѣни и, прижавъ руки повелителя къ своимъ устамъ, воскликнулъ:

— Не Перегринъ, нѣтъ. Съ этой минуты я снова Гризо; я Георгъ, второй сынъ герцога Венделина, о которомъ вы слышали. Теперь, мой благородный покровитель, я осмѣливаюсь открыть вамъ, что люблю вашу дочь, Сперанцу, и не помѣняюсь ни съ какимъ богомъ, если вы дадите мнѣ свое благословеніе.

— Гризо! воскликнулъ государь.—По-истинѣ день этотъ не только хорошій, но одинъ изъ лучшихъ и счастливѣйшихъ въ моей жизни. Приди въ мои объятія, мой дорогой, мой неоцѣненный сынъ!

Часъ спустя Георгъ уже прижималъ принцессу къ своему сердцу.

Вотъ такъ свадьба была! Но Георгъ не вернулся тотчасъ домой, а только написалъ матери, что онъ живъ и счастливъ и пріѣдетъ къ ней съ молодою женой какъ только будетъ оконченъ тотъ великій трудъ, надъ которымъ онъ продолжаетъ работать. Къ письму онъ приложилъ портретъ своей прекрасной супруги, и когда герцогиня увидѣла портретъ и прочла письмо, она отъ радости помолодѣла на десять лѣтъ, а Нонна—на пять.

Венделинъ XVI, узнавъ, что братъ его живъ, сочувственно улыбнулся и королева тоже; но оставшись наединѣ съ супругомъ, она не стала скрывать своего неудовольствія и стала жаловаться на то, что государство Гризовъ станетъ теперь

еще меньше, а оно и безъ того уже нѣсколько меньше владѣній ея отца.

Когда герцогиня узнала, что Сперанца подарила своему супругу сына, она поѣхала въ Италію, въ сопровожденіи преданной старой Нонны, и свиданіе ея съ сыномъ было радостно превыше всякой мѣры. Два мѣсяца пробыла она съ любящей четой, потомъ, довольная и счастливая, вернулась къ себѣ домой, ибо Георгъ и его супруга обѣщали на слѣдующій годъ посѣтить ее въ столицѣ Гризовъ.

Соборъ былъ оконченъ. Болѣе величественнаго зданія нельзя было найти во всей поднебесной; со всѣхъ странъ стекались знатоки и художники, чтобы любоваться имъ. Общая похвала выпадала на долю Георга, и когда заходила рѣчь о великихъ зодчихъ, имя его упоминалось въ числѣ первыхъ.

Счастливый своимъ дѣтищемъ, но не кичась успѣхомъ, Георгъ прибылъ наконецъ на родину съ женой и ребенкомъ. На границѣ онъ встрѣченъ былъ общимъ ликованьемъ: военачальникъ Мусташъ снова разбилъ непріятеля и присоединилъ новую провинцію къ странѣ Гризовъ, которая такимъ образомъ, по заключеніи мира, приняла то же протяженіе, какъ и владѣнія отца королевы.

Въ столицѣ развѣвались флаги, звонили колокола, палили изъ мортиръ; одна за другой, потрясая воздухъ, могучимъ хоромъ грохотали большія пушки и стотысячная толпа восторженно кричала:

— Ура, ура! да здравствуетъ Венделинъ Счастливый!

Не далѣе какъ вчера, сословія порѣшили поднести королю, подъ владычествомъ котораго государство такъ расширилось и которому ни одна неудача не угрожала даже издали, титулъ „Венделина Счастливаго“. Это почетное имя красовалось на всѣхъ знаменахъ, на всѣхъ тріумфальныхъ аркахъ и транспарантахъ и даже на пряничныхъ сердцахъ въ окнахъ булочныхъ.

Георгъ и его прекрасная супруга радовались вмѣстѣ со всѣми ликующими, но счастливѣе всего они чувствовали себя наединѣ съ матерью.

Венделинъ XVI принялъ брата и его супругу въ большой пріемной залѣ и даже сдѣлалъ нѣсколько лишнихъ шаговъ ему навстрѣчу, противъ предписаній церемоніймейстера; впрочемъ, королева поспѣшила исправить эту ошибку, не выходя изъ указанныхъ границъ. По окончаніи обѣденнаго стола, Венделинъ вышелъ съ братомъ на балконъ и, стоя рядомъ съ нимъ и ближе взглянувъ на него, невольно опустилъ въ землю свои усталые глаза. Георгъ казался выкованнымъ изъ стали, тогда какъ Венделинъ готовъ былъ думать, что его собственный спинной хребетъ сдѣланъ изъ хлѣбнаго тѣста.

Вечеромъ озеро было блестяще иллюминовано, и празднество должно было закончиться большимъ катаньемъ на лодкахъ, съ музыкой и фейерверкомъ.

Въ первой лодкѣ, на мягкихъ подушкахъ изъ бархата и горностая, сидѣлъ Венделинъ XVI со своею супругою — королевой; во второй — Георгъ съ молодой, горячо любимой женой. Герцогиня также помѣстилась съ нимъ, чтобы ни на минуту не лишать себя счастья видѣть ихъ возлѣ себя.

Погода была такая чудная, какой только можно было требовать отъ этого счастливаго дня. Полная луна свѣтила яркимъ блескомъ, какъ будто тоже хотѣла привѣтствовать короля съ новымъ титуломъ. Снова раздался колокольный звонъ, и хоръ мальчиковъ и дѣвочекъ, сопровождавшій на особой лодкѣ богато-убранную королевскую гондолу, запѣлъ нарочно сочиненный на этотъ случай гимнъ, въ двадцать четыре строфы, изъ которыхъ каждая оканчивалась словами: „Восхвалимте же счастье, восхвалимте его, короля нашего, Венделина Счастливаго“.

Король сидѣлъ рядомъ со своей супругой, которая не переставала ворчать на неизвѣстно откуда взявшагося брата, и требовала, чтобы мужъ ея хорошенько разслѣдовалъ, не самозванецъ ли этотъ зодчій, называющій себя Гризомъ.

— Положимъ, и у него, и у ребенка — сѣдой локонъ, сказала она,—но вѣдь выкрасить волосы не трудно; это искусство сдѣлало въ послѣднее время такіе успѣхи! А ужъ этому толсторожему мальчишкѣ во всякомъ случаѣ скорѣе мѣсто въ мужицкой зыбкѣ, чѣмъ въ колыбели принца.

Венделинъ не слушалъ, что говорила ему жена; сердце его болѣло, и каждый разъ когда ударъ колокола раздавался громче другихъ или хоръ съ особенной силой и удареніемъ выводилъ слова „Венделина Счастливаго“, ему казалось, что надъ нимъ издѣваются. Онъ готовъ былъ громко застонать отъ стыда и душевной муки и укрыться во вторую лодку, поближе къ любящей матери и къ мощному брату, Георгу. Онъ смотрѣлъ въ воду—и ему казалось, что рыбы смѣются надъ нимъ; онъ поднималъ глаза къ небу—и мѣсяцъ дѣлалъ саркастическую улыбку и насмѣшливо поглядывалъ на жалкое существо, которое прозвали „Счастливымъ“. Венделинъ не въ состояніи былъ овладѣть собой; онъ весь ушелъ въ себя, заткнулъ уши и, Богъ знаетъ, какъ охотно помѣнялся бы съ здоровеннымъ матросомъ, который сильными, мускулистыми руками устанавливалъ пурпуровый парусъ.

Легкій вѣтерокъ понесъ корабельную гондолу къ острову, на которомъ приготовленъ былъ фейерверкъ. Вторая лодка слѣдовала за первой въ недалекомъ разстояніи. Георгъ держалъ въ своихъ рукахъ руки жены и матери. Они обмѣнивались немногими словами, но каждое заключало въ себѣ цѣлыя сокровища любви и счастья и лучше всякихъ громкихъ фразъ показывало, какъ неизъяснимо дороги другъ другу эти три существа.

Королевская гондола благополучно миновала утесъ, отдѣлявшій южную половину озера отъ сѣверной; но какъ только вторая приблизилась къ нему, внезапный, сильнѣйшій шквалъ вырвался изъ ущелій скалы, налетѣлъ на лодку и повалилъ ее на бокъ раньше, чѣмъ матросы успѣли взять рифы. Георгъ бросился помогать имъ, но уже новый порывъ вѣтра сорвалъ паруса, лодка опрокинулась и бѣшеный водоворотъ увлекъ ее въ пучину.

Георгъ увидѣлъ на поверхности волнъ обѣихъ дорогихъ ему женщинъ. Онъ схватилъ мать и, съ нечеловѣческими усиліями, борясь противъ волнъ и вѣтра, выплылъ вмѣстѣ съ нею къ берегу, гдѣ и положилъ ее на песокъ, у подошвы утеса. Потомъ поплылъ обратно къ мѣсту крушенія. Мать была спасена, но жена, его возлюбленная, его все! Спасти ее или погибнуть вмѣстѣ съ нею—было его единственной мыслью.

На поверхности волнъ показалась вдали золотистая полоска. Это были ея волосы, ея чудные шелковистые волосы. Съ удвоенной силой двинулся Георгъ впередъ; вотъ онъ уже достигъ ихъ, вотъ онъ схватилъ ихъ обѣими руками, вотъ руки его обхватили дорогое тѣло и подняли его кверху. Она дышетъ, она жива; отъ Георга зависитъ теперь вырвать ее изъ власти жестокаго врага, изъ власти смерти. Одной рукой онъ крѣпко прижалъ къ себѣ молодую женщину, а другой—съ силой разсѣкалъ волны. Но, казалось, озеро превратилось въ грозный потокъ, который стремительно несся ему навстрѣчу. Георгъ боролся; задыхаясь отъ нечеловѣческихъ усилій, но все напрасно. Силы уже начали измѣнять ему. Если никто не поможетъ теперь, онъ погибъ; и, высоко поднявъ голову, онъ искалъ глазами помощи.

Въ эту минуту, королевская гондола, которой не коснулся шквалъ, спокойно прошла мимо, какъ освѣщенный луною лебедь. Въ душѣ Георга промелькнуло горькое сознаніе, что Венделинъ не даромъ зовется счастливымъ, а онъ—дитя несчастья. Но руки его уже снова разсѣкали волны и на этотъ разъ съ бо́льшимъ успѣхомъ. Сперанца открыла глаза, узнала мужа, поцѣловала его въ лобъ и проговорила:

— Ты лучшій изъ людей.

Въ то же время послышался и съ утеса голосъ герцогини:

— Георгъ, мой дорогой, мой единственный сынъ!

Тогда ему сдѣлалось удивительно легко, тепло на сердцѣ. Вся горечь исчезла и волны словно баюкали его, вмѣстѣ съ дорогой ношей. Георгъ видѣлъ, чувствовалъ близость своей возлюбленной жены. Передъ его духовнымъ взоромъ возникъ образъ матери и ребенка, возникло его чудное, нетлѣнное твореніе—величественный соборъ, воздвигнутый имъ во славу Божію. Затѣмъ, у него мелькнула мысль, какое наслажденіе приносила ему каждая новая весна, какое блаженство было творить и создать, какимъ восторгомъ наполняло его все, что есть прекраснаго на землѣ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Изъ всѣхъ людей на свѣтѣ, онъ, дитя несчастья, былъ самымъ счастливымъ! И, подъ наплывомъ благодарнаго чувства, онъ отвѣтилъ поцѣлуемъ на поцѣлуй своей жены. Спасена! Она спасена! Георгъ чувствовалъ уже твердую почву подъ ногами и протянулъ свою ношу къ берегу; но въ ту самую минуту, какъ чьи-то сильныя руки приняли ее изъ его рукъ, бѣшеная волна снова увлекла его въ пучину и воды озера сомкнулись надъ его головой...

На другое утро рыбаки вытащили тѣло Георга. Жена его и герцогиня были спасены. Мудрецы утверждали, что дитя несчастья окончило такъ, какъ надо было ожидать, а народъ повторялъ ихъ слова.

Въ мавзолеѣ герцоговъ Гризо оставалось только два свободныхъ мѣста и ихъ нужно было сохранить для Венделина Счастливаго и его супруги. Такимъ образомъ дитя несчастья даже не могло покоиться въ гробницѣ своихъ предковъ. Георга похоронили на зеленомъ холмѣ, съ котораго открывался чудный видъ на даль и озеро.

Король Венделинъ Счастливый и его супруга достигли глубокой старости. Окончательно впавъ въ младенчество, Венделинъ избавился, наконецъ, отъ привычки стонать и всхлипывать по ночамъ. Послѣ смерти, его положили рядомъ съ королевой Изабеллой, въ самомъ холодномъ углу каменнаго мавзолея, и никогда, ни одинъ солнечный лучъ, не коснулся его мраморнаго саркофага. Сынъ его, Венделинъ XVII, ежегодно, въ день поминовенія всѣхъ умершихъ, навѣщалъ могилу отца и возлагалъ на гробъ сухой вѣнокъ изъ иммортелей.

Могила Георга была окружена цвѣтами и кустарниками. Любящія руки матери, жены и сына, берегли ее и пеклись о ней, а когда наступала весна, соловьи, малиновки, зяблики и красношейки пѣли безконечныя пѣсни надъ головой покоившагося тамъ несчастливца. Сынъ его, Георгъ, выросъ на гордость своей матери и сдѣлался владѣтельнымъ княземъ въ прекрасной Италіи. Съ тѣхъ поръ прошли вѣка, но и теперь благодарные художники стекаются къ могилѣ великаго зодчаго Георга Перегрина, изъ герцогскаго дома Гризовъ, и возлагаютъ вѣнки на зеленую могилу, на которую такъ привѣтливо свѣтитъ солнце.

Оно, по крайней мѣрѣ, не считаетъ, что тамъ покоится „дитя несчастья“. (с.)

Неаполь. Внутреннiй видъ галереи Гумберта I, открытой 9 ноября (28 октября) 1890 г. и выстроенной архитекторомъ Эрнестомъ ди-Мавро. Съ фот. А. ди-Мавро.

Къ рисункамъ.

Деревенская улица. (Рис. на стр. 1225).

Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ:
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
Кистями красными повиснула рябина;

Тамъ нива колкая щетинится, а тамъ
Ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ,
И курится овинъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ,

И цѣлый день скрипятъ воза, и далеко
Токъ отзывается подъ дружными цѣпами
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаяся порой подъ небесами.

Н. Грековъ.

Психея, открывающая сосудъ со стигійскимъ сномъ.

(Рис. на стр. 1228 и 1229).

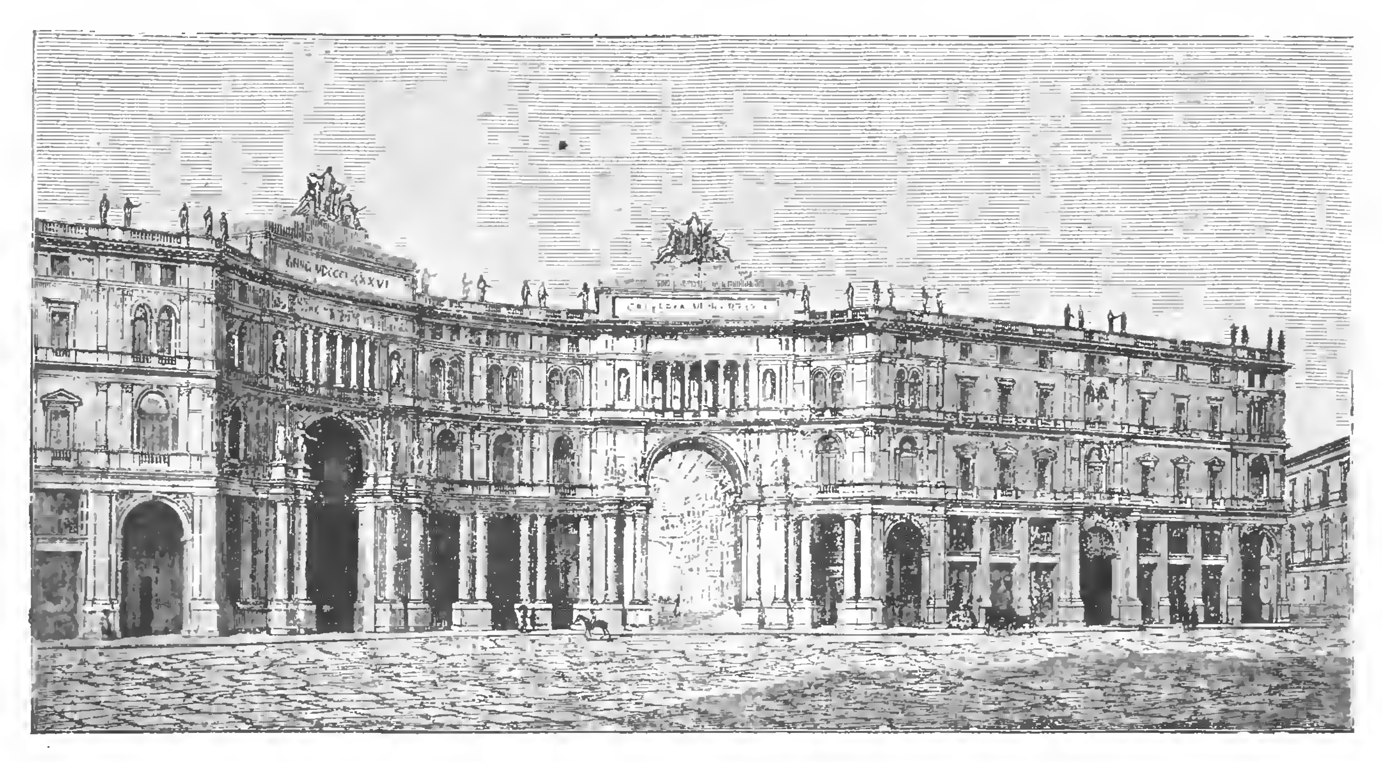
Художники постоянно вдохновляются миѳомъ о Психеѣ, изложеннымъ въ *Метаморфозахъ* Апулея. Обыкновенная смертная, хотя и царская дочь, она затмила своей красотой божественныя красы самой Венеры и за это подверглась гоненію разгнѣванной богини. Разлученная даже со своимъ возлюбленнымъ, сыномъ Венеры, Амуромъ, Психея вынуждена была покориться богинѣ и исполнить для нея нѣсколько покаянныхъ работъ. Въ заключеніе Венера поручила ей спуститься въ адъ и принести отъ Прозерпины сосудъ, въ которомъ будто-бы заключены всѣ божественныя красы и котораго она, Психея, ни подъ какимъ видомъ не должна открывать. Но получивъ сосудъ, Психея соблазнилась мыслью вкусить хоть каплю этой красоты, чтобы стать миловиднѣе въ глазахъ своего возлюбленнаго, и открыла сосудъ. На самомъ дѣлѣ въ немъ заключался стигійскій сонъ, который немедленно и охватилъ Психею. Отъ этого состоянія полусмерти она была избавлена поспѣшившимъ къ ней на помощь Амуромъ, и затѣмъ послѣдовала ихъ свадьба на Олимпѣ.

Д. с. с. Инженеръ Ф. Д. Рыдзевскій, строитель Сурамскаго туннеля на Кавказѣ. Съ фотогр. Энгеля, грав. Шюблеръ.

Колыбель Михаила Ѳеодоровича, въ домѣ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ. Картина К. Степанова.

(Рис. на стр. 1233).

Художнику Степанову пришла въ голову счастливая мысль — воспользоваться однимъ изъ Московскихъ уголковъ русской старины, возобновить въ памяти русскихъ людей дорогіе остатки утвари, нѣкогда принадлежавшей боярамъ Романовымъ, и изъ этого цѣннаго бытоваго матерьяла онъ создалъ цѣлую картину, даже съ нѣкоторымъ притязаніемъ на историческій жанръ. Передъ нами уголокъ старинной боярской опочивальни: по стѣнамъ, на небольшой печкѣ и на притолокѣ двери — поливные изразцы, то съ деревцами, то съ круглымъ, мушчатымъ орнаментомъ, то съ диковинными птицами и звѣрями. На первомъ планѣ: колыбель—настоящая, историческая, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая колыбель Михаила Ѳеодоровича Романова, и въ ней, на мягкомъ, пуховомъ „зголовьицѣ“, прикрытый парчевымъ одѣяльцемъ съ кружевами, покоится младенецъ, которому впослѣдствіи суждено было вступить, по избранію всенародному, на престолъ Московскій. Богатый пологъ изъ узорчатой камки, обшитый широкимъ, русскимъ кружевомъ, перекинутъ черезъ перекладину, надъ колыбелькой. Направо отъ колыбели, около двери и выхода въ сосѣднюю комнату, стоитъ старинный русскій рѣзной столъ съ игрушками, также списанными со старинныхъ образцовъ цар-



Неаполь. Наружный видъ галереи Гумберта I.

скихъ игрушекъ, сохранившихся до настоящаго времени. Слѣва отъ кровати, изъ полутемнаго угла, выглядываетъ край баула и уголокъ кованаго ларца съ *теремкомъ*. Около колыбели художникъ поставилъ двѣ женскія фигуры: *маму* (т. е. *старшую нянюшку* или то, что мы называемъ *„бонной"* въ современномъ нашемъ быту) и кормилицу. Въ общемъ картина производитъ живое и веселое впечатлѣніе.

На берегу Финскаго залива. (Рис. на стр. 1236).

На берегу Финскаго залива, гдѣ-нибудь близъ Сестрорѣцка, подъ кущами стародавнихъ, развѣсистыхъ дубовъ, насажденныхъ тамъ еще во времена Петра Великаго, расположились рыбаки. Нѣсколько досокъ, съ набросанными на нихъ парусами и рогожами, служатъ рыбакамъ незатѣйливымъ пристанищемъ во время отдыха, на ночь или въ непогоду, когда они не могутъ выйти на свой промыселъ въ утлыхъ ладьяхъ, тутъ же стоящихъ у берега.

Сваха. (Рис. на стр. 1237).

Трудную минуту переживаетъ молодая дѣвушка, изображенная на картинѣ Вильдштоссера. Бѣдная, скромная и трудолюбивая, она обратила на себя вниманіе хорошаго человѣка, и вотъ онъ засылаетъ сваху уговорить приглянувшуюся ему красавицу стать его женою. Съ большимъ вниманіемъ выслушиваетъ она, какъ заманчиво описываетъ ей словоохотливая посланница будущее семейное счастіе, и видимо глубоко обдумываетъ предстоящую перемѣну въ своей судьбѣ.

Пребываніе Наслѣдника Цесаревича въ Каирѣ.

(Рис. на стр. 1241).

Въ „Политическомъ Обозрѣніи" нашего журнала уже были сообщены подробности пребыванія Наслѣдника Русскаго Престола въ Греціи и въ Египтѣ. Самый радушный и сердечный пріемъ встрѣчалъ повсюду Его Высочество, гдѣ ни появлялся Августѣйшій гость. Помимо мѣстнаго населенія, горячее участіе въ торжествахъ, устроенныхъ въ честь Наслѣдника Цесаревича, принимали также французскіе подданные. Такъ въ Аѳинахъ у французскаго посланника графа Монтолона былъ устроенъ блестящій балъ, а въ Каирѣ члены французской колоніи соорудили для встрѣчи Его Высочества тріумфальную арку, изображеніе которой нами помѣщается на стр. 1241. Видомъ воздвигнутая арка напоминаетъ арку звѣзды въ Парижѣ и на ней красуется надпись: „Les français aux Tzarevitch", посреди украшеній изъ русскихъ и французскихъ флаговъ. Не менѣе великолѣпна была и арка греческой колоніи, горячо привѣтствовавшей дорогаго всѣмъ русскимъ Путешественника. При въѣздѣ въ Каиръ присутствовало до ста тысячъ зрителей. По сообщенію полученныхъ въ Парижѣ изъ Каира телеграммъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ изъявилъ мѣстному посланнику графу д'Обиньи благодарность за сочувственный пріемъ, оказанный Его Высочеству французскою колоніей.

Галерея Гумберта I въ Неаполѣ. (Рис. на стр. 1244 и 1245).

Въ Италіи недавно закончено новое торжество строительнаго и инженернаго искусства. Въ Неаполѣ воздвигнута достойная соперница миланской галереѣ Виктора-Эммануила—галерея Гумберта I, торжественно открытая 9 ноября (28 октября) 1890 года и выстроенная архитекторомъ Эрнестомъ ди-Мавро.

Галерея дѣлится на двѣ части: наземную и подземную. Обѣ онѣ, одна надъ другой, имѣютъ форму креста. Въ каждой изъ нихъ отъ осьмиугольнаго центра тянутся четыре корпуса, занятые лавками и магазинами. Надъ магазинами верхней галереи надстроены еще три этажа комнатъ. Въ каждомъ корпусѣ устроены подъемныя машины.

Фасады галереи украшены лѣпною работой, мраморомъ, позолотой, арками и колоннами. Всюду встрѣчаются превосходныя картины. Въ подземной галереѣ, на мѣстѣ пересѣченія корпусовъ, находится обширная зала, соотвѣтствующая верхнему осьмиугольнику. Она названа *залой Маргариты* и предназначена для концертовъ, представленій и произнесенія выборныхъ рѣчей.

Надъ центромъ, какъ и въ миланской галереѣ, возвышается великолѣпный куполъ. Магазины роскошны; уже открыто нѣсколько богатыхъ кафе. Высота зданія отъ мостовой до крыши 34 метра, а до купола—56 метровъ.

Въ галереѣ открыта промышленная выставка, которая продлится три мѣсяца.

Ф. Д. Рыдзевскій. (Портр. на стр. 1245).

16 сентября состоялось открытіе Сурамскаго тоннеля, пробитаго черезъ Малый Кавказскій хребетъ для избѣжанія крутыхъ подъемовъ и спусковъ на Закавказской желѣзной дорогѣ. Въ свое время мы помѣщали въ нашемъ журналѣ виды этого грандіознаго сооруженія, работы надъ которымъ продолжались безостановочно съ 1886 г. и которое является, по своему протяженію (3 версты 374 сажени) и условіямъ мѣстности и грунта, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ Европѣ. Нынѣ мы представляемъ нашимъ читателямъ портретъ и краткое жизнеописаніе строителя тоннеля, инженера дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фердинанда Донатовича Рыдзевскаго.

Уроженецъ города Фридрихсгама, въ Финляндіи, Рыдзевскій получилъ первоначальное образованіе въ Финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго вышелъ въ 1850 году въ л.-гв. Волынскій полкъ. Въ томъ же году Рыдзевскій былъ прикомандированъ, для дальнѣйшаго образованія, къ Михайловской Артиллерійской Академіи, по окончаніи курса въ которой опять вступилъ въ ряды того же полка. Но военная служба не удовлетворяла Рыдзевскаго, и въ 1858 г. онъ достигъ назначенія ротнымъ офицеромъ Института корпуса инженеровъ Путей Сообщенія, съ тѣмъ, чтобы при исполненіи этой должности онъ имѣлъ возможность слушать лекціи въ спеціальныхъ классахъ института. Правомъ этимъ Рыдзевскій широко воспользовался, и черезъ три года былъ причисленъ къ корпусу инженеровъ Путей Сообщенія. Съ этого времени начинается дѣятельность Рыдзевскаго на инженерномъ поприщѣ, ознаменованная многими выдающимися работами. Назначенный сперва въ распоряженіе правленія IV (нынѣ Московскаго) округа Путей Сообщенія, Рыдзевскій принималъ затѣмъ дѣятельное участіе при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ: Козлово-Воронежской, Елецко-Грязской и Лозово-Севастопольской, на которой имъ сооружены первые въ Россіи тоннели. На всѣхъ этихъ работахъ Рыдзевскій выказалъ себя не только выдающимся инженеромъ, но и хорошимъ распорядителемъ и хозяиномъ, благодаря чему онъ былъ назначенъ, по окончаніи въ 1874 году работъ на Лозово-Севастопольской дорогѣ, правительственнымъ инспекторомъ Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ теченіе 11 лѣтъ онъ пребывалъ на этомъ мѣстѣ въ привислинскихъ губерніяхъ, гдѣ подъ его руководствомъ создалась густая сѣть рельсовыхъ путей. Въ 1885 г. Рыдзевскій былъ призванъ въ Петербургъ на постъ вице-предсѣдателя Временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, но уже черезъ годъ представилась необходимость поручить ему отвѣтственную и трудную должность начальника работъ по сооруженію обходной Сурамской линіи Закавказской желѣзной дороги. Съ обычною энергіею и умѣньемъ взялся Рыдзевскій за эту работу и блестяще довелъ ее до конца. Работы производились безостановочно, круглый годъ, днемъ и ночью, съ чрезвычайною быстротою и вмѣстѣ съ тѣмъ съ крайнею осторожностью, благодаря которой это грандіозное сооруженіе обошлось безъ несчастныхъ случаевъ. Несмотря на совершенно непредвидѣнныя препятствія со стороны грунта, пучинъ и обилія подпочвенныхъ водъ, уже 13 октября 1888 года былъ произведенъ бывшимъ министромъ Путей Сообщенія, К. Н. Посьетомъ, послѣдній взрывъ въ нижней галереѣ тоннеля. Послѣ этого потребовались еще два года на расширеніе тоннеля до необходимыхъ размѣровъ, на сплошную обдѣлку его камнемъ и устройство подъѣздовъ съ значительными искусственными сооруженіями, и 16 сентября сего года, въ присутствіи министра Путей Сообщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Гюббенета, состоялось открытіе движенія по тоннелю, причемъ министръ передалъ инженеру Рыдзевскому Высочайше пожалованный ему въ этотъ день знакъ ордена Св. Станислава первой степени.

Во время постройки тоннеля на Рыдзевскаго былъ возложенъ пріемъ въ казну Закавказской желѣзной дороги, нынѣ же онъ занятъ изысканіями по проложенію желѣзной дороги чрезъ Главный Кавказскій хребетъ для соединенія Ростово-Владикавказской желѣзной дороги съ Закавказскою.

Шпринцовка для лимфы Dr. Коха. (Рис. на стр. 1249).

Каждому небезъинтересно будетъ взглянуть на инструментъ надѣлавшій шуму во всемъ образованномъ мірѣ—инструментъ служащій Dr. Коху для подкожнаго впрыскиванія его антитуберкулезной лимфы. Передняя часть шприцовки состоитъ изъ стеклянной трубки, къ которой привинчивается тонкая, внутри полая игла. Тщательно вымѣренный, до кубическаго миллиметра, объемъ трубки, измѣряется дѣленіями шкалы. Подъ трубкой прикрѣпляется на винтѣ резиновый балонъ; достаточно слегка пожать его и жидкая лимфа впрыскивается въ человѣческое тѣло, большею частію въ легкій разрѣзъ кожи между лопатками или подъ ребрами.

Два нижніе рисунка изображаютъ смертоносныхъ бациллъ въ двухъ стадіяхъ: до впрыскиванія и спустя нѣсколько часовъ послѣ него. Первыя представляются тонкими прямыми черточками; вторыя же, вскорѣ послѣ впрыскиванія, слегка скручиваются съ обоихъ концовъ, середина нѣсколько вздувается и кривится, и бацилла умираетъ.

Политическое обозрѣніе.

Съ восшествіемъ на германскій престолъ молодаго императора Вильгельма, и особливо со времени удаленія отъ дѣлъ князя Бисмарка, въ Пруссіи, а съ нею и въ Германіи, появились новыя вѣянія и теченія въ государственномъ строѣ и

страну ожидаетъ цѣлый рядъ новшествъ и преобразованій, берущихъ начало отъ самаго императора. Между прочимъ, на этихъ дняхъ имъ были высказаны взгляды на школьное дѣло, вызвавшіе не мало толковъ не только въ Германіи, но и за предѣлами ея, въ особенности у насъ, гдѣ школьное образованіе сложилось не безъ вліянія германскихъ образцовъ.

3 декабря открылись въ Берлинѣ занятія коммисіи, собранной для обсужденія вопроса о среднемъ образованіи, въ присутствіи императора, который, когда было приступлено къ совѣщаніямъ, обратился къ собранію съ рѣчью, такъ какъ ему казалось важнымъ, чтобы присутствующіе впередъ знали взгляды императора на обсуждаемые вопросы. Выставивъ нѣсколько вопросовъ подлежащихъ обсужденію коммисіи, а именно относящихся къ устраненію главнаго балласта на экзаменахъ и къ устраненію въ будущемъ чрезмѣрнаго отягощенія учениковъ, императоръ указалъ, что съ 1871 г., послѣ объединенія имперіи, гимназіи совсѣмъ перестали обращать вниманіе на то, чтобы уяснить юношеству, что новый государственный строй созданъ для дальнѣйшаго существованія и долженъ быть оберегаемъ отъ всякихъ подкоповъ. Учителя должны были съ самаго начала вступить въ борьбу съ соціально-демократическими идеями. Но филологи, счастливые тѣмъ, что они крѣпко засѣли въ гимназіяхъ (beati possidentes), обращали исключительное вниманіе на знанія и выучку, а не на образованіе характера и не на требованія современной жизни. Такъ долѣе не можетъ продолжаться. Нужно, наконецъ, отказаться отъ точки зрѣнія, сводящей все къ гимнастикѣ ума. Гимназіи лишены національной основы. Онѣ должны воспитывать въ духѣ національномъ и взращивать юныхъ германцевъ. Сочиненіе на нѣмецкомъ, а не на латинскомъ языкѣ должно сдѣлать сосредоточіемъ, вокругъ чего все должно вращаться. Представленіе на выпускномъ экзаменѣ безупречнаго сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ должно служить мѣриломъ умственнаго развитія юноши, по немъ можно опредѣлить, годенъ-ли онъ на что-нибудь, или негоденъ. Также мы должны основательно усвоить себѣ географію и отечественную исторію. Являющіеся въ изобиліи преобразователи и благодѣтели мира порождаются тѣмъ, что молодымъ людямъ неизвѣстно, какъ развивались событія. Отчего это постоянно надѣваются надъ нашимъ правительствомъ и ставятъ ему въ примѣръ чужеземные порядки? Потому, что молодежь вовсе не знаетъ, какъ создались наши порядки и что происхожденіе ихъ относится къ періоду французской революціи. Поэтому необходимо излагать возможно просто, ясно и объективно, какъ перешли событія этой революціи въ XIX вѣкъ.

Продолжительность занятій должна быть сокращена. Императоръ ссылается на свой собственный опытъ въ бытность гимназистомъ въ Касселѣ. „Если бы я, говорилъ вѣнценосный ораторъ, не имѣлъ возможности по своему положенію ѣздить верхомъ, да вообще нѣсколько пользоваться свободою, я бы, вѣроятно, не зналъ, каковъ на самомъ дѣлѣ Божій міръ. Такихъ усилій нельзя долго требовать отъ молодежи. Нельзя долѣе натягивать тетиву этого лука, мы уже и такъ дошли здѣсь до крайнихъ предѣловъ. Школы обнаружили необычайную дѣятельность и дали намъ чрезвычайный избытокъ образованныхъ людей. Указаніе князя Бисмарка на существованіе пролетаріата среди окончившихъ курсъ — справедливо. Журналисты въ особенности являются представителями неудачниковъ изъ гимназистовъ. Тутъ намъ грозитъ опасность. Императоръ поэтому не будетъ болѣе разрѣшать открытіе такихъ новыхъ гимназій, которыхъ безусловная необходимость и право на существованіе не будетъ доказана. Рядомъ съ классическими гимназіями должны существовать школы съ реальнымъ образованіемъ, но отнюдь не „реальныя гимназіи“. Реальныя гимназіи — полумѣра, такимъ образомъ получается только полуобразованіе, а все это вноситъ впослѣдствіи несостоятельность и въ самую жизнь. Наконецъ императоръ указалъ, что сокращеніе учебнаго матеріала, въ которомъ значительно преобладаетъ умственный трудъ надъ физическимъ,— возможно только подъ условіемъ упрощенія экзаменовъ, а также должно быть обращено вниманіе на личный составъ учителей, къ которымъ непримѣнимъ нынѣ афоризмъ тайнаго совѣтника Гинцпетера, воспитателя Германскаго императора: „Кто хочетъ воспитывать, тотъ долженъ быть самъ воспитаннымъ“.

Изъ Гаги сообщаютъ, что похороны короля были очень торжественны. Многотысячная толпа почтительно свидѣтельствовала о своемъ соболѣзнованіи. Звонъ колоколовъ сливался съ громомъ пушечныхъ салютовъ; зажженные фонари были обвиты крепомъ. Въ одиннадцать часовъ печальная колесница тронулась изъ дворца: гробъ былъ весь покрытъ вѣнками. За колесницею слѣдовали дроги съ массою вѣнковъ, наложенныхъ до высоты трехъ метровъ. По сторонамъ шли 24 камергера, въ сопровожденіи 24 унтеръ-офицеровъ. Во главѣ траурной процессіи шли принцъ Вальдекъ-Пирмонтскій и великій герцогъ Саксенъ-Люксембургскій: за ними слѣдовали Великій Князь Алексѣй Александровичъ, эрцгерцогъ Австрійскій, принцы Альбертъ Прусскій, Саксенъ-Веймарскій и Савойскій, графъ Фландрскій, принцы Виртембергскій и Датскій, наслѣдный принцъ Саксонскій, герцогъ Мекленбургскій. принцы Видъ, Шаумбургъ-Липпе и Бентгеймскій, послы Франціи и другихъ странъ. Два герольда, въ роскошномъ одѣяніи, несли гербы; королевскія регаліи были несены сановниками двора. Въ половинѣ перваго похоронное шествіе прибыло къ чертѣ Гаги, гдѣ съ прахомъ простилась коллегія шеффовъ.

Въ Римѣ 28 ноября король Гумбертъ открылъ 17-ю законодательную сессію, причемъ заявилъ въ своей рѣчи, что съ радостью и довѣріемъ привѣтствуетъ палату. „Италія — сказалъ король — пріобрѣтая въ Европѣ постоянно возрастающіе авторитетъ и уваженіе, а также вѣрные союзы, искренно желаетъ все болѣе улучшать свои отношенія ко всѣмъ державамъ. Италія съ удовольствіемъ видитъ, что всякая опасность международныхъ осложненій разсѣялась; ей остается только разграничить сферы своихъ территорій и своего вліянія въ Африкѣ въ согласіи съ дружественнымъ правительствомъ. Главною вашею задачей будетъ обезпечить благосостояніе рабочихъ. Прежде всего надо упрочить финансы; въ сокращеніи расходовъ и преобразованіи налоговъ парламентъ найдетъ средства къ установленію равновѣсія“. Далѣе король говоритъ, что онъ попрежнему гарантируетъ права религіи своихъ предковъ, но не позволитъ, чтобы во имя этой религіи оскорбляли его верховную власть ради политическихъ цѣлей. Рѣчь короля была нѣсколько разъ прерываема громкими рукоплесканіями. Членамъ королевской фамиліи сдѣланы были горячія оваціи.

Въ Парижѣ устроители французской выставки въ Москвѣ дали 24 ноября банкетъ въ честь министра торговли Роша, причемъ министръ поздравилъ частную иниціативу съ выгоднымъ для Франціи предпріятіемъ. Спюллеръ сказалъ, что устроители выставки поступили прекрасно, избравъ русскій народъ и городъ Москву для того, чтобы представить доказательства французскаго генія послѣ выставки 1889 года. Далѣе Спюллеръ констатировалъ, что между націями существуютъ великія теченія симпатіи, которыя господствуютъ надъ людьми и надъ событіями, потому что они кроются въ сердцахъ націй. Въ виду этого онъ поздравляетъ будущихъ экспонентовъ по поводу того, что они стремятся завладѣть русскою душою. „Успѣхъ за вами обезпеченъ — присовокупилъ ораторъ — такъ какъ русскій народъ ждетъ насъ“. Въ заключеніе Спюллеръ поднялъ бокалъ въ знакъ глубокаго уваженія къ Россіи, что было встрѣчено продолжительными рукоплесканіями.

Библіографія.

Съ Сѣвера на Югъ. Путевыя воспоминанія стараго журавля. Н. Н. Каразина. Иллюстрировано авторомъ. 6 хромолитографій, 5 фототипій и 99 рисунковъ въ текстѣ. Изданіе Девріена. СПБ. 1890.

Давно уже въ русской литературѣ не появлялось такой интересной, безтенденціозной, чисто художественной, исполненной юмора и поэзіи, способной разогнать всякую хандру— книги, дѣйствующей на читателя разомъ и текстомъ, и превосходными рисунками, которые разсѣяны въ ней во множествѣ.

Кому не случалось видать высоко въ небѣ пролетающихъ треугольникомъ журавлей? Но едва-ли многимъ приходило въ голову, какъ далеко лежитъ ихъ путь. А путь этотъ обнимаетъ не больше не меньше какъ четверть земной окружности, начинаясь гдѣ-нибудь съ болотъ Новгородской губерніи и пролегая чрезъ всю Велико- Мало- и Новороссію, черезъ Архипелагъ и Малую Азію, чрезъ Египетъ, Нубію и Абиссинію, къ истокамъ Бѣлаго Нила и великимъ экваторіальнымъ озерамъ Средней Африки... Жизнь журавля съ момента появленія на свѣтъ изъ яйца въ Осташковскихъ болотахъ, его воспитаніе, охотничьи экспедиціи, первое путешествіе въ Африку, со всѣми его ужасными приключеніями, встрѣча съ подругою жизни, затѣмъ возвращеніе на родину и обзаведеніе собственнымъ гнѣздомъ—вотъ что разсказываетъ эта книга, въ живыхъ сценахъ, исполненныхъ неподдѣльнаго комизма.

Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи Преобразованій. Историческое изслѣдованіе Дм. Цвѣтаева. М. 1890.

Это обширное сочиненіе, около 800 страницъ большаго формата, излагаетъ одинъ изъ существенныхъ вопросовъ Русской исторіи за Московскій періодъ. До сихъ поръ ученые изслѣдователи внимательно изучали византійскіе элементы, вошедшіе къ намъ; вопросъ же „нѣмецкій“, который имѣетъ теперь наибольшій жизненный интересъ, вопросъ объ отношеніи московскихъ людей къ западнымъ людямъ и западно-европейской культурѣ и жизни оставался почти незатрогиваемымъ. Изложенію и выясненію послѣдняго предмета, вмѣстѣ съ изображеніемъ быта и положенія у насъ иностранцевъ, и посвящено изслѣдованіе профессора Д. В. Цвѣтаева. Основано оно на архивномъ матеріалѣ и другихъ первоисточникахъ съ привлеченіемъ и критическою провѣркою того, что было писано по тому или иному частному вопросу изъ данной области. За названное изслѣдованіе авторъ удостоенъ ученой степени доктора Русской исторіи. Хотя оно, такимъ образомъ, представляетъ ученую диссертацію, но изложено съ такою ясностію, которая дѣлаетъ его интереснымъ и доступнымъ вообще для образованнаго общества.

Смѣсь.

Въ лабораторіи Коха (Dr. Людвига Штейгера). Въ настоящее время интересъ всего образованнаго міра, и врачей, и людей не имѣющихъ отношенія къ медицинѣ, сосредоточенъ на одномъ ученомъ, который, благодаря дѣлающему эпоху открытію, можетъ стать исцѣлителемъ всего человѣчества. Профессору Коху удалось найти средство противъ бациллъ чахотки и слѣдовательно противъ одного изъ величайшихъ бичей человѣческаго рода.

Годъ тому назадъ, въ бытность мою въ Берлинѣ, я познакомился со своимъ землякомъ, приватъ-доцентомъ докторомъ Лёте (теперь онъ —·профессоръ въ Клаузенбургѣ), который тогда занимался въ Берлинскомъ бактеріологическомъ институтѣ, получая стипендію. Конечно я тотчасъ же сталъ разспрашивать любезнаго земляка о профессорѣ Кохѣ, объ его лабораторіи, гдѣ занимаются изслѣдованіями надъ бациллами.

— Хотите посмотрѣть насъ за работой? спросилъ меня мой землякъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ я. — Во время недавней холеры я такъ много слышалъ о профессорѣ Кохѣ и о бациллахъ, что съ большой охотой взглянулъ бы какъ на его лабораторію, такъ и на этотъ бичъ человѣчества — микроскопическихъ бестій.

— Прежде долженъ вамъ замѣтить, что вы будете имѣть дѣло не съ „бестіями“, а съ растеніями, которыя могутъ двигаться. Вѣдь бациллы принадлежатъ къ царству растеній. Уже прежде люди знали растенія которыя двигаются. Я попрошу васъ только вспомнить родъ мухоловокъ...

— Извините мое прегрѣшеніе. Въ этихъ вещахъ я профанъ и не могу иначе думать объ этихъ пресѣкателяхъ жизни, какъ представляя ихъ себѣ микроскопическими чудовищами, прожорливыми какъ акулы и ужасающими своей плодливостью.

— Послѣднее совершенно вѣрно. Бациллы удивительно размножаются при благопріятныхъ условіяхъ. Мы разводимъ въ бактеріологическомъ институтѣ бациллъ всѣхъ родовъ, и вы убѣдитесь сами, какъ процвѣтаетъ наша культура.

Я почувствовалъ легкій страхъ при мысли, что увижу возлѣ себя старательно сберегаемые зародыши ужасныхъ болѣзней. Я поспѣшилъ замять свой страхъ профана и спросилъ, когда мнѣ прійти въ институтъ.

Сегодня послѣ полудня я въ вашемъ распоряженіи.

— Гдѣ можно видѣть васъ?

— Монастырская улица, № 36, Гигіеническій институтъ, бактеріологическая лабораторія.

Я простился и обѣщалъ непремѣнно быть.

Послѣ обѣда я пріѣхалъ по городской желѣзной дорогѣ на площадь Александра, откуда прошелъ нѣсколько прямолинейныхъ улицъ и вскорѣ стоялъ въ Монастырской улицѣ предъ длиннымъ простымъ домомъ изъ краснаго кирпича, надъ которымъ была надпись: „Гигіеническій институтъ“. Подымаясь по лѣстницѣ, которая вела въ Бактеріологическій институтъ и лабораторію Коха, я мысленно собиралъ всѣ мои свѣдѣнія относительно профессора Коха и бациллъ. Въ дѣйствительности я могъ сказать очень мало объ нихъ. Наконецъ я дошелъ до лабораторіи, спросилъ о докторѣ Лёте и очутился въ большомъ залѣ съ высокими окнами, между которыми помѣщались рабочіе столы для двоихъ. На каждомъ столѣ стояли микроскопы, склянки съ разноцвѣтными жидкостями, большіе стеклянные ящики съ живыми бѣлыми мышами, которымъ прививаются разныя бациллы. На длинномъ столѣ, посреди залы находились сосуды для кипяченія, банки, склянки, реторты въ пестромъ смѣшеніи; по стѣнамъ виднѣлись темныя впадины, въ которыхъ надъ газовымъ пламенемъ устроены очаги для кипяченія. Въ большихъ желѣзныхъ вмѣстилищахъ безпрерывно кипѣла вода, въ которой бациллы будучи сварены дѣлаются безвредными. Промывальная машина, газовыя трубки, расходящіяся надъ столами, водо- и газо-вмѣстилища дополняли меблировку залы, пестрота которой вначалѣ смутила меня. Я увидѣлъ нѣсколькихъ врачей за дѣломъ: одни занимались наблюденіями подъ микроскопомъ, другіе снимали склянки и реторты съ кипятильныхъ очаговъ, третьи производили опыты надъ животными, служащими для этой цѣли. Два врача, которыхъ по лицу я принялъ за японцевъ, тщательно старались отдѣлить бациллъ изъ сѣрой массы, находившейся въ продолговатой склянкѣ на ихъ рабочемъ столѣ. Какъ я позже узналъ отъ доктора Лёте, врачи стекаются со всего свѣта для бактеріологическихъ занятій въ знаменитомъ институтѣ. Наряду съ нашими соотечественниками здѣсь находились: англичане, французы, американцы и тѣ самые японцы, которые старательно занимались изслѣдованіемъ природы и вида бациллъ.

Во второмъ залѣ, устроенномъ на подобіе перваго, я засталъ доктора Лёте за работой. Онъ сидѣлъ за столомъ у окна и также производилъ изслѣдованія при помощи микроскопа, когда я приблизился къ нему и хотѣлъ протянуть руку.

— Пожмите мнѣ руку у локтя, воскликнулъ онъ, — потому что ладонь полна бациллъ.

Послѣ веселаго привѣтствія онъ пригласилъ меня сѣсть рядомъ и тотчасъ началъ объяснять находящійся подъ микроскопомъ препаратъ.

— Я преимущественно занимаюсь здѣсь, сказалъ онъ, — разведеніемъ и изслѣдованіемъ бациллъ туберкулёза. Это — новѣйшее открытіе, которое на недавнемъ медицинскомъ конгрессѣ въ Парижѣ дало поводъ къ живымъ и полезнымъ для науки преніямъ. Профессоръ Кохъ сильно интересуется моими опытами и очень часто приходитъ ко мнѣ изъ своей лабораторіи узнать о ходѣ и положеніи моихъ работъ... Взгляните, продолжалъ онъ, — здѣсь подъ микроскопомъ у меня скопленіе туберкулёзныхъ бациллъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ осмотрите ихъ, я вамъ дамъ нѣкоторыя объясненія какъ вообще разводятся бациллы.

Докторъ Лёте подвелъ меня къ маленькому шкапу, гдѣ стояло много продолговатыхъ банокъ съ разнообразнымъ содержаніемъ. Онъ вынулъ одну изъ нихъ, и я увидѣлъ въ ней нѣчто въ родѣ желтаго студня, на поверхности котораго точно плѣсень виднѣлась сѣрая масса.

— Эта сѣрая, лишаевидная масса, сказалъ мой землякъ, — состоитъ изъ холерныхъ бациллъ.

Я отодвинулся на шагъ, что̀ разсмѣшило моего спутника.

— Существуетъ устарѣлое мнѣніе, сказалъ онъ, — что эти бациллы находятся въ воздухѣ. Только непосредственное соприкосновеніе, и то если онѣ войдутъ въ кровь, можетъ вызвать заболѣваніе... Здѣсь, чистыя холерныя бациллы. Ихъ разведеніе не такъ легко, какъ вы можетъ быть думаете, такъ какъ съ ними перемѣшаны и другія безчисленныя бациллы, и ихъ-то прежде всего надо отдѣлить. Бациллъ разводятъ такъ: изъ бульона приготовляется студень и кладется въ склянку, которая ставится на кипятильный очагъ, гдѣ остается нѣсколько времени въ кипяткѣ, для того чтобы тѣ бациллы, которыхъ не желаютъ разводить, погибли при высокой температурѣ. Затѣмъ въ этотъ студень опускаютъ помощью игольнаго острія частицу больнаго организма, въ которой находятся тѣ бациллы, коихъ хотятъ развести. Бациллъ опущенныхъ на игольномъ остріѣ достаточно, чтобы уже чрезъ нѣсколько дней студень вполнѣ подернулся сѣрой плёнкой, — такъ быстро размножаются онѣ. Такимъ-то способомъ разные роды бациллъ разводятся въ особыхъ склянкахъ. Прежде туберкулёзныхъ я покажу вамъ холерныхъ бациллъ.

Мой землякъ взялъ съ собою склянку къ рабочему столу, вынулъ тонкую иглу изъ платиновой проволоки, раскалилъ кончикъ ея на газовомъ пламени для уничтоженія, какъ онъ объяснилъ, постороннихъ бациллъ, и взялъ ею изъ сѣрой массы частицу не болѣе

булавочнаго острія. Онъ положилъ ее на стеклышко, пустилъ каплю анилина, чтобы бациллы были виднѣе, и подставилъ стекло подъ микроскопъ. Я взглянулъ и увидѣлъ цѣлый міръ маленькихъ существъ въ видѣ палочекъ, которыя были прозрачны и безпрестанно двигались. Тамъ и сямъ виднѣлись красныя пятна, которыя были не что иное, какъ цѣлыя группы бациллъ.

— Міръ на острiѣ иголки! удивленно воскликнулъ я.

— Теперь вы не будете болѣе удивляться опустошеніямъ, производимымъ эпидеміями.

Пока я смотрѣлъ холерныхъ бациллъ, докторъ Лёте приготовилъ другой препаратъ, который положилъ подъ микроскопъ.

— Это бациллы сибирской язвы, сказалъ онъ.

Я взглянулъ и увидѣлъ бациллъ, другой формы и большихъ, чѣмъ прежнія. Онѣ были цилиндрической формы и въ такомъ же громадномъ количествѣ. Затѣмъ докторъ Лёте показалъ мнѣ бациллъ тифа, которыя распространялись лучеобразно, и наконецъ— важнѣйшихъ! — бациллъ туберкулёза, плоскихъ клѣткообразныхъ существъ, которыя были отлично видны благодаря каплѣ анилина.

Вдоволь наглядѣвшись на различнаго рода бациллъ, я не могъ удержаться, чтобы не высказать своего мнѣнія, что въ медицинѣ долженъ произойти настоящій переворотъ благодаря открытіе этихъ зародышей болѣзней.

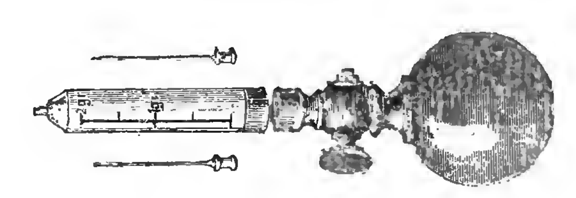
— Конечно, отвѣтилъ докторъ Лёте.—Безчисленные опыты прививокъ разныхъ бациллъ животнымъ доказали безъ сомнѣнія то, что эпидемическія болѣзни происходятъ отъ соотвѣтственныхъ бациллъ и могутъ искусственно вызываться прививками.

— А если удастся убивать бациллъ въ тѣлѣ больныхъ животныхъ—прекратятся ли тогда эпидеміи?

— Вы спрашиваете о томъ, на что сегодня еще не могутъ отвѣтить ни профессоръ Кохъ, ни его ученики. Можетъ быть будущій годъ дастъ отвѣтъ...

Приведя въ порядокъ сосуды и приборы, онъ вымылъ руки и повелъ меня по небольшимъ заламъ, гдѣ были также устроены лабораторіи на подобіе описанной. Затѣмъ мы вошли въ лабораторію профессора Коха, который почти весь день работалъ не отрываясь; это былъ человѣкъ средняго роста, съ настоящимъ лицомъ нѣмецкаго профессора, съ круглой бородой, высокимъ лбомъ и въ неизбѣжныхъ золотыхъ очкахъ. Здѣсь я осмотрѣлъ богатую библіотеку гигіеническихъ сочиненій на всѣхъ языкахъ, и затѣмъ докторъ Лёте провелъ меня въ отгороженное помѣщеніе на дворѣ, гдѣ держались животныя для опытовъ. Когда мы входили въ этотъ настоящій звѣринецъ, насъ встрѣтилъ громкій лай собакъ. Это привѣтствовали насъ собаки, которымъ былъ привитъ ядъ бѣшенства. Въ разнообразныхъ клѣткахъ было много кроликовъ, мышей, морскихъ свинокъ, кошекъ, собакъ и др.—истинныхъ жертвъ науки. Имъ были привиты различныя болѣзни и на нихъ наблюдались различныя стадіи ихъ. Надъ каждой клѣткой стояло названіе болѣзни, бациллы которой привиты животному. Каждый врачъ, работающій въ лабораторіи, самъ покупаетъ себѣ животныхъ и платитъ за кормъ ихъ. Я вздохнулъ съ облегченіемъ, когда мой спутникъ затворилъ дверь этого жалкаго звѣринца и мы вышли на улицу. (к.)

По поводу открытія Коха, прусскій министръ народнаго просвѣщенія, г. Гослеръ 29 ноября произнесъ цѣлую рѣчь, сущность которой такова: Кохъ первоначально имѣлъ намѣреніе вполнѣ откровенно сообщить всему міру способъ приготовленія своего средства. По настоянію министра, онъ однако отказался отъ этого намѣренія, особенно послѣ того какъ въ бесѣдахъ съ Гослеромъ выяснилось, что хотя онъ можетъ назвать вещество, изъ котораго приготовляется средство, но не въ состояніи такъ подробно описать способъ приготовленія средства, чтобы обезпечить надлежащее его приготовленіе. Этотъ способъ возможно изучить только навыкшему работнику при помощи собственныхъ опытовъ и личнаго наблюденія надъ способомъ приготовленія, на что по меньшей мѣрѣ надо полгода. Самъ Кохъ испытываетъ дѣйствіе каждаго добываемаго количества лимфы, прежде чѣмъ отдать ее на медицинское употребленіе. На приготовленіе вполнѣ годной лимфы необходимо 5 — 6 недѣль. Въ виду этихъ обстоятельствъ Гослеръ настаивалъ, чтобы изобрѣтатель предварительно не открывалъ своего секрета. Самъ Кохъ продолжаетъ свои изслѣдованія въ области различныхъ инфекціонныхъ болѣзней и надѣется черезъ 2 или 3 года сдѣлать наконецъ общеизвѣстными результаты всѣхъ своихъ изслѣдованій. Министръ, проникнутый убѣжденіемъ въ пользѣ предварительнаго сохраненія въ тайнѣ способа приготовленія въ интересѣ дѣла, объявилъ, что беретъ на себя отвѣтственность въ этомъ передъ міромъ. И такъ приготовленіе средства останется на будущее время въ рукахъ Коха и его учениковъ, а продажу средства прусское правительство объявитъ государственною монополіей. Правительство имѣетъ главнымъ образомъ въ виду, чтобы средство приготовляли не частнымъ образомъ, давая свободу спекуляціямъ, а въ государственныхъ лабораторіяхъ подъ охраной закона. Это дѣлается не изъ корыстолюбивыхъ расчетовъ, а съ цѣлью государственной гарантіи надлежащаго приготовленія. Послѣ того какъ этотъ вопросъ пройдетъ для Пруссіи, а слѣдовательно и для Германіи, надо стараться убѣдить и другія культурныя государства сдѣлать повсюду, въ интересахъ безопасности страждущаго человѣчества, государственною монополіей продажу и приготовленіе этого средства. Такъ какъ Кохъ въ качествѣ изобрѣтателя является собственникомъ средства, которое должно подлежать монополіи государствъ, то въ переговорахъ между нимъ и правительствомъ необходимо было установить форму денежнаго вознагражденія, которое слѣдуетъ Коху со стороны пра-


Шприцовка для лимфы Dr. Коха.

Бациллы до впрыскиванія.

Бациллы послѣ впрыскиванія.

вительства. получающаго средство въ распоряженіе государства. Что дѣло при такой государственной монополіи вовсе не идетъ о денежныхъ барышахъ со средства, видно изъ того, что уже теперь сильнѣйшая доза при впрыскиваніи стоитъ только 5 пфенниговъ, а самая слабая — полпфеннига. За введеніемъ государственной монополіи, если сбудутся настоящія клиническія ожиданія, вѣроятно послѣдуетъ позже обязательная для всѣхъ предохранительная прививка, какъ при оспѣ, причемъ лѣченіе несостоятельныхъ больныхъ будетъ безплатно отъ государства. (к.)

Образъ жизни Коха. Докторъ Кохъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ, встаетъ въ 9 часовъ. Онъ тотчасъ одѣвается, но вмѣсто сюртука надѣваетъ платье безъ рукавовъ, напоминающее женскій шлафрокъ, которое снимаетъ, выходя къ завтраку. Вмѣсто утренняго кофе докторъ Кохъ ѣстъ густое пюре, въ которое крошитъ поджаренный черный хлѣбъ. Затѣмъ онъ удаляется въ лабораторію, гдѣ работаетъ до 2-хъ часовъ. Обѣдъ состоитъ изъ жаркого, легкаго мучнаго блюда и супа, который онъ ѣстъ всегда подъ конецъ. Ровно въ 3 часа у крыльца стоитъ верховая лошадь, довольно старая, бѣлая, изъ манежа на улицѣ Доротеи, на которой профессоръ, тотчасъ же отъ дома пуская ее крупною рысью, ѣдетъ въ Зоологическій садъ. Эта прогулка длится около часу. Остальное время послѣ обѣда до 8 часовъ вечера исключительно посвящено занятіямъ. Насколько простъ обѣдъ, настолько бываетъ обиленъ ужинъ, за которымъ подается отъ 3 до 4 мясныхъ блюдъ. Профессоръ Кохъ за ѣдой обыкновенно выпиваетъ много содовой воды. Послѣ ужина, а иногда и во время него, знаменитый ученый принимаетъ друзей и знакомыхъ, съ которыми оживленно бесѣдуетъ до полуночи. Затѣмъ онъ отправляется на покой, взявъ въ постель всевозможныя политическія и научныя газеты, прочесть которыя днемъ у него нѣтъ времени. Врачей и другихъ, лично не знакомыхъ ему, онъ принимаетъ послѣ обѣда въ лабораторіи. За то часто онъ горько жалуется друзьямъ на многія помѣхи и обремененія, которыя происходятъ отъ посѣщеній совершенно незнакомыхъ людей. Докторъ Кохъ крайне предупредителенъ и обладаетъ подкупающими манерами свѣтскаго человѣка. Онъ смущается и бываетъ скупъ на слова только тогда, когда люди, не имѣющіе отношенія къ медицинѣ, разспрашиваютъ его объ его научныхъ изслѣдованіяхъ. Онъ помогаетъ, даже болѣе чѣмъ позволяютъ его денежныя средства, бѣднымъ студентамъ и неимущимъ коллегамъ и главнымъ образомъ заботится о томъ, чтобъ ни одинъ обремененный нуждой не вышелъ безъ утѣшенія изъ его дома. (к.)

Французскій миссіонеръ патеръ Ангуаръ, викарій католической миссіи въ центральной Африкѣ, въ настоящее время хлопочетъ во Франціи объ основаніи католической миссіи въ верхней Убанги. Недавно онъ читалъ въ Пуатье докладъ о людоѣдахъ съ рѣки Лоанго, на берегахъ которой священники миссіи распространяли свою полную самоотреченія дѣятельность. Тамъ, сообщаетъ патеръ Ангуаръ, рабы замѣняютъ убойный скотъ. Его описанія представляютъ ужаснѣйшія картины. 15 сентября текущаго года въ деревнѣ Нифондѣ былъ купленъ за 2 слоновыхъ клыка и зарѣзанъ начальникомъ племени Молекки рабъ по имени Бандинга. Его откармливали бананами, маисомъ и рыбой, пока онъ не потолстѣлъ. Онъ лежалъ связанный на жертвенномъ камнѣ, сынъ Молекки нѣсколько разъ ткнулъ ножемъ въ его тѣло и радостно сообщилъ отцу, что жаркое обѣщаетъ быть на славу. Окружающіе ощупывали несчастнаго и радостно восклицали: „Что за прекрасное мясо! Какой будетъ у насъ превосходный пиръ!“ Женщины мыли горшки, чтобы нацѣдить туда крови. Дѣти точили ножи на камняхъ и заранѣе спорили, чья часть будетъ вкуснѣе. Наконецъ, медленно и важно, съ ножемъ въ рукѣ появился Молекки; ждали только восхода солнца. Молекки склонился предъ жертвой, затѣмъ онъ поднялся, чтобы пожурить двухъ дѣтей, игравшихъ у его ногъ. Прошло еще нѣсколько минутъ, осужденный на смерть рабъ жалобно смотрѣлъ на убійцъ. Молекки важно провелъ бѣлую черту вокругъ шеи раба. Онъ намѣчалъ мѣсто, гдѣ долженъ былъ нанести ударъ. Ужасныя приготовленія! Наконецъ старый вождь занесъ свой ножъ надъ головой раба... Страшный ударъ—и голова отдѣлилась отъ туловища. Раздались звуки военной пѣсни, и среди ликованій толпы тѣло было ободрано и раздѣлено на части. Патеръ Ангуаръ разсказываетъ много подобныхъ ужасныхъ исторій. Онъ приходитъ къ заключенію, что насиліемъ ничего не добьешься, а каннибаловъ можно просвѣтить и обратить къ болѣе человѣческимъ воззрѣніямъ только путемъ кроткаго поученія. Всѣ попытки отвратить ихъ отъ подобныхъ пиршествъ разбиваются объ ихъ природное простодушіе. Когда миссіонеръ весьма убѣдительно разъяснилъ имъ, какъ противенъ ихъ поступокъ, они стали объяснять, что это имъ вовсе не противно, а съ солью и испанскимъ перцемъ даже очень вкусно. Тщетно было его стараніе говорить имъ о высокомъ назначеніи человѣка, объ его разумѣ и дарованіяхъ. Каннибалы отвѣчали: „все, что ты говоришь, доказываетъ намъ, что весьма возвышенно ѣсть человѣческое мясо,—мясо существа, имѣющаго имя и одареннаго даромъ слова“. (к.)

Курица и кроликъ. Не такъ давно въ Нью-Руппинѣ на дворѣ одного купца находились кроликъ и курица. Такъ какъ каждое изъ этихъ животныхъ чувствовало себя одинокимъ, то мало-по-малу между ними возникла большая дружба, и кроликъ часто осыпалъ курицу своими ласками. Когда позже была прикуплена крольчиха, то хорошія отношенія между курицей и ея другомъ, повидимому, тотчасъ прекратились. Немного спустя самка кролика принесла дѣтей, которыхъ самецъ, какъ это весьма часто случается, умертвилъ. Какъ только въ апрѣлѣ самка вновь принесла дѣтей, курица приняла въ нихъ сильное участіе. Она сѣла на всю голу крольчатъ, которыхъ было 6 штукъ, чтобы согрѣвать ихъ, къ чему она точно насѣдка чувствовала извѣстный позывъ, и защищала ихъ съ величайшею яростью ото всѣхъ нападеній кролика, когда тотъ приближался къ гнѣзду. Кромѣ того она устроила мѣсто около гнѣзда, на которое приходила крольчиха кормить своихъ дѣтей. Многіе жители города нарочно приходили въ сарай удостовѣриться въ истинѣ такого явленія. Курица охраняла гнѣздо до тѣхъ поръ, пока крольчата не подросли и могли безъ опасности для своей жизни покинуть гнѣздо. (к.)

Императорская публичная библіотека недавно обогатилась собраніемъ 1601 научныхъ сочиненій, принадлежавшихъ покойному лейбъ-медику Н. Д. Добберту, сынъ котораго, докторъ Б. Н. Доббертъ, подарилъ это собраніе Императорской публичной библіотекѣ. (к.)

Аделина Патти получила за участіе въ 43 концертахъ во время своего артистическаго путешествія по Америкѣ—32,000 фунтовъ стерлинговъ, или 640,000 марокъ, не считая многочисленныхъ подарковъ, какъ, напримѣръ, золотую корону и серьги съ брилліантами и рубинами отъ президента Мексики и его жены. (к.)

Рѣшеніе задачи буквъ № 63 (помѣщенной въ № 45).

					(2)	32						
					30	23	34					
				22	33	26	31	20				
				29	76	21	24	35				
			75	70	25	58	27	68	19			
		73	90	77	28	69	60	39	36	17		
	89	54	71	74	59	78	57	18	67	62	37	
(4)	72	91	88	55	84		40	61	38	65	16	(1)
	53	4	83	92	79	56	81	66	41	44	63	
		87	52	3	82	85	42	45	64	15		
			5	86	7	80	1	14	43			
				51	2	49	46	9				
				6	11	8	13	48				
					50	47	10					
					(3)	12						

Всегда такъ будетъ и бывало.—
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много, умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.

А. С. Пушкинъ.

Вѣрное рѣшеніе прислано отъ С. Н. Соколова въ **Калугѣ**.

Рѣшеніе шахматной задачи № 65 (помѣщенной въ № 45).

Бѣлые.	Черные.
1) Л g 3—g 5	1) е 5—е 4
2) Ф с 5—b 4	2) Куда угодно.
3) Ф или К + +	
1)	1) е 5 : d 4 К
2) Ф с 5—е 7	2) Куда угодно.
3) Л или Ф + +	
1)	1) С f 4 : g 5 Л
2) К d 4—f 5 +	2) g 6 : f 5 К
3) Ф с 5—f 2 + +	

Вѣрн. рѣшен. этой задачи присланы отъ Гг.: **СПб.**—А. А. Носнѣева, К. В. Мищенко, **Вологда**—Чулкова, **Дисна**—Moses Hildin, **Житоміръ**—Р. Г. Либерманъ, **Серпецъ**—Л. Я. Гарфинкель, **Тверь**—А. Бетулина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 64 (помѣщенной въ № 45).

Бѣлыя.	Черныя.
1) b 4 — e 5	1) d 6 — d 2
2) f 8 — b 4	2) a 7 — a 3
3) a 1 — h 8	3) h 4 — f 6
4) h 8 — b 2	двѣ шашки заперты.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: **СПб.**—Н. В. Панкова, В. Н. Шошина, А. А. Носнѣева, А. Куделина, А. В. Кокоркина, В. В. Мищенко, **Москва**—Л. Сахарова, Н. Н. Смирнова, **Бердянскъ**—Полосъ—Б—ти, **Брестъ-Литовскъ**—М. А. Т., **Елисаветградъ**—Д. Лагунова, **Егорьевскъ**—Н. Н. Матвѣева, **Калуга**—С. Н. Соколова, **Харьковъ**—Н. Н. Павлова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ПОДАРКИ НА ЕЛКУ.

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное **А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора,** гравированнымъ на стали, и **факсимиле.**

☛ **Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.**

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1 500 страницъ. **Цѣна 6 руб.,** съ перес. 6 **р. 75 к.;** въ роскошн. каленкор. перепл. съ золот. тиснен.— **8 р.,** съ перес. **9 руб.**

Для подписчиковъ „Нивы"—5 р. 50 к., съ перес. **6 р. 25 к.;** въ переплетѣ **7 руб.,** съ пересылкою **8 руб.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ **СПБургъ,** въ контору журнала **„Нива"** (Невскій, 6).

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ Н. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА)

съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива", Невскій пр., № 6.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Саліаса.

Историческій романъ временъ восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СПБ. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.; въ коленк. перепл. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р.: въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы" 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ перепл. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива". Невскій пр., № 6.

МОЛОТИЛЬНАЯ МАШИНА.

Кто желаетъ купить дешево, прямо съ фабрики, превосходную, въ Россіи извѣстную, надежную молотилку, пусть закажетъ себѣ

НОВУЮ МОЛОТИЛЬНУЮ МАШИНУ ВЕЙЛЯ Р. № 4869

и о высылкѣ рисунка и описанія напишетъ на русскомъ языкѣ **Морицу Вейль** младш. въ Франкфуртѣ н. М., Германія.

МИНДАЛЬКОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО !!

приготовленное лабораторіей **А. Энглундъ.**

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.

Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.

Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4409 12—11

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

А. ЭНГЛУНДЪ,

СПБ., Литейный пр., 36.

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО:

Шиманъ. Былое времячко. Вальсъ. Ц. 75 к.
„ Маршъ и Вальсъ изъ оп. „Жажда сильныхъ ощущеній".
Нейфъ. Маленьк. Листъ. Дѣтск. Сборн. 1.50.
„ Кавалерійскій маршъ. Ц. 40 к.
„ Кошечка. Полька со словами. Ц. 50 к.
Фельдманъ. Сладкій сонъ. Вальсъ. Ц. 75 к.
Ружицкій. Внемли, другъ, моленьямъ души
№ 4860 Романсъ. Ц. 40 коп. 10—1
„ Возьми меня, я вся твоя. Ц. 40 к.
Брамса Венгерск. танцы № 5.6.7. д. скр. съ фортепіано по 40 к.

у КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Ром.-хрон. XVIII в. **Вс. Соловьева.** СПб. **Изд. 2-е.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г. НА ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XI. **„ОСКОЛКИ"** **XI ГОДЪ.**

подъ редакціей и при постоянномъ участіи

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ), иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки" съ каррикатурами, вступая въ **ОДИННАДЦАТЫЙ** годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1891 году подъ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1890 году. Въ годъ до **800** юмористическихъ и каррикатурныхъ, художественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и черныхъ, и до **1.300** юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ.

Время отъ времени, редакція предлагаетъ ребусы, шарады и загадки **НА ПРЕМІЮ.**

☛ Всѣ **ГОДОВЫЕ** подписчики получатъ въ концѣ 1891 года

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

„ПЕРОМЪ И КАРАНДАШЕМЪ",

изящно изданный **альбомъ,** заключающій въ себѣ автографическіе наброски пера и карандаша русскихъ писателей, художниковъ, музыкантовъ, пѣвцовъ, актеровъ и пр.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

Съ доставкой и пересылкой:		Безъ доставки и пересылки:	
На годъ съ безплатной преміей	9 р.	На годъ съ безплатной преміей	8 р. — к.
На полгода безъ преміи	5 „	На полгода безъ преміи	4 „ 50 „
За границу	10 „		

◆ **За пересылку преміи приплаты не полагается.** ◆

Допускается разсрочка подписной платы.

Подписка принимается: въ Главной конторѣ журнала „Осколки" въ С.-Петербургѣ (Троицкая улица, д. № 18).

№ 4861 2—1 Редакторы-издатели: **Н. Лейкинъ** и **Р. Голике.**

Артуръ Зейфартъ, Кёстрицъ (Германія).

Награды, преміи, дипломы, медали съ выставокъ государственныхъ и частныхъ.

Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ

Рѣдчайшихъ современныхъ породъ, комнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта.

Породистыя собаки:

Спеціальности: **Великорослыя горныя собаки, ньюфаундлендскія, мастифы, крупные нѣмецкіе доги, бульдоги, сторожевыя собаки, терьеры, пинчеры, пуделя, мопсы, крысоловки, дамскія собачки, охотничьи собаки, лягавыя, ищейки, таксы и проч.**

Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по кинологіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франкированная высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 пфеннигов. R. 4714

50 различныхъ породъ. — **Вывозъ во всѣ части свѣта.** — **50** различныхъ породъ.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur,* **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 3767 (88)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ДЕНЬ

на годъ **5 р.**	на 4 мѣс. **2 р.**
на 8 мѣс. **4 р.**	на 2 мѣс. **1 р.**
на 6 мѣс. **3 р.**	на 1 мѣс. **60 к.**

За границу на годъ 10 р.

№ 4792 6—4

Объявленія по 10 к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, **(360 вып. въ годъ).** Редакт. **И. В. Скворцовъ.** Преображенская, 4. **12 кн. разсказовъ и очерковъ.** Издатель **А. А. Греве.**

ВОЗЗВАНІЕ.

Благочестивые христіане и христолюбивые братіе и сестры!

Деревянная церковь во имя Преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ Чудотворцевъ, при р. Выгѣ, берега коей были нѣкогда освящены подвижническими стопами Преподобнаго Савватія, въ селѣ Надвоицкомъ, Кемскаго уѣзда, Архангельской губ. сооружена, вмѣсто сгорѣвшей въ 1847 г., на скудныя средства мѣстныхъ жителей въ 1850 г. и, по неимѣнію средствъ, не была тогда приведена въ надлежащее устройство ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны. Такъ, внутри ея прежде всего обращаетъ на себя вниманіе своею бѣдностію и неоконченностію отдѣлки иконостасъ. Правда мѣстныя иконы нижняго яруса, хотя древни, но живопись хорошая, такъ что онѣ соотвѣтствуютъ приличію и благолѣпію сельскаго храма; но, если это можно сказать о первомъ ярусѣ иконостаса, то совершенно нельзя того же сказать о второмъ ярусѣ набранномъ изъ иконъ разныхъ снятыхъ и различной величины, которыя отъ времени и сырости частію оперхли, частію потемнѣли такъ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ не замѣтно изображеній; выше же — голая стѣна. Предъ мѣстными иконами висятъ мѣдныя лампады различной величины и формы и стоятъ три деревянныхъ, съ небольшими свѣщами, выносныхъ подсвѣчника. Въ алтарѣ, на горнемъ мѣстѣ и предъ жертвенникомъ, нѣтъ соотвѣтствующихъ симъ мѣстамъ иконъ, равно какъ и запрестольный крестъ и икона Божіей Матери — простыя, деревянныя и весьма древни. Что же касается церковнаго имущества, какъ-то: священныхъ сосудовъ, облаченій и прочей церковной утвари, то въ нихъ большой недостатокъ и совершенная скудость.

Обращая вниманіе на внѣшнее устройство Надвоицкаго храма, справедливость требуетъ сказать, что онъ поражаетъ взоръ зрителя своею ветхостію и бѣдностію. Такъ, на небольшой колокольнѣ его висятъ только три маленькихъ колокола, изъ коихъ большой въ 5 п. разбитъ въ 1886 г., при звонѣ во время морозовъ; а главное, деревянная крыша, коею покрыта церковь, отъ времени пришла въ такую ветхость, что во время дождей и непогодъ пропускаетъ течь, отчего развивается внутри церкви сырость, портящая послѣднее скудное ея имущество.

Причтъ и староста Надвоицкой церкви, желая возобновить свой храмъ, устроить въ немъ новый иконостасъ и пріобрѣсти церковную утварь, болѣе или менѣе соотвѣтствующую приличію и святости дома Божія, но, не имѣя на это собственныхъ церковныхъ суммъ и въ то же время, не разсчитывая на помощь своихъ малочисленныхъ прихожанъ, коихъ всего 500 душъ обоего пола, которые, по своей крайней бѣдности, положительно не могутъ дать никакихъ денежныхъ средствъ, находятся вынужденными обратиться, съ разрѣшенія своего Епархіальнаго начальства, къ сочувствію православныхъ христіанъ, любящихъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ, и слезно просить ихъ во имя преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ, оказать посильную свою помощь денежными и вещественными приношеніями на вышеозначенное святое дѣло. Каждая лепта принята будетъ съ величайшей благодарностью и имена жертвователей и ихъ родныхъ будутъ записаны въ церковный синодикъ для вѣчнаго у Престола Божія поминовенія.

Христолюбивые благотворители, желающіе принять участіе въ дѣлѣ возобновленія сего храма, благоволятъ адресовать свои приношенія такъ: На Сумскую почтово-телеграфную станцію, Кемскаго уѣзда, Архангельской губ., священнику Надвоицкой церкви, Николаю Діомидовичу Самсонову, со старостой.

№ 4859

Подлинный подписали:
Священникъ *Николай Самсоновъ.*
Псаломщикъ *Ѳ. Шангинъ.*
Церковный староста *Гавріилъ Фефеловъ.*

Поздравляемъ! Открыта подписка на 1891 годъ!

на

XVI годъ. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ годъ XVI.

„СТРЕКОЗА".

Органъ Любомудрія, Острословія и Веселоправія.

Годъ шестнадцатый.

„**Стрекоза**" издается уже 15 лѣтъ (съ 1875 г.) и отпразднуетъ свою серебряную свадьбу съ русскимъ читателемъ ровно **въ день начала XX вѣка**. Особой приплаты теперь за это событіе не взыскивается.

„**Стрекоза**" органъ и **медицинскій**. Она лѣчитъ человѣчество по системамъ Пастера, Броунъ-Секара и Коха: отъ укусовъ бѣшенства, отъ преждевременной старости и отъ чахоточной ипохондріи.

„**Стрекоза**"—органъ **политическій**. Еженедѣльно вся **суть** европейской политики въ сжатомъ видѣ на столъ выкладывается.

„**Стрекоза**"—органъ **художественный**. Не было еще такого художества, которое прошло бы незамѣченнымъ ею.

„**Стрекоза**"—органъ **экономическій**. Она даетъ свои заключенія даже о тарифныхъ ставкахъ и предлагаетъ, при случаѣ, конверсаціи и о конверсіяхъ.

„**Стрекоза**"—органъ **поэтическій**. Она печатаетъ въ годъ **не менѣе 50 аршинъ стиховъ**, если уложить ихъ рядомъ.

„**Стрекоза**"—органъ **критическій**. Въ ходу критика большая и постоянная, освѣненная девизомъ: „L'art est facile, mais la critique est difficile".

„**Стрекоза**"—наконецъ,—и это главное,—органъ **юмористическій**. Мрачные люди принимаются на излѣченіе особымъ видомъ массажа, извѣстнымъ подъ именемъ „щекотанія". Дамамъ уступка. Дѣтей и собакъ просятъ не водить.

У „**Стрекозы**" есть свой телефонъ и будетъ свой **фонографъ**. Въ конторѣ журнала можно получать: оценную привинку, вѣрныя предсказанія для игры на тотализаторѣ, рекомендательныя письма къ Аделинѣ Патти и страховые полисы американскихъ обществъ „Нью-Іорка" и „Эквитебль".

Премія „Стрекозы" на 1891 годъ **(для годовыхъ подписчиковъ)** познакомитъ читателей съ самыми интимными подробностями театральнаго міра и быта. Она будетъ называться: № 4878

„ЗА КУЛИССАМИ".

Публика постоянно сидитъ по сю сторону кулиссъ. Пора открыть ей входъ и по ту сторону кулиссъ. За кулиссами очень занимательно. Это будетъ превосходный альбомъ, достойное произведеніе типо-фото-хромо-лито-цинко-графическаго искусства конца XIX вѣка. Въ составъ его войдутъ 10 картинъ in folio и пояснительный, трепещущій интересомъ, текстъ. Заранѣе благодаримъ нашихъ читателей за ихъ восторженные отзывы объ этомъ дѣйствительно достопримѣчательномъ вкладѣ нашего журнала въ коллекцію изящнѣйшихъ кипсековъ современности.

Условія подписки:

ВО ВСѢ ГОРОДА ИМПЕРІИ:		ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: *)	
на годъ съ перес. преміи	10 р.	съ доставкою на годъ съ прем.	9 р. — к.
на $\frac{1}{2}$ года безъ преміи	5 р.	„ „ на $\frac{1}{2}$ г. безъ пр.	4 р. 50 к.
Годовые подписчики, вносящіе по 5 р. 50 к.		безъ доставки на годъ съ прем.	8 р. 50 к.
за каждое $\frac{1}{2}$ годіе, пользуются тоже прем.		„ „ на $\frac{1}{2}$ г. безъ пр.	4 р. 25 к.

*) Годовые подписчики съ доставкою вносящіе по 5 р. и годовые подписчики безъ доставки вносящіе по 4 р. 75 к. за каждое $\frac{1}{2}$ годіе пользуются тоже преміею.

РАЗСРОЧКА для гг. служащихъ, какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ, допускается съ ручательствомъ гг. Казначеевъ и Управляющихъ.

Редакція и Контора помѣщаются: Фонтанка, 80. на углу Лештукова пер. СПБ.

Издатель **Г. К. Корнфельдъ.** Редакторъ **И. Ф. Василевскій** (Буква).

ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ № 100.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА

Невскій пр., д. № 29—31, рядомъ съ Думою.

Отдѣленіе: Садовая, д. № 32, въ С.-Петербургѣ.

ВЫДАЕТЪ ССУДЫ въ возможно высокомъ размѣрѣ съ

ПРАВОМЪ УПЛАТЫ ДОЛГА ПО ЧАСТЯМЪ

подъ билеты I займа	**215 р.**
„ „ II „	**195 р.**
„ „ Дворянскаго займа	**195 р.**
„ „ „ „ оплачен. **155 р.**	**130 р.**

подъ другія процентныя бумаги 10% ниже биржевой цѣны, взимая **съ 1-го декабря,** съ суммы до 1000 руб. 8% годовыхъ, свыше 1000 руб.—7% годовыхъ.

ПРИНИМАЕТЪ ВКЛАДЫ на срокъ, до востребованія и на текущій счетъ, по которымъ платитъ **впредь до измѣненія:**

на годъ и болѣе	$6\frac{1}{2}\%$	на три мѣсяца	$5\frac{1}{2}\%$
„ 6 мѣсяцевъ	6%	по востребованію	5%

по текущему счету $4\frac{1}{2}\%$ Mt. № 4879

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины *II. Петрова* и *В. Клюшникова.* Ц. 1 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА

1891 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства

подъ редакціею **В. Н. Кутузова**

(СПБ., Лѣсной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива" (СПБ., Невскій просп., № 6) и у назначея Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботаническій Садъ). **Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы".**

ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ

имѣется въ складѣ стеклянныхъ издѣлій

завода А. Ф. ДЮТФУА

аптекарская, химическая, парфюмерная, кондитерская, **столовая**, винная, гастрономическая, освѣтительная, канцелярская и проч. **посуда**, а также

БАНКИ съ герметическими крышками для консервовъ, варенья, фруктовъ, соленій и проч., и проч.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

ИЗЯЩНЫХЪ ТУАЛЕТНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ.

Москва, уголъ Маросейки и Златоустинскаго переулка, домъ Хвощинскаго.

Прейсъ-куранты по требованію высылаются **безплатно.**

Ш. № 4872

Страховое Общество „ЯКОРЬ"

въ Москвѣ

(Основный и вполнѣ внесенный капиталъ 2.500.000 руб. сер., кромѣ резервныхъ фондовъ)

принимаетъ:

1) **страхованія отъ огня** всякаго рода имуществъ,

2) **страхованія морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ транспортовъ,**

3) **страхованія капиталовъ (жизни),** выдаваемыхъ при жизни или послѣ смерти застрахованнаго.

По этой послѣдней отрасли страхованія Общество „**ЯКОРЬ**" предоставляетъ застрахованнымъ слѣдующія **льготы:**

1) **Казенную пошлину** Общество принимаетъ на свой счетъ.

2) Премія можетъ быть **разсрочена** по $\frac{1}{2}$ годно, по $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{4}$ года и даже **помѣсячно.**

3) По непросроченному полису, по истеченіи 3-хъ лѣтъ, застрахованный можетъ получить:

а) при прекращеніи страхованія, по точному разсчету, обратно часть **наличными деньгами;**

б) **новый полисъ** на меньшую сумму **безъ дальнѣйшаго платежа** премін, взамѣнъ прежняго уничтоженнаго полиса;

в) **ссуду** подъ полисъ изъ 6% годовыхъ. при продолженіи страхованія, въ размѣрѣ, показанномъ выше въ п. а.

Правила, условія, письменныя и словесныя объясненія можно получать въ Правленіи Общества, въ Москвѣ, и въ агентствахъ его во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ и мѣстностяхъ Россіи. № 4753

---

60 к., 75 к., 1 р., 1 р. 25 к. до 5 р. съ полнымъ комфортомъ отдѣльныя комнаты **во вновь** перестроенной и **значительно** увеличенной Ц. № 4768 (4)

БОЛЬШОЙ ГОСТИННИЦѢ „РОССІЯ" ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Лучшая кухня. Первоклассный ресторанъ. **Самыя умѣренныя цѣны** на всѣ предметы. Омнибусъ; ванны. Телефонъ. **Подъемная** машина (lift) во всѣ этажи. Уступка при болѣе продолжительномъ пребываніи. Подробный тарифъ высылается по требованію.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ

календарь

на 1891 г. **И. Карпова.** Со многими таблицами и рецептами. Ц. въ переплетѣ 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. **И. Г. Даллъмейеръ.** Выборъ и способъ употребленія фотограф. объективовъ. Перев. съ англ. **И. Карпова.** Въ брошюрѣ указано какъ получить съ объективомъ лучшіе результаты. Ц. 60 к., съ пер. 75 к. Получать можно во всѣхъ фотограф. и книжн. маг. СПб. и у И. Карпова: Загородный пр. 4, кв. 3.

МАЙЕРА

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТЫ

весьма пріятнаго вкуса.

Солодовый экстрактъ въ порошкѣ.

Солодовый экстрактъ концентрир.

Солодовый экстрактъ карамели.

ВДОВА

ВЛ. МАЙЕРЪ съ СЫНОМЪ

заведеніе для сгущенія въ Ревелѣ.

Продажа во всѣхъ главнѣйш. москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россіи. № 4873

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПЕРВЫЯ ДВѢНАДЦАТЬ КНИЖЕКЪ

біографической библіотеки Ф. ПАВЛЕНКОВА подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ эту библіотеку, состоящую изъ отдѣльныхъ книжекъ, цѣною въ 25 коп., войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ. Байронъ, Бальзакъ, Ф. Беконъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гейне, Гёте, Гладстонъ. Говардъ, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ, Дантъ, Дарвинъ, Декартъ, Дженнеръ, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Кантъ, Кальвинъ, Кеплеръ, Колумбъ, Контъ. Конфуцій, Коперникъ, Р. Кохъ, Кромвель, Кукъ, Кювье, Лавуазье, Лессепсъ, Лессингъ. Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола Локкъ, Лютеръ, Магометъ, Маккіавелли, Мальтусъ, Меттернихъ, Микель-Анджело, Мольеръ, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Морзе, Томасъ Моръ, Моцартъ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Оуэнъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци. Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Ротшильдъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ, Спиноза. Стэнли, Стефенсонъ, Теккерей, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ, Франциекъ Ассизскій, Фультонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Эдисонъ, Эразмъ и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ. Аксаковы, Аракчеевъ, Боткинъ, Бѣлинскій, В. В. Верещагинъ, Волковъ (основатель русскаго театра), Глинка, Гоголь, Грановскій, Грибоѣдовъ, Демидовы, Достоевскій, Зининъ, Каразинъ (основатель Харьковскаго университета), Карамзинъ, Катковъ, Кольцовъ, Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Некрасовъ, Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Посошковъ, Пржевальскій, Пушкинъ, Салтыковъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается, какъ мы сказали, **отдѣльная книжка,** заключающая въ себѣ отъ 80 до 100 страницъ текста и портретъ.

Въ настоящее время вышли слѣдующія 12 біографій: Галилея, А. Гумбольдта, В. Гюго, Дарвина, Кювье, Линкольна, Линнея, Лойолы, Свифта, Шопенгауэра, Гоголя и Крамского.

Затѣмъ дальнѣйшія біографіи будутъ выходить съ декабря—еженедѣльно.

Для того, чтобы публика могла легко слѣдить за выходомъ новыхъ книжекъ вышеупомянутой библіотеки, издатель ея Ф. Павленковъ будетъ ежемѣсячно посылать справочныя объявленія о поступившихъ въ продажу біографіяхъ во всѣ книжные магазины и библіотеки Европейской и Азіатской Россіи.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер., № 2). Mt. № 4876.

Въ книжномъ магазинѣ СЕРГѢЯ ИЛЬИЧА ЛЕУХИНА въ Москвѣ, Моховая, противъ Университета, куда Гг. иногородные и благоволятъ адресовать. Требованія высылаются немедленно.

Церковь и ея служители. Настольное руководство для русскаго духовенства и православныхъ христіанъ. **Вѣчный календарь содержащій въ себѣ: полнѣйшие святцы. Четьи-Минею всѣ 12 мѣсяцевъ. Тропари, кондаки, величанія и другія пѣснопѣнія, богослужебныя отправленія, церковныя чтенія на весь годъ и** кругъ подвижныхъ (переходныхъ) дней и праздниковъ православной церкви. Е. А. Тихомирова. Изящно иллюстрированное изданіе. Ц. 8 р., въ переплетѣ 10 р. Вѣс. за 7 ф.

Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа и житія двѣнадцати и семидесяти Апостоловъ Христовыхъ, въ 2-хъ частяхъ. Съ картой Палестины. Составилъ Е. Тихомировъ. Москва. 1884 г. Большой томъ. Цѣна 3 руб., въ перепл. 4 р. Вѣсъ 3 фун.

Жизнь Пресвятой Богородицы и сказаніе о всѣхъ чудотворныхъ иконахъ Богородицы, прославляемыхъ въ православной церкви. Съ олеографическими картинами изображенія Св. Чудотворныхъ иконъ Божіей Матери въ нашемъ отечествѣ прославившихся. Составилъ Е. Тихомировъ. Большой томъ. Москва. 1884 г. Цѣна съ картинами изображен. Чудотв. иконъ Божіей Матери. Ц. съ перес. 3 р., въ перепл. 4 руб.

Прологъ. Статьи избранныя изъ Пролога. Житія Святыхъ на русскомъ языкѣ. С. Е. Недумова. Цѣна 2 рубля.

Полная дѣтская библіотека, иллюстрированная множествомъ художественно выполненныхъ рисунковъ и содержащая въ себѣ: сказки, басни, побасенки, прибаутки, пословицы, поговорки, скороговорки, загадки, исторіи и разсказы изъ жизни великихъ людей, путешествія, разсказы изъ жизни солдатъ и про войну, поздравительные стихи. Въ 20-ти отдѣльныхъ книгахъ раздѣленныхъ на четыре возраста. Составлено спеціалистами-педагогами и дѣтскими садовницами подъ общей редакціей О. Островскаго. Цѣна 4 руб.

Полный словарь 115,000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ, съ означеніемъ ихъ корней. Составили по лучшимъ источникамъ Бурдонъ и Михельсонъ. Подручная книга для справокъ о назначеніи словъ, употребляемыхъ въ разныхъ отрасляхъ наукъ, ремеслъ и художествъ, а также встрѣчающихся въ журналахъ, газетахъ и книгахъ. Изданіе 8-е, дополненное. 1885 г. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 5 рублей. Вѣсъ 4 фун.

Свѣтъ, правда и народы Россіи всѣхъ временъ или полная исторія Русскаго Государства. Жизнь Русскаго народа со времени призванія варяжскихъ князей, всѣ войны, набѣги, бунты, литература, музыка, театръ, художества, до нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра III. Два тома съ 54 картинами. Изд. 2-е. Соч. Хитрова. М. 1882 г. Цѣна 5 руб. Вѣсъ 4 фун.

Новый, полный и самый подробный подарокъ молодымъ хозяйкамъ. Современный гастрономъ. Драгоцѣнная книга для уменьшенія расходовъ и приготовленія вкуснаго, здороваго, питательнаго, роскошнаго и дешеваго скоромнаго и постнаго стола. Болѣе 2000 различныхъ кушаній, поварскихъ и кондитерскихъ приготовленій, начиная отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изысканныхъ: русской французской, нѣмецкой, польской, англійской, итальянской, греческой и армянской гастрономической кухни. Съ подробнымъ описаніемъ сколько и какихъ припасовъ и провизіи идетъ на всякое кушанье отъ двухъ персонъ до большихъ званныхъ обѣдовъ, какъ его слѣдуетъ приготовлять, какъ подавать, причемъ обращено особое вниманіе на домашнюю экономію. Спутникъ новобрачныхъ и семейной жизни. Опытный практическій помощникъ хозяекъ по дому, кухнѣ, столовой, кладовой, погребу, по уходу за дѣтьми, веденію хозяйства, рукодѣльямъ, садоводству, цвѣтоводству, экономіи, воспитанію дѣтей, обученію ихъ, лѣченію домашними средствами, забавамъ и вообще всему, что можетъ требовать совѣта и наставленія. Свѣдѣнія, указанія и наставленія о сохраненіи въ лѣтнее и зимнее время запасовъ, овощей; содержаніе кладовой, погреба и кухонной посуды. Содержаніе дома дойныхъ коровъ и домашней птицы. Огородъ, цвѣты и фруктовый садъ. Шитье и кройка. Содержаніе бѣлья, стирка его, выведенія пятенъ, пятновыводныхъ средствъ и мелкихъ рецептовъ по хозяйству. Т. 2. Домашніе годовые запасы и экономія. Т. 3. Мужъ, жена и дѣти (Хозяйство, воспитаніе и сбереженіе здоровья). Лѣченіе болѣзней домашними средствами. 25 частей съ приложеніемъ сорока рисунковъ устройства кухни, всѣхъ кухонныхъ принадлежностей, способовъ рѣзать мясо, дичь и рыбу, убирать холодныя, разварное, жаркое и различныя пирожныя, а также сервировать обѣденные столы. Составила Е. Моровичъ, подъ редакціею А. Корделли. 1887 г. Цѣна за полное изданіе въ 3-хъ большихъ томахъ, 25 частей 4 руб., въ переплетахъ 5 руб. Вѣсъ 4 фун.

30,000 тысячъ новѣйшихъ открытій, рецептовъ, общеполезныхъ практическихъ свѣдѣній и современныхъ изысканій, по части всѣхъ знаній, выработанныхъ современными науками и искусствами. Неистощимая драгоцѣнная сокровищница всего практически полезнаго изъ прикладной физики, органической, неорганической и аналитической химіи, прикладной механики, архитектуры и технико-строительнаго искусства и по всѣмъ химическимъ, механическимъ, фабричнымъ, заводскимъ производствамъ технологіи. Полный сводъ рецептовъ, секретовъ, совѣтовъ, открытій, приспособленій, усовершенствованій и новостей, послѣднихъ лѣтъ по части: зоологіи, ботаники, минералогіи, агрономіи, медицины, фармаціи, акушерства, аллопатіи, гомеопатіи, гигіены, діэтетики, дантистики, физіологіи, домашней экономіи, парфюмернаго искусства, металлургіи, живописи, ваянія, скульптуры, музыки, кулинарнаго искусства и вообще всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ въ общественной жизни и въ домашнемъ быту. Со всѣми указаніями по фотографіи, литографіи, ксилографіи, цинкографіи, сельскому и городскому хозяйству, домоводству, охотѣ, рыболовству, скотоводству, огородничеству, цвѣтоводству, лѣсоводству, лошадиной охотѣ, овцеводству, птицеводству, пчеловодству и молочному хозяйству, а также винодѣлію, пиво и медоваренію, выдѣлкѣ уксуса, минеральныхъ и шипучихъ водъ и по всѣмъ производствамъ и ремесламъ. Кабинетный совѣтникъ и справочная книга для фабрикантовъ, заводчиковъ, ремесленниковъ, химиковъ, физиковъ, охотниковъ всѣхъ родовъ, сельскихъ хозяевъ и вообще всѣхъ лицъ, желающихъ изъ малаго получить большое и усовершенствовать свои знанія и хозяйство. Составилъ инженеръ-технологъ А. Делеціусъ. Два большихъ тома (24 части). Цѣна доступная—за полное изданіе 4 руб., въ переплетѣ 6 руб. Вѣсъ 4 фун.

Школа сельскаго богатства. Поля, луга, огороды, сады, лѣса и полное хозяйство. Сводъ новѣйшихъ разнообразныхъ знаній, касающихся сельско-хозяйственной техники, совѣтовъ и свѣдѣній для завѣдывающихъ имѣніями и владѣльцевъ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ хозяйствъ. Хлѣбопашество, луговодство, лѣсоводство, огородничество, садоводство, хмѣлеводство, табаководство, бахчеводство, пчеловодство, овцеводство, скотоводство, коневодство, птицеводство, рыболовство, молочное хозяйство, крахмальное, дегтярное и смоляное производства. Теорія и практика агрономіи, какъ указаніе испытанныхъ средствъ, служащихъ къ возстановленію упадшихъ хозяйствъ, истощенныхъ и запущенныхъ имѣній и обогащенію ихъ владѣльцевъ. Современное руководство съ приложеніемъ практическихъ секретовъ въ примѣненіи къ успѣшному развитію сельско-технической дѣятельности въ прямой связи съ сельскимъ хозяйствомъ, указывающей на средства къ обогащенію русскаго сельскаго хозяина. Лѣчебникъ, конскій лѣчебникъ и скотолѣчебникъ съ присоединеніемъ множества средствъ къ уничтоженію вредныхъ для хозяйства животныхъ и насѣкомыхъ. Книга въ 5 частяхъ. Трудъ членовъ любителей общества сельскаго хозяйства, садоводства и сельско-хозяйственной техники. Влад. Верещагина и Гр. Крылова. Москва. 1884 г. Ц. 3 руб., въ переплетѣ 4 руб. Вѣсъ 3 фун.

Самоучитель органической и неорганической химіи. Руководство къ самоизученію посредствомъ опытовъ (экспериментовъ). Настольная книга для фабрикантовъ, заводчиковъ, промышленниковъ, фармацевтовъ и сельскихъ хозяевъ, и пособникъ для учениковъ учебныхъ заведеній. По новѣйшимъ источникамъ, составилъ химикъ *В. Транбергъ.* Со многими рисунками. 1888 г. Ц. 3 руб. Вѣсъ 2 фун.

Химикъ-самоучка. Практическій спутникъ для химиковъ, заводчиковъ и фабрикантовъ. Сборникъ новыхъ открытій и усовершенствованій для выдѣлки всевозможныхъ химическихъ продуктовъ, препаратовъ и заводско-фабричныхъ издѣлій по лучшимъ способамъ, въ большомъ и маломъ видѣ. Составилъ технологъ Гр. Горновъ Москва. 1888 г. Цѣна 3 руб., въ переплетѣ 4 руб. Вѣсовыхъ 3 фун.

Механикъ-самоучка. Практическое общепонятное описаніе способовъ устройства, сборки, разборки и починки всѣхъ ремесленныхъ, заводскихъ, фабричныхъ и сельско-хозяйственныхъ машинъ и аппаратовъ, и мельницъ паровыхъ, вальцовыхъ, водяныхъ и вѣтряныхъ. Установка и производство работъ на машинахъ на различныхъ большихъ и малыхъ заводахъ и фабрикахъ. Съ прибавленіемъ новѣйшихъ усовершенствованій изъ пиротехники и фотографіи. Составилъ механикъ Левъ Бочковскій. Москва. 1888 г. Цѣна 2 руб., въ переплетѣ 3 руб. Вѣсовыхъ 2 фун.

Полная общепонятная технологія для всѣхъ сословій. Общедоступное изложеніе разнаго рода производствъ, примѣненныхъ къ промышленной дѣятельности въ Россіи. Источникъ новыхъ, опытомъ провѣренныхъ, открытій, практическихъ знаній и производительныхъ силъ, служащихъ къ развитію и усовершенствованію фабричной, заводской, мануфактурной промышленности. Изданіе 2-е, въ 2-хъ томахъ. М. Е. Шерера и Ф. Ренгольда. Цѣна 4 руб., въ переплетѣ 5 руб. Вѣсъ 3 фун.

Новѣйшая практическая архитектура. Полныя общедоступныя теоретическія и практическія свѣдѣнія, наставленія и совѣты по архитектурѣ и инженеръ-строительному искусству. Планы и фасады съ деталями городскихъ, дачныхъ и сельскихъ построекъ. Современная школа самостоятельнаго изученія строительныхъ матеріаловъ и всевозможныхъ работъ по части разнаго рода удобныхъ, выгодныхъ, красивыхъ, современныхъ и прочныхъ сооруженій, въ примѣненіи къ климату Россіи, съ приложеніемъ вычисленій, извлеченныхъ изъ Высочайше утвержденнаго урочнаго положенія. Наставникъ въ работахъ: каменныхъ, плотничныхъ, печныхъ, столярныхъ, малярныхъ, кровельныхъ, слесарныхъ, кузнечныхъ, штукатурныхъ, мельничныхъ, механическихъ и другихъ, относящихся до строительнаго дѣла. Со множествомъ рисунковъ въ текстѣ и особаго полнаго архитектурнаго альбома на 40 листахъ болѣе ста изящныхъ плановъ и рисунковъ: церквей каменныхъ и деревянныхъ, городскихъ доходныхъ и барскихъ домовъ, дачъ, гостинницъ, кафе-ресторановъ, торговыхъ помѣщеній, конюшенъ, житницъ, амбаровъ, складовъ, скотныхъ дворовъ, водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ и всевозможныхъ сельско-хозяйственныхъ зданій. Устройство печей всѣхъ системъ. Вентиляція. Проведеніе шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ и проч., и проч. Составили: архитекторъ Клейнбахъ и инженеръ-строитель Оболянскій. Москва. 1884 г. Цѣна книги съ альбомомъ на 40 листахъ болѣе 100 плановъ и рисунковъ 6 руб. Вѣсъ 3 фун.

Храмъ знаній. Всеобщій практическій ремесленникъ для полнаго и всесторонняго изученія ремесленнаго и заводско-фабричнаго мастерства. Спутникъ къ изученію и улучшенію производствъ: ручнаго, механическаго, машиннаго, водяного и пароваго труда. Библіотека и энциклопедія новѣйшихъ изобрѣтеній по всѣмъ общественнымъ домашнимъ и кустарнымъ ремесламъ: заводской и фабричной техникѣ и технологіи, механическимъ производствамъ, открытіямъ химіи, архитектурѣ и сельско-хозяйственному и медицинскому отдѣламъ. Ученый практическій самонаставникъ и руководитель ремесленниковъ, кустарей, заводчиковъ, фабрикантовъ, машинистовъ, кочегаровъ, чертежниковъ, дорожныхъ и ремонтныхъ мастеровъ, архитекторскихъ помощниковъ, строительныхъ десятниковъ, завѣдывающихъ промышленными заведеніями, архитекторовъ, техниковъ, технологовъ, инженеровъ и всѣхъ хозяевъ и лицъ, желающихъ изучить самымъ толковымъ образомъ, безъ помощи и руководства мастеровъ и ремесленно-техническихъ школъ, какое бы то ни было ремесло и мастерство или заводско-фабричное производство. **Въ 3-хъ томахъ, 12 книгахъ, заключающихъ въ себѣ 48 ремеслъ и 48 заводско-фабричныхъ дѣлъ и сельскихъ производствъ. Со множествомъ рисунковъ и чертежей и съ приложеніемъ Ремесленнаго и Заводско-Фабричнаго уставовъ.** Составлено спеціалистами техниками и учеными мастерами, подъ общей редакціей ученаго техника Льва Бочковскаго и инженеръ-технолога Гр. Горнова. 1887 г. Цѣна полному изданію 12 книгъ 6 руб., въ переплетахъ 8 руб. Вѣсъ 5 фун.

Пчеловодъ-практикъ. Пчеловодство съ древности и до новѣйшаго времени. Въ 4-хъ частяхъ. Съ рисунками *пчелиныхъ* колодъ всѣхъ усовершенствованныхъ конструкцій. Содержаніе пчелъ во всѣ періоды года, съ подробными указаніями разведенія пасѣкъ и наблюденій надъ жизнію пчелъ въ учебныхъ ульяхъ. Составилъ по многолѣтней практикѣ. Доброхотовъ. Москва, 1890—91 г. Цѣна 2 руб., въ переплетѣ 3 руб. Вѣсовыхъ 2 фунта.

Земскій начальникъ. Всѣ новые законы, постановленія и циркуляры, относительно земскихъ участковыхъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ, губернскихъ присутствій, уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, предсѣдателей и членовъ волостнаго суда. Права, обязанности, опредѣленіе, прохожденіе службы, распоряженія, судъ и расправа, отчетность, отпуски, содержаніе и увольненіе отъ службы. Формы и образцы бланковъ, журналовъ, квитанцій, отчетности, предписаній, сношеній, отношеній, рапортовъ и представленій. Съ приложеніемъ для руководства извлеченій изъ: 1) Устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями. 2) Свода законовъ изд. 1876 года. 3) Уставовъ Императора Александра II. 4) Уложенія о наказан. угол. и испр. 5) Городоваго положенія. 6) Положенія о сельскомъ состояніи (о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости). Составилъ Влад. Коломнинъ. Москва, 1890 г. Цѣна 2 руб. Вѣсъ 1 фунтъ.

Торговый, коммерческій и промышленный охранитель, справочно-юридическая библіотека и наставникъ-секретарь къ сочиненію писемъ, касающихся общественной жизни и торговыхъ оборотовъ, образцы и формы дѣловыхъ актовъ, бумагъ и торговыхъ книгъ. Опытный домашній адвокатъ и руководитель коммерсантовъ, купцовъ, торговцевъ, промышленниковъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, подрядчиковъ, конкурсныхъ управленій, конторщиковъ, управляющихъ и всѣхъ лицъ, желающихъ вести свои дѣла лично, т. е. безъ помощи бухгалтера, адвокатовъ и повѣренныхъ, и полный кабинетъ юридическихъ познаній, по всѣмъ коммерческимъ дѣламъ и предпріятіямъ, нужныхъ всякому человѣку. Къ книгѣ прибавленъ: готовый счетъ, по которому каждый въ одну секунду можетъ подвести правильно любой итогъ. Составилъ *А. Д. Капустинъ.* Два большихъ тома, 8 частей. Цѣна 3 руб., въ перепл. 4 руб. Вѣсъ 3 ф.

Рысакъ, скакунъ и тяжеловозъ. Воспитаніе ихъ, выѣздка, выдержка, подготовка и уходъ за ними. Опытный наѣздникъ, практическій ветеринаръ и коннозаводчикъ. Сборникъ новѣйшихъ и лучшихъ средствъ къ распознаванію лошади и лѣченію всѣмъ доступными средствами всѣхъ лошадиныхъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ болѣзней— безъ помощи ветеринаровъ. Указатель всѣхъ пороковъ и недостатковъ лошади и способовъ открывать и исправлять ихъ. Новѣйшія свѣдѣнія, испытанныя наставленія и опытные совѣты къ выбору, разведенію, содержанію, улучшенію, выѣздкѣ для скачекъ и бѣговъ и для продажи лошадей всевозможныхъ породъ. Съ добавленіемъ указаній устройства домашней ветеринарной аптеки, конскаго лазарета и наставленій какъ приготовлять самому всѣ лѣкарства, употребляемыя при лѣченіи лошадей. Цѣна 2 руб. Вѣсъ 2 фунта.

Другъ и руководитель охотника собака въ здоровомъ и больномъ состояніи. Охота на болотную, лѣсную, степную и водяную дичь съ борзыми, гончими, легавыми, пойнтерами и таксами на звѣрей. Полный сводъ знаній, замѣчаній, совѣтовъ и наставленій къ выбору собакъ, корму, разведенію, дрессировкѣ и натаскиванію ихъ для всевозможной охоты. Лѣчебникъ и аптека для собакъ. Составилъ на основаніи сорокалѣтней практики охотникъ-любитель С. Поповъ. Подъ редакціею врача ветеринарныхъ наукъ Г. Игнатьева. 1886 г. Ц. 2 руб., въ переплетѣ 3 р. Вѣсъ 2 ф.

Красочно-красильное производство. Руководство къ приготовленію, изслѣдованію и употребленію красокъ. Источникъ новыхъ открытій по крашенію шелковыхъ, шерстяныхъ, хлопчато-бумажныхъ и другихъ тканей во всѣ цвѣта, равно какъ и по ситцепечатанію и употребленію анилиновыхъ красокъ въ дѣлахъ крашенія. Настольная книга для фабрикантовъ красокъ, мануфактурныхъ товаровъ и обоевъ, равно какъ и для химиковъ, живописцевъ, красильщиковъ-колеристовъ: маляровъ и т. д. Составилъ по новѣйшимъ руководствамъ *К. Булинъ.* Съ рис. въ текстѣ. Москва. 1888 г. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф.

Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Разъясненіе истинъ бытія, жизни, смерти, начала, конца, несчастія, души, вѣры, вѣчности, зла, безсмертія и загробной жизни. Сочиненіе М. П. Погодина. Изданіе полное и безъ пропусковъ. Большой томъ. М. 1884 г. Цѣна 3 р., въ лучшемъ перепл. 4 р. Вѣсъ 3 ф.

Блуждающій вѣчный жидъ. Иллюстрированный романъ Евг. Сю, автора „Парижскихъ тайнъ", въ двадцати двухъ част., съ прологомъ и эпилогомъ. Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія Влад. Коломнина, съ превосходными картинами, рѣзанными по дереву извѣстнымъ художникомъ Рихау. 2 тома. М. 1890—91 г. Цѣна за два тома 3 р., въ переплетѣ 4 р. Вѣсъ 3 фунта.

Практическая алхимія или любопытныя открытія изъ физики и химіи. Чудеса природы. Разъясненія и изобрѣтенія великихъ древнихъ маговъ, алхимиковъ, кабалистовъ и чародѣевъ: Сведенборга, Альберта Великаго, Мартына Задеки, Шота, Султана Аслима и Экскаргаузена. Тайны мудраго Соломона. Талисманы, заклинанія, привидѣнія, заговоры отъ пуль и злодѣевъ, привораживанія, волшебныя силы природы, магическія предсказанія на всѣ случаи жизни, тѣни, отыскиваніе кладовъ, кабалистическія вычисленія, электричество, гаданія, книга ворожбы. Вызываніе духовъ и тѣней умершихъ. Опыты Пинетти. Разрывъ трава. Невидимки и проч. и проч. Поясненныя таблицами вычисленій и рисунками. Собрано и выписано изъ древнѣйшихъ рукописей, записокъ и книгъ Шахъ-Эль-Аборомъ. 1891 г. Цѣна 3 руб., въ переплетѣ 4 руб. Вѣсъ 3 ф.

Контора книжнаго магазина Сергѣя Ильича Леухина имѣетъ честь извѣстить Гг. иногородныхъ, что по новымъ почтовымъ правиламъ плата за посылки увеличена и потому магазинъ до 1,000 верстъ пересылку принимаетъ на себя, а свыше 1,000 верстъ проситъ прилагать за каждый фунтъ по 10 коп. на 1,000 верстъ. Книгопродавецъ С. И. Леухинъ въ Москвѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1891 г. НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

еженедѣльное изданіе, 7-й годъ.

Москва, Малая Дмитровна, домъ № 12.

◆ Въ каждомъ № помѣщаются: совѣты, рецепты и указанія, понятныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрупнымъ техническимъ производствамъ со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертажей разныхъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастерскихъ и хозяйства.

◆ Къ 50-ти №№ прилагается 100 листовъ рисунковъ образцовыхъ издѣлій для столяровъ, обойщиковъ, слесарей, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ (моды Русселя и др.) и пр. **Кромѣ того:** календарь для ремесленниковъ и цѣлая серія отдѣльныхъ книгъ по разнымъ ремесламъ.

Необходимое изданіе для техника, ремесленника, кустаря, сельскаго хозяина, любителя ремеслъ и для школъ.

◆ Въ 1891 г. объемъ изданія увеличенъ будетъ въ **полтора раза.**—Подписная цѣна останется **прежняя.** № 4863

6 руб. въ годъ съ перес. и дост., за $^1/_2$ года 4 руб.

„РЕМ. ГАЗ.“ одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.

Вышли въ свѣтъ и продаются двѣ книги изд. **М. С. Демидова,** для казначеевъ, бухгалтеровъ, конторщиковъ, управленій желѣзн. дорогъ, банковъ и для лицъ по торговлѣ и коммерціи. Полезны каждому, имѣютъ неоспоримую важность въ смыслѣ знанія быстраго исчисленія на счетахъ. Прочитавшій книги два- три раза, можетъ скоро дѣлать всякое какое бы ни было исчисленіе съ дробями.

1. „Вновь изобрѣтенная ариеметика на простыхъ русскихъ счетахъ“. Ц. 60 к. и

2. „Никогда не бывалый и неслыханный задачникъ на тѣхъ же счетахъ“.

съ подробнымъ объясненіемъ и рѣшеніемъ задачъ 70 коп. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ 30% уступки.

Адресовать: И. Н. Парфенову въ Вольскѣ, Саратовск. губ. уг. Гостинаго дв. № 1.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

КАТАЛОГЪ

моихъ фотографическихъ художественныхъ изданій высылается безплатно.

П. Френцель, Амстердамъ (Голландія).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1891 г. НА

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по *всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.*

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло; механическая и химическая технологія; желѣзнодорожное дѣло; архитектура; инженерное и строительное искусства; электротехника, техническое образованіе; обзоръ дѣятельности торговопромышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ; біографіи выдающихся дѣятелей техники и промышленности; критика и библіографія; **смѣсь:** замѣтки о новостяхъ техники, практическіе совѣты, испытанные составы и т. д.; **справочный отдѣлъ:** отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, торговыя и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи, новыя привиллегіи; **приложенія:** чертежи, книги, брошюры спеціальнаго характера.

◆ Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція будетъ стремиться давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала по намѣченнымъ отдѣламъ.

Контора журнала **(коммерческій отдѣлъ)** оказываетъ всѣмъ гг. подписчикамъ возможное **содѣйствіе по различнымъ справкамъ, по выпискѣ книгъ, образцовъ разныхъ издѣлій, машинъ, инструмент. и пр.**

◆ **16 руб. въ годъ съ перес. и доставкой, за 1$^1/_2$ года 9 руб.** По соглашенію съ редакціей допускается разсрочка.

◆ Учащіеся и служащіе въ техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеніяхъ пользуются скидкой въ 25%.

Адресъ редакціи: Москва, Малая Дмитровка, д. № 12.

Редакторъ издатель Учен. Инж.-Мех. *К. А. Казначеевъ.* № 4862

Ш. № 4875 3—1

ШУТЪ

XIII годъ изданія. 1891 г. 52 №№ въ краскахъ.

Адресъ: С.П.Б. Троицкая 10. МОСКВА Контора Печковской.

съ доставкой и пересылкой:	безъ пересылки и доставки.
На годъ . . . 7 руб.	На годъ 6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ 4 »	На 6 мѣсяц. 3 р. 50 к.
За границу . . 10 »	Разсрочка по соглашенію.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ для годовыхъ подписчиковъ

„День жизни петербургской красавицы“.

Роскошный альбомъ работы Н. А. БОГДАНОВА.

Гг. иногородн. подписчики благоволятъ приложить 60 коп. (можно почтовыми марками) за высылку преміи заказною посылкою.

НА 1891 Г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 Г.

на

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ежедневную большую и дешевую въ Россіи газету.

„Русскій Листокъ“, выходя ежедневно въ форматѣ большихъ газетъ въ шесть колоннъ убористаго шрифта, даетъ наиполнѣйшія свѣдѣнія изъ современной жизни. Сообщенія болѣе чѣмъ изъ 600 городовъ. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ и отъ собственныхъ корреспондентовъ. Московскій дневникъ. Театръ и музыка. Спортъ. Торговая хроника. Фельетонъ. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, мелочи и пр.

Въ вышедшихъ нумерахъ за 1890 годъ напечатано **двѣнадцать большихъ романовъ, свыше двухсотъ пятидесяти разсказовъ** (каждый день по одному обязательно), множество сценокъ, стихотвореній, каламбуровъ, шутокъ и проч.

Въ портфелѣ редакціи для 1891 г. имѣются произведенія: В. А. Риваля, Н. А. Хлопова, В. С. Карцова, Л. И. Соколовой, М. К. Сковронской, Е. О. Дубровиной, Елизаветы Г., С. М. Нестерова, И. К. Кондратьева, М. А. Козырева, Л. А. Фейгина и мн. др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи:

На годъ **5 р.** | На полгода **3 р.** | На 1 мѣсяцъ **60 к.**

Адресъ редакціи и конторы: **Москва, Варсонофьевскій переулокъ, домъ Рябушинскаго.** Ш. № 4871

ЧРЕЗВЫЧАЙНО КОМИЧЕСКІЕ ПРЕДМЕТЫ:

№ 4856 3—1

шутки, фотографіи. Илл. катал. 25 к. Е. и А. Шлеффель, Амстердамъ, Box. 509.

„ДИЛЛЕТАНТЫ“

ПОВѢСТЬ Ц. № 4857 2—1

Вл. И. Немировича-Данченко

будетъ печататься съ будущаго года въ ежедневной газетѣ

„НОВОСТИ ДНЯ“

Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

Годовая иногородная подписка 9 руб., полугодовая 5 руб. 50 коп. и для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ три срока по

◆ 3 руб. сер. ◆

НОВОСТЬ

мужскіе кальсоны изъ **ТВИСТЪ,** прочностію незамѣнимы никакими другими.

Только въ магаз. **Ю. ГОТЛИБЪ,** по Владимірск., д. 2, уг. Невскаго пр., СПБ.

Гг. иногородн. заказчики благоволятъ прислать мѣру пояса и длины отъ пояса и подошвы.

Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. по Европ. Рос.—2 р., а по Азіатск. Россіи по 2 р. 25 к. за пару. Торговцамъ уступка. Меньше трехъ паръ не высылается. Мt № 4874

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВѢНѢ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 16—4

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у **В. Аурихъ** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

НА 1891 ГОДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На 1-е (большое) изданіе:

	На годъ. р. к.	11 м. р. к.	10 м. р. к.	9 м. р. к.	8 м. р. к.	7 м. р. к.	6 м. р. к.	5 м. р. к.	4 м. р. к.	3 м. р. к.	2 м. р. к.	1 м. р. к.
Безъ доставки	14 50	13 —	12 —	10 50	9 80	9 —	8 —	6 80	5 50	4 —	2 80	1 50
Съ дост. по гор. почтѣ	16 —	15 —	13 50	12 —	11 —	10 —	9 —	7 50	5 80	4 50	3 30	1 80
Съ перес. иногор.	17 —	15 50	14 50	13 50	12 50	11 30	10 —	8 50	7 —	5 50	4 —	2 —
За границу	26 —	21 50	23 —	21 —	18 50	16 —	14 —	12 —	10 —	8 —	6 —	3 50

На 2-е (малое) изданіе:

	На годъ. р. к.	11 м. р. к.	10 м. р. к.	9 м. р. к.	8 м. р. к.	7 м. р. к.	6 м. р. к.	5 м. р. к.	4 м. р. к.	3 м. р. к.	2 м. р. к.	1 м. р. к.
Съ дост. по гор. почтѣ	9 —	8 50	8 —	7 50	7 —	6 50	6 —	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —
Съ перес. иног.	10 —	9 50	9 —	8 50	8 —	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —
За границу	18 —	— —	— —	— —	— —	— —	10 —	— —	— —	6 —	—	2 —

РАЗСРОЧКА платежа годовой подписной цѣны допускается: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ конторою. Взносы по разсрочкѣ производятся: гг. иногородными подписчиками: 1-го изданія: при подпискѣ—7 р., въ концѣ марта—7 р. и въ началѣ августа—3 р.; городскими: при подпискѣ—5 руб. 50 к., въ концѣ марта—5 р. 50 к. и въ концѣ іюня—5 руб. 2-го изданія: иногородными: при подпискѣ—4 р., въ концѣ марта—3 р. и въ концѣ іюля—3 р.; городскими: при подпискѣ—3 р., въ концѣ марта—3 р. и въ концѣ іюня—3 руб.

Подписка принимается **только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца текущаго года.**

Деньги и письма адресуются: **въ Петербургъ, въ контору газеты „Новости“ (Невскій, № 10).** Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „Новости“. № 4866

СѢМЯННАЯ ТОРГОВЛЯ В. Е. ГРАЧЕВА.

Продажа луговыхъ, корнеплодо-кормовыхъ, огородныхъ и цвѣточныхъ сѣмянъ. СПВ., Измайловскій полкъ, Дровяная улица, собств. домъ (противъ 12 роты).

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ НАСТОЯЩАГО ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА

въ С.ПЕТЕРБУРГѢ	въ МОСКВѢ
МАГАЗИНЪ	МАГАЗИНЪ
Невскій 18.	Кузнецкій м.
	д. Солодовникова
СКЛАДЪ	СКЛАДЪ
Чернышовъ переулокъ №19.	*Чижов. Подвор. (Никольская)*

И ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

Дозвол. цензур., СПБ., 5 декабря 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. | г. XXI

№ 50 | политики и современной жизни. | 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 15 декабря 1890 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

М. Башкирцева. Съ фотогр. грав. Джемсъ.

М. Башкирцева.

Въ бельэтажѣ одного изъ домовъ на улицѣ Амперъ въ Парижѣ есть комната, остающаяся въ томъ самомъ видѣ, какъ она была покинута своею хозяйкой лѣтъ шесть тому назадъ. Это просторная мастерская, въ которой бросаются въ глаза кіотъ съ образами Пречистой Дѣвы и Святыхъ, запертая конторка, столъ заваленный кистями и другими принадлежностями живописи, нѣсколько широколиственныхъ пальмъ, множество картинъ, этюдовъ, портретовъ, статуя женщины закрывшей лицо руками, обширная библіотека и наконецъ фотографическій портретъ красивой бѣлокурой дѣвушки, хозяйки этого очаровательнаго уголка. Маріи Башкирцевой.

Это была кипучая художественная натура, безвременно похищенная смертью, и буквально сгорѣвшая, какъ свѣча зажженная съ обоихъ концовъ.

Дочь богатаго русскаго помѣщика и предводителя дворянства, она семнадцати лѣтъ отъ роду явилась въ мастерскую Жюліана; насмѣшивъ на первыхъ порахъ своихъ соучениковъ и соученицъ крайнею неумѣлостью, она стала работать по 9 часовъ въ день, и вскорѣ добилась того, что картины ея стали появляться на выставкѣ въ „Салонѣ“, а одна изъ нихъ пріобрѣтена правительствомъ и находится въ Люксембургскомъ дворцѣ, гдѣ собраны лучшія произведенія новѣйшихъ школъ.

Марія Башкирцева родилась въ 1861 году, въ имѣніи отца ея близь Полтавы. Необыкновенныя способности ея проявились чуть не съ первыхъ лѣтъ дѣтства. Она совершенно свободно говорила по-французски, по-англійски, по-нѣмецки и по-итальянски, изучала греческій и латинскій языки. Всю жизнь она какъ-бы сгорала въ ненасытной жаждѣ знанія. Увлекаясь литературой, живописью, скульптурой, музыкой, она не знала отдыха. Съ десяти-лѣтняго возраста она постоянно вела свой дневникъ, котораго составилось 20 томовъ, прочла цѣлую библіотеку, играла на фортепіано, на арфѣ, гитарѣ, мандолинѣ и органѣ. Но всецѣло отдалась она живописи. Прибывъ въ Парижъ въ 1878 г., она стала посѣщать мастерскую Жюліана, и 11 мѣсяцевъ спустя получила на конкурсѣ медаль, присужденную ей Лефевромъ, Роберъ-Флери, Бугеро, Буланже и К°.

Затѣмъ на выставкахъ появились ея картины: *Портретъ кузины* (1880), *Мастерская Жюліана* (1881), *Жанъ и Жакъ* (1883), *Парижанка*, наконецъ въ 1884 знаменитая *Сходка* (*le Meeting*).

Кромѣ того, она вылѣпила нѣсколько статуй и этюдовъ.

Уже сильно истощенная непосильными трудами, въ 1885 г., оканчивая свою послѣднюю картину *Улица*, Башкирцева простудилась и вскорѣ скончалась отъ скоротечной чахотки, двадцати трехъ лѣтъ отъ роду.

Она была дружна съ живописцемъ Бастіенъ-Лепажемъ, умершимъ вскорѣ послѣ нея отъ той же ужасной болѣзни, и поэтомъ Франсуа Коппе, который посвятилъ ей вдохновенную характеристику. Памяти ея посвящены также стихотворенія: Э. Дюкро, Р. де-Суза, Гальяра и др.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XVI.

Черезъ два дня съ утра и до вечера всѣ Сталупени ликовали. Поутру изъ зáмка въ костелъ вышло торжественное шествіе, затѣмъ двинулся поѣздъ: красивая солитерка, въ которой ѣхала невѣста, окруженная всадниками; затѣмъ, тоже окруженный свитой, проѣхалъ верхомъ король. Точно также явился верхомъ и женихъ.

Выписанный по сосѣдству ксендзъ совершилъ обрядъ вѣнчанія. Около полудня тотъ же поѣздъ вернулся отъ костела въ зáмокъ и началось пированіе и въ зáмкѣ, и на селѣ.

Если бы ввечеру явилось хотя бы нѣсколько десятковъ самыхъ плохихъ бранденбуржцевъ, то Сталупени безъ выстрѣла достались бы Фридриху прусскому. Всѣхъ перевязали бы простыми веревочками, такъ какъ набралось бы не болѣе пяти-шести человѣкъ трезвыхъ, въ томъ числѣ, конечно, самъ король Янъ, Кáроль и Мамоновъ. Все остальное было или сильно навеселѣ, или мертвецки пьяно. Къ ночи все утихло. Все спало пьянымъ сномъ.

Часовъ въ десять вечера, среди темноты, пробравшись черезъ пикеты и мимо часовыхъ на селѣ, на мостикѣ и въ воротахъ, въѣхалъ во дворъ всадникъ въ мундирѣ Албанской банды. Онъ объявилъ, что имѣетъ письмо къ королю Яну, но передать его долженъ собственноручно.

Паюкъ, встрѣтившій пріѣзжаго гонца, хотѣлъ доложить о прибывшемъ Кáролю, но албанчикъ энергично потребовалъ, чтобы его, не теряя ни мгновенія, провели къ самому королю. Письмо, которое онъ явился передать, было настолько важно, что не допускало ни секунды отсрочки.

При этомъ требованіи паюкъ получилъ двѣ золотыхъ монеты. Оторопѣвъ и совершенно потерявшись, паюкъ бросился прямо въ аппартаменты Сандецкаго.

Панъ уже собирался ложиться спать, когда онъ явился съ объявленіемъ о прибывшемъ албанчикѣ.

— Веди скорѣй! отозвался Сандецкій, озадаченный. Такъ какъ панъ собирался ложиться и снялъ съ себя верхнее платье, то и остался въ своей спальнѣ ожидая гонца.

„Странное дѣло, о чемъ можетъ мнѣ писать князь Радзивилъ и почему это дѣло настолько спѣшное? Во всякомъ случаѣ, эта вѣсть — худая. Что-нибудь затѣваютъ противъ меня въ Варшавѣ“.

И пану Сандецкому вдругъ пришла мысль, поразившая его...

Что́, если Мамоновъ наглымъ образомъ обманулъ его? Ему нужно было обвѣнчаться съ Сусанной, а разъ онъ будетъ обвѣнчанъ и увезетъ ее съ собой, то какое ему дѣло если черезъ нѣсколько дней явится войско изъ Варшавы для усмиренія бунтовщиковъ и передачи помѣстій пана формальнымъ образомъ прусскимъ властямъ.

Сандецкій призадумался. Ему казалось, что подозрѣвать прямодушнаго Мамонова — невозможно. А между тѣмъ это письмо отъ князя Радзивилла было загадкой.

Сандецкій стоялъ среди своей горницы, задумавшись и глядя на единственную свѣчу, которая полыхала большимъ огнемъ. Вся комната какъ бы вздрагивала въ колеблющихся лучахъ свѣта.

Дверь отворилась, и на порогѣ появился молоденькій и маленькій албанчикъ, стройный и красивый, съ маленькими черными усиками.

„Мальчуганъ!“ подумалъ Сандецкій, поглядѣвъ на вошедшаго.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тотчасъ же послѣ перваго соображенія, панъ Ксаверій выпрямился какъ отъ удара и лицо его потемнѣло. Онъ впился глазами въ албанчика и невольно попятился отъ него.

Молоденькій албанчикъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ поднялъ руку къ лицу и когда опустилъ ее вновь, то усовъ уже не было. Черезъ секунду, прежде чѣмъ успѣлъ Сандецкій опомниться, предъ нимъ на колѣняхъ стоялъ тотъ же албанчикъ, но уже узнанный имъ. Эта была Франуся.

Сандецкій былъ такъ пораженъ, что молча отнялъ руки Франуси, которыми она обхватила его колѣна, отошелъ и упалъ на ближайшее кресло.

Франуся двинулась за нимъ и снова опустилась предъ нимъ на колѣни. Она что-то говорила, но Сандецкій ничего не понималъ. Онъ понялъ только одно слово, повторенное нѣсколько разъ:

— Прости, пане!..

— Зачѣмъ ты пришла?.. Чего ты хочешь?.. выговорилъ наконецъ Сандецкій.

И въ глазахъ его появились слезы, а это было всего раза три въ его жизни.

— Прости меня!.. Я все разскажу... Я не виновата...

— Не могу простить! отозвался Сандецкій.—Никогда... Уходи! Тебѣ нѣтъ мѣста здѣсь, въ зáмкѣ. Ты злая женщина, безправственная, жестокосердая и коварнѣйшая изъ всѣхъ, какія когда-либо рождались.

Но Франуся, стоя на колѣняхъ предъ нимъ, схватила его руки, цѣловала ихъ и, обливаясь слезами, повторяла все одно и то же.

— Прости, пане!.. Я все разскажу...

Черезъ нѣсколько минутъ она уже сидѣла около Сандецкаго и съ жаромъ разсказывала ему всю свою исторію и вѣроломный образъ дѣйствій короля. Она клялась, что всегда любила Сандецкаго и любитъ теперь болѣе чѣмъ когда-либо.

— Что же тебѣ нужно? воскликнулъ наконецъ Сандецкій.—Неужели ты воображаешь, что я—дворянинъ древняго рода—способенъ жениться на тебѣ послѣ поступка шляхтича Понятовскаго? Онъ—король, неправильно избранный. Онъ такой же король, какъ и я... Онъ самъ себя избралъ при помощи штыковъ и бочекъ вина. А я избралъ себя въ короли безъ вина и безъ насилія, слѣдовательно, если онъ король, то я тѣмъ паче... Но въ дѣйствительности и онъ, и я—шуты гороховые. Неужели ты воображаешь, что прошлое возвратимо?

— Нѣтъ, никогда! воскликнула Франуся. — Я не за этимъ явилась къ вамъ... Я только одного прошу... Простите меня и оставьте здѣсь въ зáмкѣ. Поймите — я люблю васъ!..

— Вздоръ и вздоръ! Если бы любила, то никакіе короли не заставили бы тебя бѣжать изъ моего дома и осрамить меня на всю Польшу.

Объясненіе Сандецкаго съ Франусей продолжалось еще цѣлый часъ. Франуся не даромъ явилась въ Ста-

лупени и не даромъ разсчитывала на свои силы. Объясненіе повело къ тому, что Сандецкій взволнованнымъ, грустнымъ голосомъ согласился на то, чтобы Франуся оставалась въ зàмкѣ, но съ однимъ условіемъ...

Сначала Франусю удивило это условіе, но затѣмъ она обрадовалась ему. Сандецкій согласился съ тѣмъ, чтобы Франуся, занявъ одну изъ горницъ, скрывалась въ ней ото всѣхъ, точно такъ же, какъ нѣкогда скрывалась у Зарембы отъ ксендза.

— Я хочу, чтобы никто не зналъ, что ты здѣсь. Это позоръ для меня, слабодушіе, ребячество... Я поступаю какъ влюбленный школьникъ. Я долженъ бы былъ тебя прогнать, какъ женщину, опозорившую меня. Если ты здѣсь останешься, то должна жить жизнью заключенной, по крайней мѣрѣ на первое время.

Франуся, въ нѣсколько мгновеній обдумавшая условіе Сандецкаго, вдругъ оживилась. Лицо ея просіяло.

— Я сама думала объ этомъ! воскликнула она. — Никто не долженъ знать, что вы простили меня и что я съ вами. Послѣ, хотя бы черезъ мѣсяцъ, два, хотя черезъ полгода, пускай знаютъ всѣ... Мало-ли что можетъ еще быть!.. А покуда я сама рада быть узницей. Если я буду видѣть васъ хоть одинъ разъ въ день, то я буду совершенно счастлива.

— Тѣмъ лучше, выговорилъ Сандецкій.—Я запру тебя... и только изрѣдка, вечеромъ или ночью, ты будешь выходить прогуляться, но не иначе, какъ со мной и, конечно, въ костюмѣ почти такомъ же, какъ твой. т. е. въ мужскомъ костюмѣ Сталупеньской банды. Если кто ночью увидитъ тебя со мною, то не признаетъ, а подумаетъ, что я взялъ кого-либо изъ сталупеньчиковъ въ качествѣ прислужника.

Сандецкій подумалъ нѣсколько мгновеній. Найти такую горницу, въ которой могла бы поселиться Франуся, не видимая никѣмъ, было нѣсколько мудрено, главнымъ образомъ мудрено потому, что онъ не хотѣлъ никому повѣрять своей тайны. О присутствіи Франуси въ зàмкѣ не долженъ былъ знать никто, помимо ихъ двоихъ.

— Послушай, Франуся, дѣло мудреное... Единственная горница во всемъ громадномъ зàмкѣ—это маленькая комнатка въ одно окошко, которая помѣщается за моею уборной и выходитъ уже въ башню. Чтобы попасть въ эту горницу, нужно пройти черезъ мою спальню и уборную, а ко мнѣ помимо моего гайдука никто не входитъ.

— Что же изъ этого? отозвалась Франуся. — Тѣмъ лучше! Я буду въ двухъ шагахъ отъ васъ... Я могу видѣть васъ постоянно, цѣлые дни. Вы можете уходить въ вашу спальню, запереть за собой дверь, и я могу быть съ вами по цѣлымъ часамъ. Да это счастіе! Поймите...

— А пить и ѣсть? усмѣхнулся Сандецкій, уже глядя влюбленными глазами на красиваго албанчика.

— Пустяки! Хлѣбъ и вода...

— Какой вздоръ! воскликнулъ Сандецкій.

— Нѣтъ, не вздоръ... Меня и нужно запереть и посадить на хлѣбъ и на воду за все, чтò я надѣлала. Но я знаю — я искуплю свою вину... Я заставлю васъ простить меня. Вспомните, вѣдь я отъ васъ ничего не требую, кромѣ... любви!

На другой день въ маленькой горницѣ, выходившей въ башню и о существованіи которой почти никто не зналъ, было кое-что устроено. Комната преобразилась въ спальню.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съ этого же дня у пана Сандецкаго явились новыя привычки. Онъ сталъ заниматься въ спальнѣ, а не въ кабинетѣ, по цѣлымъ часамъ. Онъ сталъ завтракать и ужинать, чего прежде не дѣлалъ, ограничиваясь небольшою закуской. Наконецъ, онъ сталъ по вечерамъ аккуратно гулять по парку, запретивъ всѣмъ, даже Кàролю, сопутствовать ему или приближаться.

Всегда во время прогулки за нимъ слѣдовалъ какой-то молоденькій сталупеньчикъ. Тѣ, кого интересовалъ вопросъ, кто именно сопровождаетъ пана, нѣсколько удивлялись. Молоденькаго сталупеньчика, въ очень красивомъ мундирѣ, видѣли только съ паномъ. Въ отрядѣ или въ зàмкѣ его никто не зналъ. Но этотъ вопросъ былъ мало любопытенъ.

Главное, чтò замѣтили въ числѣ прочихъ перемѣнъ, совершившихся въ образѣ жизни Сандецкаго, было то, что онъ сталъ веселѣе чѣмъ когда-либо. Болѣе всѣхъ изумлялся Кàроль. Давно-ли онъ видѣлъ отца озабоченнымъ, по временамъ крайне задумчивымъ, даже грустнымъ, а теперь отецъ ликовалъ.

Кàроль объяснялъ себѣ это явленіе тѣмъ, что несчастная страсть отца къ обманувшей его женщинѣ уже совершенно утихла.

XVII.

Прошло двѣ недѣли. Въ Сталупеняхъ было мирно... Вѣстей не приходило никакихъ. Было лишь одно письмо отъ Мамонова изъ Варшавы, очень большое и любопытное.

Мамоновъ снова подтверждалъ, что королю Яну нечего опасаться какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій со стороны польскаго или русскаго правительствъ. Онъ объяснялъ, что резидентомъ получено собственноручное письмо императрицы, въ которомъ она называетъ его молодцомъ и шутитъ насчетъ Прусскаго короля. Сандецкаго она называетъ по-французски: „monsieur le roi“ и говоритъ, что „господинъ король“ — явленіе замѣчательное, что въ исторіи народовъ почти ничего подобнаго не бывало. Если бывали люди воображавшіе себя монархами, то таковые никогда не защищали свой королевскій санъ и свое королевство войскомъ, да къ тому же еще побѣдоноснѣйшимъ образомъ.

Съ легкой руки императрицы, прибавлялъ Мамоновъ, и въ Варшавѣ стали уже называть Сандецкаго панъ-круль Янъ. Когда на вечерахъ и балахъ кто-либо произноситъ слова: „король думаетъ, король сказалъ, король собирается“, то присутствующіе, смѣясь, спрашиваютъ:

— Который? Станиславъ или Янъ?

Послѣдствіемъ этого явилось то, что Станислава-Августа зовутъ просто „круль“, а Сандецкаго зовутъ „панъ-круль“. По-французски говорятъ: „Sa majesté le roi“ про одного и „monsieur le roi“ про другаго.

За исключеніемъ этого письма отъ Мамонова, не было ничего новаго.

Среди тишины жизни въ Сталупеняхъ явилась только одна характерная особенность.

Десятки удалыхъ молодцовъ, преимущественно изъ албанчиковъ, ходили задумчивые и грустные. Они явились сюда ради жажды подраться съ бранденбуржцами, а вотъ уже сколько времени какъ ни одинъ зеленый мундиръ не показывается со стороны границы.

Нетерпѣніе, овладѣвавшее этими удальцами, было диковинное и едва вѣроятное. Они тосковали, изнывали. Чудилось, если не нынче—завтра придетъ вѣсть, что бранденбуржцы снова появились на границѣ, то достаточно собрать нѣсколько десятковъ этихъ удальцовъ и пустить ихъ однихъ, чтобы они искрошили своими карабелями сотни двѣ бранденбуржцевъ.

Однажды ввечеру какъ будто молнія сверкнула и упала въ зàмкѣ. Все сразу встрепенулось, закричало и забѣгало. Не прошло четверти часа, гулкая суматоха поднялась бурей въ зàмкѣ, во дворѣ и повсюду кругомъ. Всѣ, ликуя, сбились съ ногъ.

Особенно отличались сталупеньчики изъ албанской банды, которые обнимались, цѣловались, другіе пускались въ плясъ, третьи кидали вверхъ шапки и кричали:

Туркменъ, продавецъ ковровъ въ Мервѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав. Флюгель.

Изъ лѣсу. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **А. Писемскаго**, грав. М. Рашевскій.

— Vivat круль Янъ! Pereat Фридрихъ! Pereant бранденбуржцы!

Вѣсть, уподобившаяся удару молніи, была о томъ, что на Сталупени движется вновь сильный отрядъ войска. Самъ же Сандецкій, узнавъ подробности, нѣсколько смутился.

Вѣстникъ, одинъ изъ его домовниковъ, родственникъ маршала Трембицкаго, привезъ вѣсти нѣсколько тревожныя. Онъ вызвался съ недѣлю назадъ отправиться въ качествѣ путешественника въ Торунь, а тамъ узналъ и затѣмъ собственными глазами видѣлъ сформированный вновь отрядъ, который долженъ двинуться на Сталупени.

На этотъ разъ это было войско въ двѣ тысячи человѣкъ конницы, пѣхоты и артиллеріи. При отрядѣ было три пушки и нѣсколько мортиръ.

Двѣ тысячи бранденбуржцевъ для войска сталупеньскаго было не шуткой. Несмотря на огромный приливъ охотниковъ, въ Сталупеняхъ все-таки насчитывалось менѣе тысячи человѣкъ. Изъ нихъ дѣйствительно храбрыхъ и отчаянныхъ воиновъ было не болѣе четырехсотъ. Разумѣется, эти четыреста могли поспорить съ тысячью бранденбуржцевъ. На нихъ и была главная надежда.

Снова Сандецкій созвалъ самыхъ удалыхъ домовниковъ и снова вмѣстѣ съ Кàролемъ, Зарембой и Бурчимухой обсудилъ, какъ встрѣтить непріятеля.

Бурчимуха болѣе всѣхъ настаивалъ на своемъ планѣ и противорѣчилъ всѣмъ. Всѣ, начиная отъ Сандецкаго и кончая послѣднимъ домовникомъ, давно уже забыли, что Бурчимуха былъ когда-то паюкомъ; да и въ то время, будучи главнымъ паюкомъ, онъ занималъ должность въ родѣ камердинера.

Теперь, благодаря своимъ подвигамъ въ битвахъ съ бранденбуржцами, благодаря дворянскому достоинству, которое далъ ему король Янъ, Бурчимуха былъ уже въ совершенно иномъ положеніи. Во время совѣщанія онъ горячо предлагалъ раздѣлить войско сталупеньское на два отряда. Одному — встрѣтить бранденбуржцевъ, а другому — обойти ихъ и ударить въ тылъ.

Авангардами обоихъ отрядовъ Бурчимуха предлагалъ поставить не иначе какъ тѣхъ, кто сами того пожелаютъ. Бурчимуха назвалъ нѣсколько бывшихъ албанчиковъ, которые не только хотѣли страстно подраться съ бранденбуржцами, но которые прямо заявляли, что желали бы сложить свои головы. Жить надоѣло, а умереть иначе нельзя. Вѣдь не повѣситься же! А быть убитыми пруссаками — за это на томъ свѣтѣ тысяча грѣховъ отпустится.

Главнымъ противникомъ на совѣщаніи всего, чтò предлагалъ Бурчимуха, былъ Заремба. Старикъ, оказавшійся нѣкогда инженеромъ, теперь оказывался равно хорошимъ стратегомъ. Планъ Зарембы былъ таковъ, что и Сандецкій, и Кàроль присоединились къ нему тотчасъ же.

Предполагалось встрѣтить бранденбуржцевъ въ томъ мѣстѣ дороги, гдѣ она окружена сплошнымъ густымъ лѣсомъ, въ которомъ въ иныхъ мѣстахъ и нога человѣческая никогда не ступала.

Близь дороги были столѣтнія сосны, столѣтніе громадные дубы. Дорога была узенькая, а по бокамъ стояли стѣною деревья-гиганты. Чаща начиналась тотчасъ же на сажень или двѣ отъ края дороги.

Заремба предлагалъ все наличное войско разсыпать въ засадѣ по лѣсу, и только часть, не болѣе сотни человѣкъ, самыхъ отчаянныхъ рубакъ, посадить на коней, спрятать на полянѣ въ лѣсу, съ тѣмъ, чтобы они бросились на непріятеля въ ту минуту, когда тотъ вздумаетъ отступать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Заремба объявилъ, что у него есть еще два средства уничтожить двухтысячное войско короля Прусскаго, но что этихъ двухъ вещей онъ не скажетъ никому помимо самого короля Яна и, пожалуй, пана Кàроля. На эти двѣ свои выдумки онъ болѣе всего полагался. Въ нихъ была вся сила. Наученный горькимъ опытомъ предательства, онъ до послѣдней минуты хотѣлъ удержать все втайнѣ.

— А то опять явится Іуда и все пропадетъ! сказалъ онъ.

На заявленіе Сандецкаго, что ни онъ, ни Кàроль не могутъ вполнѣ присоединиться къ плану Зарембы, не зная въ чемъ дѣло, старикъ-шляхтичъ нагнулся и прошепталъ нѣсколько словъ Сандецкому на ухо.

— Да, выговорилъ панъ Ксаверій, — какой же ты умница! Да, Заремба, отплатилъ ты мнѣ за мой хлѣбъ! Я у тебя въ долгу, давно въ долгу. И всякій день все болѣе должаю тебѣ.

Слова эти Сандецкій проговорилъ съ паѳосомъ. То. чтò сказалъ ему на ухо Заремба, очевидно поразило его.

— Да, Кàроль, и вы, мои подданные, выговорилъ Сандецкій,— выдумка или, лучше сказать, двѣ выдумки Зарембы—замѣчательныя. Богъ его знаетъ, откуда онъ такое выкопалъ! Я теперь глубоко убѣжденъ, что не только двухтысячный, но и четырехтысячный отрядъ пруссаковъ былъ бы нами побѣжденъ. А увѣренность въ побѣдѣ—великая вещь! Да, нѣтъ сомнѣнія, что мы опять разобьемъ бранденбуржцевъ въ пухъ и прахъ.

Сандецкій подозвалъ къ себѣ сына и прошепталъ ему нѣсколько словъ, передавая то, чтò слышалъ отъ Зарембы. Кàроль весело расхохотался, ни слова не говоря, обошелъ столъ, подошелъ къ Зарембѣ, обнялъ его и расцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Что?! выговорилъ Сандецкій. — Каково?!

— Изумительно! воскликнулъ Кàроль.—Заремба просто уродился полководцемъ. А вѣдь жилъ отшельникомъ. Бываетъ же такая игра судьбы!

Дѣйствительно, оказывалась диковина.

Жилъ старикъ въ зàмкѣ, сидѣлъ безвыходно, никого не видая, и читалъ все какія-то книжки, ни на чтò не нужныя. И такъ бы и умеръ. И сочли бы его всѣ чуть не дуракомъ. Но вдругъ обстоятельства перемѣнились... Вступилъ на престолъ король Янъ, понадобились ему полководцы и всякіе искусники, и вдругъ нелюдимъ и домосѣдъ-старикъ оказался умнѣйшимъ человѣкомъ.

XVIII.

На утро, чуть свѣтъ, изъ Сталупеней по дорогѣ къ границѣ двинулось все наличное войско. На этотъ разъ никого кромѣ женщинъ не осталось ни въ зàмкѣ, ни въ селѣ. Даже шестнадцатилѣтніе подростки съ села, захвативъ что кто могъ: вилу, косу, топоръ, цѣлой кучей двинулись за всадниками и пѣхотой.

Одно изъ распоряженій удивило многихъ. Заремба потребовалъ всѣ топоры, какіе только могли найтись на селѣ въ Сталупеняхъ. Оказалось ихъ около двухсотъ, всѣ были сложены въ повозки и увезены съ собой, окруженные всадниками, словно какое сокровище.

— Вотъ въ этомъ вся сила... шепталъ Заремба, видя удивленные взоры нѣкоторыхъ изъ сталупеньчиковъ.— И въ васъ, удальцахъ—великая сила, но и въ этихъ топорахъ — великая сила. А почему—узнаете тогда, когда дворъ этотъ снова наполнится нашими военноплѣнными.

Сандецкій, въ своемъ королевскомъ костюмѣ, выѣхалъ, окруженный свитой, впереди войска. Кàроль, въ качествѣ главнокомандующаго, сталъ, верхомъ на великолѣпномъ конѣ, въ воротахъ зàмка и пропустилъ мимо себя все войско.

Пока проходили мимо и всадники, и пѣшіе, и всякій сбродъ съ разнаго рода земляными орудіями, Кàроль всѣхъ подбадривалъ или поздравлялъ, что они будутъ драться съ бранденбуржцами, или веселилъ какой-нибудь остроумной шуткой.

Часто въ отвѣтъ на его слова раздавались vivat'ы.

Сталупеньское войско выходило, казалось, не на битву, а на пиръ.

Пропустивъ всѣхъ, Кароль пришпорилъ своего коня, чтобы обогнать войско и присоединиться къ свитѣ отца. Лошадь его прыгнула, споткнулась и упала на переднія ноги. Суевѣрный католикъ сказался въ немъ.

— Нехорошо... Скверный признакъ!.. вымолвилъ онъ вслухъ.—Неужели я сегодня буду убитъ какимъ-нибудь бранденбуржцемъ?..

И новая мысль пришла Каролю въ голову.

„Вернусь я обратно во дворъ", подумалъ онъ,—„прочитаю молитву Пресвятой Дѣвѣ и выѣду снова въ ворота. Этимъ я положительно на половину уничтожу худое предзнаменованіе".

Молодой человѣкъ повернулъ лошадь и снова проскакалъ въ ворота на дворъ. Но въ эту минуту онъ почему-то взглянулъ на башню, на развѣвавшійся флагъ съ гербомъ Сандецкаго, и круто остановивъ лошадь, изумленными глазами впился въ одно мѣсто башни. Затѣмъ онъ ахнулъ и перекрестился. Это было навожденіе. Это было еще хуже, чѣмъ споткнувшійся конь. Это была чертовщина.

Въ маленькомъ окошечкѣ башни онъ увидѣлъ женскую головку, которую сразу узналъ... Въ окошечко смотрѣла Франуся.

Въ то мгновеніе, когда онъ устремилъ туда взоръ, головка скрылась, но Кароль готовъ былъ поклясться, что ему не померещилось... Онъ видѣлъ, ясно видѣлъ Франусю, а между тѣмъ это было, конечно, нѣчто дикое... Конечно, какое-то навожденіе.

Развѣ могла очутиться въ зáмкѣ злодѣйка, которая въ это время была въ Варшавѣ полновластною фавориткой Станислава-Августа?

Кáроль остановилъ лошадь, прочиталъ молитву, перекрестился, затѣмъ молодцовато выскакалъ со двора и пустился стрѣлой по полю.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ былъ уже около отца, но мысль о томъ, что̀ привидѣлось ему, не покидала его. Проѣхавъ нѣсколько верстъ рядомъ съ отцомъ, Кáроль не выдержалъ.

— Со мной сейчасъ случилось чортъ знаетъ что̀! выговорилъ онъ.—Просто навожденіе! Знаешь-ли, батюшка, кого я сейчасъ видѣлъ?.. Прости, если это будетъ непріятнымъ напоминаніемъ...

— Что такое?.. отозвался Сандецкій.

Кáроль разсказалъ все, что̀ съ нимъ случилось и прибавилъ:

— И въ ту минуту, когда я въѣзжалъ обратно во дворъ и случайно поглядѣлъ на развѣвающійся на башнѣ флагъ, я увидалъ въ окнѣ, въ башнѣ... Кого бы ты думалъ?.. Догадаться невозможно...

— Конечно, мудрено, отозвался Сандецкій, слегка мѣняясь въ лицѣ, и тотчасъ прибавилъ:—Вотъ что, Кароль, прекрати на этомъ разсказъ... Я дальше ничего не хочу знать... Очевидно, это было навожденіе... Я догадываюсь, что ты видѣлъ въ оконкѣ такую фигуру, которой тамъ быть не могло. Что̀ хорошаго, предъ тѣмъ, что идти на смерть, знать подобнаго рода предзнаменованіе!.. Ни слова болѣе!.. Послѣ ты мнѣ разскажешь.

Кáроль не удивился суевѣрному желанію отца, но удивился тому, что лицо Сандецкаго нѣсколько измѣнилось. Не прошло и четверти часа, какъ уже Кáроль не вѣрилъ въ навожденіе и сталъ задумчивъ и грустенъ.

Онъ понялъ, что никакого навожденія нѣтъ, но есть нѣчто во сто разъ худшее... Нѣчто ужасное, позорное и гибельное...

„Но когда же? Какъ же?!" воскликнулъ онъ мысленно.—„Какъ могла она пробраться въ зáмокъ?! Какъ могла она заставить его простить все и пріютить въ зáмкѣ? И что̀ изъ этого будетъ? Неужели когда-нибудь отецъ совершенно проститъ эту злодѣйку?.."

Если прежде Кáроль не вѣрилъ въ чувство Франуси къ пожилому отцу, то теперь, послѣ ея поступка съ нимъ въ Варшавѣ, онъ окончательно былъ убѣжденъ, что Дзялынская не что иное, какъ злая, ядовитая змѣя.

И Кароль, задумчиво подвигаясь на своемъ конѣ, думалъ не о предстоящей битвѣ съ пруссаками, а о другой борьбѣ. О томъ, что онъ обязанъ, какъ любящій сынъ, избавить Сандецкаго отъ злодѣйки. Отомстить за него, а не глядѣть спокойно на то, какъ интригантка снова очаровываетъ отца, чтобы снова опозорить на иной ладъ, быть можетъ, худшій.

Невѣста бѣжавшая изъ дому къ другому—меньшій срамъ, нежели женитьба извѣстнаго магната на такой искательницѣ приключеній. А между тѣмъ Каролю чудилось, что появленіе Франуси въ зáмкѣ, возможность примиренія между Сандецкимъ и ею—поведутъ, очевидно, къ браку.

Тѣмъ временемъ войско достигло дороги ведшей къ Прусской границѣ и расположилось на отдыхъ. Тотчасъ же были отправлены верховые впередъ развѣдчиками. Черезъ два часа они явились съ вѣстями, что большой отрядъ точно такъ же отдыхаетъ по ту сторону. Имъ командуетъ генералъ со свитой, котораго они даже издали видѣли разъѣзжающимъ.

Войско имъ показалось многочисленнымъ, быть можетъ, даже болѣе того, что было извѣстно въ Сталупеняхъ. Имъ показалось, что бранденбуржцевъ можно насчитать до трехъ тысячъ.

Немногіе смутились отъ этого. Большинство обрадовалось. Наступленія отряда надо было ожидать на другой день на зарѣ.

Послѣ отдыха, Кáроль, Заремба и Бурчимуха принялись за приготовленія для встрѣчи врага.

За исключеніемъ двухсотъ всадниковъ, все войско разсыпалось по чащѣ вѣковаго лѣса, по обѣимъ сторонамъ дороги на разстояніи полу-версты. Въ самомъ темномъ и густомъ мѣстѣ, гдѣ дорога была всего у̀же, разсыпались удальцы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги.

Конница, все охотники, самые удалые рубаки и сорвиголовы, укрылись въ томъ же лѣсу на полянѣ, недалеко впереди. Ими командовалъ Бурчимуха, который передъ тѣмъ горячо простился съ королемъ Яномъ, заявляя, что по его предчувствію онъ долженъ быть убитъ. То же сдѣлали нѣкоторые изъ удальцовъ перешедшихъ въ Сталупени изъ Албанской банды.

Заремба дѣятельно занялся инымъ дѣломъ, для котораго ему потребовались всѣ топоры изъ повозокъ и всѣ взятые съ села молодцы, умѣвшіе не рубиться съ непріятелемъ, а рубить дрова.

Окончивъ свою работу около двухъ часовъ ночи, Заремба вернулся на то мѣсто, гдѣ просто на травѣ лежалъ Сандецкій съ нѣсколькими домовниками. Подойдя, онъ выговорилъ:

— Ваше величество! Главное сдѣлано, и сдѣлано такъ дивно, какъ я и не ожидалъ.

— Спасибо! отозвался Сандецкій.—А знаешь-ли, пане Заремба, что̀ мнѣ это напоминаетъ?.. Читалъ-ли ты что̀ случилось съ войскомъ фараона, когда онъ черезъ Красное море преслѣдовалъ народъ Божій?

— Знаю! отозвался Заремба, смѣясь.

— Ну, вотъ. Вѣдь въ этомъ же родѣ... Тамъ Красное море, а тутъ Сталупеньскій лѣсъ.

XIX.

Утромъ въ лѣсу было тихо. Дорога была пустынна. Казалось, что на всемъ протяженіи лѣса не было ни единой души... Все было мертво. Даже вѣтерокъ, дувшій ночью, стихъ. Ни единый листъ не шевелился.

Около семи часовъ раздались звуки трубъ. На дорогѣ появилось нѣсколько десятковъ конницы въ зеленыхъ мундирахъ. Они ѣхали шагомъ и трубили неизвѣстно зачѣмъ. Для собственнаго-ли удовольствія, ради-ли франтовства, или чтобы напугать звуками трубъ сталупень-

скихъ защитниковъ. Но отсюда звукъ военныхъ трубъ достигнуть до Сталупеней не могъ.

Проѣхавъ, весь отрядъ трубачей и всадниковъ вернулся снова по той же дорогѣ. На всемъ ихъ пути ничто не шелохнулось въ лѣсу.

Почти всѣ сталупеньчики, невидимые въ чащѣ лѣсной, отлично видѣли прогуливавшійся взадъ и впередъ отрядъ съ трубачами. Сандецкій и всѣ до послѣдняго дружинника—пошутили мысленно и вслухъ надъ бранденбуржцами, видя эту поѣздку съ музыкой.

— Что-же треклятые нѣмцы думаютъ... сказалъ Сандецкій сыну.—Они думаютъ, что мы сдадимся имъ безъ выстрѣла, а Сталупени падутъ какъ палъ Іерихонъ? Они забыли видно, что трубы Іисуса Навина были не нѣмецкія и не лютеранскія.

Черезъ часъ весь непріятельскій отрядъ, стройно, красиво и весело, вступилъ въ лѣсъ, растянувшись длинною вереницей.

Бранденбуржцы поневолѣ двигались узкой колонной. Конница шла впереди. За нею громыхали пушки и мортиры, а затѣмъ двигалась пѣхота.

Когда голова отряда приблизилась къ крайнему пункту густаго лѣса, гдѣ былъ и самъ Сандецкій, хвостъ отряда почти поравнялся съ противоположнымъ концомъ, гдѣ была спрятана сталупеньская конница подъ командой Бурчимухи.

Сандецкій, стоя, какъ и всѣ, въ чащѣ за нѣсколько шаговъ отъ дороги, взялъ винтовку въ руки и, не прицѣливаясь ни въ кого изъ бранденбуржцевъ, выпалилъ. Его выстрѣлъ долженъ былъ быть только сигналомъ для начала битвы.

Дѣйствительно, черезъ мгновеніе послѣ этого перваго выстрѣла, загудѣлъ и затрещалъ весь лѣсъ. Справа и слѣва отъ дороги, на протяженіи болѣе полуверсты, посыпался изъ чащи на нѣмцевъ цѣлый градъ пуль.

Отрядъ всполошился и сразу оторопѣлъ. Врагъ былъ кругомъ въ нѣсколькихъ шагахъ, билъ почти безъ промаха, а отвѣчать было невозможно, развѣ только наугадъ стрѣлять по кустамъ.

Генералъ, командовавшій отрядомъ, тотчасъ понялъ, что попалъ въ засаду. Отбиваться было невозможно. Приходилось развѣ разсыпать свой отрядъ точно такъ же на обѣ стороны по лѣсу, чтобы перестать быть мишенью. Другое средство было проще. Надо было скорѣе миновать узкій проходъ и лѣсную глушь.

Генералъ, бывшій во главѣ войска, отрядилъ двухъ адъютантовъ съ приказомъ конницѣ и артиллеріи выбираться рысью изъ лѣсу, даже не отстрѣливаясь, а пѣхотѣ—бѣгомъ.

Отдавъ эти приказанія, генералъ съ авангардомъ и свитой съ мѣста пустился въ галопъ по дорогѣ, которая круто заворачивала влѣво. Завернувъ и глянувъ передъ собой—самъ командиръ и все, что было за нимъ, снова оторопѣли, ахнули и сразу уперлись на мѣстѣ.

Дороги не существовало. Предъ ними была цѣлая лохматая гора изъ поваленныхъ деревьевъ. Поперекъ дороги, еще болѣе узкой въ этомъ мѣстѣ, лежали десятки громадныхъ столѣтнихъ деревьевъ. Взять въ бокъ, чтобы объѣхать искусственную преграду, не было возможности: чаща была слишкомъ густа.

Раздалась команда поворачивать назадъ. Орудія загромыхали опять, за ними конница, но черезъ нѣсколько мгновеній все наткнулось на свою же пѣхоту, бѣгущую навстрѣчу.

Пѣхотѣ тотчасъ было приказано тоже повернуть обратно, и весь отрядъ двинулся обратно по лѣсной дорогѣ, снова осыпаемый градомъ пуль съ обѣихъ сторонъ. Но теперь всадники, слѣдуя за пѣшими, поневолѣ двигались тихо. Постоянно въ густыхъ рядахъ падали люди, или убитые, или тяжко раненые, заграждая узкій путь.

Бранденбуржцы смущались и терялись все болѣе. Около сотни самовольно, безъ всякой команды, бросились въ кусты, чтобы встрѣтиться съ врагомъ и вступить въ рукопашную, лишь бы не быть мишенью невѣдомаго и невидимаго непріятеля. Но всѣ бросавшіеся въ чащу падали отъ мѣткихъ выстрѣловъ.

Кое-какъ подвигаясь, безпорядочно и трусливо, давя собственныхъ своихъ раненыхъ, отрядъ прошелъ не болѣе трехсотъ шаговъ, и на глазахъ его произошло какое-то волшебство.

Справа и слѣва стѣной стоявшій лѣсъ сталъ падать съ обѣихъ сторонъ. На ихъ глазахъ узкая дорога исчезла, какъ бы перестала существовать. Выхода не было. Предъ ними въ нѣсколько мгновеній наворотилась такая же гора деревьевъ, какъ и въ противоположномъ концѣ.

И на лѣсной дорогѣ заварилась самая ужасная каша, какая когда-либо бывала въ битвахъ. На остановленный отрядъ отовсюду гремѣлъ учащенный огонь, такъ какъ всѣ разсыпавшіеся сталупеньчики чащей сбѣгались къ одному мѣсту.

Еще мгновенье—и оказалась адская хитрость. Справа и слѣва уже на самый отрядъ начали падать громадные дубы, вязы и сосны. Каждое дерево убивало нѣсколько человѣкъ, валясь въ сплошной строй. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое дерево являлось какъ бы паутиной, опутывавшей десятки людей.

Вскорѣ все пространство превратилось въ настоящую кашу или въ человѣческій разоряемый муравейникъ. Между стволами и вѣтвями, какъ муравьи, кишѣли люди и лошади, давя и уничтожая другъ друга, и одновременно осыпаемые пулями изъ нѣсколькихъ сотъ ружей.

Среди всеобщей паники и сумятицы, командующій генералъ увидѣлъ направо, благодаря десятку упавшихъ деревьевъ, большой просвѣтъ, за которымъ виднѣлась поляна. Это было единственное мѣсто, куда можно было спастись конницѣ изъ жаркаго огня.

Безъ всякой команды, изъ чувства самосохраненія, все, что было живо, бросилось къ этому просвѣту, но прежде всѣхъ конечно — конница. И здѣсь, въ этомъ просвѣтѣ, гдѣ, дѣйствительно, оказалась полянка, спасавшіеся бранденбуржцы наткнулись тоже на конницу, состоявшую изъ главныхъ удальцовъ Сталупеней.

Схватка двухъ конныхъ отрядовъ произошла моментально, стремительно. Одними руководила дикая вражда и пожалуй даже желаніе сложить свои головы. Другими руководила отчаянная рѣшимость пробиться и спастись.

Здѣсь тоже заварилась каша, и черезъ нѣсколько мгновеній тоже были кучи раненыхъ и убитыхъ. Но здѣсь бранденбуржцы взяли верхъ. Отчаяніе придало имъ силы и къ тому-же они были многочисленнѣе.

Почти весь отрядъ Бурчимухи былъ изрубленъ. Самъ предводитель свалился съ коня одинъ изъ первыхъ, получивъ ударъ саблей, разрубившей ему голову пополамъ. Отъ всего отряда вскорѣ оставалось не болѣе сорока человѣкъ, но и тѣ не сдавались и продолжали рубиться, а черезъ минуту точно такъ же полегли мертвыми.

Всадники, уцѣлѣвшіе отъ рубки, ускакали и за ними черезъ ту же полянку спаслось еще до двухсотъ человѣкъ пѣхоты. Все остальное, или погибло, или было окружено непріятелемъ и взято живьемъ.

Побѣда была полная, не смотря на неравныя силы. Разумѣется, побѣда эта явилась послѣдствіемъ хитроумныхъ соображеній шляхтича Зарембы. Не столько огонь, не столько мѣткія пули, сколько двѣ стѣны падающихъ гигантовъ-деревьевъ уничтожили бранденбуржцевъ.

Къ сумеркамъ въ Сталупени вернулось побѣдоносное войско, но ликованія было мало. Сталупеньчики потеряли сравнительно небольшое количество людей, но у нихъ

Андалузская красотка. Съ карт. П. Т., грав. Джемсъ.

погибли лучшіе, храбрѣйшіе. Все что было охотниковъ изъ Албанской банды—все осталось на полянѣ.

Сандецкій, тихо подвигавшійся верхомъ во главѣ своего отряда, былъ задумчивъ. Кàроль, ѣхавшій около отца, тоже былъ озабоченъ.

— Да, милый мой, выговорилъ наконецъ Сандецкій,— эта побѣда равняется пораженію... Мы были сильны тѣми, кого теперь не имѣемъ. Это была голова нашего войска. Ее отрубили. Остались руки, ноги и туловище. Бурчимуха и ему подобные незамѣнимы.

— Нѣтъ, батюшка, отозвался Кàроль, — я не согласенъ. Мнѣ что-то говоритъ, что обстоятельства измѣнятся. Побѣда эта имѣетъ для насъ огромное значеніе. Когда узнаютъ въ королевствѣ, что мы уничтожили двухтысячное войско пруссаковъ, на наше дѣло посмотрятъ совершенно иными глазами. Мнѣ кажется, что теперь болѣе чѣмъ когда-либо со всѣхъ сторонъ явится къ намъ помощь; лишь-бы только выиграть время, какой-нибудь мѣсяцъ — и посмотри: въ Сталупени явится войско въ нѣсколько тысячъ, тысячи въ три по крайней мѣрѣ. Чѣмъ была Барская конфедерація и ея войско въ самомъ началѣ? Въ первой сформировавшейся бандѣ было не болѣе пятисотъ человѣкъ, а чѣмъ кончилось? Барскіе конфедераты сражались съ русскими войсками и одерживали даже побѣды. То же будетъ и у насъ.

На этотъ разъ вернувшееся войско, усталое и опечаленное потерей лучшихъ товарищей, не стало пировать. Рѣшено было отдохнуть за ночь, а на другой день заняться уборкой въ лѣсу мертвыхъ тѣлъ.

На утро Заремба, собравъ народъ съ села съ лопатами, двинулся на мѣсто битвы и занялся рытьемъ ямъ и погребеніемъ. Убитыхъ оказалось болѣе пятисотъ человѣкъ, раненыхъ вдвое больше.

Посланные развѣдчики явились къ Зарембѣ и объяснили, что во всей окрестности пропасть бранденбуржцевъ легко раненыхъ, или просто бѣглыхъ, но что повсюду и хлопы, и женщины ловятъ ихъ, какъ дикихъ звѣрей, и приканчиваютъ, такъ что врядъ-ли уйдетъ живьемъ хотя одинъ.

Въ то же утро къ королю Яну Сталупеньскому явились вновь два гонца. Одинъ изъ нихъ привезъ письмо отъ Раздивила.

Князь извѣщалъ, что, прослышавъ о томъ, что на Сталупени идетъ большое войско бранденбуржцевъ, онъ вмѣстѣ съ другими друзьями рѣшилъ оказать храброму королю Яну посильную помощь.

Радзивилъ обѣщалъ, что черезъ три недѣли въ Сталупени явится отборное войско въ тысячу человѣкъ съ фуражомъ и провіантомъ на цѣлый мѣсяцъ. Онъ просилъ только короля Яна сдѣлать честь принять это войско подъ свою команду для борьбы съ общимъ врагомъ.

Другой посланецъ потребовалъ личнаго свиданія съ королемъ, чтобы собственноручно вручить ему свое посланіе. Этотъ гонецъ не мало поразилъ Сандецкаго не столько тѣмъ, что было въ письмѣ, сколько тѣмъ, что сказалъ на словахъ. Второй гонецъ оставался въ горницахъ пана до ночи.

Кàроль, пожелавшій видѣть отца, получилъ чрезъ камердинера отвѣтъ, что Сандецкій занятъ письмами и видѣть сына не можетъ. Онъ спѣшитъ отвѣчать пространно на письма, привезенныя гонцами.

Въ ту же ночь гонецъ Радзивила выѣхалъ обратно съ благодарственнымъ посланіемъ короля Яна и съ просьбой прислать войско какъ можно скорѣй. Когда и куда выѣхалъ второй гонецъ, никто въ зàмкѣ не зналъ. Второе письмо осталось тайной, про которую Сандецкій никому ничего не повѣдалъ.

Когда Кàроль на слѣдующее утро спросилъ у отца, въ чемъ заключается это второе письмо и отъ кого былъ второй гонецъ, Сандецкій махнулъ рукой и выговорилъ:

— Это пустое... Удивительно оно очень, но пустое... Послѣ разскажу, а теперь не до того...

(Продолженіе будетъ).

Джемма.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Разсказъ **Кота Мурлыки.**

(Продолженіе).

VIII.

— Дорогой мой! сказала она,—скинь твою теплую шкурку. Я тебѣ дамъ чудную кофту...

Джемма обратилась къ одной изъ женщинъ и что-то сказала ей на непонятномъ языкѣ. Та опрометью бросилась въ другую комнату и почти тотчасъ же вынесла длинную кофту съ широкими женскими рукавами, всю расшитую золотомъ. Я покраснѣлъ при одной мысли надѣть такую кофту, но Джемма сѣла передо мной на коверъ и только повторяла ся мягкимъ, ласковымъ, пѣвучимъ говоромъ:

— I beg you! My dear, if you love me!

А сзади мулатка и другая женщина безъ церемоніи стаскивали съ меня мой пиджакъ, и не прошло полу-минуты, какъ я былъ наряженъ въ женскую кофту. Джемма, не поднимаясь съ колѣнъ, обняла меня.

— О, мой дорогой, милый мальчикъ, прошептала она, — ты такъ гораздо, гораздо красивѣе!

Она быстро поднялась съ колѣнъ и, медленно отступая и наклоняя голову то направо, то налѣво, щурилась и любовалась на меня. При этомъ почти поминутно вскидывала руки кверху, точно хотѣла обнять меня и, наконецъ, бросилась ко мнѣ и страстно обняла меня и поцѣловала.

— Ты вѣдь любишь меня? Моя душечка! Мое сердце! Мой глазокъ! спрашивала она.

И когда она прижала меня къ своей груди, то я чувствовалъ, какъ сильно колышется ея сердце, и какъ тяжело дышетъ и волнуется эта горячая грудь, прижимаясь ко мнѣ.

Я невольно отстранился и подумалъ:

„Какая тутъ дипломатія?! Тутъ нужно жениха, а не дипломата“.

Затѣмъ все съ тою же поспѣшностью, съ тѣми же быстрыми, ловкими, точно кошачьими движеніями, она усадила меня опять подлѣ себя и опять приказала что-то своимъ прислужницамъ. Двѣ изъ нихъ опрометью бросились и почти тотчасъ принесли подносъ, уставленный какими-то чашечками и флакончиками.

— Хочешь ты фисташковаго тѣста или вареной батли-танги? Это очень вкусно и сладко.

— Я немного попробую, сказалъ я.

— Кушай, кушай, дорогой мой!

Я попробовалъ. Что-то сладкое, черезчуръ сладкое, ароматное и страшно перечное... Я не могъ ѣсть и отказался къ крайнему удивленію ея и всѣхъ стоящихъ тутъ, которыя заахали и затараторили какъ сороки. Она взяла отъ меня блюдце и, посматривая на всѣхъ и болтая безъ умолку, быстро съѣла.

Затѣмъ она опять что-то сказала своимъ прислужницамъ, и онѣ принесли два ларчика. Одинъ поменьше, черный, изъ какого-то дерева или массы, но удивительно художественно сдѣланный; онъ весь представлялъ сплетеніе мельчайшихъ фигурокъ людей, змѣй, слоновъ, тигровъ, арабесокъ. Другой былъ богато украшенный дорогими камнями ларецъ изъ слоновой кости. Она взяла первый, отперла и раскрыла передо мной. Ларецъ былъ полонъ нитками жемчуга. Нѣкоторыя жемчужины были такой громадной величины, что я никогда затѣмъ нигдѣ не видалъ такихъ, да, вѣроятно, и не увижу.

— Это мои старинные жемчуги, говорила Джемма. — Жемчуги моего рода... Вотъ посмотри! Красиво.

И она вынула самую крупную, необыкновенно чистой воды жемчужину, которая была оправлена болѣе мелкими, въ родѣ звѣзды.

Она щурилась и любовалась на эту жемчужину, примѣривала на меня, то приставляя къ горлу, то на лобъ.

— Это „звѣзда радости“, сказала она.—Ей ужь теперь лѣтъ триста.—И она положила эту звѣзду радости снова въ ларчикъ и открыла другой ларецъ побольше, изъ слоновой кости.

Я невольно ахнулъ. Такой массы дорогихъ камней я никогда не видалъ. Весь ларецъ былъ наполненъ ими. Тутъ были колье изъ крупныхъ солитеровъ, отъ которыхъ, казалось, исходили брилліантовые огни. Тутъ были чудные сапфиры, изумруды, рубины... Но все это было тяжело, некрасиво оправлено, безвкусно; и все лежало, наваленное другъ на друга. Она безъ церемоніи вытаскивала изъ ларца то ту, то другую

ривьеру, или фермуаръ, или брошку, или серьги. При чемъ камни терлись другъ объ друга и объ металлическія, золотыя украшенія. Она надѣвала вещи на себя одну за другой и, надѣвъ, смотрѣла на меня и щурилась.

— Хорошо?.. а это хорошо?! А? спрашивала она, гордая красотой дорогихъ камней и своею собственною. — Ты хочешь, я тебѣ подарю это, говорила она, протягивая ко мнѣ одно колье. — Хочешь?.. У тебя будетъ хорошая, дорогая цѣпь на твоей хорошенькой, нѣжной шейкѣ...

И она надѣла брилліантовую цѣпь мнѣ на шею.

Но я запротестовалъ всѣми моими силами противъ этого неожиданнаго и дорогаго подарка.

— Нѣтъ! Я хочу, чтобы ты носилъ ее, спорила она. — Мой дорогой! Жизнь моя!

Она никакъ не соглашалась взять ее назадъ.

„Я послѣ пришлю ей обратно", подумалъ я: „съ ней не сговоришь, какъ съ маленькимъ ребенкомъ. А теперь просто надо бѣжать, не то она, пожалуй, захочетъ укладывать меня спать на ея постели и убаюкивать меня".

— Я долженъ идти, сказалъ я, быстро вскочивъ съ дивана и посмотрѣвъ на часы.—Меня ждутъ... Мнѣ никакъ нельзя, говорилъ я.—Отдайте мнѣ мое платье!

И я хотѣлъ сбросить кофту.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я дарю тебѣ эту кофту... Мой дорогой!

Она хотѣла обнять меня.

Но я ловко увернулся и, схвативъ мой пиджакъ, который лежалъ тутъ-же на диванѣ, сбросилъ ненавистную кофту и быстро надѣлъ свое платье. Этотъ рѣшительный шагъ поразилъ, кажется, и Джемму, и ея прислужницъ. Нѣкоторыя даже слабо вскрикнули. Я началъ растегивать колье. Но замочекъ былъ съ какимъ-то секретомъ, а Джемма, увидавъ, что я дѣлаю, снова бросилась передо мной на колѣни и съ мольбой заговорила:

— No! No! No! Ты этого не снимешь! Ты это возьмешь себѣ!.. Это я подарила тебѣ... Мое сердце... Мое сокровище!.. Пламя очей моихъ!

— А вы меня выпустите? спросилъ я.—Мнѣ здѣсь жарко... душно...

Дѣйствительно, я просто задыхался.

— Прощай! Иди!.. Прощай, мой милый, милый мальчикъ!

Она такъ страстно прижалась ко мнѣ. Мнѣ казалось даже, что въ ея зазвенѣвшемъ голосѣ звучали слезы.

Я вырвался и со всѣхъ ногъ бросился вонъ.

Только въ третьей комнатѣ я остановился и вспомнилъ, что не исполнилъ того дипломатическаго порученія, съ которымъ послалъ меня Семенъ Никитичъ.

IX.

Тихими шагами, соображая, идти мнѣ или не идти къ нему, и что онъ обо мнѣ подумаетъ, скажетъ: „мальчикъ, ребенокъ, дитя!.. развѣ возможно поручить ему что-нибудь серьезное?!" Но въ то же время я утѣшалъ себя мыслью, что я еще разъ буду имѣть предлогъ быть у Джеммы,—и съ этимъ рѣшеніемъ предсталъ передъ Семеномъ Никитичемъ и Баграджей. Они сидѣли попрежнему вдвоемъ и о чемъ-то говорили, съ увлеченіемъ перебивая другъ друга.

— Ну! что?!. Какъ дипломатія? вскричалъ Семенъ Никитичъ, увидавъ меня.

Но я завертѣлъ отрицательно головой и сказалъ:

— Никакъ нельзя было... Никакъ нельзя. Я вамъ послѣ разскажу.

Семенъ Никитичъ укоризненно покачалъ головой и что-то сказалъ Баграджѣ по-индійски.

— О! вскричалъ онъ и проговорилъ какую-то фразу, быстро, но съ достоинствомъ, какъ-то величественно, по-царски прошелъ въ уголъ комнаты и, взявъ оттуда небольшой шахматный столикъ съ разставленными шахматами, онъ принесъ его и поставилъ передъ диваномъ. Затѣмъ, опустившись на него, указалъ мнѣ мѣсто противъ себя на низенькомъ табуретѣ или, вѣрнѣе, на высокой подушкѣ.

— Раджа приглашаетъ тебя играть съ нимъ, сказалъ Семенъ Никитичъ. — Я сказалъ, что ты страстный любитель шахматъ.

Я чувствовалъ, какъ закружилась моя голова, и завертѣлись зеленыя змѣйки или червячки въ моихъ глазахъ.

— I beg you! сказалъ Раджа и указалъ мнѣ на подушку.

На моей сторонѣ стояли бѣлыя... Я долженъ былъ начинать.

Мое волненіе не покидало меня во все продолженіе нашей игры. Я не буду описывать ее. Скажу только, что въ самомъ началѣ ея я потерялъ ферезь, а за ней обѣ ладьи, и къ крайнему моему стыду, остался съ однимъ королемъ и съ двумя коньками. Очевидно, Баграджа игралъ со мной, какъ котъ съ мышью. Онъ что-то сказалъ Семену Никитичу, который захохоталъ неистово, а я вскочилъ весь красный и со слезами на глазахъ, сказалъ, что играть больше не буду, и тутъ-же далъ себѣ честное слово выучиться по-индійски и притомъ какъ можно скорѣе, чтобы понимать все, что они говорятъ.

Когда мы уходили, то я обратился къ Семену Никитичу съ просьбой растегнуть мое колье и возвратить хозяевамъ. Семенъ Никитичъ только теперь обратилъ на него вниманіе и разахался.

— Ахъ! Ахъ! сказалъ онъ, всплеснувъ руками,—что ты надѣлалъ!.. Дипломатъ ты, дипломатъ! Покорнѣйше прошу!.. Вѣдь этого нельзя... этого никакъ нельзя... чтобы возвращать подарокъ. Покорнѣйше прошу! Они страшно обидятся... А между тѣмъ они теперь, покорнѣйше прошу, задарили тебя... Ты уже закупленъ ими... Они будутъ такъ и считать.. Ахъ! Ахъ! Что ты надѣлалъ!

Мнѣ хотѣлось сказать: „Неужели они не понимаютъ, что это была шутка?" Со мной играли какъ съ ребенкомъ. Но на это объясненіе, признаюсь откровенно, у меня не хватило духу.

Дома мать моя растегнула колье и всѣмъ показывала этотъ дорогой подарокъ. По оцѣнкѣ знатоковъ, онъ стоилъ по крайней мѣрѣ 10,000 руб. ассигнаціями.

Визитъ этотъ, по своимъ послѣдствіямъ, имѣлъ для меня довольно важное значеніе и опредѣлилъ на многіе годы мою дальнѣйшую дорогу въ жизни. Данное мнѣ самому честное слово я долженъ былъ сдержать. Я долженъ былъ доказать и моей хорошенькой Джеммѣ, и этому бронзовому истукану Баграджѣ, что я взрослый мужчина, а не мальчикъ, и что, если даю слово, то умѣю держать его. Джемма и Баграджа не выходили изъ моего представленія, они стояли передо мной, мерещились мнѣ на яву и во снѣ.

Съ другой стороны, совѣсть мучила меня за то, что я не выполнилъ порученія Семена Никитича, т. е. того, за чѣмъ онъ возилъ меня къ Баграджѣ. Я горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе исправить эту ошибку.

X.

Въ тотъ-же день я обратился къ отцу съ убѣдительною просьбой выучить меня говорить по-индійски и, если можно, то скорѣе.

— Что такъ загорѣлось? спросилъ меня отецъ съ его обычной усмѣшкой. — Люди учатся цѣлыми годами, ѣздятъ, живутъ въ Индіи... а ты, какъ всегда... На! Тяпъ, ляпъ и корабль!.. По щучьему велѣнью, по моему хотѣнью, а по чьему нетерпѣнью?.. Этого и не знаешь!..

Я упросилъ его на другой-же день привезти мнѣ индійскіе разговоры, грамматику и лексиконъ.

— Разговоры я тебѣ привезу и грамматику тоже, а лексиконъ ты можешь и у меня найти.—И онъ привезъ мнѣ и то и другое, только все на англійскомъ языкѣ. Слѣдовательно, я долженъ былъ съ языкомъ, совершенно для меня чуждымъ, управляться посредствомъ другаго также чужаго языка, который я не скажу чтобы зналъ основательно.

Но молодость двигаетъ горами.

На другой-же день я сбѣгалъ къ Семену Никитичу и сказалъ, что я хоть сейчасъ готовъ загладить мою вину и вывѣдать отъ Джеммы, чья она дочь, и что у меня къ нему просьба, выучить меня говорить по-индійски и притомъ возможно скорѣе.

Семенъ Никитичъ вытаращилъ глаза и сказалъ:

— Покорнѣйше прошу!.. Къ чему такъ поспѣшно?.. Что такъ приспичило?.. Или въ Джемму влюбился?.. О! плутъ дипломатъ!.. А вѣдь хорошенькая дѣвочка!.. А? Не правда-ли, хорошенькая, покорнѣйше прошу!.. И колье тебѣ подарила, богатѣйшее. Это... вѣдь по-индійски... только невѣсты женихамъ дарятъ... А? Покорнѣйше прошу!

Въ тотъ же день я съ жадностью засѣлъ за азбуку. Семенъ Никитичъ показалъ мнѣ выговоръ буквъ, къ которому надо было приспособиться, и я долго не могъ приноровить мое горло и языкъ къ этимъ гортаннымъ, грасирующимъ и грохочущимъ звукамъ.

Должно замѣтить, что въ то время моей юности я былъ не только упрямъ, но и настойчивъ; а къ этому присоединилось мое горячее увлеченіе шахматами, Джеммой и всѣмъ этимъ теченіемъ, которое я называлъ „индійскимъ наважденіемъ". Разумѣется, это увлеченіе не прошло мнѣ даромъ и черезъ три, четыре дня я лежалъ въ постели, обложенный горчичниками и съ холоднымъ компрессомъ на головѣ. Я бредилъ по-индійски, звалъ Джемму, поминутно собирался въ Индію и разъигрывалъ самыя трудныя шахматныя игры.

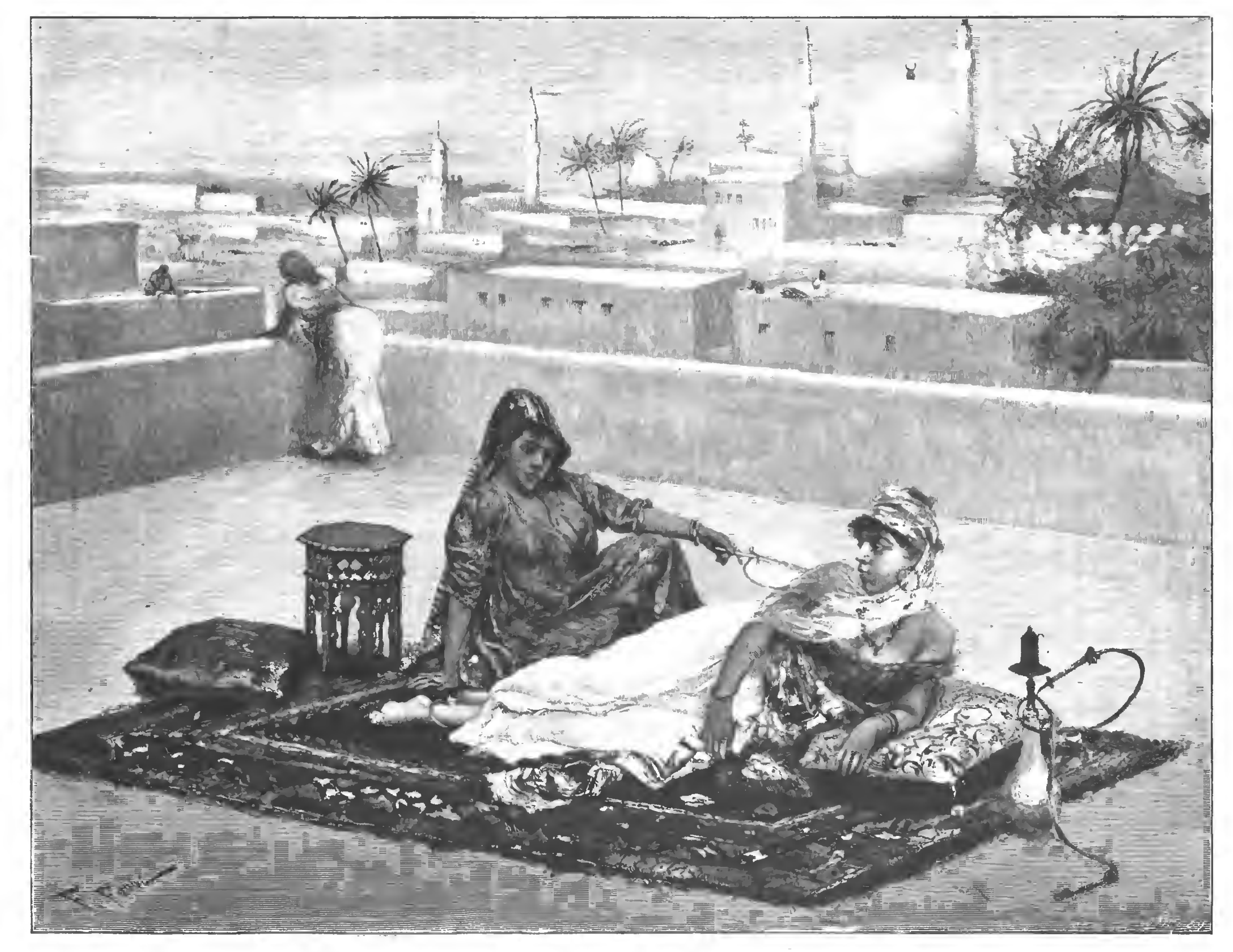
На третій день медики, пользовавшіе меня и твердо опредѣлившіе у меня горячку, заявили, что у меня былъ просто приступъ остраго возбужденнаго состоянія, которое могло кончиться воспаленіемъ въ мозгу,—приступъ, прошедшій, благодаря ихъ лѣченію. Они строго-настрого запретили мнѣ игру въ шахматы и всякія умственныя занятія. Но, разумѣется, это запрещеніе было только фикціей, которою они утѣшали себя и мою добрую маму. Въ сущности-же я разъигрывалъ въ умѣ шахматныя игры, что было гораздо тяжелѣе и вреднѣе, и зубрилъ и долбилъ наизусть индійскія слова и цѣлыя фразы.

Черезъ недѣлю я уже считалъ себя совершенно здоровымъ и усердно упрашивалъ Семена Никитича идти со мной къ Баграджѣ.

— Какъ же мы пойдемъ, покорнѣйше прошу, когда мать тебя не пускаетъ?

— Семенъ Никитичъ! вскричалъ я въ отчаяніи:—вѣдь Джемму могутъ увезти!.. И мы ничего не узнаемъ!

— Не такъ скоро, покорнѣйше прошу! Такія дѣла скоро не



На кровлѣ въ Александріи. Съ карт. Фабіо-Фаббп, грав. Цейне.

Городъ Владиміръ-Волынскій. Съ фотографіи художника Сѣдова, грав. Рашевскій.

дѣлаются... Они еще растрясутъ здѣсь свою индійскую мошну... Покорнѣйше прошу!.. А главное, что мы не можемъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока руки наши связаны. Если-бы ты былъ тогда умнѣе и спросилъ Джемму, какъ зовутъ ея отца, то мы, покорнѣйше прошу, были-бы уже дома! А теперь... вотъ... стоимъ, какъ раки на мели.

Черезъ нѣсколько дней мы, однако, двинулись съ нимъ снова къ Багараджѣ. Семенъ Никитичъ, кажется, успѣлъ убѣдить отца, что для ихъ цѣли существенно важно узнать, чья была дочь Джемма.

Я упросилъ мать, чтобы мнѣ позволили надѣть болѣе легкое платье.

XI.

Когда, прежнимъ порядкомъ, меня ввели къ Джеммѣ, то я нашелъ ее не одну. Подлѣ нея, на диванѣ сидѣлъ высокій, худой старикъ въ бѣлой чалмѣ и съ длинною бѣлою бородой. На немъ ничего не было, кромѣ широкаго бѣлаго пояса, который нѣсколько разъ былъ обернутъ около его живота. Высохшее, исхудалое, но мускулистое тѣло его, бронзоваго цвѣта, представляло рѣзкій контрастъ съ его бѣлой бородой и чалмой, да и вообще на меня произвелъ отталкивающее впечатлѣніе его слишкомъ легкій костюмъ. Впрочемъ въ комнатѣ Джеммы было такъ жарко натоплено, что этому костюму можно было позавидовать.

Джемма, какъ только увидала меня, входящаго вслѣдъ за мулаткой, то радостно вскрикнула, всплеснула руками и бросилась ко мнѣ навстрѣчу.

— О! мой милый, дорогой мальчикъ! Звѣзда души моей! Ты былъ боленъ!?

И, подведя къ старику, она что-то пробормотала ему по-индійски и сказала мнѣ, указывая на старика:

— Это мой дядя, Джамма Багавари.

Старикъ, ничего не говоря, схватилъ меня длинными руками за обѣ мои руки и, крѣпко держа, уставилъ прямо на меня свои бѣлесоватые глаза, зорко смотрѣвшіе изъ-подъ густыхъ, посѣдѣвшихъ бровей. Затѣмъ, не выпуская меня изъ своихъ мускулистыхъ рукъ, началъ что-то медленно говорить Джеммѣ, а она говорила мнѣ:

— Дядя находитъ, что ты добрый, честный мальчикъ. У тебя чистое сердце и ясные глаза.

Тогда я, краснѣя и заикаясь, сказалъ ей на деванагарскомъ нарѣчіи:

— Прошу сказать, что я очень люблю тебя и всѣхъ родственниковъ твоихъ.

Джемма съ радостнымъ крикомъ обняла меня.

— Онъ говоритъ по-индійски? вскричала она по-англійски. — Мой дядя! заговорила она по-индійски, что-то объясняя ему. Но я тотчасъ-же остановилъ ее.

— Джемма, сказалъ я по-англійски,—эта фраза... я ее составилъ и выучилъ... а больше я ничего не знаю. Я только хотѣлъ показать тебѣ, что я учусь по-индійски.

Она опять забормотала что-то по-своему.

— Мой милый мальчикъ!.. Хочешь, я буду учить тебя нашему великому языку?.. Ты знаешь-ли, что на этомъ языкѣ написаны всѣ священныя книги Веды?.. Его только изуродовали, сдѣлали изъ него *урду* или *ректу*. Ты хочешь, чтобы я тебя учила?!. Да?

Разумѣется, я съ радостью согласился и тутъ-же, не откладывая въ долгій ящикъ, поспѣшилъ исполнить мою дипломатическую миссію.

— Скажи мнѣ, Джемма, спросилъ я, — какъ зовутъ твоего отца?.. Вѣдь онъ живъ, надѣюсь?.. Да хранитъ его Отецъ Всемогущій!

— А зачѣмъ тебѣ, мой милый мальчикъ? Душа моего сердца!—И тутъ-же она обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ Джаммѣ Багавари.

— Мнѣ это очень нужно, сказалъ я.—Я тебѣ послѣ скажу.

— Ея отца, сказалъ Джамма Багавари,—зовутъ князь (раджа) Аянъ-Ханъ Бараджу Матари.

И Джемма повторила его отвѣтъ.

— Онъ раджа Джараханскій? спросилъ я Джемму.

Она кивнула головой и тихо съ гордостью сказала:

— Да! онъ раджа Джараханскій.... Зачѣмъ-же это тебѣ нужно?..

Но я такъ обрадовался этому отвѣту, который дозволялъ намъ (кому? я въ точности не зналъ) дѣйствовать въ пользу ея отца, что крѣпко обхватилъ ее руками и прошепталъ ей:

— Я тебѣ это послѣ разскажу... послѣ!..

— А я любопытна, призналась она мнѣ также шепотомъ съ шаловливой усмѣшкой.—Меня будетъ это мучить.

— Нѣтъ! Послѣ!.. послѣ!—И я посмотрѣлъ многозначительно кругомъ.—Пожалуйста... Милая моя, не спрашивай теперь.

Она посмотрѣла на Джамма Багавари, что-то пробормотала ему по-индійски и вдругъ совершенно неожиданно крѣпко поцѣловала меня въ самыя губы. Я никакъ не ожидалъ этой ласки.

Скажу откровенно, что я чувствовалъ, что пользуюсь ею совершенно незаконно.

Я остался еще не надолго въ комнатѣ Джеммы и поспѣшилъ скорѣе къ Семену Никитичу, чтобы сообщить ему то, что я узналъ. Я постоянно твердилъ имя раджи Джараханскаго, чтобы не забыть его и передать въ точности. На сердцѣ у меня было удивительно весело и радостно.

Войдя въ комнату къ Багараджѣ, я бойко подошелъ къ Семену Никитичу и съ радостью, но шепотомъ ему на ухо сообщилъ имя отца Джеммы.

— Это вѣрно?.. спросилъ онъ, смотря на меня недовѣрчиво.

— Да! кивнулъ я головой.

— Ну! тогда помоги Богъ!.. Покорнѣйше прошу!

XII.

Уроки мои съ Джеммой начались черезъ два дня.

Нужно-ли говорить, что эти уроки шли на всѣхъ парахъ? Вообще у меня были сильныя способности къ изученію языковъ. Это было, вѣроятно, наслѣдственное отъ отца. Но тутъ эти способности, кажется, по крайней мѣрѣ удвоились, если не удесятерились. Я схватывалъ много и запоминалъ налету. Я какимъ-то чутьемъ проникалъ въ сокровенный смыслъ конструкціи языка, въ его идіомы и характеръ... Короче сказать, черезъ двѣ или три недѣли, т. е. черезъ девять или десять уроковъ (чаще, чѣмъ три раза въ недѣлю меня не пускали къ Джеммѣ), я уже зналъ очень много фразъ и могъ самъ составлять довольно скоро эти фразы. Джемма была въ восторгѣ. Она съ такою теплою любовью ласкала меня, съ такимъ дѣтскимъ счастьемъ въ ея глазахъ, что я весь проникался гордостью и радостью и считалъ себя чуть-чуть не всемірнымъ геніемъ.

Должно замѣтить, что при нашихъ урокахъ постоянно присутствовалъ Джамма Багавари, и когда присутствовалъ онъ, то всѣ прислужницы Джеммы удалялись, и она сама прислуживала ея дядѣ.

Когда этотъ дядя услыхалъ мою нетвердую рѣчь на деванагарскомъ нарѣчіи, то онъ опять такъ-же, какъ и въ первый разъ, обѣими руками, крѣпко взялъ меня за предплечія и, держа прямо противъ себя, началъ говорить мнѣ тихо и торжественно:

— Слушай, невинный отрокъ Всемогущаго, если ты будешь такъ-же прилеженъ, то тебѣ откроются тайны Премудраго, и ты не будешь слѣпцомъ.

И съ этихъ поръ почти каждый разъ, когда онъ присутствовалъ на моемъ урокѣ, онъ послѣ этого урока говорилъ со мной при помощи Джеммы.

Онъ всегда начиналъ свою рѣчь словами:

„Великій Брама говоритъ".

И когда онъ произносилъ эти слова, то Джемма поднималась съ дивана и становилась въ почтительную позу передъ дядей, скрестивъ руки на груди и склонивъ голову...

Должно замѣтить, что, несмотря на мое, можетъ-быть, слишкомъ раннее развитіе, я еще не вдумывался въ религіозные вопросы, и мое міросозерцаніе было очень ограничено.

При воспоминаніи теперь объ этомъ далекомъ прошломъ моей юношеской или отроческой жизни, въ моей памяти воскресаетъ, какъ на яву, вся милая обстановка этого времени. Я какъ будто вижу свѣтлую, милую дѣтскую улыбку Джеммы, глубокій, задумчивый взглядъ ея большихъ, выразительныхъ глазъ. Меня какъ будто снова окружаетъ эта пахучая, ароматная атмосфера ея комнатъ. И среди ея этотъ высокій, строгій старикъ съ большою бѣлою бородой, къ которому я всегда чувствовалъ невольное благоговѣніе, въ особенности, когда онъ торжественнымъ тономъ произносилъ:

„Великій Брама говоритъ".

Наконецъ, я совершенно освоился съ языкомъ Джеммы, легко понималъ ее и Джамма Багавари, и хотя съ трудомъ и неправильно, но могъ говорить. Джемма была въ восторгѣ отъ меня, а Багавари дольше и дольше бесѣдовалъ со мной, такъ что, наконецъ, мнѣ не трудно было понимать его рѣчь. Впрочемъ, главное затрудненіе состояло здѣсь въ томъ, что я не могъ переспрашивать. Онъ не повторялъ того, что было сказано, и каждую свою рѣчь начиналъ неизмѣннымъ арабскимъ стихомъ:

„Слушай внимательно мудрыхъ и лови ихъ слова,
„Какъ птицъ быстрокрылыхъ..."

XIII.

Однажды разъ онъ разсказалъ мнѣ притчу или преданіе, которое объясняло происхожденіе шахматной игры. Я не знаю, насколько оно исторически вѣрно. Разсказалъ онъ мнѣ его по поводу словъ Джеммы, которая передала ему, что я большой любитель шахматъ. Сказаніе это было въ звучныхъ мѣрныхъ стихахъ, но я передаю его въ прозѣ.

— Слушай, угодный Богу отрокъ, и помни сказаніе Мудрыхъ. „Давнымъ-давно, при великомъ царѣ Алефъ-Бенгаратѣ, жилъ мудрый и богоспасаемый человѣкъ, Джарахмуни. Много у царя Алефъ-Бенгарата было утѣхъ, много было драгоцѣнностей, земель и сильнаго войска. Много было красавицъ въ его гаремахъ; но великому Алефу было вездѣ скучно, а Джарахмуни жилъ у него, какъ мудрый дервишъ, и долженъ былъ разгонять и услаждать его скуку. „Ты видишь, говорилъ онъ,—царь мудрый и благословенный, что всѣ радости и блага здѣшней жизни—тлѣнны и суетны. Насъ зо-

ветъ къ себѣ блаженное сліяніе съ Брамой, и счастливо то существо, которое вкуситъ этотъ безмятежный покой безъ страстей и вожделѣній". Но царь Алефъ не могъ успокоиться, когда онъ хотѣлъ чего-нибудь. Онъ хотѣлъ не покоя, а забавъ и утѣхъ, только новыхъ, которыхъ онъ еще не испытывалъ въ жизни. „Я знаю, говорилъ онъ мудрому дервишу,—что есть въ мірѣ утѣха или забава, которая можетъ меня занять, и которой я не знаю. Укажи мнѣ эту забаву, и я подарю тебѣ то, что ты пожелаешь; если же ты не исполнишь моей воли, то приготовься къ смерти. Я дамъ тебѣ цѣлыхъ семь дней сроку. Ступай!" Мудрый Джарахмуни склонилъ голову и сказалъ: „Благой повелитель, ничто въ мірѣ не можетъ совершиться безъ воли Премудраго, и если голова моя должна упасть, какъ спѣлый плодъ, то да будетъ воля великаго Брамы. Я удаляюсь". Три дня молился мудрый Джарахмуни въ далекихъ пещерахъ Бардыхана. На третій день спустился къ нему духъ Вишну и открылъ великое. Вотъ что̀ открылъ ему премудрый духъ Вишну. „Тайна міра лежитъ въ десницѣ Вышняго. Онъ премудрый устроитель и зиждитель всего существующаго. Въ немъ сила и мудрость. Благодать его, вездѣсущая „аказа", все проникаетъ и всѣмъ распоряжается по его волѣ. Это не духъ, но собраніе духовъ многихъ. Все небесное борется съ землей. Духъ борется съ плотью и не можетъ побѣдить ее. Таковъ законъ Премудраго. Земнымъ владѣетъ Кришну и злая Кали. Но все, что̀ совершается на землѣ и въ небѣ и во всемъ мірозданіи, отмѣчено въ книгѣ судебъ,—такова воля Вышняго.

„Какъ молніи, летаютъ его посланные. Но еще быстрѣе летаютъ здѣсь на землѣ посланные злаго Кришну и богини Кали. Два исполнителя у Премудраго и вездѣсущей „аказы" и два исполнителя у Кришну и Кали.

„Неслышно, какъ тихіе, свѣтлые ангелы, спускаются на землю посланные Вишну и творятъ благо. Съ громомъ и молніей прилетаютъ злые исполнители воли Кришну и Кали и приносятъ гибель и разрушеніе.

„Тамъ, гдѣ нельзя идти прямыми путями, тамъ обходятъ два другихъ исполнителя, на коняхъ, и несутъ волю Вишну съ неба и волю Кришну здѣсь, на землѣ. У перваго исполнители подобны конямъ свѣта, блистающимъ въ славѣ солнца. У Кришну черные кони, которые дышутъ пламенемъ и разносятъ истребленіе.

„Тамъ, гдѣ должна быть употреблена значительная сила, тамъ посылаются сильные духи: Марабагуни, у которыхъ соединенная сила, и они бьютъ все встрѣчающееся имъ на пути, и помогаютъ свѣтлые аказѣ, а темные—Кали. Они ближе къ землѣ и борятся на окраинахъ каждаго царства. Бѣлые, свѣтлые стоятъ между небомъ и землею. Черные, темные стерегутъ отверженныя границы преисподней.

„Множество мелкихъ, домашнихъ духовъ пребываютъ съ каждымъ родомъ, съ каждымъ домомъ, съ каждой семьей и руководятъ и хранятъ тѣхъ, которые живутъ по волѣ великаго Вишну.

„Множество мелкихъ, темныхъ дивовъ и духовъ копошится на землѣ, увлекая слабыхъ, некрѣпкихъ въ волѣ и духѣ Вишну людей, на длинный путь разныхъ злыхъ дѣлъ и преступленій. Но всѣ эти духи—слабые, ограниченные духи. Ихъ способности, ихъ дѣла связаны высшей волей. Они сильны только когда дѣйствуютъ заодно съ посланными силами добра и зла, съ посланными небомъ или землею".

„Такъ говорилъ духъ великаго Вишну мудрому Джарахмуни.

Здѣсь Джамма Багавари замолкъ, наклонилъ голову и, закрывъ лицо руками, началъ тихо шептать. Мнѣ казалось, что онъ молится.

XIV.

Затѣмъ онъ вздохнулъ тяжело и глубоко и, поднявъ голову, снова началъ говорить тѣмъ же тономъ:

„И понялъ мудрый Джарахмуни и затвердилъ въ духѣ все, что говорилъ ему великій Вишну.

„Онъ говорилъ: „Три ступени къ блаженному сліянію съ Брамой: жизнь плотская, жизнь душевная и благодатная жизнь духа. Всякій смертный долженъ пройти черезъ эти три ступени, чтобы выработать себѣ твердую волю, безстрастное сердце и благодатную силу. Всякій идетъ тѣмъ путемъ, который указала ему воля Вышняго, и совершаетъ то великое, что написано въ книгѣ судебъ. Но великая, свѣтлая Аказа вѣчно работаетъ въ духѣ блага и любви всемірной. Она живетъ въ каждомъ человѣкѣ, если бы даже этотъ человѣкъ былъ отданъ злымъ силамъ Кришну и Кали. И въ этой силѣ внутренняя, единичная свобода каждаго смертнаго. По закону великаго Вишну онъ долженъ творить его волю, и онъ творитъ ее. Но Аказа его остается вѣчно свободной. Злой Кришну и хитрая Кали могутъ опутать его злыми сѣтями и заставить совершить то, что̀ написано въ книгѣ судебъ, но они не властны надъ его собственной, свободной волей. Когда духъ его возмущенъ, тогда человѣкъ не можетъ чувствовать этой свободы, но она въ немъ, въ его спокойномъ духѣ. При встрѣчѣ добра и зла, духъ его влечетъ въ ту или другую сторону. Силы невидимыя просыпаются. Благо ему, если онъ послушается голоса сердца и пойдетъ направо. Горе ему, если онъ заглушитъ въ себѣ этотъ руководящій голосъ и пойдетъ за страстью, пойдетъ налѣво, въ сторону Кали и Кришну.

„И сказалъ великій Вишну мудрому Джарахмуни:

„— Вотъ премудрость міра!.. Иди и сдѣлай доску, раздѣленную на 64 квадрата. Да изобразитъ она борьбу сферъ небесныхъ съ юдолей земной скорби, ибо на 64-хъ буквахъ утверждены всѣ земныя скорби и небесныя радости.

„И сдѣлай ты подобіе мое въ видѣ премудраго повелителя силъ неба, и подобіе злаго Кришну въ видѣ Шаха міра сего. И сдѣлай ты подобіе моей Аказы въ видѣ моей ферези и подобіе богини Кали въ видѣ ферези Шаха міра. И сдѣлай ты подобіе моихъ посланныхъ въ видѣ небесныхъ воеводъ и подобіе темныхъ распорядителей въ видѣ земныхъ воеводъ. И сдѣлай ты мое конное войско въ видѣ свѣтлыхъ коней и войско Кришну въ видѣ темныхъ коней. И сдѣлай ты оплотъ моихъ окраинъ въ видѣ крѣпкихъ боевыхъ башенъ и морскихъ силъ Кришну въ видѣ легкокрылыхъ ладей. И сдѣлай ты подобіе прочихъ силъ моихъ и Кришну, имъ же нѣсть числа, въ видѣ простыхъ борцовъ, охраняющихъ незыблемость міра.

„И отнеси ты все это подобіе Алефъ Бенгарату. И благо ему, если онъ пойметъ великій смыслъ всего движенія и игры цѣлаго міра. И горе да будетъ ему, если онъ увидитъ въ подобіи этой игры только одну пустую забаву.

„Я сказалъ: Иди!"

„И пошелъ мудрый Джарахмуни и сдѣлалъ все такъ, какъ указалъ ему Вишну. Онъ принесъ къ Алефу Бенгарату подобіе игры міра и назвалъ это подобіе „шахматы".

„Долго училъ онъ Шаха игрѣ премудрой и растолковывалъ ему ея сокровенный и глубокій смыслъ. Но сердце Бенгарата, погруженное въ утѣхи этого міра, все было поглощено только ими. Онъ видѣлъ въ великой игрѣ, которой научилъ его Джарахмуни, одну забаву и дивился ея мудрости.

„Восхищенный ею онъ говорилъ Джарахмуни, чтобы онъ просилъ у него все, что̀ онъ хочетъ, и что онъ все исполнитъ. Но мудрый Джарахмуни отвѣчалъ ему:

„— Только всесильный Вишну можетъ исполнять все, что̀ онъ захочетъ, ибо нѣтъ въ цѣломъ мірѣ силы, которая была бы сильнѣе его могущества.

„И испросилъ мудрый Джарахмуни у Бенгарата, чтобы онъ далъ ему столько зеренъ рису, сколько квадратныхъ клѣтокъ въ шахматномъ полѣ, и чтобы на первой клѣткѣ было положено одно зерно, а на второй клѣткѣ два зерна, а на третьей клѣткѣ—четыре зерна, и такъ далѣе, все возрастая вдвое, вдвое увеличивалось бы это число до послѣдней клѣтки.

„Подивился Алефъ Бенгаратъ просьбѣ Джарахмуни и подумалъ, что Кришну затмилъ его разсудокъ. А Джарахмуни сказалъ его просьбу съ тѣмъ, чтобы самъ шахъ Алефъ Бенгаратъ счелъ, сколько зеренъ онъ требуетъ. Но не сталъ утруждать свою голову Алефъ Бенгаратъ надъ этой задачей и позвалъ своего казначея и велѣлъ счесть ему и немедленно выдать Джарахмуни то, что̀ онъ проситъ, и въ дополненіе его милостей подарилъ мудрому дервишу золотую чашу для утоленія его жажды.

„Счелъ казначей и сказалъ, что число зеренъ такъ велико, что его нельзя ни написать, ни выговорить. И если весь шаръ земной со всѣми его водами превратить въ хлѣбныя поля и со всѣхъ этихъ полей снять семь разъ полную жатву, то только тогда исполнится та мѣра зеренъ, которую проситъ мудрый Джарахмуни.

„И увидалъ Шахъ Алефъ Бенгаратъ, что у него нѣтъ силъ исполнить желаніе Джарахмуни. И тяжело ему было его безсиліе, и повелѣлъ онъ, въ тоскѣ и гнѣвѣ, схватить Джарахмуни и отрубить ему голову.

„Такъ явились шахматы въ семъ мірѣ. Блаженъ, кто стремится проникнуть въ ихъ глубокій смыслъ, и горе тому, кто утѣшается ими, какъ пустой забавой человѣческаго ума!"

И проговоривъ это, замолкъ Джамма Багавари. И вдругъ ослабѣлъ, опустился, какъ будто длинный разсказъ утомилъ его старческое, дряхлое тѣло. Подбѣжала къ нему Джемма и начала ухаживать за своимъ дряхлымъ дядей.

XV.

Этотъ разсказъ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе на всю мою жизнь. Но только послѣ многихъ-многихъ лѣтъ я началъ смутно понимать отношеніе міровой воли къ единичной волѣ каждаго человѣка и каждаго индивида. И до сихъ поръ, признаюсь, не могу вполнѣ ясно понять этихъ отношеній.

Но я никакъ не могу сказать, чтобы не было вовсе того, чего я не понимаю. Впрочемъ, объ этомъ я еще буду имѣть случай поговорить потомъ.

Послѣ разсказа Багавари, я иначе сталъ смотрѣть на шахматы. Для меня всѣ фигуры и пѣшки стали символами, за которыми пряталось что-то глубокое и непонятное. Мистическія представленія, очевидно, были въ моей натурѣ. И Багавари, и Багараджа, и даже Джемма получили въ моихъ глазахъ какой-то особенный смыслъ.

Спустя много лѣтъ, когда я основательно познакомился съ нарѣчіями Индостана, я всюду искалъ того преданія, которое разсказалъ мнѣ Багавари. Но я нашелъ только разсказы, анек-

дотическіе, весьма неопредѣленные, объ томъ, что какой-то дервишъ (я забылъ его имя), придумалъ забавлять какого-то шаха шахматной игрой и предъявилъ ему ту цѣну, которую Джарахмуни предъявилъ Бэнъ-Алефу, за что и былъ казненъ. Таинственнаго, мистическаго смысла для шахматной игры я не нашелъ во всей индійской литературѣ. Между тѣмъ очень тяжелое событіе, разразившееся надъ Джеммой, какъ бы оправдывало смыслъ сказанія, которое мнѣ передалъ Багавари.

Прошла недѣля или двѣ, въ которыя происходила какая-то оживленная дѣятельность у „индійцевъ". Такъ называла мать моя всѣхъ пріѣзжихъ вмѣстѣ съ Багараджей. Отецъ и Семенъ Никитичъ о чемъ-то хлопотали, куда-то ѣздили: отецъ въ мундирѣ, а Семенъ Никитичъ во всѣхъ орденахъ. Багараджа съ его тѣлохранителями также куда-то ѣздилъ. Наконецъ, что-то готовилось, назрѣвало, чего мнѣ не удалось узнать. Но тутъ разразилось громовымъ ударомъ то, что лежало въ судьбахъ міра.

Въ это время у „индійцевъ" началъ появляться одинъ молодой флигель-адъютантъ, графъ Б. Онъ былъ близокъ къ государю, и я думалъ сначала, что дѣло „индійцевъ" шло при его посредничествѣ, но вскорѣ я убѣдился, что онъ игралъ здѣсь только роль посыльнаго и нахально преувеличивалъ свое значеніе во всей этой плачевной исторіи.

Это былъ очень красивый, высокій и статный молодой человѣкъ, брюнетъ съ черными усиками и курчавыми волосами. Черты лица его были довольно правильны. Ровными дугами выведенныя брови. Большіе, черные, блестящіе глаза, но какъ-то вяло смотрящіе изъ-подъ выпуклыхъ вѣкъ. Большой нѣсколько чувственный ротъ и довольно длинный прямой носъ. Манеры его были очень ловкія, чисто придворныя. Голосъ — нѣжный, бархатный баритонъ. Говорилъ онъ какъ-то мягко, грасируя, и при этомъ такъ нѣжно, любовно смотрѣлъ въ глаза того, съ кѣмъ говорилъ. Съ перваго взгляда онъ мнѣ не понравился, но потомъ я подумалъ: „онъ долженъ быть такой добрый и услужливый господинъ".

Онъ пріѣзжалъ почти всегда въ сопровожденіи Семена Никитича, и всѣ разговоры его съ Багараджей велись черезъ переводчика. Я сталъ замѣчать, что почти съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ появился у „индійцевъ", Джемма какъ-то стала задумчива и пуглива. Она часто не отвѣчала на мои вопросы, къ чему-то прислушиваясь. Иногда я находилъ ее въ углу на диванѣ съ закинутыми руками на головѣ, съ закрытыми глазами и такъ сладко, восторженно улыбающуюся и мечтающую о чемъ-то.

Эта перемѣна меня сильно безпокоила; но Джемма отдѣлывалась отъ моихъ вопросовъ, шутя и играя. Порой я видѣлъ, какъ вдругъ, почти внезапно, краска пропадала съ ея лица и оно становилось изжелта-блѣднымъ, а глаза какъ-то потухали, словно погружаясь куда-то вглубь. Порой на нее находилъ какой-то страстный порывъ нѣжности. Она съ такимъ самозабвеніемъ и слезами цѣловала меня, называла такими нѣжными именами, говорила дрожащимъ шепотомъ. Ея дыханье было такъ горячо, сердце билось неровнымъ боемъ и грудь такъ тяжело поднималась. Она крѣпко прижималась къ моей груди, такъ что я невольно отстранялся отъ нея. Мнѣ, мальчику, былъ чуждъ этотъ языкъ страсти.

Однимъ разъ такой порывъ кончился слезами и истерикой. Въ комнатѣ никого не было. Всѣ прислужницы ея ушли. Страшно перепуганный, я бросился въ сосѣднюю комнату, гдѣ были онѣ, и позвалъ ихъ.

Онѣ говорили, что это сглазу, какъ-то косо и подозрительно смотрѣли на меня, обмахивали Джемму вѣерами-опахалами и окуривали ее какими-то крѣпкими, одуряющими ароматами. Онѣ говорили, чтобы я ушелъ. Но я не хотѣлъ оставить Джемму до тѣхъ поръ, пока она не пришла въ себя и сама не сказала мнѣ, что я долженъ уйти.

XVI.

Нужно-ли говорить, въ какомъ страхѣ и волненіи я вернулся на половину Багараджи. Но его не было дома, и я со слезами на глазахъ отправился прямо къ Семену Никитичу и передалъ ему все мое горе. Я сказалъ, что Джемма больна, чуть не умираетъ; но добрый старикъ успокоилъ меня и объяснилъ, что это бываетъ съ каждой дѣвушкой въ ея года, и что теперь я не долженъ ходить къ нимъ, по крайней мѣрѣ съ недѣлю.

— Нѣтъ, я этого не могу! вскричалъ я, и залился слезами.

— Какъ не можешь? удивился Семенъ Никитичъ.

— Не могу.. Я люблю ее.

Я припалъ на спинку кресла и разразился неистовыми рыданіями.

— Покорнѣйше прошу! вскричалъ Семенъ Никитичъ.—Ты?.. Карапузъ?.. Скажите пожалуйста!.. Вздоръ, вздоръ!.. Если ты такъ будешь вести себя, то тебя больше не пустятъ къ ней... Покорнѣйше прошу! Я первый скажу матери, чтобы тебя не пускали... Это вредно и для тебя, и для нея...

И эта угроза такъ напугала меня, что я, несмотря на всю мою гордость, бросился передъ нимъ на колѣни и рыдая началъ обнимать его ноги. Однимъ словомъ, я не помнилъ себя и весь былъ „подъ вліяніемъ", какъ нынче говорятъ, страстнаго аффекта.

Онъ поднялъ меня и началъ утѣшать:

Ну, покорнѣйше прошу!.. Успокойся!.. Стыдись!.. Покорнѣйше прошу!.. Взрослый мальчикъ... Покорнѣйше прошу!.. Григорій, дай ему холодной воды!... Покорнѣйше прошу!.. Григорій!

И онъ позвонилъ.

Я понемногу успокоился, но цѣлый день у меня сильно болѣла голова и весь я былъ какъ будто разбитый.

На другой день, съ самаго утра, у насъ былъ Семенъ Никитичъ. Я тотчасъ же обратился къ нему съ разспросами: что Джемма?.. Что съ ней?

Онъ махнулъ рукой.

— Собирается, проговорилъ онъ.

— Куда же собирается? допрашивалъ я, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— А во дворецъ... Покорнѣйше прошу!.. Представляться Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ.

— Зачѣмъ же? спросилъ я съ ужасомъ и сожалѣніемъ.

— Какъ зачѣмъ, бусурманъ ты московскій!.. Покорнѣйше прошу!.. Государь и Государыня пожелали видѣть ее, и дядю ея, и Багараджу, а ты спрашиваешь, зачѣмъ?.. Покорнѣйше прошу!.. Дѣло теперь на мази... Превосходнѣйшимъ порядкомъ!.. Покорнѣйше прошу!

На другой же день я упросилъ, чтобы меня отпустили „къ нимъ" и побѣжалъ со всѣхъ ногъ.

Въ первой комнатѣ, которая была больше другихъ и представляла родъ залы, я нашелъ князя Б. Увидавъ меня, онъ съ ловкой развязностью подлетѣлъ ко мнѣ.

А! Здравствуйте, молодой человѣкъ!.. Выздоровѣли? Какъ здоровье ваше?.. Ничего? А?

И онъ, наклонясь ко мнѣ, съ такимъ участіемъ засматривалъ въ мои глаза и такъ крѣпко жалъ мнѣ руку. Эксельбанты красиво свѣшивались съ его груди, на которой было довольно много крестиковъ и медалей, и прежде всего бѣлѣлъ Георгіевскій крестъ.

— Послушайте, молодой человѣкъ, говорилъ онъ,—вѣдь вы пройдете, вѣроятно, къ Джеммѣ... Неправда-ли? Ее вчера очень милостиво приняла Императрица и подарила ей превосходный фермуаръ изъ изумрудовъ. Такъ если вы пройдете къ Джеммѣ... то вѣдь неловко молодому человѣку приходить... къ дѣвушкѣ съ пустыми руками. Я объ этомъ думалъ... Я позаботился объ васъ...

И онъ изъ задняго кармана мундира вынулъ небольшую коробку, обвязанную розовой ленточкой.

— Вотъ, сказалъ онъ, подавая мнѣ коробку,—передайте ей и кланяйтесь отъ меня. Это особенныя восточныя конфекты. Передайте ей... прошу васъ.

Я нерѣшительно взялъ коробку и сказалъ:

— Хорошо, я передамъ.

— Только лучше вы сдѣлаете, если спрячете куда-нибудь эту коробку... А то, вы понимаете... Этотъ Багараджа. Они вѣдь ужасно суевѣрны и подозрительны ужасно! Они будутъ разспрашивать васъ: да какъ? да почему?.. И отберутъ отъ васъ коробку, какъ надсмотрщики на таможнѣ... и не пропустятъ!.. А Джемма такъ любитъ сладкое!..

И говоря это, онъ сунулъ коробку въ боковой карманъ моей бархатной визитки.

Я прошелъ къ Багараджѣ, который встрѣтилъ меня обыкновеннымъ восточнымъ привѣтствіемъ и сказалъ одному изъ слугъ, чтобы онъ проводилъ меня къ Джеммѣ.

Джемма крѣпко обрадовалась мнѣ. Она обнимала и цѣловала меня, приговаривая:

— Радость сердца моего!.. Свѣтъ моей души!.. Мой глазочекъ ясный!

Я шепнулъ ей, что у меня есть нѣчто передать ей отъ князя Б.

Она вся вспыхнула и вскричала по-англійски:

Въ самомъ дѣлѣ?!.. Ахъ, какъ я довольна и рада!

И я вынулъ коробку и передалъ ей.

Она быстро развязала, раскрыла ее дрожащими руками и, взявъ одну конфекту, положила въ ротъ. Подъ конфеткой лежала записка сложенная вчетверо.

Что было въ этой запискѣ, я не могъ узнать, такъ какъ она тотчасъ же спрятала ее въ карманъ, оглянувшись по сторонамъ, и спросила меня шепотомъ:

— Ты вѣдь никому не скажешь? Не выдашь меня, мой дорогой мальчикъ?.. Нѣтъ!?.. Ты мнѣ это обѣщаешь?

— Я никого никогда не выдавалъ и выдавать не буду. Но это нехорошо.

— Что нехорошо?

— Нехорошо, что ты тайно отъ твоихъ дядей получаешь записки отъ молодаго человѣка.

Она встала передо мной на колѣни и, обнявъ меня, самымъ тихимъ шепотомъ проговорила надъ моимъ ухомъ по-англійски:

— Я люблю его!

И вдругъ, припавъ ко мнѣ, тихо заплакала.

Мнѣ стало ужасно жаль ее.

— Не плачь, Джемма! утѣшалъ я ее.—Милая моя, Всевышній все устраиваетъ къ лучшему Не плачь, дорогая моя!

Она крѣпко поцѣловала меня, быстро поднялась съ полу и оправилась

Хлѣбъ. Мраморная групца Альбера Лефевра, грав. Флере.

Я былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что плохо сознавалъ, что совершилось и что я сдѣлалъ, и что творится кругомъ меня. Голова моя кружилась.

Вспоминая теперь эту сцену и то чувство, которое тогда обхватило мое сердце, мнѣ кажется, главный фонъ его была злоба, злоба на князя Б. Если-бы я зналъ, что онъ передаетъ ей записки въ конфектахъ, я ни за что бы не исполнилъ его гнуснаго порученія. И она любитъ его?!.. Вотъ это всего болѣе возмущало меня. Но что-же дурное я могъ сказать объ немъ? Онъ былъ старинпаго княжескаго рода. Его предки были въ связи съ владѣтельными домами. Хотя въ Грузіи, но все-таки они были владѣтельные князья.

XVII.

Я скоро простился съ Джеммой и ушелъ домой въ самомъ печальномъ настроеніи. Любилъ-ли я ее или нѣтъ, я этого до сихъ поръ не знаю. Чувство мое было, очевидно, сочиненное. Это была аффектація. Какая же могла быть любовь у 13-ти-лѣтняго мальчика?

Тѣмъ не менѣе, я мечталъ, какъ только сдѣлаюсь взрослымъ, жениться на Джеммѣ. У ней богатыя владѣнія въ Индіи. Я приму индійскую вѣру и сдѣлаюсь Раджей—владѣтельнымъ княземъ индійскимъ. У меня будетъ много городовъ, будетъ столица, хрустальный дворецъ, множество слоновъ и между ними десять бѣлыхъ слоновъ, непремѣнно десять. Я построю великолѣпный храмъ, гдѣ будутъ поклоняться Вишну. Все это устраивалось въ мечтахъ такъ легко. Но, разумѣется, центромъ этой мечты или самымъ крупнымъ брилліантомъ ея—это была Джемма. Мои невольники откроютъ богатѣйшія алмазныя розсыпи, гораздо богаче голкондскихъ рудниковъ. Я осыплю Джемму съ головы до ногъ брилліантами. Я уберу всю ея комнату брилліантами.

И вотъ всѣ эти мечты теперь были сразу опрокинуты княземъ Б.

„Я его вызову на дуэль, думалъ я,—непремѣнно вызову. Мы будемъ драться на пистолетахъ, и я убью его... Непремѣнно убью".

И эта мысль такъ серьезно засѣла въ моей головѣ, что я началъ уже придумывать, кого бы я могъ пригласить къ себѣ въ секунданты.

Это напряженное состояніе и сильная головная боль, наконецъ, разрѣшились какой-то сложной болѣзнью, которая имѣла неопредѣленный характеръ и сильно перепугала и отца, и мать, и всѣхъ моихъ домашнихъ.

Въ бреду, который былъ со мною и продолжался нѣсколько дней, мнѣ казалось, что я видѣлъ Джемму, что она наклонялась ко мнѣ и цѣловала меня, что она приходила навѣстить меня больнаго. Разумѣется, все это былъ бредъ. Никогда Джемму не пустили бы ко мнѣ.

Но я получилъ отъ нея во время моей болѣзни подарокъ. Это были тѣ священныя четки, отъ которыхъ она предлагала мнѣ одну бусинку. Она прислала ихъ мнѣ съ мулаткой и служителемъ гостиницы и написала по-индійски коротенькую записочку:

„Да будетъ надъ тобой благая воля Великаго. Дорогой мой! Свѣтъ души моей! Надѣнь прилагаемыя четки на твою дорогую шейку и смерть не похититъ тебя. Любящая тебя Джемма".

Я постоянно цѣловалъ присланныя ею четки. Я исполнилъ ея просьбу, но, разумѣется, четки вовсе не участвовали въ моемъ выздоровленіи.

Какъ только я началъ оправляться, мною овладѣло непреодолимое желаніе видѣть Джемму.

Докторъ сказалъ, что это желаніе непремѣнно надо исполнить. Помню, это было на послѣднихъ дняхъ Пасхи. Весна была ранняя. На Невскомъ начинали уже развертываться листья липы. (Тогда по Невскому проходила цѣлая аллея липокъ). Дни стояли солнечные. Несмотря на это, меня укутали какъ мумію и сдали съ рукъ на руки Семену Никитичу, который повезъ меня къ Демуту.

Помню, все меня тогда радовало; но главная радость—свиданіе съ Джеммой, была впереди.

Багараджа былъ такой же, какъ и прежде. Точно такъ же нисколько не измѣнился и Джамма Багавари, но Джемма... что сталось съ Джеммой? Я ахнулъ, и сердце мое сжалось.

Это была не пятнадцатилѣтняя дѣвушка, веселая, живая, очаровательная. Это была тѣнь Джеммы. Это была если не старая, то сильно пожилая женщина съ худымъ, блѣднымъ лицомъ, и только одни глаза ея были тѣ-же ярко-блестящіе, черные, добрые глаза прежней Джеммы. Мнѣ кажется, они стали еще больше.

— Джемма, что съ тобой?! вскричалъ я со слезами. — Ты была больна?

— Да, такъ же, какъ и ты, мой дорогой, милый мальчикъ. И она прижала къ моей груди, обняла меня крѣпко и нѣсколько мгновеній не выпускала изъ ея объятій.

Но на всѣ мои вопросы она молчала и какъ-то кротко, болѣзненно улыбалась.

— Мой дорогой! Радость сердца моего! прошептала она надо мной.—Исполнишь ты мою просьбу, только одну просьбу?..

— Разумѣется исполню! Можешь-ли ты сомнѣваться въ томъ?

— Вотъ, сказала она, и вынувъ изъ платья крохотную записку, подала мнѣ и сказала чуть слышно:—Передай ему!

Я также чуть слышно спросилъ ее:

— Князю Б.?

Она молча кивнула головой.

И я ничего не могъ сказать ей на эту просьбу, и если бы она попросила меня привезти къ ней князя или устроить какимъ бы то ни было образомъ съ нимъ свиданіе, то и на это я согласился бы безпрекословно.

Я не могъ говорить, не могъ смотрѣть на нее безъ слезъ, а она прямо, не мигая, смотрѣла на меня ея черными, большими глазами и грустно улыбалась.

XVIII.

На другой же день я исполнилъ порученіе Джеммы. Я встрѣтилъ князя у Семена Никитича и, отозвавъ его къ окну, передалъ ему, когда въ комнатѣ никого не было, записку Джеммы. Я думалъ, что онъ, взглянувъ на нее, обрадуется, расцѣлуетъ ее, но онъ просто оглянулся кругомъ, взглянулъ, прищуривъ глаза, на записку и, скомкавъ ее, опустилъ въ задній карманъ мундира. Очевидно, что эта записка была не такъ дорога ему, какъ мнѣ. Если-бы я получилъ записку отъ нея, моей дорогой радости сердца... О!.. Я бы не разставался съ ней, я цѣловалъ бы ее со слезами,—а онъ!?..

Я тогда не зналъ, что эта записка была не первая и не послѣдняя между ними; только она была рѣшительная...

Сдѣлавшись невольно и негаданно передатчикомъ ихъ любовной корреспонденціи, я постоянно колебался, не открыть-ли это Семену Никитичу. Онъ добрый. Мнѣ все казалось, что изъ этой переписки выйдетъ что-нибудь ужасное. Я открою ему такъ, какъ-нибудь, не говоря именъ... И эта мысль чаще и чаще стала навертываться, какъ противодѣйствіе моимъ тайнымъ страхамъ. Наконецъ я спросилъ его:

— А что, Семенъ Никитичъ, если Джемма влюбится въ меня и начнетъ писать мнѣ записки, а я къ ней?

Я предложилъ этотъ вопросъ въ совершенно серьезной формѣ. Но Семенъ Никитичъ, взглянувъ на меня, залился самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, ты сердцеѣдъ индійскій! вскричалъ онъ. — Такъ вотъ какъ!.. Ты хочешь завести сердечную дипломатію, и если узнаетъ Багараджа или Джамма Багавари, то Джемму, покорнѣйше прошу, засадятъ въ темную, на хлѣбъ да на воду... а тебя, покорнѣйше прошу!—И онъ, отворотивъ обшлага халата, началъ хлопать по голой рукѣ. — А я и лозу приготовлю!.. Покорнѣйше прошу!

Разумѣется, прежде всего я возмутился до глубины души тѣмъ, что Семенъ Никитичъ предполагаетъ возможнымъ для меня такое постыдное наказаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ, что дѣйствительно преступленіе должно быть ужасно; если моя дѣтская любовь можетъ произвести такія послѣдствія, то что же послѣдуетъ, когда откроютъ любовь Джеммы къ князю?!.

Я просто замиралъ отъ ужаса.

Въ тотъ же день я рѣшился поговорить съ Джеммой, поговорить дружески, какъ братъ съ сестрой. Я спрашивалъ себя, приведетъ-ли ея любовь къ чему-нибудь, и чѣмъ она можетъ кончиться. Нѣсколько разъ я въ мечтахъ устраивалъ свадьбу Джеммы съ княземъ. Я считалъ это вполнѣ возможнымъ. Въ моемъ великодушномъ порывѣ я отрекался отъ Джеммы въ пользу его. Я говорилъ: „что же, если дѣйствительно она любитъ и онъ любитъ ее, то я, любя ее, развѣ не радъ буду ея счастью?" И я уже начиналъ мечтать, какая это будетъ великолѣпная, блестящая свадьба. Она непремѣнно будетъ здѣсь, въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ (тогда Исаакіевскій соборъ не былъ еще окончепъ). И я непремѣнно буду ея шаферомъ. И нѣсколько разъ въ день я примѣривалъ передъ зеркаломъ, могу-ли я держать надъ ней вѣнецъ. Я отчаянно вытягивалъ мою руку и рѣшалъ, что могу. На другой день свадьбы я приду къ молодымъ, уведу Джемму въ уголокъ и скажу ей: „Я любилъ тебя, какъ не могутъ любить двадцать тысячъ князей, и теперь для меня все кончено. Я отрекаюсь отъ свѣта". И тотчасъ же удалюсь на Валаамъ, въ монастырь. Мечтая объ этомъ послѣднемъ эпизодѣ, я заливался такими горько-сладкими слезами, бѣгалъ по комнатѣ и восхищался моимъ великодушіемъ.

Около 12 часовъ я побѣжалъ къ ней, поздоровался по обыкновенію съ Багараджей, и меня провели къ ней. Я засталъ ее одну, на диванѣ, въ самомъ темномъ углу. Увидавъ меня, она радостно вскрикнула и пошла ко мнѣ навстрѣчу.

Она, кажется, въ эти два дня еще болѣе похудѣла и поблѣднѣла.

— Джемма! сказалъ я, когда она усадила меня съ ногами на диванъ, подлѣ нея:—когда же будетъ ваша свадьба и почему князь не является къ тебѣ женихомъ и не ѣздитъ къ тебѣ каждый день?

Она посмотрѣла на меня и засмѣялась.

— Я объ этомъ не мечтала, мой дорогой мальчикъ. Это невозможно!

И она вздохнула и грустно задумалась.

— Какъ же такъ, Джемма? Развѣ можно любить другъ друга и не желать свадьбы?

— Свадьба—это сказка... Слушай, мой дорогой, я разскажу тебѣ хорошую индійскую сказку. Слушай!

(Окончаніе въ слѣд. №).

Въ Виѳлеемъ.

А. Свѣчина (Стараго Паломника).

(Путевыя впечатлѣнія, воспоминанія, историческія замѣтки).

I.

23 декабря 188...

Солнце только что сѣло. Рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ гонитъ на насъ сѣрыя, какъ свинецъ, тучи. На западѣ полоса неба еще горитъ ярко-оранжевымъ заревомъ, но и она съ каждою минутой меркнетъ-меркнетъ. Мигнули двѣ-три звѣздочки, робко, и—нѣтъ ихъ. Вотъ и тамъ все затянулось чернымъ, густымъ покрываломъ. Мрачный, необъятный куполъ, точно придавленный, тяжело налегъ на выси горъ, кругомъ, по всему горизонту. Свиститъ холодный пронизывающій вѣтеръ, полилъ дождь. Дождь южный, тропическій, какого не знаютъ сѣверяне. Льетъ онъ безъ устали по двѣнадцати, по пятнадцати часовъ, иногда сутки—другія, и какъ изъ ведра. А выглянетъ солнце—и моментально сухо... пыль!

Спасибо консулу. У меня просторная, уютная комната съ каминомъ, въ бельэтажѣ нашего славнаго іерусалимскаго пріюта. Изъ оконъ видъ великолѣпный. Глазъ обнимаетъ обширное пространство отъ Заіорданья и Аравійскихъ горъ почти до Виѳлеема. У подножія Майдамскаго гребня, на которомъ десятки лѣтъ стоитъ это благочестіемъ созданное селеніе,—святой городъ, какъ на ладони. Отчетливо виднѣются изъ-за консульскаго дома колокольня католической патріархіи, немного правѣе и дальше,—два купола храма Воскресенія, Омарова мечеть, мечеть эль-Акса, зеленые верхи еврейскихъ синагогъ. Подъ моими окнами скверъ, обнесенный чугунною рѣшеткою. Весной оттуда несется ароматъ цвѣтовъ и душистой зелени; теперь угрюмо кланяются направо и налѣво, по капризу вѣтра, островерхіе кипарисы, да кой-гдѣ развалились приземистые кусты артишоковъ. Рядомъ, близъ собора, обширная цистерна для водосвятія. Надъ нею легкая колоннада, родъ веранды, вся обвитая виноградными лозами. За скверомъ на склонѣ холма длинный (65 саж.) корпусъ для богомолокъ изъ простонародья. Правѣе—незатѣйливый домъ консула съ красивою башенкой, на ней развѣвается огромныхъ размѣровъ русскій флагъ... въ табельные дни. Передъ домомъ не обширный, но роскошный садъ: добрая память, оставленная по себѣ однимъ изъ умершихъ консуловъ, страстнымъ любителемъ садоводства. Минуютъ два мѣсяца,—тутъ будетъ сплошной коверъ фіалокъ, орхидей, жасминовъ. Что за развѣсистыя группы магнолій, олеандровъ, какіе фикусы, перцовое дерево, гранатное, лавровое, американскія агавы, опононаксъ? А розы? Розы всѣхъ возможныхъ сортовъ, сантифольныя желтыя, бѣлыя! Дамасскія розы—прелесть. Изъ нихъ преимущественно гонятъ розовую воду. Какихъ цвѣтовъ, чего-чего здѣсь нѣтъ!

Сосѣдъ мой, въ большомъ угловомъ нумерѣ,—почтенный старичокъ, заслуженный генералъ, морякъ. Съ нимъ — жена, пресимпатичная нѣмка-лютеранка не изъ рьяныхъ. Она причастилась, какъ слѣдуетъ, у своего пастора, но чуть не каждую ночь набожно выстаиваетъ съ мужемъ три-четыре часа греческую службу у Св. Гроба. Сегодня у нихъ маленькій раутъ. Не весь же день молиться. Въ Іерусалимѣ свободнаго времени довольно! Будетъ консулъ, кой-кто изъ сосѣдей по коридору. Позвали, разумѣется, съ выборомъ. Въ зимнюю пору дворянскіе нумера полнехоньки. Есть такіе пріѣзжіе, что недомѣваешь, откуда и зачѣмъ пріѣхали. Кавасы съ утра носили блюда съ виноградомъ, фруктами, сладкимъ пирогомъ, вина, пиво чуть не дюжинами. Настасья, помощница смотрительницы за нумерами, сновала съ бѣльемъ, чайною и другою посудою, съ разными графинчиками. Такіе рауты здѣсь не рѣдкость, иногда даже обязательны. Отличаются они простотою, все дѣлается по походному. Приходятъ, уходятъ кто какъ и когда хочетъ, въ какомъ бы костюмѣ ни было. Полное отсутствіе этикета. Темы разговоровъ—мѣстныя. Судятъ и рядятъ о греческомъ духовенствѣ. Тотъ вернулся изъ Хеврона, этотъ изъ Галилеи. Передаются впечатлѣнія—разсказываются путевые эпизоды, дѣлаются замѣтки, соображенія какъ опять куда и съ кѣмъ ѣхать, на долго-ли. Консулъ и служащіе въ его канцеляріи при этомъ и совѣтники и помощники очень полезные.

Сегодня канунъ Рождественскаго сочельника. Завтра въ ночь храмовое торжество въ Виѳлеемской базиликѣ надъ вертепомъ Рождества Христова. У генерала, само собой, рѣчь о сборахъ на этотъ праздникъ. Отъ Іерусалима до Виѳлеема—рукой подать. Разстояніе какъ отъ Казанскаго собора, напримѣръ, до... ну, хоть до Елагина острова; сообщеніе удобное, шоссе чудное. Нашлись однако лѣнивые, отказываются. Кто не отдохнулъ еще отъ поѣздки въ Іерихонъ и къ Мертвому морю, кто уже видѣлъ Виѳлеемъ. Да и погода-то какая! Странное дѣло: иному даже дивишься, зачѣмъ онъ плылъ сюда по четыремъ морямъ. Такой случай разъ можетъ быть въ жизни—и не воспользоваться! Хотя бы изъ любопытства: оно одно вѣдь, повидимому, привлекаетъ иныхъ въ Палестину. Знаю паломника побывавшаго пять разъ въ Іерусалимѣ „по дѣламъ“ и не видавшаго Іорданскихъ береговъ.

За стаканами чая и пива рѣшено отправиться вмѣстѣ и съ главою русской колоніи—консуломъ... Какая бы погода ни была. Отданъ приказъ заготовить лошадей, ословъ, муловъ. Для дамъ будутъ кароцы (коляски). Больная барыня хочетъ портантину (мѣстное названіе porte-chais'a). Будетъ и портантина.

II.

24 декабря.

Утро на постройкахъ начинается не по-петербургски. Часовъ около семи въ свѣтломъ коридорѣ вдоль нумеровъ уже шипятъ и пыхтятъ самовары: въ рукахъ снующей прислуги бренчитъ чайная посуда, невзрачный арабченокъ перебѣгаетъ отъ одной двери къ другой съ корзиною бѣлаго, только что испеченаго хлѣба, испеченаго до-нельзя отвратительно.

Солнце неожиданно насъ обрадовало. Мои окна—на востокъ. Въ комнату врываются совсѣмъ лѣтніе лучи и выводятъ на полу и стѣнѣ яркіе абрисы рамъ. Тучи разсѣялись какъ наши сны; на прозрачной синевѣ неба ни облачка. Съ такой перемѣной погоды вылѣзать изъ-подъ теплаго одѣяла легко... одно удовольствіе!

Послѣ добраго завтрака у консула, ровно въ два часа мы длинною вереницей трогаемся въ путь. Всѣ верхомъ, кто на лошадяхъ, кто предпочелъ *хмарку* съ обязательнымъ *мукромъ* (ослика съ проводникомъ). Шествіе для непривычнаго глаза—преоригинальное. Представительность на Востокѣ вещь признанная. Она импонируетъ на туземца. Изъ воротъ консульскаго дома сперва выступаютъ по-парно восемь черныхъ (арабовъ), въ безукоризненно бѣлыхъ балахонахъ и шальварахъ, съ такими же чалмами, въ красныхъ бамбошахъ, всѣ съ длинными палками. За ними столько же кавасовъ, въ пестрыхъ, расшитыхъ золотомъ и пестрыми шнурами нарядахъ, съ металлическимъ двуглавымъ орломъ на красныхъ фескахъ. Они маршируютъ въ ногу, важно и разомъ ударяютъ звенящими булавами по укатанному грунту дороги. Слѣдуетъ консулъ съ группою служащихъ, въ полной парадной формѣ, за ними драгоманы, цѣлый взводъ нерегулярной кавалеріи дворянъ-паломниковъ, въ бѣлыхъ развѣвающихся плащахъ (отъ ѣдкой пыли), у иныхъ полосатые дамасскіе платки на шляпахъ. Запоздавшій простой людъ,—кто съ котомкою, кто съ мѣшкомъ провизіи, плетется позади. Мы минуемъ отели Говарда, Фейля и выступаемъ на Яффское шоссе по направленію къ городу. Оборванецъ-турецкій часовой, завидѣвъ „московъ“ консула, ловко отчеканиваетъ ружьемъ: разъ, два, три! Толпа празднаго народа—зѣвакъ—давно ждала параднаго зрѣлища, и шумно, почтительно разступается. Мы съ важностью, нѣсколько напускною, въ душѣ подсмѣиваясь надъ нею, приближаемся къ Яффскимъ воротамъ. Отсюда поворотъ вправо на длинный, отлогій спускъ мимо громадной Давидовой башни. У воротъ пришлось остановиться. Тамъ показались передовые кавасы патріарха. За ними Его Блаженство на бѣломъ арабскомъ конѣ, котораго за уздцы ведутъ два конюха. Съ нимъ митрополиты, архіереи и многочисленный клиръ; его свита тоже верхомъ. Пропустивъ духовенство, мы продолжаемъ путь въ изрядномъ отъ него интервалѣ. Направо крутая Сіонская возвышенность, когда-то центръ града Давидова, теперь пустынная, заброшенная мѣстность съ кладбищами и зданіемъ, обращеннымъ въ мечеть, гдѣ показываютъ саркофагъ царя Давида, чтимаго мусульманами, и евангельскую горницу, гдѣ, по преданію, совершена была Тайная Вечеря. Налѣво, внизу Гигонская долина; тутъ во дни язычества высился истуканъ Молоха. На томъ мѣстѣ, гдѣ ему приносили въ жертву живыхъ дѣтей, вырыто громадныхъ размѣровъ водовмѣстилище „Биркетъ эль-Султанъ“. За нимъ вдоль холма тянется длинное одноэтажное строеніе—пріютъ барона Монтефіоре для 150 еврейскихъ семействъ. Отлично содержимое шоссе вьется на пригорокъ и у чистенькаго зданія англійской глазолѣчебницы, минуя гору Злаго Совѣщанія, а за нею Хакельдама, выходитъ на Рефаимову долину, гдѣ Давидъ разгромилъ филистимскія полчища. Кругомъ поля тщательно обработаны. Декабрь мѣсяцъ, а изумрудная пшеница выколосилась; она приземиста, соломы почти не даетъ.

Вдалекѣ виднѣются развалины древняго водопровода. Направо, въ ложбинѣ—группа красныхъ кирпичныхъ домиковъ, вся въ зеленыхъ садахъ. Это колонія нѣмецкихъ выходцевъ, секты ультрапротестантовъ, истыхъ раскольниковъ, упразднившихъ и то немногое, что сохранилъ протестантизмъ. Чистота у нихъ, во всемъ порядокъ, семейная жизнь—образцовые. За колоніей изъ-за голыхъ, дикихъ утесовъ выростаетъ затѣйливой архитектуры колокольня и крыша монастыря Св. Креста съ богословскою школою, дальше бѣлѣетъ куполъ „Катамо-

насъ", обители Св. Симеона Богопріимца, нынѣ лѣтней резиденціи Іерусалимскаго Патріарха. По открытой мѣстности свѣтлою лентой вьется версты на четыре передъ нами Виѳлеемская дорога, потомъ взбирается на возвышенность, поросшую лѣсомъ вѣковыхъ маслинъ; посреди ихъ точно тянется къ облакамъ высокое зданіе монастыря Св. Иліи. На вершинѣ развѣвается русскій трехцвѣтный флагъ. До насъ долетаетъ оттуда колокольный звонъ, обычный привѣтъ по мѣстному обычаю. Патріархъ съ духовенствомъ спѣшилъ къ вечерней службѣ и миновалъ монастырь, а насъ на дорогѣ встрѣчаетъ игуменъ М. съ просьбой посѣтить его. Этикетъ требовалъ остановиться, хоть на короткое время. Свернувъ съ дороги у колодца „волхвовъ", мы очутились передъ низенькою дверью, единственнымъ входомъ въ монастырь. Отверстіе такъ мало, что приходилось идти поодиночкѣ, наклонивъ голову. Такъ въ Палестинѣ во всѣхъ обителяхъ. Къ удивленію, мы очутились въ сыромъ темномъ сараѣ со сводами, въ мельницѣ. Работаютъ жернова съ конскимъ приводомъ. Нельзя сдѣлать шагу, лежатъ груды выжимокъ маслинъ, цѣлыя горы; смрадъ, воздухъ удушливый. Монастырь Ильинскій— главный поставщикъ деревяннаго масла въ патріархію. Оно превосходно, и очень цѣнится знатоками; по достоинству и нѣжности оно выше извѣстнаго въ Европѣ Ниццскаго „huile vierge", чисто какъ слеза, ярко-золотистаго цвѣта, вкуса тонкоароматичнаго. Голуби, жареные въ немъ — объѣденье! Рядомъ съ мельницею, за смежною стѣною— церковь, обширная, но сырая, запущенная, бѣдная. Въ ней показываютъ мѣсто, гдѣ Св. Илія, какъ утверждаетъ преданіе, писалъ пророчества. Безконечными, неуклюжими лѣстницами въ нѣсколько колѣнъ, разными переходами, опять лѣстницами мы поднимаемся на обширную каменную площадку, она-же и кровля всего зданія. Здѣсь келіи, но не монашеской братіи— ея вовсе нѣтъ, — а для пріема богомольцевъ; у игумена скромное помѣщеніе тутъ-же, но съ чудными видами—къ с. на Іерусалимъ, къ югу на Виѳлеемъ. Посреди площадки возвышается какимъ-то мавзолеемъ большое полушаріе съ крестомъ наверху. То церковный куполъ; онъ сложенъ изъ мягкаго бѣлаго камня и весь испещренъ вырѣзанными именами паломниковъ и изреченіями, иногда курьезными. Въ трапезной уже приготовлена была обильная закуска: всякіе консервы, икра, маслины, овечій сыръ. свѣжіе огурцы, апельсины, пиво, хевронское вино; подали турецкій кофе, ликеры. Выдѣлка вина въ Палестинѣ самая первобытная. Вино здѣшнихъ лозъ терпкое, крѣпкое, сладковатое. О тонкомъ вкусѣ французскихъ высокихъ сортовъ нѣтъ и помину. Шампанское вездѣ замѣняется ликерами. Въ патріархіи особая лабораторія исключительно занята ихъ изготовленіемъ. Тутъ вся забота не о вкусѣ, не объ ароматѣ, а о разнообразіи и яркости цвѣтовъ ликера. Подобное гостепріимство здѣсь иногда томительно. Оно какъ будто и радушно, но чувствуется неловкость. принужденность съ одной стороны, скука — съ другой. У игумена-грека въ запасѣ нѣсколько затверженныхъ фразъ на русскомъ... и какомъ русскомъ языкѣ! — изъ насъ по-гречески никто ни единаго слова. Возможна-ли при этихъ условіяхъ какая-либо бесѣда? Игуменъ, молча угощаетъ, слащаво улыбаясь и поминутно указывая на то и на другое... а консулъ давно-ли накормилъ насъ всѣхъ на славу...

Григорій Петровичъ Данилевскій († 6 декабря 1890 г.).

За монастыремъ — спускъ въ роскошную, блестящую долину, окаймленную горными вершинами. Картина природы совсѣмъ мѣняется. Верстахъ въ трехъ передъ нами на склонѣ холма лѣпится древній библейскій Ефраѳъ (плодородный), позже Виѳлеемъ, живописная, сіяющая бѣлизною кучка домовъ съ величавою Константиновскою базиликой,—она царитъ на самомъ верху. Кругомъ скалы, холмы, долина исполосована зеленѣющими огородами, посѣвами. виноградниками. Всюду оливковыя, фиговыя, апельсинныя, лимонныя деревья. Въ сторонѣ на полугорѣ растянулась широко деревня „Бед-Джалла" съ соборомъ и русской школою, за нею подальше бѣлѣютъ отдѣльныя строенія среди маслинъ и другихъ насажденій. Тутъ— млечная пещера, тамъ — долина виѳлеемскихъ пастуховъ. Все озарено палящими лучами солнца. Глазамъ больно, таковъ блескъ окружающей природы. Не налюбуешься грандіозными видами... восторгу предѣла нѣтъ.

При поворотѣ на насъ налетаетъ, какъ изъ засады, дикая орда смуглыхъ, рослыхъ арабовъ верхами. Мы должны нѣсколько минутъ стоять на мѣстѣ. Они мечутся передъ нами, скачутъ съ крикомъ, гикомъ, свистомъ, ружейными выстрѣлами. Тотъ несется вправо черезъ ровъ, скачетъ назадъ, этотъ стрѣлой летитъ по каменнымъ глыбамъ, подбрасывая ружье

Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ. Съ фот. Левицкаго, гр. Ю. Шюблеръ.

въ воздухъ и ловя его, какъ соломенку, третій летитъ мимо насъ, салютуя консула и всѣхъ „московъ“ доброжеланныхъ. Вихремъ вьется на нихъ одежда, клубомъ стелются облака ружейнаго дыма. Это *фантазія* виѳлеемскихъ шейховъ—почетная встрѣча. Бѣшеное ристаніе кончилось. Шейхи, какъ вкопанные, окружили насъ кольцомъ. Привѣтливая улыбка на всѣхъ лицахъ. Старѣйшій съ гордою осанкой, сіяющимъ взоромъ приближается къ консулу и смѣло, точно равноправный, жметъ протянутую ему руку. За удальство, за такое удальство будетъ, конечно, бакшишъ. Это подразумѣвается. У консуловъ всегда долженъ быть запасъ золотой монеты, а подъ рукой у кавасали, у секретаря-ли мѣшокъ пятифранковиковъ. Безъ этого—прощай обаяніе. Щедрость офиціальнаго лица не спасаетъ и наши карманы. Ласковый взглядъ молодцовъ въ пестрыхъ чалмахъ и полосатыхъ плащахъ, пытливо брошенный, подкупаетъ насъ, и мы одариваемъ—кто чѣмъ можетъ.

Стройно идутъ они потомъ въ нѣсколько рядовъ у насъ авангардомъ, изрѣдка пострѣливая, оповѣщая городъ о нашемъ приближеніи. Мы спускаемся въ ложбину мимо ограды большаго строенія съ австрійскимъ флагомъ на мачтѣ. У самой дороги справа невзрачная, каменная кладка, грубой кубической формы, мазанная известью, съ тяжелымъ навѣсомъ надъ входомъ со стороны дороги, съ плоскимъ сарацинскимъ куполомъ. Тутъ погребена Рахиль по рожденіи Веніамина. Достовѣрность мѣста подтверждается многими библейскими указаніями. Въ XII вѣкѣ, но арабскимъ лѣтописямъ, здѣсь стояли двѣнадцать колоннъ по числу и въ память колѣнъ израилевыхъ. Жившій въ пещерахъ виѳлеемскихъ блаженный Іеронимъ видѣлъ на этомъ мѣстѣ памятникъ въ родѣ пирамиды, испещренный еврейскими надписями. За гробницею Рахили путь развѣтвляется; направо шоссе идетъ къ тремъ прудамъ Соломона, Етаму, гдѣ у него находился загородный дворецъ. до южной границы Палестины въ Киріаѳ-Арбу или доисторическій Хевронъ, близь котораго Авраамомъ куплено м. Мамре, и гдѣ онъ бесѣдовалъ со Св. Троицею; тамъ онъ и похороненъ съ другими Св. праотцами еврейскаго народа. Налѣво подъемъ къ Виѳлеему, извилистый, крутой, опасный для колесныхъ экипажей. Шоссе въ гору—дѣло будущаго. У самаго подъема начинается узкая полоса земли, огибающая подошву холма, съ восточной стороны она взбирается на него почти до самаго храма Рождества. Къ этой полоскѣ относятъ двѣ легенды. По одной—она принадлежала Воозу. Ноеминь—нѣкогда богатая, возвратясь вдовою сюда на родину, посылала моавитянку Руѳь собирать колосья, какъ описываетъ трогательная библейская идиллія. Съ другимъ преданіемъ какъ-то не мирится христіанское чувство: Сѣялъ сѣятель на этомъ полѣ горохъ. На просьбу мимо проходившей Пресвятой Дѣвы онъ отвѣчалъ: „это—камни“. На это будто-бы Дѣва Марія промолвила: „если такъ, то пусть и будетъ по-твоему“. И дѣйствительно, тутъ и посейчасъ находятъ во множествѣ известковые шарики, очень похожіе формою и цвѣтомъ на окаменѣлый желтый горошекъ.

Намъ навстрѣчу вышло почти все городское населеніе. Отъ мала до велика, всѣ въ праздничномъ убранствѣ, съ привѣтливою и радостною улыбкою. Типъ жителей необыкновенно красивъ, особенно женщинъ и дѣтей. Покрой одежды ихъ, какъ все на Востокѣ, сохраняется, съ незапамятныхъ временъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Пречистая Дѣва носила такую-же, какъ и теперь женщины виѳлеемскія. У нихъ высокій клобукъ, какъ у монаховъ, съ длиннымъ бѣлымъ покрываломъ, падающимъ на плечи и спину. толстая синяя холщевая рубаха съ пестрымъ шерстянымъ кушакомъ, на груди яркаго цвѣта вставка, вышитая шнурами; лобъ и грудь увѣшаны монетами, русскими крестовиками и австрійскими талерами: на ногахъ сапоги. На заборахъ, на каждомъ камнѣ, на деревьяхъ—вездѣ масса дѣтей. Миловидная мелюзга разукрасилась яркими лентами. цвѣтными бусами, ожерельями. По узкимъ переулкамъ. спускамъ. высѣченнымъ въ скалѣ ступенямъ, подъемамъ,—подъ темными сводами мы проходимъ на противуположный конецъ города. къ площади передъ Б. ликою. Тутъ базаръ въ полномъ разгарѣ. Бойко идетъ торговля апельсинами, лимонами, инжиромъ, мастикой, палками сахарнаго тростника. Ворохи ячменя, мякины. соломы для скота. Лежатъ верблюды; отвѣсивъ уродливыя нижнія губы. они флегматически заняты жвачкою. И ихъ глупые взгляды обращены на насъ. Таково впечатлѣніе нами производимое. Выбѣжали изъ лавокъ торговцы

Рабочій заживо сожженный электрическимъ токомъ на телеграфномъ столбѣ въ Нью-Іоркѣ.

перламутровыми издѣліями. Толпа насъ окружила, глазъ не спускаетъ. Съ достоинствомъ, важно сходимъ мы съ ословъ и идемъ къ ожидающему насъ въ монастырѣ помѣщенію.

(Окончаніе въ слѣдующ. №).

Къ рисункамъ.

Туркменъ, продавецъ ковровъ въ Мервѣ.

(Рис. на стр. 1260).

Еще задолго до разсвѣта, сбираются на базарной площади Мерва жители изъ ближнихъ и дальнихъ ауловъ и становищъ. Все это свозитъ сюда свои издѣлія и плоды полеваго хозяйства. Едва только изъ-за полуразвалившихся стѣнъ старой крѣпости покажется солнце,—все до сихъ поръ мертвое, пустынное пространство громадной площади загорается самою кипучею жизнью.

Красивыми, пестрыми группами покрывается весь базаръ... Тутъ и вязки молчаливыхъ верблюдовъ, и обреченныя ножу мясника печальныя кучки овецъ, и груда арбузовъ, дынь и кукурузы, и плетеные лотки съ виноградомъ, и сверкающіе своими выпуклыми боками, колоссальные кувшины для воды, пестрыя гончарныя издѣлія, еще болѣе пестрые бивуаки торговцевъ краснымъ товаромъ, шелкомъ и мѣстными тканями.

Къ восходу-же солнца собираются и покупатели, и далеко за полдень шумитъ, кипитъ и звонитъ на всѣ лады, самый горячій, говорливый, страстный торгъ, подъ шумокъ котораго опытнымъ горожаниномъ обрабатывается наивный дикарь пустыни.

Самое интересное и цѣнное, что можно пріобрѣсти на такихъ базарахъ, это великолѣпные, цвѣтные туркменскіе ковры, настоящей ручной работы, которымъ нѣтъ ни сносу, ни сроку.

Рисунокъ, изображающій подобную базарную сцену, выхваченъ прямо съ натуры нашимъ неутомимымъ и талантливымъ художникомъ, изслѣдователемъ Востока. Типичный кустарь туркменъ развернулъ во всю величину свой пестрый коврикъ, надъ работою котораго трудилась не одну недѣлю вся его семья, какъ бы приглашая публику всласть насмотрѣться на красоты своего произведенія.

Изъ лѣсу. (Рис. на стр. 1261).

Пейзажи академика Писемскаго всегда отличаются вѣрностью природѣ и тонкимъ чувствомъ изящнаго. Какая прелесть, напр., этотъ лѣсъ въ его серебряномъ уборѣ, заволоченный по далямъ туманомъ, съ талыми колеями на первомъ планѣ! Такъ и чувствуется, что зима еще не стала вполнѣ, зимній путь еще не проченъ, и не нынче—завтра подкрадется оттепель, которая слижетъ весь этотъ снѣжокъ и съ инеемъ...

Андалузская красавица. (Рис. на стр. 1265).

Въ Испаніи многовѣковое смѣшеніе различныхъ расъ: карѳагенянъ, римлянъ, готовъ, арабовъ и кельтовъ, исконныхъ обитателей страны, дало особый типъ жителей, отличающихся своеобразною красотою, особливо среди женщинъ. Изъ нихъ справедливою извѣстностью пользуются обитательницы плодородной Андалузіи. Небольшаго роста, стройныя и гибкія, въ живописномъ костюмѣ, онѣ чаруютъ съ перваго же взгляда своихъ чудныхъ глазъ, то задумчивыхъ, то огневыхъ. Чрезвычайно кокетливыя, онѣ охотно позволяютъ любоваться собою, подолгу просиживая у окна или нетороиливо разгуливая по оживленнымъ улицамъ Севильи или Гренады, этихъ двухъ цвѣтниковъ испанскихъ красавицъ.

Въ Александріи. (Рис. на стр. 1268).

Александрія, въ Египтѣ, нѣкогда славная своею ученостью и богатствомъ, нынѣ представляетъ странную и живописную смѣсь европейскаго города съ восточнымъ. Въ ней на ряду съ прекрасными улицами и роскошными постройками можно встрѣтить бѣлыя, неуклюжія, съ плоскими крышами обиталища мѣстнаго населенія. Но именно эта часть города и завлекательна для европейца, въ особенности когда въ ней, послѣ жаркаго дня, подъ вечеръ, можно увидѣть кое-гдѣ тѣхъ затворницъ, которыхъ строго охраняютъ отъ нескромныхъ взглядовъ невѣрныхъ зоркіе глаза прислужниковъ и толстыя стѣны гаремовъ.

Городъ Владиміръ-Волынскій. (Рис. на стр. 1269).

Основателемъ города Владиміра-Волынскаго признается Св. Равноапостольный Князь Владиміръ, который далъ ему свое имя и создалъ въ немъ центръ политической и духовной жизни западно-русской окраины. Случилось это не позже 988 г., такъ какъ подъ этимъ городомъ Ипатьевская лѣтопись говоритъ уже о городѣ Владимірѣ, какъ объ удѣлѣ кня: Всеволода Владиміровича. Съ того времени въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій городъ Владиміръ и его область—Волынь управлялись православными русскими князьями, потомками Св. Владиміра, которымъ обязаны своимъ процвѣтаніемъ и лучшимъ періодомъ своей исторической жизни. Талантливые и энергическіе волынскіе князья Романъ Мстиславовичъ, Даніилъ Романовичъ и др. выдвинули Волынь изъ ряда удѣльныхъ княжествъ и, присоединивъ къ ней свое наслѣдіе Галичъ и часть Литвы, образовали могущественное Волынско-Галицкое княжество. Нѣкоторые изъ этихъ князей носили даже королевскій титулъ. Городъ Владиміръ своими укрѣпленіями и постройками могъ соперничать съ современными ему большими европейскими городами. По словамъ Ипатьевской лѣтописи, венгерскій король Андрей въ 1231 году былъ пораженъ красотою города и выразился о немъ: „яко така града не изобрѣтохъ ни въ нѣмѣчскихъ странахъ...“ „тако сущу (поясняетъ лѣтописецъ) оружьникамъ стоящимъ на немъ, блистаху ея щиты и оружници подобно солнцю“. Но не укрѣпленіями и не блескомъ своихъ „оружниковъ“ памятенъ древній Владиміръ-Волынскій: главная заслуга его въ нашей исторіи состоитъ въ укрѣпленіи и распространеніи истинъ христіанскаго ученія, въ духѣ православія, насажденнаго въ немъ Св. Владиміромъ и заботливо поддерживаемаго его преемниками. Въ созданномъ имъ городѣ, Св. Владиміръ, по преданію, построилъ 3 церкви (Васильевскую, Успенскій соборъ и Святогорскій монастырь съ с. Зимно) и учредилъ въ 992 г. епископію, въ составъ которой вошли, кромѣ западной части современной намъ Волыни, Холмщина, Подляссе и часть Галиціи съ городами Галичемъ и Перемысломъ, образовавшія впослѣдствіи 5 отдѣльныхъ епископій. Каѳедру эту занимали въ числѣ другихъ епископовъ, святители церкви Стефанъ и Амфилохій, изъ которыхъ первый, по преданію, погребенъ въ Успенскомъ храмѣ [1]). Памятниками духовной жизни города Владиміра въ этотъ періодъ служатъ остатки его величественныхъ храмовъ, созданныхъ волынскими князьями, и сказанія лѣтописей о щедрыхъ пожертвованіяхъ князей на пользу церкви. Нѣкоторые изъ волынскихъ князей до того заботливо относились къ церковнымъ нуждамъ, что сами составляли церковные сборники (кн. Василько) и списывали для церквей богослужебныя книги (кн. Владиміръ Васильковичъ). Заботы о духовныхъ нуждахъ народа не ограничивались построеніемъ церквей и украшеніемъ ихъ: рядомъ съ церквами строились училища, которыми завѣдывало духовенство; въ XI вѣкѣ во Владимірѣ существовало уже нѣсколько училищъ, „ради смотрѣнія которыхъ и наставленія учителей“ пріѣзжалъ въ 1097 г. изъ Кіева лѣтописецъ Василій [2]).

Современный намъ городъ Владиміръ-Волынскій принадлежитъ къ числу самыхъ захудалыхъ уѣздныхъ городовъ Юго-Западнаго края. Слова лѣтописи „така града не изобрѣтохъ ни въ нѣмѣчскихъ странахъ“, примѣненныя къ нему, звучатъ злой ироніей. Кромѣ несокрушимыхъ стѣнъ и башенъ Мстиславова храма, ничто не напоминаетъ въ немъ минувшей славы разсадника православія. Волею судебъ, соборною церковью города служитъ каплица, построенная ненавистникомъ православія и Россіи П. Важинскимъ въ память гонителя православія Іоасафата Кунцевича. Этотъ соборъ и приходская Васильевская церковь, по своей величинѣ не превышающіе размѣровъ обыкновенныхъ часовенъ, могутъ вмѣстить въ себѣ, обѣ церкви вмѣстѣ, не болѣе 300—400 человѣкъ молящихся, хотя въ принадлежащихъ къ нимъ приходахъ, къ которымъ приписаны подгородныя села, 3,122 душъ обоего пола. Въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, внѣшній видъ города и общее количество его населенія почти не измѣнились; но сильно измѣнилось въ немъ процентное отношеніе населенія иновѣрческаго къ православному, въ ущербъ послѣднему. Въ концѣ 40-хъ годовъ во Владимірѣ-Волынскомъ на 100 православныхъ приходилось 250 иновѣрцевъ, въ 1887 г. на 100 православныхъ—768 иновѣрцевъ [3]).

„Хлѣбъ“. Группа Лефёвра. (Рис. на стр. 1273).

Талантливый французскій скульпторъ Альбертъ Лефёвръ создалъ исполненную жизни и движенія мраморную группу, изображенную на нашемъ рисункѣ. Молодая мать одѣляетъ своихъ дѣтей хлѣбомъ на завтракъ. Съ хлѣбушкомъ и французская крестьянка бережно обращается, очевидно внушая то-же и малюткамъ, которыя съ почтеніемъ смотрятъ на даръ Божій.

В. Р. Зотовъ. (Портр. на стр. 1276).

Недавно происходило скромное празднованіе пятидесятилѣтія литературной дѣятельности маститаго писателя Владиміра Рафаиловича Зотова, извѣстнаго въ свое время поэта, романиста, драматурга и нынѣ старѣйшаго изъ журналистовъ нашихъ. Ему въ настоящее время 69 лѣтъ, много онъ перенспыталъ на своемъ вѣку, работалъ цѣлые полвѣка, не покладая рукъ, и не смотря на свой преклонный возрастъ продолжаетъ неутомимо трудиться и до сихъ поръ на пользу го-

[1]) Память Преподобнаго Стефана празднуется 27 апрѣля въ день его кончины. („Русскіе Святые“ Преосвященнаго Филарета Черниговскаго).

[2]) „Волынь“, изд. Батюшкова, стр. 26. Конашевичъ, „Очеркъ Пр. Цер. на Волыни“ изд. 1855 г., стр. 28.

[3]) „Воен. статич. обозрѣніе Вол. губ.“ А. Забѣлина, 1887 г., стр. 113—114.

рячо любимой имъ родины, сохранивъ, можно сказать, юношескую свѣжесть и бодрость духа вмѣстѣ съ лучшими литературными преданіями, благороднѣйшими побужденіями и стремленіями. Воспитанный въ тѣсной семьѣ лицеистовъ, соединенныхъ однимъ союзомъ, девизъ котораго—благо отчизны, вскормленный геніальными твореніями Пушкина, Гоголя, эстетическими воззрѣніями Бѣлинскаго, В. Р. Зотовъ представляетъ собою рѣдкій въ наши дни примѣръ писателя, высоко ставящаго свое призваніе, безгранично уважающаго печатное слово, беззавѣтно преданнаго интересамъ родной литературы. „Не громка моя лира, въ ней пѣтъ величавыхъ, торжественныхъ пѣсенъ“, можетъ сказать про себя словами другаго поэта В. Р. Зотовъ. Его служеніе музамъ было очень скромное, хотя и весьма усердное, такъ какъ онъ написалъ множество стихотвореній, поэмъ, романовъ, повѣстей, драматическихъ пьесъ. Всѣ эти труды его не имѣютъ значенія первоклассныхъ произведеній, но на нихъ лежитъ печать несомнѣннаго таланта, въ нихъ виденъ человѣкъ съ умомъ, съ прекраснымъ образованіемъ и вкусомъ, тонко чувствующій, писатель мыслящій и благородный. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ многія изъ этихъ произведеній, каковы, напримѣръ, поэмы: „Двѣ колонны“ (Александровская и Вандомская), „Клитемнестра“, „Послѣдній Хсакъ“, романы и повѣсти „Волтижерка“, „Коломенская роза“, „Старый домъ“, „Человѣкъ съ характеромъ“, „Докторша“, „Пѣшій“, пьесы „Король Энціо“, „Новгородцы“, „Дочь Карла Смѣлаго“, „Корсаръ“, „Наполеоновскій Гвардеецъ“, „Герцогиня Д'Эгильонъ“ и проч., читались и смотрѣлись очень усердно и имѣли не малый успѣхъ. Прекрасно владѣя и стихомъ, и прозой, Зотовъ умѣлъ придать занимательность, жизненность своимъ произведеніямъ, всегда строго относился къ формѣ, никогда не допускалъ небрежностей въ слогѣ и, подражая лучшимъ литературнымъ образцамъ, всегда оставался въ строгихъ границахъ искусства, задачи котораго онъ отлично понимаетъ. Въ настоящее время, когда весьма немногіе изъ писателей новаго поколѣнія умѣютъ ладить со слогомъ, излагать свои мысли правильнымъ русскимъ языкомъ, В. Р. Зотовъ долженъ цѣниться еще болѣе, такъ какъ онъ всегда стоялъ на стражѣ родной рѣчи и является у насъ лучшимъ стилистомъ. Какъ ни почтенны его заслуги въ области изящной словесности, но настоящее призваніе нашего уважаемаго писателя—журнальная дѣятельность. Всесторонне образованный, обладающій энциклопедическими познаніями, изучившій въ совершенствѣ классическіе и новѣйшіе языки и иностранныя литературы, съ молодыхъ лѣтъ испытавъ свои силы во всѣхъ родахъ словесности, сотрудничая въ безчисленныхъ періодическихъ изданіяхъ, Зотовъ стяжалъ себѣ весьма почтную извѣстность, какъ даровитый журналистъ, какъ усердный, способнѣйшій редакторъ. Съ самаго начала сороковыхъ годовъ и почти до послѣдняго времени онъ не переставалъ редижировать какое-либо изъ періодическихъ изданій, иногда нѣсколько вмѣстѣ. Онъ былъ редакторомъ *Репертуара*, *Литературной Газеты*, *Сына Отечества*, *Иллюстраціи*, *Иллюстрированнаго Семейнаго Листка*, *Отечественныхъ Записокъ*, *Петербургскихъ Вѣдомостей* (литературнаго и критическаго отдѣловъ), *Воскреснаго Досуга*, *Иллюстрированной Газеты*, *Наблюдателя*, въ которомъ онъ былъ помощникомъ редактора. Кромѣ того онъ дѣятельно участвовалъ въ редижированіи *Энциклопедическаго Словаря* 60-хъ гг., *Настольнаго Словаря* Толля, *Энциклопедическаго Словаря* Березина и др. Зотовъ помѣстилъ массу статей по исторіи искусства, критическихъ, біографическихъ, историко-литературныхъ, публицистическихъ, по всѣмъ отраслямъ знанія, но самымъ капитальнымъ трудомъ его является многотомное изданіе „Исторія всемірной литературы въ очеркахъ, біографіяхъ и образцахъ“. Это изданіе, составленное по многочисленнымъ источникамъ, говорящее о необыкновенномъ трудолюбіи автора, представляетъ до сихъ поръ единственную у насъ попытку—дать публикѣ общедоступное руководство для изученія литературъ всѣхъ временъ и народовъ, сжатое, не многословное, но дающее полное понятіе о предметѣ и множество солидныхъ свѣдѣній. В. Р. Зотовъ — современникъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго, свидѣтель литературныхъ дебютовъ Гончарова, Тургенева, Достоевскаго, гр. Льва Толстаго, Писемскаго, Майкова, Полонскаго и прочихъ корифеевъ отечественной словесности, свидѣтель многихъ историческихъ событій, старожилъ Петербурга,—словомъ живой памятникъ двухъ прошлыхъ царствованій, и потому обладаетъ богатѣйшими устными и письменными матеріалами эпохи сороковыхъ—пятидесятыхъ годовъ. Изъ запаса своей обширной памяти онъ нерѣдко бралъ матеріалы для своихъ статей и еще недавно помѣстилъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* рядъ интересныхъ выдержекъ изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ, подъ заглавіемъ „Петербургъ въ сороковыхъ годахъ“. Зотовъ рано почувствовалъ стремленіе къ литературѣ, любовь къ ней, и это вполнѣ естественно: онъ росъ въ литературной сферѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ отца, извѣстнаго въ свое время романиста и начальника репертуара Императорскихъ театровъ, Рафаила Михайловича Зотова.

Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ родился въ Петербургѣ, 22 іюня 1821 года, и выучился грамотѣ самоучкою, по театральнымъ афишамъ, настолько хорошо, что уже девяти лѣтъ написалъ драму „Маробукъ, атаманъ разбойниковъ“, которую и разыгрывалъ въ своемъ семейномъ кружкѣ. Послѣ первоначальнаго образованія во второй петербургской гимназіи, онъ перешелъ въ первую гимназію, а отсюда, въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ, переведенъ въ Царскосельскій Лицей, гдѣ пробылъ съ 1836 по 1841 годъ включительно, окончивъ курсъ однимъ изъ первыхъ; будучи въ Лицеѣ, онъ началъ печататься и слылъ „лицейскимъ поэтомъ, преемникомъ Пушкина“. Прослуживъ недолгое время въ канцеляріи Военнаго министерства, онъ не могъ примирить свою поэтическую натуру съ военною дисциплиною и перешелъ на службу въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ. Какъ ни была легка эта служба, но она мѣшала его литературнымъ занятіямъ и редакторскимъ обязанностямъ, и въ 1861 году Зотовъ оставилъ службу, фактически выйдя въ отставку, хотя онъ и до сихъ поръ остается причисленнымъ къ канцеляріи министра Финансовъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ Зотовъ снялся въ группѣ нѣсколькихъ лицъ, принадлежавшихъ къ редакціонному кружку одной газеты, по поводу чего написалъ юмористическую пьесу. Въ концѣ ея онъ обрисовалъ и свою дѣятельность въ такихъ выраженіяхъ: „Вотъ и онъ — Владиміръ Зотовъ, чуждъ житейскихъ всѣхъ расчетовъ, жаромъ юноши согрѣтъ, до сѣдыхъ волосъ доживши, ничего не прикопивши про запасъ для дряхлыхъ лѣтъ, — развѣ это не поэтъ?“ Къ этой хотя и шуточной, но справедливой характеристикѣ, кажется, прибавлять нечего.

Петръ Быковъ.

Григорій Петровичъ Данилевскій († 6 декабря 1890 г.). (Портр. на стр. 1276).

Русская литература понесла большую, въ наши дни едва-ли вознаградимую, потерю. 6 декабря, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался редакторъ *Правительственнаго Вѣстника*, извѣстный писатель Григорій Петровичъ Данилевскій, авторъ „Воли“, „Новыхъ мѣстъ“, „Девятаго вала“, „Мировича“, „Чернаго года“ и др. романовъ, имѣвшихъ вполнѣ заслуженный успѣхъ, переводчикъ драмъ Шекспира „Ричардъ III“ и „Цимбелинъ“, авторъ „Воспоминаній о Гоголѣ“ и др. Намъ лично утрата эта особенно тяжела, такъ какъ покойный былъ не только постояннымъ сотрудникомъ нашего журнала, но и человѣкомъ искренно расположеннымъ къ *Нивѣ*, всегда сочувственно относившимся къ нашимъ трудамъ въ дѣлѣ усовершенствованій изданія и отмѣчавшимъ ихъ въ редижируемой имъ газетѣ внимательными отзывами.

Г. П. Данилевскій родился 14 апрѣля 1829 г. въ селѣ Даниловкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ., воспитывался въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, бывшемъ университетскомъ пансіонѣ, а затѣмъ въ 1850 г. окончилъ курсъ въ СПБ. университетѣ со степенью кандидата по камеральному отдѣленію юридическаго факультета. Съ 1850 по 1857 г., служа въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, онъ посѣтилъ Финляндію, Крымъ, Малороссію, прибрежье Азовскаго моря и проч. Въ 1869 г. Г. П. Данилевскій былъ назначенъ помощникомъ главнаго редактора газеты *Правительственный Вѣстникъ*, а съ 1881 г. былъ ея главнымъ редакторомъ.

Заживо сожженный на телеграфномъ столбѣ.

(Рис. на стр. 1277).

Въ вышедшей на-дняхъ *Популярной физикѣ* Эмиля Дебсо разсказывается ужасный случай, происшедшій 12 октября 1889 года въ Нью-Іоркѣ, на углу улицъ Центра и Чамберсъ-стритъ. Одинъ изъ служителей при телеграфѣ влѣзъ на высокій столбъ, поддерживающій телеграфныя проволоки. Приблизившись къ вершинѣ столба и тщательно избѣжавъ соприкосновенія съ проволоками питающими электрическія лампы, служитель проникъ въ чащу расположенныхъ надъ ними проволокъ, которыхъ могъ уже касаться безъ опасности для себя, такъ какъ въ нихъ проходятъ лишь слабые токи. Но число этихъ проволокъ оказалось такъ велико, что несчастный запутался въ нихъ какъ въ паутинѣ особаго рода. Не смотря на то онъ хотѣлъ лѣзть еще выше, какъ вдругъ нечаянно зацѣпился за одну проволоку съ сильнымъ токомъ и не могъ отъ нея оторваться. Тогда произошла ужасающая сцена. Толпа, собравшаяся на перекресткѣ, смотрѣла на мученія страдальца, не зная какъ ему помочь. Скоро показалось пламя изо рта, изъ рукъ и ногъ несчастнаго, который горѣлъ на медленномъ огнѣ. Болѣе получаса окаменѣвшая отъ ужаса толпа была свидѣтельницею этой агоніи и когда наконецъ прибыла помощь отъ *Западной Союзной телеграфной компаніи*, было уже поздно: сняли только обгорѣлый трупъ.

Электрическій манежъ. (Рис. на стр. 1280).

Въ Ниццѣ нѣкто Салле устроилъ электрическій манежъ, представляющій нѣчто среднее между настоящими скачками и игрой называемой petits-chevaux. Въ общихъ чертахъ, это

нѣсколько деревянныхъ лошадокъ въ половину натуральной величины, катающихся каждая по особому круговому рельсовому пути подъ вліяніемъ электрическаго двигателя, особаго для каждой лошади и хотя получающаго токъ изъ одного и того же генератора, но независимо отъ прочихъ: такимъ образомъ каждый конекъ пользуется такъ-сказать полною независимостью, ограничиваемою лишь высшимъ контролемъ электротехника, который управляетъ всѣмъ манежемъ. На конькахъ ѣздятъ дѣти и взрослые, бѣгъ ихъ можно ускорять, задерживать и останавливать, перегоняя другъ друга и держа пари. Въ манежѣ Салле газовый двигатель въ 12 лошадиныхъ силъ приводитъ въ движеніе динамо-машину Рехневскаго, которая посылаетъ токъ 6 электрическимъ двигателямъ, изъ коихъ каждый приводитъ въ движеніе одну лошадку на колесахъ. Эти послѣдніе двигатели суть также динамо-машины Рехневскаго, но весьма слабыя, и помѣщаются позади каждой лошади. Какъ только замкнутъ динамо-машину, всѣ 6 лошадей сразу начинаютъ двигаться со скоростью тѣмъ большею, чѣмъ больше круги описываемые ихъ путями. Кромѣ того, скорость каждой лошади можетъ быть увеличена реостатомъ. Затѣмъ каждая лошадь можетъ быть остановлена независимо отъ прочихъ.

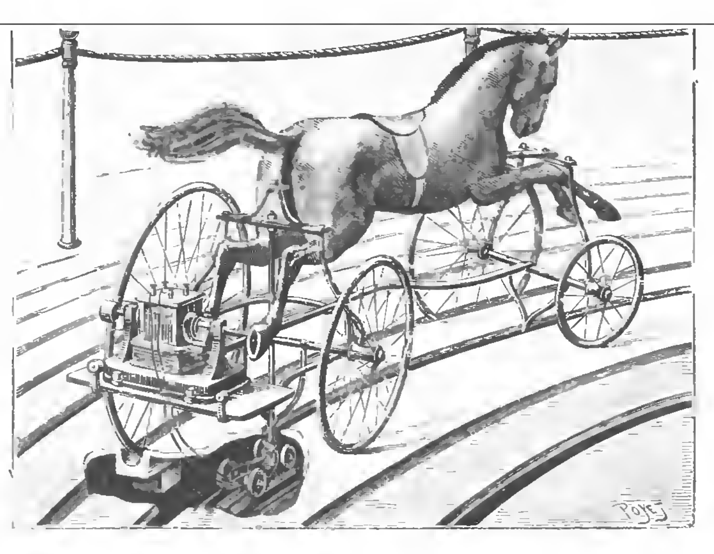


Рис. 1. Механическая лошадь въ электрическомъ манежѣ. Грав. Цуайе.

Политическое обозрѣніе.

Берлинская конференція по школьнымъ вопросамъ въ Пруссіи, возбудившая всеобщій интересъ благодаря извѣстной рѣчи Германскаго императора, окончила свою работу. Заключительное засѣданіе этой конференціи состоялось 5 декабря. Сущность ея постановленій сводится къ тому, что гимназическій аттестатъ зрѣлости даетъ право на слушаніе факультетскихъ лекцій, со включеніемъ медицинскаго факультета, и на слушаніе высшихъ техническихъ лекцій; аттестатъ зрѣлости, полученный изъ реальной школы, даетъ право на поступленіе въ университетъ лишь по естественно-историческому и высшему техническому факультетамъ, такой-же аттестатъ, полученный изъ высшей гражданской школы (Bürgerschule) даетъ право на службу въ низшихъ должностяхъ и на поступленіе въ

Рис. 2. Общій видъ электрическаго манежа въ Ниццѣ. Грав. Тиріа.

армію въ качествѣ одногодѣтняго вольноопредѣляющагося; для послѣдняго достаточно также и аттестата зрѣлости отъ класса оберъ-секунды.

Въ засѣданіи конференціи присутствовалъ императоръ и произнесъ новую рѣчь.

По сообщенію *Имперскаго Указателя*, въ этой рѣчи сказано: „Въ рѣчи при открытіи конференціи я не упомянулъ о религіи. Мысли мои на этотъ счетъ ясны какъ день: какъ король и верховный пастырь (summus episcopus) моей церкви, я считаю долгомъ заботиться о развитіи и усиленіи въ школѣ религіознаго чувства и христіанскаго духа. Школа и церковь должны взаимно поддерживать одна другую. Теперь время переходное, время вступленія въ новое столѣтіе. Мои предки, слѣдя за пульсомъ времени, предусматривали то, что было впереди, и всегда оставались во главѣ движенія. Я думаю, что и я постигъ, куда направленъ новый духъ истекающаго столѣтія. Какъ по отношенію къ соціальнымъ реформамъ, такъ и въ этомъ дѣлѣ, я рѣшилъ вступить на новый путь". Затѣмъ императоръ прочиталъ статью изъ газеты *Hannoverscher Courier*, замѣтивъ, что въ ней выражены какъ бы его собственныя мысли. Въ статьѣ говорится, что соціально-демократическія ученія не могутъ быть ни разъясняемы, ни авторитетно или полемически опровергаемы въ школѣ. „Когда же юношествомъ будетъ пріобрѣтено ясное пониманіе сущности государства — прибавилъ императоръ—оно увидитъ дурныя и опасныя стороны соціально-демократическихъ теорій. Принципъ королевскаго дома: „suum quique" значитъ: „каждому свое", а не „всѣмъ одно и то же"; это относится также и къ тому, что рѣшено здѣсь на конференціи. Донынѣ дорога вела изъ Өермопилъ черезъ Канны къ Россбаху и Віонвиллю; я же веду юношество отъ Седана и Гравеллота черезъ Лейтенъ и Россбахъ къ Мантинеѣ и Өермопиламъ и эту дорогу считаю правильною".

Во Франціи, до наступленія Рождественскихъ праздниковъ, палата депутатовъ успѣла покончить съ бюджетомъ и, большинствомъ 863 голосовъ противъ 50, вотировала проектъ смѣты въ совокупности. Правая воздержалась отъ голосованія. Прежде, чѣмъ приступлено было къ голосованію, членъ правой Дюгеде-ла-Фоконери заявилъ, что подаетъ голосъ за бюджетъ, потому что членамъ меньшинства пора откровенно и честно присоединиться къ республикѣ. Кассаньякъ замѣтилъ, что республиканцамъ дѣйствительно представлялся случай примирить съ собою меньшинство, но они поставили столь тяжкія условія и отворили такую низкую дверь, что меньшинство лишено было возможности войти въ республику. Засѣданія палаты отсрочены до 6 (18) декабря.

Въ Сербіи скупщина озабочена меморандумомъ королевы Наталіи, переданнымъ на ея разсмотрѣніе. Уже давно ходили слухи о желаніи королевы-матери передать дѣло о своихъ несогласіяхъ съ королемъ Миланомъ на разсмотрѣніе народныхъ представителей. Слухи оправдались и скупщина, разсмотрѣвъ меморандумъ въ закрытомъ засѣданіи, вынесла слѣдующую резолюцію: „Въ виду отсутствія въ законодательствѣ и конституціи постановленія, въ силу котораго обыкновенная скупщина могла бы обсуждать и рѣшать вопросъ, возбужденный королевою, скупщина, не входя въ разсмотрѣніе дѣла, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ; однако, побуждаемая настоящимъ дѣломъ, скупщина выражаетъ желаніе, чтобы правительство съ регентствомъ озаботились отклонить вредныя послѣдствія распри королевскихъ родителей, наносящія ущербъ странѣ и достоинству престола".

Библіографія.

Н. В. Пономаревъ. Начальная сельско-хозяйственная книга для чтенія въ народныхъ училищахъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. СПБ. 1890 г. Цѣна 1 руб. (Съ 141 рис. въ текстѣ).

Авторъ имѣлъ въ виду дать ученикамъ народныхъ училищъ основныя свѣдѣнія по земледѣлію, обработкѣ почвы, воздѣлыванію хлѣбовъ, масличныхъ растеній, огородничеству, садоводству, виноградарству, лѣсному хозяйству, скотоводству, овцеводству, пчеловодству, шелководству; также о вредныхъ для сельскаго хозяйства насѣкомыхъ и проч.

Названная книга, изданная весьма изящно, признана Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ полезною для класснаго чтенія въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ.

Книга эта можетъ быть рекомендована молодымъ, начинающимъ сельскимъ хозяевамъ.

Смѣсь.

Музыкальный дѣтскій садъ. Недавно вышло изъ печати у издателя Юлія Генриха Циммермана (Петербургъ и Москва) новое сочиненіе профессора Лейпцигской консерваторіи Карла Рейнеке подъ названіемъ „Музыкальный дѣтскій садъ." Основная мысль этого сочиненія—развить у учащихся музыкальный вкусъ и постепенно посвятить ихъ въ тайны музыкальнаго искусства, и съ этой точки зрѣнія, какъ видно изъ лежащаго предъ нами труда, авторъ выполнилъ свою задачу добросовѣстно и съ большимъ талантомъ. Нельзя отрицать, что существуетъ уже много хорошихъ сочиненій такого же содержанія, но тѣмъ не менѣе „Музыкальный дѣтскій садъ" профессора Рейнеке представляетъ собою нѣчто выдающееся. Послѣ Роберта Шумана поэтическая сторона дѣтской жизни еще никѣмъ не была передана въ музыкальной формѣ съ такою тонкостью и знаніемъ дѣла какъ въ вышесказанномъ трудѣ. При этомъ видно, что авторъ не упустилъ изъ виду и техническую сторону своего труда. Не уклоняясь отъ своей главной идеи, онъ старается постепенно развить и технику юнаго ученика и незамѣтнымъ образомъ знакомитъ его съ трудностями встрѣчающимися при исполненіи классическихъ пьесъ. Все сочиненіе написано въ 9 тетрадяхъ для фортепіано въ 2 и 4 руки и въ крайне интересной формѣ рисуетъ картину жизни дѣтства со всѣми ея разнообразными оттѣнками: 1-я тетрадь содержитъ легкія пьесы разнаго характера подъ названіемъ „Мои первыя пьески". 2-я тетрадь содержитъ массу любимыхъ, мастерски обработанныхъ мелодій изъ оперъ и классическихъ сочиненій. Тетрадь 3-я „Урокъ пѣнія" знакомитъ ученика съ прекрасными легкими, подобранными подъ дѣтскій вкусъ, пѣснями. Тетради 4 и 5-я заключаютъ народныя пѣсни почти всѣхъ націй. Тетрадь 6-я, уже немного труднѣе, передаетъ въ музыкальной формѣ самыя интересныя дѣтскія сказки съ объяснительнымъ текстомъ. Тетрадь 7-я описываетъ „Что звуки намъ разсказываютъ". Между этими пьесами нѣкоторыя, какъ напримѣръ: „Какъ на конькахъ катаются" или „Какъ громъ гремитъ"—требуютъ уже нѣкотораго развитія техники пальцевъ. Послѣднія двѣ тетради оканчиваются „Дѣтскимъ маскарадомъ", въ которыхъ преобладаетъ отдѣлъ танцевъ. (Между послѣдними новенькій Вѣнскій вальсъ и торжественный полонезъ исполненный Золушкой съ королевскимъ принцемъ, по своей мелодичности, особенно выдѣляются). Все сочиненіе издано весьма тщательно отдѣльными тетрадями и въ прекрасномъ переплетѣ въ трехъ томахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что оно встрѣтитъ большое сочувствіе во всѣхъ семьяхъ интересующихся музыкой и составитъ для нашихъ маленькихъ музыкантовъ лучшій подарокъ къ предстоящимъ праздникамъ.

Одинъ путешественникъ разсказываетъ слѣдующее изъ своего пребыванія въ Персіи: Однажды я былъ въ гостяхъ у судьи, когда къ нему привели преступника, упорно отрицавшаго свою вину. Беглербегъ (судья) приказалъ принести плети. „Клянусь, что я невиновенъ", произнесъ обвиняемый, скрестивъ на груди руки и

выставивъ по одному пальцу впередъ. Полицейскій стоялъ возлѣ, держа плеть на-готовѣ, между тѣмъ какъ судья, пристально глядя на руки преступника, воскликнулъ снова: „Нѣтъ, ты виновенъ!“ — „Клянусь священной главой, я невиновенъ!“ продолжалъ обвиняемый, выставляя уже по *два* пальца на каждой рукѣ. Эта процедура длилась до тѣхъ поръ, пока преступникъ не вытянулъ всѣхъ пяти пальцевъ на обѣихъ рукахъ. „Хорошо, отпустите его“, сказалъ тогда судья, „это былъ не онъ!“ Впослѣдствіи я узналъ, что обвиняемый, каждымъ выставленнымъ впередъ пальцемъ, давалъ понять судьѣ, что онъ предлагаетъ ему одинъ туманъ (около десяти марокъ) и такимъ образомъ онъ посулилъ въ концѣ концовъ 10 тумановъ или 100 марокъ на умиротвореніе персидскаго правосудія. (с.)

Глубины моря. Только новѣйшее время впервые дало намъ достовѣрныя указанія относительно глубинъ моря. Еще въ 1838 году 2,200 метровъ считались наибольшею глубиной. Съ тѣхъ поръ точныя изслѣдованія морскаго дна, произведенныя съ цѣлью проведенія большихъ подводныхъ телеграфовъ, показали, что существуютъ глубины въ 4 раза превышающія вышеприведенную. Мы приведемъ здѣсь значительнѣйшія изъ измѣренныхъ морскихъ глубинъ:

1.	Въ сѣверной части Тихаго океана	8,513 метр.
2.	Между Японіей и островами Адмиралтейства	8,367 „
3.	Въ сѣверной части Атлантическаго океана	8,341 „
4.	Въ Караибскомъ морѣ	6,270 „
5.	Въ южной части Тихаго океана	6,160 „
6.	Въ южной части Атлантическаго океана	6,006 „
7.	Въ Индійскомъ океанѣ	5,523 „
8.	Въ морѣ Банда	5,120 „
9.	Въ Меланезійскомъ Коралловомъ морѣ	4,850 „
10.	Въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ	4,846 „
11.	Въ Целебесскомъ морѣ	4,755 „
12.	Въ морѣ Сулу	4,663 „

(в. к.).

Помолвка дѣвицы Монтихо съ Наполеономъ III. Интересные „Souvenirs historiques“, находящіеся въ еще неизданныхъ письмахъ императрицы Евгеніи и появляющіеся въ одномъ изъ французскихъ журналовъ, доведены въ настоящее время до помолвки дѣвицы Монтихо съ Наполеономъ III. Письмо госпожи Монтихо къ ея старому другу, французскому посланнику въ Берлинѣ, гдѣ она сообщаетъ ему извѣстіе о помолвкѣ своей дочери, выказываетъ ея материнскую заботливость. „Не знаю, пишетъ она, радоваться мнѣ или плакать. Многія матери, завидующія мнѣ теперь, едва-ли бы могли понять причину моихъ слезъ. Евгенія будетъ повелительницею вашей Франціи, но я знаю, что повелительницы вашей страны не очень счастливы. Я не могу утѣшиться, мысль о Маріи-Антуанетѣ преслѣдуетъ меня, и я со страхомъ задаю себѣ вопросъ: не ожидаетъ-ли и мою дочь подобная судьба.“ Предъ своею помолвкой молодая дѣвушка замѣчала враждебность придворныхъ дамъ, возникшую противъ нея къ очевидному удивленію императора. Издатель „Souvenirs“ ручается за истину слѣдующаго анекдота. Придворныя дамы Наполеона III были рѣшительно противъ этого союза и относились къ дѣвицѣ Монтихо съ крайнею холодностью и презрѣніемъ. Однажды, въ Компьенскомъ паркѣ, выведенная изъ себя Евгенія, въ присутствіи своихъ противницъ, пожаловалась императору на ихъ дурное обращеніе. Какъ только она кончила говорить, Наполеонъ отломилъ вѣтку у кустарника, сдѣлалъ изъ нея подобіе вѣнца и, надѣвая его на голову Евгеніи, сказалъ такъ громко, чтобы всѣ присутствующія могли слышать: „Въ ожиданіи другаго!“ Съ этого времени дамы обращались съ дѣвицей Монтихо какъ со своей будущей императрицей. (к.)

Парижскіе театры. *Фигаро* сообщаетъ слѣдующія интересныя данныя о количествѣ мѣстъ и высшей цифрѣ сбора Парижскихъ театровъ: Опера (2,200 мѣстъ)—23,000 франковъ; Châtelet (3,600 мѣстъ)—12,500 фр.; Porte Saint-Martin (1,500 мѣстъ)—11,500 фр.; Французская Комедія (1,400 мѣстъ)—10,000 фр.; Комическая опера (1,500 мѣстъ)—10,000 фр.; Gaîté (2,000 мѣстъ)—9,800 фр.; Одеонъ (1,460 мѣстъ)—9,600 фр.; Варьетэ (1,250 мѣстъ)—7,500 фр.; Ambigu (1,600 мѣстъ)—7,000 фр.; Водевиль (1,100 мѣстъ)—6,800 фр.; Gymnase (1,000 мѣстъ)—6,500 фр.; Folies Dramatiques (1,600 мѣстъ)—6,300 фр.; Nouveautés (1,000 мѣстъ), Renaissance (1,200 мѣстъ). Palais Royal (850 мѣстъ), Bouffes Parisiennes (900 мѣстъ)—сборъ въ каждомъ изъ нихъ 5,700 фр.; Château d'Eau (2,400 мѣстъ)—5,000 фр.; Menus-Plaisirs (1,150 мѣстъ)—4,000 фр.; Клюни (1,100 мѣстъ)—3,500 фр. и Dejazet (750 мѣстъ)—2,800 фр. Въ общемъ 28,560 мѣстъ и 160,000 франковъ. Средняя цѣна каждаго мѣста—5½ франковъ (если брать 11 театровъ—будетъ нѣсколько болѣе, если же брать 9—нѣсколько менѣе). (к.)

Фридрихъ Великій, на ряду со своими занятіями музыкой, какъ извѣстно, былъ большимъ почитателемъ французскаго языка и находился въ большой дружбѣ съ французскимъ поэтомъ Вольтеромъ. Однажды великій король, не имѣя времени въ виду чрезвычайно спѣшнаго дѣла, написалъ уважаемому имъ поэту слѣдующее короткое, но крайне интересное письмо: „$\frac{p}{venez}$ à $\frac{6}{100}$“. Остроумный французскій поэтъ понялъ смыслъ короткаго письма и въ свою очередь послалъ королю еще болѣе короткій загадочный отвѣтъ: „G. a.“, что чрезвычайно развеселило короля, который также безъ труда отгадалъ смыслъ отвѣта. Разгадка этой оригинальной переписки слѣдующая: посланіе короля содержало приглашеніе и значило: „venez souper à San-Souci“, на что Вольтеръ тотчасъ же отвѣтилъ: „J'ai grand appetit“. (к.)

Парижская жизнь. Среди общаго похода, открытаго нынѣшнимъ лѣтомъ печатью и различными благотворительными обществами французской столицы противъ уличнаго нищенства, обнаружилось существованіе уже 2 года издающагося въ Парижѣ еженедѣльнаго журнала, единственно и всецѣло посвятившаго себя интересамъ „нищенствующаго“ сословія. Этотъ спеціальный журналъ для нищихъ выходитъ, конечно, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и получается только нищими. Онъ вовсе не занимается политикой, на его страницахъ нѣтъ мѣста остроумію, а помѣщаются только краткія сообщенія съ рынка и свѣдѣнія изъ сферы дѣятельности нищихъ. Цѣна каждаго нумера довольно высокая, именно 20 сантимовъ. Главное же содержаніе журнала составляютъ объявленія слѣдующаго содержанія: „Требуется слѣпецъ играющій на флейтѣ“ или „Ищутъ увѣчнаго на хорошее, часто посѣщаемое мѣсто у купаленъ, предпочтеніе оказывается лишенному правой руки, кромѣ того, требуется хорошая рекомендація и небольшой залогъ“. Такія объявленія содержитъ каждый нумеръ этого органа нищихъ—дюжинами; въ нихъ указываются и агенты, раздающіе мѣста. Въ Парижѣ недавно образовалось болѣе двадцати подобныхъ бюро раздачи и передачи мѣстъ, которыя снабжаютъ всю Францію, всѣ купанья и курорты нищими разнаго рода, органомъ которыхъ является этотъ журналъ для нищихъ. Наконецъ, этотъ журналъ содержитъ еще извѣстія о всѣхъ свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ, дняхъ рожденія и именинъ богатыхъ людей, которыя могутъ дать подписчикамъ случай къ небольшой получкѣ. (к.)

Кошка и попугай. Теофиль Готье завелъ у себя въ Парижѣ зеленаго амазонскаго попугая. Въ то время какъ попугай осматривалъ съ жердочки свое новое мѣстопребываніе, на него пристально смотрѣла кошка Готье. Придя, повидимому, къ заключенію, что эта странная птица — не что иное какъ зеленая курица, кошка спрыгнула со стола, легла въ углу и приняла свойственное кошачьей породѣ выжидательное положеніе. Попугай, замѣтивъ опасность, насторожился. Кошка подкрадывалась ближе и ближе, внезапно присѣла на заднія лапы и сдѣлала сильный прыжокъ, который однако почти на футъ не досталъ до жердочки попугая. Тогда птица крикнула кошкѣ: „Ты завтракалъ, Жако?“ Кошка поспѣшно ретировалась: всѣ ея орнитологическія познанія сбились. А попугай продолжалъ: „Что-жь тебѣ дали на завтракъ? Жареной телятины?“ Въ глазахъ у кошки, насколько они могутъ выражать мысль, ясно можно было прочесть слѣдующее соображеніе: „это не птица, это—самъ хозяинъ“. Когда же попугай съ тріумфомъ занѣлъ застольную пѣсню, кошка бросила испуганный взглядъ на Готье и тотчасъ же скрылась подъ кровать, откуда не выходила цѣлый день. (к.)

Сильнѣйшія и продолжительнѣйшія грозы свирѣпствуютъ на островѣ Ямайкѣ и въ южной Африкѣ. Въ Синихъ горахъ острова Ямайки онѣ продолжаются ежегодно пять мѣсяцевъ или 150 дней. День за днемъ, вершины горъ покрываются темными грозовыми тучами, которыя около 1 часа пополудни достигаютъ наибольшей густоты. Непрерывно гремитъ громъ и сверкаетъ молнія, наконецъ разражается страшный ливень, который длится до 3 часовъ и затѣмъ снова наступаетъ ясная погода. Періодичность грозъ въ самые жаркіе часы дня—объясняется тѣмъ, что воздухъ въ ущельяхъ горъ слишкомъ накаляется и насыщается влагою.—Подобныя же явленія замѣчаются и на высокихъ, гористыхъ берегахъ южной Африки. Лѣтніе дни начинаются обыкновенно яснымъ утромъ и палящимъ зноемъ; но къ полудню на вершинахъ горъ собираются темныя грозовыя тучи. Часа черезъ два разражается сильнѣйшій ливень, гремитъ громъ, сверкаетъ молнія. Это повторяется изъ года въ годъ, въ теплые мѣсяцы, отъ октября до февраля. Гроза разражается ежедневно въ одни и тѣ же часы и обыкновенно повторяется пять дней подъ-рядъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Она сопровождается страшною бурей, которая самыхъ сильныхъ людей валитъ съ ногъ, какъ снопы. (с.)

Наблюденія показываютъ, что нѣкоторыя птицы питаютъ особое пристрастіе къ извѣстнымъ породамъ деревьевъ и избѣгаютъ мѣстностей, въ которыхъ нѣтъ такихъ деревьевъ. Такъ напр., ясень привлекаетъ дикихъ голубей и дроздовъ, букъ —дятловъ, береза — желтоногихъ дроздовъ, терновникъ — лѣсныхъ жаворонковъ, ежевика—бѣлошеекъ и овсянокъ, дубъ—черныхъ дроздовъ, соекъ и грачей и, наконецъ, боярышникъ — почти всѣ породы мелкихъ птицъ. При устройствѣ общественныхъ садовъ слѣдовало-бы имѣть въ виду эти наблюденія, при выборѣ деревьевъ, для того, чтобы привлечь возможно большее количество пернатыхъ пѣвцовъ. Приходится пожалѣть, что до сихъ поръ на этотъ предметъ не обращалось должнаго вниманія. (с.)

Удешевленное сожиганіе труповъ. На кладбищѣ Père La-Chaise, въ Парижѣ, устроена печь, которая за 3 франка превращаетъ тѣло взрослаго человѣка въ пепелъ. Печь построена по системѣ Сименса, но съ нѣкоторыми усовершенствованіями, которыя даютъ возможность жечь вмѣсто дровъ коксъ и значительно ускорить весь процессъ. Трупъ превращается въ пепелъ въ теченіе одного часа. (с.)

Бумага изъ опилокъ. Въ Оттавѣ, пунктѣ производящемъ обширную торговлю лѣсомъ, давно уже недоумѣвали, что дѣлать съ массой накопляющихся опилокъ. Въ концѣ концовъ напали на счастливую мысль перерабатывать ихъ въ бумагу, и такимъ образомъ возникъ заводъ, приготовляющій до 12,000 тоннъ бумаги. Бумага изъ опилокъ отличается такой плотностью и прочностью, что идетъ на постройки; болѣе-же тонкіе сорта получаются посредствомъ прибавки въ древесную массу 25% макулатуры. (с.)

Рѣшеніе ребуса на преміи № 62,

помѣщеннаго въ № 43.

Любопытство человѣка
Вмѣстѣ съ нимъ явилось въ свѣтъ,
Оттого-то онъ, отъ вѣка,
Тайну всякую, секретъ
Разгадать стремится жадно,
Съ нетерпѣньемъ,—и подчасъ
Напрягаетъ умъ нещадно,
Не смыкаетъ ночью глазъ...

Заведенному порядку
Строго слѣдуя во всемъ,
Люду русскому загадку
Мы и нынѣ задаемъ.
Разгадать ее—не шутка..
Хоть загадка и проста:
Да начать трудненько. Ну-тка,
Начинайте... но съ... хвоста. **П. Быковъ.**

Объясненіе фигуръ ребуса.

А—100'—[Х' въ О]—'босъ—тѣнь'—'рай—чинъ—нагъ'—утка—конъ—'день—Н'—трудъ—'рать—Ч'—Даная'—'на—"хвостъ—'Кипръ—"рука—адъ—[Ть за Гъ]—'ухо—шутъ К—э—'ленъ—Е—'гать—гадъ—разъ—'"'водоемъ—А—задъ—Нѣманъ'"'—'мины—мы—куль'—гадъ—муза—скотъ'—усъ—'куры'—'блюдо'—семь'—В'—возъ'—[утъ" 'ля]—слѣдъ—О—рогъ—кустъ—ядъ—упоръ—'домъ—Н'—'ленъ—вѣдп'—залъ'—глазъ—югъ'—'ночь—Этна'—'Ока—мысъ'—С'—Нева"—носъ'—адъ—'лещъ—Н'—'сума'—[Н' 'запрягаетъ]—[подъ Ча С']—ми—нѣнье—'ветеръ—"сосны'—дно—"лужа—[сн' 'ля]—'щитъ—стремя'—'мать—гадъ—'тазъ—Р'—'ё—ъ—[съ Е-К']—югъ'—кубъ'—ядъ'—С'—[Нъ у Въ]—'лай—Т'—вѣка—'котъ—'сонъ—О—'ротъ—"рогъ—Отто—свѣтъ—В'—ось—вилы'—якъ'—ик—Н'—[М' ѣстъ С]—В'—человѣкъ А—волъ'—100'—'копыто'—Б'—люкъ'.

Всѣхъ вѣрныхъ рѣшеній этого ребуса прислано отъ **356 лицъ**, именно отъ 116 гг. городскихъ С.-Петербургскихъ и 240 иногородныхъ подписчиковъ, и изъ нихъ по жребію преміи пали на рѣшенія слѣдующихъ лицъ:

1) **А. Гохъ**, СПБ., Невскій пр., д. № 30, Учетный и Ссудный Банкъ (**„Фаустъ", соч. Гете**).

2) **Анны Актоновны Петерсонъ**, СПБ., В. О., 4 л., д. № 7, кв. № 4 (**соч. Майкова, 3 т.**).

3) **В. Лаговскаго**, СПБ., Гагаринская ул., д. № 23 (**соч. Майкова, 3 т.**).

4) **А. А. Поспѣева**, СПБ., Коломенская ул., д. № 7, кв. № 56 (**Исторія Искусствъ, соч. Гнѣдича**).

5) **И. Матвѣева**, СПБ., Морской Техническій Комитетъ (**Исторія Искусствъ, соч. Гнѣдича**).

6) **А. И. Нивé**, СПБ., въ М-вѣ Иностранныхъ Дѣлъ (**Исторія Искусствъ, соч. Гнѣдича**).

7) Полковника **Л. А. Любимова**, СПБ., Главное Гидрографическое Управленіе Морскаго М-ва (**Въ Старой Москвѣ, Гр. Саліаса**).

8) Капитана **Азарьева**, СПБ., В. О., Морское училище, кв. № 16 (**Разсказы Морскаго**).

9) **Библіотеки 1-го Студенческаго Общежитія**, Арбатъ, Филипповскій пер., д. Студенч. Общежитія, **въ Москвѣ (Фаустъ, соч. Гете)**.

10) **И. Ѳ. Тимофѣева**, въ г. **Черномъ Ярѣ**, Астраханской губ. (**соч. Майкова, 3 т.**).

11) **П. Хотяинцова**, 4-й Кадетскій Корпусъ, **въ Москвѣ (соч. Майкова, 3 т.)**.

12) Поручика 63-го Углицкаго полка **С. М. Заблоцкаго**, въ г. **Соколкѣ**, Грод. г. (**соч. Майкова, 3 т.**).

13) Свящ. **Павла Розова**, въ с. Каликино чр. г. **Ростовъ**, Яросл. г. (**Исторія Искусствъ, Гнѣдича**).

14) Полковника **Н. Н. Савкина**, Печерскъ, Московская ул., д. № 26, **въ Кіевѣ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича)**.

15) Шт.-капит. **Николая Александровича Григорова** (50 резервн. пѣхот. батал.) въ кр. **Бендерахъ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича)**.

16) Учителя **А. Павлова**, Новоторжское гор. уч., **въ Торжкѣ**, Твер. г. (**Исторія Искусствъ, Гнѣдича**).

17) **Анастасіи Афанасьевны Витушешниковой**, въ г. **Вологдѣ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича)**.

18) **Маріи Васильевны Арябинской**, Жилянская ул., д. № 38, въ **Кіевѣ (Въ Старой Москвѣ, соч. Гр. Саліаса)**.

19) **А. Н. Воскресенскаго**, Телячья ул., д. Хвольковской, въ г. **Н. Новгородѣ (Въ Старой Москвѣ, соч. Гр. Саліаса)**.

20) **Е. Евневича**, Донская ул., д. Евневича **въ Москвѣ (Въ Старой Москвѣ, соч. Гр. Саліаса)**.

21) Поруч. 63 пѣх. Углицк. п. **К. Б. Свидерскаго**, въ г. **Соколкѣ**, Грод. г. (**Разсказы Морскаго**).

22) **Адама Петровича Собѣщанскаго**, Стрѣт. ч., 2 уч., Колокольниковъ пер., Большая Московская Гост., д. Малюшина, № 26, **въ Москвѣ (Разсказы Морскаго)**.

23) Старш. Лѣсн. ревизора **П. Н. Сулханова, въ Костромѣ (Разсказы Морскаго)**.

Гг. городскіе подписчики, на рѣшенія которыхъ пали преміи, благоволятъ пожаловать за полученіемъ ихъ (подъ росписку) въ помѣщеніе конторы *Нивы* (Невскій, № 6), а гг. **иногороднымъ подписчикамъ** преміи высылаются почтою.

Затѣмъ остальныя вѣрныя рѣшенія получены отъ слѣдующихъ лицъ: **СПБ.: В. А.** Двукраева, А. Е. Григорьева, И. В. Кононова, Н. К. Веберъ, І. Г. Массальскаго. П. И. Лощанова, В. П. Андреева, Ф. Наумова; Т. Ф. Новакова, З. И. Солонинина, Л. К. Болтенгагенъ, В. Н. Морозова, Лейманъ, А. Ф. Кулакова, М. П. Одноколкина, П. П. Одноколкина, М. П. Богданова, В. А. Гаврилова, Ф. А. Марковой, Д. А. Андреева, А. С. Лацинскаго, Ваганова, А. М. Ушакова, П. Карманова, А. А. Марка, Г. Мокѣева, К. А. Ланге, К. П. Мавроди, А. И. Маковскаго, З. Л. Матусовскаго. А. А. Долгова, П. Ѳ. Баймакова, Колачова, В. В. Пель, Палибина, А. К. Бао, А. Антоновича, И. И. Николаева, Н. Ф. Баймакова, Е. А. Благовѣщенской, П. С. Семенова, А. Хижевской, М. Благовѣщенскаго, В. Н. Корпенко, В. Дѣдова, В. Комисарова, В. Амброжевича. М. А. Евтюгиной, М. А. Листопадскаго, Д. С. Иванова, А. Ф. Кулакова, И. А. Вабича, Л. В. Терне, Н. Я. Щепина, В. К. Ремизова, Н. В. Панкова, А. Н. Норѣцкаго, (№ 30413,—Дежурная комната Л.-гв. Преображенскаго полка), В. Нелюбова, Н. Ф. Чуриловскаго, Ф. А. Геккера, М. Климочкина, А. Лейневицъ, Арчакова, Э. Боде, С. Ф. Грибунина, А. Красильникова, Г. Рубекъ, К. А. Шайдакова, В. Страннолюбскаго, С. Васильева, А. Е. Колтышева, А. Кажевникова, П. С. Голикова, И. К. Петрова, А. Шевлягина, Ф. Фреебергъ, А. Андреева, К. Е. Малинина, Ф. Кулакова, А. А. Левицкаго, А. П. Москальской, Н. И. Николаева, А. К. Зиновьева, Пчелина, А. Н. Смирнова, Головнина, М. А. Виноградова, В. П. Коломійцева, А. А. Тимофѣева, И. Г. Карпинскаго, А. П. Сазонова, Е. Нармонтъ, П. Шлякова, А. Вертъ, Е. Гамдорва, В. А. Смерчинскаго, С. Тарасова, Георгіевскаго, Врангель, П. Е. Попова, Ю. фонъ-Зассенъ, Л. А. Бушъ, А. Л. Баухъ, И. О. Осипова, С. А. Челнокова, Афанасьева, И. Тимофѣева. **Москва** — И. И. Хрущова, М. Макаровской, И. Г. Бабушкина, С. Е. Ованнесьянца, А. С. Казьмина, В. Шулейкина, А. С. Егорова, А. Вырубова, П. П. Дмитріева, С. Ф. Буравлева, М. Добрынина, Е. И. Занина, П. А. Менде, Н. Р. Пыркова, М. А. Лозовскаго, М. Двоеглиновой, П. Соколова, Московскаго пѣх. Юнкерскаго Училища, И. В. Толицкаго, А. И. Штидера, К. Леонардова, М. И. Бояршинова, П. М. Пашкевича, О. А. Пищурина, И. С. Андреева, Н. Доброхотова, Л. К. Дека, І. А. Піотровскаго, А. В. Виноградова, А. Петрова, Даниловой, И. К. Дена, Е. Н. Матюшиной, Н. В. Матюшина, В. В. Евдокимова, Н. Р. Дубинцкаго, С. Куманина, И. Ф. Трубецкаго, Е. Н. Выковой, А. А. Введенскаго, А. Д. Нечаева. **Алексинъ**—Т. А. Сухотиной, С. И. Зуева. М. Н. Спасскаго; **Арзамасъ**—Канцеляріи Арзам. Общ. Ванка, П. А. Суворова, А. И. Иконникова, К. И. Скоблина; **Александровъ**—Н. А. Кегель, В. А. Семенова; **Абдулино**—Садикова; **Александровкв**—В. Н. Скрябина; **Большое Коровино**—В. К. Терскаго; **Боровичи**—Н. Федорова; **Богодуховъ**—Е. М. Казанской; **Бугурусланъ**—Л. Н. Балкашина, Осоргина; **Благовѣщенскій заводъ**—И. С. Самойлова, Н. В. Ланской; **Бологое**—И. Пронъ; **Бѣлостокъ**—А. Степанова; **Боцьки**—А. И. Егорова; **Бараново**—В. Н. Макарова; **Березна**—А. Бураго; **Воронежъ**—А. Н. Федорова, Подшивалова; **Варшава**—Гринберга, Терегулова, П. Ѳ. Розова, А. Наумова, А. А. Биршертъ; **Вологда**—А. Александрова, А. Ф. Быкова; **Витебскъ**—М. Фортунатова, Е. В. Левиной, М. И. Николаева; **Вятка** Ю. А. Нартовскаго; **Винница**—С. А. Рабиновича; **Ворожба**—М. Л. Де-Конноръ; **Динабургъ**—И. К. Молчанова, В. Груммъ-Гржимайло, К. Б. Кимбара, В. Сланскаго; **Екатеринославъ**—Добровольскаго; **Епифань**—Н. А. Изиольскаго, Г. К. Оводова; **Елецъ**—В. П. Мерцаловой, М. Н. Волуйскаго; ст. **Елецъ**—С. В. Иваненкова; **Ефремовъ**—В. А. Кузнецова, В. Ф. Григорьева, С. Рябинина, П. С. Орловскаго, М. И. Рыжикова, В. С. Яковлева; **Замостье**—А. Жуковскаго; **Задонскъ**—М. Голубовской; **Ильинское**—Г. Я. Шайдурова; **Измаилъ**—А. Багницкаго, В. В. Кондрацкаго; **Кронштадтъ**—Эльгенъ, Н. В. Алипьева, К. Н. Васильевна, З. П. Забоева, А. Цѣпова; **Кіевъ**—О. Орловой, К. В. Суходольскаго, А. И. Толпыгиной, Р. М. Семонцова, З. Косоноговой, Е. А. Турчанинова, А. Н. Шульженко, Гамолев, С. Подольскаго, Н. А. Сорокина, А. С. Игнатовскаго, А. Н. Фаворова, Н. Богданова; **Кишиневъ**—К. А. Новарчука, Б. О. Глазера, Н. А. Шебунина, **Курскъ**—Подписч. № 55559, А. С. Павлова; **Казань**—И. В. Кудрявцева, В. М. Суханова, Ф. И. Леонова; **Калуга**—А. Мухиной, А. И. Афанасьевой, Н. И. Мясникова; **Камышловъ**—К. Шиманской, М. Д. Симоновскаго, И. Устинова; **Кострома**—Н. А. Промптова, В. Н. Вашкирова, Д. А. Бѣлянкина; **Керчь-Ениноль** — М. И. Безкровной; **Ковровъ**—Н. А. Дубова; **Кременецъ**—Старынковича; **Коломна**—А. С. Озерова, Е. Т. Шевлягиной; **Кинешма**—Гиринскаго; **Кашинъ**—С. Г. Стратоницкой; **Луганскъ**—В. Н. Королькова, А. Сѣдлецкаго, Н. И. Королькова; **Люцинъ** — Д. В. Милохина, Розеншильдъ-Паулинъ; **Ливны**—И. Н. Казимірова; **Литинъ**—Ю. Н. Назимова; **Мценскъ**—О. А. Кутлеръ; **Медвѣдь**—Офицерское Военное Собраніе; **Николаевъ** — Р. Р. Петрова, В. Шишкина, Коняева, А. Кортацци, С. Беклемишевой, П. П. Матаѣева; **Нижній-Новгородъ**—В. В. Трушенниковой, В. А. Знаменскаго, С. Ф. Цитаринской, Л. Вѣлавина; **Новгородъ**—В. А. Судзиловскаго; **Новохоперскъ** — І. Родіонова; **Новая Чигла**—С. С. Шкарина; **Одесса**—К. А. Дешкина; **Орелъ**—С. В. Ильинскаго, О. А. Радновской; **Оренбургъ**—Рождественскаго; **Орѣхово-Зуево**—Д. И. Парійскаго, К. Д. Адамовой; **Переславль-Залѣсскій**—Ф. П. Александрова, А. К. Орѣшникова; **Полтава**—С. А. Штейеръ; **Пермь**—В. Е. Туницына; **Путивль**—М. Уманецъ; **Покровъ**—Н. Ф. Соколова; **Ростовъ на Дону**—С. Н. Головковой, С. И. Щукина; **Рязань**—Ф. П. фонъ-Берггольцъ; ст. **Рыбинскъ**—Д. Н. Фирсанова; **Россіены** — Подписч. № 71958; **Раменское**—Н. Осипова; **Самара**—Л. Н. Ященко, Е. Слободской, З. И. Фатѣевой; **Саратовъ**—Н. А. Боголюбовой, О. С. Штейнбергъ, В. В. Недоноскова; **Симбирскъ**—А. В. Пожарскаго; **Суздаль**—А. И. Знаменской; Н. И. Доброхотова; **Сокольа** — К. Н. Гулевича; **Смѣла**—К. Г. Рудевскаго; **Сима**—Бунина, Кн. С. А. Голицыной; **Ситово**—Е. И. Свѣчиной; **Тверь**—Л. П. Никифоровой, Л. И. Святогоровой; **Тифлисъ**—З. В. Овчинниковой; **Тимъ**—Н. В. Кирѣевскаго; **Торжокъ**—В. Т. Андреева; **Тейково**—А. Н. Колачевскаго, М. В. Кабакова; **Угличъ**—А. И. Малюковой; **Уфа**—П. Я. Вангенгеймъ, **Усожская**—П. З. Ломакина; **Фатежъ**—Антропова; **Харьковъ**—Н. М. Стефани, Е. С. Кочетовой; **Царское Село**—М. Голованa, Павловичъ; **Черниговъ**—Шлегель, А. И. Мезенцова, Библіотеки 18 пѣх. Вологодскаго полка, И. И. Подгорскаго; **Череповецъ**—А. И. Челнокова, Ю. Е. Ларіоновой; **Шаламово** — А. Н. Гордѣева; **Шацкъ**—А. А. Кюменева, **Ярославль**—Керцель; **Яранскъ**—В. Кедрова, Б. Г. Мошкина, Уѣздное Училище, **Ѳеодосія** — Завадскаго; **Адріанополь (Турція)**—С. Коваджи.

Кромѣ того получено 924 болѣе или менѣе невѣрныхъ рѣшеній.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ПОДАРКИ НА ЕЛКУ.

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное **А. Ф. МАРКСОМЪ**, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

☛ Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1 500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес **6 р. 75 к.**; въ роскошн. каленкор. перепл. съ золот. тисиен.— **8 р.**, съ перес. **9 руб.**

Для подписчиковъ „Нивы"—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ **7 руб.**, съ пересылкою **8 руб.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ **СПБургъ**, въ контору журнала **„Нива"** (Невскій, 6).

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

Н. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА)

съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива", Невскій пр., № 6.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Саліаса.

Историческій романъ временъ восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СПБ. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.; въ коленк. перепл. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура. Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,

въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. **7 р.**; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы" 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ перепл. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива", Невскій пр., № 6.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

Изданіе А. Ф. МАРКСА:

Большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ"

Обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.**

Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста".

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, **„Фаустъ" Гёте** представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **40 р.**, за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА", СПБ., Невскій пр., № 6.

Поединокъ Фауста съ Валентиномъ.
Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ", Гёте.

Г. ДАВИДЪ

Владимірскій пр., д. № 13, кв. 5, покупаетъ по высокой цѣнѣ, роскошные и рѣдкіе предметы отъ XVI, XVII и XVIII столѣтій. № 4904 4—1

Только что вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга:

„ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ".

Стихотворенія 1887—1890 гг.

Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. № 4807

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. **Оптовая и розничн. продажа.**

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 4501 20-18

ВЫШЛА ДѢТСКАЯ КНИЖКА

„СНѢГУРОЧКА".

Кое-что о малюткахъ въ стихахъ и шуткахъ, съ прекрасными картинками и роскошномъ переплетѣ.

Цѣна 90 коп.

Г. ШМИЦДОРФЪ.

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества.

Невскій, № 4. № 4906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЫСШІЕ СОРТА ЧАЯ

полученные изъ Кяхты чрезъ Сибирь, въ 2 р. 50 к. и 3 р. за фунт. чистаго вѣса съ пересылкой, предлагаетъ гг. иногороднымъ потребителямъ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ"

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣевой.

Высылка почтой немедленно, не менѣе фунта, по полученіи денегъ или съ наложеннымъ платежемъ. П. № 4905 3—1

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

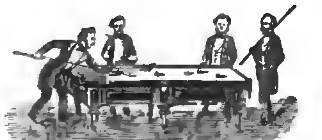
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHA°LES FAY, *Parfumeur*, **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 3767 (69)

СКАЗКИ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Повѣсти и разсказы В. И. Немировича-Данченко. Ц. 2 р. Mt. 4894



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—25

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена*. Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ИЗВѢСТНЫЕ ДУХИ ДЛЯ НОСОВЫХЪ ПЛАТКОВЪ и проч.
ГУСТАВА ЛОЗЕ № 4723 8—4

LOSE MAIGLÖCKCKEN Ландышъ.
LOSE GOLDLILIE Золотая Лилія.
LOSE PEAU D'ESPAGNE
LOSE HELIOTROPE BLANC
LOSE ROSE MARÉCHAL NIEL

НОВОСТЬ

LILAS BLANC

Бѣлая Сирень.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, Берлинъ, Егерштрассе, 46.

Можно получить во всѣхъ парфюмерн. магаз. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28—5

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ. Невскій. 59 - 57. соб. домъ.

Н. П. ЛАНИНЪ,

КОММИСІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ.

№ 4796 5—2

Склады: Москва, Москворѣцкій мостъ, соб. д. Телефонъ № 764. С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., д. № 2—64. Одесса, уголъ Екатерининской и Еврейской улицъ, д. Писнасъ. Нижегородская ярмарка, уголъ Нижегородской и Макарьевской улицъ. Въ Баку, во время ярмарки.

Фирма существуетъ съ 1854 года.

Она удостоена: на всероссійскихъ выставкахъ 11 и на иностранныхъ 45 наградъ. Кромѣ того, на всемірной выставкѣ въ Барцелонѣ 1888 года представитель фирмы удостоенъ званіемъ члена жюри и кромѣ золотой медали награжденъ командорскимъ крестомъ „Св. Изабеллы католической" и на выставкѣ винъ въ Бордо двумя почетными дипломами и золотой медалью.

Рекомендуется на зимній сезонъ отличнаго качества шампанское:

IMPÉRIAL:	Русское шампанское.
сладкое.	Crémant Rosé.
полусухое,	Crémant Sec.
очень сухое.	Crémant Demi Sec.
Кларетъ.	

Во избѣжаніе поддѣловъ всѣ эти сорта выпущены въ продажу съ новой герметической укупоркой, при помощи проволочной сѣтки и металлической пластинки сверхъ пробки, съ выдавленнымъ клеймомъ: „Н. П. Ланинъ" и съ ПЛОМБОЙ „Н. П. Ланинъ, Москва".

Съ ручательствомъ за вѣрность хода и прочность механизма.

ССУДЫ подъ всѣ % бумаги.

ВЫИГРЫШН. ЗАЙМЫ

съ валогомъ. Задатокъ 15 и 20 р. Ежемѣсячно 10 и 5 р. Никакого запрещенія продажи выигрышныхъ займовъ съ разсрочкою платежа со стороны Правительства не было сдѣлано и такіе слухи, какъ распространяемые лицами, заинтересованными лишь въ пониженіи цѣнъ, не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

СПБ., Невскій, 59—57, собств. домъ. № 4885 2—1

С. № 4896 2—1

БРАТЬЯ ЭНГБЕРТСЪ и К°.

Гостиный дворъ, № 146, 147 и 14

въ С.-Петербургѣ.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ МУЖСКАГО и ДАМСКАГО БѢЛЬЯ.

ПОЛОТНО, БАТИСТЪ.

СТОЛОВОЕ БѢЛЬЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.

НОВОСТИ ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ ТКАНЕЙ.

Гг. иногороднымъ покупателямъ по требованію высылаются прейсъ-куранты безплатно. № 4884 2-1

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.

EAU DE BOTOT

(ВОДА БОТО) Pt. № 431414 13

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS.

Прежній адресъ: 229, Rue Saint-Honoré.

Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также Туалетный Уксусъ Бото высш. качества въ отношеніи тонкости запаха.

Представитель для всей Россіи Н. Л. Натанъ, Ипатьевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ П. П. ГНѢДИЧА.

Два тома Цѣна каждому 1 рубль. Mt. № 4893

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (49) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

и № 4882

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ

И. И. ОРЛОВА

ПЕРЕВЕДЕНЫ

къ Аларчину мосту. Екатерингофскій просп., д. № 77—22, кв. 3.

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДТЪ, СПБ., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

Часы никел. отъ 6 р. 50 до 15 р.
„ стальн. черн. отъ 11 до 25 р.
„ серебряные отъ 12 до 50 р.
„ золотые отъ 25 до 500 р.
„ регуляторы двухнедѣльнаго завода отъ 17 до 65 р.

Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно. № 4867 4-2

САМОУЧИТЕЛИ И НОТЫ

для всѣхъ инструментовъ. 10—2

Народная школа д. гармоніи 7 кл., ц. 75 к.
Самоучит. д. гармоніи 8 кл. и 10 кл. по 1 р.
Школа д. 2-рядн. гарм. въ 17, 19 и 21 кл., ц. 1 р.
Школа для 3-хъ-рядн. гармоніи, ц. 75 к.
Самоучитель для скрипки, ц. 1 р. 50 к.
Любавинъ, Самоучитель д. гитары, I, ц. 1 р.
и для всѣхъ прочихъ инструментовъ.

у КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.

КОНЬКИ

въ богатомъ выборѣ всѣхъ конструкцій отъ 1 руб. до 15 руб.

Единственный спеціальный магазинъ въ Россіи Mt. 4855 2—2

А. БРАБЕЦЪ,

Большая Морская, № 40, въ СПБ.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, віолончели, басы. Смычки $1^1/_2$—50 мар. Футляры $3^1/_2$—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6 — 50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.) Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразате, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.

Вывозъ. Оптов. продажа.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ.

Ц № 4787 Крейцнахъ. 9-4

Новый историческій романъ изъ временъ Пугачевскаго бунта

гр. Е. А. САЛІАСА

будетъ печататься съ будущаго года въ ежедневной газетѣ 2—1

„НОВОСТИ ДНЯ".

Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

Годовая иногородная подписка 9 руб. полугодовая 5 руб. 50 коп. и для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ три срока по

3 руб. сер.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ газета наша съ 9 ноября выходитъ подъ названіемъ „**РУССКАЯ ЖИЗНЬ**“; этимъ названіемъ и исчерпываются главнѣйшія наши задачи. Сложный, живой организмъ, какова стомилліонная не одноплеменная, не вполнѣ сплотившаяся семья, не допускаетъ и мысли объ односторонности направленія газеты или возможности исключительнаго служенія какой-либо, застывшей въ своихъ формахъ, доктринѣ, и на вопросъ, кто мы: прогрессисты или ретрограды, либералы или консерваторы, славянофилы или западники, протекціонисты или фритредеры? словомъ, на вопросъ: изъ какого мы лагеря?—отвѣтимъ такъ: **мы изъ того лагеря. имя которому „народъ“, установившій Русское Самодержавное Государство и исповѣдующій православную вѣру**, а потому пойдемъ по пути, на который насъ будутъ направлять благо и интересы Русской Православной Церкви, Русскаго Самодержавнаго Государства и неразрывно связанные съ ними интересы и благо Великаго Русскаго Народа. Что касается другихъ, не православныхъ народностей, населяющихъ русскую землю, то руководимые и по отношенію къ нимъ Христовою заповѣдью любви, будемъ лишь твердо стоять на стражѣ интересовъ Православной Руси, на огражденіи ея отъ какого-бы то ни было и чьего бы то ни было посягательства.

Вотъ наше знамя, а вотъ и средства служенія ему.

Въ каждомъ нумерѣ „**РУССКОЙ ЖИЗНИ**“ читатели найдутъ посильное выполненіе всей той обширной „**программы**“, которою наша безцензурная газета располагаетъ, при чемъ особенное вниманіе будетъ обращено на такъ называемый „**внутренній отдѣлъ**“ и корреспонденціи. Что касается беллетристическаго отдѣла, то, кромѣ цѣлаго ряда повѣстей, очерковъ и разсказовъ изъ **русской жизни**, начнется печатаніемъ съ 1891 года романъ подъ заглавіемъ

„ЧЕРНОЗЕМЪ“

принадлежащій перу вѣнценосной писательницы, прославившейся въ Европейской литературѣ подъ псевдонимомъ «**Карменъ Сильва**». Это нигдѣ еще не напечатанное новое произведеніе своего художественнаго таланта вѣнценосный авторъ предоставилъ въ **исключительное** распоряженіе нашей газеты.

Отъ извѣстной писательницы **А. Я. Панаевой-Головачевой (Станицкій)** редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи

„Воспоминанія о домашней жизни Н. А. Некрасова“,

„ПОВѢТРІЕ НА САМОУБІЙСТВА“

разсказъ, и др. повѣсти и разсказы.

Извѣстный путешественникъ **д-ръ Елисѣевъ** предоставилъ въ наше распоряженіе два новыхъ своихъ труда, которые и начнутся печатаніемъ въ скоромъ времени, подъ заглавіемъ

1) „ВЪ СТРАНѢ СОЛНЦА“

2) „РОССІЯ И ВОСТОКЪ“.

Далѣе, начатыя печатаніемъ въ первыхъ нумерахъ:

„ВОСПОМИНАНІЯ“

В. А. Панаева,

„НАША ДЕРЕВНЯ“

Д. А. ЛИНЕВА,

будутъ печататься въ теченіе и всего 1891 года,

а равно **„РОДНЫЯ КАРТИНКИ“**

А. А. Титова,

и наши **„ПИСЬМА О МОСКВѢ“.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на 1 м. р.	к.	на 3 м. р.	к.	на 6 м. р.	к.	на годъ р.	к.
Безъ доставки	—	80	2	—	3	75	6	50
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ	—	90	2	60	4	75	В	—
Съ пересылкой во всѣ города Россіи	1	—	3	—	5	—	9	—

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ.

Гг. годовымъ подписчикамъ 1891 года, подписавшимся въ ноябрѣ и декабрѣ **текущаго** года, газета наша будетъ высылаться съ № 1-го до 1 января **безплатно**. Духовенство пользуется 10% уступкой.

Редакція и Контора въ С.-Петербургѣ. на Невскомъ проспектѣ домъ № 65.

Издатель **А. ПОРОХОВЩИКОВЪ.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ДЕНЬ

на годъ 5 р. — на 8 мѣс. 4 р. — на 6 мѣс. 3 р. — на 4 мѣс. 2 р. — на 2 мѣс. 1 р. — на 1 мѣс. 60 к.

За границу на годъ 10 р.

№ 4792 6—5

Объявленія по 10 к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, Преображенская, 4. **(360 вып. въ годъ). 12 кн. разсказовъ и очерковъ.** Редакт. **И. В. Скворцовъ.** Издатель **А. А. Греве.**

CIGARETTES ESPIC contre

ASTHME & CATARRHE

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Dépôt géneral : **STOLL & SCHMIDT**, à Saint-Pétersbourg

Vente en gros : **J ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.**

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Товарищество Промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій ВЪ САРАТОВѢ.

Сезонъ 1891 года. Ц. № 4798 6—4

САРПИНКА

ручнаго ткачества, собственной выработки **самыхъ новѣйш. и изящн. рисунковъ.**

Продажа оптомъ и въ розницу, пересылка во всѣ города Россіи.

Образцы сарпинокъ высылаются съ 15-го ноября с. г. въ альбомѣ за 42 к.

Цѣны и условія по альбому (переписка на русскомъ языкѣ).

НЕОБХОДИМО

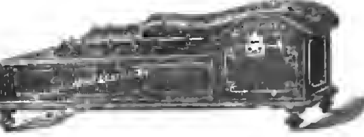
для всякаго имѣющаго занятіе на открытомъ воздухѣ, какъ-то: для гг. воен., инженер., охотник., золотопромышленн. и служащ. на жел. дор.

ВЯЗАНАЯ КУРТКА

изъ англійской крученой шерсти. Цѣна 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелков. рукавами 16 и 18 р., съ пересылкою повсемѣстно 1 р. дороже.

Цвѣта коричневые, кубовые, черные, сѣрые и бордо. При пересылкѣ необходима мѣра вокругъ туловища. Mt. № 4892

Магазинъ **Ю. ГОТЛИБЪ, СПБ.** по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр.



НОВОСТЬ! ПІАНО-МЕЛОДИКО

новѣйшій и лучшій механическій инструментъ **со струнами.**

Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (6)

Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1½ арш.).

Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

механическій инструментъ **съ голосами. Цѣна 70 руб. съ 10-ю пьесами.**

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.

Иллюстрирован. прейсъ-курантъ всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ безплатно.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

Основный и запасные капиталы 12.000,000 руб.

Общество заключаетъ на выгодныхъ условіяхъ и по умѣреннымъ преміямъ страхованія:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 4782 4—4

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1890 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано **22,300 лицъ на капиталъ въ 62.000,085 руб.**

Дивидендъ страхователей въ 1890 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и **всякаго рода свѣдѣнія** сообщаются въ Правленіи въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и въ Агентствахъ Общества **во всѣхъ городахъ Имперіи.**

Развитіе газ. „Нов. Дня“ всегда шло рука объ руку съ возростающимъ успѣхомъ газеты. За послѣднее время въ этомъ смыслѣ сдѣлано весьма много. Въ общемъ, всесторонняя полнота содержанія и богатство беллетристическаго матеріала, помѣщаемаго въ „Новостяхъ Дня“, дѣлаютъ газету одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей. Въ настоящее время редакція, кромѣ того, озаботилась приглашеніемъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Петербургѣ и большинствѣ провинціальныхъ городовъ, съ цѣлью дать читателямъ своевременныя и полныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ законодательной хроники и общественной жизни. Съ этою же цѣлью редакція, въ дополненіе къ телеграммамъ „Сѣверн. телеграф. агентства“, организовала отдѣлъ собственныхъ телегр. сообщеній.

За истекшее время помѣщено множество портретовъ Высочайшихъ Особъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, писателей, композиторовъ и музыкантовъ, ученыхъ, артистовъ и проч. Между прочимъ, изъ беллетристическихъ произведеній помѣщены слѣдующіе романы, повѣсти и разсказы:

Драма на охотѣ (*А. Чехонте*). **Никифоръ Геркулесовъ и Вѣрный способъ** (*П. Невѣжина*). **Безприданница и Дама самъ-третей** (*кн. С. В. Голицына*). **Въ лунную ночь** (*И. Н. Ге*). **Первый урокъ** (*Ив. Н. Лодыженскаго*). **На литературныхъ хлѣбахъ** (*Вл. Ив. Немировича-Данченко*). **Отецъ** (*К. В. Назарьевой*). **Въ заколдованномъ кругѣ** (*Е. О. Дубровиной*). **Ирина Калугина** (*А. И. Лемана*) и мн. другихъ. Изъ переводныхъ: **Сафо** *Альфонса Доде*. **Прелести жизни** *Эмиля Зола*. **Фальшивый монетчикъ** *А. Дюма*. **Изъ огня да въ огонь** *Захеръ Мазоха*. **Дѣло Греллу**, ром. *Поля Бурже* и мн. др.; въ 1891 году также будутъ помѣщены беллетристическія произведенія извѣстныхъ писателей: историческая повѣсть *Е. А. Саліаса*, повѣсть **Диллетанты** *Вл. Ив. Немировича-Данченко*, повѣсть **Страховая премія** *П. М. Невѣжина*, очеркъ **Въ храмѣ Мельпомены** *И. Н. Ге*, романъ **Любить-жалѣть** *Е. О. Дубровиной*, романъ **Тузъ червей** *К. В. Назарьевой*, повѣсть **Счастіе** *Н. О. Ракшанина*, повѣсть **Преступленіе** *Н. А. Хлопова*, повѣсть **Въ тѣни замоскворѣцкихъ садовъ** *А. М. Пазухина*, историческая повѣсть **Елена Глинская** *Д. С. Дмитріева* и др.

Открыта подписка на 1891 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

НОВОСТИ ДНЯ

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Годовая иногородная подписка въ три срока по

3 рубля.

Ц. № 4776 5—4

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. въ Моск.	8 —	5 —	1 —
„ перес. въ город.	9 —	5 50	1 —
„ „ за гран.	13 —	7 90	1 60

Для иногородныхъ годовыхъ допускается разсрочка по **3** руб. въ три срока: при подпискѣ, второй—къ 1 апрѣля и послѣдній—къ 1 іюня.

Объявленія—25 к. за строку на первой стран. и 12 к. на послѣдн.; стороннія сообщенія въ концѣ текста газеты—50 к. строк.

Къ свѣдѣнію публикующихъ: „НОВОСТИ ДНЯ“ печатаются въ большомъ количествѣ экземп., причемъ кругъ читателей постепенно расширяется. Публикація, которая вообще есть двигатель торговли, вполнѣ достигаетъ, такимъ образомъ, своей цѣли, такъ какъ останавливаетъ на себѣ вниманіе большого контингента читателей изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ

„НОВОСТИ ДНЯ“

Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ

(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ)

ПОСЛѢ ПРІОСТАНОВКИ

ВНОВЬ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

съ 1-го января 1891 года

по прежней программѣ и подъ прежней редакціей.

Въ Москвѣ на 1891 г.		На города на 1891 г.	
На 12 мѣс.	9 р. — к.	На 12 мѣс.	10 р. — к.
„ 11 „	8 „ 50 „	„ 11 „	9 „ 30 „
„ 10 „	8 „ — „	„ 10 „	8 „ 50 „
„ 9 „	7 „ 40 „	„ 9 „	8 „ — „
„ 8 „	6 „ 70 „	„ 8 „	7 „ 20 „
„ 7 „	5 „ 90 „	„ 7 „	6 „ 50 „
„ 6 „	5 „ — „	„ 6 „	6 „ — „
„ 5 „	4 „ 60 „	„ 5 „	5 „ — „
„ 4 „	3 „ 70 „	„ 4 „	4 „ — „
„ 3 „	2 „ 75 „	„ 3 „	3 „ — „
„ 2 „	2 „ — „	„ 2 „	2 „ — „
„ 1 „	1 „ 10 „	„ 1 „	1 „ 25 „

За границу плата двойная.

Подписка съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

За перемѣну адреса 30 к., а городскаго на иногородный доплачивается разница въ цѣнѣ.

Подписка принимается при конторѣ изданія и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. новымъ годовымъ подписчикамъ, не читавшимъ помѣщеннаго въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ“ романа: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЕВА“ будетъ оный выданъ ВЪ ВИДѢ ПРЕМІИ.

Романъ этотъ разошелся въ Англіи въ 300,000 экземплярахъ и имѣлъ среди подписчиковъ и читателей „РУССКАГО КУРЬЕРА“ большой успѣхъ; онъ изданъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА ИЗДАНІЯ: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина.

Редакція открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 1 до 3 часовъ дня.

Контора изданія открыта въ будни—отъ 9 до 5 ч. веч., въ праздники — отъ 10 до 3 час. пополудни. № 4780 5—4

ТЕЛЕФОНЪ № 764.

Редакторъ-издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

Ц. № 4875 2—2

ШУТЪ

XIII годъ изданія. **1891 г. 52 №№** въ краскахъ.

Адресъ: С.П.Б. Троицкая 10. МОСКВА Контора Печковской.

съ доставкой и пересылкой:		безъ пересылки и доставки.	
На годъ	7 руб.	На годъ	6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	4 „	На 6 мѣсяц.	3 р. 50 к.
За границу	10 „	Разсрочка по соглашенію.	

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ для годовыхъ подписчиковъ

„День жизни петербургской красавицы“.

Роскошный альбомъ работы Н. А. БОГДАНОВА.

Гг. иногородн. подписчики благоволятъ приложить 60 коп. (можно почтовыми марками) за высылку преміи заказною посылкою.

1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1891 г.**

ежемѣсячный толстый журналъ литературы, науки, искусствъ и общественной жизни (съ рисунками и картинами)

„КОЛОСЬЯ“

Съ перес. и дост. за годъ **8** р. — За полгода . . **4** р. „ три мѣсяца **2** р.

Редакція: СПБ., Николаевская, 16.

Выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами отъ 300—400 страницъ, вмѣщая въ себѣ произведенія наиболѣе извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей.

ВЪ ПОРТФЕЛѢ РЕДАКЦІИ на 1891 г. имѣются слѣдующія произведенія:

ОШИБКИ И ИСКУПЛЕНІЕ, больш. ориг. романъ изъ совр. жизни рус. общ. **А. Каренина. ПРОЛОГЪ ПИКАНТНАГО РОМАНА, М. Н. Альбова. СО СТУПЕНЬКИ НА СТУПЕНЬКУ**, пов. изъ Московской жизни **В. Попова. ЧЛЕНЪ РЖОНДА НАРОДОВАГО**, пов. изъ послѣдняго польскаго возстанія 1863 г., **С. Литаина. ВАСЬКА ПАЛЕНЫЙ**, больш. разск. изъ жизни горнораб. на Уралѣ, **И. Саят—го. СОПЕРНИЦЫ**, истор. ром. врем. Екатерины II, по неизданнымъ запискамъ кн. Е. Р. Дашковой, **Кн. Н. В. К—а. ТРИ ДОРОГИ**, пов. изъ военн. быта, **М. Р. СТАРЫЕ СЧЕТЫ**, разск. изъ еврейской жизни **Шкляревскаго. НЕЖДАННАЯ ДОЛЯ**, пов. изъ русск. провинц. жизни **В. П. Березина. ХРИСТІАНСКІЙ РЫЦАРЬ**, ист. ром. **Т. ЕЖА. ЗАГУБЛЕННАЯ**, ром. изъ жизни петербург. большаго свѣта **Гр. Е. Р—цъ. ДЕНЬГИ (L'ARGENT)**, послѣдній романъ **Э. Зола. ДУША**, послѣдній романъ **Ж. Онэ. МАРІЯ-АННА**, историч. разск. **Захеръ-Мазоха**, и мн. др. повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и научныхъ статей.

◆ Кромѣ того, гг. годовые подписчики получатъ полное собраніе сочиненій **М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**, съ портретомъ, біографіей, автографомъ и примѣчаніями, подъ ред. извѣстнаго библіографа **Д. П. Сильчевскаго.** № 4888

ВЪ КІЕВѢ, ВЪ РЕДАКЦІИ

КІЕВСКАГО НАРОДНАГО КАЛЕНДАРЯ

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, поступили въ продажу:

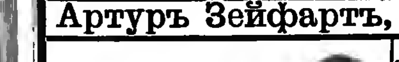
КІЕВСКІЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1891 годъ.

Годъ 28-й, со многими новыми статьями: историческими, статистическими, хозяйственными: по плодоводству, хмѣлеводству, пчеловодству, шелководству, птицеводству, рыбоводству и друг. отраслямъ сельскаго хозяйства, а также по отечествовѣдѣнію, кустарной промышленности съ объяснительными рисунками и съ необходимыми справочными свѣдѣніями. Цѣна 20 коп.; за пять экземпляровъ **одинъ рубль съ пересылкою.** Кіевскій Народный Календарь на плотной великеневой бумагѣ **50 коп.** въ переплетѣ, съ пересылкою **одинъ рубль.**

РУКОВОДСТВО

КЪ РАЗУМНОМУ ПЧЕЛОВОДСТВУ,

съ изложеніемъ подробныхъ свѣдѣній: 1) о природѣ пчелы со многими рисунками, 2) о расплодѣ пчелъ и ихъ роеніи, 3) о болѣзняхъ и врагахъ пчелъ, 4) о медоносныхъ растеніяхъ и о взяткѣ, 5) устройство дешевыхъ и простыхъ ульевъ досчатыхъ, соломенныхъ и изъ тонкой доски, футрованныхъ соломой; 6) хозяйство въ рамочныхъ ульяхъ и объ уходѣ за пчелой по мѣсяцамъ года; 7) о продуктахъ пчеловодства: о добываніи меду посредствомъ медокачекъ, о добываніи воску и о воскопрессахъ для приготовленія искусственной вощины и 8) о зимовкѣ пчелъ въ естественномъ состояніи, на дворѣ и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Цѣна въ переплетѣ **одинъ рубль** съ пересылкою. № 4887



ДЕНТИНЪ В. ГЕННА въ Вѣнѣ.

В № 4731 24—6

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

Артуръ Зейфартъ, Кёстрицъ (Германія).

Награды, преміи, дипломы, медали съ выставокъ государственныхъ и частныхъ.

Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ

Рѣдчайшихъ современныхъ породъ, комнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта.

Породистыя собаки:

Спеціальности: Великорослыя горныя собаки, ньюфаундлендскія, мастифы, крупные нѣмецкіе доги, бульдоги, сторожевыя собаки, терьеры, пинчеры, пуделя, мопсы, крысоловки, дамскія собачки, охотничьи собаки, лягавыя, ищейки, таксы и проч.

Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по кинологіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франкированная высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 пфениговъ. К. 4714

50 различныхъ породъ. — **Вывозъ во всѣ части свѣта.** — **50** различныхъ породъ.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПРЕКРАСНЫЙ
ПОДАРОКЪ!
Только что вышелъ изъ печати
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДѢТСКІЙ САДЪ.
Сборникъ 188 разн. пьесъ начиная съ сам. легкихъ до пьесъ средн. трудн. соч. Н. Рейнеке. 9 тетрадей, кажд. въ 2 руки по 1 р., въ 4 руки по 1 р. 50, или въ 3-хъ томахъ въ прекр. переплетѣ, кажд. въ 2 руки по 3 р., въ 4 руки по 4 р. 50 к. съ пересылкою. № 4890
Газета „Universum" пишетъ: „Едва-ли намъ извѣстно подробное соч., которое могло бы служить такимъ вѣрнымъ руководителемъ къ труду и успѣху—какъ это".
Имѣется у издателя
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина и во всѣхъ музык. магазинахъ.

КАТАЛОГЪ
моихъ фотографическихъ художественныхъ изданій высылается безплатно.
П. Френцель, Амстердамъ (Голландія).

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ
косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается бѣлою. Ц. флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Ц. № 4477
Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ. Литейная, № 38.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 руб. пересылка за 3 ф.
Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.
„Аргусъ" имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля, моря и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокля".
Театральн. бинокли черн. отъ 5 до 10 р.
изъ слон. кости отъ 14 до 24 р.
„ перламутр. отъ 15 до 60 р.
„ алюминія отъ 20 до 45 р.
Миніатюри. Лилипутъ въ 5 и 8 р. 50 к.
Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р. и дороже. № 4895
СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.
Е. КРАУСЪ и К°.
въ Парижѣ, Aven. d. l. Répub., 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петерб., Мойка, № 42 (у Полицейскаго м.)
Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. безплатно.
См. объявл. въ „Нивѣ" № 48.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!
20 декабря выйдетъ и поступитъ въ продажу въ Конторѣ журнала „НИВА" (СПБ., Невскій, 6)
ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ" за 1890 г.
заключающій въ себѣ болѣе 1300 стран. разнообразнѣйшаго текста и около 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **А. Н. Майкова: „Маркъ Петровичъ Петровъ"**, больш. историч. романъ въ 2-хъ ч. **Гр. Е. А. Саліаса: „Панъ круль"**, больш. романъ въ 5 ч. **Вас. И. Немировича-Данченко: „Жизнь какъ она есть"**, больш. ром. **I. I. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго): „Кладъ"**, больш. историч. повѣсть **А. А. Смирнова: „Склирена"**, историч. пов. **Г. Эберса: „Іисусъ"** (иллюстрир. худ. Земцовымъ), повѣсть **М. Н. Волконскаго: „Судьба"**, разск. **А. Я. Максимова: „Попъ Симеонъ"**, повѣсть **Н. Морскаго (Н. К. Лебедева): „Моничка"**, повѣсть **В. Бибикова: „Первая гроза"**, очеркъ **Евг. Маркова: „Говѣніе"**, разск. **Ѳ. Ѳ. Тютчева: „Артемій Саватьевъ"**, и много другихъ повѣстей и разсказовъ. Стихотворенія **Я. П. Полонскаго, А. Фета, П. И. Вейнберга, I. I. Ясинскаго** и др. Нѣсколько научно-популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія и пр. Кромѣ того, къ тому прилагаются **три безплатныхъ преміи**, а именно: **двѣ большія картины**, печатанныя красками по оригиналамъ профессора **И. И. Шишкина**:
1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ", 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ" и 3) „СБОРНИКЪ ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ"
извѣстныхъ современныхъ писателей. Большой томъ in° 8, въ 541 стр.
ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми приложеніями:
Брошюрован. . . . . **4 р.** Въ коленк. перепл. **5 р. 50 к.**
Съ перес. иногородн. до 2000 верстъ . . . **6 р.** Съ перес. иногор. до 2000 верстъ . **7 р. 50 к.**
Свыше 2000 верстъ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

Къ свѣдѣнію гг. любителей ВЫПИЛКИ по дереву.
На-дняхъ отпечатанъ и поступилъ въ продажу только что изданный конторою журнала „Нива" **НОВЫЙ** (по счету **ТРЕТІЙ**)
„АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ",
состоящій изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ **множество превосходно выполненныхъ рисунковъ**, разнообразнѣйшихъ по величинѣ и стилю всевозможныхъ предметовъ, и **около 100** русскихъ, славянскихъ и французскихъ **буквъ-монограммъ**. Въ альбомъ вошли исключительно **НОВЫЕ, НИГДѢ ЕЩЕ НЕ ПЕЧАТАВШІЕСЯ РИСУНКИ** художника
В. Н. КЛАГЕСА.
Имъ же составленъ и помѣщенный въ альбомѣ **объяснительный текстъ къ рисункамъ, служащій, вмѣстѣ съ тѣмъ, общепонятнымъ руководствомъ при выпиливаніи, что особенно важно для начинающихъ.**
Цѣна альбома въ изящной литографиров. обложкѣ **1 р. 25 к.**, а съ пересылкою иногороднымъ **1 р. 60 к.**
Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ контору журн. „Нива", Невскій, 6.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО подъ фирмою — Золотая медаль Парижъ 1890 г.
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"
Измайловскій проспектъ, № 27.
ПРЕДЛАГАЕТСЯ:
ДУХИ
высшаго качества.
Персидская сирень, Бѣлый Геліотропъ, Ландышъ, Лила Бланъ, Эссъ-Буке и Эссъ-Віолеттъ, Иксора Бреони, Буке Императрисъ, Жокей Клубъ, Оппопонаксъ, Шампака.
НЕЗАМѢНЯЕМЫЙ БУКЕТЪ (Bouquet Sans Pareil) – **БУКЕТЪ ГВОЗДЬ** (Bouquet Clou), духи составленные С.-Петерб. Химич. Лабор. имѣютъ пріятный и долго сохраняющійся запахъ.
При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку при семъ обозначенную и требовать точность фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
Магазины въ С.-Петербургѣ:
1) Невскій проспектъ, № 32, домъ Католической церкви.
2) Невскій проспектъ, № 66, у Аничкина моста.
3) Вознесенскій проспектъ, № 24—52, домъ Шредера. (Оптовая и розничная продажа). Pt. № 4883
Фабричная марка. Магазинъ въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Трегубовыхъ.

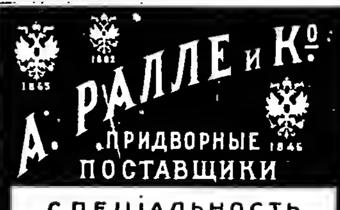
СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть времени Екатерины II. Петрова В. Клюшникова. Н. 1 р.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ.
Основана въ 1873 году.
◆ Четыриадцать наградъ на выставкахъ, изъ нихъ 12 медалей. ◆
Предлагаетъ большой и разнообразный выборъ подарковъ для дѣтей
НА ЕЛКУ.
◆ Справочный листъ съ рисунк. высыл. за почтов. марк. на **5** коп.
◆ Каталогъ волшебн. фонарей и картинъ (съ 6,000 №№) высыл. за почт. м. на **28** к.
МНОГО НОВОСТЕЙ.
9, Троицкая ул., 9.

ПРОШУ ЧИТАТЬ!
Парфюмерный магазинъ **Г. Пюпа** въ Пассажѣ № 52, въ СПБ. высылаетъ **Элеопатъ провизора КИНУНЕНА** 2 флакона за 4 р.с. наложеннымъ платежомъ во всѣ города Россіи. И также изобрѣтенія всѣхъ парфюмеровъ.

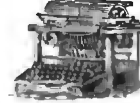
ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
I. ГОЛЛЕНДЕРЪ
для смягченія кожи.
Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна на кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ России.
Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (39) № 4278

ЧРЕЗВЫЧАЙНО КОМИЧЕСКIЕ ПРЕДМЕТЫ:
№ 4856 3—2
шутки. фотографіи. Илл. катал. 25 к.
Е. и А. Шлеффель, Амстердамъ, Box. 509.



А. РАЛЛЕ и К°.
ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ
СПЕЦІАЛЬНОСТЬ НАСТОЯЩАГО ЦВѢТОЧНАГО
О-ДЕ-КОЛОНА
въ С. ПЕТЕРБУРГѢ МАГАЗИНЪ Невскій 18. СКЛАДЪ Чернышовъ переулокъ №19.
въ МОСКВѢ МАГАЗИНЪ Кузнецкій м. д. Солодовникова. СКЛАДЪ Чижов. Подвор. (Никольская)
и во всѣхъ лучшихъ магазинахъ Россійской Имперіи

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА".
Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.



Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленные отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, Кузнецкій мостъ — С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ подписчиковъ объявленіе отъ К. И. Фреландтъ въ СПб.

Дозвол. цензур., СПБ., 12 декабря 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г. | г. XXI

№ 51 | 1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 22 декабря 1890 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Несутъ елку. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) **А. Земцова**, грав. Шюблеръ.

Три волхва.

(Изъ Лонгфелло).

Три мудреца изъ дальнихъ странъ Востока
Шли въ Виѳлеемъ: Гаспаръ и Мельхіоръ
И Вальтасаръ. Ихъ путь лежалъ далеко,
И ко звѣздѣ, что въ небесахъ высоко
Сіяла имъ—прикованъ былъ ихъ взоръ.

И та звѣзда казалась такъ прекрасна,
Среди небесъ таинственно горя,
Что путникамъ тутъ сдѣлалося ясно:
Пророчества вѣщали не напрасно
И близокъ часъ рожденія Царя.

Три ларчика везли они съ собою
Изъ золота и съ золотымъ ключемъ,
Пурпурный шелкъ ихъ одѣвалъ волною,
Подъ бѣлою повязкой головною
Ихъ взоръ горѣлъ восторженнымъ огнемъ.

„Гдѣ юный Царь и съ Матерью Своею?“
Такъ вопрошали старцы у людей:
„Его звѣзду увидѣвъ, мы за нею
Послѣдовать спѣшили въ Іудею
Дабы узрѣть Царя изъ всѣхъ царей“.

— „Не вѣдаемъ доселѣ мы такого“,
По всей землѣ звучало имъ въ отвѣтъ:
„Здѣсь Иродъ царь и нѣтъ царя иного!“
И мудрецы впередъ спѣшили снова,
И молча тѣ глядѣли имъ во слѣдъ.

Но Иродъ самъ, о нихъ оповѣщенный,
Тутъ повелѣлъ волхвовъ къ себѣ привесть
И молвилъ имъ съ тревогой затаённой:
„Идите въ градъ, гдѣ Царь новорожденный
И мнѣ о Немъ вы принесите вѣсть“.

Въ обычный путь они ночной порою
Пустилися, и скоро имъ пришлось
Остановиться вмѣстѣ со звѣздою
Тамъ, гдѣ лежалъ, окутанъ легкой мглою,
Тотъ Виѳлеемъ, гдѣ родился Христосъ.

Пройдя врата, пройдя рядъ улицъ длинный,
Гдѣ имъ никто не встрѣтился, они
Вошли на дворъ гостиницы старинной;
Тамъ было все безмолвно и пустынно,
Во хлѣвѣ лишь свѣтилися огни...

И въ ясляхъ тамъ лежалъ подъ сѣнью крова
Убогаго, въ величіи Своемъ
Христосъ-Дитя, принесшій людямъ снова
Прощенье. Онъ, что царства не земнаго—
Небеснаго—явился къ нимъ Царемъ!

И Дѣва тутъ сидѣла Пресвятая.
Надъ Господомъ склонилася она,
Младенца ликъ съ любовью созерцая,
Въ душѣ то скорбь, то радость ощущая
И тайнаго предчувствія полна...

И пали ницъ волхвы въ благоговѣньи...
Ихъ ладанъ въ даръ назначенъ былъ Христу,
Ихъ золото—Царю для приношенья,
А смирна ихъ—Тому на погребенье,
Кто обреченъ идти былъ ко Кресту.

И радостью объяты благодатной,
Пришельцы въ край направились родной;
Но къ Ироду не заходя обратно,
Томимому тревогой непонятной—
Инымъ путемъ вернулися домой.

1890 г. **О. Чумина.**

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XX.

Между тѣмъ покуда Заремба занимался погребеніемъ убитыхъ, а панъ Сандецкій принималъ гонцовъ и отвѣчалъ, Кàроль, казалось, давно забылъ о битвѣ и побѣдѣ и былъ поглощенъ совершенно иными мыслями.

У него изъ головы не выходило, что въ башнѣ зàмка появился самъ сатана въ лицѣ молоденькой коварной женщины.

Кàроль, не смотря на усталость, всю первую ночь послѣ битвы не смыкалъ глазъ и все думалъ объ одномъ и томъ-же... думалъ о своемъ сыновнемъ долгѣ—спасти отца отъ змѣи.

Кàроль угадалъ вѣрно, разсуждая, что, если Франуся съумѣла послѣ своего возмутительнаго поступка снова примириться съ Сандецкимъ, съумѣла добиться позволенія тайно остаться въ зàмкѣ около его горницъ, то главный шагъ сдѣланъ. Самое трудное ею совершено искусно и удачно. Остальное уже будетъ гораздо проще.

По мнѣнію Кàроля, отцу трудно было при его гордости простить эту женщину, которая насмѣялась надъ нимъ и сдѣлала его посмѣшищемъ въ столицѣ. Но коль скоро страсть сильнѣе говоритъ въ немъ, нежели это казалось, то простивши Франусю, онъ, конечно, не остановится на этомъ и какъ только явится возможность, женится на ней.

А что-же будетъ затѣмъ? Такая коварная женщина, безсердечная и легкомысленная, что внесетъ въ домъ?.. Будетъ-ли отецъ счастливъ съ нею? Конечно, нѣтъ!.. Будучи подъ ея вліяніемъ, онъ будетъ исполнять всѣ ея прихоти и, конечно, будущая пани Сандецкая не захочетъ оставаться въ Сталупеняхъ, а захочетъ блистать и срамить отца въ Варшавѣ.

Кромѣ того, появленіе Франуси измѣняло положеніе дѣлъ. Сандецкій рѣшился на свою полушутку, полусерьезное дѣло—объявить себя независимымъ королемъ—ради того чтобы смыть съ себя позоръ, причиненный Франусей. Теперь, когда она снова съ нимъ и когда онъ простилъ ее, его затѣя рушится сама собой. Король Янъ пожелаетъ снова сдѣлаться паномъ Ксаверіемъ Сандецкимъ и мирно зажить подданнымъ своего настоящаго короля. Конечно, подданнымъ Фридриха, а не короля—личнаго врага.

Кàроль, разсуждая, чувствовалъ, что у него голова идетъ кругомъ. Мысли путались... Единственное, что ясно представлялось его разуму, былъ его долгъ спасти отца отъ безнравственной женщины.

Какъ прямодушно уступилъ онъ когда-то свою возлюбленную отцу, точно такъ-же прямодушно рѣшилъ онъ теперь отомстить коварной женщинѣ за отца.

— Но какъ и чтò дѣлать? спрашивалъ онъ самъ себя.

Прошло два дня, и Кàроль, ни на минуту не перестававшій думать о томъ, чтò ему дѣлать, наконецъ рѣшился.

„Это ужасное дѣло...“ думалъ и шепталъ онъ наединѣ. „Никогда я не полагалъ, что буду когда-либо спо-

собенъ на подобное, но жизнь идетъ своимъ чередомъ и заставляетъ человѣка мѣняться".

Поздно вечеромъ молодой человѣкъ вышелъ изъ замка и направился на село. Онъ шелъ къ старику Казиміру, какъ къ самому умному крестьянину, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ человѣку, на котораго могъ вполнѣ положиться.

Старикъ встрѣтилъ пана Кароля и обрадовался. Онъ давно не видалъ его, давно не говорилъ съ нимъ. За все это время ему удалось только разъ видѣть Кароля вдали верхомъ на конѣ.

— Я къ тебѣ, Казиміръ, сказалъ Кароль,—съ самымъ важнымъ дѣломъ... Прошу твоей помощи.

— На все готовъ, пане! Всячески готовъ служить...

— Скажи мнѣ прежде всего, очень-ли ты дряхлъ? Способенъ-ли ты еще двигаться? А если не способенъ, то, не можешь-ли мнѣ найти человѣка, на котораго я могъ-бы положиться такъ-же, какъ и на тебя.

Казиміръ сознался, что онъ, дѣйствительно, еле ноги таскаетъ, но если пану нуженъ вѣрный человѣкъ, молодой и сильный, чтобы стать хотя-бы въ ряды сталупеньчиковъ, то онъ можетъ ему предложить своего племянника Стася.

— Но могу-ли я положиться на него?

— Такъ-же, какъ и на меня, пане...

— А знаешь-ли ты, Казиміръ, въ чемъ дѣло? Какое порученіе я долженъ дать? Я долженъ поручить ему не болѣе, не менѣе, какъ смертоубійство.

— Помилуй Богъ, пане! воскликнулъ Казиміръ.

— Да, это ужасно... Но когда я разскажу тебѣ все, то ты будешь готовъ хоть самъ идти мнѣ помогать. Слушай!..

И Кароль передалъ старику подробно все. Дѣло шло, конечно, о Францусѣ.

Выслушавъ разсказъ Кароля, Казиміръ выговорилъ глухо:

— Да, грѣхъ великій убить человѣка. Но такую подлую тварь надо убить!.. Я почти сожалѣю, что не могу самъ идти къ пану въ помощники. Стереть съ лица земли такую гадину, право, не грѣхъ. Во всякомъ случаѣ, я дамъ знать племяннику, и въ эту-же ночь, или завтра утромъ онъ будетъ у пана. А на Стася, повторяю, можно положиться такъ-же, какъ и на меня...

Кароль разстался со старикомъ, снова провелъ безсонную ночь, волнуясь отъ того дѣла, на которое рѣшался.

Рано утромъ къ нему явился молодой красивый малый, высокій и по виду силачъ.

Кароль грустно усмѣхнулся. Судьба помогала ему... Для всякаго убійства нужно сильнаго человѣка.

— Знаешь-ли ты, Стась, зачѣмъ ты приходишь ко мнѣ?

— Знаю и не знаю, пане! отвѣчалъ молодой малый.— Дядя сказалъ мнѣ только, что я нуженъ пану на грѣшное дѣло, но сказалъ, что когда мнѣ это дѣло разъяснятъ, то я на этотъ грѣхъ пойду.

Стась остался на цѣлый день въ горницахъ Кароля. И все ему было разъяснено... И все было рѣшено.

Кароль, обдумавшій дѣло со всѣхъ сторонъ, понялъ, что Француся находится около уборной отца, и, очевидно, поселилась въ той горницѣ, выходящей въ башню, въ которой Кароль былъ не болѣе трехъ разъ за всю свою жизнь.

Въ ней, по сказанію старожиловъ, во времена оны хранилось у каштеляновъ Сталупеньскихъ оружіе. Не было никакого сомнѣнія, что Сандецкій помѣстилъ Францусю именно въ этой горницѣ.

Кароль, передавая Стасю свой планъ, снова началъ страшно волноваться. Даже голосъ его дрожалъ.

Когда Кароль думалъ, что ему надобно взять на свою душу тяжкій грѣхъ смертоубійства женщины, рѣшимость покидала его. Но затѣмъ, вспомнивъ всѣ обстоятельства дѣла, онъ старался убѣдить себя, что онъ въ положеніи самообороны, или вѣрнѣе обороны отца отъ позора. Онъ спасаетъ его на всю жизнь отъ такой личности, которая кромѣ несчастія и горя ничего въ семью не внесетъ.

Планъ Кароля былъ очень простъ. Надо было ночью подняться на башню по крутой винтовой лѣстницѣ, не имѣвшей никакого сообщенія съ горницами. Двери съ этой лѣстницы были задѣланы во всѣхъ этажахъ.

Но затѣмъ онъ придумалъ, какимъ образомъ проникнуть въ маленькую комнатку, гдѣ, очевидно, жила Француся. Это было возможно только при помощи веревочной лѣстницы спущенной съ башни къ окну.

Пайдя Францусю въ постели, надо было просто выбросить ее въ то же окно. Высота, на которой находилось окошко, была настолько велика, что женщина, упавшая внизъ на каменныя плиты, конечно, должна быть убита.

Зарѣзать Францусю, въ ея комнатѣ, Кароль не рѣшался. Онъ хотѣлъ, чтобы панъ Ксаверій остался въ убѣжденіи, что Француся сама почему-либо рѣшилась на самоубійство.

Въ полночь, объяснивъ все подробно Стасю, Кароль, сильно взволнованный, двинулся съ нимъ къ башнѣ и поднялся по крутой лѣстницѣ.

Оба, тихо и осторожно поднявшись, вышли на площадку башни, гдѣ на высокомъ шестѣ развѣвался флагъ. Здѣсь укрѣпили они край веревочной лѣстницы, которую принесли съ собой. Другой конецъ былъ спущенъ по направленію къ окошку, которое было аршина на три ниже площадки.

— А если, пане, окно заперто? тихо замѣтилъ Стась.

— Я объ этомъ сто разъ думалъ, отозвался Кароль.— На такой высотѣ врядъ-ли окошко запирается... Притворено оно можетъ быть, и ты долженъ его только толкнуть, чтобы оно растворилось. Если-же рама не подастся, то вернись назадъ, и мы отложимъ дѣло до той ночи, когда оно будетъ отворено.

Когда веревочная лѣстница была совершенно прикручена, и Стась собрался лѣзть по ней, Кароль остановилъ его.

— Послѣдній разъ говорю тебѣ, помни одно... Все дѣло зависитъ отъ твоего мужества и отъ быстроты... Какъ войдешь въ комнату, найдешь кровать, сію-же секунду хватай ее поперекъ тѣла и выкидывай въ окно.

Молодой малый ничего не отвѣтилъ и сталъ спускаться.

Ночь была настолько темна, что когда Стась спустился и былъ наравнѣ съ окномъ, Кароль могъ едва видѣть его фигуру. Смотря съ башни, онъ однако могъ разглядѣть какое-то темное пятно, которое колыхалось въ воздухѣ и затѣмъ исчезло. Веревки лѣстницы, на которыя оперся Кароль, были туго натянуты и вдругъ ослабли. Очевидно, что Стась уже влѣзъ въ окно.

Кароль тяжело вздохнулъ. Сердце замерло въ немъ, и онъ проговорилъ, поднимая глаза на темное ночное небо:

— Помилуй и прости, Господи! Совѣсть моя спокойна... Ты видишь, зачѣмъ я поступаю такъ... Я не злодѣй, я хочу не зла, а блага тому человѣку, который могъ бросить меня безъ призора, а поступилъ совершенно иначе: пріютилъ, воспиталъ, любилъ.

Не прошло полуминуты — Кароль услыхалъ какъ-бы задушенный крикъ и затѣмъ что-то темное мелькнуло въ томъ мѣстѣ, гдѣ исчезъ Стась. Но оно только мелькнуло! Чрезъ мгновеніе послышался вдалекѣ, внизу, страшный звукъ, похожій на паденіе мокрой простыни на полъ.

Черезъ минуту, по той-же лѣстницѣ, вернулся на башню Стась. Онъ задыхался, какъ если-бы пробѣжалъ нѣсколько верстъ.

Кароль ничего не спрашивалъ. Видно было по этой фигурѣ, что все сдѣлано.

Наконецъ малый заговорилъ и произнесъ сдавленнымъ голосомъ:

Утро Рождества Христова. Съ карт. Гольца, грав. Кнезингъ.

— Все... какъ нужно... Конецъ... Не успѣла и крикнуть...

Они быстро отвязали лѣстницу и почти бѣгомъ спустились съ башни во дворъ.

Съ трепетомъ и дрожью въ тѣлѣ обошелъ Кароль башню, чтобы узнать въ какомъ положеніи находится выкинутая изъ окна. Среди темноты онъ увидѣлъ на каменныхъ плитахъ полуодѣтую женщину.

Кароль хотѣлъ нагнуться надъ ней, чтобы убѣдиться, дышетъ-ли она, но не имѣлъ силы.

— Посмотри!.. обратился онъ къ Стасю.—Убита-ли?

Малый опустился на колѣни, присмотрѣлся, прислушался и отозвался взволнованно:

— Не дышетъ... Голова разбита...

Кароль перекрестился, потомъ опустился на колѣни около лежащаго тѣла, нагнулся и приглядѣлся къ лицу. Не смотря на тьму, онъ увидалъ знакомый обликъ. Чертъ лица было не видно, но кудрявая голова, абрисъ лица, размѣръ туловища—все сказало Каролю, что здѣсь лежитъ коварная женщина, покончившая расчеты съ жизнью.

XXI.

На разсвѣтѣ кто-то изъ домовниковъ, вставъ раньше другихъ, увидѣлъ у самой башни женщину, лежавшую въ одной сорочкѣ. По странному положенію тѣла было очевидно, что она бросилась съ башни. Голова была разбита.

Въ замкѣ поднялась тревога. Никто не понималъ, откуда могла взяться женщина подъ стѣной башни.

Разумѣется, прежде всего явились сообщить объ этомъ событіи Каролю. Ему слѣдовало тотчасъ-же идти на мѣсто, а между тѣмъ рѣшимости у него не хватало. Онъ боялся стать при всѣхъ лицомъ къ лицу съ убитой имъ. Ему было легче теперь встрѣтиться съ отцомъ, нежели стоять надъ убитой при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ.

Кароль отозвался, что онъ идетъ довести до свѣдѣнія отца объ этомъ приключеніи, и поднялся въ горницы Сандецкаго. Конечно, онъ ожидалъ увидѣть человѣка потерявшагося съ отчаянія и горя. При первомъ же извѣстіи о женщинѣ, лежащей подъ башней, Сандецкій догадается, бросится въ горницы и не найдетъ тамъ своей возлюбленной.

Когда Кароль постучался въ дверь первой комнаты отца, никто не отозвался. Онъ сталъ стучать громче и наконецъ за дверью раздался голосъ Сандецкаго:

— Что̀ тамъ?

— Важное дѣло, батюшка...

Дверь растворилась и Сандецкій, вышедшій прямо изъ постели, удивленно встрѣтилъ сына. Кароль объяснилъ въ чемъ дѣло, и сердце дрожало въ немъ отъ того, что̀ онъ ожидалъ увидѣть.

Сандецкій при извѣстіи ахнулъ, но не двинулся; стоялъ передъ Каролемъ задумчивый и затѣмъ проговорилъ:

— Вотъ что, милый... Ступай, прикажи поднять ее и похоронить, какъ слѣдуетъ по обряду церкви. Нѣту доказательствъ, что это—самоубійца... Могла упасть съ башни. Если будутъ тебя разспрашивать, какъ женщина эта могла попасть на башню, то объясни просто: дверка всегда была расперта внизу; вѣдь ходила же прислуга поправлять флагъ, когда его завертывало вѣтромъ... Ну, вотъ какая-нибудь женщина забрела и оттуда бросилась. Одно только страннымъ покажется всѣмъ, что этой самоубійцы никто никогда въ Сталупеняхъ не видѣлъ. Ну, да что̀ же дѣлать?

Кароль былъ пораженъ всѣмъ, что̀ слышалъ, ничего не понималъ, но смутно догадывался, что произошло нѣчто ужасное. Едва дослушавъ то, что спокойно говорилъ Сандецкій, Кароль бросился внизъ, стремглавъ пробѣжалъ парадную лѣстницу, дворъ, бросился къ башнѣ, гдѣ толпился народъ, и почти какъ безумный подбѣжалъ къ лежащему тѣлу.

Здѣсь онъ замеръ на мѣстѣ и не только не вскрикнулъ отъ того что̀ увидѣлъ, но очѣмѣлъ и стоялъ истуканомъ.

На плитахъ лежала женщина, но не Франуся. Лицо мертвой, все изрытое осной, представляло только какое-то подобіе лица Франуси.

Очнувшись отъ удара, Кароль закрылъ лицо руками и тихо прошепталъ:

„Перстъ Божій!.. Не судьба... Человѣкъ не можетъ рѣшать судебъ Божьихъ... Но кто же она?“

Въ кучѣ народа, толпившагося вокругъ убитой, были, разумѣется, тѣ же толки. Всѣ задавались однимъ и тѣмъ-же вопросомъ:

— Кто эта женщина съ изуродованнымъ лицомъ, которую никто никогда не видалъ въ Сталупеняхъ и которая очевидно явилась сюда, чтобы покончить съ собой? Вѣдь могла же незнакомка гдѣ-либо утопиться, или повѣситься? А она предпочла взобраться на башню за̀мка, чтобы прыгнуть оттуда.

Суевѣрные католики рѣшили единогласно, что приключеніе это—самое дурное для Сталупеней предзнаменованіе. Мертвецъ загадочный, невѣдомый никому, вдобавокъ съ лицомъ, на которомъ не было никакого подобія человѣческаго—все это напугало ихъ.

Тѣло подняли и отнесли. Черезъ часъ оно было уже въ гробу и въ костелѣ. Во всемъ за̀мкѣ и на селѣ только и было толку, что о невѣдомой самоубійцѣ.

Между тѣмъ въ угловой комнатѣ, примыкавшей къ башнѣ, сидѣла Франуся и горько плакала. Сандецкій былъ около нея и утѣшалъ ее на всѣ лады.

Франуся, увѣдомленная Сандецкимъ о томъ, что̀ случилось, конечно, тотчасъ же бросилась въ горницу, которую уступила сестрѣ, и не нашла ее тамъ. Теперь она не могла понять, почему сестра рѣшилась вдругъ на самоубійство, ни слова не сказавъ ей наканунѣ.

Явившись въ за̀мокъ точно такимъ же способомъ, какъ и Франуся, въ мужскомъ костюмѣ и въ качествѣ посла, привезшаго письмо Сандецкому, Эльжбета была счастлива, что ей удалось добраться до сестры и поселиться съ ней. Вмѣсто одной заключенной добровольно—были двѣ.

И Франуся нѣсколько дней провела въ мирныхъ бесѣдахъ съ сестрой о томъ, что̀ сдѣлалось теперь ихъ единственной мечтой. Заставить Сандецкаго окончательно простить своей бывшей невѣстѣ, заставить его сочетаться бракомъ и затѣмъ зажить имъ обѣимъ въ Сталупеньскомъ за̀мкѣ. И вдругъ эта сестра неизвѣстно почему рѣшилась на самоубійство.

Сандецкій всячески утѣшалъ Франусю, объясняя ей, что жизнь Эльжбеты была бы тяжела. Бывшая красавица никогда бы не могла примириться съ мыслью, что стала безобразнымъ уродомъ.

Разумѣется, ни пану Ксаверію, ни Франусѣ и на умъ не могло придти то, что̀ въ дѣйствительности произошло.

Кто бы могъ догадаться, что Эльжбета погибла отъ руки людей, которые покушались на жизнь самой Франуси!

Дѣло это такъ и осталось загадкой въ за̀мкѣ. Кромѣ Сандецкаго и Франуси, никто не узналъ правды, т. е. не зналъ, кто самоубійца.

Кароль, знавшій по разсказамъ Франуси, что у нея есть сестра, такая же красавица, какъ и она, конечно, не могъ предположить, что Эльжбета стала уродомъ. Равно не могъ онъ догадаться, что Эльжбета, въ одинъ день съ посланцемъ Радзивила, явилась въ мужскомъ платьѣ и удачно проникла въ горницы Сандецкаго, точно такъ же, какъ когда-то проникла и Франуся.

Дня три толковали всѣ въ Сталупеняхъ о загадочномъ приключеніи, и всѣ единогласно считали его дурнымъ предзнаменованіемъ.

XXII.

Не прошло трехъ дней, какъ на границѣ появился снова отрядъ бранденбуржцевъ. Извѣстіе застало всѣхъ врасплохъ.

Богъ вѣсть почему, никто въ Сталупеняхъ, отъ самого самозваннаго короля до послѣдняго дружинника, не ожидалъ непріятеля почти тотчасъ же послѣ побѣдоносной битвы.

Насколько когда-то всѣ обрадовались вѣстямъ, что идетъ непріятель и что съ нимъ можно подраться, настолько теперь всѣ сразу оторопѣли. И кто-то зря, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, заявилъ, что дурное предзнаменованіе—неизвѣстная самоубійца—этимъ теперь сказывается. Неожиданно являющійся непріятель на этотъ разъ будетъ несокрушимъ.

Въ Сталупеняхъ началась суетня и сумятица. Конница и пѣхота готовились выступать. но всѣ до единаго человѣка, отъ Зарембы и Кароля до послѣдняго дружинника, были смущены. Всѣ были взяты врасплохъ.

Заремба, ясно увидавшій въ какомъ положеніи нравственномъ находятся защитники Сталупеней, первый предложилъ королю Яну на этотъ разъ не встрѣчать непріятеля на дорогѣ, а остаться въ Сталупеняхъ, размѣститься по тѣмъ бастіонамъ, укрѣпленіямъ и западнямъ, которые онъ настроилъ, и отбиваться отъ непріятеля на мѣстѣ.

— Не забудь, Ваша Мосць, сказалъ Заремба, — что нашихъ храбрецовъ самыхъ удалыхъ нѣтъ никого въ живыхъ. Некому теперь бросаться на бранденбуржцевъ, на подобіе орловъ или тигровъ. Мое мнѣніе—надо засѣсть въ укрѣпленіяхъ и стараться отсиживаться до тѣхъ поръ, покуда не явится обѣщанное княземъ Радзивиломъ войско.

Предложеніе это было почему-то всѣми встрѣчено съ особенной радостью. Всѣмъ равно казалось, что это вполнѣ разумный совѣтъ, вполнѣ идущій къ обстоятельствамъ.

И черезъ нѣсколько часовъ войско, вмѣсто того чтобы выступить навстрѣчу къ непріятелю, размѣстились по всѣмъ бастіонамъ, которые Заремба выстроилъ кругомъ зàмка и села.

Черезъ сутки, на зарѣ, въ полуверстѣ отъ зàмка показался непріятель и гораздо болѣе многочисленный, нежели ожидали сталупеньцы.

Сандецкій, поднявшись на башню въ сопровожденіи сына и Зарембы, осмотрѣлъ остановившееся въ полѣ войско и поникнулъ головой.

— На этотъ разъ, кажется, пришелъ намъ конецъ, сказалъ онъ Каролю.

Черезъ часъ близъ зàмка показалось на дорогѣ пять всадниковъ-бранденбуржцевъ. Съ башни можно было различить, что это былъ офицеръ съ солдатами.

Остановившись въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ воротъ зàмка, офицеръ выслалъ впередъ одного верховаго. На кончикѣ его поднятой сабли былъ навязанъ бѣлый платокъ. Это былъ парламентеръ, котораго посылали для переговоровъ.

Сандецкій тоже выслалъ изъ зàмка одного изъ сталупеньчиковъ. Переговоривъ съ солдатами, сталупеньчикъ вернулся и заявилъ, что, дѣйствительно, офицеръ посланъ генераломъ начальствующимъ отрядомъ для переговоровъ о добровольной сдачѣ Сталупеней.

Всѣ услыхавшіе это предложеніе, въ томъ числѣ и Кароль, ожидали, что офицеръ принятъ не будетъ. Къ величайшему изумленію, король Янъ приказалъ отворить ворота и принять парламентера.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не собирался принять бранденбуржца такъ же, какъ когда-то принялъ посланнаго изъ Варшавы—Мамонова. Не въ тронномъ залѣ и не въ королевскомъ одѣяніи пожелалъ король Янъ встрѣтить пруссака, а принять его просто какъ гостя.

Дѣло въ томъ, что за послѣдніе дни въ душѣ короля Яна совершился крутой нравственный переворотъ. Его самодѣльное величество устало изображать монарха, да и причины на это уже не существовало. Король Янъ начиналъ подумывать о томъ, что было бы гораздо покойнѣе и цѣлесообразнѣе снова сдѣлаться паномъ Ксаверіемъ Сандецкимъ.

Съ тѣхъ поръ, что Франуся была въ зàмкѣ, съ той минуты, что онъ простилъ коварную измѣнницу, увѣровалъ снова въ ея невиновность и снова привязался къ ней всѣмъ сердцемъ, панъ Ксаверій сталъ подумывать о томъ, чтобы отречься отъ имъ самимъ измышленнаго престола.

Теперь онъ почти былъ счастливъ тѣмъ, что рѣчка Вислейка искони протекаетъ на востокъ отъ зàмка. Несмотря на всю родовую ненависть къ пруссакамъ, панъ Ксаверій имѣлъ основаніе ненавидѣть еще болѣе Станислава-Августа и Варшаву.

Сдѣлаться снова подданнымъ человѣка, который нанесъ ему кровное оскорбленіе, было невозможно. Въ то же время добровольно сдѣлаться пруссакомъ, прекратить борьбу съ Фридрихомъ—было выгодно.

Сандецкій, ни слова не говоря никому, рѣшилъ объясниться съ парламентеромъ и узнать на какихъ основаніяхъ ему предлагаютъ капитулировать.

Принятый имъ офицеръ объяснилъ, что командующій отрядомъ, генералъ Штейнъ, прежде чѣмъ атаковать Сталупени, присылаетъ его предложить непріятелю добровольно сдаться. Въ томъ, что Сталупени будутъ къ вечеру взяты штурмомъ, генералъ Штейнъ не сомнѣвается, между тѣмъ онъ получилъ приказаніе изъ Берлина поступить двояко. Если панъ Сандецкій, „господинъ король", сдастся добровольно, признавъ фактъ, что естественное теченіе рѣчки Вислейки даетъ Пруссіи право считать пана подданнымъ Пруссіи, то панъ останется такимъ же помѣщикомъ, какимъ и былъ. Но если панъ Сандецкій не согласится на добровольную сдачу, то помѣстья его, присоединенныя къ Пруссіи, будутъ конфискованы въ пользу казны, а панъ, лишась своихъ правъ владѣльческихъ, будетъ изгнанъ изъ Сталупеней, какъ изъ предѣловъ Прусскаго королевства.

Сандецкій не рѣшился тотчасъ же дать отвѣтъ и попросилъ отсрочки на сутки. Въ душѣ онъ рѣшилъ согласиться, такъ какъ ему грозило полное разореніе, но онъ хотѣлъ прежде посовѣтоваться съ той личностью, которая начинала играть крупную роль въ его жизни.

Дѣйствительно, вопросъ этотъ могла лучше всѣхъ рѣшить Франуся.

Когда Сандецкій изложилъ Франусѣ обстоятельно, въ какомъ положеніи они находятся, Франуся разсудила дѣло по-своему. Она заявила, что, по ея мнѣнію, нельзя принять ни то, ни другое изъ двухъ предложеній.

— Сдаться добровольно нельзя, сказала она.—Быть побѣжденными—идти на то, чтобы лишиться владѣльческихъ правъ — тоже нельзя. Надо обдумать что-нибудь третье. Прошу дать мнѣ сроку до вечера, и я что-нибудь придумаю.

Сандецкій такъ вѣрилъ въ разумъ своей возлюбленной, что согласился, и заранѣе былъ убѣжденъ, что къ вечеру Франуся надумаетъ исходъ.

А между тѣмъ у Франуси былъ собственный расчетъ. Съ тѣхъ поръ, что она была въ зàмкѣ, была прощена бывшимъ своимъ женихомъ, и съ тѣхъ поръ, что онъ ее снова любилъ, Франуся только и думала объ одномъ, какъ перейти изъ положенія тайной заключенной въ зàмкѣ въ прежнее положеніе—объявленной невѣсты пана-каштеляна.

Объ этомъ вопросѣ исключительно были и всѣ бесѣды ея съ сестрой до послѣдней минуты ея загадочной смерти.

Франуся не долго вѣрила. что сестра сама выбросилась въ окошко. Она начинала уже женскимъ тонкимъ чутьемъ догадываться, что сестра погибла загадочно, что она не самоубійца. Слѣдовательно. и ей грозитъ нѣчто подобное. Поэтому слѣдуетъ какъ можно скорѣе попасть въ положеніе невѣсты или жены пана Ксаверія.

Предложеніе генерала Штейна самой Франусѣ принять было невозможно. Добровольная сдача Сталупеней вела прямо къ тому, что панъ Сандецкій сдѣлается прусскимъ подданнымъ и прежде всего, благодаря своей любви къ Кàролю, станетъ хлопотать предъ Прусскимъ королемъ о томъ, чтобы узаконить сына и сдѣлать наслѣдникомъ всего своего имущества.

А это было не на руку будущей паннѣ Сандецкой. уже мечтавшей пережить мужа и сдѣлаться пожизненно владѣлицей всѣхъ его помѣстій. Если не соглашаться на сдачу и Сталупени будутъ взяты штурмомъ, то Франуся лично ничего не теряла.

Панъ Сандецкій лишится своего состоянія, но кому оно будетъ принадлежать—королю Прусскому или Кàролю—ей, собственно, было безразлично.

Покойная сестра говорила Франусѣ постоянно, что надо воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы ея присутствіе въ зàмкѣ стало всѣмъ извѣстно, чтобы ея положеніе сдѣлалось законнымъ.

Этотъ случай представлялся теперь.

Появленіе войска около зàмка и переговоры съ прусскимъ генераломъ показались сразу Франусѣ исключительнымъ случаемъ, которымъ надо было воспользоваться, чтобы открыть свое присутствіе въ зàмкѣ.

Это была первая насущная потребность. Вторая заключалась въ томъ, чтобы оттянуть время.

XXIII.

Въ тотъ же вечеръ Франуся и объяснила пану Ксаверію. къ чему пришла послѣ глубокихъ размышленій.

— Прежде всего панъ долженъ заявить, объяснила она, — что я нахожусь въ зàмкѣ, что панъ снова примирился со мной, простилъ мнѣ мою невольную ошибку, а затѣмъ я, въ качествѣ панской невѣсты, отправлюсь къ генералу Штейну парламентеромъ.

Оба эти предложенія показались Сандецкому совершенно невозможными. Объявить, что Франуся въ зàмкѣ, ему еще не хотѣлось. Ему стыдно было своего слабоволія и слабодушія, стыдно было той минуты, когда всѣ въ Сталупеняхъ узнаютъ, что онъ простилъ женщину, зло насмѣявшуюся надъ нимъ. Панъ Сандецкій предвидѣлъ, что это когда-нибудь случится, но старался отложить по возможности далѣе.

Второе предложеніе—казалось еще нелѣпѣе.

— Съ тѣхъ поръ, что міръ стоитъ, воскликнулъ онъ,—такое не случалось, Франуся! Когда же женщины вмѣшивались въ подобныя дѣла и отправлялисѣ въ лагерь непріятеля переговариваться?

— Мнѣ все равно, что было на свѣтѣ и чего не было. Если не было, то когда-нибудь будетъ.

— Ну, я этому не вѣрю...

— Я убѣждена, что подобные случаи бывали, но они остались неизвѣстными. Во всякомъ случаѣ, бѣды отъ этого никакой не будетъ. Предлагаю пану завтра же рано утромъ объявить, что его невѣста здѣсь въ зàмкѣ и отправляется для переговоровъ съ генераломъ Штейномъ. За остальное я отвѣчаю.

И на другой же день около полудня весь зàмокъ былъ на ногахъ. Главные домовники и главные дружинники были въ сборѣ въ большомъ залѣ съ Кàролемъ, паномъ Трембицкимъ и Зарембой.

Сандецкій явился въ залу, ведя подъ руку Франусю, но не поднялся на свой тронъ, а остановившись передъ всѣми, сказалъ краткую рѣчь.

Онъ говорилъ опустивъ глаза, угрюмый и, казалось, озлобленный. Подъ маской этого озлобленія было простое смущеніе и стыдъ.

Панъ Ксаверій объяснилъ, что не смотря на разныя несчастныя сочетанія обстоятельствъ, отложившія его свадьбу, онъ снова намѣревается сочетаться законнымъ бракомъ съ панной Франусей Дзялынской. о чемъ и заявляетъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ.

И затѣмъ панъ Ксаверій объяснилъ, что рѣшается на нѣчто, что можетъ показаться страннымъ для всѣхъ... Панна Дзялынская отправится въ лагерь бранденбуржцевъ для переговоровъ.

Послѣ этого Сандецкій, ведя подъ-руку свою невѣсту, удалился изъ залы.

Все происшедшее было громовымъ ударомъ. Сталупеньцы не могли въ себя придти отъ того. что услыхали. Всѣ знали, какъ возмутительно и гадко поступила всѣмъ извѣстная Франциска. Всѣ изумились, что она снова оказалась въ зàмкѣ, неизвѣстно какъ проникнувъ въ него, и снова добилась своей цѣли. снова стала невѣстой пана-каштеляна.

Поѣздка той же коварной женщины для переговоровъ съ бранденбуржцами обѣщала тоже мало хорошаго. Многіе уже давно поняли, что эта красивая женщина — предательница отъ природы. Она, уже давно, поступила предательски съ ксендзомъ, затѣмъ точно такъ же поступила съ Кàролемъ, наконецъ, еще хуже предала привязанность Сандецкаго и его честное имя. И теперь, отправляясь въ лагерь бранденбуржцевъ. можетъ предать и Сталупени.

Какимъ образомъ?—въ этотъ вопросъ никто не входилъ. Всѣ чувствовали только одно, что въ лагерь отправится парламентеромъ лукавая и двоедушная женщина, и добра отъ этого быть не можетъ.

Разумѣется, это общее убѣжденіе и общее опасеніе не привело ни къ чему. Никто не рѣшился пойти къ Сандецкому выразить свое мнѣніе.

Часа въ два дня, красивый экипажъ былъ запряженъ шестерикомъ великолѣпныхъ коней. Франуся вышла изъ зàмка въ восхитительномъ нарядѣ, провожаемая Сандецкимъ. Ее должны были конвоировать всадники—цѣлая дюжина сталупеньчиковъ, въ своихъ красивыхъ нарядахъ. Впереди скакалъ всадникъ съ бѣлымъ флагомъ въ рукахъ.

Поѣздъ богатый, блестящій выѣхалъ изъ воротъ и направился черезъ поле къ опушкѣ лѣса, гдѣ расположился отрядъ бранденбуржцевъ.

Разумѣется, приближеніе кареты со всадниками, съ бѣлымъ флагомъ впереди, произвело впечатлѣніе на пруссаковъ. Но когда экипажъ, окруженный всадниками, приблизился и въ немъ увидѣли женщину-красавицу. то изумленію не было конца.

Генералу доложили, со словъ одного изъ сталупеньчиковъ, что для переговоровъ явилась нареченная невѣста самого короля Яна.

Генералъ Штейнъ былъ пораженъ и не зналъ, какъ принять дѣло: серьезно или какъ нелѣпую шутку, пожалуй даже и насмѣшку со стороны самозваннаго короля. Тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ же попросилъ провести въ свою палатку пріѣзжую панну.

— Шутовской король и долженъ посылать шутовскихъ парламентеровъ! сказалъ онъ, смѣясь.

Франуся холодно и важно вошла въ палатку.

Бесѣда или совѣщаніе прусскаго генерала съ красавицей-парламентеромъ продолжалась не полчаса, какъ ожидали всѣ, а около трехъ часовъ.

И Штейнъ. и Франуся одинаково ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Франуся ожидала встрѣтиться и быть принужденной разговаривать съ грубоватымъ человѣкомъ-солдатомъ, который, если и приметъ ее, то будетъ говорить съ пренебреженіемъ, удивляясь выходкѣ каштеляна Сандецкаго, не нашедшаго никого иного, чтобы прислать для переговоровъ.

Мадонна да-Колонна. Карт. Рафаэля, грав. Трейбманъ.

2

Прусскій генералъ ожидалъ встрѣтить глупую и верченую женщину, высланную къ нему или по глупости, или ради насмѣшки.

Франуся нашла въ бранденбуржцѣ красиваго и статнаго человѣка, сравнительно молодаго, умнаго, любезнаго, который быстро понравился ей какъ мужчина. Генералъ нашелъ въ юной красавицѣ такой разумъ, такую смѣтливость, такое хладнокровное и серьезное обсужденіе дѣла и мельчайшихъ подробностей, что былъ пораженъ. Онъ еще не встрѣчалъ такой женщины.

Франуся дѣйствовала якобы самостоятельно, на свой страхъ, ибо она якобы не сказала Сандецкому, о чемъ будетъ говорить. Теперь она, объясняя Штейну свое положеніе въ замкѣ, якобы относилась къ своему дѣлу какъ посторонній человѣкъ, разумно и безпристрастно.

Все дѣло сводилось, по ея словамъ, къ тому, чтобы оттянуть время, ради того, чтобы самъ каштелянъ Сталупеней бросилъ свое самозванство, свое чудачество и просто перешелъ въ подданство короля Фридриха со своими помѣстьями.

— Выслушайте меня внимательно, сказала Франуся.—Взять штурмомъ Сталупени вамъ ничего не стоитъ... Вы можете даже всѣхъ обитателей увезти военноплѣнными, а затѣмъ исполнить угрозу—лишить пана Сандецкаго его имущества и присвоить всѣ его земли въ казну. Но это поведетъ къ большимъ замѣшательствамъ. Вспомните Барскую конфедерацію! Послѣ полнаго уничтоженія какой-нибудь банды, черезъ нѣсколько дней появлялись двѣ банды, съ которыми надо было вновь начинать бороться. Точно то же будетъ и въ Сталупеняхъ. Здѣсь собраны не одни подданные самозваннаго короля Яна, сюда стекаются ежедневно всѣ недовольные, всѣ бродяги, всѣ, кому жизнь надоѣла. На тѣхъ земляхъ, которыя присвоитъ Пруссія, порядка и мира долго не будетъ... Я предлагаю вамъ совершенно иное—мирное завоеваніе. Надо сдѣлать такъ, чтобы панъ Ксаверій Сандецкій добровольно изъявилъ свое согласіе сдѣлаться пруссакомъ.

— Но какъ же это сдѣлать? прервалъ Штейнъ.

— Очень просто. Ваше войско будетъ стоять здѣсь, а вы явитесь въ замокъ, познакомитесь съ паномъ Ксаверіемъ, съ его сыномъ и дочерью... Вы сами объявите, что по разнымъ соображеніямъ, или вслѣдствіе приказанія изъ Берлина, рѣшили отложить битву на недѣлю. А за эту недѣлю просите гостепріимства у пана Сандецкаго не въ качествѣ врага, а въ качествѣ путешественника. Вѣдь нельзя же вамъ сидѣть въ палаткѣ, когда около васъ есть замокъ.

— Это будетъ очень странно, замѣтилъ Штейнъ.

— Пускай будетъ странно! Черезъ недѣлю, я вамъ отвѣчаю, панъ Ксаверій будетъ вашимъ хорошимъ пріятелемъ. И при вашихъ и моихъ усиліяхъ дѣло окончится благополучно. Панъ Сандецкій согласится мирно перейти въ прусское подданство.

Штейнъ долго не соглашался. Онъ подозрѣвалъ именно то, что въ дѣйствительности могло и должно было случиться... А именно, черезъ недѣлю явится помощь, явится какая-либо банда въ тысячу или двѣ тысячи человѣкъ, и онъ можетъ быть разбитъ такъ же, какъ прежніе прусскіе отряды.

Онъ заявилъ о своемъ подозрѣніи Франусѣ.

— Подобной помощи намъ ждать не откуда!.. смѣло солгала Франуся,—но если бы она и явилась, то сраженія никакого не будетъ.

— Почему же?

— Потому что я этого не захочу, разсмѣялась Франуся.—Панъ Сандецкій дѣлаетъ то, что я желаю, а я этого не захочу. Я хочу, чтобы онъ, не имѣя, конечно, возможности оставаться въ дѣйствительности самостоятельнымъ монархомъ, сдѣлался прусскимъ, а не польскимъ подданнымъ. Наконецъ, мы можемъ съ вами вступить въ полный заговоръ. Вы будете завтра приглашены въ Сталупени въ качествѣ гостя и будете встрѣчены, конечно, радушно и любезно. Если въ первый же день мы увидимъ, что бороться съ паномъ Сандецкимъ мудрено, то тогда мы употребимъ другое средство... Вы пошлете гонца въ Берлинъ съ просьбой къ королю о скорѣйшемъ и простомъ завоеваніи Сталупеней и уничтоженіи очага бунтовщиковъ. Для этого нужно одно слово короля.

— Какое же? удивился Штейнъ.

— Пускай умный Прусскій монархъ, который достаточно пожалъ лавровъ полководца и побѣдителя, пришлетъ черезъ васъ каштеляну Сталупеней титулъ и приглашеніе пожаловать въ Берлинъ. А я вамъ отвѣчаю головой, что король Сталупеньскій съ удовольствіемъ согласится сдѣлаться барономъ или графомъ Сандецкимъ.

— Да, это пожалуй вѣрно! замѣтилъ Штейнъ. — Но зачѣмъ же ждать? Я пошлю гонца тотчасъ же. При теперешнемъ положеніи дѣлъ, я отвѣчаю, что черезъ три-четыре дня я буду имѣть отвѣтъ.

— Это еще лучше! рѣшила Франуся.

Собесѣдники разстались почти друзьями. Насколько Франуся съумѣла плѣнить молодаго генерала, настолько же и онъ понравился ей.

Возвратившись въ Сталупени, Франуся объявила пану Ксаверію, что штурма на Сталупени не будетъ по крайней мѣрѣ въ продолженіе недѣли, что она съумѣла убѣдить генерала обождать.

Она объяснила Сандецкому, что дѣйствовала обманомъ и ложью. Она увѣрила якобы Штейна, что Сандецкій собирается самымъ мирнымъ образомъ сдѣлаться прусскимъ подданнымъ.

— И онъ былъ настолько наивенъ, воскликнулъ Сандецкій,—что повѣрилъ?!

— Да, повѣрилъ!.. Но это не все... Панъ долженъ завтра же ѣхать къ нему въ лагерь и пригласить его къ себѣ въ качествѣ гостя.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Джемма.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Разсказъ **Кота Мурлыки**.

(Окончаніе).

XIX.

И она закуталась въ большую индійскую шаль, хотя въ комнатѣ и было вѣрныхъ 20 градусовъ, если не больше. Она начала говорить мѣрно, ритмическими стихами. Она говорила рапсодію, и ей недоставало только аккомпанимента. Сказка эта такъ мнѣ понравилась, что я потомъ отыскалъ ее.

„Благословенъ Всевышній въ чудныхъ дѣлахъ творенія. Моря и горы, лѣса и долы поютъ ему хвалу и вѣчную славу.

„На берегу моря Гіэтала, въ роскошномъ лѣсу Каллабара расцвѣла розовая Калима. Лучше этого цвѣтка не видали ни дивы, ни пери. Вѣчному слава!

„Она была стройна, какъ пальма Даулила. Расцвѣла она, и весь лѣсъ наполнился ея благоуханіемъ, ибо было оно дыханіе красоты и молодости. Вѣчному слава!

„Пери Альяра наклонилась къ цвѣтку и дала ему свѣжесть утренней росы. И на жаркомъ солнцѣ заблестѣлъ цвѣтокъ Калимы, засверкалъ тысячами брилліантовыхъ огней. Вѣчному слава!

„И наклонилась надъ нимъ пери Марбуни и дала ему очарованіе. И всѣ цвѣты и травы, всѣ кусты и деревья устремились къ Калимѣ. И не могли они свести отъ нея очей наслажденія... Вѣчному слава!

„И наклонилась надъ цвѣткомъ пери Аморра и вложила въ него лучшее, что у ней было. Она вложила въ самую его сердцевину любящее сердце. И моря и горы, лѣса и долины, все стало близко Калимѣ. Все ожило и отразилось, какъ въ зеркалѣ, въ ея сердцѣ. Вѣчному слава!

„И говорили Калимѣ всѣ цвѣты и травы, кусты и деревья: „Воля вѣчнаго Вишну да исполнится на тебѣ. И принесешь ты сладкій плодъ, который такъ же будетъ ароматенъ, какъ твое дыханіе". Вѣчному слава!

„Но не исполнила Калима воли Вишну. Понравились ей не цвѣты, а свободная, вольная птица Бугуръ—Красивая птица: звучно распѣвала она въ роскошномъ лѣсу, на берегу моря Гіэтала. Вѣчному слава!

„Ужаснулись всѣ цвѣты и травы, кусты и деревья. „Лучше бы ты напилась ядовитыхъ испареній отъ цвѣтовъ Баннара“, сказали они Калимѣ. — „Птица Бугуръ съѣстъ твое сердце, она оборветъ твою красоту“. — Но Калима сказала: „Да будетъ!“ Вѣчному слава!

„Ужаснулись всѣ пери и дивы. „Несчастная“, сказали онѣ,— „зачѣмъ желаніе твоего сердца ты ставишь выше воли великаго Вишну? Борись съ твоей страстью... Борись и принеси добрый плодъ. Такова воля Небесъ!.. Вѣчному слава!“

„Какъ же я буду бороться съ моей страстью“, сказала Калима.—„Развѣ не онъ послалъ любовь и страсть въ мое сердце, и не по его волѣ бьется мое сердце?“ Вѣчному слава!

„И всѣ пери и дивы, и всѣ цвѣты и травы, кусты и деревья, всѣ въ одинъ голосъ сказали: „Спроси твоего сердца! Оно скажетъ, гдѣ воля Премудраго. Вѣчному слава!“

„Но не захотѣла Калима слушаться голоса сердца. „Лучше мнѣ наслажденіе, чѣмъ борьба и страданіе; къ нему зоветъ меня мое сердце. Приди, князь души моей!.. Моя радость и счастье! Моя любовь!..“

И при этихъ словахъ Джемма вдругъ зарыдала и припала къ плечу моему.

— Джемма! вскричалъ я. — Моя дорогая! Успокойся!.. Не надо мнѣ твоей сказки... Не хочу я!..

Она подняла голову. Она остановила на мнѣ большие неподвижные глаза, изъ которыхъ бѣжали слезы, и стиснувъ мои руки въ своихъ холодныхъ ручкахъ, начала шептать страстнымъ, дрожащимъ шепотомъ:

„И прилетѣла птица Бугуръ — Красивая птица. Крылья ея блестятъ какъ рубины, ея грудь—багряная заря надъ долиной Джаннара. И сердце Калимы потянулось все къ птицѣ Бугуру. Вѣчному слава!

„И клюнула птица Бугуръ Калиму въ самую середину цвѣтка, въ сердцевину стебля, клюнула въ ея горячее сердце... И облетѣли лепестки, и выступила алая кровь Калимы, и взялъ ее духъ злой Кришну, чтобы мучить ее 10 вѣковъ. Свершилась воля судебъ! Вѣчному слава!“

Съ трудомъ проговоривъ это, она закрыла глаза и откинулась на спинку дивана. Дыханіе ея было коротко и неровно... Тяжело и быстро поднималась и опускалась ея грудь, и лицо ея было какъ у мертвой.

— Джемма! вскричалъ я. — Дорогая, родная моя! Неужели ты принесла себя въ жертву страсти? Неужели ты отдалась птицѣ Бугуру?..

XX.

Она ничего не отвѣчала, только еще сильнѣе сжала мои руки въ своихъ холодныхъ рукахъ. Дыханіе ея становилось медленнѣе. Она болѣе и болѣе блѣднѣла, и помню, я страшно боялся въ ту минуту, чтобы она не умерла.

Вдругъ все это какъ будто слетѣло съ нея. Она встрепенулась, вскочила съ дивана. Краска залила ей лицо. Она приставила палецъ къ губамъ и чуть слышно проговорила:

— Тише!.. Молчи!.. Онъ идетъ...

Я услышалъ тяжелые, но мягкіе шаги. Дверь отворилась. Портьера раздвинулась и появился Джамма Багавари. Онъ откинулъ портьеру, посмотрѣлъ пристально на насъ и медленною, торжественною походкой тихо подошелъ къ намъ.

Внезапное-ли появленіе его такъ сильно взволновало меня, неожиданный-ли испугъ Джеммы передался мнѣ, какъ передается паника, но я чувствовалъ, что я дрожу, какъ будто Багавари накрылъ меня и Джемму на какомъ-то преступленіи.

Онъ тихо подошелъ къ дивану, еще тише — гибкимъ и сильнымъ движеніемъ—сѣлъ на него и быстро поджалъ подъ себя ноги.

Затѣмъ такъ же медленно, величаво протянулъ длинныя руки, крѣпко, какъ тисками, взялъ этими руками меня за предплечія, безъ всякаго усилія, какъ ребенка, приподнялъ меня и прямо поставилъ противъ себя.

Затѣмъ устремилъ на меня сосредоточенный, глубокій взоръ своихъ свѣтлосѣрыхъ, бѣлесоватыхъ глазъ и тихо сказалъ мнѣ:

— Смотри на меня, мальчикъ! Только чистые сердцемъ могутъ смотрѣть прямо, открыто въ глаза всему міру, въ глаза Предвѣчнаго Духа, который обитаетъ въ сердцѣ каждаго человѣка.

Я силился смотрѣть прямо въ его глаза — и не могъ. Мнѣ казалось, что какой-то бѣлесоватый туманъ шелъ изъ нихъ, и этотъ тусклый туманъ страшно смущалъ меня. Я теперь былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ зналъ все, что онъ зналъ о передачѣ мной конфектъ и о запискѣ князя Б. къ Джеммѣ.

— Слушай, сынъ мой! Слушай внимательно слова мудрыхъ и лови ихъ какъ птицъ быстрокрылыхъ.

„Въ древнее время, у истоковъ священнаго Ганга, жилъ мудрый дервишъ Бэнъ-Арру Рагабиви. Вѣчному слава!

„Отъ зари до зари онъ не вкушалъ пищи и питья и стоялъ неподвижно, сложивъ руки на груди и добиваясь одного, чтобы великій Вишну внялъ мольбѣ его и ниспослалъ бы ему свѣтлую благодатную Аказу. Вѣчному слава!

„И сказалъ ему вѣчный Духъ: „Искупи грѣхъ твой юности, и снизойдетъ на тебя Аказа и прославитъ имя мое...“ Вѣчному слава!

„Господинъ“, сказалъ Бэнъ-Арру Рагабиви: — „я рабъ твой, я молюсь тебѣ уже 55 лѣтъ непрестанно. Сколько же я долженъ молиться, чтобы искупить единый грѣхъ моей юности? Развѣ этотъ грѣхъ не лежалъ въ святой волѣ твоей и не исполнилъ-ли я великой судьбы твоей?..“ Вѣчному слава!

„И сказалъ Духъ Великій: „Такъ, рабъ мой, ты исполнилъ волю мою. Но прежде всего ты исполнилъ твою волю собственную. Ты омрачилъ свободу Духа твоего грѣхомъ вожделѣнія.“ Вѣчному слава.

„И сказалъ Духъ Великій: „Я далъ человѣку высшее, далъ ему часть собственнаго духа, чтобы человѣкъ боролся съ вожделѣніями и желаніями его плоти, потому что я хочу, чтобы каждый человѣкъ былъ такъ-же крѣпокъ, какъ я“.—Вѣчному слава!

„И сказалъ Духъ Великій: „Многіе дѣлаютъ, не зная, что творятъ... И не вмѣнится имъ грѣхъ ихъ... Но горе человѣку, если онъ данную мною свободу отвергнетъ и совершитъ то, что лежитъ въ страстяхъ его. Ибо каждый имѣетъ очи духовныя и уши сердца своего и долженъ слушать первый толчокъ его, чтобы не впасть въ искушеніе и заблужденіе...“ Вѣчному слава!

„И сказалъ Духъ Великій: „Немощью воля человѣка растлѣвается... Бодростью и испытаніемъ возрастаетъ и укрѣпляется... И привлечетъ человѣкъ своею добродѣтельною крѣпостью благодатную Аказу... И будетъ надъ нимъ моя великая воля“. Вѣчному слава!

„О! Великій!“ сказалъ Бэнъ-Арру Рагабиви: „сколько-же я долженъ молиться тебѣ, чтобы искупить единый грѣхъ моей юности?“ И сказалъ Великій Духъ: „Сто милліоновъ лѣтъ и три года. Такъ начертано въ книгѣ судебъ, въ письменахъ свода небеснаго“. Вѣчному слава!

XXI.

„О, Великій!“ сказалъ Бэнъ-Арру: „Любовь сердца все превозмогаетъ. Сила ея необъятна, и слезы раскаянія смываютъ всякое преступленіе противъ твоей воли... Тебѣ Вѣчному слава!“

„И сказалъ Духъ Великій: „Не тебѣ мѣрять силу любви, которая лежитъ въ моемъ сердцѣ. Ибо у тебя нѣтъ средствъ измѣрить силу даже твоей собственной любви...“ Вѣчному слава!“

И въ то время, когда онъ тихо и торжественно говорилъ эту притчу, крѣпко держа меня въ его рукахъ, подлѣ меня на колѣняхъ стояла или, скорѣе, лежала Джемма, опустивъ голову на низкій диванъ.

Съ первыхъ словъ Багавари, съ первыхъ звуковъ его глубокаго сердечнаго голоса, она опустилась, упала на подушки и заплакала.

Нѣсколько разъ я порывался освободиться отъ крѣпкихъ желѣзныхъ тисковъ Багавари, но еще крѣпче и больнѣе сжимали меня его руки. А Джемма стонала и билась, и мѣрно, глухо говорилъ надъ ней голосъ Багавари, точно читалъ надъ ней заклинанія.

Кончилъ онъ и быстро всталъ съ дивана. Онъ выпустилъ одну изъ моихъ рукъ, но крѣпко держалъ за другую руку и пошелъ вмѣстѣ со мной вонъ изъ комнаты.

Но не дошелъ онъ до двери, какъ раздался громкій отчаянный стонъ Джеммы. Онъ обернулся. Она ползла къ нему на колѣняхъ. Она о чемъ-то молила, чего нельзя было разобрать за ея стонами и рыданіями.

Онъ медленно, величаво, какъ бронзовая статуя, обернулся къ ней и, протянувъ къ ней руки, проговорилъ громко и отчетливо:

— Сто милліоновъ лѣтъ и три года!

И затѣмъ быстро увлекъ меня изъ комнаты. Большими шагами, нигдѣ не останавливаясь, онъ привелъ меня къ Баградже и, проговоривъ ему что-то на ходу для меня непонятное, вывелъ меня въ переднюю комнату, и, выпустивъ мою руку, проговорилъ что-то стоящимъ индійцамъ, а затѣмъ, оставивъ меня, быстро удалился.

Индійцы тотчасъ-же бросились на меня и начали одѣвать какъ мумію. Затѣмъ одинъ изъ нихъ, высокій и статный, взялъ меня, какъ куклу, на руки и, несмотря на мое сопротивленіе и отчаянный протестъ, вынесъ вонъ, въ сѣни.

Я не помню, какъ я добрался домой. Помню только, что голова моя кружилась, въ ушахъ раздавались стоны Джеммы. Сердце мое надрывалось отъ жалости.

Я пришелъ больной, въ слезахъ. Отъ меня ничего не могли добиться, никакого объясненія. Видѣли только, что со мной ознобъ, что я дрожу, какъ въ лихорадкѣ, а голова моя горитъ. Къ вечеру опять открылся жестокій бредъ, и я потерялъ сознаніе.

Не помню, сколько продолжалось это состояніе. Помню только, что ко мнѣ привозили какихъ-то черезчуръ знаменитыхъ докторовъ, и всѣ они, какъ мнѣ потомъ разсказывали, въ одинъ голосъ объявили мое состояніе безнадежнымъ.

Съ праздникомъ! Ориг. рис. придв. худ. **М. Зичи** (исключ. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „**Нивѣ**“), грав. Ангереръ.

Черезъ шесть минутъ—Новый Годъ! Карт. М. Вокеръ, грав. Науманъ.

Но, къ счастью или несчастью, я обманулъ ихъ безнадежность. И мое тяжелое состояніе опять исчезло такъ-же быстро, какъ и прилетѣло. Я только поплатился моими волосами, которые мнѣ обрили, и лежаніемъ въ постели болѣе мѣсяца.

Помню только, что въ концѣ этого мѣсяца, когда ко мнѣ начали являться робкіе проблески сознанія, опять первое, что представлялось мнѣ, была Джемма. Я положительно любилъ ее больше, сильнѣе, чѣмъ ея возлюбленный, князь Б. И я теперь понимаю, отчего это происходило. Оттого, что въ ней, въ Джеммѣ, я въ первый разъ въ моей жизни встрѣтилъ глубокую, безотчетную привязанность ко мнѣ и горячую ласку, и мое дѣтское или юношеское сердце все отдалось этому теплому первому призыву.

Мнѣ запретили не только думать, но даже говорить объ ней. Но, разумѣется, мои мысли были не во власти тѣхъ, кто думалъ, что имѣетъ надо мной полную власть. Мой духъ, моя воля оставались, какъ и всегда, свободны.

Многіе скажутъ, что это не была свобода; напротивъ, подчиненіе сильно овладѣвшей мною привязанности. Я не буду спорить. Скажу только, что я не сомнѣвался тогда и не сомнѣваюсь теперь, что я дѣйствовалъ настолько свободно отъ всѣхъ меня окружающихъ и вліяющихъ обстоятельствъ, настолько сильно и разумно, что дай Богъ каждому человѣку распоряжаться такъ-же независимо своей волей, своимъ *я*.

XXII.

Прежде всего я ясно сознавалъ, что мнѣ нельзя думать объ Джеммѣ, не потому, что это было запрещено, или что отъ этого возвращалось мое болѣзненное состояніе. Я нѣсколько разъ пробовалъ свою мозговую машину и свои сердечныя отношенія. Я спрашивалъ себя: „что-же будетъ, если Джемма умретъ?“ И при этой мысли слезы подступили къ горлу и туманили голову. Для меня тогда стало ясно до очевидности, что думать о смерти Джеммы мнѣ нельзя, что отъ этого я прихожу въ неправильное, не свободное состояніе, и что голова моя тогда покрывается туманомъ.

Нѣсколько разъ я спрашивалъ себя: „да почему-же я не могу не думать о Джеммѣ? не связана-ли здѣсь моя воля тѣмъ, что я не могу думать ни о чемъ другомъ, кромѣ Джеммы“. Я старался принудить себя думать о тѣхъ шахматныхъ играхъ, которыя меня такъ сильно занимали нѣсколько недѣль тому назадъ, объ той игрѣ, которую разъигралъ Багараджа въ нашемъ домѣ.

Но все это не то. На днѣ моей души, въ самой глубокой глубинѣ моего сердца лежало что-то заслонявшее передо мной всѣ другіе интересы.

И я подумалъ тогда: „Если это, т. е. моя любовь къ Джеммѣ, есть что нибудь доброе, то пусть оно и лежитъ тамъ, на днѣ моего сердца. И если у человѣка вмѣсто этой любви лежитъ на днѣ сердца любовь къ Богу, и всѣ его стремленія влекутъ его неудержимо къ благу, то это именно и есть нормальное состояніе человѣка, при которомъ воля его совершенно свободна“.

„Онъ благъ“, думалъ я, „этотъ Всемогущій и Благой, этотъ нашъ Вишну, и пусть будетъ во всемъ Его воля“. И помню, мнѣ такъ было хорошо, легко и свободно съ этой дѣтской вѣрой въ Его благость и всемогущество, что я ходилъ почти цѣлый день въ какомъ-то восторженномъ состояніи и вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ, какимъ образомъ увидать Джемму. И въ то же время я чувствовалъ, что самая мысль о томъ, что я ее могу увидать, заставляла сильнѣе биться мое сердце.

„Вотъ что!“ подумалъ я: „я выпрошусь къ Семену Никитичу и поговорю съ нимъ. Что онъ скажетъ?“

Меня безъ особеннаго труда отпустили къ нему. Правда, отецъ возражалъ и уговаривалъ меня остаться. „Вѣдь, онъ непремѣнно придетъ сегодня вечеромъ къ намъ“, говорилъ онъ. „Неужели ты не можешь твое желаніе или дѣло отложить до вечера?“

Но именно этого я не могъ сдѣлать, потому что вечеромъ меня ни за что не пустятъ туда, къ Джеммѣ.

Мать упрашивала меня не ходить, предлагала послать человѣка за Семеномъ Никитичемъ.

Но здѣсь на помощь мнѣ явилось мое упрямство и преодолѣло благоразуміе. Правда, я утѣшалъ себя мыслью, что я все-таки свободенъ, что я могу сейчасъ-же (какъ это мнѣ ни больно) отказаться отъ моего желанія идти къ Семену Никитичу и даже отъ желанія видѣть Джемму. Я вполнѣ свободенъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я весьма поспѣшно собирался, торопилъ, чтобы меня одѣвали, и тогда только вздохнулъ свободно, когда я очутился на улицѣ.

Я теперь понимаю, что причиной тому, что меня такъ легко отпустили, былъ совѣтъ докторовъ по возможности не препятствовать исполненію моихъ сильныхъ желаній. Но мама моя не хотѣла меня отпустить иначе, какъ въ сопровожденіи Якова, которому строго наказали, чтобы онъ проводилъ меня къ Семену Никитичу и затѣмъ назадъ домой.

„Вотъ это“, думалъ я, „дѣйствительно стѣсненіе воли и полное лишеніе свободы“.

Семена Никитича я не засталъ дома. Онъ былъ тамъ, у „индійцевъ“. Эта неудача меня сильно отуманила, и я сказалъ Якову, что я буду ждать здѣсь его возвращенія, и что онъ можетъ идти домой. Но Яковъ возразилъ, что ему велѣно проводить меня обратно домой, и что онъ также будетъ сидѣть и ждать. Къ счастью, онъ отправился ждать въ людскую, а на меня напало такое страстное желаніе увидать Джемму и Семена Никитича, что я, уже не разсуждая о томъ, хорошо ли я поступаю или нѣтъ, тотчасъ-же на цыпочкахъ ушелъ въ переднюю и какъ можно тише, безъ шума, крадучись, одѣлся, тихонько отперъ двери и очутился на улицѣ. День былъ теплый, но пасмурный, и я вполнѣ сознавалъ, что я теперь свободенъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я также сознавалъ, что дѣйствую неправильно и отдаюсь порыву того, что было моимъ собственнымъ желаніемъ или страстью.

Признаюсь, что эта борьба для меня, еще не совсѣмъ оправившагося отъ болѣзни, была весьма тяжела и, выйдя на улицу, я почти бѣгомъ бросился къ Демуту.

XXIII.

Войдя въ сѣни гостинницы съ полной радостью и нетерпѣніемъ скорѣе увидать Джемму, я былъ непріятно изумленъ какою-то небывалою суетней. Слуги поспѣшно бѣгали, на лету передавали другъ другу какія-то приказанія. Между ними замѣшалось нѣсколько сипаевъ.

Когда я взошелъ по лѣстницѣ и подходилъ уже къ №№, занимаемымъ индійцами, одинъ коридорный остановилъ меня.

— Вы, вѣрно, къ нимъ? спросилъ онъ. — Позвольте, теперь такъ нельзя... Надо доложить. Я сейчасъ; побудьте здѣсь.

И онъ торопливо юркнулъ въ №.

„Когда ждешь, то время тянется, какъ черепаха“, говорятъ индійцы. И справедливость этого мнѣ довелось испытать теперь.

Мнѣ кажется, прошло по крайней мѣрѣ полчаса прежде, чѣмъ снова явился тотъ-же коридорный.

— Пожалуйте! сказалъ онъ. — Только не шумите очень... У нихъ, вѣдь, несчастье случилось... Барышня-то сегодня умерла... Принцесса... Княжна Тмутараканская...

Не дослушавъ его, я ринулся, какъ сумасшедшій, въ комнаты. Я до сихъ поръ не понимаю, что тогда произошло со мной при этомъ извѣстіи, и вообще что случилось потомъ во все это утро.

Я не чувствовалъ ни ужаса, ни горя. Во мнѣ все какъ будто окаменѣло послѣ сильнаго удара, который поразилъ меня прямо въ сердце.

Я вошелъ къ Багараджѣ. Онъ такъ же неизмѣнно сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, и такъ-же неизмѣнно стояли возлѣ него голые сипаи-тѣлохранители. Все какъ будто было попрежнему.

Я сказалъ ему обычное привѣтствіе, и онъ мнѣ отвѣтилъ такъ-же. Я спросилъ его, могу-ли я идти къ Джеммѣ. Онъ сказалъ:

— Да благословенъ будетъ твой приходъ. Иди легкими стопами.

Я пошелъ, не слыша подъ собой мягкихъ ковровъ, и не чувствовалъ, какъ прошелъ двѣ, три комнаты, и очутился передъ дверьми дорогой для меня комнаты.

Я постучалъ, подождалъ, сердце сильно билось во мнѣ. Наконецъ, я отворилъ двери, распахнулъ портьеры, и непривычный для этой комнаты свѣтъ ослѣпилъ меня. Всѣ окна были открыты.

Въ комнатѣ никого не было. Только по срединѣ ея, на невысокомъ катафалкѣ, покрытомъ ярко желтою, шелковою тканью, лежала Джемма.

Я подошелъ къ катафалку. Лицо ея было прикрыто чѣмъ-то въ родѣ розовой кисеи, и подъ этой кисеей оно не казалось мертвенно блѣднымъ, но розовымъ, жизненнымъ. На немъ былъ точно испугъ или изумленіе, даже губы были слегка полуоткрыты.

Я стоялъ и качался. Голова кружилась. Кругомъ была мертвая тишина. Я вспоминалъ ея сказку.

„На берегу моря Гіэтала, въ роскошномъ лѣсу Каллабара расцвѣла розовая Калима“...

„И прилетѣла птица Бугуръ—Красивая птица“...

„И клюнула птица Бугуръ Калиму въ самую середину цвѣтка, клюнула въ горячее сердце, и выступила алая кровь Калимы, и взялъ ее духъ злой Кришну, чтобы мучить ее... Свершилась воля судебъ!.. Вѣчному слава!...“

И вдругъ, въ эту самую минуту изъ темнаго угла направо раздался глухой ровный голосъ и повторилъ то самое, что я вспомнилъ... Онъ сказалъ:

— Свершилась воля Судебъ!.. Вѣчному слава!

Я быстро обернулся и посмотрѣлъ въ этотъ уголъ. Тамъ сидѣлъ Джамма Багавари.

Я тихо, весь дрожа, подошелъ къ нему и сказалъ ему индійское привѣтствіе. Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ взялъ меня обѣими руками за предплечія и, держа на воздухѣ, проговорилъ ровнымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Воля судьбы неизмѣнна!.. Каждое злое дѣло само себя караетъ... Такова воля премудраго Вишну!..

И, проговоривъ это, онъ опустилъ меня на полъ и прибавилъ громко грознымъ повелительнымъ тономъ:

— Иди! Не смущай сна смерти!

Я бросился вонъ изъ комнаты. Я чувствовалъ, что я упаду въ обморокъ, если останусь въ ней хотя одну секунду. Я пробѣжалъ бѣгомъ, не помня себя, весь рядъ комнатъ, пробѣжалъ мимо Багараджи, выбѣжалъ на лѣстницу, въ сѣни и, не одѣваясь, бросился на улицу. Я опомнился только дома. Мнѣ кажется, я бѣжалъ, не останавливаясь, всю дорогу.

Передо мной въ моемъ представленіи неотступно стоялъ темный образъ бѣлобородаго индійца и розовый образъ Джеммы-Калимы.

Дома я бросился на постель. Я не могъ ни слова выговорить и не отвѣчалъ ничего на вопросы.

Что творилось, что совершалось со мной,—не помню и не знаю. Я пришелъ въ себя только на третій день, очнулся среди чужихъ полей, въ маль-постѣ, подлѣ моей мамы. Меня увозили за границу.

XXIV.

. . . .

Къ этому дѣтскому воспоминанію мнѣ хочется прибавить еще нѣсколько словъ изъ разговора, который былъ не такъ давно, на этихъ дняхъ, въ одномъ quasi-серьезномъ кружкѣ.

Насъ было пятеро собесѣдниковъ. Мы разсуждали и спорили цѣлый вечеръ, разсуждали о томъ, что такое воля, и что такое свобода воли. Разсуждали о чемъ-то вовсе неразрѣшимомъ или трудно разрѣшимомъ, но что постоянно тяготитъ, мучитъ и волнуетъ современнаго человѣка. По поводу этого разговора въ моей памяти всплыли тѣ сцены изъ моего далекаго дѣтства, о которыхъ я сейчасъ разсказалъ.

Одинъ изъ собесѣдниковъ горячо отстаивалъ свободу совѣсти.

— Если совѣсть у меня развязана, говорилъ онъ, — то я дѣлаю, что хочу, и что мнѣ нравится, а разумѣется, мнѣ прежде всего должна нравиться правильно устроенная общественная жизнь.

— Вотъ это-то мнѣ и странно, перебивалъ его другой собесѣдникъ,—что вы требуете свободы, полной свободы совѣсти и въ то же время говорите, что вамъ что-то *должно* нравиться. Если *должно*, то уже тутъ нѣтъ свободы, а есть принужденіе и обязательство.

— Позвольте, господа, вмѣшался третій собесѣдникъ, — вы вотъ все обсуждаете свободу совѣсти... А позвольте васъ спросить, что такое эта пресловутая совѣсть?

Но на этотъ вопросъ собесѣдникъ не удостоилъ отвѣтомъ; онъ только мотнулъ головой кверху, какъ будто говоря: „Ну! вотъ нашелъ еще вопросъ! Это ужь давно рѣшенное дѣло".

Но совопросникъ не удовлетворился этимъ мотаньемъ головы и снова присталъ со своимъ вопросомъ.

— Нѣтъ! Позвольте, Павелъ Николаевичъ, настаивалъ онъ,— положимъ, это можно... такъ.. пренебрежительно... А я предлагаю серьезно и основательно... Мы, вотъ, приклеимъ къ какой-нибудь вещи ярлыкъ: назовемъ ее совѣстью и сдадимъ въ архивъ. Нѣтъ-съ! Такъ нельзя!.. Я, вотъ, господа, утверждаю, что совѣсти нѣтъ. Да-съ! Совѣсть—фикція!

— Ка-а-къ! вскричали всѣ собесѣдники, а одинъ даже прибавилъ: „Это парадоксъ!"

— Нѣтъ-съ! Не парадоксъ, а фикція! Вы разберите основательно психо-физіологически и увидите, что для совѣсти никакого и органа-то не полагается. Совѣсть это складъ, комплексъ всего того, что выработано, что сложилось или вложено наслѣдственностью. Совѣсть—это цѣлый характеръ. Это чувство неопредѣленное, широкое, въ которомъ весь человѣкъ, и которое тянетъ его одесную или ошую, сообразно вѣку, націи, образованію и пр. и пр.

— Ну-съ! вскричалъ первый собесѣдникъ,—развѣ это новость, что вы проповѣдуете?!..

— Никакой тутъ новости нѣтъ, отвѣтилъ совопросникъ,—я только хочу указать, что вопросъ о такой сложной вещи, какъ совѣсть, нельзя рѣшать себѣ такъ, огуломъ; а съ другой стороны хочу показать, что основаніе всему есть общественность, альтруизмъ. Это положительная, правая, бѣлая сторона дѣла, а другая сторона, отрицательная, темная, лѣвая — это антиобщественность. И весь вопросъ въ томъ, какъ характеръ человѣка, его вкусы и наклонности относятся къ этимъ сторонамъ. Если его тянетъ вправо, то и хорошо, и онъ не чувствуетъ никакого насилія или принужденія своей совѣсти... А если его тянетъ влѣво, то ужь тутъ и начинается борьба... Да-съ! Вотъ тутъ и выдумали и изобрѣли свободу и стѣсненіе совѣсти, да кстати сочинили и самую совѣсть... По пути!.. Ты, говоритъ, безсовѣстный, а ты, говоритъ, добросовѣстный... Нѣтъ-съ!.. Это все фикція, и только...

— Постойте, Сергѣй Петровичъ, вмѣшался четвертый собесѣдникъ.— Вопросъ здѣсь вовсе не о свободѣ совѣсти, а вообще о личной свободѣ человѣка, вопросъ идетъ о свободѣ воли. Отвѣтственъ ли человѣкъ за свои поступки, если къ этимъ поступкамъ принуждаютъ его характеръ, обстоятельства, общественное положеніе и т. п.?

— Отвѣтственъ... разумѣется, отвѣтственъ.

— Да какъ же отвѣтственъ, когда онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чего-то, что выше и сильнѣе его воли, подъ вліяніемъ какого-нибудь аффекта?

— Вотъ, господа! вмѣшался опять совопросникъ,—какъ видите, все дѣло сводится къ критеріуму, а этотъ критеріумъ именно то, что я вамъ указалъ, т. е. общественность... Къ ней долженъ примѣнять, съ ней долженъ согласовать каждый человѣкъ всѣ свои поступки. Замѣтьте, это *долженъ* и *обязанъ*. Слѣдовательно, если есть здѣсь принужденіе, то оно идетъ отъ его собственной воли. Насколько она сильна, настолько онъ и борется и распоряжается. И всегда онъ это долженъ имѣть въ виду; да-съ!

— Что же это, спросилъ насмѣшливо первый собесѣдникъ,— fais ce que tu dois, adviens ce que pourras?

— Да-съ! fais ce que tu *dois*... Вотъ въ этомъ-то и весь вопросъ, сказалъ совопросникъ, напирая на слово *dois*...

— А если за это dois я долженъ потерять все: семью, жену, друга...

— И потеряете!.. Если захотите поступить правильно.

— А если не захочу?

— Ну! На это у васъ есть свобода воли. Поступайте какъ хотите.

— Позвольте... Да я поступаю правильно... А судьба мнѣ всякія пакости дѣлаетъ... уноситъ у меня жену, семью... разоряетъ меня въ конецъ... Что же, я долженъ покоряться и говорить, что противъ судьбы ничего не подѣлаешь?

— Да-съ, должны покоряться!.. Потому что судьба тотъ же медвѣдь, который сейчасъ же сломитъ васъ, если вы захотите барахтаться съ нимъ.

— Здѣсь, господа, позвольте вамъ замѣтить, является вопросъ только о продолжительности борьбы... Въ концѣ концовъ Орамуздъ всегда побѣдитъ...

— Нѣтъ-съ! Вы не о томъ говорите, Павелъ Николаевичъ... Кто побѣдитъ, этого мы не знаемъ. А вотъ вы мнѣ скажите, отчего мы пѣшки, въ которыя играетъ судьба?

— Ну! это въ концѣ концовъ разъяснится... Все разъяснится... Это только вопросъ времени... Смиритесь и ждите терпѣливо.

— А если я умру, не дождавшись?

— Ну, тогда узнаетъ это человѣчество... Все для общаго и Единаго и ничего для личнаго и единичнаго... Таковъ законъ міра!...

Праздникъ Николая Демьяновича.

Рождественскій разсказъ князя **М. Н. Волконскаго.**

Очередь разсказывать остановилась на Иванѣ Семеновичѣ. Мы всѣ, собравшись въ праздничный день, занялись тѣмъ, что каждый передавалъ какой-нибудь слышанный фактъ или исторію. Бывшій тутъ, между нами, литераторъ разсказалъ даже цѣлую фантазію, очевидно тутъ-же имъ сочиненную, про двухъ ангеловъ въ безконечномъ пространствѣ, и хотя изъ его ангеловъ ничего путнаго не вышло, тѣмъ не менѣе его все-таки одобрили, потому что „фантазія" подходила къ праздничному, рождественскому настроенію, а это было все что нужно...

— Лѣтъ десять тому назадъ въ одномъ министерствѣ... (такъ началъ свой разсказъ Иванъ Семеновичъ, и всѣмъ стало ясно что это было то самое министерство, въ которомъ онъ служилъ самъ) сидѣлъ за своимъ столикомъ у печки маленькій чиновникъ, старикъ Безналовъ. Жалованье онъ получалъ незначительное, способностей большихъ не имѣлъ, но отличался аккуратностью, приходилъ на службу раньше всѣхъ и все что бывало ни поручатъ ему — исполнялъ съ поразительной точностью. Придетъ бывало и вѣчно сидитъ у своего столика, согнувъ въ дугу и безъ того уже сгорбленную спину и склонивъ надъ бумагами полысѣвшую, сѣдую голову. Компаніи онъ ни съ кѣмъ не водилъ. Разговаривалъ мало.

— Высохъ нашъ Безналовъ, высохъ совсѣмъ—теперь его ничѣмъ не проберешь... говорили про него окружающіе чиновники. И дѣйствительно, если поглядѣть со стороны на Безналова—то казалось всякое душевное волненіе было чуждо ему. Чиновникъ какъ чиновникъ, съ бакенбардами и больше ничего... ни радостей, ни горя никогда не было замѣтно въ его неизмѣнно тупо и упорно-терпѣливомъ выраженіи... Какія у него домашнія, семейныя отношенія—тоже никто не зналъ... И вдругъ въ одинъ день не выдержалъ онъ—весь показался...

Это было въ послѣдній присутственный день передъ праздниками. Раздавали награды. Всѣ были веселы и оживлены. Прохожу я изъ казначейской по канцеляріи и вижу, что Безналовъ сидитъ себѣ по обыкновенію у своего стола и что-то ниже, чѣмъ всегда, опустилъ голову надъ бумагами.

Меня точно толкнуло что—дай, думаю, подойду. И подошелъ...

— Что-жь, спрашиваю,—Николай Демьяновичъ (его Николаемъ Демьяновичемъ звали), наградныя не идете получать?

Онъ поднялъ на меня глаза да такъ поглядѣлъ, словно слѣдователь при допросѣ..

— А вамъ, говоритъ, что за дѣло? и снова уткнулся писать. Я понять не могъ, что съ нимъ такое приключилось. Постоянно вѣжливый, ровный, Николай Демьяновичъ никогда и никому не отвѣчалъ такъ грубо... Пожалъ я плечами и отошелъ...

Только ужъ въ концѣ присутствія, онъ самъ ко мнѣ подходитъ:

— Не взыщите съ меня, проситъ,—я не хотѣлъ обидѣть васъ...

Я его успокоилъ, что нисколько не обиженъ, и вижу, что нижняя челюсть что-то у него на мѣсто попасть не можетъ...

— Николай Демьянычъ, спрашиваю,—да вы никакъ нездоровы, что съ вами?..

Онъ вдругъ сверкнулъ глазами и дрогнулъ весь:

— Нѣтъ-съ, здоровъ я совсѣмъ, а только скажите пожалуйста: развѣ съ бѣднымъ человѣкомъ можно поступать такъ?—изволите знать Тараева, помощника дѣлопроизводителя? (Тараевъ былъ молодой человѣкъ довольно безпутный) Христомъ Богомъ просилъ меня поручиться за него—честное слово давалъ, что заплатитъ, и вдругъ теперь, что-жъ?—и наградныя, и часть жалованья вычли у меня въ счетъ его долга... и вѣрите-ли, вотъ безъ гроша къ празднику сижу—да вѣдь не я одинъ—внучата у меня сироты—какъ я къ нимъ приду? Старшая пойметъ—ей пятнадцать лѣтъ; ну а маленькимъ-то, что я скажу въ такой праздникъ, когда всякая душа христіанская калачика проситъ?..

Положеніе Безпалова было на самомъ дѣлѣ еще хуже, чѣмъ онъ думалъ, потому что расчетъ на Тараева казался весьма сомнительнымъ. Тараевъ былъ весь въ долгахъ и едва-ли могъ заплатить когда-нибудь Николаю Демьяновичу.

Но я, разумѣется, не сталъ объяснять ему этого. Жаль мнѣ стало старика... Я вынулъ бумажникъ, чтобы предложить ему взаймы хоть сколько-нибудь, дескать потомъ сосчитаемся...

Онъ сконфузился, покраснѣлъ весь.

— Полноте, говоритъ,—я вовсе не для этого разсказывалъ—извините, что я обезпокоилъ...

И ушелъ...

Уйти-то отъ меня онъ ушелъ, а у самого сердце словно кусокъ льду въ груди застыло. Безъ денегъ домой ему къ себѣ, на Петербургскую сторону, никакъ придти нельзя. Мало того, что праздникъ не чѣмъ встрѣтить, а еще нужно въ лавочку и за квартиру платить. Квартирная хозяйка безпремѣнно наказала, чтобы долгъ ей къ празднику отдать...

Безпаловъ вернулся домой поздно. Старшая внучка, Катя, принесла ему обѣдъ, который сама готовила, и боится спросить про деньги, потому что видитъ ужъ, что дѣдушка пришелъ самъ не свой. Ходитъ она около и только испытующе смотритъ. Николай Демьяновичъ ѣстъ молча. Наконецъ Катя не выдержала.

— Дѣда, говоритъ,—а ты деньги принесъ?

Николай Демьяновичъ насупился.

— Мнѣ хозяйка, продолжаетъ Катя,—сегодня утромъ сказала, что къ мировому подастъ если не заплатимъ ей...

Въ это время маленькая внучка выскочила откуда-то изъ угла и взобралась къ дѣду на колѣни: Такое у нихъ положеніе было, что какъ Николай Демьяновичъ вернется со службы, поѣстъ, такъ она къ нему садится и требуетъ разсказовъ...

На этотъ разъ дѣвочка съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждала этой минуты. Ей было самой что разсказать дѣду.

— Слушай, дѣда, начала она, — я сегодня во снѣ маму видѣла... Добрая она... и свѣтлая такая—знаешь такая свѣтлая, что прозрачная точно... Я ее никогда такою не видѣла... и вотъ приходитъ онъ и говоритъ, т. е. не говоритъ, а только я понимаю... что у насъ ёлка будетъ... такая ёлка, какой никогда не было...

Николай Демьяновичъ слушаетъ внучку, а у самого слезы на глазахъ. Онъ уже когда вошелъ, то замѣтилъ, какъ дѣвочка таинственно посматривала на него—не принесъ-ли онъ свертки съ подарками и не внесутъ-ли за нимъ ёлку...

— Ты что-же это, дѣда, плачешь, маму тебѣ жаль? А мнѣ вотъ сегодня ночью, когда я ее видѣла, нисколько жаль не было—такая она радостная была, какъ мѣсяцъ свѣтлый... подошла она къ комоду и вынула она тетину шкатулку, а изъ шкатулки ёлка... да такая большая, большая... и свѣчи на ней, и все...

— Полно, Леля, перебила ее старшая сестра,—не надоѣдай... ты видишь не до тебя совсѣмъ...

— Да я вовсе не надоѣдаю, обидѣлась Леля.

Входная дверь стукнула и отворилась.

— Миръ вамъ—и я къ вамъ, раздался оттуда голосъ квартирной хозяйки.—Николай Демьяновичъ, деньги принесли?

Безпаловъ поднялся ей на встрѣчу.

— Нѣтъ, не принесъ, Анна Семеновна...

Анна Семеновна такъ и остановилась, какъ громомъ пораженная.

— Какъ-же это такъ?.

Николай Демьяновичъ молчалъ.

— Завтра, что-ли, отдадите?

— И завтра не отдамъ...

— Да что-жъ вы это шутить, что-ли. со мной выдумали? Я васъ считала за солиднаго человѣка, а оказывается вы не лучше всякаго бонвивана какого-нибудь, прости Господи...

Очевидно для нея „бонвиванъ“ было чѣмъ-то очень срамнымъ... И пошла, и пошла... тутъ всего было: и мировой, и собственная слабость, и безпомощность, и просьба немедленно искать квартиру другую... И сказавъ наконецъ, что это ея послѣднее слово, Анна Семеновна ушла, хлопнувъ дверью, и за стѣной долго потомъ еще слышалось, какъ она кидала въ сердцахъ кастрюли и сковороды...

Николай Демьяновичъ сѣлъ къ столу и закрылъ лицо руками...

Единственная надежда теперь оставалась на шкатулку, которую видѣла сегодня во снѣ Леля. Эта шкатулка, розоваго, дорогаго дерева, съ инкрустаціями, досталась дѣтямъ отъ умершей тетки его покойнаго зятя и составляла единственную цѣнность въ семьѣ... По крайней мѣрѣ Николай Демьяновичъ хранилъ ее въ комодѣ, какъ нѣкоторое сокровище, и въ исключительныхъ случаяхъ показывалъ ее внучкамъ. Кто-то изъ знакомыхъ тоже подтвердилъ разъ, что эта шкатулка очень дорогая, и Николай Демьяновичъ съ большою гордостью выслушивалъ эти подтвержденія, съ видомъ, что онъ и самъ это знаетъ... Ему нѣсколько разъ даже приходило въ голову, что вдругъ эта шкатулка историческая и что въ такомъ случаѣ за нее могутъ дать какіе-нибудь любители цѣну гораздо болѣе дорогую, чѣмъ стоимость матеріала и работы. Случаи такіе бывали. Безпаловъ зналъ разсказъ про одного такого-же, какъ и онъ, чиновника, который вдругъ получилъ милліонъ франковъ въ Парижѣ за старинный китайскій сервизъ, бывшій у него. Николай Демьяновичъ все хотѣлъ показать свою шкатулку знающему человѣку, да откладывалъ какъ-то. Положимъ, и знающаго человѣка не находилось.

Разставаться со своею драгоцѣнностью Безпаловъ не хотѣлъ пока. Но онъ рѣшилъ отнести въ закладъ шкатулку, увѣренный, что во всякомъ случаѣ получитъ за нее сумму, которая позволитъ ему обернуться на время, а тотъ—Тараевъ—отдастъ ему и онъ выкупитъ залогъ..

Рѣшивъ это, Безпаловъ повеселѣлъ. Онъ придумалъ какой-то предлогъ, чтобы удалить Катю. Подкрался къ комоду, отперъ его, вынулъ шкатулку, завернулъ ее въ чистую скатерть и, стараясь, чтобы его не видѣли, вышелъ.

— Будетъ ёлка у васъ, будетъ... успокоилъ онъ Лёлю, попавшуюся ему въ сѣняхъ...

Николай Демьяновичъ торопился со своею ношей по улицѣ, чтобы застать ростовщика, единственно боясь, чтобы тотъ не закрылъ сегодня своихъ операцій раньше обыкновеннаго.

Оказалось однако, что еврей-ростовщикъ, занимавшійся тайно своимъ промысломъ—передъ праздникомъ, напротивъ, цѣлый день съ утра до поздняго вечера „принималъ“ своихъ кліентовъ.

Еврей оглядѣлъ Безпалова, незнакомаго ему, съ ногъ до головы, и замѣтивъ изъ-подъ распахнутой шинели его вицъ-мундиръ, почувствовалъ видимо къ нему уваженіе...

— Серебро? мягко и ласково спросилъ онъ, показывая на узелъ Николая Демьяновича...

Тотъ, чувствовавшій себя очень неловко, нѣсколько ободрился ласковымъ пріемомъ.

— Нѣтъ, просто шкатулка, отвѣтилъ онъ, развязывая скатерть.

Еврей поправилъ очки на носу и уже менѣе любезно относясь къ Безпалову, взялъ у него шкатулку и сталъ ее разглядывать... Онъ постукалъ въ дно, поднялъ крышку, попробовалъ замокъ, повернувъ нѣсколько разъ ключикъ, и опять постучалъ въ стѣнку...

„Сорокъ или тридцать...“ разсуждалъ между тѣмъ Николай Демьяновичъ, „что-жъ, можетъ и тридцать рублей дать... тогда кое-какъ можно обернуться... А вдругъ онъ узнаетъ настоящую ея цѣнность—можетъ быть въ Парижъ предложитъ послать?..“ и онъ по лицу ростовщика старался разгадать, что тотъ думаетъ въ эту минуту.

Еврей поднялъ голову и, отстранивъ отъ себя шкатулку, какъ будто не хотѣлъ болѣе заниматься ею, проговорилъ:

— Рупь!..

— Что-о? удивился Николай Демьяновичъ...

— Я говрю рупь получите за вещь, если желаете...

— Какъ рубль—за всю шкатулку?—За эту шкатулку рубль? повторялъ безпомощно Николай Демьяновичъ, чувствуя какъ сердце въ немъ снова холодѣетъ и ноги подкашиваются.—Да развѣ это мыслимо?—Вы посмотрите, вѣдь это-же старинная вещь... бронза, замочекъ, тутъ узоры изъ черепахи сдѣланы... Вы возьмите сколько можетъ стоить гребень черепаховый... а тутъ вѣдь узоры...

Безпаловъ не помнилъ уже что говорилъ. Въ глазахъ у него темнѣло...

— Ну хорошо, четвертакъ на проценты прибавлю... согласился еврей...

— Да какъ же четвертакъ... началъ было опять Николай Демьяновичъ...

— Ну, господинъ, не задерживайте, проходите, проходите—желаете рупь двадцать пять—больше не могу дать...

Моя елка. Ориг. рис. Перлъ, грав. Пястушкевичъ.

Безпаловъ схватилъ подъ мышку свою шкатулку, и забывая завернуть ее въ скатерть и держа эту скатерть въ сжатомъ кулакѣ, пошелъ домой, шатаясь, какъ пьяный...

Какъ онъ шелъ по улицѣ, какъ вернулся домой, и что потомъ было—Безпаловъ не зналъ. Онъ помнилъ только, что кажется отказался отъ чаю, который предлагала ему Катя, и очень скоро легъ въ постель...

Пламя керосиновой лампы, горѣвшей по ту сторону ситцевой перегородки, за которой лежалъ Николай Демьяновичъ—было очень красно и словно пожаромъ обдавало своимъ свѣтомъ комнату. Въ виски стучало. Передъ глазами мелькали черепаховые гребешки и мерцалъ блѣдный, совсѣмъ прозрачный лучъ мѣсяца.

На утро онъ проснулся съ тяжелой, отуманенной головой, безъ всякаго сознанія времени, и не зная, хоть приблизительно, который часъ,—рѣшилъ, что очень поздно... На дворѣ стоялъ день.

За перегородкой шевелился кто-то. Безпаловъ притаилъ дыханіе, прислушиваясь... Это были маленькіе шажки Лели, которая на цыпочкахъ пробиралась черезъ комнату. Потомъ она стала куда-то карабкаться...

И вдругъ въ комнатѣ раздался страшный стукъ, трескъ, точно упало что-то съ высоты, и затѣмъ отчаянный, неистовый крикъ Лели...

Николай Демьяновичъ вскочилъ, какъ сумасшедшій, накинулъ на себя халатъ и распахнулъ занавѣску. Леля, дрожа отъ испуга и заливаясь не своимъ голосомъ, стояла на стулѣ, возлѣ комода, а на полу лежала разбитая, уроненная ею шкатулка, которую Безпаловъ забылъ вчера запереть въ ящикъ и оставилъ на комодѣ.

— Я... дѣда... силилась выговорить сквозь плачъ Леля всхлипывая,—я не виновата... она сама упала — я только потянула посмотрѣть...

Дѣвочка была такъ испугана, что Безпаловъ, забывъ уже о шкатулкѣ, сталъ успокаивать ее...

Катя прибѣжала изъ кухни, дала сестрѣ воды и тоже старалась унять ея испугъ...

Николай Демьяновичъ нагнулся, чтобы поднять шкатулку...

„Нагибаюсь я, разсказывалъ онъ потомъ,—и вдругъ вижу, что дно у нея отлетѣло и оказывается что оно двойное было и въ этомъ самомъ двойномъ днѣ—что бы вы думали—бумага лежитъ; секрета, какъ открывается, дна-то никто у насъ не зналъ—и тутъ вижу бумага — билетъ втораго внутренняго... я какъ примусь плакать... Господи, думаю—за что такое счастіе!.. просто слезъ не могу удержать... Катя отъ Лели ко мнѣ: „что вы, дѣда?"—„Да какъ-же, говорю, Катя, смотри, что въ шкатулкѣ-то было"... Побѣжалъ это я въ контору, извозчика взялъ... Стали тамъ просматривать не вышелъ-ли билетъ въ тиражъ — глядь, а его нумеръ, три года тому назадъ, семьдесятъ пять тысячъ выигралъ... Что тутъ было — меня чуть замертво не вынесли... Одно только помню, что елка у насъ въ тотъ годъ для Лелечки была всѣмъ елкамъ елка!.."

— Ну и что-жь, спросилъ кто-то Ивана Семеновича, когда онъ кончилъ,—этотъ Безпаловъ бросилъ службу вѣрно?..

— Запилъ должно-быть, рѣшилъ литераторъ.

— Нѣтъ, представьте себѣ, господа, возразилъ Иванъ Семеновичъ,—что не запилъ и службы не бросилъ... а продолжалъ сидѣть у своего столика у печки, и попрежнему пѣшкомъ на службу ходилъ, только съ Петербургской стороны поближе переѣхалъ.

„Эти деньги—дѣтскія", говорилъ онъ, и не тратилъ изъ нихъ на себя буквально ни копѣйки...

Въ Виѳлеемъ.

А. Свѣчина (Стараго Паломника).

(Путевыя впечатлѣнія, воспоминанія, историческія замѣтки).

(Окончаніе).

III.

24 декабря, вечеръ и ночь.

Наружный видъ многихъ великолѣпныхъ сооруженій древняго христіанскаго міра на Востокѣ, какъ бы намѣренно, сокрытъ отъ взоровъ. Ая-Софія въ Стамбулѣ такъ застроена кругомъ неуклюжими зданіями, что надъ ними виднѣется одинъ знаменитый куполъ,—это чудо, предметъ удивленія даже современныхъ намъ строителей. Въ храмѣ Воскресенія Св. Града свободна только незначительная часть сѣверной стѣны отъ прилегающихъ зданій. И базилика Виѳлеемская застроена монастырями греческимъ и католическимъ такъ, что судить невозможно о ея размѣрахъ по наружному виду.

Храмъ, въ которомъ мы готовились провести часть ночи великаго христіанскаго праздника, воздвигнутъ усердіемъ Св. Константина и Елены въ IV вѣкѣ. Въ 333 году онъ уже былъ оконченъ. Блескъ и богатство его украшеній описывались современниками какъ нѣчто сказочное, поражавшее взоры зрителя... А нынѣ? Нынѣ на Востокѣ полное отсутствіе заботъ о благолѣпіи храмовъ. Упадокъ-ли истинной вѣры, взаимная-ли вражда инославныхъ духовенствъ—причиною? Что бы ни было, но жалкій видъ такихъ храмовъ, какъ Воскресенія въ Іерусалимѣ и Рождества Христова, есть печальное свидѣтельство въ глазахъ магометанъ, властвующихъ въ странѣ.

Въ Виѳлеемѣ сооруженіе Константина въ теченіе 15 вѣковъ сохранило первоначальныя очертанія болѣе всѣхъ храмовъ его эпохи. Это удостовѣряется авторитетами. По центральной оси, отъ востока къ западу, въ длину считалось 110 метровъ (болѣе 50 саж.), въ вышину до 10 саж. Оно состояло изъ: 1) большаго полукружія съ тремя абсидами надъ вертепомъ Рождества, 2) громадной базилики съ четырьмя рядами колоннъ коринѳскаго ордена, 3) крытаго портика и 4) открытаго атріума того же размѣра, какъ и великолѣпная колоннада. Теперь атріума не существуетъ; немощеный темный портикъ служитъ загономъ вьючнаго скота (!). Сообщеніе съ площадью—чрезъ низкое, желѣзнымъ притворомъ замыкаемое отверстіе. Но впечатлѣніе при входѣ въ грандіозную колоннаду не поддается перу. Пять пролетовъ между рядами колоннъ, величина, пропорціональность, изящество всѣхъ частей и линій—поражаетъ. Мысль невольно преклоняется предъ искусствомъ константиновскихъ зодчихъ. Именъ ихъ исторія не сохранила. На выбѣленныхъ мѣломъ стѣнахъ кой-гдѣ еще виднѣются черными пятнами остатки древней мозаики. Потолка или сводовъ нѣтъ. На капители сорока-восьми колоннъ упирается система стропилъ изъ такъ-называемаго каменнаго дуба, по мнѣнію иныхъ—изъ кедра ливанскаго. Восточное полукружіе отдѣлено отъ колоннады поперечною стѣною съ тремя проходами. Въ среднемъ абсидѣ—греческій алтарь за стариннымъ иконостасомъ съ позолоченною по дереву рѣзьбою мельчайшей, точно филигранной работы. Въ ширину иконостаса до поперечной стѣны возвышается мраморный помостъ. Онъ поднятъ надъ пещерою. Въ лѣвомъ (сѣверномъ) абсидѣ—алтарь армянъ. Съ обѣихъ сторонъ греческаго—спускъ въ пещеру. Тамъ въ полукруглой нишѣ, подъ мраморной доской престола, уставленнаго Св. иконами, лежитъ серебряная звѣзда, освѣщаемая множествомъ лампадъ. Кругомъ латинская надпись: „Здѣсь родился Іисусъ Христосъ". На мраморной доскѣ священнодѣйствуетъ только греческое духовенство, католики владѣютъ исключительно яслями въ другой боковой нишѣ. Въ углубленіи пещеры въ три ряда висятъ тяжеловѣсныя лампады древней чеканки. Стѣнки углубленія увѣшаны штофною драпировкой. О ней слышалъ я въ 1874 году, при посѣщеніи Виѳлеема, грустный разсказъ: въ то время произошла въ самомъ храмѣ рукопашная борьба между монашествующими греками и армянами. Лилась кровь; ружейными прикладами и пулями Св. иконы обращались въ щепы. Вскорѣ за тѣмъ греки замѣнили старую, обветшавшую драпировку на этихъ стѣнахъ новою. Армяне ночью сорвали ее, и повѣсили свою. Слѣдующею ночью греки отвѣчали тѣмъ же, заявляя на такое украшеніе свои права. Споръ дошелъ до свѣдѣнія султана. Чтобъ положить конецъ, Абдулъ-Азисъ велѣлъ уничтожить драпировки и прислалъ свою (!!) Съ той поры понынѣ отъ турецкаго караула день и ночь выставляется въ вертепѣ часовой. Изъ пещеры тѣснымъ подземнымъ коридоромъ проходятъ къ нишѣ, гдѣ Св. Іеронимъ переводилъ Библію, къ мѣсту, гдѣ сложены были кости, убіенныхъ Иродомъ, младенцевъ, и къ гробницамъ нѣкоторыхъ виѳлеемскихъ подвижниковъ. Подземелье это сообщается съ католическимъ костеломъ, смежнымъ съ южною стѣною Базилики.

Для посѣтителя палестинскій монастырь въ первыя минуты—загадка. Что онъ видитъ—не складывается съ его понятіемъ объ общежитіи монашеской братіи, по болѣе или менѣе строгому монастырскому уставу. Большинство здѣшнихъ монастырей прежде всего пристанище для богомольцевъ, родъ хана, каравань-сарая. Бѣдность церкви въ нѣкоторыхъ, даже въ большинствѣ, невообразимая. Близъ Іорданской долины въ Іудейскихъ горахъ я нашелъ въ монастырѣ Хозевита церковь безъ крыши, кой-какъ прикрытую древесными вѣтвями, птицы свободно въ ней летали и садились на престолъ; вмѣсто иконостаса—висѣла перегородка изъ стараго ситца; мѣстные образа—лубочное произведеніе московскихъ изографовъ на сѣрой бумагѣ, были приколоты къ ней булавками. Такимъ монастыремъ завѣдуетъ игуменъ, иногда архимандритъ. Іеромонахъ, рѣдко іеродіаконъ, два-три послушника для всякой черной работы по обители,—вотъ и весь персоналъ.

Громадный Виѳлеемскій монастырь непосредственно прилегаетъ къ Базиликѣ съ южной стороны... Постройка такъ своеобразна, что кажется лабиринтомъ. Слѣдуемъ за проводниками; минуя обширный сарай для животныхъ и сырой, грубо мощеный дворикъ, мы поднимаемся вдоль какой-то стѣны по крутой лѣстницѣ, сворачиваемъ на мостъ, перекинутый черезъ

дворикъ, идемъ по безконечнымъ галлереямъ, выше-выше, потомъ спускаемся двумя-тремя ступенями на крытую цистерну, мимо колокольнаго навѣса, мимо башенныхъ часовъ, опять входимъ по лѣстницѣ въ нѣсколько колѣнъ. Наконецъ мы въ верхней галлереѣ, гдѣ наши комнаты. Три обширныя, свѣтлыя, въ коврахъ, отведены консулу и состоящимъ при немъ. Мнѣ—рядомъ небольшая чистая келья съ роскошною, казалось, постелью и широкимъ диваномъ. Генерала пригласилъ къ себѣ консулъ, но жена его и больная барыня чуть не плачутъ. Ихъ комната съ легкою рѣшетчатою дверью на галлерею; къ нимъ свободно вторгается атмосферный воздухъ, а въ эту пору года по ночамъ термометръ спускается до 2—3° выше нуля. Уступаю имъ свою комнатку... Впрочемъ, спать намъ едва-ли придется.

Вечерня кончилась; слѣдуетъ сдѣлать визитъ Патріарху. По небольшой наружной площадкѣ съ парапетомъ, мы идемъ въ помѣщеніе Виѳлеемскаго митрополита. Изъ его передней опять тяжелая мраморная лѣстница, она ведетъ въ патріаршіе покои. За длинной, свѣтлой аванзалой, обширная пріемная съ широкими окнами на три стороны. На стѣнахъ портреты Государя Императора и Государыни Императрицы, Англійской королевы, Греческаго короля и — султана. Тутъ же картина осады Іерусалима Титомъ и его римскими легіонами, карта Палестины, карта Синая. Узнаемъ, что заутреня начнется въ 9 часовъ вечера, крестный ходъ, часы и обѣдня продлятся до солнечнаго восхода, т. е. до 6 часовъ; снисходя къ человѣческой слабости, Патріархъ проситъ отдыхать до 2-хъ, обѣщая прислать за нами передъ началомъ крестнаго хода. Самому же маститому и больному Іерарху предстоитъ девятичасовое молитвенное бдѣніе въ тяжеломъ облаченіи. Кто-то изъ насъ намекнулъ на необычайность постройки монастыря. „Вопросъ архитектурный, сказалъ Патріархъ, — вопросъ праздный. Молодой человѣкъ, мы не въ Европѣ. Отходя ко сну, вспомните на какомъ мѣстѣ находится это, не по вкусу европейскому, возведенное зданіе? Оно было въ наслѣдственномъ владѣніи Вооза, городскаго шейха (по-русски—городскаго головы), и его нисходящихъ Овида, Іессея, царя Давида. По всѣмъ библейскимъ и археологическимъ даннымъ—это вѣрно. Тогда на шейхѣ лежала обязанность принятія чужеземцевъ, религіозный долгъ, который и нами не забывается. Для сего у нихъ всегда имѣлся „„гостиный ханъ““, при входѣ въ городъ, при дорогѣ. Путь изъ Іерусалима въ Египетъ лежалъ всегда мимо Виѳлеема, и ханъ Вооза, по очертанію холма, могъ быть только на этомъ мѣстѣ. Іосифъ и Св. Дѣва должны бы найти пріютъ только въ этомъ ханѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и моей „„мѣрности““ предоставлено осѣнять васъ всѣхъ отходящихъ ко сну—святымъ благословеніемъ“. Насъ обнесли по неизмѣнному обычаю и довольно спѣшно *глико-неро* (вареньемъ и водою), ликерами, кофе и папиросами. Приличіе требовало сократить бесѣдованіе, мы стали подходить подъ благословеніе и удалились.

Не ночной отдыхъ ожидалъ насъ, а ужинъ въ трапезной, въ полномъ смыслѣ слова постный. Первое мѣсто занялъ, разумѣется, Виѳлеемскій митрополитъ, по сторонамъ сѣли митрополиты Скиѳопольскій, Петры Аравійской, архіереи Іорданскій и др. Мы знаменательно поглядывали только другъ на друга, когда обносили блюдо за блюдомъ. Дѣйствительно „меню“ для насъ было непривычное. Вотъ что мы видѣли: круглое, огромное блюдо, на немъ гора дымившихся улитокъ, винегретъ *горячій* (?) изъ луку, зелени, рису, сардинокъ и маслинъ, горячій рисъ съ зеленью, холодная зелень съ рисомъ подъ укеусомъ, мелкіе, какъ брюссельская капуста, артишоки, халва и яффскіе апельсины. Досадно и завидно было смотрѣть на аппетитъ нашихъ амфитріоновъ. Прикоснулись мы только до артишоковъ, дѣйствительно вкусныхъ. Здѣшній хлѣбъ—простыя лепешки изъ грубаго, сырого тѣста, истыканнаго пальцами пекаря, величиною въ нашъ блинъ. Ровно въ девять духовенство отправилось къ службѣ,—мы собрались всѣ къ консулу, гдѣ и усѣлись около блестѣвшаго великана-самовара.

Верховая, хотя не утомительная, ѣзда, смѣнявшіяся впечатлѣнія дня, новизна окружающей природы, самое мѣсто, гдѣ находились, близость Святаго вертепа, переживаемыя торжественныя минуты—все это сообщало намъ какое-то необычайное настроеніе, чувство удовлетворенности, похожее на испытываемое вѣрующимъ состояніе душевной радости послѣ причащенія Св. Тайнъ. Настроеніе это живило надавшія силы. Чай, присланный изъ Нижняго знатокомъ, придалъ бодрости, и деспотическія права сна были забыты. Генералъ съ женою, консулъ и я, въ числѣ нѣсколькихъ поклонниковъ, сошлись на мраморной площадкѣ у покоевъ митрополита, любоваться тишиною и прелестью ночи.

На темномъ фонѣ неба высоко горѣли два креста Базилики, увѣшанные для праздника лампочками. Млечный путь, точно паръ пущенный изъ какого-то невидимаго паровоза-гиганта, тянулся надъ нами, разсѣкая мрачный сводъ неба. Вырывавшійся изъ-за облаковъ полный мѣсяцъ медленно плылъ къ зениту. Въ сумракѣ ночи, дикіе, непривѣтливые холмы и горы, казались громадными волнами океана, какъ бы въ одно мгновеніе ока застывшими, окаменѣвшими. Вершины ихъ серебрились бѣлесоватымъ свѣтомъ. Такъ, вѣроятно, почти двѣ тысячи лѣтъ назадъ, въ такой же ночной тишинѣ озарялъ холмъ виѳлеемскій свѣтъ звѣзды, путеводившей волхвовъ на поклоненіе Свѣту и радости, какъ восклицалъ Варухъ, посланной Іерусалиму отъ Бога... Отчетливо рисовались очертанія „джебель-Фурейдисъ“ или „Столовой горы“ съ плоскою, точно срѣзанною вершиною; тамъ въ I вѣкѣ блисталъ отъ солнечныхъ лучей золотою крышею и золотомъ окованною колоннадою „Иродіонъ“, великолѣпный дворецъ Ирода великаго, великаго тирана, вѣроотступника, братоубійцы. Вотъ облитыя луннымъ свѣтомъ вершины горъ: Рая, Гедоръ, Гибея... Ближе—Млечная пещера, пастушеская долина, памятныя легендарными сказаніями. Взоръ мысленно проникаетъ дальше, къ смиреннымъ подвижникамъ монастыря Св. Саввы, къ Енгадди, къ Мертвому морю. Эти холмы, эти виноградные сады, оливковыя, финиковыя деревья, все это свидѣтели величайшаго въ мірѣ событія. Озирая окрестную природу и вспоминая запись Св. Луки, можетъ быть со словъ самой Матери, повѣствованіе Св. Луки о рожденіи Младенца,—какъ живо, осязательно, ярко представляю себѣ здѣсь это событіе и картину душевнаго состоянія современныхъ обитателей Виѳлеема! Въ то время ждали истиннаго Мессію ежеминутно по всей Палестинѣ.

2-й часъ ночи.

„И родила Сына Своего первенца и спеленала Его, и положила Его въ ясли, потому что не было Имъ мѣста въ гостиницѣ“, провозглашалъ по-гречески Патріархъ Св. града Іерусалима въ царскихъ дверяхъ, обращенный лицомъ къ народу, окружённый духовенствомъ и многочисленнымъ клиромъ со свѣчами и развѣвавшимися высоко хоругвями.

Мы стояли теперь надъ тѣми самыми яслями, надъ убогою, соломой устланною тогда колыбелью, во храмѣ пылавшемъ тысячами огней. Базилика вся въ безконечныхъ, безчисленныхъ гирляндахъ изъ разноцвѣтныхъ лампочекъ. Этихъ стеклянныхъ шариковъ сіяющихъ какъ звѣзды — десятки тысячъ. Густая толпа народа со свѣчами. Паникадила, иконостасъ, ризы образовъ, богатыя облаченія духовенства,—все озарено свѣтомъ, все блеститъ. Имъ облиты стѣны, капители колоннъ, стропила крыши. Какъ кованное золото сіяетъ облаченіе маститаго Іерарха (роскошное подношеніе московскаго купечества), сіяютъ драгоцѣнные камни его тяжелой митры. Сослужащее высшее духовенство въ черныхъ клобукахъ. Такъ здѣсь полагается по уставу. Тысячи русскихъ поклонниковъ, православные жители Виѳлеема—въ восточномъ полукружіи храма; арабы, пришлые изъ Галилеи, со всей Іудеи, даже изъ Газы и Аскалона, сплочены въ пролетахъ Базилики. Всѣ въ яркихъ, праздничныхъ одеждахъ, арабы-бедуины въ громадныхъ чалмахъ. Кончивъ чтеніе Евангелія, Патріархъ величественно благословляетъ предстоящихъ діаріемъ и тріаріемъ. Съ двухъ клировъ громогласно раздается многолѣтіе: „Никодиму ту макаріатату, тео тату те ке панагіотату патрос имон ке патріарху тис аггеос палеос іерусалим ке пасис палестинас, сиріас, аравіас, перан ту іордану кана тис галилеас ке агіас сіонъ—полати эти!“ (Н. блаженному, всесвятому отцу нашему и патріарху святаго града Іерусалима и всей Палестины, Сиріи, Аравіи, странъ заіорданскихъ, Каны Галилейской и святаго Сіона—многая лѣта!)

Начинается крестный ходъ. Кавасы въ два ряда съ усиліемъ очищаютъ путь. Впереди архимандритъ, завѣдывающій процессіями, пѣвчіе, діаконы съ кадилами, затѣмъ священство, іерархи по чину, блаженнѣйшій Патріархъ; у него въ рукахъ небольшой крестъ съ частію Животворнаго Древа, усыпанный изумрудами, рубинами и бриллiантами. Четыре іеродіакона, лицомъ обращенные ко кресту, чествуютъ его драгоцѣннымъ ливанскимъ ѳиміамомъ. Облака благовоннаго дыма несутся изъ кадилъ. Слѣдуютъ консульства русское и греческое, дворяне, паломники и богатые туземцы... Все это поочереди, такъ-сказать, гуськомъ проходитъ въ узкую дверь поперечной стѣны. Тихо, медленно подвигается процессія по боковымъ пролетамъ между колоннъ; при этомъ Блаженный, каждые три-четыре шага останавливаясь, благословляетъ народъ. Троекратный обходъ Базилики длится почти два часа. Арабы, феллахи, бедуины бросаются на колѣна передъ Патріархомъ, снимая чалмы; нѣкоторые ловятъ край его одежды, цѣлуютъ. Благоговѣніе, дѣтская душевная радость, счастіе сіяютъ на смуглыхъ лицахъ этого простаго люда.

Но и крестному ходу конецъ; по уставу слѣдуетъ служба въ самомъ вертепѣ. За Патріархомъ сходятъ только оба митрополита и діаконъ. Кавасы показываютъ чудеса ловкости и силы, удерживая толпу устремившуюся въ пещеру. Все подземелье пространствомъ не болѣе 300—400 куб. арш. Тамъ давка невыносимая. Жара моментально достигаетъ 30—40 градусовъ. Отъ духоты дамы падаютъ въ обморокъ. Совершенный недостатокъ кислорода, гаснутъ свѣчи, едва теплятся лампады. По необходимости духовенство ускоряетъ молитвы, но тѣмъ не менѣе служба длится около трехъ четвертей часа, служба на греческомъ языкѣ, для большинства непонятная безъ предварительнаго истолкованія ея чина и молитвъ для него составленных. Давка достигаетъ ужасающаго размѣра. Приложиться за Патріархомъ къ звѣздѣ Рождества нельзя и думать. Со страхомъ за свою особу, каждый спѣшитъ выйти прежде

другаго. Хаосъ невообразимый. Турецкій часовой стоитъ, и безучастно взираетъ на происходящее.

Но и наверху, за отсутствіемъ вентиляціи, жара и духота нестерпимы. Порядокъ, относительная тишина мало-по-малу приходятъ въ норму. Начинается торжественная обѣдня. Служба Никодима поистинѣ глубокоторжественна. Сколько разъ

Намъ отведены мѣста, устроенныя для сидѣнія на обоихъ клиросахъ. На Востокѣ въ такіе праздники обѣдня длится безъ конца... около трехъ часовъ. Причащаются до восьмидесяти человѣкъ сослужащаго духовенства. Въ это время проповѣдникъ отецъ архимандритъ Г. Яр. говоритъ проповѣди на трехъ языкахъ: греческомъ, русскомъ и арабскомъ.

Святки на брандвахтенномъ суднѣ. Рис. Тайлера.

я былъ свидѣтелемъ, какъ его появленіе по освященіи Даровъ въ царскихъ вратахъ съ прочувствованнымъ всѣми фибрами сердца возгласомъ: „Господи, Господи! Призри вертоградъ сей, который насадила десница Твоя"... вызывало теплыя слезы у многихъ предстоявшихъ.

Признаться-ли?—Слѣдуетъ; правда обязываетъ: не многіе изъ насъ остаются до конца службы во храмѣ. Что дѣлать? Самое страстное желаніе удовлетворить нравственную потребность духа—и оно охлаждается, умаляется, совсѣмъ исчезаетъ по мѣрѣ паденія физическихъ силъ.

Заря еще не занималась, когда мы, едва переступая съ ноги на ногу, поднялись по крутымъ ступенямъ наверхъ. На открытой площадкѣ, гдѣ еще недавно любовались невозмутимой тишиной заснувшей природы, — вдругъ обдалъ насъ свѣжій, порывистый вѣтеръ. Зловѣщія тучи опять черными пятнами неслись по темному небесному своду; мѣсяцъ совсѣмъ заволокло. У монастырской стѣны внизу раздается протяжный, отвратительный вой голодныхъ шакаловъ.

Силы окончательно оставляютъ... Молча, инстинктивно расходимся мы по норамъ. Въ мечтѣ о сладкомъ снѣ, мигомъ сбрасываю одежду, но заслуженное право отдыха такъ и остается мечтою... О, греки, греки!.. Легіонъ миніатюрныхъ гимнастовъ... сила, одолѣвающая и горячія мечты! Досадливо вспоминалась мнѣ жестяночка отъ Штоль и Шмита, оставвшаяся на моемъ комодѣ въ Іерусалимѣ. До поздняго часа утра въ лихорадочномъ бредѣ прислушиваюсь я къ крупнымъ каплямъ, безъ перемежки барабанящимъ въ стекла. Не забывшись ни на минуту, вскакиваю съ постели изломанный, убитый, злой, посылая всякаго рода эпитеты по адресу монастырской прислуги.

Стучатся въ дверь. Митрополитъ шлетъ любезное приглашеніе пожаловать въ 11 часовъ къ обѣденному столу. Эти обѣды мнѣ давно знакомы: чистый куриный бульонъ, горячая разварная курица, сухая, тощая, безъ приправы, затѣмъ масса разныхъ пряныхъ изготовленій. Безъ аппетита, въ неурочный часъ сидѣть безконечно за этимъ столомъ—свыше моихъ силъ. Поглядываю въ окно. Кажется, прочищается, кое-гдѣ проглядываетъ синева, ливень прекратился. Приказываю сѣдлать осла, украдкой пробираюсь внизъ, *мукръ* догадливо подсаживаетъ въ сѣдло, я оставляю монастырь. Клонитъ сонъ, но еще бодро слѣдую по Виѳлеемскимъ закоулкамъ къ спуску, обгоняя двѣ-три группы возвращающихся во-свояси пѣшеходовъ. Но часъ покоя дома, въ своей постели, еще не былъ такъ близокъ. Не достигъ я памятника Рахили, какъ налетѣлъ вихрь, съ ливнемъ крупнымъ, боковымъ. Рвегъ и мечетъ онъ вѣтви стоящихъ одиноко маслинъ. Осликъ мой, бодро ступивъ въ огромную лужу, вдругъ останавливается и, какъ вкопаный, ни съ мѣста, на самой серединѣ. Бью *курбачемъ* (хлыстомъ) что есть силы, дергаю уздой вправо, влѣво. Животное ни шагу. Холодный вѣтеръ рветъ съ меня до нитки промокшій гавелокъ, рветъ зонтикъ, грибомъ выворачиваетъ кверху, — оселъ неподвижно стоитъ! Сойти? Нельзя, лужа на поларшина. Достаю апельсинъ, нагибаюсь, даю ему въ ротъ, хочу задобрить, подкупить. Нѣтъ! Сосетъ, съ жадностью сосетъ подачку и—ни съ мѣста! Вижу, съ Хевронскаго шоссе подходятъ какія-то двѣ фигуры, черныя, лоснящіяся, какъ старинная бронза, и почти голыя — абиссинецъ со своей невѣстой, какъ узнаю послѣ. У мужчины какой-то своеобразный инструментъ, длинный лукъ съ натянутыми струнами, ничего болѣе; сзади шагаетъ рослая, плотная фигура, настоящая красавица Африки, съ сверкающими глазами и крупными, красными губами; на спинѣ у нея тяжеловѣсная ноша. Рабъ негуса Іоанна пилигримствуетъ на поклоненіе Св. Гробу Господню; у Коптскаго алтаря состоится его свадьба. Понялъ онъ мою отчаянную мимику—качая страшными курчами обнаженной головы, и скаля зубы, схватываетъ уздечку, тянетъ. Капризнѣйшеи изъ палестинскихъ *хмарокъ* видимо того только и хотѣлось,— зашагала мѣрно, спокойно, и не размышляя о приключившемся съ ея мозгами затменіи. Три *бешлыка* (меньше рубля) и пачка промокшихъ папиросъ были моему спасителю нежданной и неслыханной цѣны наградой. Онъ бросается цѣловать мою... калошу; а когда, закуривъ папиросу, милостиво протянулъ одну будущей подругѣ, та подарила меня восхитительной улыбкой, причемъ выставила все нормальное число зубовъ, чудныхъ, какъ бы выточенныхъ изъ слоновой кости.

Спустя часъ я сибаритомъ лежалъ въ постели и, думая о толпѣ молившихся во храмѣ Рождества, пришелъ нечаяннымъ путемъ къ сравненію: у Каабы въ Меккѣ перебываютъ въ годъ многія сотни тысячъ, а у Св. Гроба въ Іерусалимѣ?.. Меньше и десяти тысячъ... Это цифры вѣрныя, много говорящія!

Сочельникъ въ лѣсу.

Святочный разсказъ **В. Горева.**

Вечерѣетъ. Медленно закатилось солнце за краемъ лѣса, и на западѣ стоитъ яркая, пурпуровая полоса, обѣщающая назавтра хорошую погоду и сильный морозъ. Еще кое-гдѣ на высокихъ деревьяхъ снѣгъ продолжаетъ блестѣть яркими искрами, но мало-по-малу онѣ гаснутъ одна за другою. Настаетъ тишина, та особенная тишина, которая бываетъ только въ лѣсу въ сильно морозныя сумерки, когда каждый шорохъ и трескъ далеко разносятся и слышатся особенно отчетливо въ прозрачномъ и сухомъ воздухѣ. Деревья, облеченныя въ пышныя зимнія одежды, стоятъ—не шелохнутся, словно обняло ихъ какое-то раздумье или спокойная дремота. Теперь не слышно въ лѣсу того таинственнаго шепота, который окружаетъ васъ со всѣхъ сторонъ, когда, даже въ самый тихій лѣтній день, войдете вы въ тѣнь развѣсистыхъ сосенъ. Ихъ непонятная, монотонная рѣчь прекратилась съ тѣхъ поръ, какъ одѣлись онѣ въ свои пушистыя шубы. Только развѣ изрѣдка, въ ненастный день, когда сердитая вьюга, наскучивъ метаться по полю, съ свистомъ и шумомъ ворвется въ лѣсную чащу, — закачаются величавыя сосны и угрюмо зашумятъ, словно негодуя на злую старуху, разбудившую ихъ отъ сладкой дремоты. Да еще порой изъзябшая ворона съ размаху сядетъ на толстую вѣтку, съ которой тотчасъ снѣгъ съ шумомъ повалится на землю, — и долго потомъ еще качается обнаженная вѣтка съ протяжнымъ и жалобнымъ скрипомъ.

Лѣсомъ пролегаетъ извилистая, узкая тропинка, которую можно различить только по оставшимся на ней недавнимъ человѣческимъ слѣдамъ. Она то выбѣжитъ на край небольшой лѣсной полянки, то, сдѣлавъ два-три прихотливыхъ изгиба, снова забьется въ мрачную чащу и вьется подъ низкими пушистыми сводами, которые образовали своими распростертыми вѣтвями могучія сосны и ели.

По тропинкѣ медленно шли сѣдой, какъ лунь, высокій старикъ и мальчикъ лѣтъ восьми, оба въ теплыхъ полушубкахъ, валенкахъ и бараньихъ шапкахъ. Мальчикъ съ трудомъ ступалъ по глубокому снѣгу, доходившему ему почти до колѣнъ; старикъ былъ тоже уставши и тяжело переводилъ духъ.

— Охъ, измаялся я, Ванюша! Постой-ка, передохнемъ немножко, сказалъ старикъ, останавливаясь.—Да ты не озябъ-ли, пострѣлъ?

— Нѣту, дѣдушка; тутъ въ лѣсу тепло, хорошо, не то что въ полѣ за селомъ: тамъ вѣтеръ такой холодный, а сюда, чай, онъ никогда не заглядываетъ.

— Ишь, благодать-то какая кругомъ! продолжалъ старикъ,— славный сочельникъ выдался нынче; давно такого не запомню: ни одна вѣточка не шелохнется — все какъ застыло. Хорошо теперь въ лѣсу, и домой идти не хочется; такъ кажется и ночевалъ бы тутъ.

— А тебѣ не страшно было бы, дѣдушка?

— Да чего же теперь бояться, глупенькій?

— А лѣшаго, дѣдушка! Лѣшій, говорятъ, злющій такой, — какъ найдетъ вечеромъ человѣка, такъ и пойдетъ таскать его по лѣсу, пока не заморитъ.

— Экъ, сказалъ! Нѣтъ, братецъ, нынче вся нечистая сила убралась со свѣту Божьяго; не посмѣетъ шишига подъ Христовъ праздникъ людей морочить,—не его этотъ вечеръ. Теперичка все злое прячется отъ добрыхъ людей и обидѣть не смѣетъ.

— И волкъ тоже прячется?

— Волкъ хоть и не прячется, а все-жь волкомъ на-сегодня не оказываетъ. И знаешь, Ванюша, въ эту ночь все звѣрье забываетъ свои повадки. Заяцъ не бѣжитъ отъ волка, а волкъ его не тронетъ; козуля смѣло выходитъ изъ чащи; выползаетъ и медвѣдь изъ берлоги, переставши сосать свою лапу. А только время подойдетъ къ полночи, такъ все это звѣрье и валитъ къ одному мѣсту. Говорятъ люди, что и у насъ въ лѣсу есть такое мѣстечко. Знаешь тотъ высокій дубъ надъ рѣчнымъ оврагомъ, версты три отсюда, широкій такой, развѣсистый... Я еще мальчишкой былъ такимъ, какъ ты теперь, а помню его всегда одинаковымъ; а передъ нимъ полянка небольшая. Туда-то идутъ звѣри въ Сочельникъ, и баютъ, дитятко (старикъ понизилъ голосъ), что только настанетъ полночь, такъ явится у того дуба Богородица и благословитъ тварей. И познаютъ неразумныя, что и они Божьи творенья, и поклонятся Заступницѣ всѣ, и разойдутся въ разныя стороны тихо и чинно, и не трогаютъ другъ дружку.

Старикъ замолчалъ и задумчиво глядѣлъ на небо, которое мало-по-малу начинало темнѣть и зажигаться звѣздами. Ваня тоже присмирѣлъ и думалъ о томъ, что сказалъ ему старый дѣдъ. Хоть и чудными кажутся ему эти слова, но онъ вѣритъ имъ: „дѣдушка старъ и все знаетъ...“

— Ну, пойдемъ, внучекъ. Кутья уже ждетъ насъ, да и отецъ твой вѣрно вернулся изъ лѣсу голодный. Пойдемъ!

И старикъ медленно двинулся впередъ, опираясь на длинную сучковатую палку. Поплелся за нимъ и Ванюша. Ему вдругъ сдѣлалось почему-то страшно. Такъ и кажется ему, что сейчасъ среди этой мертвой тишины рявкнетъ гдѣ-нибудь недалеко косматый медвѣдище, или лѣшій засмѣется своимъ козлинымъ голосомъ, отъ котораго волосы дыбомъ на головѣ становятся. Вдругъ гдѣ-то въ сторонѣ раздался сухой, протяжный выстрѣлъ. Услужливое эхо быстро подхватило его и понесло по-вѣтру далеко-далеко, въ самую глубь лѣса. Ваня вздрогнулъ и стремглавъ кинулся къ дѣду. Онъ ухватилъ старика обѣими руками за полушубокъ, да такъ и прилипъ къ нему.

— Полно, родимый! Что ты первый разъ слышишь какъ стрѣляютъ, что-ли? Вотъ она дѣтвора-то всегда такая: разскажи ему что-нибудь чудное, такъ онъ и своей тѣни станетъ бояться.

— Да я уже не боюсь, дѣдушка, сказалъ Ваня, оправляясь отъ неожиданнаго страха.—Мнѣ Богъ вѣсть что причудилось, какъ громыхнуло надъ головою.

— Эхъ, лядащій какой-то дѣтина потѣшается тамъ съ ружьишкой! Не пристало нынче доброму человѣку охотиться. Смотри, Ванюша, когда будешь стрѣлкомъ, не бей въ Сочельникъ звѣря, коли онъ тебя не трогаетъ. Грѣхъ тебѣ будетъ, потому праздникъ Христовъ не для насъ однихъ, людей, приходитъ, потому что и у него въ этотъ день проясняется душа, и онъ, какъ человѣкъ, чуетъ великую годину. И баютъ, Ванюша, что если подстрѣлить въ этотъ день звѣрюшку, то онъ взмолится человѣческимъ голосомъ, и плакать будетъ, и стонать, какъ живой человѣкъ. А если...

— О-го-го! раздалось снова въ лѣсу, въ той сторонѣ, откуда былъ слышенъ выстрѣлъ.

— Ишь, грѣховодникъ, еще отзывается! Ужъ молчалъ бы, злое дѣло сдѣлавши, а то нѣтъ—кричитъ: слышите, молъ, добрые люди, каковъ я молодецъ!

— Дѣдушка, дѣдушка, да вѣдь это тятькинъ голосъ, право тятькинъ; это онъ кричитъ.

— А и взаправду, кажись, это онъ—срамникъ. Должно сюда идетъ; обождемъ-ка его, внучекъ, да узнаемъ, чего онъ тамъ такую кутерьму поднялъ.

Нѣсколько минутъ стояли они молча, прислушиваясь. Наконецъ невдалекѣ послышался скрипъ шаговъ по намерзшему снѣгу, и на поворотѣ тропинки показался здоровенный мужикъ лѣтъ двадцати семи. За поясомъ у него былъ привѣшенъ большой сытый заяцъ, положенный удачнымъ выстрѣломъ.

— Здравствуйте, родные! весело поздоровался онъ. — Вотъ хорошо, что встрѣтились, разомъ прійдемъ на кутью домой. Посмотри-ка, батька, какую звѣрину ухлопалъ, насилу волоку за собою.

Старикъ укоризненно покачалъ головою.

— Ужъ сколько разъ твердилъ я тебѣ, Никита, что не годится подъ завтрашній праздникъ кровь проливать, хоть бы и звѣриную. Да тебя, видно, не вразумишь,— всегда ты озорникомъ былъ. А вѣдь гляди, сынишка у тебя подрастаетъ, ему отъ отца чему доброму не мѣшало бы поучиться.

— Да что-жь тутъ недобраго, батька? Полѣзъ на ружье, ну и поплатился, и тужить нечего, а скорѣй радоваться, потому пообѣдаемъ завтра вкуснѣй.

— Ну и толкуй съ нимъ послѣ этого, сердито отвернулся старикъ. — Э-эхъ, плохія теперь времена настали: чуть поднялся пострѣлъ на ноги, а ужъ самъ себѣ голова, ничьего совѣту не слушаетъ; больно разумные люди стали. Оттого и грѣхъ пошелъ по міру — и послушанья-то нѣтъ, и уваженья нѣтъ, и христіане вы плохіе стали, — скоро и молиться позабудете.

— Ну, полно, батька! Право, кабы зналъ, что будетъ такая рѣчь отъ тебя, обошелъ бы за версту зайчишку и пальцемъ бы не тронулъ. И охота тебѣ браниться изъ-за него: вѣдь тварь-то неразумная, такъ чего-жь и жалѣть!

— Неразумная, да Божья, такое же творенье, какъ и ты. Ты, небось, собираешься праздникъ получше встрѣтить, а коли-бъ тебя да взяли...

— Ну, пошелъ писать, старина, съ неудовольствіемъ проворчалъ Никита, быстро шагая впереди.

Ваня въ продолженіе всего этого разговора былъ на сторонѣ дѣда. Ему было досадно на отца и жаль бѣднаго зайца. Въ дѣтскомъ воображеніи живо представилась картина, какъ будутъ плакать по убитомъ другіе зайцы, его родные.

Никто изъ нихъ не проговорилъ больше во всю дорогу ни слова. Скоро между деревьями блеснулъ огонекъ. На круглой лѣсной прогалинкѣ пріютился подъ лѣсомъ небольшой домикъ. Никита уже седьмой годъ служитъ лѣсникомъ и живетъ здѣсь съ женой, старикомъ-отцомъ и сыномъ Ваней.

Кудлатая собака Жучка съ громкимъ, радостнымъ лаемъ кинулась навстрѣчу своимъ хозяевамъ. Въ просторной чистой избѣ ихъ встрѣтила молодая, пригожая хозяйка.

— Насилу дождалась! Думала, что колядовать ушли на село дѣдъ-то съ сыномъ и внукомъ. Да двери, Никита, затворяй, что возишься тамъ въ сѣняхъ? Смотри, какой холодъ со двора навалилъ.

Никита вошелъ въ избу, но безъ зайца: онъ оставилъ его въ сѣняхъ. Изъ угожденья-ли старику сдѣлалъ онъ это, или посовѣстился женѣ показаться со своей добычей?..

Хозяйка тотчасъ замѣтила, что неладное что-то вышло, и молча занялась приготовленіемъ ужина. Никита усѣлся къ столу и началъ крошить табакъ. Старикъ прикорнулъ подъ печкой и задумался. Ваня тоже о чемъ-то размышлялъ. Огонь весело потрескивалъ въ печи и разливалъ кругомъ пріятную теплоту. Гдѣ-то въ углу сверчокъ заводилъ свою безконечную трескучую пѣсню. На лавкѣ у печи сѣрая кошка, свернувшись въ клубочекъ, нѣжилась, согрѣтая тепломъ, и монотонно мурлыкала. Ваня всталъ со своего мѣста и нерѣшительно подошелъ къ отцу.

— Тятька, а тятька, произнесъ онъ чуть слышно.

— Что, Ванюшенька?

— Скажи, тятька, плакалъ онъ, стоналъ?

— Да кто такой?

— Заинька, когда ты въ него выстрѣлилъ.

И онъ робко опустилъ глаза, не рѣшаясь взглянуть на отца.

— Эхъ, душа! добродушно разсмѣялся Никита. — Дался же тебѣ этотъ заяцъ!

Ваня отошелъ къ оконцу и началъ водить пальцемъ по замерзшему стеклу, все еще продолжая о чемъ-то размышлять. Наконецъ онъ повидимому что-то придумалъ и быстро подошелъ къ дѣду. Старикъ былъ, противъ обыкновенія, молчаливъ и сосредоточенно смотрѣлъ на яркое пламя въ печи. Ваня дотронулся до его руки.

— Что скажешь, Ванюша?

— Да вотъ видишь, дѣдушка, я... ты не сердись, дѣдушка, на тятьку, онъ тоже добрый и больше не будетъ этого дѣлать...

Старикъ ласково погладилъ мальчика по головѣ, и его худое, строгое лицо вдругъ просвѣтлѣло. Какъ близки были теперь эти два ребенка, одинъ сдѣлавшій только первый шагъ въ жизни, другой уже спѣвшій свою пѣсенку, но оба чистые сердцемъ, оба наивно вѣрующіе и въ лѣсные призраки, и чудища, и въ говорящихъ звѣрей, и въ таинственныя звѣриныя сборища у завѣтнаго дуба...

— Добрый у тебя сынъ, Никита! Смотри, береги его—будешь имѣть утѣху къ старости. А теперь, давайте примемся помолясь за кутью. Поворачивайся, хозяюшка: и старые и молодые—всѣ ѣсть хотимъ!

Туча пронеслась мимо. У всѣхъ будто камень съ плечъ свалился. Хозяйка начала подавать ужинъ, болтая безъ умолку: Никита перестал крошить табакъ и принялъ на себя видъ очень голоднаго, но въ то же время веселаго человѣка; старикъ крестясь полѣзъ подъ образа. Повеселѣлъ и Ванюша. Баловница кошка, проснувшись, потянулась на лавкѣ и въ два прыжка заняла у стола свое обычное мѣсто. Никита засвѣтилъ лампадку передъ образомъ и поправилъ керосиновую лампу на столѣ. Всѣ знали, что сейчасъ дѣдъ начнетъ какой-нибудь разсказъ изъ Священной исторіи, который у него всегда припасенъ къ большимъ праздникамъ.

А ночь, тихая морозная ночь, мало-по-малу надвигалась на лѣсъ и осѣняла его своими темными крыльями. Полная луна выплыла на синій куполъ неба, окруженная хороводомъ яркихъ звѣздъ, блиставшихъ и переливавшихся. Блисталъ и переливался ковристый снѣгъ на деревьяхъ, на полянахъ, на крышѣ маленькаго лѣсного домика. Все какъ будто замерло и притаилось въ ожиданіи великаго, торжественнаго часа. Только изрѣдка захруститъ заяцъ, пробирающійся къ „завѣтному“ дубу, да воевода Морозъ, обходя дозоромъ молчаливое снѣжное царство, щелкнетъ по дереву своею ледяною палицею...

Къ рисункамъ.

„Несутъ елку!“ (Рис. на стр. 1289) и „Моя елка!“ (Рис. на стр. 1305).

Рождественская елка тѣмъ и дорога дѣтямъ, что радость доставляемая ею не зависитъ отъ большей или меньшей роскоши ея убранства. Главное украшеніе ея — свѣчи — всѣмъ доступно и одинаково производитъ свѣтлое, радостное настроеніе въ маленькихъ человѣчкахъ, будетъ-ли зажжена елка въ великолѣпной гостиной или въ тѣсной каморкѣ гдѣ-нибудь на окраинѣ города. Одинаково преображаетъ она ту и другую, послѣднюю быть-можетъ, еще болѣе. По крайней мѣрѣ радость, съ которою встрѣчаютъ ребятишки давно желанную гостью, здѣсь несравненно живѣе, чѣмъ у маленькой „барышни“, которой очевидно всѣ чудеса игрушечныхъ лавокъ давно пригляделись.

Рождество Христово. (Рис. на стр. 1292 и 1293).

Заимствуемъ изъ превосходной книги Фаррара *Жизнь І. Христа* текстъ къ прилагаемой картинѣ. Верстахъ въ двухъ отъ Виѳлеема находится небольшая равнина, на которой въ масличной рощѣ стоитъ бѣдная и какъ бы заброшенная часовня во имя Ангела „Благовѣстника пастухамъ“. Она основана на томъ самомъ, по преданію, мѣстѣ, гдѣ, по сладостному для христіанскаго слуха благовѣстію Св. Луки—„были на полѣ пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего, и вдругъ предсталъ имъ Ангелъ Господень и слава Господня осіяла ихъ“ и они услышали радостную вѣсть, что въ тотъ день родился, имъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, который есть Христосъ Господь.

„Пойдемъ въ Виѳлеемъ и посмотримъ, что тамъ случилось, о чемъ возвѣстилъ намъ Господь“, сказали другъ другу пастухи. Имъ нужно было подняться на уступистый холмъ и пройти по залитымъ луннымъ свѣтомъ садамъ Виѳлеемскимъ, прежде чѣмъ дойти до вершины сѣраго хребта, на которомъ стоитъ самый городокъ Виѳлеемъ. На самой вершинѣ стояла гостиница или такъ-называемый ханъ. Въ Палестинѣ нерѣдко случается, что весь ханъ или по крайней мѣрѣ та часть его, въ которой помѣщаются животныя, пред-

ставляетъ собою одну изъ тѣхъ безчисленныхъ пещеръ, которыми изобилуютъ известняковыя скалы центральныхъ холмовъ. То же самое повидимому было и въ маленькомъ городѣ Виѳлеемѣ-Эфраѳѣ, въ землѣ Іудиной. Іустинъ-философъ, апологетъ, который, по своему мѣсторожденію въ Сихемѣ, хорошо былъ знакомъ съ Палестиной и жилъ спустя менѣе столѣтія послѣ І. Христа, полагаетъ мѣсто Рождества Христова въ пещерѣ. Преданіе объ этомъ искони и постоянно сохранялось какъ въ Восточной, такъ и Западной церквахъ и принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ преданій, за которыми, не смотря на то, что они не занесены въ евангельскую исторію, можно признать историческую достовѣрность.

Сюда-то изъ сѣверныхъ предѣловъ страны, именно изъ Назарета, расположеннаго въ горахъ Завулоновыхъ, пробирался по зимнимъ дорогамъ Іосифъ, назаретскій плотникъ, со своей нареченною женой Маріей. При всей своей бѣдности они оба происходили изъ царскаго дома и рода Давида, и теперь имъ нужно было пройти около 140 верстъ, чтобы прибыть въ городокъ, который былъ родиной ихъ великаго предка, для занесенія своихъ именъ въ качествѣ членовъ дома Давидова въ перепись, производившуюся по повелѣнію императора Августа. Путешествіе на Востокѣ совершается медленно и прокладно, тяжкая усталь замедляла путешествіе дѣвственной Матери. Другіе, направлявшіеся къ Виѳлеему, могли легко обогнать ихъ на дорогѣ, и когда они прибыли въ ханъ (вѣроятно тотъ самый, который искони былъ извѣстенъ подъ названіемъ дома Кимгама, стоявшаго на томъ мѣстѣ гдѣ за 1000 лѣтъ передъ тѣмъ былъ родовой домъ Вооза и Давида), всѣ ливаны (помѣщенія) были уже заняты, „не было мѣста въ гостиницѣ“. Усталые Іосифъ и Марія помѣстились въ прилегавшей известковой пещерѣ, служившей стойломъ, на сѣнѣ и соломѣ, набросанныхъ въ пищу и подстилку для скота. И тамъ, вдали отъ дома, среди массы страннаго люда, въ знобящую зимнюю ночь, въ обстановкѣ лишенной всякаго земнаго блеска—родился Христосъ.

Пастухи прибыли въ гостиницу Виѳлеемскую, „и нашли Марію, и Іосифа, и Младенца, лежащаго въ ясляхъ“.

„Мадонна да-Колонна“ Рафаэля. (Рис. на стр. 1297).

Это произведеніе Рафаэля относится ко второму (флорентинскому) періоду его дѣятельности, когда, впервые прибывъ во Флоренцію, изученіемъ Фра-Бартоломмео и Леонардо да-Винчи онъ отдѣлался отъ вліяній учителя своего, Перуджино. Эта мадонна была имъ написана для дворца Колонна въ Римѣ, у подножія Квиринала. Въ роскошной картинной галереѣ этого дворца, нѣкогда насчитывавшей 1362 картины, и нынѣ еще не мало великихъ произведеній искусства (ландшафты Пуссена, Мадонна Пальма Веккіо и др.). Но знаменитой мадонны, носящей имя дворца, теперь уже нѣтъ въ стѣнахъ его—она находится въ Берлинскомъ музеѣ.

„Съ праздникомъ!“ Рис. Зичи. (Рис. на стр. 1300).

Композиція придворнаго художника Зичи отличается обычнымъ изяществомъ и поэтичностью замысла. Передъ нами полный до краевъ, поздравительный бокалъ, какъ бы овѣянный воздушнымъ призракомъ юной красоты. Это—живое олицетвореніе святочнаго веселья, ибо нѣтъ истиннаго веселья безъ красоты, а съ нею—

Не даромъ шампанское пѣной играетъ,
Не даромъ кипитъ чрезъ края:
Оно наслажденье намъ въ душу вливаетъ
И сердце намъ грѣетъ, друзья!

„Черезъ шесть минутъ Новый Годъ!“

(Рис. на стр. 1301).

Такъ снова годъ какъ тѣнь мелькнулъ,
Сокрылся въ сумрачную вѣчность,
И быстрымъ бѣгомъ упрекнулъ
Мою лѣнивую безпечность...

. . . .

Мнѣ нечѣмъ заглушить упрека!
Но слушай ты, бѣглецъ жестокій!
Клянусь тебѣ въ прощальный мигъ,
Ты не умчался безъ возврата;
Я за тобою полечу
И наступающему брату
Весь тяжкій долгъ свой доплачу.

Веневитиновъ.

Святки на брандвахтѣ. (Рис. на стр. 1308).

Брандвахтенныя суда хорошо знакомы мореходамъ всего свѣта. Командиры и экипажъ этихъ судовъ ведутъ уединенную жизнь, отрѣзаемые на цѣлыя недѣли отъ всякаго сообщенія съ берегомъ и своими собратьями. Это уединеніе такъ тягостно, что матросы командируются на брандвахту не болѣе какъ на полгода; опытъ показалъ, что долѣе они не выдерживаютъ и пользуются первымъ случаемъ къ дезертированію. Разумѣется, стараются всячески разгонять скуку этой однообразной жизни. Въ случаяхъ гонки яхтъ въ гавани, брандвахтенныя суда разцвѣчиваются флагами, и проходящія яхты привѣтствуются звономъ брандвахтеннаго колокола. Рождество Христово торжественно празднуется на брандвахтенныхъ судахъ, и матросы, лишенные своихъ семей, стараются по крайней мѣрѣ сдѣлать этотъ день непохожимъ на будни: всѣ флаги и сигналы развѣшиваются на мачтахъ, и повару заказывается особенно роскошный обѣдъ. Между моряками въ обычаѣ размѣниваться привѣтствованіями съ проходящимъ судномъ въ день Рождества, и обычай этотъ нигдѣ такъ строго не соблюдается какъ на брандвахтенныхъ судахъ. Проходящее судно посылаетъ свое привѣтствіе паровымъ свисткомъ или словесно въ рупоръ, а на брандвахтѣ въ отвѣтъ немедленно раздается звонъ колокола. Вотъ эта сцена и изображена на рисункѣ.

Отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ. (Портр. на стр. 1312).

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ въ Кронштадтѣ, въ старинномъ соборѣ Св. Андрея Первозваннаго, только что получившій священническій санъ пастырь, по окончаніи первой отслуженной имъ литургіи, обратился къ народу съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ „словомъ“. „Сознаю высоту сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей“, говорилъ молодой священникъ,—„чувствую свою немощь и недостоинство, но уповаю на благодать и милость Божію, *немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую*. Знаю, что̀ можетъ сдѣлать меня болѣе или менѣе достойнымъ этого сана и способнымъ проходить это званіе. Это любовь ко Христу и къ вамъ, возлюбленные братія мои... *Любовь великая сила: она и немощнаго дѣлаетъ сильнымъ, и малаго великимъ*... Таково свойство любви чистой, евангельской. Да дастъ и мнѣ любвеобильный ко всѣмъ Господь искру этой любви, да воспламенитъ ее во мнѣ Духомъ Своимъ Святымъ“. Священникъ этотъ былъ отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, и знаменательныя его слова, глубоко продуманныя и прочувствованныя имъ, были какъ бы предначертаніемъ всей его послѣдующей жизни и дѣятельности, благодаря которой имя его стало извѣстнымъ по всей Руси православной. Въ самомъ дѣлѣ, кто не слыхалъ объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ? Къ этому идеальному настырю, этому дивному человѣку, ведущему столь высокую, безмѣрно скромную и трудолюбивую жизнь, стекаются со всѣхъ мѣстъ, изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ обширнаго отечества нашего, массы писемъ отъ вѣрующихъ и увѣровавшихъ приходятъ къ нему каждый день. Толпы народа поджидаютъ его благословенія и около скромнаго домика отца Іоанна въ Кронштадтѣ, и всюду гдѣ бы онъ ни появился, хотя бы на самое короткое время. Какимъ-то чутьемъ угадываютъ объ его прибытіи кудалибо, и много надо усилій, чтобы посадить его въ карету, за которой долго еще бѣжитъ народъ, словно наэлектризованный обаяніемъ святости этого удивительнаго человѣка. Высокочтимый за свою пастырскую ревность, необыкновенную доброту, подвиги милосердія и любви къ ближнимъ, отецъ Іоаннъ, помимо всѣхъ рѣдчайшихъ качествъ души, обладаетъ Богомъ данною ему силой — молитвою исцѣлять трудно-больныхъ, предотвращать грядущее несчастье, возвращать на путь истинный заблудшихъ, исправлять порочныхъ. И вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему въ послѣдніе годы взоры всѣхъ тяжко больныхъ, „труждающихся и обремененныхъ“ обращаются къ о. Іоанну, вотъ почему нерѣдко къ его чудодѣйственной молитвѣ прибѣгаютъ даже евреи и магометане. Молитва о. Іоанна не можетъ не быть чудодѣйственною: молясь горячо, забывая въ этотъ мигъ все окружающее, отрѣшаясь отъ всего земнаго и переливая всю душу свою въ молитву, онъ проникнутъ тою безпредѣльною, глубокою вѣрой, которая даетъ спасеніе, „горы двигаетъ“. Лѣтъ восемь тому назадъ впервые проявилась сила его молитвы, когда произошло неожиданное выздоровленіе одного трудно-больнаго родственника духовной дочери о. Іоанна, кронштадтской жительницы Ковригиной. За первымъ случаемъ быстро послѣдовали и другіе; о нихъ слухъ разнесся всюду, проникъ и въ печать. Приговоренную къ смерти и страдавшую водянкой въ ногахъ старушку, отъ которой отказались врачи, онъ спасъ своею молитвой въ однѣ сутки и больная прожила послѣ этого еще около десяти лѣтъ, здравствуя и понынѣ. Заглазно исцѣлилъ онъ одного богатаго золотопромышленника въ Екатеринбургѣ, придавленнаго глыбою земли въ шахтѣ и нѣсколько часовъ лежавшаго почти безъ признаковъ жизни. Много было такихъ примѣровъ, о которыхъ говорятъ тысячи народа и о которыхъ самъ о. Іоаннъ никогда не разсказываетъ, такъ какъ не любитъ заводить рѣчь о своихъ дѣяніяхъ вообще. А эти дѣянія, эти факты его истинно подвижнической жизни просто изумительны. Несмотря на свой шестидесятилѣтній возрастъ, о. Іоаннъ положительно неутомимъ, не досыпаетъ, не доѣдаетъ, днемъ отправляетъ церковную службу, законоучительствуетъ въ гимназіи и въ другихъ училищахъ, дѣлаетъ свои благодѣтельные визиты, служитъ цѣлый рядъ молебновъ, совершаетъ поѣздки въ Петербургъ, принимаетъ „чающихъ движенія воды“, перечитываетъ до двухъ сотенъ писемъ, телеграммъ, „поминаній“ о страдающихъ, больныхъ, просящихъ молитвъ его, отвѣчаетъ своимъ духовнымъ дѣтямъ—и это происходитъ изо-дня-въ-день, изъ-года-въ-годъ. Нерѣдко и поздней ночью приходится ему посѣщать умирающаго, внезапно занемогшаго опасно; „пастырь добрый“ не отказываетъ никому, никогда въ своей помощи, въ молитвѣ. „Я поставилъ

себѣ за правило — говоритъ самъ о. Іоаннъ — сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу и строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью". И этими словами онъ прекрасно охарактеризовалъ и свою жизнь, и цѣли, и стремленія, и всю дѣятельность. Онъ не только утѣшитель страждущихъ, нравственный пособникъ, „помощникъ и покровитель" всѣхъ угнетенныхъ, униженныхъ, оскорбленныхъ, голодныхъ и холодныхъ; не только служитель алтаря, проповѣдникъ слова Божія, но и мудрый благотворитель и такой же организаторъ. Созданный имъ въ Кронштадтѣ „Домъ Трудолюбія", этотъ драгоцѣнный пріютъ для бѣднѣйшей части населенія, весьма краснорѣчиво говоритъ и о такъ-сказать оффиціальной благотворительности о. Іоанна и его талантѣ организаторскомъ. „Домъ Трудолюбія" учрежденъ на разумныхъ началахъ и въ немъ бѣдняки получаютъ помощь не какъ подаяніе, а какъ плату за трудъ. На это учрежденіе о. Іоаннъ жертвуетъ десятки тысячъ, и вообще на дѣла благотворенія онъ отдаетъ *всѣ* свои доходы, зачастую и жалованье, не заботясь о завтрашнемъ днѣ и живя исключительно для другихъ. Таковъ о. Іоаннъ, живущій по буквѣ и духу Евангельскаго писанія, богато одаренный и сильный душою человѣкъ, о глубокомъ значеніи и жизни котораго можно написать цѣлую книгу. Онъ сынъ причетника Архангельской губерніи, Пинежскаго уѣзда, села Сурскаго, и родился въ 1829 году. Десяти лѣтъ поступилъ онъ въ Архангельское приходское училище, и затѣмъ учился въ духовной семинаріи, гдѣ былъ первымъ ученикомъ, за что начальство и выхлопотало ему переходъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Окончивъ курсъ кандидатомъ богословія въ 1855 году, онъ тогда же поступилъ священникомъ въ Кронштадтскій Андреевскій соборъ, женившись, по давно установившемуся обычаю, на дочери протоіерея того собора, К. П. Несвицкаго. Съ 1857 года началась его законоучительская дѣятельность. Сперва онъ давалъ уроки въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ съ 1862 г. въ Кронштадтской гимназіи. О. Іоаннъ издалъ нѣсколько бесѣдъ своихъ „О Пресвятой Троицѣ", „О сотвореніи міра", „О промыслѣ Божіемъ", „О мірѣ", „О блаженствахъ Евангельскихъ". Кромѣ того, онъ ведетъ интересный дневникъ. Да возрадуется сердце наше, что въ нынѣшній вѣкъ безвѣрія, подлаго эгоизма и крайняго матеріализма, среди жизни, которую, говоря словами поэта, „недаромъ заклеймили печатью зла и суеты", есть еще *праведникъ* сильный духомъ, отдавшій всю свою жизнь, себя самого всецѣло на служеніе дѣлу вѣры и любви!

П. Быковъ.

Отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ.
(По поводу 35-лѣтія служенія въ священническомъ санѣ).

Соборная церковь Св. Андрея Первозваннаго въ Кронштадтѣ.

(Рис. на стр. 1313).

Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ, украшеніемъ котораго является отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, его славный протоіерей, принадлежитъ нынѣ къ лучшимъ церквамъ Россіи. Онъ находится въ Купеческой гавани и выстроенъ около 1710 года. Церковь была сперва деревянною и первоначально находилась „въ скобѣ" Гостинаго двора, откуда, въ 1742 г., перенесена на теперешнее мѣсто. Здѣсь въ 1805 г. ее разобрали и тогда же императоръ Николай I заложилъ на этомъ мѣстѣ каменную церковь, поручивъ сооруженіе ея архитектору Захарову, который и окончилъ постройку въ 1820 г., Соборъ нынѣ представляетъ довольно обширное зданіе греческой архитектуры, построенное съ колоннадою съ трехъ сторонъ. Въ соборѣ замѣчательна икона Св. Андрея Первозваннаго, на которой хранится та самая андреевская лента, что была вручена Головнинымъ Петру I за взятіе въ устьяхъ Невы судовъ „Астрильдъ" и „Геданъ", ночью на 6 мая 1703 года, принадлежавшихъ къ шведской флотиліи, подъ командою вице-адмирала Нумберса. Къ лентѣ подвѣшено рѣз-

ное изображеніе Св. Андрея, собственноручно сработанное царемъ Петромъ и ранѣе принадлежавшее кронштадтской Богоявленской церкви, разобранной за ветхостью въ 1841 году. Въ полуверстѣ отъ собора, на приморской окраинѣ города, на углу двухъ улицъ находится небольшой сѣрый домикъ отца Іоанна. Онъ скрытъ отъ глазъ прохожихъ высокимъ заборомъ и густою растительностью.

Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ. Съ фот. грав. Рашевскій.

Политическое обозрѣніе.

Дѣла внутренней политики въ Германіи и Австріи отвлекли вниманіе отъ пресловутой лиги мира. Нынѣ въ виду новаго торговаго договора между этими двумя государствами снова заговорили о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ странъ. Еще недавно старшины купечества Кенигсберга отправили къ имперскому канцлеру бумагу, излагая, какой значительный ущербъ понесли бы города на Балтійскомъ морѣ въ томъ случаѣ, если бы, при заключеніи новаго торговаго договора съ Австріею, пониженіе ввозной пошлины, которое предполагается сдѣлать для австрійскаго хлѣба, не было допущено также и для хлѣба русскаго. Газета же *Hamburger Nachrichten*, которой иногда приписывають сношенія съ княземъ Бисмаркомъ, прямо признаетъ желательнымъ, чтобы германское правительство явственнѣе намѣтило свои намѣренія относительно торгово-политическихъ переговоровъ съ Австріей. „Если бы Германіи—говоритъ газета — пришлось платить дань за союзъ съ Австріей, то это повлекло бы за собою измѣненіе популярности этого союза“.

О тройственномъ союзѣ недавно вспомянули и въ Румыніи. 15 ноября были открыты палаты королемъ тронною рѣчью, въ которой констатируется фактъ дружественныхъ отношеній съ иностранными державами и указывается на дальнѣйшія реформы въ областяхъ финансовой, военной, бюджетной и промышленной. Во время преній объ адресѣ на тронную рѣчь, 7 декабря, оппозиція возбудила вопросъ о мнимой военной конвенціи съ Австро-Венгріею и обращалась въ министерство съ вопросами, касающимися положенія венгерскихъ румынъ. Лагорари сказалъ, что при обсужденіи извѣстныхъ вопросовъ должно строго соблюдать чувство мѣры. При этомъ министръ отрицалъ существованіе упомянутой военной конвенціи и присовокупилъ, что не должно обращать вниманія на розсказни газетъ. Король сдѣлалъ въ Ишлѣ дружескій визитъ, и никто изъ министровъ его не сопровождалъ; что касается присутствія военнаго министра на маневрахъ въ Трансильваніи, то это служитъ лишь доказательствомъ сердечныхъ отношеній между обоими государствами. Пока тройственный союзъ будетъ поддерживать миръ, до тѣхъ поръ Румынія будетъ радоваться достигнутымъ результатамъ, но до союза еще далеко. Если

потребуется союзъ съ Австро-Венгріею, то при заключеніи его Румынія руководилась бы исключительно желаніемъ обезпечить собственные интересы. Относительно трансильванскихъ румынъ министръ заявилъ, что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла дружественной державы, но долженъ замѣтить, что вездѣ съ румынами обращаются справедливо.

Въ Парижѣ не такъ давно возникло общество подъ громкимъ названіемъ „Друзей Россіи". Просуществовавъ нѣсколько мѣсяцевъ, оно на-дняхъ закрылось. По словамъ парижскихъ газетъ, причинами того являются, какъ о томъ гласитъ рѣшеніе общаго собранія общества, во-первыхъ, то обстоятельство, что общество, поставившее себѣ цѣлью развитіе дружественныхъ и экономическихъ отношеній между Франціей и Россіей, тотчасъ послѣ своего учрежденія, было встрѣчено неблагосклонно русскимъ посольствомъ въ Парижѣ; во-вторыхъ, отказъ французскаго правительства обществу въ административномъ разрѣшеніи, которое необходимо въ виду отсутствія закона обезпечивающаго свободу сходокъ и ассоціацій. и, наконецъ, то соображеніе, что не приличествуетъ величію дѣла, которому общество собиралось служить, и достоинству членовъ общества, быть съ одной стороны докучливыми друзьями если не Россіи, то по крайней мѣрѣ ея представителя, а съ другой—мириться съ положеніемъ общества только терпимаго, если оно бездѣйствуетъ, но противозаконнаго, если оно желаетъ дѣйствовать.

Извѣстный французскій политическій дѣятель Жюль Ферри, пользовавшійся одно время большою нелюбовью во Франціи за свою колоніальную политику и въ особенности за экспедицію въ Тонкинъ. о чемъ мало-по-малу позабыли, снова собирается выступить на политическую арену. По газетнымъ сообщеніямъ, онъ согласился выступить кандидатомъ на выборахъ въ сенатъ, предстоящихъ въ департаментѣ Вогезовъ. Въ письмѣ, обращенномъ къ членамъ генеральнаго и окружныхъ совѣтовъ департамента, предложившихъ ему кандидатуру, Ферри заявляетъ, что онъ всегда исполнялъ свой долгъ. мало заботясь о преходящей популярности, и имѣлъ въ виду лишь вѣчные интересы Франціи, будучи убѣжденъ въ томъ, что въ такой здравомыслящей странѣ сознаніе ея дѣйствительныхъ интересовъ погибнуть не можетъ и что непремѣнно долженъ наступить часъ справедливости и правды. По мнѣнію Ферри, часъ этотъ уже близокъ, вслѣдствіе чего онъ принялъ сдѣланное ему предложеніе, и уже произнесъ 10 декабря въ Эпиналѣ большую рѣчь, въ которой защищалъ колоніальную политику, утверждалъ, что такая политика для Франціи необходима и что она возможна безъ нарушенія высшихъ обязанностей на континентѣ и безъ сокращенія вооруженныхъ силъ въ Европѣ. Далѣе ораторъ возставалъ противъ отдѣленія церкви отъ государства, но объявилъ, что не пойдетъ на уступки духовенству во всемъ томъ, что касается принциповъ школьнаго закона—этого, по его мнѣнію, существеннаго закона республики.

Библіографія.

Вечерній звонъ. Стихи 1887—1890. Я. П. Полонскаго. СПБ. 1890 г.

Новый сборникъ стихотвореній маститаго поэта, среди литературныхъ явленій настоящей минуты, представляетъ интересъ исключительный. Я. П. Полонскій принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ счастливымъ поэтическимъ натурамъ, на которыя ни годы, ни охлаждающій жизненный опытъ не обнаруживаютъ замѣтнаго вліянія. Недавно праздновался пятидесятилѣтній юбилей его поэтической дѣятельности, а между тѣмъ послѣднія стихотворенія его, собранныя въ „Вечернемъ звонѣ", обнаруживаютъ въ поэтѣ душевный жаръ и глубокое поэтическое чувство, дышатъ все тою же свѣжестью впечатлѣній, поэтическою правдою и жизнью, какъ въ былое время. Къ болѣе подробной оцѣнкѣ сборника мы надѣемся возвратиться въ одной изъ ближайшихъ ежемѣсячныхъ книжекъ *Нивы*.

Россійскій Императорскій Домъ. Альбомъ 46 портретовъ Россійскаго Императорскаго Дома, гравированныхъ на деревѣ Вейерманомъ. Ц. 1 р. 50 к.

Самое заглавіе опредѣляетъ смыслъ и назначеніе названнаго изданія. Портреты, въ осьмую долю листа, вложены въ красивую папку, и если, рѣзанные на деревѣ, они не всѣ могутъ похвалиться одинаковою художественностью исполненія, то въ большинствѣ отличаются сходствомъ, и тѣмъ достигаютъ своей цѣли.

Смѣсь.

Для ёлки. Мы каждый годъ стремимся помочь нашимъ подписчикамъ въ важномъ и трудномъ дѣлѣ — выбора подарковъ дѣтямъ на елку, и потому всегда останавливаемся на новостяхъ предлагаемыхъ, по справедливости, самой энергичной фирмой, работающей для міра русскихъ дѣтей, извѣстной и существующей уже семнадцать лѣтъ „С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ" (Троицкая ул. 9), находящейся подъ руководствомъ преданныхъ своему дѣлу и образованныхъ людей—А. Н. Канаева и А. К. Ержемскаго.

Мастерскую обыкновенно упрекаютъ въ одномъ — это въ дороговизнѣ ея изданій, въ работѣ исключительно для дѣтей достаточныхъ семей; но дѣло въ томъ, что Мастерская, начавъ свою дѣятельность, одушевленная любовью къ дѣлу, безъ всякихъ средствъ,—если не считать средствами 50 р., на которые куплены были верстаки и заплачено 18 руб. за квартиру на заднемъ дворѣ въ Лештуковомъ переулкѣ,—твердо намѣтила свои цѣли и заявила о нихъ въ предисловіи къ своему первому, тощенькому каталогу (всего 28 стр.): „изобрѣтать, улучшать и, по мѣрѣ расширенія спроса и производства, удешевлять вещи, но однако не съ тѣмъ, чтобы дешевизна была кажущеюся, въ ущербъ прочности ихъ. Мастерская приняла за правило дѣлать *прочно, чисто* и *не дорого*".

Этимъ самымъ заявленіемъ Мастерская пошла совершенно противъ теченія современной промышленности, гдѣ царствуетъ единственный соблазнъ для покупателя—„дешевизна".

Мастерская никогда не прибѣгала, какъ намъ извѣстно, къ этому соблазну и твердо преслѣдовала свою цѣль: дѣлать вещи прежде всего возможно хорошо, такъ какъ цѣль русскихъ техниковъ прежде всего достичь извѣстнаго совершенства и доброкачественности въ производствѣ, а также воспитать настоящаго хорошаго рабочаго мастера въ своемъ дѣлѣ. Дешевизну же прежде всего обусловливаетъ спросъ. Увеличится спросъ, тогда и хорошія вещи при усовершенствованіи и удешевленіи производства могутъ продаваться не дорого. Но спросъ у насъ туго увеличивается, каждый фабрикантъ работаетъ только на внутренній рынокъ, и приходится дѣлать вещи въ десяткахъ экземпляровъ; тогда какъ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ все приготовляется въ тысячахъ и въ десяткахъ тысячъ.

Еще два слова въ сторону: массу. народъ удовлетворяютъ наидешевѣйшія издѣлія нашихъ кустарей, дешевле которыхъ ничего не выдумаешь, а потребность въ воспитательныхъ играхъ и занятіяхъ существуетъ только въ интеллигенціи, болѣе или менѣе обезпеченной, и вотъ къ удовлетворенію ея потребностей волей-неволей направляется дѣятельность Мастерской по части изданій игръ и занятій. Что-же касается учебныхъ и школьныхъ предметовъ, то ея произведенія не дороже, а чаще дешевле другихъ производителей, какъ видно изъ сравненія прейсъ-курантовъ.

Къ предстоящей елкѣ Мастерская издала болѣе десятка своихъ собственныхъ оригинальныхъ изданій; вотъ ихъ перечень:

Обновлено очень серьезное изданіе подъ названіемъ *Домашній музей* — это маленькій деревянный шкафъ съ 3-мя полками, массой табличекъ изъ папки и печатными ярлыками предметовъ, попадающихся на каждомъ шагу въ домашнемъ быту: пуговокъ, стеклышекъ, шерстинокъ и пр.

Цѣль этого изданія отвлечь дѣтей отъ безцѣльнаго собиранія „разной дряни", какъ говорятъ няньки, и заставить ихъ классифицировать находимые предметы по 3-мъ царствамъ природы.

Насколько за это изданіе благодарны будутъ родители серьезно занимающіеся воспитаніемъ своихъ дѣтей, настолько же возненавидятъ „Домашній музей" родители, для которыхъ дѣти—излишнее бремя: дѣти надоѣдятъ имъ вопросами объ исторіи происхожденія каждой пуговицы. По нашему мнѣнію, „Домашній музей"—одно изъ серьезнѣйшихъ и полезнѣйшихъ изданій Мастерской.

Далѣе мы отмѣтимъ изящно изданную *Русскую деревню*,—подготовительный матеріалъ для склейки изъ папки дѣйствительно русской деревни. Это изданіе для самыхъ маленькихъ дѣтей. Для нихъ же Мастерская составила изъ заграничнаго матерьяла и *Малютку-рисовальщика на волшебной бумагѣ* — очень интересное занятіе для крошекъ, умѣющихъ держать карандашъ.

Совсѣмъ другаго типа *Охота съ борзыми*, изданная образцово-изящно. Эта игра заимствована изъ любимой школьной игры, въ которую рѣдко кто учившійся въ школѣ не игралъ—игры въ перья; поэтому объ ней распространяться нечего.

Кромѣ того, Мастерскою еще издано нѣсколько интересныхъ вещей, какъ напр. *Постройка маленькой водяной мельницы*, но это болѣе лѣтняя игрушка, чѣмъ на елку—зимой. Хорошо сдѣлала Мастерская, выпустивъ по болѣе дешевой цѣнѣ прошлогоднюю новинку, тоже лѣтнюю игрушку *Снаряженіе яхты*.

Далѣе, мы видѣли въ Мастерской такъ-называемую jeu de patience, отъ нечего дѣлать — *Лабиринтъ*, изготовленный по заграничному образцу; прекрасный подарокъ для нашихъ дамъ и дѣвицъ—*Самопряху* уже съ приготовленнымъ для пряжи льномъ и шерстью, и наконецъ произведенія „дѣдушки" изданія русскихъ игръ г. Иконникова, который работаетъ на своемъ поприщѣ „вѣрой и правдой" съ 1848 г. и получилъ 1-ю медаль въ этомъ году... Онъ издалъ *Новѣйшаго Петрушку* — веселенькую игрушку для маленькихъ дѣтей, но въ которую пусть лучше дѣти играютъ безъ приложенной къ ней книжки... и превосходную классическую игру *Хальма*, которая доставитъ много удовольствія любителямъ шашечныхъ игръ, какъ взрослымъ, такъ и дѣтямъ.

Затѣмъ Мастерская собираетъ въ свое помѣщеніе подходящія вещи для подарковъ дѣтямъ отовсюду: и изъ знаменитаго русскаго Нюренберга—Сергіевскаго Посада, и изъ настоящаго Нюренберга, и изъ Парижа и проч. и проч. Цѣлый большой столъ занятъ вещами цѣною не дороже 1 рубля.

Въ Россіи до сихъ поръ существуетъ большой спросъ на гувернантокъ иностранокъ; многія семейства приглашаютъ ихъ какъ воспитательницъ къ дѣтямъ или какъ учительницъ новымъ языкамъ. Поэтому сотни француженокъ, англичанокъ и нѣмокъ стремятся въ наше отечество попытать счастье и заработать себѣ насущный кусокъ хлѣба на этомъ поприщѣ. Но нерѣдко, не зная языка и не заручившись заранѣе предложеніями мѣстъ, онѣ оказываются въ весьма грустномъ положеніи и проживаютъ послѣдніе гроши, не зная куда обратиться за помощью. Съ другой стороны, лица нуждающіяся въ гувернанткахъ—тоже находятся въ затрудненіи, не зная гдѣ имъ получить такую воспитательницу или учительницу, которой можно бы смѣло довѣрить дѣтей.

Конторы, обыкновенно служащія посредниками, нисколько не помогаютъ этому горю, такъ какъ онѣ никого и ничего не рекомендуютъ и не могутъ рекомендовать. Необходимо, слѣдовательно, учрежденіе, которое съ одной стороны давало бы пріютъ и защиту пріѣхавшимъ дѣвушкамъ иностранкамъ, съ другой же могло бы дать солидную рекомендацію имъ при поступленіи ихъ на мѣста, т. е. помочь обѣимъ нуждающимся сторонамъ.

Подобное учрежденіе находится здѣсь, въ Петербургѣ, по Торговой ул., д. № 15, основанное Евангелическимъ обществомъ, и усердно поддерживается благотворителями французской, англійской, швейцарской и нѣмецкой колоній.

Заведеніе это утверждено правительствомъ и имѣетъ свой строгій уставъ. Гувернантки всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и націй безъ различія принимаются туда за небольшую мѣсячную плату и получаютъ матерьяльную и нравственную поддержку и содѣйствіе въ прінсканіи мѣста. О дѣятельности этого учрежденія можно судить по тому, что въ теченіе своего *13-лѣтняго* существованія оно пріютило *1114 гувернантокъ*, изъ которыхъ большая часть получила мѣста, благодаря содѣйствію общества.

Поддержка и дальнѣйшее процвѣтаніе этого дѣйствительно полезнаго учрежденія зависятъ, само собой разумѣется, отъ содѣйствія публики, ищущей гувернантокъ; за самое ничтожное вознагражденіе оно можетъ рекомендовать воспитательницъ и учительницъ не только на основаніи ихъ дипломовъ и аттестатовъ, но и часто на основаніи личнаго знакомства съ ними во время ихъ пребыванія въ учрежденіи.

Желающіе ближе познакомиться съ этимъ учрежденіемъ и его полезной дѣятельностью или прибѣгнуть къ его содѣйствію по прінсканію гувернантокъ, могутъ обращаться въ самое учрежденіе: по *Торговой ул., д. № 15, кв. № 78.*

Гроза и боязнь ея. Черныя грозовыя тучи, сверкающая молнія и раскаты грома — явленія при которыхъ ни одинъ человѣкъ не можетъ оставаться вполнѣ спокойнымъ; другой вопросъ, есть ли основанія особенно бояться этой потрясающей игры природы.

Молнія, факторъ грозящій жизни человѣка, есть разряженіе электричества или между двумя тучами, или между одною тучей и какою-либо точкой земли. Для людей опасно лишь послѣднее. Молнія летитъ изъ тучи на поверхность земли по тому пути, который наиболѣе соотвѣтствуетъ ея свойствамъ, т. е. она касается всего, что ее притягиваетъ, и обходитъ все не обладающее притяженіемъ. Особенною силой притяженія молніи обладаютъ металлическіе предметы, затѣмъ каменныя стѣны, деревья, дымъ и паръ. Изъ деревьевъ содержащія мало смолы, какъ напр. дубы, притягиваютъ молнію сильнѣе, чѣмъ смолистыя хвойныя и буки. Сквозной вѣтеръ не усиливаетъ опасности, и комната съ открытыми окнами представляетъ болѣе безопасности, чѣмъ съ закрытыми, такъ какъ въ послѣдней при ударѣ можно задохнуться. Въ открытомъ, но не слишкомъ голомъ полѣ или посреди высокой вентилированной комнаты человѣкъ менѣе всего подвергается опасности быть пораженнымъ молніей. Молнія, которую мы видимъ, уже не можетъ принести намъ вреда, такъ какъ дѣйствіе стрѣлъ ея гораздо скорѣе появленія ея блеска.

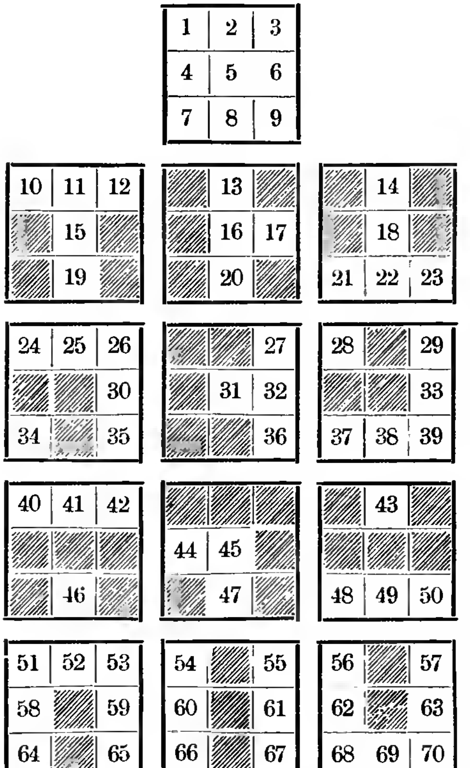
Что молнія можетъ убить, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но статистика показываетъ, что она убиваетъ рѣдко. Одинъ убитый молніей приходится на 375,000 умершихъ отъ болѣзней, причемъ война и повальныя болѣзни не приняты въ счетъ. Этотъ результатъ достаточно убѣдительно говоритъ за то, что мы имѣемъ болѣе основанія дрожать предъ болѣзнью и человѣческимъ насиліемъ, чѣмъ предъ стрѣлою молніи, у которой, благодаря громоотводу, отнята почти вся ея сила, или другими словами, страхъ передъ грозою въ высшей степени неоснователенъ и напрасенъ. (к.)

Источники нефти. Въ Пенсильваніи послѣ перваго мѣстнаго открытія нефти уже разрабатывается 53,000 источниковъ; нѣкоторые изъ нихъ глубиною въ 1,000 метровъ. (к.)

Вѣера. По новѣйшей модѣ для роскошныхъ вѣеровъ употребляются перья уже не страусовъ, а глухарей, болѣе рѣдкія, чѣмъ первыя. (к.)

Благородное возмездіе. Однажды маркиза Виллакруа послала за однимъ знаменитымъ парижскимъ хирургомъ съ цѣлью пустить себѣ кровь, что тогда еще было въ ходу. Однако этотъ весьма искусный хирургъ повредилъ ей артерію; начался антоновъ огонь, такъ что пришлось отнять руку. Но и эта операція была такъ несчастлива, что старой дамѣ грозила смерть. Предъ кончиной она въ полномъ сознаніи сдѣлала завѣщаніе, въ которомъ назначила этому хирургу значительную пожизненную пенсію, такъ объясняя свой благородный поступокъ: „я завѣщаю хирургу пенсію, предвидя, что несчастье, причиненное мнѣ его неловкостью, отниметъ у него въ будущемъ всѣхъ паціентовъ". (к.)

Рождественская задача № 70.



Изъ данныхъ буквъ: 5 а, 4 в, 2 г, 1 д, 5 е, 1 ж, 6 и, 2 л, 5 м, 4 н, 5 о, 1 п, 1 р, 2 с, 6 т, 2 у, 2 х, 1 ц, 2 ч, 1 ш, 7 ъ, 1 ь, 2 ы, 1 ѣ и 1 й составить нижеслѣдующія 15 словъ:

1) Мѣсяцъ по магометанскому календарю 2, 42, 14, 20, 10, 18, 19, 13.

2) Принадлежность древняго орудія стрѣльбы 6, 39, 23, 5, 8, 37.

3) Хвойное дерево 1, 9, 16, 25, 47.

4) Вождь народа израильскаго 31, 44, 11, 4, 51, 63.

5) Составная часть поѣзда 12, 54, 35, 46, 27, 15.

6) Народное собраніе въ древней Руси 41, 24, 21, 62.

7) Противоположность достатку 30, 61, 36, 64, 57.

8) Внукъ Игоря 58, 33, 66, 45, 17.

9) Часть русскаго торговаго фунта 48, 60, 38, 28.

10) Карточная игра 59, 22, 32, 40, 34.

11) Глаза 65, 29, 68.

12) Одинъ изъ сыновъ Ноя 26, 43, 52, 53.

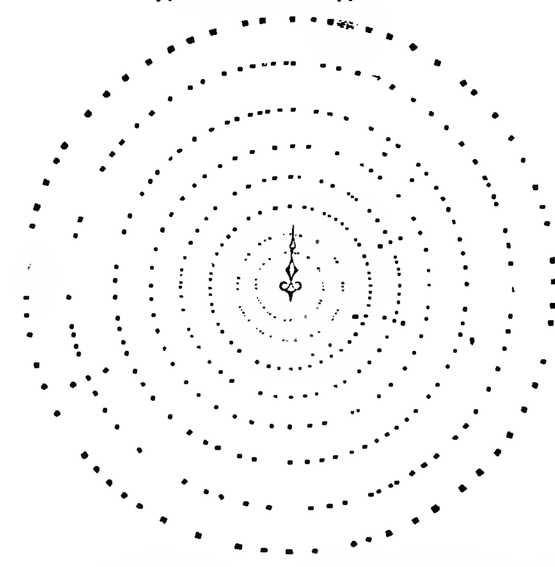
13) Звѣрокъ изъ породы грызуновъ 67, 3, 55, 49.

14) Частоколъ 56, 7, 50, 70.

и 15) Согласная буква 69.

Буквы найденныхъ словъ помѣстить въ незатушеванныхъ клѣткахъ предлагаемыхъ квадратовъ на мѣстахъ цифръ, указанныхъ противъ каждаго искомаго слова. Затѣмъ одинъ изъ квадратовъ, наполненныхъ буквами, разрѣзать прямыми линіями на три части, и части эти, вмѣстѣ съ остальными квадратами, должны быть соединены въ одинъ общій прямоугольникъ, но такъ, чтобы въ клѣткахъ его изъ буквъ можно было бы прочесть одну фразу, а изъ затушеванныхъ клѣтокъ составилось-бы извѣстное число.

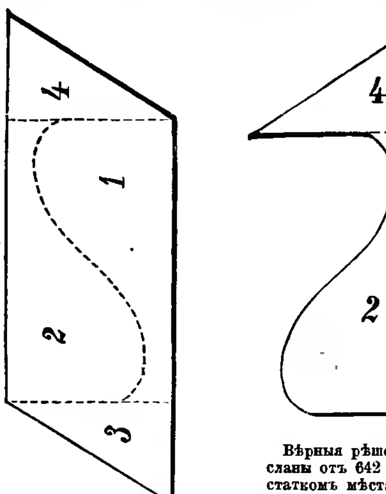
Рождественская задача № 71.



Означенныя въ кругу точки соединить прямыми линіями такъ, чтобы получились буквы, изъ которыхъ составились бы фразы, два же ряда точекъ ближе расположенныхъ къ центру соединить такъ, чтобы получились славянскія цифры.

Рѣшеніе ребуса № 66 (помѣщеннаго въ № 46).
„Кто правду хранитъ, того Богъ наградитъ“.

Рѣшеніе геометрической задачи № 67 (помѣщен. въ № 46).



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ 642 лицъ, почему, за недостаткомъ мѣста, фамиліи ихъ не могутъ быть помѣщены.

Рѣшеніе шашечной задачи № 69 (помѣщенной въ № 48).

Бѣлыя.	Черныя.
1) a 1 — b 2	1) c 3 — a 1
2) e 3 — d 4	2) e 5 — c 3
3) a 5 — c 7	3) b 8 — d 6
4) g 1 — f 2	4) c 3 — a 5
5) f 2 — g 3	5) b 2 — f 4
6) d 2 — b 4	6) a 5 — c 3
7) c 1 — b 2	7) b 8 — g 7
8) h 6 — f 8	8) c 3 — d 2
9) e 1 — c 3	дамка заперта.

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ Н. В. Панкова въ СПб.

Рѣшеніе шахматной задачи № 68 (помѣщенной въ № 48).

1) C b 1 — c 2	1) b 3 — c 2
2) C e 5 — f 4	2) f 7 — f 6 (а то
3) Ф a 5 — a 2 ++	Ф a 5 — e 5 ++)

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: СПб. — А. Куделина, **Корсунь** — У. Раппопортъ, **Славута** — В. К. Шнейдеръ.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28—6

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество

ПОДЪ ФИРМОЮ

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"

Измайловскій просп., № 27.

Фабричная марка

ДЛЯ ЕЛКИ

Золот. мед. Парижъ 1889 г.

Парафиновыя свѣчи, Бенгальскіе огни безъ дыма и запаха, Свѣтъ Магнезіумъ для яркаго освѣщенія, Зажигательная нитка.

КАРТОНАЖИ И СЮРПРИЗЫ.

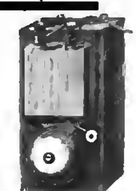
Большой выборъ бонбоньерокъ, хлопушекъ и украшеній для елки, отъ 3 коп. за штуку.

Портъ-букеты съ духами, коробки убранныя съ парфюмеріями, шелковые саше для перчатокъ и платковъ.

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1. Невскій проспектъ, № 32, домъ Католической церкви. Р. № 4907
2. Невскій проспектъ. № 66, у Аничкина моста.
3. Вознесенскій просп., № 24—52, д. Шредера (Оптов. и розничн. продажа).

Магазинъ въ Москвѣ: На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ



Лампы съ накаливаніемъ въ 16 свѣчей, въ 50, 65 и 100 вольтъ, за 100 штукъ РС. 100. Патроны Эдиссона и Сименса. Тюльпаны стеклянн. отъ 50 к. до 1 р. 25 к. Электрическіе звонки отъ 1 р. 50 к. Аппараты №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12 РС. 7.50, 8.50, 14, 16, 20, 23. Кнопки отъ 25 к. Элементы Лекланше отъ 1 р. 25 к.—1 р. 50. Сухой элементъ Электронъ отъ 2 р. Изолированная проволока за ф. отъ 1 р. 20. Изоляторы отъ 20 к.—50 к. Симплексъ Микрофонъ, Телефонъ со звонкомъ, за станцію РС. 15. Микрофонъ телефонъ Вадена, съ индукторомъ, на протяженіе 400 верстъ, за станцію РС. 60. Домашкій телеграфъ, легко устанавливается домашнимъ образомъ, безъ помощи спеціалистовъ, цѣна 7 р. Постановка и проводъ телефоновъ и звонковъ, а также ремонтъ и починка по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Руководство и прейсъ-курантъ высыл. за 50 к. марками.

5—5 **К. И. ФРЕЛАНДТЪ** В. № 4775

Складъ электрическихъ приборовъ, С.-Петербургъ, уг. Невскаго пр. и Екатерининскаго канала, д. Учетнаго Банка, входъ съ канала. № 16.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 4720 17—5

Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

БРАТЬЯ ЭНГБЕРТСЪ и К°.

Гостиный дворъ, № 146, 147 и 14

въ С.-Петербургѣ.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ МУЖСКАГО и ДАМСКАГО БѢЛЬЯ.

ПОЛОТНО, БАТИСТЪ.

СТОЛОВОЕ БѢЛЬЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.

НОВОСТИ ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ ТКАНЕЙ.

Гг. иногороднымъ покупателямъ по требованію высылаются прейсъ-куранты безплатно. № 4884 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА

1891 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакціею **В. Н. Кутузова** (СПБ., Лѣсной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива" (СПБ., Невскій просп., № 6) и у казначея Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботаническій Садъ). Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы".

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

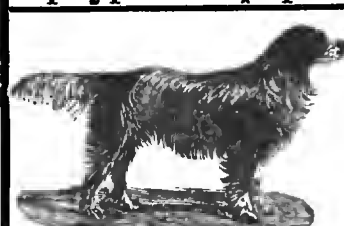
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (50) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

Артуръ Зейфартъ, Кёстрицъ (Германія).



Награды, преміи, дипломы, медали съ выставокъ государственныхъ и частныхъ.

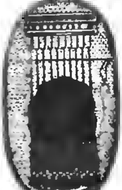
Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ

Рѣдчайшихъ современныхъ породъ, комнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта.

Породистыя собаки:

Спеціальности: Великорослыя горныя собаки, ньюфаундлендскія, мастифы, крупные нѣмецкіе доги, бульдоги, сторожевыя собаки, терьеры, пинчеры, пуделя, мопсы, крысоловки, дамскія собачки, охотничьи собаки, лягавыя, ищейки, таксы и проч. Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по кинологіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франкированная высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 пфенниговъ. Е. 4714

50 различныхъ породъ. — Вывозъ во всѣ части свѣта. — 50 различныхъ породъ.



НОВОСТЬ!

Штопальный приборъ привилегированъ для штопан. чулокъ, скатертей и др. под. предметовъ. Цѣна 1 р. Изящной отдѣлки въ роскошномъ футлярѣ 1 р. 80 к. За перес. 3 семикоп. почтов. марки.

Торговый домъ **В. С. МЕЛЬНИКОВА и К°.**, Москва, Большая Лубянка, д. Трындина.

ССУДЫ подъ всѣ % бумаги.

ВЫИГРЫШН. ЗАЙМЫ

съ залогомъ. Задатокъ 15 и 20 р. Ежемѣсячно 10 и 5 р. Никакого запрещенія продажи выигрышныхъ займовъ съ разсрочкою платежа со стороны Правительства не было сдѣлано и такіе слухи, какъ распространяемые лицами, заинтересованными лишь въ пониженіи цѣнъ, не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

СПБ., Невскій, 59—57, собств. домъ. № 4885 2—2

САРПИНКА.

Ткань изъ высшихъ сортовъ бумажной пряжи — сходство зефира и батиста.

Собственное ручное тканье.

Крѣпкія краски.

Розничная продажа.

Большой разнообразный выборъ рисунковъ, составленныхъ, какъ новость, на лѣто 1891 г.

Альбомъ высылается по полученіи 40 коп. почтовыми марками, присланными заказнымъ письмомъ.

АДРЕСЪ:

Саратовъ, Торговому Дому БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ.

№ 4821 5—4

ЧРЕЗВЫЧАЙНО КОМИЧЕСКІЕ ПРЕДМЕТЫ:

№ 4856 3—3

шутки, фотографіи. Илл. катал. 25 к. Е. и А. Шлеффель, Амстердамъ, Box. 509.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ПОВСЕМѢСТНО

БИБЛІОТЕЧКА СТУПИНА.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПО ПОЛНОТѢ СВѢДѢНІЙ

ИЗЯЩНО-ИЛЛЮСТР. ДѢТСКІЯ КНИЖКИ. № 4911

ПЕРВИНКА.
АЗБУЧКА КРОШКА.
ДѢТСКІЯ ПѢСЕНКИ.
КНИЖКА МАЛЮТКА.
БАБУШКИНЫ СКАЗКИ.
ЕЛКА.—БАЛАГУРЪ.
ДѢТКИ-МАЛОЛѢТКИ.
СТАРИКЪ-ГОДОВИКЪ.
РУС. БАСНИ.—СОБАКА.
КОШКА.—ОБЕЗЬЯНА.
МАТУШКА МОСКВА.
ЧУДЕСН. ЖИВОТНЫЯ.
ЧАРОДѢЙ.—КРѢПОСТЬ.
ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОЛИ.
ЗАБАВА ВСЕМУ ПРИП.
ВСЕГО ПО НЕМНОГУ.
ФРАНЦУЗ. АЗБУЧКА.
НѢМЕЦКАЯ АЗБУЧКА.
ПРОКАЗ. МИШКИ ТОПТ.
АРИѲМЕТИКА КРОШКА.

Цѣна каждой 10 к. съ пересыл. 15 к.

СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ СТУПИНА НА 1891 ГОДЪ.

72 стр. убористь печ., съ рисунками, 72 портрет. русскихъ писателей и приложеніемъ стѣнного календаря и карты Россіи, печатанной въ краскахъ.

Цѣна 15 коп. съ перес. заказ. банд. 28 коп. (высыл. марк.) **На 1 рубль** высыл. **5 экз.**

СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ содержитъ въ себѣ всевозможныя справочныя свѣдѣнія и статьи, посвящаемыя выдающимся лицамъ и событіямъ церковной и гражданской жизни. при чемъ справочныя свѣдѣнія отличаются полнотою, точностью и новизною, а статьи—интересныиъ и серьознымъ содержаніемъ и популярнымъ изложеніемъ. По внѣшнему своему виду календарь отличается чистотою печати и изящществомъ рисунковъ. Благодаря указаннымъ достоинствамъ, календарь въ первый же годъ изданія заслужилъ лестные отзывы періодической печати.

РУЧН. ТѢНИ И ИГРЫ.
МАЛЕНЬКІЙ РИСОВАЛ.
ПОЗДРАВ. СТИХОТВОР.
СТЕПКА РАСТРЕПКА.
ТРИ ЦАРСТ. ПРИРОДЫ.
ОСВОБОЖДЕНІЕ РУСИ.
КРАСН. САРАФАНЧИКЪ.
ЗАЙЧИКИ.—КОЛОСЬЯ.
УДИВИТ. ЧЕРВЯЧОКЪ.
ИГРА ВЪ СОЛДАТЫ.
ЦАРЬ-БОГАТЫРЬ.
ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА.
АЛЕША ПОПОВИЧЪ.
САДКО И ВАС. БУСЛАЕВ.
ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.
ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.
О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.
О ЦАРѢ САЛТАНѢ.
О КУПЦѢ ОСТОЛОПѢ.
О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ.

На 1 р высылается 10 книжекъ.

АДРЕСЪ ИЗДАТЕЛЯ: Москва, Никольская ул., рядомъ съ Ремесленной Управой А. Д. СТУПИНА.

Dziesiąty rok wydawnictwa.
„S Ł O W O“

dziennik polityczny, społeczny, ekonomiczny i literacki pod redakcyą **Mścisława Godlewskiego**, przy udziale pierwszorzędnych sił publicystycznych polskich, wychodzi codziennie, z wyjątkiem świąt, w Warszawie.

W początkach I kwartału 1891 r. „Słowo“ rozpoczyna № 4918

LISTY Z PODRÓŻY PO AFRYCE
Henryka Sienkiewicza.

Cena prenumeraty: rocznie **12 rs.**, półrocznie **6 rs.**, kwartalnie **3 rs.**

Redakcya i Administracya „SŁOWA“ w Warszawie, Mazowiecka 11.

TIMBRES-POSTE *pour Collections*
J. DELZENNE
43, r. de Bourgogne, Paris
Prix-Courant *gratis et fco*

NAJNOWSZA POWIEŚĆ
Henryka Sienkiewicza
p. t. № 4919 2—1

BEZ DOGMATU

wyjdzie z druku w d. 6 (18) b. m.
Wydanie ozdobne tomów trzy; cena rs. 5.
Zamawiać i nabywać można we wszystkich księgarniach w Warszawie, na prowincyi, w Cesarstwie i Zagranicą. Nadsyłający zamówienie wprost do Administracyi „SŁOWA“ (Mazowiecka 11, w Warszawie) nie ponoszą kosztów opakowania i przesyłki.

С. № 4896 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, на 1891 годъ, на ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ: № 4914 2—1

ГОДЪ X. **НАБЛЮДАТЕЛЬ** ГОДЪ X.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, *перваго числа*, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, *безъ предварительной цензуры*. Въ распоряженіи редакціи имѣются уже беллетристическія произведенія: гг. **І. І. Ясинскаго, В. И. Немировича-Данченко, Ф. Д. Нефедова, Н. Ѳ. Бажина, П. Лѣтнева, В. А. Крылова** и мн. др. Годовая цѣна: **12 р.** безъ доставки; **13 р.** съ дост.; **14 р.** съ перес. иногороднымъ; за границу **17 р.** За полгода **7 р.** съ перес. **Подписка принимается:** въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ журнала: Владимірская ул., № 6.

Редакторъ-издатель **А. ПЯТКОВСКІЙ.**

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА

Невскій пр., д. № 29—31, рядомъ съ Думою.

Отдѣленіе: Садовая, д. № 32, въ С.-Петербургѣ.

Покупаетъ и продаетъ процентн. бумаги

русское золото и серебро, иностранныя деньги въ кредитныхъ билетахъ, золотѣ и серебрѣ.

ВЫДАЕТЪ ССУДЫ въ возможно высокомъ размѣрѣ съ

ПРАВОМЪ УПЛАТЫ ДОЛГА ПО ЧАСТЯМЪ

подъ билеты I займа	**215 р.**
„ „ II „	**195 р.**
„ „ Дворянскаго займа	**195 р.**
„ „ „ „ оплачен. **155 р.**	**130 р.**

подъ другія процентныя бумаги 10% ниже биржевой цѣны, взимая **съ 1-го декабря**, съ суммы до 1000 руб. 8% годовыхъ, свыше 1000 руб.—7% годовыхъ.

ПРИНИМАЕТЪ ВКЛАДЫ

на срокъ, до востребованія и на текущій счетъ, по которымъ платитъ впредь до измѣненія:

на годъ и болѣе	6½%	на три мѣсяца	5½%
„ 6 мѣсяцевъ	6%	по востребованію	5%

По текущему счету 4½%.

Принимаетъ страхов. бил. I и II по 75 к.

Исполняетъ биржевыя и иногородныя порученія въ точности.

ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ № 100. Mt. № 4917

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 3767 (90)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ДЕНЬ

на годъ **5 р.**	на 4 мѣс. **2 р.**
на 8 мѣс. **4 р.**	на 2 мѣс. **1 р.**
на 6 мѣс. **3 р.**	на 1 мѣс. **60 к.**
За границу на годъ **10 р.**	№ 4792 6—6 **Объявленія** по **10 к. за строку.**

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. **И. В. Скворцовъ.** Преображенская, 4. **12 кн. разсказовъ и очерковъ.** Издатель **А. А. Греве.**

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ

МОЛОЧНАЯ МУКА

для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока

Паров. фабр. **БЛИГКЕНЪ и РОБИНСОНЪ** въ СПБ.

Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ,**

Колокольная, 18 — 19, въ **С.-Петербургѣ.**

Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ: [подпись]

Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.

Продается въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4721 17—5

„ТУЗЪ ЧЕРВЕЙ“
РОМАНЪ Ц. № 4910
К. В. Назарьевой
будетъ печататься съ будущаго года въ ежедневной газетѣ 2—1
„НОВОСТИ ДНЯ“.
Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.
Годовая иногородная подписка 9 руб., полугодовая 5 руб. 50 коп. и для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ три срока по
3 руб. сер.

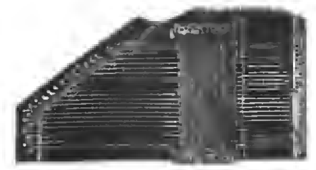
ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обращаться письменно: **Генрихъ Блонкъ**, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“,
научно-популярный журналъ, предназначаемый для родителей и воспитателей, имѣющій цѣлью—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ. 2—1
Къ журналу будутъ прилагаться рисунки. Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ). Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой 6 р., за-границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р. Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи, Москва, Малая Бронная, Дѣтская больница, кварт. Главн. д-ра.
Редакторъ-издатель д-ръ **Е. А. Покровскій.**

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ — ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.
Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дези“ и снопоязалокъ Макъ Кормика** въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандвля и конныя грабли Тигръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—15
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО:
Шиманъ. Былое времячко. Вальсъ. Ц. 75 к.
„ Маршъ и Вальсъ изъ оп. „Жажда сильныхъ ощущеній“.
Пейфъ. Маленьк. Листъ. Дѣтск. Сборн. 1.50.
„ Кавалерійскій маршъ. Ц. 40 к.
„ Кошечка. Полька со словами. Ц. 50 к.
Фельдманъ. Сладкій сонъ. Вальсъ. Ц. 75 к.
Ружицкій. Внемли, другъ, моленьямъ души № 4860 Романсъ. Ц. 40 коп. 10—2
„ Возьми меня, я вся твоя. Ц. 40 к.
Брамса Венгерск. танцы № 5.6.7. д. скр. съ фортепіано по 40 к.
у КУЛИКОВА, Москва, Мясницкая.



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:
съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.
Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (43) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.

1891 ГОДЪ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **52-й г. ИЗД.**
„НУВЕЛЛИСТЪ“
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО И „МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“.

Съ 1-го Января 1891 г. „Нувеллистъ“ вступитъ въ 52-й г. своего существованія.
Цѣль изданія „Нувеллиста“ доставить каждому семейству и каждому любителю музыки возможность получать по самой дешевой цѣнѣ значительный выборъ новѣйшихъ, лучшихъ и любимѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ для фортепіано, романсовъ и танцевъ. Чтобы удовлетворить такому назначенію, редакція находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими композиторами и музыкальными издателями въ Европѣ и помѣщаетъ въ журналѣ пріобрѣтаемыя отъ нихъ наиболѣе избранныя новости, достойныя вниманія общества, и по степени трудности доступныя для большинства публики. Кромѣ того, принявъ во вниманіе письма матерей семействъ, неоднократно получаемыя редакціею, съ просьбою о помѣщеніи въ „НУВЕЛЛИСТѢ“ легкихъ пьесъ для дѣтей, редакція поставила себѣ задачей, съ будущаго года прилагать къ каждому номеру по двѣ такихъ пьесы. Завѣдываніе этимъ отдѣломъ согласился принять на себя извѣстный музыкальный педагогъ

профессоръ К. Я. ЛЮТШЪ.

Такимъ образомъ нашъ журналъ пополнитъ тотъ пробѣлъ, который такъ ощутителенъ въ каждомъ семействѣ.
Въ 1891 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 28 до 35 страницъ музыки, большаго нотнаго формата. Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ болѣе чѣмъ въ 400 стр и будетъ содержать до СТО избранныхъ салонныхъ пьесъ, танцевъ и романсовъ.
Каждая тетрадь музыкальнаго номера будетъ содержать въ себѣ:
1) **Четыре или пять салонныхъ пьесъ.**
2) **Одинъ или два танца.**
3) **Русскій романсъ.**
4) **Двѣ пьесы для дѣтей.—Сверхъ того въ теченіе года въ „НУВЕЛЛИСТѢ“ будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.**

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“
дастъ возможно полный сводъ новостей касающихся музыки.
Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики получатъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ:

ПРЕМІЮ

ПОЛНУЮ ОПЕРУ для фортеп. въ 2 руки или Альбомъ фортеп. пьесъ **П. И. Чайковскаго**, или-же другія музыкальн. сочиненія по ихъ выбору, *изъ 80 нумеровъ*, **и въ теченіе года ДВА** художественно исполненныхъ **ПОРТРЕТА** знаменитыхъ музыкальныхъ дѣятелей.
Подписная цѣна. . . . . 5 руб.
Съ доставкою и пересылкою . . . . . . 6 руб.
Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „Нувеллиста“ при музык. торговлѣ* **М. БЕРНАРДА**, *Невскій пр., № 64*, уголъ Караванной улицы, противъ Аничкина дворца; въ Москвѣ, въ музык. магазинѣ П. И. ЮРГЕНСОНА, Неглинный проѣздъ, № 10. № 4912

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г. НА ЖУРНАЛЪ
ГОДЪ XI. # „ОСКОЛКИ“ **XI ГОДЪ.**
подъ редакціей и при постоянномъ участіи
Н. А. Лейкина.
Еженедѣльный (52 нумера въ годъ), иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“ съ каррикатурами, вступая въ **ОДИННАДЦАТЫЙ** годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1891 году подъ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1890 году. Въ годъ до **800** юмористическихъ и каррикатурныхъ, художественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и черныхъ, и до **1.300** юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ. Время отъ времени, редакція предлагаетъ ребусы, шарады и загадки **НА ПРЕМІЮ.**
Всѣ **ГОДОВЫЕ** подписчики получатъ въ концѣ 1891 года
БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:
ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ
„ПЕРОМЪ И КАРАНДАШЕМЪ“,
изящно изданный **альбомъ**, заключающій въ себѣ автографическіе наброски пера и карандаша русскихъ писателей, художниковъ, музыкантовъ, пѣвцовъ, актеровъ и пр.
ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

Съ доставкой и пересылкой:		Безъ доставки и пересылки:	
На годъ съ безплатной преміей.	9 р.	На годъ съ безплатной преміей	8 р. — к.
На полгода безъ преміи.	5 „	На полгода безъ преміи.	4 „ 50 „
За границу	10 „		

◆ **За пересылку преміи приплаты не полагается.** ◆
Допускается разсрочка подписной платы.
Подписка принимается: въ Главной конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ (Троицкая улица, д. № 18).
№ 4861 2—2 Редакторы-издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голике.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1891 годъ.
„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“
журналъ, издаваемый русскимъ обществомъ книгопродавцевъ и издателей.
Рекомендованъ для библіотекъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій Министерства Народнаго Просвѣщенія.
VIII-й г. ВЫХОДИТЪ ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ. 1891 г.
Въ журналѣ печатаются: Перечень новыхъ книгъ.—Отзывы о книгахъ.—Книжная хроника.—Rossica.—Указатель отзывовъ періодической печати о книгахъ.—Правительственныя распоряженія и т. п.—Съ безплатнымъ приложеніемъ: **„Наша періодическая печать“.** № 4886
Подписная цѣна съ доставкою и перес. 3 руб. въ годъ.
ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Гувернантокъ (Ewangel. Gouvernanten Heim) рекомендуетъ учительницъ и гувернантокъ всѣхъ націй.
Комитетъ Евангелическаго Общества Гувернантокъ: СПБ., Торговая. д. 15, кв. 58. № 4916

Только подлинно съ этой фабричн. маркой.

„НЕ КАШЛЯЙ“.
Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)
Л. Г. ПИТШЪ и К°.
въ Бреславлѣ.
Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.
*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо
Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В № 4719 18—7

Главный складъ у изобрѣтателя, провизора Ѳ. И. Шепфъ, въ Москвѣ, Патріаршіе пруды, д. Бриткина. Ц. № 4750 12—3

Bauschule Strelitz I. M.
Eintritt jeden Tag.
Auch erprobte Vor- u. Weiterbildung durch
Brieflichen Unterricht.
Kostenlose Auskunft durch Director
Hittenkofer.
R. 4898 6—1

НОВОСТЬ!
НОСКИ ДЖУТОВЫЕ
БЕЗЪ ШВА,
отличающіеся прочностію отъ всѣхъ другихъ сортовъ.
Только въ магаз. **Ю. ГОТЛИБЪ** по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго просп., СПБ.
Гг. иногородные заказчики благоволятъ прислать мѣру подошвы. Цѣна 5 руб., съ перес. 6 р. за дюж. Торговцамъ уступка.

Дозвол. цензур., СПБ., 18 декабря 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. — г. XXI

№ 52 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 29 декабря 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Отдыхъ на берегу моря. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) **А. Земцова**, грав. Шюблеръ.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Окончаніе).

XXIV.

Всѣ въ Сталупеняхъ изумились, узнавъ, что панна Франциска съѣздила въ лагерь бранденбуржцевъ и устроила дѣло. Ранѣе недѣли приступа не будетъ, а за эту недѣлю къ нимъ явится новая помощь по крайней мѣрѣ въ тысячу человѣкъ.

Еще болѣе были всѣ изумлены, когда командующій отрядомъ вступилъ въ мирныя сношенія съ королемъ Яномъ.

На утро панъ круль, въ пышномъ поѣздѣ, окруженный самыми лихими наѣздниками изъ сталупеньчиковъ, въ раззолоченномъ экипажѣ выѣхалъ въ лагерь.

Черезъ часъ онъ вернулся въ Сталупени, и рядомъ съ нимъ въ экипажѣ сидѣлъ гость въ бранденбуржскомъ генеральскомъ мундирѣ.

Въ тотъ же день былъ въ замкѣ веселый обѣдъ, на которомъ приключилось нѣчто совершенно неожиданное.

Генералъ Штейнъ, любезничавшій съ панной Дзялынской, предъ обѣдомъ былъ представленъ появившейся дочери пана Сандецкаго. Молодой, сравнительно, нѣмецъ первыя же слова, обращенныя къ Моникѣ, произнесъ страннымъ, загадочнымъ голосомъ, въ которомъ было волненіе. Моника даже смутилась.

Онъ впился въ нее глазами, заговорилъ съ ней о пустякахъ, но Моника прочла на его лицѣ такое странное выраженіе, какого никогда не случалось ей видѣть. Съ этой минуты Штейнъ почти не спускалъ глазъ съ дѣвушки.

Моника, за которой никто почти никогда не ухаживалъ, на которую никто не смотрѣлъ влюбленными глазами, была страшно поражена и взволнована.

Панъ Сандецкій, Кароль, Франуся и нѣсколько шляхтичей домовниковъ, приглашенныхъ къ столу, всѣ равно замѣтили загадочные взгляды и странное обращеніе бранденбуржца съ панной Моникой.

Тотчасъ послѣ обѣда Штейнъ, приглашенный Сандецкимъ прогуляться по парку, сообщилъ пану каштеляну едва вѣроятную новость.

— Ваша дочь, сказалъ онъ Сандецкому,—поразила меня. И поразила настолько, что я до сихъ поръ въ себя не могу придти... Вамъ это кажется страннымъ, но я самъ ничего не понимаю... Я вдовецъ. Я былъ женатъ, но вотъ уже три года, что потерялъ жену, съ которой счастливо прожилъ семь лѣтъ. Я любилъ ее и думалъ что никогда не забуду... До сихъ поръ ни одна женщина не производила на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія... И вдругъ сегодня... ваша дочь, панна Моника... Это колдовство какое-то! Я точно всю жизнь съ нею былъ знакомъ, меня влечетъ къ ней непреодолимо. Если бы настоящія обстоятельства были иными, если бы вы были не полякъ, а я не пруссакъ, то, конечно, я, не думая ни единой минуты, предложилъ бы руку и сердце паннѣ Моникѣ.

Сандецкій былъ огорошенъ заявленіемъ Штейна и даже не нашелся отвѣчать любезно.

Такъ какъ врагу, временно замиренному, было предложено оставаться гостемъ въ замкѣ, то генералъ Штейнъ провелъ вечеръ снова со всѣми обитателями замка. И почти весь вечеръ онъ не отходилъ отъ Моники и бесѣдовалъ съ ней. Моника за одинъ день измѣнилась. Волненіе не покидало ее, и въ ней какъ бы происходилъ и произошелъ какой-то нравственный переворотъ. Этотъ пруссакъ нравился ей, а между тѣмъ это былъ первый мужчина, который ей нравился.

Поздно вечеромъ Сандецкій, оставшись наединѣ съ Франусей, объяснилъ ей все, что узналъ отъ прусскаго генерала.

— Тѣмъ лучше! воскликнула Франуся.—Это въ нашу пользу. По его словамъ, онъ—близкое лицо ко двору. Если онъ не близокъ съ самимъ королемъ Фридрихомъ, то очень близокъ съ кѣмъ-то изъ королевскихъ любимцевъ. Какое странное совпаденіе обстоятельствъ! Младшая дочь пана уже замужемъ за человѣкомъ имѣющимъ косвенное вліяніе на Русскій кабинетъ. Явился претендентъ на руку другой дочери пана, имѣющій общественное значеніе въ Берлинѣ... Объ этомъ надо подумать серьезно!

— Что же? Не выдавать же мнѣ Монику замужъ за нѣмца! воскликнулъ Сандецкій.

— А мое мнѣніе то, что этотъ бракъ Моники—былъ бы для пана просто счастьемъ... Ну, по крайней мѣрѣ находкой.

Сандецкій, уже находившійся въ полной нравственной зависимости отъ возлюбленной, призадумался надъ ея словами.

Прошла недѣля. Наступалъ срокъ условленный между прусскимъ отрядомъ и осажденными, слѣдовательно наступалъ и день, въ который бранденбуржцы должны были взять приступомъ Сталупени, если самозванный король не сдастся добровольно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ объ ожидаемой помощи отъ князя Радзивила не было ни слуху, ни духу.

Обстоятельства однако за недѣлю настолько измѣнились, что въ Сталупеняхъ вмѣсто битвы ожидалось празднество.

Къ великому соблазну всѣхъ обитателей, старшая дочь пана круля должна была вѣнчаться съ бранденбуржцемъ, командующимъ отрядомъ.

Генералъ Штейнъ, бывая въ замкѣ всякій день, все болѣе увлекался Моникой, а панна, собиравшаяся всю жизнь поступить въ монастырь, пылко полюбила изящнаго и умнаго пруссака.

Самыя крѣпкія головы въ Сталупеняхъ ходили какъ въ чаду.

— Все такъ перепуталось, говорили они,—что и не разберешься. Сами мы объявили себя отдѣльнымъ государствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ панны или наши королевны выходятъ замужъ за враговъ Польши: одна за русскаго, другая за нѣмца.

Всѣ приписывали послѣднее диковинное обстоятельство вліянію, коварству и markознямъ панны Дзялынской. Ошибались всѣ, конечно, лишь на половину.

Сандецкій рѣшился выдать дочь замужъ за Штейна, исключительно благодаря настояніямъ Франуси. Но, въ данномъ случаѣ, за исключеніемъ самого пана Ксаверія, никто не былъ противъ брака. Моника была влюблена въ бранденбуржца до безумія. Кароль не находилъ ничего дурнаго въ этомъ бракѣ.

Но самыя важныя, настоящія козни Франуси никому еще не были извѣстны. Покуда генералъ Штейнъ бывалъ въ замкѣ въ качествѣ гостя—и гостя оригинальнаго, осаждающаго Сталупени съ войскомъ,—Франуся съ трудомъ находила возможность изрѣдка перемолвиться съ нимъ. Въ то же время она ежедневно тайно писала Штейну и получала отвѣты. Такимъ образомъ всякій день они переговаривались письменно все объ одномъ и томъ же дѣлѣ.

Наступилъ день свадьбы...

Разумѣется, въ день вѣнчанія панны Моники празднество было блестящее. Человѣкъ до сотни браденбуржцевъ были въ Сталупеняхъ въ качествѣ гостей. О томъ, чтобы сражаться, не было и рѣчи.

Но что будетъ и чѣмъ кончится, чѣмъ завершится

странное стеченіе обстоятельствъ, — никто не зналъ и даже не могъ предугадать. Всѣ однако будто чуяли, что монархіи Сталупеньской приходитъ конецъ, что король Янъ снова сдѣлается паномъ Ксаверіемъ.

Въ самый день свадьбы за столомъ новый зять пана объявилъ ему, на основаніи бумаги, полученной съ гонцомъ изъ Берлина, что король Прусскій жалуетъ ему— пану Ксаверію Сандецкому титулъ графа, орденъ Чернаго Орла и придворное званіе и, конечно, надѣется увидѣть у себя въ Берлинѣ своего новаго подданнаго, придворнаго кавалера.

Всѣ за столомъ ахнули. Панъ Сандецкій изумился болѣе всѣхъ. Только одна личность не удивилась, а улыбалась... Это была Француся.

И въ одну минуту эфемерное и фантастическое королевство Сталупеньское перестало существовать, „господинъ король" прельстился званіемъ простаго прусскаго графа.

Штейнъ заявилъ, что на другой же день выѣзжаетъ съ женой въ Берлинъ и будетъ тамъ ждать тестя. Отрядъ его въ тотъ же день вечеромъ выступитъ обратно домой, предоставивъ дѣло простымъ комиссарамъ, которые проведутъ границу между Польшей и Пруссіей.

XXV.

Однако сердце польскаго патріота заговорило вдругъ и забилось шибче въ панѣ Сандецкомъ. Сдѣлаться нѣмцемъ и вдобавокъ еще продать себя за почести полученныя изъ рукъ Прусскаго короля—вдругъ показалось ему позорнымъ. Но онъ не долго боролся. Онъ снова, болѣе чѣмъ когда-либо, былъ подъ властью лукавой и умной женщины, которая дѣлала съ нимъ, что̀ хотѣла. А Француся желала быть прусскою графиней.

Черезъ сутки въ Сталупеняхъ была тишина. Генералъ Штейнъ выѣхалъ съ женой. Войско скрылось. Короля Яна не существовало. Хотя и не было офиціально объявлено въ тронной залѣ самимъ королемъ, что онъ отрекается отъ своего престола, но тѣмъ не менѣе всѣ увидѣли и поняли, что круль Янъ если и не на томъ свѣтѣ, то и не на этомъ... Прошло еще нѣсколько дней—и пышный поѣздъ двинулся изъ Сталупеней на западъ по дорогѣ на Берлинъ. Графъ Ксаверій Сандецкій съ невѣстой, и съ многочисленною свитой ѣхалъ въ Берлинъ поклониться своему новому королю и благодарить за милости.

На шестой день пути длинный и пышный поѣздъ бывшаго „господина короля" въѣхалъ въ Берлинъ. Новый зять уже приготовилъ великолѣпное помѣщеніе своему тестю.

Черезъ два дня нѣмецкій подданный графъ Сандецкій получилъ аудіенцію и былъ милостиво принятъ своимъ монархомъ. Разумѣется, тонкій дипломатъ Фридрихъ съумѣлъ сразу очаровать своего новаго подданнаго, помѣстья котораго на много увеличивали пріобрѣтаемыя отъ польской короны земли. Вдобавокъ добровольное присоединеніе Сталупеней къ Пруссіи разрѣшало довольно запутанный и серьезный, хотя и нелѣпый вопросъ.

Послѣ пріема у короля графъ Сандецкій сдѣлался центромъ берлинскаго общества. Всѣ ухаживали за нимъ, почти увивались вокругъ него, конечно, по тайному приказу короля.

Всякій день графъ Сандецкій былъ приглашаемъ на обѣды, балы и концерты. Вмѣстѣ съ нимъ, конечно, блистала, кокетничала и плѣняла всѣхъ его очаровательная невѣста.

Повторялось буквально то же, что̀ было нѣкогда въ Варшавѣ. Француся, говорившая порядочно по-нѣмецки, сводила съ ума берлинскую молодежь.

Черезъ два, или три дня Сандецкій уже сталъ собираться обратно. Ему было неловко, совѣстно, не смотря на окружавшія его любезность и радушіе. Ему чудилось, что надъ нимъ потѣшаются, что онъ попалъ въ самое нелѣпое, срамное положеніе.

Онъ вѣдь продался! Онъ продалъ себя, своихъ рабовъ и исконныя польскія земли за титулъ и за орденъ. Иногда онъ не вѣрилъ собственнымъ глазамъ, что находится въ прусской столицѣ и что онъ подданный нѣмецкаго короля.

Не смотря на желаніе Сандецкаго какъ можно скорѣй вернуться домой, обвѣнчаться и зажить мирно въ Сталупеняхъ, не показываясь, конечно. никуда, онъ однако не выѣзжалъ.

Француся настойчиво упрашивала жениха остаться еще нѣсколько времени. Она снова была такъ же счастлива, какъ когда-то въ Варшавѣ, снова танцовала до упаду, рядилась, кокетничала, плѣняла и плѣнялась.

Почти съ перваго же дня ея появленія въ обществѣ, она познакомилась съ человѣкомъ, котораго знала еще и прежде по разсказамъ сестры. Это былъ принцъ королевскаго дома, извѣстный во всей Германіи своими похожденіями принцъ Адольфъ, про котораго много разсказывала ей Эльжбета.

Принцъ окончательно не отходилъ отъ Француси, и здѣсь повторялось буквально то же самое, что въ Варшавѣ.

Изо дня въ день, покуда Сандецкій собирался уѣзжать, но оставался ради просьбъ Француси, сближеніе между нею и принцемъ шло быстро. Сандецкій предполагалъ, что его невѣста только веселится, танцуя до упаду на всѣхъ балахъ, и желаетъ оставаться ради веселья.

Въ дѣйствительности легкомысленная и безсердечная женщина снова потеряла голову и, будучи сама хитра, снова ребячески довѣрялась лукавому человѣку.

На этотъ разъ Француся думала, что дѣйствуетъ совершенно иначе, чѣмъ когда-то въ Варшавѣ. Дѣло шло о бракѣ ея съ принцемъ! Принцъ прямо предложилъ ей руку и сердце и просилъ безъ всякихъ приготовленій и формальностей обвѣнчаться тайнымъ образомъ и потомъ уже покаяться во всемъ предъ монархомъ. Въ случаѣ гнѣва Фридриха онъ готовъ былъ пожертвовать кое-какими правами члена королевскаго дома.

Иногда Сандецкому поведеніе невѣсты казалось сомнительнымъ, страннымъ, но все, что̀ представлялось мгновеніями Сандецкому, было, собственно, настолько невѣроятно, даже чудовищно, что онъ тотчасъ же начиналъ укорять себя въ подозрительности, въ неразуміи.

Возможно-ли, чтобы эта женщина, разъ уже осрамившая его, покрывшая позоромъ въ Варшавѣ и прощенная имъ, можетъ снова обмануть его буквально такимъ же точно способомъ? Конечно, подобное невозможно.

И однажды въ сумерки Сандецкій, собиравшійся вмѣстѣ съ невѣстой на какой-то вечеръ, получилъ письмо. Прочитавъ его, онъ сначала ничего не понялъ и спросилъ у паюка, гдѣ панна.

Паюкъ отвѣчалъ. что панна выѣхала изъ дому съ разсвѣтомъ.

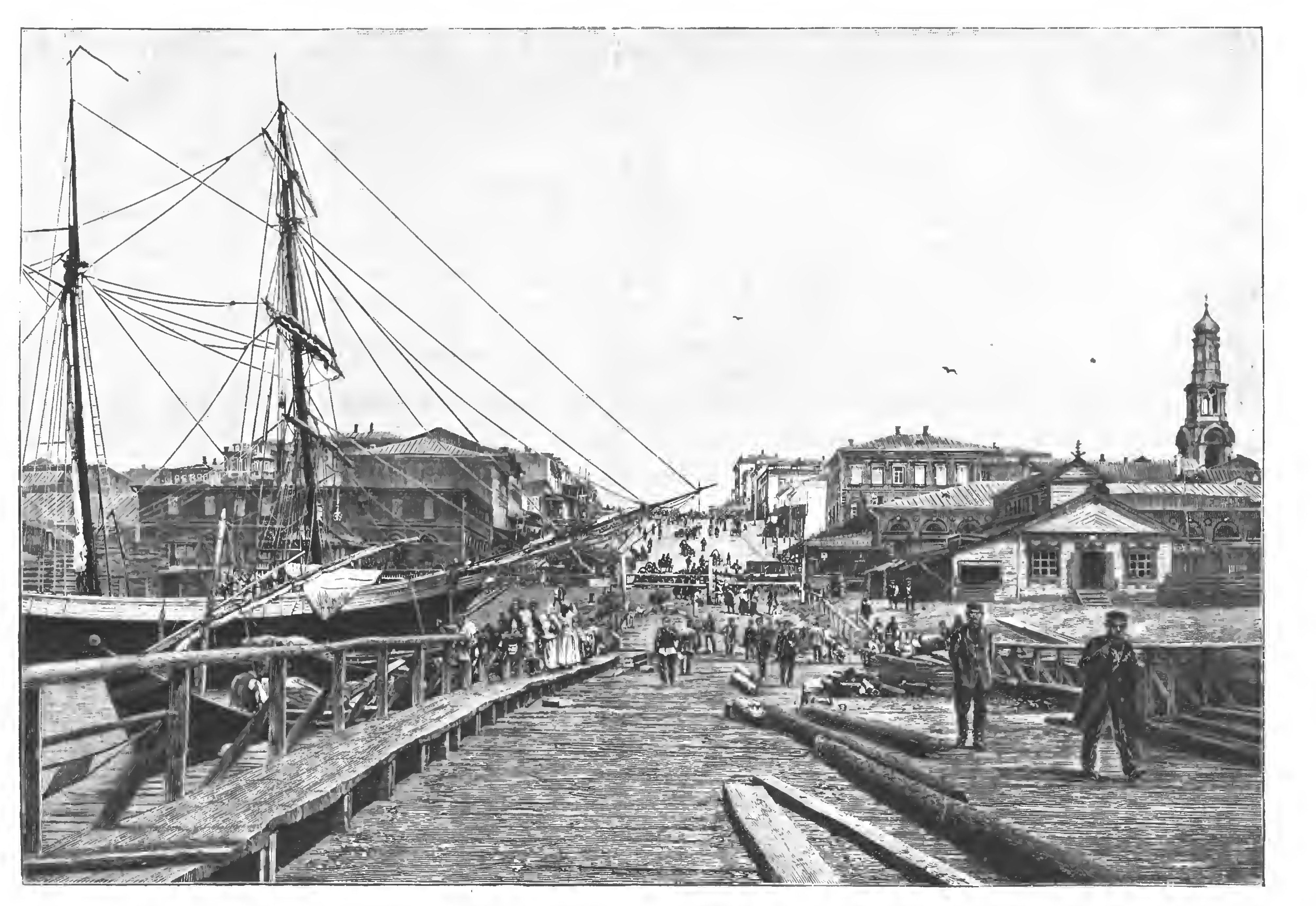
Сандецкій снова перечелъ письмо и снова ничего не могъ понять. Онъ не вѣрилъ глазамъ и не вѣрилъ собственному мозгу.

Письмо было отъ Француси, и она извѣщала Сандецкаго, что различныя причины побудили ее поступить самымъ неожиданнымъ и страннымъ образомъ.

Письмо было большое, переполненное громкими и пышными фразами, но смыслъ письма былъ таковъ, что Француся, сожалѣя о томъ горѣ, которое можетъ причинить Сандецкому, рѣшилась не соединять своей судьбы съ его судьбой.

По послѣднимъ строкамъ графъ Сандецкій узналъ, что Француся не только вѣнчается, но въ это утро уже обвѣнчалась съ принцемъ Адольфомъ.

Памятникъ императору Александру II въ Ростовѣ-на-Дону. Съ фот. Бывайлова. грав. Шюблеръ.



Таганрогскій спускъ въ Ростовѣ-на-Дону. Съ фот. Бывайлова, грав. Рашевскій.

XXVI.

Ударъ, полученный вторично отъ той-же женщины, почти при тѣхъ же условіяхъ былъ настолько силенъ, что пожилой человѣкъ, хотя еще и бодрый, казалось, потерялъ окончательно разсудокъ.

Въ тотъ же вечеръ поѣздъ Сталупеньскаго каштеляна скакалъ изъ Берлина; но панъ ѣхалъ одинъ.

Предъ отъѣздомъ Штейнъ и Моника, провожавшіе его, объяснили ему, что случай съ Франусей извѣстенъ въ Берлинѣ, но что всѣ сомнѣваются въ его правдоподобности.

— Всѣмъ, кто знаетъ принца Адольфа, говорилъ Штейнъ,—кажется невѣроятнымъ, чтобы онъ обвѣнчался съ кѣмъ бы то ни было. Принцъ въ своей жизни продѣлалъ столько отчаянныхъ шалостей, что, вѣроятно, и этотъ случай — новая смѣшная исторія... И болѣе ничего!

Кароль встрѣтившій каштеляна въ Сталупеняхъ, едва узналъ его, настолько за нѣсколько дней опустился и постарѣлъ его отецъ. Кароль не зналъ, радоваться-ли тому, что отецъ избавился отъ змѣи, или горевать, видя насколько онъ убитъ.

На другой же день по пріѣздѣ. панъ Ксаверій отправилъ гонца въ Берлинъ съ длиннымъ посланіемъ на имя Штейна.

Въ этомъ посланіи Сандецкій заявлялъ, что никогда не будетъ добровольно нѣмецкимъ подданнымъ и предпочитаетъ оставаться тѣмъ, чѣмъ были его предки. Къ посланію были приложены возвращаемыя грамоты на графское достоинство и на орденъ Чернаго Орла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Сталупеняхъ начались новыя работы, но шли уже вяло—всѣ работали лѣниво. Снова злополучную рѣчку Вислейку проводили по новому руслу, чтобы отдѣлиться отъ Пруссіи.

Прошло двѣ недѣли. Панъ Ксаверій почти не выходилъ изъ своихъ горницъ, сидѣлъ по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ, понурившись и задумавшись.

Однажды утромъ Кароль явился къ отцу и сталъ успокоивать его, что̀ дѣлалъ ежедневно, а затѣмъ, помолчавъ, выговорилъ:

— Я имѣю сообщить нѣчто важное, но прежде позволь мнѣ задать вопросъ.

Сандецкій, молча, кивнулъ головой.

— Способенъ-ли отецъ мой вторично простить отвратительную, бездушную и жестокосердую женщину, которая такъ гадко поступила съ нимъ? Способенъ-ли, если она явится снова, примириться съ нею и снова въ третій разъ назвать ее невѣстой и женой.

— Никогда! отвѣчалъ Сандецкій.

И по звуку его голоса, Кароль вполнѣ убѣдился, что между отцомъ и этою женщиной порвано все, навсегда.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ сказать, что по письму, полученному мною отъ Моники, я знаю все, что̀ случилось съ легкомысленною женщиной. Она наказана подѣломъ: она не принцесса королевско-прусскаго дома. Принцъ, извѣстный своими любовными похожденіями не менѣе, чѣмъ нашъ Станиславъ-Августъ, сыгралъ съ ней такую штуку, которыя изрѣдка повторяются во всѣхъ странахъ. Онъ не вѣнчался съ нею, а просто шутовствовалъ. Весь обрядъ вѣнчанія былъ шуткой съ подставными лицами или маскарадомъ, причемъ священникомъ переодѣлся одинъ изъ его пріятелей. И теперь Дзялынская уже знаетъ, какъ была обманута, раскаивается и, конечно, вскорѣ явится снова просить прощенія. Простить ее было бы... не дѣломъ дворянина!

Сандецкій понурился, но не отвѣтилъ ничего.

— Батюшка, неужели простишь? воскликнулъ Кароль испугавшись.

— Никогда, Кароль!.. Никогда!.. Клянусь!

— Слава Богу... Я вѣрю... Теперь другое, болѣе важное извѣстіе... выговорилъ Кароль.

— Болѣе важнаго и ужаснаго извѣстія ты мнѣ передать не можешь... Если ты мнѣ скажешь, что наступилъ конецъ міру, то мнѣ это будетъ совершенно безразлично.

— Наступилъ дѣйствительно конецъ, батюшка... Конецъ нашего рода... Это результатъ посланія въ Берлинъ...

— Что-жъ?.. Опять войско?... Пруссаки?

— Да, батюшка... Штейнъ пишетъ мнѣ, что сюда посылается отрядъ тысячи въ двѣ человѣкъ съ артиллеріей, чтобы уничтожить Сталупени, а всѣхъ его защитниковъ взять и доставить въ Берлинъ не въ качествѣ плѣнниковъ, а въ качествѣ простыхъ бунтовщиковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣю извѣстіе, что отрядъ, двигавшійся, вѣроятно, быстро, уже находится часахъ въ двухъ пути отъ Сталупеней. Покуда мы говоримъ, онъ уже приближается. Не далѣе, какъ сегодня вечеромъ, все кончится. Мы будемъ...

— Взяты и уведены въ Берлинъ? прибавилъ Сандецкій.—Никогда, Кароль!

— Но развѣ ты можешь бороться? Вѣдь у насъ не наберется четырехсотъ человѣкъ способныхъ сражаться.

— Мнѣ не нужно и сотни человѣкъ... Даже никого не нужно. Но все-таки я буду вызывать охотниковъ— Сандецкій вздохнулъ и прибавилъ: — И они найдутся!

Наступило молчаніе и продолжалось долго. Кароль печально смотрѣлъ въ лицо задумавшагося отца, на которомъ было написано горькое отчаяніе, но и покорность судьбѣ. Видно было, что панъ Ксаверій обдумываетъ нѣчто роковое.

Наконецъ Сандецкій снова тяжело вздохнулъ, поднялъ влажные глаза на сына и выговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Кароль, ты поѣдешь къ начальнику войска и передашь ему отъ моего имени предложеніе... Я прошу дать мнѣ сроку три дня, чтобы обдумать мое положеніе и сдѣлать кое-какія распоряженія. Ты скажешь ему, что я даю честное слово дворянина, что черезъ трое сутокъ онъ войдетъ въ за̀мокъ безъ боя и займетъ его. Ни единый человѣкъ не будетъ противиться занятію за̀мка и присоединенію Сталупеней къ Прусскому королевству. Я даю въ этомъ мое честное слово и сдержу его свято. А за эти три дня я сдѣлаю кое-какія распоряженія, не имѣющія никакого значенія для пруссаковъ.

Кароль смотрѣлъ на отца съ недоумѣніемъ.

— Но что̀ же это будетъ, батюшка?

— Этого я тебѣ не скажу. До сихъ поръ у меня не было отъ тебя тайнъ, а теперь есть... Ступай тотчасъ къ пруссаку и передай мое предложеніе.

— Врядъ-ли онъ согласится на это, замѣтилъ Кароль.

— Постарайся. Будь краснорѣчивъ. Объясни ему, что мы будемъ защищаться за стѣнами за̀мка до послѣдняго человѣка, будемъ отбиваться сначала со двора, а затѣмъ изъ оконъ. Всякую комнату онъ долженъ будетъ брать въ за̀мкѣ приступомъ. Объясни ему, что при этомъ потеря людей будетъ значительная... Конечно, съ ихъ стороны. Мы будемъ всѣ перебиты, но намъ это все равно. Мы на то идемъ. Но сколько онъ потеряетъ народу, когда ему придется брать приступомъ гостиную за гостиной, спальню за спальней! Если же онъ согласится на мое предложеніе, то черезъ три дня войдетъ мирно, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Если онъ не повѣритъ мнѣ на слово, скажи, что я явлюсь самъ и передъ Распятіемъ принесу клятву, что черезъ три дня за̀мокъ будетъ въ его распоряженіи. Ступай немедленно!

Кароль поднялся, поцѣловался съ отцомъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, но обернулся снова.

— Но что̀ же я долженъ думать, отецъ? Затѣянное очевидно ужасно.

— Я ничего не хочу и не могу тебѣ сказать, Кароль. Ступай, исполняй мое порученіе!

Черезъ четверть часа молодой человѣкъ былъ уже на конѣ и въ сопровожденіи четырехъ сталупеньчиковъ выѣзжалъ изъ воротъ за̀мка въ качествѣ парламентера.

„Да, много смѣялись надо мной, по милости злодѣйки, думалъ Сандецкій оставшись одинъ,—но теперь не засмѣются“.

Панъ Ксаверій тотчасъ же потребовалъ къ себѣ Зарембу и долго совѣщался съ нимъ у себя въ спальнѣ. Шляхтичъ вышелъ отъ каштеляна грустный, съ поникшею головой. Отворяя дверь и пропуская Зарембу, Сандецкій крѣпко пожалъ его руку и выговорилъ съ чувствомъ:

— Если боишься, пане, колеблешься, то передумай.

— Нѣтъ, я рѣшился... У меня двухъ словъ нѣтъ, отозвался Заремба.

— Хорошо. Стало-быть, я могу разсчитывать, что все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ?

— Съ нынѣшняго же вечера начну работу, пане, отозвался Заремба.—За ночь многое будетъ сдѣлано, а что̀ не успѣю, то сдѣлаю въ слѣдующую ночь. Послѣзавтра все будетъ въ порядкѣ.

Послѣ Зарембы каштелянъ вызвалъ къ себѣ Трембицкаго. Бесѣда съ нимъ была короткая.

Черезъ часъ послѣ того, что вышелъ отъ каштеляна, Трембицкій уже садился со своей семьей въ два экипажа и выѣзжалъ изъ воротъ по дорогѣ въ Варшаву.

Между тѣмъ у Сандецкаго перебывало уже до пятидесяти человѣкъ всякихъ нахлѣбниковъ. Панъ впускалъ за-разъ къ себѣ въ спальню по два, по три человѣка, запиралъ дверь и со всѣми совѣщался.

Совѣщаніе продолжалось не долго и каждый разъ, что кто-либо выходилъ отъ каштеляна грустный, то отправлялся прямо къ Зарембѣ и, входя, говорилъ:

— Пане, и я тоже.

Тотъ, кто не шелъ къ Зарембѣ, немедленно бралъ телѣжку или лошадь и выѣзжалъ изъ за̀мка куда угодно. Очевидно, что панъ Сандецкій вербовалъ охотниковъ на свое предпріятіе. Всѣ, кто соглашался, оставались въ за̀мкѣ, тѣ, которые отказывались,—должны были по приказу каштеляна немедленно покинуть за̀мокъ.

Весь день прошелъ въ этомъ. Къ вечеру навербованныхъ охотниковъ было около двадцати человѣкъ.

Между тѣмъ Ка̀роль исполнялъ порученіе отца и, запоздавши въ переговорахъ, явился въ сумерки. Онъ объяснилъ отцу, что начальникъ отряда долго не соглашался на предложеніе, но наконецъ согласился и будетъ ждать условленное время, послѣ чего, если его обманутъ, онъ будетъ безпощаденъ.

— Однако, прибавилъ Ка̀роль,—проситъ письменной клятвы предъ Богомъ и честное слово шляхтича, что послѣ-завтра утромъ мирно примутъ его въ за̀мкѣ.

— Согласенъ! Сейчасъ же напишу, но только въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, отозвался Сандецкій.

Онъ сѣлъ къ столу и тотчасъ же на большомъ листѣ написалъ:

„Я, нижеподписавшійся, Ксаверій-Янъ-Станиславъ Сандецкій, каштелянъ Сталупеньскій, клянусь Богомъ и Пресвятой Дѣвой, при этомъ даю честное шляхетское слово, что послѣ-завтра въ полдень ворота за̀мка будутъ отворены настежь, ни единый человѣкъ не будетъ защищать его ни огнестрѣльнымъ, ни холоднымъ оружіемъ и солдаты короля прусскаго спокойно, безъ выстрѣла, займутъ за̀мокъ“.

Сандецкій подписался, передалъ письмо и гонецъ былъ тотчасъ же отправленъ къ начальнику отряда.

Глянувъ на сына, панъ Ксаверій замѣтилъ, что Ка̀роль снова хочетъ начать тотъ же разговоръ, снова допытываться. Онъ поднялъ на него руку, грустно махнулъ и выговорилъ:

— Не спрашивай! Ничего не скажу... Это не твое дѣло! Тебѣ я дамъ одно порученіе—принять пруссаковъ здѣсь въ за̀мкѣ.

— Безъ хозяина?

— Я и другіе охотники уйдемъ отсюда... будемъ далеко.

— И не возьмете меня съ собой?

— Ни за что, Ка̀роль! Ты останешься принять непрошеныхъ гостей. А послѣ, когда-нибудь... Замѣть, что я говорю... послѣ, когда-нибудь... когда случится, придетъ пора, ты уйдешь за нами, мы будемъ тебя поджидать.

— Гдѣ?

— Далеко, Ка̀роль! Послѣ узнаешь гдѣ.

Едва только Сандецкій договорилъ послѣднія слова, какъ въ горницу явился паюкъ и доложилъ, что старикъ Казиміръ съ села желаетъ немедленно видѣть пана по очень важному дѣлу.

— Пускай идетъ! отозвался Сандецкій.

XXVII.

Въ дверяхъ появился сѣдой какъ лунь и сгорбленный Казиміръ, старѣвшій не по днямъ, а по часамъ. Сандецкій подозвалъ его отъ порога ближе къ себѣ.

— Что, старикъ, хочешь?.. Что̀ тебѣ понадобилось?

— Важное дѣло, пане... Могу говорить только наединѣ.

Черезъ минуту, когда Сандецкій провелъ старика къ себѣ въ спальню, Казиміръ подалъ ему, вытащивъ изъза обшлага кафтана, небольшое письмо.

— Отъ кого? удивился Сандецкій.

— Читай, пане.

Сандецкій развернулъ листокъ бумаги, пробѣжалъ глазами, увидѣлъ подпись и вздрогнулъ. Затѣмъ онъ скомкалъ листокъ въ кулакѣ и, измѣнившись въ лицѣ, замахнулся на старика. Казалось, онъ хотѣлъ швырнуть комокъ ему въ лицо.

— Какъ ты смѣлъ ко мнѣ съ этимъ явиться, старый дуракъ!.. Старая собака!..

— Не сердись, пане... Я не хотѣлъ... я не смѣлъ идти... но когда Божіе созданіе, какъ собака, ползаетъ въ ногахъ, грязные сапоги цѣлуетъ, всякій сдастся.

— Такъ ступай и скажи ей, чтобы черезъ часъ ея не было въ Сталупеняхъ! Самъ заложи телѣжку и вывези ее вонъ... Куда хочешь вывези... и брось въ полѣ, какъ падаль бросаютъ! Скажи ей, что, если ввечеру она будетъ еще въ Сталупеняхъ, то я пошлю кого-нибудь изъ дружинниковъ пристрѣлить ее изъ ружья, какъ бѣшеную собаку. Другаго отвѣта никакого не будетъ. Ступай!

Казиміръ двинулся, старческою дряхлою походкой, прошелъ медленно горницы, спустился по лѣстницѣ и вышелъ уже на крыльцо.

За это время панъ Сандецкій все стоялъ на томъ же мѣстѣ съ скомканною запиской въ судорожно сжатомъ кулакѣ. Онъ тяжело дышалъ. Въ немъ происходила борьба.

— Нѣтъ! нѣтъ! воскликнулъ онъ вслухъ.—Такъ нельзя!.. Нельзя такъ оставить. Нѣтъ, Франуся... нѣтъ, пани Дзялынская, ты достойна инаго... Ты будешь съ нами... Ты будешь со мной! Я сдѣлаю тебѣ эту честь по справедливости.

Сандецкій быстрыми шагами двинулся по горницамъ и нѣсколько разъ крикнулъ людей. Одинъ изъ паюковъ явился на его зовъ.

— Догони Казиміра... Верни!..

Когда запыхавшійся отъ вторичнаго подъема на лѣстницу, старикъ явился передъ паномъ, Сандецкій подошелъ къ нему, поцѣловалъ его и произнесъ:

— Прости, старикъ, что я тебя обозвалъ псомъ... Ступай и скажи ей... Нѣтъ, ничего не говори. Ступай за ней, веди ее сюда... Скажи—я прошу. Безъ всякихъ объясненій. Комнаты, въ которыхъ она жила, будучи моей невѣстой въ первый разъ, къ ея услугамъ.

— Ну, вотъ слава Богу! выговорилъ Казиміръ.—Ужъ очень жаль ее. За зло добромъ платить надо.

— Хорошо, хорошо! Ступай и веди! Я васъ буду ждать.

Казиміръ бодрѣе двинулся изъ горницъ, а Сандецкій вышелъ вслѣдъ за нимъ и направился прямо въ нижній этажъ въ помѣщеніе Зарембы. Перетолковавъ снова, они вмѣстѣ отправились въ тѣ кладовыя гдѣ былъ складъ оружія, пороха и всякихъ снарядовъ. Затѣмъ они прошли въ большой подвалъ, помѣщавшійся подъ зàмкомъ на самой серединѣ, и осмотрѣли его.

Вернувшись къ себѣ, Сандецкій сѣлъ и сталъ нетерпѣливо, съ тревогой и волненіемъ, ждать появленія той женщины, которая такъ коварно и преступно испортила послѣдніе годы его жизни.

„Мнѣ не жаль тебя! думалъ онъ. — Ты достойна этого“.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ одинъ изъ покоевцевъ явился доложить, что старикъ Казиміръ явился, а съ нимъ панна Франциска Дзялынская.

— Мы не хотѣли ее впускать, прибавилъ онъ,— но Казиміръ заявилъ, что она пришла по вашему приказанію.

— Хорошо сдѣлали, что пустили! Тотъ, кто остановилъ бы ее на порогѣ, очутился бы черезъ часъ на висѣлицѣ. Проси сюда!

Сандецкій остался, стоя на томъ же мѣстѣ, и странными глазами глядѣлъ на порогъ двери, откуда ожидалъ женщину, которую онъ и любилъ попрежнему, и ненавидѣлъ.

Дверь отворилась. Сандецкій вздохнулъ и отвернулся. Онъ не могъ прямо смотрѣть на эту женщину. Франуся тихо подошла и опустилась на колѣни.

— Прости, пане!.. Я все объясню... едва слышно выговорила она.

— Нечего мнѣ слушать и нечего мнѣ объяснять! Ступай въ тѣ горницы, гдѣ ты жила когда-то, будучи моей невѣстой. Послѣ-завтра утромъ я пришлю за тобой и самъ объясню, какую участь я тебѣ назначаю. До тѣхъ поръ я видѣть тебя не желаю.

Сандецкій кликнулъ людей. Вошелъ тотъ же нахлѣбникъ.

— Отведи панну Дзялынскую въ горницы наверхъ... Распорядись, чтобы все было попрежнему... Кушанье чтобы подавали паннѣ у нея въ горницѣ и приставили къ ней слугу... Встань! Полно ползать! Иди за нимъ! прибавилъ Сандецкій.

— Ради Бога, всего нѣсколько словъ сказать...

— Не нужно! Ты скажешь ихъ, если захочешь, послѣ-завтра. А теперь иди!

И онъ быстрыми шагами вышелъ изъ горницы. Франуся поднялась и пошла за нахлѣбникомъ.

Сандецкій ни разу не взглянулъ въ лицо своей бывшей невѣсты. Если бы онъ это сдѣлалъ, то не мало удивился бы, настолько измѣнилась Франуся. Она похудѣла, поблѣднѣла. Лицо ея осунулось. Она даже, казалось, постарѣла лѣтъ на десять и была далеко не такъ красива, какъ еще недавно.

Однако, идя за покоевцемъ въ тѣ горницы, гдѣ когда-то жилось ей такъ хорошо, Франуся, казалось, немножко пріободрилась, лицо ея оживилось. У нея снова явилась надежда.

Все-таки же Сандецкій принялъ ее! Все-таки онъ обѣщалъ, что послѣ-завтра поутру онъ позволитъ ей объясниться. Слѣдовательно, она можетъ надѣяться.

XXVIII.

Между тѣмъ въ зàмкѣ была новость. По приказанію пана, зàмокъ очищался отъ всѣхъ многочисленныхъ обитателей. Тѣ, которыхъ каштелянъ не вызывалъ къ себѣ на таинственное совѣщаніе, выселялись изъ зàмка на село. Къ вечеру въ стѣнахъ оставались только тѣ, которые, побывавъ въ спальнѣ каштеляна, являлись затѣмъ къ Зарембѣ. Ихъ было двадцать три человѣка.

Ввечеру Сандецкій, поужинавъ вмѣстѣ съ сыномъ, всталъ и, ни слова не говоря, вышелъ. Когда Кароль двинулся было за нимъ, то услыхалъ, какъ щелкнулъ замокъ. Сандецкій заперъ сына въ горницѣ. Кароль остановился въ изумленіи, вздохнулъ и спокойно сѣлъ на ближайшій стулъ.

Сандецкій отсутствовалъ долго. Кàроль передумалъ все, чтò только шло ему въ голову, и не могъ понять, чтò такое отецъ дѣлаетъ и почему заперъ его. Только часа въ три ночи вернулся онъ и выговорилъ, улыбаясь:

— Чтò, удивился, что я тебя, какъ школьника, запираю подъ наказаніе? По крайней мѣрѣ не на хлѣбъ и на воду... Видишь, сколько тутъ осталось!.. показалъ онъ на столъ, на которомъ они ужинали.—Въ одномъ только клянусь тебѣ, Кàроль, что я былъ не у панны Дзялынской.

Кàроль изумленными глазами взглянулъ на отца.

— Какъ!.. Развѣ ты потому молчишь о ней, что ничего не знаешь? нѣсколько удивился Сандецкій. — Ты не знаешь, что она въ зàмкѣ?

Кàроль сдѣлалъ движеніе и ахнулъ.

— Ты не зналъ этого?

— Нѣтъ, отецъ, не зналъ... Да, я бы назвалъ лжецомъ всякаго, кто мнѣ бы объ этомъ сказалъ.

— Чтó дѣлать, милый мой!.. Да, я позволилъ ей вернуться... Она въ зàмкѣ... въ тѣхъ же горницахъ, гдѣ жила когда-то...

— И эту женщину поведутъ къ вѣнцу?..

— Нѣтъ, Кàроль! Я поведу ее на судъ Божій, а не въ храмъ; къ престолу Всевышняго, а не къ алтарю! До послѣ-завтра я ее не увижу и не скажу съ ней ни слова... Въ этомъ я даю тебѣ клятву, но съ условіемъ... Исполни мое требованіе — и я исполню обѣщаніе. Ты долженъ, ночевавъ здѣсь со мной и пробывъ только утро, отправиться на село и помѣститься у Казиміра или въ пустомъ домѣ негодяя-ксендза и оставаться тамъ до послѣ-завтра полудня. Однимъ словомъ, ты долженъ отсутствовать! Я не хочу, чтобы ты видѣлъ все то, чтò будетъ здѣсь происходить.

— Чтò же тутъ будетъ, отецъ?

— Почемъ знать! улыбнулся Сандецкій. — Можетъ-быть будетъ жестокая казнь злодѣйки, которую ты ненавидишь и презираешь. Быть-можетъ я не хочу, чтобы ты присутствовалъ... У тебя не хватитъ сердца... Ты понимаешь? Однимъ словомъ, завтра утромъ ты отправишься на село и останешься тамъ сутки. Ровно въ полдень ты явишься сюда и узнаешь какая судьба постигла панну Дзялынскую.

— Ничего не могу понять, грустно выговорилъ Кàроль. — Все это странно... Я вижу кругомъ унылыя лица, что-то затѣвается... Даже Зарембу узнать нельзя! Старуху больную жену и дочь онъ отправилъ на село, а ты меня отправляешь. Пропасть народу изгнано изъ зàмка... Многіе уѣхали въ Варшаву. Неужели все это ради казни этой презрѣнной женщины?..

— Да, Кáроль, ради ея казни. И такъ, рѣшено! Ты ночуешь со мной и завтра утромъ отправляешься на сутки на село.

— Я привыкъ исполнять всѣ твои приказанія, но, повѣрь, что если бы я присутствовалъ при казни этой змѣи, то не помѣшалъ бы...

— Довольно. Спать пора! выговорилъ Сандецкій, тоскливо усмѣхаясь.

Однако онъ всю ночь не могъ сомкнуть глазъ.

На слѣдующее утро отецъ и сынъ вмѣстѣ позавтракали. Затѣмъ Сандецкій надѣлъ на Кàроля крестъ, который всегда носилъ на груди, горячо обнялъ его и расцѣловалъ.

— Неужели мы видимся въ послѣдній разъ?! воскликнулъ Кàроль.

— Полно! Что ты! Свидимся навѣрное... Богъ видитъ — свидимся... Отвѣчаю тебѣ. Когда — не знаю...

Гренадеръ Золотой роты у памятника императору Николаю въ СПБ

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Б. Томашевича, грав. Шюблеръ.

но свидимся. Ступай! Помни одно: быть здѣсь только завтра въ полдень.

Когда молодой человѣкъ, тревожный и грустный, вышелъ со двора зàмка, вслѣдъ за нимъ заперли ворота и всѣ калитки, какъ будто ожидая приступа пруссаковъ.

Въ стѣнахъ оставалось только двадцать пять человѣкъ и въ числѣ ихъ только одна женщина—панна Дзялынская. Весь день и слѣдующую ночь въ запертомъ кругомъ зàмкѣ шла спѣшная, усиленная работа, суетливая, но молчаливая. Всѣ остававшиеся усердно работали и будто сговорились молчать. Поздно ночью, почти передъ разсвѣтомъ, сразу все стихло.

За все это время Франуся, сидѣвшая въ своихъ горницахъ, соображала и ничего не могла понять. Она видѣла пустоту на дворѣ и въ саду, слышала суетню ночью, шумъ и стукъ въ нижнемъ этажѣ. Нѣсколько разъ порывалась она узнать въ чемъ дѣло, но дверь ея горницы была заперта. Она была въ заключеніи.

Разъ десять подходила она къ двери и днемъ, и поздно ночью, и находила дверь запертою. Оставалось терпѣливо ждать утра и срока, назначеннаго паномъ для свиданія и объясненія.

Наконецъ, часовъ въ одиннадцать въ горницу Франуси постучались. Она, дремавшая на креслѣ одѣтою, быстро вскочила. Замокъ щелкнулъ, и въ растворенную дверь вошелъ одинъ изъ старыхъ паюковъ.

— Панъ-каштелянъ проситъ панну пожаловать внизъ, выговорилъ онъ грустно.

Франуся, взволнованная, вышла и спустилась по лѣстницѣ до дверей залы. Она думала найти Сандецкаго у него въ спальнѣ или въ кабинетѣ, но изумленная остановилась на порогѣ...

XXIX.

Въ залѣ за большимъ столомъ сидѣлъ панъ Ксаверій, а вокругъ него сидѣли равно и нахлѣбники, и хлопы, больше все старики. Налѣво отъ него сидѣлъ старикъ Заремба, а кресло направо отъ пана оставалось пустымъ. На столѣ посрединѣ стояло большое Распятіе. Предъ нѣкоторыми сидѣвшими лежали маленькія книжки, повидимому, молитвенники.

Всѣ присутствующіе были въ великолѣпныхъ новыхъ кунтушахъ. Самъ панъ Сандецкій былъ въ томъ самомъ платьѣ, которое когда-то заказалъ себѣ въ Варшавѣ для бракосочетанія. При появленіи Франуси, панъ Ксаверій поднялся и выговорилъ:

— Пани Дзялынская, прошу!

И онъ указалъ на пустое кресло.

Франуся приблизилась, тревожно озираясь, и сѣла. Она догадывалась, что происходитъ что-то чрезвычайное, и сразу, будто предчувствіемъ, страхъ ворвался въ ея душу. Она будто почуяла, что ее сейчасъ будутъ судить и пожалуй умертвятъ здѣсь же, въ этой залѣ, по приказанію каштеляна. Она опустилась въ кресло, блѣдная какъ полотно.

— Слушай, пани! Ты знаешь хорошо все, что̀ ты сдѣлала, знаешь, какъ ты со мной поступила... Разъ я имѣлъ малодушіе простить тебя, забывъ все изъ-за страсти къ тебѣ, съ которой не могъ совладать. Второй разъ ты поступила еще ужаснѣе, и снова явилась просить прощенія. Я снова теперь прощаю тебя и прошу Бога простить тебя тоже. Но тѣмъ не менѣе ты должна умереть. Жить тебѣ не сто̀итъ... Что̀ ты будешь дѣлать? Куда тебѣ дѣваться? Ты—опозоренная женщина. Послѣ того что̀ ты была, кто же, кромѣ бѣдняка или негодяя, захочетъ назвать тебя женою?.. Поэтому тебѣ лучше умереть. И ты умрешь черезъ полчаса. Готовься по-христіански...

Сандецкій протянулъ руку на столъ, досталъ молитвенникъ и положилъ его передъ Франусей. Она ничего не отвѣтила и, перепуганная на смерть, дико озиралась на всѣхъ. Всѣ сидѣли противъ нея молча. Всѣ лица были странны до чрезвычайности. Иные были перепуганы и блѣдны такъ же, какъ и она, другіе унылы, у многихъ слезы были на глазахъ. Нѣкоторые сидѣли спокойно, не отрываясь, читали свои молитвенники и изрѣдка крестились...

О подобномъ засѣданіи Франусѣ и не мерещилось. Никогда ничего подобнаго не видала она, даже ни о чемъ такомъ не слыхала.

— Я бы желала, пане... выговорила вдругъ Франуся, обращаясь къ Сандецкому.

— Молчи! тихо, но повелительно выговорилъ Сандецкій.—Молись! Мы идемъ къ Богу... Скоро тебя уже не будетъ въ живыхъ... Или ты не вѣришь?

Франуся готова была не вѣрить, но лицо Сандецкаго, его глаза полные слезъ, торжественность обстановки, всѣ эти лица — всему этому надо было повѣрить!

И Франуся вдругъ увѣровала, что дѣйствительно ей остается жить нѣсколько минутъ.

„Но вѣдь и они... Они тоже!.. Они тоже будто смерти ждутъ!..“

Прошло нѣсколько времени. Франуся не помнила: нѣсколько минутъ прошло или нѣсколько секундъ. Все мутилось передъ ея глазами... мутилось въ мысляхъ. Сандецкій взглянулъ на часы и выговорилъ тихо:

— Пора, панове...

И всѣ знали заранѣе, что̀ значатъ эти слова. Всѣ поднялись съ мѣстъ, стали креститься. Франуся тоже поднялась, но ноги дрожали подъ ней. Она оперлась обѣими руками объ столъ. Она чувствовала, что еще минута, и она упадетъ.

Всѣ поднявшіеся сразу запѣли гимнъ Пресвятой Дѣвѣ. Зала огласилась странными, будто погребальными звуками...

XXX.

Ка̀роль былъ въ пустомъ домѣ ксендза. Всю ночь не спалъ онъ, всю ночь размышлялъ, и разумъ его отказывался понять, что̀ происходитъ въ зàмкѣ, почему изгнано столько народу, изгнанъ онъ самъ.

Наступило утро. Онъ нетерпѣливо ждалъ. Наконецъ, наступило одиннадцать часовъ, стрѣлка его часовъ двигалась къ полудню. Ка́роль вышелъ на крылечко дома и сталъ ждать съ нетерпѣніемъ посланнаго отъ отца, который позволитъ ему вернуться.

Онъ почти не спускалъ глазъ съ зáмка и соображалъ:

„Что-то тамъ?.. Быть-можетъ теперь злодѣйки уже нѣтъ на свѣтѣ!..“

Ка́роль забылся на мгновеніе, забылъ, что приближается полдень, и вдругъ случилось нѣчто невѣроятное... Онъ не могъ сообразить, что̀ случилось, потому что какъ бы отъ удара кулака опрокинулся и упалъ на землю. Его оглушило.

Одинъ страшный ударъ разразился гдѣ-то въ Сталупеняхъ. Все содрогнулось. Весь окружающій міръ сотрясся.

Вскочивъ на ноги, Ка̀роль увидѣлъ громадный столбъ дыма на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ зáмокъ, и въ ту же минуту на него посыпался будто градъ небольшихъ камешковъ и всякаго сору. Онъ схватилъ себя за голову и, почти лишаясь сознанія, опустился на колѣни. Онъ понялъ все...

— Зачѣмъ ты меня не взялъ, отецъ?! воскликнулъ онъ, рыдая.

Между тѣмъ смятеніе и переполохъ были и въ лагерѣ пруссаковъ. Въ ту минуту, когда отрядъ собирался, по условію съ паномъ Сандецкимъ, двигаться и мирно брать Сталупени, раздался этотъ оглушительный ударъ, потрясшій всю окрестность.

Начальникъ отряда не понялъ въ чемъ дѣло. Онъ тотчасъ же сѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи свиты вскачь пустился къ зàмку.

Но зáмка уже не было... Стояли однѣ развалины

безъ кровли. Уцѣлѣли только наружныя, самыя крѣпкія, стѣны, но и онѣ рисовались на синемъ небѣ въ видѣ коричневаго кружева, ѳпаленнаго порохомъ.

Вся внутренность зáмка была уничтожена. Все взлетѣло на воздухъ.

Прусскій отрядъ не вступилъ во дворъ зáмка, гдѣ нѣкоторыя стѣны угрожали паденіемъ, и только одни часовые были разставлены кругомъ унылыхъ развалинъ.

XXXI.

Прошелъ годъ. Владѣніе покойнаго пана Сандецкаго постигла исключительная судьба.

Всѣ обширныя земли были раздѣлены на двѣ части, доставшіяся по наслѣдству двумъ дочерямъ пана.

Сначала Сталупени отошли къ Пруссіи, но наступили иныя времена... Рѣчь Посполитая окончила свое существованіе. Всѣ земли ея отошли къ Пруссіи и Россіи. Тотъ участокъ, который принадлежалъ двумъ сестрамъ, былъ раздѣленъ на двѣ части и граница между Россіей и Пруссіей проведена посрединѣ. Часть Моники Штейнъ отошла къ Пруссіи, а часть Сусанны Мамоновой — къ Россіи.

Кароль навсегда замкнулся въ монастырѣ францисканцевъ.

КОНЕЦЪ.

Манневильскій мельникъ.

Переводъ **Е. Евстафіевой.**

Небольшая солоноватая рѣчонка, протекающая черезъ Манневиль, приводитъ въ движеніе колеса многихъ мельницъ, напримѣръ: маслобойки, обрабатывающей рапсъ; сукновальни, которая во время работы окрашиваетъ воды ручейка то чернымъ, то синимъ цвѣтомъ, и наконецъ мучной мельницы, принадлежащей господину Соломону, которая такъ красиво, такъ живописно выдѣляется на фонѣ зеленыхъ деревьевъ, что удивительно, какъ до сихъ поръ ни одинъ художникъ не далъ ей мѣста на какой-нибудь картинѣ.

Манневильская рѣчонка не имѣетъ собственнаго имени; она вытекаетъ изъ маленькаго ложка вблизи большой дороги, ведущей въ сосѣднюю деревню Фонтэнъ, протекаетъ мимо Манневиля и съ тихимъ, жалобнымъ журчаньемъ впадаетъ въ озеро. Можетъ быть потому, что теченіе ея такъ коротко и такъ быстро теряется въ водахъ обширнаго озера, никто не далъ себѣ труда окрестить эту рѣчку. Между тѣмъ эта маленькая, безымянная рѣчка не можетъ быть смѣшана ни съ какою другою, потому что на пространствѣ нѣсколькихъ миль въ окружности нѣтъ другой проточной воды.

Почти у самаго истока рѣчки находится запруда, принадлежащая мельницѣ господина Соломона; за этой плотиной русло рѣки расширяется и она превращается въ небольшое озеро, берега котораго поросли серебристыми ивами и развѣсистыми буками, бросающими прохладную, густую тѣнь на свѣтлую водяную поверхность. Съ береговъ рѣки не видно ни самой деревни, ни даже церкви, и ни малѣйшій житейскій шумъ не нарушаетъ ея мирнаго журчанья. Старая, сѣрая мельница съ хорошенькимъ каменнымъ жилымъ домомъ, примыкающимъ къ ней; веселый огородъ, пестрый цвѣтникъ, — вотъ все что можно видѣть съ береговъ маленькаго озера, и эта картина такъ мила и поэтична, что кто разъ видѣлъ ее, тотъ никогда ее не забудетъ: ничего пошлаго и грубаго, ничего кромѣ зелени деревьевъ, голубаго неба, чистой воды и старой мельницы, которая, въ тѣ минуты, когда не работаетъ, кажется спящею доброю, милою старушкой, отдыхающею послѣ своихъ усердныхъ трудовъ.

На этой мельницѣ бываетъ не много работы. Съ тѣхъ поръ, какъ на холмѣ около Фонтэна выстроена вѣтряная мельница, на водяную привозятъ не много помолу. Но, несмотря на это, хозяинъ ея не хочетъ прекращать дѣла. Онъ надѣется побѣдить своего соперника и, такъ какъ онъ зажиточный человѣкъ, то можетъ позволить себѣ прихоть вести дѣло, не разсчитывая на барыши, только для того, чтобы открыто признать побитымъ и побѣжденнымъ. Впрочемъ свою мельницу онъ любитъ по многимъ причинамъ... Его мать родилась здѣсь, вышла замужъ и здѣсь же умерла, въ то время, когда онъ былъ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати. Самъ онъ тоже родился здѣсь и съ тѣхъ поръ—говорилъ онъ съ гордостью—онъ не отлучался со своей мельницы даже на двадцать четыре часа.

Какъ-то чуднымъ, душистымъ лѣтнимъ утромъ, мельникъ сидѣлъ у себя въ огородѣ, покуривая трубочку и любуясь тѣнью вѣтвистыхъ яблонь, скользящей по травѣ, и чистыми водяными струйками протекавшими по песчаному берегу.

„Сегодня мнѣ 29 лѣтъ, сказалъ онъ себѣ,—и я очень доволенъ жизнью, особенно здѣсь, на моей старой мельницѣ!“

На этомъ молодой мельникъ и закончилъ свой монологъ,—онъ не любилъ пускаться въ безплодныя разсужденія. Это былъ высокій, крѣпко-сложенный нормандецъ, бѣлокурый и цвѣтущій, съ веселыми голубыми глазами и съ выраженіемъ лѣниваго довольства на красивомъ, добродушномъ лицѣ. Катерина, его родственница и экономка, говорила всѣмъ, что ея хозяинъ „самый покладистый человѣкъ на свѣтѣ; не нужно только ему говорить о вѣтряной мельницѣ, потому что она ему ужь очень солоно пришлась“.

„Добрая матушка скончалась ужь пятнадцать лѣтъ тому назадъ“, подумалъ онъ опять въ то время, какъ слабый звукъ церковнаго колокола нѣжно раздавался въ тихомъ воздухѣ. „Она была для меня доброю матерью... Упокой Господи ея душу!“

И онъ вздохнулъ съ тѣмъ мирнымъ, успокоительнымъ чувствомъ грусти, съ которымъ мы вспоминаемъ нашихъ умершихъ.

— Хозяинъ! послышался изъ дому рѣзкій голосъ.—Пойдете вы что-ли къ поздней обѣднѣ?

— Я былъ уже у ранней! отвѣчалъ мельникъ, вынимая изо рта трубку.

Катерина была глуха, но такъ какъ она наизусть знала отвѣты хозяина, то она продолжала:

— Сегодня праздникъ-то какой! Нельзя не идти къ обѣднѣ.

— Проповѣдь на меня наводитъ сонъ, сказалъ молодой человѣкъ, по лицу котораго скользнуло облако неудовольствія,—а матушка всегда говорила мнѣ, что грѣшно скучать во храмѣ Божіемъ.

И это возраженіе Катерина должно быть слышала не разъ, потому что опять крикнула:

— А вы думаете дома вы меньше нагрѣшите? Тоже не Богъ вѣсть какъ праведно время проведете, сидя въ огородѣ съ трубкой. Да и людямъ соблазнъ!.. Да, соблазнъ!

На это мельникъ, повидимому, не зналъ что отвѣтить, потому что онъ загасилъ трубку, сунулъ ее въ карманъ и, минуя кухню, боковой дверью пробрался въ домъ. Затѣмъ, тихонько поднявшись по лѣстницѣ, онъ вошелъ въ комнату своей матери. Эта комната сохранялась въ томъ же видѣ, въ какомъ оставила ее покойница, послѣ своей кратковременной болѣзни. Съ той минуты, какъ ее вынесли отсюда, комната была необитаема. Когда молодой человѣкъ отворилъ дверь, запахъ лаванды и сухихъ розъ, которыя такъ любила его мать, живо напомнили ему ея присутствіе. Тихо и благоговѣйно онъ заперъ за собою дверь,—любовь и смерть сдѣлали эту комнату священною, а тишина и блѣдный зеленоватый свѣтъ, проникавшій сквозь густую сѣть виноградныхъ лозъ, обвивавшихъ окна, придавали ей характеръ часовни.

Соломонъ тихо ступалъ по полу, какъ бы боясь разбудить кого-нибудь, спящаго за выцвѣтшимъ краснымъ пологомъ. Онъ вынулъ свой носовой платокъ и вытеръ пыль съ мраморной доски стараго комода. Потомъ онъ нѣжно приподнялъ лежавшую на немъ синюю подушку для булавокъ, въ которую воткнуты были двѣ серебряныя головныя шпильки его матери; положивъ подушку на мѣсто, онъ тихо вздохнулъ. Острое горе прошло, но тихое, нѣжное воспоминаніе о милой умершей никогда не исчезнетъ изъ его сердца.

— Хозяинъ, я ухожу! опять закричала Катерина съ лѣстницы.

— Хорошо! крикнулъ онъ въ отвѣтъ.

— Ахъ, вы опять здѣсь! заворчала старуха сердито.

Эта комната, въ которой она бывала только въ присутствіи Соломона, всегда была предметомъ ея удивленія. Она не одобряла поведеніе хозяина, полагая, что онъ только тревожитъ душу покойницы, оставляя безъ пользы и употребленія то мѣсто, которое она занимала на землѣ.

— Сегодня весь Манневиль будетъ у обѣдни, продолжала Катерина, стоя внизу лѣстницы.—Пьеръ Ленудъ со своей хорошенькой женой Фифиной—вы, кажется, знаете ее,—потомъ Алексисъ, тотъ что недавно получилъ большое наслѣдство, и Рене, жена органиста.

— Мы ходимъ въ церковь не затѣмъ, чтобы любоваться женами нашихъ ближнихъ, сказалъ мельникъ строго, но недостаточно громко для того, чтобы Катерина могла слышать. И онъ, казалось, говорилъ своей матери, а не Катеринѣ.

Соломонъ открылъ окно. Нѣжный потокъ воздуха ворвался въ комнату сквозь виноградную зелень, а солнечные лучи золотыми пятнами заиграли на красномъ кирпичномъ полу.

„Виноградъ нужно подрѣзать“, подумалъ мельникъ, расправляя рукой лозы и листья.

Окно выходило на самое узкое мѣсто рѣчки, на берегу которой высокій букъ широко раскидывалъ свои вѣтви, образуя необыкновенно красивый, тѣнистый и уютный уголокъ. Небольшая хижинка стояла недалеко отъ рѣчки, но изъ оконъ мельницы отъ нея видны были только двѣ бѣлыхъ каменныхъ

Что за диковинка? Рис. С. Т. Дать, грав. Шюблерь.

Забавный разсказъ. Съ карт. Клегаса, грав. Пейне.

ступени, которыя, начинаясь у корней дерева, спускались къ рѣчкѣ. Часто маленькія птички прыгали на этихъ ступеняхъ и стрекозы рѣяли надъ водой, но Сюзанна, владѣлица хижины, должно быть черпала воду или слишкомъ рано утромъ, или слишкомъ поздно вечеромъ, — только мельникъ ни разу не видалъ здѣсь ни одного живаго человѣческаго существа. Теперь же, къ величайшему своему изумленію, онъ увидѣлъ какую-то, незнакомую ему, молоденькую дѣвушку, которая стояла на нижней ступенькѣ лѣстницы, и по ея маленькимъ босымъ ногамъ пробѣгали свѣтлыя водяныя струйки. Ея черные, волнистые волосы спускались ей на лицо и отчасти закрывали его, рукава ея бѣлой кофточки были засучены до локтя, а полинявшая красная юбка была высоко подобрана. Она стояла тихо и смотрѣла внизъ, точно любуясь своимъ отраженіемъ въ водѣ рѣчки. Потомъ сѣла на верхнюю ступеньку, зачерпнула горстью воды и начала мыть себѣ лицо; затѣмъ отбросила назадъ свои волосы и показала мельнику хорошенькое, круглое молодое личико, съ парой свѣтлыхъ, смѣющихся дѣтскихъ глазъ. Обсушивъ лицо полотенцемъ, она завязала волосы красной лентой, которая, по мнѣнію мельника, очень шла къ ней и, окончивъ свой туалетъ, съ довольнымъ видомъ еще разъ посмотрѣлась въ воду.

— Маріетта! Готова-ли ты наконецъ? раздался издали чей-то голосъ.

— Иду, иду! весело отвѣчала дѣвушка, надѣла на ноги деревянные башмаки и, подпрыгивая, скрылась изъ глазъ мельника.

Соломонъ подождалъ еще нѣсколько минутъ, чтобы посмотрѣть, не вернется-ли дѣвушка, но такъ какъ она не показывалась, то онъ поправилъ раздвинутыя виноградныя лозы, затворилъ окно и вышелъ изъ комнаты, заперевъ ее на ключъ. Потомъ онъ спустился въ кухню, въ раздумьи прислушиваясь къ звону церковнаго колокола, который ясно доносился въ отворенное окно.

„Катерина права, подумалъ онъ наконецъ. — Нужно пойти къ обѣднѣ“.

И онъ поспѣшно одѣлся и отправился въ церковь.

Литургія только что началась, когда мельникъ взошелъ въ церковь и занялъ свое мѣсто. Въ его распоряженіи была цѣлая скамейка, на которой онъ сидѣлъ одинъ, такъ какъ Катерина лѣтъ пятнадцать уже занимала одно постоянное мѣсто въ темномъ углу церкви, между двумя дверьми, и была такъ имъ довольна, что не уступила бы его никому на свѣтѣ.

Поэтому мельникъ былъ крайне удивленъ, когда на томъ мѣстѣ, которое со смерти его матери всегда оставалось пустымъ, замѣтилъ какую-то женскую колѣнопреклоненную фигуру и еще больше удивился онъ, когда въ этой фигурѣ узналъ молодую дѣвушку, которую онъ видѣлъ изъ окна комнаты своей матери. Его маленькая сосѣдка ни разу не обернулась къ нему и все время не отрывала глазъ отъ молитвенника, такъ что мельникъ могъ видѣть только часть ея склоненнаго лица и красную ленту, которая изъ-подъ бѣлаго чепчика опускалась на ея тонкую шейку. Чтобы не смущать ее своимъ пристальнымъ взглядомъ, мельникъ началъ смотрѣть въ другую сторону, какъ вдругъ услышалъ около себя чей-то пріятный голосъ:

— Будьте такъ добры, пропустите меня!

Онъ вздрогнулъ отъ неожиданности и увидалъ предъ собой нѣжное, круглое личико своей сосѣдки. Онъ не смотрѣлъ ей вслѣдъ, потому что по природѣ былъ застѣнчивъ и сдержанъ.

На другой день, стоя на улицѣ, Соломонъ услышалъ стукъ валька, раздававшійся на рѣчкѣ.

„Это, должно быть, вчерашняя дѣвочка съ краснымъ бантомъ“, подумалъ онъ и быстро побѣжалъ въ комнату матери.

Дѣйствительно, сквозь зелень винограда, онъ увидалъ молодую дѣвушку, которая, стоя подъ тѣнью бука, стирала бѣлье по способу французскихъ крестьянокъ, выколачивая его валькомъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, она усѣлась на верхней ступенькѣ лѣстницы и съ здоровымъ аппетитомъ своихъ пятнадцати лѣтъ, принялась ѣсть кусокъ черстваго чернаго хлѣба.

„Милое дитя!“ подумалъ мельникъ съ удовольствіемъ глядя, какъ дѣвушка, окончивъ свой завтракъ, опять принялась за работу до тѣхъ поръ, пока не пробило двѣнадцать часовъ и не зазвонили къ „Angelus“.

При первыхъ звукахъ церковнаго колокола, дѣвушка испуганно вскочила, бросила въ кучу бѣлье, валекъ и мыло, и убѣжала. Кругомъ все было спокойно, рѣчка тихо уносила куски мыльной пѣны; нѣсколько клочковъ ея оставалось на ступенькахъ лѣстницы, но и они исчезли послѣ того какъ вода раза два или три скользнула по нимъ.

„Кто бы она могла быть?“ думалъ мельникъ, сидя за своимъ одинокимъ обѣдомъ у кухоннаго окна. Катерина, до сихъ поръ молча суетившаяся у очага, который, не смотря на іюньскій зной, былъ раскаленъ до-красна, вдругъ заговорила, какъ бы отвѣчая на мысли своего господина:

— Подумайте только, хозяинъ: ваша сосѣдка Сюзанна завела себѣ работницу, дѣвчонку съ краснымъ бантомъ. Тоже барыней захотѣлось быть!

Мельникъ прислушался, вопросительно глядя на старуху, которая продолжала тѣмъ же ворчливымъ тономъ:

— Да, да! Теперь и у Сюзанны служанка есть. Вы вчера видѣли ее? Она сидѣла рядомъ съ вами въ церкви. Сейчасъ видно дерзкую дѣвчонку! Въ работѣ ничего не смыслитъ, а какъ двѣнадцать часовъ, такъ сломя голову бѣжитъ по дорогѣ въ Фонтэнъ. Нечего сказать, большая отъ нея помощь Сюзаннѣ! Да и собой-то она настоящая пташка—гдѣ ей съ тяжелой работой управиться!

Мельникъ улыбнулся и, вмѣсто того, чтобы на берегу озера выкурить свою послѣобѣденную трубку, пошелъ вдоль забора, который отдѣлялъ его садъ отъ большой дороги. Скоро онъ услышалъ шлепанье деревянныхъ башмаковъ и увидѣлъ дѣвушку, всю раскраснѣвшуюся отъ быстраго бѣга, съ непокрытой головой и только со старымъ платочкомъ на шеѣ; она свернула съ дороги и побѣжала по тѣнистой тропинкѣ, ведущей къ хижинѣ Сюзанны.

„Куда она бѣгала?“ Соломонъ, у котораго не много было работы, долго смотрѣлъ изъ своего сада и изъ окна мельницы, но онъ больше не видѣлъ дѣвушки; онъ только слышалъ какъ она напѣвала какую-то пѣсенку, и ея голосокъ былъ такъ нѣженъ и пріятенъ, что мельникъ подумалъ: „Катерина правду говоритъ: эта дѣвочка—настоящая птичка, ее слышно, но не видно“.

Въ субботу онъ опять увидѣлъ ее изъ окна завѣтной комнаты. Она пришла къ рѣчкѣ почерпнуть воды и, наклонивъ ведро, смотрѣла, какъ вода медленно наполняла его. Пока она стояла въ тѣни бука и солнечные лучи, прорываясь сквозь густую листву, зажигали золотыя искры на ея темныхъ волосахъ, — она представляла собой такую изящную картинку, что мельникъ, обладавшій, вѣроятно, художественнымъ чутьемъ,—съ восторгомъ любовался ею. Вдругъ раздался ударъ колокола къ „Angelus“. Маріетта схватила наполненное до половины ведро и поспѣшила домой, оставивъ темное, тѣневое пятно на свѣтлой водяной поверхности.

Мельникъ вернулся въ кухню, снялъ съ крючка шляпу и вышелъ, не обращая вниманія на докладъ Катерины о томъ, что кушанье на столѣ. Онъ пошелъ вслѣдъ за Маріеттой по дорогѣ въ Фонтэнъ, но, къ удивленію, замѣтилъ, что она свернула въ сторону и побѣжала по узенькой тропинкѣ, которая вела къ принадлежавшему ему фруктовому саду. Это былъ уединенный, тѣнистый уголокъ, за которымъ начинались поля и, гдѣ паслась его единственная корова Рокэттъ.

„Что ей тамъ нужно?“ думалъ мельникъ, съ трудомъ пробираясь между густыми, низковѣтвистыми яблонями.

Рокэттъ съ достоинствомъ паслась на полянкѣ, рой дикихъ пчелъ, поселившихся въ дуплѣ стараго дерева, наполнялъ воздухъ тихимъ, усыпляющимъ жужжаньемъ, но маленькой, черноволосой дѣвушки нигдѣ не было видно. Наконецъ, онъ напалъ на ея слѣдъ. Въ южномъ концѣ сада стоялъ одинокій, старый дубъ, далеко раскинувшій свои вѣтви. На одной изъ этихъ вѣтвей и сидѣла Маріетта; одной рукой обнявъ стволъ дерева, а другую приложивъ ко лбу въ видѣ щитка,—она внимательно всматривалась куда-то вдаль. Потомъ она, какъ птичка, спорхнула на землю и, пробѣжавъ мимо мельника, бросила на него взглядъ своихъ ясныхъ глазъ, невинныхъ и смѣлыхъ, какъ у ребенка, и быстро исчезла изъ сада. Мельникъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, потомъ влѣзъ на дерево, желая узнать, что могло такъ заинтересовать эту странную дѣвушку. Но кругомъ ничего не было видно кромѣ колосьевъ, желтыхъ, высокихъ колосьевъ, волнующихся какъ море, и только вдали на горизонтѣ, въ трепещущемъ полуденномъ знoѣ, онъ увидѣлъ вѣтряную мельницу съ медленно вертѣвшимися крыльями. Но скоро и они остановились и деревенскій ландшафтъ пришелъ въ состояніе полнаго покоя.

„Не можетъ быть, чтобы у нея на умѣ было что нибудь дурное, думалъ мельникъ;—она кажется такою благоразумною дѣвушкой, не смотря на свою молодость“.

Съ этого дня мельникъ ежедневно наблюдалъ, какъ Маріетта съ первымъ ударомъ колокола, который звонилъ къ „Angelus“, бѣжала въ его фруктовый садъ и, вскарабкавшись на дерево, смотрѣла вдаль.

„Я думаю, что она и въ этомъ настоящая птичка—просто любитъ сидѣть на деревьяхъ“, предположилъ, наконецъ, мельникъ, послѣ долгихъ, напрасныхъ стараній разгадать эту загадку.

Однажды онъ видѣлъ, какъ она, по обыкновенію, пришла за водой и, опустивъ ведро въ воду, серьезнымъ и печальнымъ взглядомъ слѣдила за тѣмъ, какъ оно медленно наполнялось. Пробило 12 часовъ, но она не шевелилась. Въ это время въ береговомъ кустарникѣ показался какой-то мальчикъ. Мельникъ узналъ въ немъ Симона Пети, извѣстнаго деревенскаго воришку и негодяя. Онъ несъ пойманную около плотины форель; увидавъ Маріетту, онъ испугался и хотѣлъ бѣжать, но дѣвочка крикнула ему:

— Исполни мою просьбу, и я никому не скажу, что ты поймалъ форель. Бѣги въ огородъ налѣво отъ дороги, взлѣзь на дубъ и посмотри, вертятся-ли крылья вѣтряной мельницы, или нѣтъ?

Мальчикъ бросился бѣжать, но Соломонъ сталъ у садовой рѣшетки, мимо которой проходила тропинка, ведущая къ боль-

шой дорогѣ. Онъ пригрозилъ мальчишкѣ, который часто воровалъ у него самыя лучшія яблоки, сказавъ, что расправится съ нимъ по-своему въ первый разъ, какъ увидитъ воришку въ своемъ огородѣ.

„Я самъ исполню порученіе дѣвушки“, рѣшилъ мельникъ въ то время, какъ маленькій негодяй спасался бѣгствомъ. Онъ пошелъ въ огородъ и, вскарабкавшись на дерево, увидѣлъ, что его врагъ—вѣтряная мельница—стоитъ неподвижно.

Послѣ того онъ отправился обратно къ ручью, гдѣ Маріетта неподвижно сидѣла на камнѣ, ожидая возвращенія Симона.

— Я мельникъ, отрекомендовался Соломонъ молодой дѣвушкѣ, когда та обернулась и посмотрѣла на него своими большими, удивленными глазами.—Я—мельникъ и, стоя у себя на мельницѣ, слышалъ какъ ты просила этого негодяя, Симона, сходить въ мой огородъ. Но онъ убѣжалъ лишь только увидѣлъ меня, и я самъ пошелъ вмѣсто него. Но скажи мнѣ, на что̀ тебѣ понадобилась эта вѣтряная мельница? Вѣдь вѣтряная мельница самая скверная вещь, какую только могли выдумать люди...

— Вертятся-ли крылья? перебила Маріетта рѣчь мельника голосомъ, который дрожалъ отъ страха и волненія.

— Зачѣмъ имъ вертѣться? спросилъ Соломонъ.

— Ради Бога, скажите мнѣ, вертятся-ли они? допытывалась Маріетта.

— Нѣтъ! сказалъ мельникъ рѣзко.

Румянецъ исчезъ съ лица молодой дѣвушки.

— Стоятъ? прошептала она упавшимъ голосомъ,—значитъ, я погибла! И она посмотрѣла въ лицо Соломона взглядомъ, въ которомъ выражалось отчаяніе.

— Но, дитя мое, спросилъ тотъ,—что можетъ значить для тебя эта чужая вѣтряная мельница?

Вмѣсто отвѣта, дѣвушка бросила на него отчаянный взглядъ, вытащила ведро и убѣжала, оставивъ его на берегу.

— Не помѣшанная-ли она? пробормоталъ мельникъ, тихо возвращаясь домой.

Вмѣсто того, чтобы бранить хозяина за то, что онъ опоздалъ къ обѣду, Катерина встрѣтила его въ костюмѣ, въ которомъ она имѣла обыкновеніе уходить со двора, и сообщила ему, что ей необходимо отправиться въ Фонтэнъ, такъ какъ она получила извѣстіе о смерти своего кузена, Медерика, и теперь торопится узнать какъ велика будетъ ея доля въ наслѣдствѣ покойнаго.

Такимъ образомъ вечеръ этого дня, холоднаго и дождливаго, мельникъ провелъ одинъ, сидя у пылающаго очага своей кухни. Пока онъ, поглощенный своими мыслями, разсѣянно смотрѣлъ на огонь, дверь тихо отворилась—и онъ, обернувшись, увидалъ блѣдное, искаженное ужасомъ, лицо Маріетты.

— Можно войти? спросила она.—Только на одну минуту, но, ради Бога, впустите меня.

— Войди! сказалъ мельникъ, поднимаясь съ мѣста.—Что̀ тебѣ нужно?

Ничего не отвѣчая, Маріетта вбѣжала въ комнату, пугливо осмотрѣлась и при слабомъ свѣтѣ огня замѣтивъ дверь, которая вела на лѣстницу, отворила ее и, быстро и легко какъ кошка, вбѣжала вверхъ по ступенькамъ.

Нѣсколько удивленный страннымъ поведеніемъ дѣвушки, мельникъ, однако, сохранилъ свое прежнее флегматическое спокойствіе. Онъ заперъ кухонную дверь на задвижку, зажегъ свѣчу и послѣдовалъ за своей гостьей, которую нашелъ наверху передъ дверью Катерининой комнаты.

— Маріетта, обратился онъ къ дѣвушкѣ,—что̀ случилось?

— Лудильщикъ пришелъ и хочетъ меня взять, сказала она, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Онъ говоритъ, что онъ мой отецъ, но я знаю, что это неправда, и я не хочу къ нему идти и никогда не пойду! Онъ сейчасъ былъ у Сюзанны, но я выпрыгнула въ окно и прибѣжала сюда. Умоляю васъ, не говорите ему, что я здѣсь!

Красноватый свѣтъ свѣчки упалъ на блѣдное, мокрое отъ слезъ лицо испуганной дѣвушки.

— Лудильщикъ! Какой лудильщикъ? спросилъ мельникъ.

— Лудильщикъ! повторила она настойчиво, какъ будто это былъ единственный лудильщикъ во всемъ свѣтѣ.—Я его ненавижу и никогда къ нему не пойду. Пожалуйста, прошу васъ, не отдавайте меня ему!

Если бы это бѣдное, дрожащее созданіе было самымъ сквернымъ отребьемъ общества, то и тутъ мельникъ не могъ бы устоять противъ умоляющаго, отчаяннаго взгляда, который на него устремила Маріетта.

— Никто здѣсь тебя не тронетъ, сказалъ онъ строго.—Поди сюда, продолжалъ онъ, вынувъ изъ кармана ключъ и отпирая дверь въ концѣ коридора.—Это комната моей покойной матери. Возьми свѣчу, запрись изнутри—и мы посмотримъ, посмѣетъ-ли кто-нибудь войти сюда.

Маріетта взяла свѣчу и вошла въ комнату съ чувствомъ благоговѣйнаго страха, который возбудили въ ней слова мельника: „комната моей покойной матери“.

Соломонъ медленно спустился съ лѣстницы, отодвинулъ задвижку и, закуривъ трубку, опять усѣлся около очага.

Не прошло пяти минутъ, какъ явилась Катерина въ сопровожденіи какого-то цыгана, болѣе грязнаго и оборваннаго, чѣмъ можно себѣ представить.

— Ну, хозяинъ, заговорила старуха громко и сердито,—я такъ и знала, что опоздаю. Лучшія вещи ужь порастаскали милые родственники. Черный платяной шкафъ исчезъ неизвѣстно куда, а также чудесная мѣдная жаровня, которую я давно себѣ намѣтила. Вотъ, лудильщикъ говоритъ, что онъ вчера чинилъ ее моей двоюродной сестрѣ Анжеликѣ и что жаровня будто бы стала теперь совсѣмъ какъ новая и блеститъ точно золото.

— Да, отличная жаровня, подтвердилъ оборванецъ, между тѣмъ, какъ его острые, черные глаза бѣгали по всѣмъ угламъ комнаты.

Мельнику показалось, что онъ никогда въ жизни не встрѣчалъ такой отталкивающей физіономіи и, обратившись къ цыгану, онъ рѣзко спросилъ его, что ему нужно.

— Я пришелъ насчетъ сковородъ, сказалъ тотъ обращаясь къ Катеринѣ.

— Да, да, я сейчасъ вамъ ихъ приготовлю, но только скажите мнѣ, что̀ еще досталось Анжеликѣ, кромѣ жаровни?—Вотъ вамъ прежде всего кастрюля.

Съ этими словами она подала ему, снятую со стѣны, большую кастрюлю, но въ эту минуту мельникъ, вынувъ изо рта трубку, протянулъ руку и закричалъ:

— Стой! такъ громко и повелительно, что Катерина мгновенно остановилась.—Ни единой кастрюли, ни одной сковороды моей покойной матери этотъ человѣкъ не долженъ касаться. Пусть онѣ остаются на своемъ мѣстѣ!

Мельникъ всталъ и вышелъ изъ комнаты, но не дойдя до конца сада, онъ вспомнилъ, что оставилъ врага въ самомъ сердцѣ крѣпости. Быстрыми шагами онъ вернулся назадъ и, войдя въ пустую кухню, услышалъ доносившіеся сверху голоса и увидѣлъ на полу узкую полоску свѣта, падавшую съ лѣстницы. Въ нѣсколько прыжковъ онъ былъ наверху и увидѣлъ лудильщика, который старался отперетъ дверь комнаты его матери, причемъ говорилъ, обращаясь къ Катеринѣ:

— Бьюсь объ закладъ, что она здѣсь прячется!

Соломонъ схватилъ цыгана и сбросилъ его съ лѣстницы, крикнувъ ему вслѣдъ:

— Не пробуй другой разъ, мошенникъ, врываться въ чужой домъ! А ты, Катерина, съ ума что-ли сошла, что пустила его сюда?

— Господи помилуй! Чего вы разсердились, хозяинъ! пролепетала старуха, перепуганная на смерть.—У него ничего не было дурнаго на умѣ; онъ ищетъ свою кошку и думаетъ, что она по виноградным шпалерамъ пробралась въ эту комнату. Боюсь я, что онъ сильно ушибся, бѣдняга!

Катерина ворчала еще нѣкоторое время, пока лудильщикъ поспѣшно уходилъ изъ дому. Но скоро старуха съ ужасомъ замѣтила, что несчастный человѣкъ, котораго она такъ жалѣла, укралъ ея новый зонтикъ, стоявшій въ углу комнаты.

— Ахъ, мошенникъ, ахъ, воръ этакій! закричала она и побѣжала за нимъ.

— Можетъ быть онъ взялъ его въ починку, или подумалъ, что это его кошечка, злорадно засмѣялся мельникъ.

Черезъ десять минутъ вернулась Катерина, не догнавъ лудильщика, и тотчасъ же разлилась въ горькихъ жалобахъ на свое неудачное путешествіе въ Фонтэнъ и на потерю новенькаго зонтика. Подъ конецъ мельнику надоѣло слушать ея причитанія, и онъ крикнулъ ей:

— Ступай спать, Катерина, я не желаю больше ничего слушать ни о лудильщикахъ, ни о зонтикахъ.

Лишь только старуха удалилась, мельникъ вынулъ кусокъ хлѣба и сыру, налилъ въ кружку сидру и, поставивъ все это на столъ, тихонько поднялся по лѣстницѣ и постучалъ въ дверь комнаты своей матери. Дверь осторожно отворилась и въ ней показалось круглое личико Маріетты.

— Теперь ты можешь сойти внизъ, сказалъ онъ.—Онъ ушелъ, а Катерина спитъ и ничего не услышитъ.

Маріетта прислушалась, пугливо озираясь кругомъ. Мельникъ опять заперъ дверь на задвижку и уговорилъ свою гостью закусить и выпить сидру.

Соломонъ смотрѣлъ нѣсколько минутъ на ея свѣжее молодое личико и, вспоминая истощенное, дикое лицо лудильщика, сказалъ:

— Я увѣренъ, что этотъ бродяга не отецъ твой, Маріетта.

Дѣвушка приподняла брови и въ раздумьи опустивъ голову, сказала, что она не знаетъ этого навѣрное, но не хочетъ вѣрить, чтобы этотъ человѣкъ былъ ея отцомъ, хотя она другаго не помнитъ. Этотъ отвратительный цыганъ билъ ее, заставлялъ просить милостыню, и они вмѣстѣ съ нимъ странствовали по міру. Очень можетъ быть, что онъ ее укралъ и она на самомъ дѣлѣ дочь какой-нибудь богатой, знатной дамы. Но во всякомъ случаѣ ничего вѣрнаго она объ этомъ не знаетъ. Однажды, когда лудильщикъ особенно сильно избилъ ее, дядя Жозефъ—тотъ самый, который построилъ эту хорошенькую вѣтряную мельницу—(эти слова укололи Соломона въ самое сердце)—выкупилъ ее и она съ тѣхъ поръ жила на вѣтряной мельницѣ. Когда умеръ Жозефъ, то она осталась жить у его сына, Жака.

Когда Маріетта окончила разсказъ, ея глаза наполнились слезами и голосъ задрожалъ отъ волненія. Мельникъ внимательно посмотрѣлъ на нее и сказалъ послѣ долгой паузы:

— Ты, навѣрно, хотѣла бы выйти замужъ за Жака и сдѣлаться хозяйкой хорошенькой мельницы?

Маріетта засмѣялась. — Выйти замужъ за Жака! да вѣдь онъ давно женатъ!

Но, гласилъ дальше разсказъ Маріетты,—на мельницѣ она не могла оставаться потому, что и тамъ преслѣдовалъ ее лудильщикъ. Она поступила въ работницы къ Сюзаннѣ и условилась съ Жакомъ, что онъ крылья своей мельницы употребитъ какъ сигналъ въ случаѣ, если лудильщикъ нападетъ на ея слѣдъ. Сегодня утромъ она была предупреждена — вѣдь г. Соломонъ самъ сказалъ, что въ двѣнадцать часовъ крылья мельницы стояли неподвижно?—Но она лучше готова умереть, чѣмъ опять скитаться по-міру, просить милостыню и чинить старыя кастрюли! Въ тысячу разъ лучше умереть!

Мельникъ слушалъ ее и качалъ головой. Онъ представилъ себѣ, какъ эта дѣвушка странствовала по свѣту въ обществѣ грубаго, безнравственнаго человѣка, терпя голодъ, холодъ, побои... Вырвавшись изъ когтей этого негодяя, она считала счастьемъ жить изъ милости въ чужомъ домѣ... И этотъ Жакъ не женился на ней! Что же съ ней будетъ дальше?..

— Маріетта, есть у тебя возлюбленный? спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Неужели нѣтъ? Неужели ты никого не знаешь въ Фонтэнѣ за кого бы ты охотно вышла замужъ?

— Къ чему бы мнѣ это послужило? Вѣдь все равно, никто не захотѣлъ бы на мнѣ жениться.

„Любитъ-ли она кого-нибудь?“ думалъ мельникъ и продолжалъ свои разспросы, пока наконецъ убѣдился, что сердце Маріетты свободно отъ всякой привязанности.

— Хорошо, хорошо! сказалъ онъ.—Ты еще молода, по замужество тебя защитило-бы отъ преслѣдованій лудильщика. Обѣщай мнѣ, что ты не выйдешь замужъ, не сказавши мнѣ объ этомъ.

— Это почему же? спросила она, широко раскрывая свои голубые глаза.

— Потому что я... ну, потому что я хочу приготовить тебѣ хорошенькій подарокъ, отвѣчалъ онъ нерѣшительно и смущенно.

Лицо Маріетты засіяло радостью, но вслѣдъ за тѣмъ она испуганно вздрогнула. Со двора послышался шумъ; но мельникъ увѣрилъ ее, что лудильщикъ, укравъ Катерининъ зонтикъ, навѣрно побоится опять придти. Когда она наконецъ успокоилась, онъ предложилъ ей переночевать въ комнатѣ своей матери, а самъ обѣщалъ пойти къ Сюзаннѣ и предупредить ее.

Маріетта колебалась, но наконецъ предпочла провести ночь въ домѣ Соломона, чѣмъ подвергаться опасности попасть въ руки своего врага. Съ нѣкоторымъ страхомъ она осмотрѣла свое убѣжище. Какая прекрасная комната! Ни одной такой не было на вѣтряной мельницѣ. Какъ должна была быть счастлива здѣсь покойница! Походила-ли она на своего сына? Была-ли она такая же высокая и бѣлокурая, съ голубыми глазами и такой же строгой улыбкой на губахъ?

Она подошла къ окну. Луна взошла, волшебнымъ свѣтомъ обливая темную зелень деревьевъ и сверкая безчисленными искрами въ водѣ рѣчки. Вдругъ чьи-то голоса послышались въ ночной тишинѣ. Боже мой! голоса Сюзанны и лудильщика. „Вонъ въ томъ окнѣ, что обвито виноградомъ“, ясно донеслось до нея. Сію же минуту она потушила свѣчу, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Мельникъ не нашелъ Сюзанны и думалъ, что она легла уже спать. „Впрочемъ, маленькая бѣглянка теперь въ безопасности; она, вѣроятно, уже положила головку подъ одѣяло и давно спитъ. Бѣдная, гонимая судьбой, дѣвочка!“

Когда на другое утро Катерина вошла въ кухню, она увидѣла своего хозяина уже сидящаго за столомъ. Передъ нимъ лежалъ небольшой хлѣбецъ и стояла тарелка, полная только что сорванныхъ вишенъ.

— Что это вы, хозяинъ, никакъ проголодались? спросила старуха.

— Я думаю, что я имѣю право ѣсть мои вишни когда захочу, отвѣтилъ онъ сухо, недовольный тѣмъ, что Катерина не во-время вошла въ кухню.

Онъ полагалъ, что Маріетта уже встала и проголодалась, и такъ какъ онъ ночью принялъ нѣкоторое рѣшеніе, въ которомъ главную дѣйствующую роль играла Маріетта, то онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе объясниться съ нею. Онъ находился въ такомъ лихорадочно-возбужденномъ состояніи, какого по своей лѣнивой, флегматичной натурѣ, никогда не испытывалъ, и былъ очень доволенъ, когда Катерина заявила ему, что она уходитъ искать свой зонтикъ и скоро опять вернется.

— Съ Богомъ! шепнулъ ей вслѣдъ мельникъ, заперевъ кухонную дверь на задвижку, и побѣжалъ наверхъ.

Дойдя до дверей комнаты, гдѣ пріютилась бѣглянка, онъ постучалъ и крикнулъ:

— Маріетта, ты навѣрно голодна. Я принесъ тебѣ хлѣба и вишенъ, или можетъ-быть ты сама сойдешь внизъ? Кухня заперта.

Отвѣта не было.

Неужели она спитъ? Онъ опять постучалъ и крикнулъ громче; наконецъ тронулъ ручку—дверь отворилась, комната была пуста. Окно было отворено и птичка выпорхнула.

Она убѣжала, скрылась въ окно, безъ благодарности, поклона и прощанья!

Мельникъ отправился къ Сюзаннѣ спросить о Маріеттѣ и узналъ, что съ тѣхъ поръ, какъ она вечеромъ убѣжала, она еще не возвращалась.

— Вѣроятно лудильщикъ взялъ ее съ собой, сказала она,— онъ называетъ себя ея отцомъ.

Какъ спокойно она говорила это! Соломонъ сердито повернулъ ей спину, но не пошелъ къ себѣ на мельницу. Мучительное, никогда еще не извѣданное безпокойство, заставило его пойти къ человѣку, котораго онъ ненавидѣлъ, какъ своего злѣйшаго врага.

— Я только хочу знать, въ безопасности-ли она, сказалъ онъ себѣ, приближаясь къ вѣтряной мельницѣ.

Хозяинъ мельницы, коренастый молодой человѣкъ, съ ногъ до головы осыпанный мукой, стоялъ передъ дверью, держа на рукахъ толстенькаго, спеленатаго ребенка.

— Я пришелъ узнать о Маріеттѣ, началъ Соломонъ прямо, чувствуя, что одинъ видъ его соперника приводитъ его въ раздраженіе. — Ей не слѣдовало тайкомъ бѣжать отъ меня, продолжалъ онъ, такъ какъ Жакъ молчалъ.—Я защитилъ ее, далъ ей пріютъ, но—дѣло не въ томъ. Мнѣ хотѣлось бы только знать, гдѣ она и не грозитъ-ли ей опасность опять попасть въ руки этого мошенника.

— Мари! крикнулъ Жакъ,—поди-ка сюда! Тутъ вотъ пришелъ мельникъ изъ Манневиля и спрашиваетъ о Маріеттѣ.

— Вѣроятно лудильщикъ взялъ ее къ себѣ, сказала молодая женщина, которая вышла на зовъ мужа и теперь взяла у него изъ рукъ спящаго ребенка.

— Можетъ быть вы сами знаете гдѣ она? сказалъ Жакъ, испытующе глядя на Соломона.

— Зачѣмъ бы тогда я спрашивалъ о ней? вспыхнулъ Соломонъ.

— Ахъ, и то правда! согласился Жакъ.

— Неужели вы ничего не предпримете, не будете ее искать? опять началъ Соломонъ, злобно глядя на своего врага.

— Я отецъ этого ребенка, а лудильщикъ—отецъ Маріетты, отвѣчалъ Жакъ спокойно.

— Я не вѣрю этому, я не могу допустить, чтобы этотъ каторжникъ былъ отцомъ Маріетты! воскликнулъ Соломонъ.

— Очень можетъ быть, что вы и правы, согласился Жакъ, сдѣлавъ при этомъ жестъ, который, казалось, говорилъ: „Отецъ онъ ей, или нѣтъ—для меня это безразлично“.

Съ сердцемъ полнымъ горечи, мельникъ отправился домой. „О, Маріетта, думалъ онъ,—еслибъ ты жила подъ моей кровлей, я не отпустилъ бы тебя такъ холодно и равнодушно, какъ эти люди! Ни одинъ лудильщикъ въ мірѣ, будь онъ десять разъ твоимъ отцомъ, не посмѣлъ бы отнять тебя у меня!“

Вернувшись домой, онъ нашелъ Катерину въ самомъ радостномъ настроеніи: она нашла свой зонтикъ.

— Негодяй сидитъ въ тюрьмѣ, потому что онъ укралъ новый мѣдный котелъ Дезире и на этомъ попался.

— Онъ сидитъ въ тюрьмѣ! воскликнулъ мельникъ, охваченный радостной надеждой, — ну-ну, и кто же былъ съ нимъ, когда его взяли?

Радость, казалось, возвратила слухъ Катеринѣ.

— Кто съ нимъ былъ? Ихъ должно быть цѣлая шайка, да только взяли его одного.

Мельникъ успокоился, узнавъ, что Маріетта не попалась вмѣстѣ съ бродягой, но въ то же время онъ убѣдился, что она покинула его домъ по собственной волѣ, совершенно свободно, забывая, что она обязана была поблагодарить его за гостепріимство. Доброму молодому человѣку было больно узнать это.

„Я былъ ей больше не нуженъ, поэтому она и убѣжала безъ благодарности и прощанья, вздохнулъ онъ.—Не буду больше о ней думать“.

— Вы ваши вишни не доѣли, напомнила ему старуха.

— Ѣшь ихъ сама, Катерина, или отдай кому-нибудь, сказалъ онъ, печально опустивъ голову. — Мнѣ не нужно никакихъ вишенъ.

Съ этими словами онъ поднялся по лѣстницѣ, и замкнувъ на ключъ комнату своей матери, прошепталъ:

— Вотъ и конецъ моей мечты—послѣдній конецъ!

Вскорѣ послѣ того въ Манневилѣ распространилась эпидемія, и Соломонъ былъ однимъ изъ первыхъ заболѣвшихъ. Онъ однако не умеръ, но когда онъ всталъ съ постели, то захворала Катерина и, проболѣвъ дней десять, умерла. Она уже нѣсколько лѣтъ жила у своего молодаго родственника, занимаясь его хозяйствомъ, и хотя часто сердила его своей глухотой и упрямствомъ, но была ему вѣрна и искренно къ нему привязана. Поэтому онъ съ болью чувствовалъ ея отсутствіе и очень горевалъ о ней.

— Вамъ нужно взять другую экономку, господинъ Соломонъ, говорили ему его знакомыя женщины.—Возьмите Катерину— славная дѣвушка и имя вамъ знакомое.

— Возьмите Люси—вотъ хорошая работница.

— Я самъ отыщу, что мнѣ нужно, сухо отклонилъ мельникъ предложенія своихъ сосѣдокъ и продолжалъ жить одиноко.

чувствительный человѣкъ, потому что до сихъ поръ не могъ забыть неучтивости Маріетты.

„Развѣ я заслужилъ это?“ часто спрашивалъ онъ себя. „Она смѣялась надо мной! Если-бъ моя мать взяла ее къ себѣ, то

Вау! Вау! собачка лаетъ! Съ карт. Пахера.

Онъ чувствовалъ себя плохо: было-ли это послѣдствіе болѣзни или горе о смерти Катерины, или, наконецъ, еще что-нибудь, но только молодой мельникъ не видѣлъ больше въ жизни никакой радости. Даже обладаніе его милою мельницей не доставляло ему удовольствія. Онъ вѣроятно былъ очень

бѣдная дѣвочка увидѣла бы разницу между водяной мельницей въ Манневилѣ и вѣтряной мельницей въ Фонтенѣ“.

Постоянно думая на эту тему, онъ въ своихъ мечтахъ видѣлъ Маріетту ребенкомъ, игралъ съ ней въ саду, или на берегу ручья; приносилъ ее въ комнату своей матери, и она, сидя

у него на рукахъ, смотрѣла сквозь виноградную зелень на маленькій, серебристый ручеекъ. Онъ приносилъ ей красныхъ лентъ, чтобы повязывать ея темные волосы; онъ слышалъ ея радостныя восклицанія. Ахъ, онъ не поступилъ бы такъ, какъ этотъ Жакъ съ вѣтряной мельницы: онъ не взялъ бы въ жены чужую женщину!.. Однажды, думая все это, онъ услышалъ стукъ въ кухонную дверь, который сразу разсѣялъ его мечты.

— Опять онѣ идутъ надоѣдать мнѣ своими Катеринами и Люси. заворчалъ онъ и. не поворачивая головы, крикнулъ угрюмо:—Войдите!

Дверь тихо отворилась и чьи-то легкіе шаги послышались въ кухнѣ. Мельникъ поднялъ глаза и въ блѣдномъ свѣтѣ сумерокъ, черезъ столъ отъ себя, увидѣлъ Маріетту. Онъ былъ такъ смущенъ ея неожиданнымъ появленіемъ, что въ первую минуту не могъ выговорить ни слова.

— Я боюсь, что вы на меня сердитесь, робко сказала Маріетта,—но я не могла поступить иначе, я должна была бѣжать въ ту же ночь. Я слышала, какъ лудильщикъ разговаривалъ съ Сюзанной, какъ разъ подъ моимъ окномъ. а когда они зашли за уголъ, я выпрыгнула изъ окна и чуть не утонула. Съ тѣхъ поръ меня все время прятали на вѣтряной мельницѣ; но теперь мнѣ нечего бояться, такъ какъ онъ посаженъ въ тюрьму на три года. Вотъ я пришла поблагодарить васъ и попросить у васъ извиненія.

— Я не сержусь, сказалъ мельникъ медленно,—хотя это было неучтиво убѣгать тайкомъ изъ дому, сударыня.

Сконфуженная Маріетта опустила голову и замолчала. Потомъ она вдругъ заговорила торопливо и сбивчиво, какъ ребенокъ:

— Я пришла не потому, что вы обѣщали мнѣ сдѣлать подарокъ, г. Соломонъ, мнѣ подарка не нужно. А только я обѣщала вамъ сказать, когда я буду выходить замужъ. Меня не хотѣли къ вамъ пускать, но я все-таки пришла, и на будущей недѣлѣ моя свадьба.

— Свадьба? повторилъ мельникъ.—Ты выходишь замужъ?

И онъ смотрѣлъ на нее, точно не вѣря своимъ ушамъ.

— Да, да, я выхожу замужъ. Жакъ и Мари нашли мнѣ жениха, ихъ двоюроднаго брата, объяснила она.—Развѣ вы забыли, что вы просили меня сказать, когда я буду выходить замужъ?

Мельникъ ничего не отвѣчалъ. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, пока она стояла передъ нимъ такая чистенькая, робкая и прелестная—его любимая дѣвочка, его милая пѣвчая птичка, и онъ, съ чувствомъ жгучей боли въ груди, спрашивалъ себя почему она досталась не ему, а какому-то чужому, неизвѣстному человѣку.

— Такъ ты выходишь замужъ, сказалъ онъ наконецъ.—И что это тебѣ вздумалось—замужъ выходить? спросилъ онъ, злобно стискивая зубы.

Она робко посмотрѣла на него. Развѣ не самъ онъ совѣтовалъ ей выйти замужъ, чтобы навсегда избавиться отъ преслѣдованій отвратительнаго цыгана? Она передала это Жаку и Мари, а тѣ нашли ей жениха. Такъ это и устроилось.

— Я вовсе не желаю объ этомъ слышать! вспыхнулъ мельникъ, не помня себя отъ гнѣва.—Ну, и что-же ты... любишь его? Охотно идешь за него, или...

— Не очень охотно, созналась она смущенно.—Вѣдь онъ уже старикъ, ему по крайней мѣрѣ лѣтъ пятьдесятъ.

— Пятьдесятъ! но въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть твоимъ дѣдомъ! воскликнулъ мельникъ.

Да, и къ тому-же онъ совсѣмъ сѣдой, почти глухой, и его старшая дочь Луиза была ея подругой, разсказывала дальше Маріетта. Но такъ какъ Луиза выходитъ замужъ, то ему нужна дома работница и вотъ Мари и Жакъ порѣшили устроить эту свадьбу, чтобы и ее обезопасить отъ преслѣдованій лудильщика.

Мельникъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

Какъ? красивую, невинную, неопытную дѣвушку приносятъ въ жертву? Для того чтобы избавить ее отъ какого-то бродяги, который не имѣетъ на нее никакихъ правъ, ее готовятъ въ сидѣлки къ слабому. глухому старику?

Онъ всталъ и прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ онъ остановился противъ Маріетты и, готовый предложить рѣшительный вопросъ, чувствовалъ какъ горло его сжимается отъ страха и волненія.

— Маріетта! сказалъ онъ наконецъ.—Мнѣ всѣ говорятъ, что я долженъ взять кого-нибудь вмѣсто Катерины, но дѣло въ томъ... Мнѣ нужна жена. Не знаешь-ли ты подходящей дѣвушки?

— О, да! воскликнула Маріетта поспѣшно.—Сестра Жака, Дельфина—она очень хорошенькая, у нея большое приданое и...

— Нѣтъ, нѣтъ, я думалъ не о ней, перебилъ мельникъ краснѣя.—Я думалъ... я не могу помириться съ мыслью, что ты должна выйти замужъ за стараго, сѣдаго вдовца... Нѣтъ, это все не то... продолжалъ мельникъ путаясь и смущаясь.—Дѣло въ томъ, что я искренно полюбилъ тебя съ самой той минуты, когда увидѣлъ тебя у ручья, и я теперь спрашиваю тебя, хочешь-ли ты дать отставку твоему старику, и выйти замужъ за меня? Мы можемъ тотчасъ-же обвѣнчаться, потому что у меня все пошло вверхъ дномъ съ тѣхъ поръ, какъ умерла Катерина. Ну, Маріетта?

Маріетта посмотрѣла на него, точно не понимая того, что онъ говорилъ. Неужели Манневильскій мельникъ, красивый, молодой, богатый, могъ серьезно говорить такія невѣроятныя вещи?

— Ну? еще разъ повторилъ Соломонъ, стоя передъ дѣвушкой и не спуская глазъ съ ея лица.

— Да вѣдь это вы такъ только шутите, пробормотала она наконецъ, глядя на него съ выраженіемъ сомнѣнія въ своихъ ясныхъ, голубыхъ глазахъ.

„Счастье было бы слишкомъ велико“.

Но счастье не было слишкомъ велико для того, чтобы быть возможнымъ, и когда Маріетта убѣдилась наконецъ, что Соломонъ говоритъ серьезно, она не могла удержаться, чтобы не воскликнуть радостно:

— Ахъ, какъ я счастлива, какъ я счастлива! Вѣдь я выносить не могла моего жениха и согласилась выйти за него, только потому что меня уговорили.

Мельникъ былъ скупъ на слова, и его любовное объясненіе было коротко.

Мари была очень оскорблена, что ея двоюродный братъ получилъ отказъ, но Жакъ, который всегда считалъ эту партію совсѣмъ не подходящею для Маріетты, очень обрадовался, что это сватовство разстроилось, и такъ привѣтливо отнесся къ молодому, красивому и богатому жениху, что Соломонъ помирился съ нимъ и уже перестал считать вѣтряныя мельницы самой скверной вещью въ мірѣ.

Маріетта сдѣлалась прехорошенькою мельничихой. Она пѣла какъ жаворонокъ, была дѣятельна какъ пчелка и жила съ тѣмъ убѣжденіемъ, что на свѣтѣ нѣтъ человѣка лучше ея мужа и нѣтъ мельницы лучше ея собственной. Всѣ ее любили, и даже Катерина и Люси, пытавшіяся занять ея мѣсто, относились къ ней ласково. Только одинъ недостатокъ былъ у нея: она слишкомъ часто любила смотрѣть сквозь густую зелень виноградныхъ листьевъ на каменныя ступеньки, на высокій букъ и на маленькій, журчащій ручеекъ, то ярко освѣщенный золотымъ солнцемъ, то скрытый въ прохладной, зеленой тѣни.

Лудильщикъ умеръ въ тюрьмѣ скоропостижно и не успѣлъ ничего выяснить о происхожденіи Маріетты. „Тѣмъ лучше, подумалъ Соломонъ,—теперь она принадлежитъ одному мнѣ и всѣхъ родственниковъ ея я могу считать умершими“.

Къ рисункамъ.

Отдыхъ на берегу моря. (Рис. на стр. 1321).

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей,
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе. **А. Пушкинъ.**

Виды Ростова-на-Дону. (Рис. на стр. 1324 и 1325).

Главнымъ украшеніемъ города служитъ открытый 17 апрѣля 1890 года памятникъ въ Бозѣ почившему императору Александру II.

Памятникъ сооруженъ на средства города и пожертвованія. Съ какой охотой дѣлались пожертвованія, видно изъ того, что когда 15 марта 1881 года, въ день погребенія покойнаго Императора, городская дума, собравшись въ экстренное засѣданіе послѣ панихиды по Немъ, рѣшила соорудить памятникъ почившему Императору, и тутъ же открыла подписку, то въ теченіе часа было собрано болѣе 10,000 руб. Съ Высочайшаго разрѣшенія приступивъ къ сооруженію памятника, дума пригласила извѣстнаго нашего академика М. О. Микѣшина, составившаго проектъ памятника, который, съ нѣкоторыми позднѣйшими измѣненіями, и былъ осуществленъ. Памятникъ находится на Соборной площади и обращенъ лицомъ къ собору, а тыломъ къ Соборному переулку. Высота всего памятника достигаетъ до $4^{1}/_{2}$ саж.; фигура Государя—7 аршинъ. Вѣсъ чугунныхъ частей памятника доходитъ до 250 пуд. Императоръ изображенъ въ молитвенной позѣ съ непокрытою головой и съ обращенными къ небу глазами, въ порфирѣ, ниспадающей до пьедестала; въ правой рукѣ находится скипетръ, а лѣвая придерживаетъ порфиру.

Пьедесталъ исполненъ изъ гранита итальянскимъ мастеромъ С. А. Тонетти. На лицевой сторонѣ пьедестала, подъ императорскою короною, находится иниціалъ имени Государя, окруженный лаврами перевитыми терніемъ; подъ этимъ государственный гербъ и потомъ надпись: „Императору Александру II благодарные граждане города Ростова-на-Дону“. Внизу, на

лѣвой сторонѣ пьедестала: „Родился 17 апрѣля 1818 года“: на правой сторонѣ: „Въ Бозѣ почилъ 1 марта 1881 года“. Памятникъ окруженъ изящною чугунною рѣшеткой и по четыремъ сторонамъ его поставлено по тройному газовому фонарю. Памятникъ стоитъ на возвышеніи, на которое ведутъ три ступени.

Таганрогскій спускъ представляетъ одно изъ оживленнѣйшихъ мѣстъ въ городѣ, связывая главную улицу города, Большую Садовую, съ набережною Дона. Это и наиболѣе удобная дорога изъ города къ пристанямъ. Тутъ же находится большая часть оптовыхъ складовъ и главный торговый рынокъ. Движеніе здѣсь громадное, такъ какъ Ростовъ находится въ узлѣ трехъ желѣзныхъ дорогъ и воднаго пути, соединяющаго всю среднюю полосу Россіи съ Югомъ. Главнымъ предметомъ торговли являются зерновые продукты, и Ростовъ ежегодно отпускаетъ на милліоны руб. хлѣба за-границу, тѣмъ болѣе, что онъ является на Югѣ главнымъ хлѣбнымъ рынкомъ. Оживленіе его, при такой большой торговлѣ, стотысячномъ населеніи и массѣ пришлаго люда, возрастаетъ еще больше къ открытію навигаціи, когда набережная Дона представляетъ человѣческій муравейникъ и всѣ линіи берега завалены товарами, а Таганрогскій спускъ, являясь связью между торговыми складами и пристанью рѣки Дона, въ буквальномъ смыслѣ слова кипитъ всевозможною дѣятельностью.

Гренадеръ Золотой роты. (Рис. на стр. 1329).

Въ началѣ XVI вѣка въ военномъ искусствѣ впервые появляются гранаты—небольшія бомбы, начиненныя порохомъ и снабженныя фитилемъ. Ихъ бросали въ первое время руками, какъ это было при осадѣ Арля въ 1536 году, и солдаты, метавшіе гранаты, назывались гренадерами. Въ 1667 году, такихъ гренадеръ бывало по 4—6 при каждой ротѣ, и они отличались особою формою отъ другихъ солдатъ. Впослѣдствіи число и распредѣленіе гренадеръ измѣнилось. Съ конца XVII столѣтія гренадеры были только по имени, а бросаніе гранатъ поручалось инженернымъ солдатамъ. По примѣру Франціи, гренадеры были введены и у насъ, въ Россіи. Первый гренадерскій полкъ сформированъ былъ въ 1703 году изъ тысячи человѣкъ самыхъ крупныхъ и видныхъ солдатъ, и былъ причисленъ къ полку губернатора Меншикова. Рота дворцовыхъ гренадеръ, напоминающихъ по формѣ французскихъ, была учреждена императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1827 году, изъ отличнѣйшихъ гвардейцевъ, участвовавшихъ въ войнѣ 1812 года. Она подчинена министру Императорскаго Двора. Офицеры имѣютъ чины старой гвардіи, а фельдфебель этой роты имѣетъ чинъ подпоручика, унтеръ-офицеры—прапорщиковъ арміи, и получаютъ жалованье по ихъ окладамъ, кромѣ содержанія, назначеннаго всѣмъ нижнимъ чинамъ, наравнѣ съ комнатными инвалидами. Гренадеры отдаютъ честь Императорской Фамиліи, фельдмаршаламъ, министрамъ Двора и Военному, а гренадерамъ отдаютъ честь всѣ часовые гвардіи и арміи. Рота дворцовыхъ гренадеръ въ большіе праздники занимаетъ почетный караулъ по дворцѣ и содержитъ постъ на часахъ у Александровской колонны и памятника императору Николаю I, учредителю роты.

Что за диковинка? (Рис. на стр. 1332).

Молодой савояръ съ мартышкой и концертиной присѣлъ отдохнуть на подъѣздѣ богатаго господскаго дома. Въ обычный часъ прогулки изъ дома выпустили собакъ, которыя немедленно и собрались вокругъ чужаковъ. Съ крайнимъ любопытствомъ и недоумѣніемъ глядятъ и сеттеръ, и мопсъ, и левретка на невиданную диковинку, которая не похожа ни на ребенка, ни на куклу, а всего менѣе на человѣка.

Забавный разсказъ. (Рис. на стр. 1333).

Картинка эта не требуетъ комментаріевъ. Разсказъ молодаго парня, зашедшаго отдохнуть въ корчмѣ, должно быть въ самомъ дѣлѣ забавенъ, потому что обѣ слушательницы такъ и прыскаютъ со смѣху.

„Вау! Вау!“ Съ карт. Пахера. (Рис. на стр. 1337).

Крошечный мальчуганъ залѣзъ въ собачью конуру и старательно подражаетъ лаю вѣрнаго Барбоски, устрашая прохожихъ и повидимому вовсе не боясь накликать на себя въ грядущей жизни то, что называется собачьею долей.

Продавецъ арбузовъ и дынь въ Бухарѣ. (Рис. на стр. 1340).

Бухарскіе базары кишатъ самыми разнообразными типами. Многіе изъ нихъ уже изображались на страницахъ *Нивы*. На этотъ разъ даемъ изображеніе торговца такимъ товаромъ, который въ безчисленномъ множествѣ потребляется на мѣстѣ, благодаря невыносимому зною средне-азіатскаго лѣта. Это продавецъ арбузовъ и дынь, которые лежатъ передъ нимъ на землѣ цѣлыми грудами и продаются за ничтожную цѣну жаждущимъ промочить пересохшее горло.

Аэростаты на привязи во флотѣ. (Рис. на стр. 1341).

Лейтенантъ французскаго флота, г. Сернеттъ, послѣ долговременныхъ опытовъ, снабдилъ французскую Средиземноморскую эскадру приспособленными къ судамъ аэростатами на привязи (ballons captifs). Такой аэростатъ весьма невеликъ, объемъ его всего въ 320 кубич. метровъ; будучи прикрѣпленъ къ канату въ 400 метровъ длины, онъ можетъ поднять только одного человѣка. Наполняется онъ чистымъ водородомъ, хранящимся въ желѣзныхъ сосудахъ и сжатымъ подъ давленіемъ 100 атмосферъ. На адмиральскомъ кораблѣ *Formidable* аэростатъ прикрѣплялся къ вершинѣ задней башни. Съ гондолы открывался горизонтъ на 30—40 верстъ кругомъ.

Политическое обозрѣніе.

Еще одинъ годъ вскорѣ будетъ начертанъ на скрижаляхъ исторіи. Начался онъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, съ надеждой на миръ и пожеланіями спокойствія. Должно быть пожеланія эти были сдѣланы въ добрый часъ, потому что давно уже не запомнится такого покойнаго и миролюбиваго года. „Всѣ народы искренно желали мира и заботились объ его сохраненіи“, говорилъ 25 іюля маркизъ Солсбери въ Меншенъ-гаузѣ.

Первое мѣсто среди государствъ бывшихъ на-сторожѣ миролюбиваго положенія вещей должно быть отведено нашей родинѣ. Еще въ началѣ года заграничныя газеты отмѣчали, что прямодушная политика Россіи (надо замѣтить, и всегда ей присущая) весьма много способствовала улучшенію общаго положенія дѣлъ и возрожденію всеобщей увѣренности въ сохраненіи мира. Та же миролюбивая политика нашего правительства цѣлымъ рядомъ мѣръ и событій еще болѣе укрѣпила его въ теченіе года, о чемъ неоднократно заявлялось въ печати.

Всеобщее мирное настроеніе не могло не отозваться благопріятно и на внутренней политикѣ страны, которая въ 1890 г. сдѣлала громадные успѣхи. Особенно должны быть отмѣчены наше войско и финансы. „Отечеству нашему несомнѣнно нужна сильная и благоустроенная армія, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла“, говорится въ Высочайшемъ рескриптѣ Державнаго Вождя Россіи, данномъ нашему Военному министру, генералъ-адъютанту Ванновскому по случаю 50-лѣтняго служенія въ офицерскихъ чинахъ, „но не для агрессивныхъ цѣлей, а для огражденія цѣлости и государственной чести“,—и русское войско по справедливости должно быть признано образцовымъ. Лучшимъ подтвержденіемъ служатъ бывшія осенью испытанія въ видѣ маневровъ, притомъ такихъ, какихъ не запомнитъ военная исторія. Такъ на Волыни до 150,000 воиновъ было собрано подъ начальствомъ двухъ самыхъ выдающихся русскихъ генераловъ, Гурко и Драгомирова, и блестящіе результаты этой примѣрной войны вызвали заслуженное удивленіе и невольную зависть за-границей. „Русскій Царь—писалъ *Economist*—единственный властелинъ въ Европѣ готовый къ войнѣ. Только одно миролюбіе Русскаго Императора обезпечиваетъ миръ...“

Русскіе финансы въ истекшемъ году также достигли прекраснаго положенія, давно небывалаго. Если нѣкоторыя колебанія на денежномъ рынкѣ за-границей, а также неблагопріятное настроеніе Лондонской и Берлинской биржъ, за послѣднее время нѣсколько и понизило нашъ курсъ, то все-таки, какъ замѣчаетъ *Journal des Débats*: „русскіе фонды замѣчательно крѣпки. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ не было момента, болѣе неблагопріятнаго для успѣха нападокъ на кредитъ Россіи и для надежды посредствомъ этихъ нападокъ помѣшать операціямъ русскаго казначейства“.

Наибольшее затѣмъ вниманіе, изъ другихъ европейскихъ государствъ, приковываетъ къ себѣ Германія и ея юный императоръ. Преисполненный благихъ намѣреній и надѣленный сильною волею, онъ смѣло расчищаетъ почву для будущаго, считая наше время—временемъ переходнымъ. Намѣтивъ себѣ цѣли, онъ не терпитъ никакихъ препонъ. „Sic volo, sic jubeo“, начерталъ недавно императоръ Вильгельмъ на своемъ портретѣ, подаренномъ министерству народнаго просвѣщенія. Но еще раньше было замѣтно такое стремленіе въ его дѣятельности и онъ не скрывалъ этого. „Добро пожаловать всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ мнѣ помочь“, говорилъ юный императоръ 21 февраля на обѣдѣ, данномъ бранденбургскимъ провинціальнымъ сеймомъ, „но тѣхъ, кто ставитъ мнѣ преграды—я раздавлю“. Быть-можетъ этимъ желаніемъ свободы въ своихъ дѣйствіяхъ и должно объяснить отставку желѣзнаго канцлера, поразившую своей неожиданностью всю Европу. Уже давно привыкла она видѣть въ князѣ Бисмаркѣ вершителя ея судебъ, и вдругъ, осыпанный всякими милостями, могучій канцлеръ устраняется отъ дѣлъ и удаляется къ частной жизни. „На особенно великое сознаніе Вильгельмомъ II своихъ правъ, пишетъ *Temps*,— можно взглянуть съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Съ одной стороны, онъ представляется какъ будто въ образѣ государя стараго режима à la Louis XIV, съ другой же—онъ выступаетъ современнымъ государемъ но

преимуществу, готовымъ стать во главѣ всякаго крупнаго преобразовательнаго движенія".

Такихъ крупныхъ преобразованій надо ожидать въ соціальномъ строѣ въ Германіи вообще и въ частности въ рабочемъ и школьномъ вопросахъ. Для разрѣшенія перваго изъ нихъ, какъ памятно, засѣдала въ мартѣ въ столицѣ Германіи конференція, на которую съѣхалось до 60 представителей отъ 14 европейскихъ государствъ. Второй вопросъ, только намѣченный недавно, прославился двумя рѣчами императора, высказавшаго свои взгляды на среднее образованіе.

Среди массы работъ у молодаго государя достало все-таки времени отдаться своей страсти къ путешествіямъ и посѣтить Данію, Норвегію, Бельгію, Англію, Россію и Австрію. На нашей родинѣ державный гость присутствовалъ на маневрахъ близъ Нарвы и былъ предметомъ самаго блестящаго и радушнаго пріема.

Въ области внѣшней политики Германія за истекшій годъ

Продавецъ арбузовъ въ Бухарѣ. Съ фот. Апостоли. грав. Флюгель.

успѣла раздѣлиться съ Англіею вліяніемъ въ африканскихъ колоніяхъ и получить въ придачу островъ Гельголандъ.

Въ Англіи минувшій годъ ничѣмъ особеннымъ не ознаменовался, если не считать постоянныхъ за послѣднее время стачекъ рабочихъ да раскола среди партіи ирландскихъ автономистовъ.

Республиканская Франція въ 1890 г. шла на пути укрѣпленія существующаго строя вещей, чему мы были свидѣтелями сначала во время путешествія президента Карно въ апрѣлѣ на югъ Франціи и въ Корсику, а затѣмъ заявленіями со стороны духовенства въ лицѣ примаса Африки Лавижери, а также со стороны нѣсколькихъ нереспубликанскихъ депутатовъ палаты.

Давнишнее пугало правительства—буланжизмъ—понемногуересталъ быть страшнымъ. Еще въ февралѣ были вспышки симпатій къ національной партіи, и изъ 6 забракованныхъ буланжистскихъ депутатовъ 5 были избраны вновь, но уже муниципальные выборы въ Парижѣ показали упадокъ обаянія, и изъ 59 мѣстъ 52 достались республиканцамъ и только одно буланжистамъ.

Разоблаченія Мермекса довершили остальное, и только старанія, иногда не въ мѣру усердныя, со стороны Поля Деруледа и другихъ приверженцевъ бравого генерала, мѣшаютъ окончательно позабыть о буланжизмѣ.

Австро-Венгрія, Турція и Италія занимались за годъ приведеніемъ своихъ внутреннихъ дѣлъ въ порядокъ: первая приводила чеховъ къ соглашенію съ нѣмцами, и лишилась Коломана Тиссы въ борьбѣ съ венгерскою оппозиціей; Турція усмиряла Критъ и армянъ; Италія враждовала съ ирредентистами, дѣйствія которыхъ дали возможность г. Криспи очень ловко объяснить необходимость тройственнаго союза, что не мѣшало ему съ другой стороны сближаться съ Франціей.

Если припомнить англо-португальскій конфликтъ, перемѣну министерства въ Испаніи, соглашеніе Милана съ регентствомъ и меморандумъ королевы Наталіи, печальный процессъ Паницы, смерть короля Голландскаго Вильгельма III, то почти всѣ выдающіяся событія минувшаго года будутъ на перечетъ, и Новый годъ вступаетъ, какъ и его предшественникъ, подъ покровомъ мира и спокойствія. Дай Богъ еще много лѣтъ встрѣчать такимъ образомъ Новый годъ!

Смѣсь.

Рождественскіе праздники у древнихъ римлянъ. Торжественный, радостный и веселый праздникъ Рождества Христова имѣетъ, въ строгомъ смыслѣ слова, не христіанское, а индо-германское происхожденіе.

Христіанская община, при своемъ возникновеніи, натолкнулась на существовавшія уже празднованія перемѣны года, которыя почти совпадали съ днемъ зимняго поворота солнца. На Сѣверѣ былъ праздникъ Юль (Julfest), на Югѣ—сатурналіи; оба языческіе праздника настолько вкоренились въ жизненные обычаи народныхъ массъ, что борьба съ ними представила бы непреодолимыя затрудненія.

Христіанскіе священники пришли къ разумному заключенію, что слѣдуетъ считаться съ дѣйствительностью, слѣдуетъ признать праздники Юль и Сатурна, объявить наружную оболочку ихъ законною, цѣлесообразною и измѣнить постепенно только внутренній смыслъ праздника,—иначе сказать, въ старые мѣха влить новое вино. „Вы правы, празднуя возрожденіе свѣта", говорили они народамъ Сѣвера, „но не одинъ земной свѣтъ даровало вамъ Божество въ эти дни; оно даровало вамъ и тотъ непреходящій небесный Свѣтъ, о которомъ сказано: „Я свѣтъ міра; кто въ Меня вѣруетъ, тотъ будетъ жить вѣчно"".

„Вы правы“, говорили тѣ же священники латинянамъ, „вспоминая въ праздникъ Сатурна тотъ золотой вѣкъ, когда не было никакого различія между богатымъ и бѣднымъ, между высшимъ и низшимъ, господами и рабами. Вы правы, веселясь въ эти дни воспоминаній, дѣлая другъ другу подарки и особенно надѣляя дѣтей радостными дарами. Вами руководитъ при этомъ тайное предчувствіе божественной истины, которую мы вамъ проповѣдуемъ. Во время этого праздника родился Спаситель; Онъ пришелъ въ міръ, дабы возстановить золотой вѣкъ и искупить всѣхъ людей безъ различія Своею благодатью“.

Такимъ образомъ христіанство отождествило праздникъ зимняго поворота солнца со днемъ рожденія І. Христа, не нанося существеннаго ущерба различнымъ обычаямъ древне-языческаго міра. Такъ, напримѣръ, древне-германскую ель — олицетвореніе нетлѣнной жизни — быть-можетъ зимнюю представительницу мірового ясеня Игдразиля, на вѣтвяхъ котораго покоилась вселенная, въ германскихъ земляхъ неразрывно связали съ праздникомъ Христа, а у другихъ западныхъ народностей вошли въ обыкновеніе римскіе сатурнальные праздники.

Сатурнъ, по значенію слова, есть богъ посѣва. Было бы, однако же, большимъ заблужденіемъ считать сатурналіи, праздновавшіяся съ 17 до 24 декабря, праздникомъ жатвы. Это значило бы слишкомъ отдалять ударъ грома отъ молніи, такъ какъ въ Италіи даже сборъ плодовъ и вина заканчивается уже въ октябрѣ.

Въ первоначальномъ значеніи сатурналіи, точно такъ же какъ и сѣверный праздникъ Юль, были прославленіемъ небеснаго свѣта, солнца, снова высоко поднимающагося надъ землей.

Хотя радость по поводу этого событія у латинянъ проявлялась не такъ бурно, какъ у сѣверянъ, почти совершенно лишенныхъ солнца въ предшествующій періодъ года, тѣмъ не менѣе и въ Италіи мысль о томъ, что опять все оживится, вызывала радостное чувство удовлетворенія. Тутъ главную роль игралъ не простой инстинктъ, а внѣшнія удобства, которымъ на Югѣ зима причиняетъ болѣе ущерба, чѣмъ на Сѣверѣ.

Классическій римлянинъ жилъ, какъ и многіе итальянцы нашего времени, большею частью на улицѣ. Непріятное время дождей и морозовъ сильно стѣсняло его привычки, тѣмъ болѣе, что и одежда древнеримская далеко не представляла собою идеала зимняго костюма.

Франція. Опыты съ привязаннымъ аэростатомъ на франц. броненосцѣ.

Притомъ, климатъ древняго Рима, неизвѣстно по какой причинѣ, былъ суровѣе теперешняго. У древнеримскихъ поэтовъ упоминается о снѣгѣ, покрывшемъ нивы, и обо льдѣ, сковавшемъ ручьи и рѣки, какъ объ обыкновенныхъ атрибутахъ зимы, между тѣмъ какъ въ настоящее время подобныя явленія составляютъ рѣдкое исключеніе.

И такъ, и у римлянина спадалъ камень съ сердца, когда онъ замѣчалъ, что богъ солнца (Солъ) снова поворачиваетъ съ своего нисходящаго пути — и этому радостному чувству соотвѣтствовалъ сначала трехдневный, позднѣе семидневный, праздникъ, въ продолженіе котораго прекращались въ обширной Римской имперіи всякія дѣла, и который естественно посвящался божеству, считавшемуся по древне-итальянскимъ воззрѣніямъ самымъ милостивымъ, миролюбивымъ и доброжелательнымъ.

Не бога посѣва, а бывшаго повелителя Италіи, основателя золотаго вѣка, чествовали древніе римляне веселою недѣлею сатурналій.

Сатурнъ — миѳологическое величіе котораго вѣроятно основано на сказочно-прославленной дѣятельности какого-нибудь доисторическаго царя, — по римскому сказанію, пришелъ неизвѣстно откуда въ страну, лежащую по Тибру, гдѣ правилъ издревле-чтимый царь Янусъ. Сатурнъ сдѣлался какъ бы мажордомомъ правителя, былъ его совѣтчикомъ, научилъ дикій, невѣжественный народъ земледѣлію, воздѣлыванію винограда, улучшенію древесныхъ плодовъ и т. д., и положилъ, такимъ образомъ, основаніе усовершенствованію нравовъ. Чрезъ это онъ достигъ такой славы, что Янусъ сдѣлалъ его своимъ соправителемъ, и, наконецъ, оставилъ за собою лишь второстепенную роль. По имени осчастливившаго народъ правителя, страна по Тибру стала называться „Сатурніей“.

Народная поэзія постоянно прославляла время правленія царя и бога Сатурна, какъ эпоху блаженства — очевидное сопоставленіе восточному сказанію о раѣ.

Также и поэты пользовались народною темою, почти превратившеюся въ вѣрованіе, и создали изъ нея волшебную идиллію. Прекрасные, счастливые люди блуждаютъ подъ плодоносными деревьями, невинные и беззаботные, любимые и любящіе, кроткіе, свободные и веселые, подобно безсмертнымъ.

Сатурналіи, какъ уже упомянутó, начинались 17 декабря. Посреди форума, недалеко отъ Капитолія, стоялъ храмъ Сатурна,

развалины котораго и до сихъ поръ волнуютъ зрителя историческими воспоминаніями. Передъ этимъ храмомъ въ древности совершалось, посреди собравшагося народа, жертвоприношеніе, по окончаніи котораго тысячеголосый радостный кликъ: „Io Saturnalia! Io bona Saturnalia!" раздавался въ самыхъ отдаленныхъ улицахъ.

Вторая часть оффиціальной программы состояла изъ пиршества сенаторовъ и всадниковъ, являвшихся здѣсь передъ публикой, въ видѣ исключенія, не въ древне-римской праздничной одеждѣ, не величественной тогѣ, а въ ниспадающемъ широкими складками синтезѣ,—одеждѣ, надѣваемой преимущественно въ триклиніумѣ, то-есть столовой. Здѣсь они свободно возлежали за столомъ, ѣли и пили въ изобиліи и предавались веселью, которое въ оное время не гармонировало бы съ достоинствомъ ихъ первенствующаго положенія. А между тѣмъ, для лицъ высшей знати, повидимому, представляла особенную прелесть возможность безнаказанно сбросить съ себя древне-римское величіе и предаться дурачествамъ наравнѣ съ другими.

По окончаніи пирушки, слѣдовавшей непосредственно за обѣдомъ и продолжавшейся зачастую до поздней ночи, высокіе и высшіе сановники расходились съ тѣми же возгласами, какими оглашалъ воздухъ народъ послѣ жертвоприношенія. „Io Saturnalia!" звучало въ устахъ тучныхъ кутилъ въ пурпурѣ; „io bona Saturnalia!" кричали всадники, и бормоча заплетающимся языкомъ: „Io sat!"—взлѣзали въ свои носилки.

Одновременно съ правительственными и городскими, шли празднества и въ частныхъ домахъ. Въ чемъ состояли эти послѣднія— трудно опредѣлить съ точностью: во всякомъ случаѣ пирушки и подарки составляли основу всѣхъ увеселеній, напоминавшихъ временами новѣйшій римскій карнавалъ.

Рабамъ—обстоятельство весьма характерное—во всю праздничную недѣлю не только давалась полная свобода, но даже, въ воспоминаніе эпохи равенства, предоставлялись извѣстныя преимущества, какъ бы въ вознагражденіе за рабство истекающаго года. Раньше, чѣмъ отобѣдаютъ господа, рабы, съ душистыми вѣнками на головахъ, одѣтые въ лучшія платья, входили въ столовую и располагались на обѣденныхъ диванахъ. Семья хозяина дома съ разными шуточными церемоніями прислуживала имъ и угощала ихъ. Здѣсь рабы могли смѣло высказывать своимъ повелителямъ правду, осуждать то или другое, выставлять хозяйкѣ на видъ, въ чемъ она провинилась предъ своими слугами или служанками, однимъ словомъ, производить всякаго рода безчинства, которыя, понятное дѣло, не переступали тѣхъ предѣловъ, гдѣ веселость переходитъ въ грубость. Но даже и пересаливаніе во время этихъ празднествъ прощалось; а позднѣйшее мщеніе противорѣчило бы благородству образа мыслей, которымъ гордился древній римлянинъ, и установленной свободѣ маскарада.

Вообще здѣсь кстати замѣтить, что возмутительное презрѣніе, проявляемое римскими вельможами къ рабамъ, далеко не было всеобщимъ. Даже утонченный Римъ Цезарей представляетъ многочисленные примѣры патріархальныхъ отношеній между господами и рабами. Всѣмъ памятна идиллическая сцена, гдѣ благородная Лукреція, окруженная своими рабынями, дружески разговариваетъ съ ними и вмѣстѣ съ ними работаетъ за ткацкимъ станкомъ.

Послѣ пирушекъ и увеселеній, въ которыя входили и общественныя игры, особенно игра въ кости на орѣхи (символъ изобилія), главную прелесть праздника составляли подношеніе и полученіе подарковъ. Дѣтямъ дарились куклы—маленькія фигурки изъ глины или бронзы.

Общеупотребительно было дареніе восковыхъ свѣчей; такимъ образомъ и эта неотъемлемая принадлежность современной намъ елки, такъ же какъ и орѣхи, имѣетъ индо-германское происхожденіе; свѣчи служили символомъ вновь нарождающагося свѣта, точно такъ же какъ орѣхи были символомъ изобилія и плодородія.

Съ восьмаго дня Римъ мало-по-малу начиналъ входить въ обычную колею. Надъ городомъ семи холмовъ царило утомленіе и угнетенное состояніе духа, нѣчто въ родѣ настроенія въ чистый понедѣльникъ Великаго поста. Вмѣсто причудливаго сумасбродства выступала дѣйствительная жизнь, вмѣсто веселаго разгула—философская сосредоточенность. Слуги, вздыхая, брались за метлы и прибирали печальные остатки своего мимолетнаго величія, обломки разбитой посуды и лоскутья веселаго маскарада.

Истребленіе разсола и соленаго тунца принимало невѣроятные размѣры, потому что древніе римляне поглощали вино въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ теперешніе. Римъ страдалъ подъ гнетомъ похмѣлья, называемымъ Платономъ „разстройствомъ, основаннымъ на вчерашнемъ днѣ", а у нѣмцевъ извѣстнымъ подъ названіемъ „Katzenjammer'a".

И тѣмъ не менѣе веселъ и увлекателенъ былъ несравненный праздникъ, веселъ и поэтически прекрасенъ! Io Saturnalia! Io bona Saturnalia. (с.)

Лучшими горшками для комнатныхъ растеній *Вѣстникъ Садоводства* считаетъ горшки изъ хорошо обожженной глины, которые при смачиваніи водой какой-либо части ихъ, должны быстро всасывать ее; чѣмъ медленнѣе происходитъ такое всасываніе, тѣмъ менѣе годенъ горшокъ. Всякій новый горшокъ необходимо, передъ посадкой въ него растенія, тщательно обмыть и высушить. Всѣ глазурованные, а тѣмъ болѣе фарфоровые горшки, какъ не пористые, совсѣмъ не годятся. Важно также, чтобы дно горшка не соприкасалось непосредственно съ поддонникомъ, ибо, въ противномъ случаѣ, отъ воды, стекающей на поддонникъ послѣ поливки, нижній слой земли прокисаетъ и портится. Во избѣжаніе этого, слѣдуетъ на поддонникъ класть два-три высокихъ, плоскихъ камешка, на края которыхъ и устанавливать горшокъ; такое приспособленіе допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свободный притокъ воздуха, что весьма благотворно дѣйствуетъ на самое растеніе. Кромѣ того, водосточное отверстіе на днѣ горшка не должно быть мало и непремѣнно пробито изнутри наружу, такъ какъ иначе вокругъ отверстія образуется закраина, задерживающая свободный стокъ воды, отчего не только прокисаетъ земля, но и загниваютъ корни. Наконецъ, надлежитъ также имѣть въ виду, что горшокъ тѣмъ болѣе удовлетворяетъ своему назначенію, чѣмъ тоньше его стѣнки. (б.)

Безапелляціонная критика. Драматическій писатель Було, который сильно заикался, принесъ однажды вполнѣ законченную одноактную пьесу къ г. Роквлану, директору театра Варіете, въ Парижѣ, умоляя его позволить ему прочесть свое произведеніе.

— Хорошо, только читайте скорѣе! Я имѣю не болѣе получаса времени.

Г. Було начинаетъ читать, заикается и не можетъ сдвинуться съ мѣста. Время идетъ, онъ дѣлаетъ невѣроятныя усилія, проглатываетъ фразы, давится и потъ градомъ катится съ его лица. Наконецъ, обливаясь потомъ, онъ подходитъ кое-какъ къ развязкѣ.

— Недурно, замѣчаетъ Роквланъ съ самымъ серьезнымъ видомъ,— это новая пьеса, въ которой всѣ дѣйствующія лица заикаются; но мнѣ кажется, что по крайней мѣрѣ первой любовницѣ не слѣдовало бы заикаться.

— И-и-прошу и-из-извиненія, возражаетъ озадаченный авторъ;— ни-ни-никто и-не-не заикается!

— Какъ? Никто не заикается? Тогда чортъ побери всю вашу пьесу! Въ ней только и есть интереснаго, что заиканіе! (с.)

Дождевой червь въ экономіи природы. Можетъ быть ни одно изъ низшихъ животныхъ не цѣнится такъ мало человѣкомъ, какъ дождевой червь, который нерѣдко оканчиваетъ свое существованіе подъ нашими стопами, а между тѣмъ это презрѣнное маленькое созданіе является истиннымъ благодѣтелемъ человѣчества. Дождевой червь пропахиваетъ землю и тѣмъ самымъ оказываетъ незамѣнимую помощь земледѣльцу. Благодаря его присутствію, почва постоянно удобряется, обновляется и покрывается растительностью. У него нѣтъ ни глазъ, ни ушей, но его пищеварительные органы развиты весьма своеобразно. Пищу дождеваго червя составляютъ главнымъ образомъ листья и корни растеній; послѣдніе употребляются имъ не только въ пищу, но и для внутренней отдѣлки подземныхъ ходовъ, которую онъ дѣлаетъ вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы предохранить свое тѣло отъ соприкосновенія съ холодною, влажною землей. Стѣнки этихъ ходовъ бываютъ также нерѣдко выложены слоемъ мелкой, черной, тщательно сглаженной земли, сквозь который какъ разъ проходитъ тѣльце червяка. Главнѣйшая и наиболѣе полезная дѣятельность дождеваго червя состоитъ въ томъ, что онъ непрерывно проглатываетъ землю и мелкіе камешки, которые, проходя чрезъ его организмъ, удобряются и оплодотворяются. Такъ какъ почва заключаетъ въ себѣ несмѣтныя массы дождевыхъ червей — на одинъ гектаръ земли ихъ насчитываютъ 60—90,000 — то благодаря вышеописанному процессу, поверхность ея постоянно измѣняется и вѣчно перерабатывается. Образующіеся вслѣдствіе дѣятельности червей слои достигаютъ иногда въ теченіе одного года $^{1}/_{5}$ дюйма толщины: другими словами, листья, камни и т. п., положенные съ цѣлью наблюденія—покрывались слоемъ переработанной червемъ земли толщиною, какъ сказано выше, въ $^{1}/_{5}$ дюйма. (с.)

Лондонъ. Краткая статистика Лондона даетъ интересную картину условій жизни гигантскаго города. Въ Лондонѣ 48 мостовъ черезъ Темзу, 76 театровъ, 2,200 почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденій съ 15,000 чиновниками. Въ Лондонѣ считается 547,410 домовъ, 1,450 церквей, 2,100 больницъ и богоугодныхъ заведеній, 7,600 пивныхъ, 1,800 кафе, 570 гостиницъ, 3,100 пекаренъ и 326,000 человѣкъ мужской и женской прислуги. Лондонъ ежегодно потребляетъ 2.200,000 мѣшковъ муки, 260,000 свиней, 450,000 быковъ, 1.600,000 рогатаго скота, 8.500,000 штукъ дичи и птицъ, 220.000,000 рыбъ, 510.000,000 устрицъ. Въ Лондонѣ больше шотландцевъ, чѣмъ въ Эдинбургѣ, больше ирландцевъ, чѣмъ въ Дублинѣ, больше католиковъ, чѣмъ въ Римѣ, и больше евреевъ, чѣмъ во всей Палестинѣ. Въ Лондонѣ ѣздитъ 19,000 кебовъ и 1,500 омнибусовъ. Въ 1066-мъ году въ Лондонѣ было только 40.000 жителей, въ 1700-мъ году было уже 700,000, въ 1800-мъ году число ихъ возросло до 900,000, и въ настоящемъ году ихъ считается 4.425,000, вѣроятно къ 1900-му году число ихъ превыситъ 5 милліоновъ. Годовыя издержки лондонскаго населенія приблизительно считаются въ 2 милліарда рублей. (к.)

Величайшія монеты находятся въ Анамѣ, именно золотая монета цѣнностью въ 1,300 марокъ и серебряная -- въ 600 марокъ. Золотая монета у ашантіевъ въ Африкѣ стоитъ 180 марокъ. (к.)

Свѣтъ безъ огня. Одинъ американскій журналъ указываетъ очень легкій способъ безопаснаго пользованія свѣтомъ въ мѣстахъ, гдѣ находятся взрывныя или легко-воспламеняющіяся вещества. Для этого надо взять продолговатую баночку самаго чистаго стекла, вложить туда кусочекъ фосфора, величиною съ горошину, и налить одну треть баночки кипящимъ оливковымъ масломъ, затѣмъ плотно закрыть ее. Для полученія свѣта довольно открыть банку свободному доступу воздуха. Подобная баночка очень долго можетъ доставлять свѣтъ. (к.)

Военныя морскія силы главнѣйшихъ государствъ Европы. Россія насчитываетъ: 864 офицера и 25,474 нижнихъ чиновъ; Германія:

606 офицеровъ и 12,600 нижнихъ чиновъ; Англія: 1,818 офицеровъ и 36,852 нижнихъ чиновъ; Австрія: 506 и 11,580; Испанія: 839 и 14,000; Франція: 1,776 и 36,136; Италія: 736 и 22,450.

Государства эти имѣютъ:

	Броненосцевъ.	Неброненосныхъ судовъ.	Миноносокъ.
Россія	38	64	135
Германія	27	35	114
Англія	71	199	161
Австрія	14	30	57
Испанія	4	86	14
Франція	48	170	132
Италія	19	38	130

Аппаратъ предупреждающій столкновеніе поѣздовъ, которые нечаянно попадаютъ на одинъ и тотъ же путь, изобрѣтенъ недавно, какъ сообщаютъ техническія изданія. Онъ дѣйствуетъ при помощи электричества и состоитъ изъ проволоки, раздѣленной на отдѣлы въ два километра каждый и расположенной такъ, что при вступленіи локомотивовъ на одинъ и тотъ же отдѣлъ проволоки, проложенной между рельсами, щетки локомотива замыкаютъ токъ и тотчасъ же раздается сильный звонъ, предупреждающій машинистовъ о томъ, что путь не свободенъ. (в.)

Смѣшащее растеніе. Въ Аравіи растетъ трава изъ породы бобовыхъ, съ свѣтло-желтымъ цвѣткомъ и мягкимъ сѣменемъ, находящимся въ черномъ бобѣ, которую англичане назвали „смѣшащимъ растеніемъ". Туземцы сушатъ его зерна, стираютъ ихъ въ порошокъ и принимаютъ въ маленькихъ дозахъ. Принявшіе его начинаютъ пить, смѣяться, плясать и остаются въ такомъ возбужденіи нѣсколько часовъ. Когда же это веселое состояніе окончится, наступаетъ сперва дремота, а затѣмъ глубокій сонъ, послѣ котораго человѣкъ ничего не помнитъ изъ того, что онъ выдѣлывалъ, находясь въ состояніи опьяненія.

Образецъ американской рекламы. Посѣтивъ кладбище въ Балтиморѣ, разсказываетъ одинъ путешественникъ, — я обратилъ вниманіе на одинъ великолѣпный памятникъ, выдававшійся необычайною роскошью. Я подумалъ, что покойникъ былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ граждан города, и прочиталъ надпись золотыми буквами, гласившую по обыкновенію о возвышенныхъ качествахъ души покойнаго Джона Броуна. Мнѣ показалось страннымъ, что время смерти покойника не было обозначено, и я обратился за объясненіями къ своему проводнику. „Причина простая, отвѣчалъ послѣдній,—этотъ господинъ еще живъ и здоровъ, а памятникъ воздвигъ себѣ пять лѣтъ тому назадъ, въ день своей свадьбы и открытія своего торговаго дома". „Что же это за чудакъ?" спросилъ я.—„Видите-ли, отвѣчалъ проводникъ, — главная цѣль его заключалась въ томъ, чтобы пріѣзжіе, посѣщающіе наше замѣчательное кладбище, обращали вниманіе на этотъ памятникъ и спрашивали, чей онъ. Онъ принадлежитъ Джону Броуну, фабриканту лучшей въ Балтиморѣ сапожной ваксы; улица Пуфстритъ. № 42. Этотъ памятникъ стоилъ бѣшеныхъ денегъ, за-то приноситъ отличные проценты". (к).

Лошадиный оркестръ. Американскія газеты сообщаютъ о показывающихся въ Чикаго 16 лошадяхъ, исполняющихъ различныя музыкальныя пьесы. Успѣхъ четвероногихъ музыкантовъ колоссальный. При исполненіи музыкальныхъ пьесъ всѣ лошади выстраиваются въ рядъ; ногами онѣ приводятъ въ движеніе бичевки и мѣха, находящіеся въ связи съ различными музыкальными инструментами: головы коней украшены колокольчиками и бубенчиками, которыми онѣ звонятъ въ тактъ музыкѣ, причемъ этотъ своеобразный оркестръ отличается изумительной стройностью. (б.)

Число самоубійствъ въ Сѣверной Америкѣ достигло въ прошломъ (1889) году до 7000, причемъ большинство самоубійцъ принадлежало къ земледѣльческому классу. (с.)

Въ Томскій университетъ, по сообщенію *Новаго Времени* недавно зачисленъ въ студенты киргизъ Султанъ-Хацинъ, раньше занимавшій мѣсто переводчика въ канцеляріи Степнаго генералъ-губернаторства. Это уже второй киргизъ, принятый въ высшее учебное заведеніе Сибири; первый, по имени Айгбакинъ, находится теперь на второмъ курсѣ. (к.)

Величина и населеніе всѣхъ государствъ Европы.
По новѣйшему счисленію.

	Величина въ квадр. кил.	Число жителей.
Россія	5.488,635	96.970,036
Швеція и Норвегія	773,542	6.717,457
Австро-Венгрія съ Босніей и Герцеговиной	683,374	39.218,803
Германія	540,596	46.855,704
Франція	536,408	38.218,903
Испанія	504,516	17.545,160
Великобританія и Ирландія	314,628	35.241,482
Италія	296,323	30.565,253
Турція	165,438	5.575,025
Данія съ Исландіей	144,420	2.052,704
Румынія	129,947	5.376,000
Болгарія и Румелія	99,276	3.154,375
Португалія	92,075	4.708,178
Греція	64,689	1.979,561
Сербія	48,589	2.010,612
Швейцарія	41,346	2.934,057
Голландія съ Люксенбургомъ	35,587	4.719,215
Бельгія	29,457	6.030,043
Черногорія	9,030	236,000
Андорра	507	6,000
Лихтенштейнъ	157	9,124
Санъ-Марино	59	7,840
Монако	21	13,304

За исключеніемъ Монако, болѣе всего жителей среднимъ числомъ на 1 кв. километръ приходится въ Бельгіи, именно 204 чел. Будь такъ густо населеніе Россіи, она считала бы тогда за 1,000 милл., вмѣсто 97 нынѣшнихъ. Наименьшая плотность населенія въ Швеціи и Норвегіи, гдѣ на 1 кв. кил. приходится почти 9 жителей. (в. к.)

Красивый почеркъ. Говорятъ, что французскій драматургъ Сарду обязанъ первымъ своимъ сценическимъ успѣхомъ своему красивому почерку. Послѣ неоднократныхъ попытокъ поставить гдѣ-нибудь пьесу „La Taverne des Etudiants", онъ принесъ ее въ дирекцію театра Одеонъ, гдѣ она была брошена на столъ, вмѣстѣ съ полсотней другихъ пьесъ. Однажды актриса, M-elle Беранжеръ, замѣтила рукопись Сарду. „Какой прекрасный почеркъ!" воскликнула она и взяла прочесть пьесу. Артистка такъ настойчиво стала рекомендовать ее дирекціи, что ее наконецъ разсмотрѣли и затѣмъ приняли. Сарду, одинъ изъ богатѣйшихъ современныхъ литераторовъ, находился въ то время въ крайней нуждѣ. Вотъ, отъ какихъ ничтожныхъ случайностей зависитъ иногда успѣхъ произведенія, а иногда и успѣхъ цѣлой жизни. (с.)

Важное примѣненіе фонографа. Мистеръ Валкеръ Фоксъ въ Бостонѣ примѣнилъ Эдиссоновъ фонографъ новой конструкціи для сохраненія вымирающихъ индѣйскихъ нарѣчій. Онъ просилъ говорить и пѣть въ фонографъ индѣйцевъ вымирающихъ племенъ, обращавшихся за справками въ этнологическое Бостонское бюро. Такимъ образомъ есть возможность сохранить на будущія времена эти живые образчики языка и пѣсенъ индѣйцевъ. (к.)

Самыя маленькія первобытныя лошади. Профессоръ Маршъ изъ Іельскаго колледжа (Сѣв. Америка) нашелъ въ слоѣ третичной формаціи въ Небраска полный скелетъ ископаемой лошади, ростъ которой 25 сантиметровъ и притомъ она оказывается уже вполнѣ выросшею. (к.)

Библіографія.

Восточные мотивы. Стихотворенія В. Л. Величко. СПБ. 1890 г.

Г. Величко принадлежитъ къ поэтамъ начинающимъ и среди нихъ выгодно выдѣляется звучнымъ стихомъ. Въ его лирѣ есть несомнѣнно поэтическія струны. Прочтите, напр., слѣдующее стихотвореніе.

„Взгляни: въ далекой неба синевѣ
Сіяютъ звѣздъ алмазныхъ вереницы!
Заснуло все; умолкли въ рощѣ птицы
И блещетъ искрами роса въ травѣ.
Лишь вѣтерокъ вдругъ набѣжитъ порывомъ
И садъ листвой на мигъ зашелеститъ,
Да шепотомъ о чемъ-то говоритъ
Рѣка, бѣгущая по соннымъ нивамъ.
Какая тишь!.."

И проч. Невольно любуешься нарисованной картиной. Мы думаемъ, однако, что собственно „Восточные мотивы" занимаютъ совсѣмъ не первое мѣсто въ стихотвореніяхъ г. Величко; духъ восточной поэзіи дается не такъ-то легко, а поддѣлываться подъ него — значитъ охлаждать свое поэтическое настроеніе. Есть, конечно, и въ „восточныхъ" мотивахъ автора стихотворенія очень хорошія.

Дѣтская Историческая Библіотека. Наталья Борисовна Долгорукова. Повѣсть для дѣвицъ. Въ 3 ч. Соч. П. Р. Фурмана. СПБ. Изд. книгопродавца Мартынова. 1891.

Петръ Ждановъ, московскій купецъ. Историческій разсказъ изъ событій Отечественной войны 1812 г. Въ 2 ч. Соч. П. Р. Фурмана. СПБ. Изд. Мартынова. 1891.

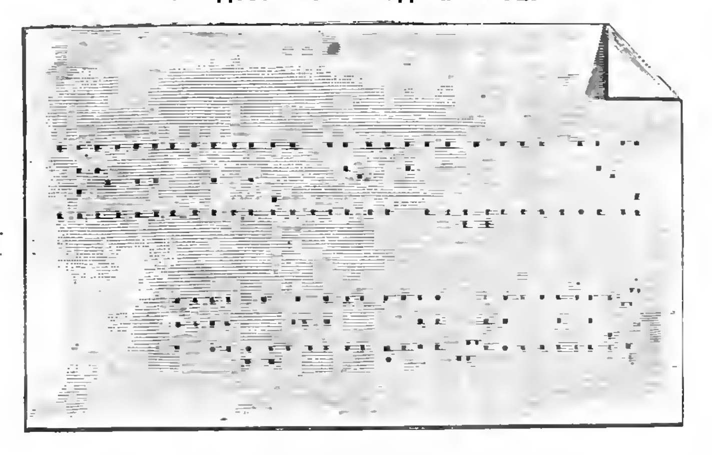
Лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ, историческіе разсказы Фурмана, появившіеся въ концѣ сороковыхъ годовъ, пользовались извѣстностью и сочувствіемъ. Не лишними они будутъ и въ современной дѣтской библіотекѣ, вообще не богатой хорошими сочиненіями; разсказы Фурмана если немного и устарѣли, все же остаются далеко не худшими тѣхъ, которые предлагаются дѣтямъ нынѣ, а большинство ихъ неизмѣримо превосходятъ. Правда, Фурманъ не блеститъ беллетристическимъ дарованіемъ, какъ отмѣтилъ еще Бѣлинскій, но онъ умѣло и толково, обыкновенно съ нравственной и патріотической окраской, соединяетъ вокругъ взятаго имъ историческаго лица характерныя черты описываемаго времени. Разсказы его могутъ возбуждать интересъ къ исторіи въ той мѣрѣ, какая доступна дѣтскому пониманію.

Нашимъ читателямъ.

Заканчивая годъ обычною бесѣдой съ читателями, считаемъ излишнимъ напоминать, что „Нива“ и въ истекшемъ году строго слѣдовала своей программѣ чисто-русскаго журнала для семейнаго чтенія, печатая произведенія извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей, какъ напримѣръ, стихотворенія Фета и Полонскаго, разсказы, повѣсти и романы А. Н. Майкова, графа Е. А. Саліаса, В. И. Немировича-Данченко, І. І. Ясинскаго, Кота-Мурлыки и др. Замѣтимъ только, что въ нынѣшнемъ году „Нива“ значительно увеличила особое приложеніе **„Сборникъ романовъ и повѣстей“**, объемъ котораго втрое превысилъ первоначальный (1888 года); точно также, вмѣсто одной художественной преміи, мы нашли возможнымъ дать двѣ картины профессора Шишкина. Но и этого расширенія оказалось недостаточно въ виду того громаднаго литературнаго и художественнаго матеріала, который запасенъ нами на будущій годъ. Поэтому, какъ извѣстно читателямъ, съ 1 января 1891 года они будутъ каждый мѣсяцъ получать книжки нашего „Сборника“, что составитъ при „Нивѣ“ особый **ежемѣсячный журналъ** самаго разнообразнаго содержанія, беллетристическаго, популярно-научнаго и проч. До сихъ поръ мы не могли умѣстить всей этой массы статей на страницахъ нашего журнала, благодаря тому, что ни одно изъ иллюстрированныхъ изданій не даетъ такого количества рисунковъ какъ „Нива“. Теперь этотъ пробѣлъ восполненъ, и читатели получатъ массу интереснаго чтенія по всѣмъ отраслямъ знанія. Въ трехъ книжкахъ „Сборника“, значительно увеличенныхъ, будетъ заключаться, какъ отдѣльное изданіе, **полное собраніе сочиненій ЛЕРМОНТОВА**, въ трехъ томахъ, съ портретомъ поэта, гравированнымъ на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Что касается художественныхъ премій, то съ будущаго года мы замѣняемъ олеографію цѣлымъ **альбомомъ акварелей**, появленіе котораго было встрѣчено общимъ хоромъ похвалъ, какъ со стороны художниковъ-авторовъ, находившихъ исполненіе ихъ картинъ верхомъ техническаго совершенства, такъ и со стороны органовъ столичной и провинціальной печати, изъ которыхъ мы своевременно привели отзывы важнѣйшихъ газетъ. Указанныя преобразованія потребовали громадныхъ затратъ труда и капитала, но мы не остановились передъ этими жертвами, надѣясь что онѣ будутъ оцѣнены.

Съ первыхъ №№. „Нивы“ начнется печатаніе большаго историческаго романа кн. М. Н. Волконскаго „Мальтійская цѣпь“, изъ временъ императора Павла, а въ „Сборникѣ“ съ первой книжки—кромѣ массы другихъ беллетристическихъ и популярно-научныхъ матеріаловъ, какъ-то: разсказа графа Е. А. Саліаса, очерковъ д-ра А. В. Елисѣева, П. Н. Полевого и проч. и проч.,—большой романъ Маслова „Изъяны воли“. Наконецъ, редакцію шахматнаго отдѣла, которому будетъ отведено значительное мѣсто въ „Нивѣ“ и въ „Сборникѣ“, принялъ на себя извѣстный шахматистъ Э. С. Шифферсъ.

Рождественская задача № 72.



Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Н. П. ЛАНИНЪ,

КОММИСІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ
№ 4796 **ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ.** 5—3

Склады: Москва, Москворѣцкій мостъ, соб. д. Телефонъ № 764. **С.-Петербургъ**, Чернышевъ пер., д. № 2—64. **Одесса**, уголъ Екатерининской и Еврейской улицъ, д. Писнась. **Нижегородская ярмарка**, уголъ Нижегородской и Макарьевской улицъ. Въ **Баку**, во время ярмарки.

Фирма существуетъ съ 1854 года.

Она удостоена: на всероссійскихъ выставкахъ 11 и на иностранныхъ 45 наградъ. Кромѣ того, **на всемірной выставкѣ въ Барцелонѣ 1888 года** представитель фирмы удостоенъ званіемъ **члена жюри** и кромѣ **золотой медали** награжденъ **командорскимъ крестомъ „Св. Изабеллы Католической“** и на выставкѣ винъ въ Бордо **двумя почетными дипломами** и **золотой медалью.**

Рекомендуется на зимній сезонъ отличнаго качества шампанское:

IMPERIAL:	Русское шампанское.
сладкое.	Cremant Rosé.
полусухое.	Cremant Sec.
очень сухое.	Cremant Demi Sec.
Кларетъ.	

Во избѣжаніе поддѣлокъ всѣ эти сорта выпущены въ продажу съ новой герметической укупоркой, при помощи проволочной сѣтки и металлической пластинки сверхъ пробки, съ выдавленнымъ на ней именемъ: „Н. П. Ланинъ“ и съ ПЛОМБОЙ „Н. П. Ланинъ, Москва“.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. **Способъ приготовленія.** При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., **бензоевое мыло** 35 к. и 50 к. кусокъ, **опо-помада** (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента

Главный складъ для всей Россіи у **В. Ауриха**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—4

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ.“

Нигдѣ еще не напечатанныя письма

ГОГОЛЯ

къ М. П. Погодину

начнутся печатаніемъ въ Январѣ 1891 года, при чемъ необходимыя библіографическія и біографическія примѣчанія будутъ поручены одному изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ знатоковъ нашей новѣйшей литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на 1 м. р. к.	на 3 м. р. к.	на 6 м. р. к.	на годъ р. к.
Безъ доставки	— 80	2 —	3 75	6 50
Съ дост. на домъ въ С.-Петербургѣ	— 90	2 60	4 75	8 —
Съ пересылкой во всѣ города Россіи	1 —	3 —	5 —	9 —

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ.

Гг. годовымъ подписчикамъ **1891** года, подписавшимся въ ноябрѣ и декабрѣ **текущаго** года, газета наша будетъ высылаться съ № 1-го до января **безплатно**. Лицамъ духовнаго званія, подписавшимся на годъ, дѣлается 10% уступки.

Редакція и контора въ С.-Петербургѣ: Невскій проспектъ, д. № 65. **Отдѣленіе въ Москвѣ: противъ храма Спасителя, д. князя Голицына.**
№ 4930 Издатель **А. Пороховщиковъ.**

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

Н. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА)
съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

Главное депо часовъ **Э. БУРХАРДТЪ**, СПБ., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

Часы никел. отъ 6 р. 50 до 15 р.
„ стальн. черн. отъ 11 до 25 р.
„ серебряные отъ 12 до 50 р.
„ золотые отъ 25 до 500 р.
„ регуляторы двухнедѣльнаго завода отъ 17 до 65 р.

Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно. № 4867 4—4

Г. ДАВИДЪ

Владимірскій пр., д. № 13, кв. 5.
покупаетъ по высокой цѣнѣ, роскошные и рѣдкіе предметы отъ XVI, XVII и XVIII столѣтій. № 4904 4—2

„ЛЮБИТЬ-ЖАЛѢТЬ“

2—2 РОМАНЪ Ц. № 4835

Е. О. ДУБРОВИНОЙ

будетъ печататься съ будущаго года въ ежедневной газетѣ

„НОВОСТИ ДНЯ“

Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

Годовая иногородная подписка 9 руб., полугодовая 5 руб. 50 коп. и для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ три срока по

3 руб. сер.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (51) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Гувернантокъ (Evangel. Gouvernanten Heim) рекомендуетъ учительницъ и гувернантокъ всѣхъ націй.

Комитетъ Евангелическаго Общества Гувернантокъ: СПБ., Торговая, д. 15, кв. 58. № 4916

CIGARETTES ESPIC contre

ASTHME & CATARRHE

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Dépôt général: STOLL & SCHMIDT, a Saint-Pétersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris
Exiger la Signature sur chaque Cigarette

---

60 к., 75 к., 1 р., 1 р. 25 к. до 5 р. съ полнымъ комфортомъ отдѣльныя комнаты во **вновь** перестроенной и **значительно** увеличенной Ц. № 4768 (5)

БОЛЬШОЙ ГОСТИННИЦѢ „РОССІЯ“ ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Лучшая кухня. Первоклассный ресторанъ. **Самыя умѣренныя цѣны на всѣ предметы.** Омнибусы; ванны. Телефонъ. **Подъемная** машина (lift) на всѣ этажи. Уступка при болѣе продолжительномъ пребываніи. Подробный тарифъ высылается по требованію.

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.

EAU DE BOTOT

(ВОДА БОТО) Pt. № 4314 14—14

Главный складъ: **17, Rue de la Paix, PARIS.**
Прежній адресъ: **229, Rue Saint-Honoré.**
Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также **Туалетный Уксусъ Бото** высш. качества въ отношеніи тонкости запаха.

Представитель для всей Россіи: **Н. Л. Натанъ**, Ипатьевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, на 1891 годъ, на ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ: № 4914 2—2

ГОДЪ X. **НАБЛЮДАТЕЛЬ** ГОДЪ X.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, *перваго числа*, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, *безъ предварительной цензуры*. Въ распоряженіи редакціи имѣются уже беллетристическія произведенія: гг. **І. І. Ясинскаго, В. И. Немировича-Данченко, Ф. Д. Нефедова, Н. В. Бажина, П. Лѣтнева, В. А. Крылова** и мн. др. Годовая цѣна: **12 р.** безъ доставки; **13 р.** съ дост.; **14 р.** съ перес. иногороднымъ; за границу **17 р.** За полгода **7 р.** съ перес. **Подписка принимается:** въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ журнала: Владимірская ул., № 6.

Редакторъ-издатель **А. ПЯТКОВСКІЙ**

НОВОСТЬ!

ПІАНО-МЕЛОДИКО

новѣйшій и лучшій механическій инструментъ **со струнами.**

Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (7)

Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1½ арш.)
Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

механическій инструментъ **съ голосами. Цѣна 70 руб. съ 10-ю пьесами.**

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.

Иллюс. [illegible] безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **ВѢСТНИКЪ**

САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА

1891 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакціею **В. Н. Кутузова**

(СПБ., Лѣсной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПБ., Невскій просп., № 6) и у казначея Общества Э. И. Зидеръ (СПБ., Импер. Ботаническій Садъ). **Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ контор[illegible]**

Развитіе газ. „Нов. Дня“ всегда шло рука объ руку съ возростающимъ успѣхомъ газеты. За послѣднее время въ этомъ смыслѣ сдѣлано весьма много. Въ общемъ, всесторонняя полнота содержанія и богатство беллетристическаго матеріала, помѣщаемаго въ „Новостяхъ Дня“, дѣлаютъ газету одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей. Въ настоящее время редакція, кромѣ того, озаботилась приглашеніемъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Петербургѣ и большинствѣ провинціальныхъ городовъ, съ цѣлью дать читателямъ своевременныя и полныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ законодательной хроники и общественной жизни. Съ этою же цѣлью редакція, въ дополненіе къ телеграммамъ „Сѣверн. телеграф. агентства“, организовала отдѣлъ собственныхъ телегр. сообщеній.

За истекшее время помѣщено множество портретовъ Высочайшихъ Особъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, писателей, композиторовъ и музыкантовъ, ученыхъ, артистовъ и проч. Между прочимъ, изъ беллетристическихъ произведеній помѣщены слѣдующія романы, повѣсти и разсказы:

Драма на охотѣ (*А. Чехонте*). **Никифоръ Геркулесовъ и Вѣрный способъ** (*П. Невѣжина*). **Безприданница и Дама самъ-третей** (*кн. С. В. Голицына*). **Въ лунную ночь** (*И. Н. Ге*). **Первый урокъ** (*Ив. Н. Лодыженскаго*). **На литературныхъ хлѣбахъ** (*Вл. Ив. Немировича-Данченко*). **Отецъ** (*К. В. Назарьевой*). **Въ заколдованномъ кругѣ** (*Е. О. Дубровиной*). **Ирина Калугина** (*А. И. Лемана*) и мн. другихъ. Изъ переводныхъ: **Сафо** *Альфонса Доде*. **Прелести жизни** *Эмиля Зола*. **Фальшивый монетчикъ** *А. Дюма*. **Изъ окна въ окно** *Захеръ Мазоха*. **Дѣло Греллу**, ром. *Поля Бурже* и мн. др.: въ 1891 году также будутъ помѣщены беллетристическія произведенія извѣстныхъ писателей: историческая повѣсть *Е. А. Саліаса*, повѣсть **Диллетанты** *Вл. Ив. Немировича-Данченко*, повѣсть **Страховая премія** *П. М. Невѣжина*, очеркъ **Въ храмѣ Мельпомены** *И. Н. Ге*, романъ **Любить-жалѣть** *Е. О. Дубровиной*, романъ **Тузъ червей** *К. В. Назарьевой*, повѣсть **Счастіе** *Н. О. Ракшанина*, повѣсть **Преступленіе** *Н. А. Хлопова*, повѣсть **Въ тѣни замоскворѣцкихъ садовъ** *А. М. Пазухина*, историческая повѣсть **Елена Глинская** *Д. С. Дмитріева* и др.

Открыта подписка на 1891 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

НОВОСТИ ДНЯ

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Годовая иногородная подписка въ три срока по

Ц. № 4776 5—5

3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. въ Моск.	8 —	5 —	1
„ перес. въ город.	9 —	5 50	1 —
„ „ за гран.	13 —	7 90	1 60

Для иногороднихъ годовыхъ допускается разсрочка по **3** руб. въ три срока: при подпискѣ, второй — къ 1 апрѣля и послѣдній къ 1 іюня.

Объявленія 25 к. за строку на первой стран. и 12 к. на послѣдн.; стороннія сообщенія въ концѣ текста газеты — 50 к. строк.

Къ свѣдѣнію публикующихъ: „НОВОСТИ ДНЯ“ печатаются въ большомъ количествѣ экземп., причемъ кругъ читателей постепенно расширяется. Публикація, которая вообще есть двигатель торговли, вполнѣ достигнетъ, такимъ образомъ, своей цѣли, такъ какъ останавливаетъ на себѣ вниманіе большого контингента читателей изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ

„НОВОСТИ ДНЯ“

Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ

(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ)

ПОСЛѢ ПРІОСТАНОВКИ

ВНОВЬ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

съ 1-го января 1891 года

по прежней программѣ и подъ прежней редакціей.

Въ Москвѣ на 1891 г.				На города на 1891 г.			
На 12 мѣс.	9 р.	— к.		На 12 мѣс.	10 р.	— к.	
„ 11 „	8 „	50 „		„ 11 „	9 „	30 „	
„ 10 „	8 „	— „		„ 10 „	8 „	50 „	
„ 9 „	7 „	40 „		„ 9 „	8 „	— „	
„ 8 „	6 „	70 „		„ 8 „	7 „	20 „	
„ 7 „	5 „	90 „		„ 7 „	6 „	50 „	
„ 6 „	5 „	— „		„ 6 „	6 „	— „	
„ 5 „	4 „	60 „		„ 5 „	5 „	— „	
„ 4 „	3 „	70 „		„ 4 „	4 „	— „	
„ 3 „	2 „	75 „		„ 3 „	3 „	— „	
„ 2 „	2 „	— „		„ 2 „	2 „	— „	
„ 1 „	1 „	10 „		„ 1 „	1 „	25 „	

За границу плата двойная.

Подписка съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

За перемѣну адреса 30 к., а городскаго на иногородный доплачивается разница въ цѣнѣ.

Подписка принимается при конторѣ изданія и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. новымъ годовымъ подписчикамъ, не читавшимъ помѣщеннаго въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ“ романа: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЕВА“ будетъ оный выданъ ВЪ ВИДѢ ПРЕМІИ.

Романъ этотъ разошелся въ Англіи въ 300,000 экземплярахъ и имѣлъ среди подписчиковъ и читателей „РУССКАГО КУРЬЕРА“ большой успѣхъ; онъ изданъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА ИЗДАНІЯ: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина.

Редакція открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 1 до 3 часовъ дня.

Контора изданія открыта въ будни — отъ 9 до 5 ч. веч., въ праздники — отъ 10 до 3 час. пополудн. № 4780 5—4

ТЕЛЕФОНЪ № 764.

Редакторъ-издатель Н. П. ЛАНИНЪ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ

въ С.-Петербургѣ № 4831

№ 22, Невскій проспектъ, № 22.

Адресъ для телеграммъ: **ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДЪ.**

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ.

Участіе на Всемірной Эдинбургской Выставкѣ 1890 г. ВЫСШАЯ НАГРАДА

„ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ“.

Открыта подписка на 1891 г. (годъ 2-й) на журналъ

„АРТИСТЪ“.

Въ вышедшихъ книжкахъ между прочимъ помѣщены: *статьи* гг. **Боборыкина, пр. Веселовскаго, Гольцева, Иванова (Ив. Ив.), Кругликова, Кюи, пр. Стороженко, пр. Тихонравова, Юрьева и др.**; *повѣсти и разсказы* гг. **Гнѣдича, кн. Голицына (Муравлина), Мамина (Сибиряка), Потапенка, Садовскаго, Салова, Щеглова и др.**; *музыкальныя произведенія* гг. **Аренскаго, Глазунова, Кюи, Римскаго-Корсакова, Чайковскаго и др.**; *„Донъ-Карлосъ“, „Федра“ и* **41** *пьеса современнаго репертуара* гг. **Атавы, Баранцевича, Боборыкина, Гнѣдича, Крылова, Ладыженскаго, Вл. Немировича-Данченко, Салова, кн. Сумбатова, Чехова, Шпажинскаго, Щеглова и др.**; *рисунки* гг. **бар. Клодта, Ленскаго, Пастернака, гр. Соллогуба, Степанова, Трутовскаго и др.**; (*фототипіи, типогравюры, хромолитографіи и пр.* **Гупиль** *въ Парижѣ*, **Альберта** *въ Мюнхенѣ и др.*). Подписн. цѣна (7 кн.) **9** р., съ пер. **10** р. Допускается разсрочка. Отдѣльные №№ — 2 р. Подписка принимается въ **редакціи** (Москва, Кудрино, д. Бартельса), въ конторѣ Печковской, книжн. маг. „Нов. Врем.“, Вольфъ и др.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ!

Магическая карман. лампа замѣняетъ огниво и спички, и даетъ, при нажимѣ, прекрасн. свѣтъ, ц. 1 р. 50 к. ◆ **Штопальный аппаратъ** чинитъ чулки, матеріи, полотно и проч. 1 р. ◆ Аппаратъ для шитья и починки перчатокъ 1 р. 50 к. ◆ Американскіе часы будильники отъ 4 р. — 15 р. ◆ Аппаратъ для дѣланія и выдѣлки петель 2 р. 50 к. ◆ Сапогообуватель и разуватель особенно удобенъ для полныхъ особъ 2 р. ◆ Столовая папиросница-автоматъ, при каждомъ нажимѣ появляется по одной папироскѣ. Украшеніе любаго кабинета, 2 р. 50 к., тоже никелевая 5 р. ◆ Испытатели: вина 1 р., молока 1 р. и яицъ 50 к. ◆ Аппаратъ для умыванія и фротировки съ губкою юности 1 р. 50 к. ◆ Предохранители отъ лопанія ламповыхъ стеколъ не менѣе 1 дюжины 2 р.

Только въ складѣ Новыхъ Изобрѣтеній. **Адресъ:** Невскій проспектъ д. 4. С.-Петербургъ. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 к. марку. № 4929

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА въ Вѣнѣ.

В. № 4731 24—6

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмери. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

Товарищество Промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій

ВЪ САРАТОВѢ.

Сезонъ 1891 года. Ц. № 4798 6—5

САРПИНКА

ручнаго ткачества, собственной выработки **самыхъ новѣйш. и изящн. рисунковъ.**

Продажа оптомъ и въ розницу, пересылка во всѣ города Россіи.

Образцы сарпинокъ высылаются съ 15-го ноября с. г. въ альбомѣ за 42 к.

Цѣны и условія по альбому (переписка на русскомъ языкѣ).

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Дозвол. ценз., СПБ., 20 декабря 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.